

ЛЕТОПИСЬ

Жизни
и
творчества

С.А.ЕСЕНИНА

5

ЛЕТОПИСЬ

ЖИЗНИ

И

ТВОРЧЕСТВА

С.А.ЕСЕНИНА

В пяти томах

Основатель проекта Ю.Л.Прокушев

Главный редактор Н.И.Шубникова-Гусева

Редакционная коллегия:

Е.Н.Астахова, О.Е.Воронова, С.П.Есенина,
А.Н.Захаров, Н.В.Корниенко, Ф.Ф.Кузнецов,
Т.К.Савченко, М.В.Скороходов, В.В.Сорокин,
С.И.Субботин, А.М.Ушаков, А.И.Чагин

Москва
ИМЛИ РАН
2013

ЛЕТОПИСЬ

ЖИЗНИ

И

творчества

С.А.ЕСЕНИНА

Том пятый

1925 – середина 1926

В двух книгах

Книга 1

Январь – 23 декабря 1925

Москва
ИМЛИ РАН
2013

*Издание осуществляется при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ)
Исследовательский проект № 06-04-00105а
Издательский проект № 13-04-1605б*

Научное издание

*Утверждено к печати Ученым советом
Института мировой литературы им. А.М.Горького*

Составление Н.И.Шубниковой-Гусевой
при участии С.И.Субботина и Н.Г.Юсова

Составление разделов
А.Н.Захарова, Т.К.Савченко,
М.В.Скороходова, Н.М.Солобай

Составление указателей Л.Г.Голубевой, С.А.Сергиной и С.И.Субботина

В работе принимали участие:
А.В.Амелина, Гедвига Кубишова (Словакия), Т.В.Кудрявцева,
Гордон Маквей (Англия), А.Г.Машкова, Мишель Никё (Франция),
С.С.Субботина, Ежи Шокальский (Польша)

Научная и общая редакция С.И.Субботина

Ответственный редактор Приложения М.В.Скороходов

Ответственный за выпуск М.В.Скороходов

Рецензенты: С.Н.Морозов и В.Н.Терехина

Первая книга Пятого тома Летописи включает материалы о жизни и творчестве С.А.Есенина с января по 23 декабря 1925 года, расположенные в хронологической последовательности.

Приложение к тому содержит документы, фотографии и факсимиле автографов из государственных архивов, музеев и частных собраний.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Пятый том «Летописи жизни и творчества С.А.Есенина» является завершающим томом этого труда. Он охватывает период с 1925 до середины 1926 года и включает справочные материалы ко всем пяти томам (семи книгам) издания. В томе отражены: последний год жизни Есенина, его смерть и похороны, посмертные публикации его произведений, а также некрологи, отклики, статьи, стихи, посвященные памяти поэта. Его временная граница избрана в соответствии с датой выхода в свет (16 июня 1926 года) последнего из трех томов Собрания стихотворений Есенина, которое он готовил сам и выпуска которого желал «до нервных вздрагиваний». Справочные материалы настоящего тома состоят из шести аннотированных указателей. Они помогут читателю сориентироваться как в большом и разнообразном содержании Летописи в целом, так и в поиске конкретных фактов жизни и творчества поэта. Наличие указателей существенно обогащает сведения, нашедшие непосредственное отражение в издании.

В состав Пятого тома Летописи входят две книги: Книга 1 (январь — 23 декабря 1925) и Книга 2 (24 декабря 1925 — середина 1926. Справочные материалы).

* * *

Первая книга тома посвящена последнему году жизни поэта — с 1 января по 23 декабря 1925 года. В ней подробно описано множество разнообразных событий творческой и личной жизни Есенина: его поездка на Кавказ, пребывание в Батуми, Баку, работа над поэмами «Анна Снегина» и «Черный человек» и лирическими стихами, в том числе над циклом «Персидские мотивы», подготовка к публикации книг, участие в литературных вечерах, а также критические работы о поэте. 30 марта 1925 года по делу «ордена русских фашистов» вместе с шестью товарищами на Лубянке в Москве расстрелян давний друг Есенина — А.А.Ганин. В 1925 году происходят изменения в личной жизни поэта: он расстается с Г.А.Бениславской и женится на С.А.Толстой.

Как уже отмечалось в предисловии к четвертому тому «Летописи жизни и творчества С.А.Есенина», изучение жизни и творчества поэта последних лет, и, в частности, последнего года его жизни, начинается в 1950-е годы. В печати появляются неизвестные стихотворные и прозаические произведения, письма и дарственные надписи Есенина. Среди первых авторов, начавших писать о поэте и публиковать его произведения, были К.Л.Зелинский, Ю.Л.Прокушев, С.П.Кошечкин, В.Г.Белоусов, П.Ф.Юшин, Е.И.Наумов, а также М.Пешич, С.Лаффит, М.Сибинович и др).

Особенно интенсивно последние годы жизни и творчества Есенина изучаются в течение последних сорока лет. В 1970–90-е годы опубликованы работы В.И.Балуашвили, Г.В.Бебутова, В.А.Вдовина, Г.Маквея, содержащие новые документальные материалы этого периода жизни и творчества поэта. Важные сведения содержатся в монографиях А.М.Марченко «Поэтический мир Есенина» (М., 1972; 2-е изд. 1989); Т.К.Савченко «Есенин и его окружение» (М., 1990); А.Н.Захарова «Поэтика Есенина» (М., 1995); О.Е.Вороновой «Духовный путь Есенина. Религиозно-философские и эстетические искания» (Рязань, 1997); Г.Маквея (G.McVay) «Esenin: a life» (Ann Arbor, 1976) и «Isadora & Esenin» (Ann Arbor, 1980); К.Пономарёва (С.Ponomareff) «Sergei Esenin» (Boston, 1978); Л.Виссон (L.Visson) «Sergei Esenin: Poet of the Crossroads» (Würzburg, 1980), а также в книгах и статьях Н.И.Шубниковой-Гусевой, С.И.Субботина, М.В.Скороходова, Н.Г.Юсова, Ю.Б.Юшкина, В.А.Дроздова и др. Немало новых архивных материалов опубликовано в книге Э.А.Хлысталова «13 уголовных дел Сергея Есенина» (М., 1994).

Работа над составлением тома велась с опорой на издания и публикации, где собраны и обобщены документальные материалы:

— Полное собрание сочинений С.А.Есенина (1995–2001). В 7 т. (9 кн.). / Гл. ред. Ю.Л.Прокушев;

— *В.Белоусов*. «Сергей Есенин: Литературная хроника». Ч. 2. М.: Сов. Россия, 1970;

— «Сергей Есенин в стихах и жизни: Письма. Документы». Сб. / Общ. ред. Н.И.Шубниковой-Гусевой; сост. С.П.Митрофановой-Есениной, С.И.Субботина, Т.П.Флор-Есениной; подгот. текстов и указатель имен С.И.Субботина. М.: Республика, 1995;

— «...Горько видеть жизни край»: Сергей Есенин и Софья Толстая / Публ., вступл. и примеч. Т.Г.Никифоровой // Наше наследие. 1995. № 34. С. 59–65. (100 лет со дня рождения С. А. Есенина);

— *Н.Г.Юсов*. «“С добротой и щедротами духа...” Дарственные надписи Сергея Есенина». Челябинск, 1996;

— *С.И.Субботин*. «Календарные записи С.А.Толстой 1925 года как источник сведений о жизни и творчестве Есенина» // Сергей Есенин и русская история. Сб. науч. трудов по материалам Междунар. науч. конференции, посвященной 117-й годовщине со дня рождения С.А.Есенина и Году русской истории / ИМЛИ РАН, ГМЗЕ, РГУ им. С.А.Есенина. М. — Константиново — Рязань, 2013. С. 146–163.

— *Н.И.Шубникова-Гусева*. «“Объединяет звуком русской песни...”»: Есенин и мировая литература». М.: ИМЛИ РАН, 2012.

Для отдельных групп летописных статей широко использовались материалы, содержащиеся в следующих публикациях:

— «С.А.Есенин: Материалы к биографии». Сб. / Отв. ред. Н.Б.Волкова, сост., подгот. текстов, коммент. Н.И. <Шубниковой->Гусевой, С.И.Субботина, С.В.Шумихина. М.: Историч. наследие, 1992 (фактически — 1993);

— «Русское зарубежье о Есенине: Воспоминания, эссе, очерки, рецензии, статьи» / Вступ. ст., сост. и коммент. Н.И.Шубниковой-Гусевой. М.: ИНКОН. В 2 т. 1993;

— С.И.Субботин. «Есенин в Баку: к хронологии событий апреля – мая 1925 г.» // Биография и творчество Сергея Есенина в энциклопедическом формате. Сб. науч. трудов по материалам Междунар. науч. конференции, посвященной 116-летию со дня рождения С.А.Есенина / ИМЛИ РАН, ГМЗЕ, РГУ им. С.А.Есенина. М. – Рязань – Константиново, 2012. С. 123–137;

— Н.И.Шубникова-Гусева. «Поэмы Есенина: От “Пророка” до “Черного человека”»: Творческая история, судьба, контекст и интерпретация». М.: ИМЛИ РАН, 2001;

— Н.И.Шубникова-Гусева. «Сергей Есенин и Галина Бениславская». СПб.: Росток, 2008;

— Н.Г.Юсов. «Известный и неизвестный Есенин». М.: Новый индекс, 2012.

Для уточнения отдельных датировок публикаций авторских книг Есенина и коллективных сборников с его участием использовался библиографический справочник: Н.Г.Юсов. «Прижизненные издания С.А.Есенина». М.: Златоцвет, 1994.

Были проанализированы освещающие этот период воспоминания и дневники современников поэта: А.А. и Е.А.Есениных, Г.А.Бениславской, А.Г.Назаровой, В.Ф.Наседкина, П.И.Чагина, В.И.Болдовкина, Л.И.Повицкого, В.А.Мануйлова, Н.К.Вержбицкого, В.И.Качалова, А.К.Воронского, С.С.Виноградской, И.В.Грузинова, В.И.Эрлиха, С.А.Толстой-Есениной, Т.С.Есениной, Н.Д.Вольпин, Д.А.Фурманова, И.В.Евдокимова, А.И.Тарасова-Родионова и др.

В процессе подготовки данного тома Летописи важное место заняли архивные поиски. Новые материалы обнаружены в Государственном архиве Российской Федерации (Москва), Отделе рукописных фондов Государственного литературного музея (Москва), Отделе рукописей Института мировой литературы им. А.М.Горького РАН (Москва), Рукописном отделе Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН (Санкт-Петербург), Российском государственном архиве литературы и искусства (Москва), Научно-исследовательском отделе рукописей Российской государственной библиотеки (Москва), Музее МХТ (Москва), Центральном архиве города Москвы.

Поиск новых документов и не известных ранее печатных материалов проводился не только в России, но и в других странах. В этом большую помощь оказали составителям зарубежные и отечественные коллеги Мишель Никё (Франция), Ежи Шокальский (Польша), Гедвига Кубишова и Милош Генкрех (Словакия), А.Г.Машкова (МГУ им. М.В.Ломоносова), а также А.В.Амелина, с чьей помощью были выявлены публикации переводов Есенина и работ о нем на чешском языке в библиотеках Праги. Наиболее полно представлены в томе сведения о чешских переводах произведений Есенина, опубликованных в 1925 году, и материалы по рецепции его поэзии в Чехии, переведенные на русский язык для настоящего издания А.В.Аmeliной. Учтены следующие версии стихотворений Есенина на чешском языке: «Русь советская» в переводе Й. Горы (журнал «Host», Брно, № 8); фрагмент «Исповеди хулигана» в переводе Я. Выплела (там же, № 9/10); «Ночь и поле, и крик петухов...» в переводе М. Марчановой («Cesta», Прага, № 51/52); «Я иду долиной. На затылке кепи...» в переводе Й.Горы (пражский журнал «Reflektor», № 18); «Сохнет стаявшая глина...» в переводе Б.Матеизуса («Národní osvobození», Прага,

№ 73, 15 марта), четвертая главка поэмы «Преображение» («Стихи, ветер...») в переводе Ф.Коварны (пражская газета «Právo lidu», № 36, 12 февраля; то же в приложении к журналу «Mladé proudy», № 6/7) и др.

Подборка материалов «Из литературы новой России», опубликованная на первой странице литературного приложения «Hodina» (№ 9) к газете «Národní osvobození» (№ 59, 1 марта), предваряется заметкой Б.Матезиуса (подпись: В. М.), где в основном идет речь о поэзии Есенина и Маяковского, и включает также стихотворение Есенина «Да! Теперь решено. Без возврата...» (Из цикла «Москва кабацкая») в его переводе и др. По библиографии Л.Г.Григорьевой удалось ввести в том сведения о статье К.Нового «Поэзия новой России» (подпись: К. N.), где заходит речь о Есенине (пражская газета «Národní osvobození», № 39, 9 февр.).

В Книге I Пятого тома Летописи представлены также материалы по рецепции поэзии Есенина во французской, немецкой и польской печати. Ряд наиболее заметных публикаций зарубежной прессы подобного рода оказался (в виде вырезок из них) в принадлежавших поэту тетрадях. Получила заметный резонанс одна из таких статей Жозефа Кесселя «La nouvelle littérature russe», вышедшая в газете «Comœdia» (Париж, 1925, 15–17 сент. Вырезка из № 4652 — Тетр. ГЛМ), где наряду с творчеством Б.Пастернака и В.Маяковского говорится и о поэзии Есенина. Однако название газеты, дата выпуска и ее номер в помете на этой вырезке были искажены. Уточнение выходных данных и перевод текста были выполнены Мишелем Никё. Одновременно эта статья была опубликована в журнале «La revue de Paris» (т. 5, 15 сент.).

«Сергей Есенин, — говорится в ней, — интереснее Маяковского. <...> Ничего нет более простого, волнующего, чистого, элегического, чем его удачные стихотворения. Даже от его порывов грубости, бунта веет нежностью, исходящей от полей, где он рос. Наверное, именно у него поэтический дар находится в самом чистом, самородном состоянии». Г.Адамович, скептически относящийся к поэзии Есенина, откликнулся на журнальную публикацию этой статьи и не без иронии отметил, что Кесселю «больше всего нравится Пастернак и Есенин. Маяковский нравится меньше. Кессель не знает “ничего более простого, более волнующего и чистого”, чем некоторые стихи Есенина! Мне искренно жаль его» (газета «Звено», Париж, 1925, 5 окт.).

С помощью Мишеля Никё выявлен также парижский журнал «Mercure de France» (т. CLXXVII, № 654, 15 сент.), поместивший в разделе «Двухнедельное обозрение» статью «Русская поэзия с 1890 г. до наших дней» («La poésie russe de 1890 à nos jours») поэта и переводчика Жана Шюзевиля, где заходит речь о Есенине. Сравнивая Есенина и Маяковского, автор пишет: «У Есенина больше настоящего лиризма. Мир, который он воспевае, также более специфически русский. У него ощущаешь дух некоторых мистических сект, в особенности хлыстов или божьих людей. Эта секта возвещает, как известно, новые воплощения Спасителя».

Из немецких изданий стоит выделить книгу «Europa-Almanach: Malerei, Literatur, Musik, Architektur, Plastik, Bühne, Film, Mode», вышедшую в издательстве «Густав Кипенхойер» (Потсдам) под редакцией К.Эйнштейна и П.Вестхайма, со стихотворением Есенина «Осень» <<«О красном вечере заду-

малась дорога...»> в переводе Вольфганга Грёгера и с автобиографией поэта 1922 г. в анонимном переводе. Время события удалось установить по издательской информации для прессы, воспроизведенной в репринтном издании альманаха («Europa Almanach 1925: Reprint», Leipzig und Weimar: Gustav Kierpenheuer Verlag, 1984, s. 290) с датой: «Februar 1925». По этому изданию, предоставленному Мишелем Никё, в Приложении воспроизведен иллюстративный материал.

Среди участников альманаха — деятели литературы, искусства и культуры ряда европейских стран: Н.Альтман, Й.Бехер, А.Блок, Б.Брехт, Б.Сандрар, М.Шагал. Ж.Кокто, Ле Корбюзье, К.Эйнштейн, А.Жид, Ф.Эллес, В.Кандинский, Ф.Леже, В.Маяковский, К.Малевич, А.Матисс, П.Пикассо, Э.Паунд, В.Татлин, Э.Толлер и др.

По оригинальной публикации описан перевод третьей главки поэмы Есенина «Преображение» на немецкий язык, выполненный Йозефом Кальмером и вышедший в журнале «Der Querschnitt» («Поперечное сечение», тетр. 5) с иллюстрацией (изображение серпа и молота на фоне зданий и дымящихся труб).

Представлен в томе отдельной летописной статьей итальянский журнал «Russia: Rivista de letteratura – arte – storia» (редактор Этторе Ло Гатто; Рим, 4-й г. изд., № 1, 30 апр.), где в рубрике «Современные поэты: I. Сергей Есенин» публикуется его стихотворение «Русь советская» в переводе и со вступительной заметкой редактора журнала. Отмечены также материалы изданий на английском, японском и др. языках.

В соответствии с планами научного сотрудничества Российской академии наук и Польской академии наук на 2005–2013 годы (Институт славистики ПАН, Варшава) Н.И.Шубникова-Гусева провела научную и архивную работу в Национальной и Публичной библиотеках города Варшавы по сбору материалов о переводах произведений Есенина на польский язык и о рецепции его творчества в Польше и получила консультации известных польских славистов В.Пиотровского, Г.Бобилевич и Е.Шокальского. Переводы произведений Есенина, сделанные Владиславом Броневским и опубликованные в 1925 году в польском журнале «Skamander», учтены в Летописи. Обнаружена также и отражена не упоминавшаяся ранее в работах исследователей и библиографиях о Есенине статья поэта и переводчика Л.Подгорского-Околува «О рифме» («O Rymowaniu»), где стихосложение Есенина рассматривается в контексте истории версификации; автором представлена таблица с процентным соотношением рифм разного характера у М.Павликовской и Л.Подгорского-Околува, Брюсова, Есенина («Пугачев») и Кусикова. Обложка журнала «Skamander» (1925, № XXXVII), где опубликованы перечисленные выше материалы, воспроизведена в Приложении.

Впервые, благодаря помощи нашего коллеги, поэта и журналиста П.И.Радечко, в Летописи представлена пресса Белоруссии, где поэзия Есенина пользовалась большой популярностью. Первый перевод произведения Есенина на белорусский язык еще при его жизни был выполнен (и опубликован) Владимиром Дубовкой. Вслед за ним переводы есенинских стихов сделали Алесь Дударь, Анатолий Астрейко, Михась Калачинский, Алесь Бачило и

др. В настоящем томе отражены публикации переводов произведений поэта на белорусский язык и рецензий на его книги, вышедшие в этот период.

Одной из таких рецензий, отмеченной в библиографическом указателе «Беларуская ясенініяна», выпущенном Государственной библиотекой БССР в 1985 году, является отклик на книги Есенина «Страна советская» и «Персидские мотивы» в № 7 журнала «Чырвоны сыяг» (органа Центрального бюро пролетарского студенчества и Центрального руководства землячеств города Москвы), вышедшем в ноябре 1925 года.

Помеченная криптонимом «З. Б.», рецензия приписывалась известному белорусскому писателю Змитроку Бядуле. В результате архивных поисков, изучения словаря псевдонимов белорусских писателей и текста рецензии П.И. Радечко удалось установить, что ее автором является на самом деле Дмитрий Снежко. Этот автор подписывался разнообразными псевдонимами, среди которых был и такой: «Дмитрий (Зьмитрок) Белый». П.Радечко заметил, что в данном материале как бы продолжается разговор с читателем о Есенине, уже начатый ранее. Этот отклик начинается так: «“Страна советская” — это другой Есенин, Есенин, “певец и гражданин”, Есенин, вернувшийся после долговременного путешествия. Есенин “Страны советской” — это уже не Есенин узко-личностных, мрачных мотивов, трактирно-хулиганских настроений, который говорил, что

Провоняю я перцем и луком
Хулиганом пройду по Руси.

Это не Есенин молитвенных настроений “Березового ситца”...». В итоге П.И.Радечко расшифровал псевдоним автора и сделал новое открытие, установив, что рецензии Д.Снежко на сборники Есенина в № 7 «Чырвоного сыяга» предшествовала еще одна его рецензия на книгу «Березовый ситец», опубликованная в том же журнале раньше (№ 5/6) за подписью «Зьм. С.». Это лишь один из примеров той внимательной и настойчивой работы, которая проводилась систематически.

В настоящем томе широко использованы материалы трех больших собраний. Это фонды Государственного музея-заповедника С.А.Есенина в Константинове, собрание А.Г.Назаровой, завещанное ей Г.А.Бениславской (ныне — в ГЛМ), и архив С.А.Толстой-Есениной (Государственный музей Л.Н.Толстого), в которых находятся уникальные материалы, касающиеся жизни и творчества Есенина: его неизвестные автографы, записки, инскрипты и владельческие записи, переписка близких и родных поэта. В результате установлены не известные ранее события жизни и творчества Есенина, даты написания целого ряда его стихотворений и писем. Учтены также материалы собрания А.Г.Назаровой, датированные 1925 годом: телеграмма Есенина от 23 января; письма И.В.Грузинова и Е.А.Есениной — Есенину (от 13 и от 21 января, соответственно); Н.Вержицкого Бениславской от 3 февраля, а также Есенину и Бениславской от 26 февраля и др. В письмах Бениславской Есенину восстановлены купюры.

Значительный новый материал удалось извлечь из записей на листках «Малого Передвижного Календаря на 1925 г.» (ГМТ), принадлежавшего Со-

фье Андреевне Сухотиной-Толстой, в сентябре 1925 года ставшей женой Есенина. Эти записи велись его владелицей достаточно регулярно. Она отмечала произошедшие в тот день события, сведения о своих предполагавшихся и состоявшихся встречах, посещениях публичных мероприятий и т. п.

Публикации записей Толстой, сделанных в этом календаре, осуществлялись, начиная с 1995 г., Т.Г.Никифоровой и С.И.Субботиным, однако в процессе работы над Пятым томом есенинской «Летописи...» возникла настоятельная необходимость дать панораму событий последнего года жизни поэта с максимально возможной полнотой. При этом содержащаяся в записях Толстой прямая информация о соответствующих событиях принималась во внимание целиком. В то же время выяснилось, что некоторые из них, на первый взгляд связанные с именем Есенина лишь косвенно, являются ключевыми для выявления деталей целого ряда эпизодов жизни поэта, до сих пор остававшихся либо проясненными не до конца, либо не проясненными вовсе.

С привлечением доступной к настоящему моменту информации удалось установить и датировать многие не известные ранее события, а для известных — провести уточнение датировок, поскольку свидетельства самого Есенина и его современников о передвижении поэта по Кавказу, а также о его выступлениях на литературных вечерах были зачастую противоречивы и неконкретны.

Непростым оказалось установление ряда фактов, связанных с поездками Есенина, в частности с его пребыванием весной 1925 года в Баку. Совокупный анализ этих фактов был проведен для настоящего тома Летописи С.И.Субботиным. При этом были, в частности, выяснены обстоятельства написания, датировки и публикации стихотворений Есенина «Голубая да веселая страна...», «Песня» и др., созданных весной 1925 года в Баку.

Обнаружить сведения о неизвестных событиях или прояснить и датировать эпизоды, уже известные ранее, удалось путем обследования доступных в отечественных хранилищах (на период подготовки Летописи) газет, журналов и неперIODических изданий, выходивших в 1925 г. (всего около 300 наименований). Были просмотрены газеты, выходившие не только на территории России, но и за рубежом, эмигрантские и иностранные. Большое количество газетных материалов с упоминанием имени Есенина, впервые вводимых в научный оборот, цитируются наиболее полно.

Немало новой информации обнаружено в газетах: «Вечернее время» (Париж), «Вятская правда», «Заря Востока» (Тифлис), «Заря Запада» (Витебск), «За свободу!» (Варшава), «Звено» (Париж), «Новая шанхайская жизнь», «Новое время» (Белград), «Новое русское слово» (Нью-Йорк), «Новый мир» (Буэнос-Айрес), «Новый мир» (Нью-Йорк), «Парижский вестник», «Полесская правда» (Гомель), «Последние новости» (Париж), «Родная земля» (Париж), «Руль» (Берлин), «Рупор» (Харбин), «Русский голос» (Нью-Йорк), «Сегодня» (Рига), «Рассвет» (Нью-Йорк), «Трудовая Пенза», «Трудовой Батум», «Comœdia» (Париж), «Národní osvobození» и литературное приложение к ней «Hodina» (Прага), «Právo lidu» (Прага) и др.

Составители внимательно просматривали не только литературные журналы или журналы с соответствующими рубриками, но и ведомственную и пар-

тийную периодику. В результате неизвестную информацию о жизни и творчестве Есенина удалось разыскать в следующих журналах: «Бурав» (Николаев), «Ватага» (Тула), «Железнодорожник», «Комсомолия», «Красный библиотекарь», «Народный учитель», «Рабочий читатель», «Современная музыка» (все — Москва), «Наш Огонек» (Рига), «Наш труд» (Ярославль), «Маховик» (Златоуст), «Современные записки» (Париж), «Товарищ Терентий» (Свердловск), «Mercure de France» (Париж), «Skamander» (Варшава) и др.

Новизна материала Летописи обусловлена не только включением в текст новых архивных документов, но и обращением к эпистолярным источникам. Благодаря анализу писем Есенина, писем к нему, а также писем его современников друг другу, оказалось возможным выявить новые, не известные ранее факты жизни и творчества поэта.

Предпринятый комплексный анализ перечисленных источников позволил не только датировать ряд событий (или уточнить их датировки), но и аргументированно реконструировать некоторые из них по совокупности разного рода сведений. Вместе с тем отдельные летописные статьи нуждаются в дополнительных подтверждениях или архивных изысканиях. Составители надеются, что впоследствии удастся обнаружить новые материалы, проливающие свет на такие события.

Определенную трудность при составлении Летописи представляли события, к настоящему моменту не определяемые точной датой. В таких случаях рамки события обозначаются знаком вопроса. Летописная статья с приблизительной или неоднозначной датировкой обязательно сопровождается развернутым комментарием, в котором приводятся соответствующие аргументы.

Несмотря на недоступность отдельных источников для этого периода Летописи (воскресные номера газеты «Новое русское слово», многие из которых отсутствуют в московских библиотеках и архивах, а также газеты на иностранных языках и др.), проведенная составителями собирательская и аналитическая работа позволила на новом фактическом материале дать достаточно полную и объективную картину жизни и творчества Есенина 1925 года.

* * *

Начало 1925 года — период острых дискуссий по вопросам литературной политики партии, которые идут на Первом Всесоюзном совещании пролетарских писателей (6-9 января) и после него. Материалы дискуссий подробно освещаются в печати. Поэт знакомится с этими материалами. О некоторых из них ему пишет Г.А.Бениславская.

На совещании присутствуют 170 делегатов, представляющих пятьдесят литературных организаций Украины, Белоруссии, Армении, Грузии, Киргизии, Якутии, а также эмигрантские объединения пролетарских писателей (латыши, поляки, литовцы).

В ряде докладов, сделанных на совещании (А.К.Воронского, В.Лебедева-Полянского, С.Родова и др. немало внимания уделяется анализу творчества Есенина. Критик-«напостовец» С.Родов, подводя итоги дискуссии вокруг публикации поэмы Есенина «Песнь о великом походе» в журнале «Октябрь», в докладе-отчете Правления ВАПП, единогласно одобренном Первым Всесо-

юзным совещанием пролетарских писателей, положительно оценивает факт ее публикации в пролетарском журнале.

В Летописи впервые (полнее, чем в Полном собрании сочинений С.А.Есенина) по архивному источнику публикуются выдержки из доклада А.К.Воронского, которые показывают, что даже такой «умный и тонкий» критик резко негативно оценил стихотворение Есенина «Стансы», как «издевательство над читателем и писателем» (цит. по стенограмме выступления: АРАН. ф. Института литературы и искусства Коммунистической Академии).

Поэт внимательно знакомится с выступлениями в печати ведущих критиков, с резолюцией ЦК РКП(б) «О политике партии в области художественной литературы», принятой 18 июня 1925 года и опубликованной в «Правде» 1 июля, и выступает в печати со своими соображениями.

Последний год жизни Есенина — самый насыщенный и плодотворный в жизни и творчестве поэта: поэт ездит в Батуми, Тифлис, Баку; за один месяц в Батуми пишет поэму «Анна Снегина», многие стихи из цикла «Персидские мотивы» и др. В Летописи прослеживаются этапы его работы над «Анной Снегиной»: работа над черновиком будущего произведения; процесс формирования сюжета поэмы, история публикаций. В течение первых четырех месяцев 1925 года выходит в свет три книги Есенина: «Страна советская», «Песнь о великом походе» и «О России и революции». Поэт занят подготовкой книг «Персидские мотивы» (вышла в мае), «Березовый ситец» (начало июня) и «Избранные стихи» (июнь). Много внимания уделяет подготовке своего Собрания стихотворений в трех томах.

И.В.Евдокимов вспомнит в 1926 году: «...30 июня был подписан договор: поэт обещивал свою жизнь на много месяцев вперед. С июля началась выдача денег по тысяче рублей ежемесячно. Факт заключения договора с Есениным по высшей ставке — рубль за строку — никому из других поэтов не назначаемой, свидетельствовал о той высокой оценке есенинского творчества, какая была в Государственном издательстве. Кроме того, Госиздат договорился с поэтом о печатании всех его вновь написанных стихотворений отдельными книжками после предварительного их распубликования Есениным в периодической печати. Как общее правило, стихи на рынке идут плохо — эпоха наша полуравнодушна к стихам, — и даже стихи Есенина, например “Березовый ситец”, шли медленно, тем не менее Госиздат почел своей обязанностью издать его “Собрание стихотворений”».

В течение второй половины 1925 года Есенин неоднократно обращается к плану издания, составу и композиции томов. При этом работа не ограничивалась определением принципов композиции и общих контуров томов, одновременно готовится и рукопись предполагавшегося издания.

Отличие настоящего тома Летописи от предыдущих состоит в обилии критических откликов на произведения Есенина, информационных заметок о творчестве поэта, ставшего широко известным и чрезвычайно популярным среди читателей. Существенный материал дают дневники писателей, а также переписка третьих лиц о поэте.

В Летописи отображен весь спектр полярных оценок творчества Есенина этого периода — от самых высоких, где отмечается новаторство его поэзии и

«стройная гармония, которая всегда наблюдалась в классических образцах» (рец. В.Липковского «О Сергее Есенине» на сб. «Страна Советская» в газ. «Заря Востока», 20 февр. 1925), до самых оскорбительных и унижающих не только талант, но и личность поэта. «Даровитый поэт-дикарь», поющий гимны хулиганству, «больной, по его собственному признанию, тяжким нервным недугом», — так характеризуется Есенин в статье Евг. Козловского, опубликованной 14 марта в нью-йоркской газете «Рассвет».

Высокие оценки творчеству Есенина даются в зарубежной периодике. Произведения поэта при его жизни переведены на 17 языков. Известный чешский переводчик Богумил Матезиус пишет: «Стихи Сергея Есенина, “последнего поэта русской деревни”, в прошлом пастуха из Рязанской губернии, прославляют революцию в стиле старинных духовных песен. Но по-настоящему становятся они песнями лишь тогда, когда ему удастся музыкальным стихом, полным красок и образов (немного заносчиво и чуть-чуть печально, с искренним и глубоким взглядом на свою деревню), заставить заговорить маленькие вещи этого мира» (литературное приложение «Hodina» к газете «Národní osvobození», № 59, 1 марта, вместе с выполненным им переводом стихотворения Есенина «Да! Теперь решено. Без возврата...»).

Как бы ни отличались оценки творчества Есенина отечественными и зарубежными критиками, они признают его мощный талант. Нередко, анализируя творческую мастерскую Есенина и его отношение к слову, они обращают внимание на путь от «имажинизма» — к классике, особенно к Пушкину. Всё чаще отмечается, что многие современные поэты, как в Советской России, так и в эмиграции, находясь под сильным влиянием личности и творчества Есенина.

Творчество Есенина широко представлено на выставке революционной литературы, открытой 25 января 1925 года в помещении Российской Академии Художественных Наук (Москва) и приуроченной к 20-летию Первой русской революции, где экспонировались книги 250 писателей, в том числе Есенина в двух разделах — «Крестьянские писатели» и «Пушкин и современность».

Произведения Есенина входят в антологии, хрестоматии, сборники типа «Чтец-декламатор». В начале 1925 года ленинградское издательство «Прибой» выпускает вторым, исправленным и дополненным изданием «Книгу для чтения по истории новейшей русской литературы: Рабоче-крестьянское творчество за 30 лет. Поэзия. Критика. Беллетристика. Документы. Материалы литературных групп» (составитель В.Л.Львов-Рогачевский) с произведениями Есенина и материалами о нем.

В выпущенной Госиздатом РСФСР в конце мая 1925 года книге «Писатели-современники: Пособие для лабораторных занятий в школе и для самообразования» (ред. В.Голубков; М.; Л., 1925) имеется отдельный раздел «Сергей Есенин». Открываясь произведениями поэта: автобиографией 1922 г., отрывком из поэмы «Пантократор» (ст. 49–68), «Гой ты, Русь моя родная...», «О край дождей и непогоды...», «За темной пряжью перелесиц...», отрывком из «Сорокоуста» (ст. 39–60), «Всё живое особой метой...», «Я последний поэт деревни...», — он содержит библиографию вышедших книг Есенина и литературы о нем, а также «Темы для школьной проработки». Среди последних — такие, как: «Русь смиренная и Русь бунтарская в творчестве С.Есенина», «От-

ношение крестьянского поэта <Есенина> к городской культуре», «“Пушкинское” в творчестве С.Есенина» и др., вплоть до поэтического словаря.

Творчество Есенина становится предметом научного изучения и объектом истории литературы. Вслед за книгами В.Львова-Рогачевского выходит книга В.Евгеньева-Максимова «Очерк истории новейшей русской литературы: этюды и характеристики» (Госиздат, 1925), где рассмотрены современные новокрестьянские поэты и «творчество талантливейшего из них», Есенина.

В настоящем томе Летописи удалось (нередко по дням, а порой и по часам) показать последний год жизни Есенина в гуще истории, общественных и культурных событий, на фоне быта, деяний и судеб его современников, в контексте русской и мировой культуры. Этот год, исключительно плодотворный в творчестве поэта, оказывается наиболее сложным в его жизни. Дают себя знать травля (отголоски «дела четырех поэтов»), новое заведенное на Есенина «дело» (по поводу инцидента с дипкурьером А.Рога в поезде Баку–Москва), постоянное творческое напряжение поэта, его болезни и личная неустроенность. 26 ноября Есенин ложится в клинику Первого Московского государственного университета, но 21 декабря покидает ее, расстается с С.А.Толстой и в ночь с 23 на 24 декабря уезжает в Ленинград с намерением начать новую жизнь.

Жить ему остается всего четыре дня.

Книга I Пятого тома Летописи содержит Приложение, в котором демонстрируются документальные материалы, иллюстрирующие конкретные летописные статьи: автографы ряда стихотворений, поэм, писем, дарственных надписей, журнальные публикации Есенина, обложки его книг, ряд документов, касающихся биографии поэта.

Кроме того, Приложение знакомит с портретами поэта, его родных, близких, друзей, писателей, издателей, с которыми встречался Есенин, фотографиями памятных мест, где жил и которые посещал поэт. Все материалы Приложения даются согласно хронологии и в соответствии с порядком летописных статей.

В Приложении использованы архивные документы и фотоматериалы, предоставленные ГМЗЕ, отделом рукописей ИМЛИ, РГАЛИ, ГЛМ, а также С.П.Есениной, Л.С.Назаровой, Н.Г.Юсовым из их личных собраний и архивов.

* * *

В работе над Пятым томом (1 кн.) Летописи активное участие принимали все члены Есенинской группы ИМЛИ.

Составление тома выполнено Н.И.Шубниковой-Гусевой при участии С.И.Субботина и Н.Г.Юсова. Над отдельными разделами тома работали:

А.Н.Захаров и Т.К.Савченко — материалы о подготовке поэтом своего Собрания стихотворений;

М.В.Скороходов — мемуарная литература, в т. ч. неизвестные воспоминания Е.З.Балабановича и материалы к теме «Есенин и В.И.Качалов»;

Н.М.Солобай — эмигрантская и отечественная периодика.

Приложение подготовлено М.В.Скореходовым (отв. редактор) и Н.И.Шубниковой-Гусевой с участием С.И.Субботина и Н.М.Солобай; указатель имён — С.А.Серegiной и С.И.Субботиным, указатель произведений и книг поэта — Л.Г.Голубевой и С.И.Субботиным.

Большую помощь составителям оказали:

— А.В.Амелина — в поиске и копировании сведений о Есенине из чешских изданий и в переводе работ о нем с чешского языка;

— Мишель Никё (Франция), который отыскал и перевел с французского языка труднодоступные в России материалы о Есенине;

— Ежи Шокальский (Польша) — в переводах материалов, связанных с именем поэта и вышедших в польской печати;

— Л.Г.Григорьева, предоставившая рукопись своей книги «Статьи о Есенине и переводы его произведений на иностранные языки» и оказавшая помощь в переводе немецкоязычных работ с упоминанием Есенина;

— Л.С.Назарова, разрешившая ввести в научный оборот неизвестные материалы о Есенине и его близких из ее личного архива;

— а также Л.Г.Голубева, Гедвига Кубишова (Словакия), Т.В.Кудрявцева, Гордон Маквей (Англия), А.Г.Машкова, С.А.Серегина, С.С.Субботина.

Составители, весьма признательные всем, кто способствовал подготовке Пятого тома Летописи, прежде всего благодарят коллег – сотрудников Отдела новейшей русской литературы и литературы русского зарубежья ИМЛИ во главе с членом-корреспондентом РАН Н.В.Корниенко. Составители также чтут память хранительниц есенинских материалов Н.В.Есениной, С.П.Есениной и Г.С.Назаровой и благодарны сотрудникам: ГМЗЕ — Б.И.Иогансону, О.Л.Аникиной, К.П.Воронцову, В.И.Панкратовой, У.А.Титовой; отдела рукописей ИМЛИ — Д.С.Московской, А.А.Кутейниковой; рукописного отдела ИРЛИ — Т.С.Царьковой, Т.А.Кукушкиной, Т.В.Мисникевич, М.М.Павловой; отдела рукописных фондов ГЛИМ — Е.М.Варенцовой, Е.И.Погорельской; ГМТ — Н.А.Калининой, Т.Г.Никифоровой; музея МХТ — М.Н.Бубновой, М.Ф.Полкановой, М.И.Смоктунской, работникам других государственных и муниципальных архивов (в т. ч. РГАЛИ, ГАРФ, ЦАГМ), а также Н.А.Богомолу, О.А.Коростелеву, А.Е.Парнису, О.К.Переверзеву, Л.М.Турчинскому, А.А.Федюхину (все — Москва), Дагмар Кассек (Берлин – Москва), О.Е.Вороновой (Рязань), Л.Ф.Карохину (Санкт-Петербург) и др., оказавшим разнообразную помощь в работе.

ЛЕТОШИСЬ

1925

Январь, 1. Газета «Бакинский рабочий» (№ 1) публикует стихотворения Есенина «Шаганэ ты моя, Шаганэ!..» и «Ты сказала, что Саади...» под общим заголовком «Персидские мотивы».

О времени создания произведений и об их автографах см.: до 19 дек. 1924; 19 дек. 1924, первая запись.
О перепечатках см.: до 15 марта 1925, первая запись; после 26 мая 1925.
См. также: Есенин, I, 638–646, 648–649.

Московская газета «Известия ЦИК СССР и ВЦИК» (№ 1) информирует о получении для отзыва книги Есенина «Стихи (1920–24)».

См.: после 10 окт. ... нояб. (?) 1924; 21 янв. 1925, вторая запись; февр. 1925, первая запись; февр. (?) 1925, первая запись; 4 ... 25 марта 1925; 5 марта 1925, пятая запись; 11 марта 1925, первая запись; до 15 марта 1925, первая запись; 19 марта 1925, четвертая запись; 25 марта 1925, первая запись; 26 апр. ... 5 мая 1925; не позднее июня 1925.

Московская газета «Правда» (№ 1) помещает обзор Н.Осинского «Литературный год» <1924>, где поэма Есенина «Песнь о великом походе», напечатанная в «Октябре», характеризуется как «вполне “советская”».

Доказывая, что кризис в литературе продолжается, Осинский пишет:

«...Пильняк всё еще “балуется” с литературными “приемами”, всё еще находит вкус в божественных похождениях с А.Дункан и С.Есениным... <...>

...Я уж не говорю о том грехопадении, которое совершил уважаемый тов. Лелевич, напечатав в “Октябре” поэму Есенина (правда, вполне “советскую”, но не только напечатав, а одновременно поместив “приветствие” Есенину и пожелание пойти по нашему пути. Оказывается, такая “смычка” запрещается только т. Воронскому. Ну, а если можно привлечь хорошего попутчика в свой журнал, то “по нужде законам и перемена бывает”».

С материалом Н.Осинского Есенин, скорее всего, был знаком: в письме от 20 янв. 1925 г. Г.А.Бениславская спрашивала его, видел ли он этот обзор, и обещала прислать (см.: Письма, 269).

См. также: 14 сент. 1924, первая запись; до 16 дек. 1924, вторая запись; 6 янв. 1925, первая запись; 10 янв. 1925, первая запись.

Газета «Ленинградская правда» (№ 1) публикует обзор И.Оксёнова «Русская художественная литература в 1924 г.», в котором поэма Есенина «Гуляй-поле» трактуется как «реалистически-четко преломляющая образ великого Ленина».

Об исходной публикации см.: конец апр. — до 15 мая 1924, первая запись.
См. также: 25 янв. 1925, первая запись.

Софийская газета «Русь» (№ 528; рубрика «В Советской России») печатает материал «собственного корреспондента» из Риги «Московское обозрение», где идет речь о Есенине:

«Московский театр Сатиры с начала нынешнего сезона ставит обозрение “Москва с точки зрения...”, при этом понимается точка зрения литературная, художественная, драматическая, бытовая, коммунистическая, нэпмановская, финансовая и т. д.

Перед публикой, как в калейдоскопе, проходят текущие события, наиболее интересные московского обывателя.

В обозрении выступают карикатуры на поэтов, писателей Есенина, Эренбурга, Белого, Пильняка, Маяковского, Мандельштама, Ахматову и Алексея Толстого...».

Подробнее см.: Солобай Н.М. О спектакле-обозрении «Москва с точки зрения» (Московский театр Сатиры, 1924) // Сергей Есенин: Диалог с XXI веком: Сб. науч. трудов по материалам Междунар. науч. симпозиума, посвященного 115-й годовщине со дня рождения С.А.Есенина. М.: Константинов; Рязань: [б. и.], 2011. С. 163–171.

См. также: 1 окт. 1924; 2 и 3 янв. 1925; 23 янв. 1925, вторая запись; 1 февр. 1925, третья запись; 11, 13, 15 февр. 1925.

Январь, 1 (?). Есенин катается на санях вместе с Ш.Н.Тальян в окрестностях города.

Это позволяет сделать редкое для этого региона явление — выпавший снег.

Позже Ш.Н.Тальян вспомнит:

«В конце декабря пошел сильный снег — явление очень редкое в Батуми. На второй день Есенин приехал к нам на санях, оживленный, веселый, и мы отправились кататься по Махинджаурской дороге. Мы впервые ехали на санях и, наверное, Есенин хотел показать нам, мне и сестре, всю прелесть этой езды. На полдороге он, извинившись, попросил разрешения сесть на козлы: гнал коня, смеялся, веселясь, как ребенок. Потом говорил, что ему нравятся лошади, запах навоза».

Сергей Есенин в Грузии, 97.

«Циклон вызвал невиданный в тех местах холод, ударил пятнадцатиградусный мороз. В течение нескольких дней на побережье Черного моря погибли все цитрусовые насаждения и громадные эвкалипты. Ветер ураганной силы вздыбил море, и в нем гибли океанские суда. Трехметровые волны с пенными гребнями, ревя, докатывались до стен дома, в котором жил Есенин. Улицы города были завалены снегом, и по ним бегали волки. Прекратилось железнодорожное сообщение, обрушились телеграфные провода. В довершение всего началось землетрясение...».

Вержбицкий, 111.

Тогдашние погодные сводки см., напр.: газ. «Заря Востока» (Тифлис, 1924, 24 дек., № 761; 27 дек., № 764; 31 дек., № 767). Под впечатлением происходящего Есенин написал тогда стихотворение «Метель» (см.: 24–30 дек. 1924).

Январь, 1–26. Квартируя у Л.Повицкого, Есенин работает над поэмой «Анна Снегина».

Границы этого и следующих событий устанавливаются на основе воспоминаний Л.И.Повицкого (см. ниже) с учетом слов Есенина из письма Н.К.Вержбицкому, что он заканчивает писать «очень большую поэму» (см.: 26 янв. 1925, первая запись).

Первоначально поэма была озаглавлена «Радовцы. Повесть», но позднее это название было вычеркнуто. В письмах из Батуми Есенин не указывает названия этой своей «большой поэмы».

Анализ палеографических особенностей, в том числе пагинации страниц, и объема правки трех одновременно выполненных частей чернового автографа, записанных в блокноте и на отдельных листах разного формата, позволяет предположить, что IV и V части являются наиболее ранними по времени исполнения.

Композиция поэмы в процессе работы существенно менялась.

Скорее всего, на одном из ранних этапов работы Есенин начал поэму с описания революционных событий в Петрограде (начало V части).

С.А.Толстая-Есенина выделила автограф, выполненный на 17-ти отдельных листах и начинающийся словами «Всё лето провел я в охоте», как самостоятельный и пометила как «первый черновик» (ГЛМ). Описывая этот автограф, она отмечала, что V часть имела два варианта начала: один с подробным описанием полемике интеллигенции о народе (на 25-м листе) остался от первоначального чернового автографа, а другой (на 24-м) — более поздний. Последний вариант строк, не вошедших в окончательный текст, записан на полях 25-й страницы:

«Двенадцать» вовсю гремело,
И разве забудет страна,
Как ненавистью вскипела
Российская наша «шпана».

Подробнее см.: Н.И.Шубникова-Гусева — Есенин, III, 644.

Некоторые ранние наброски поэмы, возможно, утрачены или до сих пор не выявлены.

Наличие существенных лексических, графических и пунктуационных различий между черновым автографом и машинописью, с которой текст поэмы печатался в газете «Бакинский рабочий», говорит о том, что один из рукописных источников «Анны Снегиной» ныне неизвестен.

Отметим, что строки начала V части о поэме Блока «Двенадцать», не вошедшие в текст поэмы, в черновике не зачеркнуты. Но позже автор отказался от зачина, где речь шла об интеллигенции, решив сосредоточить основное действие на революционных событиях в деревне.

Шубникова-Гусева, 377–383.

См. Приложение.

См. также: до 14 дек. 1924, вторая запись; 14 дек. 1924, первая запись; до 20 янв. 1925, первая запись; 26 янв. 1925, первая запись; конец янв. 1925; до 9 февр. 1925, третья запись; между 12 (13) и 17 или 18 февр. 1925; 19 или после 19 февр. 1925; 2–5 марта 1925, первая запись; 6 или 7 марта 1925; 14 марта 1925, первая запись.

Ведет «тихую, келейную жизнь», вечерами ходит в театр или ресторан.

Л.И.Повицкий позже вспоминает:

«Несомненно, пребывание <...> на Кавказе благотворно на него влияет и физически и духовно. Он оторвался от московской богемы, окунулся в трудовую стихию промышленного Баку, подышал чистым воздухом солнечной Грузии, отдыхал на берегу моря в Батуме. Начало 1925 года он провел в Батуме... <...>

В Персии Есенин никогда не был и весь материал для “Персидских мотивов” он черпнул в Баку и Батуме.<...>

Известно, что Есенин любил животных. Здесь он часто возился с моим Мишкой, обязательно брал собаку с собой, хотя она доставляла ему неприятности. Однажды она заупрямилась и не захотела перейти мост, считая этот мост небезопасным. Пришлось Есенину взять ее на руки и перенести по мосту. Рукам Есенина она смело доверялась.

В саду при нашем домике были и мандарины, и бананы. Есенин смотрел на всю эту экзотику с умилением и сообщал Галине, как мы поглощали мандарины... <...>

Должен признаться, по ночам, когда хозяйка домика уходила на покой, мы потихоньку пробирались в сад. Хозяйка, по-видимому, вела счет своим мандаринам и утром глядела вала на нас с укоризной. К несчастью, вскоре после того, как была закончена “Анна Снегина”, установленный порядок дня был нарушен и затем окончательно сломан.

Повицкий, 57, 59–60.

Шаганэ Тальян, которая виделась с Есениным на квартире Л.И.Повицкого, вспомнит:

«Животных он действительно любил. Увидит бездомную собаку, купит для нее бульку, колбасу, накормит, приласкает. Глаза его в это время становились особенно ласковыми и добрыми. У Повицкого была собака, которую Есенин часто ласкал».

Сергей Есенин в Грузии, 98.

Читает роман Н.К.Вержбицкого «Два и один», публикуемый в тифлисской газете «Заря Востока».

Нижняя граница события определяется по дате начала этой публикации в газете (1925, 1 янв., № 768), а его верхняя граница — по словам Есенина из письма Н.К.Вержбицкому: «Читаю твой роман» (см.: 26 янв. 1925, первая запись).

Произведение печатается под заголовком «Два и один: Фантастический роман в 2-х частях, Н.К.В-цкого» в виде отдельных главок небольшого размера. Каждая из них помещается примерно в центре последней газетной полосы, остальную площадь которой занимают объявления. Ко времени написания письма (до 26 янв.) Есенин мог прочесть десять первых главок романа (газ. «Заря Востока», Тифлис, 1925, 1, 3, 4, 6, 13, 16–18, 20 и 25 янв., № 768–771, 777, 780–783, 787). Его печатание было прервано на главке XXV (там же, 17 февр., № 806), как раз накануне возвращения Есенина из Батуми в Тифлис.

Январь, 2. Парижская газета «Comœdia» (№ 4394) под заголовком «Melle Isadora Duncan peut-elle être autorisée à revenir en France?» («Может ли мадемуазель Изадора Дункан вернуться во Францию?») помещает интервью, взятое у танцовщицы специальным корреспондентом издания Ж. Тарвелем (Jean Tarvel), где косвенно упоминается Есенин:

«У меня, конечно, есть советский паспорт, так как я возвращаюсь из Москвы, и <...> я замужем за русским...».

Выявлено, сообщено и переведено Мишелем Никё.

Кратким пересказом содержания этого интервью начинается статья И.А.Аксёнова «Автобиографические опыты Айседоры Дункан»:

«Знаменитая некогда на Западе и недавно прославляемая еще у нас танцовщица в последнее время жила в Берлине. Дела ее шли плохо. Концертные выступления не налаживались, она старалась объяснить это (интервью во французском журнале “Комедия” 2-I-1925) злопамятством немцев к ее антантовским симпатиям военного времени, престарелая артистка чувствовала себя морально подавленной и материально стесненной. Она делала попытки въехать в Париж — в визе туда ей было отказано, несмотря на то что А.Дункан является собственницей некоторых недвижимостей как в помянутом городе, так и в его пригородах».

Журн. «Жизнь искусства», 1925, № 11, 17 марта, с. 12.

См. также: 28 дек. 1924, вторая запись; 4 янв. 1925, пятая запись; 12 янв. 1925, 13 янв. 1925, четвертая запись; 21 янв. 1925, четвертая запись; 14 февр. 1925, третья запись; 17 марта 1925, третья запись.

Январь, 2 и 3. В московском Театре сатиры идет спектакль «Москва с точки зрения», одним из персонажей которого является Есенин.

Журн. «Искусство трудящимся. Театр. Кино. Музыка. Живопись», № 4/5, 23 дек. 1924 — 4 янв. 1925.

См. также: 1 окт. 1924; 1 янв. 1925, пятая запись; 23 янв. 1925, вторая запись; 1 февр. 1925, третья запись; 11, 13, 15 февр. 1925.

Январь, до 3. В Москве выходит журнал «Россия» (№ 4 (13)), где Есенин назван как его автор (раздел «Художественная проза и поэзия»).

Граница события определяется по информации о выходе журнала (газ. «Известия ЦИК СССР и ВЦИК», 1925, 3 янв., № 2).

Произведения Есенина в этом издании не публиковались.

Январь, 3. Нью-йоркская газета «Новое русское слово» (№ 4360) дает объявление книжного магазина «Нового русского слова» о получении новой партии книг, в том числе Есенина:

«Самый большой в Америке <книжный магазин>

178 — 2 авеню. Нью-Йорк. Н.И.

Получена новая партия книг по беллетристике, научного содержания, технических.

Список книг. <...>

Есенин — Триптих 0.16 <...>».

Январь, 4. Есенин делает дарственные надписи Ш.Н.Тальян:

— на книге «Москва кабацкая» (1924):

«Дорогая моя Шагане / Вы приятны и милы мне. С.Есенин. 4/1 25 Батум»;

См.: до 19 июля 1924; 4 янв. 1925, первая запись; 16 февр. 1925, первая запись; февр. 1925, первая запись; 14 марта 1925, вторая запись; 24 марта 1925, вторая запись; 26 апр. ... 5 мая 1925; 2 июня 1925, первая запись; не позднее июня 1925; 2 (?) июля 1925.

— на обороте фотографии 1924 года в Батуми, где он снят вместе с Н.К.Вержбицким, Н.П.Стором, Л.И.Повицким и М.С.Тарасенко:

«Милой Шаганэ».

Далее идет текст стихотворения «Ты сказала, что Саади...».

Есенин, VII (1), 251, 252, 485. Факсимиле первого из инскриптов — Вержбицкий, вкл. л. между с. 96 и 97.

Ш.Н.Тальян вспомнит:

«В начале января он принес книжку своих стихов “Москва кабацкая” с автографом, написанным карандашом <текст надписи>. Вместе с книжкой он <Есенин> принес фотографию, на которой на берегу моря запечатлен он, Повицкий и еще трое незнакомых мне мужчин, с написанным на обороте стихотворением “Ты сказала, что Саади...”. Над стихотворением была надпись “Милой Шаганэ”, а под стихотворением подпись “С. Есенин”».

Есенин в Грузии. 97.

«Текст стихотворения состоял из четырех строф, как в первой публикации. Автограф утрачен». Хроника, 2, 323.

Рассказ о розысках Ш.Н.Тальян (Тертерян), ее воспоминания о встречах с Есениным, воспоминания других современников о встречах поэта с батумской учительницей, соображения о мотивах, побудивших Есенина при создании цикла «Персидские мотивы» отнести к учительнице Шаганэ как к прообразу персианки, опубликованы в книгах В.Г.Белюсова, выпущенных издательством «Знание», — «Сергей Есенин» (1965), «Персидские мотивы» (1968), — и в ряде его предшествующих работ, библиография которых указана в этих книгах.

Однодневная бакинская газета «Арена: Работники печати — работникам цирка» (№ 1) печатает поэму Есенина «Цветы».

О причинах выпуска этого единственного номера газеты см.: Есенин, IV, 429.

См. также: 9 ... 12 дек. 1924, первая и вторая записи; до 14 дек. 1924, первая запись; 14 дек. 1924, первая запись; 17 дек. 1924, первая запись.

Есенин «не включил поэму в “Собрание”. В октябре 1925 г. он написал стихотворение “Цветы мне говорят — прощай...”, в котором повторились некоторые строки поэмы “Цветы”. Это стихотворение Есенин напечатал и тем самым, разумеется, отказался от возможности напечатать поэму» (Комментарий — ГЛМ).

См. также: 27 окт. 1925, первая запись.

Тифлисская газета «Заря Востока» (№ 770) под общим заглавием «Листки» публикует стихотворения Есенина «Метель» и «Весна».

«У обоих стихотворений в рукописи были цифровые, порядковые обозначения (римские цифры I и II) и общий заголовок: “Над «Капиталом»”.

В редакции “Зари Востока” этот многозначительный заголовок заменили ровно ничего не говорящим названием “Листки”».

Вержицкий, 103–104.

О времени создания и об автографах см.: 24–30 дек. 1924.

О перепечатках см.: до 20 янв. 1925, третья запись; 15 ... 17 февр. 1925; 15 марта 1925, четвертая запись; 1 ... 7 мая 1925; 31 мая 1925, вторая запись.

Газета «Известия ЦИК СССР и ВЦИК Советов» (№ 3) публикует неподписанную информацию «К Всесоюзному совещанию пролетарских писателей»:

«Всесоюзное совещание пролетарских писателей открывается во вторник, 6 января, в 6 час. веч., в Доме Печати (Никитский бул., д. № 8).

В порядке дня Всесоюзного совещания стоят следующие вопросы: текущий политический момент, о задачах печати; идеологический фронт и пролетарская литература (докладчик Ил. Вардин, содокладчик С.И.Канатчиков); отчет правления ВАПП (докладчик Семен Родов); доклад международного бюро связей пролетарской литературы (докладчик А.В.Луначарский); доклады с мест; творческие пути пролетарской литературы (докладчик Г.Лелевич, содокладчик Г.Якубовский); задачи пролетарской литературы народов СССР (докладчик представитель “ГАРТ”, содокладчик т. Валайтис); рабкоры и пролетарская литература (докладчики Д.Белый, Ф.Ф.Раскольников, А.Маширов-Самобытник); организационный вопрос (докладчики тт. Дм. Фурманов и В.Киршон, содокладчик тов. Бродянский); о проф. задачах пролетарской литературы (докладчик т. С.Ингулов); быт и материальное положение пролетарских писателей (докладчик т. Ф.Гладков и содокладчик Ю.Либединский); издательства и пролетарская литература (докладчик т. В.Нарбут, содокладчики А.Безыменский и т. В.Бахметьев); выборы и текущие дела».

См. также: 6–12 янв. 1925; 7 янв. 1925, вторая запись; 9 янв. 1925 (обе записи); 10 янв. 1925, первая запись; 15 янв. 1925; 1 февр. 1925, первая запись; до 14 апр. 1925.

Белградская газета «Новое время» (№ 1109) публикует анонимную заметку «Злополучие Айседоры Дункан», где речь идет о Есенине:

«В Берлин прибыла из советской России Айседора Дункан, давшая интервью сотруднику газеты “Чикаго Трибьюн”. Известная танцовщица уехала в Совдепию, так как средства ее иссякли, и она стремится во Францию, где хочет продать свои два дома. Но ей не дают визы, к великому ее возмущению.

— Я во время войны отдала эти дома Франции на благотворительные надобности, а теперь мне не дают визы!

Дункан, обиженная тем, что все ее друзья отвернулись от нее в несчастье, хочет опубликовать свыше 1000 любовных писем, полученных ею от различных лиц.

— Я знаю, что разрушу этим немало семей, но что поделаешь, ведь меня все бросили.

Говоря о своем муже, Есенине, она сообщила, что он уехал на Кавказ, но развод с ним так и не мог быть кончен по некоторым обстоятельствам.

— Да, впрочем, он и не муж мне, — с жаром заявила Дункан. — Америка ведь не признает советских браков, а я ведь американка.

— Как же вы ходили с красным флагом? Вы ведь большевичка? — спросил ее интервьюер.

— Нет, я не большевичка. Я ездила в Россию, чтобы помогать голодающим детям. Значит, по вашему, члены АРА тоже большевики? С красным флагом ходила, чтобы дразнить их — быков ведь дразнят красной тряпкой».

См. также: 28 дек. 1924, вторая запись; 2 янв. 1925; 12 янв. 1925; 13 янв. 1925, четвертая запись; 21 янв. 1925, четвертая запись; 14 февр. 1925, третья запись; 17 марта 1925, третья запись.

Январь, 6. Газета «Известия ЦИК СССР и ВЦИК Советов» (№ 4) публикует рецензию И.Новского на журнал «Октябрь» (№ 3 за 1924 год) с оценкой «Песни о великом походе» Есенина:

«Остальные мелкие вещи: М.Залка <...>, И.Доронина <...> и С.Есенина (!) “Песнь о великом походе” прочтутся с интересом <...>. Интересная попытка Есенина в форме песенного сказа отобразить понимание Октября нашим крестьянином».

См. также: 1 янв. 1925, третья запись; 10 янв. 1925, первая запись.

Январь, 6–12. В Москве проходит Первое всесоюзное совещание пролетарских писателей. В докладах и выступлениях ряда его участников заходит речь о Есенине.

Газ. «Вечерняя Москва», 1925, 7 янв., № 5; газ. «Правда», 1925, 13 янв., № 10.

Журнал «Красная нива» (1925, № 4, 25 янв.) сообщает:

«Всесоюзное совещание писателей открылось 6 января в 6 часов вечера в Доме Печати. 170 делегатов, представляющих 50 литературных организаций Украины, Белоруссии, Армении, Грузии, Киргизии, Якутии, а также эмигрантские объединения пролетарских писателей (латыши, поляки, литовцы)».

См. еще: газ. «Известия ЦИК СССР и ВЦИК» (1925, 4 янв., № 3; 1925, 6 янв., № 4).

Открыл совещание Д.Белый (см.: 15 янв. 1925).

См. также: 4 янв. 1925, четвертая запись; 7 янв. 1925, вторая запись; 9 янв. 1925 (обе записи); 10 янв. 1925, первая запись; 15 янв. 1925; 1 февр. 1925, первая запись; до 14 апр. 1925.

См. Приложение.

Январь, 7. Тифлисская газета «Заря Востока» (№ 772) публикует рассказ Н.К.Вержбицкого «Всяк сверчок» «о кенаре и совчиновнике», с которым знакомится Есенин.

В письме к автору от 26 янв. 1925 г. (см.) Есенин назовет рассказ «прекрасным».

На Первом всесоюзном совещании пролетарских писателей А.В.Луначарский произносит речь «Пути современной литературы».

Оратор утверждает, что «писатель — учитель, он зовет к тому, что должно быть. Он — проповедник. Так всегда было в России, и так должно остаться. <...> Мы должны стремиться поэтому к тому, чтобы в чисто художественном образе билось коммунистическое сердце». Переходя к вопросу о попутчиках, А.В.Луначарский говорит:

«...мы не можем их отбрасывать <...> даже реакционный писатель иногда может дать великолепный художественный материал, может хорошо отразить массы. Тем более это относится к попутчикам. Что же делать? Запрещать? Душить? Ничего подобного!> Такие произведения надо печатать, но одновременно парализовать их вредные тенденции нашей критикой, выдержанной марксистской критикой. Материала для такой

критики сколько угодно, так как попутчики, зарисовывая порой очень неплохо жизненные явления, делают из них плохие выводы или совсем не делают никаких выводов».

Журн. «Звезда», 1925, № 1, с. 249.

См. также: 4 янв. 1925, четвертая запись; 6–12 янв. 1925; 9 янв. 1925 (обе записи); 10 янв. 1925, первая запись; 15 янв. 1925; 1 февр. 1925, первая запись; до 14 апр. 1925.

Январь, 8. Газета «Правда» (№ 6) помещает рекламное объявление о подписке на 1925 год на журнал «Звезда». Есенин указан как автор журнала в 1924 году (поэма «Песнь о великом походе»).

Январь, 9. На Первом всесоюзном совещании пролетарских писателей А.К.Воронский выступает с докладом, где, в частности, дается оценка творчества Есенина:

«Что с Есениным происходит? Это легко говорить, что пока Есенин в “Красной Нови” сидел, то кабацкие стихи писал, а перешел в “Октябрь” — и сразу же переломился. Вы мне скажите спасибо за Есенина. (*Аплодисменты.*) На самом деле, что происходит с Есениным? У него есть “Стансы”, там и о Марксе и о Ленине: “я полон дум об индустриальной <так!> мощи”, “давай, Сергей, за Маркса тихо сядем”. В чем дело: ведь это разврат, это обман, их <членов группы “Октябрь”> обманывают, а они этому верят. (*Аплодисменты.*)

Нельзя всерьез к этому относиться. Это издевательство над читателем и над писателем. Человек потерял всякую совесть. Пускай же он зря и все не произносит имена Ленина и Маркса, потому что эти имена нам дороги. (*Аплодисменты.*) Что же происходит с Есениным? Конечно, Есенина нужно подталкивать, я его тоже толкал <...>, но я никогда не скажу, что он шел по этому пути. Пока ты не воспримешь Ленина и Маркса внутри, не пиши о них. Есенин — вещь не случайная. Сейчас приходят и говорят откровенно: “Товарищ, жрать нужно”. <...> Тот путь, по которому я стараюсь их повести, путь не блестящий, без всяких реверансов, но это будет единственно верный путь. <...> Один из них <членов группы “Октябрь”> бухнул: “Пусть пишет неискренно, но пусть пишет нужные вещи”. Вот, товарищи, в чем заключается корень наших разногласий. Когда рассуждают таким образом, то я с этой литературной политикой согласиться не могу».

Есенин, VI, 650–651 (по стенограмме заседания совещания: АРАН, ф. 358, оп. 1, ед. хр. 6, л. 61).

Об этом же (более подробно) — в статьях А.К.Воронского «На разные темы: ...II. О марксизме и плохих стихах» (см.: 24 февр. 1925) и «Литературные заметки» (см.: 15 марта 1925, третья запись).

После доклада А.К.Воронского разворачивается дискуссия, в ходе которой неоднократно заходит речь о Есенине:

— «Несомненно то, что Есенин написал о Марксе, о Ленине после своего путешествия по Кавказу с Вардиным, но в идеологическую искренность и возможность исправления Есенина я не верю» (П.И.Лебедев-Полянский; см. также: до 14 апр. 1925);

— «Сейчас они <“напостовцы”> так же говорят: “долой попутчиков” <...>, а сами их печатают. Да, печатают еще таких типов, как Есенин» (А.Соколов);

— «...нужно умело и осторожно рассказать им <крестьянам>, каковы они на самом деле, а не то чтобы их рассушивать и идти навстречу их предрассудкам, как это делают Есенин, Клюев, Орешин» (Л.Сосновский);

— «...здесь несколько раз упоминали о Есенине. У Есенина в течение последних месяцев намечился явный идеологический перелом. Не заметить его было бы ошибкой

с нашей стороны. Конечно, Есенин может колебаться. Но когда Есенин поворачивается лицом к нам, мы были бы идиотами, если бы не протянули ему руки» (И. Вардин).

АРАН, ф. 358, оп. 1, ед. хр. 6, л. 65–66, 87, 90, 140.

См. также: 4 янв. 1925, четвертая запись; 6–12 янв. 1925; 7 янв. 1925, вторая запись; 10 янв. 1925, первая запись; 15 янв. 1925; 1 февр. 1925, первая запись.

Январь, 10. В докладе-отчете правления ВАПП на Первом всесоюзном совещании пролетарских писателей С. Родов положительно оценивает факт публикации поэмы Есенина «Песнь о великом походе» в журнале «Октябрь»:

«Много толков вызвало <...> помещение нами поэмы С. Есенина — “Песнь о великом походе”. Прежде всего заняло это произведение всего 7 страниц, из тех свыше 1000 страниц, которые имели вышедшие 4 №№, так что о количественном засильи говорить не приходится. Если же рассматривать это с принципиальной точки зрения, то редакция “Октября” поступила вполне правильно. Конечно, мы не думаем отводить в “Октябре” значительное место попутчикам, но если помещение какого-либо попутчика тактически выгодно пролетарской литературе и если его произведение идеологически не вредно, — а поэма Есенина как раз такова, — то мы не можем от этого отказаться. Глубоко неправы некоторые товарищи, вроде Ал. Соколова, которые хотят изолировать пролетарскую литературу, отмахиваются от попутчиков и от проблемы руководства ими. Эти товарищи совершают грубейшую ошибку, которая может принести громадный вред пролетарской литературе. Они представляют цеховой уклон и объективно, несмотря на “левые” фразы, играют на руку Воронскому и др. Подробнее мы разобрали этот уклон в статье “О «левом» уклоне т. Соколова”, помещенной в № 4 “Октября” <см.: Летопись, 4, 518>. Я надеюсь, что конференция одобрит линию Правления ВАПП и редакции “Октября” в этом вопросе.

Родов С. Борьба за единую организацию: Стенограмма доклада-отчета Правления ВАПП <...> 10 января 1925 г. — В его кн. «Организация пролетарской литературы: Сб. статей» (М.: издание ВАПП, 1925, с. 16).

Доклад С. Родова одобряется Первым всесоюзным совещанием пролетарских писателей единогласно.

См. также: 4 янв. 1925, четвертая запись; 6–12 янв. 1925; 7 янв. 1925, вторая запись; 9 янв. 1925 (обе записи); 15 янв. 1925; 1 февр. 1925, первая запись; до 14 апр. 1925.

Нью-Йоркская газета «Новый мир» (№ 596; рубрика «Новые книги»; подпись: «Д. И.») публикует рецензию Д. Иванова на книгу стихов Р. Магидова «Рожь и крапива» (1925, Нью-Йорк) с упоминанием Есенина:

«Кокетливо изданная книга. Стихи тоже кокетливые, порой очень милые <...>.

Имеется ряд стихотворений о революции, но образы в них такие кокетливо красивые (Магидов находится под некоторым влиянием Есенина первого периода творчества поэта), что опять-таки создается впечатление: милые стихи, и только...».

Январь, до 11. Московский журнал «Современная музыка» (№ 7; раздел «Personalia») помещает неподписанную информацию:

«У Александрова ряд вокальных новинок: два стихотворения из сборника “Преображение” Есенина (“Осень” и “Березка” <так!>»).

Граница события определяется на основе помещенных в журнале анонсов.

См.: 3 окт. 1924, пятая запись; 13 окт. 1924; март (?) 1925, первая запись; 28 апр. 1925, первая запись; 30 окт. 1925; нояб. (?) 1925, вторая запись.

Январь, 11. Тифлисская газета «Заря Востока» (№ 776) печатает рассказ Н.К.Вержбицкого «Двуглавый орел: Тифлисская быль», с которым знакомится Есенин.

Спустя две недели Есенин в письме от 26 янв. 1925 (см.) к автору рассказа назовет его «очень протокольным». Это больше походит на стихи, которые пишутся на случай» (Есенин, VI, 199).

Впоследствии, сняв подзаголовок, Н.К.Вержбицкий включит это сочинение в свою книгу «Тифлиские рассказы» ([Тифлис, 1926], с. 83–86).

Нью-йоркская газета «Новое русское слово» (№ 4368) дает:

— на странице «Литература и искусство» — неподписанную информацию «По частным письмам. В литературной Москве», где говорится о Есенине:

«Провсцветает, как прежде, поэзия. Из молодежи есть любопытные и способные; учатся, следят за западной литературой, муштруют себя хорошими образцами. Поэтов бесконечно много, вздора написано также много, немало и лучшего <в их числе — поэт Миних>.

По статистике книжных магазинов, из поэтов больше всего покупаются прежде всего А.Блок, затем идет Есенич <так!>, затем Маяковский и... Безыменский <...>.

Есенин уже не эпатирует буржуа; Есенину уже просто верят, потому что Есенин многим перестал быть интересным... “роща золотая отговорила малым <так!> языком”».

См. также: 26 апр. 1925, третья запись; 17 мая 1925, пятая запись:

— объявление о лекции Д.Бурлюка в клубе Марсиан (Бронкс) «Лосадь на щеке».

В лекции, скорее всего, характеризовалась и поэзия Есенина, так как в анонсе сообщается:

«Будет дана характеристика футуризма и имажинизма. Будут демонстрированы ярчайшие произведения представителей обеих школ. В заключение диспут».

Январь, 12. Варшавская газета «За свободу!» (№ 10) публикует анонимную заметку «Айседора Дункан в нужде», в которой упоминается о Есенине:

«Айседора Дункан после своего возвращения из Совдепии живет в Германии в довольно тяжелом материальном положении.

А.Дункан имеет несколько домов в Париже, которые хотела бы продать, но французское правительство отказало ей в выдаче французской визы, мотивируя свой отказ тем, что она, выйдя замуж за большевистского литератора Есенина, перестала быть французской гражданкой.

Чтобы несколько поправить свое финансовое положение, знаменитая “босоножка” предполагает опубликовать “1000 любовных писем”, которые она получила в дни своей молодости. “Я убедилась, — заявила Дункан одному американскому корреспонденту, — что с тех пор, как нахожусь в материальной нужде, все те, которые некогда меня обожали и клялись мне в вечной любви, забыли обо мне. Поэтому я решила опубликовать их любовные письма. Знаю, что это разрушит не одно семейное счастье, но меня это не волнует”.

На вопрос, каково ее отношение к своему мужу Есенину, Айседора махнула рукой и сказала: “Мой муж в настоящий момент на Кавказе, куда поехал, чтобы сделаться разбойником. Он предполагает написать поэму о жизни бандитов, а потому решил сам за-

няться бандитизмом, чтобы подробно познакомиться с этой средой. Но это всё меня мало касается, ибо я предполагаю с ним развестись.

Я бы это сделала еще в России, но там правительственные учреждения открыты только днем, а мой муж всегда днем спит, а ночью пьянствует. Так я и не смогла получить развода, ибо, когда он просыпался, все учреждения уже были закрыты»».

См. также: 28 дек. 1924, вторая запись; 2 янв. 1925; 4 янв. 1925, пятая запись; 13 янв. 1925, четвертая запись; 21 янв. 1925, четвертая запись; 14 февр. 1925, третья запись; 17 марта 1925, третья запись.

Январь, 13. И.В.Грузинов пишет Есенину:

«Милый Сережа!

Вместо привета шлю тебе упрек. — Не пишешь мне ни строчки. Второй упрек за то, что не ставишь даты под своими стихами: мне пришлось принять участие в их редактировании; большая неряшливость: нет дат.

Говорят: ты ешь малину. Приятного аппетита».

Шубникова-Гусева-2008, 305.

Упоминаемые в письме подробности о жизни Есенина в Батуми И.В.Грузинов мог узнать от Г.А.Бениславской, которой Есенин писал (17 дек. 1924): «На днях высылаю Вам почтой 2 ящика мандарин. Мы с Лёвой едим их прямо в саду с деревьев. Уже декабрь, а мы рвали вчера малину» (Есенин, VI, 190).

См. Приложение.

Ленинградский журнал «Жизнь искусства» (№ 2; рубрика «Информация»; подпись: «Astico») публикует «Справочный словарь русских писателей», где имеется запись о Есенине:

«Есенин — иногда наблюдается в трезвом виде».

О Б.Пастернаке — «Никто меня не понимает».

О М.Горьком — «Иностраный писатель».

Об О.Мандельштаме — «Полное собрание античной глупости».

Словарь публиковался также в других номерах.

Ср.: 21 янв. 1925, четвертая запись; 8 февр. 1925.

Газета «Трудовой Батум» (№ 10) помещает заметку «Клочки быта» (подпись: Вен. Павлович) со словами:

«...Есенин, куй свой стих про резиновые дирижабли в облаках...»

Нью-йоркская газета «Новое русское слово» (№ 4370) дает анонимную информацию «Исадоре Дункан снова отказано в визе для Франции»:

«Брюссель. — А. Дункан, известная танцовщица-“босоножка” и жена советского поэта-алкоголика С.Есенина, уехавшего на Кавказ для испытания “сильных ощущений в грабежах” и подготовки повести о грабителях, — получила снова отказ на въезд во Францию: “Было время, — заявила она, — когда мои салоны были полны возлюбленных. Теперь все меня ненавидят. Я вовсе — не за большевиков. Я была влюблена в Сережу (Есенина). Придется мне продать ценные письма Д’Аннуцио, артистки Дузэ о всяких знаменит<остях>».

Америку, мою родину, я люблю, но не поеду туда, пока она будет управляться миллионерами»».

См. также: 28 дек. 1924, вторая запись; 2 янв. 1925; 4 янв. 1925, пятая запись; 12 янв. 1925; 21 янв. 1925, четвертая запись; 14 февр. 1925, третья запись; 17 марта 1925, третья запись.

Январь, 14. Берлинская газета «Руль» (№ 1250; подпись: «Лери») публикует стихотворение В.В.Клоповского «Мои пожелания» с намеком на Есенина:

С новым годом!.. С двадцать пятым!.. <...>
 Пусть старушка Айседора
 Ни поэта, ни рабкора
 Не берёт себе в сырьё...

См. также: 21 мая 1922, третья запись.

Январь, до 15. В Ленинградском отделении Госиздата РСФСР выходят книги «Ленин в поэзии (1924 — 21/1-1925)» (под редакцией И.И.Садофьева) и «Ленинский день в клубе: Сборник материалов к годовщине смерти В.И.Ленина» (под редакцией А.Г.Тарасова) с «Отрывком из поэмы “Гуляй-поле” (О Ленине)» Есенина.

Граница события определяется по информации о поступлении книг в редакцию для отзыва (газ. «Известия ЦИК СССР и ВЦИК Советов», 1925, 15 янв., № 12).

О тексте исходной публикации см.: до 25 июля 1924, вторая запись.

Январь, 15. Московская газета «Правда» (№ 12) печатает речь Д.Бедного «О пролетарской литературе», произнесенную 6 января на открытии Первого всесоюзного совещания пролетарских писателей:

«— Товарищи! На мою долю, как в таких случаях говорится, выпало счастье открыть совещание, которого я долго ждал и к созыву которого некоторым образом руку приложил. В качестве, увы, едва ли не самого старого Вашего товарища, вроде некоторого большевистского протоиерея, приходится мне и открыть ваше совещание, и благословить вас (смех), и высказать вам всякие благочестивые пожелания с указанием тех условий, при выполнении которых вы достигнете “побед и одолений” на том “пути по спасению”, который мне представляется единственно верным путем.

Не обессудьте, если в качестве такой духовной особы я первым делом сошлюсь на “писание”, тем более что это писание будет ленинским.

Задачи настоящего совещания вам известны. На совещании представлены все основные направления пролетарской литературы, все главнейшие объединения всех народностей СССР и те ответвления пролетарской литературы, которые являются живыми, плодотворными.

Совещание является результатом более чем двухгодичной, весьма упорной и временами крайне запальчивой борьбы с противниками пролетарской литературы, буржуазными идеологами, а также с теми нашими товарищами, которые, будучи разъедены интеллигентским слабоволием, страдая интеллигентской близорукостью и слезотечением, потеряв твердую веру в бесконечные силы пролетарской революции, оспаривая наши утверждения, что победоносный пролетариат создаст и свою победоносную литературу <...>. Были взаимные оплеухи и заушения в борьбе с крестным папашей попутчиков с т. Воронским. Теперь “воронщина” слиняла. Слиял и т. Троцкий, наиболее красочный защитник совсем не красных положений: под тонким огненно-красным навозом оказался розовато-меньшевистский грунт. Нынче в новогоднем литературном

обзоре “приятно ознаменовал” себя т. Осинский <см.: 1 янв. 1925, третья запись>. Он и прежде не имел большевистского здорового румянца и выделялся ахматовской бледностью чела. Теперь он с нетерпимым высокомерием <и с> чванством сомнительного сноба выявляет в отношении пролетарской литературы безнадежно-ликвидаторские настроения. К счастью, высокомерный критик преснен, скучен и не менее блажен блаженной памяти Овсяннико-Куликовского. Это наш Осино-Каляковский. Пусть калякает.

Заметных противников, как видите, можно сосчитать по пальцам на одной руке.

Наша молодая пролетарская литература показала себя течением здоровым и по праву празднует сегодня свой праздник. Перед нами — большое, с необыкновенной быстротой растущее общественно-культурное движение пролетариата. Движение это идет на основе и параллельно с экономическим и политическим ростом пролетариата СССР. Движение это создается из слияния групп, организаций, “сверху” и “снизу”: “Октябрь”, “Кузница”, “Гарт”, “Молодая гвардия” и т. д. Много названий. Думаю, что это не совсем уж так хорошо, что названий много. Основная задача данного совещания в том и состоит, чтобы все эти многочисленные группы и подгруппы объединить на общем едином деле. Об этой задаче много будет говорено на совещании. Я же в своем вступительном слове хочу напомнить вам о том, кто неотступно должен стоять перед вашими глазами в течение всей вашей работы. Вы, пролетарские писатели, основоположники будущей нашей литературы, ни на один миг не должны забывать о вашем читателе и о вашем взаимоотношении с ним. Только постоянно помня, для кого вы пишете и с какой целью пишете, вы будете знать: как писать и что писать. И вот тут-то я обращусь к тому “писанию”, которое мною уже названо в печати “заветом Ленина”. Этот завет вы должны всегда помнить, так как в нем — залог существования, роста и победы пролетарской революции. Владимир Ильич Ленин в беседе с Кларой Цеткин сказал:

“Важно не то, что дает искусство нескольким сотням, даже нескольким тысячам общего количества населения, исчисляемого миллионами. Искусство принадлежит народу. Оно должно уходить своими глубочайшими корнями в самую гущу широких трудящихся масс. Оно должно быть понято этими массами и любимо ими. Оно должно объединять чувства, мысли и волю этих масс, поднимать их. Оно должно пробуждать в них художников и развивать их”.

Вот где, действительно, “словам тесно, а мыслям просторно”. Где же, однако, тот секрет, зная который можно было бы достичь того, что говорит Ильич? Секрет прост. “Для этого, — говорит сам Ильич, — мы должны всегда иметь перед глазами рабочих и крестьян”. <...>

Говоря о простоте языка, нельзя не сослаться на другую заметку, на заметку Пушкина, пролежавшую под спудом с 1828 по 1922 год, когда она была впервые опубликована. Вот что писал Пушкин.

“В каждой словесности приходит время, когда умы, наскуча однообразными произведениями искусства, ограниченным кругом языка условленного, избранного, обращаются к свежим вымыслам народным и к странному просторечию... <...>”

Смотрите, какая переключка гениев на расстоянии почти 100 лет! <...>

Простая и ясная мысль требует простого-простого и ясного выражения. Простой и ясный язык победителя — это язык силы, уверенной в себе. <...> Учил когда-то пролеткультовцев Андрей Белый. Чему хорошему он их научил? У нас имеются молодые спецы, вам, молодым, еще неопытным, они преподносят “руководства хорошего литературного тона”, руководства, рассчитанного на паркет, которого у нас еще нет. <...>

... Пролетарские писатели имеются. Пусть не первого ранга.

Пока не беда. Пусть три сопливеньких, но свои. Маленькая пролетарская рыбка нам дороже, чем пильняцкий таракан (*Смех*). К тому же эта рыбка вырастет и покажет свои зубы. Она зубаста. Это ясно. Мы имеем десятки тысяч рабкоров и селькоров. Это наши литературные дрожжи... Наша сила не в более или менее талантливых одиночках, а в коллективе. Вот этот боевой литературный коллектив вы здесь и закладываете. Вы — основоположники, вы кладете первый камень в фундамент, на котором будет возведен храм подлинного пролетарского искусства...

Учитесь говорить так, чтобы вас слушали, писать так, чтобы вас читали. У вас должен быть “приятный выговор”, голос, доходящий до читательского сердца. Вы должны петь так, чтобы сердце рабочего и крестьянина перед вами раскрылось... <...> Народ сам великий творец, сам он — глубокий выразитель своих раздумий, сам он — коллективный создатель гениальных песен. Подойдите к нему — с уважением, слушайте его с благодарностью. И тогда вы сами за свои песни будете иметь народную любовь, уважение и благодарность.

Не пренебрегайте формами народного творчества. Они, как я сказал, бывают гениальны...».

От редакции:

«Считая основное в речи Д.Бедного (характер литературы, ориентацию на рабочих и крестьян, простота языка и проч.) прекрасно сказанными и совершенно правильными <словами>, редакция, однако, не согласна с рядом положений:

1) Ленин, вопреки Демьяну Бедному не разделял точки зрения, родившейся в Пролеткульте, и выдвигал против нее положение о первоочередной необходимости обучаться самым простым элементам буржуазной культуры;

2) мысль, что “победоносный пролетариат создаст и свою победоносную литературу”, не оспаривается и подавляющим большинством противников “напостовской” точки зрения;

3) в теперешних условиях “пролетарская гордость”, выражающаяся в формуле: “три сопливеньких, но своих” и всех остальных подводящая под “белогвардейцев”, удивительно напоминает “комчанство”, против которого беспощадно выступал Ленин. Мы настолько выросли, что, право, пора бы уже научиться вытирать соплю...

4) прекрасно говоря совещанию о необходимости слушать “шёпот деревни”, т. Демьян Бедный, к сожалению, не отметил: а) что именно этого товарищи не делают (они предпочитают писать тезисы о литературе); б) что эта необходимость слушать “шёпот деревни” не увязывается никак с напостовским отношением к попутчикам, над которыми товарищи так же “командуют”, а не “убеждают” и не “воспитывают”, как это делает плохой коммунист-пролетарий в деревне по отношению к своему крестьянскому “попутчику”.

5) <о Пушкине>

6) редакция не согласна с оценкой выступления ряда товарищей и в 1-ую очередь Осинского».

В пользу того, что Есенин, скорее всего, был знаком с этим материалом, свидетельствует письмо Г.А.Бениславской (20 янв. 1925), где она спрашивает поэта, видел ли он речь Демьяна Бедного в газете, если нет, обещает прислать ее (Письма, 269).

См. также: 4 янв. 1925, четвертая запись; 6–12 янв. 1925; 7 янв. 1925, вторая запись; 9 янв. 1925 (обе записи); 10 янв. 1925, первая запись; 1 февр. 1925, первая запись; до 14 апр. 1925.

Январь, середина. В Ленинграде Е.А.Есенина и Г.А.Бениславская ведут переговоры с И.Ионовым об издании книги Есенина «Две поэмы» («Песнь о великом походе» и «Поэма о 36»).

Это и следующие события и их время устанавливаются по содержанию московских писем Г.А.Бениславской Есенину (20 янв. 1925) и В.И.Эрлиху (21 янв. 1925). Принято во внимание, что по-

следнее из них было написано спустя несколько дней по возвращении Г.А.Бениславской из Ленинграда («Столько здесь дел, что только сегодня собралась <писать> к Вам». — Письма, 344).

Из письма Г.А.Бениславской (20 янв. 1925):

«Я и Катя ездили в Петроград. У Ионова ничего не получили, едва удалось добиться, чтобы печатал “Песнь” и “36” вместе (иначе был бы номер с Анной Абрамовной — с отд<елом> массовой литературы. <...> А сам Ионов мне и Кате понравился. Удивительный он человек. Несмотря на его резкость — он взбешен на Вас, ведь стихи, обещанные ему, вошли в сборник “Круга” <т. е. в Ст₂₄>. Но когда увидел Катю, присмирел — видно, она ему Вас напомнила. И совсем укротился, когда я ему показала “Письмо к женщине”, так тихо, тихо сказал: “Хорошее”.

Мы у него сидели несколько часов и погibli было совсем — сколько там (во второй комнате) хороших книг-то!

Зол на Вас, а привет всё же просил передать».

Письма, 268.

Несмотря на усилия Г.А.Бениславской и В.И.Эрлиха, издание книги «Две поэмы» не состоялось.

См.: 20 янв. 1925, первая и вторая записи.

См. также: Есенин, III, 632–633.

Посещают редакцию альманаха «Ковш» по издательским делам Есенина:

«Там <в Ленинграде> мы сдали в “Ковш” (журнал <так!> Серапионовцев, типа бывшей “Красной нови”) стихи “Русь уходящая” и “Письмо от матери”, забрали у них деньги (половину)...».

Письма, 268.

В «Ковше» есенинские стихи так и не появились, несмотря на намерение Г.А.Бениславской и Е.А.Есениной (о попытках его реализации см. также: 21 янв. 1925, вторая запись; 31 янв. 1925, третья запись; 12 мая 1925, четвертая запись).

Встречаются с В.Эрлихом, навещают семью А.М.Сахарова:

«Эрлик <...> с нами, как отец родной, возился в Питере, водил в Госиздат, поил чаем, кормил, вообще заботился о нас. Да, а у Сахарова Вам не надо жить, мешанское болото у него и вообще плохо. Мы с Катей даже ночевать не захотели у них. Сам Сашка всё время в Москве. Сын у него славный — Глеб, сорванец такой. Вам привет от обоих: Глеба и Алика <дети Сахарова>. Алик Вас помнит: “Дядю Сережу? Есенина?”».

Письма, 269.

Январь, до 16 ... до 31. В Иваново-Вознесенске выходит в свет третьим изданием книга П.С.Когана «Литература этих лет. 1917–1923». Восьмая ее глава — «Есенин».

Кн. летопись, 1925, № 2, янв., поз. 423.

Текст книги аналогичен ее первому и второму изданиям.

См. о них: до 6 дек. 1923; конец мая — до 15 июня 1924, вторая запись.

См. также: 5 янв. 1924, первая запись; до 20 апр. 1924, вторая запись; 24 июля 1924; после 29 окт. 1924; до 19 июля 1925.

Январь, 16. Есенин отсылает стихотворения «Никогда я не был на Босфоре...» и «Свет шафранный вечернего края...» <«Свет вечерний шафранного края...»> в редакцию тифлисской газеты «Заря Востока» с И.И.Кукушкиным.

Последний был батумским корреспондентом «Зари Востока» и для связи с газетой пользовался услугами проводников железнодорожных составов, курсировавших на участке Тифлис — Батум — Тифлис. Заведующий отделом этой газеты А. Хосроев позже расскажет:

«По телефону с Тифлисом я почти не говорил. Почту переправлял с проводником, которому платила редакция за это 5 рублей. Об этом была договоренность с Управлением железной дороги».

Почта, сданная проводнику, попадала, следовательно, в тот же или на следующий день в редакцию газеты. Вот почему «Персидские мотивы» — стихотворения «Никогда я не был на Босфоре...» и «Свет вечерний шафранного края...», — полученные 16 января И.И. Кукушкиным от Есенина, могли быть 17 января в редакции, а 18 января — в номере газеты «Заря Востока» (в Собр. ст. стихотворение датировано 1924 г.).

Хроника, 2, 328.

См. также: 21 дек. 1924, первая запись; 18 янв. 1925, первая запись.

И.И. Кукушкин делает помету на листке с автографом стихотворения Есенина «Никогда я не был на Босфоре...»:

«Прошу сообщить, сколько нужно заплатить. Ив. Кукушкин. 16/ I — 25 г.»

Есенин, I, 650.

См. также предыд. запись.

Г.А. Бениславская сдает для публикации в редакцию журнала «Красная новь» стихи Есенина из цикла «Персидские мотивы».

Ф.Ф. Раскольников, Ю.Н. Либединский и Г.К. Никифоров, находящиеся в редакции, восторгаются стихами Есенина и посылают ему привет.

События и их дата устанавливаются по письму Г.А. Бениславской Есенину (20 янв. 1925, вторая запись). Четыре «персидских» стихотворения Есенина появились в № 2 «Красной нови» (см.: до 15 марта 1925, первая запись). Подробнее см.: Есенин, VI, 653–654.

См. также: 17 янв. 1925, третья запись.

Январь, до 17. Есенин посылает телеграмму П.И. Чагину:

«Вышлите срочно сто высылаю стихотворение “Ленин”».

Есенин, VI, 197, 663 (с неточной границей датировки).

Телеграмма не сохранилась. Ее текст и граница датировки устанавливаются по воспоминаниям Л.И. Повицкого с учетом времени написания стихотворения «Капитан Земли (Ленин)».

См. след. запись.

Январь, 17. Есенин пишет стихотворение «Капитан Земли».

Есенин, IV, 214–217, 312, 430–432.

Стихотворение датируется по беловому автографу (РГБ), где в первоначальной помете «18 марта 25. Батум» рукой Есенина исправлены число и месяц: «17 январь».

Л.И. Повицкий так изложит историю создания этого стихотворения:

«Как-то раз наступила у Есенина пора безденежья, между тем, ему срочно понадобилась сумма в сто рублей. <...> Мы думали-гадали, где добыть деньги, как вдруг Есенин воскликнул:

— Я протелеграфирую Чагину.

И он мне прочел тут же составленную телеграмму: <приводится ее текст>. Дня через два деньги были получены. Я напомнил Есенину о данном им Чагину обещании.

— Сегодня напишу и вышлю.

И в самом деле, вечером он мне прочел стихотворение, сырое, недоработанное, с явной печатью торопливости. Такое стихотворение печатать нельзя. Я осторожно посоветовал ему:

— А ты не спеши, дай ему полежать, может быть, найдешь другие слова о Ленине.

Он понял, что стихотворение мной не одобрено, но, не показывая вида, деловито ответил:

— Нельзя, надо, чтобы стихотворение попало в газету к траурным дням.

Стихотворение было послано. Настали траурные дни. Получен был номер “Бакинского рабочего”. Я развернул газету и с удовлетворением убедился, что стихотворения нет. И в следующем номере стихотворения не оказалось. Есенин был озадачен: пожалуй, это был первый случай подобного рода в его литературной практике советского времени.

В Москве в 60-х годах я при встрече с Чагиным спросил его, помнил ли он, что “забраковал” стихотворение “Ленин”.

Чагин улыбнулся.

— Грех на моей душе. В таком виде стихотворение нельзя было печатать. К Есенину уже были требования очень высокие».

Повицкий Л. Сергей Есенин в жизни и творчестве. — Газ. «Лит. новости», М., 1992, № 5.

По словам П.И. Чагина, Есенин как-то скажет ему:

«— Я в долгу перед образом Ленина... Ведь то, что я писал о Ленине — и “Капитан Земли” и “Еще закон не отвердел”, — это слабая дань памяти человеку, который не то что как Петр Первый, Россию вздернул на дыбы, а вздыбил всю нашу планету».

Восп., 2, 163.

После кончины Есенина это стихотворение будет напечатано в газете «Заря Востока» (Тифлис, 1926, 21 февр., № 1109, без ст. 35–42). В редакционном примечании к публикации, в частности, будет сказано: «Впервые публикуемое стихотворение Сергея Есенина “Капитан Земли” написано в январе 1925 г. в Батуме, накануне годовщины смерти Ленина».

Ф.Ф. Раскольников пишет Есенину:

«Дорогой Сергей Александрович!

Ваши последние стихи “Русь уходящая”, “Песнь о советском <так!> походе”, “Письмо к женщине” приводят меня в восторг. Приветствую происходящий в Вас здоровый перелом. Жду от Вас нигде не напечатанных стихов для помещения их в “Красной нови”. Крепко жму Вашу руку.

С товарищеским приветом. Ф. Раскольников».

Письма, 267.

Записку Ф.Ф. Раскольникова Г.А. Бениславская отправит Есенину в письме от 20 янв. 1925: «... посылаю ее Вам...» (Письма, 269).

См. Приложение.

Рижский журнал «Наш огонек» (№ 3) перепечатывает маленькую поэму Есенина «Русь советская».

Сообщено Э.Б. Мекшем (Юсов-2012, 564).

Информацию об этом переиздании см.: февр. (?) 1925, третья запись.

Об исходной публикации произведения см.: до 23 сент. 1924.

См. также: 24 сент. 1924, первая запись; после 10 окт. ... нояб. 1924; до 25 дек. 1924; до 20 янв. 1925, третья запись; февр. (?) 1925, третья запись; 30 апр. 1925, первая запись; до 14 июня 1925; июль ... дек. (?) 1925, первая запись; 27 сент. 1925, пятая запись; конец сент. ... до 16 окт. 1925, первая запись; 17 окт. 1925, третья запись; конец нояб. 1925, вторая запись.

Январь, 18. Тифлисская газета «Заря Востока» (№ 782) публикует стихотворения Есенина «Никогда я не был на Босфоре...» и «Свет шафранный вечернего края...» <<«Свет вечерний шафранного края...»> под общим заголовком «Персидские мотивы».

О времени создания стихотворений см.: 21 дек. 1924, первая запись; после 21 дек. 1924.

О перепечатках см.: 1 марта 1925, четвертая запись; 29 марта 1925, первая запись; 24 мая 1925, шестая запись; после 26 мая 1925.

А.А.Козловский отмечает:

«Первая строка стихотворения “Свет шафранный вечернего края...” известна в двух вариантах: в черновом автографе — “Свет вечерний шафранного края”, в беловом автографе и всех трех прижизненных публикациях — “Свет шафранный вечернего края”. Существуют различные точки зрения по поводу того, какую из этих редакций следует считать правильной. Одни исследователи (В.Г.Белоусов, А.П.Ломан, С.П.Кошечкин и др.) полагают, что точной является редакция “Свет шафранный вечернего края”. В.Г.Белоусов, например, пишет: “При жизни Есенина стихотворение печаталось лишь со строкой «Свет шафранный вечернего края». Она осталась неизменной и в Собрании стихотворений (1926–1927), подготовка которого шла с участием поэта. Воля Есенина в отношении окончательного текста стихотворения очевидна” (Хроника, 2, 328).

Действительно, в беловом автографе, который служил оригиналом для публикации стихотворения в З.Вост. и опосредованно в Кр. ниве и Перс. мот. строка читается — “Свет шафранный вечернего края”. Однако следует учитывать, что публикация в тифлисской газете проходила без авторской корректуры (Есенин находился в эти дни в Батуме, текст был отослан 16 января, опубликован 18 января, и обмен корректурами физически не мог состояться). Также без авторского участия осуществлялась публикация в Кр. ниве (кто и в каком виде передал в редакцию текст — неизвестно, вероятнее всего, он был скопирован кем-то из домашних с публикации в З.Вост., о чем свидетельствует сохранение опечатки в ст. 22 — “твоя” вместо “своя”), корректуру этого издания Есенин также держать не мог, так как номер журнала вышел в свет в день его возвращения с Кавказа. Видимо, по этой тифлисской публикации печаталось стихотворение и в Перс. мот., так как там также сохраняется та же самая опечатка в ст. 22. В наб. экз. стихотворение представлено в виде вырезки из З.Вост. Авторской правки или каких-либо других его помет на вырезке нет. Таким образом, мы располагаем по существу двумя источниками текста: первый — черновой автограф и второй — беловой автограф, поскольку все прижизненные издания являются механическим повторением текста этого белового автографа.

В черновом автографе строка ясно читается “Свет вечерний шафранного края”. Более того, в том же автографе один из промежуточных вариантов пятой строки “Спой мне песню шафранного края”. Слово “шафран”, “шафранный” употреблялось Есениным или как цветное определение (“Отчего луна так светит тускло, Отчего бледна и не шафранна” — так читаются данные строки в черновике), или как синоним восточной неги, наслаждения (“И тебя блаженством ошафранит”). Представляется, что в строке “Свет вечерний шафранного края” оно употреблено именно во втором значении — край неги и блаженства, край восточной сказки. Вряд ли можно предположить, что слово было использовано поэтом в колористическом смысле, как определение желтого или желтовато-коричневого цвета. Надо учитывать, что в цикле у Есенина неоднократно появляется цветное определение этого края, но оно неизменно голубое или синее: “Голубая родина Фирдуси”, “Голубой и ласковой страны”, “Голубая да веселая страна”, “Воздух прозрачный и синий”. Трудно допустить, чтобы в одном из стихотворений появился совсем другой, по существу — противоположный цветовой эпитет.

Новая редакция этой строки, когда эпитеты поменялись местами, появилась в беловом автографе, который был подготовлен автором для отправки в редакцию З.Вост. Представляется, что подобная рокировка произошла не на творческой основе, а представляла собой обычную опisku, к тому же случившуюся не на стадии создания произведения, а при подготовке его списка для редакционных нужд. Подобные механические описки встречаются в наследии Есенина, в частности, и в текстах этого цикла.

Так, например, в стихотворении “Я спросил сегодня у менялы...” ст. 6 в газетной публикации, несомненно восходящей к авторскому списку, читается “Тихие ветра, легче Ванских струй”, хотя в тексте должно быть “Легче ветра, тише Ванских струй”, а в ст. 10 в двух источниках печаталось “В сердце радость глубже притая”, хотя должно было быть не “радость”, а “робость”.

С.А.Толстая-Есенина относительно первопечатной редакции строки замечала: “Предполагаем, что это опечатка, не замеченная автором” (Комментарий. ГЛМ). Она исправила ее по автографу в издании: С.Есенин, Избранное. М., 1946. Подобной точки зрения придерживался и П.И.Чагин, также печатавший эту строку в изданиях, которые он готовил, в редакции чернового автографа. При подготовке “Собрания сочинений” Есенина (1960) относительно редакции “Свет вечерний шафранного края” П.И.Чагин заметил: “Да. Именно так” (помета на рукописи) <архив автора комментария>.

А.А.Козловский — Есенин, I, 650–653.

Московская газета «Известия ЦИК СССР и ВЦИК Советов» (№ 15; раздел «Критика и библиография»; подпись: «Г-Б») помещает рецензию

Б.Гиммельфарба на книгу «Марксистская хрестоматия по литературе» (издательство «Новая Москва», 1925) с упоминанием имени Есенина:

«Заканчивается хрестоматия характеристиками писателей — Либединского, Ляшко, Неверова, Сейфуллиной, Серафимовича, Вс. Иванова, Есенина, Клюева, Безыменского, Д.Бедного, поэтов “Кузины” и др. Здесь особенно интересна статья В.Полянского “Две поэзии”, взятая из его сборника “На литературном фронте”, в которой четко устанавливается отличие пролетарской поэзии от буржуазной».

О выходе книги см.: до 16 — до 31 дек. 1924, вторая запись.

Январь, до 19. Н.К.Вержбицкий посылает Есенину телеграмму с просьбой, чтобы поэт немедленно приехал в Тифлис (неизвестна).

Сведения о содержании телеграммы и границе события устанавливаются по письму Г.С.Назарова Есенину (см.: 19 янв. 1925, вторая запись).

Январь, 19. Ленинградское издательство «Прибой» выпускает второе, исправленное и дополненное издание «Книгу для чтения по истории новейшей русской литературы: Рабоче-крестьянское творчество за 30 лет. Поэзия. Критика. Беллетристика. Документы. Материалы литературных групп» (составитель В.Л.Львов-Рогачевский) с произведениями Есенина и материалами о нем.

Инвентаризационный каталог, 87.

Второй отдел книги «Литература рабоче-крестьянская» открывается (как сказано в ее оглавлении, «вместо эпиграфа») стихотворением Есенина «О Русь, взмахни крыльями...». Во второй главе указанного отдела («Лирика новокрестьянских поэтов. Пимен Карпов — С.Клычков — Н.Клюев — А.Ширяевец — С.Есенин — П.Орешин — Я.Тисленко») помещены:

— автобиография Есенина (Берлин, 14 мая 1922 г.) и его стихотворения и маленькие поэмы: «Товарищ», «За темной прядью перелесиц...», «Голубень», «Гой ты, Русь моя родная...», «Матушка в Купальницу по лесу ходила...», «Проплясал, проплакал дождь весенний...», «Исповедь хулигана», «Сорокоуст», «Всё живое особой метой...», «Заметался пожар голубой...», «Ты такая ж простая, как все...».

Кроме того, имя Есенина неоднократно упоминается в этой главе:

— в статье В.Л.Львова-Рогачевского «Новокрестьянское творчество»: «В 1915–16 гг. в “Заветях” и “Ежемесячном журнале” Миролубова, который всегда был чутким, внимательным и серьезным другом молодых начинающих писателей, печатаются стихи молодых поэтов: <...> С.А.Есенина <...>. В 1916 и 18 гг. Сергей Есенин выпускает свои два сборника “Радуница” и “Голубень”, в 1918–19 гг. тот же поэт выпускает сборники “Сельский часослов” и “Преображение”. <...>»

Сергей Есенин отозвался на революцию в 1918 году в коллективном сборнике “Красный звон”, где он выступил с целым рядом прекрасных стихотворений, проникнутых красотой ярких и необычных образов, согретых огнем неподдельного вдохновения. Лучшим из этих стихотворений была былина о Марфе Посаднице, стильная, величественная и ударяющая по сердцам с неведомою силой... Эта поэма-былина была написана еще в сентябре 1914 г., но могла появиться только в 1918 г. <...>»

Это изумительное по строгой красоте стихотворение, приветствовавшее в 1914 г. Новгородскую зарю, показывало, какие возможности предстояли молодому поэту, которому в 1914 г. было всего 19 лет.

В ряде других революционных стихотворений: “Товарищ”, “Ус”, “Певущий зов”, “Отчарь” — поэт — крестьянский сын явился откликом “буйственной Руси”, “ее певучих зовов”.

Каждая строка его песен светилась, горела огнем восторга и мечты, ликованием пасхальных песнопений.

Радуйтесь!
Земля предстала
Новой купели!
Догорели
Синие метели,
И земля потеряла жало...

(“Красный звон”, стр. 36).

Так поэт С.Есенин, и в песнях его слышен “Волховский звон и Буслаев загул”. Будущее рисуется поэту, как золотое лето в голубом саду, и кажется веселому кудрявому песеннику, синеглазому благовестителю, что

Кто-то мудрый, несказанный,
Всё себе подобя,
Всех живущих греет песней,
Мертвых — сном во гробе.
Кто-то учит нас и просит
Постигать и мерить.
Не губить пришли мы в мире.
А любить и верить!

(“Красный звон”, стр. 38).

Из революционных стихов С.Есенина особенной задушевностью и необычной красотой отличалось чудесное стихотворение “Товарищ”.

Эти немногие революционные стихотворения С.Есенина были отмечены печатью большого оригинального дарования. И во всех этих красных поэмах и песнях была одна характерная для поэта-крестьянина черта: его Марфа Новгородская переписывается с богом, Московский царь продает душу антихристу, Мартин идет биться “за равенство, за труд” вместе с товарищем Иисусом, донской казак Ус “смотрит Иисусом”... Певцу революции хочется слить пасхальный звон храмов с красным звоном революции, страстотерпца Христа пасхальных песнопений сблизить с самоотверженным героем революции, хочется повенчать религиозное с революционным. В самую религию пытается С.Есенин влить новое революционное содержание, но делает это с большой смелостью и с очень скудным багажом. В книге “Преображение” пишет он очень длинное стихотворение “Инония”, посвящает его пророку Иеремии, начинает его трескучими словами, совершенно не идущими к его прежней манере писать, к его обычно искреннему, задушевному тону. Не революционно, а смешно, по-мальчишески нелепо звучат его слова: “Даже богу я вышиплю бороду осколком <так!> моих зубов”.

С телячьей радостью поэт-мытик Есенин о своем “отелившемся боге”, на радость Шершеневичам и Мариенгофам славит новое Вознесенье, нагромождает образы один не-

обычной другого, но вся его новая вера сводится к проповеди радости, жизни “без креста и мук”.

Новый на кобыле
Едет к миру Спас.
Наша вера в силе,
Наша правда — в нас.

В этой новой вере, которой отелился “пророк Есенин”, остались старые мехи, в которые пытается под влиянием революции влить новое вино всегда радостный и всегда “разбойный” Сергей Есенин. Старые мехи расплозаются, а новое вино льется в грязь ма-риенгофщины. То, что было революционного и ценного в этом вине, давно уже провозглашено без всякого ломанья и кошуинства, без всякого показывания языка, без всякого “отеленья”... Это стихотворение показательно, как документ революционной эпохи, а не как пророческое послание, оно интересно, как следствие, а не как причина. Но в этом пьяном лепете нельзя не отметить общую черту новой поэзии: хмельную радость, дерзкий вызов прошлому.

В своих стихах Сергей Есенин силен не мыслью, а настроением. И когда это настроение искренно, когда оно выражается без вычур, без позы и кривлянья, без шаманства — оно захватывает и пленяет читателя. А когда этого настроения нет, получается что-то крикливо-вымученное, и хочется напомнить тогда поэту его же стихи из книги “Преображенье”.

Песни, песни, чего вы кричите?
Иль вам нечего больше дать?..
... Несчастье родиться поэтом
И своих же стихов не любить!..

Его прекрасные революционные стихи пришли к нему, как радостный гость на короткое время, пришли не как результат глубокого революционного мирозерцания, а как вспышка восторженного настроения.

После 1919 г. С.Есенин отходит всё дальше от этих настроений. Вчерашнему “революционеру” более по душе “Исповедь хулигана”. Он “лохобную надпись заборную обрашает в священный псалом”. Он сближается с литературной богемой, с группой поэтов из буржуазной среды. Шелковую косоворотку и мужицкий армячек он сменяет на новые одежды. “А теперь хожу в цилиндре и лаковых башмаках”, — пишет друг Мариенгофа и Щершеневича. В его новую поэзию ворвался “ласковый” стих поэтов, отравленных литературщиной»;

— в его же вступлении к подборке стихов Есенина:

«На творчестве С.Есенина ярко сказался кризис, пережитый патриархальной деревней. Он пропел “сорокоуст” над старым уходящим миром, но сам оказался поэтом, у которого всё больше уходит из-под ног почва. Городская богема засасывает его, а город отравляет внешним блеском. От деревенской революционности С.Есенин, “озорник с детства”, пришел к деревенскому нигилизму, от деревенского нигилизма — к нигилизму городской богемы. Но после поездки, или полета, за границу и посещения Америки и Европы Есенин стоит на грани пересмотра своего мировоззрения. Современный город с его железным гулом властно врывается в его поэзию. Связь его с прежней группой имажинистов рвется. Талантливому поэту недостает культурности, и серьезной угрозой его творчеству является тот хулиганский нигилизм, который он нередко воспекает. В 1923 г. он пытается объединиться с группой новокрестьянских поэтов и задумывает вместе с ними издавать журнал “Россияне”, но, прежде чем при-

няться за что-либо серьезное, талантливому поэту, отравленному ядом кабачков, надо очистить свое мировоззрение, надо понять, что в писательстве надо сохранять “сердце чисто” и хорошо и трезво разбирать, “правая, левая где сторона”... Над этим пора, давно пора серьезно задуматься Сергею Есенину, этому талантливейшему из поэтов. Ему много дано, с него много и взыщется!»;

— в его же материале, посвященном П.Орешину:

«У Николы <Орешина> другой лик, чем у Николы-милостника в прекраснейшей поэме Есенина “Микола”. Микола Орешина — спутник в горе брата-человека, Микола Есенина — “ласковый угодник”, поэт и созерцатель, русский Франциск Ассизский, влюбленный в красу мира.

П.В.Орешин озлоблен и непримирим. Он враждебен индивидуалистическим течениям в поэзии. Ласковый С.Есенин, с его вечно меняющимися настроениями, яркий индивидуалист. Один тяготеет к пролетарским поэтам, другой к буржуазно-упадочным течениям. “Исповедь хулигана” С.Есенина это исповедь поэта, потерявшего под ногами почву, поэта, захваченного опустошенными душевно Шершеневичами и Мариенгофами»;

— в стихотворении М.Голодного «Письмо Екатеринославской организации КСМУ»:

Тогда, читая письма, ценим
И боль за нас, и темный страх,
И стыд, что не один Есенин
Поёт в московских кабаках.

См также: до 14 сент. 1924, вторая запись;

— в примечании В.Л.Львова-Рогачевского к стихотворению И.Приблудного «Городу», где отмечено, что его автор находится под влиянием Есенина.

О первом издании книги см.: 21 июня 1924, первая запись.

Отклики см.: 5 мая 1925, четвертая запись; 25 мая ... 2 июня 1925; май (?) 1925; до 2 июня 1925; окт. (?) 1925, вторая запись.

Посылая Есенину газетную вырезку с его стихами из цикла «Персидские мотивы», Г.С.Назаров пишет ему из Тифлиса:

«Дорогая дадя Сирёж, первым долгом паздравляю тваю новый стихи, каторий была напечатана 17 <на самом деле 18> числа васкиресени газетая, эти стихи мне очин понравилась <...> дадя Коля <Вержбицкий> тебе написал писмо что прижай, ты ответ писма не написал, втарой раз я и дадя Коля дали тилиграму, что немедлина прижай — Вержбицкыму <телеграмма неизвестна>, опит ты нам ответ ни написал, потаму на тебе обидилис. Мы патаму пишим писмо, что кто-то из Сухум приехл к дади Коли и сказал, что Сирёжа живет плахом комнате, Сирёжи скучно. Кажни день ходит в сталовое, обедеет, и ему холодна. <...> хотим, чтоб ти здесь была. Татя Зося купил харошую печку, очень тепло, устроили хароший сталовая, купили ковры, прижай к нам, хотим, чтоб прихал к нам, будет тебе харашо дла твой работы. Дадя Коля тепер ночью не работает. Я и дадя Коля будим с табой всё время сидет и гулят. Ты написал про питухов стихи <“Метель”>; см.: 4 янв. 1925, третья запись», мне очин понравилась.

Дарагая Сирёжа, я убил 3 шт. питухов, кагда предиш, будиш спакойна спат, питухи не будуд тебе безпакойит.

Гитара плачит, завет тебе, мы все плачим без тебя. Дарагая Сирёж, дядя Коля и тотя Зося мне прасили написат, что приехати, ты говорил, что я дадо Колю лублу, вот уж видна, как лубишь, ни писмо пишиш, ни прижаеш. Прошу написат ответ, что прижаю или нет. И опиаг прашу, что нимедлин прехал.

Жоржик Назаров.

Ты прасил хлеб. Купили для тебе чорний-чорний хлеб, 15 ф. Прижай, прижай».

Письма, 267–268, с сохранением орфографии оригинала.

О «Персидских мотивах» в 3. Вост. см.: 18 янв. 1925, первая запись.

Позже Г.С. Назаров вспомнит:

«Как-то сели за стол обедать. Дядя Сережа глубоко вздохнул и сказал: “Как хочется настоящего черного хлеба, нашего ржаного”. Сидя за столом, я подумал: “Что такое ржаной?” Сначала я подумал, что это ржавый, хотя знал, что такого хлеба нет. На другой день я спросил у тети Зоси, что это за ржавый хлеб. Она так засмеялась, что чуть не выронила из рук миску со всякой зеленью. Я попросил у ней денег, чтобы завтра на базаре купить у русских такого хлеба. Купили целую буханку хлеба, притом черствого. Я оглядывал его, нет ли ржавчины на нем. А надо мной все смеялись. И позднее я узнал прелесть настоящего русского ржаного хлеба, который очень любил дядя Сережа».

Есенин, VI, 685.

Нью-йоркская газета «Новое русское слово» (№ 4376) дает объявление о выходе сборника «Поэзия большевистских дней» с упоминанием Есенина:

«Дешевая библиотека “Книга для всех”

Произведения русской классической и современной литературы <107 названий>:

№ 2–3 Поэзия большевистских дней (Блок, Эренбург, Есенин, Каменский, Шершеневич и др.)».

См. также: до 19 янв. 1921; 19, 20, 22, 26 и 28 янв. 1921; до 24 февр. 1921; 5, 7, 11, 14, 20 и 27 мая 1921; 4, 11, 18, 20 и 25 авг. 1921; 1, 13, 25 и 28 окт. 1921; 22 и 31 дек. 1921; 11 апр. 1922; 4 и 7 мая 1922; 5 ... 24 июня 1922; 1, 5, 6, 30 нояб. 1923; 12, 14, 17, 18 дек. 1923; 12, 13, 15, 22–24 окт. 1923; 7 и 9 февр. 1925.

Январь, 19 ... 23. Н.К.Вержбицкий пишет Есенину:

«Милый друг Сережа!

Я очень рад, что всё это так случилось <речь идет о мисс Оlli — “Нам она не ко двору”, — писал Есенин [VI, 196]>. Я с самого первого дня видел и чувствовал, что она не к твоему двору. Но было бы очень неделикатно с моей стороны, если бы я стал тебе что-нибудь советовать. Любовь — такая нежная штука.

Жалею, что твое письмо чересчур лаконично. Хотелось бы знать побольше подробностей о вашем батумском прозябании. Пиши поэтому.

Я бросил службу в “Заре Востока”, объяснился с Лифшицем, и мы с ним очень хорошо договорились: я выполняю только литературные заказы, сдельно. Уже печатается мой роман. Продал хороший рассказ, только что написанный. Даю в газету всякие мелочи. Много работаю дома. <...> Ежедневно бываю у старика Дурова, который гастролирует в цирке. Пьем с ним водку и музицируем.

И я, и Зося, и Жоржик усиленно просим тебя вернуться в Тифлис. Прямо к нам. Сундук скучает по тебе.

Ку-ку-шкин и я разговаривали с Лопатухиным о твоих расчетах. Результат разговора сообщит тебе устно Ваня.

Я в редакцию забегаяю на 1 час. Отношение со всеми по-прежнему хорошее. Новый год встречали все сотрудники вместе в духане.

Крепко целую тебя и хочу тебя видеть. Расцелуй от меня Льва Осиповича и доктора <Тарасенко>. <...> Пишу письмо Гале. Жаль Воронского».

Письма, 270.

Это ответ на письмо Есенина (см.: 31 дек. 1924, первая запись).

Детали переговоров с Э.Б.Лопатухиным неизвестны; судя по содержанию писем, тот вряд ли согласился с гонорарными претензиями поэта. О письме Н.К.Вержбицкого Г.А.Бениславской см.: 3 февр. 1925.

Январь, до 20. Есенин завершает черновой вариант поэмы «Анна Снегина».

Есенин, III, 642–645.

Событие и его граница устанавливаются с учетом письма Есенина к Г.А.Бениславской от 20 янв. 1925:

«Скажите Вардину, может ли он купить у меня поэму. 1000 строк. Лиро-эпическая. Оччень хорошая».

Есенин, VI, 198.

Под «очень хорошей поэмой» Есенин имеет в виду «Анну Снегину». «...Количество строк в поэме, о которой Есенин пишет во второй половине января — 1000. Это число существенно расходится с количеством строк в окончательном тексте, их — 782. Очевидно, что первоначальный вариант был больше по объему, и дальнейшая работа поэта, как обычно, была связана с отделкой и сокращением текста» (Шубникова-Гусева, 374–375).

Л.И.Повицкий вспомнит:

«Есенин засел за “Анну Снегину” и скоро ее закончил. Довольный, он говорил:

— Эх, если б так поработать несколько месяцев, сколько бы я написал!»

Восп., 2, 247.

См. также: до 14 дек. 1924, вторая запись; 14 дек. 1924, первая запись; 1–26 янв. 1925, первая запись; 26 янв. 1925, первая запись; конец янв. 1925; до 9 февр. 1925, третья запись; между 12 (13) и 17 или 18 февр. 1925; 19 или после 19 февр. 1925; 2–5 марта 1925, первая запись; 6 или 7 марта 1925; 14 марта 1925, первая запись.

Работает над новой поэмой и пьесой.

Из письма Есенина к Г.А.Бениславской от 20 янв. 1925:

«Пишу еще поэму и пьесу».

Есенин, VI, 198.

Возможно, имеется в виду маленькая поэма «Мой путь» (см.: около 20 янв. ... до 19 или до 25 февр. 1925). Пьеса неизвестна.

В тифлисском издательстве «Советский Кавказ» выходит книга Есенина «Страна советская» с эпиграфом на титульном листе:

...Остался в прошлом я одной ногою,
Стремясь догнать стальную рать,
Скольжу и падаю другою...

Содержание: Возвращение на родину; Русь советская, с посв.: «А. Сахарову»; Русь бесприютная; Русь уходящая; На Кавказе; Поэтам Грузии; Баллада о двадцати шести, с посвящением: «С любовью — прекрасному художнику Г.Якулову»; Письмо к женщине; Страна Негодяев [отрывки из драматической поэмы, монологи Рассветова, ч. 2-я.

Экспресс № 5; строки 1–99, 110–156]; Письмо от матери; Ответ; Стансы, «Посвящается П. Чагину»; Письмо деду; Ленин [отрывок из поэмы «Гуляй-поле»; строки 1–96]; Метель.

Цена 90 коп. Тираж — 5000 экз.

Граница события определяется по письму Есенина Г.А. Бениславской от 20 янв. 1925:

«На днях пришлю Вам две новых книги. Одна вышла в Баку, другая в Тифлисе...».

Есенин, VI, 198.

Речь идет о «Стране советской» и «Руси советской» (см.: до 25 дек. 1924).

По свидетельству Н.К. Вержбицкого, эпиграф в книге появился «по почину издателя» Вирапа (Н.А. Вирапяна), председателя правления акционерного общества «Советский Кавказ»:

«Всё, что было опубликовано Есениным в Тифлисе, в газете “Заря Востока”, директор издательства “Советский Кавказ” Вирап выпустил отдельным сборником (“Страна советская”) и, воспользовавшись тем, что автор в то время жил в Батуме, расположил стихи не так, как просил поэт, а по своему усмотрению и таким образом, что они по своему содержанию шли, если можно так выразиться, не по восходящей, а по нисходящей линии — от мажорного к минорному. Кроме того, издатель нарушил хронологическую последовательность, определяемую авторскими датами написания остальных произведений. А весь сборник заканчивался мрачным стихотворением “Метель”.

Издатель на этом не остановился. В довершение всего он по своему почину предположил сборнику эпиграф, поместив его на титульном листе <...>.

В поэме <“Русь уходящая”> эта фраза была уместна и понятна. Там она говорила о чем-то временном, преодолеваемом. <...> Контекст подтверждал, что сам поэт смотрит на эти “падения” лишь как на временные и неизбежные обстоятельства. Но вырванная из стихотворения, да еще поставленная на титуле книги, рядом с названием сборника, эта фраза звучала весьма похоронно. Во всяком случае, такого мнения был сам поэт, который говорил по этому поводу, что вообще надо быть идиотски самоуверенным, чтобы на данном этапе утверждать, будто ты уже обеими ногами и совершенно твердо стоишь в социализме.

— А то, что я “скольжу и падаю”, — продолжал он, — так кому же из нас, поэтов, не приходилось испытывать этого? Лишь бы хватало желания искренне признавать свои ошибки... И наконец, “падать” еще не значит “упасть” окончательно, без всякой надежды подняться, как этого, очевидно, хочет от меня Вирап!

<...> я нимало не удивился, услышав целый каскад ругательств, когда в конце февраля 1925 года, проездом через Тифлис, остановившись у меня на сутки, Есенин гневно потрясал в воздухе сборником “Страна советская”, где в самом конце было поставлено стихотворение “Метель”, а стихотворение “Весна” <должно было завершать сборник> вовсе отсутствовало.

— Провокация! — кричал Сергей и делал такие движения руками, словно собирался задушить Вирапа...»

Вержбицкий, 102–105.

Крик В. Липковский так отвечает об оформлении издания:

«Общее впечатление — приятный сюрприз всем читателям, давно махнувшим рукой на тифлиские типографии. Четкий, красивый шрифт и краски, хорошая бумага, художественно выполненная обложка и общая чистота издания делают сборник, как говорят заядлые книголюбы, “приятной книжкой”. Можно пожалеть только о не совсем опрятной корректуре».

З. Вост., 1925, 20 февр., № 809.

См. Приложение.

Информацию и отклики см.: до 24 янв. 1925; 24 янв. 1925, вторая запись; 18 февр. 1925, третья запись; 19 февр. 1925, первая запись; 20 февр. 1925, первая запись; 21 февр. 1925, вторая и третья записи; 25 февр. 1925, вторая запись; 15 марта 1925, первая и пятая записи; с 10 на 11 или 11 апр. 1925; 18 апр. 1925, первая запись; нояб. (?) 1925, четвертая запись.

В московской 16-й типографии Мосполиграфа идет набор книги Есенина «О России и революции».

Событие и его граница устанавливаются по письму Г.А.Бениславской Есенину (20 янв. 1925): «Книжка Берлина в наборе. Скоро будет готова».

Письма, 269.

См. также: 11–12 дек. 1924; конец апр. ... до 4 мая 1925; 1 ... 15 мая 1925; 4 мая 1925, вторая запись; 31 июля 1925, вторая запись; 1 сент. 1925, третья запись; Есенин, VII (3), 381—382.

Принимается решение о передаче издания собрания сочинений Есенина в одном томе из Госиздата в издательство «Круг».

Событие и его граница устанавливаются по письму Г.А.Бениславской к Есенину от 20 янв. 1925 г.:

«Том Ваш будет издавать Богомирский <Богомильский из издательства “Круг”>». Письма, 269.

Январь, 20. Есенин пишет Г.А.Бениславской:

«Милая Галя! Простите, что пишу наспех. Мне здесь дьявольски надоело. Скоро соберу манатки и перееду в Баку, а пока пишете сюда. Описывайте всё как есть.

Том берлинский Вы можете достать у Собко и дополучить с них за “Русь советскую”. Я продавал им без этой вещи.

Скажите Вардину, может ли он купить у меня поэму. 1000 строк. Лиро-эпическая <см.: до 20 янв. 1925, первая запись>. Оч<ень> хорошая. Мне 1000 р. нужно будет на предмет поездки в Персию или Константинополь. Вы же можете продать ее как книгу и получ<ить> еще 1000 р. для своих нужд, вас окружающих.

Здесь очень скверно. Выпал снег. Ужасно большой занос. Потом было землетрясение. Я страшно скучаю. Батум хуже деревни. Оч<ень> маленький, и все друг друга знают наперечет. Играю с тоски в бильярд. Теперь я Сахарову могу дать 3–4 шара вперед. От двух бортов бью в средину так, что можно за показ брать деньги».

Сообщая о выходе своих книг «Русь советская» (см.: до 25 дек. 1924) и «Страна советская», (см.: до 20 янв. 1925, третья запись), добавляет:

«Хорошо жить в Сов<етской> России. Разъезжаю себе, как Чичиков, и не покупаю, а продаю мертвые души. Пришлите мне всё, что вышло из нов<ых> книг, а то читать нечего. Ну, пока. Жму руки. Приветы. Приветы».

Есенин, VI, 197–198, 665–667.

См. Приложение.

Г.А.Бениславская пишет Есенину:

«Солнышко мое, родной Сергей Александрович.

Что ж Вы? Опять спрятались? С 1 января и до 21 — ни слова. Почему? Настроение, погода или что-либо худшее? Решили помучать? <...> Пишите, хоть по 2 строчки, а пишете».

Сообщает о поездке в Ленинград вместе с Е.А.Есениной, об издательских делах (см.: середина (?) янв. 1925) и о том, что «забрали у Сахаровых Ваши вещи». Рассказывает о визите к Ф.Ф.Раскольникову в «Красную новь» и о его записке (см.: 16 янв. 1925, третья запись; 17 янв. 1925, вторая запись). И продолжает:

«... посылаю ее Вам, только не теряйте Вы писем. <...> Как там вообще Ваши черновики и письма пожидают? Всё в целости и в порядке? В “Прожекторе” будет “Русь бесприютная” <см.: 31 янв. 1925, первая запись>.

Есть у нас “Метель” и “Весна”, мне нравится, а Катя так испугалась “Метели”, что ей не очень понравилось. А Вам лень даже прислать нам. Присылайте сразу же, вырезая из газеты, чтоб не переписывать. И всё аккуратно шлите.

С деньгами мы устроены. Вам сейчас послать не сможем, как у Вас там с ними? Нужны? Если нужны, напишите, устроимся и вышлем. Мне что-то кажется, что Вам нужны. Да? Пишите прямо.

Эрлик Вам напишет о делах петроградских. <...> Анна Абрамовна <...> чем-то недовольна в Вас, по-моему, это после известия о том, что Вы женились <см.: конец дек. 1924 — начало 1925, первая запись>. Вообще она дурью мается, сама не знает, чего хочет. <...>

Домой деньги пошлем 2-го февраля.

Ну, вот пишу всё это подробно, а сердце ноет, ведь не знаю, что с Вами, не случилось ли чего, и не пишется. Заставляю себя писать.

Целую любимого, родного.

Не мучьте, пишите».

Письма, 268–270.

См. также: 1 янв. 1925, третья запись; 15 янв. 1925.

Берлинская газета «Дни» (№ 669) дает рекламное объявление о подписке на 1925 год на еженедельный художественно-литературный журнал «Наш огонек» (Рига) с упоминанием Есенина в перечне авторов.

«В журнале принимают участие: <...>

А.Ахматова, К.Бальмонт, <...> И.Белоусов, А.Берзинь, <...> Ян Грин, <...> Серг. Есенин <...> Ник. Клюев <...> Ив. Морозов, Е.Нечаев, П.Орешин <...> Е.Шаров, Ф.Шкулев <...>.

* * *

«Наш огонек» является единственным за рубежом России журналом, издаваемым по типу перераб. “Огонька”.

«Наш огонек» — внепартийный орган, не связанный ни с какими политическими партиями и группировками.

«Наш огонек» задался целью дать читателю художественно-литературный материал, освещающий культурную работу молодых Балтийских республик, и отражать в иллюстрациях всю мировую жизнь».

Рижская газета «Народная мысль» (№ 15) сообщает о выходе журнала «Наш огонек» (№ 3) со стихами Есенина.

См.: 17 янв. 1925, третья запись.

Январь, около 20 — Февраль, до 19 или до 25. Есенин пишет маленькую поэму «Мой путь».

Есенин, II, 159—165, 246, 452.

Верхняя граница события устанавливается с учетом того, что строфа «Моего пути» является составной частью инскрипта Есенина Ю.А.Тетруевой (см.: 19 ... 25 февр. 1925). Нижняя граница определяется

ориентировочно по словам поэта в письме к Г.А.Бениславской (20 янв. 1925): «Пишу еще <кроме “Анны Снегиной”> поэму...» (VI, 198, 667).

Об источниках текста произведения более позднего времени см.: после 2 марта 1925, первая запись; до 26 мая 1925.

О его публикациях см.: 5 марта 1925, пятая запись; 20 марта 1925, вторая запись; 24 апр. 1925; после 26 мая 1925.

Январь, 21. Е.А.Есенина пишет брату:

«Дорогой Сергей!

Уже почти три недели как не получаем от тебя ни строчки. Будь добр, напиши хоть, что жив и здоров, и больше можешь ничего не писать. И это <го> с нас хватит. Да еще напиши, есть ли у тебя деньги, а то мы тебе перешлем. Здесь мы должны получить за твои стихи у Берлина, и вообще у нас деньги есть. Потом мне что-то кажется, что ты думаешь ехать в Москву. Знаешь, лучше не езжай, потому здесь сейчас такая склока во всём, что упаси господи. Литературная братия всё грызется из-за чего-то. Почти все друг на друга смотрят косо.

Политики с ума сходят.

Погода и та взбеленилась, глядя на всех, и такое творится на улице, что не разберешь, снег ли, дождь ли, холодно или тепло. Так как-то всё с ума походило, лучше не приезжай, а то и тебе не поздоровится. Здесь прямо скоро свету конец будет. А всё подробно описала Галя. Мне больше писать нечего.

Пока до свиданья. Целую крепко-крепко.

21 / I. Катя.

Привет от Шуры».

Шубникова-Гусева-2008, 269.

Год написания письма устанавливается по содержанию с учетом слов: «Уже почти три недели, как не получаем от тебя ни строчки», — и упоминания письма Г.А.Бениславской Есенину от 20 янв. 1925 («подробно описала Галя»).

Посылая В.Эрлиху текст есенинской «Поэмы о 36» и его книгу «Стихи (1920–24)», Г.А.Бениславская пишет:

«Ну, здравствуйте, Эрлих! Столько здесь дел, что только сегодня собралась к Вам.

Приехали <в Москву>. Узнали, что “Бакинский рабочий” издал книжку “Русь советская”. Туда вошли все, начиная с “Возвращения на родину” и кончая “Письмами”. Это самое неприятное — “Письмо от матери” и “Ответ” там есть. Нет “Руси уходящей”. Книга издана в Баку, но попадает иногда в московских книжных магазинах. Как быть с “Ковшом” <о сдаче туда названных стихотворений см.: середина (?) янв. 1925, вторая запись>? Вообще же об этом никому ни слова. Только напишите нам, что думаете по сему поводу. Туда и “36” вошло. <...> Напишите, как с “36”-ю и с “Красной звездой”.

Сам Сергей Александрович что-то замолчал. Перед тем часто нас баловал, а сейчас ни гугу. <...>

Оле мы нарассказали о Вас много хорошего, передали привет от Вас. Одним словом, почва подготовлена. Приедете — гостем будете.

“36” и книжку “Круга” посылаю.

Что ж вы, этакий, не пишете!

Приветы от всех нас. Что у Вас плохого и хорошего?»

Письма, 344.

О продвижении публикации есенинских стихов в альманахе «Ковш» см. также: 31 янв. 1925, третья запись; 12 мая 1925, четвертая запись. Публикация не состоялась.

«Поэма о 36» могла быть послана В.Эрлиху, например, в виде вырезки из 3. Вост. (1924, 25 сент., № 686).

О сб. «Стихи (1920–24)» см.: после 10 окт. ... нояб. (?) 1924; 1 янв. 1925, вторая запись; февр. 1925, первая запись; февр. (?) 1925, первая запись; 4 ... 25 марта 1925; 5 марта 1925, пятая запись; 11 марта 1925, первая запись; до 15 марта 1925, первая запись; 19 марта 1925, четвертая запись; 25 марта 1925, первая запись; 26 апр. ... 5 мая 1925, не позднее июня 1925.

О сб. «Русь советская» см.: до 25 дек. 1924; 25 дек. 1924, первая запись; до 4 марта 1925; 28 июля 1925, четвертая запись; 31 июля 1925, вторая запись; 1 сент. 1925, третья запись; 3 сент. 1925, вторая запись; 12 сент. 1925, седьмая запись; 27 сент. 1925, вторая запись; окт. (?) 1925, вторая запись.

Берлинская газета «Руль» (№ 1256; рубрика «Критика и библиография») перепечатывает «Словарь писателей» с упоминанием Есенина.

Об исходном источнике см.: 13 янв. 1925, вторая запись.

См. также: 22 янв. 1925; 8 февр. 1925, вторая запись.

Харбинская газета «Рупор» (№ 1154) публикует анонимную заметку «Из жизни Айседоры и Есенина»:

«В Берлине вызвало сенсацию заявление танцовщицы Айседоры Дункан, поведавшей журналистам следующие свои планы:

— Да, я намерена опубликовать и издать 1000 любовных писем, полученных мною от моих возлюбленных за время выступления в качестве “босоножки”.

То, что это разрушает массу семей моих возлюбленных и поклонников, меня не трогает и не оставит. Ко мне никто не пришел на помощь, когда я была в затруднительном положении. Я теперь не намерена заботиться об их семье и репутации.

— Вы спрашиваете, где мой супруг — поэт Сергей Есенин. Он писал мне, что едет на Кавказ, где будет лучше описывать “переживания бандита”. Поэтому он сам намерен стать бандитом, чтобы лучше описать их. Он должен сам пережить всё это».

См. также: 28 дек. 1924, вторая запись; 2 янв. 1925; 4 янв. 1925, пятая запись; 12 янв. 1925; 13 янв. 1925, четвертая запись; 14 февр. 1925, третья запись; 17 марта 1925, третья запись.

Январь, 22. Рижская газета «Сегодня» (№ 17) помещает «Большевистский словарь писателей» с характеристикой Есенина.

Об источнике перепечатки см.: 13 янв. 1925, вторая запись.

См. также: 21 янв. 1925, третья запись; 8 февр. 1925, вторая запись.

Январь, 23. Есенин посылает телеграмму Г.А.Бениславской:

«М<о>сква Ваганьковский “Беднота” Бениславской

М<о>сква Батума 402 / 5. 11. 23. 12 54.

Здоров посылаю письма неделю приеду Есенин».

Шубникова-Гусева-2008, 294–295.

Месяц и год отправки телеграммы устанавливаются с учетом времени пребывания Есенина в Батуми и слов из его письма к Г.А.Бениславской (20 янв. 1925): «Мне здесь дьявольски надоело. Скоро соберу манатки и перееду в Баку».

Скорее всего, эта телеграмма является ответом на письмо Г.А.Бениславской, ныне не известное (см. о нем также: 26 янв. 1925, первая запись).

См. Приложение.

Нью-йоркская газета «Русский голос» (№ 3356; рубрика «Разное. Московское обозрение. Москва») дает запоздалую неподписанную инфор-

мацию о намеченном к постановке театрализованном представлении, одним из героев которого является Есенин.

«Московский “Театр Сатиры” с начала нынешнего сезона ставит обозрение “Москва с точки зрения...”, при этом понимается точка зрения литературная, художественная, драматическая, бытовая, коммунистическая, нэпмановская, финансовая и т. д. Перед советской публикой, как в калейдоскопе, проходят явления и текущие события, наиболее интересующие нынешнего московского обывателя. В обозрении выступают карикатуры на поэтов, писателей как <так!> на Есенина, Эренбурга, Белого, Пильняка, Маяковского, Мандельштама, Ахматову и Алексея Толстого».

См. также: 1 окт. 1924; 1 янв. 1925, пятая запись; 2 и 3 янв. 1925; 1 февр. 1925, третья запись; 11, 13, 15 февр. 1925.

Январь, до 24. Вирап получает письмо Есенина (не разыскано), в котором поэт дает указания о составе сборника «Страна советская».

Событие устанавливается по письму издателя Есенину (24 янв. 1925):

«Получил твое письмо. Оно опоздало. Твоя книжка уже вышла <см.: до 20 янв. 1925, третья запись>».

Письма, 271.

См. также: 24 янв. 1925, вторая запись; 18 февр. 1925, третья запись; 19 февр. 1925, первая запись; 20 февр. 1925, первая запись; 21 февр. 1925, вторая и третья записи; 25 февр. 1925, вторая запись; 15 марта 1925, первая и пятая записи; с 10 на 11 или 11 апр. 1925; 18 апр. 1925, первая запись; нояб. (?) 1925, четвертая запись.

Январь, 24. Тифлисская газета «Заря Востока» (№ 786) публикует стихотворение Есенина «Письмо деду».

Об исходной публикации см.: 29 дек. 1924.

О других перепечатках см.: до 20 янв. 1925, третья запись; 28 февр. 1925, первая и вторая записи; 29 марта 1925, вторая запись; 30 марта 1925, пятая запись.

Н.А.Вирапян из Тифлиса пишет Есенину.

Сообщив о получении письма поэта и о выходе Стр. сов. (см.: до 20 янв. 1925, третья запись), продолжает: «Узнав о бакинском сборнике <“Русь советская”>, см.: до 25 дек. 1924>, мы просто прибавили к нашему изданию кое-какие стихи <сверх 12 произведений, зафиксированных в издательском договоре (см. о нем: 3 дек. 1924)>; незапланированными стихотворениями, включенными в сборник, были “Письмо деду”, “Ленин” и “Метель”>. Из сборника увидишь. Ты большой свинья. Что же поделаешь? Чёрт с тобой. Не буду же с тобой драться. Ведь ты человек неплохой. Следующий раз буду бить по мордам».

Книжка, как видишь, вышла неплохая. Да мы плохо не издаем из принципа».

Письма, 271.

См. также: до 24 янв. 1924; 18 февр. 1925, третья запись; 19 февр. 1925, первая запись; 20 февр. 1925, первая запись; 21 февр. 1925, вторая и третья записи; 25 февр. 1925, вторая запись; 15 марта 1925, первая и пятая записи; с 10 на 11 или 11 апр. 1925; 18 апр. 1925, первая запись; нояб. (?) 1925, четвертая запись.

Калужская газета «Коммуна» (№ 19) помещает информацию «150 лет со дня смерти Пугачева», в которой упоминается «Пугачев» Есенина:

«23 января с. г. исполнилось 150 лет со дня смерти Емельяна Пугачева, казненного в Москве 10 января (по ст. стилию) 1775 г.»

Москва отмечает эту годовщину главным образом в литературных изданиях и театральных постановках.

<...> В репертуар театра Революции включена трагедия С.Есенина “Пугачев”».

Январь, 25. Журнал «Ленинград» (№ 2) печатает статью И.Оксёнова «Ленин в русской поэзии»:

«Есенин в “Отрывке из поэмы” (третий альманах “Круга”) подошел ближе к Ленину-человеку:

Суровый гений, он меня
Влечет не по своей фигуре,
Он не садился на коня
И не летел навстречу буре...
Для нас условен стал герой,
Мы любим тех, кто в черных масках,
А он с сопливой детворой
Зимой катался на салазках.

Но проникнуть в существо Ленина-вождя Есенину было не дано:

Застенчивый, простой и милый,
Он вроде сфинкса предо мной.
Я не пойму, какую силой
Сумел потрясть он шар земной».

См. также: конец апр. — до 15 мая 1924, первая запись; 31 мая 1924, первая запись; 10 июля 1924, вторая запись; до 16 — до 31 авг. 1924, вторая запись; до 20 авг. 1924; 28 авг. 1924; 1 сент. 1924, вторая запись; 1 янв. 1925, четвертая запись.

В помещении Российской Академии Художественных Наук (Кропоткинская ул., 26) вступительным словом А.В.Луначарского открывается выставка революционной литературы, приуроченная к 20-летию Первой русской революции. Есенин представлен в разделе новокрестьянских писателей, а также на витрине «Современность и Пушкин».

Событие и его дата устанавливаются на основании информации М.Г.-ского, опубликованной в газ. «Вечерняя Москва» (26 янв., № 20). См. также: газ. «Известия ЦИК СССР и ВЦИК Советов» (1925, 27 янв., № 21).

Содержание выставки наиболее подробно описано в обзоре В.Г.Ливенко «Выставка революционной литературы» (см.: 10 февр. 1925).

Выставка продлится по 22 февр. 1925. Затем будет перевезена в Ленинград, где пополнится и будет открыта 18 марта.

См. также: 1 февр. 1925, первая запись; 4 февр. 1925, первая запись; 18 марта 1925, третья запись; до 8 апр. 1925, четвертая запись; до 23 апр. 1925.

Январь, 26. Есенин пишет Н.К.Вержбицкому:

«Милый Коля! Ради революции, не обижайся на меня, голубарь! Погода дьявольская, в комнате так холодно, что я даже карандаш не в состоянии держать. Стихи пишу только в голове, а так бросить пару слов считал уж совсем никчемным делом».

Высоко оценивает роман адресата «Три и один» и его рассказ «Всяк сверчок», опубликованные в «Заре Востока» (см.: 1–26 янв. 1925, третья запись; 7 янв. 1925, первая запись). Просит передать Жоржику

Назарову, который прислал «замечательное письмо» (см.: 19 янв. 1925, вторая запись), что недели через две придет в Тифлис. Рассказывает о своей жизни в Батуми («еще раз познакомился с 2-м районом милиции»). И продолжает:

«Завел новый роман, а женщину с кошкой <О.Кобцову> не вижу второй месяц. Послал ее к черту. Да и вообще с женьбой я просто дурака валял. Я в эти оглобли не коренник <...>».

Пиши Гале <Бениславской>. Она прислала тебе привет».

В связи с выходом в Тифлисе его книги «Страна советская» просит напомнить издателю, чтобы тот прислал авторские экземпляры. Сообщает:

«Сейчас заканчиваю писать оч^{ень} большую поэму».

Речь идет об «Анне Снегиной».

Есенин, VI, 198–200, 667–670.

См. также: до 14 дек. 1924, вторая запись; 14 дек. 1924, первая запись; 1–26 янв. 1925, первая запись; до 20 янв. 1925, первая запись; конец янв. 1925; до 9 февр. 1925, третья запись; между 12 (13) и 17 или 18 февр. 1925; 19 или после 19 февр. 1925; 2–5 марта 1925, первая запись; 6 или 7 марта 1925; 14 марта 1925, первая запись.

Л.И.Повицкий пишет Е.И.Лившиц:

«Милая Женя!

Податель сего, мой старый друг доктор Тарасенко Михаил Степанович, хочет непременно с Вами близко познакомиться. Я, конечно, всячески не советовал М. С. это делать, но — ввиду упорства его — даю Ваш адрес. От М. С. Вы можете узнать, как я поживаю, как Сергей дни проводит и что такое вообще Батум. Было бы очень недурно, если бы Вы с Ритой весной прикатили к нам, поверьте, у нас неплохо».

Письма, 345.

Есенин делает приписку к этому письму:

«Я прибавляю мало. Привет и любовь Жене и Рите. Ехать сюда не советую, потому что здесь можно умереть от скуки. Как Вы? Что Вы?

Напишите. <...> Помню, люблю».

Есенин, VI, 201.

Провожает М.С.Тарасенко к поезду.

Событие устанавливается по словам Есенина из письма Н.К.Вержбицкому (см.: 26 янв. 1925, первая запись):

«Сейчас отправляюсь на вокзал провожать доктора в Москву».

Есенин, VI, 200.

В парижской газете «Звено» (№ 104) — очередная из «Литературных бесед» Г.В.Адамовича (на этот раз посвященная В.В.Маяковскому), где заходит речь о Есенине:

«...надо бы все-таки давно уже разобраться в “левой” поэзии, без пристрастия и без раздражения. Сейчас повсюду восхваляется Есенин, дряблый, вялый, приторно-слащавый стихотворец. За ним идет Тихонов, который всё же скорей беллетрист, чем поэт, Асеев, Пастернак, над которым всё-таки еще стоит вопросительный знак, затем всевозможные Бобровы, Третьяковы, Мариенгофы, которым нет ни конца, ни счёту.

Маяковский, признанный вождь “левых” лет десять назад, сейчас явно теряет лидерство. Он кажется слишком элементарным и простым. Между тем это всё-таки единственный поэт среди них, решительно не сравнимый с другими ни по ритмическому размаху,

ни по зоркости глаза. Отрицать это может только человек, предвзято настроенный или путающий искусство с тем, что к нему никак не относится».

Январь, 27. Иван Приблудный пишет Есенину:

«Славный учитель мой!
Сергунь мой белокурый!

Во первых строках моего письма — (извини за выражение) — благодарю тебя за то, что ты — по словам Гали и Кати — наконец вспомнил обо мне хотя вопросом “почему Приблудный не пишет?” <см.: 12 дек. 1924, первая запись>. Теперь я объясню тебе. Когда меня кто-либо спрашивал — где Есенин — я всегда тебя прятал в Персию, т. е., говоря другими словами, я всем говорил, что ты в Персии, а говорил я это потому, что мне тоже какой-то дурак или дура какая-то говорили, что ты улетел в Тегеран. И вот мало-помалу я выяснил, что ты скитаешься по Кавказу и что тебя даже поймать иногда можно — письмом, конечно.

И я решил за тысячи верст поговорить с тобой. Слушай, Сережа! Хотя в этот раз не будь ты гордым феодалом и ответь мне. Хотя — в крутых и рассыпанных, как барашки, буквах твоих дай услышать мне голос твой. (Точь-в-точь как в “Песни песней” Соломона).

Я очень соскучился по тебе, Сережа.

Когда я в разговорах слышу, что меня “любил” Сергей, я должен понимать, что, значит, Сергей теперь уже меня не любит.

И это было бы жестоко потому, что Сергей для меня очень многое, и, во-вторых, было бы напрасно потому, что если я и был нехороший — я уже раскаялся.

Как видишь — первую главу моей исповеди занимает исключительно лирика, и лирики довольно.

Сейчас переходим к эпосу и грубой, но нужной прозе.

В первых же строчках этой эпической прозы позволь тебя пожурить немного за твою “Песнь о великом походе”. Все — кто любит тебя на Руси — страшно возмущены этой песнью.

В числе возмущенных я — в первых рядах.

Ты, наверно, не прочь удивлять, но вспомни, Сергей, что эта несчастная “песнь” росла на моих глазах только до половины. Только до половины ты каждые новые строчки читал мне, и они мне нравились. Потом мы разъехались, и только в третьем №-е этого бедного “Октября” я поймал и оценил твою “песнь” в целом.

И, ей-же-ей, Сергей, если бы ты хоть вот сейчас предстал передо мной, я бы после радости встречи сейчас же стал бы тебя осыпать самыми тяжеловесными перлами “великого, могучего русского языка”.

Когда мы встретимся, я тебе объясню, почему это и вообще расскажу тебе много интересного из случившегося за твое отсутствие.

А пока постараюсь изложить тебе одну смущающую меня сторону литературной Москвы. Вот она.

Наша хвастливая столица очень щедра и каждый год к великому изумлению публики доставляет этой бедной публике новых гениев.

Недавно в “Прожекторе” был портрет Казина и большая хвалебная статья о нем — Якубовского, да такая статья, какой даже о Пушкине при жизни не писали. Потом в каком-то провинциальном календаре внушительных размеров портрет Безыменского и веселый разговор о том, что, мол, Безыменский “наша” надежда, наш Пушкин и вообще наше будущее.

И я больше чем уверен, что результатом всего этого является следующая картина.

Сидит себе в тридевятом Кремле могущественный царь (?) Демьян Бедный, думает, пишет и уже нájиво представляет себе будущий памятник своей толстой особе. В свою очередь Маяковский даже во сне не сомневается, что когда-нибудь ему-таки стоять рядом с Пушкиным. Пастернак уверен, что он величайший поэт современности, а Казина и Безыменского — кроме их собственного воображения — даже заставляют мнить себя великими. И в это же время мой великий или тихий учитель С.Есенин — даже на высях Кавказа не перестает думать, что он выше всех этих и всего этого и что вообще он первый поэт России.

“Кто виноват, кто прав — судить не нам,
да только воз и ныне там”,

и в литературе по-прежнему скука скучная; да такая скучная, что какой угодно зычный голос какого угодно Маяковского не в силах развеять ее, и тем более беспомощно тупое партийное хрюканье Безыменского. Из молодых не очень хотя молодой, но “ранний” Наседкин заделался редактором и секретарем нескольких органов и тоже считает себя некоторым “королем” и по-королевски нос дерет. О себе умолчу или, вернее, потом расскажу, а пока скажу только, что я очень много написал за это время. Написал восточную поэму “Иван-да-Тамара”, написал о “Китайчонке”, о себе и вообще о всякой чепухе. Зато много.

По случаю — совершенно недопустимых для письма — размеров моих поэм — я прислать их тебе на просмотр не могу и пока только с надеждой жду твоего письменного отзыва о моей странице с портретом <см.: 14 дек. 1924, четвертая запись>. С не меньшим нетерпением, но с меньшей надеждой жду хоть и несколько строчек твоих новых стихов. Но более и нетерпеливее всего я жду вообще твоего ответа, Сережа.

Не игнорируй меня своей гордостью и ответь мне. Ведь я первый раз в жизни пишу письмо в конверте и с маркой, надо же уважать потерю моей невинности в этом отношении и ответить.

Напиши мне, как ты женился на какой-то Шаганэ-персидской, как проводишь время, с кем встречаешься, доволен ли Кавказом?

Должен тебе сказать, что ты, Сергунь, прогадал, удирая от русской зимы, потому что говорят — на Кавказе смертельные морозы, а у нас в Москве весна-весной и даже уши не холодны. С крыш капает, с носа капает, со всюду капает.

И если это не ликвидируется, то через лет пять-шесть у нас на Тверском бульваре пальмы вырастут и обезьяны запрыгают. Весело будет. Приезжай скорей, Сережа, в наши тропики. Это-таки мое серьезное желание и пока всё. Привет лохматому Льву московскому — Повицкому.

Жду обязательно. Надо уважить ожидания ответом. Пиши по адресу: Москва, улица Воровского, д. № 52. Высш. Лит.-худ. Институт — И.Приблудному.

А вот и он

твой — Иван Приблудный».

Юсов-2012, 304–306.

Газета «Вечерняя Москва» (№ 21; подпись: «В. Л.») дает информацию «Что читает Москва? Опрос» о результатах опроса читателей-москвичей центральных библиотек с упоминанием имени Есенина.

В разделе статьи «Читатель-учащийся» отмечено:

«...15% идут за счет таких авторов как Вересаев, Блок, Яковлев, Лебединский <так!>, Алексей Толстой, Есенин и, отчасти, “классиков”, из которых есть спрос только на

Л.Н.Толстого, Тургенева, Гоголя, Чехова и Достоевского, причем на Ф.М.Достоевского самый незначительный».

Перепечатку материала (под заголовком «Что читают москвичи») см.: газ. «Тверская правда», 1925, 13 февр., № 35 (рубрика «Московская почта»).

Январь, до 28. В Праге выходит журнал «Воля России» (№ 1; за январь) с рецензией С.Постникова «По поводу (“Русский современник” № 1, 2, 3)», где говорится о Есенине.

Граница события определяется по информации о выходе и поступлении номера в продажу (газ. «Сегодня», Рига, 1925, 28 янв., № 21).

Полемизируя с З.Гиппиус, опубликовавшей под псевдонимом Антон Крайний статью в XVIII книжке «Современных записок», в которой автор высказывает мысль об эмиграции как единственной хранительнице русской культуры, С.Постников пишет:

«...бухгалтерия — для литературы дело неподходящее, литературные достижения не подсчитываются. Смешно было бы писать таблицу, на одной стороне которой бы вписаны: Мережковский, Алданов, Бунин, Гиппиус, Ходасевич, Ремизов, Шмелев, Арцыбашев, Немирович-Данченко и др., а на другой — Замятин, Сологуб, Новиков, Ахматова, Ценский, Пришвин, Шишков, Маяковский, Есенин и т. д.»

Январь, 28. Минская газета «Савецкая Беларусь» (№ 21) печатает стихотворение К.Крапивы «То ль способный певец, то ли шеголь и лжец?..» с упоминанием Есенина.

Стихотворение является ответом на полемику, развернувшуюся на страницах этого издания (№ 5 и 20) между критиком М.Гореским и молодым поэтом Я.Пушей о правомерности и умеренности использования образов в произведениях. Баснописец К.Крапива (К.Атрахович) замечает, что из-за обилия замысловатых образов в стихах некоторых поэтов читатель безуспешно ломает голову, чтобы понять смысл, а затем ругает их:

Белорусских клянёт и Есенина.
Для российского люда
Мастерил он причуды
Да и нам одолжил того семени.
(Перевод П.Радечко)

Есенин в данном случае «отвечает» за бывшую свою «пустозвонную братию».
Сообщено П.И.Радечко.

Январь, 30. Московская газета «Известия ЦИК СССР и ВЦИК Советов» (№ 24) помещает информацию о выходе в субботу 31 января журнала «Красная нива» № 5 со стихами Есенина.

См. также: 31 янв. 1925, вторая запись.

Январь, 31. Московский журнал «Прожектор» (№ 2) публикует стихотворение Есенина «Русь беспризорная» <«Русь бесприютная»> без строк 7–21:

Мы все по-разному
Судьбой своей оплаканы.

Кто крепость знал,
Кому Сибирь знакома.
Знать, потому теперь
Попы и дьяконы
О здравьи молятся
Всех членов Совнаркома.

И потому крестьянин
С водки штофа,
Рассказывая сродникам своим,
Глядит на Маркса,

Как на Саваофа,
Пуская Ленину
В глаза табачный дым.

Публикация осуществлялась без участия автора. Судя по характеру изменений текста (заглавие и купюра), они были сделаны редактором журнала А.К.Воронским.

Есенин, II, 413.

Об исходной публикации см.: 16 нояб. 1924, первая запись.

О перепечатках см.: до 20 янв. 1925, третья запись; 22 февр. 1925, третья запись; 22 марта 1925.

Отклик см.: 3 апр. 1925, третья запись.

Выходит журнал «Красная нива» (№ 5) со стихотворением Есенина «Стансы», посвященным П.И.Чагину.

На обложке журнала указана дата выхода «1 февраля». Уточнение даты — по информации в газ. «Известия ЦИК СССР и ВЦИК Советов» (см.: 30 янв. 1925).

Об исходном источнике текста см.: 26 окт. 1924, первая запись.

О перепечатках см.: до 20 янв. 1925, третья запись; 28 февр. 1925, третья запись; 1 марта 1925, шестая запись.

В стихотворении «1 Мая» Есенин ответил своим оппонентам: «Пускай меня бранят за стансы — / В них правда есть».

См. также: Есенин, II, 432–437, IV, 218, 432–434.

Г.А.Бениславская пишет В.И.Эрлиху:

«Эрлих, Эрлих! Ау?! Где же Вы?

Ждем с нетерпением вестей, поэтому ничего не пишем.

Пишите о положении со стихами в Питере (“36” <“Поэма о 36”> и стихи в “Ковше” — скоро выйдет 2-й № “Ковша” <см.: середина (?) янв. 1925, вторая запись>? И скоро ли они вышлют “причитающееся” нам?). <...>

Пишите скорее, сегодня же. Ладно?

Да пришлите штук 5–10 “Пугачева”, очень нужно.

Получили ли книжку “Круга” и “36” — я послала <см.: 21 янв. 1925, вторая запись>?

Привет от Шуры, Кати и от меня».

Письма, 345.

Об этапах переговоров относительно публикации стихов Есенина в альманахе «Ковш» см.: середина (?) янв. 1925, вторая запись; 21 янв. 1925, вторая запись; 12 мая 1925, четвертая запись. Эта публикация так и не состоялась.

См. также: Есенин, III, 632–633.

Январь, конец. Есенин читает написанную вчерне поэму «Анна Снегина» Л.И.Повицкому.

Л.И.Повицкий вспомнит:

«Есенин прочел <...> “Анну Снегину” и спросил мое мнение. Я сказал, что от этой лирической повести на меня повеяло чем-то очень хорошо знакомым, и назвал имя крупнейшего поэта шестидесятых годов прошлого столетия.

— Прощу тебя, Лёв Осипович, никому об этом не говори!

Эта простодушно-наивная просьба меня рассмешила. Он тоже рассмеялся.

— А что ты думаешь — многие и не догадаются сами...».

Восп., 2, 247.

Л.И.Повицкий имел в виду Н.А.Некрасова.

Подробнее см.: Шубникова-Гусева, 400–401.

См. также: до 14 дек. 1924, вторая запись; 14 дек. 1924, первая запись; 1–26 янв. 1925, первая запись; до 20 янв. 1925, первая запись; 26 янв. 1925, первая запись; до 9 февр. 1925, третья запись; между 12 (13) и 17 или 18 февр. 1925; 19 или после 19 февр. 1925; 2–5 марта 1925, первая запись; 6 или 7 марта 1925; 14 марта 1925, первая запись.

Январь, конец — Февраль, до 16. Ленинградское издательство «Брокгауз-Ефрон» выпускает вторым изданием книга И.П.Плотникова «Революционная литература: (Из опыта применения Дальтон-плана)», где значительное внимание уделяется творчеству Есенина.

Кн. летопись, 1925, № 3, февр., поз. 1387.

Подробную характеристику первого издания см.: до 16 ... до 30 сент. 1924.

Отклик см.: до 16 авг. -- до 10 сент. 1925, третья запись.

В Москве выходит коллективный сборник стихов «Имажинисты» (издание авторов) без участия Есенина.

Кн. летопись, 1925, № 3, февр., поз. 1613.

Авторы книги — Рюрик Ивнев, А.Мариенгоф, М.Ройзман, В.Шершеневич.

Отклик см.: 8 июня 1925, вторая запись.

Январь. Есенин фотографируется со своими знакомыми.

Есенин, VII (3), [185] (№ 91), 255.

С кем фотографировался поэт, не установлено. Возможно, сотрудники газеты «Трудовой Батум».

Сёстры Есенина Екатерина и Александра живут в комнате Г.А.Бениславской.

Из ее письма Есенину (20 янв. 1925):

«У нас? С возвращением Шурки опять всё по-семейному, хорошо и дружно. Опять вовремя спать ложимся и т. д. Оля (Вам, кажется, Катя писала — наша прислуга) нас к рукам прибрала, вообще она и Шурка — это 2 ежовых рукавицы для меня и Кати. У нас теперь семья целая получилась: Шура, Катя, Оля и я и еще наша соседка (Вы ее не знаете)».

Письма, 268.

Московский журнал «Современник» (кн. I; за январь) помещает материалы, в которых упоминается Есенин:

— статью В.Львова-Рогачевского «Вперед от Пушкина», где, в частности, говорится о чтении Есениным стихов перед памятником А.С.Пушкину в Москве.

Критик согласен с утверждением Луначарского: «...стало совершенно бесспорно, что Пушкин воскресает сейчас ослепительно». Автор оценивает опубликованную в «Гостинице для путешественников в прекрасном» (№ 3) программную статью И. Грузинова «Пушкин и мы» (см.: до 8 февр. 1924), зовущую к реализму Пушкина, как «прекрасную».

См. также: 6 июня 1924, вторая запись:

— «Обзор журналов» А. Лежнева, где дается оценка последних стихотворений Есенина.

Среди рецензируемых журналов («Красная новь», кн. 1–5; «Звезда», кн. 1–3, «Молодая гвардия», № 1–8; «Лэф», № 1–2, «Октябрь», № 1–2, «Рабочий журнал», № 1–2) «самым интересным и художественно-сильным толстым» журналом А. З. Лежнев называет «Красную новь».

Критик, в частности, пишет:

«В богатом стихотворном отделе “Красной нови” на первое место надо поставить стихи С. Есенина. В третьей книге журнала <см.: до 25 мая 1924> Есенин еще весь в настроениях “Москвы кабацкой”, хотя в его прекрасном “Письме матери” смутно намечается какой-то перелом, какой-то переход к другому строю чувств. Но четвертая книга <см.: до 25 июля 1924, вторая запись> дает нам уже совершенно иного Есенина. В “Памяти Ширяевца” — одном из лучших произведений поэта — еще чувствуются настроения тоски, подавленности, роднящие эту вещь с “Москвой кабацкой”. Но эта тоска, в сущности, мнимая, всего только шелуха тоски, оболочка, оставшаяся от старого прошедшего чувства, за ней на деле полнокровная любовь к жизни:

Слишком я любил на этом свете
 Всё, что душу облекает в плоть.
 Мир осинам, что, раскинув ветви,
 Загляделись в розовую воль.
 Много дум я в тишине продумал,
 Много песен на земле сложил
 И на этой на земле угрюмой
 Счастлив тем, что я дышал и жил.
 Счастлив тем, что целовал я женщин,
 Мял цветы, валялся на траве,
 И зверьё, как наших братьев меньших,
 Никогда не бил по голове.

В стихотворениях “На родине”, “Русь советская” отход поэта от старых настроений выявлен значительно более четко. Поэт как бы старается посмотреть на себя со стороны, определить собственную ценность, нужность и созвучность её переживаниям. Вместе с тем он с удовольствием замечает, что Россия, что деревня, что собственная семья стала не той. Сёстры стали комсомолками и выбросили иконы, с церкви комиссаром снят крест, красноармейцы рассказывают односельчанам о Буденном, о взятии Перекопа, деревенский комсомол поет под гармонику “агитки Бедного Демьяна”.

Вот так страна!
 Какого ж я рожна
 Орал в стихах, что я с деревней дружен?
 Моя поэзия здесь больше не нужна,
 Да и, пожалуй, сам я тоже здесь не нужен.

Но сознать свою оторванность от народа — это значит уже наполовину преодолеть ее. Есенин, конечно, неправ в том, что он не нужен народу.

Один из талантливых русских поэтов, притом поэт, оказывающий огромное влияние на литературную молодежь, он оставляет и оставит заметный след в русской литературе,

а этим самым и в русской культуре. А это значит, что он не может быть безразличен “родному народу”. Но, конечно, очень хорошо, что Есенин оглянулся на себя и на “Советскую Русь”, произвел переоценку ценностей. Он увидел эту “Советскую Русь” не такой, какой себе представлял, но относится к новому не враждебно, а с пониманием и сочувствием. Он чувствует какое-то превосходство над собой и младшей сестры комсомолки:

И вот сестра разводит,
 Раскрыв, как Библию, пузатый “Капитал”,
 О Марксе, Энгельсе...
 Ни при какой погоде
 Я этих книг, конечно, не читал.
 И мне смешно, как шустрая девчонка
 Меня во всём за шиворот берет.

Он “приемлет всё” и “готов” “отдать всю душу октябрю и маю”. Правда, “лиры милой” он пока не отдаст, оставляя ее для “нежных песен”, которые она поет ему одному, только поэту, наедине. Но если Есенин пойдет и дальше по тому пути, на который он ступил, то сумеет преодолеть и эту застенчивость интимной лирики, и отдать “октяблям и маям” вместе с “душой” и “лиру”.

По форме стихи Есенина представляют некоторый возврат к Пушкину. Они легки, мелодичны, ясны».

Варшавский журнал «Skamander» (№ 37, за январь) публикует:

— последнюю главу драматической поэмы Есенина «Пугачев» («Конец Пугачева») в переводе на польский язык Владислава Броневского (Władysław Broniewski);

— статью поэта и переводчика Леонарда Подгорского-Околува «О рифме» (Leonard Podhorski-Okolów, «O Rymowaniu») с упоминанием Есенина и его «Пугачева».

Рассматривается версификация, в том числе в латинской и старонемецкой поэзии, история и эволюция ритмики и рифмовки; основанной на аллитерации, и новой — на ассонансе. Выделены два вида новшеств, расцениваемых как изобретение имажинистов: у Мариенгофа — разноакцентные рифмы типа мѹзыка — клубнїка; у Кусикова — «перевертыши» типа гор-рог, представляемые как находка именно Кусикова. В связи с этим автор замечает:

«Влияние рифм Мариенгофа можно усмотреть в рифмовке Есенина».

Приводится таблица, где в процентном соотношении представлено сопоставление рифм разного характера у ряда русских (В. Брюсов, Есенин («Пугачев») и А. Кусиков) и польских (М. Павликовская, Л. Подгорский-Околув) поэтов по критериям: полные/неполные, грамматические/экзотические и т. п.

В заключение автор высказывает мнение, что в поэзии может быть достигнуто идеальное «золотое сечение»: минимум употребления грамматических (точных) рифм и максимум — основанных на созвучиях:

«И, быть может, настанет Королевство поэзии».

Изложение содержания статьи и перевод фрагментов выполнены Ежи Шокальским.

См. Приложение.

В журнале «Бурав» (Николаев; № 12; за январь) — статья А. Бунцельмана «О “России” в СССР», где заходит речь о Есенине:

«Речь идет о двух журналах “Россия” и “Русский современник”. <...>

Основной тон журналов — “Здесь русский дух, здесь Русью пахнет!”

Для определения состава, дающего столь приятный для многих запах, нет особенной надобности тревожить ученый совет Доброхима.

Элементы, входящие в сей “состав”, довольно популярны. <...>

О третьем номере “Русского современника” говорит его обложка. <...>

Стихотворный отдел занимает в журнале довольно значительное место; здесь всё знакомые люди: римляне времен упадка — Шенгели, Мандельштам; косноязычествующие Пастернак и Петровский; хнычущий под восьмидесятника Сергей Есенин.

Один “поет” Бетховена <Г.Шенгели>, другой задает мистические “концерты на вокзале” <О.Манделштам>, третий страдает “высокой болезнью” <Б.Пастернак> и говорит заумным о “заумном”, а Сергей Есенин о том, что

Отвела моя белая липа,
Отзвенел соловьиный рассвет...

И о том, что:

...Навеки имею
Нежность грустную русской души.

Не чувствуете ли вы, читатель, здесь этакий русский дух, запах Руси, что ли...

Я живо чувствую».

Цитируются стихотворения Есенина «Этой грусти теперь не рассыпать...» и «Низкий дом с расписными ставнями...» <“Низкий дом с голубыми ставнями...”> (об их публикации в “Русском современнике” см.: после 4 окт. 1924).

Январь (?). Есенин пишет стихотворение «Несказанное, синее, нежное...».

Время создания стихотворения отмечается предположительно. Вполне возможно, что импульсом к появлению начальной (и сразу же отброшенной) строки его черновика («Ну и что же зима бесснежная»: Есенин, I, 358) стали слова Г.А.Бениславской из ее письма поэту (27 дек. 1924): «О, зима ужасная — снегу не было до 20 декабря, а теперь тоненький, и это при 25° мороза» (Письма, 263). Это письмо Есенин получил в Батуми уже в январе.

См. также: Субботин-2012, 123.

Сохранилось два автографа стихотворения: черновой (РГАЛИ) и белой (ИРЛИ, ф. 840, в стадии обработки).

О публикациях стихотворения см.: 5 апр. 1925, первая запись; 7 апр. 1925, вторая запись; 26 апр. 1925, вторая запись; 10 мая 1925, вторая запись; 19 июля 1925, вторая и шестая записи; 30 авг. 1925, третья запись.

Февраль, 1. Московская газета «Правда» (№ 26) помещает:

— «Резолюцию I-й Всесоюзной конференции пролетарских писателей (По докладу тов. Вардина)».

В Резолюции утверждается “*принцип гегемонии*” пролетарской литературы, принцип “упорной систематической борьбы этой литературы за победу, за поглощение всех видов и оттенков буржуазной и мелкобуржуазной литературы” (выделено в первоисточнике). Л.Д.Троцкий и А.К.Воронский объявлены наиболее последовательными противниками пролетарской культуры и литературы.

И.Вардин (который, по определению Есенина, любил «коммунизм больше литературы») — см.: 17 сент. 1924) в своих литературно-политических выступлениях и статьях проявлял себя как последовательный сторонник жесткой линии по отношению к писателям-«попутчикам», проводившейся редакцией журнала «На посту» (ред. Б.Волн, Г.Лелевич, С.Родов; № 1–6, 1923–1925 гг.). Сектантская нетерпимость напостовской литературной критики стала в первой половине 1925 г. предметом специального обсуждения как

в центральной печати, так и в высших партийных кругах. Эта дискуссия, начатая еще в 1924 г. (см.: 9 мая 1924; 10 мая 1924; до 25 мая 1924), возобновилась после публикации данной резолюции (см.: до 7 февр. 1925; 11 февр. 1925, первая запись; 18 февр. 1925, третья запись; 23 февр. 1925, первая запись).

См. также: 4 янв. 1925, четвертая запись; 6–12 янв. 1925; 7 янв. 1925, вторая запись; 9 янв. 1925 (обе записи); 10 янв. 1925, первая запись; 15 янв. 1925;

— заметку (подпись: «А. Андр.») об открытии в помещении Российской Академии Художественных Наук выставки пролетарской и крестьянской литературы, где представлены сборники Есенина.

См.: 25 янв. 1925, вторая запись; 4 февр. 1925, первая запись; 10 февр. 1925; 13 февр. 1925; 18 марта 1925, третья запись; до 8 апр. 1925, четвертая запись; до 23 апр. 1925;

— анонс вечера крестьянской поэзии, намеченного на 5 февраля и проводимого в связи с выставкой. На нем запланировано «чтение произведений Есенина, Орешина, Клюева, Ширяевца, Клычкова и др.».

См. также: 25 янв. 1925, вторая запись; 5 февр. 1925.

Парижский журнал «Mercure de France» (т. CLXXVII, № 639, раздел «Двухнедельное обозрение») публикует обзор «Русская художественная литература» («Lettres russes») поэта и переводчика Жана Шюзевиля (Jean Chuzeville), в котором заходит речь о Есенине.

Характеризуя современную русскую поэзию в связи с книгой Э. Ло Гатто «Русская поэзия о революции» («Poesia russa della rivoluzione»; см.: дек. (?) 1923 ... до 28 янв. 1924), Ж. Шюзевиль замечает:

«Рядом с Есениным, одаренным какой-то свежестью, немного грубой, а порой превращающей этого варвара в народного поэта, везде — странности, кривлянье, холодное книжное насилие, в котором банальность соперничает с нелепостью».

Выявлено и переведено Мишелем Никё.

См. Приложение.

Газета «Новый мир» (Буэнос Айрес; № 578; рубрика «Московское обозрение») дает неподписанную информацию о новой постановке в московском Театре сатиры, одним из героев которой является Есенин:

«Московский театр Сатиры с начала нынешнего сезона ставит обозрение “Москва с точки зрения...”, при этом понимается точка зрения, литературная и художественная, драматическая, бытовая, коммунистическая, нэпмановская, финансовая и т. д.

Перед советской публикой как в калейдоскопе проходят явления и текущие события, наиболее интересующие нынешнего московского обывателя. В обозрении выступают карикатуры на таких поэтов, писателей, как на Ясенина <так!>, Эренбурга, Белого, Пильняка, Маяковского, Мандельштама, Ахматову, Алексея Толстого, известного своей плагиаторской переработкой Карела Чапека “Р.У.Р.”. Конферансье при появлении актера, изображающего Алексея Толстого, заявляет: “Представляю Вам одного из Толстых, который не является Толстым, но всё же Толстой Алексей. Как видите, на нем белые и красные пятна, осталось на нем и синего, — это всё оттого, что писатель энергично работает и часто меняет вехи. Он прославился тем, что занял у Карла Чапека некоторую сумму без векселя и построил на нее собственную фабричку на машины, которые взбунтовались”».

См. также: 1 окт. 1924; 1 янв. 1925, пятая запись; 2 и 3 янв. 1925; 23 янв. 1925, вторая запись; 11, 13, 15 февр. 1925.

Шанхайская газета «Россия» (№ 30) перепечатывает статью А. Куприна «Шуты гороховые», в которой заходит речь о Есенине.

Об исходной публикации см.: 14 дек. 1924, третья запись.

Февраль, 3. Н.К.Вержбицкий пишет Г.А.Бениславской, вводя ее в круг «кавказских дел» Есенина:

«Дорогая Галя!

Не ищите в этом обращении фамильярности. Тут только хорошее товарищеское чувство к вам.

Мы с Сережей очень сжились за последнее время, я его нежно полюбил и часть этой любви переносу на вас, с вашего позволения.

Подробное и основательное объяснение по этому поводу откладываю до следующего раза. А пока хочу ввести вас в круг наших кавказских дел.

Я в Тифлисе, Сергей в Батуме. Я так устроился в редакции, что в любой момент могу удрать. Сергей — вообще всё время удирает. Вот я и думаю: через месяц-полтора, когда на Черноморье начнется теплынь и благорастворение воздушных масс, сняться с якоря и компанией 2–3 месяца пожить <...> где-нибудь под Сухумом, под Гаграми. Хочу в эту авантюру вовлечь Сережу и вас. Всё это будет очень дешево и сердито. Установим трезвый режим и приедем оттуда геркулесами и мудрецами.

Скажите, что вы по поводу этого принципиально думаете, а в следующем письме я разовью эту гениальную мысль подробнее. <...>

Очень хотел бы знать, как вы живете сами и что вас сейчас радует и печалит.

Душевно желаю вам счастья!

Коля Вержбицкий».

Шубникова-Гусева-2008, 313–315.

См. Приложение.

Февраль, 4. Вечерний выпуск ленинградской «Красной газеты» (№ 29) печатает заметку Ю.Соболева «Выставка пролетарской литературы. Письмо из Москвы» с упоминанием имени Есенина:

«В Акад. Худ. Наук, на ул. Кропоткина, в доме быв<шей> гимназии Поливанова <...> открыта выставка...

Два уголка выделены особо: они посвящены покойным А.Неверову, А.Ширяевцу... <...> Всего 250 писателей... список, включающий в себя имена пролетарских и крестьянских писателей, за все 25 лет, начиная от Дрожжина, Ивана Белоусова, Шкулева и кончая Демьяном Бедным, Есениным и Безыменским...».

Перепечатку см.: газ. «Заря Востока», Тифлис, 1925, 6 февр., № 797.

См. также: 25 янв. 1925, вторая запись; 1 февр. 1925, первая запись; 10 февр. 1925; 13 февр. 1925; 18 марта 1925, третья запись; до 8 апр. 1925, четвертая запись; до 23 апр. 1925.

Ревельская газета «Последние известия» (№ 28) публикует заметку А.А.Яблоновского «Советские скандалы», в которой упоминается Есенин:

«Приехал советский поэт Есенин в Америку — по щекам били. Приехал в Париж — посадили в тюрьму за буйство и драки».

Февраль, 4–6. Газета «Известия ЦИК СССР и ВЦИК Советов» (№ 28–30) помещает рекламные объявления о предстоящем выходе в свет февральского номера журнала «Новый мир» (№ 2) со стихами Есенина.

Февраль, 5. В московском Доме Печати в связи с выставкой революционной литературы проходит вечер крестьянской поэзии.

Событие и его дата устанавливаются на основании информации в газ. «Вечерняя Москва» (5 февр., № 29). Из анонса вечера:

«Со вступительным словом выступит профессор Б.М.Соколов. Планируется чтение произведений Есенина, П.В.Орешина, Н.А.Клюева, А.Ширяевца, С.А.Клычкова и др.».

Газ. «Вечерняя Москва», 1925, 26 янв., № 20.

См. также: 25 янв. 1925, вторая запись; 1 февр. 1925, первая запись; 13 февр. 1925.

Февраль, до 7. Ф.Раскольников и И.Вардин отстраняются от редактирования журнала «Красная новь». А.К.Воронский возвращается к руководству изданием.

Граница события устанавливается по дневниковой записи Н.С.Ашукина (7 февр. 1925):

«...Воронский снова назначен редактором “Красной нови”, вместе с ним в редакцию вошли Сорин и Ярославский, а Раскольникова уже нет».

НЛО, 1998, № 33, с. 229.

Из письма А.К.Воронского М.Горькому (начало марта 1925):

«У меня в редакции перемены: тов. Раскольников заменен Ярославским. Он — не напостовец. Я снова получил возможность работать в “Нови”. Моя редколлегия в новом составе руководству не мешает <...>. В верхах напостовцы терпят поражение. <...> Хорошо, если литературная атмосфера несколько очистится, а то очень тяжело было».

Сб. «Архив А.М.Горького», М.: изд-во АН СССР, 1965, т. X, кн. 2, с. 17–18.

Узнав об этом по возвращении в Москву, Есенин сообщит о произошедшем П.И.Чагину («Вардин ссыпался...» — Есенин, VI, 203) и Н.К.Вержибицкому (см.: 6 марта 1925, вторая запись).

См. также: 1 февр. 1925, первая запись; 11 февр. 1925, первая запись; 18 февр. 1925, третья запись; 23 февр. 1925, первая запись.

Февраль, 7 и 9. Нью-йоркская газета «Новое русское слово» (№ 4395 и 4397) дает объявление о выходе № 2–3 «Поэзия большевистских дней» с упоминанием Есенина.

Текст см: 19 янв. 1925, вторая запись.

См. также: до 19 янв. 1921; 19, 20, 22, 26 и 28 янв. 1921; до 24 февр. 1921; 5, 7, 11, 14, 20 и 27 мая 1921; 4, 11, 18, 20 и 25 авг. 1921; 1, 13, 25 и 28 окт. 1921; 22 и 31 дек. 1921; 11 апр. 1922; 4 и 7 мая 1922; 5 ... 24 июня 1922; 1, 5, 6, 30 нояб. 1923; 12, 14, 17, 18 дек. 1923; 12, 13, 15, 22–24 окт. 1923; 19 янв. 1925.

Февраль, 8. Парижская газета «Последние новости» (№ 1470; рубрика «В Чехословакии») помещает неподписанный материал «Утро русской поэзии», где упоминается Есенин:

«Солисты городского театра на Виноградах посвящают очередное утро “русской революционной поэзии”. В программе переводы из Маяковского, Блока, Есенина, Эренбурга и Казина. Вступительное слово скажет переводчик проф<ессор> Матезиус».

Другие сведения о мероприятии не выявлены.

Нью-йоркская газета «Новое русское слово» (№ 4396) публикует выдержки из «Словаря писателей», в том числе о Есенине.

Ср.: 13 янв. 1925, вторая запись; 21 янв. 1925, третья запись; 22 янв. 1925.

Февраль, до 9. Есенин пишет Г.А.Бениславской записку (неизвестна).

Сведения извлечены из письма Г.А.Бениславской Есенину (9 февр. 1925):

«Где же письма? Одна записка — и всё».

Письма, 271.

Возможно, имеется в виду письмо, привезенное М.С.Тарасенко (см. след. запись).

К Г.А.Бениславской заходит М.С.Тарасенко с письмом от Есенина.

Из письма Г.А.Бениславской Есенину от 9 февр. 1925:

«Был у нас Тарасенко, занес письмо, обещал зайти еще (торопился он куда-то) и пока не зашел».

Письма, 271.

Содержание письма Есенина неизвестно. Скорее всего, в нем было (сделанное по запросу из Москвы) подтверждение просьбы поэта о деньгах. Судя по его февральским телеграммам, отправленным из Батуми Г.А.Бениславской и Е.А.Есениной, тем не удалось немедленно исполнить эту просьбу.

Г.А.Бениславская передает И.Вардину предложение Есенина о публикации «Анны Снегиной» в «Красной нови».

Событие и его граница устанавливаются по письму Г.А.Бениславской Есенину (9 февр. 1925):

«С Вардиным говорила насчет поэмы, без нее ничего не выйдет. Шлите скорее».

Письма, 272.

Поэма «Анна Снегина» к тому времени не имела еще ни окончательного заглавия, ни завершеного текста.

См. также: до 14 дек. 1924, вторая запись; 14 дек. 1924, первая запись; 1–26 янв. 1925, первая запись; до 20 янв. 1925, первая запись; 26 янв. 1925, первая запись; конец янв. 1925; между 12 (13) и 17 или 18 февр. 1925; 19 или после 19 февр. 1925; 2–5 марта 1925, первая запись; 6 или 7 марта 1925; 14 марта 1925, первая запись.

В Ленинграде выходит журнал «Звезда» (1924; № 6; за декабрь) с рецензией Г.Е.Горбачева «Единый фронт буржуазной литературы» на журнал «Русский современник» (1924, № 1, 2, 3), где упоминается Есенин:

«Вообще кого только нет в “Русском современном”: пролетпоэты между Ахматовой и Вс. Ивановым, Сологуб рядом с Асеевым, М.Цветаева и Тихонов, Шкловский и Эйхенбаум рядом с Ходасевичем в роли критика и Пунин под руку с Бенуа. Есенин мог бы предложить назвать этот журнал в память московского “органа” имажинистов “Гостиницей”... для убоявшихся большевизма, марксизма, пролеткультуры и прочей азиатчины».

Граница события устанавливается по информации о выходе номера в свет («Красная газета», Л., 1925, 9 февр., № 33, веч. вып.).

См. также: 16 мая 1924, вторая запись; до 20 авг. 1924; после 4 окт. 1924.

Февраль, 9. Пражская газета «Národní osvobození» (№ 39) публикует статью Карела Нового (Karel Nový) «Поэзия новой России» (Poezie Noveho Ruska; подпись: «К. Н.»), где заходит речь о Есенине.

Сообщено Л.Г.Григорьевой.

Г.А.Бениславская заканчивает сбор материала для тома избранных произведений Есенина (издание не осуществилось).

Событие и его дата устанавливаются по письму Г.А.Бениславской Есенину, написанному в этот же день:

«Сегодня я собрала материал для тома, всё есть, за исключением стихов из прежних журналов, через два дня и они будут. Включать всё, что найдем, или нет? “Яр” включать тоже (у вас есть “Яр”)? Да, “Москву каб<ацкую>” и “Любовь хулигана” можно поставить после “Песен забулдыги”? Потом: куда остальные из отдела “После скандалов” (“Ширяевцу”, “Пушкину” и остальные). Ну, “На родине” и “Русь советскую” после “Инонии”, а прочие — куда лучше? Почему Вы хотите “Иордан<скую> голубицу” после “Инонии”, а не туда — к “Отчарь” и пр.

Хотя бы об этом напишите, ведь Вам же интересно это издание.

Потом: надо ли предисловие к нему? А то ведь там “божеств<енных>” слов много.

Редакцию менять по берлинскому тому я не буду. Лучше дать такими, какими они были. Хорошо?»

Письма, 272.

Пишет письмо Есенину.

Письма, 271–272.

Г.А.Бениславской звонит М.С.Тарасенко, вспомнив, что Есенину надо из Ленинграда привезти вещи и шубу.

О событии и его времени см. след. запись.

Г.А.Бениславская делает приписку в письме Есенину:

«Только что звонил Тарасенко — вспомнил, что надо из Питера привезти Ваши вещи и шубу. Разве Вы не получили моего письма — мы ведь съездили и привезли всё <см.: 20 янв. 1925, вторая запись>.

Только денег у Ионова не получили.

Ну, а Вы себя берегите там.

Соскучилась я без Вас очень».

Письма, 272.

Газета «Вечерняя Москва» (№ 32) дает объявление клуба-столовой «Калоша» о вечере 9 февраля артистки Московского камерного театра Анны Нигритиной <так!>, читающей стихи имажинистов.

Исполнялись ли на этом вечере стихи Есенина, не установлено.

Февраль, 10. Московский журнал «Искусство трудящимся» (№ 11; за 10–15 февраля) публикует обзор В.Гливенко «Выставка революционной литературы», где упоминается имя Есенина:

«Впервые за всё время революции у нас является такая полная отчетная выставка пролетарского и крестьянского словесного творчества, как выставка революционной литературы, открывшаяся 25 января в Российской Академии Художественных Наук. <...> Выставка открыта ежедневно от 1 до 7 часов. Вход — 20 коп., участника экскурсий — 10 коп. В связи с выставкой в Рос. Акад. <художественных> Наук состоится три исполнительных вечера <29 января — вечер пролетарского искусства, 5 февраля — крестьянской литературы>.

Выставка теснится в трех небольших комнатах, и весь материал помещен на ней чрезвычайно компактно. Первая комната выставки — это комната пролетарской лите-

ратуры. Здесь в центре — произведения Демьяна Бедного с плакатами 9 школы МОНО и другими плакатами, связанными с его творчеством. С большой полнотой представлены издания Всероссийского Пролеткульта и организаций, вошедших в МАПП: Твори, Кузница, Рабочей Весны, Октября. Для каждого из них даны групповые фотографии и индивидуальные портреты. С другой стороны представлены писатели-коммунисты: Гастев, Серафимович и др., затем зачинатели, “дедушки” пролетарского творчества, как Нечаев, Гаврилов, Шкулев, Благов и др. Наконец — пролетарские литературные журналы и Никитинский кружок с портретами. Обращающие на себя внимание витрины: одна — с документами о съездах пролетарских писателей с 1918 года до наших дней, причем есть материалы и стенограмма Первого всероссийского съезда пролетарских писателей 1920 года; другая витрина содержит справки б<ывшего> департамента полиции о целом ряде пролетарских писателей и около ста их автобиографий и анкет.

В центре второй комнаты — уголок В.И.Ленина с материалами об отражении В.И.Ленина в художественной литературе. Там же богатейшая коллекция сборников с редчайшими экземплярами, как, например, рабочий сборник “Наши песни” (сожжен цензурой), первые книги Свирского “Погибшие люди” <...>, появившиеся раньше рассказов на те же темы Горького, и т. д. <...> Наконец, в этой же комнате сконцентрирован диаграммный и юбилейный материал. Выделяются диаграммы о книжной продукции в революционные годы, о московских журналах, особенно интересна диаграмма, рисующая роль поэмы, как героического литературного жанра, с 1918 года и диаграммы о темах пролетарской художественной литературы. Дан материал о юбилее Серафимовича и снимки с исторических революционных картин.

В третьей комнате — ряд уголков. Здесь — большой материал о суриковцах с момента их появления до превращения во всероссийский союз крестьянских писателей, о рабоче-крестьянском кружке им. Неверова. Здесь — книги новокрестьянских писателей: Клюева, Орешина, Радимова, Есенина и др., вплоть до 1924 года. Здесь попутчики (книги и портреты), с отдельной витриной Лефа и Маяковского. Затем — уголок ушедших писателей, с богатым биографическим материалом о Неверове, с рукописями Ширияевца, обрисовывающими процесс его работы, и с письмами к нему Горького и Короленко.

Специальное место отведено Блоку, где интересны: первый сборник, в котором печатался Блок — студенческий сборник 1903 года, и иностранные переводы “Двенадцати”. Большой материал дан о Брюсове и ВЛХИ, устроенный С.А.Поляковым, И.М.Брюсовой и студентами ВЛХИ. Здесь — книги, портреты, последние рукописи Брюсова, здесь же художественно-литературные работы студентов ВЛХИ.

Портреты рабочих и крестьянских писателей на выставке восходят вплоть до рабкоров и селькоров. Всего портретов не менее 150.

Завершается выставка витриной “Современность и Пушкин”, где собраны статьи и стихи о Пушкине, написанные поэтами наших дней самых различных течений, начиная от пролетарских поэтов и до Есенина и Маяковского».

Вырезка — Тетр. ГЛМ.

См. также: 25 янв. 1925, вторая запись; 1 февр. 1925, первая запись; 4 февр. 1925, первая запись; 13 февр. 1925; 18 марта 1925, третья запись; до 8 апр. 1925, четвертая запись; до 23 апр. 1925.

Ср.: 3–10 мая 1925.

Февраль, 11. Московская газета «Правда» (№ 34) печатает «в порядке предварительной дискуссии» статью Н.Осинского «К вопросу о «ли-

тературной” политике партии», полемичную по отношению к «Резолюции 1-й Всесоюзной конференции пролетарских писателей»:

«Нужно без всяких стеснений, громко и ясно сказать т. Вардину и К*: довольно баловать, друзья! Не бывать тому, чего вы хотите! Нашей художественной литературы вам на поток и разграбление мы не выдадим. Достаточно и без того начитались мы ваших дубовых идеологических упражнений, где если было слово истины, так оно “заимствовано” вами у кого-нибудь из ваших оппонентов, а что было свое, то всё либо вреднейшее головоотяпство, комчванство или “сладенькое комвранье”. Достаточно поиздевались вы и над пресловутыми попутчиками, — попросту говоря, одним из слоев интеллигенции, с которой вообще ни РКП, ни советская власть вовсе не хотят обходиться и не обходятся по методу повального оглушения. Достаточно спекулировать на страшных “революционных” словах и на расхваливании пролетарских писателей для того, чтобы добиться “гегемонии над литературой” и “власти над искусством”.

Не бывать тому, чтобы “напостовская” группа трех сопливеньких <т. е. редакторов журнала — Б.Волина, Г.Лелевича и С.Родова> управляла художественной литературой. Приемами демагогии, лести и застраиваний она получила временный перевес во всероссийской ассоциации пролетарских писателей. Задачей всех разумных членов партии, причастных к литературе и писательству, должно стать — уничтожить этот перевес».

См.: 1 февр. 1925, первая запись; до 7 февр. 1925; 18 февр. 1925, третья запись; 23 февр. 1925, первая запись.

Всероссийский Союз поэтов обращается с письмом (№ 58) в Главлит с просьбой разрешить печатать подготовленную к набору книгу Есенина «Новые стихи» тиражом в 5000 экземпляров.

Есенин, VII (3), 100.

Содержание неизвестно.

Готовился и другой сборник под таким названием — Есенин заключил договор с московской редакцией Ленинградского отделения Госиздата (текст договора не найден), но в срок рукопись не представил (см.: 25 сент. 1925, четвертая запись).

В газете «Известия ЦИК СССР и ВЦИК Советов» (№ 34) — объявление о выходе 14 февраля журнала «Красная нива» (№ 7) со стихами Есенина.

На журнале обозначена дата выхода: 15 февр. 1925.

Газета «Коммуна» (Калуга; № 34) дает объявление о подписке на журнал «Огонек» на 1925 год. В перечне авторов — Есенин.

Февраль, 11, 13 и 15. В московском Театре сатиры идет спектакль «Москва с точки зрения...», одним из персонажей которого является Есенин.

Журн. «Искусство трудящимся. Театр. Кино. Музыка. Живопись», М., 1925, № 11; 10–15 февр. Из отклика:

«Театральный сезон Москвы характеризуется двумя особенностями: во-первых, отменены билеты, во-вторых, отменены пьесы. Билеты заменены контрамарками; пьесы заменены историческими хрониками и литературщиной.

Несомненно, что материальным успехом пользовались только две пьесы, обе исторического типа: это в театре МГСПС (ныне ликвидирован) Шаповаленко “1881 год” и в театре Комедии А.Толстого и П.Щедрова “Заговор императрицы” <...>

Но не только пьесы, пользовавшиеся успехом, но и пьесы этого сезона, блестяще провалившиеся, как “Учитель Бабус” Мейерхольда, “Святая Ионна” в Камерном, “Случайные удовольствия” и “Ейген Несчастный” в Комедии — все эти пьесы прежде всего не пьесы. В них совершенно отсутствует основное требование сцены: коллизия, развитие интриги и характера и динамика. И, может быть, именно этим нетеатральным подходом и объясняется то, что уже давно не было такой пустоты в театре, как в этом году.

Поэтому как раз делается понятным, что в театре Сатиры, где идут такие же по существу мешанские узколитературные обозрения типа “Москва с точки зрения...”, “Спокойно — снимаю”, “7 лет без взаимности”, бывает публика. Обозрение не есть театральная, а скорее кабаретная фабула, и литературное <o>строумие не пропадает при отсутствии интриги.

Правда, по существу своих пьес “Театр Сатиры” должен был бы называться скорее “Театром Смеха”, так как сатиры в настоящем значении этого слова там нет, но на безрыбье и рак рыба. Я не разделяю блестящих надежд руководителей этого театра на будущее Сатиры. Это советизированная “Летучая Мышь”, где Д.Гутман и пара авторов да актерская молодежь пытаются придать большое значение той веселой, но пустой работе, которую они производят...».

Шершеневич В. Критика московского театрального сезона. — Газ. «Русский голос», Нью-Йорк, 1925, 3 июня, № 3487.

См. также: 1 окт. 1924; 1 янв. 1925, пятая запись; 2 и 3 янв. 1925; 23 янв. 1925, вторая запись; 1 февр. 1925, третья запись.

Февраль, до 12 или до 13 (?). Есенин посылает телеграмму Г.А.Бениславской:

«Деньги не пришли Жду шлите телеграфом Есенин».

Есенин, VI, 201, 671.

Отправляет телеграмму Е.А.Есениной.

«Ты думаешь или нет Я сию без денег С.».

Есенин, VI, 201, 671–672.

Февраль, 12. Пражская газета «Právo lidu» (№ 36) публикует четвертую главку поэмы Есенина «Преображение» («Стихи, ветер...») в переводе на чешский язык; переводчик Франтишек Коварна (František Kovárna).

См. Приложение.

О републикации перевода см.: 2 (?) апр. 1925.

Февраль, между 12 (13) и 17 или 18. Есенин шлет телеграмму Г.А.Бениславской:

«Спасибо. Нужно тысячу. Скажите Вардину, поэму высылаю. Отвечайте. Есенин».

Есенин, VI, 201, 672–673.

Речь идет об «Анне Снегиной». Из слов Есенина явствует, что две его предыдущие телеграммы, наконец, возымели действие, и Г.А.Бениславская послала в Батум некую сумму денег (но менее требуемых поэтом 1000 р.). Ни точная сумма, ни время ее отправки неизвестны.

См. также: до 14 дек. 1924, вторая запись; 14 дек. 1924, первая запись; 1—26 янв. 1925, первая запись; до 20 янв. 1925, первая запись; 26 янв. 1925, первая запись; конец янв. 1925; до 9 февр. 1925, третья запись; 19 или после 19 февр. 1925; 2—5 марта 1925, первая запись; 6 или 7 марта 1925; 14 марта 1925, первая запись.

Февраль, 13. Газета «Известия Административного отдела Московского Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов» (№ 19; подпись: ЛУКА) публикует отчет «Вечер крестьянской литературы», в котором упоминается Есенин:

«В помещении Академии художественных наук (ул. Кропоткина) открылась выставка художественной литературы, на которой представлены различные литературные группировки.

5 февраля выставочным комитетом был устроен вечер крестьянской литературы, в котором приняли участие Всероссийский союз крестьянских писателей, “Радуга” и новокрестьянские писатели или “попутчики” (группа С.Есенина, П.Орешина, Клычкова и др.).

Однако главные представители этой литературной группы на этот вечер не явились и их произведения читали артисты.

Слушая доклад представителя этой группы, нельзя было не почувствовать индивидуализма “попутчиков”, их оторванности от рабочего класса, как и боязни нашествия города с его пролетарской культурой на деревню.

От Всероссийского союза крестьянских писателей содоклад сделал председатель союза тов. Деев-Хомяковский, оттенявший коллективизм творчества этой группы.

— Наша задача, — сказал он, — помочь РКП и советской власти идеологически перевоспитать трудовое крестьянство, выработать из начинающих писателей-самородков и селькоров советских литераторов и журналистов и установить тесную смычку с пролетарскими писателями.

Затем выступили со своими произведениями члены союза — престарелый Спиридон Дрожжин, Ф.Шкулев, Савин, А.Вятч, В.Горшков и др., тепло встреченные публикой.

П.Замойский (из этой же группы) прочел свою новую вещь — “Письмо Ильичу”, которая произвела сильное впечатление на слушателей.

Вечер закончился исполнением народных крестьянских песен».

Вырезка — Тетр. ГЛМ.

См. также: 25 янв. 1925, вторая запись; 1 февр. 1925, первая запись; 4 февр. 1925, первая запись; 5 февр. 1925; 10 февр. 1925; 18 марта 1925, третья запись; до 8 апр. 1925, четвертая запись; до 23 апр. 1925.

Февраль, 13, 14, 20 и 21. Харбинская газета «Рупор» (№ 1176, 1177, 1183, 1184) называет фамилию Есенина в объявлении об открытии подписки на еженедельный художественно-литературный журнал «Наш огонек», выходящий в Риге.

См. также: 3, 7 и 10 марта 1925.

Февраль, 14. Газета «Известия ЦИК СССР и ВЦИК Советов» (№ 37) дает объявления:

- о выходе № 7 журнала «Красная нива» со стихами Есенина;
- о выходе и рассылке 17 февраля № 2 журнала «Новый мир», где опубликованы стихи Есенина.

См.: 15 февр. 1925, первая запись; 15 ... 17 февр. 1925.

Рязанская газета «Рабочий путь» (№ 37) извещает:

«В воскресенье, 15 с. г. в помещении Дома просв<ещения> (ул. Свердлова) состоится собрание Рязанского отделения Всероссийского союза поэтов.

Программа:

1) “Москва кабацкая” — сб<орник> С.Есенина — прочтет и снабдит примечаниями поэт Ценин. <...>

Вход для всех свободный».

Отчет о вечере не выявлен.

Ревельская газета «Последние известия» (№ 37; рубрика «Мировая жизнь») помещает анонимную заметку, в которой упоминается Есенин:

«Айседора Дункан выпускает свои мемуары, заявляя, что опубликование их погубит много репутаций и вызовет множество семейных драм. С Есениным она никак не может развестись, — ночью он пьянствует, днем спит, — а развод ей очень нужен, так как ни Франция, ни Америка не ставят визу на ее советский паспорт, и она не может попасть в Париж, где у нее два дома большой ценности».

См.: 28 дек. 1924, вторая запись; 2 янв. 1925; 4 янв. 1925, пятая запись; 12 янв. 1925; 13 янв. 1925, четвертая запись; 21 янв. 1925, четвертая запись; 17 марта 1925, третья запись.

Февраль, 15. Московский журнал «Красная нива» (№ 7) публикует стихотворение Есенина «На Кавказе» с пометой «Тифлис, сентябрь 1924».

Об исходной публикации см.: 19 сент. 1924, вторая запись.

О перепечатках см.: до 20 янв. 1925, третья запись; 23 марта 1925, первая запись; до 11 июня 1925.

См. Приложение.

Газета «Вятская правда» (№ 38; «Литературная страничка»; рубрика «Литературные портреты») печатает статью К.Алтайского «Сергей Есенин»:

«Сергей Есенин — один из талантливейших, самобытнейших поэтов современности. Он уже вошел в историю литературы.

Сергей Есенин — крестьянин. Поэтому и поэзия его деревенская, ржаная, мужицкая.

На истоках своих поэтических путей — он учился на Кольцове и Клюеве (крестьянских поэтах).

Первые стихи Есенина — пастушеские песни, деревенские, сочные, пропитанные рожью и васильками слова.

Но уже в ранних своих исканиях он приходит к пушкинской простоте и ясности.

В сборнике “Преображение” поэт самоутверждается удивительно простыми, пушкински ясными стихами:

Разбуди меня завтра рано,
Засвети в нашей горнице свет,
Говорят, что я скоро стану
Знаменитый русский поэт.

Первые темы и формы Есенина — деревенские. Он воспел деревню хлебопашескую, с тихими околицами.

Как деревенский поэт, он часто употреблял церковно обиходные слова и образы; вроде:

На реках Вавилонских мы плакали
И кровавый мочил нас дождь.

Поэт сложился в деревне.

Пришла революция. Революция городская, рабочая. В Есенине начался разлад. В нем живы два начала: одно — революционное, пугачевское, радостное и боевое, другое — грустное, уходящее в прошлое, деревенское, какая-то влюбленность в старую Русь, которую Есенин воспел первыми стихами.

Ему бы:

Хорошо ивняком при дороге
Сторожить задремавшую Русь.

А тут гражданская война, пролетарская диктатура.

И вот Есенин объявляет себя:

Я последний поэт деревни...

Он пишет крепкие стихи о деревенской жизни, сравнивая ее с красногривым жеребенком:

Милый, милый смешной дуралей,
Ну куда он, куда он гонится.
Разве <так!> он не знает, что живых коней
Победила стальная конница.

Стальная конница — это паровозы, город, вся городская культура.

Около этого времени Есенин успел оторваться от деревни, но певцом деревни он остался навсегда.

Талант его крепнет. Он довел свой стих до простоты, на которую не способен ни один из современных поэтов:

И навстречу испуганной маме
Я цедил сквозь кровавый рот:
«Ничего! Я споткнулся о камень,
Это к завтраму всё заживет».

Оторвавшись от деревни — Есенин не стал пролетарским поэтом.

Он навсегда остался певцом деревенской Руси.

И когда недавно он посетил свое родное село и увидел, что читают не Есенина, а “агитки Бедного Демьяна”, — Есенин сознаётся, что он в прошлом:

Приемлю всё,
Как есть всё принимаю.

Готов идти по выбитым следам.
Отдам всю душу октябрю и маю.
Но только лиры милой не отдам.

“Лири” поэта (его искренние песни) — в старом. Пролетарским певцом и даже певцом советского крестьянства он не может быть.

Однако поэт еще молод. Последние его стихи — “Русь советская” и “Русь беспризорная” — говорят о новом переломе в поэте.

Он повернулся лицом к советским будням, делается более активным нашим попутчиком.

Но он *не наш*, как не наша старая Русь, певцом которой он был и, по сути, есть.

Пара слов об *имаженизме* <так!>.

Имаженисты <так!> (по-русски: образники) — поэты, признающие главное в литературе *образное слово*.

Группу имаженистов <так!> составляли Есенин, Шершеневич, Мариенгоф, Кусиков и др.

Недавно Есенин и другие опубликовали письмо о роспуске этой группы <см.: 31 авг. 1924>.

“Имаженизм” <так!> умер естественной смертью».

Свердловский журнал «Товарищ Терентий» (№ 3) перепечатывает отрывок из поэмы Есенина «Пугачев» под заглавием «Бегство калмыков. Из поэмы “Пугачев”».

На обложке журнала портрет с пометой: «Емельян Пугачев. 150 лет со дня казни».

См. Приложение.

Рижская газета «Сегодня» (№ 37) помещает объявление о новых ценах на издания З.И.Гржебина, в том числе на книгу Есенина «Стихи и поэмы»: «С.А.Есенин. Стихи и поэмы — 0,50. <...>

Следующие книжные магазины имеют перечисленные издания постоянно на складе:

в Риге: О.Вестфаль Valdemara iela 17

в Вильне: Wielka 14

в Ревеле: А.Орг.

Книжное контрагентство I.Левитана Josif Lewitan, Buchhandel und Verlag, Berlin, 50 Spicherstrasse, 4».

Февраль, 15 ...17. В Москве выходит журнал «Новый мир» (№ 2; за февраль) со стихотворением Есенина «Весна».

Граница события устанавливается по информации газ. «Известия ЦИК СССР и ВЦИК Советов» (см.: 14 февр. 1925, первая запись; 17, 18, 21 февр. 1925).

Об исходной публикации см.: 4 янв. 1925, третья запись.

О перепечатке см.: 15 марта 1925, четвертая запись.

Февраль, середина. Есенин посещает (?) Сухум.

М.Д.Хахмигери вспоминает:

«Это было в феврале 1925 года. Возвращаясь на дилижансе в Сухуми из санатория “Гульриш”, на шоссе вблизи “Синопа” я увидел группу людей, среди которых находился С.Я.Чанба <председатель ЦИКа Абхазии>. Я подошел к нему. <...>

Кроме С. Я. Чанбы, в этой группе были А.Герваси (редактор газеты “Трудовая Абхазия”), В.Агрба (нарком земледелия Абхазской АССР), К.Инал-ипа (военный комиссар Абхазии) и другие лица. Они были мне знакомы. Лишь одного из находившихся в группе я не знал. Это был молодой человек среднего роста, с пышными, зачесанными назад волосами, большими добрыми серыми глазами и поразительно правильными чертами лица. Одет он <был> модно, изящно. Беседа происходила у обочины шоссе. К.Инал-ипа и незнакомец обменялись острыми шутками, вызвавшими дружеский смех присутствующих.

Каково же было мое изумление, когда Инал-ипа вдруг сказал:

— Товарищ Есенин, мы, кажется, начинаем пошалить.

На это Есенин ответил:

— Да, мы шалим, а шалить — значит жить весело.

Есенин был в приподнятом настроении. Временами он устремлял взгляд на море или на город, любовался горами, синеющими вдали. Живописный пейзаж приводил его в восторг.

— Други мои! — воскликнул он. — Это великолепно, очаровательно, это сказка наяву. Абхазия подобна Эдему, но жить должны здесь не праведники, а только поэты! Да, да, поэты, — заключил он. — Воспеть бы Абхазию вдохновенно, как умеет воспевать Есенин!

Вся группа выразила Есенину одобрение этой мысли.

Общительность Есенина создавала атмосферу непосредственности, которая сразу же сближает людей.

Вскоре вся группа направилась в дом отдыха имени С.Орджоникидзе.

Пачулиа В. Сергей Есенин в Сухуми. — Газ. «Советская Абхазия», 1962, 20 июля, № 142.

Приведа рассказ М.Д.Хахмигери, автор заметки добавляет: есть «сведения о том, что поэт посвятил нашему городу стихотворение».

В 1985 г. с М.Д.Хахмигери и В.П.Пачулиа в Сухуми встретится С.П.Кошечкин. К сожалению, ни тот, ни другой каких-либо подробностей о «сухумском» стихотворении Есенина сообщить не смогли. Зато Майор Давидович заметил, что некоторые детали в газетную заметку В.Пачулиа не вошли. Так, во время того разговора Инал-ипа, кивнув в сторону М.Д.Хахмигери, сказал, обращаясь к Есенину:

«— Сергей Александрович, а ведь это печатник!

Поэт с улыбкой протянул руку молодому человеку:

— О, печатники нам родня!»

По словам М.Д.Хахмигери, из Батуми в Сухуми Есенин приплыл на пароходе (по записи С.П.Кошечкина от 31 дек. 1985 г., хранившейся в его архиве).

Есенин, VI, 643–645.

Февраль, после 15 ... Июнь. Ленинградское отделение Госиздата РСФСР выпускает вторым дополненным изданием книгу Г.Е.Горбачёва «Очерки современной русской литературы», где заходит речь о Есенине.

Нижняя граница события устанавливается по словам из письма автора (15 февр. 1925) о том, что его книга еще «брошюруется в Ленгизе» (журн. «Звезда», Л., 1925, № 1, с. 264). Верхняя граница определяется в соответствии с тем, что книга поступила во Всероссийскую Центральную книжную палату в первом полугодии 1925 г. (Кн. летопись, 1925, № 14, июль, поз. 10538).

Из предисловия ко второму изданию:

«В современной поэзии намечается всё чаще тенденция к какому-то своеобразному стилизации формальных особенностей Маяковского, Мандельштама и Пастернака, с одной стороны, и влияния Есенина — с другой».

Из главы VI «Владимир Маяковский»:

«Кроме формального влияния Маяковского, мы видим в современной пролетарской литературе, конечно, и другие влияния, порою более или менее противоположные влия-

нию Маяковского (влияние Есенина, Мандельштама и т. д.). Такая противоположность не означает реакционности этих “иных” влияний. В конце концов, получится некий синтез, основным в котором, вероятно, будет нечто новое, внесенное пролетариатом).

Из главы VII «Революционная художественная проза»:

«...можно говорить <...> о резком отличии <...> “Огней” Садофьева от его есенинской по форме и мотивам “Бродяжьей тяги”».

Февраль, 16. Парижская газета «Звено» (№ 107) публикует материалы, в которых заходит речь о Есенине:

— в рубрике «Отклики» — статью без подписи «Москва кабацкая. — “Пусть спеет” — Благородство и правдивость»:

«О Есенине много писали — лестного и нелестного. Для рекламы важно количество написанного, а качество забывается. Остается впечатление: много о нем шумят — любопытный поэт! А Есенину реклама-то и нужна, для нее он готов на весь свет себя ослабить. Ведет он параллельно две линии: стихи пишет и творит свою легенду, заживо. И у читателя смутное воспоминание о его “крестьянской музе” (этакая нимфа в кокошнике) сливается с последним газетным известием об очередном скандале в Париже или Нью-Йорке. Поэт и хулиган — линии сходятся и образуют некий “романеск” в жанре “Кина <так> — гений и беспутство”. Утвердив свой облик в жизни (художественные приемы: буйство во хмелю и крепкое слово молодецкое), Есенин оперирует им в поэзии, как классические поэты обращались с мифом. Вводит в композицию стихотворений, как образующую величину, как общеизвестный термин. Поэтому лирика его, оставаясь интимной по-домашнему, возвышается всё же до известной, так сказать, историчности. Он может упоминать и о цвете своих волос (“золотая моя голова”), и о своем цилиндре, и о манишке — ибо кто же не знает его иконографии? Всё это стало почти что “историей”, как прядь Наполеона, его треуголка и серый сюртук.

Обращаем внимание критиков, что, только следуя за поэтом по двойному пути — правды и вымысла, — можно сопоставить его с Байроном. Ограничимся указанием — тема широчайшая. Разработав свою жизнь в качестве лирической темы, Есенин строит на ней ряд поэтических эффектов.

У Блока был бродяга, у которого “душа глухая пьяным пьяна”, грешный и беспутный. И этому пропащему человеку в ночном чаду ресторана явилась Незнакомка. Сталкивались святость и греховность, кощунство переливалось в молитву — на кровавую грязь земли ложился незапятнанный снежный саван. Есенин из романтического блудного сына делает реального пропойцу и хулигана. У Блока: “жизнь давно сожжена и рассказана”, а у Есенина — стиль фламандский:

Провоняю я редькой и луком,
И, тревожа вечернюю гладь,
Буду громко сморкаться в руку
И во всё дурака валять.

Мотив погибшей жизни допускает разные вариации. “Пропаший” таскается по “московским изогнутым улицам”, читает по кабакам стихи и с “бандитами жарит спирт”. Что и говорить: всё, что гибелью грозит, для сердца смертного таит неизъяснимы наслаждения. Упоение это знает Есенин; за свое право на “бесшабашность” дорого он заплатил всевропейскими скандалами:

И теперь уж я болеть не стану,
 Прояснилась омутъ в сердце мгlistом.
 Оттого прослыл я шарлатаном,
 Оттого прослыл я скандалистом.

Жалуется или хвастается? И то, и другое. Но унижением своим гордится страшно. Если об унижении знает весь мир — это уже не унижение, а слава!

И известность моя не хуже,
 От Москвы по парижскую рвань
 Мое имя наводит ужас,
 Как заборная, громкая брань.

От восторга несколько преувеличивает, как Байрон преувеличивал свой демонизм, — но пафос “отверженности” — подлинный. Прямая линия от шиллеровского разбойника — Карла Моора к хулигану — Сергею Есенину.

Заклассифицирован, и на этом можно было бы успокоиться. Пусть себе безобразничает с “бандитами”: сей поэтический прием оригинальностью не блещет. Но где же есенинская Незнакомка, спросите вы?

А вот в последнем его сборнике “Москва кабацкая” — второй термин лирической композиции, наконец, появляется: над адом — небо, в кабаке — неземное видение. Она.

Чистая любовь слетает в пропитую душу и начинается чистейшая лирика. Флейты после балалаек.

В первый раз я запел про любовь,
 В первый раз отрекаюсь скандалить.
 .....
 Я б навеки забыл кабаки
 И стихи бы писать забросил,
 Только б тонко касаться руки
 И волос твоих цветом в осень.

И льются жалобы, сожаления, печальные восклицания.

Голова ль ты моя удалая,
 До чего ж ты меня довела?

Желанный синтез наступил — найдена проезжая лирическая дорога. Скорбь о прошлом, тоска по недостижимому. И заканчивается сборник стихотворением, где от хулигана уже ничего не осталось, где романтический поэт просветленно-печален и молитвенно-просветлен, где “озорная” есенинская складка разглажена, копна волос поэтически зачесана назад и где каждая строфа безнадежно похожа на лирику Александра Блока.

Не жалею, не зову, не плачу,
 Всё пройдет, как с белых яблонь дым,
 Увяданья золотом охваченный,
 Я не буду больше молодым.

И финал:

Все мы, все мы в мире тленны,
Тихо льется с кленов листьев медь...
Будь же ты вовек благословенно,
Что пришло процветать и умереть».

По обсужденной в переписке С.И.Субботина с О.А.Коростелёвым (22 июня 2012 г.) совокупности косвенных данных, связанных с этим материалом, статья предположительно атрибутируется К.В.Мочульскому.

Впрочем, ранее ее авторство приписывалось Г.В.Адамовичу (см.: Шубникова-Гусева Н.И. Дискурс русской эмиграции о Есенине (1918–1945). — Конференция «Первые встречи Института Восток-Запад = Les Premières Rencontres de l'Institut européen Est-Ouest», Lyon, ENS LSH, 2–4 дек. 2004 г., http://russie-europe.ens-lyon.fr/article.php3?id_article=48).

О сб. «Москва кабацкая» см.: до 19 июля 1924; 4 янв. 1925, первая запись; февр. 1925, первая запись; 14 марта 1925, вторая запись; 24 марта 1925, вторая запись; 26 апр. ... 5 мая 1925; 2 июня 1925, первая запись; не позднее июня 1925; 2 (?) июля 1925;

— двухчастные «Литературные беседы» К.В.Мочульского.

Вторая из частей начинается так:

«У Есенина есть строфа:

С горы идет крестьянский комсомол;
И под гармонику, наяривая рьяно,
Поют агитки Бедного Демьяна,
Веселым криком оглашая дол.

И не только комсомол “наяривает” стихи Демьяна Бедного; его в России знают все: на каждом заводе, в каждой красноармейской части, в глухих сёлах и деревнях. Он — самый любимый поэт, единственный подлинно национальный. По сравнению с всероссийской его известностью бледнеет слава Пушкина. Миллионы, “оглашающие дол” агитками Демьяна, вся рабоче-крестьянская республика, знающая наизусть его басни, целые поколения, воспитанные на его частушках, — картина грандиозная. Все остальные знаменитости замкнуты тесными кругами и кружками: они цветут и увядают в оранжереях “студий” и “академий” — один Демьян пустил корни в самую толщу народа и разросся богатырски. Он в народе и народ в нем; его личность так слилась с массой, что он превратился в коллективного поэта. Поэтому всё личное в нем отмерло; осталось только широкое горло — рупор, через который кричат неимущие классы. <...>».

Окончание беседы, однако, вряд ли можно считать утешительным для ее героя:

«Не отрицая гениальности Демьяна Бедного с точки зрения классовой борьбы с гнетом капитала, мы всё же затрудняемся признать его поэтом в старом (буржуазном) смысле этого слова. Хотя и рифмует он “муки” и “руки”, “равны” и “штаны”, а всё-таки не поэт. И сколько бы его ни читали в красноармейских частях, “национальным” он от этого не делается. Нужно глубоко презирать родину, чтобы признать Демьяна “гласом народа”».

Февраль, до 17. Есенин собирается к отъезду в Москву.

О границе события см.: 17 или 18 февр. 1925, первая запись.

Л.И.Повицкий вспоминает:

«В феврале 1925 года Сергей Александрович начал собираться в дорогу. Он говорил, что у него в Москве большие дела: готовится издание первого тома его стихов, надо позаботиться и о сестренке:

— Ей в Москве нечего делать, она только избалуется там. Разве можно в Москве учиться? Я тебе пришло ее сюда. Пусть живет у тебя и учится <намерение не осуществилось>. Она у меня золотой человек.

И он с восторгом заговорил о младшей сестре, о ее способностях, о любви ее к литературе. Он не первый раз рассказывал о ней с нежностью, с большой братской любовью.

Мы расстались.

Больше я Есенина не видел».

Восп., 2, 250.

Февраль, до 17 ... до 28. В издательстве Л.Д.Френкеля (М.-Л.) выходит третье исправленное и дополненное издание книги В.Львова-Рогачевского «Новейшая русская литература», в котором характеризуется Есенин.

Кн. летопись, 1925, № 4, февр., поз. 1775.

О первом издании см.: до 15 апр. ... до 2 мая 1923.

Из «Предисловия к третьему изданию»:

«После переработки и дополнений за эти годы в книгу вошли новые главы, и новые характеристики: о методологическом подходе к истории литературы, о <...> Есенине...».

Автор имеет в виду не только данное издание, но и предыдущее второе (1924). Заметные дополнения о Есенине были внесены именно туда (подробнее см.: до 16 — до 31 авг. 1924, третья запись).

В заключительном разделе в перечне литературы названы книги Есенина и сборники с его участием.

Февраль, 17, 18, 21. Газета «Известия ЦИК СССР и ВЦИК Советов» (№ 39, 40, 43) печатает объявление о выходе и рассылке второго номера журнала «Новый мир» со стихами Есенина.

Февраль, 17 или 18. Есенин посылает телеграмму Г.А.Бениславской: «Я озлоблен почему нет ответа Батум не пишите уезжаю Персию адрес Баку Есенин».

Есенин, VI, 202, 673.

Выезжает в Тифлис.

Дата устанавливается с учетом авторской датировки инскрипта Ю.А.Тетруевой, сделанного Есениным в Тифлисе (см.: 19 февр. 1925, первая запись).

Февраль, до 18. В московском издательстве «Современная Россия» выходит книга И.Грузинова «Избяная Русь», где:

— в издательской рекламе заявлен выпуск книги Есенина «Тридцать шесть: Поэма» (М., 1925).

Есенин, VII (3), 101.

Граница события устанавливается на основе упоминания этой книги в письме В.И.Эрлиха Г.А.Бениславской (см.: 18 февр. 1925, вторая запись). В свет не вышла (см.: Есенин, III, 632).

Поэма Есенина вошла в состав его сборника «О России и революции», вышедшего в этом же издательстве (см.: конец апр. ... до 4 мая 1925);

— с пометой: «Готовится» заявлен сборник «Современная Россия: Антология» (М., 1925) с участием Есенина.

Есенин, VII (3), 109.

Среди участников: В.Александровский, И.Грузинов, В.Казин, И.Приблудный, В.Рождественский, Н.Савкин, Н.Тихонов, Н.Эрдман, Г.Якулов.

Книга в свет не выйдет. Ее содержание неизвестно.

Февраль, 18. В Ленинграде В.И.Эрлих ведет в редакции журнала «Звезда» переговоры с И.И.Ионовым о публикации есенинской «Поэмы о 36».

Событие и его дата устанавливаются по отправленному в тот же день письму В.И.Эрлиха Г.А.Бениславской:

«Только сегодня, Галя, имел окончательный разговор в “Звезде” относительно “36”». Письма, 346.

См. также след. запись.

В.И.Эрлих сообщает Г.А.Бениславской о решении И.И.Ионова относительно «Поэмы о 36» Есенина:

«Ионов печатать запретил, заявив, что, во-первых, по его сведениям, вещь печаталась уже два раза (?), а во-вторых, “он не желает ничего предпринимать до того времени, как Сергей лично придет и расхлебает всю кашу (?)”. Со своей стороны должен прибавить (Ионов этого не знает): в Питере появилась книжка Грузинова “Избяная Русь”, причем в каталоге издательства “Современная Россия” в числе изданных книг значится “36” <в свет не вышла; см.: до 18 февр. 1925>.

Галя! Вы не находите, что судьба немножко перестаралась с этой вещью?

Что Вы делаете? Что Вы собираетесь делать? Что делали до сих пор?

Что, где и почему Сережа? Где и когда его можно увидеть? <...>

Почему Вардину не понравилось, что Осинский обозвал его “сопливеньким” <см.: 11 февр. 1925, первая запись>? Мне нравится.

Почему имажинисты издали на хорошей бумаге плохие стихи <см.: конец янв. — до 16 февр. 1925, вторая запись>?

Почему у меня разливается желчь? — Устал.

Оботвечьте все вопросы до Вардина.

Будьте здоровеньки. Всем приветы. Хочу видеть Сергея!»

Письма, 346.

20 января 1925 г. Г.А.Бениславская сообщала Есенину о решении И.И.Ионова издать «Песнь» и «36» «вместе» (Письма, 268). Хлопоты по изданию книги под названием «Две поэмы» продолжались до середины февраля 1925 г., но оно так и не осуществилось. См. об этом также: середина (?) янв. 1925, первая запись; 21 янв. 1925, вторая запись.

См. также: 25 сент. 1924, третья запись; до 25 дек. 1924; конец апр. ... до 4 мая 1925.

Московская газета «Правда» (№ 40) публикует материалы, касающиеся Есенина:

— статью заведующего отделом печати ЦК РКП(б) И.М.Варейкиса «О нашей линии в художественной литературе и о пролеткультах».

В статье излагается точка зрения руководства партии по вопросу литературной политики (в дискуссии 1924–1925 г.):

«Руководство в области литературы необходимо осуществлять путем более тонкого и обходного влияния и через систему иных мер воздействия и руководства, чем те, которые так “пылко” рекомендуют наши, скажем, очень рьяные товарищи “напостовцы”. <...>

Партия должна предостеречь товарищей “напостовцев” от увлечения богдановской теорией “пролетарской культуры”. <...> Партия должна категорически отказаться от передачи (“передоверия”) ВАППу “диктатуры” или “гегемонии” на литературной арене, чего они фактически добиваются. Партия не может одобрить их позицию по отношению к “попутчикам”; она заведомо ошибочная...».

См. также: 1 февр. 1925, первая запись; до 7 февр. 1925; 11 февр. 1925, первая запись; 23 февр. 1925, первая запись;

— в рубрике «Новые книги»: «Беллетристика» — информация о выходе в свет есенинского сборника «Страна Советская. Стихи» (Тифлис).

См. также: до 20 янв. 1925, третья запись; до 24 янв. 1924; 24 янв. 1925, вторая запись; 19 февр. 1925, первая запись; 20 февр. 1925, первая запись; 21 февр. 1925, вторая и третья записи; 25 февр. 1925, вторая запись; 15 марта 1925, первая и пятая записи; с 10 на 11 или 11 апр. 1925; 18 апр. 1925, первая запись; нояб. (?) 1925, четвертая запись.

Витебская газета «Заря Запада» (№ 39) помещает отчет «8-й вечер “Звено”» о мероприятии, посвященном творчеству Есенина (подпись: Том.):

«Характерно одно — вечер затянулся почти до 12 часов ночи и за всё это время ни один из присутствующих на вечере не ушел, все остались до конца. Переполненный до отказа зал “Парижской Коммуны” и указанное выше — являются одним из лучших признаков того, что заинтересованность литературными вечерами “Звено” среди широких масс рабочей молодежи и рабочих вообще чрезвычайно велика.

Вечер был посвящен творчеству поэта Сергея Есенина. Тов. Круглов сделал доклад, в котором ярко очертил творчество Есенина как поэта глухих перелесков, соломенных деревень, ржаных полей и вообще старой России, по-своему воспринявшей Красный Октябрь. Дальнейшие произведения Есенина носят бунтарский характер, даже больше того, в них поэт сам себя называет “скандальным пинтом”, хулиганом.

Есенин как художник в русской поэзии — одна из крупнейших величин, но он идеологически не наш. Рабочему классу чужды упаднические настроения и мотивы в творчестве поэта. Тов. Булашевич сделал содоклад о форме и содержании стихов Есенина, останавливаясь на Есенине как на художнике.

Для иллюстрации творчества Есенина членами объединения “Звено” был прочитан целый ряд его стихов.

Со своими стихами, посвященными Есенину, выступали местные поэты Матвей Дальний и Борис Булашевич».

Дата проведения вечера не выявлена.

Вырезка — Тетр. ГЛМ.

Февраль, 18 или 19. Есенин прибывает в Тифлис.

Дата устанавливается по авторской датировке тифлисского инскрипта поэта Ю.А.Тетруевой (см. след. запись).

Февраль, 19. Надписывает сотруднице редакции газеты «Заря Востока» Ю.А.Тетруевой свою книгу «Страна Советская»:

«В знак приятной встречи и приятного знакомства Юлии Алексеевне С. Есенин. Тифлис. 19 / II 25».

Есенин, VII (1), 253, 485–486.

См.: Юшкин Ю. За строкой автографа. — ЛР, М., 1981, 19 июня, № 25, с. 19 (факсимиле).

См. также: до 20 янв. 1925, третья запись; до 24 янв. 1924; 24 янв. 1925, вторая запись; 18 февр. 1925, третья запись; 20 февр. 1925, первая запись; 21 февр. 1925, вторая и третья записи; 25 февр. 1925, вторая запись; 15 марта 1925, первая и пятая записи; с 10 на 11 или 11 апр. 1925; 18 апр. 1925, первая запись; нояб. (?) 1925, четвертая запись.

Парижская «Русская газета» (№ 254) в объявлении акционерного общества «Москва» о наличии русских книг на издательских складах среди книг издательства «Скифы» информирует:

«А.Белый и С.Есенин. Россия и Инония — 10.

С.Есенин. Триптих — 8».

Февраль, 19 или после 19. На квартире Н.К.Вержбицкого Есенин читает друзьям поэму «Анна Снегина». Среди слушателей — П.Яшвили и Т.Табидзе.

Н.К.Вержбицкий вспомнит:

«...Есенин <...> читал “Анну Снегину”, пригласив Паоло Яшвили и Тициана Табидзе слушать поэму.

Читал с большим увлечением, а когда кончил, стал у каждого в отдельности спрашивать:

— Ну, как?

Я сказал, что мне очень нравится, и хорошо, что герой поэмы под конец не огрызнулся, не позлорадствовал, а искренне пожалел и Анну, и свою чистую любовь к ней...

— Ты правильно поступил, — сказал я, — что не прельстился агиткой, дал настоящее человеческое и вместе с тем человеческое разрешение всему событию.

Есенин крепко пожал мне руку».

Вержбицкий, 91.

См. также: журн. «Звезда», Л., 1958, № 2, с. 174.

См. также: до 14 дек. 1924, вторая запись; 14 дек. 1924, первая запись; 1–26 янв. 1925, первая запись; до 20 янв. 1925, первая запись; 26 янв. 1925, первая запись; конец янв. 1925; до 9 февр. 1925, третья запись; между 12 (13) и 17 или 18 февр. 1925; 2–5 марта 1925, первая запись; 6 или 7 марта 1925; 14 марта 1925, первая запись.

Февраль, 19 ... 25. Есенин делает дарственную надпись Ю.А.Тетруевой на книге «Пугачев» (М.: Имажинисты, 1922):

«Ну что же?

Молодость прошла,

Пора приняться мне

За дело,

Чтоб озорливая душа

Уже по-зрелому

Запела.

С. Есенин.

Дорогой Юлии

Алексеевне

На добрую память
С. Е.».

Есенин, VII (1), 254, 486.

Датируется временем встреч Ю.А. Тетруевой с Есениным в Тифлисе.

Бебутов Г. О Сергее Есенине: Четыре эскиза. — Журн. «Лит. Грузия», Тбилиси, 1968, окт., № 10, с. 90 (факсимиле надписи).

Искрипт предварен цитатой из маленькой поэмы Есенина «Мой путь» (см. о ней: около 20 янв. ... до 19 или до 25 февр. 1925; 5 марта 1925, пятая запись; 20 марта 1925, вторая запись; 24 апр. 1925; после 26 мая 1925).

Февраль, 20. Газета «Заря Востока» (№ 809; рубрика «Среди книг и журналов») публикует отклик В.Липковского «О Сергее Есенине» на сборник поэта «Страна Советская».

Примечание редакции:

«Печатается в дискуссионном порядке».

Автор пишет:

«Поэт 19 века Кукольник в одной из своих поэм (“Джулио Мости”) превозносил, как тогда и полагалось, звание поэта до звания обитателя олимпийских чертогов. “Поэт — великий и чистый храм непостижимой тайны!..”

Таково было мнение господствующего класса.

И не правда ли, как характерно было это постоянное противопоставление поэту — черни, эти веселые легенды о “вдохновении”, осеняющем “творца”. <...> Революция взяла под сомнение ложноклассическую музу, ложноклассическая лира сдана в археологический музей, поэзия стала делом земным, делом служебным.

Теперь никто уже не сомневается в том, что поэт — ремесленник, мастер, что прежде “божество” отличается от всех нас, “простых смертных”, лишь одним умением — лучше видеть, лучше познавать».

В.Липковский подробно анализирует творческую мастерскую Есенина и его отношение к слову. Обращает внимание на путь от «имажилизма», от полного пренебрежения смысловой ценностью слова — к порогу классицизма, Парнаса. И продолжает:

«Писали раньше ямбом и октавой...

Классическая форма умерла,

Но ныне в век наш величавый

Я вновь ей вздернул удила...

Не образы, заключенные в словах, а некая сила, которой обладает слово, составляет сущность поэзии. Эта сила особенно ясна, когда отношение к слову не ограничивается одним любованием его фонетическим составом, а, превозмогая это любование, заставляют видеть в слове — вещь.

Именно так относится Есенин “Страны Советской” к слову. Самые простые, крепкие, имеющие только один объективный смысл “вещи” располагает он в лучшем порядке. Отсюда достижение больших эффектов при наименьшей затрате изобразительных средств.

Простите мне... Я знаю: вы не та.

Живете вы с серьезным умным мужем,

Что не нужна вам наша маята

И сам я вам ни капельки не нужен.

Или:

Старушка милая! Живи как ты живешь!

Я нежно чувствую твою любовь и память.

Но только ты ни капли не поймешь,
Чем я живу и чем я в мире занят.

Если метрические и ритмические перебои этих строк формально не сближают их с классическими ямбами, то разница в других случаях делается абсолютно приметной.

Еще закон не отвердел,
Страна шумит, как непогода,
Хлестнула дерзко за предел
Нас отравившая свобода.
Россия! Сердцу милый край!
Душа сжимается от боли...
Уж сколько лет не слышит поле
Петушье пенье, песий лай.

Так внутренняя единая стихотворная речь оформляется в строгие рамки и самые простые слова приобретают столь большую власть над воображением читателя. Отсюда понятен процесс рождения из одного слова целой поэмы (“Ворон” Эдгара По).

“Поэт — бессмысленное певучее существо”...

Эти слова блоковского зодчего (“Король на площади”), взятые не в социальном, а в чисто симфоническом своем разрезе, ни в какой мере не приложимы к Есенину.

Как и в области семантики (слова живут только в их “авторской постановке”), так и в области звукового построения своих ритмических фигур он продолжает стойко идти к классицизму.

Полное отсутствие аллитерационных ходов, воспринимаемых как прием, бережное накапливание звуков, — и опять-таки постижение эффектов (музыкальных) самыми скромными средствами.

Скопление одинаковых ударных гласных (“Немолчный топот, громкий звон”) или расстановка их по краям стиха (“Не знаю, светит ли луна”), скопление одинаковых согласных (“Хвала и слава рулевому”), обилие в стихах гласных и смягчающего согласного — йота (“Любимаја, сказать приятно мне”), всё это делает стих, как говорится, музыкальным.

Это, конечно, не та певучесть, которой отличались произведения символистов (“Музыка прежде всего”), ради которой жертвовали смыслом слова, а та стройная гармония, которая всегда наблюдалась в классических образцах.

В этом отношении Есенин сделал шаг вперед, и в области ритмического построения своего стиха он пошел за Андреем Белым, правда, не дойдя до той мелодической “крайности”, в которую так неосторожно впал Белый.

Но графическим начертанием стиха он подчеркивает их мелодическую сущность, любезно указывая своему читателю, где он должен сделать паузу, любезно руководя его интонацией:

Вы помните —
Вы всё, конечно, помните...
Как я стоял,
Приблизившись к стене,
Взволнованно ходили вы по комнате
И что-то резкое
В лицо бросали мне.

* * *

Противникам теоретической поэтики, как подсобного при оценке литературного произведения метода, книжка Есенина может дать хороший урок.

В ней наглядная иллюстрация того, как путем анализа изобразительных средств можно прийти к выводам более широкого порядка — вплоть до классовой принадлежности самого автора.

Разве не характерно для “Страны советской”, что наибольшую формальную ценность приобретают так называемые деревенские стихотворения, что в иной тематической области Есенин порой не уберется от прямых прозаизмов, не говоря уже о всей “натянутости” построения!

Недаром эпитафией к книжке взято:

“Остался в прошлом я одной ногою...”

И недаром Есенин с наивной искренностью (правда, искренность вещь хорошая) на протяжении 62 страниц своей книжки всё обещает “догнать стальную рать”, сам уговаривает себя — “давай, Сергей, за Маркса тихо сядем”, и кончает всё же тем, что “одолеть не мог никак пяти страниц из «Капитала»”.

А жаль!.. “Премудрость скучных строк” Маркса многому научила бы тов. Сергея. И, быть может, послужила бы толчком к тому, что поэт начал бы понимать, откуда ему следует черпать свои силы, с кем ему следует жить в более близком соседстве.

В эпоху диктатуры пролетариата, яростной борьбы за полную победу на идеологическом фронте опасно оставаться только попутчиком, хотя бы и “яростным”.

Вырезка — Тетр. ГЛМ.

См. также: до 20 янв. 1925, третья запись; до 24 янв. 1925; 24 янв. 1925, вторая запись; 18 февр. 1925, третья запись; 19 февр. 1925, первая запись; 21 февр. 1925, вторая и третья записи; 25 февр. 1925, вторая запись; 15 марта 1925, первая и пятая записи; с 10 на 11 или 11 апр. 1925; 18 апр. 1925, первая запись; нояб. (?) 1925, четвертая запись.

Московский еженедельник «Книгоноша» (№ 6) помещает рекламное объявление о выходе в свет в первой половине февраля второй книги журнала «Новый мир» со стихами Есенина.

Февраль, 21. Есенин посылает телеграмму Г.А.Бениславской:

«Персия прогорела. Все Москве Лифшиц, Чагин. Шлите немедленно на дорогу. Я Тифлисе, нужно среде. Везу много поэм».

Есенин, VI, 202, 673–674.

Речь идет о М.О.Лифшице и П.И.Чагине, которые были в то время в Москве в служебной командировке. В Тифлисе Есенин находится до среды, то есть до 25 февр. 1925.

Делает дарственную надпись Т.Ю.Табидзе на своей книге «Страна Советская»:

«Милому Тициану в знак большой любви и дружбы.

Сергей Есенин. Тифлис фев. 21/ 25».

Вержбицкий, вкл. л. между 80 и 81 (факсимиле); Есенин, VII (1), 255, 486.

См. также: до 20 янв. 1925, третья запись; до 24 янв. 1925; 24 янв. 1925, вторая запись; 18 февр. 1925, третья запись; 19 февр. 1925, первая запись; 20 февр. 1925, первая запись; 25 февр. 1925, вторая запись; 15 марта 1925, первая и пятая записи; с 10 на 11 апр. 1925; 18 апр. 1925, первая запись; нояб. (?) 1925, четвертая запись.

Надписывает книгу «Страна Советская» жене Т. Табидзе — Н. А. Табидзе.

«Люби меня и голубые рога. Сергей Есенин».

Есенин, VII (1), 256, 486–487.

См. также предыд. запись.

«Голубые рога (роги)» — литературная группа грузинских символистов, возникшая в 1915 г. в Кутаиси–Тифлисе, просуществовала до 1930 г. Членами группы были поэты: Гр. Робакидзе, В. Гаприндашвили, Г. Леонидзе, П. Яшвили, Т. Табидзе и др.

Февраль, 22. Вечерний выпуск ленинградской «Красной газеты» (№ 43) помещает статью Тана «Современная деревня. Еще Россия и уже СССР», в которой упоминается имя Есенина.

Характеризуя «совсем необычного новгородца Ивана Михайлова», автор отмечает:

«Я сравнил бы его песни со стихами Есенина, если бы песни Михайлова не были так целомудренны и мужественно горды».

Парижская газета «Последние новости» (№ 1482; подпись: Антон Крайний) публикует статью З. Гиппиус «Поэзия наших дней», где заходит речь о Есенине:

«Мариенгофу свободно, просторно и в коробке “искусства”; когда захочется — можно слетать “в атаку на жизнь с мертвым воинством (жизнь боится мертвого искусства)”, слетать — и назад вернуться. Но если этого покойнического генерала поставить в ряд хотя бы с Есениным — разница бросится в глаза. Из Есенина, безобидного “искусника”, эстета в коробочке не сделаешь. Стилизациями не ограничишь, да и не знает он их, ему, вот, угодно “петь” и о деревне, и о России, обо всем, чего его нога потребует. Петь полным голосом, конечно, а для этого нужна “смычка”, более активная, более заметная, чем мариенгофская. Есенинская смычка и есть факт, не подлежащий оспариванию; совершилась она когда-то давно, почти сама собою, может быть, полусознательно, просто как необходимость.

Из цепи сегодняшних “свободных” поэтов, деятелей русской поэзии, Есенина не выкинешь: он колечко заметное. Он только сидеть безвыходно в эстетской коробочке не может, но он, конечно, “эстет” и Мариенгофу первый друг. Все потуги новшества, всю ломку, все “дерзания” последней поэзии он примет и даже, благодаря своей природе, доводит до гиперболических размеров. У Есенина чисто русская — распутинская — безмерность: куда бы ноги ни поставил, катит его как с горы. От свободы, не знающей препон (обеспеченной “смычкой”), он обалдевает. Если “новое” в поэзии — “сказать погаже”, у Есенина тотчас за поясом всё, вплоть до Маяковского. Если кошунство — так уж никому комсомольцу не выдумать. А главное — ломка, ломка, пафос разрушения, который пьянит лучше вина.

Есенин, вне своей поэзии, сам есть некий художественный образ. Его безудержность, его талантливость, ребяческая лживость и бессознательная правдивость, его способность опьяняться “свободой”, чтобы “полететь вверх пятами” и потом в замедленном похмелье приходиться в себя, — разве всё это не черты самого русского народа?

Но не буду останавливаться на этом. Я говорю о поэзии, и Есенина беру лишь как одного из работников, потрудившихся над ней в полной свободе.

<...> футуристы — ломка звука; маяковщина — ломка ритма, имажинисты и другие “исты” — дробление искусства, изгнание из него жизни, из поэзии — музыки; наконец, с помощью безмерных Есениных — ломка фразы и самого слова. Это работа отходящих. Имажинистов уже нет. Есенин в похмелье, еще бормочет насчет “октября”, но уже без прежнего “вздыба”. “Кудри повывлезли”, и он патетически восклицает: живите, пойте, юные!»

Берлинская газета «Руть» (№ 1284) перепечатывает поэму Есенина «Русь беспризорная» <«Русь бесприютная»>.

Публикацию сопровождает примечание редакции:

«Это характерное произведение С.Есенина напечатано в последнем номере “Прожектора”».

Об исходной публикации см.: 16 нояб. 1924, первая запись.

О перепечатках см.: до 20 янв. 1925, третья запись; 31 янв. 1925, первая запись; 22 марта 1925.

Отклик см.: 3 апр. 1925, третья запись.

Февраль, до 23. В Москве создается Комиссия Политбюро ЦК РКП(б) «О пролетарских писателях», призванная упорядочить партийное руководство литературной политикой.

Председателем комиссии назначается И.М.Варейкис, членами — Н.И.Бухарин, М.В.Фрунзе и А.В.Луначарский.

О границе события см. след. запись.

В печати 1920-х гг. эту комиссию обычно именовали «Литературной комиссией при ЦК РКП(б)» — см., напр., журн. «На литературном посту», М., 1926, № 5/6, с. 65.

Февраль, 23. Проходит первое заседание Комиссии Политбюро ЦК РКП(б) «О пролетарских писателях» при участии представителей различных литературных организаций (от ВАПП — И.Вардин, С.Родов, Ф.Раскольников, Г.Лелевич; от группы «Перевал» — А.Весёлый; от «Кузницы» — Г.Якубовский; от ЛЕФа — В.Маяковский и др.) и лиц, персонально ответственных за проведение партийной политики в области литературы (П.И.Лебедев-Полянский, А.К.Воронский, С.И.Канатчиков, В.И.Нарбут и др.).

Есенин, VI, 683.

Из протокола заседания:

«Слушали: 1. О политике партии в художественной литературе.

Постановили:

1. Поручить т. Бухарину составить проект резолюции о политике партии в художественной литературе, взяв за основу в качестве материала тезисы т. Варейкиса. При составлении проекта резолюции учесть обмен мнений на заседании Комиссии по данному вопросу.

2. Выработанный т. Бухариным проект резолюции о политике партии в художественной литературе рассмотреть в составе тт. Варейкиса, Бухарина, Фрунзе, Луначарского, после чего проект резолюции внести на обсуждение вторичного заседания Комиссии в присутствии представителей литературных организаций.

3. После обсуждения проекта резолюции проект перенести на окончательное рассмотрение Комиссии Политбюро “О пролетарских писателях”.

Есенин, VI, 683–684, где опубликовано по архивному источнику (ГАРФ, ф. А 2306, оп. 1, ед. хр. 3420, л. 79).

Итогом работы комиссии станет резолюция ЦК РКП(б) «О политике партии в области художественной литературы», которая будет принята 18 июня 1925 г. (см.) Отношение Есенина к этому документу будет высказано им на страницах ленинградской «Новой вечерней газеты» (см.: 6 июля 1925, третья запись).

Златоустинский журнал «Маховик» (№ 2) помещает рекламное объявление о подписке на журнал «Огонек». В перечне его авторов — Есенин.

Парижская газета «Родная земля» (№ 4) публикует статью «Поэзия и революция» (подпись: Ал. Кл-овъ) с изложением материала Г.Алексинского «Революционная поэзия в современной России» из ежемесячника «Les Loups: Journal d'action d'art» (Paris), где говорится о Есенине:

«В нескольких номерах этого передового парижского журнала, посвященного вопросам искусства и литературы, г. Алексинский дает характеристику современной революционной поэзии в России. <...>

Переходя от общих условий, определяющих бытие современной революционной поэзии, к поэтам, г. Алексинский прежде всего отдает должное Александру Блоку. <...>

Среди других поэтов г. Алексинский перечисляет Илью Эренбурга, Маяковского, Каменского, Мариенгофа, Шершеневича, дав им яркую характеристику.

“Но в России есть и другая группа поэтов, — говорит г. Алексинский, — более оригинальных и более интересных: Есенин, Орешин, Клюев и несколько других. Это настоящие дети народа. Поскольку <вернее: «когда»> они имитируют искусственный «революционизм» интеллигентных футуристов, их произведения не переступают грани посредственной официальности и пошлости индустриальной поэзии. Но как только они заговорят своим голосом и прислушаются к крику своего сердца, их создания становятся сильными и превосходными”.

Дав несколько отрывков из Есенина и Орешина во французском переводе, г. Алексинский заканчивает:

“В общем, в группе этих поэтов господствует сельская Россия, крестьянская, деревенская... Подлинным источником их поэтического экстаза являются необозримые русские пространства с их степями, нивами, с их реками, рощами. Правда, они не всегда уважительны к Богу, но... они боятся нечистой силы и злых духов, обитающих в лесах и на побережьях. Они всегда готовы преклонить колена пред древними богами их бедной, мужицкой страны...”

Эти поэты говорят всегда на языке древней Руси, на этом языке, который существовал века и будет существовать еще долго, долго...”

Очерки г. Алексинского привлекли к себе внимание французской читающей публики и явились очень кстати, ибо Маяковские большие и маленькие при помощи своих самоинтервью бесстыдно лгут иностранцам о том, что они — истинные и единственные представители советской русской поэзии, замалчивая такого непреходящего поэта, как Клюев».

По свидетельству Мишеля Никё, статья Г.Алексинского «La Poésie révolutionnaire dans la Russie d'aujourd'hui» началась печатанием в октябрьском номере журнала «Les Loups» (Nouvelle Serie, 1ère Année) за 1924 г. Последующие номера журнала с продолжением этой статьи, где, судя по отклику Ал. Кл-ова, шла речь о Есенине, Клюеве и Орешине, в Национальной библиотеке Франции (BNF) отсутствуют.

Февраль, 24. В Госиздате РСФСР выходит альманах «Наши дни» (№ 5) под редакцией А.К.Воронского с его статьей «На разные темы», где немало места уделено творчеству Есенина.

Инвентаризационный каталог, 566.

Во второй части статьи, озаглавленной «О марксизме и плохих стихах», критик обильно цитирует «пространные и гражданственные» «Стансы», «навеянные пребыванием поэта в Баку» (о публикации произведения см.: 26 окт. 1924, первая запись) и пишет:

«Очень хорошо, что Сергей Есенин, хотя и с большим запозданием, решил стать певцом и гражданином “великих штатов СССР” и “тихо” засесть за Маркса: поучиться у Маркса многим и многим из наших поэтов в самом деле давно пора. И можно бы после “Москвы кабацкой” только порадоваться “прозрению” поэта. Беда, однако, в том, что стихи во имя Маркса просто плохи. “Стишок писнуть”, “эра новая не фунт изюму нам” в устах такого первоклассного поэта, каким является Есенин, звучат совершенно неприлично. После “Письма матери”, “Памяти Ширяевца”, “На родине”, “Русь советская”, “Не жалею, не зову, не плачу” и иных его чудесных лирических стихов “Стансы” режут слух как гвоздем по стеклу. Они небрежны, написаны с какой-то нарочитой, подчеркнутой неряшливостью, словно поэт сознательно хотел показать: и так сойдет. Но хуже всего даже не эти “фунты изюма”, не “писнуть”, даже не скучная, сырая рифмовка стиха, — хуже всего, что “Стансам” не веришь, они не убеждают. В них не вложено никакого серьезного искреннего чувства! клятвы поэта звучат сиром и фальшиво. Не верится, когда Есенин пишет, что фонари в Баку ему прекрасней звезд, — это Есенину-то! — что он полон дум об индустриальной мощи, что он “тихо” сел за Маркса. Есенина знают прежде всего как большого, искреннего до обнаженности, интимного лирика, певца осенней склени, меди кленовых листьев, рябиновых ягод, багрянца осени, аржаных полей, грусти и тоски об уходящем. Большой поэт не может топтаться на одном месте, не может жить перепевами себя. Есенину нужно было во что бы то ни стало уйти от “Москвы кабацкой” — на этой тропе его ждало только гниение, но звёзды для него всегда останутся прекрасней бакинских фонарей. Когда Есенин пишет о смертном:

...Знаю я, что не цветут там чаши,
Не звенит лебяжьей шеей рожь.
Оттого пред сонмом уходящих
Я всегда испытываю дрожь...

или, когда он говорит:

Мир осинам, что, раскинув ветви,
Загляделись в розовую воль! —

это глубокое есенинское, пережитое, искреннее и прочувствованное, и это находит ответный отклик, — “Стансы” же фальшивы, внутренне пусты, неверны, не серьезны, не вески, их пафос неуместен, они безрадостны и худосочны, их слова вялы и, пожалуй, верно в них пока одно: жалобы поэта на скуку от Маркса: для него он, действительно, скучен: он его не читал и не нюхал. “Ни при какой погоде я этих книг, конечно, не читал” — это куда правдоподобней. Дурная манера, дурные стихи, какое-то озорство и скоморошество, жонглирование настроениями, большими именами, издёвка над читателем. Если внимательно вчитаться в “Стансы”, станет очевидным, что за внешней революционностью таится глубочайшее равнодушие и скука; как будто говорит поэт: хотите революционных стихов, — могу, мне всё равно, могу о фонарях, об индустрии, о Ленине, о Марксе. Плохо? Ничего, сойдет; напечатаете.

Очень, повторяем, отрадно, когда поэт старается уйти от пропада городских кабаков и стать певцом и гражданином советских штатов, но плохих, фальшивых стихов никому не надо. И Маркса и Ленина лучше всего не поминать впредь до более основательного знакомства с ними, так как “понюхать” их совсем не достаточно. Имена их нам, большевикам, дороги; мы с ними сжились, сроднились, они для нас — пароль и лозунг, мы привыкли сочетать с ними самое лучшее, самое высокое в нас и, право, оставьте вы их лучше нам, не треплите их, где попало, не тискайте их в “стишках”, да

еще неважных, да еще напускных. Найдутся иные поэты, и у них найдутся другие, праведные и верные слова.

У нас всегда так: если делаться певцом и гражданином коммунизма, так уж непременно сразу на все 100%, никак не меньше — знай наших. Но для 100% при прочих очень благоприятных условиях нужна очень длительная, страшно упорная, тяжелая работа над собой; работать Есенины обычно не хотят; идут поэтому по пути наименьшего сопротивления, ограничиваясь показной, внешней, напыленной на себя, взятой напрокат, наспех революционностью. Получается одна словесность и неестественное празднословие.

“Стансы” С.Есенина отнюдь не случайность. Они характерны для нашего времени и поэтому на них следует остановиться. Нам неоднократно приходилось указывать на весь вред от литературного цуканья, когда от художника требуют марксизма и коммунизма целостного, законченного и завершенного, именно на все 100%. При этом есть уже известная шаблонная мерка, что сверх того, то от лукавого, остальное контр-революция, белогвардейщина, сменовеховщина и пр., и т. д. Не так давно от одного из сторонников этого направления довелось услышать такое замечание: “пусть пишут неискренно, но пусть дают нужные вещи”. Такая “установка” в нашу пору, к величайшему сожалению, находит себе сторонников и уже начинает приносить, как выражались раньше, свои горькие плоды. Одни по наивности и непониманию, другие для ради дипломатии требуют от художника либо до конца “выдержанных” вещей, либо хотят поставить его за пределами советской литературы. “Стансы” С.Есенина тем именно и показательны, что в них есть попытки внешне, показным образом приспособиться к нашим пуританам. Они же вскрывают и всю несообразность формулы: пусть пишут неискренно, но пусть пишут нужные вещи: они неискренны, потому плохи и потому ненужны.

Таких “стишков”, рассказов и повестей пишется сейчас изрядно. Это — прямая опасность для литературы. Внешне, на виду у нас может казаться всё благополучным; будет всё в форме — и Маркс, и Ленин, и индустричная мощь; а на деле — расхождение показного творчества с внутренними потенциями художника, с его эмоциями и мыслями. Тот, кто следит за литературой последнего времени, легко заметит, что такое приспособленчество у нас усиливается и начинает принимать порой самые откровенные и неприглядные формы. В редакции носят вещи, склоняют коммунизм, а в укромных углах говорят: “ничего не поделаешь, все мы люди, все человеки, надо приспособиться”. Что это отнюдь не содействует развитию литературы — ясно само собой.

Современному художнику нужно идти нога в ногу с эпохой. Наша публицистика и критика обязаны толкать и подталкивать поэтов и прозаиков, которые отстают, плетутся в хвосте, ковыляют, вязнут в трясине прошлого или не глядят себе под ноги, считая землю грешной и вредоносной эмпирией. Но прикладом, но литературной матерщиной, но лихими насоками и кавалерийскими рейдами, но подсыстыванием и улюлюканием ничего путного не достигнешь. Художнику нужно дать возможность идти своими тропами; пусть он идет к нам окольными, кривыми путями, медленно, спотыкаясь, оступаясь, но идет, не изменяя себе. Единого пути для всех к коммунизму нет. Легко усвоить головным образом коммунизм, еще легче усвоить фразеологию, но в тысячу раз трудней “организовать” свои чувства, подавить атавистические инстинкты; выработать новые. Надо также уметь индивидуализировать нынешнюю художественную среду, знать предел наших требований, которые мы можем предъявить данному художнику в данное время. От одного мы вправе требовать действительно выдержанных вещей, другому мы скажем: пиши мало-мало по-советски, третьему будем рекомендовать лучше писать о звездах и девушках, чем о Ленине и Марксе. Надо также принять во внимание окружающее, оно влияет на художника сильнее наших деклараций и статей, и оно далеко не во всем коммунистическое.

Советским настроениям С.Есенина можно верить в таких вещах, как “На родине”, “Русь советская”, “Песнь о великом походе”: они вытекают из основных мотивов его творчества, но по ка нет ничего “всамделишного” в этих заверениях о фонарях, которые дороже поэту звезд, о том, что он переполнен думами об индустриальной мощи, в этом пустяковом жонглерстве именами Маркса и Ленина.

Легкомысленной разухабистостью можно засорить кое-кому глаза, но те, кто делал революцию в огне и в буре, в сполохах красных восстаний, в темноте подпольной, — их это только оскорбляет.

На одном из литературных диспутов некий критик по поводу замечаний, аналогичных высказанным, утверждал, что логически продуманные и доведенные до конца подобные рассуждения ведут к литературному ликвидаторству и к отказу со стороны нашей партии от руководства современной литературой. Заявление решительное, но бессмысленное. Партия наша обязана руководить, но руководство ни в коем случае не должно превращаться в куроводство. Курячих питомников нам не нужно. Дальше: тому, кто умеет играть только на флейте, не надобно совать барабан: пусть он на флейте подберет мотивы, которые вам придется по вкусу. И наконец: “не уклони сердце мое в словеса лукавствия” — хорошие слова. Только и всего. Истины простые, “простые, как мычание”.

См. также: 9 янв. 1925, первая запись.

Статья вскоре появится в книге критика «Литературные типы» (см.: конец мая — до 16 июня 1925, вторая запись).

Отклики см.: 25 мая ... 2 июня 1925; 24 авг. 1925, третья запись.

Февраль, до 25. Есенин отправляет телеграмму П.И.Чагину (неизвестна).

Событие устанавливается по письму Есенина к П.И.Чагину (см.: 6 или 7 марта 1925): «Я на тебя в обиде, что не застал тебя здесь в Москве. Ведь я же давал тебе телеграмму “поедем вместе”», а его граница — в соответствии с датой отъезда поэта из Тифлиса (см. след. запись).

Февраль, 25. Есенин выезжает из Тифлиса в Москву проездом через Баку.

Дата устанавливается по свидетельству К.А.Соколова в его письме к П.М.Денисовой-Соколовой (см.: 26 февр. 1925, четвертая запись).

См. также: Хроника, 2, 335.

Газета «Заря Востока» (№ 813) помещает информацию издательства «Советский Кавказ» о выходе книги Есенина «Страна Советская»:

«Вышли из печати: Есенин. Страна Советская (Стихи. На рус. яз.)».

См. также: до 20 янв. 1925, третья запись; до 24 янв. 1925; 24 янв. 1925, вторая запись; 18 февр. 1925, третья запись; 19 февр. 1925, первая запись; 20 февр. 1925, первая запись; 21 февр. 1925, вторая и третья записи; 15 марта 1925, первая и пятая записи; с 10 на 11 или 11 апр. 1925; 18 апр. 1925, первая запись; нояб. (?) 1925, четвертая запись.

Февраль, 25 и 28. Московская газета «Известия ЦИК СССР и ВЦИК Советов» (№ 46, 49) анонсирует выход журнала «Красная нива» № 9 с публикацией стихов Есенина в субботу 28 февраля.

Февраль, 26. Есенин проездом прибывает в Баку. Посещает редакцию газеты «Бакинский рабочий».

Событие устанавливается по воспоминаниям В.А.Мауылова:

«В двадцатых числах февраля 1925 года Есенин по пути из Тифлиса в Москву заезжал на несколько дней в Баку. Он вез с собой поэму “Анна Снегина” и несколько стихотворений, вошедших потом в цикл “Персидские мотивы”. В этот его приезд мы увиделись только мельком в редакции “Бакинского рабочего”.

В этот последний год своей жизни Есенин еще несколько раз бывал в Баку, но больше мы не встретились».

Восп., 2, 183–184.

Телеграфирует из Баку Г.А.Бениславской:

«Выходите воскресенье <1 марта> встречать несите шубу и денег Сергей».

Хроника, 2, 172, 336; Есенин, VI, 202.

Выезжает в Москву.

См. предыд. запись.

К.А.Соколов пишет из Тифлиса П.М.Денисовой-Соколовой о Есенине:

«Дорогая моя Панюша — с болью и тоской вчера <т. е. 25 февр.> я проводил в Москве Сережку, он приехал из Батуми, я просил его меня обождать еще неделю — но его материальные дела осложнились, и только-только в обрез достал деньги, Сережку усадили в вагон».

Цит. по: Иванова Г. «Здравствуй, мой хороший и нежный...»: из писем и воспоминаний о Есенине художника Константина Соколова. — Журн. «Современное есениноведение», Рязань, 2007, № 7, с. 218.

Н.К.Вержбицкий пишет Есенину из Тифлиса в Москву:

«Милый “дада Сирёжа”!

Пишу это письмо тебе, приехавшему в Москву. Поздравляю тебя с счастливым приездом и веселой дорогой. От души желаю тебе радостных дней в Москве. Живи здесь, но не забывай кривую и маленькую Коджорскую улочку и тесную, шумную квартиру твоих друзей.

Прошу тебя, если тебе будет не в тягость, сделать для меня следующее:

1) Увидишь Мих. Кольцова, спроси его: как он намерен поступить с моими рассказами, посланными мной для “библиотечки”.

2) Будешь в “Прожекторе” и в “Новом мире” — также спроси о судьбе моих рассказов и замолви о них доброе словечко.

3) Узнай у Вардина — собирается ли он напечатать мой рассказ “Пустое место”?

Всё, что узнаешь, — сообщи мне в письме <об ответе Есенина см.: 6 марта 1925, вторая запись>. И в этом же письме будь добр вкратце рассказать: кто сидит в каждом журнале, в котором я мог бы печататься, и к кому лучше всего адресовать мои вещи.

Прости меня, что я тебя утруждаю.

Всё, что нужно тебе здесь в Тифлисе, — сделаю с удовольствием. Не засиживайся в России и постарайся прикатить сюда отдохнуть месяц-два летом где-нибудь на берегу теплого моря. Передай от меня привет всем моим приятелям, которых встретишь.

Целую тебя крепко.

Николай Вержбицкий.

Любящий тебя Джон Грей».

Шубникова-Гусева-2008, 315–316.

Н.К.Вержбицкий прилагает к письму Есенину письмо к Г.А.Бениславской, написанное в тот же день:

«Дорогая Галя!

Шлю Вам свой сердечный привет. Рад за вас, что вы снова с Сережей. Мы после отъезда осиротели.

Очень прошу вас разделить с Сережей тягость исполнения некоторых моих просьб, которые я излагаю в соседнем письме. Бесконечно меня обяжете. Так трудно начинающему беллетристу сноситься с редакциями на расстоянии 4000 верст.

Желаю вам счастья».

Шубникова-Гусева-2008, 316.

Февраль, 27. А.А.Ахматова высказывается о Есенине в беседе с П.Н.Лукницким.

Событие устанавливается и датируется по дневниковой записи П.Н.Лукницкого от того же числа:

«Говорили о С.Есенине — приблизительно в таких выражениях: “Сначала, когда он был имажинистом, нельзя было раскусить, потому что это было новаторство. А потом, когда он просто стал писать стихи, сразу стало видно, что он плохой поэт. Он местами совершенно неграмотен. Я не понимаю, почему так раздули его. В нем ничего нет — совсем небольшой поэт. Иногда еще в нем есть задор, но какой пошлый!”

“Он был хорошенький мальчик раньше, а теперь — его физиономия! Пошлость. Ни одной мысли не видно... И потом такая черная злоба. Зависть. Он всем завидует... Врет на всех, — он ни одного имени не может спокойно произнести...”

Описывая облик Есенина, АА произнесла слово: “гостинодворский”...”

Лукницкий-91, 37.

Февраль, 27–28. Г.А.Бениславская с сестрами Есенина готовятся к его приезду.

Время этого и следующего событий определяется по датам отъезда Есенина из Баку и его приезда в Москву (см.: 26 февр. 1925, вторая и третья записи; 1 марта 1925, первая запись).

Из воспоминаний В.Наседкина, оказавшегося свидетелем этих приготовлений:

«В комнате шли какие-то передвижки, приготовления».

В семье родной, 250.

В квартиру Г.А.Бениславской приходит В.Наседкин и узнаёт о приезде Есенина.

Из воспоминаний В.Наседкина:

«Конец февраля. Захожу на Брюсовский к Гале Бениславской, жившей в то время с сестрами Сергея Есенина — Катей и Шурой. <...>

Катя и Галя встречают меня молча, то и дело переглядываясь и загадочно улыбаясь друг другу. Похоже, от меня что-то скрывают. Так и есть.

На угловом столике, перед увядшими цветами, кажется, мимозами, почти заслонившими собой последний портрет Есенина (с П. Чагиным), лежит развернутая телеграмма.

Терпеливо и спокойно, ни о чем не расспрашивая, жду разгадки “тайны”. Это прием. Катя не выдерживает первая и вопросительно смотрит на Галю:

— Сказать? А? Можно?

Галя легким кивком головы соглашается, и Катя, загораясь розовой улыбкой, громко возвещает:

— Завтра приедет Сергей!

Помню хорошо, эта весть как-то одновременно обрадовала и напугала меня. Примерно с имажинистской поры, вернее, с выхода тоненькой тетрадной книжки стихов “Исповедь хулигана”, я полюбил Есенина, как величайшего лирика наших дней. Встреча с ним после годичной разлуки мне казалась счастьем. Но почти этого же я испугался. Мне тогда часто думалось, что рядом с Есениным (почему-то его присутствие считал обязательным) все поэты “крестьянствующего” толка, значит, и я, не имели никакого права на литературное существование.

(О кавычках: Есенина я никогда не считал ни крестьянским и даже ни крестьянствующим поэтом)».

В семье родной, 250 -251.

Февраль, 28. Московский журнал «Прожектор» (№ 4) публикует:

— «Письмо деду» Есенина.

См.: Есенин, II, 138–142, 438–439.

Об исходной публикации см.: 29 дек. 1924.

О других перепечатках см.: до 20 янв. 1925, третья запись; 24 янв. 1925, первая запись; 28 февр. 1925, вторая запись; 29 марта 1925, вторая запись; 30 марта 1925, пятая запись;

— статью А.Воронского «О “Перевале” и перевальцах», в которой говорится о влиянии Есенина на поэтов-перевальцев.

А.Воронский называет Артема Весёлого, Михаила Светлова, А.Ясного, Мих. Голодного, А.Костерина, П.Дружинина, Р.Акульшина, В.Наседкина, Д.Алтаузена, М.Скуратова, Н.Зарудина, Е.Эркина, Е.Сергееву, Н.Кауричева. Критик отмечает, что в «Перевале» «есть два крыла: комсомольское, вузовское, городское, более юное, часто совсем юное... и крестьянское, деревенское, более зрелое и художественно определившееся». Отмечает искренность и честность.

Из статьи:

«Перевальцы ценят Бабеля, Иванова, Леонова, Сейфуллину, Есенина, Тихонова и других. <...>

Большинство перевальской молодежи еще не вышло из стадии подражательства: на их творчестве сказывается влияние Блока, Есенина, Маяковского, Казина, но в форму своего стиха “Перевал” вправляет свои настроения».

Статья вскоре войдет в книгу критика «Литературные типы» (см.: конец мая — до 16 июня 1925, вторая запись).

См. Приложение;

— докладную записку, поданную группой «Перевал» в Отдел Печати ЦК РКП (б).

Подписи Правления «Перевала»: Артем Весёлый, А.Костерин, Ник. Зарудин, В.Наседкин, Дм. Петровский.

Нью-йоркская газета «Новый мир» (№ 638) помещает стихотворение Есенина «Письмо деду» с пометой:

«Новое стихотворение С.Есенина».

Об исходной публикации см.: 29 дек. 1924.

О других перепечатках см.: до 20 янв. 1925, третья запись; 24 янв. 1925, первая запись; 28 февр. 1925, первая запись; 29 марта 1925, вторая запись; 30 марта 1925, пятая запись.

Нью-йоркская газета «Русский голос» (№ 3392) дает анонс о публикации стихотворения Есенина «Стансы»:

«Завтра в “Р. Г.” (12 страниц). Рассказы из жизни советской страны / Семь миниатюрных рассказов М.Пришвина / Стихотворение Сергея Есенина / Стансы <...>».

См.: 1 марта 1925, шестая запись.

Об исходном источнике текста стихотворения см.: 26 окт. 1924, первая запись.

О его других перепечатках см.: до 20 янв. 1925, третья запись; 31 янв. 1925, вторая запись; 1 марта 1925, шестая запись.

Февраль, конец ... Март, до 16. Выходит книга В.Е.Евгеньева-Максимова «Очерк истории новейшей русской литературы: Этюды и характеристики» (Л.; М.: Госиздат. 1925), в которой заходит речь о Есенине.

Кн. летопись, 1925, № 5, март, поз. 2447.

В книге рассматриваются четыре периода русской литературы XIX и XX веков. Четвертая часть — «Послеоктябрьский период» — включает ряд очерков. Очерк «Русская поэзия послеоктябрьского периода» содержит раздел «Поэзия крестьян — С.Есенин, Н.Клюев, П.Орешин», в котором говорится:

«Крестьянская поэзия явление не новое в русской поэзии. Зачинателем ее был поэт огромного дарования А.В.Кольцов, сумевший постигнуть красоту и радость земледельческого труда <...>. Современные ново-крестьянские поэты многое унаследовали от Кольцова и от Шевченко (хотя и не непосредственно). Талантливейший из них *Сергей Есенин*, рязанский крестьянин по происхождению, прямо указывает на то, что и он и другой даровитый крестьянский поэт, олончанин по происхождению, Н.Клюев и прочие поэты-крестьяне идут вслед за Кольцовым. Обращаясь к Руси, он говорит: “По голубой долине” <далее следуют 6–12 строки стихотворения Есенина “О Русь, взмахни крылами...”>».

А за ним <Кольцовым> идет, “одетый светом, его середний брат”, Николай Клюев, за Клюевым, “кудрявый и веселый, такой разбойный” идет он, Сергей Есенин. Мы с тем намерением привели эту цитату <...>, чтобы читателю сразу же стало ясно, к каким образам приковано творческое воображение поэта-крестьянина. Это долина, телка, корова, пастушеский рожок, краюха хлеба, вишневый сок, рябина, иными словами целый мир, связанный с сельским хозяйством — один образ поясняет и дополняет другой. <...> В творчестве современных крестьянских поэтов так сильна религиозная стихия <далее даются примеры из стихов Есенина, Н.Клюева, П.Орешина>».

Интересно проследить их отношение к революции. Не принять ее они не могли <...>. Но, тем не менее, даже в революционных стихотворениях многих из них чувствуется мистическая струя. В качестве примера сошлемся на того же С.Есенина. Он отозвался на революцию целым рядом чудесных стихотворений».

Далее разбирается «поэма-былина» «Марфа Посадница» с ее главной мыслью — о вольности Новгорода в будущем.

Автор книги продолжает:

«И лозунг “что нам Московия”... проходит красной нитью через позднейшие произведения С.Есенина, жалеющего о “стертом революцией быте своей патриархальной деревни”. На яркой революционной балладе “Товарищ” — печать того же мистицизма. <...> В стильном сказе про казацкого бойца Уса говорится о том, как он бился за казацкую волю и был убит. <...>»

В нашем беглом обзоре далеко не исчерпаны мотивы крестьянской поэзии <...>. Крестьянская поэзия под пером Есенина, Клюева, Орешина и даже сравнительно менее сильных поэтов, как волжский поэт Ширияевец и тверской поэт Клычков, представляет собой в художественном отношении значительную ценность».

Отклики см.: 18 апр. 1925, вторая запись; 26 апр. ... 5 мая 1925; 22 мая 1925, четвертая запись; 22 июля 1925, третья запись.

О втором издании книги см.: до 16 нояб. ... до 1 дек. 1925.

Февраль. Выходит журнал «Печать и революция» (№ 1; за январь-февраль) с материалами, в которых говорится о Есенине.

Месяц выхода определяется по «Бюллетеню торгового сектора Государственного издательства» (1925, № 1, 1 марта), где номер журнала значится как вышедший в февр. 1925.

Журнал публикует:

— «Литературный обзор» А. Лежнева, в первой части которого критик рецензирует книги Есенина «Стихи (1920–24)» и «Москва кабацкая».

В рецензии отмечается творческий рост поэта, его тяга к современной советской действительности:

«“Москва кабацкая” пользуется репутацией “страшной”, “жуткой” книги. Здесь есть несомненное преувеличение. Конечно, страшно и жутко, что талантливый поэт, один из самых одаренных поэтов современности, вместо того, чтобы серьезно работать над собой, проводит дни и ночи в кабаках, болеет белой горячкой и огораживается столиком пивной от современности. Но это — соображения больше биографического, чем литературного порядка. Правда, они не единственные. Тяжело, конечно, когда поэт со звонким, молодым голосом начинает говорить шёпотом и имитирует старческие интонации, когда его горизонт суживается до четырех стен комнаты. Тяжело читать стихи с необитаемого острова, про которые никак нельзя сказать, когда, в какую эпоху они написаны, потому что все связи с общественностью в них порваны. Но невольная ирония, не замечаемая автором, заключается в том, что в этих “кабацких” стихах в сущности очень мало кабацкого. В этом смысле репутация есенинского сборника не заслужена.

За “страшным” названием “Москва кабацкая” скрываются мягкие лирические стихотворения, грустные и жалобные:

Грубым дается радость,
Нежным дается печаль.
Мне ничего не надо,
Мне ничего не жаль.

Жаль мне себя немного,
Жалко бездомных собак.
Эта прямая дорога
Меня привела в кабак.

В них совершенно отсутствует поэтизация разгула или то порочное очарование, которое присуще, например, стихам Бодлера. Потому нельзя говорить об их опасности. Есенин кается прежде, чем согрешил. Даже немногие действительно “кабацкие” стихи, имеющиеся в сборнике, переполнены возгласами отвращения и самоосуждения.

Не с того ли чадит мертвячиной
Над пропавшей этой гульбой...

Я такой же, как вы, пропащий...

и т. д.

Но эти “кабацкие стихи”, где автор чуть ли не морализует как член “армии спасения” (смотрите, к чему приводит порочная жизнь!) — самые слабые в книге. Гораздо лучше его элегические стихотворения (они преобладают и численно). В них можно проследить два лейтмотива: сожаление о погубленной молодости, о погубленной жизни:

Так мало пройдено дорог,
Так много сделано ошибок...

и тоску по деревне, по дому, по детству:

А сейчас, как глаза закрою,
Вижу только родительский дом,
Вижу сад в голубых накрапах...

В “Любви хулигана” эти два мотива сплетаются с третьим: эротическим; в результате получаются вещи совершенно необычайной — даже для Есенина — нежности и задушевности. Эти первые любовные стихотворения Есенина нельзя даже назвать “эротическими”, — так мало в них эроса. Здесь гораздо больше грусти, элегических излияний, чем страсти:

Мне грустно на тебя смотреть,
Такая боль, такая жалость!
Знать, только ивовая медь
Нам в сентябре с тобой осталась.

“Москва кабацкая” — книга кризиса, книга болезни и перелома. Этого нельзя заметить, если брать ее вне связи с последующим творчеством поэта. Взятая изолированно — это самая интимно-лирическая и комнатная из книг Есенина, пожалуй, наиболее спокойная и уравновешенная, несколько однообразная по тону, приемам и ритму (из 16 стихотворений сборника 11 написаны одним и тем же размером). Есенин в ней как бы обрубает все провода, связывающие его с общественностью. Он целиком в кругу личных переживаний. <...>

В “Москве кабацкой” Есенин — одинокий человек, растерявшийся в окружающей обстановке, не знающий куда себя приткнуть. Романтика первых лет революции, столь близкая и родная поэту, схлынула, наступили трезвые, деловые будни. Озорство “Сорокоуста” и “Исповеди хулигана” устарело, приелось — и поэт со всей своей архаической деревенской романтикой оказался как будто бы лишним в буднях революционного города. Отсюда — уход в себя, кабак, преждевременная надломленность:

Я душой стал, как желтый скелет.

У Маяковского этот тяжелый кризис проявился бы, вероятно, страстно, бурно, тяжело. <...> Но уже в “Москве кабацкой” замечаются признаки перелома. Поэт прощается с хулиганством (надо, впрочем, заметить, что у Есенина оно никогда не было настоящим) и собирается уйти от старой больной жизни... <...>

Явственно виден этот перелом в цикле стихотворений, следующем за “Москвой кабацкой”. Они еще сохраняют элегический характер, но уже у него начинают раскрываться глаза на окружающий мир. Кабацкий туман рассеивается, всё громче начинают звучать голоса радости и любви к жизни:

Много дум я в тишине продумал,
Много песен в тишине сложил,
И на этой на земле угрюмой
Счастлив тем, что я дышал и жил.

Счастлив тем, что целовал я женщин,
Мял цветы, валялся на траве
И зверьё, как наших братьев меньших,
Никогда не бил по голове.

Наконец, поэт разрывает заколдованный круг личной лирики и как будто впервые замечает то, чего прежде не видел: новую Россию. Здесь — разрешение кризиса. Если не выздоровление, то начало выздоровления. Родина оборачивается к Есенину новою, незнакомой ему стороной. <...>

Кризис поэта завершается. Болезнь преодолена. В “Руси Советской”, в “На родине” Есенин снова связывает обрубленные в “Кабачковой Москве” провода к общественности. Он, правда, еще не совсем разобрался в новом, смотрит на всё это новое со стороны, но всё-таки как друг, а не как безразличный человек. <...>

Идеологической эволюции поэта соответствует формальная его эволюция. “Москва кабацкая” не является перерывом в развитии его мастерства. Через нее к позднейшим стихам тянется одна и та же непрерывная линия. Поэт всё дальше отходит от имажинизма к классическому стиху, к Пушкину. Экцентricность образа, перегруженность образами, отсутствие цельности и композиции, ставка на оглушение читателя резкостью или непристойностью заменяется ясным построением стихотворения, прозрачностью мысли и замысла, образом, целесообразно построенным и не избыточным, стремлением действовать не отдельным хлестким местом, а всей органической целостностью вещи. Увлечение Пушкиным заходит у Есенина слишком далеко (особенно в “Руси Советской”). Иные стихи почти буквально повторяют Пушкина. <...> Книга его стихов за 1920–1924 гг., где имеются такие вещи, как “Памяти Шириязева”, “На родине”, “Русь Советская”, “Письмо матери”, “Годы молодые”, “Не жалею, не зову, не плачу”, “Всё живое особой метой” — лучшая из его книг.

Вырезка — Тетр. ГЛМ.

О книжной публикации этого текста см.: первая половина дек. 1925, вторая запись.

О сб. «Москва кабацкая» см.: до 19 июля 1924; 4 янв. 1925, первая запись; 16 февр. 1925, первая запись; 14 марта 1925, вторая запись; 24 марта 1925, вторая запись; 26 апр. ... 5 мая 1925; 2 июня 1925, первая запись; не позднее июня 1925; 2 (?) июля 1925.

О сб. «Стихи (1920–24)» см.: после 10 окт. ... нояб. (?) 1924; 1 янв. 1924, вторая запись; 21 янв. 1925, вторая запись; февр. (?) 1925, первая запись; 4 ... 25 марта 1925; 5 марта 1925, пятая запись; 11 марта 1925, первая запись; до 15 марта 1925, первая запись; 19 марта 1925, четвертая запись; 25 марта 1925, первая запись; 26 апр. ... 5 мая 1925; не позднее июня 1925;

— сообщение о поступлении в редакцию для отзыва сборника Есенина «Стихи (1920–24)» издательства «Круг».

В немецком издательстве «Густав Кипенхойер» (Потсдам) под редакцией К. Эйнштейна и П. Вестхайма выходит книга «Europa-Almanach: Malerei, Literatur, Musik, Architektur, Plastik, Bühne, Film, Mode» со стихотворением Есенина «Осень» <«О красном вечере задумалась дорога...»> в переводе Вольфганга Грёгера (Wolfgang E. Gröger) и с автобиографией поэта 1922 г. (см.: Есенин, VII (1), 8–10) в анонимном переводе.

Время события устанавливается по издательской информации для прессы, воспроизведенной в репринтном издании альманаха («Europa Almanach 1925: Reprints», Leipzig und Weimar: Gustav Kiepenheuer Verlag, 1984, s. 290) с датой: «Februar 1925».

Среди его участников — деятели литературы, искусства и культуры ряда европейских стран: Н.Альтман, Й.Бехер, А.Блок, Б.Брехт, Б.Сандрар, М.Шагал, Ж.Кокто, Ле Корбюзье, К.Эйнштейн, А.Жид, Ф.Эллес, В.Кандинский, Ф.Леже, В.Маяковский, К.Малевиц, А.Матисс, П.Пикассо, Э.Паунд, В.Татлин, Э.Толлер и др.

По мнению Л.Кошута, автобиографию Есенина для этого издания перевел, скорее всего, тот же В.Грөпер (см.: Jessenin, S. Gesammelte Werke in drei Banden / Herausgegeben von Leonhard Kossuth. Berlin: Verlag Volk und Welt, 1995. Bd. 3: Anmerkungen und einer Bibliographie des Herausgebers, einigen Originaltexten und Alternativ-Nachdichtungen. S. 346). В книге этот текст открывается черно-белой репродукцией живописной работы Н.Альтмана «Россия. Труд» (1921).

См. Приложение.

Февраль (?). Московский журнал «Народный учитель» (№ 2; за февраль) публикует статью И.Н.Розанова «О Есенине» (подпись: Андрей Шипов) — отклик на сборник поэта «Стихи (1920–24)»:

«Кажется, никто из современных поэтов-лириков не пользуется такими искренними симпатиями, особенно в Москве и Средней России, как Сергей Есенин. Дело тут не столько в размерах его лирического таланта, сколько в качествах его. В некоторых отношениях Есенин, несомненно, должен был бы уступить тому или другому из своих современников: у него нет размаха и грубой силищи Маяковского, нет культурной насыщенности Мандельштама, нет и головокружительной лирической напряженности Бориса Пастернака, но есть качество, может быть, самое ценное для лирического поэта: умение доходить до сердца и даже — от чего мы особенно отвыкли — умение порою трогать и умилять. Этой эмоциональностью своего творчества Сергей Есенин, думается нам, отвечает одной из существенных потребностей современного читателя. За последние два десятилетия нам так долго и так много твердили и теоретики поэзии, а иногда и сами поэты об исключительной важности стихотворной техники, о ненужности всяких “добрых” или каких-либо “чувств” в поэзии, что в конце концов добились как раз обратных результатов: стихов мастерски сделанных, именно “сделанных”, но холодных сколько угодно, но никто их не читает, и издатели всячески открещиваются от новых стихотворных сборников.

И вот в книжке Есенина нам попадаются такие стихи, которые способны, как уверяли нас многие читатели, тронуть до слез. Так умели трогать Пушкин, Некрасов, Блок. Вот есенинское “Письмо матери”, которое приводим целиком <следует текст стихотворения>.

По некоторым выражениям и по сердечности тона стихотворение это напоминает пушкинское послание к няне: “Подруга дней моих суровых, голубка дряхлая моя”.

После грома, шума, а подчас и буффонады Маяковского, после словесных хитросплетений и умствований некоторых других наших поэтов читателю можно отдохнуть хотя бы на время на этих строчках крестьянского поэта, проникнутых истинной интимностью. Есенин ничего не проповедует, ни к чему не зовет, никаких вопросов общемирового значения не ставит и не решает, он только рассказывает о себе, исключительно о себе. Недаром из 28 помещенных в книге стихотворений только в одном (“Песнь о хлебе”) не встречаем мы местоимения “я”. О чем бы он ни заговорил, как бы ни озаглавливал свои произведения, он всегда, в сущности, говорит о себе. Так, в прекрасном стихотворении “Памяти Ширяевца” мы ничего не узнаём об умершем крестьянском поэте. Но есенинское “я” не есть “я” какого-нибудь гордого индивидуалиста или эгоиста: оно почти всегда звучит, как “мы”. Его мужицкое сердце, как это часто бывает и в народной поэзии, полно какой-то особенной жалостливостью как к людям, так и ко всему живому. В частности, в истории русской поэзии не было, конечно, поэта, который бы так, как Есенин, любил домашних животных: лошадей, коров, собак, и так трогательно говорил о них. В одном из прежних его сборников была помещена его “Песня о собаке”, где изображалась горе собаки, у которой утопили щенят.

Любовью ко всей природе проникнуто его “Памяти Ширяевца”. “Милые березовые чаши!” — восклицает он: “Мир осинам, что, раскинув ветви, загляделись в розовую воду!” <приводятся четыре строфы, начиная с “Много дум я в тишине продумал...”>

Другой причиной особенного успеха Есенина следует признать, кроме его эмоциональности, и то, что он проще других, больше в традициях русской литературы, особенно в данной книге, где явно отходит от имажинизма и приближается к приемам пушкинской поэзии. Мандельштам и Пастернак — поэты слишком интеллигентные, в конце концов, поэты для немногих. Чтобы воспринять первого, мало пройти рабфак, чтобы понимать второго, надо привыкнуть к своеобразию его ассоциаций. Есенин же понятен всем от мала до велика.

Но, умея жалеть и сострадать, Есенин сам может вызвать к себе в читателе сострадание. Достаточно посмотреть на заглавия его стихотворных циклов: “Исповедь хулигана”, “Москва кабацкая”, “Любовь хулигана”. Он постоянно называет себя “хулиганом”, “разбойником”, “уличным повесой”, “озорником”.

Я московский озорной гуляка.
По всему тверскому околотку,
В переулках каждая собака
Знает мою легкую походку.

Но всё это с надрывом: настоящей удали, веселого беззаботного озорства мы у него никогда не находим. Это не былинный Васыка Буслаев. Он только крепится и сам себя подбадривает. Он сопоставляет свое детство со своим настоящим положением.

Худошавый и низкорослый,
Средь мальчишек всегда герой,
Часто, часто с разбитым носом
Приходил я к себе домой.

И навстречу испуганной маме
Я целил сквозь кровавый рот:
— Ничего! Я споткнулся о камень,
Это к завтраму всё заживет.

А теперь в каждой строке поэта “отражается прежняя удаля забияки сорванца” <так!>.

Как тогда, я отважный и гордый,
Только новью мой брызжет шаг...
Если раньше мне били в морду,
То теперь вся в крови душа.

И уже говорю я не маме,
А в чужой и хохочущий сброд:
— Ничего! Я споткнулся о камень,
Это к завтраму всё заживет.

Оторвавшись от деревни, он пропадает в Москве, и его излюбленная дорога — дорога в кабак. В этом отношении особенно характерно следующее его стихотворение:

<приводится текст “Да! Теперь решено! Без возврата...”>

Лучшим из таких стихотворений, где поэт говорит о себе как о пропойце, надо признать довольно жуткое, начинающееся словами:

Годы молодые с забубенной славой,
Отравил я сам вас горькою отравой.

Кабачкая атмосфера изображается поэтом с такой душевной болью, что, конечно, никого из читателей поэт не может соблазнить на подражание. В этом отношении все эти стихи совершенно безвредны, чтобы не сказать больше. Вообще же у Есенина есть чему поучиться, хотя он не оратор, не проповедник, а только поэт.

Если смычка города с деревней является насущной задачей нашего времени, нельзя закрывать глаза на то, с каким недоверием до сих пор часто деревня относится к городу. Есенин — крестьянский поэт, покинувший родные поля для столицы и здесь чувствующий себя по временам “пропащим”, не чужд этой вражды, и в его стихах мы найдем тому яркие иллюстрации.

Этой теме, например, посвящено большое стихотворение “Сорокоуст”. Он тоскует, что городская культура приходит в деревню, но в то же время сознаёт, что это неизбежно, что деревне с городом не совладать <приводится фрагмент о жеребенке>.

В другом стихотворении (“Волчья гибель” <“Мир таинственный, мир мой древний...”>) мы читаем:

Город, город, ты в схватке жестокой
Окрестил нас, как падаль и мразь.
Стынет поле в тоске волоокой,
Телеграфными столбами давясь.

С этой точки зрения понятно становится и то отчаяние побежденной деревни, которое изображается в заключительных стихах “Сорокуста” <...>.

Стихотворение это помечено 1920 годом и навсегда может остаться как отражение одного из исторических моментов.

“Русь моя, деревянная Русь!” — восклицает он: “я один твой певец и глашатай”. Тоска оторвавшегося от деревни забуддыги по родным полям, мечты о том, чтобы вернуться домой, — основной нерв многих стихотворений Есенина. Иногда же, когда голова его “опрокинется” и “отяжелеет” от хмеля, он и к деревне становится равнодушен и начинает мечтать о бродяжничестве.

Нет любви ни к деревне, ни к городу,
Как же смог я ее донести?
Брошу всё. Отпущу себе бороду
И бродягой пойду по Руси.

Позабуду поэмы и книги.
Перекину за плечи суму.
Оттого, что в полях забуддыге
Ветер больше поет, чем кому.

Провоняю я редькой и луком
И, тревожа вечернюю гладь,
Буду громко сморкаться в руку
И во всем дурака валять.

Как показывает последняя строка, и здесь не без надрыва. Гораздо здоровее те стихотворения, которые проникнуты воспоминаниями о детстве, об отце и матери. В “Исповеди хулигана” мы видим, на какую нежность способен этот хулиган. Когда в него летят камни, ему приятно отдаться воспоминаниям:

Как хорошо тогда мне вспоминать
 Заросший пруд и хриплый звон ольхи,
 Что где-то у меня живут отец и мать,
 Которым наплевать на все мои стихи,
 Которым дорог я, как поле и как плоть,
 Как дождик, что весной взрыхляет зеленыя.
 Они бы вилами пришли вас заколоть
 За каждый крик ваш, брошенный в меня.

И он представляет себе, какие они теперь (стихотворение относится к 1920 году) стали несчастные.

Бедные, бедные крестьяне!
 Вы, наверно, стали некрасивыми.
 Также боитесь бога и болотных недр.

И вот он “нежно болен воспоминанием детства” и ему хочется сказать родителям что-нибудь “нежное”, сказать, что “сердцем” он “остался всё такой же”, как тогда, когда подружески делился с собакой стяннутой им у матери краюхой хлеба.

Прошло несколько лет. Вероятно, к 1924 году относятся два самых замечательных и самых значительных стихотворения Есенина, посвященных до неузнаваемости изменившейся деревне: “На родине” и “Советская Русь” <так!>. Здесь мы находим поэта подпавшим под обаяние пушкинской поэзии. Тема и тон напоминают знаменитую пушкинскую элегию “Опять на родине”. То же начало у Пушкина — “Вновь я посетил тот уголок земли, где я провел отшельником два года незаметных”. Стихотворение Есенина “На родине” начинается так.

Я посетил родимые места,
 Ту сельщину, где жил мальчишкой,
 Где каланчой с березовою вышкой
 Взметнулась колокольня без креста.
 Как много изменилось там
 В их мирном неприглядном быте.
 Какое множество открытий
 За мною следовало по пятам.

Пушкинское приветствие “Здравствуй, племя, младое, незнакомое” составляет главный пафос и двух названных стихотворений Есенина.

Поэт, конечно, имел право сознательно слегка пародировать Пушкина: другая обстановка, другая среда, девяносто лет хронологической разницы — и старый мотив оживает совсем по-новому. Получается особый резонанс: новая свободная Русь мысленно сопоставляется со старой, помещичьей, пушкинской. Выпукло и ярко изображено у Есенина то различие в отношении к революции, которое замечается у различных возрастных групп. Прежде всего, старики, стоящие уже у двери гроба. Они, конечно, резко отрицательно относятся к новым порядкам, но несколько побаиваются высказывать это открыто. Таков встретившийся на дороге поэту его девяностолетний дед. Он, конечно, жалуется и осуждает.

— Да... время!
 Ты не коммунист?
 — Нет.

— А сёстры стали комсомолки.
Такая гадость! Просто удавись!
Вчера иконы выбросили с полки.
На церкви комиссар снял крест.
Теперь и богу негде помолиться.
Уж я хожу украдкой нынче в лес,
Молюсь осинам, —
Может, пригодится...

Последняя фраза показывает, что и в его душу закрались сомнения. Прекрасно показана поэтом разница в настроениях поколений: “Чем мать и дед грустней и безнадежней, тем веселей сестры смеется рот”. Себя поэт чувствует на родине одиноким: “Я никому здесь незнаком. А жизнь кипит. Вокруг меня снуют и старые и молодые лица. Ни в чьих глазах не нахожу приют... Язык сограждан стал мне, как чужой, в своей стране я словно иностранец”. <...>

Обидно чувствовать себя чужим на родине, но поэт утешает себя сознанием, что его дело сделано, надо уступить место молодежи <следуют строки 28–35 и 57–60 из “Руси советской”>.

И поэт приветствует новое поколение: “Цветите, юные! И здоровейте телом. У вас иная жизнь. У вас иной напев”. А он, поэт, пойдет один по своей дороге и его бунтующая душа навеки присмирет.

И недаром лучший отдел в книге Есенина назван “После скандалов”. “Москва кабацкая” была только этапом, может быть, болезненным наростом в его развитии. В основе души у этого “хулигана”, как мы видели, лежат любовь и нежность. И это очень ценно в поэте. Плох тот, кто думает, что революция — это сила только разрушающая, и не видит в ней силы созидающей, строительной. А для созидания, для строительства нужна любовь. А поэтому нужен и Есенин».

См.: после 10 окт. ... нояб. (?) 1924; 1 янв. 1924, вторая запись; 21 янв. 1925, вторая запись; февр. 1925, первая запись; 4 ... 25 марта 1925; 5 марта 1925, пятая запись; 11 марта 1925, первая запись; до 15 марта 1925, первая запись; 19 марта 1925, четвертая запись; 25 марта 1925, первая запись; 26 апр. ... 5 мая 1925; не позднее июня 1925.

Ярославский журнал «Наш труд» (орган Ярославского ГУБОНО; № 2; за февраль) помещает материалы с упоминанием имени Есенина:

— в основной части номера — статью С.Копорского «Литература в московских школах (впечатления)».

Автор посетил несколько московских школ, среди которых:

9-я опытно-показательная школа МОНО им. Эдисона, где:

«...преподаватель с историческим подходом к литературному материалу; изучение материальных направлений в известные эпохи <...>. Тема “Этапы крестьянской поэзии” <...> с портретами, списком произведений, фактами <на схемах, диаграммах, таблицах, плакатах, которые применяются в процессе обучения>, перед нами проходят <...> “новокрестьянские” поэты: Кличков <так!>, Клюев, Есекин <так!>, Орешин, Ширяевец, Карпов»;

2-я опытная школа МОНО, где:

«...меня заинтересовал отчет, по нему можно судить о способах проработки <литературных произведений>. Привожу его <...>. 2. Исследовательские работы <...> б) <по литературе> для учеников: Орешин “Радуга”, “Ржаное солнце”, Есенин “Стихи”, Клюев “Лесные были”, “Избьяные песни”»;

— в приложении к номеру — три программы для 5-ой группы, в т. ч. программу «Словесность» с преамбулой:

«При постройке комплекса в 1<-м> концентре <так!> 2<-й> ступени курс литературы базируется на программе по обществоведению: литература связывается с обществоведением систематически и идеологически. Работа словесника в контакте с работой художника».

В рубрике этой программы «Развитие устной речи» перечисляются:

«Художественные произведения в связи с общей темой по обществоведению. <...> Современная деревня: Стихи Александровского, Герасимова, Полетаева, Гостева <так!>, Доронина, Есенина. Орешина и стихи Никитина и Кольцова» (курсив в тексте).

Пражский журнал «Воля России» (№ 2; за февраль) печатает материалы, где говорится о Есенине:

— первую часть статьи М.Слонима «Литературная эмиграция»:

«За границей нет общей литературной жизни. Нет и борьбы, полемики. Нет даже преувеличений поэтической моды. Мне уже приходилось отмечать на страницах “Воли России”, что даже для литературного скандала пришлось выписывать из России Есениных и Кусиковых, что даже для щекотания нервов парадоксами потребовались “гости” Эренбург и Шкловский. Говорю это отнюдь не для того, что люблю поэтическое озорство и приветствую умственное жонглерство. Но, пожалуй, они не хуже, чем та безрадостная тишь, которая царит в эмигрантской литературе»;

— № 1 «Книжного указателя», где в содержании № 3 рижского журнала «Огонек» отмечена публикация стихотворения Есенина «Русь Советская».

См.: 17 янв. 1925, третья запись.

Об исходной публикации произведения см.: до 23 сент. 1924.

См. также: 24 сент. 1924, первая запись; после 10 окт. ... нояб. 1924; до 25 дек. 1924; до 20 янв. 1925, третья запись; 30 апр. 1925, первая запись; до 14 июня 1925; июль ... дек. (?) 1925, первая запись; 27 сент. 1925, пятая запись; конец сент. ... до 16 окт. 1925, первая запись; 17 окт. 1925, третья запись; конец нояб. 1925, вторая запись.

Ленинградский журнал «Новая книга» (№ 1/2; за январь — февраль) в объявлении о подписке на 1925 года на журнал «Звезда» сообщает о публикации в этом издании в 1924 году поэмы Есенина «Песнь о великом походе».

Март, 1. Есенин возвращается в Москву из Баку поездом на Курский вокзал.

«Приехал я в воскресенье», — сообщит Есенин в письме П.И.Чагину (см.: 6 или 7 марта 1925). Воскресенье приходилось на 1 марта.

На вокзале поэта встречают Г.А.Бениславская, В.Ф.Наседкин и Е.А.Есенина. Все вместе едут на квартиру Г.А.Бениславской (Брюсовский пер., 2, дом «Правды», кв. 27).

Есенин, VI, 203; Восп., 2, 303.

В 1926 г. В.Ф.Наседкин вспомнит:

«На другой день <после получения телеграммы от Есенина> Катя, Галя и я, втроем отправляемся на Курский вокзал встречать. Растянулись цепью по всей платформе — кто увидит первым?»

Подходит поезд. Внимательней смотрим на богатые вагоны: ведь Есенин писал, что в Баку ему жилось хорошо и в смысле заработка. Вдруг, точно откуда-то разбежавшись, на ходу поезда, в летнем пальто, с подножки вагона 3-го класса на участке Екатерины легко прыгивает Есенин — и прямо в объятия сестры.

— Я ехал в первом классе, с одним бакинским товарищем, — говорит он торопливо после восклицаний и поцелуев <...>.

Выходим на вокзальную площадь. Вечереет. Падает теплый голубоватый снежок. Извозчики, трамваи, автобусы. Как поедem? Только не на трамвае. Автобусы, пожалуй, интересней.

Есенин, до того оживленный, тихо предлагает:

— Поедем на автобусе.

Но, усевшись так, мы вчетвером еле-еле набрали денег на билеты. У Сергея — ни копейки, а у встречавших его — мелкие серебрушки и медяки».

Материалы, 210.

Есенин заметил: «Автобусы, пожалуй, интересней», потому что 2-я линия движения от Курского вокзала была открыта недавно, 25 янв. 1925 г., и проходила от Курского вокзала, через Земляной вал по Покровке, Маросейке, через Лубянский проезд по Никольской ул. на пл. Революции, по ул. Герцена, Никитскому бульвару, Арбату, через Бородинский мост до вокзала Киевской железной дороги. Курсировало 8 автобусов, уходящих с интервалом 10 мин. (см.: газ. «Правда», 1925, 20 янв., № 15).

Как сообщала газ. «Вечерняя Москва» (1925, 2 янв., № 1), линию будут обслуживать автобусы фирмы Лейланд (Англия), доставленные в Москву в конце янв. 1925.

Из Баку Есенин «привез целый ворох новых произведений: поэму “Ана Снегина”, “Мой путь”, “Персидские мотивы” и несколько других стихотворений».

В.Ф.Наседкин — Восп., 2, 304.

Журнал «Красная нива» (№ 9) публикует материалы Есенина и о нем: — под общим заголовком «Персидские мотивы» — стихотворения поэта «Никогда я не был на Босфоре...» и «Свет шафранный вечернего края...» <<«Свет вечерний шафранного края...»>.

Об исходной публикации см.: 18 янв. 1925, первая запись.

О других перепечатках см.: 29 марта 1925, первая запись; 24 мая 1925, шестая запись; после 26 мая 1925;

См. Приложение;

— рекламное объявление о выходе в свет второй книги журнала «Новый мир» с указанием публикации стихотворений Есенина.

Газета «Правда» (№ 50) дает объявление о продолжении приема подписки на журнал «Красная новь»:

«В беллетристическом отделе ближайших книжек “Красной нови” будут помещены: <...> Стихи <...> М.Голодного, С.Есенина, В.Инбер <...>».

Нью-йоркская газета «Русский голос» (№ 3393; воскресное приложение) перепечатывает стихотворение Есенина «Стансы».

Произведение публикуется с посвящением П.Чагину и с купюрой строк:

Я вам не кенар!

Я поэт!

И не чета каким-то там Демьянам.
 Пускай бываю иногда я пьяным,
 Зато в глазах моих
 Прозрений дивных свет.

Об исходном источнике текста см.: 26 окт. 1924, первая запись.

О других перепечатках см.: до 20 янв. 1925, третья запись; 31 янв. 1925, вторая запись; 28 февр. 1925, третья запись.

Литературное приложение «Hodina» (№ 9) к пражской газете «Národní osvobození» (№ 59) открывается подборкой материалов «Z literatury nového Ruska I» («Из литературы новой России»), включающей:

— вводную заметку Богумила Матезиуса (подпись: «В. М.»), где в основном идет речь о поэзии Есенина и Маяковского.

О Есенине автор пишет:

«Стихи Сергея Есенина, “последнего поэта русской деревни”, в прошлом пастуха из Рязанской губернии, прославляют революцию в стиле старинных духовных песен. Но по настоящему становятся они песнями лишь тогда, когда ему удается музыкальным стихом, полным красок и образов (немного заносчиво и чуть-чуть печально, с искренним и глубоким взглядом на свою деревню), заставить заговорить маленькие вещи этого мира».

Перевод А.В.Аmeliной;

— стихотворение Есенина «Да! Теперь решено. Без возврата...» из цикла «Москва кабацкая» в переводе Б.Матезиуса на чешский язык.

Март, 2. Есенин разбирает вещи после возвращения в Москву.

В.Ф.Наседкин вспомнит:

«На другой день <по приезде>, после утреннего чаю, Есенин долго и не спеша рылся в своих чемоданах, извлекая оттуда рукописи, портреты и новые костюмы.

К красивой одежде он всю жизнь питал слабость и нередко покупал вещи, ему совсем ненужные. Примерить же лишний раз какой-нибудь шелковый платок или надеть японский халат — доставляло ему не меньшее удовольствие, чем прочитать свое только что написанное стихотворение. Он, 29-летний, как походил тогда на смешного шаловливого и наивного юношу! Трудно было не улыбаться и не радоваться его почти детской простоте и непосредственности. <...>

Выглядел он очень хорошо, пополнил. Меня как-то рубашку, весело смеялся, хлопая себя по распухшему животу:

— Растет!»

Материалы, 210–212.

П.И.Чагин уезжает из Москвы в Баку, не встретившись с Есениным.

О несостоявшейся встрече с другом Есенин вскоре с сожалением напишет ему (см.: 6 или 7 марта 1925).

Март, 2 ... 4, или 6 ... 9, или 11 ... 13, или 20 ... 25. На одной из дружеских встреч на квартире Г.А.Бениславской оказывается П.М.Денисова-Соколова, жена друга Есенина — художника К.А.Соколова.

Событие и месяц, когда оно произошло, устанавливаются по ее письму к Е.А.Есениной (подробнее см.: 6 дек. 1925, четвертая запись).

Возможные интервалы времени, когда могла состояться эта встреча, указываются здесь с учетом сроков нижеперечисленных событий марта 1925 г., связанных с именем Есенина.

Март, 2–5. Есенин готовит поэму «Анна Снегина» к печати.

Событие устанавливается по воспоминаниям В.Ф.Наседкина (см. ниже), а его верхняя граница — согласно дате встречи Есенина с А.К.Воронским (см.: 5 марта 1925, третья запись).

См. Приложение.

В 1926 г. В.Ф.Наседкин отметит:

«Первую неделю был необычайно бодр, весел. <...>

“Анну Снегину” набело он переписывал уже здесь, в Москве, целыми часами просиживая над ее окончательной отделкой. В такие часы, по домашнему уговору, его оставляли одного, предварительно сняв трубку с телефона.

Своим литературным друзьям он охотнее всего читал тогда эту поэму. Было видно, что она нравилась ему больше, чем другие стихи».

Материалы, 212.

Беловой автограф произведения, выполненный тогда поэтом, ныне неизвестен.

См. также: до 14 дек. 1924, вторая запись; 14 дек. 1924, первая запись; 1—26 янв. 1925, первая запись; до 20 янв. 1925, первая запись; 26 янв. 1925, первая запись; конец янв. 1925; до 9 февр. 1925, третья запись; между 12 (13) и 17 или 18 февр. 1925; 19 или после 19 февр. 1925; 6 или 7 марта 1925; 14 марта 1925, первая запись.

Встречается с И.В.Вардиным на квартире Г.А.Бениславской и беседует с ним.

Событие и его рамки устанавливаются по письму Есенина Н.К.Вержбицкому (6 марта 1925):

«Вардин <...> был у меня, и очень грустный. Позвоночник ему таки сломали. “На посту” <журнал, одним из соредкторов которого был И.В.Вардин> прогорело в пух и прах».

Есенин, VI, 205.

Имеется в виду, в частности, отстранение Ф.Раскольниковца и И.Вардина от работы в журнале «Красная новь» (см.: до 7 февр. 1925). Журнал «На посту» тогда, впрочем, еще не прекратился: его последний номер (№ 6) выйдет в июне 1925.

Выполняя просьбы Н.К. Вержбицкого <см.: 26 февр. 1925, пятая запись>, Есенин пытается устроить публикацию его произведений в центральных изданиях.

Событие устанавливается по письму Есенина другу (см.: 6 марта 1925, вторая запись).

Март, 2–26. Есенин часто встречается со своими друзьями, поэтами и писателями в квартире на Брюсовском переулке.

Рамки этого и следующих событий даются ориентировочно с учетом мартовских дат приезда Есенина в столицу и его отъезда на Кавказ:

А.А.Есенина вспомнит:

«Он был человеком очень общительным, любил людей, и около Сергея их всегда было много. Любил поделиться с близкими людьми своими мыслями, своими новыми стихами, подчас и теми, над которыми еще работал. Я очень хорошо помню приезд Сергея с Кавказа в Москву <...>. Редкий день теперь проходил у нас без посторонних людей. Сергей прожил в Москве всего лишь один месяц, но за этот месяц у нас перебивало столько людей, сколько к другому не придет и за год.

В основном это были поэты и писатели, с которыми Сергей дружил последние годы: Петр Орешин, Всеволод Иванов, Борис Пильняк, Василий Наседкин, Иван Касаткин, Владимир Кириллов и многие другие писатели, издатели, художники, артисты.

Вокруг Сергея всегда царил оживление. Все жили с ним одними интересами. Если это поход в театр или кино, то идут все, кто в этот момент присутствует, если это вечеринка, то все веселятся, если это деловой разговор, то в нем принимают участие все, кто есть.

Вечерами у нас было шумно и весело. Читали стихи, рассуждали о литературе, пели песни, чаще всего русские народные, которые Сергей очень любил. <“Прощай, радость, жизнь моя...”>; <“Это дело было летнею порою...”>; <“Нам пора расстаться...”>; <“Молодка, молодка, молоденькая...”>

Знатоки и любители русской народной песни находились и среди наших гостей». Восп., 1, 109–111.

Проявляет озабоченность учебой своей сестры Кати.

Г.А.Бениславская вспомнит:

«К Кате у С. А. была какая-то болезненная, тревожная любовь. Он знал, что они во многом похожи друг на друга, как близнецы, что воспринимают и чувствуют почти одинаково. Знал свои ошибки и страшно боялся повторения их Катей. Кроме того, он не раз говорил, что он имел право на многое, потому что знал себе цену, а ей этого нельзя. На мои утверждения (я тогда очень верила “в Катю”, в ее одаренность и ум), что Катя умная, не раз говорил: “Нет, хитрая она. Всё в ней — хитрость, а не ум. Я не такой — я всё-таки хороший, а она всё хитрит, хитрит”. Разговорами о деньгах он хотел заставить ее задуматься о будущем и испытать ее гордость. Однажды после такого разговора с Катей, повторившегося последние месяцы изо дня в день, он сказал мне: “Нет, нет, она не такая, как я, как вы, как Шурка. Она — паразит”».

Материалы, 78—79.

Делает шутливые надписи о «рисунках» младшей сестры А.А.Есениной: «Выставка А.Есениной. Всё продано».

Дата события определяется ориентировочно по воспоминаниям А.А.Есениной, которая относит этот эпизод к приезду Есенина с Кавказа в марте 1925:

«Сергей был очень подвижным человеком, был горазд на всевозможные выдумки, умел и любил шутить.

В одной квартире с нами жила молодая одинокая женщина-врач. Она часто проводила со мной целые вечера за раскрашиванием картинок. Рисовать мы с ней обе не умели и обычно сводили контуры с какой-нибудь картинки из книги, а потом раскрашивали красками. Раскрашивали же мы довольно неплохо.

Из нашей комнаты в ее вела дверь, завешенная огромным шелковым шарфом. С этим шарфом когда-то танцевала Дункан.

Как-то раз, придя из школы, я увидела, что к шарфу, висевшему на двери, приколоты все мои рисунки и длинный лист бумаги с надписью синим карандашом: “Выставка А.Есениной”, а ниже, на другом листе, красным карандашом извещалось: «Всё продано».

Оказалось, что, пока я была в школе, Сергей нашел все мои рисунки и устроил эту выставку...»

Есенин глазами женщин: антология / Сост., предисл. и коммент. П.Е.Фокина. СПб., 2006. С. 62–63.

Есенина допрашивают в ЧК по делу «Ордена русских фашистов».

Событие устанавливается по свидетельству поэта в изложении художника П.А.Мансурова (см. ниже). О времени, когда оно произошло, см. мнение Ст. и Серг. Куняевых в их кн. «Есенин» (М.: Мол. гвардия, 1995, с. 495–496).

В письме к О.И.Синьорецци (10 авг. 1972) П.А.Мансуров приводит рассказ Есенина:

«...ты знаешь, меня вызвали в ЧК, я пришел, и меня спрашивают: вот один молодой человек, попавшийся в “заговоре”, и они все мальчишки, образовали правительство, и он, его фамилия Ганин, говорит, что он поэт и Ваш товарищ, что Вы на это скажете? Да, я его знаю. Он поэт. А следовательно спрашивает, — хороший ли он поэт. И я, говорит Есенин, ответил, не подумав: товарищ ничего, но поэт говенный».

«Минувшее: Ист. альм.», Paris: Atheneum, 1989, [вып.] 8, с. 173.

Другие сведения об этом допросе не выявлены.

Есенин знал о существовании организации со слов А.А.Ганина, но войти в нее отказался (подробнее см.: Летопись, 4, 285).

О расстреле А.Ганина см.: 30 марта 1925, четвертая запись.

Март, 2 ... 13 (?). Есенин посещает редакцию журнала «Прожектор» (Тверская ул., 48).

Фотограф В.И.Савельев делает там два снимка Есенина вместе с Л.М.Леоновым.

Есенин, VII (3), [187] (№ 93), 256–258.

Фотографии предназначаются для иллюстрации статьи редактора журнала А.К.Воронского «Литературные заметки», в которой говорится как о Есенине, так и о Л.М.Леонове (см.: 15 марта 1925, вторая запись). В печать тогда пойдет лишь один из этих снимков:

«В номере “Прожектора”, выходявшем в свет 15 марта, намечалась публикация “Литературных заметок” А.Воронского, в которых автор подробно разбирает новый роман Леонида Леонова “Барсуки” и писал о стихах Сергея Есенина.

Нужна была и фотография для иллюстрирования статьи Воронского... В один из дней между 1 марта и 15 марта Сергей Есенин и Леонид Леонов пришли на Тверскую, 48, где и были сделаны фотографии — два снимка беседующих писателей... Страницы старого журнала сохранили для нас и имя того, кто сделал замечательный снимок двух московских писателей — под ним стояла подпись — “Фот. В. Савельев”.

Негатив второго снимка, где Есенин и Леонов беседуют, сидя на диване, был поврежден. Восстанавливали негатив при помощи ЭВМ. И, несмотря на то, что был утерян отколовшийся кусок стекла, при сопоставлении с первым снимком удалось восстановить утраченное, так как положение головы Есенина было похожим».

Бычкова А. Фото на магнитной ленте. — Газ. «Сов. культура», М., 1984, 25 авг., № 102.

Об этой съемке напишет в статье «Былые годы» К.Левин:

«Пришел фотограф Савельев. Есенин вяло улыбнулся, подошел к Леонову. Снимок этот был напечатан в “Прожекторе”.

Леонов в широкой блузе, с папиросой в руке смотрит на зрителя. Есенин, полусидя на столе, смотрит на Леонова. Снимок иллюстрировал статью Воронского о Леонове и Есенине».

НС, 1961, № 4, с. 208.

См. Приложение.

14 апр. 1964 г., отвечая на вопрос английского слависта Г.Маквея, Л.М.Леонов напишет об этом фото:

«Фотоснимок, на котором мы изображены с ним вместе, сделан случайно в редакции журнала “Прожектор” весной 1925 года».

Письма, 518.

«Впоследствии, как свидетельствовал об этом Леонов, другая официальная аппаратура распорядилась этим памятным снимком иначе. После гибели Есенина, когда имя поэта, подмененное ярлыком “есенищины”, было предано гонениям вплоть до полного устранения из духовного обихода нации, эта фотография была разрезана. И снимок молодого Леонова с его “дальним” взглядом, теперь уже за линию разреза, печатался отдельно. “Этим чьи-то ревностные руки старались меня оградить от Есенина, но вышло, что отделили Есенина от меня. Будто это было возможно, — так расценит излишнее

служебное рвение в вопросах культуры Л. Леонов. — На том и держалась однобокая культура наша. При всём этом нелишне напомнить: по тем временам люди исчезали не только с фотографий”. (В беседе 1989 г.). <...>

А мне в связи с этим вспоминается другое раздумье Леонова о том, что культура — “это способность двигаться вместе дальше, а не припадать на ту или иную ногу в зависимости от изгибов предложенной колеи”» (Лысов А. Леонид Леонов о Сергее Есенине (Из бесед с писателем). — Журн. «Лит. учеба», 1996, № 3, май–июнь, с. 96–97).

См. также: Кларцев М. История фотографии «С. Есенин и Л. Леонов в редакции журнала “Проектор” 1925 г.». — Журн. «Огонек», М., 1960, № 40, с. 26; Юшкин Ю. Снимок из старого журнала. — Газ. «Московская правда», 1985, 27 окт., № 250.

Выкадровка из фотографии (портрет одного Есенина) публиковалась в траурные дни после гибели поэта в периодике: «Красная газета», Л., 1925, 30 дек., веч. вып., № 315; «Комсомольская правда», М., 1926, 1 янв., № 1, и др.

Март, после 2. Есенин готовит маленькую поэму «Мой путь» к печати.

Граница события определяется сроками пребывания Есенина в Москве (см.: 1 марта 1925, первая запись; 27 марта 1925, вторая запись) и публикацией «Моего пути» в журнале «Город и деревня» (см.: 5 марта 1925, пятая запись; 20 марта 1925, вторая запись).

Сохранился один из подготовительных материалов того времени — машинописный список произведения, где заглавие «Мой путь» зачеркнуто и заменено Есениным от руки другим — «Анна Снегина». В тексте имеется правка автора, а также вписана и зачеркнута строфа:

Ведь это та,
 Что в детстве я любил,
 Та —
 На которой я хотел жениться...
 О сердце!
 Перестань же биться,
 Я это детство позабыл.

Есенин, II, 159–165, 246, 452.

Последующее возвращение поэта к первоначальному заглавию, скорее всего, связано с его решением дать название «Анна Снегина» большой лиро-эпической поэме, в которой развит тот же мотив, что и в «Моем пути» (см.: Есенин, III, 645).

Заканчивает подготовку к печати книги «Персидские мотивы» для издательства «Современная Россия». Ведет переговоры с издателем о гонораре за нее.

Передает Г. А. Бениславской право вести дальнейшие дела, связанные с изданием этой книги.

Хроника, 2, 177–178, 339–340.

Соответствующий издательский договор неизвестен.

См. также: 22 апреля 1925, первая запись; до 26 мая 1925; 26 мая 1925; после 26 мая 1925; 29 мая ... 6 июня, или 10 июня ... 9 июля, или 16 ... 25 июля 1925; конец июня — 7 (?) июля 1925, первая запись; 1 ... 22 июля 1925; 3 (?) июля 1925; 4 июля 1925, вторая запись; 20 июля 1925, первая запись; до 24 июля 1925, первая запись; 31 июля 1925, вторая запись; после 6 сент. 1925, первая запись; 24 сент. 1925, четвертая запись; 17 нояб. 1925, вторая и третья записи; 20 нояб. 1925; 21 нояб. 1925, первая запись; нояб. (?) 1925, четвертая запись.

Г. А. Бениславская вспомнит (1926):

«Говорят, пишут, вспоминают про него <Есенина> — какой он был хитрый, изворотливый, как умел войти в душу всеильного редактора, издателя и пр<очее>. Но при этом забывают случаи, когда С. А. пасовал, неудачно отстаивал свои интересы, как например,

с продажей своих сочинений Госиздату, когда он, почти не глядя, собирался подписывать договор, и только благодаря сестре (Е<катерине> А<лександровне>) и поэту Наседкину (в этом отношении очень практичному и бывалому) получил от Госиздата 10 тысяч вместо 6 тысяч, на которые он уже почти согласился.

Такая же история была с “Анной Снегиной” (или с “Персидскими мотивами” — точно не помню). Я условилась с частным издателем И. Берлиным продать ему эту вещь за 1000 руб. <...> Пришел Берлин к С. А. и опять завел разговор об этом издании. В конце разговора предлагает за книжку не 1 тыс. р., а всего 600 рублей. И С. А. робко, неуверенно и смущенно соглашается. Пришлось вмешаться в разговор и напомнить о том, что уже условлено за эту вещь 1000 рублей. Тогда С. А. неопределенно заявляет: “Да, мне всё-таки кажется, что 600 рублей мало. Надо бы больше!” Выпроводив поскорее Берлина, чтобы переговоры о гонораре вести без С. А., возвращаюсь в комнату. “Спасибо вам, Галля! Вы всегда выручаете! А я бы не сумел и, конечно, отдал бы ему за шестьсот. Вы сами видите — не гожусь я, не умею говорить. А вы думаете, не обманывали меня? Вот именно, когда нельзя — я растеряюсь. Мне это очень трудно, особенно сейчас. Я не могу думать об этом. Потому и взваливаю всё на вас...”».

Материалы, 31–32.

См. также: после 26 мая 1925; 31 июля 1925; 24 сент. 1925; 26 нояб. 1925.

Сдаёт в издательство «Огонек» макет своего сборника «Избранные стихи» для библиотечки журнала «Огонек» и заключает (?) договор на это издание.

Хроника, 2, 178, 340.

Договор на издание книги неизвестен.

См. также: до 14 июня 1925; 14 июня 1925, первая запись; после 14 июня 1925; 16 ... 30 июня 1925; 30 июня 1925, третья запись; 27 июля 1925; 28 июля 1925, третья запись; 22 авг. 1925; 25 сент. 1925, вторая запись; 1 окт. 1925, вторая запись.

Март, до 3. В Париже издателем Л. Березняком (L. Beresniak) выпускается книга стихов Б. Божнева «Борьба за несуществованье» со стихотворением «Ах, бабочка между домами...», посвященным: «Сергею Есенину»:

Ах, бабочка между домами
Летела пред моим балконом...
.....
Мне было так темно и душно,
Что я, следя за нею взглядом,
Хотел оставить равнодушно
Балкон и полететь с ней рядом.
.....
А если не свершится чудо,
То нижние увидят ставни,
Как, выбросившийся отсюда,
Я камнем упаду на камни.
.....

Граница события устанавливается по дарственной надписи автора на одном из экземпляров книги: «Глубокоуважаемому Павлу Николаевичу Милокову Борис Божнев. 3. III. 1925» (отдел русского зарубежья РГБ, шифр: Рбс 10/6632).

См. также: 21 марта 1925, третья запись.

Март, 3. Газета «Известия ЦИК СССР и ВЦИК Советов» (№ 51) дает рекламное объявление, что «на днях» выходит из печати 3-я книга журнала «Новый мир» со стихами Есенина.

Март, 3 и 5. Газета «Правда» (№ 51 и 53) печатает объявления о выходе в свет и поступлении в продажу № 4 журнала «Прожектор» со стихами Есенина.

См. также: 28 февр. 1925, первая запись.

Март, 3, 7 и 10. Харбинская газета «Рупор» (№ 1193, 1197, 1200) упоминает фамилию Есенина в объявлении об открытии подписки на еженедельный художественно-литературный журнал «Наш огонек», издаваемый в Риге.

См. также: 13, 14, 20 и 21 февр. 1925.

Март, до 4. Журнал «Железнодорожник» (№ 2; за февраль), продолжая публикацию «Бесед по современной русской художественной литературе» М.Беккера, помещает его материал «Новокрестьянская поэзия», в котором говорится о Есенине.

Граница события определяется по информации газ. «Гудок» (1925, 4 марта, № 52) о том, что журнал вышел из печати и рассылается.

Из статьи:

«Современные крестьянские поэты, не порвав окончательно с мотивами старых крестьянских поэтов — Кольцова, Сурикова и др., шагнули далеко вперед, обогатившись новым своеобразным содержанием. Революция наложила на их творчество свою печать, отбросила на нее <так!> полосу яркого, жизнерадостного сияния, сделала ее в этом отношении близкой к пролетарской поэзии. Однако, несмотря на революционную окрашенность их стихов, крестьянские поэты не поднялись еще на одинаковый уровень с пролетарской поэзией, имея свои индивидуальные признаки.

1. Бытие — определяет сознание

Крестьянство и в частности деревня не принимает революцию с той легкостью, с какой ее принимает пролетариат. Крестьянство, религиозное благодаря своей зависимости от природы, не в состоянии стряхнуть с себя бремя религиозных предрассудков.

Крестьянство, наконец, отличаясь консерватизмом, прочно держится своих традиций в хозяйстве, оказывая часто упорное сопротивление нововведениям техники, прогресса. Все эти особенности должны были неминуемо отразиться на творчестве крестьянских поэтов. Выходцы из деревни, они отразили на себе ее настроения, и всё их творчество является отражением мучительного процесса перерождения современной деревни в горниле революции. Каковы же характерные признаки ново-крестьянской поэзии?

II. Господу помолимся

В стихотворении крестьянского поэта *Клюева* мы встречаем такие строчки:

...Боже, свободу храни,
Красного государя коммуны,
Дай ему долгие дни
И в венец лучезарные луны.

Это четверостишие отражает в себе двоеверие, религиозность крестьянских поэтов. Этими ветхими формулами, часто напоминающими слова проклятого, приснопамятного “Боже, царя храни”, *Клюев* молится за благополучие коммуны Советских Республик. “Святые слова” не сходят с уст Орешина и Есенина. Святые у них часто принимают образ защитников бедного крестьянства, горькую долю которого отразил больше всего Петр Орешин в своих пропитанных горечью стихах. Возможно, что крестьянские поэты далеки от религиозных предрассудков (в чем нас убеждает Есенин), возможно, что они давно не переступали через порог православной церкви, что слушают колокольный звон без всякого подъема или религиозного трепета, — но они не в состоянии порвать с миром религиозных представлений, окутывая свое творчество в оболочку крестьянского символизма.

“Выключить бога из своего обихода, разрушить красный угол, где на серебряных и золоченых окладах играет свет лампы, на такое разорение *Клюев* не согласен. Без лампы не будет полноты” (Троцкий “Литература и революция”). А это ли нужно рабоче-крестьянским массам в переходную эпоху, когда молот пролетарской революции ударяет по всем кумирам и божкам, которые стираются перед величием новой религии, имя которой социализм.

III. И всё через религиозные очи

Неудивительно, что крестьянские поэты берут материалом своих поэтических сравнений церковную среду. У *Есенина* мы встречаем такие строчки:

Гой ты, Русь моя родная,
Хаты — в ризах образа...
Не видать конца и края —
Только синь сосет глаза.

У него же поля сравниваются со святыми, ивы с кроткими монашками.

Петр Орешин сравнивает красноармейца, стоящего на часах в Кремле, со «свечой, стоящей перед иконой».

У *Клюева* мы находим отголоски народного суеверия в описании природы:

Пляс-гром,
Бурелом,
Лешева погудка.

Таков поэтический словарь крестьянских поэтов, который подчеркивает еще глубже реакционную сущность их поэтического мировосприятия.

IV. “Коммуна с лежанкой”

В одном из стихотворений Клюев восклицает: “Не хочу коммуны без лежанки”. Эта фраза, как нельзя лучше, определяет особенности идеологии крестьянских поэтов, которые чужды широте и размаху пролетарского мировосприятия. На всей этой идеологии лежит печать классово-узости, определенной замкнутости; Клюеву трудно расстаться с лежанкой. — “А коммуна с лежанкой не перестройка по разуму с циркулем и угломером в руках всех основ жизни, а всё тот же мужицкий рай” (Троцкий. “Литература и революция”).

Оплакивая смерть Ленина, *Орешин* восклицает: “Закатилась земли ржаная благодать”. Опять-таки. В этой фразе, рисующей в общем любовь крестьянства к своему вождю, складывается та же мужицкая, крепкая хозяйская подоплека крестьянских поэтов. Естественно, что крестьянские поэты не могли возвыситься до космических мотивов пролетарской поэзии и еще не в состоянии постигать ее “планетарный” размах (см. “Железнодорожник” № 1).

Конечно, нет правил без исключения.

В творчестве крестьянских поэтов можно найти перлы революционной поэзии, которые переливают всей радугой революционных цветов. Таково стихотворение *Александра Ширяевца*, давшего почти стихийный отклик на Октябрьскую революцию:

Хватай ножи с пистолями.
Гульнем по вольной воле мы.
Не дам народ в обиду я,
Айда тягаться с кривдою!

Но и здесь сказывается своеобразный анархизм, разбойничий пафос, который составляет очень заметную и сильную струю в творчестве крестьянских поэтов.

Так, у *Есенина* мы встречаем такое место:

Я одну мечту, скрывая, нежу,
Что я сердцем чист,
Но и я кого-нибудь зарезу
Под осенний свист.

Недаром Стенька Разин, как воплощение народной крестьянской стихии, отдается в их ушах более чистым и приятным звоном, чем Маркс...

V. Паровоз, паровоз...

Крестьянские поэты понимают и видят, что революция вихрем врывается в мирные деревенские уголки, тушит ее <деревни> тлеющие лучинки, заливает ее волной электрического света, проводит стальные линии, по которым несутся грохочущие поезда. Взлелеянные деревней, они не любят всего того, что связано с развитием техники. Это лучше всего отражается в трогательном, отдающем всеми ароматами поэзии, стихотворении Есенина:

Видели ли вы,
Как бежит по степям
В туманах озерных кроясь,
Железной ноздрей скрипя <так!>,
На лапах чугунных поезд.

А за ним,
 По большой траве,
 Как на празднике отчаянных гонок,
 Тонкие ноги закидывая к голове,
 Скачет красногривый жеребенок.
 Милый, милый, смешной дуралей,
 Ну — куда, куда он гонится.
 Неужель он не знает, что живых коней
 Победила стальная конница.

И поэтому Есенин в другом месте с грустью восклицает:

На тропу голубого поля
 Скоро выйдет железный гость.

Точно так же трактор, так часто воспеваемый нашими пролетарскими поэтами, относится тоже к разряду тех “магических” слов, от которых крестьянские поэты приходят в смущение.

VI. Неизбежный вывод

Крестьянские поэты уходят от широкой дороги революции в какой-то проселок, не замечая часто тех движущих сил, которые управляют революцией, а если наблюдают ее, то со своей мужицкой колокольни. Крестьянские поэты часто закрывают глаза на те изменения, которые происходят в деревне, вступающей медленно на путь высвобождения от поповщины и религиозного дурмана. Примером здорового понимания современной деревни являются лики пролетарских поэтов, воспевających *новую деревню, Ленинскую, электрифицированную*, с трактором.

У поэта Доронина, подкупающего нас музыкальностью, глубоким лиризмом, мы встречаем такую песню:

Ой,
 Скорей бы,
 Скорей бы, скорей бы,
 По лесам дремучим
 Стучали не сучья, —
 Молотки.
 Ой,
 Скорей бы,
 Скорей бы, скорей бы
 По лесам дремучим
 Кричали не совы, —
 Гудки.

Крестьянские поэты должны выйти на широкую дорогу творчества и устремлять свои струи в поток пролетарской поэзии. Тогда она станет жизненной и более созвучной нашей эпохе.

VII. Лед тронулся...

Но крестьянские поэты уже переживают свой перелом. Новая книжка *Есенина*: “Русь Советская” (издательство “Бакинский рабочий”, 1925 г.) — самый яркий показатель этого перелома.

“Русь Советская” — это своего рода публичное раскаяние поэта, любителя скандалов, который начинает понимать и чувствовать Советскую Россию. Освободившись от церковщины, Есенин в песнях, напряженных по своему лиризму, рассказывает про свое перерождение.

Лед тронулся. За этим нужно ожидать новый расцвет крестьянской поэзии, которая станет органической частью революционной поэзии».

Выделено автором статьи.

О сб. «Русь советская» см.: до 25 дек. 1924; 25 дек. 1924, первая запись; 21 янв. 1925, вторая запись; 28 июля 1925, четвертая запись; 31 июля 1925, вторая запись; 1 сент. 1925, третья запись; 3 сент. 1925, вторая запись; 12 сент. 1925, седьмая запись; 27 сент. 1925, вторая запись; окт. (?) 1925, вторая запись.

См. также: конец марта — до 16 апр. 1925, вторая запись.

Март, 4. Нижегородский школьник А.Поваров от имени литературного коллектива учащихся школы II степени пишет Есенину:

«Уважаемый тов. Есенин! Мы, учащиеся школы II степени им. А.И.Герцена, на уроках литературы решили заняться изучением вашей поэзии. Имеющийся материал в критических и автобиографических статьях нас не удовлетворяет ввиду того, что нас интересует более детальное изучение ваших произведений. Нам в высшей степени интересно было бы получить от вас более подробные сведения как о вашей биографии, так и о причинах, которые способствовали развитию вашего литературного таланта. Нам интересно было бы от вас узнать, к какому литературному течению Вы себя причисляете, какие мотивы преобладают в вашей поэзии и какой оттенок носит эта поэзия. Если можете, то пришлите письмо с ответом на наши вопросы и как можно больше материала, касающегося вас и вашей литературной деятельности. Мы уверены в том, что вы пойдете навстречу этой молодой литературной инициативе, мы уверены, что вы поддержите литературную активность!

С коммунистическим приветом

Литколлектив».

Письма, 273.

Ответил ли Есенин на это обращение, неизвестно.

Газета «Известия ЦИК СССР и ВЦИК Советов» (№ 52; раздел «Критика и библиография»; подпись: Библиофил) дает информацию о содержании журнала «Красная новь» № 2, в том числе о публикации стихов Есенина.

См. также: до 15 марта 1925, первая запись.

Март, 4 ... 25. Выходит № 3 журнала «Новый мир» с материалами Есенина и о Есенине.

Рамки события устанавливаются по анонсу (см.: 3 марта 1925, первая запись) и объявлению о подписке на журнал «Новый мир» (см.: 26 марта 1925).

В журнале печатаются:

— стихотворение Есенина «Снова выплыли годы из мрака...» <«Сукин сын»>.

Об исходной публикации см.: 23 сент. 1924, вторая запись.

О других перепечатках см.: 29 марта 1925, третья запись; после 26 мая 1925.

См. Приложение;

— рецензия Н.В.Богословского (подпись: «Н. Б.») на сборник Есенина «Стихи (1920–24)»:

«Казалось бы, что Есенин подводит этой книгой некоторый поэтический итог — за этой книгой как будто начинается другая линия творчества: Есенин пытается перейти от личных тем к эпосу (“Песнь о великом походе”) и пытается поэтически осмыслить революцию, но оказывается, что дальнейшее направление его пути несколько не меняется, и всё пока остается по-прежнему. Эпос ему решительно не по плечу, а чрезмерный интерес к себе мешает ему вплотную подойти к такой огромной и ответственной теме, как тема о революции.

В книге собраны лучшие вещи “доскандального” периода: знаменитая “Исповедь хулигана”, “Сорокоуст”, целый цикл лирических стихотворений — “Москва кабацкая” и “Русь советская”. Если бы кто-нибудь потрудился подсчитать, сколько раз употреблено в этой книге Есенина слово “я”, то окончательно сбился бы на десятом стихотворении.

Трудно выдумать что-нибудь общенароднее Пушкинских юбилейных торжеств, но даже и здесь Есенин остается верным себе и упорно внушает читателю, что ему (Есенину) хотелось бы не менее прочного бронзового памятника. Это поспешное и неумеренное стремление навязать читателю интерес к мелким деталям своей биографии наложило на последние стихотворения Есенина отпечаток небывалой у него доселе небрежности и породило бесконечное количество вариаций. Теперь уже совсем нередки примеры чудовищных провалов в безвкусицу и прозаизм.

И всё же мы любим Есенина, потому что один он мог говорить (пускай о себе и только о себе!) таким свежим языком:

Был я весь, как запушенный сад...

И всё же мы любим Есенина потому, что один он с такою, почти пушкинской, ясностью и чистотой писал:

Не жалею, не зову, не плачу,
Всё пройдет, как с белых яблонь дым.
Увяданья золотом охваченный,
Я не буду больше молодым.

Мы любим его потому, что он был одним из лучших лириков нашего времени после Блока.

Трудно сказать, сумеет ли Есенин овладеть новыми темами и занять почетное место гражданского поэта, но думается, что неудача будет неизбежна, если окружающее будет для Есенина только зеркалом, в котором он любит себя самим собою, если переход к этим новым темам будет носить характер извещения, что “я” очень сейчас интересуюсь “Капиталом” Маркса, нефтяной промышленностью и революционным строительством».

См.: после 10 окт. ... нояб. (?) 1924; 1 янв. 1925, вторая запись; 21 янв. 1925, вторая запись; февр. 1925, первая запись; февр. (?) 1925, первая запись; 5 марта 1925, пятая запись; 11 марта 1925, первая запись; до 15 марта 1925, первая запись; 19 марта 1925, четвертая запись; 25 марта 1925, первая запись; 26 апр. ... 5 мая 1925; не позднее июня 1925;

— статья Л.Гроссмана «Крепостные поэты».

К статье взят эпиграф из стихотворения С.Клычкова:

Нет таинства чудесней,
Нет красоты иной,
Как сеять зерна песней
Над вешней целиной.

Прослеживая судьбы немногих неизвестных «подневольных талантов — крепостных поэтов», ранних поэтов крепостной деревни, автор говорит о них как о живом целом, от которого потянулись нити к знаменитому Кольцову, Никитину, затем к Сурикову и Дрожжину и, наконец, к поэтам советской деревни.

Л.Гроссман пишет о них, как о «первых и прямых предшественниках Есенина, Клюева, Радимова». Если «судьбы актеров, музыкантов, художников, архитекторов привлекали внимание исследователей, стали предметом изучения или изображения», то «по странной случайности до сих пор не изучена особая категория этих подневольных талантов — крепостные поэты».

Дается характеристика поэтов Ивана Сибирякова, Егора Алипанова и Михаила Суханова.

См. также: до 11 авг. 1925, вторая запись.

Март, до 5. В Ленинградском отделении Госиздата РСФСР выходит сборник В.В.Маяковского «Только новое» со стихотворениями «Юбилейное» и «Тамара и Демон», где идет речь о Есенине.

Граница события устанавливается по информации о поступлении книги в редакцию (газ. «Вечерняя Москва», 1925, 5 марта, № 53).

Из стихотворения «Тамара и Демон»:

«От этого Терека / в поэтах / истерика. / <...> / шумит, / как Есенин в участке».

См. также: до 15 марта 1925, первая запись.

О стихотворении «Юбилейное» см.: май ... июнь 1924; 28 авг. 1924; 7 сент. 1924, третья запись; 13 ... 18 сент. 1924.

Март, 5. Т.Ф.Есенина приезжает в гости к сыну.

Событие и его дата устанавливаются по словам Есенина из письма Н.К.Вержбицкому от 6 марта 1925:

«Вчера приехала моя мать, я в семье, счастлив до дьявола. Одно плохо, никуда не пускают. Но по их соображениям... может быть, и лучше. Нужно держать марку остепенившегося».

Есенин, VI, 205.

Из воспоминаний В.Ф.Наседкина:

«Дня на два — на три из деревни к Есенину приехала мать. Не хватает одного отца — мать, сестры с ним. Есенин весел, всё время шутит. Комната Гали <Г.А.Бениславской> полна. В Есенине как будто заговорила давняя крестьянская тяга к семейственности, к уюту.

Из чужих — только я, но и меня он тут же обращает в “своего”».

Материалы, 213.

Есенин читает матери поэму «Анна Снегина» и фотографируется с ней на квартире Г.А.Бениславской за самоваром.

На паспорту оригинала фотографии (ГЛМ) надпись тушью:

«Фото В.Усова. 1924 <ошибочно, надо: 1925>. Март. Москва, в квартире Г.А.Бениславской на ул. Неждановой 2/14, кв. 27 (б. Брюсовский пер., корпус “а”»).

Есенин, VII, (3), [186] (№ 92), 256.

О первой публикации снимка см.: 7 апр. 1925, четвертая запись.

См. Приложение.

Из воспоминаний А.А.Есениной:

«В конце февраля <точнее, 1 марта> 1925 года Сергей приехал с Кавказа. Из самовара мы пили чай, так как у нас не было большого чайника. Этот самовар есть на фотографии, где Сергей снят с мамой и читает ей стихи. Снимок был сделан у нас в Брюсовском переулке в марте 1925 года. Мама тогда приезжала навестить нас, а Сергей читал ей поэму “Анна Снегина”».

Есенина А. Родное и близкое. М.: Сов. Россия, 1968, с. 61.

«Она, как всегда, — вспомнит А.А.Есенина, — слушала чтение Сергея с затаенным дыханием, не перебивая его, и ни о чем не расспрашивая. Неграмотная, она отлично понимала стихи сына и многие из них запоминала во время его чтения».

Восп., 1, 107.

Вечером на квартире Г.А.Бениславской идет дружеское застолье с участием Есенина.

Согласовывается вопрос о публикации «Анны Снегиной» в журнале «Красная новь».

События и их датировка устанавливаются по письму Есенина Н.К.Вержбицкому (6 марта 1925):

«Вчера была домашняя пирушка. Пильняк, Воронский, Ионов, Флеровский, Берзина, Наседкин, я и сестра <...> Воронский в “Кр<асной> нови” <см.: до 7 февр. 1925>. Поэма моя идет там».

Есенин, VI, 204.

Журнал «Город и деревня» (№ 3/4) печатает:

— начало (строки 1–123) стихотворения Есенина «Мой путь».

О последующих публикациях произведения см.: 20 марта 1925, вторая запись; 24 апр. 1925; после 26 мая 1925.

См. также: Есенин, II, 159–165, 246, 452–453.

См. Приложение;

— информацию о составе авторов журнала; в их числе — Есенин.

Такая информация появится и в других номерах этого издания — см.: 20 марта 1925, вторая запись; 5 и 17 апр. 1925; 1 и 31 мая 1925; 25 июня 1925, вторая запись; 10 и 25 июля 1925; 15 авг. 1925, вторая запись; 1 и 25 сент. 1925; 5 окт. 1925, вторая запись; 7 и 30 нояб. 1925.

Журнал «Пролетарий связи» (№ 4) помещает рецензию Д.И.Шепеленко на книгу Есенина «Стихи (1920–24)»:

«Недоумение, постепенно переходящее в жалость, испытываешь при чтении стихов Сергея Есенина. С одной стороны, это несомненно поэт, смело пытающийся извлекать звуки из своего *нутра*, совершенно невзирая при этом на то, насколько таковые звуки допустимы и приемлемы в пределах эстетической благовоспитанности.

С другой стороны, перед нами имагинист, ненасытно коверкающий реальность с прозаической целью насытить зияющую пустоту своих стихов возможно большим количеством образов.

Вся трагедия этого поэта — именно в этой неизлечимой призрачности представлений, заставляющей его мучиться от несуществующего разлада между городом и своей, родимой будто бы, деревенской почвой. Мы отнюдь не смеем сомневаться в пламенной искренности автора, столь импонирующей вялым неподвижным натурам, с тайной зави-

стью чувствующим себя неспособными на подобный кек-уок; наоборот, мы думаем, что, если бы Есенин и захотел быть неискренним, он бы не сумел этого сделать по своей внутренней структуре.

Последняя комбинация стихов Есенина, вероятно, как раз в противоположность авторским ожиданиям, не внесла новых нот в его поэзию только потому, что она лишь слегка округлена “Кругом”.

Постараемся уединить элемент поэзии в произведениях Есенина и показать, сколь он творчески активен.

Идейные запросы или какие-нибудь хоть неясные искания мирового захвата, по-видимому, всегда были чужды Есенину.

Но ведь это с неопровержимостью говорит о том, что в этом певце мы имеем талант, не обреченный своим внутренним горением на осуществление грандиозных замыслов, а всего-навсего вдохновляющийся тем безвкусоно блестящим венком пошлости, который его в данную минуту осеняет.

Здесь мы подошли к весьма любопытной, с нашей точки зрения, неодолимой потребности Есенина пользоваться во время своего вдохновения чужими образами и часто даже целыми композиционными узлами.

У нас нет особенного желания распространяться на эту неприятную тему, но, тем не менее, нельзя обойти молчанием наиболее очевидных заимствований автора.

Укажу лишь для примера на те, почти в точности списанные Есениным стихи Некрасова из “Кому на Руси жить хорошо”, в которых Лука, похожий на мельницу, “как ни машет крыльями, небось, не полетит”^{*} и отмечу необычайно однозвучное с Пушкинским стихотворением: “К няне” по своей внешней настроенности и психологической завязке “Письмо матери”.

Вообще пушкинианство является за последнее время своего рода идеефиксом нашего пииты.

Плоское и статичное балагурство Пушкина, явленное нам особенно рельефно в его шутках и пародиях, принято Есениным за подлинную глубину пушкинского творчества и чрезвычайно ловко и подражательно перенесено в свои собственные стихи.

Недаром с таким умилением не находит он для Пушкина лучшей похвалы, чем слово: “повеса”. Трудно даже перечислять всех тех поэтов, бестолково взбунтовавшимся герольдом которых время от времени оказывается наш экспансивный поэт.

Очнувшись от долженствующего невероятно нас подавлять сопоставления кошмарной действительности с только что виденным тяжелым сном, Есенин выдает тайный круг своих представлений, сравнивая (абсолютно неповинные в таком нелепом сходстве) часовые стрелки с приказчичьими усиками.

Не мещанство ли это в себе, упорно прибегающее к искусственному подогреванию, чтобы выйти, наконец, чёрт возьми, из себя.

* У Некрасова:

Лука похож на мельницу;
Одним не птица мельница,
Что, как ни машет крыльями,
Небось, не полетит.

У Есенина в стихотворении, посвященном Клюеву, не вошедшем в настоящий сборник:
Так мельница, крылом махая,

С земли не может улететь.

<Примеч. автора. — *Ред.*>

Досадно и смешно становится, когда подумаешь серьезно о литературном беге нашего поэта.

Есть где-то у Льва Толстого лирическое размышление по поводу тех ошибочных умонастроений, которые может вызвать у зрителя беспорядочный и резвый бег недавно родившегося теленка.

Наблюдатель думает, что раз теленок бежит так бойко и уверенно, значит, он что-то понимает и, приписывая его бегство злой воле, с раздражением начинает ловить его.

А бедный теленок еще ничего не понимает.

Не так ли и многие из современных читателей и критиков переоценивают сознательность творческих движений Есенина».

Позднее рецензент будет рассказывать (изложение П.А.Кузько):

«...к Есенину попал один из номеров журнала раньше даже выхода в свет. Он сейчас же побежал к <В.Ю.>Мордвинкину (стоявшему во главе Главлита) и показал возмущенно ему эту рецензию.

— Надо сократить и выбросить отсюда кое-что. Видишь, какая издевательская рецензия?

Мордвинкин сейчас же позвонил в ЦК Союза связи:

— В каком положении № такой-то “Пролетария связи”, когда он выходит?

Ему ответили, что из общего тиража в 25 тыс. уже отпечатано пять и уже разослано. Тогда Мордвинкин предложил временно прекратить печатание этого номера и сократить рецензию Шепеленко. И он продиктовал по телефону, что надо выбросить:

— Вырвите из каждого номера эту страничку и вклейте новую с сокращенной рецензией.

И таким образом 20 тыс. номеров журнала “Пролетарий связи” вышли с сокращенной моей рецензией, а остальные 5 тыс. содержали в себе полную рецензию».

Субботин-2011, 490.

Впрочем, два печатных варианта рецензии Д.И.Шепеленко не выявлены.

В 1950-е годы П.А.Кузько вспомнит о реакции самого Есенина на рецензию Шепеленко:

«В те <1920-е> годы я находился в довольно хороших отношениях с Д.И.Ш<епеленко>. И Есенин к нему относился довольно хорошо, часто помогал ему. И когда Д.Ш<епеленко> написал о нем довольно злую рецензию в журнале “Пролетарий связи” (1925 г.), то он очень разобиделся и жаловался мне на Ш<епеленко> за его “предательское поведение” по отношению к нему».

Субботин-2011, 488.

См. также: после 10 окт. ... нояб. (?) 1924; 1 янв. 1925, вторая запись; 21 янв. 1925, вторая запись; февр. 1925, первая запись; февр. (?) 1925, первая запись; 4 ... 25 марта 1925; 11 марта 1925, первая запись; до 15 марта 1925, первая запись; 19 марта 1925, четвертая запись; 25 марта 1925, первая запись; 26 апр. ... 5 мая 1925; не позднее июня 1925.

Март, до 6 или до 7. Есенин завершает работу над стихотворениями «В Хороссане есть такие двери...» и «Голубая родина Фирдуси...».

Эти стихи будут отправлены в Баку П.И.Чагину (см.: 6 или 7 марта 1925). Кроме того, именно они фигурируют в письме поэта к Г.А.Бениславской от 11–12 мая 1925 г. как «сланые» ей «дома», т. е. в Москве (Есенин, VI, 214, 703).

Черновой автограф первого стихотворения (РГАЛИ) свидетельствует о большой работе Есенина над ним. Многие строки имели несколько вариантов, а текст в целом отличается от окончательного.

К примеру, первая строфа чернового автографа в первом варианте выглядела не так, как в последующем, а именно:

В Хороссане есть такие двери,

Где обсыпан розами порог.

Там живет задумчивая пери.
Но ее увидеть я не мог.

Другие варианты см.: Есенин, I, 372–373.

Черновой автограф стихотворения «Голубая родина Фирдуси...» неизвестен. В беловом его автографе (РГАЛИ) правка неизвестна: например, вместо «Хороша ты, Персия, я знаю» вначале было: «Хороша ты, родина, я знаю».

См.: Есенин, I, 373.

Об исходной публикации стихотворений см.: 3 апр. 1925, вторая запись.

О последующих перепечатках см.: 10 ... 22 апр. 1925; после 26 мая 1925.

См. Приложение.

Март, 6. И.И.Ионов звонит Есенину по телефону. Предлагает поэту реализовать идею издания журнала в Ленинградском отделении Госиздата РСФСР. Есенин принимает решение издавать журнал в Москве.

Есенин, VI, 204.

В письме к Н.К.Вержбицкому (см. след. запись) поэт мотивирует свое решение. Намерение Есенина не осуществилось.

Есенин пишет Н.К.Вержбицкому в Тифлис:

«Вот я и в Москве <см.: 1 марта 1925, первая запись>. Как доехал — черт знает как. Купили билеты, Федя <возможно, Ф.Зорин> взял их в карман и остался. Вещи его я привез, сдал брату, а самого не вижу. Проехать в первый раз помогло имя.

Душа моя! Я буду здесь недолго. Переведу себе деньги в банк, чтоб не заниматься разыскиваниями, и приеду на Кавказ <см.: 27 марта 1925, вторая запись>.

О твоих делах вот что: всех поднял на ноги. Для библиотеки “Огонек” у Кольцова не подойдет по коммерческим соображениям, а в самом журнале пойдет. Как и что, выясню после. С “Прожектором” тоже говорил. Там устроит Казин.

Ну и вот... Всё как было. Перегорело, перебесилось, и всё осталось на своем месте, только прибавляется одним редактором больше в лице пишущего эти строки <см.: 6 — 13 (?) марта 1925 и 27 марта 1925, первая запись>.

Тебе от этого не хуже, а мне... Сделаю просто альманахом, ибо торчать здесь не намерен.

На днях покупаю сестрам квартиру <намерение не осуществилось>.

Дела мои великолепны, но чувствую, что надо бежать, чтоб еще сделать что-нибудь.

Старик! Ведь годы бегут, а по заповеди так: 20 дней пиши, а 10 дней кахетинскому. Здесь же пойдут на это все 30.

Сегодня Галя не пускает меня ни на улицу, ни к телефону.

Вчера была домашняя пирушка <см.: 5 марта 1925, третья запись>. Нарезались в доску. Больше всего, конечно, мы с Ионовым. Он куда-то убежал, а меня поймали. Я очень беспокоился, но сегодня он позвонил

<см. предыд. запись> и сказал, что едет в Ленинград. Дня через три вернется. Он предлагает мне журнал издавать у него, но я решил здесь, всё равно возиться буду не я, а Наседкин. Мне, старик, жалко время. Я ему верю и могу подписывать свое имя, не присутствуя <намерение не осуществилось; см.: 27 марта 1925, первая запись>.

<...> Наседкин ред<актор> журн<ала> “Город и деревня”. Присылай, что имеешь, на Галю. Он что-то прихлыстывает за Катькой и не прочь сделаться зятем, но сестру трудно уломать <см.: 19 дек. 1925>.

Галя милая по-прежнему большой друг и большая заботница.

Книги моей <“Страны советской”> здесь нет. Скажи Вирапу, что он с распространением хреновину загибает. Потом пусть пришлет 150 руб., о которых мы с ним говорили. Это принцип.

Ну как “Заря <Востока>”? Передай Мише <М.О.Лифшицу> большой привет и любовь. Очень он и очень хороший, умный и при уме добрый. Вардин должен уехать в Баку на место Чагина, но заболел дипломатической болезнью. Был у меня, и очень грустный <см.: 2–5 марта 1925, вторая запись>.

Пильняк спокойный уезжает в Париж. Я думаю на 2 месяца съездить тоже, но не знаю, пустят или не пустят. <...>

Ну, вот и всё. Напишу обстоятельно с результатами после.

Обними Зосю и поцелуй ей руку. У меня самые светлые воспоминания о ней.

Жоржику <Г.Назарову> скажи, что я ем хлеб “чорний, чорний”, такой, какого в Тифлисе нет <см.: 19 янв. 1925, вторая запись; 21 марта 1925>. Вчера приехала моя мать <см.: 5 марта 1925, первая запись>.

Целую тебя, старик, а Жоржику скажи, пусть он мне напишет. Я сказал сестре и Гале, чтоб они телеграфом выслали ему 5 руб. Потом я куплю и вышлю ему тот пистолет, о котором он мечтает».

Есенин, VI, 203–206, 676–687.

Письмо уйдет адресату только 13 марта 1925 (см.).

«И.И.Ионов, одновременно осуществлявший тогда руководство Госиздатом РСФСР и его ленинградским отделением, который крайне тяжело переживал кризисное, как ему казалось, положение дел в руководимом им учреждении. 14 марта он обратился с письмом к наркому А.В.Луначарскому, где назвал московский Госиздат “подкидышем нашего государства”. “Пребывание в Москве настолько меня изломало, что я решил от издательской работы совсем уйти. С этой целью я написал заявление в Ленинградский Губком <РКП(б)>, который категорически отверг мою отставку и обязал восстановить Ленгиз, — продолжал Ионов. — Вы больше других понимаете значение подлинного книгоиздательского дела, так придите на помощь Ленгизу. Во имя нашей, новой книги дайте нам возможность работать” (ГАРФ, ф. А 2306, оп. 1, ед. хр. 3420, л. 95–95 об.). Просьба Ионова была удовлетворена: с 20 по 26 марта в Госиздате прошел ряд совещаний о разграничении полномочий Госиздата РСФСР и его ленинградского отделения (там же, л. 119–124), и Ионов получил возможность продолжить свою издательскую деятельность на условиях, ему необходимых».

С.И.Субботин — Есенин, VI, 678–679 (здесь с уточнениями).

Об ответных письмах Н.К.Вержбицкого и Г.Назарова см.: 21 марта 1925 и после 21 марта 1925.

М.А.Осоргин из Ниццы пишет М.Горькому в Сорренто:

«Что же нам делать, Алексей Максимович? <...> Вот мы говорим им <эмигрантам>, что слово честное в России не умерло, и вот где и в чем оно себя проявляет. Слово

ч е с т н о е , т. е. независимое, без которого мы литературу русскую мыслить не можем. Должны ли мы молчать об этом из опасения, что там <в советской России> учтут наши слова и обратят их против этого “слова честного”? Но ведь тогда, значит, действительно, нельзя никого похвалить и принять в советской России, значит мы действительно прокаженные, одно прикосновение которых губит! Мне как-то пришлось писать об одном сборничке имажинистов <см.: 27 марта 1924>; я писал, что эти мальчишки-хулиганчики потихоньку учились и кое-чему выучились, и что за весь период 18–21 гг. лишь они и сохранили бодрость и независимость, и еще с большой любовью процитировал Есенина (из “Москвы кабацкой”), которого очень люблю. На это мне имажинисты дали знать из Москвы следующей: “Пусть Мих. Анд. не обижается, если мы в ближайшем сборнике резко от него отмежуемся и будем его бранить: нам иначе невозможно”. <...> Я это понимаю...».

Сб. «С двух берегов: Русская литература XX века в России и за рубежом». М.: ИМЛИ РАН, 2002, с. 447 (публ. И.А.Бочаровой).

Март, 6 или 7. Есенин пишет П.И. Чагину:

«Дологой <так!> Петр Иванович! Я на тебя в обиде, что не застал тебя здесь в Москве. Ведь я же давал тебе телеграмму “поедем вместе” <она неизвестна>. Как живешь, друг? Я очень рад, что возвратился козырем в Москву. Мне дьявольски было трудно в моем летнем пальто при неожиданной батумской погоде.

Когда я приехал в Москву, ты в этот день уезжал. Черт возьми, ведь я бы на вокзал приехал. Приехал я в воскр<есенье>, а ты уехал в понедельник<ик; см.: 1 марта 1925, первая запись; 2 марта 1925, вторая запись>. Сочти с книгой. Если ничего не причитается — не надо, но вышли деньги мне за поэму, которую тебе посылаю — “Анна Снегина”, и за два ст<ихотворения> “Персидские мотивы” <см.: до 6 или до 7 марта 1925>. Рассчитывай, как знаешь. Тебе видней по твоим финансам, и помни, что я тебе друг и много верю в оценку.

“Анна Снегина” через два месяца выйдет в 3 № “Кр<асной> нови” <опубликована в четвертом номере журнала; см.: 21 ... 30 мая 1925>. Печатай скорей. Вещь для меня оч<ень> выигрышная, и через два-три месяца ты увидишь ее на рынке отдельной книгой <не выходила>.

Привет жене и всем друзьям твоим, которые, окружая тебя, так ласково встрели меня в Баку».

Информирует об отстранении И. Вардина от работы в журнале «Красная новь» (см.: до 7 февр. 1925). Просит передать М.Х. Данилову, что рукопись сборника его стихов «Стезя», возможно, будет направлена в Госиздат РСФСР.

«Поцелуй Гелии Николавне <шестилетней дочери адресата Розе>. Твой Сергей».

Есенин, VI, 202–203 (выше дается с поправками и с другой нижней границей датировки).

Факсимильное воспроизведение письма и комментарий к нему см.: Есенинские раритеты: Каталог из фондового собрания / Гос. музей-заповедник С.А. Есенина. М.; [Рязань], 2011. С. 30–31.

Датировка уточняется сопоставлением содержания письма с тем, о чем Есенин пишет Н.К. Вержицкому 6 марта 1925 г. См. также: 5 марта 1925, третья запись.

См. Приложение.

О публикации посланных Есениным в Баку произведений см.: 3 апр. 1925, вторая запись; 1 мая 1925, пятая запись; 3 мая 1925.

Об этапах создания поэмы «Анна Снегина» см.: до 14 дек. 1924, вторая запись; 14 дек. 1924, первая запись; 1–26 янв. 1925, первая запись; до 20 янв. 1925, первая запись; 26 янв. 1925, первая запись; конец янв. 1925; до 9 февр. 1925, третья запись; между 12 (13) и 17 или 18 февр. 1925; 2–5 марта 1925, первая запись; 14 марта 1925, первая запись.

Март, 6–13 (?). Замысел Есенина издавать журнал трансформируется в проект издания альманаха под названием «Поляне».

Сведения о событии содержатся в воспоминаниях В.Ф.Наседкина (см. ниже), его рамки устанавливаются с учетом первой записи от 6 марта 1925; см. также: 13 (?) марта 1925.

В 1926 г. В.Ф.Наседкин напишет:

«В первой половине марта <1925 г.> Есенин заговорил об издании своего альманаха. Вместе составляли “план”. Часами придумывали название и наконец придумали:

- Новая пашня?
- Суриковщина.
- Загорье?
- Почему не Заречье?
- Стремнины?
- Не годится.
- Поляне.
- По-ля-не... Это, кажется, хорошо. Только... вспоминаются древляне, кривичи...

Остановились на “Полянах”. На другой день о плане сообщили Вс. Иванову. Поговорили еще. Редакция: С.Есенин, Вс. Иванов, Ив. Касаткин и я — с дополнительными обязанностями секретаря.

Альманах выходит 2–3 раза в год с отделами прозы, стихов и критики. Сотрудники — избранные коммунисты-одиночки и попутчики.

Прозаиков собирали долго. По замыслу Есенина, альманах должен стать вехами современной литературы, с некоторой ориентацией на деревню. Поэтов наметили скорей: П.Орешин, П.Радимов, В.Казин, В.Александровский и крестьянское крыло “Перевала”.
Материалы, 216–217.

Март, 7. Свердловский журнал «Товарищ Терентий» (№ 4/5; 22 февр.–7 марта; рубрика «На фронте литературы и искусства») публикует материалы, в которых упоминается Есенин:

— статью Е.Ф.Бобинской (Бабинской) «Младшая пролетарская поэзия».

Автор отмечает «нездоровые направления молодой поэзии», в частности М.Г.Олодного, вызванные, по мнению критика, неправильным пониманием НЭПа, как новой формы революции, а также «не в малой степени» влиянием «отравляющей лирики Есенина».

Из статьи:

«Есенин, крестьянский поэт, влюбленный в старую, сонную, в церковном звоне разомлевшую деревню, не хотел и не умел увидеть новой деревни — советской, с истинно мужицким упрямством, добывающейся электрических станций и тракторов. Есенин, не сросшийся с городским пролетариатом, «с его радостями, в дымном кабаке “потерял свою золотую голову”. Безнадежная меланхолия и дерзкая искренность звучит в последних его произведениях, особенно в “Москве кабацкой”, где поэт опускается на самое дно сомнения и отчаяния, одновременно достигая высочайших вершин лирики.

Событие отмечается по письму Есенина к отцу (см.: 20 авг. 1925, первая запись) с учетом сведений из письма последнего к дочерям (см.: 16 мая 1925), а его предположительные границы — по свидетельству В.Ф.Наседкина, что Т.Ф.Есенина приезжала тогда в Москву на два-три дня (см.: 5 марта 1925, первая запись), с учетом даты мартовского отъезда поэта в Баку.

Есенин не раз будет вспоминать этот эпизод, побуждающий его к резким действиям и высказываниям по отношению к матери (см.: конец июня — 7 (?) июля 1925, третья запись; 20 авг. 1925, первая запись). Впрочем, такое бывало и раньше (см.: около 20 (?) июля 1912; 5 дек. 1916, первая запись). См., однако: после 24 сент. — 2 нояб. 1925, шестая запись.

Март, 8. Газета «Известия ЦИК СССР и ВЦИК Советов» (№ 56) помещает объявление о намеченном на 12 марта в 8 часов вечера в Московской консерватории вечере поэзии «От Пушкина до имажинистов» Эльги Каминской при участии артиста театра «Габима» И.Е.Голянда.

Известно, что Э.Каминская публично читала стихи Есенина; скорее всего, они входили в программу этого вечера. Фонографическую запись чтения ею стихотворения «Береза», сделанную С.И.Бернштейном в декабре 1924 г., см.: ГЛМ. Коллекция «Фонографические валики с записью выступлений поэтов, писателей, актеров и др.».

Отчет о вечере не выявлен.

Нью-йоркская газета «Русский голос» (№ 3400; воскресное приложение) публикует статью З.И.Гисенькина «Повесть о книге советской» о деятельности Госиздата с упоминанием Есенина.

Автор дает положительную оценку работе издательства и, в частности, пишет:

«Много, очень много сделано в области художественной литературы, истории литературы и критики. И результаты были достигнуты блестящие.

Особенно широко представлена современная литература. Она разнообразна, разноформатна и разнохарактерна.

Все крупнейшие направления представлены в полной своей художественной красоте. Здесь и крестьянские писатели Артамонов, Клюев, Есенин, Клычков, Орешин, Дрожжин, Подъячев и многие другие. Здесь так называемые пролетарские поэты — Демьян Бедный, Казин, Герасимов, Безыменский, Попов, Филипченко и др.».

Берлинская газета «Дни» (№ 710; подпись: «Адресат») печатает материал «Российские литературные новости (по частным письмам)» с упоминанием Есенина:

«Отмечается неурожаем на хорошие стихи, — и это при бесчисленном количестве поэтов. Ну, пусть бы их не было в печати, а то, ведь, и на литературных собраниях их не слышно. Ахматова почти не пишет, Есенин где-то странствует. Не совсем плох кое-кто из петербургского “Цеха поэтов” (Адамович, Рождественский), но все они — эклектика. Тихонов мирно и блаженно почил, прогнав свою “Орду” и допяна упившись “Брагой”».

О перепечатке см.: 5 апр. 1925, шестая запись.

Март, 10. На квартире Г.А.Бениславской происходит вечеринка, где Есенин впервые встречается с С.А.Толстой.

Событие и его дата устанавливаются по календарной записи С.А.Толстой от того же числа:

«К Есен<ину>».

Она сопровождается ее позднейшим пояснением, сделанным на обороте предыдущего календарного листка:

«Первая встреча с Есен<иным>».

НН, 1995, № 34, с. 60 (где имеющиеся в оригинале сокращения слов раскрыты, но не обозначены).

При дальнейшем цитировании записей С.А.Толстой в принадлежавшем ей «Малом передвижном календаре на 1925 год» (ГМТ), опубликованных в НН (1995, № 34) Т.Г.Никифоровой, аналогичное раскрытие словосокращений в них (но с обязательным обозначением мест этих сокращений) проводится по всему тексту наст. тома без оговорок.

И число «10», и всё поле листка календаря 10 марта вплоть до записи С.А.Толстой на нем (в отличие от остальных календарных листков) снабжено выполненным ею собственноручно «геометрическим» орнаментом (кругами, полукругиями или их частями и т. п.). Надо полагать, что таким образом С.А.Толстая выделила этот день как знаменательный день своей жизни.

Другие участники застолья перечислены ею (с некоторыми неточностями в фамилиях) на обороте предыдущего листка календаря. Кроме нее самой, Есенина и его сестры Екатерины, там присутствовали: Г.А.Бениславская, М.М.Шкапская, Б.А.Пильняк, Вс.В.Иванов, Д.К.Богомильский, В.П.Ключарев, И.И.Ионов, некто Лордкипидзе (личность не установлена) и В.Ф.Наседкин.

Субботин С.И. Женщины *par excellence*. — НН, 2002, № 63/64, с. 130, примеч. 18.

См. также: Шубникова-Гусева-2008, 320–321.

См. Приложение.

В.Ф.Наседкин белло вспомнит об этом событии (1927):

«Круг знакомых, в котором Есенин вращался, в то время был небольшой, преимущественно писательский. На вечеринке, устроенной в день рождения Гали <точнее, в день ее именин, приходящийся по святцам на 10 марта ст. ст.>, он познакомился с Софьей Андреевной Сухотиной (урожденной Толстой), пришедшей с Б.Пильняком и М.Шкапской.

Часам к 12 вечера Есенин был пьян, но держался хорошо. Наибольшее внимание за этот вечер он уделял своей новой знакомой».

Материалы, 213–214.

Несколько по-другому и с неточностями опишет этот эпизод Е.А.Есенина (в 1940-е годы):

«Я познакомилась с ленинградской поэтессой Марией Шкапской. Несколько дней спустя Шкапская позвонила мне по телефону и изъявила свое желание видеть меня, т. е. зайти к нам с очень хорошей своей приятельницей Софьей Андреевной Толстой. У нас был тихий приятный вечер. Сергей, Галя <Бениславская> и я, и никого чужих <так!>.

Желание Шкапской меня очень смутило, и когда я вошла в комнату спросить: “Можно ли к нам зайти Шкапской?” — Сергей и Галя поняли мое положение и, улыбнувшись, согласились принять. Шкапская пришла с молодой женщиной. Женщина была высокого роста, некрасивая, но приятная. Это и была Софья Андреевна Толстая. Внучка Льва Николаевича Толстого.

Вечер закончился так же хорошо, как и начался. Сергей пошел провожать наших гостей, и мы с Галей решили, что Толстая очень приятная женщина. Вернувшись, Сергей согласился с нами и, улыбнувшись, добавил: “Надо поволочиться. Пильняк за ней ухаживает, а я отобью”».

В семье родной. 247.

Сама же С.А.Толстая-Есенина в 1950-е годы, по словам Ю.Л.Прокушева, сообщит ему о первой встрече с поэтом следующее:

«На квартире у Гали Бениславской, в Брюсовском переулке, где одно время жили Есенин и его сестра Катя, как-то собрались писатели, друзья и товарищи Сергея и Гали. Был приглашен и Борис Пильняк, вместе с ним пришла я. Нас познакомили. Пильняку куда-то надо было попасть еще в тот вечер, и он ушел раньше. Я же осталась. Засиделись мы допоздна. Чувствовала я себя весь вечер как-то особенно радостно и легко. Мы разговорились с Галей Бениславской, с сестрой Сергея Катей. Наконец я стала собираться. Было очень поздно. Решили, что Есенин пойдет меня провожать. Мы вышли с ним вместе на улицу и долго бродили по ночной Москве...

Эта встреча и решила мою судьбу».

Прокушев Ю. Судьба поэта. М.: Правда, 1976, с. 31.

В застолье Есенин читает свои стихи, в т. ч. «Шаганэ ты моя, Шаганэ!..»

Событие устанавливается на основе ретроспективной альбомной записи М.М.Шкапской о своих московских встречах (см. об этом: 19 марта 1925, пятая запись):

«И вино, и стихи всюду, где Есенин — “Шаганэ ты моя, Шаганэ”. И сестра есенинская — белокурый зверёныш».

Субботин С.И. Женщины par excellence. — НН, 2002, № 63/64, с. 130.

Судя по контексту, в который поставлено здесь имя поэта, М.М.Шкапская почти наверняка подразумевает встречу с ним 10 марта (см. предыд. запись).

Вскоре (10 апреля 1925) она напишет П.Н.Зайцеву, суммируя свои впечатления от мартовской поездки в столицу не без отзвука воспоминания о Есенине:

«...невероятная напряженность, — я не знаю, откуда она — в Москве, сдобном и рыхлом славянском городе, — почти испанские страсти и невероятное внутреннее горение, — и это во всех областях, — один пьянствует, другой молится, третий открывает химические газы, четвертый развратничает, пятый пишет — но каждый делает это с предельным напряжением».

Цит. по: Субботин С.И. Женщины par excellence. — НН, 2002, № 63/64, с. 129.

Март, 11. Есенин надписывает писателю и библиофилу В.Г.Лидину свою книгу «Стихи (1920–24)»:

«В.Лидину с писательской дружбой. С. Есенин. 11/III-25».

Есенин, VII (1), 257.

См.: после 10 окт. ... нояб. (?) 1924; 1 янв. 1925, вторая запись; 21 янв. 1925, вторая запись; февр. 1925, первая запись; февр. (?) 1925, первая запись; 4 ... 25 марта 1925; 5 марта 1925, пятая запись; до 15 марта 1925, первая запись; 19 марта 1925, четвертая запись; 25 марта 1925, первая запись; 26 апр. ... 5 мая 1925; не позднее июня 1925.

Андрей Белый заходит к Б.Пильняку (по адресу: Поварская ул., 26, кв. 8), где встречается с Есениным.

Рассказ об этом содержится в письме А.Белого к Иванову-Разумнику, написанному в тот же день:

«...сегодня <...> зашел к Пильняку <...> Пильняку звонят: “Кто?” — “Есенин”. — “Приходи, у меня Б<орис> Н<иколаевич>”. Думаю: “Вот некстати, надо же бежать...” Пильняк — мне: “Оставайся: Есенин едет к Тебе”. Явился Есенин — с 4-мя бутылками под мышкой, заставил пить вино (не люблю вина: пил насильно); всё думаю, как бы удрать <...>; вдруг Пильняки на два часа уезжают по делу и насильно меня оставляют с Есениным; уйти невозможно; думаю: “*Вот так попался...*” С Есениным происходит разговор; он рассказывает мне о своих берлинских встречах с Асей <А.А.Тургеневой, бывшей женой Белого>, о которых я даже не знал...».

Переписка, 325–326 (курсив автора).

Б.Пильняк жил тогда на квартире своей второй жены О.С.Щербиновской (сообщено К.Б.Андроникашвили-Пильняк).

Возможно, именно об этой встрече Белого с Есениным вспомнит П.Н.Зайцев:

«...случалось и так, что придет С.Есенин “под мухой” и начнет язвить Бориса Николаевича: то напомнит Асю и ее берлинский роман со своим другом, поэтом Кусиковым, то еще что-нибудь, особенно болезненное для Белого. Он словно напрашивался на ссору. <...> Борис Николаевич отмалчивался. Но знаю, что однажды его нервы не выдержали, и после шуточек Есенина он горько разрыдался».

Зайцев П.Н. Воспоминание об Андрее Белом. — Журн. «Литературное обозрение», 1995, № 4/5, с. 88.

Март, 11 и 14. Саратовская газета «Известия» (№ 58 и 60) в неподписанной информации о планах издания серии литературно-художественных книг упоминает Есенина:

«Издательство “Саратовских известий” приступает к изданию научно-популярной и литературно-художественной библиотеки “Саратовских известий”:

Библиотека будет подразделена на две серии.

Первая серия (для городских подписчиков) — четыре книжки, размером от одного до двух печатных листов (32–64 стр.), по вопросам политики, экономики, науки, техники и художественной литературы.

Вторая серия (для сельских работников, учителей, врачей и агрономов) — четыре книжки размером от одного до двух печатных листов (32–64 стр.), по вопросам сельского хозяйства, политики, экономики, техники и мелиорации.

К участию в библиотеке пока приглашены следующие силы Саратова, Москвы и Ленинграда:

проф. Богаевский, проф. Богомолец, Д. Бедный (Москва), Безыменский (Москва) <...> Есенин (Москва), Еф. Зозуля (Москва), Вс. Иванов (Москва), Ив. Касаткин (Москва) <...>.

Обещанный «полный список» в 1925 г. не был опубликован, сведения о выходе этого издания не выявлены.

Март, 12 ... 14 или 15 (?). Есенин приходит на квартиру артиста Московского художественного театра В.И. Качалова (проезд Художественного театра, 3, кв. 9; ныне дом снесен).

Вместе с Б.А. Пильняком и актером В.П. Ключаревым проводит у В.И. Качалова вечер и часть ночи. В общей беседе вспоминает о своих первых шагах в литературе, о встрече с А.А. Блоком. Читает свои стихи, в том числе: «Шаганэ ты моя, Шаганэ!..», «Не жалею, не зову, не плачу...».

Событие устанавливается по воспоминаниям В.И. Качалова (см. ниже). Его рамки определяются с учетом предыдущих записей марта 1925 г., сроков пребывания Есенина в этом месяце в Константиново, событий в ночь с 18 на 19 марта (см.) и упоминания фамилии Качалова в письме к Т.Ю. Табидзе (см.: 20 марта 1925, первая запись).

В.И. Качалов вспомнит в 1927 г.:

«Приведем к вам сегодня Есенина», — объявили мне как-то Пильняк и Ключарев. Это было, по-моему, в марте 1925 года. “Он давно вас знает по театру и хочет познакомиться”. <...> Часам к двенадцати ночи я отыграл спектакль, прихожу домой. Небольшая компания моих друзей и Есенин уже сидят у меня. Поднимаюсь по лестнице и слышу радостный лай Джима, той самой собаки, которой потом Есенин посвятил стихи. Тогда Джиму было всего четыре месяца. <...>

Меня поразила его молодость. Когда он молча и, мне показалось, застенчиво подал мне руку, он показался мне мальчиком, ну, юношей лет двадцати. <...> Когда он заговорил, сразу показался старше, в звуке голоса послышалась неожиданная мужественность. <...>

Сидели долго. Пили. О чем-то спорили, галдели, шумели. Есенин пил немного, меньше других, совсем не был пьян, но и не скучал, по-видимому, был весь тут, с нами, о чем-то спорил, на что-то жаловался. Вспоминал о первых своих шагах поэта, знакомстве с Блоком. <...> Тут же прочел “Шаганэ”. Замечательно читал он стихи. И в этот первый вечер нашего знакомства, и потом, каждый раз, когда я слышал его чтение, я всегда испытывал радость... <...> Прекрасное лицо: спокойное (без гримас, без напряжения, без аффектации актеров, без мертвой монотонности поэтов), спокойное лицо, но в то же время живое, отражающее все чувства, какие льются из стихов. <...>

Компания разошлась. Я сидел и разбирался в своих впечатлениях. Всё в нем, Есенине, ярко и сбивчиво, неожиданно-контрастно. Тут же на глазах твоих он меняет лики, но ни на секунду не становится безличным. Белоголовый юноша, тонкий, стройный, изящно, ладно скроен и как будто не крепко сшит, с васильковыми глазами, не страшными, не мистическими, не нестеровскими, а такими живыми, такими просто синими, как у тысячи рязанских новобранцев на призыве — рязанских, и московских, и тульских, — что-то очень широко русское. Парижский костюм, чистый, мягкий воротничок, сверху на шею накинута еще шелковое сиреневое кашне, как будто забыл или не захотел снять в передней. Напудрен. Даже слишком — на бровях и ресницах слой пудры. Мотнул головой, здороваясь, взметнулись светло-желтые кудри рязанского парня, и дешевыми духами парикмахерского вежеталя повеяло от них. Рука хорошая, крепкая, широкая, красная, не выхоленная, мужицкая. Голос с приятной сипотцой, как будто не от болезни, не от алкоголя, а скорее от темных сырых ночей, от соломы, от костров в ночи. Заговорил этим силным баском — сразу растаяла, распылилась, как пудра на лице, испарилась, как парикмахерский вежеталь, вся “европейская культура”, и уже не лезут в глаза ни костюм, ни кашне на шею, ни галстук парижский. А выпил стакан красного, легкого вина залпом, но выпил, как водку, с привычной гримасой (как будто очень противно) и — ох, Рязань косопузая пьет в кабаке. Выпил, крякнул, взметнул шапкой волос и, откашлявшись, начал читать:

Не жалею, не зову, не плачу,
Всё пройдет, как с белых яблонь дым.

И кончил тихо, почти шёпотом, почти молитвенно:

Будь же ты вовек благословенно,
Что пришло процвеств и умереть.

Ох, подумал я, с какими иными “культурами” общается этот напудренный, навежеталенный, полупьяный Есенин, в какие иные миры свободно вторгается эта наша “косопузая Рязань”».

Восп., 2, 251–254.

См. также: след. запись; после 12 ... после 14 или 15 (?) марта 1925; 13 ... 16 или 20 ... 25 (?) марта 1925; 7 апр. 1925, вторая запись; 13 апр. 1925, вторая запись; 15 мая 1925, первая запись; 18 ... 23 (?) мая 1925, первая запись; 20 мая 1925, первая запись; 7 ... 15 июня 1925; 4–9 или 17–24 июля 1925; 7 сент. ... 18 окт. 1925; 25 нояб. 1925, третья запись.

Уходя от В.И.Качалова, Есенин берет с собой книгу (какую именно, неизвестно) из личной библиотеки актера.

Событие отмечается предположительно на основе двух документов из архива Г.А.Бениславской, из которых явствует, что Есенин не успел вернуть эту книгу владельцу. Это — ее памятная записка от 7 марта 1926 г. и ее же завещательное распоряжение (3 октября 1926 г.) о том, чтобы книга, принадлежащая Качалову, была ему «доставлена».

Шубникова-Гусева-2008, 380, 382–383.

Март, после 12 ... после 14 или 15 (?). Есенин пишет стихотворение «Собаке Качалова».

Рамки события устанавливаются с учетом времени первой встречи Качалова с Есениным (см. пред. запись).

В черновом автографе (Есенин, I, 358) — первый вариант названия «Джим»; вместо «Хозяин твой и мил и знаменит» (Есенин, I, 213) было: «Хозяин твой и ласков и хорош»; вместо «С такую милую доверчивой приятней» — «С тобой приятно даже целоваться»; прежде чем написать: «Но та, что всех безмолвней и грустней, Сюда случайно вдруг не заходила?», Есенин пробует несколько вариантов:

Та, которая всех мягче и грустней (I)
 Но скажи мне — та, что всех грустней,
 Никогда сюда не заходила? (II)
 Но та, что всех безмолвней и грустней,
 Сюда ни с кем (III)
 <окончательный текст> (IV).

Есенин, I, 358.

По мнению исследователя, эти строки «могут относиться только к Бениславской, потому что именно она была немногословной и грустной в те годы. И они не могут относиться ни к Надежде Вольпин, ни к Зинаиде Райх, которые таковыми не были, ни тем более к последней знакомой Есенина С.А.Толстой» (Шубникова-Гусева-2008, 258).

В.И.Качалов вспомнит в 1927 г.:

«Я вошел и увидел Есенина и Джима — они уже познакомились и сидели на диване, вплотную прижавшись друг к другу. Есенин одною рукой обнял Джима за шею, а в другой держал его лапу и хриплым баском приговаривал: “Что это за лапа, я средду не видал такой”. Джим радостно взвизгивал, стремительно высовывал голову изпод мышки Есенина и лизал его лицо. Есенин встал и с трудом старался освободиться от Джима, но тот продолжал на него скакать и еще несколько раз лизнул его в нос. “Да постой же, может быть, я не хочу больше с тобой целоваться. Что же ты, как пьяный, всё время лезешь целоваться!” — бормотал Есенин с широко расплывшейся детски лукавой улыбкой. Сразу запомнилась мне эта его детски лукавая, как будто даже с хитрецей улыбка. <...> Джиму уже хотелось спать, он громко и нервно зевал, но, очевидно, из любопытства присутствовал, и, когда Есенин читал стихи, Джим внимательно смотрел ему в рот. Перед уходом Есенин снова долго жал ему лапу: “Ах ты, черт, трудно с тобой расстаться. Я ему сегодня же напишу стихи. Приду домой и напишу”».

Восп., 2, 251–253.

См.: 6 апр. 1925; 7 апр. 1925, вторая запись.

Март, 13. В Тифлис уходит письмо Есенина Н.К.Вержбицкому, написанное неделей раньше.

Есенин, VI, 676.

См. также: 6 марта 1925, вторая запись.

Март, 13 (?). Есенин, Вс. Иванов и В.Ф.Наседкин приходят в Государственное издательство РСФСР (ул. Рождественка, 5) с предложением о выпуске альманаха «Поляне».

Событие и его приблизительная дата устанавливаются по воспоминаниям В.Ф.Наседкина:

«Пошли в Госиздат к тов Накорякову <заведующему отделом художественной литературы издательства, члену его правления>. “Основной докладчик” — Есенин. Я знал, что Есенин говорить не умеет, поэтому дорогой и даже в дверях Госиздата напоминал ему главные пункты “доклада”.

Но... ничего не помогло. “Докладчик” заволновался, и вместо доклада вышла путаница. Тов. Накоряков деликатно, как будто понимая всё сказанное, задал Есенину несколько вопросов.

Есенин оправился и заговорил ровнее, “по существу”. Основной пункт о задачах альманаха и о гонораре (предполагался выше красноновского) объяснил толковей.

Но с альманахом ничего не вышло. Есенин через две недели <см.: 27 марта 1925> опять уехал на Кавказ...».

Материалы, 217.

Март, 13 ... 16 или 20 ... 25 (?). Есенин приходит на квартиру В.И.Качалова, чтобы вручить псу Джиму обращенное к нему стихотворение.

Рамки события устанавливаются с учетом записей, относящихся к этому сюжету.

Эпизод известен со слов В.И.Качалова:

«Прихожу как-то домой — вскоре после моего первого знакомства с Есениным. Мои домашние рассказывают, что без меня заходили трое: Есенин, Пильняк и еще кто-то, Тихонов, кажется. У Есенина на голове был цилиндр, и он объяснил, что надел цилиндр для парада, что он пришел к Джиму с визитом и со специально ему написанными стихами, но так как акт вручения стихов Джиму требует присутствия хозяина, то он придет в другой раз. И все трое молча ушли».

Восп., 2, 254.

См. также: после 12 ... после 14 или 15 (?) марта 1925; 7 апр. 1925, вторая запись; 13 апр. 1925, вторая запись; 15 мая 1925, первая запись; 18 ... 23 (?) мая 1925, первая запись; 20 мая 1925, первая запись; 7 ... 15 июня 1925; 4–9 или 17–24 июля 1925; 7 сент. ... 18 окт. 1925; 25 нояб. 1925, третья запись.

Март, 14. В Союзе писателей (Тверской бульвар, 25) на собрании литературной группы «Перевал» проходит первое публичное чтение Есениным поэмы «Анна Снегина».

Поэт читает также стихотворения цикла «Персидские мотивы».

День и место события устанавливаются по объявлению: «...Лит. группа “Перевал”. Собрание членов в 7 ч. веч., в Доме писателей» (газ. «Известия ЦИК СССР и ВЦИК Советов», 1925, 14 марта, № 60, с. 5, рубрика «Сегодня», раздел «Разное»). См. также: газ. «Правда», 1925, 14 марта, № 60, с. 3.

Содержание события описано в воспоминаниях В.Ф.Наседкина:

«Поэма готова. Я предложил ему прочитать ее в “Перевале”. Есенин согласился. <...>

Поместительная комната Союза писателей на третьем этаже была набита битком. Кроме перевальцев, “на Есенина” зашло много мапповцев, “кузнецов” и др.

Но случилось так, что прекрасная лирическая поэма не имела большого успеха. Спросенные Есениным рядом с ним сидящие за столом о зачитанной вещи отозвались с холодком. Кто-то предложил “обсудить”. Есенин от обсуждения наотрез отказался:

— Вам меня учить нечему. Вы сами все учитесь у меня.

Потом читал “Персидские мотивы”. Эти стихи произвели огромное впечатление. Талантливейший лирик и чтец снова владел своей аудиторией. Всё же с собрания Есенин ушел немного расстроенный, маскируя свое недовольство обычным бесшабашным видом. Перед уходом спросил тов. Воронского, нравится ли ему поэма.

— Да, поэма мне нравится, — ответил Воронский...».

Материалы, 212–213.

Дочь А.К.Воронского — Галина Александровна — вспомнит (1951–1953 годы):

«Дважды в нашем доме Есенин читал поэму “Анна Снегина” <даты этих событий не установлены>, посвященную моему отцу. <...> Отец считал, что поэмы Есенина ниже его стихов. Отец очень любил Есенина и часто повторял: “Есенин — божьей милостью поэт”, — но в то же время считал, что ему недостает общей и поэтической культуры. <...> Отец высоко ценил Есенина за большую искренность, обнаженность чувств, за то, что “Есенин пел свободным дыханием”».

Воронская, 15.

Несколько иначе, чем В.Ф.Наседкин, опишет авторское чтение «Анны Снегиной» в «Перевале» писатель Р.М.Акульшин, взявший в эмиграции псевдоним — Родион Березов. По его словам (1949), семнадцатилетний перевалец, поэт Джек Алтаузен утверждал:

«... новая поэма Есенина — шаг назад, что язык поэмы беден, рифмы не блестящи, идея не ясна. Все почувствовали неловкость. Есенин зарделся от возмущения.

— Меня бы удивило, если б всё это было сказано знатоком русского языка или талантливый человек. Но кто меня критикует? Молокосос Джек, не знающий русского языка, не обладающий хотя маленькой искоркой таланта!

Поэма получила высокую оценку всех, кто выступал после Алтаузена, но Есенин не мог успокоиться до конца вечера».

РЗЕ, 1, 250.

Г.А.Шенгели, слушавший декламацию «Анны Снегиной», по словам М.Д.Ройзмана, был удивлен, что «эта вещь большого мастерства не дошла до слушателей» (Восп., 1, 405).

Присутствовавший на вечере литератор И.С.Рахилло вспоминает:

«За столом я увидел Есенина и Воронского. Справа, у стены, сидели, не раздеваясь, Зинаида Райх и Мейерхольд. <...> Есенин выступал в шубе с меховым воротником. <...> Не поднимая глаз, с опущенной головой, голосом, проникновенно тихим и немного хриповатым, он начал читать... <...> Есенин читал поэму негромким голосом, как бы гордясь этой достигнутой им эпической формой стихосложения, не нуждающейся ни в каком внешнем украшателстве. <...> Никогда потом не приходилось слышать такого чтения, проникновенного и выразительного, полного необыкновенной простоты и непередаваемой задушевной напевности... <...> Молча выслушал Есенин критику Воронского...».

Рахилло И. Московские встречи. М.: Моск. рабочий, 1961, с. 59–63.

А.Л.Миклашевская вспоминает, что у «друзей» Есенина «прекрасная поэма» вызывала «иронические замечания: “Еще нянюшку туда — и совсем Пушкин!”».

Восп., 2, 84, с исправлением опечатки по машинописи из архива А.Л.Спировой.

С.А.Толстая-Есенина подчеркнет, что поэма «имела большой успех у рядового читателя, но литературной средой и критикой <...> была встречена равнодушно и даже отрицательно. На Есенина это произвело тяжелое впечатление».

Есенин, III, 650.

См. еще воспоминания С.Д.Фомина (Памяти Есенина, 134–135).

См.: 6 или 7 марта 1925 (с перечнем записей об этапах работы над поэмой «Анна Снегина»).

О публикациях текста поэмы и откликов на нее см.: 20 марта 1925, вторая запись; 1 мая 1925, пятая и шестая записи; 3 мая 1925; 21 ... 30 мая 1925; 1 июня 1925, вторая и третья записи; до 17 июня 1925; 18 июня 1925, третья запись; 20 июня ... 3 июля 1925; 21 и 23 июня 1925; 28 июня 1925, вторая запись; 30 июня 1925, девятая запись; 1 июля 1925, пятая запись; 8 июля 1925; 12 июля 1925, четвертая запись; 19 июля 1925, четвертая и пятая записи; 22 июля 1925, четвертая запись; 26 июля 1925, восьмая и девятая записи; до 20 сент. 1925; 30 сент. ... 12 окт. 1925; 12 окт. 1925, вторая запись; 15 дек. 1925, третья запись.

Нью-йоркская газета «Рассвет» (№ 239) публикует статью Евг. Козловского «Прозревшие вежды (“Новый” Сергей Есенин)»:

«Еще три-четыре года тому назад треск и шум поэзии Сергея Есенина одних раздражал, других, падких на всё острое, восхищал до истерики...

До Египта раскорячу ноги!

Неистово кричал, словно юродивый, кричал молодой поэт, нанося попутно удары всему, что казалось ему недостаточно “левым”... <...>

Ругань и пощечины, сопровождавшие “триумфальное шествие” даровитого поэта-“дикаря” по Европе, перемешивались с гимнами хулиганству, сентиментальной идеализацией “енералов” Пугачева, заканчивались российской кутузкой наших дней и, наконец, временным исчезновением поэта с горизонта русской литературы...

В истерических кликах очень талантливого мальчика, больного, по его собственному признанию, тяжким нервным недугом — услужливые критики непременно захотели увидеть новое откровение, сошествие какого-то чуда на землю. <...>

* * *

Однако уже из всей этой юношеской крикливости критик и читатель, не склонный к истерике, мог подметить у талантливого крестьянина-самоучки совсем иное в песнях. <...>

В самом деле, в далекой деревне, у изломанного городом, но одаренного деревней мальчика есть “родимая” в стареньком шушуне, которая ждет его не дожидется, пока он слагает свою “Исповедь хулигана”.

И столько ласковости, столько деревенского тепла в сердце у “свомирного” <?? так!> забияки и безобразника... <...>

* * *

Так смешивалось у становившегося “знаменитостью” Есенина, одними проклинаямо-го, другими боготворимого, — юродства, полунелепости с тоской по иной красоте, иным чувствам.

Но вот прошло три-четыре года.

Передо мной лежит только что вышедшая, после долгого перерыва, новая книга стихов нашумевшего поэта.

Название у нее “старое”, есенинское, — “Москва кабацкая”.

Содержание же **замечательно** новое...

Перелом, надрыв, какое-то окончательное “просветление”, исходящее от книги, говорит нам о тысячах молодых душ, испепеленных в водовороте гражданской войны и планетарных лозунгов — и, наконец, выходящих разбитыми, удивленными и скорбными на какой-то иной путь.

Моментами кажется, что это старый путь ухода “от скверны”, от “антихриста” — современного деспотического и кровавого государства — в лице того Китежа, который когда-то проклинал этот поэт...

Но у Есенина нет теперь “мистики” — и он лишь внешне хочет порвать со всей изломанно-мучительной и лицемерной шумихой-стоном современного русского города. <...>

И хочется ему “провонять редькой и луком” — и уйти, уйти подальше, к Некрасову:

От ликующих, праздноболтающихся <так!>,
Обагряющих руки в крови...

Книга необыкновенно показательная для текущего момента.

Я обманывать себя не стану,
Залегла забота в сердце мгlistом.
Отчего прослыл я шарлатаном?
Отчего прослыл я скандалистом?

* * *

<...> Дни, когда всякий акт оплевывания и глумления считался “достижением”, прошли.

Наступило время глубоких раздумий, вскормленных опытом последних лет.
Этот “опыт” разбил много фантазий, много доверчивых юных сердец...

Что-то злое во взорах безумных,
Непокорное в громких речах,
Жалко их, тех дурашливых, юных,
Что сгубили свою жизнь сгоряча.

И под “желтую грусть гармоники” проклинают, по Есенину, многие теперь “свою неудачу”, вспоминают “май синий”, “июнь голубой”.

Такой печалью и разочарованием веет от строф “самородка”, который так еще недавно, оторвавшись от родных полей, соприкоснувшись со стихией “октября”, на весь мир, казалось ему, прославлял “новый град Инонию”, где всё пересмотрено заново через безудержную удаль “хулигана”. <...>

И у Есенина вырабатываются глубоко лирические, трогательно простые слова, которые заставляют жалеть и жалеть...

Жалеть до времени истерзанную эпохой молодость. <...>

* * *

Да, да — “что-то всеми навек утрачено” — скорбно восклицает этот недавний “богатырь”, этот обманутый лукавой сказкой октября поэт-крестьянин. <...>

Книжка заканчивается смиренно-скорбными мотивами <цитируются восемь строк стихотворения “Не жалею, не зову не плачу...”>.

Конечно, и этот скорбно-покаянный период в жизни и творчестве талантливого самородка — лишь полоса... <...>

Отболеет это время, и даровитый поэт скажет нам еще много правдиво-крестьянских слов про жизнь улучшившуюся, вновь окрыленную надеждами на совершенствование».

О сб. «Москва кабацкая» см.: до 19 июля 1924; 4 янв. 1925, первая запись; 16 февр. 1925, первая запись; февр. 1925, первая запись; 24 марта 1925, вторая запись; 26 апр. ... 5 мая 1925; 2 июня 1925, первая запись; не позднее июня 1925; 2 (?) июля 1925.

Март, до 15. Выходит журнал «Красная новь» (кн. 2) с материалами Есенина и о Есенине.

Граница события устанавливается по рекламному объявлению Госиздата РСФСР в газ. «Правда» (см.: 15 марта 1925, первая запись).

Журнал публикует:

- стихи Есенина под общим заголовком «Персидские мотивы»:
1. «Улеглась моя былая рана...»; 2. «Я спросил сегодня у менялы...»;
3. «Шаганэ ты моя, Шаганэ!..»; 4. «Ты сказала, что Саади...».

Об исходных публикациях см.: 10 дек. 1924, первая запись; 1 янв. 1925, первая запись.

О других перепечатках см.: 5 апр. 1925, седьмая запись; после 26 мая 1925.

- рекламу с именем Есенина среди авторов журнала;
- стихотворение В.В.Маяковского «Тамара и Демон».

См.: до 5 марта 1925;

- рецензию Ф.Жица на книгу Есенина «Стихи (1920–24)»:

«Хорошо сделанных, грамотных стихов в литературе необычайно много, подлинной же поэзии в ней, к сожалению, необычайно мало. Всё труднее и труднее делается писать *об этом* именно поэте (имя-икс), потому что современные наши стихи похожи друг на друга, как негры, как монгольские лица. Большею частью живой поэтический голос подменен весьма искусными руладами *стальных соловьев*, в хоре которых обаятельно одинок и неповторим голос есенинских стихов. Да, он не целиком современен по своим настроениям. Ему чужда индустриальная радость растущих городов, ему ненавистна нарушенная тишина травяной, лесной, избяной России. <...> Но если наивные российские природофилы когда-то думали, что от неумолимых законов прогресса можно спастись евангельскими цитатами и подчеркнуто русским стилем костюма и церковью, то Есенин великолепно видит, что победа техники над беспомощной простотой природы неизбежна. <...>

Невозможность устоять против победных шагов культуры дана в образе незабываемого есенинского жеребенка, пытающегося догнать поезд, “тонкие ноги закидывая к голове”. С волнующей скорбью и нежностью кричит ему вдогонку Есенин: “Милый, милый, смешной дуралей...” <...> Не любит Есенин города. Но нет в поэте спокойной любви и к деревне. Любовь эта неотвязная, но большая, неврастеническая, полная кошмаров:

Взбрезжи, полночь, луны кувшин
Зачерпнуть молока берез!
Словно хочет кого придушить
Руками крестов погост!

Бродит черная жуть по холмам,
Злобу вора струит в наш сад.

Порою кажется поэту:

Нет любви ни к деревне, ни к городу,
Как же смог я ее донести?
Брошу всё. Отпущу себе бороду
И бродягой пойду по Руси.

Но такие настроения недолго живут в душе Есенина. Поэту, “нежно больному воспоминаньем детства”, не уйти от заросшего пруда и хриплого звона ольхи. Втянутый в Москву кабацкую, в компанию босяков, проституток и безносых гармонистов — он всё же лелеет мечту:

Может, завтра совсем по-другому
Я уйду, исцелённый навек,
Слушать песни дождей и черемух,
Чем здоровый живет человек.

Озорство и нежность, тревога и усталость разлиты по всем стихотворениям этой книжечки Есенина. Но где же ключ к разгадке этой неуравновешенности? Не в этой ли чуть-чуть обнаженной строфе, обращенной к любимой женщине:

Ведь и себя я не сберег
 Для тихой жизни, для улыбок.
*Так мало пройдено дорог,
 Так много сделано ошибок.*

Одна из ошибок в том, что тематика стихов Есенина (очевидно, и жизни поэта) крайне ограничена: 1) деревенский пейзаж и воспоминания детства; 2) город — кабаки и беспорядочная любовь и, наконец, 3) преждевременная усталость.

Индивидуальный мир поэта слишком одинок и *единственен*, как маленькое озеро, потерянное в финляндских горах. <...> Отсюда и непростительная в юношеские годы усталость, и осознание своей ненужности современной России. “<...> В своей стране я словно иностранец”.

Хочется думать, что это не совсем так. Не может быть смешным и ненужным нам такой большой поэт, как Есенин. Хочется верить, что он не ограничится старческим смирением перед бодрым шагом молодой России, а найдет в себе силы полюбить ее и воспеть с такой же убедительностью, как он любит и воспевает “страну березового ситца” и “кипячёных черемух рать”».

Вырезка — Тетр. ГЛМ.

См.: после 10 окт. ... нояб. (?) 1924; 1 янв. 1925, вторая запись; 21 янв. 1925, вторая запись; февр. 1925, первая запись; февр. (?) 1925, первая запись; 4 ... 25 марта 1925; 5 марта 1925, пятая запись; 11 марта 1925, первая запись; 19 марта 1925, четвертая запись; 25 марта 1925, первая запись; 26 апр. ... 5 мая 1925; не позднее июня 1925.

В Ленинграде выходит «Красный журнал для всех» (№ 2) с рецензией Б.Соловьева на книгу В.Александровского «Шаги: Поэмы и стихи» (М., 1924), где содержится упрек автору в сильной подражательности Есенину:

«Как поэт Александровский очень несамостоятелен. Бесшабашная удаль стихов “Москвы-Кабацкой” <так!> Сергея Есенина захлестнула его почти целиком. Особенно это относится к его последним стихотворениям.

Но влияние Есенина ощутимо не только в технике стихосложения Александровского, но, что уже много хуже, отчасти и в их идеологии.

Несомненно от Есенина любовь к скандалам —

И теперь иногда среди блеска,
 Среди шума роскошных зал
 Мысль кричит, необузданно резка,
 Сердце просится на скандал.

От Есенина обнаруживающаяся изредка склонность к анархизму.

Мне везде было тесно и узко:
 Там предел, здесь какой-то закон.

Положительный результат влияния Есенина — большая эмоциональная насыщенность, которую проникнуто большинство стихов Александровского, благодаря чему они проходят мимо сознания, но всегда как-то задевают — будоражат».

См. Приложение.

Граница события определяется по упоминанию журнального номера в списке изданий, поступивших для отзыва в газ. «Известия ЦИК СССР и ВЦИК Советов» (1925, 15 марта, № 61).

Март, 15. Газета «Правда» (№ 61; раздел «Библиография») публикует материалы, связанные с Есениным:

— рецензию А. Лежнева на сборник Есенина «Страна советская»:

«В этой книжке одного из самых талантливых современных поэтов собраны стихи, отчасти хорошо знакомые, как “Возвращение на родину”, “Русь советская” (они были помещены в “Красной нови”, затем перепечатывались в отдельных изданиях), отчасти стихи, написанные на Кавказе и мало или вовсе неизвестные широкому читателю.

“Страна советская” представляет собой, как и предыдущий сборник стихов Есенина <“Русь советская”>, книгу кризиса, перелома. От мрачных и узко личных настроений и мотивов “Москвы кабацкой” поэт переходит к более широким темам, восстанавливает прерванную связь с общественностью, осматривается вокруг, старается определить свое место в новой жизни и принять в ней посильное участие. Он сам говорит — и эти стихи берет как эпиграф к книге —

Остался в прошлом я одной ногою,
Стремясь догнать стальную рать,
Скольжу и падаю другою, —

<об эпиграфе, поставленном издателем Вирапом без ведома Есенина, см.: до 20 янв. 1925, четвертая запись>. В этом много правды. Скользит и падает Есенин часто, но всё же из прошлого выкарабкивается. И, конечно, очень хорошо, что он это делает. Но хуже, что при этом у него прорываются фальшивые ноты, деланность, надуманность. Трудно поверить Есенину, певцу деревни, изб и кленов, когда он заявляет:

Я полон дум об индустриальной мощи.

Отдает фальшью и такое объяснение своего ухода в разгул, в кабак:

Но эта пакость — хладная планета!
Ее и Солнцем-Лениным пока не растопить!
Вот почему с больной душой поэта
Пошел скандалить я, озорничать и пить.

Другим недостатком последних стихов Есенина является их монотонность, однообразие приемов, ритма, настроения, тона. Поэт явно повторяет самого себя.

Всё же ряд стихотворений должен быть признан очень удачным: “Возвращение на родину”, “Русь советская”, “Письмо от матери”, “Письмо к женщине”, “Метель”. Это те вещи, где меньше всего проявляется, или вовсе не проявляется, указанный выше недостаток — надуманность. Есть хорошие места в “Балладе о двадцати шести” (расстрелянных англичанами в Баку). Эти искренние и сильные стихотворения, свидетельствующие о том, что Есенин вышел на новую, верную дорогу, дают основания для того, чтобы рекомендовать “Страну советскую” читателю».

Вырезка — Тетр. ГЛМ.

См. также: до 20 янв. 1925, третья запись; до 24 янв. 1925; 24 янв. 1925, вторая запись; 18 февр. 1925, третья запись; 19 февр. 1925, первая запись; 20 февр. 1925, первая запись; 21 февр. 1925, вторая и третья записи; 25 февр. 1925, вторая запись; 15 марта 1925, пятая запись; с 10 на 11 или 11 апр. 1925; 18 апр. 1925, первая запись; нояб. (?) 1925, четвертая запись.

— информацию Госиздата о выходе № 2 журнала «Красная новь» (за февраль) с упоминанием Есенина среди авторов стихотворного отдела номера.

Журнал «Прожектор» (№ 5) публикует «Литературные заметки» А.К.Воронского, вторая часть которых посвящена Есенину:

«Такие стихотворения, как “Письмо матери”, “Памяти Ширявца”, “Годы молодые”, “На родине”, “Русь советская”, “Персидские мотивы” получили широкое распространение и заучиваются наизусть.

Они, в самом деле, покоряют. В них, может быть, нет полной отшлифовки, попадают невыиженные, невыверенные строки, но всё это искупается заразительной душевностью, глубоким и мягким лиризмом и простотой. Вместе с тем в них есть эмоциональная напряженность и подъем, нет вялости, нет поэтических будней, что наиболее опасно для художника. Слово звучит, как туго натянутая струна, не громко, но высоко и чисто. В образ всегда вложено большое чувство. И даже тогда, когда поэт жалуется: “Я усталым таким еще не был”, “Я устал себя мучить без цели” — в этом нет душевной протрации и развинченности, потому что поэт тут же, через несколько строк, бодро шлет привет “воробьям и воронам и рыдающей в ночь сове”. В этом соединении мягкой грусти, тоски, задумчивости с напряжением, пожалуй, главная сила последних стихов Есенина. В них нет буй, грохота, провалов и взлетов революционной эпохи, но они, думается, приходятся в пору нашей литературной полосе. Грохот и буй, лозунги и воззвания давно уже требуют в поэзии существенных коррективов. Наше время нуждается не только в лозунгах и в плакатах, но и в углубленном изучающем взгляде на окружающее, на недавнее прошлое и настоящее. С этой точки зрения понятно и увлечение Есениным, и то, что к нему усиленно тянется наша молодежь, по крайней мере часть ее. Стихи Есенина — сплошная настроенность. Слово, рифма подчинены, покорены чувством. Их часто даже не замечаешь. Есенин приучает нашу современную поэзию к искренности, он зовет к художественному самоопределению. Нельзя же сейчас, в 1925 году, пробавляться изо дня в день повторениями: барабан бей, знамя рдеет, молот кует, горн пылает и т. д. Всё это уже было, усвоено, примелькалось, — пора двигаться дальше. Есенинские стихи отучают также от вывертов, от беспутного и бесцельного жонглирования словом, образом, от выворачивания поэтической шубы наизнанку, от хождения колесом и от прочих циркаческих упражнений на потеху и вяшее изумление ошарашенной и оглушенной публики, боящейся “как бы не отстать от века”. В этом смысле его стихи играют положительную роль. Неплохо и то, что Есенин зовет нас к Пушкину, находясь под его могучим обаянием и воздействием, ибо в сотни раз лучше подражать и учиться у Пушкина, чем у поэтов декадентского распада...

Не мешает даже *известная* однотонность и *однообразие* настроения: поэт умело варьирует свои основные, любимые темы.

Самое важное, однако, не в этом. Стихи Есенина последнего периода, несомненно, свидетельствуют о повороте в его поэтическом творчестве. Трудно сказать, насколько серьезен, прочен и длителен этот поворот, но пока он налицо.

“Москва кабацкая” осталась в этих стихах, как отдаленный замирающий отголосок. Если раньше Есенин в кабацком пропаде и угаре старался “не видеть в лицо роковое” и “подумать хоть миг о другом”, бравировал и пытался опозитизировать кабацкое лихо, то теперь, позже, он всё чаще и упорней подчеркивает пустоту, бесцельность и бессмысленность этого лиха. “Забубенная слава” ничего не принесла, кроме горькой отравы; поэтому уже мерещится конец и больничная койка не ждет его, а приковала к себе “с забинтованной рукой”.

А жизнь не стоит на одном месте, она неугомонна, она постоянно меняет свой лик. Родные поля, “голубые далекие дали”, “золото осень” — их уже трудно узнать:

Ах, милый край. Не тот ты стал, не тот.
Да уж и я, конечно, стал не прежний...

В своей родной деревне поэт чувствует себя совсем чужим, угрюмым пилигримом: “Язык сограждан стал мне как чужой, в своей стране я словно иностранец”. Чужим стал не только язык, но и весь новый деревенский уклад. Сестра читает “пузатый капитал”, с церкви сняли крест, красноармеец рассказывает о Перекопе и Буденном, крестьянский комсомол поет агитки Бедного Демьяна. Поэт чувствует свою осиротелость и неприкаянность:

Вот так страна.
Какого ж я рожна
Орал в стихах, что я с народом дружен.
Моя поэзия здесь больше не нужна.
Да и, пожалуй, сам я тоже здесь не нужен.

Художник благословляет новую жизнь, но сам стоит в стороне, он собирается идти к “неведомым пределам”, “душой бунтующей навеки присмирив”.

В одном, основном Есенин остался верным себе, своим первоначальным мотивам: он по-прежнему грустит о прошедшей молодости, об увядании, о том, что жизнь идет и развивается по-своему, не считаясь с поэтом. Прибавилось только более конкретное ощущение, что революционная ломка, революционная борьба создали, вместо старой Руси, Русь новую, советскую, так что даже родная, тихая, застойная деревня стала иной и непохожей на прежнюю. Поэт видит правду этой жизни, ее прорастание и цветение, он отступает перед ней с поклоном и приветом, оставляя для себя “лиру”, дабы воспеть “Русь”.

Но Руси вообще, Руси отвлеченной в природе не существует. Есть обломки прежней Руси и есть Русь советская. Идти к “неведомым пределам” занятие довольно неопределенное, а наше время требует четкой ясности. Есенин сказал *a*, а за *a* следует *b*, Поэт поклонился советской Руси. Но она поднимается совсем на других дрожжах, чем старая. Есенин еще грустит о прежней Руси церковных малиновых звонов, патриархальной неподвижности, о Руси икон и богомолков, но уже ищет путей к теперешней, к современной Руси. А для этого необходимо пересмотреть и переоценить кое-что в прежнем поэтическом инвентаре. Художник и старается это сделать. Деревня прошлых времен пугливо косилась на железного гостя. Она жалела о той поре, “когда пару красивых степных россиянок отдавал за коня печенег”, она испуганно металась пред городом, пред каменными руками шоссе. Русь советская будет жива железным гостем, паровозами, электричеством, заводом, нефтью. В “Письме к делу” Есенин уже убеждает последнего не бояться сестры на стальную кобылу и понять ее преимущества:

Чугунный рот ее
Привык к огню
И дым над ней,
Как грива,
Черен, густ и четок.
Такую б гриву
Нашему коню.
То сколько б вышло
Разных швабр и щеток.
Я знаю.

Время даже камень крошит.
И ты, старик,
Когда-нибудь поймешь, —
Что даже лучшую
Впрягая в сани лошадь,
В далекий край
Лишь кости привезешь.

Это звучит по-иному, чем, например, “Сорокоуст” и “Волчья гибель”. Печенежки повадки тоже уже не встречают сочувствия поэта. Наоборот, в персидских стихах он с гордостью напоминает своему восточному хозяину:

Мы в России девушек весенних
На цепи не держим, как собак,
Попелуям учимся без денег,
Без кинжальных хитростей и драк.

Сдвиг в творчестве Есенина очень ощутителен. Есенин — большой поэт. Его любят и ценят в советской Руси. Большой художник не может долго стоять в стороне от больших дорог, по которым упрямо шагает история. То, что пишет теперь поэт, позволяет надеяться, что он выбрался из “Москвы кабацкой” на эту большую дорогу. Правда, кое-какие серьезные сомнения всё-таки остаются. Такие вещи, как “Стансы”, показывают, что в есенинском сдвиге пока есть еще много внешнего и меньше органического. “Стансы” плохи и неубедительны. Многие (не все) из его кавказских стихов посредственны и для Есенина совсем слабы. Грузинский климат для него, очевидно, был в этом смысле отнюдь не из благотворных. О Марксе и Ленине Есенину, пожалуй, писать рано, а внимательно ими заняться, не для красного словца, а для переработки некоторых сторон своего творчества, очень своевременно и кстати. Худо будет, если новая полоса в творчестве поэта окажется только вольной или невольной случайностью, данью времени и ветреным увлечением повесы. Наше время в шутки играть не любит и не прощает игры с собой. Ни для кого также не секрет, что у нас в разных областях жизни развелось немало пенкоснимателей. Это не в упрек и не в обиду Есенину, а в дружеское и искреннее предупреждение, единственно для того, чтобы он давал хорошие отсортированные стихи, спаянные с современностью. Кому многое дано, с того многое и взыщется.

Есенину дано многое».

Этот текст вскоре станет финалом статьи А.К.Воронского «Сергей Есенин» в его книге «Литературные типы» (см.: конец мая — до 16 июня 1925, вторая запись).

Статья проиллюстрирована фотоснимком Есенина с Л.М.Леоновым (фотограф В.И.Савельев). См.: 2 ... 13 (?) марта 1925.

См. Приложение.

Выходит «Бюллетень торгового сектора Государственного издательства» (№ 3), где в редакционном плане отдела массовой литературы (рубрика «Новые издания выйдут в ближайшее время») названа «Песнь о великом походе» Есенина.

См.: 1–6 авг. 1924, третья запись; 2 сент. 1924, первая запись; 28 марта 1925, первая запись; 1 апр. 1925, третья запись; 1 ... 15 апр. 1925; 5 апр. 1925, третья запись; 12 апр. 1925, вторая запись; 15 апр. 1925; 16 апр. 1925; 22 апр. 1925, вторая запись; до 3 мая 1925; 13 мая 1925; 24 мая 1925, седьмая запись; 24 сент. 1925, пятая запись; после 24 сент. ... 2 нояб. 1925, или 9 ... 25 нояб. 1925; первая половина дек. 1925, пятая запись.

Нью-йоркская газета «Русский голос» (№ 4009) под общим заголовком «Весенние стихи» публикует стихотворения Есенина «Весна» и З.И.Гисенькина «Зовы весенние».

Об исходной публикации «Весны» см.: 4 янв. 1925, третья запись.

О перепечатке см.: 15 ... 17 февр. 1925.

Издатель Карен Микаэлян делает Егише Чаренцу на книге Есенина «Страна советская» дарственную надпись (на армянском языке):

«Любимому Егише Чаренцу лично. / 15.III.25 г. / Москва».

Цит. по: Саакян Р.С., Савченко Т.К. Есенин в Армении: двадцатые годы. — Сб. «Есенин и мировая культура», М. — Константиново — Рязань, 2008, с. 144 (перевод Р.С.Саакян).

Авторы статьи продолжают:

«О том, что многие тексты этого сборника Чаренц планировал перевести на армянский язык, свидетельствуют многочисленные пометы (в основном, крестики мягким карандашом и синими чернилами) на оглавлении сборника. Так, из пронумерованных в оглавлении пятнадцати стихотворений, составляющих сборник (1. Возвращение на родину; 2. Русь советская; 3. Русь бесприютная; 4. Русь уходящая; 5. На Кавказе; 6. Поэтам Грузии; 7. Баллада о двадцати шести; 8. Письмо к женщине; 9. Страна негодяев; 10. Письмо от матери; 11. Ответ; 12. Стансы; 13. Письмо деду; 14. Ленин; 15. Метель) шесть текстов отмечены крестиками: из них “Баллада о двадцати шести” и “Ленин” — одним, “Возвращение на родину” и “Русь советская” — двумя, а “Письмо от матери” и “Ответ” — тремя. Стихотворение “На Кавказе” отмечено цифрой “1”, что может свидетельствовать о намерении Чаренца перевести этот текст в первую очередь как связанный с восточной тематикой (“Издревле русский наш Парнас / Тянуло к незнакомым странам / И больше всех лишь ты, Кавказ, / Звенел загадочным туманом” (Есенин, II, 107)).

Нет сомнения в том, что у Чаренца был первоначальный замысел перевести есенинскую “Русь советскую” <...> — “маленькую поэму”, занимающую одно из центральных мест в творчестве Есенина последних лет его жизни <...>

Стихотворение “Русь советская” в экземпляре, принадлежавшем Чаренцу, носит следы многочисленных помет владельца (черными чернилами и мягким карандашом). Эти пометы указывают на то, что армянским поэтом проведена огромная предварительная стиховедческая работа: расставлены специальные акценты, подчеркнуты смысловые ударения, четко выделена структура поэтических фраз. Местами (в третьей и восемнадцатой строфах есенинского стихотворения) Чаренцем дополнительно расставлены ударения; кроме того, в восемнадцатой строфе (“Я не отдам ее в чужие руки, — / Ни матери, ни другу, ни жене. / Лишь только мне она свои вверяла звуки / И песни нежные лишь только пела мне” — Есенин, II, 97) дважды подчеркнуто местоимение *мне*, несущее в строфе особую смысловую нагрузку.

Кроме того, в экземпляре Чаренца купирована часть есенинского текста — косыми линиями вычеркнута одиннадцатая строфа: “Уж вечер. Жидкой позолотой / Закат обрызгал серые поля. / И ноги босые, как тёлки под ворота, / Уткнули по канавам тополя”. Видимо, в этом случае можно сделать вывод о том, что из оригинального текста была изъята строфа, представлявшая особую трудность для переводчика, не сумевшего найти эквивалентно точных есенинским образов в армянском языке. “Русь советская” так и осталась не переведенной Егише Чаренцем.

Там же, с. 144–145, 147.

См. Приложение.

См. также: до 20 янв. 1925, третья запись; до 24 янв. 1925; 24 янв. 1925, вторая запись; 18 февр. 1925, третья запись; 19 февр. 1925, первая запись; 20 февр. 1925, первая запись; 21 февр. 1925, вторая и третья записи; 25 февр. 1925, вторая запись; 15 марта 1925, первая запись; с 10 на 11 или 11 апр. 1925; 18 апр. 1925, первая запись; нояб. (?) 1925, четвертая запись.

* Нельзя не указать здесь специально, как любил работать мягкими карандашами Есенин — об этом находим немало свидетельств в мемуарной литературе. (Примеч. авторов. — *Ред.*)

Литературное приложение «Hodina» (№ 11) к пражской газете «Národní osvobození» (№ 73) публикует стихотворение Есенина «Сохнет стаявшая глина...» в переводе Богумила Матезиуса на чешский язык.

См. Приложение.

Март, 15 или 16. Есенин выезжает из Москвы в Константиново.

О событии, по которому отмечается этот факт, см.: 17 марта 1925, первая запись.

Март, до 16. В Артемовске выходит журнал «Забой» (№ 5; за март) со статьей А.Селивановского «О попутчиках и пролетарских писателях», где упоминается Есенин.

Граница события отмечается на основе того, что журнал «Забой» выходил раз в две недели, а пятый его номер был первым из мартовских номеров.

Автор отмечает:

«... попутчики (В.Иванов, Б.Пильняк, Л.Сейфуллина, И.Бабель, С.Есенин, Л.Леонов и ряд других) сделали не один ценный вклад в литературу».

Март, 16. Парижская газета «Звено» (№ 111) помещает материал А.Седых «Наши анкеты: У Д.С.Мережковского», в котором говорится о Есенине:

«— Вы спрашиваете, — говорит Мережковский, — о советской литературе. Нас разделяет железный занавес, непроницаемый. Мы не понимаем друг друга, не можем понять.

Главное условие существования литературы — свобода. Там, где ее нет, нет и независимой литературной мысли. Есть отдельные лабораторные опыты, более или менее удачные, но не дающие, не могущие дать конечных результатов... Разве дело в бессильных потугах Демьянов Бедных?

Пастернак... Есенин... Быть может, это таланты, но это талантливость нечестивая, талантливость разрушения. Разрушается самое святое: русский язык... В России Комсомол есть столп огненный, ведущий к всеобщей гибели, но литературный комсомол — Есенины и Пастернаки — существуют только до тех пор, пока плывут по течению. День, когда русский писатель попытается поплыть против течения, — будет днем смерти. Его задушат. Как задушили Блока и Гумилева.

Помните, Блок? После него нет, не может быть ничего нового... Он уверовал и поклонился внешней, грубой, стихийной силе только на мгновение — и погиб. Такова судьба поэта, лишённого свободы.

Блок умер трагически... У Брюсова даже не было трагедии. Он не только поклонился, но и остался на услужении.

До сих пор, пока надо плыть по течению, неизбежен умирающий от цинги Блок и расстрелянный Гумилев. Неизбежен замкнувшийся, безмолвный Сологуб. Неизбежен исход писателей — совести народной, уходящей, чтобы сохранить свободное слово; мы ушли так, как уходит душа из мертвого тела — с тоской и смятением».

О перепечатке см.: 23 марта 1925, вторая запись.

Март, 17. Есенин получает в Исполнительном комитете Кузьминского волостного совета Рязанского уезда «Временное свидетельство, выданное

на основании Постановления ВЦИК от 20-го июня 1923 г. об удостоверениях личности» за № 1127.

ЕяС, 376; Есенин, VII (2), 531.

Документ хранился в личном архиве К.С.Есенина. Теперешнее его местонахождение неизвестно.

Возвращается в Москву.

Дата устанавливается с учетом событий следующего дня (см.: 18 марта 1925).

Ленинградский журнал «Жизнь искусства» (№ 11) печатает очерк И.А.Аксёнова «Автобиографические опыты Айседоры Дункан» с упоминанием Есенина.

О начале очерка см.: 2 янв. 1925.

Из последующего текста:

«Исчерпав официальные пути воздействия на французских чиновников, наша старая знакомая обратилась к неизменному утешителю и заступнику всех скорбящих — к бульварной прессе. Но бульварная пресса за помощь свою требует уплаты сенсациями. А.Дункан постаралась по мере сил наградить своих интервьюеров сенсациями.

Первой жертвой дункановского безденежья пал Сергей Есенин. А.Дункан оповестила французскую и немецкую желтую прессу о новом этапе в карьере этого поэта: “Сергей, — сообщила она, — теперь на Кавказе занимается бандитизмом. Он пишет поэму о бандитах и, для лучшего изучения вопроса, стал во главе шайки разбойников. Он пишет, что пока всё идет очень хорошо” <ср.: 28 дек. 1924, вторая запись; 12 янв. 1925>. Какая идиллия! Не хватало только справки, что это литературное предприятие совершается по специальной санкции Наркомпроса, и на бандитское обмундирование были выписаны ассигновки по ведомству. “Хорошо живется бандитам в СССР! — скажет какой-нибудь богемный пройдоха из парижской Ротонды. — Надо бы туда съездить. Ездил же туда Айседора Дункан”.

Действительно, она туда ездила. И действительно ее поездка носила вполне корыстный характер. То, что эта почтенная женщина теперь валит на здоровую голову Есенина, она снимает со своей больной головы.

Потерявшая всякую популярность в Америке и Западной Европе, А.Дункан явилась в Москву. Она получила в свое распоряжение один из лучших домов этого города. На ее педагогические затеи, по доверию к знаменитости, отпускались государственные средства, условия работы для артистки были созданы такие, каких ей, по ее собственным словам, и не мечталось увидеть. Она могла работать вне всякого стеснения и контроля. Ученики ее одевались и кормились за счет нашего нишенского бюджета, педагогический персонал оплачивался оттуда же, путем урезания кредитов всем другим художественным школам. Не вина нашего государства, если эта благодать в один прекрасный день прекратилась.

Предприятие А.Дункан не выдержало прикосновения грубой действительности, олицетворенной скромной комиссией Главпрофобра <см.: 16 июля 1922, вторая запись; 21 июля 1922, вторая запись>. Комиссия эта в свое время и без всякого для себя труда, путем простого визита, удостоверилась, что дети, попавшие в эту странную школу, оказались на положении рабов, уступленных А.Дункан во владение по кабальным договорам, заключенным с их родителями, что они ничему собственно не обучаются, никем не наблюдаются, что пайки и мануфактура, на них отпускаемые, усыхают как бы под действием сахарского хамсина и многое-многое другое, о чем А.Дункан сейчас не считает нужным поучать своих интервьюеров. Надо ли говорить, что изложенные мной обстоятельства самой Айседорой Дункан передаются в порядке зеркального отражения, т. е. навыворот.

Посетители московских трамваев хорошо знакомы с этим приемом. Пойманный за руку карманник старается крикнуть, что его обокрал задержавший. Прием недурной, но мало успешный.

Что касается самой А.Дункан, то ее вопли про ограбление ее подлежащими Советскими властями легко отводятся вопросом: если такие ужасы происходили с великой артисткой, то почему же она так долго терпела себя в положении жертвы большевистских зверств и не только не спаслась бегством из этого ада, но еще возвращалась туда с “милого” Запада?

На такой вопрос бедной женщине ответить нечего, а когда женщине нечего ответить, она начинает сердиться. Сердиться и браниться. Но А.Дункан недаром считается женщиной выдающейся — она и бранится с расчетом.

Известно на Западе, что А.Дункан пользовалась покровительством СОВПРА <т. е. Советского Правительства>, а по известному моральному кодексу, широко распространенному в среде бандитов, покровители — явление вдвойне полезное: когда они нужны, их можно обирать, по миновании надобности их следует продать за хорошее вознаграждение. Первая часть этого завета выполнена А.Дункан и, признаться, выполнена блестяще. О блеске выполнения второй части тезиса можно будет судить только по результатам. Пока что мы имеем в руках только предложение услуг. За купцом дело. Для того, чтобы сделка была оформлена, А.Дункан надо въехать в Париж, но вряд ли это возможно. Большевиков она зря ругает — не поможет: не за большевизм ее туда не пускают. Ведь еще состоя в наилучших отношениях с РСФСР, А.Дункан ездила за нашу границу; тогда наше Правительство не состояло еще в числе юридически признаваемых правительством Третьей Республики. А.Дункан в Париж въехала, и никто не мешал ей там проживать. Не в большевиках дело, значит, а в чем-то еще. Оно нам неизвестно, но самой невинной страдальнице должно быть достаточно памятно. О возможном характере этой тайны можем судить по ее красноречивому обещанию, данному представителю газеты “Сегодня вечером” (№ 1-1-25):

“Чтобы поправить свои дела, А.Дункан решила опубликовать 1000 любовных писем, полученных ею в дни молодости (колоссаль!!! И. А.). С тех пор, как я попала в нужду, я убедилась, что у меня нет друзей. Вот почему я решила опубликовать эти письма. Я разрушу счастье многих, но это меня мало трогает”.

Что это такое? Кажется, шантаж или по меньшей мере попытка к нему. Наказуема ли она законом? Вряд ли. Со времени “дней молодости” А.Дункан прошло столько десятилетий, что объекты шантажа, должно быть, по большей части перемерли. Уцелевшие же находятся в столь почтенном возрасте, что опубликование документального подтверждения их старых проказ может только составить приятную тему для тихого семейного разговора. Не заплатят они Айседоре отступного, ох, не заплатят! Она останется при своей попытке к шантажу и со своими разбитыми надеждами на успех, должно быть, невероятно скучному письмовнику».

См. также: 4 янв. 1925, пятая запись; 13 янв. 1925, четвертая запись; 21 янв. 1925, четвертая запись; 14 февр. 1925, третья запись.

См. Приложение.

Ознакомившись с этой статьей, Есенин перескажет содержание той ее части, где речь идет о нем, в письме к Г.А.Бениславской (см.: 11–12 мая 1925), сопроводив этот пересказ восклицанием:

«Ха-ха-ха!.. Вам письмо!..»

Есенин, VI, 213.

Госиздат РСФСР выпускает сборник «Пролетарские писатели: Антология пролетарской литературы» (составитель С.Родов, редактор П.С.Ко-

ган), открывающийся автобиографической заметкой В.Александровского с упоминанием Есенина.

Инвентаризационный каталог, 626.

В.Александровский пишет:

«Из беллетристов любил и люблю — Горького, Чехова, Сергеева-Ценского, Куприна, Андреева. Из поэтов: Верхарна, Бялика, Блока и немножко Маяковского и Есенина».

О рецензии В.Ходасевича на издание см.: первая половина дек. 1925, третья запись.

Март, 18. Есенин встречается со своими односельчанами С.Н.Соколовым, К.П.Воронцовым и С.Брежневым.

Событие и его дата устанавливаются по воспоминаниям С.Н.Соколова и К.П.Воронцова.

С.Н.Соколов вспомнит:

«...день Парижской коммуны — 18 марта 1925 года. В этот день мы, трое односельчан — я, Клавдий Воронцов и Сергей Брежнев, приехав в Москву, решили навестить Есенина. Предварительно позвонили ему по телефону. К телефону подошла Екатерина Александровна. На мой вопрос, дома ли Есенин, она сказала, что его дома нет, и поинтересовалась, кто его спрашивает. Когда же узнала, что звонят константиновские, то попросила подождать минутку. Через некоторое время к телефону подошел Есенин. Он очень обрадовался нам и велел немедленно приезжать и обязательно захватить с собой гармошку. При всём желании гармошки нам разыскать не удалось, мы приехали без нее. Есенин встретил нас в коридоре. Обнимая, провел в комнату и начал хлопотать вместе с сестрами, как бы лучше угостить земляков».

Восп., 1, 137.

К.П.Воронцов вспомнит:

«...помню, в день Парижской коммуны в 1925 году <...> он почти всю Москву обегал, доставая мне гармонику, чтобы я ему сыграл. Это я говорю к тому, что к музыке деревенской он был неравнодушен».

Восп., 1, 128.

К Есенину приходят Л.Леонов, Вс. Иванов и другие.

Событие и его дата устанавливаются по воспоминаниям С.Н.Соколова:

«Пока мы сидели, подошли Леонид Леонов, Всеволод Иванов и какие-то дамы. В необычной для нас обстановке мы почувствовали себя немного стесненными. Это быстро заметил Есенин и все внимание уделил землякам, стремясь сделать наше пребывание у него по-домашнему простым. Есенину в тот вечер очень хотелось попеть и послушать гармошку. Он позвонил кому-то, и вскоре гармошку привезли. Долго в этот вечер мы пели русские песни и наши рязанские частушки».

Восп., 1, 137.

В Государственной публичной библиотеке (Ленинград) открывается выставка революционной литературы.

Творчество Есенина представляется на выставке отдельной витриной.

Из информации о событии:

«Специальные витрины посвящены Демьяну Бедному, В.Брюсову, А.Ширяевцу, А.В.Неверову, С.Есенину, Я.Тисленко, С.Дрожжину и др. <...> На выставке имеются анкеты и автобиографии пролетарских и крестьянских писателей. Выставка дает впечатлительные развития пролетарской, крестьянской и революционной литературы от направленных групп до “попутчиков” включительно».

«Красная газета», 1925, 19 марта, № 65, веч. вып.

Выставка является продолжением московской выставки РАХН (25 янв. — 22 февр. 1925), экспонаты выставки частично привезены из Москвы. Творчество Есенина представлено шире, чем в Москве.

Повтор информации см.: газ. «Правда», 1925, 20 марта, № 64, рубрика «Из Ленинграда».

См. также: 25 янв. 1925, вторая запись; 1 февр. 1925, первая запись; 4 февр. 1925, первая запись; 10 февр. 1925; 13 февр. 1925; до 8 апр. 1925, четвертая запись; до 23 апр. 1925.

Газета «Правда» (№ 63) печатает рецензию А. Лежнева на сборник стихов С. А. Образовича «Винтовка и любовь» (М., 1924), в которой заходит речь о влиянии Есенина на творчество поэта:

«С. Образович является даровитым и много над собой работающим поэтом. У него есть искренность, художественный вкус и чувство меры. В этом — его главные достоинства. Основным же его недостатком надо признать известную несамостоятельность в области формы. <...> Образович находится под тройным влиянием: Тихонова, Есенина и футуристов, причем иногда преобладает одно, иногда другое, иногда третье влияние.

<...> Среди лирических стихов, отличающихся теплотой и задушевностью, и при некоторой склонности к элегическим, грустным настроениям, всё же, в целом, бодрым тоном, — имеются вещи несомненной художественной ценности. В смысле формального (впрочем, не только <выделено автором> формального) влияния здесь проявляется Есенин».

См. также: 25 марта — до 10 апр. 1925, первая запись.

Март, 18 ... 26. Есенин встречается с М. Д. Ройзманом. Происходит разговор по поводу публикаций в печати, связанных с роспуском группы имажинистов.

Событие устанавливается по воспоминаниям М. Д. Ройзмана (начало 1970-х гг.). Его время определяется сроками мартовского пребывания Есенина в Москве с учетом упоминаемого мемуаристом авторского чтения поэмы «Анна Снегина» (14 марта) и последовавшей вскоре после этого поездки Есенина в Константиново.

М. Д. Ройзман пишет:

«... Есенин вернулся с Кавказа в Москву и зашел днем в клуб поэтов. Я проверял в буфете некоторые счета у нашего заведующего столовой. Сергей положил мне руку на плечо, я обернулся, он сделал знак, чтоб я шел за ним. Мы вошли в комнату президиума. Он запер дверь на ключ, повесил пальто на крючок и бросил свою шляпу на подоконник.

— Значит, или подписывай письмо против Есенина <см.: до 8 сент. 1924>, — сказал он, — или уходи от нас? Так?

— Нет, Сережа, не так, — ответил я. — Я этого письма не подписывал!

— Да ты что?

— Рюрик тоже не подписывал!

Я вынул из ящика стола книжку с телефонами поэтов, нашел номер Ивнева, дал Есенину и подвинул к нему аппарат. Он позвонил, попросил к телефону Рюрика. Ему ответили, что Ивнев <...> вернется недели через две.

— Николай Эрдман тоже этого письма не подписывал, — продолжал я. — У него телефона на Генеральной улице нет. Звони Борису!

Найдя нужный телефон, я сказал его Сергею — он позвонил. Трубку взяла жена Бориса, танцовщица Вера Друцкая, обрадовалась Есенину. Они немного поговорили, и она позвала Бориса. Эрдман объяснил, что Николай этого письма не подписывал. Предлагали его подписать Борису и Якулову, оба отказались.

— А Шершеневич? — спросил Сергей, положив трубку.

— Вадим дал карт-бланш Анатолию. В письме есть обычный каламбур Шершеневича: “Роспуск имажинистов является собственной распушенностью Есенина”.

Сергей некоторое время сидел, раздумывая.

— В письме есть ссылка на другое письмо, написанное в “Известия” Гиммельфарбу? — задал он вопрос.

— Даю тебе честное слово, Сережа, что этого письма никто из нас в глаза не видел и ничего о нем не слышал!

— Верю! — согласился он. — А в пятом номере “Гостиницы” меня разнесут?

— Я хлопотал об издательстве “Общества имажинистов”. Не разрешили. “Гостиница” кончилась! <см.: 17 нояб. 1924, четвертая запись>

Он молчал.

— Мариенгоф хотел осрамить меня, как мальчишку! — сказал он тихо, и в его голосе появилась хрипота.

Я предложил ему выпить сидро.

— Содовой! — прохрипел он.

Я встал, отпер дверь, подошел к буфету, мне откупорили бутылку содовой воды и дали бокал. Я понес всё это Есенину. Еще отворяя дверь, услышал его громкий хриплый голос.

— Что же тут непонятного? — говорил он по телефону. — Разорвать “Прощание с Мариенгофом”... Да нет, к дьяволу!..

С кем он разговаривал? С Галей Бениславской? С И.В.Евдокимовым, редактором его собрания сочинений в Госиздате?

Я налил Сергею бокал содовой, он жадно его выпил, потом осушил всю бутылку».

Восп., 1, 403–405.

Современный исследователь, впрочем, отмечает:

«Утверждение М.Ройзмана, что опровержение написано А.Мариенгофом и им же подписано без согласия других имажинистов, не подтверждается какими-либо документальными данными и к тому же было высказано им, когда основных участников этого события — А.Мариенгофа, В.Шершеневича, Н.Эрдмана — уже не было в живых, а еще один здравствующий бывший имажинист Рюрик Ивнев давно публично отрекся от имажинизма».

Дроздков-2007, 421.

Март, 19. Есенин и И.Приблудный навещают С.А.Толстую на ее квартире (Померанцев пер., д. 3, кв. 8).

Событие и его дата отмечаются по календарным записям С.А.Толстой:

«Есенин и Прибл<удный> с 1 ч. ночи до 4 ½ ч. дня. Есен<ин> впервые после возвращения с Кавказа» (на обороте листка 18 марта);

«Ес<енин>. Прибл<удный>» (на листке 19 марта).

НН, 1995, № 34, с. 60.

Есенин записывает в альбом С.А.Толстой экспромт «Никогда я не забуду ночи...»:

Ни<ко>гда я не забуду ночи,
Ваш прищур, цилиндр мой и диван.
И как в вас телячьи пучил очи
Всем знакомый Ванька и Иван.

Никогда о жизни не грустите,
У нее корявых много лап.

И меня, пожалуйста, простите
За ночной приبلудный пьяный храп.

Сергей Есенин.

19/III 25

Текст по факсимиле — НН, 1995, № 34, с. 67 (с специально обозначенным восстановлением слога, пропущенного в первом слове автографа). См. также: Есенин, IV, 261, 466.

См. Приложение.

Беседуя с пришедшим к С.А.Толстой Б.Пильняком, Есенин говорит:
«Ты ее люби. Она тебе верна. Я с ней всю ночь провел, и ничего не было».

Событие датируется с учетом календарной пометы С.А.Толстой: «П<ильня>к» (на листке 19 марта; см.: НН, 1995, № 34, с. 60).

Слова Есенина приводятся по письму С.А.Толстой к М.М.Шкапской (20 апр. 1925); см.: НН, 2002, № 63/64, с. 140.

Надписывает О.С.Щербиновской свою книгу «Стихи (1920–24)»:

«Милой Ольге Сергеевне

с любовью и дружбой

С. Есенин

19/III 25».

Юсов-2012, 401.

См.: после 10 окт. ... нояб. (?) 1924; 1 янв. 1925, вторая запись; 21 янв. 1925, вторая запись; февр. 1925, первая запись; февр. (?) 1925, первая запись; 4 ... 25 марта 1925; 5 марта 1925, пятая запись; 11 марта 1925, первая запись; до 15 марта 1925, первая запись; 26 апр. ... 5 мая 1925; не позднее июня 1925.

О.С.Щербиновская, актриса Малого театра, вторая жена Б.Пильняка, познакомилась с Есениным в 1923 г. О ее контактах с поэтом см. также: 6 апр. 1924, вторая и четвертая записи; 11 марта 1925, вторая запись.

В Ленинграде М.М.Шкапская фиксирует в своем альбоме московские события 4–14 марта с ее участием, среди которых — встреча с Есениным.

Подробнее см.: 10 марта 1925, вторая запись.

См. также: 20 ... 22 марта 1925; 20–26 марта 1925; 26 марта 1925, вторая запись; 27 марта 1925, пятая запись; 20 апр. 1925; 27 апр. 1925.

Март, 20. Есенин пишет Т.Ю.Табидзе:

«Обрадован страшно, что вижу своих друзей, и вспоминаю и рассказы-ваю им о Тифлисе. Похождения наши здесь уже известны <см.: 14 нояб. 1924, первая запись> вплоть до того, как мы варили кепи Паоло <П.Яшвили> в хаши.

Грузия меня очаровала. Как только выпью накопившийся для меня воздух в Москве и Питере — тут же качу обратно к Вам, увидеть и обнять Вас».

Сообщает о предполагаемом приезде в Тифлис ряда москвичей — В.И.Качалова, Б.А.Пильняка, Вс.В.Иванова, И.Э.Бабея, С.А.Толстой.

Передает привет грузинским друзьям: П.Яшвили, Г.Робакидзе, Г.Леонидзе и В.Гап-риндашвили. Просит адресата поцеловать руку его жене и дочке (Н.А. и Т.Т.Табидзе) и «черкнуть пару слов».

Есенин, VI, 206.

Журнал «Город и деревня» (№ 5) печатает:

— отрывок из поэмы Есенина «Анна Снегина» (строки 57–80, 271–318).

О публикациях текста поэмы и откликов на нее см. также: 1 мая 1925, пятая и шестая записи; 3 мая 1925; 21 ... 30 мая 1925; 1 июня 1925, вторая и третья записи; до 17 июня 1925; 18 июня 1925, третья запись; 20 июня ... 3 июля 1925; 21 и 23 июня 1925; 28 июня 1925, вторая запись; 30 июня 1925, девятая запись; 1 июля 1925, пятая запись; 8 июля 1925; 12 июля 1925, четвертая запись; 19 июля 1925, четвертая и пятая записи; 22 июля 1925, четвертая запись; 26 июля 1925, восьмая и девятая записи; до 20 сент. 1925; 30 сент. ... 12 окт. 1925; 12 окт. 1925, вторая запись; 15 дек. 1925, третья запись;

— окончание стихотворения «Мой путь» (строки 124–180).

О его публикациях см.: 5 марта 1925, четвертая запись; 24 апр. 1925; после 26 мая 1925.

См. Приложение.

— информацию, где Есенин поименован среди авторов журнала.

См.: 5 марта 1925, четвертая запись; 5 и 17 апр. 1925; 1 и 31 мая 1925; 25 июня 1925, вторая запись; 10 и 25 июля 1925; 15 авг. 1925, вторая запись; 1 и 25 сент. 1925; 5 окт. 1925, вторая запись; 7 и 30 нояб. 1925.

Из корректуры книги «Репертуар Синей Блузы» Н.С.Ашукин переписывает для себя эстрадные куплеты Арго и Н.Адуева, не допущенные к печати, в т. ч. посвященный Есенину:

Серж Есенин за грехи
Обречен на свете
Иногда писать стихи,
Чаще же — мыслете.

Событие отмечается и датируется по дневниковой записи Н.С.Ашукина (20 марта 1925):

«<С>Борисов корректирует выпускаемую каким-то издательством книгу “Репертуар Синей Блузы”, — то, что исполняется на эстрадах кафе, пивных и пр. Он показал мне куплеты, сочиненные Арго и Адуевым. Кое-что в них зачеркнуто редактором и в печать не попадет, хотя, вероятно, распевалось и, может быть, распевается теперь. Я списал следующие зачеркнутые куплеты...»

Далее следует куплет про Есенина, затем — куплеты про В.Маяковского, Ю.Стеклова и других литераторов и журналистов.

НЛО, 1998, № 33, с. 238.

О журнальной публикации куплетов см.: конец сент. ... начало окт. 1925.

Март, 20 ... 22. В письме к М.М.Шкапской С.А.Толстая делится подробностями посещения ее квартиры Есениным и И.Приблудным.

Само это письмо неизвестно. Время его отправки устанавливается по ответному письму М.М.Шкапской (27 марта 1925): «...уже дня четыре, как получила Ваше письмо...» (НН, 2002, № 63/64, с. 137). Там же — некоторые сведения о ситуации на квартире С.А.Толстой утром 19 марта (см. подробнее: 27 марта 1925, пятая запись).

См. также: 19 марта 1925, первая-третья и пятая записи; 20–26 марта 1925; 26 марта 1925, вторая запись; 20 апр. 1925; 27 апр. 1925.

Март, 20–26. Происходят ежедневные телефонные разговоры Есенина с С.А.Толстой.

Сведения о событиях и об их рамках извлечены из письма С.А.Толстой к М.М.Шкапской от 20 апр. 1925 г.:

«...ежедневно и по несколько раз звонил телефон и происходил такой разговор: С<ергей>. — “Поедем туда... поедем сюда... Приезжай ко мне, у меня собираются... Я приеду к тебе”. Я: — “Занята. Устала. Не буду дома. Не могу, не могу...”»

НН, 2002, № 63/64, с. 140.

См. также: 19 марта 1925, первая–третья и пятая записи; 20 ... 22 марта 1925; 26 марта 1925, вторая запись; 27 марта 1925, пятая запись; 20 апр. 1925; 27 апр. 1925.

Март, до 21. Есенин, придя на спектакль (какой именно и в каком театре, не установлено), случайно встречает там Г.А.Бениславскую в обществе одного из ее давних близких друзей — С.П.Покровского.

Граница события определяется с учетом даты записки Есенина Г.А.Бениславской (см. след. запись).

Сведения о событии содержатся в воспоминаниях Е.А.Есениной (1940-е годы):

«...при нем <Сергее> она <Г.А.Бениславская> аккуратно приходила домой. В этот раз она почему-то задержалась в редакции дольше обыкновенного и вернулась в одиннадцать часов. Следом за ней пришел Сергей. Сергей был трезвым, и настроение его казалось хорошим. За ужином он шутил, смеялся. Галя казалась чем-то смущенной и говорила совсем мало.

— Да, ты знаешь, — обратился Сергей ко мне, — мы сегодня с Галей в театре встретились, видела бы ты, как она смутилась. Бросьте, Галя, ничего дурного не случилось! — улыбаясь, говорил Сергей. — Это Покровский был с Вами?

Гром, пожар, ничто не могло так ошарашить меня, как это известие. Покровский был близкий человек Гали до Сергея. У него была жена, но Галя без Сергея иногда встречалась с ним. Я знала это.

Конец покою, Сергей опять без угла и одиноку».

В семье родной, 246–247.

Март, 21. Есенин пишет Г.А.Бениславской записку:

«Милая Галя! Вы мне близки как друг. Но я Вас несколько не люблю как женщину».

Есенин, VI, 207, 690–691.

См. Приложение.

Возможно, записка связана с инцидентом, произошедшим ранее (см. предыд. запись).

По свидетельству Е.А.Есениной, ее брат и раньше говорил Г.А.Бениславской:

«“Галя, вы очень хорошая, вы самый близкий, самый лучший друг мне. Но я не люблю вас как женщину. Вам надо было родиться мужчиной, у вас мужской характер и мужское мышление”».

Длинные ресницы Гали на минуту закрывали глаза, и потом она говорила: “Сергей Александрович, я от вас ничего не требую, я не посягаю на вашу свободу, и нечего вам беспокоиться”».

В семье родной, 240.

Е.А.Есенина вспомнит также:

«Сергей быстро уехал на Кавказ. Мне он прислал пьяное письмо, где требовал немедленного моего ухода от Гали. “Уйди тихо, — писал он. — У Гали своя личная жизнь, и ей мешать не надо” <см.: 19 апр. 1925, первая запись>. Галя была грустна и оправдывала себя тем, что Сергей не любит ее. Поэтому она и встречалась с Покровским.

Сергей вернулся опять к Гале. Казалось, ничего не случилось, всё шло по-старому. Галя решила, что Сергей не придавал значения их встрече, но она ошиблась».

В семье родной, 247.

См. также: 15–16 июня 1925.

Н.К.Вержбицкий отвечает Есенину из Тифлиса:

«Милый друг Сережа,

спасибо тебе за письмо <см.: 6 марта 1925, вторая запись>, спасибо тебе за хлопоты и память. Я знаю, как тяжело и неприятно заниматься чужими делами, тем более на расстоянии 3 тысяч верст. Я тебе этого никогда не забуду. Меня не огорчают первые неудачи. Это так естественно. В каждой редакции есть свои хорошо притершиеся люди, и они обеспечивают материалом больше, чем нужно. Кому какое дело до Вержбицкого, сидящего в Тифлисе. Надо дать что-нибудь исключительное, чтобы обратили внимание и зачесали в затылках. А меня на исключительное не хватает, тем более сейчас я ради хлеба пишу только в газету, хочу настучать денег, чтобы в конце мая поехать на два месяца отдохнуть к морю».

Поддерживает намерение Есенина вернуться на Кавказ. Спрашивает:

«Ты так и не пишешь подробно и ясно: какой журнал, какой альманах ты будешь редактировать? И кто издатель этого журнала? Напиши и разреши что-нибудь прислать».

Лифшиц покинул «Зарю» на 4 месяца, а может быть, и навсегда. Ему здесь тесно. Он сейчас в Москве. Вардин приезжает в Тифлис, но не редактировать, а писать. Чагин как будто остается в Баку. Его не отпускают.

Мы переселились на балкон. Началась весна. Под окном цветут миндаль и персики. Сады покрылись нежным зеленым пухом. На солнце можно загореть, что и случилось уже с Зосей. Чудесная пора здесь. Ходим в горы, к ручью с Рыженко и Жоржиком. Пикникуем. Пьем вино за твое здоровье, жарим на камнях шашлык.

Пять дней я был в поездке. Ездил с поездом Рыкова в Армению и Нахкрай в качестве спецкорреспондента. Дал в газету ряд очерков с пути, которые признаны удачными и удостоились многочисленных хвалебных отзывов. Теперь меня хотят регулярно посылать в командировки. Я рад.

Во время поездки комендантом поезда был Блюмкин. У нас с ним вышло несколько столкновений. Он меня даже арестовал на полминуты. Я на него не в обиде, потому что убедился в том, что он совершенно не владеет собой.

Зося шлет тебе горячий привет и очень обрадована твоим обещанием приехать на Кавказ. Она здорова и хочет идти с нами пешком по Военно-Осетинской дороге.

Жоржик прыгал до потолка, когда я прочел часть твоего письма, касающуюся его. Больше всего его обрадовал, конечно, пистолет. Побежал домой, взяв у меня большой лист бумаги. Будет писать тебе письмо <см.: после 21 марта 1925>.

Ну, Сереженька, пиши, мой друг, почаще, не забывай нас. Плюнь на Париж — там угорьши. Это Пильняк заблудился в русском быте и в русской революции. А ты-то?! Плюнь!

От души приветствую Галю и твою сестрицу».

Письма, 273–274.

О каком рассказе идет речь, неясно. Рассказ «Пустое место» в «Красной нови» не публиковался.

Поезд ЦИК СССР, в котором находился А.И.Рыков, прошел 9–12 марта 1925 г. по маршруту Тифлис — Ленинскан — Еривань — Нахичевань — Баку (см. об этом: газ. «Заря Востока», Тифлис, 1925, 10, 12, 15 и 17 марта).

Берлинская газета «Руль» (№ 1307) публикует отклик С.Яблоновского «Геройчик нашего времени» на книгу стихов Б.Божнева «Борьба за несуществование» с упоминанием имени Есенина:

«...последние стихи Божнева посвящены Есенину и Кусикову — советским поэтам...».

См. также: до 3 марта 1925.

Март, после 21. Г.Назаров пишет Есенину из Тифлиса:

«Письмо Стихах Сирёжки

Друг ти мой
Сиргей Есенин
Ни забду тебя
Я ни када.

Ти забыл нам ти
Очинь скоро,
А ми ни забудим тебя
Мы ни када.

Ждем ми тебя
Ми безканца.
Вот предит
Завтра, посли завтра, и
И нет тебя.

Я сказал что
Ой прапаль Сирёжка
Нет иво ни где
И нет письмо даже.

Наканец узнал
Где ти находися.
Ну прижай ти кнам
Прижай друг.

Ти обишал
Купит мантикрест
Ти обишал писат письмо
И ни купил и ни писал.

Ну ничиво
Чтоб ти был здаров
И болши ничиво.
Прижай кнам прижай
Скучно без тебя.

Геврг Назаров».

Есенин, VI, 686–687; орфография подлинника сохранена.

Граница события устанавливается по сведениям из письма Н.К.Вержбицкого (см.: 21 марта 1925, вторая запись).

Март, 22. Нью-йоркская газета «Новое русское слово» (№ 4438) перепечатывает «Русь беспризорную» <«Русь бесприютную»> Есенина.

Публикацию сопровождает примечание:

«Это характерное произведение С.Есенина напечатано в последнем номере «Прожектора». Об исходной публикации см.: 16 нояб. 1924, первая запись.

О перепечатках см.: до 20 янв. 1925, третья запись; 31 янв. 1925, первая запись; 22 февр. 1925, третья запись.

Отклик см.: 3 апр. 1925, третья запись.

Март, 23. Нью-йоркская газета «Русский голос» (№ 3415) перепечатывает стихотворение Есенина «На Кавказе» с указанием:

«Тифлис. Сентябрь 1924. Сергей Есенин».

Об исходной публикации см.: 19 сент. 1924, вторая запись.

О перепечатках см.: до 20 янв. 1925, третья запись; 15 февр. 1925, первая запись; до 11 июня 1925.

Варшавская газета «За свободу!» (№ 80) в анонимном материале «Д.С.Мережковский о советской литературе», где говорится о Есенине, дублирует исходную информацию.

См. о ней: 16 марта 1925.

Март, 24. Есенин пишет В.И.Эрлиху в Ленинград:

«Милый Вова! Вот я снова в Москве и снова собираюсь в 20-х числа обязательно уехать. Хотелось бы тебя, родной, увидеть, обнять и поговорить о многом. Я еду в Тифлис, буду редактировать лит<ературное> прилож<ение>.

Три — к носу. Ежели через 7–10 дней я не приеду к тебе, приезжай сам. Привет Сене <Полоцкому> и всем, кто не продал шпаги наших клятв и обещаний.

Любящий тебя

С. Есенин».

Есенин, VI, 207, 692.

О дне отправки этого письма см.: 30 марта 1925, третья запись.

Ср.: 22 апр. 1925, третья запись; 31 мая 1925, вторая запись.

Надписывает А.Л.Миклашевской свою книгу «Москва кабацкая» (Л., 1924):

«Милой Августе Леонидовне со всеми нежными чувствами, которые выражены в этой книге. С. Есенин. 24/III 25. Москва».

Есенин, VII (1), 258.

См.: до 19 июля 1924; 4 янв. 1925, первая запись; 16 февр. 1925, первая запись; февр. 1925, первая запись; 14 марта 1925, вторая запись; 26 апр. ... 5 мая 1925; 2 июня 1925, первая запись; не позднее июня 1925; 2 (?) июля 1925.

См. Приложение.

Г.А.Бениславская пишет В.И.Эрлиху:

«Милый Эрлих, что с Вами? Замолчали? Не едете? Отчего да почему да по какому случаю? Февраль прошел. Март на исходе, а Вы что там — сказки пишете? А Сергей Александрович уже 3 недели здесь. Стихи хорошие привез.

Ну, тысячу приветов».

Письма, 346.

О дне отправки этого письма см.: 30 марта 1925, третья запись.

Март, 24 (?). Есенин пишет письмо А.Л.Миклашевской (неизвестно).

Оно было приложено к экземпляру «Москвы кабацкой» с инскриптом Есенина (см.: 24 марта 1925, вторая запись).

А.Л.Миклашевская вспомнит:

«...Приблудный надолго задержал книгу <...> извинялся, что присланное мне письмо он передал <С.А.>Толстой. Так я и не получила письма».

Восп.-95, 374.

Март, 25. Есенин надписывает свою книгу «Стихи (1920–24)» Н.В.Богословскому:

«Милому, хорошему С. Есенин. 25.III.25 г.».

Есенин, VII (1), 259, 487.

Книга с инскриптом хранилась в частном собрании (г. Москва). Местонахождение ее в настоящее время неизвестно.

См.: после 10 окт. ... нояб. (?) 1924; 1 янв. 1925, вторая запись; 21 янв. 1925, вторая запись; февр. 1925, первая запись; февр. (?) 1925, первая запись; 4 ... 25 марта 1925; 5 марта 1925, пятая запись; 11 марта 1925, первая запись; до 15 марта 1925, первая запись; 19 марта 1925, четвертая запись; 26 апр. ... 5 мая 1925; не позднее июня 1925.

О.С.Смирнов сопровождает машинопись своего перевода фрагмента статьи Н.Брянчанинова «Молодые “москвитяне”», где идет речь о Есенине, обращенной к нему припиской:

«Сереза,

не правда ли, странно, что в то время, когда здесь критики занимались злобными рассуждениями на темы: “Хулиганствующий поэт” (друзья) и “Поэтствующий хулиган” (враги), где-то в далеком от нас Париже, среди последних достижений мировой культуры, по нескольким дошедшим до него книгам, иностранец сумел просто и искренно подойти и по достоинству оценить Твои произведения.

Впрочем, это в порядке вещей, и имя Есенина наряду с именами Шаляпина, Горького, Рахманинова, Конёнкова и многих других послужит лишь продолжением той длинной плеяды русских гениев, к сожалению, ценимых на Западе больше, чем у себя на родине».

Письма, 275. Вклеено в Тетр. ГЛМ.

Текст этого перевода из парижского журнала «La Nouvelle Revue» см.: 15 мая 1923, вторая запись.

Тульский журнал «Ватага» (№ 1) печатает стихотворение Ю.Вьюгина «Сергею Есенину».

Из стихотворения:

За дальним-дальним перелеском, —
Где осела осени тоска,
Ты с червонно-огненным блеском
Юность в брызгах листьев растаскал.

Полоненный светскою забавой,
Увидал в подонках грязных Русь,
Где сжала стальным кольцом удава
Голь и бедноту опаловая грусть.

Отклик см.: 1 апр. 1925, вторая запись.

Одесский еженедельник «Театральная неделя» (№ 7) помещает неподписанную заметку «На полях журналов», в которой излагается содержание публикации И. Аксёнова в журнале «Жизнь искусства», где упоминается Есенин.

См.: 17 марта 1925, третья запись; 28 марта 1925, третья запись; 31 марта 1925, первая запись.

Варшавская газета «За свободу!» (№ 82) завершает публикацию главы «Палачи» из «Записок писателя» М. Арцыбашева, где заходит речь о Есенине.

Подробно характеризуя деятельность Патоловского (так у Арцыбашева; точнее, Потоловского), автор пишет, что во время работы в ЧК тот был «близким приятелем всех новейших “поэтов” — Кусикова, Есенина, Маяковского и прочих, которые чрезвычайно дорожили его дружбой, ибо это давало многие возможности».

О перепечатке см.: 31 марта 1925, вторая запись.

Из протокола допроса А. Кусикова в МЧК (19 окт. 1920): «На вопрос: “Кто может подтвердить о Вашей лояльности к Сов<етской> власти” — отвечаю: “Тов. Блюмкин, <...>, тов. Потоловский из ВЧК и тов. Брюсов, председатель ВСП...”», — явствует, что он действительно находился с И. Потоловским в дружеских отношениях.

См.: Материалы, 277.

Март, 25 ... Апрель, 9. Выходит журнал «Печать и революция» (№ 2; за март — апрель) с материалами, где упоминается Есенин.

Границы события определяются по информации «Бюллетеня торгового и периодического секторов Государственного издательства» (1925, № 5, 15 апр.), где журнал назван среди изданий, поступивших в продажу в период с 25 марта по 10 апр. 1925. Верхняя граница уточняется по информации газ. «Известия ЦИК СССР и ВЦИК Советов» (1925, 16 апр., № 87), сообщающей, что рассылка номера завершена 10 апр. 1925.

Журнал печатает:

— в разделе «Обозрение искусств» — статью А. Лежнева «О пролетарских поэтах», где отмечается влияние Есенина на С. Образовича (сборник «Винтовка и любовь»):

«С. Образович находится под сильным формальным влиянием “попутчиков”. В его стихах скрещиваются три влияния: Тихонова <...>, Есенина (лирика) и футуристов... <...> Эти влияния еще не совсем усвоены и слиты воедино. Тихонов и Есенин ассимилированы лучше, чем футуристы — очевидно, потому, что больше соответствуют характеру поэта...».

См. также: 18 марта 1925, четвертая запись;

— в разделе «Хроника СССР. В группе “Перевал”» — анонс сборника «Земля» с участием Есенина:

«В издательстве “Красная звезда” выходит большой сборник лирики о природе — “Земля” (С. Есенин, В. Казин, В. Наседкин, Н. Зарудин, П. Дружинин, Евсей Эркин и др.).»

Сборник «Земля: Стихи о природе» будет выпущен в Вятке под маркой московского Государственного военного издательства уже в 1926 г. Он открывается стихотворениями Есенина «Отговорила роша золотая...», «Памяти Шириязева» <«Мы теперь уходим понемногу...»>, «За темной прядью перелесиц...», «Не бродить, не мять в кустах багряных...», «Не напрасно дули ветры...», «Край любимый! Сердцу снятся...», «Топи да болота...», «Земля моя златая!» <«Иорданская голубица, часть I»>, «Сыплет черемуха снегом...», «Зеленая прическа...» (с посвящением Л. <И.> Кашиной), «Я по первому снегу бреду...», «О красном вечере задумалась дорога...», «Нивы сжаты, роши голы...», «Песни, песни, о чем вы кричите?...», «О, край дождей и непогоды...»

Судя по времени публикации анонса сборника, отбор стихов для него мог быть сделан самим поэтом;

— в этом же разделе — информацию о продолжении подписки на журнал «Красная новь», в котором публикуются стихи Есенина.

Март, 25 ... Апрель 10. Выходит журнал «Красный библиотекарь» (№ 2; за февраль) с иллюстрацией «Перекрестный каталог» к статье Л.Б.Хавкиной «Техника предметного и перекрестного каталога». Один из каталожных разделителей — «ЕСЕНИН».

Рамки события определяются по информации «Бюллетеня торгового и периодического секторов Государственного издательства» (1925, № 5, 15 апр.) о том, что номер поступил в продажу в период с 25 марта по 10 апр. 1925.

См. Приложение.

Март, до 26. В Париже выходит журнал «Современные записки» (кн. XXIII) со статьей З.Н.Гиппиус «Новь» (раздел «Культура и жизнь»), где говорится о Есенине.

Граница события отмечается по рецензии на журнал (Бенедиктов М. Современные записки. Книга XXIII. — Газ. «Последние новости», Париж, 1925, 26 марта, № 1509).

Автор пишет:

«...смена поколений вещь очень сложная. Она неуследима и математически не определима. <...>

Чьи «дети» — Блок, Белый? Шестидесятников? Нет, ибо кто же тогда первые «декаденты»? Первые декаденты, Бальмонт, Брюсов, — никак не укладываются в «отцы» Блоку, а он, в свою очередь, не отец Пильняку с Есениным, и уж наверное не отец Маяковскому. У этого же, если есть потомство, то прямо комсомольские «внуки», да и те под сомнением.

<...> а как обстоит дело с отношением к искусству? В старое время, у «эстетской» молодежи, оно было такое: искусство — ценность сама себе доверяющая, не находящаяся в связи ни с какими другими ценностями, не зависящая ни от чего, рассматриваемая отъединенно от жизни и даже от собственного творца — человека. В новое время пражский «Скит поэтов» делает следующее заявление: он «помогает поэтам вдали от родины идти нога в ногу с поэтами, работающими там, чутко улавливая дух современной русской поэзии» и «не боится поэтов, подобных Есенину и Маяковскому, со вниманием подходит к ним, отвергая политическую сторону»).

Цитируется отчет о собрании пражской организации «Скит поэтов» (см.: нояб. 1924).

Март, 26. Газета «Известия ЦИК СССР и ВЦИК Советов» (№ 69) объявляет о продолжении подписки на журнал «Новый мир».

Раскрывается содержание январской, февральской и мартовской книжек журнала. В рубрике «Стихи» фигурирует фамилия Есенина.

На квартире Г.А.Бениславской — вечеринка по случаю предстоящего отъезда Есенина «в Персию», т. е. в Баку.

На вечеринку поэт приглашает С.А.Толстую.

Другие участники встречи перечислены в сделанной ею записи (Календарь GMT):

«Ес<енин>, П<ильня>к, Гал. Арт. <Бениславская>, Наседкин, Берзина <А.А.Берзинь>, 3 гармониста, Шура <скорее Катя> Ес<енина>, Федор Ап. <?; неустановленное лицо>».

НН, 2002, № 63/64, с. 142 (примеч. 16).

Некоторые подробности события содержатся в письме С.А.Толстой к М.М.Шкапской (20 апр. 1925): «Завтра он уезжает в Персию. Моя дорогая, ведь я же нормальная женщина — не могу же я не проститься с человеком, который уезжает в Персию?! Докладываю Б.А. <Пильняку> и еду к Сергею. Он уже пьет водку. Приходят всякие люди. Приезжает Б.А. Дорогая, представьте себе такую картину. Вы помните эту белую, длинную комнату <где С.А.Толстая была вместе с М.М.Шкапской; см.: 10 марта 1925>, яркий электрический свет, на столе груды хлеба с колбасой, водка, вино <см.: 19 марта 1925, пятая запись>. На диване в ряд, с серьезными лицами — три гармониста — играют все — много, громко и прекрасно. Людей немного. Всё пьяно. Стены качаются, что-то стучит в голове. За столом в профиль ко мне — Б.: лицо — темно-серое, тяжелое. Рядом какая-то женщина <скорее всего, А.А.Берзинь>. И он то держит ее руки, то за плечи, то в глаза смотрит. А меня как будто нет на этом свете. А я... Сажу на диване и на коленях у меня пьяная, золотая, милая голова. Руки целует, и такие слова — нежные и трогательные. А потом вскочит и начинает плясать. Вы знаете, когда он становился и вскидывал голову — можете ли Вы себе представить, что Сергей был почти прекрасен. Милая, милая, если бы Вы знали, как я глаза свои тушила! А потом опять ко мне бросался. И так всю ночь. Но ни разу ни одного нехорошего жеста, ни одного поцелуя. А ведь пьяный и желающий. Ну, скажите, что он удивительный! А как они <Есенин и Пильняк> за здоровье друг друга пили! Необыкновенно забавно наблюдать. И вот наступила минута, когда мне было предложено ехать домой. Не поеду — с Б. А. наверное всё кончено. Хочу ехать — С. в таком бешенстве, такие слова говорит, что сердце рвется. У меня несколько седых волос появилось — ей-Богу, с той ночи. Уехала, как в чаду. С. был совсем пьян. На меня стал злиться и ругаться. С Б. даже не простился. <...>

Не забуду, как мы <с Пильняком> с лестницы сходили — под руку, молча, во мраке, как с похорон. Что впереди? Знаю, что что-то страшное. А сзади, сейчас, вот за этой захлопнутой дверью, оборвалась очень коротенькая, но очень дорогая страничка.

НН, 2002, № 63/64, с. 140.

Ср. с описанием финала этого же эпизода, сделанным в конце 1950-х годов другой участницей проводов — А.А.Берзинь; в ее «воспоминаниях» фактическая сторона события оказывается искаженной до неузнаваемости:

«— Пойдемте, — говорю я вслух; повернувшись к Пильняку, добавляю: — Вы проводите Софью Андреевну, ведь уже поздно.

За очками поблескивают хитрые и насмешливые глаза. Я отвожу взгляд, а он, пригнувшись к моему уху, говорит достаточно громко, чтобы слышала Софья Андреевна: — Я пойду провожать вас, а ее пусть кто угодно провожает. Я целованных и чужих любовниц не провожаю...

Я несколько растерянно поднимаюсь из-за стола... <...> В коридор выходят остальные. Только трое баянистов <так!> продолжают раздирать квартиру раздолжными широкими песнями. <...> Сергей под их музыку спит... <...> С Софьей Андреевной идет, кажется, брат Сергея.

Пильняк доро́гой открывает тайны: что Софья Андреевна жила с ним, а теперь вот выходит за Сергея. Он говорит об этом, а за очками поблескивают его насмешливые глаза».

Берзинь А. Последние дни Есенина / Предисл., ред., публ. Р.Киршон. — Альм. «Кубань», Краснодар, 1970, № 7, с. 92–93.

См. еще: НН, 2002, № 63/64, с. 142 (примеч. 18).

См. также: 20 ... 22 марта 1925; 20–26 марта 1925; 27 марта 1925, пятая запись; 20 апр. 1925; 27 апр. 1925.

Март, до 27. Есенин слушает музыкальные сочинения В.И.Иконникова и А.А.Невяровского на свои стихи и «очень их одобряет».

Событие устанавливается по сведениям из письма А.А.Берзинь Д.К.Богомильскому (см.: 9 апр. 1925, вторая запись; Письма, 347), а его граница — по сроку тогдашнего пребывания Есенина в Москве.

Март, 27. Есенин подписывает письмо заведующему отделом художественной литературы Госиздата РСФСР Н.Н.Накорякову:

«Тов. Накоряков!

Я уезжаю на Кавказ, возможно, надолго. Дело с альманахом “Поляне” представляю себе так: сейчас набирается материал, но первый ударный № издается в начале сентября. За это время набирается попутно материал и для 2-го номера. Полагаю, что в этом году больше двух №№ издать не удастся...

Редколлегия окончательно сконструирована в таком виде: Вс. Иванов, Пав. Радимов и я. Список ближайших сотрудников будет представлен Вс. Ивановым или Наседкиным...»

Есенин, VI, 207–208.

Текст письма выполнен рукой В.Ф.Наседкина; Есениным проставлены подпись и дата.

См. Приложение.

См. также: 6–13 (?) марта 1925.

О резолюции Н.Н.Накорякова на этом письме см.: 18 мая 1925.

Позвонив перед отъездом С.А.Толстой, Есенин скорым поездом выезжает из Москвы в Баку.

Спустя три недели С.А.Толстая вспомнит об этом телефонном разговоре:

«Мне <...> перед поездом звонил и всякие хорошие слова говорил...».

НН, 2002, № 63/64, с. 140.

С.А.Толстая записывает в своем календаре:

«Уехал С<ергей> Е<сенин>».

НН, 1995, № 34, с. 61.

Н.К.Вержицкий пишет Есенину из Тифлиса.

Посылает ему еще два сочиненных им рассказа и повторяет свои просьбы (см.: 21 марта 1925) содействовать публикации его произведений в центральной печати:

«Голубь Сережа,

в связи с переменами в “Красной нови” моя рукопись, наверное, затерлась и сгнула. Я перечел этот рассказ “Пустое место” и думаю, что ему стыдно валяться в моем обшарпанном письменном столе. Не “Красная новь”, так “Новый мир”. Устрой, мой дружище! Сунь его так, чтобы прочел кто-нибудь из понимающих. Надо же мне когда-нибудь вылезать на свет, а ехать сейчас в Москву — не с руки — потеряю отдых, потеряю золотое здешнее лето.

Сую в конверт еще одну, только что состряпанную, еще тепленькую вещичку “Лед на голову”. Она очень трогательна, смешна и современна. Мой жанр. Я думаю, что от этого пустяка даже по коммерческим соображениям не откажется Кольцов. Пусть тиснет в “Огоньке”. А те три, что я послал для библиотечки, пусть считаются за мной.

По-дружески, не обижаясь, разделите всю тяжесть исполнения моих назойливых просьб с Галей вместе. Пока плачу вам искренней любовью к вам, но так как эта монета не имеет сейчас широкого хождения, то обещаю быть вашим верным рабом и исполнителем всех ваших капризов в недалеком будущем. <...>.

Еще новость: я веду тихий и трезвый образ жизни. Что-то сердце пошаливает и нервы. Мой последний собутыльник — Илько Рыженко — тоже. Кряхтит на постели и пользуется водкой уже как наружным средством — примачивает ею свой крестец, где у него шишас.

Сереженька, помоги мне. Не забывай меня. Напиши мне: кому, что и как посылать. Смерть хочу печататься!

Целую обе ручки у Гали. Передай твоим сестрам привет. Зося желает тебе счастья. Жоржик во сне видит одни пистолеты. Будь же паинькой».

Письма, 275–276.

О каких трех рассказах идет речь в письме, неизвестно; рассказ «Лед на голову» (газ. «Заря Востока», Тифлис, 1925, 29 марта, № 839) в центральной печати не появился, позднее автор включит его в свою кн. «Тифлиские рассказы» ([Тифлис, 1926], с. 60–65).

М.М.Шкапская пишет С.А.Толстой из Ленинграда.

Делится впечатлением от рассказа С.А.Толстой о посещении ее Есениным 19 марта (см.) и продолжает:

«Милая девочка моя, всё хорошо и всё так по-русски — ведь о нас же все эти Идиоты и Преступления и Наказания, — и не только ужас в них, но и сладость, но и размах, — жизнь наша такая короткая, как не насладиться ею жадно, с размахом, — может быть, правда, немножко и с отчаянием. Я точно вижу Вас и С<ергея> в этой утренней комнате и ах, Соня, милая, как дорога мне вся эта противоречивость человеческая — “обещала верность другому” — а сама вся в огненном кольце; — пьяница и скандалист — и потом милая улыбка и взмах золотой головой: “Обещалась — так нужно держаться”».

Признаётся:

«А ко мне здесь тоже пришла большая любовь — я крепко держу сердце свое, но не радоваться чужой любви не могу — она такая буйная, грозовая — знаете, дорогая, так вот только и могут любить Есенины — и подобные им — непочатые, от земли (что их трепало жизнью — ничего, а у них зато кровь неразбавленная). — И какое благоговение перед всем тем, что так мало сам в себе ценишь — перед культурой, перед традицией. И глаза, как у ребенка, на всё доверчиво раскрыты».

Вкладывая в письмо анкеты Государственного института истории искусств с биографическими вопросами, просит обеспечить их заполнение Есениным и Б.А.Пильняком.

ИИ, 2002, № 63/64, с. 137–138.

См. также: 19 марта 1925, пятая запись; 20 ... 22 марта 1925; 20–26 марта 1925; 26 марта 1925, вторая запись; 20 апр. 1925.

Март, 27 и 28. Нью-йоркская газета «Русский голос» (№ 3419 и 3420) дает анонсы о предстоящей публикации стихотворения Есенина.

Заглавие произведения не названо.

О публикации см.: 29 марта 1925, третья запись.

Март, 28. В Государственном издательстве РСФСР выходит отдельным изданием поэма Есенина «Песнь о великом походе».

Тираж книги 20 000 экз. Иллюстрации художника И.А.Француза. Ц. 12 коп.

Инвентаризационный каталог, 515; ср.: Есенин, VII (3), 381.

См. также: 1–6 авг. 1924, третья запись; 2 сент. 1924, первая запись; 15 марта 1925, третья запись; 1 апр. 1925, третья запись; 1 ... 15 апр. 1925; 5 апр. 1925, третья запись; 12 апр. 1925, вторая запись; 15 апр. 1925; 16 апр. 1925; 22 апр. 1925, вторая запись; до 3 мая 1925; 13 мая 1925; 24 мая 1925, сельмая запись; 24 сент. 1925, пятая запись; после 24 сент. ... 2 нояб. 1925, или 9 ... 25 нояб. 1925; первая половина дек. 1925, пятая запись.

См. Приложение.

Вечерний выпуск ленинградской «Красной газеты» (№ 74; рубрика «О книгах») печатает рецензию В.Друзина под названием «Ясный, Светлов, Голодный», в которой заходит речь о Есенине:

«Основное формальное устремление их — к наибольшей формальной выразительности, — заставляет этих поэтов идти по пути Блока, Есенина, внешний мир давать в преломлении я. Громадная опасность такого пути — застрять в обособленно личных переживаниях, скатиться в индивидуализм.

При большом поэтическом размахе художник этого типа может стать выразителем мироощущения отмирающего класса, для психологии которого индивидуализм — качество необходимое (3-й том Блока — стихи деклассированного Северянина и родственная ему “Москва кабацкая”, стихи деклассированного крестьянина-кулака)».

Берлинская газета «Руль» (№ 1313; рубрика «Печать») публикует отклик на очерк И. Аксёнова в журнале «Жизнь искусства» с упоминанием Есенина:

«Божественная Айседора горячо и по юношески пылко восприняла коммунистический строй, и советская власть, со своей стороны, щедро одарила эту чуткость. Айседора стала дорогим гостем советской власти, пленила главного советского поэта С. Есенина, с которым летала по всей Европе и каталась, как сыр в масле.

И вдруг блаженству пришел конец. Есенин бросил свою почтенную супругу, которая в свою очередь стала ему мстить. По словам петербургского журнала, Дункан сообщила в иностранную прессу что “Сергей теперь на Кавказе занимается бандитизмом. Он пишет поэму о бандитах и для лучшего изучения вопроса стал во главе шайки разбойников. Он пишет, что пока всё идет очень хорошо”.

“Жизнь искусства” весьма неосторожно вышучивает Айседору:

“Не хватает только справки, что это литературное предприятие совершается по специальной санкции Наркомпроса и на бандитское обмундирование были выписаны ассигнования по ведомству”. Ведь такие шутки легко могут попасть рикошетом не в бровь, а в глаз. Однако дело не в этой пикировке. Милые бранятся — только тешатся. А любопытны те разоблачения, которые “Жизнь искусства” в порыве досады делает, рассказывая, какими привилегиями Айседора пользовалась у советской власти”.

Затем анонимный автор приводит цитаты из очерка И. Аксёнова, подтверждающие высказанную мысль, и заключает:

«Остается лишь добавить, что шут гороховый Луначарский за покровительство наукам и искусствам за счет “нищенского бюджета” награжден орденом Красной звезды». См.: 17 марта 1925, третья запись; 25 марта 1925, четвертая запись; 31 марта 1925, первая запись.

Март, 28 ... 30. В пути Есенина и его спутников обкрадывают. Поэт лишается пальто и части денег.

Из письма Есенина Г. А. Бениславской (8 апр. 1925):

«Нас ограбили бандиты (при Вардине). Жаль и не жаль, но я спал и деньги некоторые (которые Вы мне дали), и пальто исчезли навсегда. Хорошо, что я хоть в брюках остался».

Есенин, VI, 209.

Март, 29. Берлинская газета «Руль» (№ 1314) под заголовком «Советские стихи» перепечатывает стихотворения Есенина «Никогда я не был на Босфоре...» и «Свет шафранный вечернего края...» <<«Свет вечерний шафранного края...»>».

В подборку входит также стихотворение П.Радимова «Телега».

Об исходной публикации см.: 18 янв. 1925, первая запись.

О других перепечатках см.: 1 марта 1925, четвертая запись; 24 мая 1925, шестая запись; после 26 мая 1925.

Харбинская газета «Новости жизни» (№ 69) помещает «Письмо деду» Есенина.

Об исходной публикации см.: 29 дек. 1924.

О других перепечатках см.: до 20 янв. 1925, третья запись; 24 янв. 1925, первая запись; 28 февр. 1925, первая и вторая записи; 30 марта 1925, пятая запись.

Нью-йоркская газета «Русский голос» (№ 3421) на литературной странице, посвященной творчеству русских писателей в Америке (редактор Д.Бурлюк), дает:

— стихотворение Есенина «Снова выплыли годы из мрака...» <«Сукин сын»>.

Об исходной публикации см.: 23 сент. 1924, вторая запись.

О других перепечатках см.: 4 ... 25 марта 1925; после 26 мая 1925.

— отклик Д.Бурлюка на сборники И.Грузинова «Избьяная Русь» и Н.Савкина «Багровые васильки» под названием «Современная Россия (наша связь с Москвой)», где упоминается Есенин:

<<Если Н.Савкин> является для нас — “прекрасным незнакомцем”, то Ивана Грузинова наши читатели помнят очень хорошо. Летом прошлого года на его книги, тогда еще в рукописи, мы напечатали на столбцах “Литературной Страны” ряд его лучших стихотворений, а также прекрасное стихотворение “Портрет Грузинова”, принадлежащее перу тончайшего Рюрика Ивнева, чье творчество заслужило наши симпатии уже очень давно, еще в годы первых громов славы футуристов — буревестников Революции. <...>

“Избьяная Русь” Ивана Грузинова была нами получена в рукописи. Молодой талантливый поэт передал нам ее сюда, в Америку — в надежде, что здесь могут найтись возможности рукопись эту предать печатному станку.

Но американская (русская) действительность здесь — сурова и безжалостна ко всему, кроме изуверской жадности наживы. Эта осатанелость денежная гонит все лучшие порывы, душит всё идейное и создает для творчества, подчас, невозможные условия.

Иван Грузинов — представлял Америку более в розовом свете, чем она — на самом деле.

Обратное — относится ко всем нам, когда мы думаем о нашей родине. Многие из нас покинули пределы России в минуты ее тяжчайших испытаний и неудивительно, что до сих пор мы видим нашу страну в той позе трудности, коя последней запечатлена <в> душе скитальцев.

А между тем, две книжечки — Ивана Грузинова и Николая Савкина — это неоспоримый факт, что положение в России идет с каждым годом гигантскими шагами к улучшению.

Ряд частных издательств возникает всюду.

Вместе с их ростом окрыляется индивидуальная мысль, шагающая в ногу с государственной.

Редакция и сотрудники “Лит. Стр.” из далекой Америки шлют свой дружеский привет — “Современной России”, где, кроме упомянутых нами ранее, принимают участие: С.Есенин, В.Казин, Г.Якулов и др.».

В номере печатаются также стихи И.Грузинова («Почти забыл, как нивы пахнут...»), «К оврагу сгрудились ометы...») и Н.Савкина («Поляна», «Какой счастливый сеятель...»).

В московских «Известиях ЦИК СССР и ВЦИК Советов» (№ 72) — объявление о подписке на издание: «Русская поэзия XX в. Антология русской поэзии от символизма до наших дней» (издательство «Новая Москва»; составители И.С.Ежов и Е.И.Шамурин).

Вступительная статья В.Полянского «Социальные корни русской поэзии от символизма до наших дней», статья составителей о главных течениях русской поэзии XX века, в т. ч.:

«5) Имажинисты и поэты, связанные с имажинизмом <...>

8) крестьянские поэты».

В антологию войдет большая подборка стихов Есенина (см.: конец мая — до 16 июня 1925, первая запись).

Март, до 30. В Ленинграде выходит журнал «Звезда» (№ 1; за январь) с материалом И.Майского «Еще раз о культуре, литературе и коммунистической партии (Заключительное слово)», в котором заходит речь о Есенине.

Граница события — по информации о выходе и поступлении номера в продажу («Красная газета», 1925, 30 марта, № 74, веч. вып.).

Подводя итог дискуссии о пролетарской литературе, прошедшей на страницах журнала, И.Майский, в частности, цитирует статью А.Воронского «Подемические заметки» («Красная новь», 1924, № 5): «Посмотрите № 1 “Перевала”, где пишет наша молодежь. Три четверти стихов окрашены Есениным», — а в конце резюмирует:

«Права К.Цеткин, когда <...> пишет: “Каждый восходящий класс ищет художественных прообразов на кульминационных пунктах предшествующего развития... Классическое буржуазное искусство послужит вехами грядущему искусству”. Вот почему пролетарским писателям следует больше читать Пушкина и Л.Толстого, чем Пильняка и Есенина.

Таковы ближайшие задачи. Все они — лишь этапы на пути к пролетарской гегемонии в литературе».

О перепечатке статьи см.: до 12 авг. 1925.

Март, 30. Есенин прибывает в Баку. Останавливается на квартире П.И.Чагина.

Дата определяется с учетом дня отъезда Есенина из Москвы (см.: 27 марта 1925, вторая запись) и времени, необходимого для проезда от Москвы до Баку.

О своем местожительстве в Баку Есенин вскоре напишет Г.А.Бениславской:

«Чагин меня встретил как брата. Живу у него».

Есенин, VI, 209.

См. также: 8 апр. 1925, вторая запись.

С.А.Толстая в письме к М.М.Шкапской упоминает Есенина.

Сообщает, что просьбу о заполнении Есениным и Б.Пильняком анкет (см. о них: 27 марта 1925, пятая запись) сможет исполнить только «наполовину — С<ергей> уехал».

НН, 2002, № 63/64, с. 138.

Г.А.Бениславская отправляет В.И.Эрлиху свое письмо и письмо Есенина, написанные ему еще 24 марта (см.) с сопроводительной запиской:

«Посылаю эти письма как библиографическую редкость. 27 марта Сергей укатил в Баку, неожиданно, как это и полагается.

Теперь главное: узнайте в “Ковше” — чего ж они не высылают нам долг (140 руб.) <см.: середина (?) янв. 1925, вторая запись>, деньги нам не повредят, чего им там оставаться? Ждем ответа».

Письма, 347.

См.: 27 марта 1925, вторая и третья записи; 12 мая 1925, четвертая запись.

См. также: Есенин, III, 632–633.

Во внутренней тюрьме ВЧК расстрелян друг Есенина А.А.Ганин.

Ордер на арест был выписан 1 нояб. 1924 г. При аресте изъяты написанные А.А.Ганиным тезисы «Мир и свободный труд народам» (НС, 1992, № 1, с. 168–171; публ. Ст. Куняева).

«...Дело Ганина было групповым. ЧК арестовало 13 человек, не партийных функционеров, не эсеров, не широко известных писателей, а никому неизвестных маленьких людей эпохи, вчерашних крестьян, начинающих поэтов, мелких служащих, объединенных одной идеей — борьбой с интернационально-коммунистическим режимом во имя спасения национальной России. <...> группа Ганина получила название “Орден русских фашистов”, Ганин был объявлен главой ордена, и после подобных ярлыков участь подсудимых была решена. “Главу ордена” с шестью товарищами расстреляли 30 марта 1925 года. Остальные семеро пошли на Соловки, откуда вернулись лишь двое. <...>

Вот фамилии русских патриотов, боровшихся за Россию.

Братья Петр и Николай Чекрыгины, молодые поэты из Жиздры Калужской губернии, из мешан, 23-х и 22-х лет. Виктор Иванович Дворяшин, сын сельского священника Тверской губернии. Владимир Галанов, поэт, сын чиновника из города Петракова. Григорий Никитин, крестьянин Пензенской губернии деревни Панкратовка, поэт. Александр Кудрявцев, крестьянин Костромской губернии, деревня Здемирово, наборщик. Александр Потеряхин, из крестьян Нижегородской губернии, село Обуховка, литератор. Кротков Михаил, бывший дворянин, юрист. Сергей Головин, профессор 58 лет. Борис Глубоковский 30 лет, журналист. Иван Колобов, из мешан, уроженец Тулы. Сахно Тимофей, крестьянин Черниговской губернии. Заугольников Евгений, 22-х лет, крестьянин Минской губернии, местечко Барановичи.

Куняев Ст. Растерзанные тени. — НС, 1992, № 1, с. 167.

О допросе Есенина по этому делу см.: 2–25 марта 1925, четвертая запись.

См. также: Субботин-2011, 490–491.

Златоустинский журнал «Маховик» (№ 3; за март) перепечатывает есенинское «Письмо деду».

Об исходной публикации см.: 29 дек. 1924.

О других перепечатках см.: до 20 янв. 1925, третья запись; 24 янв. 1925, первая запись; 28 февр. 1925, первая и вторая записи; 29 марта 1925, вторая запись.

См. Приложение.

Март, 31. Московский еженедельник «Новый зритель» (№ 13; рубрика «По чужим гранкам») публикует неподписанный материал «Сенсация Дункан», в котором заходит речь о Есенине:

«И.Аксёнов в “Жизни Искусства” <см.: 17 марта 1925, третья запись> сообщает читателям о том, что Айседора Дункан

...оповестила французскую и немецкую желтую прессу о новом этапе в Париже Сергея Есенина <так!>. Сергей, сообщила она, теперь на Кавказе занимается бандитизмом. Он пишет потому о бандитах и, для лучшего изучения вопроса, стал во главе шайки разбойников.

Всё это так глупо и смешно, что приходится удивляться только И.Аксёнову, разразившемуся по сему поводу громовой статьёй на страницах журнала, посвященного, казалось бы, жизни искусства, а не собиранию комических материалов для биографии Айседоры Дункан».

См.: 25 марта 1925, четвертая запись; 28 марта 1925, третья запись.

Ревельская газета «Последние известия» (№ 74) перепечатывает «Палачей» М.Арцыбашева с упоминанием Есенина.

Исходный текст см.: 25 марта 1925, пятая запись.

Март, 31 ... Апрель, 2. Есенин знакомится с руководителем литературного кружка при газете «Бакинский рабочий» журналистом Е.А.Гурвичем и беседует с ним.

Событие устанавливается по воспоминаниям Е.А.Гурвича (см. ниже). Его нижняя граница определяется временем приезда Есенина в Баку (см.: 30 марта 1925, первая запись), а верхняя — по факту участия поэта в собрании руководимого Е.А.Гурвичем кружка (см.: 3 апр. 1925, первая запись).

Е.А.Гурвич вспомнит (1965):

«Однажды пригожим утром ранней весны <1925 г.> иду я мимо ресторана, помешавшегося в доме у сада <имени> Карла Маркса. Вдруг слышу — кто-то позвал меня. Обернулся — и вижу у самых открытых дверей ресторана добродушного, вечно улыбающегося поэта Мурана — широкое скуластое лицо, белокурая борода и такие же усики, синие глаза, что называется, рубаха-парень, которого я не помню трезвым — он вечно был навеселе. <...>

Я подошел. За столиком, у самых настешь раскрытых дверей, сидел с бутылкой вина Муран с молодым белокурым синеглазым человеком.

— Зайди, не стесняйся, познакомься с Есениным.

Я обомлел. Должен сказать, что я Есенина обожал, зачитывался его стихами, другим советовал читать их. За это мне здорово попадало от Пира и особенно Тарасова <журналистов из бакинской газеты “Труд”, где годом раньше служил Е.Гурвич>.

— Мужик, кулак, — говорили они про Есенина. — Он из тех мужиков, кто французскую революцию погубил.

Я мало обращал внимания на эти речи, знал, что Тарасов вряд ли читал историю французской революции и поет с голоса Пира.

Я крепко пожал руку поэту и увидел следы страшной раны — он как-то пытался перерезать себе вены <см., однако: 13 февр. 1924>. Его спасли случайно.

— Разве можно такую руку, которая пишет стихи Есенина, уродовать? — воскликнул я и, не успев поэт опомниться, как я нагнулся и поцеловал раненую руку.

Муран рассмеялся.

— Это верно, что он тебя любит, стихи твои любит, — сказал он Есенину.

— Садись, — пригласил меня Есенин. — Выпьем.

— Только не это, милый-дорогой, только не это.

— Он не любит выпивку, — смеясь, сказал Муран.

— Пойдем, — сказал Есенин, отодвинув стакан вина.

— Что ж, давай закончим, — сказал и Муран.

Есенин, молча бросив на стол деньги, вышел.

<...> По дороге у нас завязался оживленный разговор о литературе, о литературных кружках.

Есенин заинтересовался литкружком при “Бакрабочем”.

— Напостовцев, — сказал он, — я просто не перевариваю, не люблю глупость человеческую под любым соусом. Все эти крикуны Лелевичи, Родовы — страшная, непроходимая бездарность, — продолжал он, — абсолютно ничего не понимающая в литературе, тем более в поэзии.

Я процитировал две строчки из стихов Родова:

Закрутил кран

И взял наган...

— Б-р-р... — вздрогнул Есенин.

На первое же собрание литкружка в “Бакрабочем” <см.: 3 апреля 1925, первая запись> Есенин пришел вовремя. Он был трезв, принимал активное участие в обсуждении прозы и стихов рабкоров...».

Юсов-2012, 511–513 (публ. Н.Г.Юсова и Г.И.Шипулиной).

Март, конец ... Апрель, до 16. В московском издательстве «Мир» выходит книга И.А.Желобовского, С.С.Розанова, В.Д.Сперанского «Год занятий по литературе. Задания. Группы VI, VII, VIII и IX», где говорится о Есенине.

Кн. летопись, 1925, № 7, апр., поз. 4201.

Из книги:

«Задание 11-е.

ДЕРЕВНЯ, КАК ОНА ЕСТЬ.

Художественный матерьял.

Л Сейфуллина. “Перегной” (повесть). Изд. “Сибирские огни”. Ново-Николаевск, 1923 г.

То же, — изд. “Круг”. Москва – Петербург, 1923 г. и в других изданиях 1923–24 гг. 92 стр.

А.Неверов. 1) “Бабы”. Есть в отдельн. изд., 52 стр. 2) “Андрон Непутевый”, повесть.

Сборник “Недра”, I. М., 1922 г. Стр. 36.

Есенин. Сборники стихотворений:

“Радуница”, Изд. Моск. Труд. Артели Худ. Слова. Москва. 2-й год. 1-го века (1918 г.).

“Преображение”, 1921 г.

“Трерядница”, 1921 г.

Критический матерьял.

<...> III. К произведениям Есенина:

Троцкий. “Литература и революция”, стр. 48–50.

В своей небольшой статье о творчестве Есенина т. Троцкий останавливается главным образом на “имажинизме” Есенина, дает оценку имажинизма вообще и имажинизма Есенина в частности и в том же имажинистском разрезе разбирает драму Есенина “Пугачев”. В статье ряд интересных мыслей: об основах Есенинской “похвалы” хулиганству, его избыточной образности и др.

Воронский. “Красная Новь”. 1924 г., № 1, стр. 271–289.

Статья дает общую, очень высокую, оценку таланта Есенина, но осуждает поэта за многие из его произведений, упрекая его в области идейной — в религиозности, двойственности мирозерцания и даже некоторой реакционности, а в области художественной формы — в слишком большой погоне за образами.

Статья очень показательна, как образец критического метода т. Воронского, но лицам, желающим работать, применяя более четкий марксистский анализ, придется сосредоточить свое внимание не на особенностях душевного склада Есенина-человека, а на художественных образах и настроениях Есенина-поэта.

П.С.Коган. “Литература этих лет”, стр. 118–125.

Обзору и оценке творчества Есенина посвящена вся восьмая глава.

П.С.Коган приходит к совсем иным выводам, чем те, которые сделал т. Воронский. В творчестве Есенина отразилась не только Русь смиренная и кроткая, но и Русь “буйственная”, породившая бессмысленные и неорганизованные бунты. И к той, и к другой поэт одинаково близок, он “чувствует бурную динамику революции”, он проникнут пафосом наших дней».

Издательство «Гудок» (М.-Л.) выпускает книгу М.Беккера «Поэты и писатели красной молодежи (опыт характеристики комсомольской художественной литературы)», в которой говорится о Есенине.

Кн. летопись, 1925, № 7, апр., поз. 3861.

Автор пишет:

«В отличие от “мужиковствующих” поэтов Есенина, Клюева, Орешина и других, они <пролетарские поэты> воспевают новую деревню в головном уборе из электрических ламп и железном наряде из тракторов, машин и т. д. Но воспевать город, деревню, труд, фабрику — недостаточно. Тов. Троцкий правильно заметил, что воспевание крыш завода, фабричных труб, станка и т. д. не дает еще патента на звание пролетарского поэта. <...>

У крестьянского поэта Есенина — ивы сравниваются с монашками и хаты с образами в ризах и т. д. Все эти образы, несмотря на их художественность, подчеркивают реакционную сущность поэта и его связанность с миром религиозных представлений. Борясь против мистики во всех ее проявлениях, пролетарские поэты и писатели употребляют образы, имеющие чисто антирелигиозное значение. У Алексея Волжского, писателя-антирелигиозника — церковь расположилась и выросла, “как поганый гриб”.

Пролетариату нужны такие образы, которые более всего соответствуют задачам его борьбы в переходную эпоху».

См. также: до 4 марта 1925.

Ленинградское отделение Госиздата РСФСР выпускает сборник «Родной язык в школе» (кн. 7) с материалами, в которых заходит речь о Есенине.

Кн. летопись, 1925, № 7, апр., поз. 4229.

В сборник входят:

— статья Н.Н.Фатова «Научная схема русской литературы».

«Имажинисты и им подобные» отнесены автором, предпринявшим распределение писателей по социологическим рубрикам, к литературной богеме.

Н.Н.Фатов также отмечает:

«... группа *крестьянских писателей*, среди которых можно наметить ряд слоев от относительно *правых*, в роде мистического Клюева, через “*богемствующего*” Есенина до “*левых*”, пришедших к коммунизму, как Неверов, Подъячев и др.»;

— обзор Д.Д.Благого «Новые работы по русской литературе» с цитатой из книги Л.Д.Троцкого «Литература и революция» (1923):

«...Есенин с группой имажинистов, отчасти Клюев <...> были бы невозможны <...> без революции».

Март. Е.А.Есенина пишет шуточное стихотворение, в котором упоминает брата:

Придет весна из города,
Настанет время жать.
Сергей сберется с силами
И мне не даст пожать.

Приеду в поле к матери,
К отцу приду я в дом
И расскажу с глубокою
Печалью обо всём.

Что так, мол, дело было
И так оно, мол, есть,
Что за любовь ругаются
И не дают мне есть.

Велят искать дорогу,
А я совсем слепа,
Хрома на одну ногу
И с придурью слегка.

Возьмите ж меня, рódные,
На свой немудрый путь,
Чтоб мне не быть голодною
И малость отдохнуть.

Потом я поработаю,
Пока не утомлюсь.
И ночьюю глубокою
В трясине утоплюсь.

Шубникова-Гусева-2008, 447.

Время написания определяется по помете Г.А.Бениславской на том же листе рукописи автора:

«Стихи Кати в марте 1925 г.».

Е.А.Есенина — автор рассказов «Был великий пост...», «Заяц», «Кто виноват?», «Лягушки», «Шесть утят», «Чернавка», «Чертов палец». Написаны в 1940-е гг. Один из них — «Шесть утят» — будет напечатан в газ. «Пионерская правда» (1946, 7 мая, № 37). Другие опубликует ее дочь Наталья (см.: В семье родной, 165–177).

В Тойле (Эстония) Игорь Северянин пишет «Рояль Леандра» — стихотворный «роман в строфах», в котором иронически упоминает Есенина (II часть, 5 главка):

Всё импотентнее Буренин,
С пера его течет вода,
И, сопли утерев, Есенин
Уже готов пасти стада...

Время события устанавливается по указанию на обороте титульного листа отдельного издания романа (Бухарест, 1935): «Роман “Рояль Леандра” написан в одну из недель марта 1925 г.».

Март (?). Государственное издательство Украины выпускает в Харькове книгу А.П.Машкина «Пути марксистской литературной критики», где сопоставляется образность лирики Есенина и В.Казина:

«...марксистская методология социальный фундамент отыскивает не только для внутренней формы художественного произведения, но и для формы внешней. Выше была отмечена социологическая тенденция для объяснения только что названной формы “Двенадцати” <А.Блока> и “Восстания” <Э.Верхарна>. Укажем на более резкую параллель: лирику Есенина и Казина, поэтические краски которых отчетливо, без необходимых комментариев, говорят об их социальной базе. Вот сопоставление картины бури у одного и другого автора: “Грянул гром, чашка неба расколота, тучи рваные кутают лес”, или “Тучи с ожерёба ржут, как сто кобыл”. Таковы есенинские образы названного выше яв-

ления. Они представлены непосредственным бытом деревни есенинской. Но если из деревни направимся в город, на завод, к рабочей поэзии, то увидим совершенно другую картину той же бури. Мир социальных бытовых явлений диктует, естественно, и другие образы. Так, у рабочего поэта Василия Казина в его “Лебедином своде” последний называется уже не чашкой, а синепламенным заводом. Что же творится во время бури на этом “заводе”? Вот цитата из названного стихотворения: “Чу, порывистый гудок пыльным <так!> голосом зовет. И спешат со всех концов в толстых блузах закопченных толпы мощных кузнецов, вековым гудком сплоченных...” У него гром — это гудок, серые тучи — толпы мощных кузнецов и т. д. Что же в результате сопоставления? Последнее дает твердую уверенность в том, что социологические предпосылки управляют не только содержанием, идеей, но и теми красками, которыми внутренняя форма произведения проявляется, и оно становится доступным читателю.

И не одни только художественные произведения отдельных поэтов подлежат переводу на язык социологии, но и целые литературные направления».

Отклик см.: до 7 апр. 1925.

Московский журнал «Всемирная иллюстрация» (№ 3; за март) под общим заголовком «Юбилей “Дома Печати”» публикует материалы П. Керженцева, Вяч. Полонского и Вл. Виленского (Сибирякова). Последний заводит речь о Есенине:

«Кого только не видала эстрада “Дома Печати”. Здесь Мейерхольд излагал основы своего “Театрального Октября”, тут Форреггер ставил “Царскую тещу”, Маяковский, Есенин, Каменский читали свои стихи, Якулов рассказывал “о макетах”, Луначарский читал “Дон-Кихота”, Брюсов — стихи, литературные критики, по ядовитому выражению Вячеслава Полонского, занимались “критикой” прошлого и настоящего... Тогда полуголодного и даже холодного».

В Москве выходит временник Ассоциации современной музыки при Российской академии художественных наук «Современная музыка» (№ 8) со статьей В. Беляева «Мясковский, Гедике, Александров», в которой заходит речь о Есенине.

Высоко оценивая творчество А. Н. Александрова, автор пишет:

«... в самое последнее время им написан <...> ряд романсов на стихи С. Есенина, В. Ходасевича и В. Пяста. Среди этих произведений многие отличаются необычайно художественной выразительностью, законченностью и простотой, которые являются делом лишь выдающегося таланта».

См.: 3 окт. 1924, пятая запись; 13 окт. 1924; до 11 янв. 1925; 28 апр. 1925, первая запись; 30 окт. 1925; нояб. (?) 1925, вторая запись.

Март — Май. Есенин регулярно читает периодику и литературные новинки.

А. А. Есенина вспомнит:

«Очень много Сергей читал. Он следил за всеми литературными новинками. На ломберном столе, на тумбочке у нас всегда лежали последние номера журналов “Красная новь”, “Красная нива”, “Прожектор”, альманах “Круг”. Иногда к нему приходили начинающие поэты, и он охотно и живо подолгу с ними разговаривал».

Восп., 1, 113.

Ср. также: 25 апр. (?) 1925.

Апрель, 1. Читатель М.И.Себекин пишет Есенину:

«Далекий, дорогой, русский Сергей Есенин!

Не знаю, где Вы теперь, думаю наудачу адреснуться в Тифлис в издательство, может быть, оттуда письмо и к Вам попадет, чему я был бы очень и даже весьма рад. Извините меня за дерзость писать Вам, но я знаю Вас, читал Вас много и люблю Вас за то, что Вы, Есенин, — широкий, русский, несравненный талант.

<...> я сталкивался с Вами в кружках и с тех пор привязался, привык к Вашим стихам. После Вашего скандала в пивной <см.: Летопись, 4, 134–138> я прочел “Москву кабацкую”, очень музыкальное, лирическое произведение, очень талантливое, но слишком уж много индивидуального пессимизма. Дорогой Есенин! У меня нет ни одного Вашего сборника, кроме “Пугачева”, потому что я беден, не за что купить, но всем своим русским знакомым я читаю отрывки Ваших стихов и заставляю покупать Сережку Есенина, потому что он новый большой русский поэт, а не куплетист...

(я вам не кенар,
я — поэт...).

Я буквально заразил есенинской лирикой моих товарищей по школе, ныне актеров театра 4 студии, которые, несмотря на то, что носят “ак-значки”, предпочитают прочесть на публичных концертах “Суку” <“Сыпь, гармоника! Скука... Скука...”> — “Устал я жить” — Есенина.

Вчера, истратив последние 60 к., я купил со скидкой 15% Ваш последний сборник, изданный в Тифлисе <“Страна советская”>, и, по-настоящему роняя в стакан чая настоящие человеческие слезы, читал в артистической дружной компании “На Кавказе”, “Возвращение на родину”, “Русь уходящая” и проч.

Я — бедный “полустудент”, не имеющий ровно никаких профессиональных, партийных, производственных стажей. Четыре года двадцатипятилетней жизни своей я отдал Красной Армии, кинул, как “коню под хвост”, в результате меня считают отсталым, не приспособленным к советским условиям. А ведь я — человек, хорошо слышу и вижу прекрасно вдаль. Вижу вдаль большую птицу, распростершую свои широкие крылья и готовую взметнуться в голубую, звонкую высь, — это Есенин, и слышу, как крылья этой могучей птицы обламывает какая-то погань, но поздно, “идри ваши полки”, Есенин облетел уже пол-Руси. Пускай себе РКСМ (молодежь) поет “Демьяновы куплеты” (Демьянова уха приторна), а иная молодежь будет читать Есенина.

Я тоже много бумаги попортил, пробуя стихи писать, но, кажется, ничего не вышло, а, может быть, потому, что не попал под настоящий надзор, в Союз же “Всероссийских писателей” на Тверском бульваре я не счел долгом записаться, там и без меня много мажорных, пожалуй, еще и хуже...

Я беден, как испанский нищий, но, дорогой, незнакомый Сережа, я сразу побогател бы, если бы Вы вдруг познакомились со мной и ответили мне на письмо мое, ибо если не ответите, то очень обидите, а обижать нищих не надо, они и так обижены, их очень много, они жалки!!!

Клянусь рифмой, имей я деньги, махнул бы в Грузию...

Остаюсь в искреннейшем расположении к Вам, навсегда Ваш
Мих. Себекин.

P. S. Был бы несказанно рад, если бы Вы переслали мне со своей надписью “Исповедь хулигана” и сборник, изданный в Тифлисе, деньги вышлю, как только заработаю.

PPS. Моя полутемная клетка-комната в любую погоду, в любую часть года, дня и часа открыта для Вас гораздо шире, чем кому бы то ни было, даже родным. Нетерпеливо буду ждать ответа».

Письма, 276–278.

Опущенную часть письма см.: 2 февр. 1920.

Московский журнал «Рабочий читатель» (№ 7) публикует материалы, в которых упоминается Есенин:

— рецензию М. Амшинского «Растет и крепнет пролетарское творчество» — отклик на вышедший в Туле № 1 журнала «Ватага»:

«Стихотворение Вьюгина без названия посвящается Сергею Есенину. Это уже совсем не по-пролетарски. Хотя Есенин парень и талантливый, но ему не по пути с нами. Этот парень к пролетарским писателям ни с какой стороны не подходит и посвящать ему стихи по меньшей мере неразумно. Быть может, тов. Вьюгин не пролетарский поэт и является поклонником уличных поэтов-пошляков, к числу которых принадлежит и Есенин? Тогда незачем его пускать в сборник пролетарского творчества.

Стихотворение Вьюгина без названия — пошлый набор слов. Помимо того, что оно бездарно по форме, оно совершенно бессодержательно:

Положенный светскою забавой,
Увидал в подонках грязных Русь,
Где сжала стальным кольцом удава
Голь и бедноту опаловая грусть.

Эта пошлятина, вероятно, близка и понятна только автору и Есенину, но при чем же тут читатели, на которых рассчитан журнал?

По московским гулким дугам улиц
Бьют буруны в груди грузно вдруг,
И с тобой ведь многие тонули
В кабаках — пришлось ко двору.

Поэт врет. По-нашему, и в кабаках такие писания ко двору не придутся.

Товарищи из Тулы, вразумите бедного Вьюгина! Он погибнет, если не остепенится вовремя...».

См.: 25 марта 1925, третья запись;

— рецензию (подпись: «А.-В.») на издание «Перевал. Сборник второй» (М.: Госиздат. 1925):

«Рецензируемый сборник является органом группы молодых литераторов “Перевал”. Эта группа возникла из ряда комсомольских поэтов, попавших на удочку Воронского, ушедших год тому назад из группы “Молодая гвардия” ВЛКСМ. В результате по всему сборнику проходит красной нитью *упадочное настроение*. Авторы как будто ищут причин во что бы то ни стало страдать. *А ведь там есть очень талантливые поэты.*

Прекрасны стихи А. Ясного, Светлова, Наседкина. Почти все произведения красочно и многогранно представляют различные края нашего Советского Союза. Искренность авторов поражает. Но неужели упадочнические <так!> настроения искренни? А если да? Не есть ли это *результат оторванности этих литераторов-комсомольцев от основной их среды?*

Пора им призадуматься. *Раз Есенин мог настолько “повернуть оглобли”, то им это тем более удастся.*

В дальнейшем такое положение рискованно — это ведет к *полному вырождению*».

«Бюллетень торгового сектора Государственного издательства» (№ 4) упоминает Есенина:

— в сведениях о публикациях поэта:

«*Новые издания.* Поступили в продажу в марте 1925 г.

Общий отдел <...>

Есенин. Песнь о великом походе. <...>».

См. также: 1–6 авг. 1924, третья запись; 2 сент. 1924, первая запись; 15 марта 1925, третья запись; 28 марта 1925, первая запись; 1 ... 15 апр. 1925; 5 апр. 1925, третья запись; 12 апр. 1925, вторая запись; 15 апр. 1925; 16 апр. 1925; 22 апр. 1925, вторая запись; до 3 мая 1925; 13 мая 1925; 24 мая 1925, седьмая запись; 24 сент. 1925, пятая запись; после 24 сент. ... 2 нояб. 1925, или 9 ... 25 нояб. 1925; первая половина дек. 1925, пятая запись.

«*Отдел периодических изданий* <...>

Красная новь. № 2, февраль 1925 г.

Содержание <...> Стихи С.Есенина. <...>

Новые издания. Выйдут в ближайшее время.

Редплан. <...> Литературно-художественный отдел.

<...> Есенин. Березовый ситец. 3 $\frac{3}{4}$ л<листа>».

См. также: 15 апр. 1925; 1 мая 1925, восьмая запись; 15 мая 1925, пятая запись; 21 ... 30 мая 1925; 22 мая 1925, первая запись; 1 июня 1925, третья запись; 1 ... 15 июня 1925; 5 июня 1925, первая и вторая записи; 10 июня 1925; 11 июня 1925; 12 июня 1925, первая-третья и пятая записи; с 12 на 13 июня 1925, вторая запись; до 15 июня 1925, вторая запись; 20 июня 1925, первая запись; 27 июня 1925, первая запись; 30 июня 1925, восьмая запись; 2 июля 1925, первая запись; до 7 июля 1925; 14 июля 1925, вторая запись; 26 июля 1925, седьмая запись; 31 июля 1925, вторая запись; 2 авг. 1925, третья запись; 11 авг. 1925, вторая запись; 1 сент. 1925, третья запись; 10 ... 24 сент. 1925; 18 окт. 1925, первая запись; окт. (?) 1925, первая запись.

— в объявлении:

«Продолжается прием подписки на 1925 год на литературно-худож<ественный> и научно-публи<стический> журнал “Красная новь”. В ближайших книжках <...> стихи: <...> С.Есенина».

Апрель, 1 ... 15. В Российскую центральную книжную палату поступает книга Есенина «Песнь о великом походе».

Кн. летопись. 1925, № 7, апр., поз. 4642.

См.: 1–6 авг. 1924, третья запись; 2 сент. 1924, первая запись; 15 марта 1925, третья запись; 28 марта 1925, первая запись; 1 апр. 1925, третья запись; 5 апр. 1925, третья запись; 12 апр. 1925, вторая запись; 15 апр. 1925; 16 апр. 1925; 22 апр. 1925, вторая запись; до 3 мая 1925; 13 мая 1925; 24 мая 1925, седьмая запись; 24 сент. 1925, пятая запись; после 24 сент. ... 2 нояб. 1925, или 9 ... 25 нояб. 1925; первая половина дек. 1925, пятая запись.

Апрель, 1(?)–7. Есенин простужается и получает воспаление надкостницы.

События и их верхняя граница определяются по письму поэта Г.А.Бениславской (см.: 8 апр. 1925, вторая запись).

См. также: 7 апр. 1925, первая запись; до 17 апр. 1925; 19 апр. 1925, первая запись.

Апрель, 2 (?). В приложении «Мажак» к пражскому журналу «Mladé proudy» (№ 6/7) повторно выходит четвертая главка поэмы Есенина «Пре-

ображение» («Стихны, ветер...») в переводе Франтишека Коварны (František Kovárna) на чешский язык.

Дата выпуска номера определяется предположительно с учетом сведений о том, что журнал выходил дважды в месяц по четвергам.

О первой публикации перевода см.: 12 февр. 1925, первая запись.

Апрель, 2 и 3. Газета «Бакинский рабочий» (№ 73 и 74) дает объявление:

«В пятницу, 3 апреля <...> очередное собрание кружка рабочих писателей и поэтов. <...> Сергей Есенин читает свои последние стихи».

Апрель, 3. Есенин посещает собрание литературного кружка рабочих писателей и поэтов при газете «Бакинский рабочий».

Слушает стихи поэтов-рабочих, высказывает о них свое мнение, а затем читает собственные произведения, в том числе стихотворение «Русь советская».

Из отклика:

«В пятницу на очередном собрании кружка рабочих писателей и поэтов при «Бак<инском> рабочем» принимал участие в работе кружка и читал свои стихи Сергей Есенин.

При нем зачитали стихи члены кружка тт. Бух, Иванов, Рабинович, Муран и Дидаев.

Буху еще нет шестнадцати лет, но работает он много. Его стихи понравились и Есенину, отметившему в них чувство умеренности и живую пульсирующую мысль. Если Бух не потеряет головы от похвал (а это, к сожалению, случается), то из него выйдет хороший поэт. <...> Неожиданно блеснул хорошими стихами начавший с прозы масленщик <так!> Пётр Дидаев <...>. В его стихах есть шероховатости, но он умеет учиться, а это гарантия того, что он выбьется на широкую дорогу художественного творчества... Дидаев — лирик, и многообещающий лирик.

— В некоторых местах Дидаев пошел дальше меня, — вот подлинные отзывы Есенина о нем. <...>

Последним читал свои стихи Есенин. Несколько слов о том, как читает Есенин.

У него несомненное артистическое дарование, которое так гармонирует с его талантливой лирикой. Слушали его, буквально затаив дыхание. Чувствовалось, что поэт читает от всей души.

Что же Есенин читал?

“Москву кабацкую”, несмотря на просьбы аудитории, он не хотел читать.

— Я отошел уже от этого периода, — заявил Есенин.

...Зато с большим подъемом прочел он свои чисто лирические стихи и в особенности “Русь советскую”.

Зигзагообразно, медленно он идет к нам. Есенин крупный талант, порою плотно подходит к Пушкину, и то, что он дал, уже неопределимо, но он может дать еще много.

Не будем же мешать ему в его повороте к нам. Будем его и в дальнейшем оберегать и лелеять».

[Гурвич Е.] В кружке рабочих писателей и поэтов при «Бакинском рабочем»: Выступление С. Есенина. — Газ. «Бакинский рабочий», 1925, 10 апр., № 80; подпись: «Р. Б.».

Вырезка — Тетр. ГЛМ.

Е.А.Гурвич вспомнит (1965):

«На первое же занятие литкружка в “Бакрабочем” Есенин пришел вовремя. Он был трезв, принимал активное участие в обсуждении прозы и стихов рабкоров, похвалил молодого плотника <так!> Петю Дидаева. Стихи столяра Саши Капустина не одобрил, хотя и оговорился, что не воспринимает производственных стихов, посоветовал поэту ввести в стихи побольше задушевного. Так и сказал: “Больше души, чтоб читатель видел не только фуганочки и рубаночки, но и душу столяра”. Резко он отозвался о стихах Высоцкой, но рассуждения ее о стихах других авторов ему понравились: “Знает толк в стихах...”

Собрания, на которых присутствовал Есенин, были многолюдны и проходили оживленно. Читал поэт и свои стихи.

И как читал!

Сядет на стол, чуть опустит голову и читает тихим, но полным чувства голосом, а на опущенных ресницах блестят крохотные слезинки. Нельзя было его слушать без глубокого волнения.

— Душу тревожит, — говорил старик Ковалев, — птица-соловей, а не человек!

— Совесть очищает от житейской скверны, — так оценил чтение Есенина одаренный поэт рабочий Гусев. <...>

И вот как-то раз к нему <Есенину> подошел старик кузнец Ковалев.

— Больно хорошо читаешь и пишешь, сынок, — сказал он, — но чего ты всё грустишь? Что у тебя на сердце? Смотри, как весело зажили люди — круглогодняя весна наступила.

— А я вот не вижу ее, папаша, — вздохнул поэт.

— Ты, сынок, не знаю, как величать тебя по отчеству, шире смотри, мир велик.

— Шире, говоришь? — встрепенулся Есенин и вздохнул: — Не могу я.

— Помахал бы сорок пять лет кувалдой, как я, смог бы.

— И то правда, — поскутнел Есенин, попрощался и быстро удалился.

— Эх, — вздохнул Муран, — расстроил ты Сережу, — упрекнул он старика, — золотой человек, душа-то, душа у него — вся насквозь».

Юсов-2012, 513–516 (публ. Н.Г.Юсова и Г.И.Шипулиной).

Газета «Бакинский рабочий» (№ 74) под общим заголовком «Персидские мотивы» печатает стихотворения Есенина: «В Хороссане есть также двери...» <«В Хороссане есть такие двери...»> и «Голубая родина Фирдуси...»

Под публикацией подпись:

«Сергей Есенин. Март 25 г.».

Об исправлении ошибки в начальной строке первого из стихотворений см.: 5 апр. 1925, вторая запись.

«В наб. экз. текст <стихотворения> представлен в виде вырезки из Бак. раб., на которой авторской правки или других его помет нет. В Собр. ст. текст, не совпадающий ни с наб. экз., ни с другими прижизненными публикациями. Подобное расхождение может быть объяснено только тем, что редакция располагала каким-то неизвестным в настоящее время источником и следовала указаниям автора. <...> В этой связи стихотворение печатается по Собр. ст.».

А.А.Козловский — Есенин, I, 654.

Перед сдачей стихотворений в газету Есенин продолжает работать над ними.

Предшествующие варианты:

— первого текста:

Где обсеян розами порог (ст. 2);

Но дверей не мог я отпереть (ст. 10);

До свидания, Пери, до свидания,
 Хоть дверей не смог я отпереть,
 Ты дала ведь нежное страдание,
 Про тебя на родине мне петь.
 До свидания, Пери, до свидания (ст. 21–25).

Есенин, 1, 372–373;
 — второго текста:

Я с тобой несчастий не боюсь (ст. 21).

Есенин, 1, 373.
 О перепечатках стихотворений см.: 10 ... 22 апр. 1925; после 26 мая 1925.

В парижской газете «Вечернее время» (№ 288) печатается статья Вл. Ладыженского «Детские муки» с откликом на стихотворение Есенина «Русь бесприютная»:

«В песнях страдающих детей рассыпаны блёстки художественного творчества, потому что по существу своему это творчество связано с совестью. И всякий раз, когда пробудится совесть в человеке, она будет за них, за этих страдающих безвинно детей... Поэт Есенин не без достаточных, кажется, оснований определяет себя профессиональным скандалистом и всё-таки пишет про себя:

Проснулась боль в угасшем скандалисте:
 Мне вспомнилась печальная история,
 История об Оливере Твисте.

Для советского поэта очень характерно, разумеется, это воспоминание по поводу страдающих детей об Оливере Твисте и вообще о Диккенсе, этом, по выражению Достоевского, самом христианском по настроению писателе. И среди безбожной оравы коммунистов к несомненному христианскому выводу приходит поэт.

Мальчишки эти, лет семи-восьми,
 Снуют среди штатов без призора,
 Бестелыми, корявыми костями
 Они нам знак тяжелого укора.

И не только нам, русским, но и всему миру они должны быть знаком тяжелого укора. Примириться с этим — значило бы утратить последние остатки человеческой совести и утратить человеческий лик, давно утраченный Сольцем. С невольной грустью вспоминаются слова И. А. Бунина в одной из его речей по поводу коммунизма в России:

“— Кошмар этот длится при полном попустительстве всего мира, который уже давно должен был бы крестовым походом идти на Москву”.

Если бы только мир сочувствовал детским страданиям:

Пою о <так!> тех, кто спит порой в сортире.
 О, пусть они хотя б прочтут в стихах,
 Что есть о <так!> них обиженные в мире.

Есенин хорошо знает, что те, кто ночует в котлах и сортирах, кто десятками и сотнями тысяч бродит по Руси “бестельными корявыми костями”, — не прочтут ни одного стиха из его творений. Они умирали, умирают и будут умирать в несказанных муках на глазах всего мира. И всё-таки спасибо ему за то, что в его словах доносится отголосок их сто-на...».

Об исходной публикации стихотворения см.: 16 нояб. 1924, первая запись.

О перепечатках см.: до 20 янв. 1925, третья запись; 31 янв. 1925, первая запись; 22 февр. 1925, третья запись; 22 марта 1925.

Московская газета «Известия ЦИК СССР и ВЦИК Советов» (№ 76) печатает информацию о продолжении подписки на журнал «Новый мир» с указанием содержания февральского и мартовского номеров со стихотворениями Есенина.

Апрель, 4 и 9. Московская газета «Правда» (№ 77 и 81) объявляет о продолжении подписки на журнал «Новый мир».

Раскрывается содержание февральской и мартовской книжек журнала. В обоих случаях в рубрике «Стихи» указано имя Есенина.

См. также: 26 марта 1925.

Апрель, до 5. В ленинградском издательстве «Прибой» выходит «Рабочий чтец-декламатор» (составители С.Городецкий, Е.Приходченко; предисловие А.Луначарского) с произведениями Есенина «Товарищ» и «Пантократор» (фрагмент «Сойди, явись к нам, красный конь...», строки 49–68).

Граница события устанавливается по наличию выходных данных сборника в рубрике «Новые книги» (газ. «Правда», 1925, 5 апр., № 78).

См.: 6 мая 1925, третья запись; 30 июня 1925, восьмая запись.

См. Приложение.

Апрель, 5. Московский журнал «Красная нива» (№ 14) публикует стихотворение Есенина «Несказанное, синее, нежное...»

См. также: янв. (?) 1925, первая запись; 7 апр. 1925, вторая запись; 26 апр. 1925, вторая запись; 10 мая 1925, вторая запись; 19 июля 1925, вторая и шестая записи; 30 авг. 1925, третья запись.

Газета «Бакинский рабочий» (№ 75) сообщает о допущенной опечатке в начальной строке стихотворения Есенина:

«В стихах С.Есенина “Персидские мотивы” (“Бак<инский> рабочий” от 3 апреля) в первой строке вкралась опечатка. Напечатано: “В Хороссане есть также двери”. Надо читать: “В Хороссане есть такие двери”».

См. также: до 6 или до 7 марта 1925; 6 или 7 марта 1925; 3 апр. 1925, вторая запись; 10 ... 22 апр. 1925; 11–12 мая 1925; после 26 мая 1925.

Газета «Трудовая Пенза» (№ 78; рубрика «Книжная полка») сообщает о поступлении в продажу книги Есенина «Песнь о великом походе».

См.: 1–6 авг. 1924, третья запись; 2 сент. 1924, первая запись; 15 марта 1925, третья запись; 28 марта 1925, первая запись; 1 апр. 1925, третья запись; 1 ... 15 апр. 1925; 12 апр. 1925, вторая запись; 15 апр. 1925; 16 апр. 1925; 22 апр. 1925, вторая запись; до 3 мая 1925; 13 мая 1925; 24 мая 1925, седьмая запись; 24 сент. 1925, пятая запись; после 24 сент. ... 2 нояб. 1925, или 9 ... 25 нояб. 1925; первая половина дек. 1925, пятая запись.

Нью-йоркская газета «Русский голос» (№ 3428) помещает рецензию З.И.Гисенькина «О Ржи и Крапиве» на первую книгу стихов Р.Магидова «Рожь и крапива», где отмечается влияние поэзии Есенина:

«... еще нет настоящей “колосистой ржи” и нет настоящей крапивы. Всё в книжечке — преддверье к чему-то. <...> Но уже чувствуется приятная теплота. Блещут яркие зарницы. <...>

Но пока нет оформленного поэта. Что-то “Маяковский нашептывает”. Сильно и влияние имажинистской плеяды Есенина.

Всё мчится: солнце — мячиком.
Деревья — гурьбой жеребят.
Желанье — задорным мальчиком:
Увидеть, увидеть тебя.

И, конечно, неизбежны и есенинские недостатки: тяжелое нагроможденье (или, скорее, перегружение) образов.

Отчего в моем сердце монашкой
Грусть не устала молиться?

Тяжеловато...

<...> В общем книжечка производит хорошее, радостное впечатление. Она хорошая примета. Только — боюсь (откровенно скажу): что станет с автором... в царстве нью-йоркского асфальта, вдали от “жизни родимых полей”. Как известно, на нью-йоркских панелях даже крапива не растет. Без России, вне её не может быть нового творчества у русского поэта. Тем более молодого. Боюсь за Магидова. Боюсь и жаль мне его будущего».

В воскресном приложении к этой газете публикуется статья Д.Подоксика «Сергей Есенин и имажинисты»:

«Вадим Шершеневич, бывший футурист и родоначальник имажинизма много места уделяет Есенину в своих “Письмах друзьям”. И действительно, Есенин крупная звезда в созвездии имажинизма. Его образы не только замечательно оригинальны, но в них чувствуется телесная гибкость, музыка. Есенин не только внешне выдержан, но он и внутренне красив. В каждом стихотворении его — свое содержание. Все стихи поэта одинаково свежи, талантливы, за исключением поэмы “Инония”, которая надуманна и тяжеловесна. В то время как Северянин и Бальмонт застряли на своих первых книгах и сейчас ничего ценного не творят, Есенин по-прежнему свеж, молод и многообещающ. Ряд местных русских газет многократно печатали новейшие произведения Есенина. Я преклоняюсь перед его величием. Как же не радоваться следующим прекрасным строфам стихов из нового стихотворения поэта “Весна”:

“Привет тебе,
 Мой бедный клен:
 Прости, что я тебя обидел
 Твоя одежда в рваном виде,
 Но будешь новой наделен”. —
 Без ордера тебе апрель
 Зеленую отпустит шапку
 И тихо
 В нежную охапку
 Тебя обнимет повитель
 И выйдет девушка к тебе,
 Водой окатит из колодца
 Чтобы в суровом октябре
 Ты мог с метелями бороться.

Так нежно поэт разговаривает с кленом. Какие нежные уютные образы рождаются при этом у поэта.

Но последние произведения поэта доказывают нам о медленном уходе Есенина от имажинизма, здесь лирический эпос преобладает над образностью. Но, как раньше, поэт ароматен, нов. Недаром Айседора Дункан влюбилась в голубоглазого Сережу. Поэт за последнее время посвятил стихотворения новому быту в России. Пушкински прекрасно и оригинально стихотворение “На Кавказе”. Есенин сознает свое превосходство над многими поэтами, и вот что он говорит Кавказу:

Есть Маяковский, есть и кроме,
 Но он, их главный штабс-майор,
 Поет о пробках в Моссельпроме.
 И Клюев, ладожский дьячок,
 Его стихи как телогрейка,
 Но я их вслух вчера прочел,
 И в клетке сдохла канарейка,
 Других уж нечего считать,
 Они под хладным солнцем зреют,
 Бумаги даже замарать
 И то, как надо, не умеют.

Да, Есенин по-своему прав. Он действительно мелодичнее и милее многих и многих».

Нью-йоркская газета «Новое русское слово» (№ 4450) перепечатывает материал «Российские литературные новости (по частным письмам)» с упоминанием Есенина.

Об исходной публикации см.: 8 марта 1925, третья запись.

Рижская газета «Народная мысль» (№ 78) републикует стихотворение Есенина «Я спросил сегодня у менялы...» с пометой «Из персидских мотивов».

О других перепечатках см.: до 15 марта 1925, первая запись; после 26 мая 1925.

О первой публикации см.: 10 дек. 1924, первая запись.

Апрель, 5 и 17. Журнал «Город и деревня» (№ 6 и 7) называет Есенина в числе авторов издания.

См. также: 5 марта 1925, четвертая запись; 20 марта 1925, вторая запись; 1 и 31 мая 1925; 25 июня 1925, вторая запись; 10 и 25 июля 1925; 15 авг. 1925, вторая запись; 1 и 25 сент. 1925; 5 окт. 1925, вторая запись; 7 и 30 нояб. 1925.

Апрель, 6. Есенин делает надпись на отдельном листе с машинописным текстом своего стихотворения «Собаке Качалова»:

«На память Сене с тем, что я обещаю ему черновик. 6 / IV 25».

Есенин, VII (1), 260, 487–488.

Скорее всего, она адресована сотруднику редакции газеты «Бакинский рабочий» С.Ф.Файнштейну. Вероятно, с этого машинописного списка делался набор текста стихотворения в типографии, где печаталась газета «Бакинский рабочий» (см.: 7 апр. 1925, вторая запись).

Факсимиле см.: Юсов-96, 337.

См. Приложение.

О черновом автографе стихотворения см.: после 12 ... после 14 или 15 (?) марта 1925.

Апрель, до 7. В Москве выходит журнал «Новый мир» (№ 4) с упоминаниями Есенина:

— в рецензии В.Красильникова на книгу В.Александровского «Ветер: Стихи и поэмы» (М.: Госиздат, 1925):

«Формальный анализ сборника “Ветер” подтверждает, что, пережив и переживая ряд поэтических влияний (например, темы Блока в стихотворении “Две России”, ритм Есенина — “Синь” и “Поэма о Пахоме”), Александровский нащупал в стихе самого себя»;

— в рецензии Н.Фатова на сборник «Поэты наших дней: Антология» (М., 1924).

Отмечая некачественный, на его взгляд, отбор стихотворений, рецензент пишет:

«В сборнике же даны, например, такие стихи Есенина <“Небо ли такое белое...”>, В.Инбер, Н.Клюева, В.Казина, которые представляются для них не типическими».

См.: сент. ... до 16 или до 30 нояб. 1924;

— в рецензии Г.Якубовского на книгу А.Машкина «Пути марксистской литературной критики» (Государственное издательство Украины, 1925):

«Брошюра несомненно нуждается в коренной переработке, в расчленении вопросов критики от проблем эстетики, в конкретных иллюстрациях, вместо случайных ссылок на Блока, Есенина, Казина».

О рецензируемой книге см.: март (?) 1925, первая запись;

— в информации о продолжении подписки на журнал «Новый мир», где в содержании вышедших номеров отмечено участие Есенина.

Граница события определяется по информации в газ. «Известия ВЦИК СССР и ЦИК Советов» (1925, 7 апр., № 79) о том, что указанный номер журнала «вышел и рассылается».

Апрель, 7. В связи с болезнью Есенин обращается за медицинской помощью к терапевту, который рекомендует пациенту осмотр отоларинголога.

Событие и его дата устанавливаются по письму Есенина к Г.А.Бениславской (8 апр. 1925):

«Вчера ходил к лучшему врачу здесь, но он, осмотрев меня, сказал, что легкие в порядке, но горло с жабой и нужно идти к другому врачу, этажом выше».

Есенин, VI, 209.

См. также: 1 (?) — 7 апр. 1925; 8 апр. 1925, вторая запись; до 17 апр. 1925; 19 апр. 1925, первая запись.

Газета «Бакинский рабочий» (№ 77) публикует стихотворения Есенина «Собаке Качалова» и «Несказанное, синее, нежное...»

О первом стихотворении см. также: после 12 ... после 14 или 15 (?) марта 1925; 6 апр. 1925.

Второе стихотворение имеет здесь другой вариант второй строфы (см.: Есенин, I, 360); в нем также отсутствует шестая строфа, которая была в тексте первой публикации (см.: 5 апр. 1925, первая запись):

Принимаю, что было и не было,
Только жаль на тридцатом году —
Слишком мало я в юности требовал,
Забываясь в кабацком чаду (Есенин, I, 216).

См. также: янв. (?) 1925, первая запись; 5 апр. 1925, первая запись; 26 апр. 1925, вторая запись; 10 мая 1925, вторая запись; 19 июля 1925, вторая и шестая записи; 30 авг. 1925, третья запись.

Газета «Вечерняя Москва» (№ 79; рубрика «Простые истины») помещает статью М. Левидова «Насчет “стиль рюсс”», первая главка которой («Случай с поэтом») целиком посвящена Есенину:

«Десять лет назад это было, в 1915 году <...>. Тогда появилась в Ленинграде <так!> группа “крестьянских поэтов” — так они себя называли. Ходили они в “расейском костюме”, в кудрях, в сапожках, чуть-чуть не с гусями. В великосветских салонах с ними носились — это было и патриотично, и экзотично. Они читали стишки, в которых было много крестьянских слов, совсем непонятных. Стишки нравились дамам-патронессам.

Среди них был один, ставший за эти годы большим поэтом. Это — *Сергей Есенин*.

Звание “крестьянский поэт” прилипло к Есенину. Потому ли, что он доподлинно крестьянского происхождения, покинул свою деревню чуть ли не 15 лет отроду, потому ли, что стихи его часто говорят о деревне (в особом, специальном смысле), — это, в конце концов, неважно. Одно время условлились было называть его “имажинистом” (это симпатичное слово придумал, кажется, В. Шершеневич в дни своей розовой юности, и Есенин, по доброте характера, согласился быть имажинистом), но назывался он так недолго: обиделся. И снова стал крестьянским поэтом. И даже в некотором роде знаменем — или знаменосцем? Потому, что у нас теперь опять есть школа или группа крестьянских поэтов <...>, и они предьявляют права на Есенина.

Но меня мучает щекотливый и неделикатный вопрос: а что такое, в сущности говоря, крестьянский поэт? Поэт, который пишет для крестьянства? Вряд ли крестьянство, как таковое, читает стихи Есенина — это можно утверждать, не боясь обидеть талантливого поэта. Поэт, который пишет о крестьянстве, ну, в том смысле, как Некрасов писал о крестьянстве? Так нет же: Есенин — лирический поэт чистой воды — очень часто пишет о себе, иногда о других вещах, но никогда о крестьянстве; стихи, в которых фигурирует деревенская обстановка — скирды, овины, коровы, урожай, — в качестве фона картины — это не стихи о крестьянстве. Признак “для”, таким образом, отпадает, признак “о” также отпадает; неужели определяющим остается признак “из”; неужели Есенин потому крестьянский поэт, что он вышел “из” крестьянства? Это, конечно, несерьезно; такие критерии годились, пожалуй, для дам-патронесс, об этом и говорить не стоит.

Никак не понять, почему Есенин крестьянский поэт? А может быть, это и не так?»

Выделено автором; вырезка статьи — Тетр. ГЛМ.

Московский «Красный журнал» (№ 6) публикует фотографию В.Усова «Поэт Сергей Есенин со своей матерью».

Дата события устанавливается по информации газ. «Гудок» (1925, 7 апр., № 79).

О снимке см.: 5 марта 1925, вторая запись.

Апрель, до 8. Есенин пишет стихотворение «Голубая да веселая страна...»

Граница события устанавливается с учетом даты под беловым автографом стихотворения (см.: 8 апр. 1925, первая запись).

Недатированный автограф стихотворения (частное собрание), квалифицированный в 1962 г. как черновой (подробнее см.: Субботин-2012, 126), имеет посвящение «Гелия Николаевне» (дочери П.И. Чагина Розе; см. также: 6 или 7 марта 1925) и сопровождается пометой:

«Гелия Николавна! Это слишком дорого. Когда увидите мою дочь, передайте ей. С. Е.»
Есенин, VII (1), 294.

Р.П. Чагина напишет В.Г. Белоусову (13 янв. 1967):

«Вспоминается мне белокурый, молодой, светлоглазый, красивый дядя. Очень хорошо относился ко мне, с лаской и заботой. Играл по-своему: ставил на голову себе свой бритвенный прибор, брал меня за руки и танцевал со мной. Или становился на четвереньки, я взбиралась ему на спину, и он катал меня по комнате. Часто купался со мной в бассейне. Крал меня на автомобильную камеру, а сам плавал около меня, брызгал водой или брал на руки и учил меня плавать. Иногда играл со мной в театр. Я изображала из себя актрису и очень любила называть себя Гелия Николаевна (почему и откуда я взяла это имя, ни я, ни мама не помним). Часто я изображала телефонный разговор, и мы с ним переговаривались. Он называл меня: Гелия. И я радовалась».

Однажды он посвятил мне свое стихотворение “Голубая да веселая страна...”
Письма, 526–527.

Телеграфирует Г.А. Бениславской:

«Позвоните Бабелю, чтоб он заехал в Баку. Я буду ждать. Здесь ему будут очень рады».

Хроника, 2, 181–182, 342; Есенин, VI, 208, 694.

В Москве выходит журнал «Искусство» (№ 2) со статьей П. Сакулина «О возможности номологических обобщений», в которой заходит речь о Есенине:

«...культурные стихии, проникающие литературно-художественное творчество писателей, проявляют большую живучесть на протяжении веков. Такова прежде всего стихия христианства, которая имела определяющую роль для всего древнего периода нашей литературы и которая проникает собой ряд течений нового и новейшего периодов (до Достоевского, Льва Толстого, Н. Ключева и Сергея Есенина включительно)».

Граница события определяется по рецензии на журнал (газ. «Вечерняя Москва», 1925, 8 апр., № 80).

В Москве выходит журнал «Журналист» (№ 3; за март) с материалами, где говорится о Есенине.

Граница события определяется по газ. «Известия ЦИК СССР и ВЦИК Советов» (1925, 8 апр., № 80), где публикуется содержание номера (рубрика «Новые журналы»).

Журнал печатает:

— статью В.И.Нарбута «Советский писатель и книга в цифрах и фактах»:

«VII <группа> *Всероссийский Союз Поэтов* (СОПО) кроме Москвы, отделения Союза зарегистрированы еще в 3–5-ти городах РСФСР и УССР. Всего членов Союза до 150 чел.

Поэты “с именем” — Г.Шенгели, С.Есенин, Захаров-Мэнский, Аксёнов и др.».

В разделе «Котировка» имя Есенина в списке лидеров не значится. Вывод автора: рабоче-крестьянский писатель идет впереди «попутчика». Но его опережает иностранная книга.

См. также: 8 апр. 1925, пятая запись;

— анонимную заметку «Камни новой культуры (На выставке революционной литературы)»:

«Почти в одно время открылись в Москве две выставки — “наблюдательные социалистические станции”, по выражению тов. Луначарского, в которых заложены первые камни новой культуры, собраны и систематизированы материалы словесного и живописного творчества, выросшего из корней Октябрьской революции.

Эти выставки революционной литературы в Академии Художественных Наук) и АХРР (ассоциации художников революционной России).

Остановимся на первой из них.

Присутствовавший на открытии выставки революционной литературы тов. Луначарский произнес приветственную речь, в которой напомнил многочисленной аудитории слова Ильича о том, что мы не записываем всего того, что делаем, ибо “революцию делать вкуснее, чем описывать ее”.

Сейчас настало время собирания и учета революционного творчества, организации “социалистических наблюдательных станций”.

Открывшаяся выставка революционной литературы и является одной из таких “станций”, где собраны и учтены произведения, отображающие в большей или меньшей мере нашу героическую эпоху.

На выставке представлена не только послереволюционная, но и дореволюционная пролетарская литература, журналистика и марксистская критика.

Первую комнату занимает пролетарская литература. <...>

В центре второй комнаты щит — “Ленин в литературе”, к сожалению, очень неполный.

Среди экспонатов имеются весьма редкие экземпляры, печатные и рукописные, представляющие большую историко-литературную ценность, как, например, рабочий сборник “Наши песни”, сожженный царской цензурой, первые книги Свирского “Погибшие люди” и “Смех и Горе”, появившиеся раньше рассказов Горького на те же темы.

Затем — витрина рукописей Нечаева (с портретом), Ляшко (два рукописных сборника на бересте), Санникова, Есенина, покойных Тисленко и Страдного и др. Творчество и портреты Луначарского, Горького и Вересаева. В этой же комнате сконцентрирован диаграммный и юбилейный материалы. Выделяются диаграммы о книжной продукции в революционные годы, о московских журналах, особенно интересна диаграмма, рисующая рост поэмы, как героического литературного жанра, с 1918 года, и диаграммы о темах пролетарской художественной литературы. Дан материал о юбилее Серафимовича.

В третьей комнате — большой материал о суриковцах с момента их появления до превращения во Всероссийский союз крестьянских писателей, о рабоче-крестьянском кружке им. Неверова. Книги новокрестьянских писателей: Клюева, Орешина, Радимова, Есенина и др., вплоть до 1924 года. “Попутчики” (книги и портреты). Отдельная витрина Лефа и Маяковского. Уголок ушедших писателей. Специальное место отведено Блоку. Большой материал дан о Брюсове и ВЛХИ.

Портреты рабочих и крестьянских писателей на выставке восходят вплоть до рабков и селькоров.

Завершается выставка витриной “Современность и Пушкин”, где собраны статьи и стихи о Пушкине, написанные поэтами наших дней самых различных течений, начиная от пролетарских поэтов и до Есенина и Маяковского.

Над каждой группой экспонатов — лозунг-девиз, определяющий ее основную позицию.

В связи с выставкой, в зале Академии Художественных Наук состоялись вечера поэтов и писателей <...>. Эти вечера, послужившие живым дополнением к выставке революционной литературы, дали довольно яркое представление о тех путях и извилинах, которыми идет литература нашей революционной эпохи.

Отчетная выставка, несмотря на всю свою неполноту (совершенно не представлена провинция, отсутствует литература других республик, входящих в СССР), представляет огромное значение. Нужно, чтоб она осталась постоянной “показательной станцией”, столь необходимой для изучения современной революционной литературы».

См. также: 25 янв. 1925, вторая запись; 1 февр. 1925, первая запись; 4 февр. 1925, первая запись; 10 февр. 1925; 13 февр. 1925; 18 марта 1925, третья запись; до 23 апр. 1925.

Ср.: 3–10 мая 1925.

Апрель, 8. Есенин записывает набело стихотворение «Голубая да веселая страна...».

Автограф (ГМЗЕ) — с заголовком: «Подражание Омар Хаяму», посвящением: «Гелии Николаевне Чагиной» и авторской датой: «8/IV.25. Баку» — факсимильно воспроизведен в кн.: Есенинские раритеты: Каталог из фондового собрания / Гос. музей-заповедник С.А.Есенина. М.; [Рязань], 2011. С. 32–33.

См. Приложение.

В связи с тем, что первая публикация стихотворения состоялась лишь спустя несколько месяцев (см.: 10 авг. 1925), А.А.Козловский ставит дату этого автографа под сомнение: «...не является ли обозначение месяца опиской и не должно ли было вместо “IV” стоять “VIII”? Иначе трудно объяснить, почему стихотворение, написанное еще в апреле и тогда же якобы переданное П.И.Чагину, несколько месяцев лежало у него без движения и было опубликовано лишь 10 августа» (Есенин, I, 658). Однако это суждение представляет собой чисто гипотетическое умозаключение, не имеющее под собой никакой документальной базы (Субботин-2012, 135, примеч. 4).

См. также: до 8 апр. 1925, первая запись.

Пишет Г.А.Бениславской.

Сообщает, что его ограбили (см.: 28 ... 30 марта 1925), и продолжает:

«Когда я очутился без пальто, я очень и очень простудился. Сейчас у меня вроде воспаления надкостницы <см.: 1(?)—7 апр. 1925>. Боль ужасная. <...> Внимание ко мне здесь очень большое. <...> Отношение изумительное.

<...> Здесь денег нет. Будут потом. Поэтому, как получите это письмо, присылайте немедленно 200. Для Вас у меня уже есть стихи <см. предыд. запись>.

Главное в том, что я должен лететь в Тегеран. Аппараты хорошие. За паспорт нужно платить, за аэроплан тоже.

Дорогая, я далеко от Вас, и убедить Вас мне трудней (пишу, а зубы болят до дьявола — нервы). Прошу Вас не относиться ко мне, как это было в Батуме <см.: 17 или 18 февр. 1925>.

<...> Поймите и Вы, что я еду учиться. Я хочу проехать даже в Шираз и, думаю, проеду обязательно. Там ведь родились все лучшие персидские лирики. И недаром мусульмане говорят: если он не поет, значит, он не из Шушу, если он не пишет, значит, он не из Шираза. Дорогая, получив это письмо, шлите 200. <...> Шурку просто поцелуйте. Она знает, что она делает.

Катя ни на кого не похожа.

У меня ведь была сестра (умершая) Ольга, лучше их в 1000 раз, но подходит на Шурку. Они ее не знают, не знают и не знают.

Галя, больше я Вам не напишу. Разговор будет после внимания... Целую руки. Жив и здоров».

Есенин, VI, 209–210.

См. также: 21 марта 1925, первая запись; 7 апр. 1925, первая запись; до 17 апр. 1925; 19 апр. 1925, первая запись; 4 мая 1925, первая запись.

См. Приложение.

Вслед этому письму посылает Г.А.Бениславской собственноручную копию стихотворения «Голубая да веселая страна...» (не сохранилась) с припиской:

«...поместить двустихиями. Привет Васе Насед<кину>. Он знает, что такое двустихие.

Воронскому тоже привет.

Позвоните Толстой, пусть напишет».

Есенин, VI, 211.

Ранее считалось (Хроника, 2, 184, 346; Есенин, VI, 700), что Есенин тогда отправил Г.Бениславской текст другого стихотворения — «Песня» («Есть одна хорошая песня у соловушки...»). Недавно открытые документальные данные позволили пересмотреть это мнение в пользу предлагаемой здесь точки зрения (подробнее см.: Субботин-2012, 126–128).

О звонках Г.А.Бениславской на квартиру С.А.Толстой см.: 23 апр. 1925, первая запись; 27 или 28 апр. ... 3 мая 1925.

Парижская газета «Последние новости» (№ 1520) публикует статью З.Гиппиус «Общеизвестное», послужившую Есенину поводом к написанию памфлета «Дама с лорнетом (Вроде письма. На общеизвестное)».

По словам самой З.Н.Гиппиус, ее статья — «это краткая сводка, конспект современных разговоров, ставших “почти банальными”». «Конспект» имеет форму диалога двух эмигрантов — Оптимиста и Пессимиста. Разговор затрагивает вопросы политического самоопределения эмигрантской интеллигенции. За словами Оптимиста просматривается позиция самой З.Н.Гиппиус, что и было отмечено Есениным. Тем более что за несколько недель до этого она опубликовала в «Парижских новостях» статью «Поэзия наших дней», содержащую, в частности, выпады в адрес Есенина (см.: 22 февр. 1925, вторая запись).

В памфлете «Дама с лорнетом» Есенин цитирует слова, произнесенные Оптимистом, из следующих фрагментов статьи З.Н.Гиппиус:

«Теперь принято бранить партийность. Я, напротив, приветствую ее и приветствовал бы наши партии, если бы... они были, действительно, партиями. Но и они страдали тем же недостатком: отсутствием реализма. При большой узости — настоящей дисциплины они не имели. Увы, наша а-реалистичная интеллигенция фатально придавала своим партиям — церковный характер, менее всего пригодный для жизни партии. Основа партии — общее утверждение ценностей, хотя и высоких, но относительных, а не абсолют-

ных. Когда же относительное бессознательно подменяется абсолютным, это извращает принцип партийности, и партии делаются не партиями, а *сектами*. Отсюда их сдавленность, догматизм, отсюда бесконечное дробление и взаимная нетерпимость».

Отвечая на вопрос Пессимиста, к какому самоопределению на пути интеллигенция — к политическому, Оптимист говорит:

«Если угодно, и политическому тоже. Ведь понятие “политичности” очень широко в наше время. Даже обыватель а-политичен только умом; сердцем же политичен каждый. А увидите интеллигента, который жметя к стенке, вертится, “политикой, мол, не занимаюсь, моя хата с краю”, — знайте: это он либо уж наметил себе какую-нибудь “крайнюю” хату, левую или правую, либо, если не наметил, всё равно в которой-нибудь автоматически окажется, и это без различия, будь он расхудожник... Такое время».

См. также: Есенин, V, 516–517, 522–523.

Об отклике Есенина см.: конец (?) апр. ... до 6 мая 1925.

Газета «Тверская правда» (№ 79; литературное приложение к газете «Рабочий отдых» № 2; рубрика «О делах литературных») помещает неподписанную информацию «Сколько в СССР писателей» с упоминанием Есенина.

Это перепечатка информации о Всероссийском союзе поэтов из № 3 журнала «Журналист» (см.: до 8 апр. 1925, четвертая запись).

Апрель, 9. Газета «Бакинский рабочий» (№ 79) дает объявление об очередном заседании кружка рабочих писателей при «Бакинском рабочем», назначенном на 10 апреля, где планируется участие Есенина:

«В работе примут участие гг. Есенин, писатель Окунев и старший сотрудник “Правды” тов. Сергеев».

См. также: 10 апр. 1925, первая запись.

В Москве А.А.Берзинь обращается к Д.К.Богомильскому с просьбой о содействии в публикации музыкальных произведений на слова Есенина.

Просит содействовать композиторам В.И.Иконникову («хороший знакомый Сергея Есенина и мой») и А.А.Невяровскому в публикации их сочинений на слова Есенина через Музсектор Государственного издательства РСФСР в Москве.

Продолжает:

«Сережа слышал эти вещи и очень их одобрил».

Письма, 347.

Романс А.Невяровского «В том краю, где желтая крапива...» будет издан на средства автора уже после смерти Есенина (в 1927 г.).

См.: до 27 марта 1925.

Еженедельник «Книгоноша» (Москва, № 12/13; рубрика «По журналам») публикует материалы, в которых заходит речь о Есенине:

— критический обзор Д.Горбова о первых трех номерах журнала «Новый мир» за 1925 год:

«В отделе стихов интересны (биографически) неизданные стихотворения покойного В.Я.Брюсова (№№ 1 и 2); в художественном отношении стихи С.Есенина, С.Обрадовича, В.Александровского, П.Радимова и А.Макарова (№№ 2 и 3) — хорошие образцы лирики реализма»;

— информацию о продолжении подписки на журнал «Новый мир», где в содержании февральского и мартовского номеров указано имя Есенина.

Апрель, до 10. В Москве выходит журнал «Комсомолия» (№ 1; за апрель) с материалами, в которых заходит речь о Есенине.

Граница события устанавливается по объявлению о поступлении номера журнала в продажу (газ. «Правда», 1925, 10 апр., № 82).

В номере публикуются:

— стихотворная пародия С.Малахова «На М.Голодного» с упоминанием Есенина:

И стыд нам, что из нас Есенин
Один лишь хлещет по ведру;

— рецензия М.Митина на книгу стихов Я.Шведова «Шестеренные перезвоны» (М., 1924):

«Обращаясь к деревне, поэт рисует в целом ряде стихов (“А.Жарову”, “С.Есенину”) новую ленинскую деревню, электрифицированную, деревню с трактором».

Упомянутое стихотворение Я.Шведова названия на самом деле не имеет: оно снабжено двумя эпиграфами из есенинских произведений и начинается строкой «Ох, любимый, любимый Сережа...» (см.: конец авг. ... до 15 сент. 1924).

См. также: 19 окт. 1924, первая запись.

Апрель, 10. Есенин приходит на заседание кружка рабочих писателей при редакции газеты «Бакинский рабочий».

Участие Есенина в мероприятии устанавливается на основании заметки Е.А.Гурвича «Большое культурное дело» (газ. «Бакинский рабочий», 1925, 16 апр., № 85; подпись: Р. Б.):

«Через несколько минут после закрытия заседания кружка явился и тов. Есенин. Завязалась оживленная беседа с присутствовавшим на заседании сотрудником “Правды” тов. Сергеевым».

Есенин читал стихи. Затем и он втянулся в беседу. В общем, вечер прошел очень оживленно».

Анонс вечера см.: 9 апр. 1925, первая запись.

См. также: Шипулина-90, 49.

Газета «Труд» (№ 80; подпись: «Полицветов») публикует заметку «На фронте пролетлитературы. Теоретическое заседание (В Университетском литкружке: “Смычка”)), в которой упоминается Есенин:

«Сегодня в кружке много “посторонних”: ...входят, выходят, шушукуются, что-то... спрашивают...»

Думают: “Есенин будет читать!” Не будет! Вместо Есенина у нас серьезный теоретический доклад: “Об элементах композиции”. Тема трудная...

Докладчик тов. Бугославский. Так “увлеклись” на этот раз, что и о читке произведений совсем позабыли».

Из текста заметки следует, что Есенина на заседании литкружка «Смычка» не было.

Других сведений об этом событии не выявлено.

Московская газета «Гудок» (№ 82) печатает объявление о подписке на журнал «Новый мир». Есенин назван как автор номеров 2 и 3.

Апрель, 10 ... 22. В Москве выходит журнал «Красная новь» (№ 3; за апрель) с материалами Есенина и о Есенине.

Нижняя граница события определяется по информации «Бюллетеня торгового и периодического секторов Государственного издательства» (1925, № 6, 1 мая) о поступлении журнала в продажу в период с 10 по 26 апреля, а его верхняя граница — по сообщению газ. «Известия ЦИК СССР и ВЦИК Советов» (1925, 30 апр., № 97) о завершении рассылки номера 23 апр. 1925.

Журнал печатает:

— стихотворения поэта «Голубая родина Фирдуси...» и «В Хороссане есть такие двери...».

Перед сдачей этих стихотворений в журнал Есенин продолжает работать над ними.

Над первым:

Дальнему и ближнему мне люду (ст. 18).

Есенин, I, 373;

над вторым:

У меня в руках не мало силы (ст. 6 и 9);

И зачем, кому мне песни петь,

Если стала неревнива Шага?

И коль дверь не смог я отпереть (ст. 12–14).

Есенин, I, 373.

Об исходной публикации произведений см.: 3 апр. 1925, вторая запись.

О перепечатке см.: после 26 мая 1925;

— статью А. Лежнева «О группе пролетарских писателей “Перевал”», где отмечается влияние Есенина на творчество писателей группы, особенно на поэта Б. К. Ковыньёва.

Разбирая творчество «талантливого и совсем еще молодого Ковыньева» и отмечая его «густой, образный стих... и ясно обозначенную индивидуальность», критик отмечает:

«Он — под сильным влиянием Есенина (вообще, Есенин наряду с Тихоновым, является тем поэтом, который оказал сильное влияние на “Перевал”), но вносит в есенинское много своего. Его революционность гораздо ярче и определеннее <...>

Но так же, как и Есенин, он — в грусти о деревне, он не может сжиться с городом, его тянет к лопухам, к вишневым закатам, к еловому шуму <следует цитата из стихотворения Б. Ковыньёва>.

Но его грусть р<e>зче, определеннее, мрачнее, чем у Есенина...».

О книжной публикации статьи см.: первая половина дек. 1925, вторая запись.

См. Приложение.

Апрель, с 10 на 11 или 11. С. А. Толстая выставляет в своем календаре оценку новой книге Есенина:

«Есенин “Страна советская” 3+».

Календарь ГМТ. Помета сделана на обороте календарного листка от 10 апр. (т. е. рядом с листком от 11 апр.); публикуется впервые.

См. также: до 20 янв. 1925, третья запись; до 24 янв. 1925; 24 янв. 1925, вторая запись; 18 февр. 1925, третья запись; 19 февр. 1925, первая запись; 20 февр. 1925, первая запись; 21 февр. 1925, вторая и третья записи; 25 февр. 1925, вторая запись; 15 марта 1925, первая и пятая записи; 18 апр. 1925, первая запись; нояб. (?) 1925, четвертая запись.

Апрель, 11. Вечерний выпуск ленинградской «Красной газеты» (№ 85) помещает рецензию В. Друзина на журнал «Красная новь» (1925, № 2) с упоминанием Есенина:

«Персидские мотивы» С. Есенина — органическое продолжение “Любви хулигана”. Интересно: там, где Есенин разворачивает свою излюбленную тему, — там он подлинный лирик, крупный поэт. А как только начинает круто менять курс и изо всех сил советизироваться — пишет невыносимую дрянь (“Стансы”):».

Одесская газета «Известия» (№ 1606) перепечатывает материал В. И. Нарбута «На литературном фронте», в котором Есенин назван в ряду поэтов «с именем».

См. также: до 8 апр. 1925, четвертая запись.

В «Отрывках из моей биографии», зафиксированных А. И. Тиняковым, заходит речь о Есенине:

«... в публике моя книга <“Navis nigra” (1912)> успеха не имела и мне никогда не дано было изведать тех сладостных и упойтельных (пусть хоть мимолетных!) радостей, которые выпали на долю С. Городецкого, потом — Игоря Северянина, еще позже — Есенина и которые теперь каждый день выпадают на долю самых бездарных и безмозглых бумагомарак».

Цит. по датированному фрагменту «Отрывков...»: Ходасевич В. Собр. соч. В 4 т. М.: Согласие, 1997, т. 4, с. 620.

Апрель, до 12. Есенин пишет стихотворения «Воздух прозрачный и синий...» и «Золото — текучее луны...» <«Золото холодное луны...»>.

Граница события устанавливается в соответствии с первой публикацией стихотворений (см.: 13 апр. 1925, первая запись).

«Беловой автограф <первого стихотворения> — ИРЛИ, без даты. В наб. экз. не датировано, в Собр. ст. — 1924 г. Видимо, эта дата ошибочна, поскольку во время пребывания в Москве в марте 1925 г. Есенин не оставил этого стихотворения Г. А. Бениславской для включения в Перс. мот., а прислал его из Баку <...> указание относительно его места в сборнике дал лишь в письме от 11 мая 1925 г.»

А. А. Козловский — Есенин, I, 653–654.

В автографе — четыре варианта второй строки:

- I Выйду в цветочные чаши
- II Веют цветочные чаши
- III Дремлют цветочные чаши
- IV Выйду в цветочные чаши.

Есенин, I, 371.

Возвращение к первому варианту строки или образа в процессе создания стихов — не редкость для Есенина.

О перепечатках стихотворений см.: после 26 мая 1925; до 15 июня 1925.

Отклик на второе из них см.: 31 июля 1925, третья запись.

Пишет в Тифлис Н. К. Вержбицкому и С. Н. Вержбицкой:

«Милые старики! Как живете? Я думаю, что Колина гитара не забыла меня, а две кобуры свидетельствуют Вам о том, что где-то есть “на свете

рыцарь бедный”, который часто вспоминает друзей и хозяев вплоть до их котенка — Жоржика.

Как дела?

С Галей и сестрой <Екатериной> у меня большой разлад, поэтому если и писали Вы мне, не знаю ни 000.

Я слышал, ты, Коля, собираешься в Персию?

Если это у тебя на мази — черкни (Баку). К 13 с<его> м<есяца> я думаю приехать дня на 2 в Тифлис.

Увидимся — сговоримся».

Есенин, VI, 210, 697–699.

Намерение поэта не осуществилось.

В московском издательстве «Круг» выходит дополнительным тиражом (или вторым изданием) книга Есенина «Стихи (1920–24)».

Событие и его граница устанавливаются по рекламному объявлению «Издательство артели писателей “Круг”» (см. след. запись).

«Встречаются экз<емпляры>, отпеч<атанные> на бумаге верже и имеющие существенные отличия от описанного сб<орника>, <вышедшего в 1924 г.; см.: после 10 окт. ... нояб. (?) 1924>; на с. 1 обл<ожи> напеч<атаны> др<угие> вых<одные> дан<ные>, на тит. л. ниже назв<ания> “Стихи” размещена виньетка, в текстах стихотворений опечатки в словах и пропуски знаков препинания, отсутствует нумерация <страниц, имеется> разночтение в стихотворении “Русь Советская”. <...> расхождения имеются и в рекл<амном> объявл<ении>. Возможно, было два тир<ажа> (или даже два изд<ания>!) этой книги».

Юсов-94, 47.

О первом тираже (или первом издании) сборника и об откликах на него см. отсылки при инскрипте Есенина Н.В.Богословскому (25 марта 1925, первая запись).

См.: 14 мая 1925, вторая запись; 21 ... 30 мая 1925; 4 июня 1925; 25 июня 1925, третья запись; 2 июля 1925, вторая запись; 2 (?) июля 1925; 11 сент. 1925, первая запись; 16 ... 23 сент. 1925; 18 окт. 1925, первая запись; окт. (?) 1925, вторая запись; первая половина дек. 1925, четвертая запись.

Апрель, 12. Газета «Правда» (№ 84) помещает объявление издательства артели писателей «Круг»:

«Только что вышли новые издания: <...> Есенин С. Стихи. 1920–1924 гг. 92 стр. в папке ц. 1 р. 25 к.».

См.: предыд. запись; 14 мая 1925, вторая запись; 21 ... 30 мая 1925; 25 июня 1925, третья запись; 2 июля 1925, вторая запись; 2 (?) июля 1925; 11 сент. 1925, первая запись; 16 ... 23 сент. 1925; 18 окт. 1925, первая запись; окт. (?) 1925, вторая запись; первая половина дек. 1925, четвертая запись.

Газета «Известия ЦИК СССР и ВЦИК Советов» (№ 84) дает рекламное объявление Торгового сектора Госиздата РСФСР о новых книгах, в числе которых указана книга Есенина «Песнь о великом походе».

См. также: 1–6 авг. 1924, третья запись; 2 сент. 1924, первая запись; 15 марта 1925, третья запись; 28 марта 1925, первая запись; 1 апр. 1925, третья запись; 1 ... 15 апр. 1925; 5 апр. 1925, третья запись; 15 апр. 1925; 16 апр. 1925; 22 апр. 1925, вторая запись; до 3 мая 1925; 13 мая 1925; 24 мая 1925, седьмая запись; 24 сент. 1925, пятая запись; после 24 сент. ... 2 нояб. 1925, или 9 ... 25 нояб. 1925; первая половина дек. 1925, пятая запись.

Нью-йоркская газета «Русский голос» (№ 3435; воскресное приложение) публикует:

— стихотворение Л.Опалова «Далек от песенной России...»:

Далек от песенной России
 И от равнин ее родных,
 В Нью-Йорке небоскрежном сею
 Свой нежно-гармоничный стих.
 Здесь признанный поэт России
 Давид Давидович Бурлюк,
 Футурпризывы чьи младые,
 Как девушку полян люблю
 И мил еще приятный шелест
 Стихов Есенина цветных —
 Как в землянично-женском теле
 Уют хмелеющей весны.
 Но вместо милых босоножек
 Демуазель <так!> в ажурчулках
 И уст фланелевых мороженое
 И тэт-а-тэт и для лобзания рука.
 Крикливо-грубые фокстроты
 И тротуары вместо трав,
 И лишь продажные банкноты
 Души наглейшая отрава;

— посвященную Леониду Опалову (Д.Подоксику) статью И.С.Морейна «О молодом поэте», в которой заходит речь о Есенине:

«... второй период <творчества Л.Опалова> характеризуется рисовкой человеческих чувств и переживаний. <...> Отдаленность от природы, неразрывной частицей которой он себя чувствует, порождает в Опалове сильную тоску и, подобно хлебному Есенину, который намерен “каждую корову на вывеске молочной лавки, каждую лошадь ломового извозчика” расцеловать, Опалов с плугом обняться готов.

Быть посаженным на подобающей почве — удел немногих, и к этим немногим принадлежит Леонид Опалов».

Апрель, 13. Газета «Бакинский рабочий» (№ 82) публикует два стихотворения Есенина из цикла «Персидские мотивы»: «Воздух прозрачный и синий...» и «Золото — текучее луны...» <«Золото холодное луны...»>

Вплоть до наб. экз. первая строка стихотворения «Золото холодное луны...» имела несколько вариантов: «Золото текучее — луны»; «Золото текучее — луны»; «Золото — текучее луны».

Есенин, I, 371–372.

О перепечатках см.: после 26 мая 1925; до 15 июня 1925, первая запись.

Отклик на второе из них см.: 31 июля 1925, третья запись.

На литературно-музыкальном вечере в Москве В.И.Качалов читает стихотворения Есенина «Этой грусти теперь не рассыпать...» и «Письмо матери».

На этом вечере присутствует С.А.Толстая. Событие устанавливается и датируется по ее календарной записи от того же числа:

«Концерт Жени Б. <...> Качалов: “Отцвела моя белая липа”, “К матери”».

Календарь ГМТ (публикуется впервые). Кто такая Жени Б. и где проходило указанное мероприятие, не установлено.

В Музее МХАТ (ф. 43, оп. 1, ед. хр. 150) хранится машинопись стихотворения Есенина «Гой ты, Русь моя родная...», на обороте которой содер­жатся карандашные пометы рукой В.И.Качалова — перечень сокращенных названий есенинских стихотворений со страницами их публикации в Собр. ст.:

«Песня I т. 243

Есть одна хорошая песня <песня у соловушки...>

Клен <ты мой опавший, клен заледенелый...> IV 123

Корова

Я снова здесь < в семье родной...> I т. 73

Черная, потом пропахшая вить I т. 65

3 Мне осталась од<на забава...> I т. 210

1 Вечер черные брови <насопил...> I т. 224

2 Этой грусти <теперь не рассыпать...> I т. 208».

Скорее всего, это рабочий вариант концертной программы актера, составлявшейся им при подготовке к одному из своих выступлений с чтением стихов Есенина. Судя по вышеупомянутым библиографическим пометам, этот проект относится ко времени, когда все четыре тома есенинского «Собрания» уже вышли из печати, так что возник он не ранее осени 1927 г.

Из сравнения этого проекта с опубликованным театроведами перечнем из «Концертного репертуара В.И.Качалова» («С.А.Есенин. 1. Письмо к матери, 2) Песнь о собаке, 3) Корова, 4) “Гой ты, Русь моя родная”, 5) “Мы теперь уходим понемногу”, 6) “Этой грусти теперь не рассыпать”, 7) Собака Качалова, 8) “Мне осталась одна забава”, 9) “Клен ты мой опавший, клен заледенелый”, 10) “Да! Теперь решено. Без возврата...”, 11) “Шаганэ ты моя, Шаганэ!”» — В сб. «Василий Иванович Качалов. Сб. статей, воспоминаний, писем», М.: Искусство. 1954, с. 655) — явствует, что из трех стихотворений, отобранных здесь актером для исполнения, произведение, идущее под № 1, в этом перечне не значится.

См. также: 12 ... 14 или 15 (?) марта 1925; после 12 ... после 14 или 15 (?) марта 1925; 13 ... 16 или 20 ... 25 (?) марта 1925; 7 апр. 1925, вторая запись; 15 мая 1925, первая запись; 18 ... 23 (?) мая 1925, первая запись; 20 мая 1925, первая запись; 7 ... 15 июня 1925; 4–9 или 17–24 июля 1925; 7 сент. ... 18 окт. 1925; 25 нояб. 1925, четвертая запись.

В Баку проездом оказывается А.К.Воронский, сопровождающий председателя Реввоенсовета СССР М.В.Фрунзе в его поездке в Тифлис.

Событие устанавливается по газетной информации:

«Вчера скорым поездом из Москвы проследовал в Тифлис пред­реввоенсовета СССР тов. М.В.Фрунзе. На вокзале тов. Фрунзе <...> был встречен почетным караулом <...>. Посетив Сураханы, тов. Фрунзе тем же поездом отбыл в Тифлис. Вместе с тов. Фрунзе проследовал в Тифлис редактор журнала “Красная Новь” А.К.Воронский».

[Б. п.] Тов. Фрунзе в Баку. — Газ. «Бакинский рабочий», 1925, 14 апр., № 83.

На обратном пути при остановке в Баку на три дня А.К.Воронский не раз встретится с Есениным (см.: 17 апр. 1925; 17 или 18 апр. 1925, вторая запись; с 17 на 18 или с 18 на 19 апр. 1925).

Апрель, до 14. В Москве выходит журнал «Октябрь» (№ 1; за январь) с материалами, в которых упоминается Есенин.

Граница события определяется по информации в «Красной газете» (1925, 14 апр., № 87, веч. вып.): «С значительным опозданием читаем наконец “Октябрь”».

В номере помещены:

— речь В.Лебедева-Полянского «О литературной политике», произнесенная им на Всесоюзной конференции пролетарских писателей.

Критикуя доклад И.Вардина, выступающий останавливается на двух основных вопросах: отношении к классике и о попутчиках:

«Разве вы найдете хотя бы одну статью у противников т. Воронского, которая говорила бы, что жизнь нужно представлять, поддельваясь под коммунистическую позицию и, следовательно, нередко в искаженном виде. Вздор. Некоторые стараются написать по-

коммунистически, искренно, но у них не выходит, у других выходит, но мы не верим в их прямоту. Несмотря на то, что Есенин написал о Марксе, о Ленине после своего путешествия по Кавказу с Вардиным, но в идеологическую искренность и возможность исправления Есенина я не верю.

Есть художники у попутчиков, которые идут к нам искренно и с пользой работают для Советской России. Но есть и другие. К каждому из них приходится подходить с особой меркой».

См. также: 9 янв. 1925, вторая запись;

— информация о подписке на журнал «Красная новь» на 1925 год с участием Есенина (публикация стихов).

Апрель, 15. «Бюллетень торгового и периодического секторов Государственного издательства» (№ 5; рубрика «Новые издания») помещает информацию о предстоящем выпуске книги Есенина:

«Выйдут в ближайшее время <...> литературно-художественный отдел <...> Есенин. Березовый ситец. 3 ¼ л<иста>».

См. также: 1 апр. 1925, третья запись; 1 мая 1925, восьмая запись; 15 мая 1925, пятая запись; 21 ... 30 мая 1925; 22 мая 1925, первая запись; 1 июня 1925, третья запись; 1 ... 15 июня 1925; 5 июня 1925, первая и вторая записи; 10 июня 1925; 11 июня 1925; 12 июня 1925, первая — третья и пятая записи; с 12 на 13 июня 1925, вторая запись; до 15 июня 1925, вторая запись; 20 июня 1925, первая запись; 27 июня 1925, первая запись; 30 июня 1925, восьмая запись; 2 июля 1925, первая запись; до 7 июля 1925; 14 июля 1925, вторая запись; 26 июля 1925, седьмая запись; 31 июля 1925, вторая запись; 2 авг. 1925, третья запись; 11 авг. 1925, вторая запись; 1 сент. 1925, третья запись; 10 ... 24 сент. 1925; 18 окт. 1925, первая запись; окт. (?) 1925, первая запись.

В приложенном к номеру бланке «Заявка на издания, вышедшие в период с 25 марта по 10 апреля», значится:

«Есенин. С. Песнь о великом походе. Ц. 12 к.».

См.: 1–6 авг. 1924, третья запись; 2 сент. 1924, первая запись; 15 марта 1925, третья запись; 28 марта 1925, первая запись; 1 апр. 1925, третья запись; 1 ... 15 апр. 1925; 5 апр. 1925, третья запись; 12 апр. 1925, вторая запись; 16 апр. 1925; 22 апр. 1925, вторая запись; до 3 мая 1925; 13 мая 1925; 24 мая 1925, седьмая запись; 24 сент. 1925, пятая запись; после 24 сент. ... 2 нояб. 1925, или 9 ... 25 нояб. 1925; первая половина дек. 1925, пятая запись.

Апрель, до 16. В Артемовске выходит журнал «Забой» (№ 7; за апрель) со статьей А.П.Селивановского о Есенине («Москва кабацкая» и «Русь советская»).

Граница события отмечается на основе того, что журнал «Забой» выходил раз в две недели, а седьмой его номер был первым из апрельских номеров.

Предварив статью эпиграфом из стихотворения Есенина «На Кавказе» («Зане созрел во мне поэт / С большой эпической темой»), критик продолжает:

«Еще до войны поэзия Сергея Есенина привлекала внимание и редакций, и критики, и читателей. Из глуши рязанских деревень пришел в литературу голубоглазый юноша с тонким художественным чутьем, с пассивно-лирическим восприятием жизни и принес свои стихи, пахнущие черемухой, рожью и яблонями. Принес он нетронутый народный говор, нежные слова о невозвратном и далеком, грусть полевых закатов, тихий перезвон церковных колоколов. Талантливейший крестьянский парень. Нетронутая целина. Таким, казалось, войдет Есенин в поэзию. От торжественного акафиста его старшего соратника — олонецкого крестьянина Клюева — Есенина отделяла величайшая, обнажающая до dna души откровенность и какая-то внутренняя строгость к себе, и с Клюевым же его объединяло единство психологии, насквозь крестьянской, середняцкой, хозяйственной, себе на уме.

Правда, Есенин не только любил “тоской журавлиною на высокой горе монастырь”.

Правда, он видел в мире не только голубые звоны. Уже тогда другие мотивы прорезали тишину деревенских полей. Сквозь “черную прядь перелесниц”, сквозь степь, качающую над пологом зеленым “черемуховый дым”, он чувствовал вековой гнет, сковавший деревню, тяжесть оков царизма, окутавших ее по рукам и по ногам. И он обращался к “стороне ковыльной гуши” со следующими словами:

И ты, как я, в печальной требе.
Забыв, кто друг тебе и враг,
О розовом тоскуешь небе
И голубиных облаках.
Но и тебе из снежной шири
Пугливо кажется темнота
И кандалы твоей Сибири,
И горб уральского хребта.

Бежали от этих кандалов крестьянские парни в лес, на большую дорогу, уходили “в разбойники”. Недаром многие из старых русских писателей-революционеров считали разбойника национально-русским типом.

Устал я жить в родном краю
В тоске по гречневым просторам.
Покину хижину мою,
Уйду бродягою и воров.

Мечтательно-безвольный склад поэзии тогдашнего Есенина не располагал его к продолжению большой дороги вплоть до великого сибирского тракта. Он шел обратно к родному селу (“вновь вернусь я в отчий дом”). Но разбойничий посвист нет-нет, да и прорывался у Есенина еще тогда, в дореволюционное время.

Темь. Закованная в кандалы деревня. Безнадежное безмолвие и вдруг — весеннее половодье (неожиданное для поэта). Февраль 17-го года. Октябрь. Стихия. Революционная вьюга. Крестьянская, мужицкая вольница.

Не будь Октября, может быть, Сергей Есенин остался бы тем же тихим мечтателем, каким он был вначале. Но мечтать в грозу и бурю не может крестьянское сердце. И оттого Есенин прочно занял свое место по *эту* сторону баррикады. Он сразу стал *нашим*. Сперва в дни февраля (поэма “Товарищ”), а затем в дни Октября Есенин был колеблющимся, левозсеровским, ненадежным, но соратником революции.

Небо, как колокол,
Месяц — язык
Мать моя родина,
Я — большевик!

Радостный, первобытный крик “большевика”, солдата, вернувшегося с фронта домой, мужика, получившего помещичью землю. Не так об этом писали тогдашние пролетарские поэты. Они писали о сомкнутых колоннах, о холодном сознании дисциплины, о суровом непреложном долге пролетарской революции. Есенин понял Октябрь, как революцию, ударившую по помещикам, как крестьянскую победу. Нужно было крестьянству глубоко пережить подлинный смысл Октября, как революции одновременно буржуазной и социалистической. Нужно было, чтобы смысл советской Руси выстрадал и Есенин. Тема “город и деревня” становится преобладающей у него в последующий период творчества.

Оказалось, что большевик — это коммунист, что хмель первых дней сменился буднями повседневной борьбы, жертвами, испытаниями, что началась великая борьба за гегемонию города над селом, пролетариата над крестьянством. И здесь — корень последующих распутий Есенина.

Нутром Есенин чувствовал “идиотизм крестьянской жизни” (слова К.Маркса) при капитализме, видел неспособность крестьянства к организованному коллективному действию, к борьбе за великую цель, видел робость, дрожание над узко-собственническими интересами, постоянную заботу о себе. Недаром в своей поэме “Пугачев” он писал так. Поэт говорит о скачущей по полю косе, перекусывающей железным ртом стебли трав.

Так и мы! Вросли ногами в избы.
 Что нам первый ряд подкошенной травы!
 Только лишь до нас не добрались бы,
 Только нам бы,
 Только б нашей
 Не скосили, как ромашке, головы.

Пугачев гибнет, преданный крестьянами. Что им “первый ряд подкошенной травы”? Класс, неспособный к самостоятельному политическому движению, обреченный при капитализме смотреть назад, а не вперед, колеблющийся во время пролетарской революции между буржуазией и пролетариатом, сегодня идущий походом на большевистский город, а завтра отдающий миллионы своих сынов в Красную армию, — таково крестьянство. Это понимал Есенин. Но двойственная душа крестьянина жила в нем. Представление о капиталистическом городе-спруте, чьи щупальцы простираются к поработенной деревне, он перенес на советский, большевистский, пролетарский город.

Вот он, вот он с железным брюхом
 Тянет к глоткам равнин пятерню.
 Водит старая мельница ухом,
 Навострив мукомольный нюх.
 И дворовый молчальник бык,
 Что весь мозг свой на телок пролил,
 Вытирая о прясло язык,
 Почуял беду над полем.

И еще:

О, электрический восход.
 Ремней и труб глухая хватка.
 Се изб древенчатый живот
 Трясет стальная лихорадка.

“Волчья гибель” — вот что судит деревне Есенин. Проклятие городу — вот к чему он пришел. Военный коммунизм. Развёрстка. Разруха, большевистский город высасывает силы из деревни. Паразит! — Таков С.Есенин второго периода.

И с этим мировоззрением переплетаются и этапы личной жизни С.Есенина. Он в Москве. Он в городе-“паразите”. Он за границей. Обинтеллигентившийся крестьянин, ставший раскрестьяненным интеллигентом, от деревни ушедший, а к заводу не приставший, разочарованный в революции, нэп ненавидящий, но нэповскую накипь жадно глотающий, он видит в советском городе только кабак, притон, проституцию, разложение. И поэт-разбойник превращается в поэта-хулигана гуляющей кабацкой Москвы.

Начинается мрачная полоса в жизни Есенина, приведшая его на скамью судимого товарищеским судом за пьяный скандал и едва не приведшая к белой горячке. В 1924 году редактор “Красной нови” тов. А.Воронский указывал в докладной записке отделу печати ЦК РКП на то, что литературная московская богема грозит окончательно захлестнуть Есенина. И когда читаешь его стихи о “Кабацкой Москве”, о любви хулигана — от страсти несет тяжелым алкогольным перегаром.

А когда ночью светит месяц,
Когда светит... черт знает как!
Я иду, головою свесясь,
Переулком в знакомый кабак.

Шум и гам в этом логове жутком,
И всю ночь, напролет, до зари,
Я читаю стихи проституткам
И с бандитами жарю спирт.

И кажется, будто некоторые стихи он писал с тяжелым, помутневшим сознанием — такая в них пьяная безнадежность.

Я уж готов. Я робкий.
Глянь на бутылок рать.
Я собираю пробки
Душу мою затыкать.

Тягучий, однообразно-цыганский напев. Частое повторение одних и тех же образов. Невыносимые для слуха перебои ритма, — как перебои сердца у пьяницы. Неужели Есенин погибнет?

Мы не знаем: твой конец близок ли, далек ли.
Синие твои глаза в кабаках промокли.

И потом — крутой перелом. Сперва чисто физиологический, реакция организма, боющегося против отравления алкоголем.

Я усталым таким еще не был.
В эту серую морозь и слизь
Мне приснилось рязанское небо
И моя непутевая жизнь.

А потом — возвращение “крестьянского поэта в цилиндре” на родину, в рязанское село. После восьми лет разлуки изменилась окрестность, изменились и люди.

На стенке календарный Ленин.
Здесь жизнь сестер.
Сестер, а не моя.
Но всё ж готов упасть я на колени,
Увидев вас, любимые края.
— Ну, говори, сестра...
И вот сестра разводит,
Раскрыв, как библию, пузатый “Капитал”,
О Марксе, Энгельсе...
Ни при какой погоде
Я этих книг, конечно, не читал.

“Меня теперь никто не узнаёт”, — признаётся Есенин.

Моя поэзия здесь больше не нужна.
Да и, пожалуй, сам я тоже здесь не нужен.

Почему? Да потому, что не Москвой кабацкой меряется новая жизнь. Кабацкая Москва существовала только в пьяных видениях поэта. А Русь Советская — это страна крепнущего братского союза между пролетариатом и крестьянством, поднимающейся, возрожденной деревни, руководимой пролетарским городом.

Вот эту простую ленинскую идею увидел и Есенин, как видит теперь ее и крестьянство.

Мы можем теперь говорить о новом Есенине. Последнее полугодие нам показало его новое лицо. Изменилась не только идеологическая подкладка его поэзии. Оказался перелицованным и его стиль. Есенин повернулся к Пушкину.

Отдел его стихов “После скандалов” открывается стихотворением “К Пушкину”:

...я стою, как пред причастьем,
И говорю в ответ тебе:
Я умер бы сейчас от счастья,
Сподобленный такой судьбе.

И на Кавказе, где жил Пушкин, где грудь Лермонтова встретила свою смертельную пулю, он обращается к той же эпической простоте великих ушедших гениев:

Мне все равно! Я полон дум
О них, ушедших и великих,
Их исцелял гортанный шум
Твоих долин и речек диких.
Прости, Кавказ, что я о них
Тебе промолвил ненароком,
Ты научи мой русский стих
Кизиловым струиться соком.

Не подражательность, не стилизация под Пушкина, не рабское копирование музыки пушкинских ритмов. Через голубую туманность неопределенных юношеских переживаний, через кабацкие взвизги хмельных ночей Есенин пришел к суровой чеканной простоте зрелого и действительно великого поэта. Если раньше он с грустью наблюдал, как задравший хвост жеребенок пытался догнать поезд, то теперь этот же поезд — символ техники и революции — служит предметом его внимательного восторга.

И не случаен этот поворот к простоте у Есенина. О той же простой песне говорит и Асеев в стихах, посвященных смерти Ленина. Простоту нужно выносить в себе, нужно найти ее в своей душе, и эту великую простоту обретает сейчас Есенин.

И, конечно, он не пролетарский поэт. Конечно, не будет он глашатаем нашей повседневной борьбы. Конечно, потонувший град Китеж вместе с городскими кабаками никогда не приведет к коммунизму. Но есть глубокая мудрость даже в нынешней грусти Есенина. Есть понимание окружающей жизни, есть скрытая напряженность мускулов. Если нужен пример того, как случайный попутчик делается попутчиком постоянным и верным, под влиянием социальных процессов в стране, в конечном счете, то возьмите Есенина. В конечном счете, он отобразил в своем творчестве эволюцию крестьянства — для того, правда, чтобы раскрестьяниться.

Большой путь открыт перед Есениным. Мы ждем его дальнейших шагов с напряженным вниманием и уверенностью в его силах».

См. Приложение.

Апрель, до 16 ... до 30. Издательство «Книга» (М.–Л.) выпускает вторым изданием сборник «Новый чтец-декламатор» под редакцией И.В.Владиславлева с отрывком из стихотворения Есенина «О верю, верю, счастье есть!..» («Звени, звени, золотая Русь...»).

Кн. летопись, 1925, № 8, апр., поз. 5563.

Апрель, первая половина (?). Есенин беседует с Е.А.Гурвичем по пути на вечер в клуб нефтяников.

Из воспоминаний Е.А.Гурвича (1965):

«Как-то мы с ним <Есениным> шли на вечер <сведения о мероприятии не выявлены> в клуб нефтяников в Черный город <район Баку>. Всегда, когда его предупреждали, что ему надо выступать перед рабочими, он за сутки до этого в рот не брал хмельного. Был он и на этот раз трезвый.

Глубоко запали мне в душу некоторые его высказывания.

— Эх, Сережа, — воскликнул я, — если бы ты совсем, всегда не пил.

Помолчав, он ответил:

— Сказал бы, почему я пью, да ты не поймешь. Не могу я расколоть свою душу надвое, — добавил он, опять помолчав, — не могу, как тот знаменитый футурист (видимо, В.В.Маяковский. — *Н. Ю., Г. Ш.*): думает и чувствует одно, а пишет другое, зато у него и выходит крикливо, барабанно — совесть свою заглушает. Но у него есть совесть, и попомнишь моё слово — он не выдержит, как и я... мы оба покончим с собой!..»

Юсов-2012, 514 (публ. Н.Г.Юсова и Г.И.Шипулиной).

Апрель, 16. Московский журнал «Книгоноша» (№ 14) помещает материалы, в которых упоминается Есенин:

— рецензию Д.А.Горбова на журнал «Красная новь» (№ 1 и 2 за 1925 год), где отмечены «Персидские мотивы» Есенина — стихотворения «Улеглась моя бывшая рана...» и «Я спросил сегодня у менялы...»:

«...Во второй <книжке> запоминаются “Персидские мотивы” Есенина и “Петля” Малахова. “Тамара и Демон” Маяковского в историческом тоне — не из удачных его вещей»;

— в «списке книг, поступивших для отзыва», значится книга Есенина «Песнь о великом походе».

См.: 1–6 авг. 1924, третья запись; 2 сент. 1924, первая запись; 15 марта 1925, третья запись; 28 марта 1925, первая запись; 1 апр. 1925, третья запись; 1 ... 15 апр. 1925; 5 апр. 1925, третья запись; 12 апр. 1925, вторая запись; 15 апр. 1925; 22 апр. 1925, вторая запись; до 3 мая 1925; 13 мая 1925; 24 мая 1925, седьмая запись; 24 сент. 1925, пятая запись; после 24 сент. ... 2 нояб. 1925, или 9 ... 25 нояб. 1925; первая половина дек. 1925, пятая запись.

Апрель, 16 и 28. Утренний выпуск ленинградской «Красной газеты» (№ 87 и 95) печатает объявление о продолжении подписки на журнал «Новый мир». В содержании № 1–4 журнала Есенин назван в качестве автора февральского и мартовского номеров.

Апрель, до 17. Есенин купается в море, что усугубляет его болезненное состояние.

Событие устанавливается по словам поэта из его письма к Г.А.Бениславской (11 мая 1925):

«...я по дурости искупался в середине апреля в море при сильном ветре. Вот и получилась».

Есенин, VI, 212.

Граница события фиксируется с учетом того, что оно произошло до встречи Есенина с А.К.Воронским (см. след. запись).

Не исключено, что это «купание» имело вполне определенное намерение.

Из дневниковой записи С.А.Толстой-Есениной (30 дек. 1932):

«С матерью <Т.Ф.Есениной> говорили о Сергее. <...> Вспомнила <...>, как он “всё смерти искал”. В Баку в море бросался топиться, как плакал, какое лицо, глаза были у него странные».

НН, 1995, № 34, с. 68.

См. также: 1(?)–7 апр. 1925; 7 апр. 1925, первая запись; 8 апр. 1925, вторая запись; 19 апр. 1925, первая запись.

Апрель, 17. Есенин встречается с А.К.Воронским.

Время этого и трех следующих событий устанавливается по сведениям о сроках тогдашнего пребывания в Баку М.В.Фрунзе, которого в этой поездке сопровождал А.К.Воронский:

«17 апреля со скорым тифлисским поездом в Баку прибыл наркомвоен СССР и председатель реввоенсовета тов. Фрунзе, возвращающийся с Закавказского Съезда Советов в Москву. <...> Сегодня <19 апреля> тов. Фрунзе последует далее».

[Б. п.] Приезд тов. Фрунзе. — Газ. «Труд», Баку, 1925, 19 апр. № 87.

Материал выявлен Н.М.Солобай.

См. также: Субботин-2012, 128, 136 (примеч. 24).

А.К.Воронский вспомнит (1926):

«Ранней весной 1925 года мы встретились в Баку. Есенин собирался в Персию: ему хотелось посмотреть сады Ширази и подышать воздухом, каким дышал Саади. Вид у Есенина был совсем не московский: <...> он ходил в обтрепанном с чужих плеч пальтишке. Ботинки были неуклюжие, длинные, нечищенные, может быть, тоже с чужих ног <об ограблении Есенина в поезде Москва — Баку см.: 28 ... 30 марта 1925>. Он уже не завивался и не пудрился. Друзей, бережно и любовно относившихся к нему, у него было довольно. Жил он у тов. Чагина, следившего за его лечением, но показался в те дни одиноким, заброшенным, случайным гостем, неведомо зачем и почему очутившимся в этом городе нефти, копоти и пыли, словно ему было всё равно куда приткнуться и причалить».

Мы расстались на набережной. Небо было свинцовое. С моря дул резкий и холодный ветер, поднимая над городом едкую пыль. Немотно, как древний страж веков, стояла Девичья башня. Море скалилось, показывая белые клыки, и гул прибоя был бездушен и неприютен. Есенин стоял, рассеянно улыбался и мял в руках шляпу. Пальтишко распахнулось и неуклюже свисало, веки были воспалены. Он простудился, кашлял, говорил надсадным шёпотом и запахивал то и дело шею черным шарфом. Вся фигура его казалась обреченной и совсем ненужной здесь. Впервые я остро почувствовал, что жить ему недолго и что он догорает...»

Восп., 2, 71.

См. также: 17 или 18 апр. 1925, вторая и третья записи; 19 апр. 1925, первая запись.

Апрель, 17 или 18. Происходит знакомство Есенина с М.В.Фрунзе и С.М.Кировым.

Согласно воспоминаниям П.И.Чагина, это произошло «на вечере в честь приезда Михаила Васильевича Фрунзе в Баку» (Восп.-95, 422). Однако время этого события указывалось мемуаристом по-разному. В первой редакции своих воспоминаний (1958) он писал о «ранней осени 1925 года» (Хроника, 2, 201), а во второй (1965) — об осени 1924 г. (Восп.-95, 422). Это безусловные ошибки памяти мемуариста — М.В.Фрунзе в то время в Баку не приезжал.

Есенин в присутствии А.К.Воронского читает стихотворения из цикла «Персидские мотивы».

Среди слушателей — тюркский собиратель и исполнитель народных песен Джабар, который высоко оценивает мастерство поэта.

Событие отмечается по эпизоду из статьи А.К.Воронского «Об отошедшем» (1926):

«В Баку за несколько месяцев до своей смерти на дружеской вечеринке Есенин читал персидские стихи. Среди других их слушал тюркский собиратель и исполнитель народных песен старик Джабар. У него было иссеченное морщинами-шрамами лицо, он пел таким высоким голосом, что прижимал к щеке ладонь левой руки, а песни его были древни, как горы Кавказа, фатальны и безотрадны своей восточной тоской и печалью. Он ни слова не знал по-русски. Он спокойно и бесстрастно смотрел на поэта и только шевелил в ритм стиха сухими губами. Когда Есенин окончил чтение, Джабар поднялся и сказал по-тюркски, — как отец говорит сыну: “Я — старик. Тридцать пять лет я собираю и пою песни моего народа. Я поклоняюсь пророку, но больше пророка я поклоняюсь поэту: он открывает всегда новое, неведомое и недоступное пока многим. Я не понимаю, что ты читал нам, но я почувствовал и узнал, что ты большой, очень большой поэт. Прими от старика-поэта преклонение пред высоким даром твоим”».

Собр. ст., 1, XIV–XV.

См. след. запись, а также: 17 апр. 1925; 19 апр. 1925, первая запись.

О времени события см., кроме того: Есенин, I, 644.

Апрель, с 17 на 18 или с 18 на 19. Еще одна встреча Есенина с А.К.Воронским.

Из воспоминаний критика (1926):

«На загородной даче, опившийся, он сначала долго скандалил и ругался. Его удалили в отдельную комнату. Я вошел и увидел: он сидел на кровати и рыдал. Всё лицо его было залито слезами. Он комкал мокрый платок.

— У меня ничего не осталось. Мне страшно. Нет ни друзей, ни близких. Я никого и ничего не люблю. Остались одни лишь стихи. Я всё отдал им, понимаешь, всё. Вон церковь, село, даль, поля, лес. И это отступилось от меня.

Он плакал больше часа.

“Пусть вся жизнь за песню продана”, — это из последних его стихов».

Восп., 2, 72.

См.: 17 апр. 1925; 17 или 18 апр. 1925; 19 апр. 1925, первая запись.

Апрель, 18. Московская газета «Правда» (№ 89) помещает информационные материалы издательств «Советский Кавказ» и «Заккнига» о выходе в Тифлисе из печати и поступлении в продажу новых изданий, среди которых книга Есенина «Страна Советская»:

«15 стихотворений, стр. 62, ц. 90 к.».

В объявлении сказано, что книги продаются в 1-ом книжном магазине Центросоюза (Москва, Маросейка, 7), а также высылаются наложенным платежом и в кредит под векселя.

См. также: до 20 янв. 1925, третья запись; до 24 янв. 1925; 24 янв. 1925, вторая запись; 18 февр. 1925, третья запись; 19 февр. 1925, первая запись; 20 февр. 1925, первая запись; 21 февр. 1925, вторая и третья записи; 25 февр. 1925, вторая запись; 15 марта 1925, первая и пятая записи; с 10 на 11 или 11 апр. 1925; нояб. (?) 1925, четвертая запись.

Одесская газета «Известия» (№ 1612; раздел «Библиография»; рубрика «Книжные новинки») дает информацию с упоминанием Есенина:

«Лениздатом выпущен очерк Евгеньева-Максимова <...>. Читатель найдет <...> литературные портреты <...> Есенина, Клюева».

См.: конец февр. ... до 16 марта 1925; 26 апр. ... 5 мая 1925; 22 мая 1925, четвертая запись; 22 июля 1925, третья запись.

Апрель, до 19. Сёстры Есенина и Г.А.Бениславская в Москве пытаются (безрезультатно) передать книги для Есенина с отъезжающей в Тифлис А.А.Берзинь.

Событие и его граница («перед Пасхой», т. е. до 19 апр.) устанавливаются по письму Г.А.Бениславской Есенину (4 мая 1925):

«Анна Абрамовна в Тифлисе, еще перед Пасхой уехала. Я, Катя и Шура поехали на вокзал провожать ее, притащили ей цветов, а для Вас книги, но так как она перепутала номер вагона — мы ее не нашли и только после отхода поезда встретили Анну Ивановну <Сухареву, приятельницу А.А.Берзинь> на вокзале и узнали, что Абрамовна уже катит в Тифлис».

Письма, 280.

Уезжают из Москвы в Константиново на пасхальные дни.

Событие устанавливается по письму Г.А.Бениславской Есенину (4 мая 1925):

«...мы ведь на Пасху были в Константинове».

Письма, 280.

Апрель, 19. Есенин пишет сестре Екатерине:

«Первый день пасхи

(потому что не знаю числа)

1925.

Баку.

Милая и дорогая мне Екатерина! Поймешь ли ты меня, я не знаю, но ты должна бы была помнить.

У меня туберкулез!!! Скоротечный или не скоротечный, не знаю. Одним словом, кашляю кровью. Воронский тебе расскажет. Ради чёрта или Бога, пришлите мне денег, я с А. К. сговорился. Передай это Наседкину, если он еще друг.

Поезжай, милая, этим летом домой. Я не приеду домой, но в Москве или Ленинграде буд<у> через 2 месяца. Не мо <часть текста утрачена> и если ты <часть текста утрачена> от Гали. Она человек хороший, дала очень много, но нельзя же насиловать чужую жизнь <см.: до 21 (?) марта 1925; 21 марта 1925, первая запись>. Уберись тихо, так, чтобы она не знала. А. К. передаст письмо только тебе.

Ну, а я вправду болен. Воронский расскажет. Он просил меня, чтоб ты ему тут же напомнила о высылке денег. Из журнала деньги — это тебе и Шуре. (Из “Круга”) (только из “Круга”) (пришлите мне 300). Если не подохну, увидимся. Прощай, родная! Обними Шуру. Привет родителям.

Дружок мой, помни, что я брат.

От кого у нас может быть чахотка?

Всё это я смазал, надеясь на советскую промокательную.

С. Е.

Ради Бога, если не хочешь моей смерти, не медлите. Ко мне изумительно отнесся Аз. Сов-ком. Дали пальто. Конечно, тут влияние Чагина, но на то он и друг. Кашляю. Кашляю с кровью.

С. Е.».

Есенин, VII (2), 28–29, 46–49. Выделено автором.

Факсимиле письма см.: В семье родной, 54–55.

Дата события определяется по словам «Первый день пасхи». Эти слова приписаны после завершения письма. Тогда же сделаны и другие приписки, помещенные в конце письма.

О причине возникновения своей болезни Есенин напишет Г.А.Бениславской (11 мая 1925):

«Это результат батумской простуды, а потом я по дурацки искупался в середине апреля в море...»

Есенин, VI, 212. См. также: до 17 апр. 1925.

Упомянутая здесь «батумская простуда» на самом деле была продолжением более раннего простудного заболевания Есенина. В письме к Г.А.Бениславской (20 дек. 1924) поэт рассказывал, с чего оно началось:

«В Тифлисе мы ездили в Ходжоры <см.: после 4 ... 7 дек. 1924>. Пальто мое Вы знаете, а в горах зверский холод. В духане мы выпили, развеселились, и я сел на автомобиль верхом около передних колес. 18 верст ехал так, играл на гитаре и пел песни. Потом оказалось, я себе напел».

Есенин, VI, 193.

Аналогичным образом будет вспоминать Есенин начало своей болезни в беседе с В.С.Чернявским (июнь 1925), отнеся его, впрочем, уже не к концу 1924, а к весне 1925 года:

«Он <Есенин> стал рассказывать о тяжелой простуде, схваченной на Кавказе: пьяная прогулка, ехал холодной ночью в распахнутой рубашке верхом на радиаторе мотора, неслись бешено, чудом шею на поворотах не свернул. <...>

— Нехорошо было, Володя. Лежал долго, харкал кровью. Думал, что уже больше не встану, совсем умирать собрался. И стихи писал предсмертные, вот прочту тебе, слушай. <...> “Ну, целуй меня, целуй...”, — опять заставило вспомнить Пушкина».

Восп., 1, 233–234.

Из рассказа поэта на ту же тему, сохранившегося в памяти В.Ф.Наседкина (июнь 1925):

«Катались на автомобиле. Попали в горы. В горах, знаешь, холодно, а я в одной рубашке. На другой день горлом пошла кровь. Я очень испугался. Чагин вызвал врачей. “Если не бросишь пить, через три месяца — смерть”, — сказали они и положили меня в больницу».

Материалы, 219.

Здесь, однако, оказываются слитыми воедино события, произошедшие с Есениным в разное время (декабрь 1924 и апрель–май 1925) и в разных местах (окрестности Тифлиса и Баку). Например, кровохарканье у поэта наступило в апреле (см. комментируемое письмо), а на стационарном лечении он оказался позже, в мае (см.: 6–17 мая 1925). И потому считать этот его рассказ документальным свидетельством, бесспорным во всех отношениях, достаточных оснований нет (подробнее см.: Субботин-2012, 124–126).

А.К.Воронский увозит есенинское письмо в Москву.

О дате отъезда А.К.Воронского из Баку (вместе с М.В.Фрунзе) см.: 17 апр. 1925.

См. также: Субботин-2012, 129.

Апрель, 19 ... 25. Есенин пишет стихотворения «Песня» («Есть одна хорошая песня у соловушки...») и «Ну, целуй меня, целуй...».

Событие устанавливается по свидетельству поэта в изложении В.Наседкина:

«Праздник, Пасха, а я в больнице. Мне казалось, что я умираю. В один день я написал тогда два стихотворения: “Есть одна хорошая песня у соловушки” и “Ну, целуй меня, целуй”».

Материалы, 219.

Подчеркнем, что изложенные выше (см.: 19 апр. 1925, первая запись) соображения дают основание не принимать воспоминания В.Наседкина о словах Есенина, что он оказался в больнице именно на Пасху, за неоспоримое документальное свидетельство. При установлении границ события учитывалось также, что праздничным является не только само пасхальное воскресенье, но и все другие дни пасхальной недели.

Черновые автографы названных стихотворений неизвестны. Набело Есенин записал их для сдачи в печать позднее, уже в десятых числах мая, в больнице волчников (см.: Субботин-2012, 130).

Апрель, 19 (?) ... 25 (?). Есенин пишет стихотворение «Письмо к сестре», обращенное к Е.А.Есениной.

Субботин-2012, 131.

См.: Есенин, II, 156–158, 451–452.

О публикациях см.: 10 мая 1925, первая запись; 15 июля 1925, третья запись.

Е.А.Есенина вспомнит в 1950-е гг.:

«У нас <в Константиново> по всему участку росли ползучие вишни, которые доставляли много хлопот нашим родителям: им нужна земля под картошку. Нам, детям, много огорчений приносила вырубка сада и вспахивание его сохой или плугом. <...> Но цепкие растения с каждым годом ползли всё дальше и дальше, упорно отвоевывая себе право на жизнь. Стоявший на огороде амбар кругом зарос вишневыми кустами, а за ним была уже целая вишневая роща, сквозь которую трудно было пробраться».

Непередаваемо хороши были эти сады, когда они цвели. Бывало, выйдешь из дому в сумерки или ранним утром — всё бело на розовом фоне заката или утренней зари. Тишина. Залюбуешься этой красотой и забудешь о всех житейских невзгодах и заботах».

Восп., I, 91.

В черновом автографе (ГЛМ), озаглавленном «Письмо Сестре <так!> Е<катерине>», после 57-й строки есть два варианта зачеркнутых строк:

I Терплю я, много лет

Терплю

II Пустую жизнь твою терплю

И <1 сл. *прзб*> что я поэт

А то, что жизнь свою гублю,

Тебе навеки дела нет.

Есенин, II, 245.

Из воспоминаний Г.А.Бениславской (1926):

«В марте 1925 г. С. А. приехал с Кавказа и, заметив, что Катя небрежно учится, испугался, что ничего из нее не выйдет. Стал резко и грубо ей говорить: “Ты как думаешь, не пора ли на свои хлеба? А? Я тебе больше денег не стану давать. До осени живи, а там, пожалуйста, сами заботьтесь. Шурку я шесть лет буду учить и кормить, а тебе пора уж самой думать”. <...> Однажды после такого разговора с Катей, повторявшегося послед-

ние месяцы изо дня в день, он сказал мне: “Нет, нет, она не такая, как я, как вы, как Шурка. Она — паразит”. Вообще Катя в жизни С. А. совершенно невольно была злым гением, постоянно нарушая и без того неустойчивое душевное равновесие его и, кроме того, опять-таки невольно, являясь камнем преткновения с окружающими».

Материалы, 78, 79.

Апрель, 20. С.А.Толстая пишет из Ясной Поляны в Ленинград М.М.Шкапской.

Большая часть письма посвящена описанию развития отношений автора письма с Есениным между 10 и 27 марта 1925 (подробнее см.: 19 марта 1925, пятая запись; 20 ... 22 марта 1925; 20–26 марта 1925; 26 марта 1925, вторая запись; 27 марта 1925, пятая запись; 27 апр. 1925).

Об осложнении в связи с этим своих отношений с Б.А.Пильняком, которое продолжилось после их совместного ухода с есенинских проводов 26 марта 1925 г., С.А.Толстая рассказывает:

«На извозчике — о посторонних вещах и так далек, далек. Ко мне — ни за что. И тут на меня напал такой ужас. Еду и думаю — не пойдет — конец — а без него не могу. Голова с вина дикая и мысли острые, острые. Вот подымусь на балкон — и кинусь. Вероятно, он почуял что-то. Пошел ко мне. Шепотом, чтобы мать не услышала, говорили, зная, что слова, что главного нельзя сказать, потому что сами не знаем. А главное, что говорили, вот: думал, что у нас с С. было больше, что целовались и т. д. Потом его подзуживали разговорами обо мне и С. присутствовавшие, главным образом Галя <Бениславская>. Потом, что я “иконка”. А с женщиной мне в пику. Много, долго, мучительно и как-то тупо, потому что что может быть непрошибимее мужской ревности. А потом пришла больная, изломанная, но настоящая страсть и как будто стерла всё недоговоренное. А на другой день еще хуже. Пришел такой несчастный, измученный. Сказал, что уезжает. Должен наедине решить — может ли он мне быть мужем или любовником, или просто другом будет. <...> А вернулся — сказал, что не уйдет. <...> Ну, потом пошло всячески. Очень, очень много тяжелого, непонятного, трудного. Недавно он сказал: “Ты мне с С. душой изменила”. И мне стало очень страшно от этого. Может быть, это правда. Совсем ничего не знаю. Знаю, что С. люблю ужасно, нежность заливающая, но любовь эта — совсем, совсем другая. Скучаю без него очень; не жду, но грустно, что писем нет. Но ведь он так, вообще. А без Б. жизни не мыслю. Он этого не понимает или боится понять. А минутами — хочу уйти от него, потому что нет уже сил у меня на такую трудную любовь».

НН, 2002, № 63/64, с. 140 (С. — Есенин, Б. — Б.А.Пильняк).

Апрель, 22. Есенин телеграфирует Г.А.Бениславской и сестре Екатерине:

«Задержите книгу. Напечатайте, как я говорил: посвящается Чагину. Если сглушите, выгоню».

Есенин, VI, 211, 699–700.

Из ответа Г.А.Бениславской (4 мая 1925):

«Скоро выйдет книжка с Персидскими мотивами — под названием “Рябиновый костер” <вышла всё же как “Персидские мотивы”>; см.: после 26 мая 1925>. Уж не о ней ли Вы телеграфировали, чтобы задержать и пр.?

Как же Вам не стыдно — разве можно давать такие телеграммы?

При всём старании из нее ничего нельзя понять. Так и не понимаю до сих пор».

Письма, 280.

См. также: после 2 марта 1925, вторая запись; до 26 мая 1925; 26 мая 1925; после 26 мая 1925; 29 мая ... 6 июня, или 10 июня ... 9 июля, или 16 ... 25 июля 1925; конец июня — 7 (?) июля 1925, первая запись; 1 ... 22 июля 1925; 3 (?) июля 1925; 4 июля 1925, вторая запись; 20 июля 1925, первая запись; до

24 июля 1925, первая запись; 31 июля 1925, вторая запись; после 6 сент. 1925, первая запись; 24 сент. 1925, четвертая запись; 17 нояб. 1925, вторая и третья записи; 20 нояб. 1925; 21 нояб. 1925, первая запись; нояб. (?) 1925, четвертая запись.

Газета «Бакинский рабочий» (№ 88) дает объявление Бакотделения Госиздата о поступлении в продажу книги Есенина «Песнь о великом походе».

См.: 1–6 авг. 1924, третья запись; 2 сент. 1924, первая запись; 15 марта 1925, третья запись; 28 марта 1925, первая запись; 1 апр. 1925, третья запись; 1 ... 15 апр. 1925; 5 апр. 1925, третья запись; 12 апр. 1925, вторая запись; 15 апр. 1925; 16 апр. 1925; до 3 мая 1925; 13 мая 1925; 24 мая 1925, седьмая запись; 24 сент. 1925, пятая запись; после 24 сент. ... 2 нояб. 1925, или 9 ... 25 нояб. 1925; первая половина дек. 1925, пятая запись.

См. также: Хроника, 2, 183, 343.

Газета «Вечерняя Москва» (№ 90; рубрика «Литературная хроника»; раздел «Среди писателей и поэтов») помещает неподписанную информацию о Есенине:

«С.Есенин принял на себя заведование литературно-художественным отделом газеты «Заря Востока» в Тифлисе».

Ср.: 24 марта 1925, первая запись; 31 мая 1925, вторая запись.

В апреле-мае 1925 г., будучи на Кавказе, Есенин так и не побывал в Тифлисе. Его намерение осталось неосуществленным.

Апрель, до 23. В Москве выходит журнал «Советское искусство» (№ 1; за апрель) со статьей П.А.Кузько «Выставка революционной литературы», где говорится о Есенине:

«25 января в помещении Российской Академии Художественных Наук открылась Выставка Революционной Литературы, организованная Отделом Изучения Революционного Искусства Социологического Отделения Академии.

Задача выставки — показать рост и значение творчества новых революционных классов, дать объективно научный материал для научно-исследовательской работы, а также собрать всё, что было создано в области литературного творчества масс за последние годы как в центре, так и в провинции.

Основное ядро выставки — литература пролетарских и крестьянских писателей; как дополнение к ним — произведения так называемых «попутчиков».

Конечно, в трех комнатках, отведенных Академией под выставку, очень тесно всем этим многоцветным и многоликим младенцам, юношам, а подчас и старцам, впервые собравшимся сюда вместе, чтобы громко засвидетельствовать собою литературно-творческие достижения пролетариата и крестьянства.

Во второй комнате центральное место занимает творчество пролетарских писателей. <...> Среди книг этой комнаты много портретов. В глаза бросается диаграмма — результат анкеты, среди 60 пролетарских писателей по вопросу: «Кто ваш любимый писатель?» Горький получил 31 голос, Пушкин — 31 голос, Гоголь — 27, Толстой — 17, Некрасов — 16, Чехов — 12, Бедный — 10, Достоевский — 7, Лермонтов — 7, Никитин — 7, Вс. Иванов — 10, Маяковский — 6 и Безымянский — 5.

В третьей комнате по преимуществу крестьянские писатели. Комната резко отличается от пролетарской почти полным отсутствием деклараций, манифестов и проч.; обстоя-

тельство, так сказать, — социологическое. Здесь перед нами суриковцы, неверовцы, никитинцы, группа “Радуга” и новокрестьянские писатели от Есенина до Ширяевца.

За крестьянами — “попутчики”: Сейфуллина, Пильняк, Леонов, Никитин и другие.

За “попутчиками” — “Леф”. Здесь номера журнала и весь Маяковский — от его первой книги “Я” до высокохудожественных агитстихотворений и очень хороших реклам Моссельпрома. Сверху — портретцы-шаржи “лефовцев”.

Еще дальше — уголок “Пушкин и современность”.

Граница события определяется по информации газ. «Известия ЦИК СССР и ВЦИК Советов» (1925, 23 апр., № 91) о том, что номер журнала вышел из печати и поступил в продажу.

См. также: 25 янв. 1925, вторая запись; 1 февр. 1925, первая запись; 4 февр. 1925, первая запись; 10 февр. 1925; 13 февр. 1925; 18 марта 1925, третья запись; до 8 апр. 1925, четвертая запись.

Апрель, 23. Исполняя пожелание Есенина, Г.А.Бениславская звонит С.А.Толстой, но не дозванивается до нее.

Событие и его дата устанавливаются по помете О.К.Толстой на листке календаря ее дочери 23 апр. 1925 г.:

«Звонили: <...> Галина Артур<овна>».

НН, 2002, № 63/64, с. 142, примеч. 21.

«Толстая вернулась в Москву через четыре дня после этого звонка» (там же).

О пожелании поэта см.: 8 апр. 1925, третья запись.

О телефонном разговоре Г.А.Бениславской и С.А.Толстой см.: 27 или 28 апр. ... 3 мая 1925.

Нью-йоркская газета «Русский голос» (№ 3446) публикует заметку «Исадора Донкан пишет мемуары», где говорится о Есенине:

«Ницца (Франция). Бывшая знаменитая танцовщица и бывшая жена поэта Есенина Исадора Донкан находится в настоящее время в Ницце, куда она приехала отдохнуть после потрясений последних лет, ознаменовавшихся организацией школы в России и бурном турне по Америке осенью 1922 года.

В беседе с корреспондентами американских газет Исадора заявила, что она <устала> от всеобщего непонимания ее задач и от нападков на нее из разных лагерей. О Есенине она ограничилась кратким замечанием: “Он не сознаёт, что он делает, выступая против меня”.

В настоящее время Исадора занята писанием мемуаров, в которых она ознакомит читающую публику с бурной своей карьерой, начинавшейся танцами для короля Эдуарда VII в Букингемском Дворце и закончившейся в Москве в голодный 1921 г. Исадора не собирается <так!> опубликов<ыв>ать никаких любовных писем. В отношении Советского Союза она заявляет: “По-прежнему считаю, в истории человечества Ленин займет место рядом с Христом. Живи я при Христе, я бы паломничала в Вифлеем. При Ленине я поехала в Москву...”».

Ср., однако: 28 дек. 1924, вторая запись; 2 янв. 1925; 4 янв. 1925, пятая запись; 12 янв. 1925; 13 янв. 1925, четвертая запись; 21 янв. 1925, четвертая запись; 14 февр. 1925, третья запись; 17 марта 1925, третья запись.

Апрель, 24. Газета «Бакинский рабочий» (№ 90) печатает поэму Есенина «Мой путь».

Об исходной публикации см.: 5 марта 1925, четвертая запись; 20 марта 1925, вторая запись.

См., кроме того: после 26 мая 1925.

См. также: Есенин, II, 159–165, 452–453; Есенин, III, 645, 647.

Есенин и П.И. Чагин фотографируются с членами кружка рабочих писателей и поэтов при газете «Бакинский рабочий».

Есенин, VII (3), [188] (№ 94), 258–259, с широкой датировкой: «1925. Баку».

Дата события уточняется на основе сведений из двух неподписанных информационных заметок.

В первой из них — «В пятницу 24 апреля в кружке рабочих писателей и поэтов при редакции “Бакинский рабочий”» — сообщается о предстоящем занятии организации с повесткой:

- «1) очередной семинарий;
- 2) о докладе т. Воронского;
- 3) разбор языка Артема Веселого;
- 4) читка.

Начало в 11 часов».

Газ. «Бакинский рабочий», 1925, 23 апр., № 89 (выявлено Н.М.Солобай).

Во второй сообщается о мероприятии другого кружка при том же учреждении:

«В пятницу 24 апреля в 10 часов утра очередное занятие центрального кружка селькоров при редакции “Бакинский рабочий”».

- Тема: 1) наказ уезжающим в деревню;
- 2) отчеты комиссии;
  - 3) фотосъемка».

Газ. «Бакинский рабочий», 1925, 24 апр., № 90 (выявлено Н.Г.Юсовым и Г.И.Шипулиной; см.: Юсов-2012, 511).

Оба занятия, очевидно, проводились в одном и том же помещении и к тому же одно за другим. Поэтому очень вероятно, что и фотоснимок группы селькоров, о котором идет речь во второй из информационных заметок, и комментируемое фото членов литературного кружка при газете были выполнены в один день — 24 апр. 1925 г. К тому же Есенин надписал это фото Е.А.Гурвичу 25 апр. 1925 г. (см.), т. е. как раз днем позже.

На приложенном к письму литератору С.Савельеву снимке Е.А.Гурвич указал фамилии кружковцев, изображенных на фотографии, и их профессии:

«Ковалев — кузнец, Сергеев — слесарь, Непряхин — токарь, Пантелеев — рабочий-нефтяник, Галя и Валя Савельевы — дочери рабочего, Топорков — рабочий. В центре фотографии Сергей Есенин, справа от него редактор газеты “Бакинский рабочий” П.И. Чагин, а слева — руководитель кружка — Е.А.Гурвич».

Савельев С. Записки литературного следопыта. М.: Мол. гвардия, 1976, с. 300.

Отрывок из воспоминаний Е.А.Гурвича, связанный с историей этой фотографии, см. также: 25 апр. 1925, первая запись.

Сохранились воспоминания еще одного участника съемки — И.Д.Сергеева:

«Это было в 1924 году <ошибка памяти — в 1925 г.>. Я тогда жил в Баку и состоял в литературном кружке “Нефть и колос”. И вот однажды на заседание литкружка пришел Сергей Есенин. <...> Вместе с ним к нам пришел редактор газеты “Бакинский рабочий” Петр Чагин. <...> Потом по предложению Чагина все присутствовавшие сфотографировались».

Сергеев И. Очевидцы рассказывают... Об одной встрече с Есениным. — Газ. «Мещерская новь», Касимов, 1963, 18 янв., № 10.

Мемуарист, член литературного кружка при газете «Бакинский рабочий», по профессии слесарь, также утверждал, что он изображен на снимке слева от Есенина.

Апрель, 25. Есенин сочиняет экспромт «Пускай я порою от спирта вымок...»:

Пускай я порою от спирта вымок,
 Пусть сердце слабеет, тускнеют очи,
 На, Гурвич! Взглянувши на этот снимок,
 Ты вспомни меня и «Бакинский рабочий».

Не знаю, мой праздник иль худший день их,
Мы часто друг друга по-сучьи лаем.
Но если бы Фришберг давал всем денег,
Тогда бы газета была нам раем.

Юсов-2012, 514–515 (первая точная публикация текста экспромта; в Есенин, IV, 262 (и ранее) — ст. 3 с искажением: «Но» вместо «На»). Факсимиле автографа — Юсов-2012, 517.

Поэт записал свое стихотворение на обороте групповой фотографии (см.: 24 апр. 1925). Журналист Е.А.Гурвич, к которому оно обращено, вспомнит (1965):

«...Я предложил Есенину сняться с членами кружка. Поэт охотно согласился. Через несколько дней <или на следующий день; см. предыд. запись> я получил карточки и раздал их. После занятий ко мне подошел Есенин, забрал у меня карточку и удалился в кабинет редактора Чагина. Вскоре вышел и молча вернул мне карточку, а сам ушел. Я случайно перевернул снимок и увидел там написанные Есениным стихи...»

Гурвич Е. Есенин в Баку: Воспоминания. — Газ. «Баку», 1965, 2 окт., № 233.

Упомянутый в стихотворении <В.Л.>Фришберг — журналист, управляющий конторой газеты «Бакинский рабочий».

С.А.Толстая пишет М.А.Волошину и его жене М.С.Заболоцкой из Ясной Поляны в Коктебель.

Спрашивает:

«Макс, знаете ли Вы последние стихи Есенина?»

Предлагает:

«Если у вас нет — я вам пришлю, потому что они должны понравиться Марусе <М.С.Заболоцкой>. Это мое увлечение всей зимой».

ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 1185, л. 23 об. (публикуется впервые).

В своем ответном письме (19 мая 1925; ГМТ, ф. 48, без шифра) М.А.Волошин никак не откликается на это предложение.

Апрель (?), 25. По просьбе Есенина П.И.Чагин отдает руководителям типографии Азполиграфтреста, при которой функционирует издательство, письменное распоряжение:

«Кооперативное издательство

Т. Хесин или т. Козлов, отпустите последние новинки т. С.Есенину в кредит».

ГЛМ, ф. 4, оп. 1, ед. хр. 153а, л. 1 (подчеркнуто автором). В первой публикации (Хроника, 2, 349) текст распоряжения неточен, во второй (Письма, 349) — неполон.

Его адресаты Козлов и Хесин занимали тогда должности заведующего и заместителя заведующего указанного учреждения, соответственно.

Документ датирован и подписан: «25/V. П.Чагин». Однако в тот день Есенин уезжал из Баку, занятый делами и заботами, очень далекими от хлопот по срочному ознакомлению с новыми книгами (см.: 24 мая 1925, первая–четвертая записи; с 24 на 25 мая 1925; 25 мая 1925, первая–третья записи). Содержание распоряжения П.И.Чагина и майская дата под ним, никак не согласуясь между собой, входят в серьезное противоречие с этими обстоятельствами. Судя по всему, здесь была допущена описка — вместо верной цифры «IV» под пером автора возникло ошибочное «V».

Так или иначе, П.И.Чагин всё же помог тогда Есенину с книжными новинками, что подтверждается самим поэтом. Вскоре (11 мая), отвечая на вопрос Г.Бениславской: «...посылать ли книги (разве в Баку их нет?)...» (Письма, 280), — он напишет:

«...книг не надо. Всё есть у Чагина».

Есенин, VI, 213.

См. также: Субботин-2012, 130.

Апрель, 25 и 28. Московская газета «Известия ЦИК СССР и ВЦИК Советов» (№ 93 и 95) извещает о предстоящем 1 мая выходе майской книги журнала «Новый мир» со стихами Есенина.

См.: 1 ... 7 мая 1925.

Апрель, 26. Есенин телеграфирует Е.А.Есениной: «Болен денег денег — Сергей».

Есенин, VI, 211, 700.

Берлинская газета «Руль» (№ 1335) перепечатывает стихотворение Есенина «Несказанное, синее, нежное...».

См. также: янв. (?) 1925; 5 апр. 1925, первая запись; 7 апр. 1925, вторая запись; 10 мая 1925, вторая запись; 19 июля 1925, вторая и шестая записи; 30 авг. 1925, третья запись.

Берлинская газета «Дни» (№ 750; подпись: «Адресат») печатает информацию «Российские литературные новости (по частным письмам)», в которой упоминается Есенин:

«Недавно читал <в московском Союзе писателей> доклад о новой литературе Ник. Потехин. Он отметил из писателей Бабеля, Леонова и Ал. Толстого; остальных почти всех разобрал. Успех Сейфуллиной, как он выразился — “советского Флобера”, он объясняет ее темами. Лидин — писатель, глубоко равнодушный ко всему, жареную индейку и гражданскую войну он описывает с одинаковой любовью, Пильняк — прости-туированье русского языка и пр. К русской авантюрной литературе относится скептически: “Мы фантазировать не умеем, у лучших из нас фантазия не залетает дальше Уэльса, как, напр., у Булгакова”. Говорил и о пролетарских писателях — есть богатый материал и опыт, но совершенно нет техники. Понравилась его фраза: “У нас литература — либо литературный Парнас, либо — литературный Госплан, а середины нет”.

<...> Модными поэтами остаются Пастернак, Парнок, Есенин, отчасти Мандельштам. Из молодых и еще неизвестных Миних почти не печатался, но исключительно талантливый мальчик (ему 22 года). Есенин написал отличный новый цикл “Персидские стихи” <так!>. Сейчас он уехал в Баку.

Издательство “Огонек” выпускает дешевую библиотеку, наподобие универсальной. Вышли Зозуля, Пришвин, Чехов, Бабель и <другие>. Очень удобный формат, и дешевы (15 коп.). И идут хорошо.

В Союзе писателей предполагаются теперь какие-то особенные понедельники, только для членов, с буфетом и ужином. Первый состоялся 13 апреля. Может быть, и привьется эта затея. Вообще же союз живет не бойко.

Вот наши мелочи. Ну, а архивная и мемуарная литература продолжается с большим успехом. И действительно, материалы издаются исключительного интереса и значения. Впрочем, обо всем этом найдете в журналах и газетах. Маленькая же наша, кружковская лабораторная жизнь в них не отражается. А ведь вам, зарубежным, не совсем безынтересна должна быть наша мелкая обыденщина: докладчик, стишки подающего надежды, понедельник с буфетом, мысли умного и суд глупца...»

О перепечатке материала см.: 17 мая 1925, пятая запись.

См. также: 11 янв. 1925, вторая запись.

Апрель, 26 ... Май, 5. Выходит журнал «Октябрь» (№ 2; за февраль) с материалами, в которых идет речь о Есенине (раздел «Библиография»).

Нижняя граница события определяется по информации «Бюллетеня торгового и периодического секторов Государственного издательства» (1925, № 7, 15 мая) о том, что журнал поступил в продажу в период с 26 апр. по 10 мая 1925, а его верхняя граница — по сведениям газ. «Известия ЦИК СССР и ВЦИК Советов» (1925, 7 мая, № 102), что рассылка журнала закончена 6 мая 1925.

Журнал публикует:

— рецензию И.М.Машбиц-Верова на книги Есенина «Стихи (1920–24)» и «Москва кабацкая»:

«Есенин вообще — один из наиболее искренних поэтов. Стихи его — его художественная автобиография. Мы можем поэтому циклы его сборника с 1920 по 24-й год рассматривать, как фазы его жизненного развития, его мироощущения.

Первая фаза описана в «Исповеди хулигана». Это — начало, начало увлечения богемой.

В этот период Есенин спорит с ветром в хулиганстве, уверяет, что не будь он поэтом, «то, наверное, был бы мошенник и вор», считает самым подходящим для себя занятием «в ночь, в голубой степи где-нибудь с кистенем стоять»... и т. д.

Однако скоро оказывается, что всё это — только «страшные слова». «Хулиган» фактически делает безобидные вещи, как, например:

Я нарочно иду нечесанным
С головой, как керосиновая лампа на плечах... (25).
Буду громко сморкаться в руку
И во всём дурака валять... и т. п. (23).

Очевидно, что подлинного хулиганства здесь мало. Здесь просто:

... Задор прежней вправки <так!>
Деревенского озорника (26).

Здесь просто теперь уже не принятое, но недавно сравнительно, приблизительно до 1915 г., бывшее в очень большой моде, своеобразное, богемско-поэтическое самохвальство хулиганством, пьянством, развратом и так далее.

Все старые поэты, пережившие декаданс, символизм, своевременно прошли через этот период. И если даже считать, что Маяковский с некоторым основанием называл себя «апашем» и поэтом «провалившихся носов», то не надо забывать, что «светлый инок» и «нежнейший рыцарь Прекрасной Дамы» — поэт Александр Блок — тоже не раз рекомендовал себя словами вроде: «Я сам позорный и продажный с кругами синими у глаз»...

Есенин, таким образом, только с некоторым опозданием (в 1920–24 годах) продолжал моду декаданса.

Но, по существу, хулиганство Есенину чуждо. *Основная стихия его творчества — нежная лирика <...>*.

«Москва кабацкая» страшна не как декадентски-упадническая поэзия кабаков, а *биографически*. Она страшна раньше всего для самого Есенина.

Кабак привел Есенина к жути, к болезни, к пустоте <...> если внимательно разобрать «Москву кабацкую», то окажется, что из 16-ти стихотворений, составляющих этот сборник, только 3 — кабацкие. Из остальных — 7 — о любви поэта, 3 — повторяют еще мотивы «хулигана» <...>, и, наконец, последние 3 — уже с очевидными признаками примирения и усталости от кабака:

Мир тебе, полевая солома...
И теперь уж я болеть не стану...

Самое *кабацтво* Есенина какого-то лирического, нежного характера. Оно не похоже на западное декадентство, где “зло” расцветает в “цветы” (Бодлер), где преступление и разврат представляются “сверхчеловеческим” геройством (Пшибышевский). Даже в *самых* “кабацких” стихах Есенина, там, где он рисует себя “пропащим”, которому “не уйти назад” и т. п., — даже там Есенин остается нежным лириком и постоянно вспоминает “низкий дом”, “старого пса”, “май мой синий, июнь голубой”. <...>

Заключительные стихи “Москвы кабацкой” — стихи о любви. Они объединены в отдельный цикл “Любовь хулигана”. <...> О любви Есенин “поет” почти впервые. И следует признать, что 7 стихотворений этого цикла представляют большую художественную ценность. Как всегда, они совершенно искренни и дают на фоне общей усталости поэта и уходящего озорства — правдивую, почти биографическую историю любви от первых до последних дней: “Разлюбил ли тебя не вчера...” (57).

Любовь Есенина удивительно нежная. Даже моменты чувственности, те моменты, где, например, Маяковский бывает “от мяса бешеный”, — у Есенина получаются необыкновенно тихими и кроткими:

Дорогая, сядем рядом,
Поглядим в глаза друг другу,
Я хочу под кротким взглядом
Слушать чувственную вьюгу... (51).

Несмотря, однако, на этот основной нежный и тихий характер любви, Есенин назвал эту любовь “Любовью хулигана”. Но это, конечно, не больше, как повторение юношеского желания во что бы то ни стало *казаться* хулиганом.

Заключительные циклы стихов: “После скандалов” и “Русь Советская”. Они знаменуют последний, наиболее серьезный и вдумчивый этап в жизни поэта.

Начинаются они с признания (“Пушкину”), что поэту тяжела слава хулигана, что пропитые годы оставили тяжелую усталость (“Я усталым таким еще не был”), что Есенин устал себя мучить *без цели*.

Но самое важное в том, что Есенин вдруг заметил *подлинную, живую Россию, реальную, послереволюционную деревню*. — словом, *действительную “Русь Советскую”*.

Есенин и раньше пел о революции, о России. Но это были Россия и революция религиозно-мистические, несуществующие, созданные фантазией поэта. В этих песнях Россия гибла “из-за вселенского братства людей”, а деревня упорно боролась с городом, не желая признать “электрический восход” (еще в “Исповеди хулигана” — то же). <...>

Больше того, — Есенин не только увидел новую Россию, новую деревню, в которой “с горы идет крестьянский комсомол”, в которой крестьяне “у волости, как в церковь, собрались” обсуждать “корявыми речами... свою жись”. <...> Думается, что здоровая *реальная поэзия* и тема *современной живой жизни* — наиболее благодарный и плодотворный путь для Есенина. Есенин на этот путь стал в последних вещах (“На родине”, “Тот ураган прошел”), и потому общее впечатление от сборника с точки зрения *идеологической* — *радостное, ободряющее*. Вопреки мнению Шкловского и друг <их>, Есенин не “запутался”, не застрял в кабаке. Он вышел оттуда, увидел огромную Россию и соответственно расширил рамки своего творчества. На этом новом пути Есенин как будто думает укрепиться, о чем свидетельствует ряд вещей последнего времени, еще не вошедших в сборник (“О Ленине”, поэма “Махно” и др.) <...>

И формально Есенин несомненно растет.

В “Исповеди хулигана” еще чувствуется сильное влияние *имажинизма* с его теорией образа как самоцели. Большинство вещей этого цикла нецельны по композиции и движе-

ние их основной мысли — настроения — *медлительно и изломанно (перегруженность и разнородность образов)*. Особенно это чувствуется в “Сорокоусте” и “Исповеди”. Встречаются также неудачные образы и места (например, “качнувшийся пузырь волос” (?), “голова, как керосиновая лампа”, “буду... во всё дурака валять” и т. д.).

С “Москвы кабацкой” Есенин проявляет себя уже как мастер *цельной композиции*: он перестает “гнаться” за отдельными, может быть, и очень яркими, но несоответствующими цельности образами. От этого стихотворения делаются более спаянными и *стремительными*. Стихи этого цикла также богаче мелодией и гармонией. Особенно подвинулся Есенин в гармонии: рифмы сочнее и музыкальней, встречается богатая и разнообразная инструментовка (напр., “твое тепло и трепет тела”).

Отдельно следует отметить стихи о любви. В них мастер *цельной композиции* сказался с особой силой, потому что здесь фактически почти в каждом стихотворении Есенин справляется одновременно с *двумя мотивами*: любовью и прощание с хулиганством (последний мотив развит отдельно в стихотворении: “Я обманывать себя не стану”).

Отрицательно-формальные черты “Москвы кабацкой” — сравнительное *однообразие ритмов и композиционных приемов*.

Последняя формальная ступень Есенина — переход к Пушкинскому стиху. Это сказалось главным образом в стихотворениях: “На родине” и “Тот ураган прошел”. Здесь Есенин доходит до полной, прозрачной простоты и ясности языка и образов, до строгой, сжатой и гармонической общей композиции, остающейся строго сжатой, несмотря на характерные лирические отступления в вещах эпических.

Но этот последний этап, как наименее выявленный и наиболее искусный, еще мало поддается анализу».

См. Приложение.

О первом издании (или первом тираже) «Стихов 1920–24» см.: после 10 окт. ... нояб. (?) 1924; 21 янв. 1925, вторая запись; февр. 1925, первая запись; февр. (?) 1925, первая запись; 4 ... 25 марта 1925; 5 марта 1925, пятая запись; 11 марта 1925, первая запись; до 15 марта 1925, первая запись; 19 марта 1925, четвертая запись; 25 марта 1925, первая запись; не позднее июня 1925.

О сб. «Москва кабацкая» см.: до 19 июля 1924; 4 янв. 1925, первая запись; 16 февр. 1925, первая запись; февр. 1925, первая запись; 14 марта 1925, вторая запись; 24 марта 1925, вторая запись; 2 июня 1925, первая запись; не позднее июня 1925; 2 (?) июля 1925.

— рецензию (подпись: «Л-н») на книгу В.Евгеньева-Максимова «Очерк истории новейшей русской литературы: Этюды и характеристики».

Рецензент цитирует исходный тезис автора «Очерка...»:

«... “замена эта <буржуазной культуры культурой социалистической> может произойти лишь в результате столь длительного процесса, что в наше переходное время надо, не ставя перед собой чересчур широких и явно неосуществимых целей, все силы сосредоточить на выполнении подготовительной работы, каковой является усвоение достижений буржуазного искусства и литературы, главным образом, классического периода”».

И продолжает уже от себя:

«Комментарии к сему излишни».

В соответствии с этим практическим выводом автор построил и свою книжку, в которой — конечно же — 200 стр. Надсону, Чехову, Бальмонту, Сологубу <...>, Андрееву, Блоку и Белому и т. д. и т. п., а послеоктябрьской литературе — всей вместе — страничек 60.

Естественно, что при таких условиях Владимир Маяковский — значительнейшее в известном смысле общественное и литературное явление — уместился на двух страничках; отдельным писателям: Тихонову, Есенину, Пильняку, Всеволоду Иванову, Орешину и т. д. — по страничке, а то и меньше».

См.: конец февр. ... до 16 марта 1925; 18 апр. 1925, вторая запись; 22 мая 1925, четвертая запись; 22 июля 1925, третья запись.

Апрель, 27. В письме М.М.Шкапской к С.А.Толстой из Ленинграда идет речь о Есенине.

Отвечая на признания адресата в письме от 20 апр. 1925 (см.), М.М.Шкапская подчеркивает:

«Не знаю почему, Сонюшка, милая, но не лежит у меня душа к Есенину, — как-то больно и нехорошо от мысли, что Вы как-то связаны с ним. Или это вина моей неизжитой романтики, но я как-то очень хорошо поняла и оценила стихийность чувства Вашего и Пильняка, — и то, что тут как-то третьим вплелся Есенин — было обидно и больно. Есенина как человека — нужно всё-таки бежать, потому что это уже нечто окончательно и бесповоротно погибшее, — не в моральном смысле, а вообще в человеческом, — это как Адалис <поэтесса А.Е.Ефрон> — потому что уже продана душа чёрту, уже за талант отдан человек, — это как страшный нарост, нарыв, который всё сглодал и всё загубил. Только Адалис при всём этом еще и умная, очень умная, а ведь Сергей Есенин — талантище необъятный, песенная стихия, — но он так бесконечно ограничен. Пишу ерунду, деточка, и сама знаю, что ерунду, как-то плохо связываются мысли».

НН, 2002, № 63/64, с. 142.

С.А.Толстая отвечает М.М.Шкапской, в т. ч. и о Есенине.

НН, 2002, № 63/64, с. 140.

Текст см.: 26 марта 1925, вторая запись.

См. также: 19 марта 1925, пятая запись; 20 ... 22 марта 1925; 27 марта 1925, пятая запись; 20 апр. 1925.

Апрель, 27 или 28 ... Май, 3. Г.А.Бениславская и С.А.Толстая говорят по телефону о Есенине.

Событие и его границы устанавливаются с учетом слов из письма Г.А.Бениславской Есенину (4 мая 1925) и даты возвращения С.А.Толстой в Москву (см. об этом: 23 апр. 1925, первая запись):

«Толстой звонила, передала. <...> Она обрадовалась и удивилась — отчего же Вы ей не напишете».

Шубникова-Гусева-2008, 213.

Эти слова являются ответом на заключительную фразу приписки Есенина к тексту стихотворения «Голубая да веселая страна...»: «Позвоните Толстой, пусть напишет» (см.: 8 апр. 1925, третья запись).

См. также: Субботин-2012, 126–128.

Апрель, 28. В Малом зале Московской консерватории впервые публично исполняются песни А.Н.Александрова «Осень» и «Березка» на стихи Есенина «Нивы сжаты, рощи голы...» и «Зеленая прическа...»

Поет его жена невица Н.Г.Александрова. Партия фортепиано — автор. Звучит Ор. 24: четыре песни (на стихи Есенина [2] и В.Ходасевича [2]).

Оттенберг А.Н. А.Н.Александров. Нотография: Справочник. М., 1965. С. 19.

Из отклика:

«Большой художественный успех имел организованный Ассоциацией... современной музыки вечер песен А.Н.Александрова, состоявшийся в Малом зале Консерватории при участии Н.Г.Александровой и автора. Почти половина программы была посвящена песням этого в высшей степени одаренного лирического композитора, сочиненным в прошлом и в начале нынешнего года. Среди них были исполнены несколько новых “Александровских песен”, так хорошо дополняющих старое “собрание” их, и несколько новых романсов на слова Пяста, Ходасевича и Есенина. Свособразие лирического стиля композитора особенно ярко сказалось в последних. Здесь Александрову удалось вплотную подойти к таким музыкально-поэтическим образам, которые являются для его творчества совершенно новыми, и здесь он дал ряд маленьких шедевров, как “Воспоминание”, “Рыбак”, “Березка”, “Нивы сжаты”, “Ноябрь” и др. В этих вещах Александров во многих от-

ношениях даже, может быть, более “прост”, чем во многих предыдущих, но эта “простота” является в них совершенством стиля. Одним из значительнейших достижений вечера песен Александра было их исполнение Н.Г.Александровой, с необычайным художественным проникновением передавшей тончайшие оттенки намерений композитора».

[Б. п.] Ассоциация современной музыки» — Журн. «Искусство трудящимся: Театр. Кино. Музыка. Живопись» (1925, № 27, 2 июня, рубрика «По концертам»).

См.: 3 окт. 1924, пятая запись; 13 окт. 1924; до 11 янв. 1925; март (?) 1925, первая запись; 30 окт. 1925; нояб. (?) 1925, вторая запись.

Апрель, до 29. В Иваново-Вознесенске выходит журнал «Красный ткач» (№ 16/17) с воспоминаниями Д.Семёновского «В Финляндии (Очерк о Максиме Горьком)», в котором заходит речь о Есенине.

Граница события определяется по датировочному штампу на экземпляре журнала из фондов Государственной публичной исторической библиотеки (Москва).

Вспоминая о своем посещении М.Горького в деревне Нейвола (недалеко от станции Мустамяки) осенью 1915 г., Д.Семёновский пишет:

«<Присутствовали> молодой армянский поэт Ваган Сукиасович Терьян, худощавый и черный, как уголь; издатель “Современника” А.Н.Тихонов, невысокий, но полный человек, с бритыми щеками, и жена Тихонова <...>.

Заговорили о литературе, о писателях и читательской неразборчивости.

<...> Терьян рассказывал о событиях петроградского литературного мира и, между прочим, сообщил, что литературные салоны Петрограда за последнее время заинтересовались молодым крестьянским поэтом Сергеем Есениным.

Так как я знал Есенина еще по Москве, то и рассказал о нем, что мог».

См. также: Летопись, 1, 201–206.

Апрель, 29. С.Т.Конёнков пишет С.А.Клычкову из Нью-Йорка, цитируя есенинскую «Русь уходящую»:

«Если встретишься с Сережей Есениным, передай ему наш привет. Я читал, что он решил, “задрать штаны, бежать за комсомолом”. Для быстроты советую вмазать скипидару».

Журн. «Новый мир», М., 1989, № 9, сент., с. 198 (публ. Н.В.Клычковой).

В помещении московского Камерного театра (Тверской бульвар, 23) Н.Осинский читает лекцию «Текущий момент и наша художественная литература», где упоминает Есенина.

Дата события — по информации в газ. «Правда» (1925, 29 апр., № 96, рубрика «Москва», подпись: В. В.)

Говоря о современной поэзии, лектор отмечает:

«В то время как в среде непролетарских поэтов происходит либо окончательная консервация, как у Тихонова, либо преодоление кризиса и дальнейший рост после отказа от народничества, как у Есенина, — в это время лучшие пролетарские поэты по существу не отличаются от всех иных...».

Н. Ф. Текущий момент и художественная литература — лекция тов. Осинского. — Газ. «Веч. Москва», 1925, 30 апр., № 97.

Апрель, до 30. Одесский журнал «Шквал» (№ 16) публикует статью К.Зелинского о поэтах «Московский Монмартр», в котором заходит речь о Есенине:

«Поэзия в Москве не имеет своей территории. Она уже давно ушла из кафе и кабачков. Это было легендарное время, в 18–19 годах нашего столетия, когда книгопечатание уступило место устным сказаниям с эстрады. <...>

В “кафе” остался Есенин с приятелями.

Покуралесив и написав книгу “Москва кабацкая” — Есенин уехал из Москвы и теперь изучает грузинский быт в Тифлисе».

Граница события устанавливается по информации о выходе издания (газ. «Известия», Одесса; 1925, 30 апр., № 1621).

В Праге выходит журнал «Воля России» (№ 3; за март) с рецензией С.П. Постникова на журнал «Красная новь» (книги IV, V, VI, VII–VIII), в которой идет речь о Есенине:

Граница события определяется по «Книжному указателю» (Прага: 1925, № 3) с учетом след. записи. Автор пишет:

«Когда р<а>ссматриваешь книжки журнала, всегда хочется найти такую вещь, которая была бы безусловно хороша, которая бы сама за себя говорила; достаточно указать на нее читателю без всякой похвалы, и он воспримет ее, как настоящую вещь, как подлинное художественное произведение. Такой вещью в лежащих передо мною книжках “Красной нови” являются стихи Есенина. Когда снова перелистываю я эти книжки, перечитываю отдельные отрывки из рассказов и повестей, то невольно опять и опять возвращаюсь к Есенину.

Судите сами. Вот отрывок из стихов его “Русь советская” (V книга) <цитируется 49 строк произведения>.

Сергей Есенин пришел в литературу очень юным и с первых своих выступлений он начал “петь” свои стихи. Его поэтическая душа слагалась не в результате чтения предшественников-поэтов, а самостоятельно — в деревне, в мужицкой избе. Революция развязала у этого деревенского парня озорство. Озорничает он и в стихах, и в жизни. Но и в этом Есенин талантлив, он резко отличается от тянувшихся за ним мелких поэтов, у которых выкрутасы в стихах были только надоедливы. Теперь у Есенина наступает новый период. Устал он, видимо, озорничать. И в стихах появилось раздумье, а вместе с тем и форма стихов стала проще. Не только в приведенном стихотворении чувствуется это, но и в стихах “На родине” (IV кн.) и “Отговорила роща золотая” (V кн.).

Не берусь утверждать, что настоящее настроение Есенина устойчивое, но, во всяком случае, оно теперь есть и является интересным периодом в развитии этого талантливого поэта.

Есенин называет себя “российским скандальным пиитом”. Для нас в этом нет ничего нового. В русских людях, а особенно талантливых, скандального элемента всегда было много. У Есенина этот элемент носит вполне современный характер: он дебоширует <так!> в голодные годы в различных “стойлах” поэтов, ночью бегаёт по Москве с ведром краски и переименовывает старые улицы на Есенинские и Мариенгофа; но ему мало Москвы: он скандалит вместе с Дункан по Европе и Америке с тем, чтобы возвратиться на село и сесть с поклоном на деревенскую скамью. Хорошо, если и реакция на это озорство тоже будет русская, т. е. муза его станет глубже и проникновеннее. Так, по крайней мере, было всегда у русских».

См. Приложение.

Отклик см.: след. запись.

Апрель, 30. Итальянский журнал «Russia: Rivista de letteratura — arte — storia» (редактор Этторе Ло Гатто; Рим, 4-й г. изд., № 1, рубрика «Современные поэты: I. Сергей Есенин») публикует стихотворение Есенина «Русь советская» в переводе и со вступительной заметкой редактора журнала:

«О Есенине я писал в своей книжке “Русская поэзия о революции” <см.: дек. (?) 1923 ... до 28 февр. 1924>. В этом своем кратком очерке я дал поэту оценку, которая, после более глубокого ознакомления с его творчеством, должна быть частично подправлена, но не изменена в своей основе. “Примитивность” Есенина, крестьянского поэта, продолжает производиться на меня впечатление чего-то желаемого <читателем>, но я склонен, тем не менее, признать в авторе “Руси советской”, перевод которой дан ниже, стихийность бóльшую, чем мне казалось на первый взгляд. Тогда, в 1922 году, я продемонстрировал такие строки:

Время мое пришло,
 Не страшен мне лязг кнута.
 Тело, Христово тело,
 Выплываю изо рта.
 Не хочу воспринять спасения
 Через муки его и крест:
 Я иное постиг учение...
 Даже Богу я выщиплю бороду
 Оскалом моих зубов.
 Ухвачу его за гриву белую
 И скажу ему голосом вьюг:
 Я иным тебя, Господи, сделаю,
 Чтобы зрел мой словесный луг!..

Несмотря на то, что я знал о крестьянском происхождении поэта, я не мог избавиться здесь от мысли об изощренности, усвоенной и желаемой <читателем>. В стихотворении “Русь советская”, опубликованном на страницах советского журнала “Красная новь” (№ 5, август-сентябрь 1924), есть, наоборот, строфы истинно вдохновенные. Оно, пожалуй, раскрывает истинную сущность поэта. Даже в журнале “Воля России” (Прага, т. III, март 1925 г.) цитируются некоторые строфы этого стихотворения и дается положительная оценка. Приведу оттуда некоторые замечания русского критика, наиболее предпочтительные для меня, относительно характера есенинской поэзии <следует перевод обширной цитаты из рецензии С.П.Постникова (см.: предыд. запись)>.

Перевод С.С.Субботиной.

Отклик см.: 15 мая 1925, вторая запись.

См. также: до 23 сент. 1924; 24 сент. 1924, первая запись; после 10 окт. ... нояб. 1924; до 25 дек. 1924; 17 янв. 1925, третья запись; до 20 янв. 1925, третья запись; февр. (?) 1925, третья запись; до 14 июня 1925; июль ... дек. (?) 1925, первая запись; 27 сент. 1925, пятая запись; конц сент. ... до 16 окт. 1925, первая запись; 17 окт. 1925, третья запись; конец нояб. 1925, вторая запись.

См. Приложение.

Поэт Г.Б.Шмерельсон пишет Есенину из Ленинграда:

«Дорогой мой, любимый Сереженька!

Где ты теперь обретаешься? Помнишь ли Питерград? Как живешь? Как твои дела? Эрлих получил, как-то давно, письмо из Москвы с твоей припиской <см. два письма от 24 марта 1925>, из которого узнали, что ты уехал в Баку. Надолго ли? Думаешь ли быть в Питере? Ох, Сереженька, как хорошо было бы, если взял да махнул в Питерград! Часто тебя вспоминаем. Читал стихи твои в “Красной нови”, № 2 <см.: до 15 марта 1925, первая запись>. Очень хорошо! О тебе часто у меня спрашивают: Клюев, Чапыгин, Тихонов, Садофьев и многие другие. Говорю, что знаю. Наши парни все в здравии, работают. Эрлих, Полоцкий разрешились сказками, которые продали. В печати книжка Эрлиха и общий наш сборник. Познакомился здесь с твоей сестрой в ее приезд в Ленинград. Если сия открытка дойдет до тебя, то очень прошу, напиши мне — по адресу: Ленинград, Красная, 21, кв. 1, Григорию Бенедиктовичу Шмерельсону, и я немедленно отвечу подробным письмом. От всех — Эрлих, Ричиотти, Полоцкий и меня — приветы и поцелуй.

Напиши, родной! С любовью.

Твой Гр. Шмерельсон.

По слухам, ты редактируешь журнал <см.: 27 марта 1925, первая запись>. Напиши, можно ли что-нибудь прислать. Жду».

Письма, 279.

Произведения и книги, о которых говорится в письме: Эрлих В. О ленивом Ваньке и его шенке: (Сказка в стихах). М., 1926.; Полоцкий С. Красные дети на белом свете. Л., 1925. Верстка невышедшей книги В. Эрлиха «Ноябрь» (Л., 1924) хранится в РГАЛИ. Сборник ленинградских имажинистов издан не был.

Ответил ли Есенин на это письмо, неизвестно.

Апрель, конец (?). Рижский журнал «Наш огонек» (№ 17) перепечатывает стихотворение М.С. Дудорова «Сергею Есенину».

Информация о событии и его ориентировочная дата — по журн. «Воля России» (см.: май 1925, третья запись).

Об исходном тексте см.: конец дек. 1923 ... до 15 янв. 1924.

Апрель, конец ... Май, до 4. В московском издательстве «Современная Россия» выходит книга Есенина «О России и революции: Стихотворения и поэмы».

Время выхода устанавливается по письму Г.А. Бениславской Есенину от 4 мая 1925 г.:

«Только что Берлин <издатель> принес Вашу книжку».

Письма, 280.

Содержание. О России и революции: «Край любимый! Сердцу снятся...»; «Гой ты, Русь, моя родная...»; «Пахнет рыхлыми драчёнами...» <В хате>; «Черная, потом пропахшая выть!...»; «Топи да болота...»; «Матушка в купальницу по лесу ходила...»; «Туча кружево в роще связала...»; «Сыплет черемуха снегом...»; «Край ты мой заброшенный...»; «Я пастух, мои палаты...»; Базар <«На плетнях висят баранки...»>; «Тучи — как озёра...» <строки 1–20 из поэмы «Отчарь»>; «За темной прядью перелесиц...»; «В том краю, где желтая крапива...»; «Я снова здесь, в семье родной...»; «О красном вечере задумалась дорога...»; «О край дождей и непогоды...»; «Не напрасно дули ветры...»; Коровя; «О товарищах веселых...»; «Запели тесаные дроги...»; Голубень; «Тучи с ожерёба...»; «О Русь, взмахни крылами...»; «Небо, как колокол...» <строки 17–32 из поэмы «Иорданская голубица»>; Кобыльи корабли; «Разбуди меня завтра рано...»; «Где ты, где ты, отчий дом...»; «Нивы сжаты, роши голы...»; «Я по первому снегу бреду...»; «Песни, песни, о чем вы кричите?..»; «Я последний поэт деревни...», с посв.: «А. Мариенгофу»; «Душа грустит о небесах...»; «Устал я жить в родном краю...»; «Я покинул родимый дом...»; «Хорошо под осеннюю свежесть...»; «Закружилась листва золотая...»; «По-осеннему кычет сова...»; Табун; Небесный барабанщик, с посв.: «Л. Н. Старку»; «Дождик мокрыми метлами чистит...» <Хулиган>; Пантократор; Русь; Песнь о хлебе; Поэма о 36.

Тираж книги — 5000 экз. (Юсов- 94, 52).

См. также: 11–12 дек. 1924; до 20 янв. 1925, четвертая запись; 1 ... 15 мая 1925; 4 мая 1925, вторая запись; 31 июля 1925, вторая запись; 1 сент. 1925, третья запись; Есенин, VII (3), 381–382.

См. Приложение.

Апрель, конец (?) ... Май, до 6. Есенин пишет стихотворение «Заря окликает другую...» и делает набросок памфлета «Дама с лорнетом (Вроде письма. На общеизвестное)».

Субботин-2012, 132.

О стихотворении см.: 12 мая 1925, третья запись; до 15 июня 1925.

Набросок памфлета является откликом на статью З.Н.Гиппиус «Общезвестное» (см.: 8 апр. 1925, четвертая запись). Есенин пишет:

«Когда-то я мальчиком, проезжая Петербург, зашел к Блоку. Мы говорили очень много о стихах, но Блок мне тут же заметил, вероятно, по указаниям Иванова-Разумника: “Не верь ты этой бабе. Ее и Горький считает умной. Но, по-моему, она низкопробная дура”.

Это были слова Блока. После слов Блока, к которому я приехал, впервые я стал относиться и к Мережковскому и к Гиппиус — подозрительней. Один только Философов, как и посейчас, занимает мой кругозор, которому я писал и говорил то устно, то в стихах; но всё же Клюев и на него составил стихи, обобщая его вместе с Мережковскими.

— Что такое Мережковский?

— Во всяком случае, не Франс.

— Что такое Гиппиус?

— Бездарная завистливая поэтесса.

В газете “Eclair” <точное название “L'Eclair”> Мережковский называл меня хамом, называла меня Гиппиус альфонсом, за то, что когда-то я, пришедший из деревни, имел право носить валенки.

— Что это на Вас за гетры? — спросила она, наведя лорнет.

Я ей ответил:

— Это охотничьи валенки.

— Вы вообще кривляетесь.

Потом Мережковский писал: “Альфонс, пьяница, большевик!”

А я ему отвечал устно:

“Дурак, бездарность!”

Клюев, которому Мережковский и Гиппиус не годятся в подметки в смысле искусства, говорил: “Солдаты испражняются. Где калитка, где забор, Мережковского собор”. Действительно, колоннады. Мадам Гиппиус! Не хотите ли Лориган? Ведь Вы в “Золотое руно” снимались так же в брюках с портрета Сомова.

Лживая и скверная Вы. Всё у Вас направлено на личное влияние Вас. Вы пишете:

“Основа партии — общее утверждение ценностей”.

Это Вы пишете.

Безмозглая и глупая дама.

Даже Шкловский помнит, что Вы говорили и что опять пишете: “крайнюю” хату, левую или правую, это безразлично, раз он художник. Такое время. Слова Ваши.

Вы продажны и противны в этом, как всякая контрреволюционная дрянь.

Это суждение к нам не подходит. Дорога Ваша ясна с Вашим игнорированием нас (хотя Вы писали обо мне статьи хвалебные).

Пути Вам нет сюда, в Советскую Россию. Всё равно Вы будете путешественники по стране СССР с Бедкером».

Есенин, V, 229–232, 514–524.

О статьях Д.С.Мережковского и В.Б.Шкловского, упомянутых Есениным, см. соответственно: 16 июня 1923, третья запись; после 4 окт. 1924.

См. также: 22 февр. 1925, вторая запись.

См. Приложение.

Апрель. Есенин сочиняет автопародию на стихотворение «Шаганэ ты моя, Шаганэ...» (неизвестна).

Событие и его время устанавливаются по воспоминаниям П.И.Чагина:

«Я выуживал у него одно за другим стихотворения для напечатания на страницах “Бакинского рабочего”».

А потом он с веселым озорством посмотрел на меня глубоким взглядом и воскликнул: — Хочешь, я довоображу в тебе персиянку?

И на следующий день принес мне в редакцию стихотворение: “Чагине ты моя, Чагине...”

Это была, так сказать, автопародийно подпорченная им “Шаганэ ты моя, Шаганэ”. Я восхитился было стихами и тут же разъярился:

— Да ты с ума сошел! Как же я могу такое поместить в газете, под которой стоит подпись: Чагин? К тому же ты забываешь, что могут в Баку в наших восточных условиях довообразить!

Сергей лукаво улыбнулся:

— Хотел разыграть тебя. Но, как говорится, фокус не удался!

Затем переписал стихотворение <“Шаганэ ты моя, Шаганэ...”> наново и передал мне: “Это для книги персидских мотивов, которую, как я тебе писал, я давно решил посвятить тебе. Твою партийную судьбу и редакторскую карьеру портить не собираюсь. Знаю твою скромность и шепетильность”».

Машинопись (ГМЗЕ).

Отголосок этого сюжета — в очерке В.Е.Субботина «Персидский мотив» (Субботин В. Жизнь поэта. М.: Сов. писатель, 1984, с. 37).

Есенин пишет В.Ф.Наседкину.

Событие и его время устанавливаются по воспоминаниям адресата:

«В апрельском письме из Баку ко мне есть такая строчка:

“Ну, ей через ногу, советская власть прекрасная!”»

Восп.-95, 494. Остальной текст письма неизвестен.

В Праге выходит журнал «Своими путями» (№ 5; за март–апрель) со стихотворением Алексея Фотинского «Заводь» с посвящением «Сергею Есенину»:

В зеленый пруд нырнула колокольня,
вода в затон уютный влюблена.
Рука скользнула по веслу невольно
и след весла глотнула глубина.

Быль или нет? В зеленой нежной ряске
раскинул сетку паучок рдяной.

Я наяву иль в старой милой сказке?
 Под лодкой ерзает в тревоге водяной.
 Скользит дорожкой жабьей душегубка,
 Любовно ветер волосы ершит.
 На дне лежит жестяная скорлупка
 и ворох мяты, васильков и ржи.

У берегов гусиный говор громкий
 и белый пух на дремлющей воде,
 Я босиком — внизу у брюк бахромка,
 а на душе — весенний майский день.

Проплыть бы так назначенные годы,
 когда б река с собою унесла.
 На берегах — сомненья и невзгоды.
 А здесь — покой и легкий плеск весла.

Время выхода журнала определяется по «Книжному указателю» (Прага; 1925, № 3).

Апрель — Май, до 6. Есенин встречается со скульптором С.Д.Эрзьей (Нефёдовым). Между ними завязывается дружба.

Е.И.Мроз, ученица и жена С.Д.Эрзи, вспоминает:

«...Сергей Есенин часто заходил к Степану Дмитриевичу в мастерскую. Особенно вечерами. Иногда в руках у него была балалайка...».

Трофимов В. Эрзя в Баку. Саранск: Мордовское кн. издательство, 1970, с. 18.

В другой раз Е.И.Мроз сообщает:

«Мы пригласили его на ужин <...> Есенин пришел с балалайкой и весь вечер исполнял частушки и шуточные песни. Сколько мы его ни просили прочитать стихи, он никак не соглашался, но частушки лились из него бесконечно. Он принес с собой безудержное веселье и радость. <...>

И вот однажды, весной 1925 года <предположительно в первой декаде апреля> Сергей Есенин и Степан Эрзя исчезают из города. Три дня их ищут повсюду. Наконец, они появляются полные восторга от путешествия по Апшерону, где знакомились с жизнью местных селений».

Трофимов В. Эрзя: Бакинский период творчества. Баку: Гянджлик, 1977, с. 17, 18.

Можно предположить, что помимо знакомства с жизнью и бытом местных жителей С.Д.Эрзя, как большой знаток в области ваияния и зодчества, показывал Есенину и архитектурные памятники Апшерона. Так, они могли осматривать древние замки с башнями в селениях Раманы и Нардаран, мечеть, круглую и прямоугольную башни в Мардакянах, побывать в Сураханах, где находятся храм огнепоклонников — «Атешга» («атеш» — огонь, «га» — место), «Храм вечных огней», а также старое заброшенное кладбище. Возможно, все эти впечатления отразились в стихотворении Есенина «Воздух прозрачный и синий...» и «Золото холодное луны...»

И еще из воспоминаний Е.И. Мроз:

«Как-то Сергей Есенин уговорил Эрзю отправиться с ним в редакцию газеты “Бакинский рабочий” получить прочитавшийся ему за стихи гонорар. Главный редактор газеты П.И.Чагин, большой друг Есенина, отказал ему в этом, ссылаясь на отсутствие денег. Тогда Есенин и Эрзя решили проучить своего приятеля. Они стали под окнами редакции, и Есенин стал исполнять для прохожих частушки, а Эрзя снял шляпу, изображая сбор подаяния. Перепуганный Чагин приказал немедленно привести их в редакцию и выдать Есенину гонорар».

Трофимов В. Эрзя в Баку. Саранск: Мордовское кн. издательство, 1970, с. 18.

Апрель ... Май, до 6, или Май, 18 ... 23. В исполнении Е.Б.Юкель Есенин слушает сочиненную ею песню на слова стихотворения «Шаганэ ты моя, Шаганэ...»

Рамки события определяются в соответствии с временем пребывания Есенина в Баку весной 1925 г. с учетом срока его стационарного лечения.

Воспоминания Е.Б.Юкель процитированы В.А.Мануйловым по ее письму:

«Хотя я родилась в России, свое детство я провела в Персии, в провинции Хоросан, в городе Сабзеваре. Полюбила восточную музыку: персидскую, тюркскую, арабскую. Стихи любимых поэтов пела на мотивы известных песен, иногда сочиняла мотивы сама. Живя в Баку, я стала сочинять мотивы к русским стихам восточного содержания на восточный лад. Тогда этого еще никто не делал, и мне не у кого было учиться.

Когда появились “Персидские мотивы” Есенина, я сочинила мотив на стихотворение “Шаганэ ты моя, Шаганэ”. Моя университетская подруга Ксения Колобова была знакома с Есениным и однажды, когда он был в Баку, привела его ко мне домой.

Есенин был немного навеселе и принес еще с собой пива, которое сам же и выпил. Песню о Шаганэ слушал раз восемь, так ему понравилось. Улыбка у Сергея Александровича была обаятельная и располагала к нему. Я похвасталась, что у меня есть песни на слова и других русских поэтов, и хотела их спеть. Но Сергей Александрович как будто обиделся и сказал, что он и сам известный поэт и чужих песен ему не надо. И попросил спеть “Шаганэ” еще и еще. Тогда это была моя единственная песня на его слова».

Восп., 2, 184.

Л.И.Повицкий (Восп., 2, 244) относит это событие к 1924 г., однако стихотворение Есенина «Шаганэ ты моя, Шаганэ...», о котором идет речь, было впервые опубликовано 1 янв. 1925 г., так что встреча поэта с Е.Б.Юкель могла произойти лишь во время его приезда в Баку весной 1925 г.

Май, 1. Есенин вместе с руководителями ЦК Азербайджанской коммунистической партии и рабочими-нефтяниками принимает участие в маевке в пригороде Баку — Балаханы, где происходит закладка нового рабочего поселка имени Степана Разина.

В своих воспоминаниях П.И.Чагин напишет:

«Одним из самых примечательных дней в бакинский период жизни Сергея Есенина был день 1 мая 1925 года.

Первомай того года мы решили провести необычно. Вместо общегородской демонстрации организовали митинги в промысловых и заводских районах, посвященные закладке новых рабочих поселков, а затем — рабочие, народные гулянья. Взяли с собой в машину, где были секретари ЦК Азербайджана, Сергея Есенина».

Восп., 2, 162.

Читает стихи, исполняет частушки.

«Есенина на маевке встретили как старого знакомого. Вместе с партийными руководителями ходил он по лужайкам, где прямо на земле, на молодой весенней траве, расположились рабочие со своими семьями, читал стихи, пел частушки».

Восп., 2, 162–163.

Впечатления от первомайского праздника послужили толчком к созданию стихотворения «1 мая» (см.: 2 (?) ... 4 мая 1925).

Ср., впрочем, с беглым замечанием С.Ф.Файнштейна, служившего в 1925 г. в редакции газеты «Бакинский рабочий», который (после ознакомления со сборником «Сергей Александрович Есенин: Воспоминания») напишет 16 авг. 1926 г. С.А.Толстой-Есениной:

«Не могу я проституировать того, что мне наиболее дорого. <...> А отделиваться общими фразами <...> об *опьянении* первым мая, неотделимом от *пьянки* первого мая, я не могу».

Цит. по: Субботин-96, 28.

Фотографируется вместе с П.И. Чагиным и группой нефтяников.

Сохранилась любительская фотография, сделанная на этой маевке в Балаханах, на обороте которой — надпись рукой М.А. Чагиной, вдовы П.И. Чагина:

«Баку; рабочая маевка 1 мая на берегу моря. Есенин, Чагин и нефтяники. 5/V-75 г. Чагина М.А.».

Юсов-2012, 543–544.

Вместе с П.И. Чагиным едет на дачу в Мардакяны. Читает стихи из цикла «Персидские мотивы».

П.И. Чагин вспомнит:

«... поехали на дачу в Мардакянах, под Баку, где Есенин в присутствии Сергея Миновича Кирова неповторимо душевно читал новые стихи из цикла “Персидские мотивы”. Киров, человек большого эстетического вкуса, в дореволюционном прошлом блестящий литератор и незаурядный литературный критик, обратился ко мне после есенинского чтения с укоризной:

— Почему ты до сих пор не создал Есенину иллюзию Персии в Баку? Смотри, как написал, как будто был в Персии. В Персию мы не пустили его, учитывая опасности, какие его могут подстеречь, и боясь за его жизнь. Но ведь тебе же поручили создать ему иллюзию Персии в Баку. Так создай! Чего не хватит — довообразит. Он же поэт, да какой!

Огромное впечатление произвела на Есенина эта встреча с Сергеем Миновичем».

Восп., 2, 162–163.

«Иллюзию Персии» Чагин создаст Есенину в его следующий приезд в Баку (см.: 29 июля — 26 авг. 1925).

Газета «Бакинский рабочий» (№ 95) публикует начало поэмы Есенина «Анна Снегина» (строки 1–318) с посвящением: «А. Воронскому».

Из письма Н.К. Вержбицкого К.Л. Зелинскому (29 янв. 1956):

«Есенин в феврале <в марте> 1925 года по приезде из Батума в Москву <...> первым долгом отдал поэму Воронскому в “Красную новь” <см.: 5 марта 1925, третья запись>, а копию послал П.И. Чагину <см.: 6 или 7 марта 1925>. И опять газета только в силу своей частой периодичности опередила толстый журнал».

Письма, 496.

О публикациях текста поэмы и откликов на нее см. также: 20 марта 1925, вторая запись; 1 мая 1925, шестая запись; 3 мая 1925; 21 ... 30 мая 1925; 1 июня 1925, вторая и третья записи; до 17 июня 1925; 18 июня 1925, третья запись; 20 июня ... 3 июля 1925; 21 и 23 июня 1925; 28 июня 1925, вторая запись; 30 июня 1925, девятая запись; 1 июля 1925, пятая запись; 8 июля 1925; 12 июля 1925, четвертая запись; 19 июля 1925, четвертая и пятая записи; 22 июля 1925, четвертая запись; 26 июля 1925, восьмая и девятая записи; до 20 сент. 1925; 30 сент. ... 12 окт. 1925; 12 окт. 1925, вторая запись; 15 дек. 1925, третья запись.

Московский журнал «Город и деревня» (№ 8) дает фрагмент поэмы Есенина «Анна Снегина» (из четвертой части; строки 499–581).

О публикациях текста поэмы и откликов на нее см. предыд. запись.

В.И. Эрлих пишет Г.А. Бениславской из Ленинграда:

«Галя — Галя! Не браните меня за хамство. Виноват, но не очень. Письмо Ваше и Сергея (24 и 30 марта 1925) получил с месячным запозданием. Я успел за это время и болеть, и ездить, и все двадцать четыре удовольствия. В “Ковше” полная неразбериха. Заходил раза два. Сменяется редакция, и ни черта не разберешь.

15<-го> выезжаю из Питера. Еду на Волгу. В Москве буду день-два. Что у Вас? Как живете, веселитесь и пр.? Что Сережа? На юге? В Москве? Что делает сейчас? Летом? Письмо его прочитал с умилением. Сейчас вожусь с книжками своими и прочим бараха-

лом. Будьте здоровеньки и Вы, и Катя, и Шура, и... Сергей, где бы он ни был. Если выберете минутку — черкните открыточкой. <...>

Р. С. Галя! Простите за то, что посылаю без марки. Почта закрыта (1 мая), и я боюсь, что, если буду ждать, письмо пролежит у меня на столе еще неделю».

Письма, 348.

См. также: 24 марта 1925, первая запись.

В Москве выходит «Бюллетень торгового и периодического секторов Государственного издательства» (№ 6) с упоминанием Есенина:

— в разделе «Новые издания: Поступили в продажу с 10 по 26 апреля 1925 г.»:

«Журнал “Красная новь” № 3 апрель.

Содержание: <...> стихи <...> Есенина»;

— в редакционных планах:

«Выйдут в ближайшее время <...>

Литературно-художественный отдел

Художественная литература

<...> Есенин. Березовый ситец. 3 п. л.»;

— в информации «Новинки художественной литературы»:

«Есенин С. Березовый ситец. Стихи. Ц<ена> 80 к.».

См. также: 1 апр. 1925, третья запись; 15 апр. 1925; 15 мая 1925, пятая запись; 21 ... 30 мая 1925; 22 мая 1925, первая запись; 1 июня 1925, третья запись; 1 ... 15 июня 1925; 5 июня 1925, первая и вторая записи; 10 июня 1925; 11 июня 1925; 12 июня 1925, первая — третья и пятая записи; с 12 на 13 июня 1925, вторая запись; до 15 июня 1925, вторая запись; 20 июня 1925, первая запись; 27 июня 1925, первая запись; 30 июня 1925, восьмая запись; 2 июля 1925, первая запись; до 7 июля 1925; 14 июля 1925, вторая запись; 26 июля 1925, седьмая запись; 31 июля 1925, вторая запись; 2 авг. 1925, третья запись; 11 авг. 1925, вторая запись; 1 сент. 1925, третья запись; 10 ... 24 сент. 1925; 18 окт. 1925, первая запись; окт. (?) 1925, первая запись.

Май, 1 ... 7. В Москве выходит журнал «Новый мир» (№ 5; за май) со стихотворением Есенина «Метель», имеющим надзаголовок «Листки. I».

Рамки события устанавливаются в соответствии с анонсом о выходе этого номера журнала (см.: 25 и 28 апр. 1925) и объявлением о подписке на журнал, где майский номер значится как вышедший (см.: 8 и 14 мая 1925).

О неавторском происхождении надзаголовка, данного в редакции газ. «Заря Востока», см.: Вержбицкий, 104.

Об исходной публикации см.: 4 янв. 1925, третья запись.

О других перепечатках см.: до 20 янв. 1925, третья запись; 31 мая 1925, вторая запись.

В том же номере (раздел «Библиография») — рецензия на альманахи «Перевал» (сб. 2), «Наши дни» (№ 5), «Ковш» (№ 1) с упоминанием имени Есенина (подпись: «Н. Б.»).

Май, 1 ... 15. В Российскую Центральную книжную палату поступает книга Есенина «О России и революции», выпущенная издательством «Современная Россия».

Кн. летопись, 1925, № 9, май, поз. 6472.

См. также: 11–12 дек. 1924; до 20 янв. 1925, четвертая запись; конц апр. ... до 4 мая 1925; 4 мая 1925, вторая запись; 31 июля 1925, вторая запись; 1 сент. 1925, третья запись; Есенин, VII (3), 381–382.

Май, 1 и 31. Журнал «Город и деревня» (№ 8 и 9/10) называет Есенина в перечне авторов издания.

См. также: 5 марта 1925, четвертая запись; 20 марта 1925; 5 и 17 апр. 1925; 25 июня 1925, вторая запись; 10 и 25 июля 1925; 15 авг. 1925, вторая запись; 1 и 25 сент. 1925; 5 окт. 1925; 7 и 30 нояб. 1925.

Май, 2. Нью-йоркская газета «Русский голос» (№ 3455) печатает анонимную заметку «Исадора Дункан строит греческий храм» с беглым упоминанием Есенина:

«Ницца (Франция). Находящаяся здесь знаменитая танцовщица (и бывшая жена поэта Есенина) Исадора Дункан приобрела вчера один из здешних театров и заявила, что на его месте она построит Храм греческой красоты, в котором будут демонстрироваться классические пляски».

Май, 2(?) ... 4. Под впечатлением маевки в Балаханах Есенин пишет стихотворение «1 мая».

Есенин, IV, 218–219, 432–434.

См.: 1 мая 1925, первая–третья записи; 5 мая 1925, третья запись.

См. также: *Куняев Ст., Куняев Серг.* Есенин. М.: Мол. гвардия, 1995, с. 502–504.

Май, до 3. В редакцию московской газеты «Известия ЦИК СССР и ВЦИК Советов» поступает для отзыва книга Есенина «Песнь о великом походе».

Газ. «Известия ЦИК СССР и ВЦИК Советов», 1925, 3 мая, № 99, рубрика «Новые книги».

См.: 1–6 авг. 1924, третья запись; 2 сент. 1924, первая запись; 15 марта 1925, третья запись; 28 марта 1925, первая запись; 1 апр. 1925, третья запись; 1 ... 15 апр. 1925; 5 апр. 1925, третья запись; 12 апр. 1925, вторая запись; 15 апр. 1925; 16 апр. 1925; 22 апр. 1925, вторая запись; 13 мая 1925; 24 мая 1925, седьмая запись; 24 сент. 1925, пятая запись; после 24 сент. ... 2 нояб. 1925, или 9 ... 25 нояб. 1925; первая половина дек. 1925, пятая запись.

Май, 3. Газета «Бакинский рабочий» (№ 96) публикует окончание поэмы Есенина «Анна Снегина» (строки 319–782).

О публикациях текста поэмы и откликов на нее см. также: 20 марта 1925, вторая запись; 1 мая 1925, пятая и шестая записи; 21 ... 30 мая 1925; 1 июня 1925, вторая и третья записи; до 17 июня 1925; 18 июня 1925, третья запись; 20 июня ... 3 июля 1925; 21 и 23 июня 1925; 28 июня 1925, вторая запись; 30 июня 1925, девятая запись; 1 июля 1925, пятая запись; 8 июля 1925; 12 июля 1925, четвертая запись; 19 июля 1925, четвертая и пятая записи; 22 июля 1925, четвертая запись; 26 июля 1925, восьмая и девятая записи; до 20 сент. 1925; 30 сент. ... 12 окт. 1925, вторая запись; 12 окт. 1925; 15 дек. 1925, третья запись.

Май, 3–10. В московском педагогическом техникуме им. Профинтерна проводится выставка работ по современной литературе, в т. ч. связанных с именем Есенина.

Событие устанавливается и датируется по информации о мероприятии:

«Выставка работ по современной литературе была организована Кабинетом родного языка при Московском Педагогическом Техникуме им. Профинтерна.

Несколько месяцев тому назад Академия Художественных Наук организовывала аналогичную выставку, но там экспонировались книги, добросовестно собранные и научно

классифицированные. Здесь были выставлены не книги, а работы, здесь был показан годовой результат работы Кабинета по отделу современной литературы.

Работа велась III курсом Педтехникума и учительским семинарием, работавшим при Кабинете. Программа работы, методы ее были согласованы в этих двух группах, руководитель был общий, что и дало возможность соединить результаты годового курса в одной выставке.

Выставка требовала четких и кратких тезисов, библиографических указателей, настенных таблиц и график<ов>. Всё это и было представлено и размещено по пяти отделам: тематическому, историко-литературному, формальному, методическому и библиографическому.

В отделе тематическом полнее всего был представлен крестьянский вопрос, его выявление у различных современных авторов; показан был рабочий в современной литературе, интеллигент, женщина. В отделе формальном даны были опыты анализа поэтического языка наших дней, влияния на него войны и революции, влияния советского быта. Эпитет рабочего и крестьянина, характер метафоры и сравнения, наконец, схемы анализа сюжета и композиции: "Голый год" Пильняка, сюжет о комиссаре и советской барышне, борьба с сюжетом и героем в современной литературе — вот что давал формальный отдел. Здесь же даны были вызывавшие большие споры графики по синтаксису Андрея Белого. Отдел историко-литературный знакомил с литературными школами современности, с журнальной полемикой, развешивал творческие пути Брюсова, Блока, Есенина. В методическом отделе были демонстрированы школьные программы по литературе, отчеты словесников об их работе, сочинения и журналы учащихся. Пятый отдел, библиографический, давал справки, имел в своем распоряжении всевозможные библиографические статьи и справочники, кроме того, солидный разбор современных библиографических журналов.

Выставка была открыта с 3-го по 10 мая. Через нее прошло около 4000 посетителей. Это были учащиеся рабфаков и школ I ст. (экскурсиями), студенты Вузов и многочисленные учителя. Учителя проводили на Выставке по два, три, четыре дня, делая выписки, заметки, копируя графики. Для учителя-словесника это было лучшей подготовкой к курсу новейшей литературы в школе. Для учащихся это был один из методов знакомства с литературой наших дней).

Рыбникова М. Выставка работ по современной литературе. — Журн. «Красная нива», 1925, № 26, 21 июня, с. 609. Здесь же помещена фотография «Экскурсанты на литературной выставке».

Май, 4. Г.А.Бениславская пишет Есенину, отвечая на его письмо от 8 апреля (см.):

«Сергей дорогой, поберегите же Вы себя. У Вас плеврит, кровь, а Вы лечитесь?

И, вероятно, больным собираетесь в Персию.

С кем и как?

Узнайте сначала, не вредно ли Вам туда. Не делайте глупостей. Я тоже далеко от Вас, и мне Вас убедить еще труднее.

Но всё же: если есть в этом мире что-нибудь дорогое Вам — ради этого поберегите, не мучайте себя».

Отвечает Есенину на его просьбу о деньгах:

«...деньги Вам выслали сразу, как получили. Всё это только сейчас <см. также: до 19 апр. 1925, вторая запись>».

Сообщает, что выполнила еще одну есенинскую просьбу — поговорила по телефону с С.А.Толстой (подробнее см.: 27 или 28 апр. ... 3 мая 1925).

Светуется по книжным делам, в т. ч. о книге «Рябиновый костер» (вышла под названием «Персидские мотивы»).

Пишет также:

«Отчего Вы нам ни слова? Что у Вас? Мне Вы писали — жаба, а теперь я узнала — плеврит. Напишите, неужели Вы не понимаете, как тяжело ничего не знать, что с Вами? Или это нарочно? За что? Ничего за собой не чувствую.

Ну, целую Вас. Всегда Ваша и всегда люблю Вас.

Галя. 4/ V — 25».

В приписке высказывается в связи с инцидентом, произошедшим между нею и Есениным в марте (см.: до 21 (?) марта 1925):

«Моя просьба к Вам: не говорите ни с кем обо мне — ни хорошего, ни плохого, никак не говорите. <...> Есть ли я, или нет меня, и какая я — Вы это знаете, а остальным не надо. Хорошо?»

Цит. по: Шубникова-Гусева-2008, 213–214 (здесь эта часть письма, находившегося в архиве А.Г. Назаровой и ранее известного исследователям лишь в сокращенном виде, впервые была опубликована без купюр).

Получив от И.С. Берлина сигнальный экземпляр книги Есенина «О России и революции», Г.А. Бениславская продолжает письмо Есенину:

«Только что Берлин принес Вашу книжку. Я была взбешена на него. Дурак, ведь я говорила ему, что “О России” можно, но при чем в этом подборе стихов революция?

Еще больше удивилась, когда узнала, что это сделано с Вашего согласия. Он говорит, что текст обложки Вы видели и написали на корректуре “печатать”.

Теперь он предлагает такую вещь: на этой обложке написать “выпуск первый” — о революции, мол, во втором будет. При этом, если мы хотим, предлагает выпустить второй (“Русь советская”, “На родине”, “Песнь о великом походе” и пр.). Я думаю согласиться на это. Если же Вы почему-либо против второго выпуска — телеграфируйте, тогда переменяем обложку, или Вы сознательно согласились на название “О России и революции”? В этом случае тоже телеграфируйте, а подробности напишите, не откладывая, письмом».

Письма, 280–281.

См. также: 11–12 дек. 1924; до 20 янв. 1925, четвертая запись; конец апр. ... до 4 мая 1925; 1 ... 15 мая 1925; 31 июля 1925, вторая запись; 1 сент. 1925, третья запись.

Парижская газета «Звено» (№ 118; раздел «Хроника литературы и искусства») информирует:

«С.Есенин написал новый цикл “Персидские стихи <так!>»».

А.Б. Кусиков пишет прозаику и редакционному работнику С.Ф. Буданцеву из Парижа:

«Большинство из того, что сейчас печатается <в Советской России>, меня ни при каких условиях не удовлетворяет. Или халтура, или болезнь эпохи. Все эти михайлы голодные, холодные и прочие безыменные — невероятная, бесформенная и несамостоятельная ЕРУНДА. <...> Знаменитости совсем ГОВНО: Маяковский — передовица, порой лирическая, порой агитационная. Есенин, ну это для меня теперь окончательно: песенник, да еще заблядовавшийся. Уж во всяком случае, не стихи — кашлица».

Русский имажинизм, 213, с исправлениями и восстановлением купюр по автографу (РГАЛИ, ф. 2268, оп. 1, ед. хр. 118, л. 1 об.).

Май, 5. Есенин дает телеграмму Г.А.Бениславской:

«Еду домой. Буду дней чрез десять. Найдите лучшего врача по чахотке — Есенин».

Есенин, VI, 212, 701.

Намерение поэта осуществится позже (см.: 25 мая 1925, четвертая запись).

В.Ф.Наседкин вспомнит (1927):

«В апреле по Москве поползли слухи о близкой смерти Есенина. Говорили о скоротечной чахотке, которую он, простудившись, будто бы поймал на Кавказе».

Материалы, 219.

См. также: 19 апр. 1925, первая запись; 10 сент. 1925, третья запись; 1 окт. 1925, третья запись.

Принимает участие в празднике Дня печати на открытии «Клуба объединенных экспедиций печати» (клуба газетчиков), читает свои стихи.

Событие устанавливается по газетному отчету:

«5 мая состоялось торжественное открытие клуба газетчиков. <...> После доклада выступали поэты Есенин, Данилов и Муран <...> понравились стихи т. Есенина».

Н. Т. 5 мая у газетчиков. — Газ. «Труд», Баку, 1925, 8 мая, № 101.

Позднее Е.А.Гурвич вспомнит (запоматовав место мероприятия):

«Пятого мая 1925 года в клубе нефтяников (потом АЗНТО) “Азнефть” отмечался День печати. На вечере был Есенин. Он был в ударе и всю ночь читал экспромтом стихи. И как жаль, что никто их не записал!...»

Гурвич Е. Есенин в Баку. — Газ. «Баку», 1965, 2 окт, № 233.

«Хотя в заметках не говорится о том, что читал Есенин, можно предположить, что это были последние стихи, над которыми он работал в Баку в те дни (“Песня” и “Ну, целуй меня, целуй”; “Пускай я порою от спирта вымок”, “1 Мая”, “Воздух прозрачный и синий”, “Золото холодное луны”, “Голубая да веселая страна”»).

Шипулина-2005, 120.

См. также: 10 мая 1925, первая запись.

Газета «Бакинский рабочий» (№ 98) публикует стихотворение Есенина «1 мая».

Есенин, IV, 218–219.

См. также: 1 мая 1925, первая–третья записи; 2 (?) ... 4 мая 1925.

Встретившись на спектакле по пьесе Н.Р.Эрдмана «Мандат» в театре им. Вс. Мейерхольда (Москва, Театральная пл., 20), Е.А.Есенина, Г.А.Бениславская и С.А.Голстая беседуют о Есенине.

Событие и его дата устанавливаются по календарной записи С.А.Голстой на листке 5 мая 1925 г.:

«На “Мандат” <...> Встретила в театре Катю Е<сенину> и Галю».

Календарь ГМТ. См. также: Субботин-2012, 133.

Московский журнал «Книгоноша» (№ 15/16) печатает материалы с упоминанием Есенина:

— рецензию Н.Фатова на второе издание «Книги для чтения по истории новейшей русской литературы...», составленной В.Л.Львовым-Рогачевским (Л., 1925):

«Есенин представлен очень нехарактерными произведениями».

См.: 19 янв. 1925, первая запись; 25 мая ... 2 июня 1925; май (?) 1925; до 2 июня 1925; окт. (?) 1925, вторая запись;

— в разделе «Реклама» — объявление о подписке на журнал «Огонек». Есенин — в перечне авторов журнала.

Май, 6. Есенин помещен в больницу «Союза водников» имени Никифора Рогова на обследование и лечение в связи с сильной простудой.

Событие и его дата устанавливаются на основании телеграмм Есенина Г.А.Бениславской (см.: 5 мая 1925, первая запись) и П.И.Чагина Е.А.Есениной (см. след. запись). Принято также во внимание, что 5 мая Есенин еще выступал публично (см.: 5 мая 1925, вторая запись).

П.И.Чагин телеграфирует Е.А.Есениной:

«Сергей здоров только правом легком катар лечим заботимся — Чагин».

Письма, 348.

Самарская газета «Коммуна» (№ 1913; рубрика «Среди книг») информирует о выходе книги «Рабочий чтец-декламатор» (составители С.Городецкий и Е.Приходченко; Л., 1925). В материале упоминается Есенин:

«Широко представлены крупные поэты, начавшие писать до Октября и примкнувшие к пролетарской революции: <...> Есенин».

См.: до 5 апр. 1925; 30 июня 1925, восьмая запись.

Май, 6–17(?). Есенин находится в больнице водников с диагнозом — катар правого легкого.

Рамки события устанавливаются с учетом первой записи от 6 мая 1925 (см.) и слов Есенина из его записки В.И.Качалову (15 мая 1925): «В воскресенье <17 мая> выйду из больницы...» (Есенин, VI, 215). См. также: 17 ... 19 мая 1925.

О пребывании Есенина в этой больнице расскажет (в 1960-е гг.) Е.К.Эрмансон, тогда работавшая там медицинской сестрой:

«... Я работала на втором этаже. И вот слышу: в нашу больницу положили Сергея Есенина. Ранее, в Москве, я слушала самого Маяковского, а вот Есенина никогда не видела, хотя много и с наслаждением читала его стихи. И, конечно, поспешила увидеть поэта.

Сергей Есенин лежал в палате на три или четыре человека, рядом с моряками, с которыми быстро подружился. Он слушал их рассказы, читал им свои стихи. Вместе с тем, дело прошлое, в нашей памяти он остался беспокойным больным: сильно сказывалось нервное возбуждение. Мы оберегали покой поэта, как могли».

Цит. по: Михайлов Б. Сергей Есенин у водников. — Газ. «Молодежь Азербайджана», Баку, 1963, 24 февр., № 24.

Об этой болезни и о своем тяжелом душевном состоянии Есенин не раз будет говорить, вернувшись в Москву. Один из его рассказов вспомнит В.С.Чернявский:

«Его вид, его страшная, уже не только похмельная осиплость заставили меня привязаться к нему с разговором о здоровье. Он стал рассказывать о тяжелой простуде, схваченной на Кавказе <...>».

— Нехорошо было, Володя, лежал долго, харкал кровью. Думал, что уже больше не встану, совсем умирать собрался. И стихи писал предсмертные».

Восп., 1, 233–234.

См. также: до 17 апр. 1925; 19 апр. 1925, первая запись.

Май, 8 и 14. Московская газета «Известия ЦИК СССР и ВЦИК Советов» (№ 103 и 108) дает объявление о подписке на журнал «Новый мир». Указано содержание вышедших номеров (с января по май). Есенин — автор февральского, мартовского и майского номеров.

См. также 30 июня 1925, седьмая запись.

Май, 10. Газета «Бакинский рабочий» (№ 102) публикует:

— стихотворение Есенина «Письмо к сестре».

См. также: 19 (?) ... 25 (?) апр. 1925; 15 июля 1925, третья запись;

— отчет об открытии 5 мая «Клуба объединенных экспедиций печати» (клуба газетчиков):

«...Среди гостей были т.т. Есенин, Данилов и Муран, прочитавшие свои произведения, принятые аудиторией восторженно. Особенное впечатление произвели на аудиторию экспромты и стихи Есенина, которому собравшиеся устроили овацию».

См. также: 5 мая 1925, вторая запись.

Нью-йоркская газета «Русский голос» (№ 3463; воскресное приложение) печатает материалы Есенина и о Есенине:

— «новое стихотворение Есенина» — «Несказанное, синее, нежное...».

См. также: янв. (?) 1925, первая запись; 5 апр. 1925, первая запись; 7 апр. 1925, вторая запись; 26 апр. 1925, вторая запись; 19 июля 1925, вторая и шестая записи; 30 авг. 1925, третья запись;

— продолжение цикла А.Ветлугина «Моя коллекция»:

«Разыскался след Тарасов. По кавказским городам скитается Сергей Есенин, мой, ваш, всеобщий любимый поэт.

Ты теперь не так уже <так!>
будешь биться,
Сердце, схваченное <так!> холодком...

Самому себе напророчил в этих строках творец «Пугачева». Вижу по последним есенинским стихам, что холодком схвачено его слишком чувствительное сердце. На распутье Есенин.

Давай, Сергей, за Маркса сядем.

Не стоит, Сергей... Не <надо> садиться за Маркса... За Марксом и без Есенина достаточно людей сидят...

От Есенина же по-прежнему ждем мы поэмы о России, об огненной Руси, о вздыбленной отчизне...

Не «Исповеди хулигана», не терпкой мудрости о Стране Бандитов, а о<д>ного нового... Примиренного, простившего, понявшего, освященного спокойствием мудреца, одухотворенного несравненной Есенинской музой...

Есенину тридцать лет. Скоро, скоро доберется он до возраста библейской зрелости. И хотелось бы, чтоб написал он не еще одного «хорошего Есенина», а иное. То, что не напишет никакой гений до тридцати... То, что пишут после того, как обманула во всем жизнь и еще прекраснее от этого кажется она, великая обманщица...

То, для чего Петrarке понадобились годы авиньонского уединения... То, что слышном поздно понял великий циник Рабле с его предсмертным криком «Фарс окончился,

задерживайте занавес”, то, чем бредил умирающий Байрон под дождь Миссолонги, то, к чему так близко, близко подошел просветленный Блок эпохи умирающего Санкт-Петербурга —

Жди, старый друг...
 Терпи, терпи,
 Терпеть недолго,
 Крепче спи...

Крепкий сон поэта — крепкий залог рождения новых великих поэм».

Май, 10 ... 17. В Москве выходит журнал «Печать и революция» (№ 3; за май) с информацией:

«№ 4 журнала “Красная новь” (стихи С.Есенина, В.Маяковского, М.Светлова) выходит в конце мая».

Нижняя граница события устанавливается по информации «Бюллетеня торгового и периодического секторов Государственного издательства» (1925, № 8, 1 июня), где журнал назван среди изданий, поступивших в продажу с 10 по 25 мая, а его верхняя граница — по информации газ. «Известия ЦИК СССР и ВЦИК Советов» (1925, 21 мая, № 114) о том, что рассылка номера закончена 18 мая 1925.

См.: 21 ... 30 мая 1925.

Май, до 11 (?). Есенин пишет стихотворения «Не вернусь я в отчий дом...» и «Синий май. Заревая теплынь...»

Граница события определяется ориентировочно с учетом след. записи.

В прижизненных публикациях второго стихотворения (см.: 19 мая 1925, первая запись; 16 ... 18 июля 1925) строки 21–22 («Принимаю и дали и близь, / В чем есть грусть, в чем есть боль и отрада...») отличаются от окончательного варианта текста (Есенин, I, 357).

Отклики см.: 23 авг. 1925, первая запись; 30 сент. 1925, третья запись; 30 сент. ... 12 окт. 1925; сент. (?) 1925, первая запись; 2 окт. 1925.

См. также: Есенин, I, 228, 211.

Май, до 11 или 11. Делает беловые списки стихотворений «Песня» («Есть одна хорошая песня у соловушки...»), «Не вернусь я в отчий дом...», «Ну, целуй меня, целуй...» и (предположительно) «Синий май. Заревая теплынь...» для сдачи их в печать.

Граница события устанавливается по следующим соображениям:

— автографы первых трех стихотворений были выполнены на бланках «Редакция газ. “Бакинский рабочий”» из блокнота, на листках которого Есенин писал, когда лежал в больнице водников, где находился с 6 по 17(?) мая 1925 (см.). Стихи вскоре будут опубликованы в «Бакинском рабочем» (см.: 17 мая 1925, первая запись; 19 мая 1925, первая запись). При этом под текстом стихотворения «Не вернусь я в отчий дом...» стоит: «Больница водников»;

— эти же стихи поэт направляет в Москву с отъезжающим туда К.М.Мураном (см.: 12 мая 1925, вторая запись).

Подробнее см.: Субботин-2012, 130–131.

Май, 11–12. Пишет Г.А.Бениславской:

«Лежу в больнице. Верней, отдыхаю. Не так страшен черт, как его малютки. Только катар правого легкого. Через 5 дней выйду здоровым. Это результат багумской <точнее: “ходжорской”>; см.: Есенин, VI, 193» про-

студы, а потом я по дураости искупался в середине апреля в море при сильном ветре <см.: 15(?) или 16(?) апр. 1925>. Вот и получилось. Доктора пели на разный лад. Вплоть до скоротечной чахотки <см.: 19 апр. 1925, первая запись>. С чего Вы это, Галя, взяли, что я пьянствую? Я только кутнул раза три с досады за свое здоровье. Вот и всё. Хорошее дело, чтоб у меня была чахотка. Кого хошь грусть возьмет.

Почему не пишу? Потому что некогда. Пишу большую вещь. С книгами делайте как угодно, чего из пустого в порожнее перегонять. Это уж меня начинает раздражать, что Вы спрашиваете! <...>

Книжку “Ряб<иновый> кост<ер>” <окончательное название — “Персидские мотивы”> посвятите всю целиком Чагину.

Надпись: “С любовью и дружбою Петру Ивановичу Чагину” <см.: после 26 мая 1925>.

Ежели Кольцов выпускает книгу <“Избранные стихи”>, то на обложку дайте портрет, который у Екатерины. Лицо склоненное <см. фотографию № 60 — Есенин, VII (3), [161]>. Только прежде затушуйте Изадорину руку на плече. Этот портрет мне нравится. <...>

Да, может быть, я скоро приеду в Москву, чтоб съездить в Ленинград, а потом в деревню. Там на Оке мне лучше будет. <...>

Читали ли Вы, что пишет обо мне Дункан за границей <см.: 17 марта 1925, третья запись>. <...>

Остальное расскажет Муран. Угостите его, он парень оч<ень> хороший. <...>

Р. С. Чтоб не было глупостей, передайте Собрание Богомильскому <т. е. в издательство “Круг”>. <...>

2 новых персид<ских> стих<отворения; см.: 13 апр. 1925, первая запись> поместите перед теми 2-мя последними, что сдал Вам дома <см. о них: до 6 или до 7 марта 1925>».

См. Приложение.

Дописывает письмо на следующий день:

«Мне запрещено пить. С легкими действительно что-то неладно. Предписано ехать в Абас-Туман <курорт в Грузии для лечения легочных и нервных заболеваний>. <...> После выправки жизнь меняю».

Есенин, VI, 212–214.

Пожелание Есенина относительно фотографии для обложки книги «Избранные стихи» выполнено не было.

Май, 12. Есенин продолжает писать Г.А.Бениславской:

«Галя! Дайте Мурану ночлег у Богомильских, у Аксельрода или у Вс. Иванова (он его знает). Муран — мой бакинский друг».

Вновь просит угостить «его на славу. Вплоть до гармонистов». Сообщает, что едет в Абас-Туман (поездка не состоялась).

Есенин, VI, 214–215.

Отправляет с отъезжающим в Москву К.М. Мураном свои написанные к тому времени стихи для их публикации в столичных изданиях.

Субботин-2012, 134–135.

Газета «Бакинский рабочий» (№ 104) публикует стихотворение Есенина «Заря окликает другую...»

См. также: конец (?) апр. ... до 6 мая 1925; до 15 июня 1925.

См. Приложение.

Ленинградский журнал «Жизнь искусства» (№ 19) дает информацию Ленинградского отделения Госиздата РСФСР, что печатается литературно-художественный альманах «Ковш» (книга 2) со стихами Есенина:

В «Ковше» есенинские стихи так и не появились, хотя об их публикации шли переговоры и даже был получен аванс (см.: середина (?) янв. 1925, вторая запись; 21 янв. 1925, вторая запись; 31 янв. 1925, третья запись).

Новониколаевская газета «Советская Сибирь» (№ 106; раздел «Библиография»; подпись: «Б. Ж.») помещает рецензию на журнал «Красная новь» (кн. 2) с упоминанием Есенина:

«Поздно попадают в Ново-Николаевск “свежие” журналы <...>.

Опасения за изменения линии в “Красной нови”, в связи с изменениями в составе редакции, оказались напрасными. Во второй книжке мы видим вновь старых ее “жильцов”: Бабеля, В.Иванова, С.Есенина, Веру Инбер и др. <...>

Сергей Есенин по-прежнему черпает свое вдохновение в безграничных просторах “рязанских раздолий”. Оттого так книжно-лиричны его “Персидские мотивы”, и восточная томная грусть сплетается в них с русской равнинной тоской».

Май, до 13. В Берлине выходит журнал «Der Querschnitt» («Поперечное сечение», 5-й г. изд., тетр. 5) с 3-й главкой поэмы Есенина «Преображение» («Ей, россияне!...») в переводе Йозефа Кальмера (Josef Kalmer).

Граница события устанавливается по газетной информации (см.: 13 мая 1925, вторая запись).

Текст предварен ксилографическим клише рисунка (с изображением на переднем плане эмблемы «серп и молот» на фоне дымящихся труб заводов) за подписью от руки: В.Фид. Возможно, это не фамилия художника, а его монограмма.

Комментарий Н.В. Михаленко.

Отклики см.: 30 июля 1925, вторая запись; 8 авг. 1925, вторая запись.

См. Приложение.

Май, 13. В калужской газете «Коммуна» (№ 106; рубрика «Книжная полка») — заметка Влад. Королева «Новые сборники (Последний выпуск Госиздата.) Сергея Есенина “Песнь о великом походе”».

Критик рассказывает об оформлении книги и о содержании поэмы, написанной «старорусским стихотворным складом; поэма эта в первых своих песнях рисует эпоху Петра 1-го, основание Петербурга, а затем переходит к моментам гражданской войны. Тут и Корнилов, и Деникин на Украине, тут и (особенно подробно описано) наступление Юденича на Петербург. Для деревенских библиотек эту поэму, уже знакомую городу, вполне можно рекомендовать».

См.: 1–6 авг. 1924, третья запись; 2 сент. 1924, первая запись; 15 марта 1925, третья запись; 28 марта 1925, первая запись; 1 апр. 1925, третья запись; 1 ... 15 апр. 1925; 5 апр. 1925, третья запись; 12 апр. 1925, вторая запись; 15 апр. 1925; 16 апр. 1925; 22 апр. 1925, вторая запись; до 3 мая 1925; 24 мая 1925, седьмая запись; 24 сент. 1925, пятая запись; после 24 сент. ... 2 нояб. 1925, или 9 ... 25 нояб. 1925; первая половина дек. 1925, пятая запись.

Берлинская газета «Руль» (№ 1350) помещает информационную заметку «“Der Querschnitt” № 5» (без подписи):

«Известный берлинский журнал “Der Querschnitt” посвятил свой майский номер исключительно России. Нужно отдать справедливость редакции: она сумела подобрать целый ряд интересных и характерных произведений современных русских писателей. Художественная литература представлена рассказами Бабеля, Леонова и Зощенка <так!> и стихотворениями Есенина, Крученых и Маяковского, критика — содержательной статьей Тынянова...»

См.: до 13 мая 1925; 30 июля 1925, вторая запись; 8 авг. 1925, вторая запись.

Май, 14. В Центральном доме работников просвещения (Москва, Леонтьевский пер., 4) А. Лежнев читает лекцию «Обзор современной литературы», где, возможно, говорит о Есенине.

Газ. «Правда» (М., 1925, 14 мая, № 108; рубрика «Лекции, доклады, концерты»).

Отклики на лекцию не выявлены. Известно, однако, что в своих статьях и рецензиях на поэтические сборники 1925 г. критик нередко писал о Есенине, так что вряд ли он мог обойтись без упоминания имени поэта в выступлении, носящем обзорный характер.

Газета «Трудовая Пенза» (№ 107; рубрика «Книжная полка») сообщает о выходе книги Есенина «Стихи (1920–24)».

См.: до 12 апр. 1925, третья запись; 12 апр. 1925, первая запись; 21 ... 30 мая 1925; 25 июня 1925, третья запись; 2 июля 1925, вторая запись; 2 (?) июля 1925; 11 сент. 1925, первая запись; 16 ... 23 сент. 1925; 18 окт. 1925, первая запись; окт. (?) 1925, вторая запись; первая половина дек. 1925, четвертая запись.

Май, 15. Есенин пишет В.И. Качалову:

«Дорогой Василий Иванович!

Я здесь. Здесь и напечатал, кроме “Красной нови”, стих<отворение> “Джиму”.

В воскресенье выйду из больницы (болен легкими). Очень хотелось бы увидеть Вас за 57-летним армянским. А?

Жму Ваши руки.

С. Есенин».

Есенин, VI, 215, 704–707.

Факсимиле записки см.: Есенин 6 (1980), с. 187.

См. Приложение.

Написана в больнице водников, в первый день начала гастролей труппы Московского Художественного театра в Баку (они продолжались 6 дней — с 15 по 20 мая 1925 г.).

В.И. Качалов вспомнит:

«... наш театр приехал на гастроли в Баку. Нас пугали этим городом, бакинской пылью, бакинскими горячими ветрами, нефтяным духом, зноем и пр. И не хотелось туда ехать из чудесного Тифлиса. Но вот сижу в Баку на вышке ресторана “Новой Европы”.

Хорошо. Пыль как пыль, ветер как ветер, море как море, запах соли доносится на шестой, седьмой этаж. Приходит молодая миловидная смуглая девушка и спрашивает:

— Вы Качалов?

— Качалов, — отвечаю.

— Один приехали?

— Нет, с театром.

— А больше никого не привезли?

Недоумеваю:

— Жена, — говорю, — со мною, товарищи.

— А Джима нет с вами? — почти вскрикнула.

— Нет, — говорю, — Джим в Москве остался.

— А-яй, как будет убит Есенин, он здесь в больнице уже две недели, всё бредит Джимом и говорит докторам: “Вы не знаете, что это за собака. Если Качалов привезет Джима сюда, я буду моментально здоров. Пожму ему лапу и буду здоров, буду с ним купаться в море”.

Девушка отошла от меня огорченная.

— Ну что ж, как-нибудь подготовлю Есенина, чтобы не рассчитывал на Джима.

Как выяснилось потом, это была та самая Шаганэ, персиянка».

Восп., 2, 254–255.

Комментируя эту часть воспоминаний В.И.Качалова, Г.И. Шипулина пишет: «В его воспоминаниях много неточностей, которые не обязательно говорят о незнании предмета. Просто артисты любят фантазировать, часто принимают желаемое за действительное, верят всяким рассказам и мифам и сами охотно создают их. Именно этим, очевидно, следует объяснить рассказы о встрече с Шаганэ в Баку...» (Шипулина-2005, 121).

См. также: 20 мая 1925, первая запись.

М.Горький пишет С.Т.Григорьеву из Сорренто, сообщая о переводе стихов Есенина на итальянский язык:

«... в журнале “Russia” Lo Gatto <...> уже напечатаны вещи Лунца, стихи Есенина, “Виктория Казимировна” Зощенко, Леонов, Бабель и еще многие из молодых».

ЛН, 1963, т. 70, с. 127.

О публикации «Руси советской» Есенина в журнале «Russia» см.: 30 апр. 1925, первая запись.

Вечерний выпуск ленинградской «Красной газеты» (№ 116) помещает статью В.П.Друзина «Путь Есенина»:

«Среди широких читательских кругов за Есениным прочно утвердилась репутация имажиниста. Немудрено: он почти 3 года подвизался в компании Шершеневича и Мариенгофа. Приглядевшись вплотную к его творчеству, конечно, всякий скажет: Есенин имажинистом никогда не был. Писать начал с детства. 18 лет разослал по редакциям толстейших журналов стихи и, весьма пораженный непоявлением их в печати, — нагрнул самолично в Петербург. Понадобилось как-то осознать себя, найти себе место среди больших и малых литераторов, найти ту свою печку, от которой каждый начинающий писатель танцует. Такая печка — даже не печка, а целая лежанка, да еще затейливо расписанная, — у Есенина имелась заранее. Ведь он пришел из деревни. Крестьянский уклад, крестьянская психология — на это оперся Есенин в первых стихотворных опытах. Был у него и учитель — “старший брат” Н.Клюев, самобытный поэт крепкого домовитого кулачества. От него перенял Есенин любовь к украшениям — стих свой стал основательно всевозможными диковинными штуками. Сам же по себе — стих Есенина всегда отличался певучей, повышенной напряженностью, лирической выразительностью — родство Есенина с Блоком. Не зря Есенина прошибал пот, когда он в первые дни знакомства

встречался с Блоком (автобиография). Страсть к украшательству, в связи с общей лирической напряженностью стиха, и создала метафоричность ранних его стихов.

Весь образный набор есенинской поэзии 1916–1920 гг. сводится к нагромождению развернутых метафор. Не искусственное образонаворачивание по рецептам Шершеневича, а органическое развертывание метафор, вот чем отличается “имажинизм” Есенина от имажинизма прочих завсегдатаев “Стойла пегасов”. Есенин родился значительно позже Клюева, и этим определилась его поэтическая судьба. Устои старого крестьянского быта шатались. Город насаждал на деревню. Революция ускорила этот процесс. Из-под Есенина ускользала почва. Появляются в его творчестве новые мотивы: борьба города с деревней, чувство обреченности. Есенин оттолкнулся от Клюева. С тем большей силой зазвучала в его стихах блоковская струя. В начале 1923 г. публикуются: “Волчья гибель”, “Не жалею, не зову, не плачу” и “Всё живое особой метой”, — которые знатоками расцениваются как отход Есенина от имажинизма, как значительное упрощение стиха. Кратковременное увлечение стихийностью революции и быстрое разочарование в ней (НЭП) — заставляют Есенина не только формально приблизиться к Блоку, Есенин заражается и блоковским мироощущением.

Деревня, как деревня, в которой Есенин вырос, гибла. Город ему непонятен.

Нет любви ни к деревне, ни к городу...

Есенин вводит в свою поэзию героя — литературного Сергея Есенина — и этот герой проделывает эволюцию от крепкого мужичка к скандальной богемской жизни, к пьянству в московских кабаках. Создается “Москва кабацкая” — книга по мироощущению и по формальным приемам родственная 3 тому Блока. Голая эмоциональность стиха, ничем не украшенная, вызвала впечатление монотонности, оскудения Есенина красками. Выступил наружу исконный грех его — невыработанность стиха, что и дало повод людям “понимающим” забраковать “Москву кабацкую”, как явное свидетельство об упадке есенинского мастерства (отзыв Ильи Груздева в “Русском современнике” <см.: после 4 окт. 1924>).

Несмотря на это, “Москва кабацкая” вызвала громадное формальное влияние на многих пролетпоэтов.

Поэты московского “Перевала” сплошь под Есениным ходили. В Ленинграде Есенин воспринят был Ильей Садофьевым и Борисом Соловьевым.

При всём сходстве “Москвы кабацкой” с 3 томом Блока, было в “Москве кабацкой” что-то, что давало надежду на другой конец Есенина, не тот, к которому пришел Блок. Деклассированный аристократ мог только умереть. Деклассированному поэту-кулаку — открывались, в условиях советской действительности, пути в будущее: в “Москве кабацкой” Есенин еще на распутье:

Не храпи, запоздалая тройка,
Наша юность прошла без следа.
Может, завтра больничная койка
Успокоит меня навсегда.
Может завтра совсем по-иному
Я уйду, — исцеленный навек, —
Слушать песни дождей и черемух,
Чем здоровый живет человек.

Есенин, развертывая свою тему, заставляет героя своей лирики идти по <иным> путям. Больничная койка фигурирует в стихотворении “Годы молодые”.

Эти мотивы остались без продолжения. Дальше — идти некуда. Дальше — смерть. Но в Есенине слишком сильно чувство жизни, языческое ощущение природы — востре-

пешущей плоти. Не беда, что это язычество часто являлось в ранних стихах Есенина — в облачении церковно-православном. Позднее Есенин предлагал читателям относиться к его юношеской религиозности, как к сказкам, как к славянской мифологии.

Понимание жизни природы не оставляло Есенина и в московских кабаках, хотя он и признается:

Я хотел, чтоб сердце глуше
Вспоминало пруд и лето,
Где под музыку лягушек
Я растил себя поэтом.

Ведь это в “Москве кабацкой” — незабываемые строки:

Помню сад в голубых накрапах,
Тихо август прилег ко плетню.
Держат липы в еловых лапах
Птичий гомон и щебетню.

И вот другой путь из московских тупиков намечен: возвращение к жизни, к природе — в деревню.

Есенинский герой мечтает о родине. Сперва — “Письмо к матери” — обещание.

Я вернусь, когда раскинет ветви
По-весеннему наш белый сад.

Затем само возвращение: “Возвращение на родину” и “Русь советская”. На родине его ждало разочарование: и сам он утратил “свежесть, буйство глаз и половодье чувств” — и деревенская молодежь чужда ему:

... сестра разводит,
Раскрыв, как Библию, огромный <так!> Капитал, —
О Марксе, Энгельсе — ни при какой погоде
Я этих книг конечно не читал.

Деревенские комсомольцы наяривают частушки Демьяна Бедного, и Есенина грызет ощущение ненужности своей.

Он едет на Кавказ окончательно излечиваться от богемы. Круто берет курс на РКП, начинает изо всех сил советизироваться. <...>

Отход от “Москвы кабацкой” — разительный. И формально — Есенин однотонный анапест меняет на ямб (ямб, впрочем, не пушкинский, а опять-таки скорее блоковский), пробует частушечные размеры (“Песнь о великом походе”).

Таким вошел Сергей Есенин в 1925 год.

Пытаться ли предсказывать, что с ним будет дальше?

Интуитивные предсказания — гиблое дело.

Одно можно отметить — пока Есенину нюханье Маркса пользы не приносит. Его советизированные стихи — рассудочны, лишены лирической влаги, подчас убоги, в них нет внутренней культурности стиха как такового (то, что было в изобилии у Гумилева и что имеется у любого самого бездарного гумилевского последыша).

На советские темы ему приходится натаскивать себя рассудком — отчего и получается превеликий ущерб для поэтического реноме Есенина.

Между тем, есть в его творчестве струя, близко соприкасающаяся с мироощущением пролетариата, — это ощущение жизни природы не только осенней, увядающей (у Есенина и это есть), а природы здоровой, природы в цвету, в соку.

Только здесь, в возрождении этих мотивов своих, может Есенин почерпнуть ту утраченную свежесть, которая, поборов всё больное, — даст ему возможность стать настоящим близким, близким эмоционально — к пролетариату».

В московском Цехе поэтов проходит вечер памяти А.Ширяевца, на котором читаются стихи Есенина.

Событие устанавливается по газетному отчету:

«В пятницу, 15 мая, в годовщину смерти поэта Александра Ширяевца, в московском Цехе поэтов состоялось торжественное заседание, посвященное его памяти.

Тов. Львов-Рогачевский отметил заслуги рано умершего певца перед русской поэзией.

После доклада состоялось чтение стихов С.Есенина, С.Городецкого и С.Фомина.

Выказано пожелание собрать воедино как напечатанные, так и не увидевшие еще света стихи А.Ширяевца — для издания их».

[Б. п.] Вечер памяти Ширяевца. — Газ. «Вечерняя Москва», 1925, 19 мая. № 112.

О внимании Есенина к литературному наследию А.Ширяевца см.: после 17 мая 1924, третья запись.

Выходит «Бюллетень торгового и периодического секторов Государственного издательства» (№ 7), в материалах которого упоминается Есенин:

— в редакционных планах:

«Выйдут в ближайшее время <...>

Литературно-художественный отдел

Есенин. Березовый ситец. 3 п. л.»

См.: 1 апр. 1925, третья запись; 15 апр. 1925; 1 мая 1925, восьмая запись; 21 ... 30 мая 1925; 22 мая 1925, первая запись; 1 июня 1925, третья запись; 1 ... 15 июня 1925; 5 июня 1925, первая и вторая записи; 10 июня 1925; 11 июня 1925; 12 июня 1925, первая — третья и пятая записи; с 12 на 13 июня 1925, вторая запись; до 15 июня 1925, вторая запись; 20 июня 1925, первая запись; 27 июня 1925, первая запись; 30 июня 1925, восьмая запись; 2 июля 1925, первая запись; до 7 июля 1925; 14 июля 1925, вторая запись; 26 июля 1925, седьмая запись; 31 июля 1925, вторая запись; 2 авг. 1925, третья запись; 11 авг. 1925, вторая запись; 1 сент. 1925, третья запись; 10 ... 24 сент. 1925; 18 окт. 1925, первая запись; окт. (?) 1925, первая запись.

— в информации:

«Принимается подписка на ж<урнал> “Красная новь” на 1925 г. <...> будут помещены <...> стихи <...> С.Есенина».

Май, не позднее 15 или 16. В Москве А.К.Воронскому доставляются стихи Есенина, посланные им из Баку.

Субботин-2012, 134–135.

Среди этих произведений — «Песня», «Золото — текучее луны...» <«Золото холодное луны...»>, «Заря окликает другую...», «Ну, целуй меня, целуй...», «Письмо к сестре», «Синий май. Заревая теплынь...», «Не вернусь я в отчий дом...». Все они вскоре появятся в печати в изданиях, редактируемых А.К.Воронским (см.: до 15 июня 1925; 15 июля 1925, третья запись; 16 ... 18 июля 1925; 20 июля 1925, вторая запись).

Май, середина (?). Государственное издательство РСФСР печатает в Ростове-на-Дону сборник статей «Теория и практика словесника: Литература и язык в школе II ступени в связи с программами ГУСа» (под редакцией М.А.Рыбниковой), где заходит речь о Есенине.

Время события отмечается ориентировочно с учетом анонса на 3-й стр. обложки сборника: «*В ближайшие дни* <курсив наш. — Сост.> выходят из печати: <...> Голубков В. (ред.). Писатели-современники». О начале продажи указанной книги см.: 1 июня 1925, третья запись.

Имя поэта упоминается:

— в статье К.П.Спасской (раздел «Литература в комплексе “Деревня”»): «... русская поэзия, начиная с Пушкина и кончая Есениным, бесконечно богата стихами, посвященными деревне.

<...> кстати будет взять стихи Есенина “Жеребенок” и поэму Александровского “Деревня”, в которых звучит призыв к деревне “Вперед”»;

— в статье В.Голубкова «Марксисты о литературе»:

«3) О Н.Клюеве, С.Есенине, П.Орешине —

а) В.Львов-Рогачевский. Поэзия новой России. Поэты полей и городских окраин.

б) его же. Новокрестьянское творчество (Книга для чтения по литературе).

в) Л.Троцкий Лит<ература> и рев<олюция>, 2 гл.

г) П.Коган. Лит<ература> этих лет, 8 гл.».

Май, 16. А.Н.Есенин пишет из Константинова в Москву Е.А. и А.А.Есениным:

«Дорогие дети! Кланяюсь я Вам и желаю всего хорошего. И притом уведомляю, что письмо Ваше получил. Вы пишете, что Сергей скоро приедет и велели найти хорошего доктора, я бы посоветовал тогда ему обратиться к доктору Кудринскому А.В. При мне он жил против церкви Богоявления на Елоховской улице. У него был свой телефон, и записаться нужно было недели за 2.

Доктор очень, очень хороший.

Я знаю <его> лично очень хорошо.

Катя! Если у тебя есть деньги, то дайте Шурке Ерошину 10 руб. за уборку и притом пришлите нам сколько-нибудь на домашний расход, хотя с ним же.

А то денег у нас сейчас ничего нету, последние отнес 8 р. 50 коп. страховку.

Катя! Дома дела пока идут чередом. Но только много неприятностей из-за этого подкидыша. Хотелось бы хотя немного успокоиться.

Приехать к Вам в Москву на дорогу денег нету. Очень, очень я весь расстроен и прошу Вас, ради Бога, не принимайте Вы его к себе, очень мне больно переносить всё это, гоните его к черту, шантажиста проклятого. Он совсем не пристает к нашему семейству. Кое-что я знаю с его слов матери. Когда увидимся, тогда передам тебе, Катя.

Напиши мне ответ, как твое здоровье и как твои успехи по гимназии. И если Сергей приехал, то немедленно напиши, как он себя чувствует. Вероятно, он сильно болен. Когда <при>едет в Москву, я очень об нем беспокоюсь, тогда вся надежда на него пропадет.

Катя! Еще насчет сенокоса, позаботьтесь, пожалуйста. Ведь нужно будет руб. 50.

Затем до свидания, остаюсь любящим вас ваш папаша. / А.Есенин. / 16/V — 25.

Привет Гале.

Пришлите с Шуркой Ерошиным мне хоть сколько-нибудь, на табак нету».

В семье родной, 59-60.

В письме идет речь о племяннике А.Н.Есенина, Александре Федоровиче Ерошине, и «подкидыше» — внебрачном сыне Т.Ф.Есениной Александре Ивановиче Разгуляеве. Из-за него родители Есенина постоянно ссорились. В их спорах Есенин всецело был на стороне отца.

См. также: 7 ... 27 (?) марта 1925; конец июня — 7 (?) июля 1925, третья запись; 20 авг. 1925, первая запись; после 24 сент. — 2 нояб. 1925, шестая запись.

Май, 17. Газета «Бакинский рабочий» (№ 108) публикует «Песню» («Есть одна хорошая песня у соловушки...») и «Не вернусь я в отчий дом...» Есенина (с указанием места написания — «Больница водников»).

См.: 19 ... 25 апр. 1925; до 11 (?) мая 1925.

О перепечатках см.: до 15 июня 1925, первая запись; 20 июля 1925, вторая запись.

Гомельская газета «Полесская правда» (№ 111) помещает статью Б.Маковского «Силуэты современных писателей: Сергей Есенин»:

«Стихи Есенина тесно связаны с его биографией. Он горожанин, с деревенской психикой. Он живет в городе и бредит деревней <...>. Город, отнюдь, не переработал окончательно нашего деревенского интеллигента, он пока только сломал его, так же, как он ломает старый уклад деревни, преобразует идиллический лик первобытной природы.

Всё это, конечно, неизбежно в наше время. Есенин сам это сознает. <...> Но Есенин, поэт деревни, как и сама деревня, живет чувством, настроением, а не добирающейся до основ мыслью.

И именно чувство деревенского горожанина и сознание, что “минувшего не вернуть”, приводят его к особой романтике, весьма вредной — к отрицанию тяжелых будней деревенского быта, к идеализации уходящего».

Далее критик пишет о «затхлой церковности» Есенина, правда, «немножко провстретной» революцией: «В “Инонии” <...> Есенин показывает, что подлинные цели революции ему непонятны и чужды. Наряду с прославлением крестьянского рая, рая мелкого собственника, почивающего на кисельных берегах, он пытается вложить новое содержание в дырявые меха религии. У него вдруг “вспух незримый <так!> коровий бог”, который “иным отелится солнцем в наш русский кров”. Какая-то “живая” церковь — только коровье-телячья».

Переходя к следующим этапам творчества Есенина, Б.Маковский утверждает:

«Его поэзия становится поэзией отчаяния. <...> Есенин, вступивший в спор с “машинно” ради “святой Руси”, потерял, таким образом, одно время всякое созвучие с эпохой. <...> У него <...>, как он сам сознается, не стало “любви ни к деревне, ни к городу”. В таком случае весьма понятны последние зигзаги жизненного пути чуткого поэта, отразившиеся на его поэзии:

А когда ночью светит месяц,
Когда светит... черт знает как!

Что в таких случаях делает Есенин?

Я иду, головою свесясь,
Переулком в знакомый кабак.

<...> После “Москвы кабацкой” Есенин написал новые циклы стихов. Их можно назвать стихами перелома, кризиса, переживаемого, очевидно, поэтом.

По-прежнему Есенин в новых своих стихах подкупает своей задушевностью, мягким, глубоким лиризмом. Но от мрачных, чисто личных мотивов он уже переходит к более широким общественным темам. Сквозь есенинскую грусть нетрудно заметить определенную бодрость, душевный подъем. Словом, поэт как будто выздоравливает от болезни одиночества, пытаясь восстановить связь с общественностью. <...>

Есенин восстанавливает свою связь с его родной крестьянской почвой. Он побывал в родной деревне и убедился, что... жизнь не стоит на одном месте. <...>

Поэт услышал биение пульса новой деревни, но сердце его всё-таки еще не бьется вместе с ней. Он всё еще мечтает пойти к “неведомым пределам”, “воспевать всем существом в поэте” его “Русь”, которая, в представлении каждого из нас, является прямой противоположностью нашему “СССР”...

Но, думается, что всё это переходное. <...> Поэт, который постиг уже, наконец, что его “голова удалая” довела к тому, что “язык сограждан стал мне как чужой, в своей стране я словно иностранец”, не может остаться на прежних позициях.

Важен общий тон его последних стихов <...>. Эти стихи свидетельствуют, что Есенин, отчавив от “Москвы кабацкой”, держит путь к берегам “Москвы Советской”. Не заблудиться бы ему только по дороге...»

Редакция дала к статье примечание, набранное жирным шрифтом:

«Вполне разделяя мнение критика о Есенине как крупном поэте, мы всё же считаем, что к “берегам Москвы Советской” навряд ли причалить поэту: религиозный национализм продолжает лежать в основе чувствований Есенина, а его последние богемские “выступления” показали, что с нашей классовой общечеловеческой поэзией не связан».

Вырезка — Тетр. ГЛМ.

Газета «Парижский вестник» (№ 12) под заглавием «На родине. Стихи» перепечатывает «Возвращение на родину» Есенина (с посвящением «А.Сахарову» и купюрами).

О возможных исходных источниках текста для перепечатки см.: до 25 июля 1924, вторая запись; после 10 окт. ... нояб. (?) 1924; до 12 апр. 1925, третья запись.

Нью-йоркская газета «Русский голос» (№ 3470) помещает материал З.И.Гисенькина «Литературная дискуссия в журналах СССР», в котором заходит речь о Есенине.

Фамилии поэта и других «попутчиков» упоминаются при объяснении этого понятия.

Нью-йоркская газета «Новое русское слово» (№ 4494) перепечатывает материал «Российские литературные новости (По частным письмам)» с упоминанием о Есенине.

Исходный текст см.: 26 апр. 1925, третья запись.

Ср. также: 11 янв. 1925, вторая запись.

Май, 17 ... 19. Есенин выписывается из больницы.

Точная дата этого события не установлена. Нижняя его граница определяется по замечанию Есенина в записке В.И.Качалову, что в воскресенье (приходившееся на 17 мая) он выйдет из больницы (см.: 15 мая 1925, первая запись), а верхняя — с учетом обстоятельств первой бакинской встречи актера и поэта (см.: 20 мая 1925, первая запись).

Май, 18. Заведующий отделом художественной литературы Государственного издательства РСФСР Н.Н.Накоряков налагает на письмо Есенина от 27 марта 1925 г. об издании альманаха «Поляне» резолюцию:

«В июле, с оплатой в июле и августе, можно принять один сборник без обязательств продолжать и в зависимости от конкретного представленного материала. Предложение интересно, и можно и нужно держать в орбите внимания».

Есенин, VI, 693–694.

См. также: 27 марта 1925, первая запись.

Май, 18 ... 23 (?). Общаясь с бакинскими поэтами, Есенин становится инициатором инцидента, вскоре благополучно разрешившегося.

Событие устанавливается по ретроспективному сообщению В.И. Качалова в одном из его писем июня 1925 г. (см. ниже), а его ориентировочные рамки — с учетом времени отъезда поэта из Баку (см.: с 24 на 25 мая 1925; 25 мая 1925).

В.И. Качалов вскоре напишет (неустановленному адресату):

«Его <Есенина> как раз выпустили из больницы ко дню нашего приезда <см.: 15 мая 1925, первая запись; 17 ... 20 мая 1925>, очень похудевшим, без голоса, но со стэкком в руках, которым он учил азербайджанских поэтов правильному метрическому чтению стихов, а те, потеряв терпение, отвечали ему зуботычинами и однажды даже стали раскачивать его на руках, чтобы выбросить в окно, но, раскачивая, успокоились и отпустили с миром».

Цит. по: Агапитова А.В. Летопись жизни и творчества В.И. Качалова. — В кн.: «Ежегодник Московского Художественного театра. 1948 г. Том II / Памяти В.И. Качалова», М.: Искусство, 1951, с. 279.

См. также: 7 ... 15 июня 1925.

Выступает в Бакинском морском техникуме с чтением стихов.

Событие устанавливается в соответствии с воспоминаниями Е.К. Эрмансон (см. ниже), а его рамки определяются временем пребывания Есенина в Баку после его выписки из больницы.

Е.К. Эрмансон вспомнит:

«Недолго пробыл Есенин в нашей больнице, но у него появились новые знакомые. Один из них — преподаватель морского техникума, ныне мореходного училища, попросил поэта выступить перед учащимися — будущими моряками. Поэт охотно согласился и в назначенный час появился в переполненном актовом зале техникума морского транспорта.

Есенин читал “Письмо матери”, отрывки из “Анны Снегиной”, “Собаке Качалова” и другие свои стихи. Никогда не приходилось мне слышать такое выразительное и проникновенное чтение, полное задушевной напевности и профессиональной простоты».

Цит. по: Михайлов Б. Сергей Есенин у водников. — Газ. «Молодежь Азербайджана», Баку, 1963, 24 февр., № 24.

См. также: 6–17(?) мая 1925.

Май, 19. Газета «Бакинский рабочий» (№ 110) публикует стихотворения Есенина «Ну, целуй меня, целуй...» и «Синий май. Заревая теплынь...»

О перепечатках см.: до 15 июня 1925, первая запись; 4 июля 1925, сельмая запись; 16 ... 18 июля 1925.

Информацию и отклики см.: 31 июля 1925, третья запись; 23 авг. 1925, первая запись; авг. 1925, вторая запись; 30 сент. 1925, третья запись; 2 окт. 1925.

Административный отдел Центрального административного управления Народного комиссариата внутренних дел РСФСР отказывает Есенину и его товарищам-литераторам в праве учреждения общества «Современная Россия»:

«Учредителям общества “Современная Россия”

Москва, Арбат, Трубниковский пер., д. 9

Ввиду того, что проектируемое вами общество “Современная Россия” является объединением, работающим в настоящее время как издательство, а также принимая во внимание наличие достаточного количества объединений писателей, аналогичных по задачам проектируемому обществу, организация такового признана НКВД нецелесообразной, на основании чего и постановлено в утверждении проекта устава общества отказать.

Изложенное сообщается для сведения.

Врио начальника Центр. админ. управлен. НКВД

Помначадмоддела

Зав. п/отд. Адмнадзора

<Зайцев>

<Отпущенников>

<Фрайман>».

«Судя по всему, он <этот документ> был сформулирован на основании заключения ОГПУ (оно, к сожалению, не сохранилось в доступных нам фондах)».

Галушкин А.Ю. Сергей Есенин и «Современная Россия»: новые материалы (Новое о Есенине, 3, 488–489). «Общество “Современная Россия” — организация, которую планировалось создать на базе одноименного издательства. Учредительные документы общества поступили в административный отдел Центрального Административного управления НКВД РСФСР 29 авг. 1924 г. Корпус этих документов состоял из соответствующего заявления в НКВД, протокола учредительного собрания, списка членов-учредителей общества, его устава (журн. “Советские архивы”, М., 1971, № 6, с. 104–105; публ. В.А.Вдовина) и списка-анкеты на членов исполнительного органа. 16 сент. в копиях документы были направлены на заключение в Наркомпрос и в 7-е отделение Секретного Отдела (СО) ОГПУ. Заключение Наркомпроса, подписанное заместителем наркома В.Н.Яковлевой, было дано 19 нояб., в НКВД поступило 21 нояб., а 6 дек. было переправлено в СО ОГПУ».

Есенин, VII (2), 446–447.

См. также: 4 авг. 1924.

Вечерний выпуск ленинградской «Красной газеты» (№ 120; подпись: Егор Досекин) помещает начало статьи Г.Е.Горбачёва «Литературное безвременье», где заходит речь о Есенине.

Автор пишет:

«Последний год (а литературный год надо считать с осени до осени) ознаменовался в русской литературе затишьем. <...> Старые формы изжили себя, определенных истоков новых форм не видно.

Маяковский, исчерпав множество возможностей, гораздо больше разрушил, чем дал положительного. Имажинизм давно обнаружил себя как исключительно кабацкая шумиха. Форма Есенина — Блок, положенный на гармошку. <...>

Новые люди, растущие на рабфаках и в комвузах, пришедшие от станка или из Красной Армии, не понимают (и это прекрасно и радостно) ни мистики и психопатологии Пильняка, ни достоинщины Семенова или Леонова. <...>

Ничем не зажигает, но хорошо выражает многим присущие настроения кабацкой лирики г. Есенин, но... введение сорокаградусной горькой не сделает этих настроений ни новыми, ни актуальными, не спасет их от высыхания и выветривания».

Об окончании материала см.: 22 мая 1925, третья запись.

Отклики см.: 18 июня 1925, четвертая запись; 23 июня 1925, вторая запись.

См. также: 29 июля 1925.

Май, 20. Есенин встречается с В.И.Качаловым в антракте спектакля «Царь Федор Иоаннович».

Вловин, 424.

Из воспоминаний актёра (1927):

«Играем в Баку спектакль. Есенин уже не в больнице, уже на свободе. <...>

Кончая спектакль “Царя Федора”. Театральный сторож, тюрк, подает записку, лицо сердитое. В записке ничего разобрать нельзя. Безнадежные каракули. Подпись “Есенин” <текст записки неизвестен>.

— Где же, — спрашиваю, — тот, кто написал записку?

Сторож отвечает мрачно:

— На улице, за дверью. Ругается. Меня называет “сукин сын”. Я его не пускаю. Он так всех вас будет называть.

Я поспешил на улицу, как был в царском облачении Федора, даже в мономаршовой шапке. Есенин сидит на камне, у двери, в темной рубашке кавказского покроя, кепка надвинута на глаза. Глаза воспаленные, красные. Вздвонен. Страшно обижен на сторожа. Бледный, шепчет сторожу: «Ты не кацо — кацо так не поступают». Я их с трудом примирил...»

Восп., 2, 255.

См. также: 12 ... 14 или 15 (?) марта 1925; после 12 ... после 14 или 15 (?) марта 1925; 13 ... 16 или 20 ... 25 (?) марта 1925; 7 апр. 1925, вторая запись; 13 апр. 1925, вторая запись; 15 мая 1925, первая запись; 18 ... 23 (?) мая 1925, первая запись; 4–9 или 17–24 июля 1925; 7 сент. ... 18 окт. 1925; 25 нояб. 1925, третья запись.

В.И.Качалов знакомит поэта с режиссером К.С.Станиславским. Есенин читает им свои стихи.

Из воспоминаний В.И.Качалова:

«Я <...> привел Есенина за кулисы, в нашу уборную. Познакомил со Станиславским. У Есенина в руке несколько великолепных чайных роз. Пальцы раскровавлены. Он высасывает кровь, улыбается:

— Это я вам срывал, об шипы наколелся, пожалуйста, — поднес нам каждому по два цветка.

<...> Я ушел на сцену кончать последний акт «Царя Федора». Возвращаюсь в уборную <...>. Станиславский, сощуриив глаза, с любопытством рассматривает и внимательно слушает. Есенин уже без всякого звука хриплым шепотом читает стихи: «Вот за это веселые мути <и т. д.>»».

Восп., 2, 255–256.

Май, 21 ... 30. В Москве выходит журнал «Красная новь» (№ 4; за май) с материалами Есенина и о Есенине.

Нижняя граница события устанавливается по информации, что указанный номер журнала «выходит в двадцатых числах мая» (газ. «Вечерняя Москва», 1925, 17 мая, № 111), а его верхняя граница — по объявлению в газ. «Известия ЦИК СССР и ВЦИК Советов» (1925, 30 мая, № 121; рубрика «Критика и библиография. Новые книги»): «В редакцию поступили для отзыва следующие книги <...> Красная новь № 4 (ц. 2 р.)».

В номере публикуются:

— поэма Есенина «Анна Снегина».

См. Приложение.

О публикациях текста поэмы и откликов на нее см. также: 20 марта 1925, вторая запись; 1 мая 1925, пятая и шестая записи; 3 мая 1925; 1 июня 1925, вторая и третья записи; до 17 июня 1925; 18 июня 1925, третья запись; 20 июня ... 3 июля 1925; 21 и 23 июня 1925; 28 июня 1925, вторая запись; 30 июня 1925, девятая запись; 1 июля 1925, пятая запись; 8 июля 1925; 12 июля 1925, четвертая запись; 19 июля 1925, четвертая и пятая записи; 22 июля 1925, четвертая запись; 26 июля 1925, восьмая и девятая записи; до 20 сент. 1925; 30 сент. ... 12 окт. 1925; 12 окт. 1925, вторая запись; 15 дек. 1925, третья запись;

— реклама Государственного издательства РСФСР «Новинки художественной литературы» с указанием:

«...Есенин С. “Березовый ситец”. Стихи. Ц. 80 к.».

См.: 1 апр. 1925, третья запись; 15 апр. 1925; 1 мая 1925, восьмая запись; 15 мая 1925, пятая запись; 22 мая 1925, первая запись; 1 июня 1925, третья запись; 1 ... 15 июня 1925; 5 июня 1925, первая и вторая записи; 10 июня 1925; 11 июня 1925; 12 июня 1925, первая — третья и пятая записи; с 12 на 13 июня 1925, вторая запись; до 15 июня 1925, вторая запись; 20 июня 1925, первая запись; 27 июня 1925, первая запись; 30 июня 1925, восьмая запись; 2 июля 1925, первая запись; до 7 июля 1925; 14 июля 1925, вторая запись; 26 июля 1925, седьмая запись; 31 июля 1925, вторая запись; 2 авг. 1925, третья запись; 11 авг. 1925, вторая запись; 1 сент. 1925, третья запись; 10 ... 24 сент. 1925; 18 окт. 1925, первая запись; окт. (?) 1925, первая запись;

— реклама издательства артели писателей «Круг»:

«Только что вышли новые издания: ... С. Есенин Стихи (1920–1924 г.). 96 стр. 1р. 25 к. Содержание: Исповедь хулигана; Москва кабацкая; Любовь хулигана; После скандалов; Русь Советская».

См.: до 12 апр. 1925, третья запись; 12 апр. 1925, первая запись; 14 мая 1925, вторая запись; 25 июня 1925, третья запись; 2 июля 1925, вторая запись; 2 (?) июля 1925; 11 сент. 1925, первая запись; 16 ... 23 сент. 1925; 18 окт. 1925, первая запись; окт. (?) 1925, вторая запись; первая половина дек. 1925, четвертая запись.

Май, 22. Госиздат РСФСР выпускает в Москве книгу Есенина «Березовый ситец».

Инвентаризационный каталог, 616; ср.: Есенин, VII (3), 382–384.

Содержание. **Радунца:** «Край любимый! Сердцу снятся...»; «Тихо в чаше можжевелы по обрыву...» <Осень>, с посв.: «Р.В.Иванову»; В хате; «Я пастух, мои палаты...»; «Гой ты, Русь, моя родная...»; «Тоги да болота...»; «Черная, потом пропахшая выть!...»; «Край ты мой заброшенный...»

Голубень: «За темной прядью перелесиц...»; «В том краю, где желтая крапива...»; «Я снова здесь, в семье родной...»; «Не бродить, не мять в кустах багряных...»; «О красном вечере задумалась дорога...»; «Ночь и поле, и крик петухов...»; «О край дождей и непогоды...»; Голубень; «Запели тесаные дроги...»; «Не напрасно дули ветры...»; Корова; Табун; «О товарищах веселых...»

Преображение: «Разбуди меня завтра рано...»; «Где ты, где ты, отчий дом...»; «Зеленая прическа...», с посв.: «Л.И.Кашиной»; «Нивы сжаты, роши голы...»; «Я по первому снегу бреду...»; «О верю, верю, счастье есть!...»; «Вот оно, глупое счастье...»; «Песни, песни, о чем вы кричите?»; «Проплясал, проплакал дождь весенний...»

Трерядница: «Я последний поэт деревни...», с посв.: «Мариенгофу»; «Душа грустит о небесах...»; «Устал я жить в родном краю...»; «Я покинул родимый дом...»; Песнь о собаке; «Хорошо под осеннюю свежесть...»; «Закружилась листва золотая...»; «Теперь любовь моя не та...», с посв.: «Клюеву»; «По-осеннему кычет сова...»

Мреть: Песнь о хлебе; «Дождик мокрыми метлами чистит...» <Хулиган>; «Всё живое оسوب метой...»; «Не жалею, не зову, не плачу...»

Поэмы: Русь; Пантократор.

Тираж книги — 4000 экз. (Юсов-94, 54).

См. Приложение.

См. также: 1 апр. 1925, третья запись; 15 апр. 1925; 1 мая 1925, восьмая запись; 15 мая 1925, пятая запись; 21 ... 30 мая 1925; 1 июня 1925, третья запись; 1 ... 15 июня 1925; 5 июня 1925, первая и вторая записи; 10 июня 1925; 11 июня 1925; 12 июня 1925, первая — третья и пятая записи; с 12 на 13 июня 1925, вторая запись; до 15 июня 1925, вторая запись; 20 июня 1925, первая запись; 27 июня 1925, первая запись; 30 июня 1925, восьмая запись; 2 июля 1925, первая запись; до 7 июля 1925; 14 июля 1925, вторая запись; 26 июля 1925, седьмая запись; 31 июля 1925, вторая запись; 2 авг. 1925, третья запись; 11 авг. 1925, вторая запись; 1 сент. 1925, третья запись; 10 ... 24 сент. 1925; 18 окт. 1925, первая запись; окт. (?) 1925, первая запись.

На городской пристани Есенин встречает В.И.Болдовкина.

Событие устанавливается по словам В.И.Болдовкина («...Май 1925 г. На пароходе я возвращался из Персии в СССР»); датируется на основе разысканий комментаторов его воспоминаний:

«В.И.Болдовкин мог прибыть в Баку из Пехлеви только на пароходе “Зиновьев” 22 мая 1925 года, т. к., по содержанию мемуаров, после его приезда и до отъезда Есенина в Москву прошло два-три дня. Согласно графику движения пароходов по Каспию, напечатанному в газете “Бакинский рабочий” 24 и 25 мая 1925 года, из Персии в Баку прибыли пароходы: “Боевой” — 20 мая, “Зиновьев” — 22 мая, “Север” — 25 мая».

Юсов Н.Г., Шипулина Г.И. Комментарии. — Журн. «Слово», М., 2003, № 2, март-апр., с. 98.

Мемуарист пишет:

«В утренней бакинской дымке пароход подходил к причалу. На пристани небольшое количество встречающих людей. Каково же было мое удивление, когда среди встречающих я увидел улыбающееся лицо Сергея, но уже не такое холеное. На нем была надета желтая вельветовая куртка, которая еще больше придавала желтизны его лицу. Мы крепко расцеловались и поехали домой».

Болдовкин-2003, 87.

Вечерний выпуск Ленинградской «Красной газеты» (№ 123; подпись: Егор Досекин) печатает окончание статьи Г.Е.Горбачева «Литературное безвременье».

Критик замечает:

«... с поэзией дело у нас обстоит лучше, чем с прозой. Есть Маяковский, Есенин, Н.Тихонов, пролетписатели в большинстве поэты. <...> Есенин... мы о нем уже говорили <см.: 19 мая 1925, третья запись>. Подождем, что выйдет из его нового флирта с революцией».

Отклики см.: 12 июня 1925, шестая запись; 23 июня 1925, вторая запись.

Калужская газета «Коммуна» (№ 114; раздел «Книжная полка»; подпись: «Н. Н-ий») публикует отзыв о книге В.Евгеньева-Максимова «Очерк истории новейшей русской литературы. Этюды и характеристики» (Л.-М., ГИЗ, 1925) с беглым упоминанием имени Есенина.

См.: конец февр. ... до 16 марта 1925; 18 апр. 1925, вторая запись; 26 апр. ... 5 мая 1925; 22 июля 1925, третья запись.

Май, 22–23. Есенин и В.И.Болдовкин проводят время в дружеском общении.

Из воспоминаний В.И.Болдовкина:

«Посыпались вопросы, рассказы. Сергей говорил о своей поездке в Тифлис и Батум, говорил о грузинских поэтах, особенно тепло он отзывался о Паоло Яшвили <...>.

— Весной я приехал в Баку, немного здесь расшалился. <...> ...получил воспаление легких, оттого я так и хриплю. Лежал в больнице. <...> Ты, Вася, послушай, наверное, ты еще не читал.

Он встал и начал читать:

Есть одна хорошая
Песня у соловушки...

В конце он опустил голову и почти шепотом произнес:

А теперь вдруг свесилась,
Словно неживая.

— Я это писал в больнице, думал, умру. Послезавтра я еду в Москву, а завтра мы с тобой будем весь день вместе.

Далеко за полночь длилась наша задушевная беседа. Я ему рассказывал, как меня ругал Шумяцкий <он тоже был тогда в Тегеране> за то, что я приехал без него. Сергей сказал:

— Когда мы встретимся в Москве, то обязательно повидаем Шумяцкого».

Болдовкин-2003, 87.

Май, после 22. В Ленинградском отделении Госиздата РСФСР выходит составленный И.А.Оксёновым сборник «Современная русская критика. 1918–1924 (Образцы и характеристики)», где упоминается Есенин.

Граница события определяется по информации, что книга выходит «на днях» («Красная газ.», 1925, 22 мая, № 123, веч. вып.)

О Есенине см.:

— в статье Б.Эйхенбаума «О синтаксисе Анны Ахматовой».

Ср.: до 1 ... до 15 марта 1923;

— в материале В.Брюсова «Смысл современной поэзии. Отрывки».

В подстрочном примечании отмечено:

«Предлагаемые отрывки представляют извлечения из публичных лекций, читанных автором в Москве в аудиториях Союза поэтов, Политехнического музея и Лито».

В.Брюсов характеризует имажинистов как современную литературную группу, называя Есенина среди ее участников.

Май, 23 или 24. Есенин пишет стихотворение «Прощай, Баку! Тебя я не увижу...»

Есенин, I, 223, 626–627.

Время создания произведения указывается предположительно, с учетом того, что в первой публикации (см.: 25 мая 1925, четвертая запись) оно посвящено В.И.Болдовкину.

См. также: с 24 на 25 мая 1925.

Май, 24. Есенин пишет стихотворение «Неуютная жидкая лунность...»

Есенин, IV, 220–221, 434–435.

Под черновым автографом стихотворения — помета рукой неустановленного лица: «24 мая 1925 г.». Его незачеркнутые строки совпадают с текстом, опубликованным в газ. «Бакинский рабочий» (см.: 25 мая 1925, четвертая запись). Судя по всему, эта публикация состоялась по указанному автографу или по копии с него.

Прежде чем остановиться на словах: «Равнодушен я стал к лачугам, / И очажный огонь мне не мил» (строки 9–10), Есенин вначале напишет: «Равнодушно смотрю на лачуги, / Где у печки свинья иль телок» (ср. в «Железном Миргороде»: «...где чуть ли не у каждого мужика в избе спит телок на соломе или свинья с поросятами» — Есенин, V, 162), а вместо строк 22–23 («Может, в новую жизнь не гожусь, / Но и всё же хочу я стальной») первоначально было: «Может, в новую жизнь не гожусь, / Может, силою этой стальной...» (Есенин, IV, 313).

См. также: 25 июня 1925, вторая запись.

См. Приложение.

Есенин продолжает общаться с В.И.Болдовкиным.

Из воспоминаний В.И.Болдовкина:

«Утром искупались, побрились, выбросили рыжую вельветовую куртку и старую кепку Сергея. Ему понравилась моя соломенная шляпа “тиролька”. Примерил — как раз впору, к лицу идет <в этой шляпе Есенин сфотографировался с Болдовкиным>.

— Носи, Сергей, и пойдем покупать кепку для меня.

Часа два-три ходили по городу <...>. Сергей оформил свои дела в редакции».

Болдовкин-2003, 87–88.

Фотографируется с ним.

Есенин, VII (3), [190] (№ 96).

«По дороге зашли в фотографию Бригадзе. Сергей во что бы то ни стало хотел сняться со мной.

— Когда теперь увидимся, не знаю, а как поедешь в Москву, захвати с собой эту фотокарточку. Завтра ведь мы уже расстанемся, а когда встретимся?..

Снялись. Это было 24 мая 1925 г.»

Болдовкин-2003, 88.

Впрочем, мемуарист указывал и другую дату; см. его дарственную надпись брату на фотокопии этого снимка:

«Дорогому Петру Ивановичу с братской любовью. 9 / X- 1960 г. Болдовкин. Снимок сделан 25 мая 1925 г. в Баку».

Есенин, VII (3), 260.

Выкадровка из фотографии — снимок одного Есенина — неоднократно воспроизводилась, начиная с 1926 г.

В ожидании П.И. Чагина Есенин проводит вечер с В.И. Болдовкиным.

«Вечером, часов около 10, — пишет В.И. Болдовкин, — позвонил ко мне брат <П.И. Чагин>.

— Ты, конечно, знаешь лучше меня, что Сергей завтра уезжает. Я говорю из типографии. Сейчас Сергей пошел ко мне домой, а семья на даче, мы договорились сегодня ночью посидеть. Ты иди ко мне и захвати, что нужно, ну, приготовь нечто вроде ужина <...>.

Не теряя времени, я зашел в магазин, накупил всякой снеди и, конечно, прихватил несколько бутылок “Напареули” и “Сазро” и, нагруженный, явился в дом брата. Только после нескольких звонков Сергей с заспанными глазами открыл дверь.

— Я час уже здесь хозяйничаю и решил поспать. Хозяев нет, скучно.

Мы приступили к распаковыванию покупок. Он с задором рассказывал, как в Балаханах проводил Первой, как горячо его приветствовали нефтяники и ему просто жаль уезжать из Баку. <...>

Я накрыл на стол, хлопотал на кухне с каким-то жареным. Сергей сидел за письменным столом. Позвонили из типографии, у телефона метранпаж Качурин.

— Кто? Вася? Качурин? Это я, Сергей. Петр там скоро освободится? Уже сверстали? Передай Петру: “Прощай, Баку...” я посвящаю Василию Ивановичу Болдовкину. Алло, Петр? “Прощай, Баку...” я посвящаю Василию, прошу тиснуть. Вовремя? А то через полчаса было бы поздно? Ну, ничего, Качурин пусть не обижается, обязательно вставит посвящение. Ждем».

Болдовкин-2003, 89.

Газета «Труд» (№ 114) помещает заметку П. Тарасова, посвященную выходу тысячного номера издания:

«Армия активных рабкоров “Труда” даст нашей печати:

— Лучших репортеров.

— Талантливых журналистов и пролетарских писателей.

— Своих Есениных...»

См. также: Шипулина-2005, 113–114.

Нью-йоркская газета «Новое русское слово» (№ 4501; рубрика «Литература и искусство»; раздел «Поэзия») перепечатывает стихотворения Есенина из цикла «Персидские мотивы»: «Никогда я не был на Босфоре...» и «Свет шафранный вечернего края...» <«Свет вечерний шафранного края...»>.

Источник перепечатки — материал из берлинской газеты «Руль» (см.: 29 марта 1925, первая запись).

Об исходной публикации см.: 18 янв. 1925, первая запись.

О других перепечатках см.: 1 марта 1925, четвертая запись; после 26 мая 1925.

Газета «Новый мир» (Буэнос-Айрес, № 594) дает анонимную информацию о выходе в России книги Сергея Есенина «Песнь о великом походе».

Заметка помещена в разделе «Новые книги. Получены последней почтой следующие книги от Гос. изд-ва...»

См.: 1–6 авг. 1924, третья запись; 2 сент. 1924, первая запись; 15 марта 1925, третья запись; 28 марта 1925, первая запись; 1 апр. 1925, третья запись; 1 ... 15 апр. 1925; 5 апр. 1925, третья запись; 12 апр. 1925, вторая запись; 15 апр. 1925; 16 апр. 1925; 22 апр. 1925, вторая запись; до 3 мая 1925; 13 мая 1925; 24 сент. 1925, пятая запись; после 24 сент. ... 2 нояб. 1925, или 9 ... 25 нояб. 1925; первая половина дек. 1925, пятая запись.

В литературном приложении «Nedělní čtení» к пражской газете «Československá republika» (№ 141) под заголовком «Doma» публикуется стихотворение Есенина «Возвращение на родину» в переводе на чешский язык.

Автор перевода обозначен как Vladimír-lenský. Не исключено, что это псевдоним переводчика, а не его подлинное имя.

К тексту имеются два примечания:

«— Сергей Есенин — один из ведущих литераторов современной коммунистической России. Это стихотворение было опубликовано недавно в художественном журнале в Москве <о публикации см.: до 25 июля 1924, вторая запись>;»

«— Комсомолки — кратко от: коммунистический союз молодежи».

Перевод А.В.Аmeliной.

См. Приложение.

В литературном приложении «Dělnická besídka» к пражской газете «Rudé právo» печатается стихотворение Есенина «Памяти Ширяевца» <«Мы теперь уходим понемногу...»> на чешском языке (переводчик — V. Lenský).

В переводе заголовка стихотворения («Památce Širjajevově») допущена неточность: «Ширяевец» передано по-чешски как «Ширяев».

О переводчике см. предыд. запись.

Май, с 24 на 25. Есенин проводит ночь на квартире П.И. Чагина вместе с хозяином квартиры, его братом и метранпажем Качуриным.

В.И. Болдовкин вспомнит:

«Часов около двух ночи приехал брат <П.И. Чагин> и Качурин. Качурин держал свежий, еще пахнувший краской, оттиск газеты от 25 мая 1925 г. Сергей стал читать: “Прощай, Баку...” и крепко-крепко поцеловал меня.

— Хорошо! Это посвящаю тебе. Жаль только, что не вместе едем в Москву.

В эту ночь Сергей был очарователен. Вчетвером провели мы эту ночь до рассвета. И я решил бросить все свои домашние дела и ехать с Сергеем в Москву.

Решено — сделано. Итак, “Прощай, Баку”, а друг не кивает головой <ср. в стихах: “Прощай, Баку! <...> В последний раз я друга обниму... / Чтoб голова его, как роза золотая / Кивала нежно мне...” (Есенин, I, 223)>, а едет вместе с Сергеем.

В эту ночь Сергей был неподражаем. Экспромты сыпались с его уст в изобилии. Он был рад, что уговорил меня ехать с ним...»

Болдовкин-2003, 89.

Май, 25. Есенин записывает текст телеграммы для отправки в Москву Г.А.Бениславской:

«Четверг будем двое Чагиным братом, приготовьте комнату. Встречайте, справясь — Есенин».

Есенин, VI, 215, 707.

Четверг приходился на 28 мая. Именно в этот день Есенин возвратится в Москву (см.).

См. Приложение.

В.И.Болдовкин отправляет есенинскую телеграмму:

«На вокзале масса друзей, много провожающих. Поезд отправлялся через пятнадцать минут. Не могу оттянуть Сергея от друзей; он весел, остроумен, немного подвыпивши. <...> Вот какая-то группа открыла несколько бутылок “Абрау-Дюрсо” и “Багдади”.

— Ну, Вася, на расставание с бакинскими друзьями можно и выпить по бокалу шампанского, и в вагон.

— Да, Сергей, в вагон пора, поезд нас ждать не будет.

Бокалы опустошены, поцелуй, масса, масса поцелуев. По-моему, и знакомые, и совершенно незнакомые целовали Сергея.

— А телеграмму? Вася, скорей, я уже написал и чуть было не забыл отправить.

Я взял у Сергея клочок бумаги, подошел к окну телеграфа и быстро переписал <текст> на бланк. Подлинник телеграммы положил в карман, подошел к Сергею, говорю: “всё в порядке”, — и направился к вагону».

Болдовкин-2003, 90.

Есенин и В.И.Болдовкин выезжают скорым поездом в Москву.

По словам мемуариста, «поезд Баку — Москва отходил в 13-00»:

«...мы на площадке вагона, слышу свисток главного кондуктора, гудок паровоза, поезд медленно отходит от перрона. Сергей отвечает на десятки машущих рук:

— Прощай, Баку!»

Болдовкин-2003, 90.

В газете «Бакинский рабочий» (№ 115) — стихотворения Есенина «Прощай, Баку! Тебя я не увижу...» (с посвящением: «Посв. В.Болдовкину») и «Неуютная жидкая лунность...».

Есенин, I, 223, 626–627; Есенин, IV, 220–221, 312–313, 434–435.

См. также: 23 или 24 мая 1925; 24 мая 1925, первая запись; 25 июня 1925, вторая запись.

В рецензии «Четвертый том Есенина» И.А.Оксёнов назовет ряд стихов, в которых отразился переход поэта на «советские» темы, темы революции:

«<Это> “Капитан земли” <...>, “1-е Мая” и, в особенности, имеющее большое значение для общественной биографии поэта, “Неуютная жидкая лунность”. Здесь впервые у Есенина ясно выражено признание мощи “каменного и стального” <...>:

Я не знаю, что будет со мною...
 Может, в новую жизнь не гожусь,
 Но и всё же хочу я стальною
 Видеть бедную, нищую Русь.

Смысл этих строк особенно ярко выделяется при сопоставлении с аналогичными по теме стихами “Москвы кабацкой”, в которых деревне “сдавили шею каменные руки шоссе” и поле “стынет в тоске волоокой, телеграфными столбами давясь” (“Волчья гибель”).

Так на закате поэт дошел до сознания правды и необходимости “завоевания” деревни “городской” техникой и культурой...»

«Красная газета», 1927, 13 мая, № 126.

М.М.Шкапская в Ленинграде делает в своем альбоме помету рядом с вклеенным туда ею черновым автографом поэмы Есенина «Песнь о великом походе»:

«25/V 25. Рукопись “Песни о великом походе” Есенина — подарил Эрлих в хороший зимний дружеский вечер».

Есенин, III, 581–582. Точная дата этого «зимнего вечера» неизвестна.

Этот черновик был написан на квартире А.М.Сахарова (Ленинград, первая половина июля 1924 г.; см.: Летопись, 4, 337–339). В авг. 1924 г. Есенин поручил хлопоты по изданию поэмы в Ленинградском отделении Госиздата Эрлиху (см.: 3 сент. 1924, четвертая запись) и оставил автограф ему.

В.И.Эрлих, вспоминая дни, проведенные с Есениным летом 1924 г., напишет в книге «Право на песнь» (1930):

«С 4 сентября я в Ленинграде. Один. Что у меня осталось от Есенина? — Красный шелковый бинт, которым он перевязывал кисть левой руки, да черновик “Песни о великом походе”».

Восп., 2, 338.

Дальнейшую судьбу автографа поясняет другая альбомная запись М.М.Шкапской:

«9/X 26 г. Рукопись отдана Соне Толстой для музея».

Есенин, III, 582.

Май, 25–26. Есенин находится в поезде на пути в Москву.

В.И.Болдовкин вспомнит:

«Мы прошли в свое купе. В вагоне не так много народа, много мест свободных, в соседнем купе возвращались со съемок из Средней Азии экспедиции киноартистов. Быстро познакомились. В числе артистов нашей попутчицей оказалась известная в то время киноактриса Ольга Третьякова. Попутчики были интересные. К нам в купе приходило много людей, нашлись среди них знакомые Сергея по Батуми. <...> Сергея тянули в вагон-ресторан, и никакие уговоры друзей на него не действовали. Я его ни на минуту не выпускал из вида. Моиими союзниками были товарищи артисты, в частности, Ольга Третьякова, которая занимала нас интересными беседами. Так прошли сутки, дорога, масса впечатлений».

Болдовкин-2003, 90.

Май, 25 ... Июнь, 2. В Москве выходит журнал «Октябрь» (№ 3/4; за март–апрель) с материалами, где заходит речь о Есенине.

Границы события устанавливаются по сведениям «Бюллетеня торгового и периодического секторов Государственного издательства» (1925, № 9, 15 июня) о поступлении журнала в продажу с 25 мая по 10 июня с учетом информации газ. «Известия ЦИК СССР и ВЦИК Советов» (1925, 11 июня, № 130) об окончании рассылки журнала подписчикам 3 июня 1925 г.

В номере публикуются:

— рецензия Н.Н.Фатова на второе издание «Книги для чтения по истории новейшей русской литературы...», составленной В.Л.Львовым-Рогачевским (подпись: «Н. Ф.»):

«Львов-Рогачевский выпускает книги, как блины печет. Это, конечно, мало способствует их достоинству. <...>

Есенин представлен почему-то почти исключительно стихами среднего, “имажинистского” периода — нет ни ранних стихов из “Радуницы”, ни позднейших — весьма для него характерных».

См.: 19 янв. 1925, первая запись; 5 мая 1925, четвертая запись; май (?) 1925; до 2 июня 1925; окт. (?) 1925, вторая запись;

— рецензия А.Зонина на пятый выпуск альманаха «Наши дни».

Рассматривая помещенную в альманахе статью А.К.Воронского «На разные темы», критик усматривает в ней противоречия в оценке творчества Есенина.

См.: 24 февр. 1925; 24 авг. 1925, третья запись.

Май, до 26. В.Ф.Наседкин сдает машинопись стихотворения Есенина «Мой путь» в издательство «Современная Россия».

Граница события устанавливается на основе след. записи.

На машинописи (РГАЛИ) — помета В.Ф.Наседкина:

«Т<ов>. Берлин! Не успел сверить с рукописью. Наверное, есть ошибки. Об этом позвоните Гале <Г.А.Бениславской> в субботу».

Есенин, II, 452.

«Фамилия адресата пометы — руководителя издательства “Современная Россия” — является одним из свидетельств, что данная машинопись послужила наборным экземпляром “Моего пути” для книги “Персидские мотивы” (другое свидетельство — идентичность текста поэмы в машинописи с ее текстом в книге)» (С.И.Субботин — Есенин, II, 452). Кроме того, на машинописи отчетливо видны следы пальцев наборщиков.

См. также: после 2 марта 1925, вторая запись; 22 апр. 1925, первая запись; 26 мая 1925; после 26 мая 1925; 29 мая ... 6 июня, или 10 июня ... 9 июля, или 16 ... 25 июля 1925; конец июня — 7 (?) июля 1925, первая запись; 1 ... 22 июля 1925; 3 (?) июля 1925; 4 июля 1925, вторая запись; 20 июля 1925, первая запись; до 24 июля 1925, первая запись; 31 июля 1925, вторая запись; после 6 сент. 1925, первая запись; 24 сент. 1925, четвертая запись; 17 нояб. 1925, вторая и третья записи; 20 нояб. 1925; 21 нояб. 1925, первая запись; нояб. (?) 1925, четвертая запись.

Май, 26. Московское цензурное ведомство (Главлит) разрешает издательству «Современная Россия» выпустить в свет книгу Есенина «Персидские мотивы».

Событие устанавливается по штампу на лицевой стороне обложки сигнального экземпляра книги («Разрешено Главлитом к выпуску в свет. Завед. Административно-Контрольным Отд.») с вписанной в него датой: «26 м<ая> 1925 г.». Подпись должностного лица неразборчива.

Есенин, VII (2), 384.

См. также: после 2 марта 1925, вторая запись; 22 апр. 1925, первая запись; до 26 мая 1925; после 26 мая 1925; 29 мая ... 6 июня, или 10 июня ... 9 июля, или 16 ... 25 июля 1925; конец июня — 7 (?) июля 1925, первая запись; 1 ... 22 июля 1925; 3 (?) июля 1925; 4 июля 1925, вторая запись; 20 июля 1925, первая запись; до 24 июля 1925, первая запись; 31 июля 1925, вторая запись; после 6 сент. 1925, первая запись; 24 сент. 1925, четвертая запись; 17 нояб. 1925, вторая и третья записи; 20 нояб. 1925; 21 нояб. 1925, первая запись; нояб. (?) 1925, четвертая запись.

Май, 26–27. Поезд «Баку–Москва», где находятся Есенин и В.И.Болдовкин, следует по маршруту. Инцидент в вагоне.

В.И.Болдовкин вспомнит:

«...на другой день <т. е. 26 мая> товарищи увлекли Сергея, и никакая сила не могла вырвать его из вагона-ресторана, и только поздно вечером крепко пьяным его привели в купе. <...> Если бы кто знал, как трудно уложить спать в таком состоянии Сергея. Откуда появлялось столько энергии, экспромтов, импровизаций!.. И только далеко за полночь

“буйная головушка” его склонилась на подушку. Он уснул, как казалось, крепким сном. Я открыл окно, спать не хотелось. <...> Через туалет я вышел в соседнее купе; еще не спали, обсуждали “трагедию” Сергея. Незаметно текли ночные часы, поезд с бешеной скоростью мчался в темноте по степным просторам.

Вдруг — толчок, шипение тормозов, и поезд стал. Не понимая, в чем дело, мы вышли в коридор вагона. В наш вагон бегут железнодорожники с фонарями. В эту минуту открывается дверь нашего купе, заспанная голова Сергея виновато смотрит на служащих. Взор его остановился на мне.

— Вася, а я думал, ты упал в окошко, <...> я и решил остановить поезд, нажал ручку...

Железнодорожное начальство быстро восстановило порядок. После десятиминутной стоянки поезд тронулся, а главный кондуктор и начальник поезда сели писать протокол: опоздание курьерского поезда, необоснованная остановка, пользование стоп-краном и пр. пр. Штраф. Штраф — 50 рублей. Подпись — Есенин.

Сергей протрезвел, виновато улыбается. Главный говорит, что утром в Харькове нужно платить штраф. Сергей несколько раз старается объяснить свою оплошность и получается каждый раз по-разному <...>.

Всё как будто бы успокоилось. Железнодорожное начальство ушло с пространном актом с десятками подписей свидетелей, подписью самого виновника.

Поезд прорезал рассвет с еще большей скоростью. Через несколько часов и Харьков. На одной из больших станций недалеко от Харькова к нам в вагон входит паровозная бригада. <...> В руках у них тот самый акт, который несколько часов назад составляли железнодорожные мужи.

— Кто тут Есенин Сергей Александрович?

Сергей виновато улыбнулся:

— Я понял. Вы, наверное, за штрафом пришли? Я же платить не отказываюсь.

— Нет, нет, не беспокойтесь, я машинист поезда и до Харькова нагоню всё упущенное время. Ради Вас, Сергей Александрович. Мы узнали, что виновником, дернувшем стоп-кран, был поэт Есенин. Так вот, мы посоветовались, решили нагнать и почти уже нагнали всё простое время. Взяли у главного акт и принесли его Вам, тов. Есенин, решили избавить Вас от штрафа. Штраф, конечно, ерунда. Но ведь это своего рода позор.

Машинист застенчиво передал акт. Сергей взял, порвал его. Крепко пожал всем руки, машиниста расцеловал.

— Только, Сергей Александрович, чтобы это было в последний раз <...>. Бывайте здоровы. Вот мы и познакомились. Читать ваши стихи — читали, а теперь и с самим познакомились.

Сергей застенчиво посмотрел им вслед.

— Спасибо, спасибо.

И до самой Москвы ни один из батумских товарищей уже не смог его увлечь и склонить к Бахусу. Перед Москвой Сергей нервничал и приводил себя в порядок, даже часто пудрился.

Душевно распрощались мы со своими попутчиками, и в знак дружеского внимания Ольга Третьякова преподнесла нам несколько своих фото в различных ролях с искренними душевными надписями».

Болдовкин-2003, 90–91.

Фотографии О.Третьяковой с инскриптами Есенину неизвестны.

Май, после 26. В московском издательстве «Современная Россия» выходит книга Есенина «Персидские мотивы» с посвящением: «С любовью и дружбою Петру Ивановичу Чагину».

О границе события см.: 26 мая 1925.

Содержание. Персидские мотивы: 1. «Улеглась моя былая рана...»; 2. «Я спросил сегодня у менялы...»; 3. «Шаганэ ты моя, Шаганэ!...»; 4. «Ты сказала, что Саади...»; 5. «Никогда я не был на Босфоре...»; 6. «Свет шафранный вечернего края...» <«Свет вечерний шафранного края...»>; 7. «Воздух прозрачный и синий...»; 8. «Золото — текучее луны...» <«Золото холодное луны...»>; 9. «Голубая родина Фирдуси...»; 10. «В Хороссане есть такие двери...»

Мой путь: Мой путь.

Рябиновый костер: «Отговорила роща золотая...»; Сукин сын; «Этой грусти теперь не рассыпать...»; «Низкий дом с голубыми ставнями...»

В оглавлении не указано название раздела «Рябиновый костер».

Тираж книги — 5000 экз., из них 100 нумерованных (не встречаются: Юсов- 94, 53).

См. Приложение.

См. также: после 2 марта 1925, вторая запись; 22 апр. 1925, первая запись; до 26 мая 1925; 26 мая 1925; 29 мая ... 6 июня, или 10 июня ... 9 июля, или 16 ... 25 июля 1925; конец июня — 7 (?) июля 1925, первая запись; 1 ... 22 июля 1925; 3 (?) июля 1925; 4 июля 1925, вторая запись; 20 июля 1925, первая запись; до 24 июля 1925, первая запись; 31 июля 1925, вторая запись; после 6 сент. 1925, первая запись; 24 сент. 1925, четвертая запись; 17 нояб. 1925, вторая и третья записи; 20 нояб. 1925; 21 нояб. 1925, первая запись; нояб. (?) 1925, четвертая запись.

Май, 28. Есенин прибывает в Москву.

Есенин, VI, 707.

Из воспоминаний В.Ф.Наседкина:

«Есенин опять в Москве. Он похудел еще больше и был совершенно безголосый. Да и во всём остальном он уже не походил на прежнего Есенина. Одетый скромно, он смахивал на человека, только что выбежавшего из драки, словно был побит, помят».

Материалы, 219.

После короткого пребывания на квартире Г.А.Бениславской Есенин в сопровождении В.И.Болдовкина посещает редакцию журнала «Красная новь», навещает Вс.В.Иванова на его квартире, приходит во Всероссийский союз писателей, где встречается с И.М.Касаткиным и С.А.Клычковым.

Вечером в гостинице «Националь» у М.М.Лашевича Есенин читает стихи в присутствии В.И.Болдовкина, А.К.Воронского, В.П.Правдухина, Л.Н.Сейфуллиной и др.

События устанавливаются по воспоминаниям В.И.Болдовкина:

«Приветливо встретили нас дома в маленькой комнате Галя <Г.А.Бениславская> и сестра Сергея Катя. Сколько рассказов, сколько смеха!

Сергей не мог сидеть и через час он меня уже знакомил в редакции “Красная новь” с товарищами Воронским, Василием Казиным. Восхищался поэмой Казина “Лисья шуба и любовь”. Нанесли визит Всеволоду Иванову. <...> В тот же день в Союзе он меня познакомил с Иваном Касаткиным и Клычковым, приехавшим из деревни Тверской губернии <...>. Вечером в гостинице “Националь” встретились у тов. Лашевича; были там Воронский, К.Каганерова, Правдухин, Сейфуллина и еще несколько товарищей.

Сергей читал свои последние стихи, “Анну Снегину”. <...> Поздно вечером мы тогда вернулись домой».

Болдовкин-2003, 91.

Возможно, некоторые из этих событий состоялись уже на следующий день, 29 мая.

Май, после 28. Есенин делает дарственную надпись неустановленному лицу на книге «Стихи (1920–24)»:

«Семке! / С великой / нежностью / С. Есенин / 1925».

Есенин, VII (1), 280, 492.

Граница события определяется в соответствии с датой возвращения Есенина в Москву (см.: 28 мая 1925, первая запись) с учетом времени выхода второго тиража (издания) его книги «Стихи (1920–24)» (см.: до 12 апр. 1925, третья запись),

Достоверных сведений о том, кому была подарена книга, не имеется: «Автор хроники <В.Г. Белоусов — Хроника, 2, 179> указал адресатом С. Борисова (?) <...>; публикаторы надписи в РЛ (А.П. Ломан и В.Ф. Земсков) считают адресатом С.А. Полоцкого...» (Н.Г. Юсов — Есенин, VII (1), 492).

См. также: до 12 апр. 1925, третья запись; 14 мая 1925, вторая запись; 21 ... 30 мая 1925; 4 июня 1925; 25 июня 1925, третья запись; 2 июля 1925, вторая запись; 2 (?) июля 1925; 11 сент. 1925, первая запись; 16 ... 23 сент. 1925; 18 окт. 1925, первая запись; окт. (?) 1925, вторая запись; первая половина дек. 1925, четвертая запись.

Май, 29. Есенин встречается с московскими друзьями.

В.И. Болдовкин напишет:

«На другой день <после 28 мая> опять друзья: Сахаров, Наседкин и Анна Берзина <Берзинь> — она большой друг Сергея. Встретил я у него и бакинского поэта Костю Мурана. С Анной Берзиной мы очень подружились, она расспрашивала меня о жизни Сергея в Баку. <...> Сергей любил ходить к Берзиной на самый высокий этаж в Гнездиновском переулке. Часто мы играли в этом доме на бильярде, а потом поднимались к Анне».

Болдовкин-2003, 91.

Из воспоминаний Р.Э. Корнблум (вдовы В.М. Киршона):

«Анна Берзинь (литературный псевдоним — Ферапонт Ложкин) была женщина широкой души, самобытная, талантливая. Участница гражданской войны, вдова знаменитого Берзиня, мать троих детей, она всю жизнь оставалась юной. Дом Аннушки, как мы ее называли, был пристанищем многих молодых писателей. Какое-то время я жила у Аннушки. Сергей Есенин появлялся там всегда неожиданно. Мать и отец Анны Абрамовны были ему рады, кормили обедом, после чего все трое — Есенин и «старики» — усаживались на маленьких скамеечках и изумительно пели в три голоса старинные русские песни. Был он в обращении прост и на редкость обаятелен».

Корн Р. Воспоминания. М.: Правда, 1982, с. 12–13.

Говорит с С.А. Толстой по телефону.

Событие устанавливается по ее календарной записи того же дня:

«Зв<онил> С<ергей> Е<сенин>».

Календарь ГМТ. В опубликованном тексте этой записи — искажение: «Ночевал Сергей Есенин» (НН, 1995, № 34, с. 61; курсив наш. — Сост.)

Позже (когда именно, неизвестно) С.А. Толстая сделает на этом же листке календаря карандашную приписку:

«Есенин вернулся с Кавказа».

НН, 1995, № 34, с. 61.

Май, 29 ... Июнь, 6. Есенина посещают Н.С. Ашукин, С. Борисов и П.С. Сухотин, которые становятся свидетелями инцидента на квартире Г.А. Бениславской, инициированного поэтом, а также других последовавших за этим эпизодов.

Событие устанавливается по дневниковой записи Н.С.Ашукина (см. ниже), а его границы — с учетом ее содержания: по возвращении из Баку Есенин жил в доме «Правды» лишь до отъезда в Константиново (см.: 7 июня 1925).

Н.С.Ашукин записывает (15 июня 1925):

«Большой перерыв в записях <дата предыдущей — 23 мая>. Записываю очень бегло. В последних числах мая вернулся в Москву с Кавказа Есенин. Совершенно случайно я попал к нему вместе с С.Борисовым. Есенин остановился в доме “Правды” в Брюсовском переулке “у одной из своих жен”, как выразился Борисов. Вместе с нами пришел Сухотин. Сначала всё шло мирно и весело. Вина было мало, но Есенин был уже “сильно на взводе”. Он прочитал новые стихи. В разговоре со мной хорошо отзывался о моих стихах и сказал: “Ты очень робкий, а я вот нахал...” Рассказывал много о пьянстве Блока. Потом в цилиндре плясал вместе с сестрами русскую. Истериически обиделся на жену (Бениславскую), которая будто бы спрятала бутылку вина. Лихо сквернословил. Разбил всю посуду, сдернул со стола скатерть и ушел из дому со всей компанией. Я с Есениным был впервые и решил в этот раз испытать всё до конца. Пошли. Стучались в дверь кабак “Эльдорадо” на Тверском бульваре <д. 28>; кто-то из компании хвастался, что “его там знают и пустят”. Однако не пустили. Было 4 часа утра. Взяли извозчиков, поехали в чайную на Тверскую-Ямскую. Еще рано: чайная закрыта. Стали ждать открытия. Около толпятся торговцы пирогами, яблоками и из-под полы водкой. Есенин купил бутылку водки и пирогов. Пили, сидя в пролетке. Стаканчик был предоставлен торговцем. К открытию чайной собиралась “Москва кабацкая”. Какие-то личности обнимали и целовали Есенина. С нами в пролетку сел какой-то тип в синей блузе, называл он себя рабочим. Есенин, в упор посмотрев на него, объявил, что он сыщик. Тип мгновенно исчез, может быть от смущения, а не потому, что Есенин отгадал, кто он. Открытия чайной мы не дождались. Есенин с приятелем поехал на извозчике, а я решил идти пешком. Иду по Тверской. Вероятно, Есенин на извозчике куда-то заезжал, может быть, в другую чайную, так как я прошел половину Тверской, когда увидел его. Я окликнул Есенина. Извозчик остановился. Есенин заливался слезами. Мы обнялись и простились. Первая мысль, которая мелькнула у меня после этой несурзной, непутевой ночи: — как тяжело добыты Есениным его кабацкие стихи, какая горькая у него жизнь!»

НЛО, 1998, № 33, с. 248–249.

Май, 29 ... Июнь, 6 (?). Есенин готовит библиографический список своих авторских сборников:

Радуница	1916	СПб	изд.	Аверьянова
»	1918	Мск	изд.	МТАХС
»		»	»	»
[1920] »	1920	Мск	»	Злак
Голубень	1918	»	»	Скифы
»	»	»	»	МТАХС
Исус Младенец	»	СПб	»	Сегодня
Сельский часослов	»	Мск	»	МТАХС
Ключи Марии	»	»	»	»
Преображение »	»	»	»	»

»	1920	»	»	Имажинисты
Трерядница	»	»	»	»
»	»	»	»	Злак
Исповедь хулигана	»	»	»	Имажинисты
Пугачов	1921	»	»	»
»	»	СПб	»	Сахарова
»	1922	Берлин	»	Книга
Триптих	1920	Берлин	»	Скифы
Инония	»	»	»	»
Избранное	1921	Мск	»	Гиз
Москва кабацкая	1923	[СПб.]		
		Лен.	»	Ленинград
Стихи	1924	Мск	»	Круг
Березовый ситец	»	»	»	Гиз
Песнь о вел<иком> походе	»	»	»	Гиз
Русь Советская	»	»	»	Бакраб
Страна советская	»	»	»	Тифлис
Сборник стихов	1922	Берлин	»	Гржебин
Стихи скандалиста	1923	»	»	Благов
О Рос<сии> и Револ<юции>	1924	Мск	»	Совр<еменная> Россия
Перс<идские> мотивы	1925	»	»	»

Есенин, VII (2), 161–162 (с уточнениями).

Рамки события определяются по времени выпуска книги «Персидские мотивы», завершающей перечень (см.: после 26 мая 1925), дня возвращения Есенина в Москву (см.: 28 мая 1925, первая запись). Также принято во внимание мнение Ю.Б.Юшкина: «В автобиблиографии не значится еще одна книга Есенина 1925-го года — “Избран<ные стихи>”, выпущен<ная> в библиотечке журнала “Огонек”. Поскольку <она> вышл<а> из печати до 14 июня 1925 г. <см. ниже>, это дает основание заключить, что Есенин составлял комментируемую автобиблиографию еще до выпуска этой книги, т. е. в конце мая — начале июня 1925 г.» (Есенин, VII (2), 165).

«В первой колонке перечня указываются названия авторских сборников, во второй — годы их выпуска, в третьей — места издания, в четвертой — названия издательств.

В данной автобиблиографии в ряде случаев указано подлинное время выхода в свет некоторых книг, не совпадающее с их выходными данными.

В частности, это справедливо для отдельных изданий драматической поэмы “Пугачев”. У всех этих трех изданий на титульных листах указан 1922 год. Однако в есенинском перечне два из них (московское и петроградское) отнесены к 1921 году. И действительно, московское издание “Пугачева” вышло в дек. 1921 г., что подтверждается авторской датировкой дарственных надписей на экземплярах этой книги. <...>

Оказались верными имеющиеся в авторском перечне указания на время выпуска некоторых его книг в издательстве “Московская Трудовая Артель Художников Слова” (МТАХС). А то, что Есенин учел в нем два издания “Радуницы”, вышедшие в этом издательстве в 1918 г., помогло, в конце концов, выявить и “загадочное” третье ее издание. <...>

В своем списке Есенин упоминает неизвестное ныне берлинское издание книги "Инония" (1920). К тому же четырьмя годами ранее в рекламном перечне "Книги Есенина", напечатанном в Т₂₁, он обозначил — как вышедшие — книги "Inonion" (нем. яз., Berlin, 1921) и "Inonion" (франц. яз., Paris, 1921). Выход в свет всех этих книг до сих пор не подтвержден.

Не лишено основания предположение, что в данной автобиблиографии под "Инонией" подразумевается коллективный сб. "Россия и Инония" (Берлин: Скифы, 1920), куда, кроме поэм Есенина "Товарищ" и "Инония", вошли поэма А.Белого "Христос Воскрес" и статья Иванова-Разумника "Россия и Инония". <...>

Вопрос об отдельном либо отдельных изданиях "Инонии" остается пока непроясненным.

Отсутствие в есенинском списке переиздания кн. "Исус младенец" (Чита: Скифы, 1921) объясняется, скорее всего, тем, что поэт не знал о выходе его в свет. <...>

В последней колонке списка не все названия издательств, выпускавших книги поэта, обозначены точно. Так, P₂₀ вышла не в издательстве "Злак", а в издательстве "Имажинисты", а Г₁₈ — не в издательстве "Скифы", а в его преемнике — издательстве "Революционный социализм". Петроградское издание "Пугачева" действительно было выпущено радением А.М.Сахарова, но под издательской маркой "Эльзе-вир"; берлинское же издание этого произведения появилось не в издательстве "Книга", а в "Русском универсальном издательстве". Книга М. каб. была действительно выпущена в Ленинграде, но каким издательством, в ней не отмечено (на самом деле это было ленинградское отделение Госиздата; помощь в этом была оказана И.И.Ионовым, по понятным причинам не давшим разрешения на использование на этой книге государственной издательской марки). Под Бакрабом (позиция "Русь советская") здесь подразумевается не сама газета "Бакинский рабочий", а издательство при ней. Книга Стр. сов. была выпущена тифлиским акционерным издательским обществом "Советский Кавказ".

Ю.Б.Юшкин — Есенин, VII (2), 162–163, 164–166.

Май, 29 ... Июнь, 6, или Июнь, 10 ... Июль, 9, или Июль, 16 ... 25.
Есенин надписывает свою книгу «Персидские мотивы» В.И.Вольпину:
«Милому Вольпину, люблю, люблю. С. Е.».

Есенин, VII (1), 287.

Рамки этого и следующего событий определяются ориентировочно с учетом даты возвращения Есенина в Москву (см.: 28 мая 1925, первая запись) и сроков его пребывания в столице летом 1925 г.

См. также: после 2 марта 1925, вторая запись; 22 апреля 1925, первая запись; до 26 мая 1925; 26 мая 1925; после 26 мая 1925; конец июня — 7 (?) июля 1925, первая запись; 1 ... 22 июля 1925; 3 (?) июля 1925; 4 июля 1925, вторая запись; 20 июля 1925, первая запись; до 24 июля 1925, первая запись; 31 июля 1925, вторая запись; после 6 сент. 1925, первая запись; 24 сент. 1925, четвертая запись; 17 нояб. 1925, вторая и третья записи; 20 нояб. 1925; 21 нояб. 1925, первая запись; нояб. (?) 1925, четвертая запись.

У Есенина возникает замысел романа (не реализован).

И.В.Грузинов позже вспомнит:

«По возвращении с Кавказа Есенин сообщал о романе, который он будто бы начал писать. Но, по-видимому, это было только предположением. К прозе он не вернулся. Намерение его осталось невыполненным».

Восп.-95, 259.

Май, 30. Есенин встречается с С.А.Толстой.

Устанавливается по ее календарной записи того же дня:

«Встр<стила> С<ергея> Е<сенина>».

НН, 1995, № 34, с. 61.

Ю.Н.Либединский вспомнит:

«Едва ли не с начала моего знакомства с Есениным шли разговоры о том, что он женится на Софье Андреевне Толстой, внучке писателя Льва Толстого. Сергей и сам заговаривал об этом, но по своей манере придавал этому разговору шуточный характер, вслух прикидывая: каково это будет, если он женится на внучке Льва Толстого! Но что-то очень серьезное чувствовалось за этими как будто бы шуточными речами. <...>

В облике этой девушки, в округлости ее лица и пронизательно-умном взгляде небольших, очень толстовских глаз, в медлительных манерах сказывалась кровь Льва Николаевича. В ее немногословных речах чувствовался ум, образованность, а когда она взглядывала на Сергея, нежная забота светилась в ее серых глазах. Она, видно, чувствовала себя внучкой Софьи Андреевны Толстой. Нетрудно догадаться, что в ее столь явной любви к Сергею присутствовало благородное намерение стать помощницей, другом и опорой писателя».

Восп., 2, 152.

Ср. с воспоминаниями Н.Н.Никитина:

«Любовь Софьи Андреевны к Есенину была нелегкой. Вообще это его последнее сближение было иным, чем его более ранние связи, включая и его роман с Айседорой Дункан. Однажды он сказал мне:

— Сейчас с Соней другое. Совсем не то, что прежде, когда повесничал и хулиганил...

— Но что другое?..

Он махнул рукой, промолчал.

С.А.Толстая была истинная внучка своего деда. Даже обликом своим поразительно напоминала Льва Николаевича. Она была человеком широким, вдумчивым, серьезным, иногда противоречивым, умела пошутить, всегда с толстовской меткостью и остротой разбиралась в людях».

Восп., 2, 128.

Май, 30 или **31**. Есенин с приятелями, в т. ч. с В.И.Болдовкиным и П.С.Сухотиным, приходит в театр им. Мейерхольда на спектакль по пьесе Н.Р.Эрдмана «Мандат».

Они покидают театр до окончания спектакля.

Событие устанавливается по воспоминаниям В.И.Болдовкина (см. ниже).

Его датировка определяется с учетом следующих обстоятельств. С 26 по 31 мая «Мандат» шел в театре ежевечерне. Однако 29 мая спектакль давался исключительно для членов Общества друзей воздушного флота («Вечерняя Москва», 1925, 26 мая, № 118), поэтому в тот вечер Есенин и его друзья вряд ли могли посетить театр.

В.И.Болдовкин вспомнит:

«В один из вечеров направились большой компанией в театр имени Мейерхольда. Приветливо нас всех встретил Всеволод Мейерхольд, усадил всех во второй ряд. Шел «Мандат». Старушка молится перед патефоном, пластинка накручивает какое-то богослужение. Сергей заспорил с Павлом Сухотиным, что за псалом. Один говорит: от Марка, другой — от Луки. Публика в зале возмущается. Пришлось уйти».

Болдовкин-2003, 91.

О посещении Есениным этого спектакля вспомнит и Ю.Н.Либединский:

«Иногда на Сергея находила какая-то детская, прямо ребячья веселость и дурашливость. Как-то я ближе к вечеру зашел к нему.

— Вот и хорошо, — сказал он весело. — Пойдешь с нами вместе к Мейерхольду смотреть «Мандат». Ты видел?

«Мандата» я еще не видел. Сергей наряжался перед зеркалом, примерял цилиндр и, похохатывая, рассказывал мне вкратце о том, что, видимо, больше всего интересовало его в «Мандате».

— Деревенскую девку нарядили, понимаешь, парицей, посадили в сундук, наша обывательская белогвардейщина вся с ума сошла, все ей кланяются, — царская дочь Анастасия вернулась на царствование в Москву!.. — весело говорил он.

Не знаю, прочел ли он “Мандат”, или уже видел его, или ему рассказывали о спектакле. Сёстры тоже собирались, младшая, серьезная Шура, всё пыталась урезонить брата, которому, видно, как-то особенно хорошо было в этот летний городской вечер.

Мы шли по людной Тверской. “Есенин! Есенин!” — кричали кругом. Хохот, веселые аплодисменты... Уже на Садовой-Триумфальной Сергей повернулся, сорвал с моей головы летнего образца красноармейский шлем и надел на меня свой цилиндр. В военной гимнастерке и цилиндре я выглядел забавно, в этом было что-то карнавальное. Мне тоже стало весело, и так приятно было слушать, как Шура Есенина о чем-то рассуждает, стараясь казаться совсем взрослой.

Когда мы пришли в театр, первое действие уже шло, нас спешно рассаживали. Спектакль был тоже весь озорной и веселый. Вертелась граммофонная пластинка, церковные псалмы звучали из жерла старомодного граммофона, одурелая старуха крестилась на граммофон и била земные поклоны.

— С этим мандатом, маменька, я всю Россию переарестую! — кричал худенький подросток Гулячкин, которого играл Эраст Гарин, и публика смеялась, не чувствуя всего зловещего смысла гулячкинской угрозы.

В антракте Катя Есенина подошла к нам и сказала озабоченно:

— Сергей пропал куда-то!»

Восп., 2, 145–146.

Май, 31. Журнал «Город и деревня» (№ 9/10; раздел «Критика и библиография») помещает обзор В. Некрасова «По литературным организациям» с упоминанием Есенина.

Характеризуя творчество И. Доронина, автор отмечает:

«Лучшие места его стихов идут от Есенина и нередко от Кольцова».

Нью-йоркская газета «Русский голос» (№ 3484; воскресное приложение) печатает материалы Есенина и о Есенине:

— стихотворение Есенина «Метель».

Об исходной публикации см.: 4 янв. 1925, третья запись.

О других перепечатках см.: до 20 янв. 1925, третья запись; 1 ... 7 мая 1925;

— информацию «Из жизни литературы в СССР. Среди писателей»:

«С. Есенин принял на себя заведование литературно-художественным отделом газеты “Заря Востока” в Тифлисе».

Ср.: 24 марта 1925, первая запись; 22 апр. 1925, третья запись.

Май, конец. Знакомясь с книгой А. Блока «Стихи (1898–1921)» (Л.; М.: Петроград, 1925) с предисловием Л. Д. Блок, Есенин критикует издание за публикацию стихов, которые сам автор печатать не хотел.

Событие устанавливается по памятной записи Г. А. Бениславской об этом сборнике А. Блока, который, скорее всего, был в личной библиотеке Есенина (в настоящее время местонахождение книги неизвестно). Указанное ею время события («весной») уточняется с учетом срока выпуска блоковской книги в свет (см. анонимную информацию «Неизданные стихи А. Блока» в «Красной газете»: 1925, 26 мая, веч. вып., № 127) и даты возвращения Есенина из Баку в Москву (см.: 28 мая 1925, первая запись).

Листок с этой памятной записью (25 сент. 1926) сохранился в архиве А. Г. Назаровой:

«А.Блок “Стихи (1898–1921 гг.)”

С. А. читал весной 1925 г., был возмущен женой Блока, что она по недомыслию или “деньги ей, что ли, нужны, вытаскивает грязное белье Блока, публикует неудачные, им самим отброшенные стихи”.

“Кому это нужно!?” — говорил он».

Шубникова-Гусева-2008, 353–354.

В Госиздате РСФСР выходит книга «Писатели-современники: Пособие для лабораторных занятий в школе и для самообразования» (под ред. В.Голубкова; М.—Л., 1925) с отдельным разделом «Сергей Есенин».

Время события устанавливается по объявлению о продаже книги (см.: 1 июня 1925, третья запись). В раздел «Сергей Есенин» входят:

— его произведения: автобиография 1922 г., отрывок из поэмы «Пантократор» (ст. 49–68), «Гой ты, Русь моя родная...», «О край дождей и непогоды...», «За темной прядью перелесиц...», отрывок из «Сорокоуста» (ст. 39–60), «Всё живое особой метой...»; «Я последний поэт деревни...» (с посвящением А.Мариенгофу);

— библиография книг Есенина;

— библиография книг и статей о поэте:

«В.Львов-Рогачевский. “Имажинизм и его образноносцы” (М., 1921. стр. 1–68).

В.Сиповский. “Поэзия народа”. (П., 1928 <так!>. стр. 103–123).

С.Григорьев. “Пророки и предтечи последнего завета. Имажинисты” (М., 1921).

Иванов-Разумник. “Три богатыря (В.Гиппиус; Н.Клюев, С. Есенин)” (“Летоп. дома литерат.”, 1923 г. № 3).

П.С.Коган. “С. Есенин” (“Красная Новь”, 1922, кн. III, стр. 254–259).

Или: П.С.Коган. “Литература этих лет”. (Книгоиздат. т-во “Основа”, Иваново-Вознесенск, 1924. Гл. VIII, стр. 118–125).

А.Воронский. “Литературные силуэты”. “С. Есенин”. (“Красная Новь”, 1924, кн. I, стр. 271–289).

Л.Троцкий. “Литература и революция”. (Изд-во “Красная Новь”, Главполитпросвет, М., 1923, статья: “С.Есенин”, стр. 48–50).

В.Львов-Рогачевский. — “Поэзия новой России” “Поэты полей и городских окраин” (“Кн-ство Писателей”, М., 1919, стр. 53–59).

В.Львов-Рогачевский. “Новейшая русская литература”. Гл. XII: “Новокрестьянский поэт-символист” Сергей Есенин, стр. 255–264 (М., 1923).

Ангарский, Н. “Заметки о поэзии и поэтах” (“Творчество”, 1919, I–III, стр. 22–27, IV–V, стр. 34–38).

Л.М.Клейнборт. “Поэты-пролетарии о войне” (“Современный Мир”, 1916, кн. III, стр. 101–118).

Ф. Р. “С. Есенин: Преображенье”. Стихи. (Изд. Моск. Труд. Арт. Художн. Слова “Горн”, 1919, кн. II и IV).

Н.Тарабукин. — “Есенин: Избранное” (Государственное Издательство, М., 1922. “Горн”, 1923, кн. VIII);

— отрывок из статьи А.К.Воронского «Литературные силуэты» (из журнала «Красная новь», 1924, № 1), посвященный Есенину;

— «Темы для школьной проработки»:

1) *Русь смиренная и Русь бунтарская в творчестве С.Есенина.* (С.Есенин: “Гой ты, Русь моя родная”, “Край ты мой заброшенный...”, “Край любимый...”, “Черная, потом

пропахшая выть...”, “Топи да болота...”, “Запели тесаные дроги...”, “Русь”, “За темной прядью перелесиц...”, “В том краю, где желтая крапива...”, “О, край дождей и непогоды...”, “Дождик мокрыми метлами чистит...”, “Всё живое особой метой...”. Поэмы: “Марфа Посадница”, “Пугачев” и “Пантократор”. Статьи: В. Львов-Рогачевский: гл. XII из книги: “Новейшая русская литература” и П. Коган: гл. VIII из книги: “Литература этих лет”).

2) *Отношение крестьянского поэта к городской культуре.* (С. Есенин: “Я последний поэт деревни...”, “Видели ли вы...”).

3) *“Пушкинское” в творчестве С. Есенина.* Сравните у Пушкина: “Подруга дней моих суровых”, “Вновь я посетил” и Лицейские годовщины, а у Есенина — “Письмо матери” (“Кр. Новь”; 1924, кн. III), “На Родине” (“Кр. Новь”, 1924, кн. IV) и “Русь Советская” (“Кр. Новь”, 1924, кн. V).

Из раздела «Темы общего характера»:

*«б. Мы — ржаные, толоконные,
пестрядинные, запечные,
вы — чугунные, бетонные,
электрические, млечные.*

Н. Клюев.

(Клюев, Есенин, Орешин — Гастев, Кириллов, Герасимов).

7. *Крестьянские поэты о городе и заводе* (Клюев, Есенин, Орешин). <...>

19. *Сравнить описание природы в лирике крестьянских поэтов и в лирике поэтов-интеллигентов и выявить особый “бытовой” характер метафор Клюева, Есенина, Орешина* (Н. Клюев: “Осинник гулче”, “Оттепель — баба-хозяйка”, “Сегодня в лесу именины”, “Уже хоронится от слезки”, “Просинь — море, туча — кит”, “Зима изгрызла бок у стога”, “Октябрь — петух медянозобый”, “Черны проталины”; С. Есенин: “Тихо в чаще”, “За темной прядью перелесиц”, “Не бродить, не мять”, “О красном вечере задумалась дорога”, “О, край дождей и непогоды”, “Нивы сжаты” и др.; П. Орешин: “Вечер”, “На заре”, “На хуторе”, “Ночь”, “Сентябрь”, “Журавли” и др.

20. *Поэтический словарь у крестьянских и пролетарских поэтов* (Клюев, Есенин, Орешин — Гастев, Герасимов, Казин)».

Заполдалую информацию о выходе книги см.: 12 сент. 1925, пятая запись.

Май, конец — Июнь, начало. Есенин продолжает встречи с друзьями, знакомит с ними В. И. Болдовкина.

Последний в своих воспоминаниях отметит:

«Мы у Георгия Якулова. Граммофон наигрывает модные в то время фокстроты, Сергей танцует — с кем? С фокстерьером Якулова! <...>

Дни шли. <...> Мы на Малой Дмитровке у какой-то поэтессы. Муран в восторге от ее стихов, Сергей сдержанно улыбается. На его лице чувствуется скука».

Болдовкин-2003, 91.

Студия художника Г. Б. Якулова находилась по адресу: Б. Садовая, 10, кв. 38.

См. также: 29 июня 1925, первая запись.

Май, конец — Июнь, до 16. Издательство «Новая Москва» выпускает книгу И. С. Ежова и Е. И. Шамурина «Русская поэзия XX века: Антология русской лирики от символизма до наших дней» с произведениями Есенина и материалами о нем.

Кн. летопись, 1925, № 11, июнь, поз. 8520.

В антологию входят:

— произведения поэта:

«Я последний поэт деревни...»; «О Русь, взмахни крылами...»; «Душа грустит о небесах...»; «Пойду в скуфейке, светлый иннок...» <«Пойду в скуфье смиренным иноком...»>; «Не бродить, не мять в кустах багряных...»; «Дождик мокрыми метлами чистит...» <«Хулиган»>; «Всё живое особой метой...»; «Я обманывать себя не стану...»; «Волчья гибель» <«Мир таинственный, мир мой древний...»>; «Пускай ты выпита другим...»; «Не жалею, не зову, не плачу...»; «То не тучи бродят за овином...»; «О красном вечере задумалась дорога...»; «За темной прядью перелесиц...»; «Запели тесаные дроги...»; «Корова»; «Зеленая прическа...»; «Пахнет рыхлыми драчёнами...» <«В хате»>; «Тихо в чаше можжевеля по обрыву...» <«Осень»>; «Сохнет стаявшая глина...»; «Заглушила засуха засевок...»; «Песнь о хлебе»; «Товарищ»; «На родине» <«Возвращение на родину»>;

— биобиблиографическая справка:

Сергей Александрович Есенин — род. 21 сентября (ст. ст.) 1895 г. в Козьминой <так!> волости Рязанского у. и губ., в бедной крестьянской семье. С 2-х лет по бедности отца был отдан на воспитание к зажиточному деду, с тремя взрослыми неженатыми сыновьями которого и провел детство. Был большим озорником, драчуном и коноводом среди мальчишек. Был отдан в закрытую церковно-приходскую школу, которую и кончил 16 лет, думали его определить в Московский Учительский Институт, но этого не случилось. Писать стихи начал с 9 лет, но сознательное творчество поэт относит к 16–17 годам. 18 лет прибыл в Петербург, где сблизился с Клюевым. За годы войны и революции исколесил всю Россию. Отдельные издания: 1) Радуница. Изд. Аверьянова. П. 1916. 2) То же. 2-е изд. Моск. Труд. Артели Художников Слова. М. 1918. 3) То же. Изд. то же. М. 1919. 4) То же. Изд. «Имажинисты». М. 1921. 5) Голубень, Изд. «Скифы». П. 1918. 6) То же. Изд. Моск. Тр. А. Х. С. М., 1920. 7) Исус Младенец. Изд. «Сегодня». П. 1918. 8) То же. Изд. «Скифы». 1921. 9) Сельский часослов. Изд. М. Т. А. Худ. Сл. М. 1918. 10) Преображение. Изд. то же. М. 1918. 11) То же. Изд. «Имажинисты». М. 1921. 12) Трерядница. Изд. «Злак». М. 1920. 13) То же. Изд. «Имажинисты». М. 1921. 14) Исповедь хулигана. 1921. (Место изд. и изд-во не обозначены). 15) Триптих. Издание «Скифы». Берлин. 1921. 16) Пугачев. Изд. «Имажинисты». М. 1922. 17) То же. Изд. «Эльзевир». Пг. 1922. 18) То же. Изд. «Русск. Универсальн. Изд-во». Берлин. 1922. 19) Избранное. Гос. Изд-во. М. 1922. 20) Москва кабацкая. Лнг. 1924. 21) Стихи (1920–24). Изд. «Круг». М.-Лнг. (1924)».

Немало места уделено Есенину в открывающих антологию статьях:

— В.Полянского «Социальные корни русской поэзии от символистов до наших дней»:

«Представители имажинизма — Шершеневич, Мариенгоф, Кусиков и другие. Одно время примыкал к ним Есенин. <...>

Родоначальником крестьянской поэзии можно считать Кольцова, но крестьянская поэзия как определенное литературное явление начала складываться только перед империалистической войной, когда на сцену выступили Клюев, Есенин. Они зачинатели. <...>

Есенин отразил настроения крестьянской молодежи в предреволюционные дни и последующие годы революции. В нем много озорства, хулиганства. Этим он гордится. Это не случайность и не только индивидуальность поэта. Империалистическая война в корне подорвала и расшатала хозяйство нашей деревни. Крестьянская молодежь, очутившись перед разрушенным хозяйством и не зная, как подойти к его восстановлению и вообще

к укреплению своей жизни, пошла по линии озорства как проявления отрицания создавшегося положения. В нем, однако, много романтики. Пройдя через годы скитаний и идейных блужданий, поэт заговорил о новой деревне и Ленине. Может быть, прежняя энергия, вылившаяся в озорство, найдет новое приложение»;

— И.С. Ежова «Революционная русская поэзия XX века»:

«Во втором десятилетии нашего века сразу появляется целая плеяда крестьянских поэтов, — Клюев, Орешин, Клычков, Есенин, — которые вместе с кольцовской завказской вносят свежую струю в общее русло русской поэзии. В новокрестьянской поэзии находят свое отражение как зажиточные слои крестьянства, — Клюев, отчасти Радимов, — так и его низы, деревенская беднота, — Орешин, частью Есенин, Праскунин, Фомин, Ширяевец, Артамонов и др. Но, несмотря на свои различные социальные корни, новокрестьянская поэзия в целом есть поэзия общественного слоя, начинающего в лице своих передовых представителей *сознавать* свою силу и значение. Эта поэзия растет вместе с ростом революционного движения и в период Октябрьской революции расширяется в мощный поток, впитывающий в себя всё новые и новые имена. <...>

Есенин в первый период своего творчества, когда он пропел “Сельский часослов” революции и еще находился под сильным влиянием Клюева, вполне разделял его мысли о “солнценосах”. На своего “отчаря”, мужика, Есенин в то время смотрел как на “чудотворца”, который “несказанен и мудр” и обладает “отвагой” и “гордым духом”, у него —

...горит на плечах
Необъемлемый шар.

И когда он вслед за Вл. Соловьёвым повторяет в стихах старую славянофильскую идею “ex oriente lux” <с Востока свет. — лат.>, то оказывается, что —

В мужичьих яслях
Родилось пламя
К миру всего мира.

Впоследствии, как увидим ниже, Есенин потерял веру в “чудотворную” силу мужика, столкнувшись с городом и почуввав свою мужицкую природу в положении травленного волка. <...>

Есенин в вопросах программы нового строительства нисколько не отличается ни от Клюева, ни от Орешина и других поэтов-крестьян. Если он и проклинает Китеж и Радонеж, то его утопическая Инония, при всей превыспренности и грандиозности картины ее рождения, сводится к тому же “мужицкому раю”, о котором мечтают крестьянские поэты. Но всё же Есенин обнаружил большую чуткость к действительным, а не утопическим новшествам деревни. После восьмилетнего отсутствия посетив родину, Есенин поражен теми переменами, которые произошли там: новая общественная жизнь, новый молодец — “комсомол”, — “жизнь кипит”, а поэт чувствует свою отчужденность. — “Моя поэзия здесь больше не нужна. Да и, пожалуй, сам я тоже здесь не нужен”, — признаётся он. И тем не менее приемлет всё и приветствует новое поколение, строящее новую деревню. <...>

Трагедия обреченности деревни ярко разработана у Есенина, который в этом сходится с Верхарном.

Я последний поэт деревни...—

говорит Есенин. <...> Та же мысль выражается в стихотворении “Волчья гибель”. Есенин, в сущности, уже похоронил деревню и справляет по ней свой поэтический сорокоуст в поэме такого же названия и в целом ряде других, не менее сильных стихотворений <следует цитата из “Сорокоуста”>. В противоположность Клюеву Есенин не питает никаких иллюзий о возрождении чего-то вроде “града Китежа” или “финифтяного рая”. <...> И тем не менее, как сын деревни, с болью и яростью встречает он свою “волчью гибель”. <...>

Есенин некоторое время причислял себя к имажинизму. Но это мало отразилось на его поэзии, если не считать его озорных выступлений в стиле Марленгофа:

Хорошо, когда сумерки дразнятся
И всыпают вам в толстые задницы
Окровавленный веник зари <...>.

В последней фазе творчества Есенина (“На родине”, “Земля Советская” <так!> и др.) довольно заметна пушкинская струя с ее чеканной ясностью и простотой.
См. Приложение.

Издательство «Круг» выпускает в Ленинграде книгу А.К.Воронского «Литературные типы» с очерком «Сергей Есенин» и статьями «На разные темы» и «О “Перевале” и перевальцах», где идет речь о поэте.

Кн. летопись, 1925, № 11, июнь, поз. 7728.

Цикл статей, собранных в книге под шмуцтитолом «Литературные типы», открывается очерком «Владимир Маяковский». Вслед за ним идет очерк о Есенине. В нем автор объединил два своих текста разного времени, несколько их отредактировав, — статью «Сергей Есенин» из журнала «Красная новь» (1924, № 1, рубрика «Литературные силуэты»; см.: до 16 — до 29 февр. 1924, первая запись) и вторую часть статьи «Литературные заметки» («Прожектор», 1925, № 5; см.: 15 марта 1925, вторая запись).

В частности, перед прежним текстом из «Прожектора» в книге следует:

«После “Москвы кабацкой” Есенин написал новые циклы стихов. Они уже вышли отдельными изданиями и несомненно содействовали популярности поэта».

О статьях «На разные темы» и «О “Перевале” и перевальцах» см.: 24 февр. 1925 и 28 февр. 1925, первая запись (соответственно).

См. также: 24 июня 1925, третья запись; 19 июля 1925, первая запись, 16 ... 23 сент. 1925.

Май. Журнал «Комсомолия» (№ 2; за май) печатает стихотворение Б.К.Ковынева «Сергею Есенину» со строками:

...мне слушать лень,
Когда поет Сергей Есенин
О смерти русских деревень.
Клянусь, Сергей, и верю глухо:
Мужик из белорусских мхов
Не зачерпнет и краем уха
Твоих напудренных стихов.

Журнал «Советское искусство» (№ 2; за май; раздел «Литература») публикует статью Г. Лелевича «Среди “попутнической” беллетристики», где заходит речь о Есенине.

Положительно оценивая такие произведения, как «Виринея» Л. Сейфуллиной, «Барсуки» Л. Леонова, «Города и годы» К. Фелина и др., критик резюмирует:

«Развенчание интеллигентского индивидуализма и партизанской романтики, рационалистическое приближение к усвоению движущих сил революции, тяга к широким полотнам, — вот новые благие черты лучшей части попутчиков. Характерно, что такой же процесс наметился за последнее время и среди части “попутнических” поэтов (Вера Инбер, Есенин и др.). Всё это естественно сопровождается повышением общественной и художественной значимости творчества. С удовольствием отмечая появление ряда значительных произведений “попутнической” беллетристики, следует пожелать, чтобы в дальнейшем лучшая часть попутчиков скорее и полнее изжила последние остатки мелкобуржуазности».

Пражский журнал «Воля России» (№ V; за май; раздел «Книжный указатель») отмечает публикацию стихотворения М. Дудорова «Сергею Есенину» в рижском журнале «Наш огонек» (№ 17 за 1925 г.).

Этот номер «Нашего огонька» не выявлен.

См. также: конец апр. 1925.

Поэт Л. Опалов (Д. Подоксик), живущий в Нью-Йорке, пишет стихотворение «Сергею Есенину»:

О, милый, голубой Есенин,
 Мне близок хруст твоих овсяных строк.
 И глаз ржаных расцвет весенний
 И майски разноцветное перо.
 Ты вновь блаженствуешь в отчизне,
 Деревни сизохатной славный сын,
 Вершитель новых форм, новизны,
 Поклонник тонконеба бирюзы.
 Ты пишешь, что подчас невнятен
 Тебе С.С.С.Р., весенне-новый быт,
 Что и в деревне изменились хаты
 И многими бесцветно ты забыт.
 Но смел я — этому не верю,
 Уж слишком гениален ты, Сергей,
 Тебе от солнца стебель славы вверен
 И маковое имя повсеместно реет.
 И я, как все в гигант — Нью-Йорке,
 Зачитываюсь творчеством твоим,
 Поэт, не как Есенин зоркий,
 Но девушками многими любимый.
 И пусть пенснэ в певучем взоре,
 Соломенная шляпа на главе,
 Как ты от майноржи <? так!> в восторге,
 Я девке босой шлю земной привет.
 Да, я забыл еще поведать,
 Что в Риге онемчуренной я рос,
 Там в Ригах опьянялся звонкостью сонета
 И розовой усладой девьих кос.
 Кончаю краткое посланье,
 Мой незнакомый светлоокый друг,
 Полям России и полянам кланяйся,
 Овсян птичье-пенья звуком.

О публикации стихотворения, где указано время его создания, см.: 7 июня 1925, третья запись.

Май (?). Выходит журнал «Молодая гвардия» (№ 4; за апрель) с рецензией Н.Н. Фатова на второе издание «Книги для чтения по истории новейшей литературы. Рабоче-крестьянское творчество за 30 лет» (сост. В.Л. Львов-Рогачевский; Л., 1925), где заходит речь о Есенине.

Время события устанавливается ориентировочно с учетом сроков выпуска предыд. (№ 2/3) и след. (№ 5) номеров журнала. О границах их выхода в свет см. информацию в рубрике «Новые книги» газ. «Правда» (1925, 24 апр., № 82 и 17 июня, № 135, соответственно).

Автор пишет:

«Также бедно представлен Есенин — нет ни характерных ранних стихов из “Радуницы”, ни наиболее ярких вещей последних лет, от Москвы кабацкой до последних стихотворений. <...>

Ценным в книге В.Л.Львова-Рогачевского являются лишь некоторые приведенные впервые или перепечатанные из малодоступных источников документы, напр<имер>, автобиографии Свирского, Есенина, Орешина, Ширяевца.

См.: 19 янв. 1925, первая запись; 5 мая 1925, четвертая запись; 25 мая ... 2 июня 1925; до 2 июня 1925; окт. (?) 1925, вторая запись.

Орловский журнал «Новый путь» (№ V; подпись: «Отев») публикует рецензию на сборник Бориса Леонова «Русь. Поэма в стихах» (Орел, 1921), где говорится о Есенине:

«Молодая поэма, идеологически если не чуждая рабочему, то по крайней мере невыдержанная. Три влияния сплелись в ней: мистичный Блок, степной Есенин и молитвенный Клюев. Леонова в ней нет, да и трудно требовать от начинающего поэта самобытности. Образы стары: вековечная тройка с бубенцами, конечно, ямщик, гармошка, блоковский пес — только на выселках, а не на столичной панели. Всё же вообще — безнадежная символика Революции».

Июнь, 1. С.А.Толстая записывает в календаре:

«К Есенину».

НН, 1995, № 34, с. 61.

На начальной странице публикации «Анны Снегиной» в журнале «Красная новь» (№ 4) Есенин делает дарственную надпись С.А.Толстой и читает ей свою поэму.

Надпись гласит:

«Милой Соне / С. Есенин / 1 июня 25 / Москва».

Есенин, VII (1), 261, 488.

См. Приложение.

С.А.Толстая-Есенина расскажет, как Есенин, радостный, пришел к ней с четвертым номером журнала “Красная новь”, еще пахнувшим типографской краской, и прочитал всю поэму:

«Я сидела не шелохнувшись. Как он читал! А когда кончил, передавая журнал, сказал, улыбаясь: “Это тебе за твоё терпение и за то, что хорошо слушала”».

Цит. по: Прокушев Ю. Они знали Есенина. Из встреч с современниками поэта. — Сб. «День поэзии 1975», М.: Сов. писатель, 1975, с. 188–189.

О публикациях текста поэмы и откликов на нее см. также: 20 марта 1925, вторая запись; 1 мая 1925, пятая и шестая записи; 3 мая 1925; 21 ... 30 мая 1925; 1 июня 1925, третья запись; до 17 июня 1925; 18 июня 1925, третья запись; 20 июня ... 3 июля 1925; 21 и 23 июня 1925; 28 июня 1925, вторая запись; 30 июня 1925, девятая запись; 1 июля 1925, пятая запись; 8 июля 1925; 12 июля 1925, четвертая запись; 19 июля 1925, четвертая и пятая записи; 22 июля 1925, четвертая запись; 26 июля 1925, восьмая и девятая записи; до 20 сент. 1925; 30 сент. ... 12 окт. 1925; 12 окт. 1925, вторая запись; 15 дек. 1925, третья запись.

Выходит «Бюллетень торгового и периодического секторов Государственного издательства» (№ 8), в материалах которого упоминается Есенин:

— в разделе «Новые издания: Поступили в продажу с 10 по 25 мая 1925 г.»:

«Есенин Сергей. Березовый ситец. [М. 1925] стр. 104. Ц<ена> 1 р.».

См.: 1 апр. 1925, третья запись; 15 апр. 1925; 1 мая 1925, восьмая запись; 15 мая 1925, пятая запись; 21 ... 30 мая 1925; 22 мая 1925, первая запись; 1 ... 15 июня 1925; 5 июня 1925, первая и вторая записи; 10 июня 1925; 11 июня 1925; 12 июня 1925, первая—третья и пятая записи; с 12 на 13 июня 1925, вторая запись; до 15 июня 1925, вторая запись; 20 июня 1925, первая запись; 27 июня 1925, первая запись; 30 июня 1925, восьмая запись; 2 июля 1925, первая запись; до 7 июля 1925; 14 июля 1925, вторая запись; 26 июля 1925, седьмая запись; 31 июля 1925, вторая запись; 2 авг. 1925, третья запись; 11 авг. 1925, вторая запись; 1 сент. 1925, третья запись; 10 ... 24 сент. 1925; 18 окт. 1925, первая запись; окт. (?) 1925, первая запись;

— в объявлении:

«Продолжается прием подписки на журнал «Красная Новь» на 1925 г.

Вышла из печати «Красная Новь», книга четвертая.

Содержание: Сергей Есенин. Анна Снегина — поэма;

О публикациях текста поэмы и откликов на нее см. также: 20 марта 1925, вторая запись; 1 мая 1925, пятая и шестая записи; 3 мая 1925; 21 ... 30 мая 1925; 1 июня 1925, вторая запись; до 17 июня 1925; 18 июня 1925, третья запись; 20 июня ... 3 июля 1925; 21 и 23 июня 1925; 28 июня 1925, вторая запись; 30 июня 1925, девятая запись; 1 июля 1925, пятая запись; 8 июля 1925; 12 июля 1925, четвертая запись; 19 июля 1925, четвертая и пятая записи; 22 июля 1925, четвертая запись; 26 июля 1925, восьмая и девятая записи; до 20 сент. 1925; 30 сент. ... 12 окт. 1925; 12 окт. 1925, вторая запись; 15 дек. 1925, третья запись.

— в информации:

«Писатели-современники. Пособие для лабораторных занятий в школе для самообразования.

Под редакцией В.Голубкова.

Из предисловия: предлагаемый сборник имеет целью помочь преподавателю в школьной проработке современных писателей. В сборник вошли беллетристы: Л.Сейфуллина, В.Иванов, Б.Пильняк <...> и поэты: Н.Клюев, П.Орешин, С.Есенин, Демьян Бедный, В.Маяковский, В.Александровский, М.Герасимов, В.Казин, В.Кириллов, С.Обрадович, А.Гастев и А.Безыменский. Материал по каждому из указанных писателей распределен по четырем отделам: 1) Биография или автобиография писателя. 2) Произведения. 3) Критика. 4) Темы для школьной проработки писателя. Стр. 232. Ц<ена> 1 р. 50 к.

Продажа производится в Торговом Секторе — Москва и Ленинград, в Московских и Ленинградских магазинах, в Провинциальных Отделениях».

Эта же информация будет опубликована 1 июля (№ 10/11) и 15 авг. (№ 13) 1925.

Июнь, 1 (?) ... 6 (?). Есенин приходит на квартиру В.Э.Мейерхольда (Новинский бульвар, д. 9, кв. 45) к детям вместе с Г.А.Бениславской.

Событие устанавливается по воспоминаниям Т.С.Есениной (см. ниже). При определении его приблизительных границ принято во внимание, что разрыв отношений Есенина с Г.А.Бениславской произошел в 10-х числах июня 1925 г. после их совместной поездки в Константиново (см.: 7–9 июня 1925; 10 или 11 июня 1925).

Из воспоминаний Т.С.Есениной (1991):

«Лишь один раз я увидела отца не тихим и не грустным. Он был разговорчив, чуть насмешлив, почти весел. Это было днем... <...> Отец пришел не один, с ним была Галина Артуровна Бениславская.

Я то и дело поглядывала на Галию — такое необыкновенное лицо. Сросшиеся на переносице брови — как два тонких крыла. С годами этот облик вспоминался мне всё более загадочным и значительным. Я рано узнала о ее самоотверженной безнадежной любви, о бесплодных попытках оградить отца от “друзей”, которые его спаивали. Мама <З.Н.Райх> была немного знакома с Галей, относилась к ней с уважением и сочувствием. <...> Встречающаяся в печати фотография Гали кажется мне совсем непохожей. Других я не видела.

Мы с отцом сидели и разговаривали, а Галия всё время стояла у окна, прислонившись к подоконнику, тонкая, с гладкой прической, бледная, серьезная, строгая. Изредка вставляла в разговор одно-два слова.

Было это в начале лета 1925 года, мне уже исполнилось семь лет. Отец попросил меня почитать вслух, убедившись, что я свободно читаю, завел разговор о произношении слов, спрашивал, не слышу ли я, что между согласными буквами часто пробегает короткий звук, никакой буквой не обозначенный. А я была спорщицей и твердила, что этого не может быть — если нет буквы, значит, нет и звука».

Есенина Т. Дом на Новинском бульваре. — Журн. «Согласие», 1991, № 4, с. 168–169.

В другом месте дочь поэта отметит:

«В 1925 году отец много работал, не раз болел и часто покидал Москву. Кажется, он был у нас всего два раза <см.: 31 окт. 1925, первая запись>».

Восп., 2, 272.

См. также: Летопись, 4, 21–23.

Июнь, 1 ... 6, или 19 ... 21. Есенин фотографируется с сестрой Екатериной на Пречистенском бульваре.

Есенин, VII (3), [193] (№ 100), 263–265.

Возможное время события устанавливается с учетом того, что до 22 июня 1925 г. Е.А.Есенина находилась в столице только в эти дни. Выехав вечером 6 июня вместе с братом (см. об этом: Болдовкин-2003, 92) в Константиново на свадьбу своего родственника, она затем осталась в родном селе, вернувшись в Москву не позднее 18 июня (см.: 17 или 18 июня 1925). Снимок же, о котором идет речь, был получен от фотографа до 22 июня, поскольку в этот день Есенин подарил его В.Ф.Наседкину (см.: 22 июня 1925, вторая запись).

Об истории съемки напишет С.С.Виноградская:

«Однажды он <Есенин> с утра отправился с сестрой <Екатериной> в город погулять. Они бродили по улицам, останавливаясь у всех ларьков и лукошек, дурачились. На Пречистенском бульваре он увидел у ребенка маленькую гармонь. Мимо гармони он, дело ясное, не мог пройти равнодушно. И через минуту Есенин уже стоял с сестрой перед фотографом, задрал голову, припоптывая ногой и наигрывая на детской гармошке».

Как жил Есенин, 23.

Более подробно расскажет об этом снимке Е.А.Есенина:

«Ведь еще никто, кроме меня, не сможет пояснить, почему на фотографии поэт в таком добром настроении. В этот летний погожий день дела у Сергея Александровича складывались удачно. Перед выходом на улицу брат настоял, чтобы я надела легкое демисезонное пальто, несмотря на летнюю погоду. Он заметил мое простудное недомогание.

На этот раз в издательстве Сергей задержался недолго. По его состоянию было видно, что в издательстве встреча закончилась удачно. По пути домой на Пречистенском бульваре стояла будка для срочного фото. Когда мы поравнялись с ней, фотограф, узнав Есенина, предложил ему сфотографироваться вместе со мной. Тут же, с любопытством глядя на нас, появилось несколько прохожих мальчишек. Есенину захотелось, чтобы и они вошли в этот кадр. Но фотограф убедил его, что такой групповой снимок нарушает композицию. Ребятишки в момент съемки стояли около фотографа. Их лица озарились улыбками, когда поэт на всю ширь развернул маленькую гармошку.

Вот и состоялся душевно-сердечный диалог, запечатленный на этой фотографии».

Цит. по: Астахов В. Есенин и дети. — В сб. «На родине Есенина (Вести Государственного музея-заповедника С.А.Есенина)», Рязань, 1997, № 2, май, с. 6 (приложение к газ. «Приокская новь»).

См. Приложение.

Июнь, 1(?)–6, или Июнь, 10 – Июль, 9, или Июль, 16–24. В ресторане «Дома Герцена» (Тверской бульв., 25), участвуя в общей беседе, Есенин высказывается о том, кого можно считать настоящим поэтом.

Время этого и трех следующих событий, помещенных под обозначенной датировкой, указывается ориентировочно с учетом сроков пребывания Есенина в Москве летом 1925 г.

Данное событие устанавливается по воспоминаниям В.Сольского, который в 1963 г. напишет:

«...кажется, в “Доме Герцена” кто-то в ресторане заговорил о группе “Долой стыд”, члены которой раздевались догола и пытались разгуливать в таком виде по главным улицам Москвы с плакатами, на которых красовался этот лозунг. Происходило это в первые месяцы после революции, борцы против стыда не пользовались большим успехом, их избивала на улицах публика, и им обыкновенно приходилось спасаться бегством.

— Какие дураки, — сказал Есенин. — Не понимают, что гораздо легче раздеться внешне, чем внутренне. Пальтишко и штаны всякий снимет, никакого геройства тут не требуется. А ты вот душу свою голую покажи, если тебе не стыдно, тогда ты будешь настоящим поэтом, иначе нет. Но вот дело в том, что всем стыдно, и историческое время тоже неподходящее.

— Вопрос не в историческом времени, — возразил один из его собеседников. — Для внутреннего раздевания оно никогда не было подходящим и никогда не будет, потому что это противоречит человеческой натуре.

— Противоречит? — закричал Есенин. — Значит — поэзия противоречит. А вот мне не противоречит, слышишь ты? А впрочем, не знаю. Не знаю, зачем всё это и зачем живу. Может, и не надо жить.

Этот разговор происходил летом 1925 года, за несколько месяцев до смерти Есенина».

Сольский В. «Снимание покровов»: Воспоминания о советской литературе и Коммунистической партии в 1920-е годы / Под ред. А.В.Квакина. М.: Нестор, 2005, с. 28–29.

Есенин пишет Н.К. Вержбицкому (текст неизвестен), приложив к письму журнальную вырезку портрета Ли Пу со своей стихотворной надписью.

Из воспоминаний Н.К.Вержбицкого:

«...летом 1925 года я получил от Есенина из Москвы письмо с портретом Ли Пу (вырезка из какого-то английского журнала) — охмелевший поэт бредет куда-то, сопровождаемый юношей и девушкой. Он добродушен, счастлив и спокоен.

На портрете была надпись:

“Дорогому другу Коле Вержбицкому на память о Белом духане.

Жизнь такую,
Как Ли Пу, я
Не сменял бы
На другую
Никакую!

Сергей Есенин”».

Восп., 2, 217–218.

См. также: до 9 авг. 1925.

Встречается с М.Д.Ройзманом в Доме Печати.

Вскоре после смерти Есенина М.Д.Ройзман вспомнит:

«Отойдя в сторону, я минут пятнадцать беседовал с ним. И что больше всего меня поразило, — его глаза. Они всегда у него во время разговора расцветали; теперь же были тусклые, но по-прежнему внимательно глядевшие на собеседника».

Памяти Есенина, 124.

Выезжает в Люберцы в гости к П.В.Чихачёву и, скорее всего, в тот же день возвращается в Москву.

П.В.Чихачёв в 1925 г. был студентом Высшего литературно-художественного института имени В.Я.Брюсова.

«Летом 1925 года, — вспомнит он через сорок лет, — мы с Есениным ехали в поезд в Люберцы, где я жил вместе с матерью, бывшей литейщицей Люберецкого завода сельхозмашин. От тяжелой работы и безрадостной жизни у нее к сорока годам отнялись ноги. <...> Увидев мою мать впервые, он расцеловал ее, а потом, когда мы пошли гулять в городской сад, он говорил мне:

— Почему ты не отправишь маму в хорошую больницу? Не можешь устроить? Хочешь, я тебе помогу?».

Чихачёв П. Живой Есенин: Из личных воспоминаний. — Газ. «Новороссийский рабочий», 1965, 3 окт., № 195.

Через некоторое время Есенин сообщит П.В.Чихачёву:

«Договорился с профессором Кожевниковым, который лечил В.И.Ленина. Вези маму в больницу имени Семашко (Щипок, 8). Сергей».

Публикуя записку Есенина (ее оригинал неизвестен), мемуарист пояснил:

«Как-то секретарь московского месткома писателей Иван Михайлович Новокшонов передал мне коротенькую записку. В ней было написано <следует текст>. Проникнутый благодарностью, я в тот же день поместил мать в больницу, где ее встретили с большим почетом и уважением».

Чихачёв П. Московские встречи. — Журн. «Дон», Ростов-на-Дону, 1958, № 3, с. 161–162.

См. также: Есенин, VI, 216, 708–709.

Июнь, 1 ... 15. В Российскую Центральную книжную палату поступает книга Есенина «Березовый ситец», выпущенная Государственным издательством РСФСР.

Кн. летопись, 1925, № 11, июнь, поз. 8521.

См. также: 1 апр. 1925, третья запись; 15 апр. 1925; 1 мая 1925, восьмая запись; 15 мая 1925, пятая запись; 21 ... 30 мая 1925; 22 мая 1925, первая запись; 1 июня 1925, третья запись; 5 июня 1925, первая и вторая записи; 10 июня 1925; 11 июня 1925; 12 июня 1925, первая–третья и пятая записи; с 12 на 13 июня 1925, вторая запись; до 15 июня 1925, вторая запись; 20 июня 1925, первая запись; 27 июня 1925, первая запись; 30 июня 1925, восьмая запись; 2 июля 1925, первая запись; до 7 июля 1925; 14 июля 1925, вторая запись; 26 июля 1925, седьмая запись; 31 июля 1925, вторая запись; 2 авг. 1925, третья запись; 11 авг. 1925, вторая запись; 1 сент. 1925, третья запись; 10 ... 24 сент. 1925; 18 окт. 1925, первая запись; окт. (?) 1925, первая запись.

Июнь, до 2. В Ленинграде выходит журнал «Звезда» (№ 2) с материалами, в которых заходит речь о Есенине.

Граница события определяется по обзору номера (автор — В.Друзин), опубликованному «Красной газетой» (1925, 2 июня, № 134, веч. вып.).

Журнал публикует:

— рецензию за подписью Г. С. на второе издание «Книга для чтения по истории новейшей русской литературы. Рабоче-крестьянское творчество за 30 лет» (сост. В.Львов-Рогачевский; Л., 1925):

«<Составитель> запустил свою длань в произведения приблизительно сотни авторов. А затем по принципу: хватай, что можешь, и удирай, — вылавливал первое попавшееся стихотворение, подвернувшийся случайно отрывок из повести и рассказа, и нанизывал на страницы своего сборника. <...> Распределение материала также происходило по неизъяснимым законам составителя. Попутчики обещаны Л-зьвовым>-Р-огачевским» в II том хрестоматии. Однако некоторые из них попали сюда, т. к. составитель причислил, например, Есенина к «рабоче-крестьянской литературе»».

См.: 19 янв. 1925, первая запись; 5 мая 1925, четвертая запись; 25 мая ... 2 июня 1925; май (?) 1925; окт. (?) 1925, вторая запись.

— рецензию В. Друзина на № 1 и 2 журнала «Красная новь»:

«“Красная новь” — оплот разнокалиберных и разномастных попутчиков, “Красная новь” — солидный, академический журнал, хранящий добрые старые традиции, — встречает 1925 год в облике новом, для себя непривычном.

Пролетлитераторы определяют собой лицо самого толстого журнала “Советской России” <...>

В стихотворном отделе — мимо мертвечины Веры Инбер и “чижолых” философских раздумий Мих. Голодного — скорее к Маяковскому и Есенину. <...>

“Персидские мотивы” С.Есенина — органическое продолжение его “Любви хулигана”...»

Июнь, 2. Есенин делает дарственную надпись З.В.Гейман на своей книге «Москва кабацкая»:

«Зинаиде Вениаминовне с любовью и дружбой. С.Есенин. 2/VI 25 Москва».

Есенин, VII (1), 262, 488.

О сб. «Москва кабацкая» см.: до 19 июля 1924; 4 янв. 1925, первая запись; 16 февр. 1925, первая запись; февр. 1925, первая запись; 14 марта 1925, вторая запись; 24 марта 1925, вторая запись; 26 апр. ... 5 мая 1925; не позднее июня 1925; 2 (?) июля 1925.

Есенин и В.Ф.Наседкин навещают С.А.Толстую.

Событие устанавливается по ее календарной записи в тот день:

«Серг<ей> Е<сенин> и Наседкин».

Календарь ГМТ (публикуется впервые).

Июнь, 2 (?). Есенин дарит З.В.Гейман свою книгу «О России и революции» с надписью:

«Зинаиде Вениаминовне / с дружбой / С. Есенин».

Есенин, VII (1), 289, 495.

Время события отмечается ориентировочно с учетом датировки другой надписи Есенина З.В.Гейман (см.: 2 июня 1925, первая запись).

См. также: 11–12 дек. 1924; до 20 янв. 1925, четвертая запись; конец апр. ... до 4 мая 1925; 1 ... 15 мая 1925; 4 мая 1925, вторая запись; 31 июля 1925, вторая запись; 1 сент. 1925, третья запись.

Июнь, до 3 или 3. К Есенину приезжают из Константинова его двоюродные братья, приглашают поэта и его друзей на свадьбу одного из них, Александра.

Уезжают через два дня, получив согласие Есенина приехать в деревню на свадьбу к Троицыну дню (7 июня).

В.И.Болдовкин вспомнит:

«Незадолго до Троицына дня <7 июня> из деревни Константиново, родины Сергея, приехали его двоюродные братья. Приехали звать на свадьбу. Двоюродный брат (кажется, Юрий <на самом деле Александр>) женился.

— Приезжайте все, чем больше людей, тем лучше. Лошадей вам вышлем на станцию, штук пять троек, быстро докатите к нам.

Два дня шли уговоры, и только после согласия Сергея братья уехали домой. Шли приготовления и в Москве».

Болдовкин-2003, 92.

Июнь, 4. Казанский журнал «Причал» (№ 7) перепечатывает стихотворение Есенина «Письмо матери» под заголовком «Письмо к матери».

Возможный источник перепечатки — сборник «Стихи (1920–24)», дополнительная часть тиража которого вышла несколькими месяцами ранее (см.: до 12 апр. 1925, третья запись).

См. Приложение.

Июнь, 4 и 6. Рязанская газета «Рабочий клич» (№ 124 и 126) анонсирует новый журнал «Рычаг», упоминая Есенина в числе его предполагаемых участников.

Речь идет о двухнедельном общественно-политическом, художественно-литературном рабочем журнале — приложении к провинциальным газетам (об этом сообщается на 3-й странице обложки его первого номера от 1 июня 1925 г.). Выходил в издательстве Государственного Института Журналистики (Москва, Тверская, 35).

В «Рычаге» Есенин не печатался.

Июнь, 5. Газета «Правда» (№ 126; рубрика «Новые книги») извещает о поступлении в редакцию сборника Есенина «Березовый ситец».

См.: 1 апр. 1925, третья запись; 15 апр. 1925; 1 мая 1925, восьмая запись; 15 мая 1925, пятая запись; 21 ... 30 мая 1925; 22 мая 1925, первая запись; 1 июня 1925, третья запись; 1 ... 15 июня 1925; 5 июня 1925, вторая запись; 10 июня 1925; 11 июня 1925; 12 июня 1925, первая–третья и пятая записи; с 12 на 13 июня 1925, вторая запись; до 15 июня 1925, вторая запись; 20 июня 1925, первая запись; 27 июня 1925, первая запись; 30 июня 1925, восьмая запись; 2 июля 1925, первая запись; до 7 июля 1925; 14 июля 1925, вторая запись; 26 июля 1925, седьмая запись; 31 июля 1925, вторая запись; 2 авг. 1925, третья запись; 11 авг. 1925, вторая запись; 1 сент. 1925, третья запись; 10 ... 24 сент. 1925; 18 окт. 1925, первая запись; окт. (?) 1925, первая запись.

Вечерний выпуск ленинградской «Красной газеты» (№ 137; раздел «Литературные новинки») также информирует о выходе в свет этого сборника:

«Вышел в свет сборник стихов Сергея Есенина — “Березовый ситец”. Он содержит стихи, объединенные заголовками “Радуница”, “Голубень”, “Преображение”, “Трерядница”, “Мреть” и поэмы “Русь” и “Пантократор”».

См. также предыд. запись.

Саратовская газета «Известия» (№ 126; подпись: «М. Бр.») помещает материал «“Вчера” и “сегодня” поэта А.Ярославского: Диспут на тему “Октябрь в литературе”», в котором говорится о Есенине:

«А.Ярославский — “московский поэт”. В Саратове на гастролях.

По городу расклеены афиши. Тема — серьезная, заманчивая. Но уже редакция тезисов, напечатанных на тех же афишах, свидетельствовала больше об игривости, чем о серьезности. “Поэзия, — значилось в этих тезисах, — девушка с прошлым”. “Хвост Европы и русский перец. Ода и мода. От Хераскова до Пушкина. Здравствуй, Александр Сергеевич!” <...>

Далее следовала литературно-декламационная программа: тоже “московская поэтесса” Евгения Маркон по-ученически прочитала “12” Александра Блока, “Товарищ” Есенина <...>».

Сведения о дате проведения диспута не выявлены.

Июнь, до 6. Выходит журнал «Россия» (№ 5) с упоминанием Есенина в информации о подписке на это издание:

«В ближайшее время журнал может рассчитывать на сотрудничество следующих лиц: <...> Сергей Есенин».

Граница события определяется по объявлению в газ. «Известия ЦИК СССР и ВЦИК Советов» (1925, 6 июня, № 127): «Требуйте во всех книжных магазинах № 5 “России”».

В этом журнале Есенин не публиковался.

Июнь, 6. Есенин встречается с С.А.Толстой и А.М.Сухотиным.

Событие устанавливается по календарной записи С.А.Толстой, сделанной в тот же день:

«Утр<ом> — С. Ес<енин> и Аля».

НН, 1995, № 34, с. 61; там же (с. 60) пояснение Т.Г.Никифоровой: «Аля — Алексей Михайлович Сухотин, младший брат С.М.Сухотина».

Нью-йоркская газета «Русский голос» (№ 3490) печатает анонимный материал «126 годовщина», в котором упоминается Есенин:

«126 годовщина со дня рождения Пушкина.

И по-прежнему горит “бессмертное солнце его мудрости”.

Более того: еще никогда за всё существование современной русской литературы не сказывалось с такой силой влияние Пушкина.

О Пушкинской силе мечтает громокипящий Маяковский.

На чеканный язык Пушкина и его “посланий” сбивается Есенин в его последних дошедших до нас стихотворениях.

Пушкинская ясность.

Пушкинская простота.

Пушкинское чувство меры.

Вот три цели, которые с яркостью морских маяков горят перед молодыми поэтами.

Заканчивается эпоха всевозможных “измов”: обанкротились имажинизм, футуризм и пр. <...>

По-прежнему Пушкин на недостижимой высоте.

Наш первый и последний учитель.

И Пушкинский памятник в Москве в эти годы перелома приобретает особенную значительность...

И у подножья его видны лица новых паломников — вчерашних поэтов-бунтарей».

Июнь, до 7 или 7. Есенин готовится к поездке в Константиново. Встречается с В.Т.Кирилловым, говорит с ним о Н.А.Клюеве.

События устанавливаются по воспоминаниям В.Т.Кириллова:

«Однажды в пассаже ГУМа встречаю Есенина, с ним поэт В.Наседкин. Куда-то торопятся, почти бегут.

— Не знаешь ли, где здесь продают “русскую горькую”? Еду к себе в деревню на свадьбу <см. след. запись>.

Я указал им магазин. Есенин схватил меня под руку.

— Проводи нас. Да, кстати, не поедешь ли ты с нами в деревню? Поедем, будет весело, на станции нас встретят с лошадьми и гармошками. Погуляем!

Я отказался. Тогда он неожиданно переменял разговор:

— Ты знаешь, то, что я говорил о Клюеве, — неправда. Клюев — мой учитель, и я его очень люблю и ценю... Заходи ко мне, пожалуйста. Нам надо с тобой поговорить, тащи с собой и Михаила Герасимова.

Прощаясь, Есенин сказал:

— Знаешь, я думаю жениться, надоела мне такая жизнь, угла своего не имею».

Восп., 1, 274–275.

Июнь, 7. Есенин вместе с Г.А.Бениславской, Е.А.Есениной и В.Ф.Наседкиным выезжает в Константиново на свадьбу двоюродного брата А.Ф.Ерошина.

Туда же едут В.И.Болдовкин, А.М.Сахаров, И.И.Старцев, К.М.Муран и другие.

В.Ф.Наседкин вспомнит (1926):

«На Троицын день (кажется, 7 июня) Есенин поехал к себе на родину в село Константиново. Поехал он на свадьбу, приглашенный еще в Москве женихом — его двоюродным братом. Вместе с Есениным и за ним следом из Москвы приехало восемь человек гостей, в числе которых оказалась особа из постоянных ресторанных посетительниц, под пьяную руку прихваченная С-вым <Сахаровым> и Ст-вым <Старцевым>».

В семье родной, 260.

Из воспоминаний В.И.Болдовкина:

«... в одно июньское утро Сергей мне сказал, что сегодня едем в Константиново.

— Увидишь моего деда, Вася, которому я прислал из Батума письмо. Занятный старик.

... Часов в девять утра <...> мы сидим на Сретенке в пивной, вход с угла, с какого-то переулка. Это место сборов. <...> Пиво, сушки, раки. Девушка Лёля, как все ее называли, с улыбочкой подает поднос за подносом. <...> Василий Наседкин, “организатор масс”, берет на себя обязанность достать билеты. Поезд отходит с Казанского вокзала, он уезжает и наказывает мне, чтобы не опоздали.

Проходит час, кажется, все в сборе. <...>

— Лёля, бросайте своих раков, поедемте с нами на свадьбу, после праздника приедем.

Недолгие уговоры. Девушка снимает белоснежный фартук, надевает косынку, летнее пальто; вызываем несколько такси, и мы отправляемся на вокзал.

Встречаем Наседкина. У него что-то много билетов в руках, он озабочен. Оказывается, поезд товарно-пассажирский. <...>

Второй звонок. Подавая друг другу руки, поднимаемся в вагон. Сергей, Наседкин, Ив. Старцев, Сахаров, Муран, Галя <Г.А.Бениславская>, Лёлочка, Катя, еще несколько человек, фамилии которых просто не помню, гармонист — заполнили вагон; корзины, свертки...

<...> Третий звонок. Перрон пустеет, поезд трогается.

Когда начало вечереть, зажгли в вагоне толстые железнодорожные свечи, и чувствовалось, что перепели уже все песни, а запевать их был большой мастер Василий Наседкин. В этот полумрак, с какой-то горечью и надрывом загремела гармонь, и все подхватили:

Что-то солнышко не светит <...>

Еще с большим надрывом раздавался припев:

Эх, доля-неволя, глухая тоска,
Долина, осина, могила темна.

И лилась эта песня над русскими просторами, а звонкий голос Наседкина вновь и вновь запевал ее, Сергей же с большой задумчивостью вторил ему <...>. Вот и станция Дивово — темная, неприветливая от прошедшего только что большого дождя, грязная и холодная.

Дальнейший путь в Константиново все, приглашенные на свадьбу, перекусив в чайной, продолжили на бричках с бубенцами под непрекращающимся дождем.

После почти трех часов пути в темноте вырисовываются силуэты деревьев, слышится вдалеке собачий лай — это Константиново. У большого дома остановка. Это дом Есениных».

Болдовкин-2003, 92.

Саратовская газета «Известия» (№ 128) помещает статью В.Блинова «На литературные темы», где Есенин упоминается как один из писателей-попутчиков.

Нью-йоркская газета «Русский голос» (№ 3491; воскресное приложение) печатает стихотворение Л.Опалова (Д.Подоксика) «Сергею Есенину».

Под текстом — подпись «Имажинист Леонид Опалов» и помета: «Нью-Йорк. Май 1925».

Текст см.: май 1925, четвертая запись.

Июнь, 7–9. Есенин находится в Константиново.

Гуляет на свадьбе двоюродного брата, выезжает на лошади в окрестности села.

Из воспоминаний И.Г.Атюнина:

«Во время приезда в деревню он всё время пил, буянил и скандалил, бил окна, старался избить мать. Односельчане избегали его в пьяном виде, и вечерами пьяный Сергей ходил один по селу, распевая нецензурные песни. Но нередко были [намек] случаи, когда он искренне горько рыдал, и на вопрос бабки: “Сережа. Зачем ты много пьешь?” — сквозь слезы говорил: “Я, бабушка, веселюсь и пью оттого, что скоро умру, мне доктора сказали, что более 2-х мес<яцев> я не проживу, у меня скоротечная чахотка, как тяжело, милая, в молодые годы расставаться с жизнью!” Или говорил: “ — Я смерти ищу!”. Последнее время его мечтой было выстроить в саду дом и жить со своей семьей в деревне. Мечта не сбылась».

Атюнин И.Г. Сергей Есенин. — ИМЛИ, ф. 32, оп. 3, ед. хр. 4, л. 18.

Г.А.Бениславская вспомнит:

«Вскоре <я> поехала в деревню на свадьбу его двоюродного брата. С. А. пил иступленно и извел всех. Самодурствовал, буянил, измучил окружающих и себя. У меня уже оборвались силы. Я уходила в старую избу хоть немного полежать, но за мной сейчас же прибегали: то С. А. зовет, то с ним сладу нет. Как-то раз утром разбудил меня на рассвете, сам надел Катино платье, чулки и куда-то исчез. Я собиралась спать еще, но его всё нет. Пришлось встать, пойти на поиски. Наконец на свадьбе нашла. С. А. там обнимает всех и плачет: “Умру, умру скоро. От чахотки умру”. И плачет-разливается. Все на него, разинув рот, дивуются: “Сергунь, ты должен быть сильным. Ведь за тебя стыдно, как баба плачешь”. Вскочил плясать, да через минуту опять давай плакать. Потом пошли с гармошкой по деревне. С. А. впереди всех, пляшет (вдруг окреп), а за ним девки, а позади парни с гармонистом. Красив он в этот момент был, как сказочный Пан. Вся его удаль вдруг проснулась. Несмотря на грязь и холод (а он был в Катиных чулках, сандалики спа-

дали с ног, и мать на ходу то один, то другой сандалий подвязывала), ему никак нельзя было устоять на одном месте, хоть на одной ноге, да пляшет.

Потом пошел к попу Клавдию (его товарищ детства) — навещать. Тот лежал, как говорили, при смерти. Пришел, всех перетревожил, всех напугал своим заявлением: “умру, умру”. Наконец увели его оттуда. “Пойдем, пойдем в кашинский сад, я тебе всё покажу”, — и в том же костюме, ряженный, понесся в сад. Перед тем был дождь, было сыкотно и очень холодно, только что немного прояснилось. Вдруг С. А. увидел Оку. “Пойдем купаться”, — и бегом с горы к Оке. Я в отчаянии: ведь у него чахотка. Выкупаться сейчас — это значит конец, наверняка. Вбежали на паром, а с того берега лошадей перевозят. “Поедем на хутор, хочешь, верхом поедем? — спрашивает С. А. — Я тебе всё там покажу”. Что он хотел мне показать в кашинском саду и на хуторе, я до сих пор не знаю. Вероятно, свою молодость. Взяли лошадей. Я пустила галопом; оглядываюсь: С. А. трусит на своей лошади и видно, удовольствие это небольшое. Подождала. “Знаешь, на ней очень больно ехать”. Предложила поймать из табуна другую, но он не сумел поймать. Наконец встретили конюха на оседланной лошади, забрали у него и поехали. Но через пять минут С. А. слезает, чтобы напиться воды, а потом вдруг ложится на землю: ему худо стало, от тряски, очевидно. Попросил, чтобы я сошла с лошади к нему, и лег ко мне на колени головой. Начался дождь, земля совершенно сырая, С. А. почти не одет. Я чувствую, что беда. Начинаю подзадоривать его: “Ну, скис, как баба, вставай и сейчас же садись на лошадь, как не стыдно”. С. А. открывает глаза и вдруг с такой обидой и болью, как будто я новость что сказала: “И ты, и ты ничего не понимаешь. Не надо, не буду на твоих коленях. Вот она, родная, всё поймет”, — и ложится головой на землю, мокрую и холодную. Я отвязываю свою лошадь и во всю мочь мчусь к пастухам: “Слушайте, там Серега Есенин свалился с лошади, с сердцем припадок, давайте телегу, довести его домой”. Хотя бы один шевельнулся. “Да я ж вам заплачу, давайте только телегу”. Начинают двигаться, но нехотят: “А ты деньги сейчас давай, а то, ну, потом не заплотишь”. Поняла, отчего и за что С. А. презирал этих самых крестьян. Почему говорил, что “это всё г... Им только давай деньги, а так они на весь мир плюют”. Обругала их от души “сволочами” и еще как-то. Тогда зашевелились. Обещали сейчас приехать. Поскакала туда, где остался С. А. Подъезжаю — ни его, ни лошади. Мчусь дальше по дороге — едет мой С. А. шажком, ногами побалтывает. “Ты куда?” — “Домой”. — “Да дом-то в другой стороне”. Повернул обратно, и потом уже шагом благополучно добрались до парама.

<...> после бесчисленных диких выходов Е., находившегося все эти дни в невменяемом состоянии (его первый раз в жизни видела таким самодуром, ни с кем и ни с чем в жизни не считающимся), я, Сахаров и Наседкин стали пробирать и отчитывать С. А. Я их раньше уговорила отругать его как следует. Обычно бывало так, что за его спиной возмущались его выходками, а при нем только посмеивались, невольно поощряя его. Я знала, что осуждение тех, кого он считал друзьями, и особенно мужчин, произведет на него большее впечатление, нежели моя проработка. <Мы> ругались за издевательство над стариками, за то, что он всех заставляет жить только своей особой и пр<очее>. С. А., почти протрезвевший, был смущен, стал оправдывать<ся>».

Материалы, 91.

См. также: Болдовкин-2003, 92–95.

В.Ф.Наседкин вспоминает:

«В деревне к Сергею Есенину пришел Александр Федорович (дядя Саша <Титов>). Пришел пьяный. Наслышавшись о “богатстве” своего племянника, он решил позондировать почву насчет займа. Принес ведро крепкого самогону и после первой же чашки приступил к делу:

— Плохо живется, Сережа. Хочу торговлишку открыть.

— Торгуй, что же.

— Торгуй-то торгуй, да вот денег нет.

— Дам. Сколько надо?

— Тышонки две бы хватило.

— Дам! Две тыши? Дам. Приезжай в Москву. У меня в банке десять тысяч».

Материалы, 220.

Об этом же напишет и Г.А.Бениславская:

«Помню, как один из “дядьев” (Александр Федорович, брат матери) обхаживал С. А. в 1925 г. в Константиново. Он его поил и всячески старался угодить ему: пел песни, плясал, в любви объяснялся. И через каждые десять минут вворачивал свою заветную думу: “Сережа, дай ты мне 2000 руб., только 2000, торговлю открою”. И С. А., очевидно, чтобы полюбоваться, как тот будет продолжать ухаживать, убедительно говорил: “Конечно, дам. Сейчас у меня нет, а приезжай в Москву, у меня скоро будет много денег, ну и дам тогда”».

Материалы, 78.

См.: 15 июня 1925, первая и третья записи; 16 июня 1925, вторая, четвертая, шестая и седьмая записи.

«С. А. бесился, что с ним не хотят считаться, и возмущался, что эти люди высшее благо и счастье жизни видят в деньгах.

“Я их знаю, знаю. Только дай и дай. За этим и в Москву ездят. Я для них — дойная корова. Мне не жаль, понимаете, не жаль, но я знаю их — жадные. Туда, как в бездонную бочку, — сколько ни сыпь, всё мало. И все мужики, все такие. Знаете, я не люблю крестьян. Им только деньги нужны. В этом мире им на всё наплевать. Только давай. Вы думаете, я люблю деревню? Мужиков? Я их хорошо знаю — каждый только о своем кармане думает”».

Г.А.Бениславская — Материалы, 77–78.

Июнь, 7 ... 15. В.И.Качалов из Харькова пишет неустановленному адресату о Есенине.

Границы события определяются в соответствии со временем пребывания В.И.Качалова в этом городе летом 1925 г. в составе труппы МХАТ (см. кн.: «Московский художественный театр. Сто лет. Т. 2: Имена и документы», М.: МХТ, 1998, с. 253).

Из письма:

«В Баку возился с Есениным, укрощал его. Его как раз выпустили из больницы ко дню нашего приезда <см.: 15 мая 1925, первая запись>, очень похudevшим, без голоса <далее следует описание эпизода, о котором см.: 18 ... 23 мая 1925>. В общем, он очень милый малый с очень нежной душой. Хулиганство у него напускное, — от молодости, от талантливости, от всякой “игры”».

Цит. по: Агапитова А.В. Летопись жизни и творчества В.И.Качалова. — В кн.: «Ежегодник Московского Художественного театра. 1948 г. Том II / Памяти В.И.Качалова», М.: Искусство, 1951, с. 279.

См.: после 12 ... после 14 или 15 (?) марта 1925; 13 ... 16 или 20 ... 25 (?) марта 1925; 7 апр. 1925, вторая запись; 13 апр. 1925, вторая запись; 15 мая 1925, первая запись; 18 ... 23 (?) мая 1925, первая запись; 20 мая 1925, первая запись; 4–9 или 17–24 июля 1925; 7 сент. ... 18 окт. 1925; 25 нояб. 1925, третья запись.

Июнь, 8. В партийном клубе г. Баку — доклад И.Вардина «Революция и литература», после обсуждения которого он произносит заключительное слово, где заходит речь о Есенине.

Событие устанавливается по информации о мероприятии (газ. «Труд», Баку, 1925, 12 июня, № 129). Выявлено Н.М.Солобай.

Из выступления И.Вардина (там же):

«Товарищ Каспаров говорил относительно Есенина <что именно — неизвестно, так как реплики участников прений не публиковались>. Мы никогда не говорили, что его

считаем своим. Мы взяли Есенина определенного периода. В 1924 году Есенин повернулся в нашу сторону. Он, конечно, не стал большевиком, но он сделал значительный шаг вперед. Раз он повернулся лицом к революции, раз он попал к нам в известный период, он нам брат. Но мы спрашиваем, что дальше будет, куда свернет Есенин? И в последние месяцы мы видим, что Есенин стоит на повороте в определенную сторону, это доказывают его стихи последнего времени. Но мы никогда не давали за него гарантии.

См. также: 18 авг. 1924, вторая запись; 9 янв. 1925, вторая запись.

Парижская газета «Звено» (№ 123; подпись: «К. М.») публикует отзыв К.В.Мочульского о сборнике «Имажинисты» (М., 1925):

«Из инкубаторов “имажинизма” <...> давно улетели Есенин и Куликов. Остались недовылупившиеся цыплята: пишут беспомощно. А помочь им нечем. <...>»

Мариенгоф поет о Пензе толстопатою и Рязани косопузой. Эстетическая тоска по родине. Вроде Есенин и как будто бы Маяковский. “Имажи” здесь приблизительные:

“Что Русь! — (смеялись налегке,
садясь в вагон красноперинный)
“Плевал я в бороду твою!”
А на Монмартре в кабаке
Заказываю
С огурцом ботвинью.

От Шершеневича хорошего и не дожидаться: дальше Есенина ему не пойти, он заблудился в метафорах и сравнивает всё, что друг на друга похоже.

О выходе сборника см.: конец янв. — до 16 февр. 1925, вторая запись.

Об отклике на статью см.: 18 окт. 1925, третья запись.

Июнь, 9. Собираясь возвращаться в Москву, Есенин прощается с Г.А.Бениславской.

Г.А.Бениславская вспомнит (1926):

«Вернулись в избу. С. А. забрался на постель, я около него прилегла, и меня трясушка схватила. Под дождем я насквозь промокла и наволновалась. С. А., как маленький, умоляет меня: “Ну перестань, не надо, перестань же дрожать”. Когда это не помогло, он вдруг завопил матери: “Мать, разотри ее скорей, разотри”. Потом схватился за голову и убежал к печке, чтобы не видеть, продолжая вопить: “Мать, да разотри ж ее скорее, слышишь, она умрет сейчас”. Я забралась на печку, чтобы ему не видно было меня. С. А. и все остальные (Муран, Сахаров, Наседкин) сели закусить перед дорогой. Старики и гости стали опять пробирать С. А. за его дикие выходки. Я с печки еще подбавила: “Купеческого сына или помещика-самодура изображаешь”. С. А. обернулся и замахнулся на меня тарелкой. Но, как всегда, увидев, что я не испугалась, успокоился и запустил только куском хлеба с этой тарелки. Кончили закусывать. Зовет меня ехать. Но я отказалась: я приеду потом. С. А. обиделся, но всё же, уходя и попросившись со всеми, подошел к печке: “Ну иди, дура, поцелую тебя”. Уехали...».

Материалы, 84.

Есенин и В.Ф.Наседкин выезжают в Москву.

В.Ф.Наседкин вспомнит:

«...возвращаясь вдвоем на станцию, я осторожно сказал ему:

— Сергей, ты вел себя ужасно.

Слегка раздражаясь, Есенин стал оправдываться:

— А это не ужасно: приехать в мой дом, к моим сестрам с проституткой? Зачем они привезли ее? Это не оскорбление? Я по-своему протестовал, и только.

Но чуть ли не в этот же день, вспоминая деревню, Есенин оправдывался уже по-другому. Он жаловался на боль от крестьянской косности, невежества и жадности. Деревня ему противна, вот почему он так...

— Это не оправдание. Тебя все ценят и любят как лучшего поэта. Но в жизни этого мало. Пора расти <так!> в себе человека.

Есенин был почти трезв, заговорил торопливо:

— Ты прав, прав... Это хорошо — “расти человека”. Разве вот жениться на С.Т.<олст>ой и зажечь спокойно.

И дорбгой, и в Москве он не раз вспоминал о Т<олст>ой».

Материалы, 220.

Возможно, именно в этот раз возвращению Есенина из Константинова в Москву сопутствует эпизод, о котором позднее вспомнит С.А.Толстая:

«Весной <точнее, в начале лета> 25 г., до нашей женитьбы, когда он ездил в деревню, он vez мне оттуда курицу. Курица до меня не доехала, но сколько было об этом рассказов! Как он ее вез, как она убежала, и как он непременно хотел мне ее подарить».

ГМТ, ф. 48, без шифра.

Июнь, 9 или 10. Есенин возвращается в Москву.

Время события — в соответствии с предыд. записью.

Июнь, 10. Газета «Известия ЦИК СССР и ВЦИК Советов» (№ 129) информирует, что в редакцию поступила для отзыва книга Есенина «Березовый ситец».

См.: 1 апр. 1925, третья запись; 15 апр. 1925; 1 мая 1925, восьмая запись; 15 мая 1925, пятая запись; 21 ... 30 мая 1925; 22 мая 1925, первая запись; 1 июня 1925, третья запись; 1 ... 15 июня 1925; 5 июня 1925, первая и вторая записи; 11 июня 1925; 12 июня 1925, первая–третья и пятая записи; с 12 на 13 июня 1925, вторая запись; до 15 июня 1925, вторая запись; 20 июня 1925, первая запись; 27 июня 1925, первая запись; 30 июня 1925, восьмая запись; 2 июля 1925, первая запись; до 7 июля 1925; 14 июля 1925, вторая запись; 26 июля 1925, седьмая запись; 31 июля 1925, вторая запись; 2 авг. 1925, третья запись; 11 авг. 1925, вторая запись; 1 сент. 1925, третья запись; 10 ... 24 сент. 1925; 18 окт. 1925, первая запись; окт. (?) 1925, первая запись.

Июнь, 10 или 11. Есенин переселяется в комнату В.Ф.Наседкина (Тверской бульвар, д. 7, кв. 18).

Г.А.Бениславская опишет этот эпизод со слов свидетельницы Оли (1926):

«<Есенин и Наседкин> приехали из Константинова какие-то странные, как заговорщики. День или два шушукали<сь>, замолкая при Оле <прислуге>. Донеслись до нее только слова Наседкина: “Значит, надо скорей бежать отсюда”. Ночью С. А. разбудил Олю укладывать его вещи. Получив отказ, сложили сами и утром, в 8 ч., взяли подводу и перевезли всё к Наседкину».

Материалы, 84–85.

Июнь, 10 или 11 — Июнь, 23 или 24. Живет у В.Ф.Наседкина.

Событие устанавливается по воспоминаниям последнего, а его рамки — с учетом записей: 10 или 11 июня 1925; 23 или 24 июня 1925.

В.Ф.Наседкин вспомнит (1927):

«После деревни Есенин несколько дней жил у меня, в комнате у Никитских ворот. Я постарался некоторых из его друзей “отшить”, а близких уговорил о выпивке не заикаться.

Есенин крепился четыре дня. На пятый его кто-то утащил в пивную. Он запил, хотя ненадолго — денег не было.

К нему каждый день заходило по несколько человек. Среди заходивших были пропойцы, которых Есенин не помнил и часто не знал совсем. Они преследовали его по улице и на квартире. И в этом преследовании проявляли поразительную настойчивость».

Материалы, 221.

В один из этих дней происходит встреча Есенина и В.Ф.Наседкина с Р.М.Акульшиным, А.М.Сахаровым и С.А.Клычковым.

Из воспоминаний В.Ф.Наседкина (1927):

«Двенадцать часов дня. У меня в комнате Акульшин и Сахаров. Говорим о Есенине. Он не ночевал у меня.

Дверь тихо открывается, и входит Есенин — усталый, бледный. Он трезв. Поздоровавшись со всеми, садится на диван. Словно извиняясь, спрашивает:

— Поесть не найдется?

— Сейчас будем есть и пить чай.

Разогреваю на примусе котлеты с макаронами. Котлет пять штук. Лишнюю — Есенину.

— Я наелся... Пусть Акульшин съест...

— Акульшин сыт, — говорю я.

— Нет... Давайте тогда разделим поровну.

Котлета разделена на четыре части. Сергей съел свою часть, остальные — не трогали.

— Я не буду больше, пусть Акульшин, он голодный.

Акульшин по привычке постеснялся, но, чтобы не пропадало “добро”, съел.

“Заморив червячка”, Есенин повеселел».

Материалы, 222–223.

Несколько по-другому опишет в 1963 г. тот же эпизод Р.Берёзов (Р.М.Акульшин):

«Есенин был трезвым. <...> Хозяин всех угощал котлетами и жареной картошкой. Голоднее всех был Есенин, так как, порвав отношения с Галей Бениславской, скитался по чужим квартирам в ожидании своей комнаты. <...>

Когда Наседкин дал всем по две котлеты, осталась еще одна. Хозяин положил ее на тарелку Есенина, но тот переложил котлету на мою тарелку.

— Пусть ест Родион: у него плохой вид, вероятно, голодает.

Когда пели песню о соловушке <“Есть одна хорошая...”>, Есенин не выдержал: уронив голову на колени Клычкова <не упомянутого Наседкиным участника встречи>, зарыдал. Нежно глядя его по спине, Клычков ласково сказал:

— Молиться надо, Сереженька, молиться; ты совсем стал безбожником».

Материалы, 406.

Июнь, 10–30. Есенин неоднократно посещает Литературный отдел Госиздата.

Время этого и следующих событий устанавливается по воспоминаниям И.В.Евдокимова:

И.В.Евдокимов позже вспомнит:

«В июне 1925 года Есенин зачастил в Литературно-художественный отдел Госиздата. <...> Шли переговоры о новой книжке стихов Есенина под названием “Рябиновый костер”».

Восп., 2, 286.

См. также: до 20 окт. 1924, вторая запись; 21 нояб. 1924, вторая запись; 14 дек. 1924, первая запись; 20 июня 1925, вторая запись.

Делится с друзьями и знакомыми мыслями о предстоящей женитьбе на С.А.Толстой.

И.В.Евдокимов вспомнит:

«Наблюдая в этот месяц <июнь> Есенина, — а приходил он неизменно трезвый, живой, в белом костюме (был он в нем обаятелен), приходил с невестой и три раза знакомил с ней, — я сохранил воспоминание о начале, казалось, глубокого и серьезного перелома в душе поэта. Мне думалось, что женится он по-настоящему, перебесился — дальше может начаться крепкая и яркая жизнь. Скептики посмеивались:

— Очередная женитьба! Да здравствует следующая!

А он сам как-то говорил:

— С Соней у меня давно, давно... давнишний роман. Теперь только женимся.

Скептики оказались правы: в середине месяца он приходил два раза пьяный, растерзанный. Досужие языки шептались:

— Вчера сбежал от невесты! Свадьбы не будет!

И уже приходили колебания — делаемый им шаг становился случайным».

Восп., 2, 286–287.

Ср. с воспоминаниями Рюрика Ивнева:

«Как-то раз при одной из встреч он <Есенин> с таинственным видом отвел меня в сторону (это было на Тверском бульваре), выбрал свободную скамейку на боковой аллее и, усадив рядом с собой, сказал:

— Ты должен мне дать один совет, очень... очень важный для меня.

— Ты же никогда ничьих советов не слушаешь и не исполняешь!

— А твой послушаю. Понимаешь, всё это так важно. А ты сможешь мне правильно ответить. Тебе я доверяю.

Я прекрасно понимал, что если Есенин на этот раз не шутит, то, во всяком случае, это полшутка... Есенин чувствовал, что я не принимаю всерьез его таинственность, но ему страшно хотелось, чтобы я отнесся серьезно к его просьбе — дать ему совет.

— Ну, хорошо, говори, — сказал я, — обещаю дать тебе совет.

— Видишь ли, — начал издали Есенин. — В жизни каждого человека бывает момент, когда он решается на... как бы это сказать, ну, на один шаг, имеющий самое большое значение в жизни. И вот сейчас у меня... такой момент. Ты знаешь, что с Айседорой я разошелся. Знаю, что в душе осуждаешь меня, считаешь, что во всём я виноват, а не она.

— Я ничего не считаю и никогда не вмешиваюсь в семейные дела друзей.

— Ну, хорошо, хорошо, не буду. Не в этом главное.

— А в чем?

— В том, что я решил жениться. И вот ты должен дать мне совет, на ком.

— Это похоже на анекдот.

— Нет, нет, ты подожди. Я же не досказал. Я же не дурачок, чтобы просить тебя найти мне невесту. Невест я уже нашел.

— Сразу несколько?

— Нет, двух. И вот из этих двух ты должен выбрать одну.

— Милый мой, это опять-таки похоже на анекдот.

— Совсем не похоже... — рассердился или сделал вид, что сердится, Есенин. — Скажи откровенно, что звучит лучше: Есенин и Толстая или Есенин и Шалапина?

— Я тебя не понимаю.

— Сейчас поймешь. Я познакомился с внучкой Льва Толстого и с племянницей Шалапина. Обе, мне кажется, согласятся, если я сделаю предложение, и я хочу от тебя услышать совет, на которой из них мне остановить выбор?

— А тебе разве всё равно, на какой? — спросил я с деланным удивлением, понимая, что это шутка.

Но Есенину так хотелось, чтобы я сделал хотя бы вид, что верю в серьезность вопроса. Не знаю, разгадал ли мои мысли Есенин, но он продолжал разговор, стараясь быть вполне серьезным.

— Дело не в том, всё равно или не всё равно... Главное в том, что я хочу знать, какое имя звучит более громко.

— В таком случае я должен тебе сказать вполне откровенно, что оба имени звучат громко.

Есенин засмеялся:

— Не могу же я жениться на двух именах!

— Не можешь.

— Тогда как же мне быть?

— Не жениться совсем.

— Нет, я должен жениться.

— Тогда сам выбирай.

— А ты не хочешь?

— Не не хочу, а не могу. Я сказал свое мнение: оба имени звучат громко.

Есенин с досадой махнул рукой. А через несколько секунд он расхохотался и сказал: — Тебя никак не проведешь! — И после паузы добавил: — Вот что, Рюрик. Я женюсь на Софье Андреевне Толстой.

В скором времени состоялся брак Есенина с С.А.Толстой.

Есенин так любил шутить и балагурить и делал это настолько тонко и умно, что ему часто удавалось ловить многих “на удочку”. Мне рассказывали уже значительно позже некоторые из тех, с кем говорил Есенин о своем тогда еще только предполагавшемся браке, что они до сих пор убеждены, что Есенин всерьез спрашивал их совета, на ком жениться, на Толстой или на Шаляпиной».

Восп., 1, 348–349.

Июнь, до 11. В иваново-вознесенском книгоиздательстве «Основа» выходит книга «Современные рабоче-крестьянские поэты в образцах и автобиографиях с портретами» (сост. П.Я.Заволокин) с автобиографией Есенина (Берлин, 14 июня 1922 г.) и его стихотворениями «Я пастух, мои палаты...», «Топи да болота...», «Я последний поэт деревни...», «Песнь о хлебе» и «На Кавказе».

Кроме того, имя Есенина упомянуто в автобиографиях других авторов книги — А.Доможирова и Е.Панфилова.

Граница события устанавливается по рецензии Н.И.Колоколова на издание (газ. «Рабочий край», Иваново-Вознесенск, 1925, 11 июня, № 129; подпись: Н.К-в).

См. также: 19 июля 1925, четвертая запись; сент. (?) 1925, третья запись.

О публикациях стихотворения «На Кавказе» см.: 19 сент. 1924, вторая запись; до 20 янв. 1925, третья запись; 15 февр. 1925, первая запись; 23 марта 1925, первая запись.

См. Приложение.

Июнь, 11. Газета «Трудовая Пенза» (№ 130; рубрика «Книжная полка») информирует о выходе книги Есенина «Березовый ситец».

Сведения о других соответствующих откликах см. в перечне, именуемом в след. записи.

Июнь, 12. В литературном отделе Госиздата Есенин получает авторские экземпляры книги «Березовый ситец».

О дате события см. след. запись.

См. также: 1 апр. 1925, третья запись; 15 апр. 1925; 1 мая 1925, восьмая запись; 15 мая 1925, пятая запись; 21 ... 30 мая 1925; 22 мая 1925, первая запись; 1 июня 1925, третья запись; 1 ... 15 июня 1925; 5 июня 1925, первая и вторая записи; 10 июня 1925; 11 июня 1925; 12 июня 1925, вторая, третья и пятая записи; с 12 на 13 июня 1925, вторая запись; до 15 июня 1925, вторая запись; 20 июня 1925, первая запись; 27 июня 1925, первая запись; 30 июня 1925, восьмая запись; 2 июля 1925, первая запись; до 7 июля 1925; 14 июля 1925, вторая запись; 26 июля 1925, седьмая запись; 31 июля 1925, вторая запись; 2 авг. 1925, третья запись; 11 авг. 1925, вторая запись; 1 сент. 1925, третья запись; 10 ... 24 сент. 1925; 18 окт. 1925, первая запись; окт. (?) 1925, первая запись.

Надписывает книгу И.В.Евдокимову:

«Сердце вином не вымочу.

Милому Евдокимочу,

Пока я тих,

Эта книга и стих

1925, 12/VI. С. Есенин».

Адресат инскрипта вспомнит в 1926 г.:

«Двенадцатого июня он пришел в отдел за авторскими экземплярами в сопровождении А.А.Берзинь, пошатываясь, ухмыляясь, тускло глядя. Меня зачем-то вызвали в другой отдел. Когда через некоторое время я вернулся, Есенина уже не было, но мне кто-то передал от него книжку с надписью красными чернилами <следует текст дарственной надписи>».

Восп., 2, 287.

См. также: Есенин, VII (1), 265, 489.

Дарит книгу «Березовый ситец» с надписями:

— В.В.Гольцеву:

«Виктору Викторовичу / Гольцеву / В знак приязни / С. Есенин. / 12/VI 25».

Есенин, VII (1), 263, 488;

— И.И.Доронину:

«Ване Доронину / с Дружбой и любовью / Сергей Есенин / 12/VI 25».

Есенин, VII (1), 264, 488–489;

— А.А.Берзинь:

«Самые лучшие минуты

Были у милой Анюты

Ее взоры, как синие дверцы

В них любовь моя

в них и сердце

Сергей.

12 / VI 25».

Юсов-96, 25.

Проводит несколько часов в обществе И.Э.Бабеля.

Сведения извлечены из письма И.Э.Бабеля Т.В.Кашириной от 14 июня 1925 г.:

«В пятницу <12 июня> я встретил Сережу Есенина <...>. Я вспоминаю эту встречу с умилением. Он вправду очень болен, но о болезни не хочет говорить, пьет горькую, пьет

с необыкновенной жадностью, он совсем обезумел. Я не знаю — его конец близок ли — далек ли <перефразированная 3-я строка стихотворения Есенина “Годы молодые с забубённой славой...” (1924)>, но стихи он пишет теперь величественные, трогательные, гениальные. Одно из этих стихотворений я переписал и посылаю вам <к письму приложен полный текст есенинской “Песни” (“Есть одна хорошая песня у соловушки...”)>. Не смейтесь надо мной за этот гимназический поступок, может быть, прощальная эта Сережина песня ударит вас в сердце так же, как и меня. Я всё хожу здесь по роше и шепчу ее: “А любовь — калинушка...”»

Журн. «Север», 1969, № 9, с. 110 (в статье Е. Краснощёковой «Три года жизни И.Э.Бабеля»); сб. «Исаак Бабель: Воспоминания современников». М.: Сов. писатель, 1972, с. 164–165; газ. «Экран и сцена», М., 1992, 2–9 янв., № 1, с. 14.

Газета «Вечерняя Москва» (№ 131; раздел «Литературная хроника») помещает неподписанную информацию:

«ГИЗом переиздана книга стихов С.Есенина “Березовый ситец”».

См.: 1 апр. 1925, третья запись; 15 апр. 1925; 1 мая 1925, восьмая запись; 15 мая 1925, пятая запись; 21 ... 30 мая 1925; 22 мая 1925, первая запись; 1 июня 1925, третья запись; 1 ... 15 июня 1925; 5 июня 1925, первая и вторая записи; 10 июня 1925; 11 июня 1925; 12 июня 1925, первая–третья записи; с 12 на 13 июня 1925, вторая запись; до 15 июня 1925, вторая запись; 20 июня 1925, первая запись; 27 июня 1925, первая запись; 30 июня 1925, восьмая запись; 2 июля 1925, первая запись; до 7 июля 1925; 14 июля 1925, вторая запись; 26 июля 1925, седьмая запись; 31 июля 1925, вторая запись; 2 авг. 1925, третья запись; 11 авг. 1925, вторая запись; 1 сент. 1925, третья запись; 10 ... 24 сент. 1925; 18 окт. 1925, первая запись; окт. (?) 1925, первая запись.

Вечерний выпуск ленинградской «Красной газеты» (№ 143) печатает статью И.А.Оксёнова «В защиту литературы».

Критик полемизирует с автором статьи «Литературное безвременье» Г.Горбачёвым (псевд: Егор Досекин; см.: 19 мая 1925, третья запись; 22 мая 1925, третья запись):

«...Есенин — поэт, от которого могут исходить самые большие неожиданности. Есенин еще далеко не сказал своего последнего слова. Тов. Досекин говорит о его “флирте с революцией”. Быть может, это увлечение окажется и посерьезней флирта. Я лично глубоко убежден, что Есенин даст нам очень многое. Но и сейчас, при всех изломах и неряшливости, Есенин остается буйно-одаренным вольным лириком, которого нельзя не принять».

См. также: 23 июня 1925, вторая запись.

Июнь, с 12 на 13. Есенин встречается у С.А.Толстой с В.А.Мануйловым, В.Ф.Наседкиным, И.Приблудным, Вс. Ивановым, А.М.Сахаровым, Д.К.Богомильским и, возможно, с И.Э.Бабелем.

НН, 1995, № 34, с. 61.

В 1972 г. В.А.Мануйлов опубликует свои воспоминания, где подробно рассказывается об этом вечере: «В последний раз я видел Есенина в Москве, в июне 1925 года, в квартире Софьи Андреевны Толстой, на Остоженке, в Померанцевом переулке.

<...> Она пригласила меня <...> к себе, сказав, что приготовила приятный сюрприз. Я не знал тогда еще о ее сближении с Есениным и о том, что он уже живет в ее квартире.

Когда я пришел к Софье Андреевне в десятом часу вечера, мне открыла двери ее мать Ольга Константиновна. “Ах, милый, — сказала она, — а у нас дым коромыслом, такая беда! Проходите, проходите, они там...” — и указала на комнату, примыкавшую к прихожей.

В небольшой столовой было накурено. Уже пили. Тут я сразу увидел Есенина и всё понял. “Вы знакомы?” — спросила, улыбаясь, Софья Андреевна и указала на Есенина. Оказалось, это и был обещанный сюрприз.

Читали стихи. Говорили о стихах. Кроме Сергея Александровича, тут были поэт Василий Наседкин, И. Бабель и еще один не известный мне молодой человек. На диване лежал Всеволод Иванов, молча слушавший разговор за столом.

Когда, по-видимому, уже не в первый раз Есенин стал вспоминать свои детские годы в деревне, Бабель, хорошо знавший эти воспоминания, начал подсказывать ему, как всё это было, и очень потешно передразнивал его, а затем стал изображать в лицах, как Есенин продает сразу десяти издательствам одну и ту же свою книгу, составленную из трех ранее вышедших, как издатели скрывают друг от друга “выгодную” сделку, а через некоторое время прогорают на изданной ими книге всем давно известных стихов. Конечно, в этом рассказе многое было преувеличено, но рассказывал он эту историю артистически и всех очень смешил.

Есенин пил много.

На смену пустым бутылкам из-под стола доставались всё новые, там стояла целая корзина. Устав рассказывать о своих неладах с отцом, о любви к деду и к матери, о сестрах, о драках и о первой любви, Есенин заговорил о присутствующих. Добродушно посмотрел на дремавшего после кутежа накануне Всеволода Иванова и на Василия Наседкина, который с увлечением поедая шпроты и деловито крякал, сказал о Приблудном: “Вот гляди, замечательная стерва и талантливый поэт, очень хороший, верь мне, я всех насквозь и вперед знаю”. Приблудный в спортивном костюме, с оголенной могучей грудью, сидел на диване, что-то напевая.

Потом Есенин заговорил обо мне и о моих стихах. Сказал, что я “славный парень”, что я “очень умный” — “умнее всех нас!” — и что ему “иногда бывает страшно” со мной говорить. А вот стихи я пишу, по его мнению, “слишком головные”. Я возражал ему, не соглашаясь насчет “головных стихов”, сомневался по части ума, но Есенин настаивал на своем и начинал сердиться — он не любил, когда ему противоречили.

В этот вечер Есенин много читал, и особенно мне запомнилось, как он, приплясывая, напевал незадолго до того написанную “Песню”:

Есть одна хорошая песня у соловушки —
 Песня панихидная по моей головушке,
 Цвела — забубенная, росла — ножевая,
 А теперь вдруг свесилась, словно неживая.
 Думы мои, думы! Боль в висках и темени.
 Промотал я молодость без поры, без времени.
 Как случилось-сталось, сам не понимаю,
 Ночью жесткую подушку к сердцу прижимаю...

Разгульный и лихой мотив этой песни напомнил мне, как в Баку Есенин читал мне отрывки из “Песни о великом походе”, которую тогда писал. Читал нараспев, под частушки: “Эх, яблочко, куды катишься...” Я высказал тогда опасение, что вещь может получиться монотонной и утомительной, если вся поэма будет выдержана в таком размере. Есенин ответил: “Я сам этого боялся, а теперь вижу, что хорошо будет...”

Теперь увидел я совсем другого Есенина, и горькое предчувствие неотвратимой беды охватило, вероятно, не только меня.

Я отцвел, не знаю где. В пьянстве, что ли? В славе ли?
 В молодости нравился, а теперь оставили.

Потому хорошая песня у соловушки —
 Песня панихидная по моей головушке.
 Цвела — забубенная, была — ножевая,
 А теперь вдруг свесилась, словно неживая.

В окнах уже проступал ранний июньский рассвет. Все приумолкли, но не спешили расходиться. Есенин подсел к Софье Андреевне и стал говорить о том, как они вот-вот поедут в Закавказье, в Баку и в Тифлис, где их ждут хорошие и верные друзья, а часть лета они проведут на Апшеронском полуострове, где спелые розоватые плоды инжира падают на горячий песок.

Всеволод Иванов уснул на диване. Я попрощался с погрустневшей хозяйкой».
 Восп., 2, 184–187.

В.А.Мануйлов получает от Есенина его книгу «Березовый ситец» с надписью:

«Дорогому Вите Мануйлову с верой и любовью. Сергей Есенин».

Восп., 2, 187; Есенин, VII (1), 290.

См.: 1 апр. 1925, третья запись; 15 апр. 1925; 1 мая 1925, восьмая запись; 15 мая 1925, пятая запись; 21 ... 30 мая 1925; 22 мая 1925, первая запись; 1 июня 1925, третья запись; 1 ... 15 июня 1925; 5 июня 1925, первая и вторая записи; 10 июня 1925; 11 июня 1925; 12 июня 1925, первая–третья и пятая записи; до 15 июня 1925, вторая запись; 20 июня 1925, первая запись; 27 июня 1925, первая запись; 30 июня 1925, восьмая запись; 2 июля 1925, первая запись; до 7 июля 1925; 14 июля 1925, вторая запись; 26 июля 1925, седьмая запись; 31 июля 1925, вторая запись; 2 авг. 1925, третья запись; 11 авг. 1925, вторая запись; 1 сент. 1925, третья запись; 10 ... 24 сент. 1925; 18 окт. 1925, первая запись; окт. (?) 1925, первая запись.

С.А.Толстая помечает в календаре:

«С.Ес<енин>. Наседк<ин>. Вс. Иван<ов>. Сахаров. Витя Ман<уйлов>. Прибл<удный>. Богольм<инский> Дав<ид> Кир<иллович>».

НН, 1995, № 34, с. 61; фамилия Д.К.Богомильского записана неточно.

Присутствие на вечеринке И.Э.Бабеля, упомянутого в воспоминаниях В.А.Мануйлова среди участников этой встречи (см. выше), в записи С.А.Толстой не отмечено. Ни словом не упомянул о вечеринке и сам И.Э.Бабель, рассказывая (двумя днями позднее — в письме Т.В.Кашириной) о встрече с Есениным 12 июня (см. четвертую запись от этого числа).

Июнь, 13. Есенин встречается с С.А.Толстой.

Устанавливается по ее календарной пометке того же дня:

«С.Ес<енин>».

НН, 1995, № 34, с. 61.

Приходит к Г.А.Бениславской, вернувшейся из Константинова.

Событие и дата устанавливаются из письма Г.А.Бениславской к Е.А.Есениной (15 июня 1925):

«Вечером <...> (в субботу <т. е. 13 июня>), сюда (на Брюсовский) явился пьяный Сергей, сначала заявив, что за ключами, а потом выяснилось, что для расправы со мной. Из его слов я поняла, что изменяла ему направо и налево с его же друзьями, в том числе и с Ионовым, но главное, что, изменяя, я называла себя тем, с кем изменяла, женою Есенина — трепала фамилию. “Это всё помогла разоблачить Шурка, которая рассказала матери, а Татьяна Федор<овна> — ему. Кроме того, помог в этом и Наседкин”. Всё это делалось при сестрах (очевидно, раздуть это из Нового года) и т. п. Правда, потом он сам признался, что он делал худшие гадости с Ритой и проклинал это. Но всё же я такая-сякая. Я сказала, что нам не о чем больше разговаривать».

Да, он собирается жениться на Толстой и вместе с этим говорит (это всё при Над<ежде> Дмитр<иевне>), что лучше застрелиться, чем на ней жениться и т. д. Всё это сплошной бред. Теперь совсем откровенно говорю: я ни в его дела, ни во что вмешиваться не намерена. На выплату долгов он обещал прислать деньги; Вам пришлю сразу же, как получу, быть может, получу у Берлина. Из них оставлю себе 25 руб<лей>, остальное пришлю.

<...> Сергей пришел “бить мне морду” <...> за какие-то немыслимые сплетни, не выяснив сначала по-человечески, в чем же дело. Так оскорблять нельзя. Вообще всем этим бегством он порвал во мне веру во всё: и в то, что он когда-либо действительно по-человечески относился ко мне, ну и вообще. Это теперь всё равно».

Шубникова-Гусева-2008, 325–327.

Г.А.Бениславская пишет Е.А.Есениной.

Письмо (в котором, без сомнения, шла речь о Есенине) неизвестно. Сведения о нем содержатся в письме Г.А.Бениславской к Е.А.Есениной от 15 июня 1925:

«...я писала тебе (в субботу)...»

Шубникова-Гусева-2008, 325, 328.

Июнь, 13 ... Июль, 9 или Июль, 16 ... 23. Есенин спрашивает А.М.Сахарова о своем сыне от Н.Д.Вольпин — Александре.

Событие устанавливается по воспоминаниям Н.Д.Вольпин (см. ниже), а его предполагаемые рамки — с учетом одновременного пребывания Есенина и А.М.Сахарова в Москве летом 1925 г.

При встрече А.М.Сахарова с Н.Д.Вольпин под Ленинградом («во второй половине лета» 1925 г.) между ними, по свидетельству последней (1984), происходит такой разговор:

«— Сергей всё спрашивает, каков он <сын>, черный или беленький. А я ему: не только что беленький, а просто вот каким ты был мальчонкой, таков и есть. Карточки не нужно.

— А что Сергей на это?

— Сергей сказал: “Так и должно быть — эта женщина очень меня любила”».

Как жил Есенин, 347.

Июнь, до 14. В издательстве «Огонек» выходит книга Есенина «Избранные стихи».

Содержание. I. **Кипятковая вязь:** «Всё живое особой метой...»; «В том краю, где желтая крапива...»; «Устал я жить в родном краю...»; «Я последний поэт деревни...», с посьв.: «А.Мариенгофу»; «По-осеннему кычет сова...»; «Песни, песни, о чем вы кричите?...»; «Не жалею, не зову, не плачу...»

II. **Золотое затишье:** «Край любимый! Сердцу снятся...»; «Запели тесаные дроги...»; «Черная, потом пропахшая выть!...»; Коровя; В хате; Песня о собаке <Песнь о собаке>; Лисица, с посьв.: «А.М.Ремизову»; «Нивы сжаты, рощи голы...»; «Вот оно, глупое счастье...»; «Хорошо под осеннюю свежесть...»; «Закружилась листва золотая...»; «Край ты мой заброшенный...»

III. **Голубые доли:** «По селу тропинкой кривенькой...»; Голубень; Русь.

IV. **Русь уходящая:** «Мы многое еще не сознаём...» <Русь уходящая>; Письмо от матери; Ответ; Русь советская.

Граница события отмечается по рекламному объявлению в журн. «Огонек» (М., 1925, № 25, 14 июня, с. 5; см.: 14 июня 1925, вторая запись).

Выпущена в рамках серии «Библиотека “Огонек”» (№ 40) тиражом 50 000 экз.

Есенин, VII (3), 385–386.

См. Приложение.

«Встречаются экз<емпляры>, отпечатанные на немелованной бумаге, в рекл<амных> объявл<ениях> “Б-ка «Огонек»” которых указана 39-я вышедшая книжка: М.Горький — “Как сложили песню”, а на с. 4 обл<ожки> — др<угой> адрес и телефон изд<ательст>ва: “Москва, Тверской бульвар, д. 26, телеф. 3-91-48. Издательство «Огонек»”.

Возможно, в 1925 году было два тир<ажа> изд<ания>: один в мае–июне, др<угой> позднее, после переезда изд<ательст>ва по новому адресу. В повторном изд<ании> книжки в февр. 1926 г. напеч<атан> тот же адрес изд<ательст>ва: “Москва, Тверской бульвар, д. 26”, но поменялся номер телефона — <он> стал “5-51-69”».

Юсов-94, 57.

См. также: после 2 марта 1925, третья запись; 14 июня 1925, первая запись; после 14 июня 1925; до 16 ... до 30 июня 1925; 30 июня 1925, третья запись; 27 июля 1925; 28 июля 1925, третья запись; 22 авг. 1925; 25 сент. 1925, вторая запись; 1 окт. 1925, вторая запись.

Июнь, до 14 или до 15 (?). В.П.Правдухин в Госиздате говорит об издании произведений Есенина.

Событие отмечается по воспоминаниям В.Ф.Наседкина:

«Как-то вечером зашел ко мне В.Правдухин. Есенина не было. Я рассказал ему о его безденежье.

— Я сегодня был в Госиздате, — говорит Правдухин, — и возмушался, что там выпускают всякую дрянь, а кого нужно, не издают. Поговорю завтра еще.

Правдухин ушел. Минут через пять приходит Есенин, трезвый, один. Изданию полного собрания сочинений обрадовался.

— Полное собрание... очень кстати...»

Материалы, 221–222.

Июнь, 14. Есенин встречается с С.А.Толстой и гуляет с ней в Петровском парке; затем вместе с ней посещает В.Ф.Наседкина.

События устанавливаются по календарным записям С.А.Толстой того же дня:

«В Петр<овский> Парк с Серг<еем>. К Наседк<ину>».

НН, 1995, № 34, с. 61.

Журнал «Огонек» (№ 25) помещает материалы, в которых упоминается Есенин:

— в рубрике «Окно в мир» — портрет Есенина и информация о нем:

«Сергей Александрович Есенин вполне заслуженно считается сейчас одним из лучших русских поэтов. Его отличительные качества, как поэта: необычайно-заражающая лирическая сила; затем особенная, одному Есенину свойственная напевность стиха; богатая образность и прекрасный чистый язык. Поэт сейчас, по-видимому, находится в расцвете своего крупного дарования. В каждом новом своем произведении он выступает с всё возрастающим мастерством, в котором зрелость сочетается с разнообразием и богатством настроений и сюжетов. От С.Есенина и критика и многочисленные его поклонники-читатели ждут весьма многого. В библиотеке “Огонек” выходят избранные стихи талантливого поэта»;

— под заголовком «Новые книжки библиотеки “Огонек”» — фото обложек книг М.Горького «Как сложили песню» (№ 39) и Есенина «Избранные стихи» (№ 40), сопровождающиеся текстом:

«Очередные книжки библиотеки “Огонек” рассылаются с настоящим номером».

См. Приложение.

См. также: после 2 марта 1925, третья запись; до 14 июня 1925; после 14 июня 1925; 16 ... 30 июня 1925; 30 июня 1925, третья запись; 27 июля 1925; 28 июля 1925, третья запись; 22 авг. 1925; 25 сент. 1925, вторая запись; 1 окт. 1925, вторая запись.

Педагог и литератор П.С.Поршаков пишет поэту С.Д.Фомину из Самарканда:

«Очень радуюсь, что С.Ес<ени>н вернулся к прежним мотивам. Его персидские стихи — золото!!»

РГАЛИ, ф. 1730, оп. 1, ед. хр. 277, л. 4.

Нью-йоркская газета «Русский голос» (№ 3498; воскресное приложение; «Литературная страница, посвященная творчеству русских писателей в Америке») печатает материал Л.Опалова «Вишнецвет (На правах “Свободной трибуны”», в котором заходит речь о Есенине:

«Бальмонт любит Венецианское небо, Есенин — деревню».

Июнь, с 14 на 15. На квартире С.А.Толстой ночуют Есенин и А.М.Сахаров.

Ночевка последнего отмечается по календарной записи С.А.Толстой от 14 июня: «Ночевал Сахар<ов>» (НН, 1995, № 34, с. 61).

Факт, что в ту ночь постояльцами С.А.Толстой оказался не только А.М.Сахаров, но и Есенин (чье имя в ее календарной записи не значится), устанавливается по следующим источникам:

— недатированной записке С.А.Толстой Есенину (открывающейся словами: «Сергей, милый, пожалела тебя будить»), где сообщается о приезде в Москву из Константинова дядя поэта (полный текст см.: 15 июня 1925, первая запись);

— письму Г.А.Бениславской к Е.А.Есениной с датой: «15/VI-25», где, в частности, сказано:

«Сейчас у Наседкина дядя Саша <Титов>, от него узнаешь остальное, то, чего я не знаю».

Шубникова-Гусева-2008, 326.

Из слов Г.А.Бениславской однозначно явствует, что А.Ф.Титов приехал к В.Ф.Наседкину именно 15 июня. Исходя из этого, вышеупомянутая записка С.А.Толстой в соответствии с ее содержанием датируется тем же числом безоговорочно, а начало ее столь же неоспоримо свидетельствует, что утром 15 июня 1925 г. Есенин находился на квартире С.А.Толстой.

См. также: 15 июня 1925, вторая–четвертая записи.

Июнь, после 14. Есенин делает дарственную надпись на своей книге «Избранные стихи» (М.: Огонек, 1925) В.Б.Шкловскому.

Вспоминая об одной из встреч с Есениным, В.Б.Шкловский напишет:

«Есенин рассказал: был у Луначарского <...>. И вот книжка... “Дарю Вам, Шкловский...” И подарил мне книжечку в издании “Огонька”. С портретом на обложке...».

Зорин М. Последний чай со Шкловским. — Журн. «Даугава», Рига, 1988, № 4, с. 121.

Местонахождение этого экземпляра книги Есенина ныне неизвестно.

См. также: после 2 марта 1925, третья запись; до 14 июня 1925; 14 июня 1925, первая запись; 16 ... 30 июня 1925; 30 июня 1925, третья запись; 27 июля 1925; 28 июля 1925, третья запись; 22 авг. 1925; 25 сент. 1925, вторая запись; 1 окт. 1925, вторая запись.

Неизвестный (провинциальный актер) пишет Есенину:

«Самый дорогой, самый близкий и самый величайший наш современник для меня — это Вы... <...>

Единственным, чем я могу Вас заинтересовать — это самоуверенной клятвой, что ни один артист, ни один поэт и ни Вы сами, Сергей Есенин, не смогут читать Ваши стихи так, как я... Я в этом убежден, так же, как и в том, что никому Ваша поэзия не близка так, как мне — каждую строчку я впитываю душой, мозгом и плотью, каждое Ваше слово шевелит вдохновением волосы на голове у меня...

Я люблю Вас так, как никого не любил <...>.

Еще вот что:

Неужели и Вы сволочь? Неужели — стихи — одно — только фантазия и Ваш талант, а Вы так себе, говённый человек, с единственным достоинством любви к питью?.. — Нет — конечно, это парадокс... Дорогой Сергей Есенин! Напишите мне и кстаи ответьте: есть ли полное собрание Ваших сочинений... В провинции страшно трудно — даже невозможно Вас достать — недавно появилась книжка, выпущенная “Библиотекой Огонька”, где мне обидно смотреть на изображение Ваше, похожее на какого-то немецкого буржуазного юнца, а не русского поэта. <...>

Пришлите, если есть, свою фотографию и скажите, где можно достать или выписать “Москва кабацкая” и “Исповедь хулигана” — я до сих пор не читал — не мог достать.

Несколько слов о себе: кажется, неудачник, <...> по профессии актер, безусловно, нелгупый, несмотря на это бестолковое и нелепое письмо. — Погребен в провинции...»

ГЛМ, ф. 4, оп. 1, ед. хр. 162.

Граница события устанавливается по упоминанию в письме книги Есенина «Избранные стихи» (М.: Огонек, 1925) как недавно вышедшей (ср.: до 14 июня 1925).

Об этой книге см. также: после 2 марта 1925, третья запись; 14 июня 1925, первая запись; до 16 ... до 30 июня 1925; 30 июня 1925, третья запись; 25 ... 28 июля 1925; 28 июля 1925, четвертая запись; 22 авг. 1925; 25 сент. 1925, вторая запись; 1 окт. 1925, вторая запись.

Июнь, до 15. Выходит журнал «Красная новь» (№ 5; за июнь) с материалами Есенина и о Есенине.

Граница события устанавливается по объявлению о выходе номера из печати (см.: 15 июня 1925, пятая запись). См. также: Субботин-2012, 134.

Журнал публикует:

— стихотворения Есенина «Песня» («Есть одна хорошая песня у соловушки...»), «Золото — текучее луны...» <«Золото холодное луны...»>, «Заря окликает другую...» и «Ну, целуй меня, целуй...»

Об исходных публикациях см.: 13 апр. 1925, первая запись; 17 мая 1925, первая запись; 19 мая 1925, первая запись;

О других перепечатках см.: после 26 мая 1925; 4 июля 1925, седьмая запись.

Информацию см.: авг. 1925, вторая запись.

— рецензию А.Лежнева на книгу П.В.Орешина «Соломенная плаха: Стихи. Т. 2» (1925).

Прочитовав стихи П.В.Орешина, критик пишет:

«Это — знакомые слова. Мы их слышали и у Есенина, и у Клычкова, и, конечно, не с Есениным и Клычковым они родились. Это — старая народническая романтика, которую, вероятно, не так еще скоро изживут наши крестьянские поэты. Сходство между Орешинным и Есениным, и Клычковым объясняется не подражанием, а внутренней близостью. Общим у Есенина и Орешина является не только мотив любви к соломенной, темной, битой и разгульной деревне, но и сознание того, что эта деревня постепенно уходит в прошлое...»

Выходит журнал «Октябрь» (№ 5; за май), где в разделе «Новые книги» называется книга Есенина «Березовый ситец».

Граница события определяется по информации газ. «Правда» (1925, 16 июня, № 134) о том, что номер поступил в продажу.

См.: 1 апр. 1925, третья запись; 15 апр. 1925; 1 мая 1925, восьмая запись; 15 мая 1925, пятая запись; 21 ... 30 мая 1925; 22 мая 1925, первая запись; 1 июня 1925, третья запись; 1 ... 15 июня 1925; 5 июня 1925, первая и вторая записи; 10 июня 1925; 11 июня 1925; 12 июня 1925, первая–третья и пятая записи; с 12 на 13 июня 1925, вторая запись; 20 июня 1925, первая запись; 27 июня 1925, первая запись; 30 июня 1925, восьмая запись; 2 июля 1925, первая запись; до 7 июля 1925; 14 июля 1925, вторая запись; 26 июля 1925, седьмая запись; 31 июля 1925, вторая запись; 2 авг. 1925, третья запись; 11 авг. 1925, вторая запись; 1 сент. 1925, третья запись; 10 ... 24 сент. 1925; 18 окт. 1925, первая запись; окт. (?) 1925, первая запись.

Июнь, 15. С.А.Толстая утром оставляет записку Есенину:

«Сергей, милый, пожалела тебя будить. Зайди ко мне на службу (Пречистенка, 11) или позвони (2–26–90).

Звонил Наседкин. Приехал твой дядя <А.Ф.Титов> и сидит у него. Поезжай туда (Тверской бульвар, д. 7, комн. 18). Ради Бога, помни, что обещал, а то мне что-то на душе тревожно.

Целую. Соня».

Письма, 283–284; Есенин, VII (2), 358–359, с предположительной датой: 17 (?) июня 1925. Об уточнении датировки см.: с 14 на 15 июня 1925.

Есенин приходит на квартиру Г.А.Бениславской. Читает записку, оставленную ею для него (неизвестна), и получает ключи от своих чемоданов с рукописями.

Это происходит в отсутствие Г.А.Бениславской, о чем свидетельствуют слова из ее письма к Е.А.Есениной (15 июня 1925):

«Сегодня Наседкин попросил <скорее всего, по телефону> прислать ключи от чемоданов (с рукописями). Я в последний раз предупредила Сергея, чтобы никому не доверял ключей. Он прочел при Оле <курсив наш. — Сост.> и сказал: “Я это сам знаю”».

Судя по этим словам, здесь и ниже описываются события, о которых Г.А.Бениславская узнала не непосредственно от Есенина, а от прислуги Оли и от В.Наседкина:

«Вчера <14 июня> не пил (денег не было), сегодня утром тоже трезвый.

Продал “Анну Снегину” Богомилскому (кажется) за 1000 р. И продает собрание сочинений <см.: около 15 июня 1925; 16 июня 1925, первая и третья записи; 17 июня 1925, первая запись> — всё, говорит, пропью. <...>

У врачей он был, надо делать рентгеновские снимки и пр., а он не хочет».

Шубникова-Гусева-2008, 326.

Затем отправляется к В.Ф.Наседкину, где передает тому стихи, под которые рассчитывает получить аванс.

Из воспоминаний В.Ф.Наседкина:

«Приехал за двумя тысячами дядя Саша <см.: с 14 на 15 июня 1925; 15 июня 1925, первая запись>. Но Есенин сам занимает на папиросы.

Новых стихов нет. Достает из чемодана неотделанную поэму “Страна негодяев” (называлась еще “Номах”), просит выбрать какой-нибудь отрывок для журнала “Город и деревня”, в котором я тогда работал».

Материалы, 221.

О публикации этих отрывков в «Городе и деревне» см.: 25 сент. 1925, первая запись.

Встречается с С.А.Толстой вместе с В.Ф.Наседкиным.

Событие устанавливается по календарной записи С.А.Толстой того же дня:

«Сергей и Наседк<ин>».

НН, 1995, № 34, с. 61.

В «Бюллетене торгового и периодического секторов Государственного издательства» (№ 9):

— объявление о выходе из печати журнала «Красная новь» (№ 5) с росписью его содержания, где значится: «Стихи С.Есенина».

См.: до 15 июня 1925, первая запись; см. также: Субботин-2012, 134;

— анонс предстоящего выпуска первого номера альманаха «Красная новь» со стихами Есенина.

См.: 20 июля 1925, вторая запись.

Провожая свою подругу Е.К.Николаеву, отъезжающую из Москвы на отдых, С.А.Толстая сообщает ей о своем намерении выйти замуж за Есенина.

День события устанавливается по календарной записи С.А.Толстой от 15 июня 1925 г.: «Провожать Женю» (НН, 1995, № 34, с. 61), а его содержание — из письма Е.К.Николаевой к С.А.Толстой (см.: 31 авг. 1925, вторая запись).

Июнь, около 15. В Государственном издательстве РСФСР Есенин встречается с редактором И.В.Евдокимовым.

Обсуждается идея об издании Госиздатом «Собрания стихотворений» поэта.

Граница события устанавливается предположительно по воспоминаниям И.В.Евдокимова (1926):

«В середине июня 1925 года в литературно-художественном отделе Госиздата возникла мысль об издании “Собрания стихотворений” Сергея Есенина. <...> Однажды он пришел довольно рано.

— Евдокимыч, я насчет моего “Собрания”. Мы с тобой говорили в прошлый раз. У меня, понимаешь, свадьба, я женюсь. <...> Нельзя ли мне сразу получить тысячи две денег. Только надо скоро.

Я его осведомил, что едва ли можно будет сделать так скоро, как он предполагает: договор на большую сумму, необходимо будет получить согласие высших органов Госиздата и, конечно, поставить дело на “формальные” колёса, подать заявление, сговориться об условиях и т. д.».

Восп.-95, 464–465.

О развитии сюжета см.: 17 июня 1925, первая запись.

Июнь, 15–16. Г.А.Бениславская пишет Е.А.Есениной:

«Милый Катёнок.

Теперь я могу написать более или менее подробно. Прочтя это письмо, решай сама, надо ли тебе приезжать или нет, и вообще, что делать дальше. Я от всяких советов тебе умышленно уклоняюсь, чтобы потом никто не смог сказать, что, мол, если бы не мои советы, то было бы так, а не иначе и т. п. Повторяю: решай сама».

Далее описывает посещение ее Есениным (см.: 13 июня 1925, вторая запись) и последующие события (см.: 15 июня 1925, вторая запись). Заканчивает:

«Очень скучно об этом всё писать, но всё же, кажется, добросовестно написала.
Целую тебя крепко.

Всем самый сердечный привет.

15 / VI — 25. Галя».

И вновь продолжает:

«Письмо сразу не успела отправить. Теперь добавляю. Сергей в конце концов здесь один. Быть может, лучше, чтоб ты приехала, т. к. на меня сейчас не надейся, меня его дела не касаются. Попробую объяснить тебе, почему это так.

Ты помнишь и знаешь всю прежнюю канитель. Миклашевская — Покровский, я ему “как женщина” не нравлюсь и пр. Дела и грехи в равной мере.

Потом история с Ритой, когда я уходила из дома, чтоб не мешать им. Летняя история, когда я была в Крыму и когда я с такой тоской ждала его там, засыпая тебя письмами. Ты знаешь, что я не из тех женщин, которые с блаженной улыбкой позволяют собой швыряться. Во всех экспериментах Сергея я защищалась, как могла, стараясь при этом по мере возможности не делать ему больно. Ты знаешь, что только при такой любви, как к нему, я могла так кротко относиться ко всему. Но себя как женщину я считала свободной до его первого приезда с Кавказа. Я всегда считала, что надо быть жалким существом и дурой, чтобы блюсти ненужную ему (по его же словам) верность и ждать как подачки его ласки.

Душой я всегда была его. В остальном я тоже могла быть только его, даже в том случае, если бы он изменял мне, но не унижая меня, не швыряясь мною.

После его приезда из Батума я уже кончила, ты помнишь, я тебе говорила, что всё пергорело и никого, кроме Сергея, для меня не существует теперь. Думаю, что ты помнишь и другое: что я хотела ему прямо сказать про Новогоднюю историю и всё пр., но ты отговорила, и я только сказала ему, “что раньше было всё равно, а теперь уже не та”. Между прочим, единственное, что мне больно, — то, что я послушалась твоих уговоров и не рассказала всё полностью, как и что было, а только отделалась той фразой.

Это единственное, в чем я чувствую себя немного виноватой, но только в том, что не сказала, а не в том, что сделала, повторяю, я считаю, что тогда я былавольна в своих действиях. Единственное, что я оберегала, это Шурку, тебя же оберегать было бы смешно, т. к. ты, слава Богу, приключения с Ритой еще раньше видела.

<...> Факт тот, что сейчас я уже не могу быть по-прежнему беззаветно преданной ему и отдавать всё, что ему нужно, так, как это раньше было — не задумываясь, оценит ли он это когда-либо; просто делать только потому, что для него это нужно. Ты ведь знаешь, что всё, что ему надо было, я всё готова была сделать, ничего не требуя от него, кроме, конечно, простого человеческого отношения. Вот если бы Сергей поднял бурю из-за новогодней эпопеи, то, хотя я и сейчас считаю, что я была вправе делать, что хочу, — всё же это было бы понятнее, и я снесла бы всё, что угодно. Но всю эту дикость, проявленную в отношении меня за несуществующие преступления, я не могу простить. Право же, я заслужила более человеческого отношения к себе. Вот это меня и оскорбляет — какая<-то> дрянь сочинила, и он, даже не узнав, в чем дело, огульно обвиняет меня. Ну и чёрт с ним, если он такой дурак.

Всё это знаешь, зачем пишу? — Во-первых, пойми, что сейчас на меня надеяться нечего и решай сама — не лучше ли хотя бы тебе быть сейчас около него; во-вторых — если к тебе будут приставать с разговорами — можешь вместо всяких объяснений прочесть это письмо.

16 / VI — 25».

Шубникова-Гусева-2008, 325–328.

Письмо, скорее всего, не было отправлено адресату и осталось в архиве Г.А.Бениславской.

С.С.Виноградская вспомнит:

«Когда между ним и Бениславской произошел разрыв, Есенин понял, что потерял ценнейшую опору в жизни — одруга. Он вышел из ее комнаты и в коридоре сказал себе вслух: “Ну, теперь уж меня никто не любит, раз Галя не любит”».

Как жил Есенин, 22.

Июнь, до 16 ... 30. Издательство «Мир» выпускает книгу П.Н.Сакулина «Социологический метод в литературоведении», где заходит речь о Есенине.

Кн. летопись, 1925, № 12, июнь, поз. 8850.

Из главы VIII «Индивидуальность писателя»:

«Точно так же пока проблемами остаются для нас вопросы <...> об индивидуальном моменте в творчестве и о социальном значении этого индивидуального момента. Действительно ли личность автора есть всецело продукт своей социальной среды? Действительно ли ей принадлежит лишь второстепенное значение, и для нас безразлично, кто написал произведение? Действительно ли социальная роль поэта ни в какой мере не зависит от его индивидуальных качеств? Для нас всё это еще вопросы, подлежащие рассмотрению. Пушкин, — говорят, — не создатель школы, а только ее глава. Пусть так. Но действительно ли глава литературной школы есть такая ничтожная величина, что о ней не стоит и говорить? Были же у П.С.Когана какие-нибудь основания для того, чтобы в книжке «Литература этих лет» останавливаться на отдельных личностях (см., напр., главы о Блоке, об Есенине)?

Нельзя не говорить о творческой личности писателя...»

Об упомянутой книге П.С.Когана см.: до 6 дек. 1923.

Июнь, 16. Есенин вместе с В.Ф.Наседкиным встречается с Н.А.Столляром.

Событие устанавливается по воспоминаниям В.Ф.Наседкина, а его дата — с учетом даты заявления Есенина в Госиздат (см.: 17 июня 1925, первая запись):

«...прежде чем идти в Госиздат, я предложил ему поговорить с издательством “Современные проблемы”. Он не возражал. Я тотчас же позвонил Н.А.Столляру.

На другой день Есенин поехал торговаться. Издатель жался. Уехали ни с чем. А на *следующий день* <курсив наш. — Сост.> под диктовку И.Евдокимова Есенин писал в Госиздат заявление об издании своих сочинений».

Материалы, 222.

Получает от В.Ф.Наседкина 150 рублей и отдает часть этих денег А.Ф.Титову.

В.Ф.Наседкин вспомнит:

«На другой день <ср.: 15 июня 1925, третья запись> приношу ему 150 рублей. Есенин расплачивается с мелкими долгами и дает дяде Саше... на дорогу, а сам через день опять без копейки».

Материалы, 221.

Пишет Е.А.Есениной в Константиново:

«Дорогая Екатерина! Случилось оч<ень> многое, что переменяло и больше всего переменяет мою жизнь. Я женюсь на Толстой и уезжаю с ней в Крым <поездка не состоялась>».

Перед отъездом должен с тобой переговорить. Мне нужно собрать все свои вещи и оставить тебе на лето денег. Приезжай, не задерживаясь. Собрание я продал. Продал еще 2 книги. Ботинки твои со злобы я испортил. Приедешь — куплю новые. Привет Шуру, отцу, матери и деду.

Твой Сергей.

16/VI 25 Москва».

Есенин, VI, 216, 708. Факсимиле см.: В семье родной, 61.

См. Приложение.

См. также: 23 июня 1925, первая запись; 2 июля 1925, четвертая запись.

В.Ф.Наседкин также пишет **Е.А.Есениной**:

«Здорово, славная и милая Катюша!

Сегодня уезжает дядя Саша, пишет Сергей <см. предыд. запись>, решил черкнуть и я.

Надеюсь, что ты жива и здравствуешь. У нас перемены. Сергей разорвал с Галей, по-видимому, навсегда. Как это случилось, расскажет Сергей, когда приедешь. Сейчас он живет со мной. Наверное, женится на Толстой.

Ну а я — говорить откровенно — жду Тебя. В ожидании помогаю Сергею по устройству его дел.

Да, забыл о самом главном: Сергей вот уж несколько дней не пьет совершенно. Я почему-то уверен, что это будет надолго. Ей-богу, я рад, как никогда, хотя мне лично всё это досталось с большими трудностями.

Поклон Татьяне Федоровне, Александру Никитичу и дедушке.

Поцелуй Шуру. Твой Наседкин.

Р. С. Как приедешь — заезжай ко мне, вернее, к Сергею. Поселишься у Толстой — она ждет тебя».

Юсов-2012, 302–303, с ориентировочной датой.

Письма Есенина и В.Ф.Наседкина, адресованные Е.А.Есениной, были отправлены в Константиново с А.Ф.Титовым, уезжавшим в тот день в родное село (см. также: 16 июня 1925, седьмая запись; 17 или 18 июня 1925).

Есенин и **В.Ф.Наседкин** приходят в музей **Л.Н.Толстого**, где служит **С.А.Толстая**.

Событие отмечается по календарной записи С.А.Толстой того же дня:

«С<ергей>, Нас<едкин> в Т<олстовском> Муз<ее>».

НН, 1995, № 34, с. 61.

Есенин посещает (вместе с **И.В.Грузиновым**, **А.М.Сахаровым**, **В.Ф.Наседкиным** и **А.Ф.Титовым**) дом по Столешникову пер., 5, где пишет заявление в Жилтоварищество № 191, в ведении которого находится здание:

«Прошу правление Жилтоварищества предоставить мне фанарные две комнаты с семьей в три человека, условия Ваши согласен, нуждаюсь. С. Есенин».

Есенин, VII (2), 219, с предположительной датой.

События устанавливаются и датируются по воспоминаниям В.П.Козлова (см. ниже) в соответствии с их содержанием (с учетом предыд. записей).

В.П.Козлов напишет:

«Учась на рабфаке, я не переставал писать стихи и всё время думал, как встретиться с Сергеем Есениным.

А жил я в Столешниковом переулке в доме № 5, квартире 15 и был членом домоуправления Жилтоварищества. <...>

Однажды, летом 1925 года, я пришел к Грузинову и застал у него много гостей — писателей. Они вели разговор об имажинизме. Не скрою, мне тогда трудно было уяснить суть споров. <...>

Когда все ушли, я сказал Грузинову, что мне очень хотелось бы встретиться с Сергеем Есениным.

— Ты работаешь в домоуправлении, я полагаю, что при твоей поддержке мы сумеем найти в нашем доме комнату для Есенина? — спросил меня Иван Васильевич.

— У нас есть две комнаты, которые можно сдать, — ответил я, — но там нет окон.

Совсем небольшие комнаты освещались через фонарное остекление потолка, так что свет дневной в них всё же был. Захочет ли Есенин здесь поселиться? Своими сомнениями я поделился с Грузиновым. Тот улыбнулся в ответ и заметил:

— Поедет, да еще с какой охотой, ты Сергея не знаешь, он — человек свой.

Мы установили день, когда должен был прийти Есенин смотреть комнаты.

...И вот наконец раздался звонок... Четыре звонка... Это ко мне. Я быстро выбежал открывать дверь. Первым входит Иван Грузинов со словами:

— Ну, вот мы и пришли, да целой оравой.

Вошли в комнату — пять человек!

— А это вот сам Сергей Есенин, — проговорил Грузинов.

Я протянул Есенину руку и крепко пожал. Помню, он был в сером костюме, с небрежно завязанным галстуком. Наверное, в тот момент для меня перестали существовать все, пришедшие с ним.

— Я — известный юморист Сахаров, — назвался один из них, — а вот — знаменитый поэт (это был Василий Наседкин), ну а это есть вся Рязань и губерния дяди Есенина.

Он показал на деревенского мужичка — бородатого, в коротком пиджаке, в лаптях. Есенин сел у стола, снял шляпу. На шутки Сахарова мягко улыбался.

— Ну, что же, товарищ Козлов, — обратился ко мне Есенин, — сумеем договориться?

— Думаю, что да.

Я предложил написать заявление, дал лист бумаги, он небрежно оторвал маленький кусок от листа.

— А что писать? — спросил Есенин.

Все засмеялись. Сахаров пошутил:

— Пиши, Сергей, стихами. Деньги получишь, а для Жилтоварищества память.

— В Жилтоварищество № 191... — подсказал я.

Есенин продолжал дальше, начав с просьбы: <текст см. выше>.

Я предложил ему осмотреть жильё.

Есенин заметил, что в комнатах пахнет сыростью, а потом улыбнулся:

— Ну, пошли, достаточно, посмотрели.

Вышли на улицу».

Вдовин, 447–448.

В Столешниковом переулке поэт так и не поселится, но через некоторое время там, по-видимому, найдет временное пристанище его двоюродный брат И.И.Есенин (см.: Есенин, VII (2), 359, 366).

После прощания с А.Ф.Титовым, отъезжающим в Константиново, Есенин и его спутники заходят в ресторан, где продолжают общение.

Из воспоминаний В.П.Козлова:

«Есенин и его друзья попрощались со мной и пошли по направлению к Моссовету. Я бросился их догонять. Слукавил, сказав, что мне тоже нужно идти в этом направлении. Уж очень хотелось мне тогда подольше побыть с Есениным.

Свернули по улице Дмитровке влево, остановились на трамвайной остановке.

— Передавай, что жив и здоров, — сказал Есенин, обращаясь к рязанскому мужичку.

— Приезжай, Сережа.

— Хорошо, привет всем, — ответил Сергей.

Медленно пошли по улице Дмитровке, свернули по направлению Тверской и пошли по Моховой.

— Слушайте, ребята, — проговорил Есенин, — быть может, зайдем, выпьем квасу?

Зашли в ресторан, заказали две бутылки квасу. Разговорились о современных поэтах.

— Песенка Мариенгофа спета, Шершеневич тоже скатился. Глубокие надежды питаю на Василия Казина... Маяковский большой талант, его поймут позже, — говорил Есенин.

Незаметно тема разговора изменилась. Сахаров неожиданно сказал:

— Нашел тебе, Сережа, невесту, и женим.

Есенин улыбнулся. Осмелев, я тоже вступил в разговор и даже посоветовал Есенину жениться на крестьянской девушке и на аэроплане больше не летать.

— Женюсь, скоро женюсь, — как-то неуверенно ответил Есенин.

В то время я, конечно, не знал об отношениях Есенина с Софьей Андреевной Толстой — внучкой великого писателя, которая вскоре стала его женой. А свою тогдашнюю смелость объясняю молодостью.

Сахаров приподнял скатерть со стола, за которым все мы сидели. На крышке его торцовой части было вырезано: "Сергей Есенин".

— Сергей, видишь?

Есенин взглянул.

— Это стол из кафе "Домино", — сказал он, — вырезал на память художник, который умер.

Расплатившись, вышли на улицу».

Вдовин, 448–449.

См. также: после 24 сент. — 2 нояб. 1925, пятая запись.

Затем Есенин и А.М.Сахаров встречаются с С.А.Толстой, чтобы вместе отправиться на киносеанс в «Кино-Колосс» (ул. Герцена, 13).

События отмечаются на основе сведений из воспоминаний В.П.Козлова, что по выходе из ресторана (см. предыд. запись) «Есенин с Сахаровым спешили в кино» (Вдовин, 449), и календарных записей С.А.Толстой, сделанных в тот день:

«С<ергей> и Сахаров. Кино "Танцовщица из Бродвэя", "Карин, Ингмарова дочь"». НН, 1995, № 34, с. 61.

Такая кинопрограмма шла в Москве 16 июня 1925 г. лишь в указанном месте (установлено Н.М.Солобай). Сеансов было три — в 6, 8.30 и 10.15 вечера (газ. «Вечерняя Москва», 1925, 16 июня, № 134). На каком именно из этих сеансов побывали Есенин и его спутники, не установлено.

Сведения о фильме «Танцовщица из Бродвэя» не выявлены. Кинокартина «Карин, Ингмарова дочь» была снята в 1920 г. шведским режиссером Виктором Шёстрёмом (Victor Sjöström).

По окончании киносеанса Есенин, А.М.Сахаров и С.А.Толстая ужинают в ресторане «Прага» (в 1920-е гг. — образцовая столовая Моссельпрома; Арбат).

Отмечается по последней из календарных записей С.А.Толстой, сделанных в тот день: «В Прагу» (НН, 1995, № 34, с. 61).

Июнь, 16 ... 30. В Российскую Центральную книжную палату поступает книга Есенина «Избранные стихи», выпущенная Государственным издательством РСФСР.

Кн. летопись, 1925, № 12, июнь, поз. 9668.

См. также: после 2 марта 1925, третья запись; до 14 июня 1925; 14 июня 1925, первая запись; после 14 июня 1925; 30 июня 1925, третья запись; 27 июля 1925; 28 июля 1925, третья запись; 22 авг. 1925; 25 сент. 1925, вторая запись; 1 окт. 1925, вторая запись.

Июнь, с 16 на 17. Есенин проводит ночь у С.А.Толстой.

Событие зафиксировано С.А.Толстой — на обороте листка календаря от 16 июня 1925 г. она записывает: «Ночев<ал> С<ергей>».

НН, 1995, № 34, с. 61.

Июнь, до 17. Выходит журнал «Молодая гвардия» (№ 5; за май) с информацией:

«Вышел из печати № 4 журнала “Красная новь”. Содержание <...> Стихи. С.Есенин — Анна Снегина. Поэма».

Граница события определяется по информации рубрики «Новые книги» в газ. «Правда» (1925, 17 июня, № 135).

О публикациях текста поэмы и откликов на нее см. также: 20 марта 1925, вторая запись; 1 мая 1925, пятая и шестая записи; 3 мая 1925; 21 ... 30 мая 1925; 1 июня 1925, вторая и третья записи; 18 июня 1925, третья запись; 20 июня ... 3 июля 1925; 21 и 23 июня 1925; 28 июня 1925, вторая запись; 30 июня 1925, девятая запись; 1 июля 1925, пятая запись; 8 июля 1925; 12 июля 1925, четвертая запись; 19 июля 1925, четвертая и пятая записи; 22 июля 1925, четвертая запись; 26 июля 1925, восьмая и девятая записи; до 20 сент. 1925; 30 сент. ... 12 окт. 1925; 12 окт. 1925, вторая запись; 15 дек. 1925, третья запись.

Июнь, 17. Придя в Госиздат, Есенин пишет заявление в литературно-художественный отдел об издании собрания своих стихотворений и поэм «в количестве 10.000 строк, по рублю за строку, с единовременной выдачей в 2.000 рублей и остальные с ежемесячной выдачей по 1.000 руб. <...> сроком издания на 2 года, тиражом не более 10.000. Мое собрание стихотворений и поэм никогда не издавалось».

Есенин, VII (2), 219, 359–361.

В 1926 г. И.В.Евдокимов, в копии которого сохранился этот документ, сопроводит его публикацию словами:

«Дня через два <ср.: около 15 июня 1925; 16 июня 1925, первая запись> он появился с Наседкиным и под мою диктовку наспех написал следующее заявление... <...>

Все условия его были приняты, кроме одного: единовременной выдачи двух тысяч рублей».

САЕ, 206.

См. также: 30 июня 1925, первая запись.

Получив удостоверение об окончании полного курса обучения на литературном отделении Государственного института слова, С.А.Толстая приходит к В.Ф.Наседкину, чтобы встретиться с Есениным.

События устанавливаются по ее календарным записям от того же числа:

«В И<нститут> С<лова> за литером. К Наседк<ину>».

НН, 1995, № 34, с. 61.

См. также: с 17 на 18 июня 1925.

Новониколаевская газета «Советская Сибирь» (№ 135) публикует статью М.К.Азадовского «Революция и современность в устном народном творчестве», в которой говорится о Есенине:

«В печати неоднократно приводились факты <...> причудливого сплетения старых и новых форм быта. Этот меняющийся, смятенный облик современной деревни нашел художественное воплощение в одном из недавних стихотворений Сергея Есенина».

Далее следует (почти без изменений) текст, вошедший во второе издание книги автора статьи «Беседы собирателя» (см.: до 23 июля — до 16 авг. 1925, вторая запись), о чем сообщается в соответствующем редакционном примечании.

Июнь, с 17 на 18. Есенин и С.А.Толстая ночуют у В.Ф.Наседкина.

Событие и его время устанавливаются по календарной записи С.А.Толстой (оборот листка 17 июня): «Ночев<ала> у Нас<едкина> с Ес<ениным>».

НН, 1995, № 34, с. 61. Слова «...с Ес.» приписаны позже (Календарь GMT).

Июнь, 17 или 18. Получив письмо брата, Е.А.Есенина выезжает из Константинова в Москву.

Событие и его время определяются в соответствии с тем, что А.Ф.Титов, которому были отданы в Москве написанные 16 июня письма Есенина и В.Ф.Наседкина к Е.А.Есениной (см.: 16 июня 1925, третья и четвертая записи), выехал в родное село в тот же день (см.: 16 июня 1925, седьмая запись). Очевидно, сразу по возвращении он передал эти письма адресату, поскольку уже через день сестра поэта оказывается в Москве (см.: 19 июня 1925, третья запись).

Июнь, 18. Есенин, С.А.Толстая и В.Ф.Наседкин встречаются с П.И.Чагиным и В.И.Болдовкиным.

Событие устанавливается по календарной записи С.А.Толстой того же дня:

«Серг<ей>. Насед<кин>. 2 Чагин<ых>».

НН, 1995, № 34, с. 61.

О встречах с Есениным на квартире С.А.Толстой упоминает и брат П.И.Чагина (см.: Болдовкин-2003, 96).

В письме А.К.Воронскому из Сорренто М.Горький откликается на публикацию «Анны Снегиной» в «Красной нови»:

«Есенин в 4-й книге так себе».

Сб. «Архив А.М.Горького», М.: Наука, 1965, т. 10, кн. 2, с. 21.

О публикациях текста поэмы и откликов на нее см. также: 20 марта 1925, вторая запись; 1 мая 1925, пятая и шестая записи; 3 мая 1925; 21 ... 30 мая 1925; 1 июня 1925, вторая и третья записи; до 17 июня 1925; 20 июня ... 3 июля 1925; 21 и 23 июня 1925; 28 июня 1925, вторая запись; 30 июня 1925, девятая запись; 1 июля 1925, пятая запись; 8 июля 1925; 12 июля 1925, четвертая запись; 19 июля 1925, четвертая и пятая записи; 22 июля 1925, четвертая запись; 26 июля 1925, восьмая и девятая записи; до 20 сент. 1925; 30 сент. ... 12 окт. 1925; 12 окт. 1925, вторая запись; 15 дек. 1925, третья запись.

ЦК РКП(б) принимает резолюцию о политике партии в области художественной литературы.

Дату события см. в записи о публикации документа (1 июля 1925, четвертая запись). Отклик Есенина на резолюцию см.: 6 июля 1925, третья запись.

Парижская газета «Последние новости» (№ 1579; раздел «Хроника советской литературы»); подпись: «И.» воспроизводит суждение о Есенине из статьи Е. Досекина «Литературное безвременье»:

«Есенин — Блок, положенный на гармошку».

См.: 19 мая 1925, третья запись; 23 июня 1925, вторая запись; 29 июля 1925.

Июнь, 18 (?) ... 30. Есенин в последний раз встречается с В.С.Чернявским.

Событие и его верхняя граница устанавливаются по воспоминаниям В.С.Чернявского (см. ниже); нижняя граница дается ориентировочно на основе сказанных мемуаристу слов Есенина, что состоялась «окончательная покупка Госиздатом его сочинений для трехтомного издания» (см. об этом: 17 июня 1925, первая запись).

В.С.Чернявский напишет (1926):

«В Москве летом (июнь 1925), за полгода до кончины Сережи, я видел его в последний раз. Приехав туда на один спектакль, я едва добился его по телефону за три часа до отхода моего поезда. <...>

Голос его в трубке был совершенно больной, далекий, брезжущий, точно в испорченном аппарате. Подумав, он назначил мне встречу в Госиздате. Поджидая его у подъезда, я издали узнал его знакомый шоколадного цвета пиджак и коричневую фетровую шляпу.

Он шел не один, мясистое лицо одного из его спутников <А.М.Сахарова> было мне хорошо знакомо по ленинградским встречам.

На этот раз Сергей неприятно поразил меня своим видом. В нем было что-то с первого взгляда похожее на маститость, он весь точно поширел и шел не по сложению грузно. Лицо бумажно-белое не от одной пудры, очень опухшее; красные веки при ярком солнечном свете особенно подчеркивали эту белизну. Мы расцеловались крепко, как всегда, но не весело, и ласковости Сергея, глядевшего по временам куда-то мимо, в тоскливой рассеянности, была не та, «не Сережина», точно я стал ему совсем чужим и ненужным.

В вестибюле, непрерывно с кем-то здороваясь, как настоящая и чтимая знаменитость, он присел со мной на скамью и тут, точно собравшись внутренне и вспомнив что-то, посмотрел на меня веселей. Первое, о чем он рассказал мне, была новая женитьба. Посвящая меня в эту новость, он оживился, помолодел и объявил, что мне обязательно нужно видеть его жену. «Ну, недели через две приедем, покажу ее тебе». Имя жены он произнес с гордостью. Сергей Есенин и Софья Толстая — это сочетание, видимо, нравилось и льстило ему. Еще событие: окончательная покупка Госиздатом его сочинений для трехтомного издания.

И вдруг, оглянувшись по сторонам, сорвался с места, заторопился: «Пойдем!» Ухватив меня под руку, он довольно повелительно сказал своим спутникам, чтобы они его ожидали (у них был деловой день).

Мы, по обычаю, пошли в пивную.

— Только не в эту, тут знакомых встретим, вон туда, за угол...

Внизу за столиком потребовал: «Трехгорного, похолоднее», — и закашлялся хрипло и скверно.

Его вид, его страшная, уже не только похмельная осиплость заставили меня привязаться к нему с разговором о здоровье. Он стал рассказывать о тяжелой простуде, схваченной на Кавказе <подробнее см.: 19 апр. 1925, первая запись>.

<...> Но всё, что он говорил мне о житейском, о намеченной после короткого пребывания в Ленинграде <это намерение не осуществилось> поездке с женой на юг, чтобы подольше пожить там, о том, что острый процесс он преодолел и доктора очень хвалят его

организм, о твердом желании лечиться, о деньгах, которые его наконец обеспечат и дадут возможность купить для всей семьи квартиру “в четыре тысячи” — всё это звучало самой естественной, простой бодростью и обманчиво успокаивало, казалось, что он еще очень силен, что его жизненность непременно победит, что Есенин это наверное — жизнь.

— Тридцать лет, Володя! Знаешь, я в этом году брошу пить. У нас в семье так со всеми бывало. Почти алкоголики, а на тридцатом году бросали...

Его тоскливость совсем пропала, муть в глазах прояснилась, ресницы по-старинному, уже по-“Сергунькиному” смеялись. Мы опять были наперекор разлукам и всему остальному — старые друзья, как “тогда”. Но говорить пришлось недолго. И здесь со всех сторон начали здороваться, подсаживаться разные лица и рыла. “А, Сергею Александровичу”, “Послушайте, еще пару сюда. Да садись, садись, куда ты? Вот, познакомьтесь...” И он стал хозяйственно разливать пиво по бокалам, видимо, деловым знакомым.

Мне пора было на поезд. Сергей расплатился, проводил меня немного, помогая мне нести чемодан, но казался опять озабоченным. Последние слышанные мною слова его: “Ты ожидай, обязательно приеду”.

В поезде молодой рабфаковец, начинающий в литературе, говорил с соседом об Есенине. Его слава и талант, видимо, внушали молодежи уважение, так и было сказано: “Мы его уважаем”. Но заносчивость и бравирующие, надменные слова: “Кто вы такие? Вы должны у меня учиться!” — запомнились и раздражали их. Есенин был им всё-таки чужой».

Восп., 1, 232–234.

Июнь, с 18 на 19. Есенин проводит ночь на квартире С.А.Толстой.

Событие и его время устанавливаются по календарной записи С.А.Толстой (оборот листка 18 июня): «Ночев<ал> Серг<ей>».
НН, 1995, № 34, с. 61.

Июнь, 19. Литератор В.И.Цветнов приходит в Померанцев пер. с намерением увидеться и поговорить с Есениным (встреча не состоялась).

Событие устанавливается по календарной записи С.А.Толстой, сделанной в тот же день: «Утр<ом> Цветнов».
Календарь ГМТ. В печатном тексте (НН, 1995, № 34, с. 61) искажена фамилия (напечатано «Цветков»).

Оставляет Есенину записку:

«Очень важные моменты заставляют меня искать с Вами встречи.

Дело в том, С. А., что я занят сейчас и всё лето писанием очерка о путях Вашего далеко еще не законченного и раскрывающего всё новые формы творчества. Да, это будет — очерк. Многое в Вас для меня еще тайна. Вот почему мне и хотелось бы с Вами побеседовать.

Мы это сумели бы сделать. Разрешите, Сергей Александрович, заранее поблагодарить Вас за все будущие стихи».

Письма, 283.

Есенин и С.А.Толстая обедают в обществе Е.А.Есениной и С.Карташова.

Событие устанавливается по календарной записи С.А.Толстой того же дня: «Обед. Кат<я> Ес<енина> и Карташов».
НН, 1995, № 34, с. 61.

Затем все они отправляются к Н.П.Савкину (Трубниковский пер., 9, кв. 1) и вместе с ним и его женой совершают прогулку на речном пароходе, где к ним присоединяются П.И.Чагин и В.И.Болдовкин.

События устанавливаются по календарной записи С.А.Толстой того же дня:

«К Савкину. На пароходе 2 Ес<ениных,> 2 Чаг<иных,> 2 Савк<иных,> Карташ<ов>».

Календарь ГМТ. В НН (1995, № 34, с. 61) эта запись опубликована с пропусками слов «К Савкину» и «Карташ<ов>».

Из воспоминаний В.И.Болдовкина:

«...приехал в Москву брат <П.И.Чагин>, и каждый день мы встречались с Сергеем. В один из хороших солнечных московских дней катались на речном трамвае Савкин, Яковлев, Сухотин и брат».

Болдовкин-2003, 96.

В записи С.А.Толстой (см. выше) ни Яковлев (неустановленное лицо), ни Аля (А.М.Сухотин) не упоминаются. Не исключено, что В.И.Болдовкину запомнилась аналогичная, но другая речная прогулка, состоявшаяся в те же июньские дни, тем более что знаком он был не с А.М.Сухотиным, а с его однофамильцем — П.С.Сухотиным (см.: 30 или 31 мая 1925).

А.Жаров надписывает Есенину книгу своих стихов «Сердце горит...» (М.: Новая Москва, 1925):

«С.А.Есенину с искренней любовью. Ал. Жаров. 19. VI – 25».

Шубникова-Гусева-2008, 329.

Судя по местонахождению этого экземпляра в наши дни (архив наследников А.Г.Назаровой), Есенин оставил сборник А.Жарова у Г.А.Бениславской (19 или после 19 июня 1925).

«Характерно, что часть листов этой книги осталась неразрезанной, а значит — непрочитанной» (Шубникова-Гусева-2008, 330).

См. Приложение.

Июнь, 20. Есенин надписывает книгу «Березовый ситец» своему знакомому Ю.А.Ушеренко:

«Дорогому Юрочке / В знак симпатии / С. Есенин / 19 20/VI 25 / М.».

Есенин, VII (1), 266, 489.

См.: 1 апр. 1925, третья запись; 15 апр. 1925; 1 мая 1925, восьмая запись; 15 мая 1925, пятая запись; 21 ... 30 мая 1925; 22 мая 1925, первая запись; 1 июня 1925, третья запись; 1 ... 15 июня 1925; 5 июня 1925, первая и вторая записи; 10 июня 1925; 11 июня 1925; 12 июня 1925, первая–третья и пятая записи; с 12 на 13 июня, вторая запись; до 15 июня 1925, вторая запись; 27 июня 1925, первая запись; 30 июня 1925, восьмая запись; 2 июля 1925, первая запись; до 7 июля 1925; 14 июля 1925, вторая запись; 26 июля 1925, седьмая запись; 31 июля 1925, вторая запись; 2 авг. 1925, третья запись; 11 авг. 1925, вторая запись; 1 сент. 1925, третья запись; 10 ... 24 сент. 1925; 18 окт. 1925, первая запись; окт. (?) 1925, первая запись.

См. Приложение.

Заключает с Госиздатом договор № 7600 на издание книги «Рябиновый костер»:

«ДОГОВОР 7600

Москва 20 июня 1925 года Государственное издательство (Госиздат), с одной стороны, и Сергей Есенин, с другой, заключили между собой настоящий договор в нижеследующем:

1. С Есенин обязуется представить Госиздату в совершенно готовом для печати виде к 25 июня рукопись стихов «Рябиновый костер» размером две тысячи стих. строк, передав Госиздату исключительное право на издание и переиздание вышеозначенного труда в течение двух лет со дня получения его Госиздатом в совершенно готовом для печати виде.

Примечание: при представлении рукописи автор обязуется руководствоваться и точно придерживаться прилагаемой при настоящем договоре инструкцией.

2. В случае, если труд автора будет признан Редакцией Госиздата или Государственным Ученым Советом подлежащим исправлению или переработке, автор обязуется сделать безвозмездно требуемые изменения в срок — по указанию Редакции Госиздата.

3. Тираж первого договорного издания определяется в количестве не более 10000 экземпляров, причем выпуск из печати Госиздатом этого тиража допускается частями и в разное время.

4. За приобретенное по сему договору право издания Госиздат уплачивает гонорар в размере 50 коп. стихотворная строка.

5. За каждую 1.000 экземпляров, выпущенных свыше тиража, указанного в п. 3-м настоящего договора, в первом издании и за каждую 1.000 экземпляров последующих изданий Госиздат уплачивает *Сергею Есенину* вознаграждение в размере 50% того гонорара, который приходится на каждую 1.000 максимального количества экземпляров первого договорного издания.

6. Авторский гонорар уплачивается: не позднее 14 дней по подписании обеими сторонами настоящего договора в размере 25%; 55% по представлении рукописи в окончательно готовом для печати виде и 20% по подписании последнего листа первой авторской корректуры.

Примечание: В случае представления рукописи автором в небрежном виде или не вполне подготовленной к печати, расходы на ее переписку и приведение в порядок относятся на счет автора.

7. *С.Есенин* обязуется не задерживать своей корректуры. В случае неаккуратного доставления ее Госиздату вправе взыскать с него все причиненные Госиздату вследствие этой задержки убытки.

8. Госиздат выдает автору бесплатно 25 экземпляров книги по выходе ее из печати первым изданием и 13 экземпляров за каждые 5000 повторных изданий.

9. *С.Есенин* обязуется во время действия настоящего договора не выпускать в продажу ни сам, ни через другое лицо особого издания вышеназванного труда, хотя бы и в измененном виде или под другим названием. В противном случае Госиздат вправе взыскать с него в виде неустойки полную сумму номинальной стоимости всего тиража такого издания.

10. Если в течение 2 лет со дня принятия рукописи от *С.Есенина* Госиздат не издаст ее, настоящий договор расторгается, причем все деньги, полученные по сему договору от Госиздата обратному возврату не подлежат, а представленная рукопись подлежит возврату.

11. Если *С.Есенин* не представит Госиздату в определенный в настоящем договоре срок рукописи вышепоименованного своего труда в готовом для печати виде, то Госиздат вправе считать этот договор нарушенным, причем *С.Есенин* обязан возвратить Госиздату полученные им авансом суммы в двойном размере.

12. Адрес *С.Есенина* следующий: Москва, Остоженка, Троицкий пер., д. 3, кв. 8.

При перемене адреса *С.Есенин* обязан немедленно сообщить Госиздату свой новый адрес.

13. Все споры по настоящему договору разрешаются судебными учреждениями гор. Москвы.

14. Подлинный договор иметь Госиздату, а копию с него *Сергею Есенину*.

ЗАВЕДУЮЩИЙ ЛИТ.-ХУДОЖ. ОТДЕЛОМ *Н. Николаев*.

АВТОР *Сергей Есенин*

СЕКРЕТАРЬ».

Есенин; VII (2), 258–260, 461–463; Есенин, I, 397–398.

Первоначальная дата, имевшаяся в машинописном договоре («21 ноября 1924 года»), исправлена на 20 июня 1925 г. рукой И.В.Евдокимова. Скорее всего, эта машинопись выполнена именно в указанный срок 1924 г. по инициативе Г.А.Бениславской, обратившейся в Госиздат с предложением издать сборник «Рябиновый костер» по указанию самого поэта. Адрес Есенина вписан в документ позднее (Есенин, VII (2), 462).

См. также: до 20 окт. 1924, вторая запись; 21 нояб. 1924, вторая запись; 14 дек. 1924, первая запись; 10–30 июня 1925, первая запись.

Книга в свет не вышла.

Журнал «Книгоноша» (№ 21; раздел «Массовая литература»; подпись: «Л. С.») публикует обзор журнала «Город и деревня», в котором заходит речь о Есенине.

Отмечая в журнале позитивные перемены «к лучшему в литературном смысле», автор пишет:

«На страницах журнала пестрят имена Сейфуллиной, П.Романова, Сергея Есенина и др. <...> совсем как в солидных толстых журналах».

Июнь, 20 ... Июль, 3. В Новониколаевске выходит журнал «Сибирские огни» (№ 2; за март-май) с сообщением о выходе из печати № 4 журнала «Красная новь» с «Анной Снегиной» Есенина.

Нижняя граница события определяется по информации газ. «Советская Сибирь» (1925, 19 июня, № 137) о том, что номер печатается, а его верхняя граница — по рецензии на это издание (газ. «Советская Сибирь», 1925, 4 июля, № 150).

О публикациях текста поэмы и откликов на нее см. также: 20 марта 1925, вторая запись; 1 мая 1925, пятая и шестая записи; 3 мая 1925; 21 ... 30 мая 1925; 1 июня 1925, вторая и третья записи; до 17 июня 1925; 18 июня 1925, третья запись; 21 и 23 июня 1925; 28 июня 1925, вторая запись; 30 июня 1925, девятая запись; 1 июля 1925, пятая запись; 8 июля 1925; 12 июля 1925, четвертая запись; 19 июля 1925, четвертая и пятая записи; 22 июля 1925, четвертая запись; 26 июля 1925, восьмая и девятая записи; до 20 сент. 1925; 30 сент. ... 12 окт. 1925; 12 окт. 1925, вторая запись; 15 дек. 1925, третья запись.

Июнь, 21. У С.А.Толстой обедают Есенин, его сестра Екатерина и двоюродный брат Илья, а также В.Ф.Наседкин, А.М.Сахаров и И.Приблудный.

Событие устанавливается по календарной записи С.А.Толстой, сделанной в тот же день:

«У меня обедали: Серг<ей>, Кат<я>, Наседк<ин>, Сахар<ов>, Ив<ан> Прибл<удный>, Илья».

НН, 1995, № 34, с. 61.

Из воспоминаний А.А.Есениной:

«Илья был сыном брата нашего отца. Ему было лет двадцать, родители у него умерли. Теперь Илья учился в рыбном техникуме, жил в общежитии, но больше всего находился у нас, был привязан к Сергею и стал, в сущности, членом нашей семьи».

Восп., 1, 109.

Во время совместной прогулки попугай вынимает для Есенина у цыганки-гадалки кольцо, которое он дарит С.А.Толстой.

События устанавливаются и датируются по приписке, тогда же сделанной С.А.Толстой справа от вышеприведенной календарной записи:

«Попугай с кольцом».

НН, 1995, № 34, с. 61

См. Приложение.

Эпизод найдет отражение в стихотворении «Видно, так заведено навеки...» (см.: 14 июля 1925, первая запись):

Вынул я кольцо у попугая <...>
 То кольцо надела мне цыганка.
 Сняв с руки, я дал его тебе (Есенин, I, 233).

Вспомнит Есенин о нем и в беседе с С.С.Виноградской:
 «Было лето 1925 года. Он уезжал на Кавказ. Лицо его было скомканное, он часто поглаживал волосы, и большая внутренняя боль глядела из глаз его.

— Сергей Александрович, что с вами, отчего вы такой?

— Да, знаете, живу с нелюбимой.

— Зачем же вы женились?

— Ну-у-у! Зачем? Да на зло, вышло так. Ушел я от Гали <Г.А.Бениславской>, а идти некуда. Грустно было, а мне навстречу так же грустно шарманка запела. А шарманку цыганка вертит. И попугай на шарманке. Подошел я, погадал, а попугай мне кольцо вытащил. Я и подумал: раз кольцо вытащил, значит, жениться надо. И пошел я, отдал кольцо и женился.

Есенин замолчал и потом с какой-то таинственностью в голосе добавил:

— А кольцо-то ведь почернело! Понимаете, почернело!»

Как жил Есенин, 14.

В 1960-е годы А.А.Есенина напишет:

«Кольцо <...> действительно Сергею на счастье вынул попугай незадолго до его женитьбы на Софье Андреевне. Шутя, Сергей подарил это кольцо ей. Это было простое медное кольцо очень большого размера, и носить такое кольцо было трудно. Но Софья Андреевна сжала его и надела между двумя своими кольцами. Красоты в этом кольце не было никакой, однако проносила она его много лет».

Восп., 1, 118.

Есенин и А.М.Сахаров фотографируются с цыганками.

Есенин, VII (3), [192] (№ 99), 263.

См. Приложение.

Июнь, 21 и 23. Газета «Парижский вестник» (№ 41 и 42) перепечатывает поэму Есенина «Анна Снегина» с пометой: «Январь 1925 г. Батум».

О публикациях текста поэмы и откликов на нее см. также: 20 марта 1925, вторая запись; 1 мая 1925, пятая и шестая записи; 3 мая 1925; 21 ... 30 мая 1925; 1 июня 1925, вторая и третья записи; до 17 июня 1925; 18 июня 1925, третья запись; 20 июня ... 3 июля 1925; 28 июня 1925, вторая запись; 30 июня 1925, девятая запись; 1 июля 1925, пятая запись; 8 июля 1925; 12 июля 1925, четвертая запись; 19 июля 1925, четвертая и пятая записи; 22 июля 1925, четвертая запись; 26 июля 1925, восьмая и девятая записи; до 20 сент. 1925; 30 сент. ... 12 окт. 1925; 12 окт. 1925, вторая запись; 15 дек. 1925, третья запись.

Июнь, 22. Есенин и С.А.Толстая приходят к В.Ф.Наседкину.

Событие устанавливается по календарной записи С.А.Толстой того же дня:

«К Наседк<ину>».

НН, 1995, № 34, с. 62.

Есенин надписывает ему свою фотографию с сестрой Екатериной:
«Милому Васе. / С дружбой и любовью. / С. Есенин. / 22/VI 25».

Есенин, VII (1), 268, 490.

См.: 1 ... 6 или 19 ... 21 июня 1925.

Обедает вместе с С.А.Толстой в ресторане «Барселона» (ул. Петровка, 14).

Событие устанавливается по календарной записи С.А.Толстой того же дня:

«Обед в “Барселоне” с Серг<еем>».

НН, 1995, № 34, с. 62.

Дарит свою фотографию 1924–1925 годов Н.П.Савкину с надписью:
«Коле Савкину, другу-товарищу / с любовью / С. Есенин. / 22 VI 25».

Есенин, VII (1), 267, 489.

Июнь, 23. С.А.Толстая подает в Хамовнический народный суд заявление о разводе.

Дата фиксируется по календарной записи С.А.Толстой того же дня:

«Подала заявление о разводе».

НН, 1995, № 34, с. 62.

Текст заявления:

«19 октября 1921 г. я вышла замуж за Сергея Михайловича Сухотина. В настоящее время муж мой находится за границей (уехал 13 марта с. г.). Он тяжело болен, и если вылечится, то вернется не раньше как через 1 ½ года.

Настоящим прошу Народный суд развести меня с мужем, т. к. я хочу вторично выйти замуж.

С.Сухотина-Толстая».

Письма, 175.

См. также: 16 июня 1925, третья запись; 2 июля 1925, четвертая запись; 15 июля 1925, шестая запись.

Вечерний выпуск ленинградской «Красной газеты» (№ 163) публикует статью В.Друзина «Усекновение главы: Статья дискуссионная», в которой говорится о Есенине:

«Да, ни более, ни менее, как усекновение главы учиняет Егор Досекин современной русской литературе <см.: 19 мая 1925, третья запись; 22 мая 1925, первая запись>. Даже страшно становится: с завидной лихостью врзается в ряды современных литераторов сей неистовый критик и что есть силы крошит и рубит направо и налево. Подсеченных под корень жертв Егора Досекина не обогреть. Тут и Серапионы, и Алексей Толстой, и Бабель, и Маяковский, и Асеев, и Есенин. Всем прописана чистая отставка.

<...> появление Есенина (после его поездки “по Европам”), “Москва кабацкая” — явление поэзии упадочной. Но почему же в таком случае Есенин оказал (и оказывает) громадное влияние на пролетпоэтов?

Секрет — в новых интонациях, принесенных Есениным, секрет в напряженной эмоциональности есенинского стиха. Есенин согрел русскую поэзию, замороженную акмеистами и механизированную футуристами. Ведь к Есенину пришел в 1924 г. в “Лирических отступлениях” Асеев.

Впрочем, всё это для Егора Досекина — грамота за семью печатями, ибо подход к литературным произведениям у него сугубо дилетантский. Для него критики-формалисты всего лишь ловцы “блок-рифм в безвоздушном пространстве”. А что нельзя противопоставлять форму и содержание, что каждое литературное произведение — некая конструкция, где имеются элементы организованные (“форма” и “содержание”), что без анализа жизни первых нельзя понять жизнь последних, — всё это для Досекина — пустой звук. Отсюда и его нелепая характеристика Есенина и Маяковского.

Сейчас мы имеем в поэзии — Асеева (ритм, звукозапись, четкость рисунка, выработанность стиха, — по наследству от Гумилёва), Есенина (эмоциональная заразительность), Маяковского <...>.

См. также: 12 июня 1925, шестая запись.

Июнь, 23 или 24. На квартире В.Ф.Наседкина Есенин фотографируется вместе с ним.

Есенин, VII (3), [191] (№ 97), 260–262.

Это и следующее события устанавливаются по воспоминаниям В.Ф.Наседкина (см. ниже), а их время — с учетом сведений из его телеграммы из Мелеуза (Башкирия) со словами: «... в деревне с субботы <т. е. с 27 июня>...» (см.: 29 июня 1925, вторая запись).

Из воспоминаний В.Ф.Наседкина:

«Перед моим отъездом из Москвы <курсив наш. — Сост.> ко мне зашел знакомый студент, любитель-фотограф <П.П.Лазовский>. Есенин сидел у меня, что и нужно было зашедшему. Он снял Есенина одного и со мной вместе. Одиночная карточка испортилась, зато очень хорошо вышла вторая. Но карточка не понравилась Есенину. Без ретуши она была слишком верна, Сергей выглядел на ней худым, усталым, т. е. таким, каким он был тогда после пьянки».

Материалы, 225.

Несколько иначе опишет историю съемки сам фотограф:

«Я установил треногу, укрепил аппарат, набросил на себя кусок черной материи и стал наводить объектив на резкость. Мне казалось, я слишком долго копошусь с наводкой, и боялся, что Есенина рассердит моя медлительность. Торопясь и волнуясь, я вставил в аппарат первую попавшуюся кассету, нажал грушу спуска. Есенин встал, считая съемку оконченной. Надел шляпу, стал прощаться. Я упросил его посидеть еще несколько минут, чтобы сделать повторный снимок. Не снимая шляпы, Есенин опустился на стул. Я сделал второй снимок, сменил кассету, намереваясь фотографировать еще раз, но Наседкин остановил меня:

— Подожди, друг, фотографируй нас вместе, — он приставил стул, сел рядом с Есениным. Я снял их вдвоем. <...> дома я проявил пластинки и — о, ужас! Когда я снимал Есенина, то в сумбурном том состоянии совершенно забыл, что одна пластинка была уже заснята. К великой досаде, первый снимок, для которого поэт позировал без шляпы, не получился, другие вышли сравнительно удачно».

Лазовский П. Дорогой образ: История одной фотографии. — ЛР, 1970, 2 окт., № 40, с. 12–13.

Есенин окончательно поселяется у С.А.Толстой по адресу: Померанцев пер., д. 3, кв. 8.

Из воспоминаний В.Ф.Наседкина:

«Решаю на лето оставить Москву <...>. Но как быть с Есениным? Один “без пристрастия” и в чужой комнате жить, конечно, не захочет. От Гали Бениславской он ушел совсем».

И вот как-то нерешительно, почти нехотя, стал он перебираться на новое местожительство».

Материалы, 224.

А.А.Есенина вспомнит:

«... в середине июня 1925 года Сергей переехал на квартиру Софьи Андреевны Толстой в Померанцевом переулке. <...>

С переездом Сергея к Софье Андреевне сразу же резко изменилась окружающая его обстановка. После квартиры в Брюсовском переулке, где жизнь была простой, но шумной, здесь в мрачной музейной тишине было неуютно и нерадостно. В Померанцевом всё напоминало о далекой старине: в массивных рамах портреты толстовских предков, чопорных, важных, в старинных костюмах, громоздкая, потемневшая от времени мебель, поблёкшая, поцарапанная посуда, горка со множеством художественно раскрашенных пасхальных яиц и — как живое подтверждение древности — семидесятипятилетняя горбатенькая работница Марфуша, бывшая крепостная Толстых, прослужившая у них всю свою безрадостную жизнь, но сохранившая старинный деревенский выговор: “нетути”, “тутати”.

Серый, мрачный шестиэтажный дом. Сквозь большие со множеством переплетов окна, выходявшие на северную сторону, скупо проникал свет. Вечерами лампа под опущенным над столом абажуром освещала людей, сидящих за столом, остальная же часть комнаты была в полумраке.

Квартира была четырехкомнатная. В одной из комнат жила жена двоюродного брата Сони с двумя маленькими детьми, которых редко выпускали в коридор, чтобы не шумели. Другую комнату занимала двоюродная тетя Сони, женщина лет пятидесяти, которая ходила всегда в старомодной длинной расклешенной юбке и в белой блузке с высоким воротом. Она почти не выходила из своей комнаты, и, бывая в этой квартире в течение нескольких месяцев, я лишь два раза слышала, как Соня с этой тетей обменялись несколькими фразами на французском языке.

В этой квартире жили люди кровно родные между собой, но внутренне чужие друг другу и почти не общались.

Иногда к Соне приходила ее мать — Ольга Константиновна — красивая брюнетка с проседью, с черными, как маслины, глазами. Говорила она мало и тихим голосом, как будто боясь спугнуть устоявшуюся здесь тишину.

Сергей очень любил “уют, уют свой, домашний”, о котором писала ему Галя, где каждую вещь можно передвинуть и поставить, как тебе нужно, не любил завешанных портретами стен. В этой же квартире, казалось, вещи приросли к своим местам и давили своей многочисленностью. Здесь, может быть, было много ценных вещей для музея, но в домашних условиях они загромождали квартиру. Сергею здесь трудно было жить».

Восп., 1, 116–117.

Июнь, 24. Есенин и С.А.Толстая встречаются с П.И.Чагиным, В.И.Болдовкиным и А.М.Сахаровым.

Все вместе обедают в ресторане «Барселона».

Затем едут в подмосковный поселок Малаховка в гости к отдыхающему там Б.З.Шумяцкому.

К тому времени Б.З.Шумяцкий, бывший полпредом и торгпредом РСФСР в Персии, был отозван с дипломатической работы. Вскоре он станет членом Ленинградского губкома РКП(б) и займет должности председателя правления и главного редактора издательства «Прибой».

События этого дня устанавливаются по календарной записи С.А.Толстой того же дня:

«С Серг<еем> к Чагиным и с Сахар<овым>. Обед в “Барселоне”. К Шумяцкому <так!> в Малаховку».

НН, 1995, № 34, с. 62.

В.И.Болдовкин вспомнит:

«В одну из суббот <на самом деле в среду> после работы, мы поехали в Малаховку, на дачу к Б.З.Шумяцкому. Вечерело. Сидели на веранде, пили чай. Оживленная беседа. Но Сергею и брату как-то было не по себе.

— Борис Захарович, чай да чай, — говорит брат, — уж очень холодный напиток.

— Нужно бы чего-нибудь погорячее, а то вечер довольно прохладный, — говорит Сергей. Шутка за шуткой, Борис Захарович говорит:

— Я-то человек непьющий, в доме горячих напитков не держу. А вам поделом, нужно было бы предупредить о своем посещении, здесь не город, скоро не найдешь.

Старушка-няня, хлопотавшая за столом, лукаво улыбнулась и говорит:

— У меня есть немножечко, чем попотчевать гостей.

Сергей вскочил со стула, взял няню под руку и стал с ней шушукаться. Через минуту он с ней пошел в ее комнату и является оттуда сияющий с бутылкой какой-то настойки, не то “перцовки”, не то “дубняка”.

— Прямо из-за образов святых выташил. Вот и влага, которую воспел Хайям.

Беседа пошла более оживленно. Уже за полночь. Хозяева оставляют нас на ночевку, вряд ли мы успеем к поезду <...>. Всё же прощаемся».

Болдовкин-2003, 96.

Есенин дарит жене Б.З.Шумяцкого Л.И.Шумяцкой книгу с автографом — поэтическим экспромтом.

В.А.Вдовин, встречавшийся с членами семьи Шумяцких, в статье «Новое о Сергее Есенине», где впервые был опубликован экспромт, расскажет со слов внука дипломата (Б.Л.Шумяцкого):

«В 1925 году Борис Захарович Шумяцкий был в отпуске на даче под Москвой. Однажды к ним на дачу приехал Есенин с друзьями. Они были приглашены к столу. Шел разговор о предполагавшейся поездке Есенина в Персию. Прощаясь, Есенин подарил жене Б.З.Шумяцкого книгу с автографом:

“Товарищу Шумяцкой
С любовью братской
За чай без обеда,
За мужа полпреда.
С уважением С. Есенин”.

<...> под этим текстом Б.Л.Шумяцкий написал мне:

“Правильность воспроизведения текста экспромта Есенина и обстоятельств встречи — удостоверяю”. К сожалению, книга с есенинской надписью не сохранилась».

Вдовин, 440.

В воспоминаниях В.И.Болдовкина — несколько иная редакция надписи Есенина:

«Пьем на посошок. Лидия Исаевна, жена Б.З.Шумяцкого, просит написать что-нибудь на память. Сергей пишет четыре строчки, поднимает бокал.

— До свидания, спасибо за проведенный вечер.

А теперь с любовью братскою
Пью за Лидию Исаевну Шумяцкую,
За чай без обеда
И мужа ее — бывшего полпреда».

Болдовкин-2003, 96.

См. также: Есенин, IV, 494, 513.

Газета «Вечерняя Москва» (№ 141) помещает неподписанную информацию:

«В издательстве “Круг” только что вышла из печати книга А.Воронского “Литературные типы”. В книге ряд статей, посвященных отдельным писателям и группам (Маяковский, Есенин, Бабель, Леонов, Д.Бедный, группы “Октябрь” — “Молодая гвардия”, “Перевал”»).

См. также: конец мая — до 16 июня 1925, вторая запись; 19 июля 1925, первая запись, 16 ... 23 сент. 1925.

Июнь, с 24 на 25. Есенин с С.А.Толстой и приятелями проводят ночь в саду на даче Б.З.Шумяцкого и на станции Малаховка, ожидая прибытия поезда.

События и их время устанавливаются по календарной записи С.А.Толстой (оборот листка 24 июня):

«Ночь в саду и на ст. Малаховка».

НН, 1995, № 34, с. 62.

В.И.Болдовкин вспомнит:

«Прощаемся и всей ватагой идем на вокзал. Но, увы, поезд будет только в пять, четыре часа где-то нужно коротать. Свежо. Ходим по Малаховке, к Шумяцким идти неудобно — поздно. Разыскиваем писателя Тарасова-Родионова, вот как будто бы его дача. Кричим с дороги через палисадник. Кто-то выходит, спрашиваем, нет, не здесь. Обошли несколько дач, пока не получили от одного почтенного старца хорошую отповедь за беспокойство. Натолкнулись на какой-то дом отдыха, одна молодежь, не спят. Завязываем с ними беседу, хотим потеплее устроиться, хотя бы провести ночь под крышей (накрапывал дождь), но не удается. Молодежь принимает нас в штыки. Пришлось ретироваться.

Куда? Ночь, дождь, холод, сырость. Хотя бы под крышу! Идем к даче Шумяцкого. Не будим хозяев, располагаемся на террасе. Проспав часа два, так же тихо покидаем веранду и идем на вокзал».

Болдовкин-2003, 96.

Июнь, 25. Есенин вместе с С.А.Толстой возвращается из Малаховки в Москву.

Событие в тот же день зафиксировано С.А.Толстой в ее календаре:

«Утром на вокз<ал> с Серг<еем>».

НН, 1995, № 34, с. 62.

Журнал «Город и деревня» (№ 11/12) публикует:

— стихотворение Есенина «Неуютная жидкая лунность...»

См. также: 24 мая 1925, первая запись; 25 мая 1925, четвертая запись.

В Есенин, IV эта публикация не учтена;

— перечень авторов журнала, среди которых — Есенин.

См. также: 5 марта 1925, четвертая запись; 20 марта 1925, вторая запись; 5 и 17 апр. 1925; 1 и 31 мая 1925; 10 и 25 июля 1925; 15 авг. 1925, вторая запись; 1 и 25 сент. 1925; 5 окт. 1925, вторая запись; 7 и 30 нояб. 1925.

См. Приложение.

И.Э.Бабель пишет М.Горькому о Есенине, прилагая к письму его книгу «Стихи (1920–24)»:

«Стихи Есенина (прелестные, лучшие из всех, какие сейчас пишутся в России) высылаются Вам».

Письма, 349.

О втором издании (или втором тираже) книги см.: до 12 апр. 1925, третья запись; 12 апр. 1925, первая запись; 14 мая 1925, вторая запись; 21 ... 30 мая 1925; 2 июля 1925, вторая запись; 2 (?) июля 1925; 11 сент. 1925, первая запись; 16 ... 23 сент. 1925; 18 окт. 1925, первая запись; окт. (?) 1925, вторая запись; первая половина дек. 1925, четвертая запись.

Газета «Парижский вестник» (№ 44) печатает стихотворение «Ключок моей жизни» с посвящением: «Сергею Есенину» (подпись: Микола Кафтан):

Серегой назвать не сумею,
 Далекий уж больно ты мне.
 Браткой откликнуть <так!> посмею,
 Я это познал на войне.
 Какой я чудак «белоперый»!
 Залез за границу, балда.
 Мужик я, батрак бестолковый,
 И как я попал вот сюда!
 Отец мой, кузнец безрубашный,
 А мать моя Марья была,
 Мыкаюсь тут я сердешный,
 Другим же тут жизнь весела.
 Не рождены мы для веселья,
 Расейские мужики.
 Веселы мы лишь с похмелья,
 Когда нас бьют кулаки.
 С забитою мыслей без чести
 Я всё воспринять не сумел.
 Ночью тайком от власти
 В чужой пассажирский сел.

Июнь, 26. Служащий Госиздата РСФСР Л.Ф.Файнштейн пишет Есенину записку:

«Сергей! Пожалуйста, оставь здесь <возможно, речь идет о месте службы автора> для меня денег — сколько можешь. Чем больше — тем лучше. Заранее благодарю. <...> Оставь с записочкой: “Для Л.Файнштейна”».

РГАЛИ, ф. 190, оп. 3, ед. хр. 13.

Вероятно, имеется в виду возврат Есениным денег, взятых в долг у Л.Ф.Файнштейна.

Июнь, 26 или 27 ... Июль, 9, или Июль, 16 ... 24. Есенин, не застав В.П.Козлова дома, оставляет ему записку, а позднее разговаривает с ним по телефону.

События и их верхняя граница устанавливаются по воспоминаниям В.П.Козлова (см. ниже), а предполагаемые рамки отмечаются с учетом сроков пребывания Есенина в Москве в июне–июле 1925 г. до отъезда в Баку. Принято также во внимание, что в записке указан телефон квартиры С.А.Толстой, где Есенин поселился около середины третьей декады июня 1925 г. (см.: 23 или 24 июня 1925, вторая запись), а также то, что 24–25 июня (см. соответствующие записи) они вместе находились в подмосковной Малаховке.

Записка известна в копии адресата:

«Товарищ Козлов, был у тебя, дома не оказалось, звони мне по телефону 4-91-53».

Есенин, VI, 216.

В.П.Козлов вспомнит:

«Однажды мне передали оставленную Есениным записку, в которой он писал <текст см. выше>. Был поздний час, и я не решился его беспокоить. <...>

На другой день <...> я позвонил Есенину и говорил с ним по телефону. Есенин ответил, что занят и встретиться со мной не может. После этого разговора я еще несколько раз звонил ему. Обычно мне отвечали, что он спит. Тогда я воспринимал это как нежелание встретиться со мной. <...> Но вскоре я узнал от его брата Ильи, что “спит” — это значит пишет стихи. Теперь <...> я хорошо понимаю, как мало было свободного времени у Есенина. Но тогда я настойчиво добивался обещанной мне встречи, и разговор по телефону все-таки состоялся. Есенин извинился и попросил отложить нашу беседу на месяц, так как едет в Баку».

Вдовин, 449–450.

См. также: после 24 сент. — 2 нояб. 1925, пятая запись.

Июнь, 27. Газета «Комсомольская правда» (№ 28; рубрика «Новые книги: Художественная литература») помещает информацию:

«Сергей Есенин — “Березовый ситец”. Стихи. Стр. 99. Цена 1 р. ГИЗ».

См. также: 1 апр. 1925, третья запись; 15 апр. 1925; 1 мая 1925, восьмая запись; 15 мая 1925, пятая запись; 21 ... 30 мая 1925; 22 мая 1925, первая запись; 1 июня 1925, третья запись; 1 ... 15 июня 1925; 5 июня 1925, первая и вторая записи; 10 июня 1925; 11 июня 1925; 12 июня 1925, первая–третья и пятая записи; с 12 на 13 июня 1925, вторая запись; до 15 июня 1925, вторая запись; 20 июня 1925, первая запись; 30 июня 1925, восьмая запись; 2 июля 1925, первая запись; до 7 июля 1925; 14 июля 1925, вторая запись; 26 июля 1925, седьмая запись; 31 июля 1925, вторая запись; 2 авг. 1925, третья запись; 11 авг. 1925, вторая запись; 1 сент. 1925, третья запись; 10 ... 24 сент. 1925; 18 окт. 1925, первая запись; окт. (?) 1925, первая запись.

Газета «Вечерняя Москва» (№ 144; рубрика «Литературная хроника») сообщает о подготовке к печати № 6 журнала «Красная новь» со стихами Есенина.

См. также: 5 июля 1925, вторая запись; 9 июля 1925, третья запись; 15 июля 1925, пятая запись; 16 ... 18 июля 1925.

Июнь, 28. С.А.Толстая записывает в календаре:

«Серг<ей> на даче».

НН, 1995, № 34, с. 62.

На чьей даче и где находился тогда Есенин, не установлено.

Строкой ниже С.А.Толстая делает еще одну запись: «У Ольги Р.», — фиксируя, что в тот же день она побывала у своей приятельницы О.И.Раевской (см. о ней в пояснениях Т.Г.Никифоровой: НН, 1995, № 34, с. 61). Эти слова не имеют отношения к Есенину.

Новониколаевская газета «Советская Сибирь» (№ 145; подпись: «Новус») публикует «Литературные заметки» о № 4 «Красной нови» с оценкой «Анны Снегиной» Есенина.

Критик отмечает, что «Анна Снегина» значительно уступает многим из лучших поэтических произведений Есенина, напечатанных в последнее время, и вместе с тем говорит, что в этой вещи поэт «идеологически преодолевает себя» и приближается к проблеме поэмы-романа.

Вырезка — Тетр. ГЛМ.

О публикациях текста поэмы и откликов на нее см. также: 20 марта 1925, вторая запись; 1 мая 1925, пятая и шестая записи; 3 мая 1925; 21 ... 30 мая 1925; 1 июня 1925, вторая и третья записи; до 17 июня 1925; 18 июня 1925, третья запись; 20 июня ... 3 июля 1925; 21 и 23 июня 1925; 30 июня 1925, девятая запись; 1 июля 1925, пятая запись; 8 июля 1925; 12 июля 1925, четвертая запись; 19 июля 1925, четвертая и пятая записи; 22 июля 1925, четвертая запись; 26 июля 1925, восьмая и девятая записи; до 20 сент. 1925; 30 сент. ... 12 окт. 1925; 12 окт. 1925, вторая запись; 15 дек. 1925, третья запись.

В журнале «Огонек» (№ 27) — рекламное объявление о подписке с перечнем «Писатели, поэты и художники, печатающиеся в “Огоньке”», где значится имя Есенина.

См. также: 5, 12, 19 и 26 июля 1925; 9, 23 и 30 авг. 1925; 6 сент. 1925, пятая запись.

Июнь, 29. Есенин проводит этот день у Г.Б.Якулова.

Событие фиксируется по записи С.А.Толстой:

«Серг <ей> на Садовой».

НН, 1995, № 34, с. 62.

Подразумевается студия художника, где Есенин бывал очень частым гостем — см., например, воспоминания В.И.Болдовкина (запись: 30 мая — 3 (?) июня 1925, где указан полный адрес студии) или Н.А.Луначарской-Розенель (запись: 15 (?) ... 25 нояб. 1925).

В.Ф.Наседкин телеграфирует по адресу С.А.Толстой («Москва Остоженка Троицкий пер 3 квр 8») из с. Мелеуз (Башкирская АССР):

«Ясениным

Мелеуса <так!> 117, 27 29, 9, 40

Привет любов<ь> в деревне с субботы скука как развод издание отъезд планы Катя милые пишите адрес Берлин изгнанник».

Вдовин, 293.

См.: 23 июня 1925, первая запись; 30 июня 1925, первая запись.

Июнь, с 29 на 30. Ночная беседа Есенина и С.А.Толстой.

Событие зафиксировано С.А.Толстой (Календарь ГМТ, оборот листка 29 июня) в таком виде:

«Разговор о +».

Публикуется впервые.

То, что в записи употреблен некий условный знак, наводит на мысль о сугубо интимном характере разговора участников беседы.

Июнь, 30. Есенин подписывает договор № 7604 с Госиздатом на издание своего «Собрания стихотворений» в трех томах.

«ДОГОВОР № 7604

Москва, 30 июня 1925 года Государственное издательство (Госиздат), с одной стороны, и С.А.ЕСЕНИН, с другой, заключили между собой настоящий договор в нижеследующем:

1. С.А.ЕСЕНИН обязуется представить Госиздату в совершенно готовом для печати виде к 30 июня 1925 года рукопись “Собрания стихотворений” размером в десять тысяч (10.000) печатных строк, передав Госиздату исключительное право на издание и переиздание вышеназванного труда в течение двух (2) лет со дня получения его Госиздатом в совершенно готовом для печати виде и предоставив Госиздату право отбора и формиро-

вания “собрания стихотворений” из всего написанного поэтом до момента заключения настоящего договора.

2. В случае, если труд автора будет признан Редакцией Госиздата подлежащим исправлению или переделке, автор обязуется сделать безвозмездно требуемые изменения в срок — по указанию Редакции Госиздата.

3. Тираж первого договорного издания определяется в количестве не более 10.000 экземпляров, причем выпуск из печати Госиздатом этого тиража допускается частями и в разное время.

4. За приобретенное по сему договору право издания Госиздат уплачивает гонорар в размере один рубль за стихотворную строку.

5. За каждую 1.000 экземпляров, выпущенных свыше тиража, указанного в п. 3 настоящего договора, в первом издании и за каждую 1.000 экз. последующих изданий Госиздат уплачивает С.А.ЕСЕНИНУ вознаграждение в размере 50% того гонорара, который приходится на каждую 1.000 максимального количества экземпляров первого договорного издания.

6. Авторский гонорар уплачивается начиная с июля месяца 1925 года по март 1926 года (включительно) равными долями по 1.000 рублей в месяц. Окончательный расчет производится по выходе “собрания сочинений” из печати.

7. В течение двух лет с 30 июня 1925 года по 30-е июня 1927 года Государственному Издательству принадлежит право включения в “собрание сочинений” или отдельного издания всех вновь написанных и напечатанных в журналах и газетах стихотворений С.А.ЕСЕНИНА с оплатой по рублю за строку. Только в случае отказа Государственного Издательства воспользоваться новыми стихами С.А.ЕСЕНИНА в указанный двухлетний договорный срок, С.А.ЕСЕНИН с ведома Государственного Издательства имеет право издать свои новые стихи отдельной книжкой в другом издательстве.

8. С.А.ЕСЕНИН обязуется не задерживать своей корректуры. В случае неаккуратного доставления ее Госиздат вправе взыскать с него все причиненные Госиздату вследствие этой задержки убытки.

9. Госиздат выдает автору бесплатно 25 экземпляров книги по выходе ее из печати первым изданием и 13 экземпляров за каждые 5000 повторных изданий.

10. С.А.ЕСЕНИН обязуется во время действия настоящего договора не выпускать в продажу ни сам, ни через другое лицо особого издания вышеназванного труда, хотя бы и в измененном виде или под другим названием. В противном случае Госиздат вправе взыскать с него в виде неустойки полную сумму номинальной стоимости всего тиража такого издания.

11. Если в течение двух лет со дня принятия рукописи от С.А.ЕСЕНИНА Госиздат не издаст ее, настоящий договор расторгается, причем все деньги, полученные по сему договору от ГОСИЗДАТА, обратному возврату не подлежат, а представленная рукопись подлежит возврату.

12. Адрес С.А.ЕСЕНИНА следующий: Москва, Остоженка, Троицкий пер., д. № 3, кв. 8.

При перемене адреса С.А.ЕСЕНИН обязан немедленно сообщить Госиздату свой новый адрес.

13. Все споры по настоящему договору разрешаются судебными учреждениями гор. Москвы.

14. Подлинный договор иметь Госиздату, а копию с него С.А.ЕСЕНИНУ.

Зав. Лит.-Художествен. Отд. *Н. Николаев*

Автор Сергей Есенин

Секретарь».

Есенин, VII (2), 261–263, 463.

См. Приложение.

См. также: 17 июня 1925, первая запись.

И.В.Евдокимов вспомнит в 1926 г.:

«<...> 30 июня был подписан договор: поэт обеспечивал свою жизнь на много месяцев вперед. С июля началась выдача денег по тысяче рублей ежемесячно. Факт заключения договора с Есениным по высшей ставке — рубль за строку — никому из других поэтов не назначаемой, свидетельствовал о той высокой оценке есенинского творчества, какая была в Государственном издательстве. Кроме того, Госиздат договорился с поэтом о печатании всех его вновь написанных стихотворений отдельными книжками после предварительного их распубликования Есениным в периодической печати. Как общее правило, стихи на рынке идут плохо — эпоха наша полуравнодушна к стихам, — и даже стихи Есенина, например “Березовый ситец”, шли медленно, тем не менее Госиздат пошел своей обязанностью издать его “Собрание стихотворений”.

Надо было видеть ту редкую радость, которая была в синих глазах Есенина, когда дело закончилось во всех инстанциях.

— Евдокимыч, — говорил он, — я написал тысяч пятнадцать строк. Я, понимаешь, отберу самое лучшее, тысяч десять. Этого довольно: будет три тома. Понимаешь, первое мое “Собрание”. Надо издать только хорошо. Я теперь примусь за работу.

Обращение Есенина ко мне объяснялось тем, что главным образом мне пришлось иметь с ним дело в оформлении разных деталей: заведующим отделом Н.И.Николаевым мне это было поручено особо».

Восп.-95, 465-466.

В.И.Эрдих вспомнит, что говорил Есенин о будущем «Собрании сочинений»:

«— Госиздат купил. У меня и у Маяковского. Приятно будет перелистывать, а? Как ты думаешь? По-моему — приятно! Вот только переделать кое-что надо».

Восп., 2, 343.

Договор с В.В.Маяковским на издание Собрания сочинений в четырех томах был заключен Госиздатом 26 марта 1925 г., но работа над ним была приостановлена, и тома начали выходить только в 1927 г. (Катанян, 297, 314).

См.: 3 июля 1925, вторая запись; 7 июля 1925, первая запись; 19 июля 1925, первая запись; 21 июля 1925, вторая запись; 3 авг. 1925, первая запись; 12 авг. 1925; 24 авг. 1925, вторая запись; 11 или 12 сент. 1925; 12 сент. 1925, первая запись; 22 сент. 1925, вторая запись; 10 окт. 1925; 15 окт. 1925, первая запись; после 20 окт. 1925; окт. — до 26 нояб. 1925; конец нояб. 1925, первая запись; 9–11 часов утра 23 дек. 1925.

Есенин и С.А.Толстая (в обществе Т.Н.Муравьевой и И.И.Есенина) обедают в ресторане «Барселона». Посещают издательство «Современная Россия», заходят к Вс. Иванову, а затем в одну из московских пивных, где Есенин общается с цыганами.

Эти и последующие события того же дня устанавливаются по соответствующим календарным записям С.А.Толстой:

«С Серг<еем>, Тан<ей> и Ил<ей> обед в “Барселоне”. В “Совр<еменную> Россию”. К Вс. Иванову. В пивную на бульваре. К Ан<не> Абр<амовне Берзинь>. С Серг<еем> цыгане в пивной. В студию Конёнкова, дед Григорий».

НН, 1995, № 34, с. 62.

При встрече с А.А.Берзинь Есенин надписывает ей свою книгу «Избранные стихи»:

«Милой дорогой / Абрамовне / Сергей. / Не ругайся / с Марком / С. / 30 / VI 25».

Есенин, VII (1), 269, 490.

С Марком (М.Н.Мейчиком, пианистом и музыковедом, заведующим издательством «Музторг МО-НО») А.А.Берзинь находилась тогда в близких отношениях.

См. также: после 2 марта 1925, третья запись; до 14 июня 1925; 14 июня 1925, первая запись; после 14 июня 1925; 16 ... 30 июня 1925; 27 июля 1925; 28 июля 1925, третья запись; 22 авг. 1925; 25 сент. 1925, вторая запись; 1 окт. 1925, вторая запись.

Затем Есенин и его спутники заходят в мастерскую С.Т.Конёнкова за глиняным бюстом поэта, выполненным скульптором.

По-видимому, в тот же день вместе с Есениным и С.А.Толстой у С.Т.Конёнкова побывал только что приехавший в Москву В.И.Эрлих.

Перед этим он оставил Есенину на квартире С.А.Толстой записку:

«Будь здоров, Сергей! Увидимся!»

Письма, 284.

В 1929 г. он вспомнит этот визит:

«Конёнков в Америке.

В его мастерской работают ученики.

Мастерская — высоченный пустой сарай. В потолок упирается статуя Ленина — последняя работа. Делают ее по модели Конёнкова его помощники.

Дворник и друг Конёнкова <Г.В.Карасёв> показывает нам оставшиеся работы, рассказывает о самом Конёнкове и наконец вручает нам глиняный бюст Есенина — то, за чем мы пришли.

Когда мы выходим на улицу, Есенин задумчиво оглядывает ворота:

— Гениальная личность!

И тяжело вздыхая:

— Ну вот... Еще с одной жизнью простился. А Москва еще розовая... Пошли!»

Восп., 2, 344–345.

О судьбе бюста см.: после 24 сент. — 2 нояб. 1925, четвертая запись.

П.И.Чагин телеграфирует С.А.Толстой из Баку:

«Паспорт обещанные бумаги <относительно поездки Есенина за границу> выслал спешной привет — Чагин».

Письма, 349.

См. также: 4 июля 1925, вторая–четвертая записи.

Выходит ленинградский журнал «Жизнь искусства» (№ 26) со статьей Н.Чужака «Пугачев на сцене: К 150-летию со дня казни», в которой рассматриваются «Пугачев» Есенина, «Пугачевщина» К.А.Тренёва и «Народная драма Емельян Пугачев» В.В.Каменского.

Из статьи:

«Пугачевский юбилей почти не отмечен. Разве что кое-где в газетах. Настоящие “пугачевские дни” еще впереди. Готовится роман А.Н.Толстого о Пугачеве. В ходу есенинская поэма “Пугачев”. Предстоящий театральный сезон уже обеспечен двумя Пугачевыми — Тренева и Каменского. Последний готовится московским Камерным театром и кое-где читается автором. Треневский “Пугачев” идет в московском Художественном и, судя по статье т. Адонца, — в Ленинграде. О постановке есенинской поэмо-драмы пока не слышно.

Пугачеву в русской литературе, как и в истории, не посчастливилось; быть может, повезет ему хотя в театре?

По порядку!

Пугачев Есенина.

Говорить об идеологии есенинского Пугачева “всерьез” — занятие неблагодарное. Какая “идеология” может быть у автора, представившего Пугачева в виде аркадского пастушка с национально-“мужиковствующим” налетом!

В солончаковое наше место
Я пришел из далеких стран —
Посмотреть на золото телесное,
На родное золото славян (!),
Слушай, отче! Расскажи мне нежно (!),
Как живет здесь мудрый наш мужик (!)
Так же ль он в полях своих прилежно
Цедит молоко соломенное ржи?

Так объясняет яйцкому сторожу причину своего появления в Яицком городке Пугачев».

Далее критик показывает, как «нежно», по его мнению, Есенин повествует о своих пугачевских «переживаниях» в связи с екатерининской расправой над чернью (следует цитата из 3-й главы со слов «Мне нравится запах травы...» — 6 строк и «Бедные, бедные мятежники...» — 4 строки).

Продолжает:

«Даже умирая, есенинский Пугачев не устает грассировать:

Дорогие мои!.. Хорошие!..
Что случилось? Что случилось? Что случилось?..

И так далее, и так далее, и так далее. Вот вам и Грозный Пугачев с пугачевщиной! Трудно, знаете ли, придумать что-нибудь более пошлое...

Идеология? С идеологией не менее... прилизано и беззаботно. Пугачев, конечно, богом избранный прекрасный Мститель. За кого? За “императора” и рикошетом — за “страну”. Да, Пугачев Есенина — дворянский монархист, тоже по-своему использующий свою идею самозванства, но — только для того, чтоб вырвать идею из погромных рук неблагодарной черни. И очистить. Ибо:

Что
Ей Петр, злой и дикой ораве!
Только камень желанного случая,
Чтобы колья погромные правили
Над теми, кто грабил и мучил...
Я ж хочу научить их под хохот сабель
Обтянуть тот зловещий скелет парусами
И пустить его по безводным степям,
Как корабль...

Красивая, заманчивая... глупость, которая может придти в голову... обожравшемуся красотой эстету. Барская идеология, когда она мазала своей сажой облик пугачевщины и Пугачева, всё-таки была умнее...»

Следующая часть статьи Н.Чужака — «Пугачев Тренёва» — начинаются со сравнения произведения К.А.Тренёва с есенинским «Пугачевым»:

«Обратимся к “Пугачевщине” Тренева. Этот тоже не свободен от “заманчивых” затей. В то время как Есенин весь в плену у шалого эстетства, — К.Тренев изрядно напустил в свою “трагедию” дурманной мистики. Его Устинья, например, наверное сменовеховцев читалась. Пугачев — по представлению этой девахи — не только грозный Мститель за “поруганную правду” (у Есенина — за императора и за страну), но и великий страстотерпец, призванный пострадать за “народушко”».

Последняя часть статьи открывается словами:

«Парикмахерский романтизм Есенина... Псевдорреализм, а в сущности издевательство Тренёва... Воля ваша, “братья-писатели”, а хочется после этого... немножко самой скромной справедливости, элементарной логики и — капельку здорового исторического чутья...

Как это ни странно, может быть, на первый взгляд, а минимум всех этих скромных “добродетелей” находим у третьего, реагировавшего на пугачевщину, писателя В.В.Каменского, автора “народной драмы Емельян Пугачев”, писателя не реалиста, а завязтого романтика, — хотя и не в плохом значении этого слова. <...>

История наша, не исключая и марксистской, не дала нам подлинного, даже просто логически обоснованного Пугачева, — мудрено ли, что, идя навстречу законной потребности эпохи, эту скромную работу и пытается осуществить художник. Задачу признания — в первую голову».

Вырезка — Тетр. ГЛМ.

См. Приложение.

Газета «Известия ЦИК СССР и ВЦИК Советов» (№ 146) дает объявление о подписке на журнал «Новый мир». Указано содержание вышедших номеров (с января по июнь). Есенин — автор февральского, мартовского и майского номеров.

См. также: 8 и 14 мая 1925.

Журнал «Книгоноша» (№ 22/23) помещает материалы, в которых упоминается Есенин:

— рецензию А.Цинговатова на сборник «Рабочий чтец-декламатор» (составители С.Городецкий и Е.Приходченко; предисловие А.Луначарского; Л., 1925).

Рецензент отмечает факт включения в сборник «кроме главных имен пролетарских поэтов» произведений Есенина и сетует, что в него не вошли, вероятно, просто не успели войти, недавние вещи Есенина — «Русь советская» и «Песнь о великом походе».

См.: до 5 апр. 1925; 6 июня 1925, третья запись;

— список книг, поступивших в редакцию для отзыва, в разделе которого «Литература и искусство» — «Есенин С. Березовый ситец. Стр. 103. Ц<ена> 1 р.».

См.: 1 апр. 1925, третья запись; 15 апр. 1925; 1 мая 1925, восьмая запись; 15 мая 1925, пятая запись; 21 ... 30 мая 1925; 22 мая 1925, первая запись; 1 июня 1925, третья запись; 1 ... 15 июня 1925; 5 июня 1925, первая и вторая записи; 10 июня 1925; 11 июня 1925; 12 июня 1925, первая—третья и пятая записи; с 12 на 13 июня 1925, вторая запись; до 15 июня 1925, вторая запись; 20 июня 1925, первая запись; 27 июня 1925, первая запись; 2 июля 1925, первая запись; до 7 июля 1925; 14 июля 1925, вторая запись; 26 июля 1925, седьмая запись; 31 июля 1925, вторая запись; 2 авг. 1925, третья запись; 11 авг. 1925, вторая запись; 1 сент. 1925, третья запись; 10 ... 24 сент. 1925; 18 окт. 1925, первая запись; окт. (?) 1925, первая запись.

— рекламное объявление о подписке на журнал «Огонек».

Вечерний выпуск ленинградской «Красной газеты» (№ 160) публикует рецензию В.П.Друзина на № 4 «Красной нови», где напечатана «Анна Снегина» Есенина:

«Когда-то кн. П.Вяземский сказал про одного плодовитого писателя: “Помилуйте, да разве он пишет. — Его слабит чернилами”. Пожалуй, симптомы этой болезни можно заметить и у Есенина. За последний год им написано несуразно много, и написанное боль-

шой ценностью не отличается. <...> Если в книге “Русь советская” звучали кое-где некрасовские нотки, то в поэме “Анна Снегина” некрасовское влияние неоспоримо. (Это в лучших строчках, — к сожалению, такие в меньшинстве). Но Некрасов не особенно-то помогает Есенину в эпических заданиях, ибо выдержать эпический тон до конца последний не в состоянии. Постоянно срывается. И хорошо еще, если в родную стихию — лирики, — тогда мы узнаём прежнего Есенина: “Мелькают часовни, колодцы...” <...> Говорить ли о социальной значимости “Анны Снегиной”? Содержание ее — нудная история о любви неурядица двух, так сказать, романтических существ. Глубина психологических переживаний — измеряется писарским масштабом. Да и кто всерьез станет ждать от Есенина создания крупных общественно-значимых типов».

Вырезка — Тетр. ГЛМ.

Ср.: 30 сент. ... 12 окт. 1925.

О публикациях текста поэмы и откликов на нее см. также: 20 марта 1925, вторая запись; 1 мая 1925, пятая и шестая записи; 3 мая 1925; 21 ... 30 мая 1925; 1 июня 1925, вторая и третья записи; до 17 июня 1925; 18 июня 1925, третья запись; 20 июня ... 3 июля 1925; 21 и 23 июня 1925; 28 июня 1925, вторая запись; 1 июля 1925, пятая запись; 8 июля 1925; 12 июля 1925, четвертая запись; 19 июля 1925, четвертая и пятая записи; 22 июля 1925, четвертая запись; 26 июля 1925, восьмая и девятая записи; до 20 сент. 1925; 30 сент. ... 12 окт. 1925; 12 окт. 1925, вторая запись; 15 дек. 1925, третья запись.

Июнь, конец — Июль, до 23. В издательстве ВЦСПС выходит сборник «Из искры — пламя: Рабочий чтец-декламатор» (составитель С.Обрадович) с поэмой Есенина «Товарищ».

Кн. летопись, 1925, № 15, авг., поз. 12285.

В Вятке выходит сборник стихотворений местных поэтов группы «Перевал» — «Цветы панелей» — со стихотворением М.Решетникова «Спасибо (“Когда в толпе, где люди — только звери...”))», посвященным Есенину.

Кн. летопись, 1925, № 15, авг., поз. 12325.

Июнь, конец — Июль, 7 (?). Есенин дарит С.А.Толстой свою книгу «Персидские мотивы» с надписью:

«Милая Соня / не дружись с Есениным / любись с Сережей / ты его любишь / он тебя тоже. / Я».

Юсов-96, 205, 340 (факсимиле). См. также: Есенин, VII (1), 292, 496.

См. Приложение.

Рамки этого и двух следующих событий указываются ориентировочно с учетом, что состоялись они, судя по их содержанию и по некоторым другим косвенным признакам, вскоре после переезда Есенина на жительство в Померанцев пер.

См. также: после 2 марта 1925, вторая запись; 22 апр. 1925, первая запись; до 26 мая 1925; 26 мая 1925; после 26 мая 1925; 29 мая ... 6 июня, или 10 июня ... 9 июля, или 16 ... 25 июля 1925; 1 ... 22 июля 1925; 3 (?) июля 1925; 4 июля 1925, вторая запись; 20 июля 1925, первая запись; до 24 июля 1925, первая запись; 31 июля 1925, вторая запись; после 6 сент. 1925, первая запись; 24 сент. 1925, четвертая запись; 17 нояб. 1925, вторая и третья записи; 20 нояб. 1925; 21 нояб. 1925, первая запись; нояб. (?) 1925, четвертая запись.

Делает адресованную С.А.Толстой надпись на форзаце книги «Anacreon: With Thomas Stanley's Translation / ed. by A.H.Bullen, ill. by J.R.Weguelin» (London: Lawrence & Bullen, 1893):

«Милой Соне / ни той ни этой / S.».

Юсов-96, 206.

На обороте этого изъятая из книги форзаца (ГЛМ, ф. 4, оп. 1, ед. хр. 96, л. 5) — помета рукой С.А.Толстой:

«Anacreon London Lawrence and Bullen MDCCCXLIII».

Есенин, VII (1), 496.

На квартиру С.А.Толстой к Есенину приходит мать, но их встреча по инициативе сына вскоре прерывается.

Из воспоминаний С.А.Толстой:

«В начале нашей жизни она <Т.Ф.Есенина> приехала в М<оск>ву. Я открыла ей дверь. Мы сразу друг друга узнали. Она с холодноватым достоинством поздоровалась, и я провела <ее> к С<ергею>. Через некот<орое> время я услышала, что она уходит. С<ергей> кричал на нее и выгнал. Все мои упреки и уговоры были ни к чему. Но взволнован и расстроен он был очень. Он всегда отговаривался тем, что они только ташат с него деньги, а в этот раз мать упрекала его за то, что он взял <в Москву> Илью <И.И.Есенина>. Путаясь и утаивая, он говорил мне неск<олько> раз о каком-то “сыне своей матери”, никогда до конца не договаривая. Это, я думаю, было причиной всего. Он не мог простить матери позорного пятна на семье».

ГМТ, ф. 48, без шифра.

Возможно, именно об этой поездке Т.Ф.Есениной в Москву упомянет позднее ее дочь:

«...оставалось одно место, где Сергей мало пил, — это деревня. <...> Но потом он и в деревне стал пить. Отец и мать испуганно смотрели на шатающегося Сергея. Они забыли, что вчера ссорились между собой. Сегодня общее горе заставило забыть всё».

“Боже мой, Боже мой! Всюю оставил мя еси”, — с трудом сдерживая слёзы, повторял отец. Мать, как всегда, подобралась, выпрямилась, и только частое сморкание выдавало ее душевную тревогу. “Нет, это что-то неладное тут, никогда не был пьяницей, и вдруг такая пакость”. Когда мы уезжали в Москву <ср.: 7–9 июня 1925; 17 или 18 июня 1925>, мать мне по секрету сказала: “В Марьиной Роще, в Москве, есть дача Галкина (эту дачу все знают). Там живет гадалка, которая может помочь нам с Сергеем. Сходи к ней, ради Бога, я тебя очень прошу”.

Через две недели она за нами следом сама явилась в Москву. “Я ведь знаю, что ты ничего не сделаешь”, — сказала она мне и отправилась в Марьину Рощу. Вернулась ни с чем. Гадалка уехала».

В семье родной, 242–243.

См. также: 7 ... 27 (?) марта 1925; 16 мая 1925; 20 авг. 1925, первая запись; после 24 сент. — 2 нояб. 1925, восьмая запись.

Июнь, конец ... Июль, 8, или Июль, 16 ... 24, или Сентябрь, после 6 ... Октябрь (?). Есенин, рассказывая С.А.Толстой о том, как он в юности учился рисовать, сопровождает повествование рисунками мужских профилей и носов.

Один из этих рисунков воспроизведен в кн.: Поета pingens / Писатель рисующий: Альбом-Каталог / Государственный литературный музей. М.: [Три квадрата], 2004, с. 122.

Там же — текст пояснительной записки:

«Рисунки Есенина. Он мне рассказывал, что его отдали учиться к какому-то иконописцу, и тот его всё заставлял носы рисовать. Это было так скучно, что Сергей ушел от него и научился рисовать только носы. С<офья> Е<сенина>».

Июнь, не позднее. Выходит альманах поэзии и критики «Чет и нечет» со статьями Ф.Вермеля «Поэзия наших дней», где упоминается Есенин, и А.Ромма «О Есенине».

Граница события отмечается с учетом того, что книга поступила во Всероссийскую Центральную книжную палату в первом полугодии 1925 г. (Кн. летопись, 1925, № 14, июль, поз. 11232).

Из статьи Ф.Вермеля:

«Литературу заполнили эклектики и эпигоны всевозможных школ и оттенков. Так как футуризм является последним по времени течением, естественно, что больше всего эпигонов приходится на его долю. Сюда относятся прежде всего все имагинисты (за исключением Есенина), которые, разумеется, не имеют никаких оснований претендовать на самостоятельное течение».

А.Ромм пишет:

«Одна за другой вышли две книжки стихов С.Есенина: “Москва Кабацкая” и “Стихи (1920–24)”. И, думается, эти книжки обращают на себя внимание не только потому, что давно уже не видали мы новой книги хороших стихов хорошего поэта. Может быть, на всём протяжении русской поэзии не было у нас такого покладистого поэта, как старый Есенин. Он не только позволял говорить о себе всё, что угодно, он слушался и постоянно заваливал свой очень простой и настоящий талант всем, чего от него требовали. В первой своей книжке “Радуница” 1915 года еще полуграмотный поэтически юноша уже умеет показать всё, что требуется от “мужицкого сына”, принимаемого в литературных салонах в роли “почвы”. И всё-таки, уже в этой детской книжке внимательный слух отыщет зачатки будущего, простого и сильного голоса:

Всё встречаю, всё приемлю,
Рад и счастлив душу вынуть,
Я пришел на эту землю,
Чтоб скорей ее покинуть.

Вторым этапом были “Скифы” и “Наш Путь”, общество Иванова-Разумника и Андрея Белого. Каковы бы ни были пункты сродства, приведшие Есенина в это общество, но он оказался на высоте положения и здесь: очень хорошо подражал Ключеву, изо всех сил старался встать в позу апокалиптического пророка, разрушал и созидал миры — а между тем упорно шел вперед технически и поэтически, разрабатывал образность, примитивные зародыши которой были еще в первой книжке. Весь есенинский имагинизм вышел из этих детских сравнений “Радуницы”:

По меже на перемётке
Резеда и риза кашки,
И вызванивают в чётки
Ивы, кроткие монашки.

И опять сквозь истерические выклики о новом Содоме, Егудииле, Саваофе и Исайи, сквозь весь этот чужеродный вихрь, поднявший и закрутивший человека, прорываются совсем отличные, теперь по особому понятные строки:

Проплясал, проплакал дождь весенний.
Замерла гроза.
Скучно мне с тобой, Сергей Есенин,
Подымать глаза...
Кто-то сядет, кто-то выгнет плечи,
Вытянет персты.

Близок твой кому-то красный вечер,
Да не нужен ты.

Последним из посторонних наплывов, подхватывавших Есенина, оказался имажинизм — самое боевое из бесчисленных направлений, на которые раздробилась московская поэзия в эстрадные и “кафэйные” годы.

Еще в первом № “Скифов” (1917) Есенин уже печатал такие стихи:

Тихо в чаще можжевеля по обрыву.
Осень, рыжая кобыла, чешет гриву.

Над речным покровом берегов
Слышен синий лягз ее подков.

А в “Нашем Пути” (апр. 1918) мы уже читаем:

И шепчут про кусты
Непроходимых рощ,
Где пляшет, сняв порты,
Златоколенный дождь. (Октоих, 3).

Сложное, затрудненное сравнение, Госпожа Большая Метафора, временами переходящая в Госпожу Большую Аллегорию (Господи, отелись!) — вот что сблизило Есенина с имажинистами, и сближение это было далеко не случайно.

Однако в качестве имажиниста Есенин уже начал терять былую направленскую выправку. Почти все стихи его пятой книжки, “Трерядницы”, предварительно печатались в имажинистских сборниках, а между тем в этой книжке уже не надо искать примеров, в которых с выросшей простотой и силой звучат основные лирические темы “Москвы Кабацкой”, — темы элегической грусти по своей ли уходящей молодости, по гибнущей ли деревенской деревне:

Я последний поэт деревни,
Скромен в песнях дощатый мост.
За прощальной стою обедней
Кадящих листвою берез.
(Трерядница).

Мир таинственный, мир мой древний,
Ты, как ветер, затих и присел.
Вот сдавили за шею деревню
Каменные руки шоссе.
(Москва Кабацкая)

Но и отдавшись третьему чужеродному наплыву, Есенин сделал всё, что требовалось: скандалил на эстрадах, вставил в “Исповедь хулигана” целых четыре неприличных слова (три из них в последней книжке пропущены почти без всякого ущерба для дела), пытался приблизиться к Шершеневичу, — но, разумеется, приблизился только к его оригиналу Маяковского: “Вы, любители песенных блох”... “Полно кротостью мордищ праздниться”...

Апогей есенинского имажинизма — “Пугачев”. Здесь он с наибольшей старательностью проводит основной принцип имажинизма — образ во что бы то ни стало, везде и всюду, — доходя в этой погоне за образом до таких плоских иносказаний:

Клещи рассвета в небесах
Из пасти темноты
Выдергивают звезды, точно зубы,
А мне еще нигде заснуть не удалось.

Очевидно, на этих-то иносказаниях, на этой полной безобразности Есенин и понял всю нелепость поэтической работы на основе искусственно выделенного формального признака. После “Пугачева” ему оставалось погибнуть или перестать быть имажинистом.

Есенин выбрал второе. Он вернулся к своей и больше ничьей лирической теме, выдержал свой собственный голос. Маленькая книжка “Москва Кабацкая” однородна с начала до конца и продолжает, углубляя и развивая, настоящую есенинскую линию, линию самого чистого элегического лиризма в современной русской поэзии. Кончились все посторонние шквалы, ничто уже не подхватывает и не несет поэта, кроме собственного вдохновения.

Есенин утерял всякую поэтическую партийность. Его последние стихи нельзя назвать ни “правыми”, ни “левыми”. Да так теперь и должно быть: кончились те времена, когда у каждого поэта была своя поэтика, личная или групповая, когда тот, кто понимал и ценил Гумилёва, не понимал Пастернака.

Думаю, читатель уже давно видит, что оцениваю я последние стихи Есенина очень высоко, так что дальнейшие похвалы излишни. С досадой приходится отметить несколько срывов. Так, 2 последних opus'a “Стихов 1920–24 гг.”. (“На родине” и “Русь Советская”) местами впадают в плоский прозаизм, в слишком описательную обстоятельность. И совсем странно, что за прекрасной строфой:

Пускай ты выпита другим,
Но мне осталось, мне осталось
Твоих волос стеклянный дым
И глаз осенняя усталость

следует:

Я сердцем никогда не лгу,
И потому на голос чванства
Бестрепетно сказать могу,
Что я прощаюсь с хулиганством.

Но это, конечно, только мелкие неудачи.

Удержится ли Есенин в своем трудном и почетном положении? Не подхватит ли его снова какая-нибудь чуждая сила? Никогда не надо брать на себя роль пророка, но мне всё-таки хочется закончить эти строки стихами из той же “Москвы Кабацкой”:

Только сердце под ветхой одеждой
Шепчет мне, посетившему твердь:
Друг мой, друг мой! Прозревшие вежды
Закрывает одна лишь смерть».

О сб. «Москва кабацкая» см.: до 19 июля 1924; 4 янв. 1925, первая запись; 16 февр. 1925, первая запись; февр. 1925, первая запись; 14 марта 1925, вторая запись; 24 марта 1925, вторая запись; 26 апр. ... 5 мая 1925; 2 июня 1925, первая запись; 2 (?) июля 1925.

О сб. «Стихи (1920–24)» см.: после 10 окт. ... нояб. (?) 1924; 1 янв. 1925, вторая запись; 21 янв. 1925, вторая запись; февр. 1925, первая запись; февр. (?) 1925, первая запись; 4 ... 25 марта 1925; 5 марта 1925, пятая запись; 11 марта 1925, первая запись; до 15 марта 1925, первая запись; 19 марта 1925, четвертая запись; 25 марта 1925, первая запись; 26 апр. ... 5 мая 1925.

В издательстве книжного сектора Ленинградского губернского отдела народного образования выходит книга В.Всеволодского-Гернгросса «Искусство декламации. Научно-популярное руководство для актеров, слушателей театральные учебных заведений, педагогов, членов художественных кружков и учащихся единой трудовой школы», в которой говорится о Есенине.

Граница события отмечается с учетом того, что книга поступила во Всероссийскую Центральную книжную палату в первом полугодии 1925 г. (Кн. летопись, 1925, № 13, июль, поз. 10149).

Произведения Есенина значатся во включенном в книгу «Списке произведений современной поэзии и народного творчества, составленном (в 1923 г.) применительно к современным декламационным методам»:

«I. Метод говорной.

1) прозаизмы.

<...> 9. Есенин — Всё живое особой метой... <...>

IV. Метод напевный

<...> 21. Есенин — Марфа Посадница <...>

Примечание. — За малым исключением все эти вещи проработаны студией Гос<ударственного> экспериментального театра, причем разбивка по методам произведена применительно к наиболее удачным композициям».

Июнь (?). Выходит журнал «Всемирная иллюстрация» (№ 6) с материалом «Исторические анекдоты. Из области российской литературы: ... 3. О трудности быть марксистом» (подпись: «Российский Плутарх»):

«Сергей Есенин, пиита, таланту отнюдь не лишенный, будучи много наслышан о трудностях марксовых сочинений, не без страху душевного за чтение оных присаживался.

Каково же было его великое изумление, когда без особенного напряжения он прочитал и внутренне усвоил первые пятнадцать объемистых фолиантов Марксова сочинения в течение первых трех месяцев.

Но изумление сие, как велико оно не было, во много крат увеличилось тогда, когда он убедился, что оные Марксовы сочинения не чем иным, как “Нивой” с 1897 по 1912 г., в издательстве А.Ф.Маркса отпечатанной, оказались.

Убедившись в этом, поэт в отчаянии воскликнул:

— До чего же трудно сделаться марксистом! Марксов много, а я один. Всех не одолеешь...».

Июнь ... Август. В.Ф.Наседкин пишет Е.А.Есениной:

«Конечно, я Серг<ея> люблю больше, чем кого другого, но если я расстанусь с тобой навсегда, то доказательств своей дружбы приводить не буду».

Записка не датирована. К ней приложено пояснение Г.А.Бениславской:

«Эта записка В.Наседкина к Кате написана летом 1925 г., когда Катя отказывалась выйти за него замуж».

Шубникова-Гусева-2008, 297–298.

«Вскоре, после того как Есенин переехал от Бениславской к С.А.Толстой, Катя сдалась. 19 декабря 1925 года Наседкин женился на Е.А.Есениной. Их семейная жизнь сложилась не очень удачно» (там же).

Июль, 1. Вместе с И.И.Есениным, Е.А.Есениной и С.А.Толстой поэт встречается с В.И.Эрлихом, а затем с А.М.Сахаровым.

Есенин и С.А.Толстая посещают ресторан при Большой Московской гостинице (пл. Революции), где Есенин играет в бильярд. Затем они направляются к Г.Б.Якулову («Садовая»), после чего (вместе с В.И.Эрлихом и А.М.Сахаровым) идут в кафе при бывш. театре И.Зона (Триумфальная пл.).

События устанавливаются по календарным записям С.А.Толстой от того же числа:

«С<ергей>, Эрлих, Илья, Катя. С С<ергеем> в Больш<ую> Моск<овскую> (бил<ьярд>). На Садовую. С Серг<еем>, Сах<аровым> и Эрл<ихом> к Соню <так!>».

НН, 1995, № 34, с. 62. Последнее слово (с латинским «S») воспроизведено по оригиналу (Календарь ГМТ).

Есенин получает в Госиздате РСФСР копию договора № 7604 об издании его Собрания стихотворений и дает расписку в получении документа.

Есенин, VII (2), 220, 361.

Общается с В.И.Эрлихом.

Последний вспомнит:

«Июнь <правильно: июль> 1925 года. Первый <на самом деле — второй; см.: 30 июня 1925, четвертая запись> день, как я снова в Москве. Днем мы ходили покупать обручальные кольца, но почему-то купили полотно на сорочки. Сейчас мы стоим на балконе квартиры Толстых (на Остоженке) и курим. Перед нами закат, непривычно багровый и страшный. На лице Есенина полубезумная и почти торжествующая улыбка. Он говорит, не вынимая изо рта папиросы:

— Видал ужас?.. Это — мой закат... Ну, пошли! Соня ждет».

Восп., 2, 341.

Газеты «Правда» (№ 147) и «Известия ЦИК СССР и ВЦИК Советов» (№ 147) публикуют резолюцию ЦК РКП(б) «О политике партии в области художественной литературы».

Этот документ был принят 18 июня 1925 г. В нем был подведен итог литературно-политической борьбы, развернувшейся в первой половине 1920-х гг.

Есенин вскоре откликнется на резолюцию в печати (см.: 6 июля 1925, третья запись).

Казанская газета «Красная Татария» (№ 144) помещает рецензию А.Меромского на № 4 журнала «Красная новь».

Критик отмечает:

«Из стихов лучшие — есенинские. Его поэма в стихах “Анна Снегина” — большая, с сильным уклоном в сторону классицизма вещь. Великолепно владея формой, Есенин и сюжетно интересен в “Снегиной”. Если не считать отголосков выветривающегося уже былого его литературного озорства, например: “В России теперь Советы...” <до слов “А брат мой в штаны намочил...”>»

Вырезка — Тетр. ГЛМ.

О публикациях текста поэмы и откликов на нее см. также: 20 марта 1925, вторая запись; 1 мая 1925, пятая и шестая записи; 3 мая 1925; 21 ... 30 мая 1925; 1 июня 1925, вторая и третья записи; до 17 июня 1925; 18 июня 1925, третья запись; 20 июня ... 3 июля 1925; 21 и 23 июня 1925; 28 июня 1925, вторая запись; 30 июня 1925, девятая запись; 8 июля 1925; 12 июля 1925, четвертая запись; 19 июля 1925, четвертая и пятая записи; 22 июля 1925, четвертая запись; 26 июля 1925, восьмая и девятая записи; до 20 сент. 1925; 30 сент. ... 12 окт. 1925; 12 окт. 1925, вторая запись; 15 дек. 1925, третья запись.

Ленинградский журнал «Вестник знания» (№ 13) печатает статью А.Н.Рашковской «Мотивы пролетарской поэзии», в которой заходит речь о Есенине.

Он аттестуется автором как один из лучших поэтов.

Нью-йоркская газета «Новое русское слово» (№ 4539) дает неподписанный материал «Кража у поэта Маяковского», в котором упоминается Есенин:

«По-видимому, и этот поэт <В.Маяковский> большевистского Парнаса идет по стопам Есенина».

Июль, 1 ... 9, или 17 ... 24. Есенин пишет С.А.Толстой:

«Не знаю, что сказать. Больше ты меня не увидишь. Ни почему. Люблю, люблю».

Есенин, VI, 220.

Рамки события определяются (с учетом сроков тогдашнего пребывания Есенина в Москве) в соответствии с позднейшей пометой адресата на записке:

«Письмо мне. Пьяный. Июль 1925. С. Е.».

Есенин, VI, 719.

Июль, 1 ... 22. В Российскую Центральную книжную палату поступает книга Есенина «Персидские мотивы», выпущенная издательством «Современная Россия».

Кн. летопись, 1925, № 15, авг., поз. 12245.

См. также: после 2 марта 1925, вторая запись; 22 апр. 1925, первая запись; до 26 мая 1925; 26 мая 1925; после 26 мая 1925; 29 мая ... 6 июня, или 10 июня ... 9 июля, или 16 ... 25 июля 1925; конец июня — 7 (?) июля 1925, первая запись; 3 (?) июля 1925; 4 июля 1925, вторая запись; 20 июля 1925, первая запись; до 24 июля 1925, первая запись; 31 июля 1925, вторая запись; после 6 сент. 1925, первая запись; 24 сент. 1925, четвертая запись; 17 нояб. 1925, вторая и третья записи; 20 нояб. 1925; 21 нояб. 1925, первая запись; нояб. (?) 1925, четвертая запись.

Июль, 2. Есенин делает дарственную надпись Д.К.Богомильскому на книге «Березовый ситец»:

«Милому Другу / Феде с любовью / до гроба / С. Есенин / 2/VII 25».

Есенин, VII (1), 270, 490.

См.: 1 апр. 1925, третья запись; 15 апр. 1925; 1 мая 1925, восьмая запись; 15 мая 1925, пятая запись; 21 ... 30 мая 1925; 22 мая 1925, первая запись; 1 июня 1925, третья запись; 1 ... 15 июня 1925; 5 июня 1925, первая и вторая записи; 10 июня 1925; 11 июня 1925; 12 июня 1925, первая—третья и пятая записи; с 12 на 13 июня 1925, вторая запись; до 15 июня 1925, вторая запись; 20 июня 1925, первая запись; 27 июня 1925, первая запись; 30 июня 1925, восьмая запись; до 7 июля 1925; 14 июля 1925, вторая запись; 26 июля 1925, седьмая запись; 31 июля 1925, вторая запись; 2 авг. 1925, третья запись; 11 авг. 1925, вторая запись; 1 сент. 1925, третья запись; 10 ... 24 сент. 1925; 18 окт. 1925, первая запись; окт. (?) 1925, первая запись.

Есенин надписывает В.П.Яблонскому книгу «Стихи (1920–24)»:

«Милому Яблонскому / Есенин. / С любовью и / со всеми пожеланиями в / жизни, за чуткость, / нежность и дружбу. / С. Есенин».

Есенин, VII (1), 281, 493.

См.: до 12 апр. 1925, третья запись; 12 апр. 1925, первая запись; 14 мая 1925, вторая запись; 21 ... 30 мая 1925; 25 июня 1925, третья запись; 2 (?) июля 1925; 11 сент. 1925, первая запись; 16 ... 23 сент. 1925; 18 окт. 1925, первая запись; окт. (?) 1925, вторая запись; первая половина дек. 1925, четвертая запись.

В Центральной комиссии по улучшению быта ученых при Совнарком РСФСР (ЦЕКУБУ) Есенину выдается «Справка»:

«С.А.Есенин зарегистрирован в ЦЕКУБУ по списку деятелей искусства г. Москвы по 3-й кат<егории>».

Хроника, 2, 194.

См. Приложение.

С.А.Голстая сообщает в Ленинград А.Ф.Кони:

«За это время у меня произошли большие перемены — я выхожу замуж. Сейчас ведется дело моего развода, и к середине месяца я выхожу замуж за другого. До этого я с женихом хочу побывать в Ваших краях. И очень мечтаю, что Вы позволите мне хоть полчаса Вас повидать. Мой жених поэт Сергей Есенин. Я очень счастлива и очень люблю».

Письма, 350.

См. также: 16 июня 1925, третья запись; 23 июня 1925, первая запись.

Поездка в Ленинград не состоялась.

В письме Б.Л.Пастернака М.И.Цветаевой заходит речь о Есенине:

«Четвертый день я хожу по издательствам и редакциям. Мне надо достать во что бы то ни стало около трехсот рублей, чтобы отстоять квартиру и заплатить налог. Я с трудом достал пятьдесят и не знаю, что делать. Это очень унижительная процедура. Поведенье людей лишено логики. Чем выше балл, который они тебе выставляют, тем он мертвее. Всего меньше считают себя обязанными делать вывод из своего мнения те, по мнению которых я делю поэтическое первенство с Есениным. Манеры, способ обращения и проч. у этих людей выработались из сношений с этим последним. Они привыкли к грубостям и запанибратщине, и к тому, чтобы на них действовали нахрапом. А мне это претит. Это я о житейской, матерьяльной стороне. Что же касается до существа этого сопоставленья, то нельзя ничего придумать пошлее. Не говоря уже о Маяковском, о живых еще, по счастью, Сологубе и Ахматовой, я Мандельштама и Асеева ставлю выше как поэтов. Но не в этом дело. Я был бы рад делить поэтический уровень только с Вами. Только в этом наблюденьи была бы какая-то правда, объективная, живая, моментальная, без первенств и порядковых чисел. Первым был Брюсов. Это не по нашей части. Анненский не был первым. О, с какой бы радостью я сам во всеуслышанье объявил о своей посредственности, только бы дали посредственно существовать и работать! Как трудно, как трудно!»

Цветаева-Пастернак, 114–115.

Ответ Цветаевой см.: 14 июля 1925, третья запись.

Июль, 2 (?). Есенин надписывает Д.К.Богомильскому книги:

— «Москва кабацкая»:

«Федя! / “Я тебя, милый друг, помнишь буду...” / С. Есенин».

Есенин, VII (1), 282, 493.

См.: до 19 июля 1924; 4 янв. 1925, первая запись; 16 февр. 1925, первая запись; февр. 1925, первая запись; 14 марта 1925, вторая запись; 24 марта 1925, вторая запись; 26 апр. ... 5 мая 1925; 2 июня 1925, первая запись; не позднее июня 1925;

— «Стихи (1920–24)»:

«Другу, советчику / и наставителю / Феде Богомильско-/му с любовью / С. Есенин».

Есенин, VII (1), 283, 493.

См.: до 12 апр. 1925, третья запись; 12 апр. 1925, первая запись; 14 мая 1925, вторая запись; 21 ... 30 мая 1925; 25 июня 1925, третья запись; 2 июля 1925, вторая запись; 11 сент. 1925, первая запись; 16 ... 23 сент. 1925; 18 окт. 1925, первая запись; окт. (?) 1925, вторая запись; первая половина дек. 1925, четвертая запись.

Июль, с 2 на 3. Есенин пишет стихотворение «Вижу сон. Дорога черная...»

Есенин, I, 224–225, 627–629.

Время события определяется по помете на черновом автографе рукой неустановленного лица «2. VII. 25» с учетом календарной записи С.А.Толстой (оборот листка от 2 июля):

«Ночью <с 2 на 3 июля> написал “Вижу сон”, письмо Горькому и ушел с Эрл<ихом>». НН, 1995, № 34, с. 62.

Возможно, это стихотворение длительное время вынашивалось поэтом, сохраняясь в его памяти. — по свидетельству Н.Д.Вольпин, она слышала «Вижу сон...» в авторском чтении еще в декабре 1923 г.:

«Его упорно во всех публикациях относят к 1925 году. Возможно, какие-то мелкие доделки внесены позже, но мне ли было его забыть! Да и обсуждали мы его подробно...»

Как жил Есенин, 335.

Июль, 3. Есенин пишет М.Горькому:

«Дорогой Алексей Максимович!

Помню Вас с последнего раза в Берлине. Думал о Вас часто и много.

В словах, и особенно письменных, можно сказать лишь очень малое. Письма не искусство и не творчество.

Я всё читал, что Вы присылали Воронскому.

Скажу Вам только одно, что вся Советская Россия всегда думает о Вас, где Вы и как Ваше здоровье. Оно нам очень дорóго.

Посылаю Вам все стихи, которые написал за последнее время.

И шлю привет от своей жены, которую Вы знали еще девочкой по Ясной Поляне.

Желаю Вам много здоровья, сообщаю, что все *мы* следим и чутко прислушиваемся к каждому Вашему слову.

Любящий Вас

Сергей Есенин».

Есенин, VI, 217, 710–713. Курсив (и три ударения на «о» в слове «дорого») автора.

Факсимиле начала письма см.: Есенин 5 (1962), вкл. л. между с. 208 и 209.

См. Приложение.

Письмо не было своевременно отправлено адресату. 15 июня 1926 г. С.А.Толстая-Есенина напишет М.Горькому:

«Глубокоуважаемый и дорогой Алексей Максимович, посылаю Вам копию письма моего мужа к Вам.

Оригинал хранится у меня. Копию я сняла точную, соблюдая его орфографию. Если Вы захотите, я с верным случаем перешлю Вам оригинал.

Вы видите, что письмо было написано еще летом. Отправка его была связана с отправкой Вам книг. Вот всё это — о судьбе книг и письма, — я должна и хочу рассказать Вам.

В июне прошлого года Д.К.Богомилский передал Сергею, что Вы спрашиваете о нем и хотите иметь его книги. Его это *очень* обрадовало и взволновало. Он сейчас же написал Вам письмо и стал собирать для Вас свои книги. У самого у него никогда их не было. В магазинах почти всё было распродано, надо было разыскивать, а посылать только часть — не хотелось <см. также: 3 (?) июля 1925>.

<...> так затянулась отправка письма и книг. Мы вскоре уехали на Кавказ. А когда вернулись, то Сергей несколько раз говорил, что не стоит теперь посылать эти книжки, а лучше дожидаться выхода полного собрания в Госиздате. Эти книги вышли в Госиздате уже после его смерти.

Исполняя его волю, я послала Вам I и II том (через Екатерину Павловну <Пешкову>) и по выходе III и IV пришлю и их.

И еще мне хотелось сказать Вам, что почти ни о ком и никогда Сергей не отзывался с таким огромным уважением и любовью, как о Вас. Он очень, очень часто вспоминал Вас, мечтал, что Вы приедете в Россию, и одно время (осенью) постоянно говорил о Вашем приезде. Почему-то он думал, что Вы приедете весной... Говорил о том, что хотел бы с Вами работать в журнале. — Накануне своего отъезда в Ленинград, за пять дней до смерти, он опять стал вспоминать Вас и много о Вас рассказывал. О том, как Вы ему чемодан подарили (он был с ним до конца), о своем разговоре с Вами, когда Вы его упрекали за то, что он пьет, а он Вам объяснял, почему он пьет. Помните ли Вы этот разговор? — И опять то же чувство бесконечного уваженья и любви. С этим разговором о Вас у меня связаны последние воспоминания о живом Сереже.

И опять он говорил, ахая и огорчаясь, что надо, надо послать книги и что вот — до сих пор не послали!

Вот это всё главное, что я хотела сказать Вам.

Дорогой Алексей Максимович, я знаю, что Вы любили Сережу, и поэтому я надеюсь, что Вам дорог и нужен мой рассказ и Вы поймете, почему я решилась писать Вам. Может быть, когда-нибудь судьба приведет встретиться и на словах я Вам смогу рассказать многое о нем, что в письме не укладывается. Еще забыла Вам написать, что Сережа собирался за границу и во всех разговорах о загранице он непременно говорил о том, что поедет к Вам...»

Письма, 416–417.

Есенин и С.А.Толстая посещают Госиздат РСФСР.

Событие устанавливается по календарной записи С.А.Толстой от того же числа (НН, 1995, № 34, с. 62). Возможно, уже в этот раз Есенин приносит в издательство первую партию стихов, предназначенных для его «Собрания стихотворений».

См.: 30 июня 1925, первая запись; 7 июля 1925, первая запись; 19 июля 1925, первая запись; 21 июля 1925, вторая запись; 3 авг. 1925, первая запись; 12 авг. 1925; 24 авг. 1925, вторая запись; 11 или 12 сент. 1925; 12 сент. 1925, первая запись; 22 сент. 1925, вторая запись; 10 окт. 1925; 15 окт. 1925, первая запись; после 20 окт. 1925; окт. — до 26 нояб. 1925; конец нояб. 1925, первая запись; 9–11 часов утра 23 дек. 1925.

Затем они вместе с Е.А.Есениной обедают в ресторане при Большой Московской гостинице, где встречают беллетриста И.Н.Потапенко.

О событии см. календарную запись С.А.Толстой от того же числа:

«С С<ергеем> и Катей обед в Больш<ом> Моск<овском> (Потапенко)».

НН, 1995, № 34, с. 62.

Есенин приходит к Г.А.Бениславской и в ее присутствии пишет доверенность на имя Е.А.Есениной:

«Доверяю моей сестре Екатерине Есениной получать все причитающиеся мне гонорары с Госиздата».

Есенин, VII (2), 220, 361–362.

Место события (квартира Г.А.Бениславской) устанавливается по пояснительной записке Е.А.Есениной, приложенной к автографам трех доверенностей на ее имя (РГБ, ф. 393, карт. 1, ед. хр. 17, л. 1). В ней отмечено, что комментируемый документ она получила от Г.А.Бениславской уже после смерти поэта.

Поводом для написания данной доверенности могло послужить заключение договора с Госиздатом на издание «Собрания стихотворений» в трех томах (см.: 30 июня 1925, первая запись).

И.В.Евдокимов вспомнит:

«Обычно ежемесячные выплаты по тысяче рублей приходилось выдавать по доверенностям Есенина то жене, то двоюродному брату Илье Есенину. До женитьбы поэта на С.А.Толстой деньги получала сестра его Е.А.Есенина».

Восп.-95, 473.

Решение Есенина не доверять тогда получение своих денег сестре было вызвано состоявшейся между ними ссорой, о которой упоминается в его письмах к самой Екатерине и к отцу (см.: 16 июня 1925, третья запись; 20 авг. 1925, первая запись).

Вечерний выпуск ленинградской «Красной газеты» (№ 163; подпись: «Бурвассер») помещает отклик на журнал «Красная новь» (№ 5) с упоминанием о публикации стихов Есенина.

См.: до 15 июня 1925, первая запись; 29 авг. 1925, четвертая запись.

Харьковская газета «Вечернее радио» (№ 149; рубрика «Театр и искусство») дает информацию «Есенин в Харькове»:

«На днях приезжает в Харьков известный поэт Сергей Есенин».

На вырезке с этим текстом (Тетр. ГЛМ) — помета Г.А.Бениславской: «Ничего подобного. Даже не собирался».

Июль, 3 (?). Есенин делает на книге «Персидские мотивы» дарственную надпись М.Горькому (ныне неизвестна).

Событие устанавливается по словам из письма С.А.Толстой М.Горькому (15 июня 1926):

«Одну книжку “Персидские мотивы” — он надписал Вам. Но после его смерти я не могла найти ее, чтобы послать Вам. Если найду, то сейчас же вышлю Вам».

Письма, 416.

Подробнее об обстоятельствах, при которых был выполнен этот инскрипт, см.: 3 июля 1925, первая запись.

См. также: после 2 марта 1925, вторая запись; 22 апр. 1925, первая запись; до 26 мая 1925; 26 мая 1925; после 26 мая 1925; 29 мая ... 6 июня, или 10 июня ... 9 июля, или 16 ... 25 июля 1925; конец июня — 7 (?) июля 1925, первая запись; 1 ... 22 июля 1925; 4 июля 1925, вторая запись; 20 июля 1925, вторая запись; до 24 июля 1925, первая запись; 31 июля 1925, вторая запись; после 6 сент. 1925, первая запись; 24 сент. 1925, четвертая запись; 17 нояб. 1925, вторая и третья записи; 20 нояб. 1925; 21 нояб. 1925, первая запись; нояб. (?) 1925, четвертая запись.

Июль, 4. Есенин и С.А.Толстая смотрят немецкий фильм «Ледяной карнавал» (в главной роли Гарри Пиль) в кинотеатре «Ша-Нуар» (Страстная пл.).

О событии см. календарную запись С.А.Толстой того же числа (НН, 1995, № 34, с. 62):

«В кино Ша-Нуар. Гарри Пиль».

Название фильма установлено Н.М.Солобай по рекламному объявлению (газ. «Вечерняя Москва», 1925, 4 июля, № 150).

Какой из фильмов с участием Г.Пиль в советском кинопрокате шел под названием «Ледяной карнавал», не установлено (в перечне оригинальных названий кинокартин с участием этого актера такое название отсутствует).

П.И. Чагин из Баку пишет в Москву С.А.Толстой и Есенину:

«Глубокоуважаемая София Андреевна, телеграмму послал несколько раньше, чем это письмо <см.: 30 июня 1925, пятая запись>. Прошу снисхождения — норд бакинских забот и тревожений завертел меня, Сергей по старинке может подтвердить. Посылаю Вам документ о том, что Сергей не кто иной, как “минератор” <шутливое — “литератор”>; эта справка П.И.Чагина неизвестна>, и письма о Сергее гг. Варейкису и Бляхину из ЦК. Крепко надеюсь видеть в ближайшие дни Вас с ним в Баку. Зачем Крым? Приезжайте в Баку! Отсюда Вас налажу в Боржое <так!>, Цагвери, куда хотите, куда нужно Сергею. На недельку-другую проеду вместе.

Приветствую. Жму руку. П. Чагин.

P. S. Два слова — Сергею:

Жду в Баку — тебя, твои стихи, твою жену. За книжку <“Персидские мотивы” с посвящением Чагину> — спасибо! Тост — за наше содружество!

4/VII. Твой Петр».

Письма, 350.

См. также: после 2 марта 1925, вторая запись; 22 апр. 1925, первая запись; до 26 мая 1925; 26 мая 1925; после 26 мая 1925; 29 мая ... 6 июня, или 10 июня ... 9 июля, или 16 ... 25 июля 1925; конец июня — 7 (?) июля 1925, первая запись; 1 ... 22 июля 1925; 3 (?) июля 1925; 20 июля 1925, первая запись; до 24 июля 1925, первая запись; 31 июля 1925, вторая запись; после 6 сент. 1925, первая запись; 24 сент. 1925, четвертая запись; 17 нояб. 1925, вторая и третья записи; 20 нояб. 1925; 21 нояб. 1925, первая запись; нояб. (?) 1925, четвертая запись.

Письмо заканчивается словами:

«София Андреевна, Варейкиса и Бляхина Вы разыщ^ете в Отделе Печати ЦК РКП. Если Варейкис будет в отпуску (он около Москвы), передайте через его секретаря Грачёва просьбу об ответе».

Вдовин, 297; Письма, 350.

Пишет И.М.Варейкису:

«Дружище Иосиф, очень прошу тебя условиться с тов. С.А.Толстой, женой С.Есенина, о его поездке за границу для лечения. Перед моим отъездом из Москвы мы с тобой об этом говорили.

Твой Петр».

Письма, 351.

Пишет П.А.Бляхину:

«Дорогой Павел Андреевич, прошу устроить поездку С.Есенину за границу на лечение, мы об этом говорили и условились с Иосифом во время моего пребывания в Москве. Переговоры и условия по этому поводу с С.А.Толстой, женой Сергея.

С ком<мунистическим> прив<етом>. П. Чагин».

Письма, 351.

Намерение Есенина выехать за границу не осуществилось. Записки П.И.Чагина московским партийным деятелям остались в архиве С.А.Толстой.

В кооперативном издательстве литераторов и художников «Современная Россия» оформляется доверенность на имя Г.А.Бениславской на получение ею денег по векселю, выданному издательству книжным складом «Маяк»:

«Июля 4 1925, № 291.

Доверенность.

Настоящим доверяем сотруднице редакции газеты “Беднота” Галине Артуровне Бениславской учсть выданный нам книжным складом и магазином “Маяк” издательства Всесоюзного общества политкаторжан и ссыльно-поселенцев вексель на сумму 200 рублей и получить по таковому учету деньги.

Подпись руки ее следующая <подписи нет>

Вышеизложенное подписями и печатью удостоверяется.

Председатель Правления Н. Савкин.

Секретарь Иван Грузинов.

<Печать издательства>».

Печатается по факсимиле (Шубникова-Гусева-2008, 331).

Деньги, скорее всего, причитались Есенину за книгу «Москва кабацкая», продажа которой велась через книжный склад и магазин «Маяк» (см.: после 19 июля 1924, первая запись).

Этих денег Г.А.Бениславская не получала.

Калужская газета «Коммуна» (№ 149; рубрика «Театр и музыка»; подпись: «В. Р.») публикует статью «Смирнов-Сокольский (К прошедшим в гору гастролям)», в которой упоминается Есенин:

«Начиная от знаменитых московских урн для мусора, зацепив остротой Керзона, остановившись с сатирической критикой на современной поэзии (Маяковский, Есенин и др.), воздав должное режиссерской смелости Мейерхольда и т. д. — сатирик весь в жизни наших дней, всеприемлемый своим политическим тактом, на всё отзывается художественно составленной остротой.

Нечего говорить, что наша публика по достоинству оценила исполнителя, с завидным героизмом просидев под дождем большую часть вечера».

Премьер Московского театра «Эрмитаж» Н.П.Смирнов-Сокольский выступал в Калуге на открытой сцене 27 и 28 июня 1925 (газ. «Коммуна», Калуга; 1925, 26 и 28 июня, № 142, 144).

Рижский журнал «Наш огонек» (№ 27) перепечатывает стихотворение Есенина «Ну, целуй меня, целуй...»

Сообщено Э.Б.Мекшем (Юсов-2012, 564).

Информацию о перепечатке см.: авг. 1925, вторая запись.

См. также: 19 мая 1925, первая запись; до 15 июня 1925, первая запись; 31 июля 1925, третья запись.

Июль, 4–9 или 17–24. Есенин не раз встречается с В.И.Качаловым.

События устанавливаются по воспоминаниям В.И.Качалова. Нижняя их граница определяется в соответствии с датой возвращения актера в составе группы МХАТ из Киева в Москву по завершении гастрольной поездки — 3 июля (см. об этом: Виноградская И. Жизнь и творчество К.С.Станиславского: Летопись. Изд. 2-е, доп. В 4 т. М.: МХТ, 2003, т. 3, с. 392). Учитываются также сроки одновременного нахождения Есенина и В.И.Качалова в Москве в июле 1925 г.

Из воспоминаний актера:

«Мелькают, вспоминаются еще встречи. Короткие, и немного их было, того же <1925> года, в Москве, в середине лета. Он уже “слетал” в Тегеран <эта поездка плани-

рвалась, но не состоялась» и вернулся в Москву. Женится. Зовет меня на мальчишник. Совсем здоровый, мне показалось, ясный, трезвый».

Восп., 2, 256.

В составленном Есениным списке гостей, которых он хотел бы видеть на «мальчишнике» (см.: до 24 июля 1925, первая запись), Качалов не значится. Возможно, это связано с тем, что при одной из встреч с актером тот сообщил поэту о своем скором отъезде за границу, где затем «месяц отдыхал под Парижем» (Агалитова А.В. Летопись жизни и творчества В.И.Качалова. — В кн.: «Ежегодник Московского Художественного театра. 1948 г. Том II / Памяти В.И.Качалова», М.: Искусство, 1951, с. 279).

См. также: 12 ... 14 или 15 (?) марта 1925; после 12 ... после 14 или 15 (?) марта 1925; 13 ... 16 или 20 ... 25 (?) марта 1925; 7 апр. 1925, вторая запись; 13 апр. 1925, вторая запись; 15 мая 1925, первая запись; 18 ... 23 (?) мая 1925, первая запись; 20 мая 1925, первая запись; 7 сент. ... 18 окт. 1925; 25 нояб. 1925, третья запись.

Глава «Качалов» из книги В.И.Эрлиха (полный текст):

«Мы стоим на Тверской. Перед нами горой возвышается величественный, весь в чесуче, Качалов.

Есенин держится скромно, почти робко.

Когда мы расходимся, он говорит:

— Ты знаешь, я перед ним чувствую себя школьником! Ей-богу! А почему, понять не могу! Не в возрасте же дело! Знаешь, есть еще один человек... Тот, если захочет высечь меня, так я сам штаны сниму и сам лягу! Ей-богу, лягу! Знаешь, кто?

Он снижает голос до шепота:

— Троицкий...»

Эрлих, 75–76.

Июль, 5. Есенин и С.А.Толстая приходят в сад при доме-усадьбе Л.Н.Толстого (Долгохамовнический пер., ныне ул. Льва Толстого, 21).

Позднее они посещают концерт драматического актера, исполнителя песен и романсов Б.С.Борисова (открытая сцена Сокольнического круга).

События устанавливаются по календарной записи С.А.Толстой того же дня:

«В Хамовн<ический> Сад. К реке. На концерт Борисова в Сокольн<ический> круг». НН, 1995, № 34, с. 62.

Газета «Известия ЦИК СССР и ВЦИК Советов» (№ 151) извещает о предстоящем («в половине июля») выходе из печати № 6 журнала «Красная новь» со стихами Есенина.

См. также: 27 июня 1925, вторая запись; 9 июля 1925, третья запись; 15 июля 1925, пятая запись; 16 ... 18 июля 1925.

Июль, 5, 12, 19 и 26. В журнале «Огонек» (№ 28–31) — рекламное объявление о подписке с перечнем «Писатели, поэты и художники, печатающиеся в “Огоньке”», где значится имя Есенина.

См. также: 28 июня 1925, третья запись; 9, 23 и 30 авг. 1925; 6 сент. 1925, пятая запись.

Июль, 6. Есенин пишет стихотворение «Спит ковыль. Равнина дорогая...»

См.: Есенин, I, 226–227, 629–630.

Дата события устанавливается по календарной записи С.А.Толстой того же дня:

«Написал стихотв<орение> (Русь) <“Спит ковыль. Равнина дорогая...”>».

НН, 1995, № 34, с. 62. В публикации слово «Русь» взято в кавычки ошибочно. В Календаре ГМТ оно стоит без кавычек, но в скобках. Именно по этому слову, содержащемуся в 8-й строке стихотворения («Хорошо живется на Руси»), С.А.Толстая именует произведение в целом.

Две последующие записи С.А.Толстой на том же календарном листке 6 июля («К Татар<иновым>. В «Прагу»») имени поэта не содержат. Тем не менее, в ресторане «Прага» она, надо полагать, была вместе с Есениным.

См. также: 20 июля 1925, третья запись; 26 июля 1925, четвертая запись; 2 авг. 1925, вторая запись; 13 сент. 1925, третья запись; 3 окт. 1925, пятая запись.

Пишет в Баку П.И.Чагину:

«Дорогой Петр Иванович! Вязну в хлопотах и жду не дождусь того дня, когда снова предстану у врат Бакраба.

Как живешь? <...> Привет всей твоей и моей семье. Обними отца и Петя <В.И.Болдовкина>.

Едет в Москву он или нет?

Соня кланяется. Жмет руки.

Целую. Сергей».

Есенин, VI, 217–218, 713–714.

См. Приложение.

Не исключено, что с этим письмом (или двумя-тремя днями позже) уйдут в Баку только что написанные стихотворения Есенина «Вижу сон. Дорога черная...» и «Спит ковыль. Равнина дорогая...» — ведь они появятся в «Бакрабе» (т. е. в газете «Бакинский рабочий») уже через две недели (см.: 20 июля 1925, третья запись). Подтверждением этому является телеграмма П.И.Чагина (см.: 22 июля 1925, вторая запись).

Ленинградская «Новая вечерняя газета» (№ 93; рубрика «Писатели о резолюции ЦК РКП(б) о художественной литературе») публикует положительный отзыв Есенина об этом документе:

«Мне определенно нравится эта резолюция вся. Это не то, что декларация напостовцев. Хороша вся резолюция. Но особенно нравится мне часть, касающаяся литературы “попутчиков”, потому что я сам “попутчик” из группы крестьянских поэтов.

Нравится мне то, что партия будет терпеливо относиться к размежеванию идеологических форм, терпеливо помогая эти, неизбежно многочисленные формы, изживать в процессе всё более тесного товарищеского сотрудничества с культурными силами коммунизма.

Как советскому гражданину, мне близка идеология коммунизма и близки наши литературные критики тов. Троцкий и тов. Воронский. Тут я всё понимаю. Тут мне всё ясно. А не вполне ясен мне параграф 8 резолюции, особенно вопрос о стиле и форме художественных произведений и методах выработки новых художественных форм. Возьмем какую-либо группу, предположим, крестьянских писателей. У них общая идеология. Допустим даже, что общий подход к работе. Но их произведения будут глубоко различаться друг от друга, так как у каждого будет свой стиль, своя форма, и чем крупнее дарование, — тем форма будет характернее.

Поэтому мне кажется, что вопрос о выработке новых литературных форм — дело, касающееся исключительно таланта».

Есенин, V, 231–232, 524–526.

См. также: 1 июля 1925, четвертая запись.

Июль, до 7. В Москве выходит журнал «Печать и революция» (№ 4; за июнь) с материалами о Есенине.

Граница события устанавливается по информации газ. «Известия ЦИК СССР и ВЦИК Советов» (1925, 8 июля, № 153) и «Вечерняя Москва» (1925, 8 июля, № 153) о выходе издания.

В номере печатаются:

— статья Л.Войтоловского «Демьян Бедный» с эпиграфом:

С горы идет крестьянский комсомол
И под гармонику, наяривая рьяно,
Поют агитки Бедного Демьяна.

С. Есенин;

— рецензия А.Лежнева на книгу «Марксистская хрестоматия по литературе: Пособие для школы и для самообразования» (сост. В.В.Голубков, Н.П.Горностаев и др.; М., 1925):

«3) Отдел о современниках, где довольно подробно освещено творчество пролетарских и крестьянских поэтов: Сейфуллиной, Вс. Иванова, Пильняка, Маяковского, Есенина (статьи Воронского, Троцкого, Полянского, Лелевича и др.)».

Книга вышла в декабре 1924 г. (см.: до 16 — до 31 дек. 1924, вторая запись);

— рецензия Г.Лелевича на сборник «Поэты наших дней. Антология Всероссийского Союза Поэтов» (М., 1924):

«Немногим более удачен и выбор отдельных стихов того или иного автора. Каждый автор представлен одним, самое большее, двумя стихотворениями. При таких условиях выбор стихотворений является особенно ответственной и сложной задачей. И вряд ли кто-нибудь сможет объяснить, почему у Сергея Есенина выбрано одно среднее стихотворение 1917 г. <“Небо ли такое белое...”>, как будто все последующие книги этого поэта менее характерны для автора».

О выходе книги см.: сент. ... до 16 или до 30 нояб. 1924 (Летопись, 4, 422);

— два объявления о выходе альманаха «Красная новь» № 1 и журнала «Красная новь» № 5 со стихотворениями Есенина.

О тех же объявлениях см.: 15 июня 1925, третья запись;

— информация Госиздата РСФСР: «Есенин С. Березовый ситец. Стихи. Цена 80 коп.».

См.: 1 апр. 1925, третья запись; 15 апр. 1925; 1 мая 1925, восьмая запись; 15 мая 1925, пятая запись; 21 ... 30 мая 1925; 22 мая 1925, первая запись; 1 июня 1925, третья запись; 1 ... 15 июня 1925; 5 июня 1925, первая и вторая записи; 10 июня 1925; 11 июня 1925; 12 июня 1925, первая–третья и пятая записи; с 12 на 13 июня 1925, вторая запись; до 15 июня 1925, вторая запись; 20 июня 1925, первая запись; 27 июня 1925, первая запись; 30 июня 1925, восьмая запись; 2 июля 1925, первая запись; 14 июля 1925, вторая запись; 26 июля 1925, седьмая запись; 31 июля 1925, вторая запись; 2 авг. 1925, третья запись; 11 авг. 1925, вторая запись; 1 сент. 1925, третья запись; 10 ... 24 сент. 1925; 18 окт. 1925, первая запись; окт. (?) 1925, первая запись.

Июль, 7. Есенин и С.А.Толстая посещают Госиздат, где встречаются с П.В.Орешиним.

Это и след. события устанавливаются и датируются по календарным записям С.А.Толстой от того же числа, в т. ч.:

«В Госиздат (Орешин)».

НН, 1995, № 34, с. 62.

Из воспоминаний И.В.Евдокимова (1926):

«Уже вскоре Есенин принес первую партию стихотворений, затем другую. Рукопись была в хаотическом состоянии. Я засмеялся, засмеялся и он.

— Это ничего, — смеясь, говорил Есенин, — я, понимаешь, как-нибудь найду, мы с тобой вместе и разберемся.

У него не было никакого плана издания, рукопись была неудобна для набора, в разных местах попадались одни и те же стихотворения, поэмы мешались с ранними стихотворениями и наоборот, истрепанные лоскутки старых газет лежали рядом с переписанными от руки стихотворениями, конечно, без знаков препинания, — словом, смешение почерков, разных машинок, газет, вырезок из журналов, полная неразбериха...

Отложили до более благоприятного случая».

САЕ, 207–208.

См.: 30 июня 1925, первая запись; 3 июля 1925, вторая запись; 19 июля 1925, первая запись; 21 июля 1925, вторая запись; 3 авг. 1925, первая запись; 12 авг. 1925; 24 авг. 1925, вторая запись; 11 или 12 сент. 1925; 12 сент. 1925, первая запись; 22 сент. 1925, вторая запись; 10 окт. 1925; 15 окт. 1925, первая запись; после 20 окт. 1925; окт. — до 26 нояб. 1925; конец нояб. 1925, первая запись; 9–11 часов утра 23 дек. 1925.

Есенин вместе с С.А.Толстой, Е.А.Есениной и А.А.Берзинь направляется к знакомой последней — Като.

Из записей С.А.Толстой:

«Обедать к Като с Катей и Ан<ной> Абр<амовной>».

НН, 1995, № 34, с. 62.

Об одном таком посещении квартиры А.А.Берзинь, где проживала и Като (фамилия не установлена), вспомнит Ю.Н.Либединский:

«Один раз мы вошли в одну из комнат в квартире Берзиных, — там на постели спала красивая девушка-армянка Като, приятельница Анны Абрамовны и обоим нам знакомая. Сергей сделал мне знак и тихонько подошел к ней, поцеловал ее в губы и тут же мгновенно утащил меня за портьеру.

— Ты погоди, что будет... — прошептал он.

Като привстала на постели и вопросительно оглядела комнату. Сергей громко заговорил, как будто продолжая разговор. Она взглянула на меня, сложная игра нежного девичьего лица была открыта.

— Угадает или нет? — говорил Сергей».

Материалы, 376–377.

В дороге между С.А.Толстой и Есениным происходит ссора.

Есенин один направляется к А.А.Берзинь, вернувшись затем на квартиру С.А.Толстой (вместе с А.М.Сухотиным и В.И.Эрлихом) лишь вечером.

Из записей С.А.Толстой:

«Ссора на улице. Я — домой, он — к Ан<не> Абр<амовне>. Он возврат<ился> с Алей <А.М.Сухотиным> и Эрл<ихом> веч<ером>».

НН, 1995, № 34, с. 62.

Газета «Вечерняя Москва» (№ 152; рубрика «Хроника литературы и искусства») помещает сообщение:

«ГИЗ готовит к печати собрание стихотворений Сергея Есенина в 3-х томах. Стихи С.Есенина до сих пор выходили отдельными сборниками, и настоящее издание является первым объединяющим, которое включит в себя и неизданные произведения поэта».

Об издательском договоре поэта см.: 30 июня 1925, первая запись.

Анонсы издания см.: 23 авг. 1925, третья запись; 8 сент. 1925, третья запись; 10 ... 24 сент. 1925; 1 окт. 1925, третья запись; 3 окт. 1925, четвертая запись; 21 окт. 1925, вторая запись.

Июль, с 7 на 8. Есенин уходит из квартиры С.А.Толстой вместе с В.И.Эрлихом.

Событие устанавливается и датируется на основе календарной записи С.А.Толстой (7 июля):

«Ночью с Эрл<ихом> ушел».

НН, 1995, № 34, с. 62.

Июль, 8. Одесская газета «Известия» (№ 1677; рубрика «Библиография») сообщает о выходе журнала «Красная новь» (№ 4) с поэмой Есенина «Анна Снегина».

О публикациях текста поэмы и откликов на нее см. также: 20 марта 1925, вторая запись; 1 мая 1925, пятая и шестая записи; 3 мая 1925; 21 ... 30 мая 1925; 1 июня 1925, вторая и третья записи; до 17 июня 1925; 18 июня 1925, третья запись; 20 июня ... 3 июля 1925; 21 и 23 июня 1925; 28 июня 1925, вторая запись; 30 июня 1925, девятая запись; 1 июля 1925, пятая запись; 12 июля 1925, четвертая запись; 19 июля 1925, четвертая и пятая записи; 22 июля 1925, четвертая запись; 26 июля 1925, восьмая и девятая записи; до 20 сент. 1925; 30 сент. ... 12 окт. 1925; 12 окт. 1925, вторая запись; 15 дек. 1925, третья запись.

С.А.Толстая оставляет Есенину записку:

«Сергей, дорогой мой, приходи скорей. Жду тебя очень, очень. Так ужасно грустно». Письма, 284.

Это и след. события датируются с учетом произошедшего накануне (см.: 7 июля 1925, четвертая запись; с 7 на 8 июля 1925).

Есенин пишет С.А.Толстой:

«Прости, что обидел. Ты сама виновата в этом. Я в Гизе, еду <в> “Красную Новь”, “Огонек” и позвоню».

Есенин, VI, 218, 714.

Возможно, эта записка отправляется на службу адресата с нарочным.

Есенин посещает Государственное издательство РСФСР, редакции журналов «Красная новь» и «Огонек».

См. предыд. запись.

Июль, с 8 на 9. После очередной отлучки Есенин возвращается на квартиру С.А.Толстой и беседует с ней.

События устанавливаются и датируются на основе ее календарной записи (8 июля):

«Вернулся ночью, раз<говор>, изм<ена>».

НН, 1995, № 34, с. 62.

Причины этой отлучки, возможно, прояснились бы из двустрочной записи С.А.Толстой 8 июля, выполненной прежде процитированной, если бы эта запись не была ею тщательно вычеркнута (см. Календарь ГМТ).

Июль, до 9. Издательство «Основа» (Иваново-Вознесенск) четвертым изданием выпускает книгу П.С.Когана «Литература этих лет», в которой есть материалы, посвященные Есенину.

Граница события устанавливается по информации о поступлении книги в редакцию газ. «Известия ЦИК СССР и ВЦИК Советов (1925, 9 июля, № 154).

Текст книги аналогичен ее предыд. изданиям, о которых см.: до 6 дек. 1923; конец мая — до 15 июня 1924, вторая запись; до 16 ... до 30 янв. 1925.

См. также: 5 янв. 1924, первая запись; до 20 апр. 1924, вторая запись; 24 июля 1924; после 29 окт. 1924.

Июль, 9. На квартире С.А.Толстой происходит инцидент между Есениным и И.Приблудным.

Событие устанавливается и датируется по календарной записи С.А.Толстой от того же дня:

«Дома бил Ив<ана> Пр<иблудного>. Скатерть».

НН, 1995, № 34, с. 62.

О других (скорее всего, аналогичных) эпизодах со скатертью см.: 29 мая ... 6 июня 1925; конец окт. 1925, вторая запись.

П.И. Чагин телеграфирует Есенину и С.А.Толстой:

«Подтвердите получение спешной <телеграммой> когда свадьба и приезд Баку».

Письма, 284.

Газета «Правда» (№ 154) помещает объявления, что «на днях» выходят № 6 журнала «Красная новь» и № 1 альманаха «Красная новь» со стихами Есенина.

См. также: 27 июня 1925, вторая запись; 5 июля 1925, вторая запись; 15 июля 1925, пятая запись; 16 ... 18 июля 1925; 20 июля 1925, вторая запись.

Июль, с 9 на 10. Есенин выезжает в Константиново.

Событие зафиксировано С.А.Толстой в ее календаре (оборот листка 9 июля):

«Ночью уех<ал> в деревню».

НН, 1995, № 34, с. 62.

В.Ф.Наседкин вспомнит:

«Перед отъездом на Кавказ заглянул дней на пять в свое Константиново».

Материалы, 225.

Есенина провожает В.И.Эрлих.

Событие устанавливается по его воспоминаниям (см. две след. записи).

На вокзале Есенин пишет записки:

— С.А.Толстой:

«Дорогая Соня, я должен уехать к своим. Привет Вам, любовь и целование».

Есенин, VI, 227.

На обороте записки — помета рукой адресата: «Собирался в Константиново в XI 1925 г. Пьяный». Однако, судя по виду и характеру этой пометы (см. подлинник: ГЛМ, ф. 4, оп. 1, ед. хр. 96), она была сделана намного позже события, по памяти. Поэтому обозначенная здесь С.А.Толстой дата вызывает сомнения, на что обратил внимание еще первый публикатор записки [«(Может быть, это — “в VI 1925”?)», — Письма и записки С.А.Есенина / Публ. Гордона Маквея — «Новый журнал», Нью-Йорк, 1972, кн. 109, с. 164, примеч. 1]. И в самом деле, содержание записки и ее эмоциональная окраска позволяют — с гораздо большей долей вероятности — приурочить ее к комментируемой июльской поездке.

— А.А.Берзинь.

Об этой записке Есенина см. след. запись. Ныне она неизвестна.

Вручает написанное Эрлиху для передачи адресатам.

В.И.Эрлих вспомнит:

«Едем на Рязанский вокзал. Покупаю билет. Он в это время пишет письма.

— Вот это — отдай Соне! Я ей всё объяснил. А это — Анне Абрамовне. Да скажи, что я ей очень верю, совсем верю, но слушаться я ее не могу. Никого я не могу слушаться».

Восп., 2, 342.

Июль, 10. Газета «Правда» (№ 155; раздел «Библиография») публикует краткий отклик А.Лежнева на издание «Библиотека “Огонька”». Выпуски 1–44. Изд-во “Огонек”. Мосполиграф. Москва. Цена выпуска 15 к.», в котором упомянут Есенин:

«Небольшие, прекрасно изданные и доступные по цене широким кругам читателей книжки библиотеки “Огонька” <...>. Прекрасно подобраны стихи (Есенина, Безыменского, Маяковского)».

Июль, 10–16. Есенин находится в родном селе, проводит время на реке Оке и в окрестностях Константинова.

А.К.Воронский вспомнит:

«В последние два года Есенин всё собирался поехать в деревню и как следует пожить там. Он знал, что болен, и казалось, что болезни своей он серьезно боялся. Он тосковал по простой и несложной жизни, по простым людским отношениям и простым вещам. Хорошо бы заняться житейским, обычным, каждодневным, явственным и ощутимым, чтобы был сад, липы, разговоры о сенокосе, об урожае, чтобы был вечер тихий и благостный».

Восп., 2, 73.

Ср. также с воспоминаниями Е.М.Хитрова:

«... в 1924 и 1925 годах он присылал мне поклоны с кем-нибудь из знакомых. Обещал даже приехать в Спас-Клепики. Летом 1925 года он приезжал к себе на родину в село Константиново и, когда уехал оттуда, снова прислал мне поклон и сожаление, что не заехал в Спас-Клепики».

Восп., 1, 143.

См. след. запись.

Один из дней проводит с односельчанами в Кузьминском.

Событие устанавливается по воспоминаниям С.Н.Соколова:

«В один из погожих дней мы отправились веселой компанией в Кузьминское, на шлюз. Были тут и однокашники Есенина по Константиновской школе, и наши учителя, и просто отдыхающие дачники. Шумная процессия растянулась по дороге. Есенин приотстал. Я подошел к нему, и всю дорогу до шлюза мы шли вместе. Есенин был сосредоточен и, как мне показалось, чем-то удручен. Какие-то заботы и грустные думы одолевали его.

Разговор зашел о литературе, о писательской среде. Есенин заговорил о недоброжелательном отношении к его творчеству со стороны некоторых критиков и части писательской среды. “Все травят меня, донимают мелочными укусами, не дают спокойно работать. Что я им сделал?” — говорил он. Потом заспорили о поэзии. Я в то время был увлечен Надсоном и с восторгом говорил о его стихах и даже процитировал:

Тяжелое детство мне пало на долю.
Из прихоти взятый чужою семьей,
По темным углам я наплакался вволю,
Изведав всю тяжесть подачки людской.

Есенин слушал внимательно, а потом сказал:

— Ты брось свои затеи с Надсоном. Это сплошное слюнтяйство. Читай побольше Пушкина. Это наш учитель. Я ведь тоже когда-то шел не той дорогой. Теперь же я вижу, что Пушкин — вот истинно русская душа, вот где вершины поэзии.

Было немного странно смотреть на этого до глубины души русского человека, шагающего в модном заграничном костюме по пыльной деревенской дороге.

И еще осталось от этой беседы ощущение того, что жизнь нашего земляка в столице — не из легких.

В Кузьминском мы пробыли до вечера. Возвращались домой всей гурьбой. Есенин дурчился вместе с нами, пел частушки. Чувствовалось, что в эту минуту грустные думы отлегли у него от сердца».

Восп., 1, 137–138.

Автор цитирует стихотворение С.Я.Надсона «Мать» (1886).

В гостях у К.П.Воронцова читает стихи односельчанам:

Из воспоминаний Н.С.Соколова:

«Как-то под вечер мы сидели у Клавдия Воронцова. Пришел и Есенин. Мы попросили его почитать стихи. Он охотно согласился, ибо такими просьбами односельчане его редко донимали. Как это ни покажется сейчас странным, но так получалось, что Есенин, стихи которого уже тогда переводились на иностранные языки, в своем родном селе был как поэт мало известен. Все здесь смотрели на него как на односельчанина, наезжающего летом погостить из города. Нам, местным учителям, даже не пришло в голову шире познакомиться константиновцев с поэзией Есенина. Ни разу не устроили мы и литературного вечера, когда он бывал в селе. Говорить об этом теперь приходится с болью, сожалением и грустью. Кто знает, может быть, видя такое “внимание” к своему творчеству со стороны нас, односельчан, Есенин временами с грустью думал о том, что

Моя поэзия здесь больше не нужна,
Да и, пожалуй, сам я тоже здесь не нужен».

Восп., 1, 138.

Июль, 10 и 25. Журнал «Город и деревня» (№ 13 и 14) называет Есенина в числе авторов издания.

См. также: 5 марта 1925, четвертая запись; 20 марта 1925; 5 и 17 апр. 1925; 1 и 31 мая 1925; 25 июня 1925, вторая запись; 15 авг. 1925, вторая запись; 1 и 25 сент. 1925; 5 окт. 1925; 7 и 30 нояб. 1925.

Июль, 11. Нью-йоркская газета «Русский голос» (№ 3524) печатает анонс «“Что день воскресный нам готовит”... в “Русском голосе”», где говорится о предстоящей публикации неназванной поэмы Есенина («Анна Снегина»):

«В завтрашнем номере вы прочтете новую поэму Сергея Есенина. Интересная поэма. И написана хорошо, по-есенински и притом в новом духе... Серьезно и задушевно. Как называется эта поэма? Впрочем, зачем сказать? Увидите сами.

Я вспомнил рассказ возницы
И, взяв свою шляпу и трость,
Пошел мужикам поклониться,
Как старый знакомый и гость.

И Есенин рассказал много в этой живой интересной поэме». См.: 12 июля 1925, четвертая запись.

Июль, 12. Есенин пишет стихотворение «Каждый труд благослови, удача!...»

Есенин, I, 231–232, 631.

А.А.Есенина напишет:

«В первой половине июля Сергей уезжает в деревню, или, как мы говорили, “домой”. Дома он прожил около недели. В это время шел сенокос, стояла тихая, сухая погода, и Сергей почти ежедневно уходил из дома, то на сенокос к отцу и помогал ему косить, то на два дня уезжал с рыбацкой артелью, километров за пятнадцать от нашего села ловить рыбу. Эта поездка с рыбаками и послужила поводом к написанию стихотворения “Каждый труд благослови, удача!...”, которое было написано там же, в деревне».

Восп., I, 118.

В.Ф.Наседкин также отметит:

«Стихотворение <...> он написал на Оке, два дня пропадая с рыбацкой артелью».

В семье родной, 265.

См. также: 31 июля 1925, первая запись; 13 сент. 1925, вторая запись; 16 ... 23 сент. 1925; 30 сент. 1925, третья запись; 16 окт. 1925, вторая запись.

С.А.Толстая отправляет Есенину в Константиново денежный перевод (30 рублей), сопроводив его словами:

«Сергей милый, посылаем пока немного денег — сколько есть. Дня через три при- шлем еще.

Очень надеюсь, что тебе там хорошо. Пришли хоть несколько слов. <...>

Будь здоров, милый.

Мыслями всегда с тобой».

Письма, 285.

См.: 15 июля 1925, вторая запись.

Самарская газета «Коммуна» (№ 1969) в материале А.Илова «Московские гости в “Слове”» отмечает, что местный поэт Лукин «подражает Есенину».

Нью-йоркская газета «Русский голос» (№ 3526; воскресное приложение; раздел «Литературная страница, посвященная творчеству русских писателей в Америке») печатает отрывок из поэмы Есенина «Анна Снегина» (ст. 224–498) и отмечает:

«Окончание в следующем номере».

О публикациях текста поэмы и откликов на нее см. также: 20 марта 1925, вторая запись; 1 мая 1925, пятая и шестая записи; 3 мая 1925; 21 ... 30 мая 1925; 1 июня 1925, вторая и третья записи; до 17 июня 1925; 18 июня 1925, третья запись; 20 июня ... 3 июля 1925; 21 и 23 июня 1925; 28 июня 1925, вторая запись; 30 июня 1925, девятая запись; 1 июля 1925, пятая запись; 8 июля 1925; 19 июля 1925, четвертая и пятая записи; 22 июля 1925, четвертая запись; 26 июля 1925, восьмая и девятая записи; до 20 сент. 1925; 30 сент. ... 12 окт. 1925; 12 окт. 1925, вторая запись; 15 дек. 1925, третья запись.

Июль, 13. М. Горький пишет из Сорренто Н. И. Бухарину.

Дает оценку резолюции ЦК РКП(б) «О политике партии в области художественной литературы»: «Превосходная и мудрая вещь».

Призывая критиковать «мужикопоклонников и деревенелюбов», продолжает:

«Талантливый, трогательный плач Есенина о деревенском рае — не та лирика, которую требует время и его задачи, огромность которых невообразима. Хотелось бы, чтобы Казин и Тихонов скорее поняли это...»

Письма, 351–352.

См. также: 1 июля 1925, четвертая запись; 6 июля 1925, третья запись.

Июль, 14. Есенин пишет стихотворение «Видно, так заведено навеки...»

Есенин, I, 233–234, 632–633.

В первой строке чернового автографа вместо «навеки» первоначально было «на свете», а в первом четверостишии вместо «с жизнью» — «С тем, что в юности имелось на примете». После 16-й строки зачеркнуто: «Отцвели черемушник и вишни, / Но тебя далекой нет и нет» (Есенин, I, 363).

А. А. Есенина вспомнит:

«Находясь в деревне, Сергей написал стихотворение “Видно, так заведено навеки...”, относящееся к событиям, связанным с его жизнью с С. А. Толстой».

Восп., I, 118.

См.: 21 июня 1925, вторая запись.

См. также: 31 июля 1925, первая запись; 13 сент. 1925, вторая запись; 16 ... 23 сент. 1925; 30 сент. 1925, третья запись; 7 нояб. 1925, вторая запись, 27 нояб. 1925, пятая запись.

Газета «Трудовая Пенза» (№ 158; рубрика «Книжная полка») информирует о выходе книги Есенина «Березовый ситец».

Фамилия поэта напечатана с ошибкой: Есенин.

См.: 1 апр. 1925, третья запись; 15 апр. 1925; 1 мая 1925, восьмая запись; 15 мая 1925, пятая запись; 21 ... 30 мая 1925; 22 мая 1925, первая запись; 1 июня 1925, третья запись; 1 ... 15 июня 1925; 5 июня 1925, первая и вторая записи; 10 июня 1925; 11 июня 1925; 12 июня 1925, первая–третья и пятая записи; с 12 на 13 июня 1925, вторая запись; до 15 июня 1925, вторая запись; 20 июня 1925, первая запись; 27 июня 1925, первая запись; 30 июня 1925, восьмая запись; 2 июля 1925, первая запись; до 7 июля 1925; 26 июля 1925, седьмая запись; 31 июля 1925, вторая запись; 2 авг. 1925, третья запись; 11 авг. 1925, вторая запись; 1 сент. 1925, третья запись; 10 ... 24 сент. 1925; 18 окт. 1925, первая запись; окт. (?) 1925, первая запись.

М. И. Цветаева, отвечая Б. Л. Пастернаку, пишет:

«Сопоставление с Есениным <см.: 2 июля 1925, пятая запись>, — смеюсь. Не верю в него, не болею им, всегда чувство: как легко быть Есениным! Я тебя ни с кем не сопоставляю. Ты никогда не будешь ПЕРВЫМ, ведь первый — великая тайна и великий шантаж, Борис! — только какая-то степень последнего, тот же “последний”, только принаряженный, приукрашенный, обезвреженный. У первого есть второй <NB! Формула: “первый” это последняя ступень лестницы, первой ступенью которой является “последний”. — Приписка М. И. Цветаевой>. *Единственный не бывает первым* (Анненский. Брюсов)».

Цветаева–Пастернак, 120.

Ср. с фрагментом более позднего (31 мая 1927) цветаевского письма тому же адресату:

«Просто в России сейчас пустует тр<он>, по праву — не по желанию — мой. Говорю с тобой, как со своей совестью. Тебя никогда не будут любить так, как Блока (Есенин — междуцарствие, на безрыбьи и... ПОПЫТКА созд<ать>), ты избраннее меня, нужно родиться тобой, а я — через стихи — таких рождаю».

Цветаева–Пастернак, 347.

Июль, 15. Есенину выдается Кузьминским волисполкомом паспорт на три года.

Есенин, VII (2), 530–531.

Этот паспорт заменяет удостоверение (временное свидетельство) № 1127, выданное Константиновским сельсоветом (см.: 17 марта 1925, первая запись).

Документ был получен Есениным накануне его возвращения из Константинова в Москву (см.: 16 июля 1925, первая запись).

Удостоверение личности серии Г № 0428516 открывается фамилией, именем и отчеством его владельца, датой и местом его рождения (число проставлено по старому стилю — 21 сент.), а также указанием места постоянного жительства (г. Москва), рода занятий (писатель) и отношения к прохождению обязательной военной службы (военнообязанный). В графе «Семейное положение» значится — «разведен».

Документ выдан «Кузьминским ВИК Рязанского уезда, с. Кузьминск<ое>, 15 июля 1925 год<а>» сроком действия «на три года, т. е. по 15 июля 1928 год<а>».

В документе есть несколько отметок, сделанных в официальных учреждениях. Это — штамп о регистрации брака с С.А.Толстой 18 сент. 1925 г. (за № 2514), где указано, что Есенин вступил во второй гражданский брак.

Кроме того, на последней странице есенинского паспорта имеется два штампа прописки по адресу — Померанцев пер., д. 3, кв. 8. Один из них датирован 18 сент. 1925 г. (т. е. днем регистрации брака), а второй — с датой 14 нояб. 1925 г. Причины этой повторной регистрации не установлены.

Есенин, VII (2), 531–532.

Отвечая С.А.Толстой, Есенин отправляет ей из Кузьминского телеграмму:

«М<о>скву Остоженка Померанцев пер. дом 3 кв. 8 Софье Толстой.

Чувствую хорошо скоро увижу люблю — Сергей».

Есенин, VI, 218, 714–715.

См.: 12 июля 1925, вторая запись.

В журнале «Прожектор» (№ 13) печатается (в сокращении — без первой и восьмой строф) стихотворение Есенина «Письмо к сестре».

См. также: 19 (?) ... 25 (?) апр. 1925; 10 мая 1925, первая запись.

Стихотворец Я.Гаскаков пишет Есенину:

«Если можешь, тисни хоть одно из лучших.

Привет. Ян.

15/VII–25 г.

Пришло еще. Вытерпишь?»

Письма, 285.

К письму приложены стихотворения Я.Гаскакова «Север», «Песня», «Рожь», «Персия», «Девушка». Их публикации не выявлены.

Газета «Ленинградская правда» (№ 159) публикует объявление о выходе: — номера 6 журнала «Красная новь» со стихами Есенина («на днях»).

См. также: 27 июня 1925, вторая запись; 5 июля 1925, вторая запись; 9 июля 1925, третья запись; 15 июля 1925, пятая запись; 16 ... 18 июля 1925;

— альманаха № 1 «Красная новь» со стихами Есенина («из печати»).

См.: 20 июля 1925, вторая запись; 21 июля 1925, первая запись.

С.А.Толстая получает в суде развод с прежним мужем С.М.Сухотиным, чтобы вступить в официальный брак с Есениным.

Событие устанавливается и датируется по ее календарным записям того же дня:

«В суд с Сахар<овым>. Развелась в суде с Сухот<иным>».

НН, 1995, № 34, с. 62. Слово «Развелась» в оригинале подчеркнуто, а слова «в суде с Сухот.» приписаны позже, уже не чернилами, а карандашом (Календарь ГМТ).

О соответствующем заявлении С.А.Толстой в суд см.: 23 июня 1925, первая запись.

Июль, 16. Есенин возвращается из Константинова в Москву.

Событие устанавливается по календарной записи С.А.Толстой от того же числа:

«Приехал Серг<ей>».

НН, 1995, № 34, с. 62.

С вокзала едет в редакцию журнала «Красная новь», где читает присутствующим свои новые стихи.

В.Ф.Наседкин вспомнит (1927):

«Из деревни Есенин, прямо с вокзала, заехал в “Красную Новь”. Мне и еще кому-то из перевальцев, случайно бывшим в редакции, стал читать новые стихи, написанные на родине: “Каждый труд благослови, удача... <...>” <В них> мне послышались новые, бодрые нотки».

В семье родной, 265.

См. также: 10–16 июля 1925; 12 июля 1925, первая запись.

О.К.Толстая пишет дочери:

«Сонечка моя, сегодня утром, говоря с тобой по телефону, у меня сорвалось, от поднявшейся нежности и жалости к тебе, слово “благословляю”. Нет, я не могу благословить. Это слово не подходит и к тому настроению, и к той жизни, в кот<орую> ты вступила. Я могу примириться и относиться к случившемуся, как к большому кресту и испытанию, выпавшему и тебе и мне. Тебя я буду всегда любить, сердце мое полно ужаса и жалости к тебе, недоумения — как ты можешь связывать свою жизнь с пьяным, хотя бы и добрым человеком <...>. Неужели ты нешла лучшей цели в жизни, высшего смысла ее, как только стать женой пьяницы, хотя бы и модного поэта? <...> М<ожет> б<ыть>, новая жизнь и те страдания, кот<орые> тебя ждут, нужны тебе. Бедная, бедная ты моя девочка. Мое сердце разрывается и от горя и от ужаса за тебя, и от возмущения и отвращения. Пойми, я не могу относиться к нему как к сыну, пока он всё пьет и безобразничает, пока его жизнь проходит в этой бесцельной сутолоке и собутыльничании. А ты говоришь, что он уважает меня. Хорошо уважение! <...> Люблю, жалею, страдаю за тебя, и так будет до смерти. <...> Твоя очень, очень несчастная за тебя мама».

ГМТ, ф. 48. Курсив автора.

Г.А.Бениславская пишет Есенину:

«Сергей, если Приблудный когда-либо в своих мерзостях пойдет далеко и притом окружающие забудут, кем он был до сих пор, — расскажи об этом Яне — она быть может, поможет выявить его физиономию, но только если это действительно будет нужно и если он начнет именно тебе делать гадости. Это первое.

Второе: береги себя, пока тебе еще рано — ты сам это знаешь, и береги тех очень немногих настоящих друзей, которые около тебя. Не делай над ними экспериментов, сумей раскусить их без этого. Не швыряйся людьми по-настоящему, а не из расчета и корысти, хорошими к тебе. Всякому терпению бывает конец. Яна тебе большой друг; несмотря на то, что она на жертвы не пойдет, — это верный друг.

А Соня Виноградская — ты даже не представляешь, от чего она спасла тебя в 1923 году. Запомни это.

Из твоих друзей — очень умный, тонкий и хороший — Эрлих. Это, конечно, не значит, что ему ничего от тебя не нужно. Но на это, что ему надо, он имеет право. Больше среди них я никого не видела.

Знай еще: Сахаров — Сальери нашего времени, немного лучше, но и немного хуже пушкинского. Он может придумать тебе конец хуже моцартовского. Он умнее того Сальери и сумеет рассчитать, чтобы не только уничтожить тебя физически (это ему может не понадобиться), но и испортить то, что останется во времени после тебя. Не будь дураком и в дураках, не показывая беспардонную храбрость там, где ее смешно показывать. Ты не имеешь права давать волю твоему истеричному любопытству и лететь в огонь.

Помни, что Сахаров может дать только плохой конец, только унижить тебя. Он хорош, пока ты силен и совсем здоров. Имей силу уйти от него, несмотря на то, что он много отдал тебе. Ты же не виноват, что ему дано очень много, но не всё, чтоб быть равным тебе. А зло против тебя у него в глубине большое, ты это как будто сам знаешь. Ну, а остальных ты видишь? Не слишком доверяй себя Анне Абрамовне <Берзинь>. Здесь можно ошибиться и в хорошую и в плохую сторону. Хорошего она много сделала и может сделать, и всё же внимательно смотри. Мне кажется, тебе надо устроить свою собственную пристань, чтобы не бросать якоря всегда в открытое море. Плавай, но знай, где твоя пристань.

И последнее: по-моему, Толстая очень хорошая (по рассказам о ней; я ведь ее не знаю), будь бережливым, если будешь с ней — не швыряйся ею; она слабее других, меньше знает тебя, ей труднее и не она тебя, а ты ее должен беречь — может статься, что в этом (в ее слабости) и твое спасение.

А зачем я это пишу? И для тебя и для моего собственного спокойствия, чтобы, уехав, не мучиться сознанием, что не сказала, а тебе может пригодиться.

Письмо порви и не болтай о нем направо и налево.

Галя. 16. VII. 25».

Занковская Л.В. Новый Есенин: жизнь и творчество поэта без купюр и идеологии. М.: Флинта. 1997, с. 381 (ссылка на место хранения письма — архив ЦГАЛИ (РГАЛИ) — ошибочна, ибо там это письмо отсутствует).

В этом письме Есенину (последнем из известных) Г.А.Бениславская впервые обращается к нему на «ты». Раньше они обращались друг к другу в письмах только на «Вы».

Письмо осталось у Г.А.Бениславской.

Шубникова-Гусева-2008, 332–333.

Июль, 16 ... 18. Выходит журнал «Красная новь» (№ 6; за июль–август) со стихотворением Есенина «Синий май. Заревая теплынь...»).

Нижняя граница события устанавливается по информации газ. «Ленинградская правда» (1925, 15 июля, № 159) о том, что журнал выходит «на днях», а верхняя — по информации газ. «Известия ЦИК СССР и ВЦИК Советов» (1925, 19 июля, № 163) о поступлении издания в продажу.

Об исходной публикации см.: 19 мая 1925, первая запись.

Анонсы см.: 27 июня 1925, вторая запись; 5 июля 1925, вторая запись; 9 июля 1925, третья запись; 15 июля 1925, пятая запись.

Ср. также: 19 июля 1925, третья запись; 21 июля 1925, первая запись.

См. Приложение.

Отклики см.: 23 авг. 1925, первая запись; 30 сент. 1925, третья запись; сент. (?) 1925, первая запись; 2 окт. 1925.

Июль, после 16 ... после 18. Есенин делает дарственную надпись А.К.Воронскому на странице с журнальной публикацией своего стихотворения «Синий май. Заревая теплынь...» («Красная новь», № 6):

«На память дорогому А.К.Воронскому С.Есенин, сие отмечающий».

Есенин, VII (1), 288, 495.

Граница события отмечается в соответствии с предыд. записью.

См. также: 19 мая 1925, первая запись; 16 ... 18 июля 1925; 23 авг. 1925, первая запись; 30 сент. 1925, третья запись; сент. (?) 1925, первая запись; 2 окт. 1925

Июль, 17. Есенин вместе с В.И.Эрлихом отправляется на Ваганьковское кладбище, чтобы побывать на могиле А.Ширяевца.

Затем навещает Н.П.Савкина и Г.А.Бениславскую.

О событиях см. календарную запись С.А.Толстой того же дня:

«С<ергей> на мог<иле> Ширяевца. К Савкину. К Гале».

НН, 1995, № 34, с. 63.

Другие сведения о посещении Есениным в тот день Н.П.Савкина и Г.А.Бениславской не выявлены.

Эпизоду на кладбище В.И.Эрлих посвятил главку своей книги «Право на песнь» (1930) под названием «Ваганьково»:

«Мы медленно идем по Пресне.

— Ты знаешь... Я — свинья! С самого погребения Ширяевца я ни разу не был на его могиле! Это был замечательный человек! Прекрасный человек! И, как все мы, очень несчастный. Вот погоди, придем на кладбище, я расскажу тебе про него одну историю. Сядем на могилу, и расскажу.

У ворот мы покупаем два венка из хвои.

— Вот так. Положим венки, сядем, помолчим, а потом я тебе и расскажу. Ну, пойдём искать!

Мы дважды обходим всё кладбище. Могилы нет.

Он останавливается и вытирает пот.

— Вот история! Понимаешь? Сам хоронил! Сам место выбирал... А найти не могу... Давай отдохнем, а потом — снова...

<...> Мы возвращаемся к нашей первоначальной цели. Ищем порознь, долго и трудно. Наконец я слышу голос Есенина:

— Нашел! Иди сюда!

Он отбирает у меня венок и вместе со своим кладет на могилу. Мы садимся рядом.

Помолчав, он начинает рассказ. Он рассказывает медленно и любовно, прислушиваясь к каждому своему слову и заполняя паузы жестами. Он говорит о девушке, неумной и нехорошей, о человеческой судьбе и о бедном сердце поэта. Когда он кончает рассказ, мы оба встаем и подходим к кресту. И здесь я вижу, что он вдруг смертельно бледнеет.

— Милый! Что с тобой?

Он молча показывает на крест.

«Здесь покоится режиссер...»

Мы сидели на чужой могиле.

— Нет! Ты понимаешь, в чем дело? Они продали его могилу! У него нет могилы! У него украли могилу! <...> Ну, погоди! Я им покажу! Помяни мое слово!»

Восп., 2, 345-346.

Газета «Известия ЦИК СССР и ВЦИК Советов» (№ 161) дает анонс о выходе № 30 журнала «Красная нива» со стихами Есенина в субботу 18 июля.

См.: 19 июля 1925, вторая запись.

Июль, 17–24. Есенин пишет стихотворение «Я помню, любимая, помню...»

Границы события устанавливаются с учетом свидетельств: С.А.Толстой, что произведение «было написано в июле 1925 г. в Москве» (Есенин, IV, 436) и А.А.Есениной о том, что поэт написал эти стихи, вернувшись из деревни (см.: Восп., 1, 118).

По словам С.А.Толстой, существовал не известный ныне черновой автограф, который имел «посвящение — А. М. <Августе Миклашевской>. В дальнейшем посвящение было снято автором» (Есенин, IV, 436).

См.: Есенин, IV, 222–223, 435.

См. также: 4 авг. 1925, первая запись; 6 сент. 1925, четвертая запись; 11 окт. 1925, четвертая запись.

Встречается с В.Ф.Наседкиным.

В.Ф.Наседкин напишет:

«...мы встретились опять, на новой квартире Есенина у С.Толстой.

Есенин собирался на Кавказ <см.: 25 июля 1925, первая запись>.

За неделю — за две до отъезда Есенин как будто немного ожил, повеселел. Полупьяный, любил петь свою “Песню”: “Есть одна хорошая песня у соловушки”. Пел он ее, слегка приплясывая, на мотив, близкий одной кавказской песенке.

Была, кажется, последняя вспышка есенинской жизнерадостности и его беспечности». Материалы, 225.

Июль, 18. Есенин пишет стихотворение «Я иду долиной. На затылке кепи...»

Есенин, IV, 224–225, 436–437.

Факсимиле датированного черного автографа — в кн.: Есенинские раритеты: Каталог из фондового собрания / Гос. музей-заповедник С.А.Есенина. М.; [Рязань], 2011, с. 34.

См. Приложение.

См. также: 4 авг. 1925, первая запись; 6 авг. 1925, первая запись; 9 авг. 1925, вторая запись; 30 авг. 1925, вторая запись; вторая половина сент. 1925; 26 сент. 1925, вторая запись.

Смолит (вместе с С.А.Толстой, Е.А.Есениной и В.И.Эрлихом) немецкий кинофильм «Табачница из Севильи» по новелле П.Мериме «Кармен».

Событие зафиксировано С.А.Толстой в календарной записи того же дня:

«В кино — С<ергей>, Катя, Эрл<их>. “Табачница из Севильи”».

НН, 1995, № 34, с. 63.

Оригинальное название фильма — «Кармен» («Carмен», 1918); режиссер Эрнст Любич, в главных ролях: Пола Негри (Кармен), Гарри Лидтке (Хосе).

Где именно можно было увидеть тогда эту картину в Москве, установить не удалось: в кинорекламе, опубликованной в тот день городскими газетами, фильм с таким названием не выявлен (указано Н.М.Солобай).

Журнал «Ленинград» (№ 26) помещает статью А.Шварца «Голоса поэтов», в которой заходит речь о Есенине.

Говоря о работе в Ленинграде профессора С.И.Бернштейна, записывающего на фонограф голоса поэтов, автор отмечает:

«...свыше 40 голосов запечатлено на долгие годы в этой коллекции. <...> главным образом поэты. Здесь Ахматова, Белый, Кузмин, Есенин, Сологуб, Маяковский, Мандельштам, Тихонов, Ходасевич...»

Июль, до 19. В Госиздате РСФСР выходит сборник «Вопросы культуры при диктатуре пролетариата», где упоминается Есенин:

— в документах совещания «О политике партии в художественной литературе» (9 мая 1924);

— как один из подписавших письмо группы писателей, оглашенное на этом совещании.

Граница события устанавливается по информации о поступлении книги в продажу (газ. «Известия ЦИК СССР и ВЦИК Советов», 1925, 19 июля, № 169).

Июль, 19. Есенин пишет заявление в Госиздат на имя Н.И. Николаева о включении в Собрание стихотворений вступительной статьи И.В. Евдокимова:

«В художественный сектор

Московского Госиздата

т. Николаеву

Заявление

Желая, чтоб собрание моих стихов сопровождалось пояснительной критической статьей, прошу Вас (ввиду того, что Воронский дает к нему свою общую статью из книги “Литературные типы” <см.: конец мая — до 16 июня 1925, вторая запись>) — не отказать мне в помещении в книгу статьи т. Евдокимова, которому характер и пути моего творчества известны и близки более, чем кому-нибудь другому из критиков.

Сергей Есенин

19/VII 25. Москва».

Сб. «Наследие Есенина и русская национальная идея: совр. взгляд: Материалы Междунар. науч. конф.», М.; Рязань; Константиново, 2005, с. 542–543 (публ. Д.В. Неустроева).

Документ выявлен в РГАЛИ уже по выходе в свет Полного собрания сочинений С.А. Есенина.

Скорее всего, у Н.И. Николаева в связи с этим заявлением возникали вопросы к Есенину. В письме к А.А. Берзинь из Баку (3 авг. 1925) Есенин просит:

«Дорогая моя, друг мой бесценный, не откажи мне написать, что хочет от меня Николаев. Мне это оч<ень> важно. Так как собрание для меня оч<ень> дорого. На днях вышлю тебе еще целый ряд стихов, новых и старых. Передай их Ермолаичу (так я зову сейчас в шутку Евдокимыча). Нужны ли ему а<вто>биографические сведения? Когда? Мне оч<ень> жаль, что я не созвонился с Николаевым».

Есенин, VI, 222.

На некоторые из этих вопросов ответит поэту И.И. Есенин (12 авг. 1925):

«Евдокимов просил, чтобы ты прислал ему доверенность на подготовку твоих стихов к печати и на помещение его статьи в твоё полное собрание сочинений».

Письма, 287.

См.: 30 июня 1925, первая запись; 3 июля 1925, вторая запись; 7 июля 1925, первая запись; 21 июля 1925, вторая запись; 3 авг. 1925, первая запись; 12 авг. 1925; 24 авг. 1925, вторая запись; 11 или 12 сент. 1925; 12 сент. 1925, первая запись; 22 сент. 1925, вторая запись; 10 окт. 1925; 15 окт. 1925, первая запись; после 20 окт. 1925; окт. — до 26 нояб. 1925; конец нояб. 1925, первая запись; 9–11 часов утра 23 дек. 1925.

Журнал «Красная нива» (№ 30) публикует стихотворение Есенина «Несказанное, синее, нежное...»

Есенин, I, 215–216, 624.

См. также: янв. (?) 1925, первая запись; 5 апр. 1925, первая запись; 7 апр. 1925, вторая запись; 26 апр. 1925, вторая запись; 10 мая 1925, вторая запись; 19 июля 1925, шестая запись; 30 авг. 1925, третья запись.

Газета «Известия ЦИК СССР и ВЦИК Советов» (№ 163) дает рекламные объявления Государственного издательства РСФСР:

— «На днях выходит из печати № 6 журнала “Красная новь”. Содержание: П. Суханов. “Лисьи норы”, повесть <...>. Стихи: С. Есенина, П. Дружинина...»;

— «Выходит из печати альманах “Красная Новь”. № 1. Содержание: А. Соболев — “Рассказ о голубом покое” <...>. Стихи: Вл. Маяковского, С. Есенина...»

См.: 15 июля 1925, пятая запись; 16 ... 18 июля 1925; 20 июля 1925, вторая запись; 21 июля 1925, первая запись.

Новониколаевская газета «Советская Сибирь» (№ 163) печатает материалы, в которых упоминается Есенин:

— неподписанную рецензию «Литературное затишье» на журнал «Красная новь» (1925, № 5):

«Не спасает положение и Василий Казин, давший на целый печатный лист поэму “Лисья шуба и любовь”. Эта вещь у поэта определенно неудачная, значительно уступает есенинской “Анне Снегиной” (“Красная новь” № 4)».

О публикациях «Анны Снегиной» и об откликах на нее см. след. запись;

— информацию (раздел «Библиография»; рубрика «Книжные новости») о выходе книги «Современные рабоче-крестьянские поэты в образцах и автобиографиях с портретами» (составитель П. Я. Заволокин; Иваново-Вознесенск).

См.: до 11 июня 1925; сент. (?) 1925, третья запись.

Нью-йоркская газета «Русский голос» (№ 3533; воскресное приложение) полностью перепечатывает поэму Есенина «Анна Снегина».

О публикациях текста поэмы и откликов на нее см. также: 20 марта 1925, вторая запись; 1 мая 1925, пятая и шестая записи; 3 мая 1925; 21 ... 30 мая 1925; 1 июня 1925, вторая и третья записи; до 17 июня 1925; 18 июня 1925, третья запись; 20 июня ... 3 июля 1925; 21 и 23 июня 1925; 28 июня 1925, вторая запись; 30 июня 1925, девятая запись; 1 июля 1925, пятая запись; 8 июля 1925; 12 июля 1925, четвертая запись; 19 июля 1925, четвертая запись; 22 июля 1925, четвертая запись; 26 июля 1925, восьмая и девятая записи; до 20 сент. 1925; 30 сент. ... 12 окт. 1925; 12 окт. 1925, вторая запись; 15 дек. 1925, третья запись.

Нью-йоркская газета «Новое русское слово» (№ 4557; рубрика «Литература и искусство») перепечатывает стихотворение Есенина «Несказанное, синее, нежное...».

См. также: янв. (?) 1925, первая запись; 5 апр. 1925, первая запись; 7 апр. 1925, вторая запись; 26 апр. 1925, вторая запись; 10 мая 1925, вторая запись; 19 июля 1925, вторая запись; 30 авг. 1925, третья запись.

Июль, 20. Есенин надписывает книгу «Персидские мотивы» М.Н.Мейчику:

«Для милого Марка / с любовью жаркой, / только с просьбой / “не кушаться” / и не ругаться / С. Есенин / 20/VII 25».

См. также: после 2 марта 1925, вторая запись; 22 апр. 1925, первая запись; до 26 мая 1925; 26 мая 1925; после 26 мая 1925; 29 мая ... 6 июня, или 10 июня ... 9 июля, или 16 ... 25 июля 1925; конец июня — 7 (?) июля 1925, первая запись; 1 ... 22 июля 1925; 3 (?) июля 1925; 4 июля 1925, вторая запись; до 24 июля 1925, первая запись; 31 июля 1925, вторая запись; после 6 сент. 1925, первая запись; 24 сент. 1925, четвертая запись; 17 нояб. 1925, вторая и третья записи; 20 нояб. 1925; 21 нояб. 1925, первая запись; нояб. (?) 1925, четвертая запись.

Выходит в свет альманах «Красная новь» (№ 1) с произведениями Есенина и Н.Н.Зарудина.

Дата события устанавливается на основе объявления, что альманах выходит «на днях» (см.: 19 июля 1925, третья запись), и информации о его поступлении в продажу (см.: 21 июля 1925, первая запись).

См. еще: 15 июля 1925, пятая запись.

В альманахе публикуются:

— стихотворение Есенина «Не вернусь я в отчий дом...»

Об исходной публикации см.: 17 мая 1925, первая запись.

Отклики см.: 10 сент. 1925, пятая запись; 30 сент. ... 12 окт. 1925; 29 нояб. 1925, вторая запись; около 20 (?) дек. 1925.

— стихотворение Н.Н.Зарудина «В поезде», посвященное Есенину:

Третий звонок. Такая Россия.

Такая большая, как сон.

Рязани, деревни, люди босые —

Русские с дальних сторон.

.....

Вот под лавкой, кудрявый, как гений,

Взгляд полевой синевы —

Я тебя вспомнил, Сергей Есенин,

В этой копне золотой головы.

Эдакий парень, посконный, в обмотках,

Тоже, быть может, поэт?

Такая Россия — нахлещется водки,

Значит — терпения нет.

Такая Россия! Как небо, простая,

Такая большая, как сон.

Чёрт тебя, видно, вконец разгадает,

Родина дальних сторон!

.....

С.А.Толстая вспомнит о реакции Есенина на это стихотворение:

«Однажды мы ложились спать в нехорошем друг к другу чувстве. Я молча лежала и мучилась, думая, отчего он такой. Так бывало часто. Он лежа читал № 2 “Альманах Красной Нови” <ошибка памяти, так как посвященные Есенину стихи были только в первом выпуске издания>. И вдруг я вижу его улыбку, одобрительное мычанье, и он показал мне стихотворение, ему посвященное. Мне понравилось. Я чувствовала, что ему тоже нравится, он радуется, но он смущен».

ГМТ, ф. 48, без шифра.

Газета «Бакинский рабочий» (№ 161) публикует стихотворения Есенина «Спит ковыль. Равнина дорогая...» и «Вижу сон. Дорога черная...»

Характеристика источников, по которым газета печатала эти стихи, содержится в письме С.Ф.Файнштейна к С.А.Толстой (27 янв. 1926):

«...“Вижу сон. Дорога черная...” (переписанные Вашей рукой) и “Спит ковыль. Равнина дорогая...” (кажется, почерк Гали <Бениславской>) <...> были найдены в редакторском столе <П.И. Чагина, к тому времени переехавшего из Баку в Ленинград>».

ГМТ, ф. 48, без шифра.

См. также: со 2 на 3 июля 1925; 6 июля 1925, первая и вторая записи; 22 июля 1925, вторая запись.

О републикациях первого из стихотворений см.: 26 июля 1925, четвертая запись; 2 авг. 1925, вторая запись; 13 сент. 1925, третья запись; 3 окт. 1925, пятая запись.

Июль, 21. Газета «Правда» (№ 164) дает объявление о выходе в свет и поступлении в продажу № 6 журнала «Красная новь» и № 1 альманаха «Красная новь» со стихами Есенина.

См.: 15 июля 1925, пятая запись; 16 ... 18 июля 1925; 19 июля 1925, третья запись; 20 июля 1925, вторая запись.

Заведующий литературно-художественным отделом Госиздата РСФСР Н.И.Николаев налагает на заявление Есенина о включении в его собрание стихотворений вступительной статьи И.В.Евдокимова резолюцию:

«Я не возражаю, при условии, что статья Воронского обязательно будет».

Сб. «Наследие Есенина и русская национальная идея: совр. взгляд: Материалы Междунар. науч. конф.», М.; Рязань; Константиново, 2005, с. 543 (публ. Д.В.Неустроева).

См.: 30 июня 1925, первая запись; 3 июля 1925, вторая запись; 7 июля 1925, первая запись; 19 июля 1925, первая запись; 3 авг. 1925, первая запись; 12 авг. 1925; 24 авг. 1925, вторая запись; 11 или 12 сент. 1925; 12 сент. 1925, первая запись; 22 сент. 1925, вторая запись; 10 окт. 1925; 15 окт. 1925, первая запись; после 20 окт. 1925; окт. — до 26 нояб. 1925; конец нояб. 1925, первая запись; 9–11 часов утра 23 дек. 1925.

Пограничник И.А.Махов пишет Есенину из Нахичевани:

«Пишет Вам не начинающий стихотворец, а работающий уже 6 лет над своей техникой поэт.

Прошу Вас об одном: разрешите мне прислать к Вам свои стихи на просмотр!.. <...>

Печатался в 1920 году в журнале “Красный Петроград”, а потом попал в глушь, и затёрли. <...>

Если согласны просмотреть мои стихи и дать свой отзыв, то прошу написать две строчки мне по указанному адресу. На ответ 7 к. марку прилагаю.

С уважением И. Махов.

Адрес: Закавказье, Нахичевань Эриванская, Нахпогранотряд. И.А.Махову».

Письма, 285–286.

Июль, 22. Есенин обращается с заявлением в издательство «Современная Россия»:

«В издательство

“Совр<емной> России”

т. Берлину

Прошу Вас выдать мой гонорар по вашему усмотрению моей сестре. С. Есенин».

Есенин, VII (2), 220, 362–364.

В 1925 г. это издательство выпустило две книги Есенина: «О России и революции» (см.: конец апр. ... до 4 мая 1925) и «Персидские мотивы» (см.: после 26 мая 1925).

«Скорее всего, речь идет об очередной выплате с продаж “Персидских мотивов” <...> Возможно, именно эту выплату имел в виду Есенин, когда писал отцу из Мардакян 20 авг. <1925; см.>: “Деньги тебе задержались не по моей вине. Катька обманула Соню и меня. Она получила деньги и сказала, что послала их...”»

Есенин, VII (2), 364.

П.И. Чагин посылает Есенину и С.А. Толстой телеграмму:

«Благодарю письма стихи жду новых прошу Сергея приезде в Москву телеграфировать дальнейшей программе — Чагин».

Письма, 286.

См.: со 2 на 3 июля 1925; 6 июля 1925, первая и вторая записи; 20 июля 1925, третья запись.

Была ли отправлена Есениным, к тому времени уже вернувшимся в Москву из Константинова (см.: 16 июля 1925, первая запись), ответная телеграмма в Баку, неизвестно.

Газета «Правда» (№ 165; раздел «Библиография») помещает рецензию Арк. Глаголева на книгу В.Евгеньева-Максимова «Очерки истории новейшей русской литературы» с упоминанием имени Есенина.

Критикуется главным образом методологическая сторона, «трафаретная окрошка из биографий, импрессионизма, весьма невысокого качества и публицистики в духе народнически-либеральной историографии».

См.: конец февр. ... до 16 марта 1925; 18 апр. 1925, вторая запись; 26 апр. ... 5 мая 1925; 22 мая 1925, четвертая запись.

Журнал «Книгоноша» (№ 25) публикует обзор И.Марцинского «По журналам», в котором при рассмотрении книг 4 и 5 «Красной нови» говорится о Есенине:

«Напечатанная в четвертой книге поэма С.Есенина — “Анна Снегина” (<...> шестнадцать страниц) изяшно проста и выразительна. Сюжет этой повести в стихах интересен как автобиографический».

О публикациях текста поэмы и откликов на нее см. также: 20 марта 1925, вторая запись; 1 мая 1925, пятая и шестая записи; 3 мая 1925; 21 ... 30 мая 1925; 1 июня 1925, вторая и третья записи; до 17 июня 1925; 18 июня 1925, третья запись; 20 июня ... 3 июля 1925; 21 и 23 июня 1925; 28 июня 1925, вторая запись; 30 июня 1925, девятая запись; 1 июля 1925, пятая запись; 8 июля 1925; 12 июля 1925, четвертая запись; 19 июля 1925, четвертая и пятая записи; 26 июля 1925, восьмая и девятая записи; до 20 сент. 1925; 30 сент. ... 12 окт. 1925; 12 окт. 1925, вторая запись; 15 дек. 1925, третья запись.

Июль, до 23 — Август, до 16. В издательстве «Молодая гвардия» выходит сборник стихов М.П.Юрина «Солнечная юность».

Кн. летопись, 1925, № 16, авг., поз. 13874.

Из стихотворения «А.С.Пушкину», включенного в книгу:

Мой век не тот, к чему таить,
Покрой есенинский мне узок.
Борьбою схваченная блуза —
Не поэтическая прыть.

.....
 Прости, Сергеич, мне начало,
 Перечислять таланты — скука.
 Ты не услышишь больше звука
 Ни о великих, ни о малых.

Пусть у одних словесный рокот
 Из-под пера, гремя, горланит
 О Моссельпроме и о дряни,
 А у других «струится соком».

.....

См. также: после 25 или после 26 окт. 1924.

В Иркутске (Иркутская секция научных работников Рабпроса) выходит вторым, исправленным и дополненным изданием книга М.К.Азадовского «Беседы собирателя: О собирании и записывании памятников устного творчества», в которой говорится о Есенине.

Кн. летопись, 1925, № 16, авг., поз. 12433.

Автор пишет:

«...отметим свидетельство одного из лучших современных лириков — Сергея Есенина. В его недавнем стихотворении “На родине” нашел четкое художественное воплощение меняющийся, смятенный облик современной деревни. Поэт рассказывает, как он после долгого отсутствия вернулся на родину, в глухое северное <так!> село. Но родное село стало неузнаваемо. Сёстры стали комсомолками, в его избушке выброшены иконы, а на стенке “календарный Ленин”, крест с церкви снят...

Ах, милый край, не тот ты стал, не тот!
 Да уж и я, конечно, стал не прежний.
 Чем мать и дед грустней и безнадежней,
 Тем веселей сестры смеется рот.

Смущенный, непонимающий садится он (“почему-то с поклоном”) на скамью, обращается к сестре —

Ну, говори, сестра...
 И вот сестра разводит,
 Раскрыв, как библию, пузатый “Капитал”,
 О Марксе, Энгельсе...
 .....
 И мне смешно, как шустрая девчонка,
 Меня во всё за шиворот берет».

Далее М.К.Азадовский отмечает широкое распространение стихов Демьяна Бедного в деревне, приводит слова Есенина («Поют агитки Бедного Демьяна») и замечает:

«Свидетельство поэта подтверждается и этнографами».

О предварительной публикации этого фрагмента см.: 17 июня 1925, третья запись.

В издательстве «Круг» (М.—Л.) под редакцией К.Л.Зелинского и И.Л.Сельвинского выходит сборник Литературного Центра Конструктивистов «Госплан литературы» с приложением газеты «Известия ЛЦК».

Кн. летопись, 1925, № 16, авг., поз. 13732.

В рубрике «Маленький фельетон» этой газеты публикуются (за подписью: Голос громкий. Cornus) «Рецепты литературных блюд (Подарок молодым хозяйкам)», среди которых есть и такой:

«...Сергей Есенин. Лапоть подпоясывают ремешком, расчесывают кудри русые и сажают верхом на корову. В таком виде въезжают в Москву. Затем берется много пива, много битых стекол, разудалая русская душа, песни под тальянку, и всё выливается в цилиндр европейского покроя.

Кушанье в соприкосновении начинает бурно бродить».

Июль, до 24. Есенин делает дарственную надпись С.С.Виноградской на своей книге «Персидские мотивы» (неизвестна).

Событие и его граница устанавливаются по воспоминаниям мемуаристки:

«...он <Есенин> пришел прощаться. Было лето 1925 года. Он уезжал <см.: 25 июля 1925, первая запись> на Кавказ. <...> Он <...> гладил не вившиеся больше волосы, потом вдруг хлопнул себя по лбу:

— А ведь я забыл принести вам “Персидские мотивы”, что обещал. Я их приготовил, надпись сделал и забыл».

Как жил Есенин, 14.

См. также: после 2 марта 1925, вторая запись; 22 апр. 1925, первая запись; до 26 мая 1925; 26 мая 1925; после 26 мая 1925; 29 мая ... 6 июня, или 10 июня ... 9 июля, или 16 ... 25 июля 1925; конец июня — 7 (?) июля 1925, первая запись; 1 ... 22 июля 1925; 3 (?) июля 1925; 4 июля 1925, вторая запись; 20 июля 1925, первая запись; 31 июля 1925, вторая запись; после 6 сент. 1925, первая запись; 24 сент. 1925, четвертая запись; 17 нояб. 1925, вторая и третья записи; 20 нояб. 1925; 21 нояб. 1925, первая запись; нояб. (?) 1925, четвертая запись.

Составляет список гостей, которых хочет пригласить на свадьбу с С.А.Толстой:

«Воронский, Казанский, Казин, Богомильский, Аксельрод, Вс. Иванов, Шкловский, Савкин, Берлин, Грузинов, Марк <М.Н.Мейчик>, Ан<на> Абрамов<на Берзинь>, Като, Лебединский <так!>, Ключарев, Яблонский».

Сбоку приписано:

«Сою, Яну».

С.А.Толстая добавляет две фамилии:

«Орешин и Клычков».

Есенин, VII (2), 184–186.

См. также: Материалы, 392–394.

А.М.Сахаров переделывает список гостей, которых Есенин хотел пригласить на свадьбу с С.А.Толстой, в стихотворение:

Приглашение на обручение —
им радость, а нам — мучение.
А. С.

Воронский, Сахаров, Петр Пильский,
Казанский,
Казин,
Богомильский, с ним
Аксельрод и
Вс. Иванов,

Шкловской из «Лефа»,
 5 болванов,
 2 Савкина,
 один Берлин,
 Грузинов,
 Марк,
 5–6 скотин,
 Ан. Абрамовна,
 Като,
 т. Лебединский
 без пальто,
 Сам Ключарев,
 Яблонский,
 Орешин,
 Клычков
 и даже Бабель
 без очков.

Редакция Сахарова.

На списке, составленном Есениным, сохранилась приписка рукой С.А.Толстой-Есениной:
 «Список гостей, кот<орых> Сергей хотел пригласить на нашу свадьбу в июле 1925.
 Поправки моей рукой. Попытка переделать в стихотворение рукой Сахарова Ал. Мих-ча.
 С.Есенина».

Есенин, VII (2), 185–186.

Об официальной регистрации брака Есенина с С.А.Толстой см.: 18 сент. 1925, первая запись.

У Есенина возникает замысел написать произведение о беспризорниках (не был осуществлен).

В письме Н.К.Вержицкому, написанному до 25 июля 1925 г., Есенин сообщает:

«Когда приеду, напишу поэму о беспризорнике, который был на дне жизни, выскочил, овладел судьбой и засиял. Посвящу ее тебе в память наших душевных и незабываемых разговоров на эту тему».

Есенин, VI, 219.

Н.К.Вержицкий вспомнит:

«В последние два года жизни Есенин часто говорил о своем желании написать повесть о беспризорниках, которые в те годы буквально заплотнили все большие города и железнодорожные узлы. Это была его неутолимая, горестная тема».

Восп., 2, 228.

Ср. также со свидетельством А.К.Воронского:

«У него был замысел — написать повесть в восемь-десять листов. Тема — уличные мальчишки бездомные и беспризорные, дети-хулиганы. Однажды он показал мне несколько листов из этой повести, правда, было всего две-три страницы, но через некоторое время Есенин сознался, что “не пишется” и “не выходит”».

Восп., 2, 73.

См. также: 12 ... 13 (?) нояб. 1924.

Июль, 24–25. Есенин устраивает «мальчишник».

С.Б.Борисов напишет (1926):

«...собралось человек двадцать. Помню: В.Наседкин, А.Сахаров, Р.Акульшин, Илья Есенин, Н.Савкин, А.Воронский, И.Касаткин, В.Ключарев, Зорин, а остальных не помню. Невеселым был “свадебный пир” у Сергея Есенина!

И вина было вдосталь, и компания собралась сравнительно дружная, все знакомые друг другу. А потому, что у многих было какое-то настроенное состояние, любили все Сергея <...>, и поэтому у всех:

Залегла забота в сердце мгlistом.

Сергея оберегали, не давали ему напиваться... Вместо вина наливали в стакан воду. Сергей чокался, пил, отчаянно морщился и закусывал — была у него такая черта наивно-го, бескорыстного притворства... Но веселым в тот вечер Сергей не был...»

Материалы, 147.

Один из приглашенных, Ю.Н.Либединский, вспомнит:

«Мы собрались на “мальчишник” у той нашей приятельницы, которая и познакомила меня с Есениным. Я мало кого знал из друзей Есенина, и некоторые из них мне не нравились — это была та среда литературной богемы, к которой я относился без всякой симпатии. Может быть, сейчас я на многих посмотрел бы более снисходительно, но тогда во мне сильна еще была пуританская и сектантская нетерпимость военного коммунизма. Сережа то веселился, то вдруг задумывался. Потом взял гитару...»

Есть одна хорошая песня у соловушки —
Песня панихидная по моей головушке.

Как сейчас слышу я его немного глуховатый голос, простой и печальный напев, ту особенную русскую манеру пения, о которой Лев Толстой сказал, что поется с убеждением, что главное — это не песня, а слова.

Думы мои, думы! Боль в висках и темени.
Промотал я молодость без поры, без времени.

“А ведь ему совсем нелегко живется, — впервые подумал я тогда. — Болен он, что ли?..”

Сергей допел, все кинулись к нему, всем хотелось его целовать, благодарить за эту прекрасную песню, в которой необычайно переплелись и затаенная, глубокая тоска, и прощание со своей молодостью, и его заветы, обращенные к новой молодости, к бессмертной и вечно молодой любви...

“В молодости нравился, а теперь оставили”... Но его и сейчас любили. Что же это? Неужели кокетство?..

Он махнул рукой и вдруг ушел.

— Ну и оставьте его, — сказала хозяйка дома.

— Что же, всё как полагается на мальчишнике, — сказал кто-то, — расставаться с юностью нелегко.

Заговорили на какие-то другие темы. Хозяйка дома незаметно вышла, потом показала в дверях и поманила меня.

— Плачет, — сказала она, — тебя просил позвать.

Сергей сидел на краю кровати. Обхватив спинку с шишечками, он действительно плакал.

— Ну чего ты? — я обнял его.

— Не выйдет у меня ничего из женитьбы! — сказал он.

— Ну почему не выйдет?

Я не помню нашего тогдашнего разговора, очень быстрого, горячечного, — бывают признания, которые даже записать нельзя и которые при всей их правдивости покажутся грубыми.

— Ну, если ты видишь, что из этого ничего не выйдет, так откажись, — сказал я.

— Нельзя, — возразил он очень серьезно. — Ведь ты подумай: его самого внучка! Ведь это так и должно быть, что Есенину жениться на внучке Льва Толстого, это так и должно быть!

В голосе его слышались гордость и какой-то по-крестьянски разумный расчет.

— Так должно быть! — повторил он. — Да чего уж там говорить, — он вытер слезы, заулыбался, — пойдём к народу!»

Восп., 2, 152–153.

И.В.Евдокимов вспомнит, как Есенин читал и пел на собственный мотив свое стихотворение «Песня»: «Есенин с необычайной силой пел это трагическое стихотворение, — между прочим, на своей свадьбе в июле 1925 г.».

Собр. ст., 4, 364.

Печальной запомнилась эта есенинская мелодия Н.К.Вержбицкому (см.: Восп., 2, 224).

Июль, до 25. Есенин пишет Н.К.Вержбицкому в Тифлис:

«Милый друг мой, Коля!

Всё, на что я надеялся, о чем мечтал, идет прахом. Видно, в Москве мне не остепениться. Семейная жизнь не клеится, хочу бежать. Куда? На Кавказ!

До рёву хочется к тебе, в твою тихую обитель на Ходжорской <Коджорской>, к друзьям.

<...> С новой семьёй вряд ли что получится, слишком всё здесь заполнено “великим старцем”, его так много везде, и на столах, и в столах, и на стенах, кажется, даже на потолках, что для живых людей места не остается. И это душит меня. Когда отправлюсь, напишу. Заеду в Баку, потом Тифлис. Обнимаю тебя, голубарь, крепко. Галя шлет привет.

Твой С. Есенин».

Есенин, VI, 219, 715–719.

Июль, 25. Есенин вместе с С.А.Толстой выезжает из Москвы в Баку. НН, 1995, № 34, с. 63 (календарная запись С.А.Толстой от того же числа).

Я.Е.Цейтлин пишет Есенину из г. Николаева:

«Дорогой Сергей Есенин!

Я вот уже два года имею сильнейшее желание снестись с тобой... И вот я решил прибегнуть к письму... Прости, что так вихрасто пишу, ибо и сейчас при твоём имени я волнуясь и сердце готово выпрыгнуть и улететь... (Не раз я собирался писать — но письма не получалось, а одни истерические крики...) Разве можно свое чувство выразить словами... Мне нужен огонь, но, увы, словами огня не высечь мне (бездарен я!).

Я член гр<уппы> писат<елей> “Октябрь”, та самая, что ругает тебя! (Недаром она мне, “горячему”, так чужда!) Опять о себе!.. Дорогой Сергей, читая Байрона, Пушкина, Лермонтова и, наконец, лир<ику> Надсона и в корне изучив современную литературу, — у меня создалось впечатление, что <ты> единственно настоящий поэт... Провинция сейчас преклоняется перед тобой (в городе одна лишь “Радуница”), а поклонников... не считать!.. Но это нам не мешает “болезненно” следить за тобой по журналам.

У нас очень много *есенинцев* (так они и прозваны) — рабочие, женотделы, студенты, мещане, комсомольцы и даже пионеры... (У каждого сердце “есенинское”!) И вот, в корне изучив тебя, делаем везде о тебе доклады. А по ночам ходим и, как помещанные, пьем ведрами твои стихи!..

Дорогой Сергей, помоги нам! Оживи нас!!! Если ты нам пришлешь свои стихи (книги), мы будем счастливейшими в мире! Пожалуйста, Сергей! Я за твой “Березовый ситец” последние свои брюки готов загнать...

Сергей, ты — гениален!!!

Ты единственный поэт, который заставил меня трепетать перед твоим именем... Если “родовская братия” где-нибудь твякает о тебе — я болею душой... Я истерично слежу за твоей литературной судьбой.

Может быть, ты знаешь знаменитого украинского лирика Сосюру?.. Когда он был у нас в Николаеве, он также с благоговением произносил твое имя... Весь день шлялись и пухтели твоими стихами...

Самая светлая минута в моей жизни (горьких очень много!) будет та, когда я с тобой лично увижусь...

О, счастье поскорее на мой адрес!..

За литературой насилу следить. Приходится здорово голодать... и покупать книги. Ну что, устал, Сергунь?.. Набухтел, набухтел, ничего тебе не сказал — и сотой доли не выразил того, — чего желал бы выразить...

Надеюсь когда-нибудь тебя увидеть!..

Если б Госиздат поскорее отстрочил мою книжонку (а спрос на нее пока здоровый!), я мог бы на эту монету прокатиться к тебе... Пишу стихи, комсомолец...

Если не возгордишься и мне ответишь, пошлю свои стихи тебе...

Дорогой Сергей, пожалуйста, ответь... Твой ответ осчастливит наш город, а в особенности детей-ЕСЕНИНЦЕВ. И по возможности свои книги... книги!..

Дорогой Сергей, ответь!

С комсомольским приветом от всех твоих поклонников

Яков Цейтлин.

Мой адрес: г. Николаев, Адмиральская ул., № 23.

Якову Цейтлину.

Пришли свой адрес...»

Есенин, VI, 742–744 (курсив автора).

Ответ Есенина см.: 13 дек. 1925, вторая запись.

Июль, после 25 (?) ... Август. Вернувшись из Москвы в Ленинград, А.М.Сахаров знакомит своих близких с новой «Песней» Есенина.

Событие и его время устанавливаются по воспоминаниям Н.Д.Вольпин (см. ниже); нижняя граница фиксируется в предположении, что А.М.Сахаров уехал из Москвы вскоре после отъезда Есенина в Баку.

Н.Д.Вольпин вспомнит (1984):

«Лето двадцать пятого года. Я на даче. Под Ленинградом, в Вырице. <...> Дачу сняли вместе с Сахаровой <...>. Где-то во второй половине лета приехал навестить семью и сам

Александр Михайлович <Сахаров>. Привез новую песню Есенина. Всё напевает неожиданно приятным голосом:

Есть одна хорошая песня у соловушки,
Песня панихидная по моей головушке.

Как-то подошел к моему малышу, поднял высоко в воздух.

— Ну, Есенин, покажись, какой ты есть!

Мой годовалый Александр Сергеевич очень ко всем приветлив. Вот и сейчас с готовностью пошел на руки к “чужому дяде”. Тот мурлычет:

...Как гитара старая и как песня новая
С теми же улыбками, радостью и муками,
Что певалось дедами, то поется внуками.

Как жил Есенин, 347.

См. также: с 12 на 13 июня 1925; 24–25 июля 1925.

Июль, 26. Есенин, проезжая через Ростов-на-Дону, пишет А.А.Берзинь:

«Едем хорошо. Сейчас Ростов».

Есенин, VI, 220, 719–720.

С.А.Толстая пишет В.И.Эрлиху от имени Есенина и своего:

«Эрлих, милый, мы в поезде, по дороге в Баку. Ужасная Москва где-то далеко и верстами и в памяти. Последние дни были невероятно тяжелы. Сейчас блаженно-сонное состояние и физического и душевного отдыха. Вас вспоминаю часто и очень, очень хорошо и никогда не забуду Вашего отношения. Очень надеюсь, что у Вас всё совсем-совсем хорошо. Напишите: Баку, “Бакинский рабочий”, П.И.Чагину — нам».

Есенин ставит свою подпись «Сергей» под этим письмом и делает приписку:

«Милый Вова,

Здорово.

У меня не плохая

“жись”,

Но если ты не женился,

То не женись».

Есенин, VI, 220–221.

Открытка отправляется в Москву из Ростова (Есенин, VI, 720).

Проезжая Таганрог, С.А.Толстая пишет О.К.Толстой:

«Мама, дорогая,

второй день к концу. Москва кажется дьявольским кошмарным сном. Будущее в тумане. А настоящее удивительное — так тихо, тихо, спокойно и дружно. Едим, спим и оба безумно счастливы отдыхом. Никакого пьянства, никаких разговоров, огорчений — всё, как в хорошем сне. Тебя вспоминаем и любим...

<...> Скажи Хургину, что Сергей скоро вернется, и заставь прописать. Потом паспорт вышли спешной почтой в Баку.

Целую со всей любовью и нежностью».

Письма, 352–353.

Паспорт Есенина остался у О.К.Толстой для его прописки в квартире по Померанцеву (он же Троицкий) пер.

Московский журнал «Огонек» (№ 31) публикует стихотворение Есенина «Спит ковыль. Равнина дорогая...»

См. также: 6 июля 1925, первая запись; 20 июля 1925, третья запись; 2 авг. 1925, вторая запись; 13 сент. 1925, третья запись, 3 окт. 1925, пятая запись.

Газета «Вятская правда» (№ 168; «Литературная страничка»; рубрика «Литературные портреты») помещает материал К.Алтайского «Василий Казин», в котором упоминается Есенин:

«В.Казин, как и Есенин, прежде всего лирик. По отделанности стиха, по заразительности, по скупости языка многие стихи Казина не уступают есенинским.

Как и Есенин, В.Казин в последнее время берет всё более и более сложные темы, переходя от короткого лирического стихотворения к полотну поэмы».

Гомельская газета «Полесская правда» (№ 169) (приложение «Рабочий досуг. Литературно-художественный еженедельник», «№ 28/36; рубрика «Критика») печатает статью С.Б.Ингулова «В молитвенном экстазе: О книге стихов Сергея Есенина “Березовый ситец”»:

«Книжка проникнута смертельным испугом перед жизнью, полной растерянностью и безволием, мрачайшим пессимизмом.

Я пришел на эту землю,
Чтоб скорей ее покинуть.

В эпоху классовых битв и революций, в эпоху необычайного творческого подъема трудящихся масс поэт советской деревни должен был бы найти более бодрые ноты в своей лире. Между тем его песни исполнены тревоги, страха и богобоязненного мистицизма. Ничего не может понять и объяснить поэт в том, что вокруг него происходит.

Кого-то нет, и тонкогубый ветер
О ком-то шепчет, сгнувшем в ночи.
Кому-то пятками уже не мять по рощам.

“Кого-то”, о “ком-то”, “кому-то”... Всё таинственно, загадочно, запутанно в этом мире.

Кто-то сгиб, кто-то канул во тьму,
Уж кому-то не петь на холму.

Вполне естественно, что Есенин испуганно жмет к церковной стенке, молится небесам, Саваофу, Христу, всем святым силам. Сам поэт не что иное, как “захожий богомолец”.

И часто я в вечерней мгле,
Под звон надломленной осоки,

Молюсь дымящейся земле
О невозвратных и далеких.

Неверно, однако, что Есенин молится только земле.

Я молюсь на алы зори,
Причащаюсь у ручья.

Молитва — самый распространенный образ у нашего поэта. Не только он сам молится, но он ввергает в молитвенный экстаз всё его окружающее.

Схимник-ветер шагом осторожным
Мнет листву по выступам дорожным
И целует на рябиновом кусту
Язвы крестные <так!> незримому Христу.

У него “хаты — в ризах образа”, у него “мелкий дождь своей молитвой ранней еще стучит по мутному стеклу”, у него “звенят родные степи молитвословным ковылем”, у него на родине “всё благостно и свято”, у его коровы “свиток годов на рогах”, у него “заря молитвенником красным пророчит благостную весть”, у него “галочья стая на крыше служит вечерню”, у него “стелется синюю рясой с поля ночной холодок”, у него ветер “панихидный справляет пляс”, у него “ивы — кроткие монашки”.

И потому совсем непонятым является неожиданный возглас поэта:

Не молиться тебе, а лаяться
Научил ты меня, Господь.

Не доказано это. Человек на протяжении сотни страниц азартно бьет поклоны — и вдруг такое святотатственное заявление. Впрочем, это из другого цикла увлечений поэта Есенина — тех увлечений, которые нашли свою краткую и выразительную формулировку не столько у Есенина, сколько в философии Алешки “На дне” Горького — “ничего не хочу, ничего не желаю”. На языке Есенина это звучит: “Всё любя, ничего не желать”. Применительно же к самому поэту это звучит иначе:

Плюйся, ветер, охапками листьев, —
Я такой же, как ты, хулиган.
— Скучно мне с тобой, Сергей Есенин.

Дождь и ветер не хотят поддерживать компании с Есениным, потому что он хулиган скучный, плаксивый, — юродивый, а не хулиган. Никуда не годный хулиган. Это и сам Есенин сознаёт:

Если не был бы я поэтом,
То, наверно, был мошенник и вор.

Понимаете, профессия поэта помешала. Потом ветер-хулиган с ним черств и не хочет с ним быть запанибрата. Непонятно только, почему советский Госиздат ведет дружбу с этим богобоязненным болтуном и так любовно издает в изяшном томике мечты и думы о неудавшейся уголовной карьере, выродившейся в занятие ханжеской поэзией.

Очевидно, кто-то в Госиздате проявляет больше *ветрености*, чем сам ветер-хулиган».

См.: 1 апр. 1925, третья запись; 15 апр. 1925; 1 мая 1925, восьмая запись; 15 мая 1925, пятая запись; 21 ... 30 мая 1925; 22 мая 1925, первая запись; 1 июня 1925, третья запись; 1 ... 15 июня 1925; 5 июня 1925, первая и вторая записи; 10 июня 1925; 11 июня 1925; 12 июня 1925, первая – третья и пятая записи; с 12 на 13 июня 1925, вторая запись; до 15 июня 1925, вторая запись; 20 июня 1925, первая запись; 27 июня 1925, первая запись; 30 июня 1925, восьмая запись; 2 июля 1925, первая запись; до 7 июля 1925; 14 июля 1925, вторая запись; 31 июля 1925, вторая запись; 2 авг. 1925, третья запись; 11 авг. 1925, вторая запись; 1 сент. 1925, третья запись; 10 ... 24 сент. 1925; 18 окт. 1925, первая запись; окт. (?) 1925, первая запись.

Нью-йоркская газета «Русский голос» (№ 3540; воскресное приложение) печатает статью З.И.Гисенькина «“Большое” Есенина (По поводу его поэмы “Анна Снегина”)»:

«В прошлом воскресном номере нашей газеты была помещена новая поэма Сергея Есенина “Анна Снегина”. Под поэмой дата “1925”. Это последняя и большая работа талантливого поэта-имажиниста. Произведение, которого давно уже ожидали от поэта друзья и почитатели его богатого самобытного таланта.

Есенин достиг того поэтического возраста, когда он должен дать не одни песни “деревенского озорника”, “исповеди хулигана”, “стихи скандалиста”, когда мало одного озорства, хоть и поэтического, хоть и есенинского.

Правда, всё еще свежи, милы и необыкновенно красочны и образны и его озорные, хулиганские стихи. Но в них один только беспричинный бунт молодости, бунт крови. Только иногда закрадывается грусть, непонятная, минутная.

Всё встречаю, всё приемлю,
Рад и счастлив душу вынуть.
Я пришел на эту землю,
Чтоб скорей ее покинуть.

Но в ушах звенят и такие стихи:

Полно кротостью мордищ праздниться,
Любо ль, не любо ль, знай, бери.
Хорошо, когда сумерки дразнятся
И всыпают нам <так!> в толстые задницы
Окровавленный веник зари.

“Окровавленный веник зари”... Какой прелестный образ. Таких до него не было. Даже в “хулиганских” его песнях перлы поэтической гармонии... Часто поэтому становилось досадно за “озорство” Есенина и невольно являлось недоумение: Неужели на то идет вся творческая энергия поэта?

Даже такой страстный и умный поклонник Есенина, как Эренбург, с тревогой “ставил в крайней остроте трагический вопрос”:

“Когда же наша поэзия перейдет от добывающей промышленности к перерабатывающей?.. Залежи чудного сырья... Где вы, американские инженеры, операторы кино, ловкие газетчики, «железные гости»?..”

Талантливый, тонкий Эренбург ставил этот вопрос не напрасно. Кругом — много талантов, молодых, оригинальных, сильных... а голос Есенина раздаётся далеко. Раскатами по всей стране. Его стихи — богатство, сокровище. Он сыплет, как цветами весна, дивными красивыми образами.

Но пора приступить к созданию из этих дивных есенинских образов большого, значительного. Читатель вправе ожидать этого от своих лучших поэтов.

Бунта недостаточно. Недостаточно оказалось, например, и для Маяковского его призыва:

Мы разливом второго потопа
Перемоем миров города.

Маяковский успел свой бунт оформить и вылить в ряд сильных больших поэм, создавших школу, плеяду подражателей.

От Есенина тоже ожидалось что-то сильное, большое.

Есенин сделал попытку, но ошибочную. Он взялся за исторический эпос и дал мало выдержанную, слабую и по форме и по содержанию поэму “Пугачев”.

Пугачева не было. Не было и драмы, не было и поэмы. И только то там, то здесь в “Пугачеве” рассыпаны чисто есенинские поэтически милые красивые образы. Есть кое-где, среди хаоса, и новое начало, но, как искра в темную ночь.

О Азия! Азия! Голубая страна!
Обсыпанная солью, песком и известкой.
Там так медленно по небу едет Луна,
Поскрипывая колесами, как киргиз с повозкой.
Перебраться туда, к их кочующим станам,
Чтоб разящими волнами их сверкающих скул
Стать к преддверьям России, как тень Тамерлана.

Но в общем и целом “Пугачев” оказался не по силам Есенину. Может быть, еще рано. Может быть, не эпос его — мир... А может быть, Есенин был прав, сказав о себе:

Я последний поэт деревни,
Скромен в песнях дощатый мост.
За прощальной стою обедней
Калящих листвою берез.

Прощаясь много раз с деревней, он уходил в город будто навсегда. Он возвращался много раз, чтобы снова скучать по ней и обращаться со слезами тоски:

Край любимый! Сердцу снятся
Скирды солнца в водах лонных.
Я хотел бы затеряться
В зеленях твоих стозвонных.

И он возвращается. Он часто ходит в родную деревню на поклон. Не будет жить без нее, не может. Будет ли он последним поэтом деревни, это, конечно, не знает никто. Должно быть, он не последний. Но то, что для него деревня — его настоящая стихия, в этом, конечно, не может быть сомнения.

И “деревенский озорник” должен был превратиться и в серьезного автора серьезной, сильной, богатой незабываемыми образами и всё же деревенской поэмы “Анна Снегина”.

В Есенине давно уже происходит борьба, внутренняя борьба между новой жизнью, рвущейся и клокочущей, требующего серьезного к себе отношения и беззаботно-веселым разудалым озорством.

И серьезное начало в талантливом поэте должно победить.

Недаром, почти одновременно с поэмой, Есенин писал на Кавказе:

Припадок кончен,
Грусть в опале.
Приемлю жизнь, как первый сон.
Вчера прочел я в “Капитале”,
Что для поэтов — свой закон.

И его бунт оформился. Принял определенное течение. Помчался по одному руслу.

Поэтому поэма “Анна Снегина” представляет исключительный интерес. Впервые Есенин дал крупную вещь о деревне, о новой и старой. И перевитая тоской неудавшегося неразделенного увлечения, перевитая лиризмом чисто есенинского творчества, поэма о деревне открывает поэту новые пути в храм истинного творчества.

Несколько раз Есенин возвращается в свою деревню. Он видит ее до войны. Он приходит к ней во время войны. Он видит ее в дни восстаний и мятежей, завершившихся октябрем. И он приходит в Радово спустя четыре года после великого переворота.

И он повсюду сталкивается с милым по милым воспоминаниям образом:

Когда-то у той вон калитки
Мне было шестнадцать лет.
И девушка в белой накидке
Сказала мне ласково “нет”...

Село Радово, как всякое село. “Дворов, почитай — два ста. Тому, кто его оглядывал, приятственны наши места”...

Есенин знает свое село и любит его. Знают и его, поэтому-то его старый друг Прон обращается к нему запросто:

— Послушай-ка ты, беззаботник,
Про нашу крестьянскую жисьь.
Что нового в Питере слышно?
С министрами, чай, ведь знаком?
Недаром, ядрит твою в дышло,
Воспитан ты был кулаком.

Во имя образа, во имя художественного штриха да простится Есенину это наследство от “Исповеди Хулигана”...

Оно к месту и ко времени.

Каждое новое посещение деревни дает Есенину и новое впечатление. Деревня меняется. Меняется и село Радово. Меняются взгляды и у самого поэта. Вот село Радово борется с соседним селом и “десять услали в Сибирь”. Темное село и вся улица жалуются:

С тех пор и у нас неуряды,
Скатилась со счастья возжа.
Почти что три года кряду
У нас то падёж, то пожар.

А потом — тот же друг поэта, не понимающий того, что творится вокруг, в дни бунтов и революций, жалуются:

Посыпались все напасти
На наш неразумный народ.

.....

Таких теперь тысячи стала
 Творить на свободе гнусь.
 Пропала Расея, пропала...
 Погибла кормилица Русь.

Но уже, чем дальше, тем больше начинает проникать в село Радово новое... Новое из нового города. И недаром крестьяне тревожат его вопросом:

— Скажи, кто такой <так!> Ленин?
 Я тихо ответил:
 — Он — вы...

Ленин — рабочий, Ленин — мужик. Ленин — вы, я, все те, которым тесно становится жить в омуте несправедливости и неизбежного горя. И от поэта требуют ответа. Современный поэт не может не реагировать на новую жизнь, дышать ее воздухом...

В это посещение деревни произошло нечто ужасное, страшное. А произошло то, что было повсюду... Крестьяне пошли к помещице Снеговой <так!> требовать угодья. Снегова... А дочь ее Анна — та милая девушка, которая когда-то сказала “нет” и которая опять виделась с белокурый поэтом и тосковала о прошлом. Как в “Евгении Онегине”:

... Но я другому отдана
 И буду век ему верна.

Есенинская “девушка в белом” тоже говорит:

Мы вместе мечтали о славе.
 И вы угодили в прицел.
 Меня же про это заставил
 Забыть молодой офицер...

Вот этот офицер стал жертвой ссоры между крестьянами и помещицей.

Прекрасную картину нарисовал здесь поэт. И становится больно за людей, ставших жертвами времени, когда читаешь:

Но было совсем не легко мне
 Увидеть ее лицо.
 Я понял — случилось горе,
 И молча хотел помочь.
 — Убили... Убили Борю...
 Отстаньте! <так!> Уйдите прочь...

Это “страшное”, грозное прокатилось по всей стране.

Суровые, грозные годы!
 Ну разве всего описать?
 Слыхали дворцовые своды
 Солдатскую крепкую мать, —

воскликает поэт, вспоминая о тех исключительных временах, о той боли, которую это время причинило. “Судьба жертв искупительных просит”, — говорил еще Некрасов. Потребовались жертвы и тогда... неизбежные жертвы.

Но вот промчались бури, закончилась и гражданская война, война, когда, — как рассказывает поэту крестьянин, —

Хоть верь, хоть не верь ушам
Однажды отряд Деникина
Нагрянул на криушан...

И поэт снова в своей милой деревне. Снова вспоминает о прошлом, и тот грозный час, когда “Убили... Убили Борю” — припомнился с жуткой тоской.

Где она? Где Анна? Где та “девушка в белой накидке”, что сказала... ласково “нет”... Конечно, она там, где очутились и все помещичьи дочери. И это скоро подтвердилось. В письме, которое прибыло в деревню для поэта.

И почерк такой беспечный,
И лондонская печать.

А в письме слова, напоминающие пушкинское “в тоске безумных сожалений”... Не могу не привести это письмо полностью, в нем — Есенин, выросший Есенин с большой душой, человеческой <следует текст>.

Есенин был за границей. Он знает, что у многих и многих тоска по родине, что возрожденная родина зовет, манит...

Ибо — каждый из нас не может не вспоминать:

Когда-то у той вон калитки
Мне было шестнадцать лет...

Этой поэмой Есенин открывает новые горизонты. Он сам стал большим, серьезным и вешим...»

О публикациях текста поэмы и откликов на нее см. также: 20 марта 1925, вторая запись; 1 мая 1925, пятая и шестая записи; 3 мая 1925; 21 ... 30 мая 1925; 1 июня 1925, вторая и третья записи; до 17 июня 1925; 18 июня 1925, третья запись; 20 июня ... 3 июля 1925; 21 и 23 июня 1925; 28 июня 1925, вторая запись; 30 июня 1925, девятая запись; 1 июля 1925, пятая запись; 8 июля 1925; 12 июля 1925, четвертая запись; 19 июля 1925, четвертая и пятая записи; 22 июля 1925, четвертая запись; 26 июля 1925, девятая запись; до 20 сент. 1925; 30 сент. ... 12 окт. 1925; 12 окт. 1925, вторая запись; 15 дек. 1925, третья запись.

Нью-Йоркская газета «Новое русское слово» (№ 4564; рубрика «Литература и искусство»; раздел «Российские литературные новости») сообщает:

«В майском номере “Красной нови” <№ 4> <...>

В отделе стихов — поэма Есенина <“Анна Снегина”> и никуда не годные вирши Маяковского».

Отсылки на публикации произведения и на другие отклики на него см. в предыд. записи.

Июль, 27. Есенин надписывает С.А.Толстой книгу «Избранные стихи» (М.: Огонек, 1925):

«Милой Соне / Сергей, / поезд на Баку, / Грозный / 1925».

Есенин, VII (1), 272, 490–491.

День события определяется с учетом того, что Есенин и С.А.Толстая проезжали Грозный днем позже Ростова (ср.: 26 июля 1925, первая и вторая записи).

См. Приложение.

См. также: после 2 марта 1925, третья запись; до 14 июня 1925; 14 июня 1925, первая запись; после 14 июня 1925; 16 ... 30 июня 1925; 30 июня 1925, третья запись; 28 июля 1925, третья запись; 22 авг. 1925; 25 сент. 1925, вторая запись; 1 окт. 1925, вторая запись.

Июль, 28. Есенин и С.А.Толстая прибывают в Баку.

С.А.Толстая пишет из Баку О.К.Толстой:

«Мама, голубка, дорогая, только что приехала в Баку. Ехали удивительно. Я очень счастлива и спокойна. Он бесконечно внимателен, заботлив и нежен... Чувствую себя бодрой и спокойной. Сегодня едем в Мардакяны — пляж, сады, тишина — и пробудем там несколько дней. Пиши сюда и скорей, и чаще, и больше. О тебе думаю постоянно с любовью огромной, благодарностью и тревогой. Не мучайся. Я тебе буду писать всю правду, и я знаю, что она будет хорошей. Обязательно поезжай в Судак, а мы в сентябре приедем в Крым. Баку мне очень нравится — очень азиатский, серые дома, плоские крыши, узкие улицы. А подъезжая, видели лес вышек. Очень интересно. Писала тебе из Ростова <отослано из Таганрога; см.: 26 июля 1925, четвертая запись> открытку <...> пришли спешной почтой паспорт Сергея.

Целую без конца и люблю, люблю».

Письма, 353.

Иваново-вознесенская газета «Рабочий край» (№ 168) публикует рецензию С.А.Селянина на сборник Есенина «Избранные стихи»:

«Этот небольшой сборник является одним из наиболее стройных в целом ряде сборников, выпущенных поэтом за время революции.

В избранных стихах Есенин умело подытожил мысли и настроения, набрасывающие духовный облик человека переходной эпохи, очутившегося в “узком промежутке” <...>.

Мы не будем подробно останавливаться на оценке отдельных стихов <...>, отметим только, что эта небольшая книжечка еще раз стройными строчками говорит о Есенине как о крупном поэте-современнике. <...>

Можно рекомендовать книжку всем, кто хочет хорошо познакомиться с Есениным, не перечитывая всех его сборников».

Вырезка — Тетр. ГЛМ.

См. также: после 2 марта 1925, третья запись; до 14 июня 1925; 14 июня 1925, первая запись; после 14 июня 1925; 16 ... 30 июня 1925; 30 июня 1925, третья запись; 27 июля 1925; 22 авг. 1925; 25 сент. 1925, вторая запись; 1 окт. 1925, вторая запись.

Вечерний выпуск ленинградской «Красной газеты» (№ 185) помещает анонимную рецензию на сборник Есенина «Русь советская»:

«Новая книга Есенина производит впечатление тяжелого раздумья. Этому впечатлению соответствует и стих поэта, какой-то перьяшливый, и тон его, слишком риторический. Но, в то же время, книга очень знаменательна как новый поворот в творчестве поэта. За все 7 лет Есенин впервые без мистики и бога подошел к революционной Руси, к советской деревне, с комсомолом, волисполкомом, “агитками Бедного Демьяна”. Эта встреча вытесляет его из пьяной “Москвы кабацкой”, но оставила в тяжелом недоумении <следует четырестрочная цитата из “Руси советской” со строки “Вот так страна. Какого ж я рожна...”>.

Поэт почувствовал себя в промежутке: “Я очутился в узком промежутке”. В старом — одной ногой, и, почти как характеристика книги, “скольжу и падаю в другую <так!>”.

Этих срывов в книге много. Тут и риторические объяснения в “Письме к <так!> матери” и “Письме к женщине”, и ужасающее утверждение о планете, находящейся в “страшном состоянии”, и, наконец, ничем художественно не оправданные слова:

Вот потому так хочется и мне,
Здрав штаны, бежать за комсомолом.

На это как-то хочется ответить, что за комсомолом таким способом не бегают, тем более что политучеба кажется поэту скучной и неинтересной.

Ни при какой погоде
Я этих книг, конечно, не читал, —

как бы хвастливо сообщает автор в своем стихотворении, говоря о “Капитале”.

Но всё же книга несет и отрадные симптомы.

В заголовке материала сборник Есенина поименован ошибочно — «Русь Московская».

Вырезка — Тетр. ГЛМ.

См.: до 25 дек. 1924; 25 дек. 1924, первая запись; 21 янв. 1925, вторая запись; до 4 марта 1925; 28 июля 1925, четвертая запись; 31 июля 1925, вторая запись; 1 сент. 1925, третья запись; 3 сент. 1925, вторая запись; 12 сент. 1925, седьмая запись; 27 сент. 1925, вторая запись; окт. (?) 1925, вторая запись.

Московская газета «Правда» (№ 170) публикует окончание статьи Н.Осинского «Литературные заметки».

Начало статьи — в номере газ. от 26 июля 1925 (№ 169).

Характеризуя творчество А.Н.Толстого, критик рекомендует писателю:

«...еще лучше, если бы он <А.Толстой> сумел почувствовать основной тон *рабочей* России, вышедшей со дна моря на светлый берег, выздоравливающей от тяжелых ран *рабочей* России, в которой уже цветут молодые яблоны».

Затем Н.Осинский продолжает:

«Ведь вот почувствовал же это цветение превосходный поэт Сергей *Есенин*, который столько времени скитался по кабацкой Москве и пел песни хулигана. И этот человек был надтреснут, и этому человеку трудно было пережить не только материальное крушение старого общества, но и крушение его старого мирозерцания, и этот человек даже поныне раздвоен. Но уже взяла верх живая струя, и Есенин поет как соловей, подчас не хуже, чем пел Генрих Гейне. И нет беды в том, что поет не на социальные темы, ибо поет *живые* песни, а под ними, значит, лежит в глубине *живая* почва».

Отклик см.: 8 авг. 1925, третья запись.

Газета «Тверская правда» (№ 168; литературное приложение к газете — «Рабочий отдых» № 7) помещает неподписанную заметку «Среди писателей и поэтов: Н.Ляшко, А.Чапыгин, С.Подъячев, В.Казин, И.Рябов» с упоминанием Есенина:

«Иван Рябов — комсомолец-партиец, крестьянский сын из Быковской волости Тверского уезда.

Молодежь, комсомолия, деревня, рабочий город — наполняют его мягкие и звучные стихи. У него нет стихотворений, оторванных от революции, от стройки нового неизданного. <...>

Несмотря на то, что на Рябове чувствуется сильное влияние Есенина и Жарова, — в нем много самобытного и свежего, дающего уверенность в дальнейшем художественном росте поэта».

Июль, с 28 на 29. Есенин и С.А.Толстая выезжают в Мардакяны на дачу П.И.Чагина.

Из письма С.А.Толстой матери (13 авг. 1925):

«... в первый же день по приезде в Баку Чагин посадил нас в автомобиль и отвез в Мардакяны. Это 50 верст. Ехали ночью. У меня всё, как во сне, осталось. Сперва Баку — узкие, узкие улицы, плоские крыши, специфическая южная ночная толпа. Потом окраины, заводы, фабрики, рабочие поселки и... промысла. Огромные нефтяные озёра и вышки. Лес вышек. Всюду огни, стук черпалок и легкие стройные силуэты вышек. Это сказочно красиво. Я думаю, что глаза всех русских художников плохо выбирают темы. И сколько их, вышек! Ужас! А потом огромная каменистая, голая, выжженная степь. Даль неоглядная, тишина, торжественность библейские, и медленно тянутся в город персидские тележки с фруктами... И все они расписаны разными красками и удивительными рисунками. А еще совсем библейские ослики с двумя вьюками по бокам и тюрк-хозяином на спине, азади иногда еще закутанная в чадру до самых бровей — женщина. И всё это движется медленно, молчаливо, спокойно и по-древнему величаво и торжественно, и такая же кругом степь. И мы со своим авто в своих шляпах кажемся ужасно сутливыми и лишними».

Письма, 355–356.

См. также: 29 июля — 26 авг. 1925, первая запись.

Июль, 29. Нью-йоркская газета «Новое русское слово» (№ 4567) под заглавием «Советский юмор. Пошутили» печатает анонимные высказывания, в том числе о Есенине:

«Есенин — “Блок, положенный на гармошку”».

Об источнике этого определения и о его авторе (Г.Е.Горбачёве) см.: 19 мая 1925, третья запись; 18 июня 1925, четвертая запись.

Июль, 29 ... 31 (?). Есенин пишет стихотворение «Тихий ветер. Вечер сине-хмурый...».

Есенин, IV, 226–227 (с датой: «<1925>»).

См. Приложение.

Первая публикация произведения в «Красной газете» (1926, 27 марта, № 73, веч. вып.) будет выполнена по недатированному есенинскому автографу (ныне — в РГАЛИ) тогдашним ее редактором П.И.Чагиным (см.: Есенин, IV, 437). Помета под газетным текстом стихотворения — «Баку, июль, 1925 г.» — без сомнения, также принадлежит именно ему. Скорее всего, различия между Баку и Мардакянами П.И.Чагин здесь не сделал. И потому, с учетом дня прибытия Есенина в Баку (см.: 28 июля 1925, первая запись; с 28 на 29 июля 1925), рассматриваемое стихотворение могло быть создано как раз в течение трех последних дней июля 1925 г., когда поэт уже находился на азербайджанской земле.

По мнению одного из известных историков литературы XX века, это стихотворение должно было войти в цикл «Персидские мотивы» (Орлов В. Затерявшееся стихотворение Сергея Есенина. — В кн.: «День поэзии», Л., 1964, с. 84–85).

Июль, 29 — Август, 26. Есенин и С.А.Толстая живут в Мардакянах.

Изредка поэт выезжает в Баку на день-два и снова возвращается в Мардакяны.

П.И. Чагин позже вспомнит:

«Летом 1925 года я перевез Есенина к себе на дачу. Это, как он сам признавал, была доподлинная иллюзия Персии — огромный сад, фонтаны и всяческие восточные затеи. Ни дать ни взять Персия.

Жил он здесь с женой Софьей Андреевной Толстой-Есениной и много работал».

Восп., 2, 163.

13 августа 1925 г. С.А. Толстая приведет в письме к матери некоторые детали жизни в Мардакьянах:

«... удивительные Мардакьяны — это оазис среди степи. Какие-то персидские вельможи когда-то искусственно его устроили. Теперь это маленькое местечко, вокзал узкоколейки, лавочки, бульвар, всё грошовое и крошечное. Старинная, прекрасная мечеть и всюду изумительная персидская архитектура. <...> Узкие, как лабиринты, кривые улицы, решётки в домах, арки. Мы часами бродим, так, куда глаза глядят. Солнце ослепительное, высокие, высокие стены садов, а оттуда — тополя и кипарисы. Женщины в огромных чадрах — закрывают всё тело с головой, только глаза остаются... Персы и турки. И всё это настоящий прекрасный Восток — я такого еще не видала. А самое удивительное — сады и особенно наш — самый лучший. <...> Там растет всё, всё. И мои любимые кипарисы, и лавры, и много всяких особенных штук. И какие цветы. <...> Не клумбы, а маленькие поля — астры, гвоздики, георгины, гортензии и т. д. и т. д. <...> А еще в саду бассейны, но какие!.. <...>

Сергей подарил мне удивительный резиновый чепчик для головы, желтый с украшениями, и он мне страшно идет. А еще в крокет играем. Книжки читаем, в карты играем. Сергей много и хорошо пишет. Иногда ездим на пляж — это три версты по узкоколейке. Пляж дивный, песок и море мелкое, мелкое. Но очень жарко от путешествия. Изредка в кино ходим — серые каменные стены, песок, скамейки и небо открытое, и экран. Ужасно мне нравится. Публика местная, и мы умираем от хохота на реплики. Когда хотим вести светский образ жизни — идем на вокзал, покупаем газеты и журналы и пьем пиво. Около нашего дома муравьи переселяются, и мы сидим над ними часами. У моего Сергея две прекрасные черты — любовь к детям и к животным».

Вдовин, 344–345.

Спустя несколько лет С.А. Толстая вспомнит о «муравьиных» эпизодах более подробно:

«В Мардакьянах <так!>, по дороге на станцию, куда мы часто ходили, было большое муравьиное жильё. Муравьи со своими делами пересекали дорогу. Мы останавливались над ними, и С<ергей> заражал меня своим большим и нежным вниманием к их жизни. Он садился на корточки и мог без конца следить за муравьиными делами. Как-то, когда он ушел один, а я пошла за ним, я застала его одного опять сидящим над муравьями».

ГМТ, ф. 48, без шифра.

В другом письме С.А. Толстой (к В.Ф. Наседкину; 29 авг. 1925) ее тогдашняя жизнь с Есениным на чагинской даче описывается несколько иначе:

«Внешне жили так — всё время, как приехали, жили в Мардакьянах у жены Чагина на даче. Там огромный сад, пропасть цветов, бассейны, исступленное солнце — всё очень красиво, — очень не русское, как декорации, сперва захватывающее, а потом скучное.

Сергей много писал, по-моему, чудесно. <...>

Потом что еще — купались в бассейне, плевали в потолок, под конец скучали. Когда хотели вести светский образ жизни, то шли в кинематограф и на вокзал пить пиво. Изредка, даже очень редко (sic!) Сергей брал хвост в зубы и скакал в Баку, где день или два ходил на голове, а потом возвращался в Мардакьяны заливать раны».

Письма, 361.

В состоянии сильного возбуждения Есенин однажды намеревается броситься вниз с верхнего этажа дачи.

Отмечается по свидетельству В.Я. Андреева, сына редактора бакинской газеты «Труд» Я.С. Андреева: «Помню хорошо семью редактора газеты “Бакинский рабочий” Петра Ивановича Чагина, отдыхавшую как-то вместе с нами на даче в Бузовнах. Там мама близко сошлась с матерью Чагина — Болдовкиной <...>. По рассказу мамы, как-то Есенин в взвинченном состоянии, то ли в Бузовнах, то ли в Мардакянах на даче Чагина, пытался броситься вниз с высокой веранды верхнего этажа здания. Удержала его силой жена Чагина Клара».

Цит. по сетевой публикации: Андреев В.Я. Воспоминания / Публ. Л.В. Андреева. — <http://www.ourbaku.com/index.php5/> Владимир Яковлевич Андреев “Воспоминания” (на 09.09.2012).

Июль, 30. В московских «Известиях ЦИК СССР и ВЦИК Советов» (№ 172) — анонс о выходе 1 августа, в субботу, журнала «Красная нива» (№ 32) со стихами Есенина.

См.: 2 авг. 1925, вторая запись.

Газета «Вечерняя Москва» (№ 172; раздел «Хроника литературы и искусства») сообщает:

«В Берлине вышел недавно русский номер журнала “Der Querschnitt”, посвященный литературе СССР, с переводами Бабеля, Леонова, Сейфуллиной, А. Крученых, Маяковского, Есенина и др.».

См. также: до 13 мая 1925; 13 мая 1925, вторая запись; 8 авг. 1925, вторая запись.

Июль, 31. Газета «Бакинский рабочий» (№ 171) печатает стихотворения Есенина «Каждый труд благослови, удача...» и «Видно, так заведено навеки...»

См. также: 12 июля 1925, первая запись; 14 июля 1925, первая запись; 13 сент. 1925, вторая запись; 16 ... 23 сент. 1925; 30 сент. 1925, третья запись; 16 окт. 1925, вторая запись; 7 нояб. 1925, вторая запись; 27 нояб. 1925, пятая запись.

Московский журнал «Книгоноша» (№ 26) публикует материалы о Есенине:

— рецензию В.А. Красильникова на книги Есенина «Березовый ситец», «О России и революции», «Русь советская» и «Персидские мотивы»:

«Сборники “Березовый ситец” и “О России и революции” составлены из ранее печатавшихся вещей Есенина, вошедших в книги “Радуница”, “Голубень”, “Преображение”, “Трерядница”, частью “Русь Советская”. В “Березовом ситце” материал подобран очень удачно и дает исчерпывающее представление о творчестве Есенина — лирика с его постоянным уклоном к деревенским темам, расцвеченным тихой грустью и раздумьями о земле, как о “суетном тлене”, или показанным через приемы буйного, чистого, хулигански настроенного имажинизма (в поэме “Пантократор”). Второй сборник “О России и революции” составлялся, по-видимому, наспех. В нем не хватает очень многих революционных поэм — и, что еще важнее, — поэм, посвященных Октябрьской революции. Так, почему-то опущены — “Песнь о великом походе”, “Баллада о 26”, “Марфа Посадница”, в то время как в книгу втиснут лишний материал, к основной теме сборника не имеющий никакого отношения (таковы стихотворения “Корова”, “О товарищах веселых” и т. д.).»

Наибольший интерес для читателя представляют два последних сборника “Русь Советская” и “Персидские мотивы”, так как их содержание составляют новые стихи 1924–25 годов. Ценность новых стихов Есенина заключается, прежде всего, в социальности и революционности тем — в них вчерашний лирик-индивидуалист заговорил о героической смерти в Баку двадцати шести ответственных Советских работников (Баллада о 26), о побеге из Шлиссельбурга тридцати шести политических (Поэма о 36). Поэт еще не нашел для новых революционных тем оригинальной, достаточно сильной и крепкой формы (поэма о 36 написана приемом “поэмы о 26” Н.Асеева, а “Песнь о великом походе” уложена в размер частушки), и в этом отношении ему придется много поработать, отбросив за ненужностью некоторую часть приемов своей старой лирики, нередко бывшей на эффект “скандала” (“Исповедь хулигана”, “Инония” и др.). На пути формальных пересоенок и искажений стоит и сам поэт — об этом говорит его автобиографическая исповедь в поэме “Мой путь” (книга “Персидские мотивы”).

Кроме поэм, посвященных революции, в сборнике “Русь Советская” помещены стихи о новом крестьянском быте (таковы — “Русь Советская”, “Русь уходящая” и частью “Письмо <от> матери”). В них автор, еще в 1919 г. оплакавший гибель деревни, которую съедает железный враг — город, принужден признать свою ошибку. Деревня не умерла; она строит новый Советский быт, она улучшает свою жизнь.

Вот вижу я воскресные сельчане
У волости, как в церковь, собрались.
Корявыми немывтыми руками <так!>
Они свою обслуживают жисть <так!>.

Сочувственно отмечает поэт и комсомольское новое поколение “с иной жизнью и другим напевом”.

Насыщенность восточными пейзажами, напевная музыкальность и четкая, чеканная форма пятистиший делают “Персидские мотивы” Есенина интереснейшей книгой. Персия с ее чайханами, чадрами, розами и любовной лирикой, как живая, встает перед читателем, слышится и ощущается. Глубок по чувству последний отдел “Персидских мотивов”, “Рябинный <так!> костер”, который во многом (темы, отдельные образы, сравнения) напоминает раннюю книгу поэта “Голубень”.

Изданы все книги прекрасно, особенно “Березовый ситец” Госиздата.

О сб. «Березовый ситец» см.: 1 апр. 1925, третья запись; 15 апр. 1925; 1 мая 1925, восьмая запись; 15 мая 1925, пятая запись; 21 ... 30 мая 1925; 22 мая 1925, первая запись; 1 июня 1925, третья запись; 1 ... 15 июня 1925; 5 июня 1925, первая и вторая записи; 10 июня 1925; 11 июня 1925; 12 июня 1925, первая — третья и пятая записи; с 12 на 13 июня 1925, вторая запись; до 15 июня 1925, вторая запись; 20 июня 1925, первая запись; 27 июня 1925, первая запись; 30 июня 1925, восьмая запись; 2 июля 1925, первая запись; до 7 июля 1925; 14 июля 1925, вторая запись; 26 июля 1925, седьмая запись; 2 авг. 1925, третья запись; 11 авг. 1925, вторая запись; 1 сент. 1925, третья запись; 10 ... 24 сент. 1925; 18 окт. 1925, первая запись; окт. (?) 1925, первая запись.

О сб. «О России и революции» см.: 11–12 дек. 1924; до 20 янв. 1925, четвертая запись; конец апр. ... до 4 мая 1925; 1 ... 15 мая 1925; 4 мая 1925, вторая запись; 1 сент. 1925, третья запись; Есенин, VII (3), 381–382.

О сб. «Русь советская» см.: до 25 дек. 1924; 25 дек. 1924, первая запись; 21 янв. 1925, вторая запись; до 4 марта 1925; 28 июля 1925, четвертая запись; 1 сент. 1925, третья запись; 3 сент. 1925, вторая запись; 12 сент. 1925, седьмая запись; 27 сент. 1925, вторая запись; окт. (?) 1925, вторая запись.

О сб. «Персидские мотивы» см.: после 2 марта 1925, вторая запись; 22 апр. 1925, первая запись; до 26 мая 1925; 26 мая 1925; после 26 мая 1925; 29 мая ... 6 июня, или 10 июня ... 9 июля, или 16 ... 25 июля 1925; конец июня — 7 (?) июля 1925, первая запись; 1 ... 22 июля 1925; 3 (?) июля 1925; 4 июля 1925, вторая запись; 20 июля 1925, первая запись; до 24 июля 1925, первая запись; после 6 сент. 1925, первая запись; 24 сент. 1925, четвертая запись; 17 нояб. 1925, вторая и третья записи; 20 нояб. 1925; 21 нояб. 1925, первая запись; нояб. (?) 1925, четвертая запись;

— в разделе «Литература для молодежи» — рецензию С.Огнева на книгу Я.Шведова «Вьюги: Стихи и поэмы» (издательство «Новая Москва»; «Библиотека рабоче-крестьянской молодежи»; 1925):

«К сожалению, Шведов некоторыми стихами вступает на опасный путь подражательности (С.Есенину), тогда как у него есть свое оригинальное лицо рабоче-крестьянского поэта».

Газета «Ленинградская правда» (№ 173; подпись: «Piscis») помещает рецензию на № 5 журнала «Красная новь» с оценкой помещенных там стихотворений Есенина:

«Стихи Есенина — перепев самого себя —

“Жить — так жить, любить — так уж влюбляться” или “Умирать — так умирать”.

Строки эти ясно говорят об упадке, весьма возможно, временном, поэта».

Цитируются строки из стихотворений поэта «Золото — текучее луны...» <«Золото холодное луны...»> и «Ну, целуй меня, целуй...»

См.: 13 апр. 1925, первая запись; 19 мая 1925, первая запись; до 15 июня 1925, первая запись; 4 июля 1925, седьмая запись.

Июль, конец ... Август, до 2. Секретарь ЦИК СССР А.С.Енукидзе дает в Москве аудиенцию А.К.Чертковой — тетке С.А.Толстой по материнской линии. В их беседе заходит речь о Есенине.

Событие устанавливается и датируется по письму О.К.Толстой к дочери (см.: 3 авг. 1925, вторая запись). По ее словам, А.С.Енукидзе, узнав от собеседницы о женитьбе Есенина на С.А.Толстой, «отнесся <к этому> очень неодобрительно» (ГМТ, ф. 48).

Июль. Служащий Владимирской губернской конторы Госстраха Иван Садовников пишет стихотворение «Есенину»:

*Не гнетет немая млечность,
Не тревожит звездный страх, —
Полюбил я мир и вечность,
Как родительский очаг.*

Из стихов Есенина

Знаю я тебя, Есенин, —
Наши вместе пьют уста...
Ты свой трепет в час весенний
Взял у рдяного куста.
Весь свой дух густой, «крестьянный»
Поднял вверх с собой со дна!..
Хмелем жизни осиянный, —
Ты и бог — одна семья...
Я скажу тебе, поющий,
Все, что знаю, что люблю;
Выходи из темной пуши,
Сядем вместе на гору...
.....
Я люблю, как ты, бродяжий,
Залезать под свежий стог

И глядеть, как в сини ражей
Ткет уток свой старый бог!..
Эх... Люблю тебя, Есенин!..
Душу, взятую до дна, —
Трепет жизни в час весенний,
Рдяность хмельную куста...

ИМЛИ, ф. 32, оп. 4, ед. хр. 184 (с датой: «Июль, 1925»);
См.: 20 авг. 1925, вторая запись; 12 сент. 1925, четвертая запись.
См. Приложение.

Июль (?). Журнал «Японский поэт» (Синтёся, 7) публикует:
— статью Кэйси Осэ «Клюев и Есенин»;
— сокращенный перевод поэмы Есенина «Кобыльи корабли» на японский язык (переводчик Кэйси Осэ).

Время выхода журнала обозначено предположительно в соответствии с номером указанного журнала (7).
Сообщено Тиз Оги.

Июль ... Декабрь (?). В Брно выходят очередные номера журнала «Host» (гоđ. IV/1924–1925) с переводами на чешский язык произведений Есенина:

— «Русь советская» (№ 8) в переводе Йозефа Горы (Josef Hora).

См. также: до 23 сент. 1924; 24 сент. 1924, первая запись; после 10 окт. ... нояб. 1924; до 25 дек. 1924; 17 янв. 1925, третья запись; до 20 янв. 1925, третья запись; февр. (?) 1925, третья запись; 30 апр. 1925, первая запись; до 14 июня 1925; 27 сент. 1925, пятая запись; конец сент. ... до 16 окт. 1925, первая запись; 17 окт. 1925, третья запись; конец нояб. 1925, вторая запись.

См. Приложение;

— «Исповедь хулигана» (№ 9/10), фрагмент под заголовком «Из цикла «Исповедь хулигана»» («Z cyclu “Zpoved darebáka”») в переводе Ярослава Выплела (Jaroslav Vypel).

Время событий отмечается предположительно в соответствии с периодичностью выхода журнала в свет (десять номеров ежегодно) и с учетом того, что его второй номер этого же (IV-го) года издания вышел в 1924 г. (см.: Летопись, 4, 525).

См. Приложение.

В Любляне выходит журнал «Gruda: Mesečnik za ljudsko prosveto» (№ IV) с третьей частью «Сорокоуста» Есенина («Видели ли вы...») в переводе на словенский язык Н.Ф.Преображенского.

Выявлено Андрей Калц (см.: *Калц А.* Сергей Есенин в словенском культурном пространстве (до 1930 г.). — Проблемы научной биографии С.А.Есенина: Сб. трудов по материалам Международ. науч. конференции, посвященной 114-летию со дня рождения С.А.Есенина, М.–Константиново–Рязань: Пресса, 2010, с. 274–276). В ее работе содержатся также сведения из биографии переводчика.

Словенское слово «gruda», как поясняет А.Калц, обозначает «глыбу», но в данном контексте используется во втором значении лексемы — «родная земля», так что перевод полного названия издания на русский язык — «Земля: Журнал для народного просвещения».

Заглавию произведения («Sorokoúst») здесь предшествует надзаголовок «Iz cikla “Zadušnice”» («Из цикла “Радунница”»), очевидно, принадлежащий переводчику. Его происхождение не вполне ясно, поскольку ни в одно из изданий «Радунницы» Есенина «Сорокоуст» не входил.

См. Приложение.

Август, 1. В Москве выходит «Бюллетень торгового и периодического секторов Государственного издательства» (№ 12) с информацией о журнале «Красная новь» № 6 с произведениями Есенина.

Август, 2. А.К.Воронский выписывает в Москве удостоверение на имя Есенина:

«Редакция журнала “Красная новь” удостоверяет, что тов. Сергей Александрович Есенин, литератор, постоянный сотрудник журнала, имеет в среднем по журналу месячный заработок не свыше 150 р. (ста пятидесяти рублей). До последнего времени С.А.Есенин проживал в Брюсовском пер., д. № 2 — доме “Правды”, кв. 27».

Письма, 286.

См. также: 3 авг. 1925, вторая запись.

В московском журнале «Красная нива» (№ 32) печатается стихотворение Есенина «Спит ковыль. Равнина дорогая...»

См. также: 6 июля 1925, первая запись; 20 июля 1925, третья запись; 26 июля 1925, четвертая запись; 13 сент. 1925, третья запись; 3 окт. 1925, пятая запись.

Минская газета «Звезда» (№ 175) перепечатывает рецензию С.Б.Ингулова «В молитвенном экстазе: О кн. стихов Сергея Есенина “Березовый ситец”».

Вырезка — Тетр. ГЛМ.

Исходный текст см.: 26 июля 1925, седьмая запись.

См. также: 1 апр. 1925, третья запись; 15 апр. 1925; 1 мая 1925, восьмая запись; 15 мая 1925, пятая запись; 21 ... 30 мая 1925; 22 мая 1925, первая запись; 1 июня 1925, третья запись; 1 ... 15 июня 1925; 5 июня 1925, первая и вторая записи; 10 июня 1925; 11 июня 1925; 12 июня 1925, первая – третья и пятая записи; с 12 на 13 июня 1925, вторая запись; до 15 июня 1925, вторая запись; 20 июня 1925, первая запись; 27 июня 1925, первая запись; 30 июня 1925, восьмая запись; 2 июля 1925, первая запись; до 7 июля 1925; 14 июля 1925, вторая запись; 31 июля 1925, вторая запись; 11 авг. 1925, вторая запись; 1 сент. 1925, третья запись; 10 ... 24 сент. 1925; 18 окт. 1925, первая запись; окт. (?) 1925, первая запись.

Август, 3. Есенин пишет А.А.Берзинь:

«Милая Анна Абрамовна! Дорогая, дорогая. Вы, вероятно, меня уже забыли по свойственной привычке для многих “с глаз долой — из сердца вон”. Всё же я Вам стараюсь напомнить о себе. Живу в Мардакянах, но тянет дальше. Куда — сам не знаю. Если очучусь где-нибудь вроде Байкала, не удивляйтесь».

Просит узнать о реакции Н.И.Николаева на свое заявление в литературно-художественный отдел Госиздата РСФСР; сообщает о намерении прислать И.В.Евдокимову новые стихи для включения в Собрание сочинений (подробнее см.: 19 июля 1925, первая запись). Продолжает:

«... прости, родная, что письмо не описательное, а писательское. Сама понимаешь. <...> Целую твои лапки».

Есенин, VI, 221–222, 720–722.

См.: 30 июня 1925, первая запись; 3 июля 1925, вторая запись; 7 июля 1925, первая запись; 19 июля 1925, первая запись; 21 июля 1925, вторая запись; 12 авг. 1925; 24 авг. 1925, вторая запись; 7 ... 12 сент. 1925; 12 сент. 1925, первая запись; 22 сент. 1925, вторая запись; 10 окт. 1925; 15 окт. 1925, первая запись; после 20 окт. 1925; окт. — до 26 нояб. 1925; конец нояб. 1925, первая запись; 9–11 часов утра 23 дек. 1925.

О.К.Толстая пишет С.А.Толстой:

«До сих пор С. А. <Есенина> не прописали, ссылаясь на недостаток военных документов, а также сведений о том, где служит. Слова “литератор”, оказывается, мало. Хотели приписать “без определенных занятий”... Я попросила Илюшу еще раз и более подробную достать бумагу из “Красной нови”, что он и сделал <см.: 2 авг. 1925, первая запись>, и теперь во вторник (завтра) можно представить ее в Жил./тов. Там значится, что С. А. *сотрудник с окладом 150 р. в месяц*».

Письма, 354 (курсив автора).

Август, 4. В «Бакинском рабочем» (№ 174) — «Я помню, любимая, помню...» и «Я иду долиной. На затылке кепи...» под общим заголовком «Новые стихи С.Есенина».

См. также: 17–24 июля 1925, первая запись; 18 июля 1925, первая запись; 6 авг. 1925, первая запись; 9 авг. 1925, вторая запись; 30 авг. 1925, вторая запись; 6 сент. 1925, четвертая запись; вторая половина сент. 1925; 26 сент. 1925, вторая запись; 11 окт. 1925, четвертая запись.

Газета «Вечерняя Москва» (№ 176; рубрика «Хроника литературы и искусства») информирует:

«А.Кручёных закончил новую книгу “Почему любят Есенина”».

Предысторию этой невышедшей книги опишет И.В.Грузинов (1926):

«Весной 1925 года Кручёных предложил издательству “Современная Россия”, в котором я работал, книгу, направленную против Есенина. Заглавие книги было следующее: “Почему любят Есенина”. “Современная Россия” отказалась печатать книгу Кручёных, так как Есенин был сотрудником издательства — две книги Есенина вышли в “Современной России”, к тому же доводы критика были неосновательны.

Летом, придя в издательство, Крученых встретил там одного из друзей Есенина — А.М.Сахарова. Узнав о книге Кручёных, Сахаров стал доказывать, что выступление злого критика не повредит Есенину; напротив, прибавит поэту лишнюю крупицу славы. Сахаров обещал переговорить по этому поводу с Есениным. Через некоторое время выяснилось, что Есенин ничего не имеет против выступления недоброжелательного критика, ничего не имеет против, если книга Кручёных выйдет в “Современной России”.

Разговоры о книге Кручёных тянулись до осени. “Современная Россия”, несмотря на согласие Есенина, считала книгу Кручёных негодной».

Восп., 1, 358.

О продолжении этого сюжета см.: 21 нояб. 1925, вторая запись.

Поэт Я.З.Городской, находясь на военных лагерных сборах, пишет стихотворение «Лагерь (Ответ Сергею Есенину)».

Дата и место создания произведения — под его печатным текстом (журн. «Бурав», Николаев, 1925, № 18, авг., с. 11). В качестве эпиграфа — четыре заключительные строки маленькой поэмы Есенина «Русь советская» (искаженно; вместо «С названьем кратким “Русь”» стоит: «Названьем кратко: Русь»).

Из стихотворения:

Проклеван солнцем хмурый день осенний.
Предсмертно запевае стая мух,
Бубнит мне в уши твой напев, Есенин,
И все-таки тебя я не пойму.

Какая Русь! «Всем существом в поэте
Я буду воспевать» теперь Союз.
Путь лагеря хоть и тяжел, но светел.
Ему я песню отдаю свою.

.....
Нам даже с сахаром еще не сладко,
Но жизнь трепещет — только примечай:
Я знаю, что в пузырястых палатках
Беседуют о деле Ильича.

Прём напролом, проклятое тревожа,
Узором новым алое расшив.
Кудрявый, златоглавый мой Сережа,
Здесь, в лагере, тебя б заели вши...

И ни один мужик в шинели серой
Твоих стихов не знает, не поймет, —
Иной, советской, он пылает верой.
Его пьянит наш большевицкий мед...

.....
Звезда чужая в небесах продрогла
И бог продрог, как одичалый дрозд.
А здесь — колдуй бойцам, кинематограф,
Колдун и брат, ты ближе хладных звезд.

Глотну воды из боевой баклаги.
Усну с мечтой о мировой пурге.
Спокойной ночи, полнокровной, лагерь!
Спокойной смерти, немощный Сергей!..

Август, 6. В московских «Известиях ЦИК СССР и ВЦИК Советов» (№ 178) — анонс о выходе из печати в субботу, 8 августа журнала «Красная нива» (№ 33), в номере — Есенин «Я иду долиной, стихи».

См. также: 18 июля 1925, первая запись; 4 авг. 1925, первая запись; 9 авг. 1925, вторая запись; 30 авг. 1925, вторая запись; вторая половина сент. 1925; 26 сент. 1925, вторая запись.

Брат О.К.Толстой И.К.Дитерихс пишет ей из Ташкента:

«Да, не везет тебе! И надо же было Соне <С.А.Толстой> повстречаться с этим пролетарием (от слова “пролетай” — нигде не задерживайся). Я приобрел книжечку его стихов: дербедень <так!> совершенная, на которой далеко не уедешь. У нас оказался студент-москвич <о ком идет речь, не установлено>, который его знает. Оказывается, что Е<сенин> фигурировал уже в московской скандальной хронике. Словом, знаменитость».

ГМТ, ф. 46, без шифра.

Август, до 7. Есенин пишет стихотворение «Быть поэтом — это значит то же...»

Есенин, I, 267–268, 655–656.

Граница события устанавливается по первой публикации стихотворения (см.: 7 авг. 1925, первая запись).

По свидетельству Н.К.Вержибского, народный поэт и певец Грузии Иетим Гурджи осенью 1924 г. рассказал Есенину старинное предание:

«Царь Давид хвастался, что его песни больше всего нравятся богу. А бог посмотрел сверху, покачал головой и говорит: “Ишь ты, расхвастался!.. Каждая лягушка в болоте поет не хуже тебя! Посмотри, как она от всей души старается, хочет мне угодить!” И тогда царю Давиду стало стыдно.

Может быть, эта простодушная, но полная глубокого значения легенда вспомнилась потом Есенину, когда он писал:

Миру нужно песенное слово
Петь по-свойски, даже как лягушка».

Восп., 2, 225.

Основой многих поэтических образов Есенина, как правило, является не один, а несколько событий или фактов. Это проявляется и в данном случае. Еще в 1920 г. поэт писал в «Исповеди хулигана»: «Приятны мне свиней испачканные морды / И в тишине ночной звенящий голос жаб» (Есенин, II, 86–87), а в 1923 г. (стихотворение «Дорогая, сядем рядом...»): «Я хотел, чтоб сердце глуше / Вспоминало сад и лето, / Где под музыку лягушек / Я растил себя поэтом» (Есенин, I, 193).

Пишет стихотворение «Глупое сердце, не бейся!..»

Есенин, I, 273–274, 657.

Граница события — по первой публикации стихотворения (см. след. запись).

Август, 7. В «Бакинском рабочем» (№ 177) — стихотворения Есенина «Быть поэтом — это значит то же...» и «Глупое сердце, не бейся!..» под общим заголовком «Персидские мотивы».

Здесь во втором стихотворении, по сравнению с окончательным вариантом, Есенин изменяет некоторые поэтические образы (строки): *ищет участь* (вместо: «просит»); *Радости и удачи* (вместо: «неудачи»), структуру 10—11-й строк *Все мы смеемся, как дети, Часто порою плачем* (Есенин, I, 375) в окончательном варианте поправляет:

Все мы порою, как дети,
Часто смеемся и плачем (Есенин, I, 273).

О republicации стихотворений см.: до 21 окт. 1925.

Август, 8. Московская газета «Комсомольская правда» (№ 63) помещает рецензию М.Беккера «Комсомольская литература. Иван Доронин» с упоминанием Есенина:

«... Доронин — певец смычки. <...> Назвать его стихи плавными, музыкальными, певучими — недостаточно. Этими качествами обладают стихи Бальмонта, Блока и Есенина».

Рецензия в целом положительная, отмечено содержание и своеобразная форма стихов Доронина.

Харьковская газета «Вечернее радио» (№ 179; рубрика «Книга») публикует неподписанную информацию:

«В Берлине на днях вышел русский номер журнала “Der Querschnitt”, посвященный литературе СССР. В журнал вошли переводы Бабеля, Леонова, Маяковского, Есенина и др.».

См. также: до 13 мая 1925; 13 мая 1925, вторая запись; 30 июля 1925, вторая запись.

Рижская газета «Сегодня» (№ 174; рубрика «Книга»; подпись: «-гъ») печатает заметку «“Попутчики” в сов<етской> литературе», в которой заходит речь о Есенине:

«Курьезнее всего, пожалуй, отзыв Осинского об А.Н.Толстом, для которого он не находит лучшей параллели, как бывшего мужа “божественной Айседоры” (Айседоры Дункан) и героя кабацких кутежей Сергея Есенина... <...>

Отзываясь о Толстом, как о “превосходном, но слишком, может быть, глубоком” писателе, правда, “с явной интеллигентской раздвоенностью”, Осинский хотел бы, чтобы он “сумел почувствовать основной тон рабочей России”, и ставит ему в образец ... “превосходного поэта Сергея Есенина, который столько времени скитался по кабацкой Москве и пел песни хулигана”, — но всё-таки в конце концов “почувствовал” то, что полагается...

У этого нового светила, год тому назад собиравшегося в пьяном виде “жидам морду бить”, теперь, оказывается, “взяла верх новая струя, и Есенин пост, как соловей, подчас не хуже, чем Генрих Гейне”...

Это последний аккорд всего обзора. Мораль, понятно, такова: если бы бедный Толстой и прочие попутчики у этого Есенина немного поучились, они бы гораздо более наострились...»

Это отклик на статью Н.Осинского (см.: 28 июля 1925, пятая запись). Окончание его содержит паразфразу строк басни И.А.Крылова «Осёл и Соловей».

Август, до 9. Есенин пишет стихотворения «Руки милой — пара лебедей...» и «Море голосов воробьиных...»

Есенин, I, 269–270, 656; Есенин, IV, 228, 437–438.

Граница события устанавливается с учетом того, что П.И.Чагин, поместивший эти стихи Есенина в газете (см.: 10 авг. 1925), получил их тексты не позднее 9 августа (см. след. запись).

Первое из этих стихотворений вскоре войдет в цикл «Персидские мотивы».

О втором С.А.Толстая-Есенина напишет:

«В августе 1925 г. Есенин жил в Мардакянах, близ Баку, на даче П.И.Чагина. Окно из комнаты Есенина выходило в сад, и часто на рассвете его будили голоса птиц. В один из таких рассветов он написал это стихотворение и вскоре напечатал его в газете “Бакинский рабочий” <...>. Осенью 1925 года, подготавливая свое “Собрание”, он вернулся к этому стихотворению, хотел включить его в цикл “Персидских мотивов”, начал его перерабатывать, но не закончил и потому не включил его в “Собрание”».

Восп., 2, 261.

По воспоминаниям И.К.Вержицкого, строки этого стихотворения «Ах, у луны такое, — / Светит — хоть кинься в воду...» навеяны рассказанной им Есенину легендой о китайском лирике VIII века Ли Бо (Ли Пу).

По этой легенде, Ли Пу, сбегав от любви императрицы, «дошел до огромной реки Янцзы, поселился здесь и часто ночью на лодке выезжал на середину реки и любовался лунным отражением. Однажды ему захотелось обнять это отражение, так оно было прекрасно. Он прыгнул в воду и утонул...

Есенина поразила эта легенда».

Восп., 2, 217.

Ср., однако, со строками Есенина из его ранних стихов — «От луны свет большой / Прямо на нашу крышу» (Есенин, I, 15), «На грядки серые капусты волнообразной / Рожок луны по капле масло льет» (Есенин, I, 80) и др. В «Автобиографии» 1924 года поэт, вспоминая свое детство, пишет: «Ночью луна при тихой погоде стоит стоймя в воде. Когда лошади пили, мне казалось, что они вот-вот выпьют луну, и радовался, когда она вместе с кругами отплывала от их ртов» (Есенин, VII (1), 15).

См. Приложение.

Август, 9. П.И. Чагин пишет Есенину из Баку в Мардакяны:

«Дружище Сергей,

крепись и дальше. Набедокурено довольно — хватит. Что пишешь? Персидские мотивы продолжай <см.: 29 ... 31 (?) июля 1925; до 9 авг. 1925; 10 авг. 1925>, невредно, но работай над ними поаккуратней, тут неряшливость меньше всего уместна. Вспомни уклон в гражданственность, тряхни старинной — очень неплохо было б, чтобы соорудить что-нибудь в честь урожая, не браваду и не державинскую оду, а вещь, понимаешь?

Живи в ладу с бабами — твоей и моей. Не снимайся с места. Жди. Буду — поговорим.

Обнимаю и жму руку».

Письма, 287.

Содержание эпизода с участием «набедокурившего» Есенина (о чем упомянуто в письме) неизвестно. Не исключено, впрочем, что имеется в виду попытка поэта выпрыгнуть из окна (см.: 29 июля — 26 авг. 1925, вторая запись).

Московский журнал «Красная нива» (№ 33) публикует стихотворение Есенина «Я иду долиной. На затылке кепи...» с рисунками (без подписи художника).

См. также: 18 июля 1925, первая запись; 4 авг. 1925, первая запись; 6 авг. 1925, первая запись; 30 авг. 1925, вторая запись; вторая половина сент. 1925; 26 сент. 1925, вторая запись.

См. Приложение.

Газета «Ленинградская правда» (№ 180) помещает статью Г. Лелевича «Язык литературных фактов», где заходит речь о Есенине:

«Значительно менее утешительную картину представляет попутническая поэзия последних месяцев. Хуже всего, что большинство попутнических поэтов усиленно занимается *собственными перепевами*. Маяковский развивает на все лады мотивы своих старых сатир и литературных манифестов. Есенин, после короткого и благотворного подъема “Руси Советской”, занялся певучим, но скучноватым переложением “Песни песней” и любовной лирики Гафиза, Саади и Рабиндраната Тагора <...>. Совершенно бесспорно, что на фронте поэзии пролетарская литература уже сейчас начинает перевешивать попутническую».

Курсив автора.

О перепечатке см.: 6 сент. 1925, шестая запись.

Статья написана в свете осмысления «исторической резолюции ЦК о политике партии в области художественной литературы, опубликованной 1 июля» (см.: 18 июня 1925, четвертая запись; 1 июля 1925, четвертая запись).

Ср. также: 13 июля 1925.

Август, 9, 23 и 30. В московском журнале «Огонек» (№ 33, 35, 36) — рекламное объявление о подписке с перечнем «Писатели, поэты и художники, печатающиеся в “Огоньке”», где значится имя Есенина.

См. также: 28 июня 1925, третья запись; 5, 12, 19 и 26 июля 1925; 6 сент. 1925, лятая запись.

Август, 10. В «Бакинском рабочем» (№ 179) — стихотворения Есенина «Море голосов воробьиных...», «Руки милой — пара лебедей...» и «Голубая да веселая страна...» (с посвящением «Гелии Николаевне Чагиной») под общим заголовком «Персидские мотивы».

О первых двух стихотворениях см.: до 9 авг. 1925; о перепечатке второго см.: 30 сент. 1925, первая запись. Об истории создания стихотворения «Голубая да веселая страна...», посвященного шестилетней дочери П.И. Чагина Розе (она же «Гелия Николаевна»), см.: до 8 апр. 1925, первая запись; 8 апр. 1925, первая и третья записи. См. об этом также: Субботин-2012, 123–124, 126–128.

Август, до 11. Есенин дает телеграмму И.И. Есенину (не сохранилась) с указанием получить в Госиздате РСФСР деньги, причитающиеся ему по договору.

Есенин, VII (3), 53.

См.: 30 июня 1925, первая запись.

Август, 11. Ленинградский журнал «Жизнь искусства» (№ 32) печатает статью В. Блюменфельда «Лирика и агитка», где упоминается Есенин.

Говоря о лирике Н. Асеева, критик отмечает:

«Наряду с <...> песенками, “отстриженными” всеми средствами тоскующего и “плюхающего” жаргона (Московский Жерар де Нерваль? Есенинщина? Золоторядская цыганщина?) и даже после “Лирического отступления” (о любви!) и “Баллады об английском золоте, затонувшем в 1854 году” опять — заключительная революционная вязь — поэма “Двадцать шесть”, памяти павших в Баку комиссаров. <...>»

И опять характерно, что, несмотря на всю резкость и энергию стихотворную, “поэмы” не дают возможности избежать ощущения формальной реставрации, *возврата, эклектизма, эпигонства*. Стихи Асеева писал не только Асеев, но и Пастернак (“немоту передряж — меж заборов досчатых будет плыть старина”, и Есенин (“перекатная голь Москвы”, “желтобилетная листва бульварная” и др.), и старый Маяковский...»

Курсив автора.

В Москве выходит журнал «Новый мир» (№ 8; за август) с материалами, где упоминается Есенин.

Граница события устанавливается по информации в газ. «Известия ЦИК СССР и ВЦИК Советов» (1925, 11 авг., № 181).

В номере помещены:

— статья Л. Гроссмана «Крепостные поэты»:

«Первые печатные выступления сельской плеяды промелькнули и погрузились в забвенье. Поднималась новая волна крестьянского творчества: <далее следуют первые восемь строк стихотворения Есенина “О Русь, взмахни крылами...”>. Как бы ни отличались эти звучные строфы Есенина от первых робких опытов крепостного творчества, нужны были примитивы Алипановых и Сибиряковых, чтоб через столетие полными голосами зазвучали песни олонецких, рязанских и тверских крестьян <...>, чтоб словесное искусство, идущее из самых недр народного сознания, поднялось в следующих поколениях и развернулось, наконец, во всю свою безбрежную ширь».

См. также: 4 ...25 марта 1925;

— рецензия В. Красильникова на книгу И. Грузинова «Избяная Русь» (издательство «Современная Россия»; М., 1925):

«Грузинов — имажинист. На этом основании культура образа — основное задание его работы. Чаше задание выполнено — образы запоминаются <...>. Иногда они тяжелы своей сознательной надуманностью (“багряным ежиком выкатывает месяц”, “луна жеребой растопырится” — влияние Есенина).

Калужская газета «Коммуна» (№ 180; рубрика «Книжная полка») перепечатывает рецензию С.Б.Ингулова «В молитвенном экстазе: О кн. стихов Сергея Есенина “Березовый ситец”».

Исходный текст см.: 26 июля 1925, седьмая запись.

См. также: 1 апр. 1925, третья запись; 15 апр. 1925; 1 мая 1925, восьмая запись; 15 мая 1925, пятая запись; 21 ... 30 мая 1925; 22 мая 1925, первая запись; 1 июня 1925, третья запись; 1 ... 15 июня 1925; 5 июня 1925, первая и вторая записи; 10 июня 1925; 11 июня 1925; 12 июня 1925, первая – третья и пятая записи; с 12 на 13 июня 1925, вторая запись; до 15 июня 1925, вторая запись; 20 июня 1925, первая запись; 27 июня 1925, первая запись; 30 июня 1925, восьмая запись; 2 июля 1925, первая запись; до 7 июля 1925; 14 июля 1925, вторая запись; 31 июля 1925, вторая запись; 2 авг. 1925, третья запись; 1 сент. 1925, третья запись; 10 ... 24 сент. 1925; 18 окт. 1925, первая запись; окт. (?) 1925, первая запись.

Август, 11 и 16. О.К.Толстая пишет дочери из Москвы:

«Сонечка моя, на днях получила твою телеграмму из Баку, а потом и открыточку о том, что тебе всё хорошо и что едете в Мардакяны.<...> Паспорт С. А. обещан сегодня, и тогда мы его завтра спешно отправим. Илюшу до сих пор не прописали; просто возмутительно!..

Обдумываю, как нам устроиться на зиму: было бы хорошо, чтоб маленькая Олечка осталась в деревне (это возможно); тогда Илью поместить в комнату Ел. Ив., а ее и Володю ко мне. Наташа может спать в маленькой, с Софьей Александровной, которая очень хотела южную комнату. А ты с мужем — в столовой. Я буду, вероятно, большей частью у Ч<ертко>вых...

Целую тебя и кланяюсь С. А. Была тронута, что вспоминаете меня».

Письма, 354–355.

Август, до 12. В Ленинградском отделении Госиздата РСФСР выходит сборник статей «Пролетариат и литература», где упоминается имя Есенина.

Граница события определяется по объявлению о поступлении книги в продажу (газ. «Известия ЦИК СССР и ВЦИК», 1925, 12 авг., № 182).

В частности, в сб. входит статья И.Майского «Еще раз о культуре, литературе и коммунистической партии (Заключительное слово)» (см.: до 30 марта 1925).

Август, 12. И.И.Есенин отвечает поэту из Москвы на его телеграмму.

Сообщает:

«Сергей Александрович, <...> деньги <из Госиздата> будут 20 августа».

Информирует о просьбе И.В.Евдокимова о присылке доверенности, разрешающей тому работу над собранием сочинений поэта (подробнее см.: 19 июля 1925, первая запись). Спрашивает:

«И скажи, что, деньги присылать тебе, когда получу, или нет?»

Письма, 287.

См.: 30 июня 1925, первая запись; 3 июля 1925, вторая запись; 7 июля 1925, первая запись; 19 июля 1925, первая запись; 21 июля 1925, вторая запись; 3 авг. 1925, первая запись; 24 авг. 1925, вторая запись; 11 или 12 сент. 1925; 12 сент. 1925, первая запись; 22 сент. 1925, вторая запись; 10 окт. 1925; 15 окт. 1925, первая запись; окт. -- до 26 нояб. 1925; после 20 окт. 1925; конец нояб. 1925, первая запись; 9–11 часов утра 23 дек. 1925.

Август, 13. С.А.Толстая пишет О.К.Толстой из Мардакян:

«Мама моя, дорогая, милая... Ты скажешь, что я влюбленная дура, но я говорю положи руку на сердце, что не встречала я в жизни такой мягкости, кротости и доброты. Мне иногда плакать хочется, когда я смотрю на него <Есенина>. Ведь он совсем ребенок наивный и трогательный. И поэтому, когда он после грехопадения — пьянства кладет голо-

ву мне на руки и говорит, что он без меня погибнет, то я даже сердиться не могу, а глазу его больную головку и плачу, плачу. Ну, вот я и в сентименты пустилась. Так уж к слову пришлось...»

Далее вспоминает о выезде из Баку в Мардакяны на дачу П.И. Чагина (см.: с 28 на 29 июля 1925). Описывает панораму поселка. Рассказывает, чем занимаются они с Есениным (см.: 29 июля — 26 авг. 1925).

Продолжает письмо, уже «на денек» оказавшись в Баку:

«Мы до сих пор не женаты, потому что всё время живем в Мардакянах, а там пытались, и не вышло. Но на днях всё равно придется это оформить. Ты не пугайся — всё равно мы муж и жена, и у нас очень всё серьезно. Пробудем здесь до конца августа. А там двинемся куда-нибудь. <...> *Попроси поторопить с деньгами из Госиздата. Пусть сейчас же вышлют на Чагина, как только получатся деньги.*

<...> Еще просьба, поручи Илюше <И.И.Есенину>: в писчебумажном магазине “Современная Россия” Сергей взял очень много всяких письменных принадлежностей и забыл. Нужно их взять из магазина — зашить в посылку и прислать сюда...»

Письма, 355–357; курсив автора.

См. Приложение.

Август, до 14. Есенин пишет стихотворение «Отчего луна так светит тускло...».

Граница события устанавливается по первой публикации стихотворения (см.: 14 авг. 1925, первая запись). Есенин, I, 271–272, 656–657.

В 1940 году С.А. Толстая-Есенина вместе с Е.Н. Чеботаревской готовила к изданию сборник стихотворений и поэм Есенина и написала к нему обширный комментарий. Издание не состоялось, но рукопись сохранилась. Об этом стихотворении сказано:

«Написано во время пребывания Есенина в Мардакянах на даче П.И. Чагина. Отчасти в нем отразились впечатления природы в окрестностях Баку, которые так нравились Есенину, и аллея огромных старых кипарисов, по которой Есенин ежедневно проходил к своей даче».

Восп., 2, 261.

См. Приложение.

Прочитав в Париже книгу Есенина «Стихи (1920–24)», В.Ф. Ходасевич пишет о своих впечатлениях (материал неизвестен).

Из статьи В.Ф. Ходасевича «Есенин» (1926):

«Летом 1925 года прочел я книжку Есенина под непривычно простым заглавием: “Стихи. 1920–24”. Тут были собраны пьесы новые — и не совсем новые, т. е. уже входившие в его сборники. Видимо, автор хотел объединить стихи того, можно сказать, покаянного цикла, который взволновал и растрогал даже тех, кто ранее не любил, а то и просто не замечал есенинской поэзии.

Эта небольшая книжечка мне понравилась. Захотелось о ней написать. Я и начал было, но вскоре увидел, что в этом сборнике — итог целой жизни, и что невозможно о нем говорить вне связи со всем предыдущим путем Есенина. Тогда я перечел “Собрание стихов и поэм” его — первый и единственный том, изданный Гржебиным. А когда перечел, то понял: сейчас говорить о Есенине невозможно. <...> Стало для меня несомненно, что настроения, отраженные в этом сборничке, переходные; они нарастали давно, но теперь достигли такой остроты, что вряд ли могут быть устойчивы, длительны; мне показалось, что так ли, иначе ли, — судьба Есенина вскоре должна решиться, и в зависимости от этого решения новые его стихи станут на свое место, приобретут тот или иной смысл. В ту

минуту писать о них — значило либо не договаривать, либо предсказывать. Предсказывать я не отважился. Решил ждать, что будет».

РЗЕ, 1, 45–46; Ходасевич В. Собр. соч. В 4 т. М.: Согласие, 1997, т. 4, с. 120.

Этот замысел был реализован в цитируемой статье, опубликованной с авторской датой: «Февраль 1926 г.». Н.И.Шубникова-Гусева в начале 1990-х гг. полагала, что после ухода Есенина из жизни В.Ф.Ходасевич «переписал ее <свою статью 1925 г.>» (РЗЕ, 1, 266). Однако проверить это суждение документально до сих пор не удается. Среди материалов В.Ф.Ходасевича, хранящихся в зарубежных архивах, каких-либо следов его работы о Есенине 1925 — начала 1926 г. не обнаружено: «Черновиков статьи не видел, а пересмотрел, кажется, все архивы Ходасевича, в том числе и американские» (из письма Н.А.Богомолова С.И.Субботину, 30 окт. 2012).

Впрочем, в письме М.В.Вишняку (24 авг. 1925), когда работа В.Ф.Ходасевича над есенинской темой была прервана, критик мотивирует отказ от ее продолжения иначе, чем в 1926 г.:

«... я написал о Есенине так бездарно, что не решился печатать, особенно в журнале «Современные записки»». <...> Я писал о Есенине в Париже, в жаре, в духоте, под уличный шум. Затем — сбежал и ныне проживаю: 28, rue Alexandre Guilmant, Meudon».

Ходасевич В. Собр. соч. В 4 т. М.: Согласие, 1997, т. 4, с. 489.

Граница событий отмечается с учетом содержания этого письма в соответствии с записью В.Ф.Ходасевича, сделанной в другом месте:

«[1925. Август]. 14, пят<ница>. Переезд в Meudon».

Ходасевич В. Камер-фурьерский журнал / Вступ. ст., подгот. текста, указ. О.Р.Демидовой. М.: Эллис Лак 2000, 2002, с. 74.

Август, 14. Газета «Бакинский рабочий» (№ 183) публикует стихотворение Есенина «Отчего луна так светит тускло...» под заголовком «Персидские мотивы».

См. также: 30 сент. 1925, первая запись; 24 окт. 1925, вторая запись; 25 окт. 1925, первая запись.

О.К.Толстая пишет С.А.Толстой.

Сообщая о проблемах с пропиской Есенина и его двоюродного брата, замечает:

«Устала я от всей этой истории, Соня, ужасно и потому не обижаюсь, что я иногда ворчу. Ведь ты подумай, благодаря непрактичности и *халатности* С. А. я целое лето не выхожу из неприятностей. И сейчас я могла бы уехать в Коктебель (если не в Судак), а должна сидеть здесь, чтоб следить за делом.

Крепко целую. Привет С. А.»

Письма, 357–358.

В.В.Маяковский выступает в Central Opera House (Нью-Йорк) с лекцией «по искусству и литературе Советской России», где заходит речь о Есенине. Декламирует собственные произведения.

Событие фиксируется по объявлению в газ. «Русский голос» (Нью-Йорк, 1925, 13 авг., № 3558).

Из отклика:

«У меня сложилось впечатление, что у Маяковского нет никакого настоящего — до такой степени мелки и мало значущи его произведения этих последних лет по сравнению с периодом 1915–1918 г. <...>

Теперь несколько слов о нынешнем Маяковском. Трагедия его заключается в том, что он вне живой жизни, хотя и стремится к ней. Он погряз в литературшине. И этому Маяковскому, малоталантливому подражателю прежнего — нельзя простить многого. Между прочим, я не могу ему простить его выпада по отношению к другому русскому поэту Есенину. Кто-то из публики спросил запиской Маяковского о течении в поэзии, какое представляет собою Есенин. И что же ответил нынешний Маяковский? Есенин представ-

ляет не течение, а сам истекает водкой. Такой ответ может дать только жалкий завистник. В Америке, где вся буржуазная пресса затравила Есенина за несчастную болезнь, постигнувшую русского гения — Маяковский прибавил и свою долю яда. Это тем более неблагородно, что ведь и сам Маяковский, что не секрет для очень многих, истекает тем же течением, которым он упрекнул Есенина».

Драйвер М. Два Маяковских: На началах дискуссии. — Газ. «Русский голос», Нью-Йорк, 1925, 20 авг., № 3565.

См. также: 1 сент. 1925, вторая запись; 10 сент. 1925, шестая запись.

Август, 15. Московский журнал «Прожектор» (№ 15) в объявлении о подписке на издание называет Есенина в числе авторов.

В журнале «Город и деревня» (№ 15) имя Есенина значится в перечне авторов издания.

См. также: 5 марта 1925, четвертая запись; 20 марта 1925; 5 и 17 апр. 1925; 1 и 31 мая 1925; 25 июня 1925, вторая запись; 10 и 25 июля 1925; 1 и 25 сент. 1925; 5 окт. 1925; 7 и 30 нояб. 1925.

Август, до 16 ... Сентябрь, 8. Ленинградское издательство «Колос» выпускает сборник «Письма Александра Блока», где заходит речь о Есенине.

Нижняя граница события устанавливается по: Кн. летопись, 1925, № 17, сент., поз. 14627; верхняя — по перечню рубрики «Новые книги» в газ. «Вечерняя Москва» (1925, 9 сент., № 205).

Комментируя письма А. Блока к нему, А. Д. Скалдин упоминает о своих встречах с Есениным в 1915–1916 гг.

Август, до 16 — Сентябрь, до 11. В Ленинградском отделении Госиздата РСФСР выходит пособие Н. Сверчкова «В сельской школе. Книга для чтения в старших группах I ступени» (под редакцией П. О. Афанасьева и З. И. Лиловой) со стихотворениями Есенина «В хате» и «Пастух» <«Я пастух, мои палаты...»>.

Кн. летопись, 1925, № 17, сент., поз. 14645.

Московское издательство «Огонек» (серия «Библиотека “Огонька”»; № 63) выпускает книгу Б. Е. Гусмана «Поэты. Пять характеристик: Демьян Бедный, А. Безыменский, Сергей Есенин, Василий Казин, В. Маяковский».

Кн. летопись, 1925, № 17, сент., поз. 14752.

Из характеристики «Сергей Есенин»:

«Сергей Есенин прошел мимо “нишей России” (А. Блок), полюбив ее “синь”, которая “сосет глаза”, ее поля, ее “низенькие околицы”, у которых “звонно чахнут тополя”, ее церкви, где “пахнет яблоками и медом кроткий Спас”, ее луга, где “гудит за корогодом веселый пляс”, ее зелена, ее “гречневые просторы” и “овсяную волю”.

Есенин родился и вырос в деревне. Он видел, не мог не видеть, как маялась деревня в нищете, в грязи и в голоде. Но он отвернулся от “людского горя”.

Позабыв людское горе,
Сплю на вырублях сучья,
Я молюсь на алы зори,
Причашаюсь у ручья.

Он ушел к тем радостям “земного бытия”, которые он нашел в крестьянской жизни, в копнах сена, на покосе, в алых зорях над желтыми полями и во всей красоте земли, раскинувшейся перед ним в цветении своего обилия и щедрости.

Иду. В траве звенит мой посох,
В лицо махает шаль зари,
Сгребая сено на покосах,
Поют мне песни косари.

Глядя за кольца лычных прясел,
Одной лишь думой мыслю я:
Счастлив, кто жизнь свою украсил
Трудом земного бытия.

С улыбкой радостного счастья
Иду в другие берега,
Вкусив бесплотного причастья,
Молясь на копны и стога.

Пройдя мимо голодной нищеты русской деревни, он принял только ее радости, ее светлые стороны.

Родился я с песнями, в травном одеяле,
Зори меня вешние в радугу свивали.

И в последнее время, обогащенный высоким мастерством сложного, но прозрачного контрапункта образов, метафор и сравнений, Сергей Есенин остается всё тем же деревенским гусельником и песенником:

Буду петь, буду петь, буду петь,
Не обижу ни козы, ни зайца.
Если можно о чем скорбеть,
Значит, можно кому улыбаться.

Все мы яблоко радости носим,
И разбойный нам близок свист.
Срежет мудрый садовник — осень
Головы моей желтый лист.

В сад зари лишь одна стезя,
Сгложет рощи октябрьский ветер,
Всё познать, ничего не взять
Пришел в этот мир поэт.

Он пришел целовать коров,
Слушать сердцем овсяный хруст,
Глубже, глубже серпы стихов,
Сыпь черемухой, солнца — куст.

Когда вихрем пронеслась над есенинской деревней революция, он не оттолкнул ее. Конечно, пройдя мимо тех мук, которые переживала деревня, он не мог и понять благодетельной силы революции, ее благотворного влияния на деревню, но его пленила в революции ее бодрящая сила, ее веселая новь.

Революцию Сергей Есенин встретил “певучим звоном”. В ней, рожденной (по Сергею Есенину) в “мужичьих яслях”, почувствовал новое “утро”, новый “свет за горами”, “красного коня”, который должен вывезти мир “на колею иную”,

Сойди, явись к нам, красный конь.
Впрягись в земли оглобли.
Нам горьким стало молоко
Под этой ветхой кровлей.

Пролей, пролей нам над водой
Твое глухое ржанье
И колокольчиком-звездой
Холодное сиянье.

Мы радугу тебе дугой,
Полярный круг на сбрую,
О, вывези наш шар земной
На колею иную!

Но, конечно, он не мог не почувствовать, что эта “колея иная” лежит в стороне от того мира, в котором он жил, что над тем миром уже березы “кадят листвою прощальную обедню”, что идет уже “железный гость”, который сметет “последние листья”, “соберет их в свою черную горсть”.

Не живые, чужие ладони,
Этим песням при вас не жить,

говорит он с грустью, ибо умирает под копытами “красного коня” любимая им его деревня, и он, Сергей Есенин, возводивший свой поэтический род через “одетого светом”, “вышедшего из монастырских врат”, “избороздившего весь край” Николая Клюева, к идущему “меж телок и коров” “в золотой ряднине” Алексею Кольцову, он — последний, не имеющий потомства отпрыск этого рода.

Я последний поэт деревни.

Ведь он знает, что “живых коней победила стальная конница”, и что прошло, безвозвратно прошло то время,

...когда пару красивых степных россиянок
Отдавал за коня печенег.

<...>

И за тысячи пудов конской кожи и мяса
Покупают теперь паровоз.

<...>

Вот он, вот он с железным брюхом
Тянет к глоткам равнин пятерню.

И понятно, что в поэзии Сергея Есенина появляются новые нотки, такие не похожие на того, старого Сергея Есенина, которого “зори вешние в радугу свивали”.

В одном из стихотворений этого нового периода он говорит:

Не жалею, не зову, не плачу...

<цит. первые три строфы стихотворения>

Но на месте старой деревни уже встает новая, обновленная, прислушивающаяся к новым, мудрым словам. Вернувшись в деревню, он застает ее иною.

И вот сестра разводит,
Раскрыв, как библию, пузатый “Капитал”...

Есенин смущен, Есенин сбит с толку. Он думал, что его деревня погибает под железной пятой революции, и вдруг увидел нечто новое, непонятное, трудно осознаваемое.

Но голос мысли говорит:
“Опомнись! Чем же ты обижен?
Ведь это только новый свет горит
Другого поколения у хижин.

Сначала это действует на него убивающе. Он начинает думать:

Моя поэзия здесь больше не нужна
Да и, пожалуй, сам я тоже здесь не нужен.

Но потом и его захватывает молодой и веселый вихрь ... <...>

Правда, он чувствует в этом “веселом кипении” какую-то “грусть”. И это понятно.

Я человек не новый!.. <...>

Трудно сразу переварить ту новь, которая открылась его глазам. Для этого нужна упорная и серьезная работа над собой. Есенин это понимает и говорит сам себе:

— Настал наш срок,
Давай, Сергей,
За Маркса тихо сядем,
Чтоб разгадать
Премудрость скучных срок.

Эта “премудрость скучных строк” да пытливые наблюдения над жизнью помогут ему понять, как революция переплавляет старое в новое и лучшее. А поймет, так перестанет “скользить” и “падать” и догонит “стальную рать”.

Отклик см.: 9 сент. 1925.

См. Приложение.

В Ленинградском отделении Госиздата РСФСР выходит сборник «Родной язык в школе» (№ 8) с материалами, в которых говорится о Есенине.

Кн. летопись, 1925, № 17, сент., поз. 14621.

Они содержатся:

— в «Литературной хронике», где приводятся «некоторые наиболее характерные ответы на первые два вопроса анкеты» об А.С.Пушкине, в том числе ответы Есенина.

Их полный текст см.: до 14 или до 15 июня 1924;

— в статье П.А.Вартлинского «Об изучении современной литературы в школе»:

«Каждый может сосредоточивать свое внимание на интересующем его явлении, на литературе, на одном из ее течений, прежде всего МАПП’а, или на творчестве одного поэта (напр., Безыменского), или на группе крестьянских поэтов (Клюев, Орешин, Клычков, Есенин)»;

— в рецензии П. Д. Мошанского на книгу И. П. Плотникова «Революционная литература (из опыта применения Дальтон-плана)» (Л., 1924), где Есенин назван в ряду исследуемых авторов.

Об изданиях этой книги см.: до 16 ... до 30 сент. 1924; конец янв. — до 16 февр. 1925, первая запись.

В московской типографии «Всерокомпома» печатается «Каталог книжного магазина “Красная новь”», в разделе которого «Художественная литература» значатся книги Есенина «Голубень» (издание автора, 1920), «Москва кабацкая» (издание автора, 1924), «Радуница» (издательство «Имажинист» <так!>, 1921), «Песнь о великом походе» (Гиз, 1925), «Стихи» (издательство «Круг», 1924), «Страна советская» (издательство «Советский Кавказ», 1925), коллективный сборник Есенина, Р. Ивнева, А. Мариенгофа «Имажинисты» (издательство «Имажинисты», 1921).

Кн. летопись, 1925, № 17, сент., поз. 15215.

Август, 17. Есенин пишет стихотворения «Гори, звезда моя, не падай...» и «Жизнь — обман с чарующей тоскою...»

Есенин, I, 237–240, 633–635.

С. А. Толстая вспомнит:

«... В то время Есенин очень плохо себя чувствовал. Опять появилось предположение, что у него туберкулез. Он кашлял, худел, был грустен и задумчив. Настроениями и разговорами этих дней навеяны оба эти стихотворения».

Восп., 2, 261.

В черновом автографе первого стихотворения после 8-й строки зачеркнуто:

Как мил мне голос журавлиный
<Нрзб.> душой
Он так же светит над равниной,
Как будто герб страны родной. (Есенин, I, 364).

Эта строфа явно выпадает из общей структуры произведения.

Об авторских публикациях стихотворений см.: 21 авг. 1925, первая запись; до 21 окт. 1925.

Перепечатки см.: 5 нояб. 1925, вторая запись; 29 нояб. 1925, вторая запись.

Отклик см.: 13 дек. 1925, третья запись.

И. К. Дитерихс, временно оказавшись в Баку, оставляет в редакции газеты «Бакинский рабочий» письмо для Есенина:

«Сергею Александровичу Есенину.

Узнав перед отъездом из Ташкента о поездке Вашей с Соней в Баку, я, по приезде сюда, стал разыскивать вас обоих, и оказалось, что Вы на даче в Мардакянах, куда я третьего дня ездил повидаться с одним приятелем и был даже на той даче Мухтарова, где Вы, как оказывается, проживаете. Ужасно обидно и досадно!»

Сообщает о своем предстоящем отъезде из Баку, об адресах, по которым его можно будет найти, если Есенин и С. А. Толстая захотят его повидать, и о том, где о нем можно навести справки. Продолжает:

«Не знаю, как долго Вы пробудете на Кавказе. Был бы рад получить от вас обоих весточку.

Примите мой родственный привет и добрые пожелания вашей молодой совместной жизни. Всего лучшего от дяди Жози Дитерихса».

Вдовин, 409–410.

Письмо написано на бланках «Секретарь газеты “Бакинский рабочий”».

Некоторые подробности этого визита в редакцию газеты содержатся в письме И.К.Дитерихса О.К.Толстой (см.: 26 сент. 1925, четвертая запись).

Август, 18. Есенин направляет написанные накануне стихи П.И.Чагину с сопроводительным письмом:

«Дорогой Петр Иванович! Посылаю 2 стихотв<орения>. Скажи Фришбергу, чтоб он дал Кларе Эриховне денег для меня.

Сам знаешь: жена, дети, и человек не дерево. Дня через 2 придет мое подкрепление из Москвы, и тогда я рыжего оставлю в покое. Привет ему.

Цалую. С. Есенин».

Есенин, VI, 222, 723.

См.: 17 авг. 1925, первая запись.

См. Приложение.

Калужская газета «Коммуна» (№ 185; рубрика «Книжная полка») публикует рецензию Влад. Королева на сборник Я.Шведова «Вьюги. Стихи и поэмы» (М., 1925):

«Чувствуется, как и у большинства сегодняшнего поэтического молодняка, сильнейшее влияние Сергея Есенина, доходящее до подражания: “Письмо (матери)”, “Здравствуй, здравствуй, матка дорогая...”, “Возвращение”...»

Август, до 20. В.Ф.Наседкин обращается к Есенину из Москвы.

Прилагая к письму свои стихи, просит «устроить» их «скорее и дороже». Пишет:

«Деньги <гонорар> оставь у себя. <...> Но сообщи Илюше <И.И.Есенину>, сколько получишь. Он со мной разочтется».

Просит написать ему. Письмо заканчивается припиской:

«Маяковский, услышав об условиях издания твоих сочинений, заболел нервным расстройством. Из зависти».

Письма, 288.

Одновременно пишет С.А.Толстой:

«...как же ты всё-таки живешь-то? Ей-Богу, интересно, даже больше, чем Сергей. Этот головотяп везде сумеет. <...> Если бы написала мне, я был бы очень рад — о себе, о Сергее. Говорю очень искренно, я люблю вас обоих, может быть, только по-разному в степенях».

Письма, 358.

Об ответе С.А.Толстой см.: 29 авг. 1925, вторая запись.

Август, 20. Есенин пишет отцу:

«Дорогой отец! Пишу тебе очень сжато. Первое то, что я женат. Второе то, что с Катькой я в ссоре. Я всё понял. Мать ездила в Москву вовсе не ко мне <см.: 7 ... 27 (?) марта 1925>, а к своему сыну. Теперь я понял, куда ушли эти злосчастные 3000 руб.

Я всё узнал от прислуги. Когда мать приезжала, он приходил ко мне на квартиру, и они уходили с ним чай пить. Передай ей, чтоб больше ее нога в Москве не была.

Деньги тебе задержались не по моей вине. Катька обманула Соню и меня. Она получила деньги и сказала, что послала их. Потом Илюша выяснил. Пусть она идет к черту хоть в шоколадницы. Ведь при всех возможностях никуда не попала и научилась только благодаря Т. Ф. выжимать меня. Беспokoюсь только о Шуре. Из нее что-нибудь выйдет.

Дяде Федору скажи, что о Сашке похлопочу.

Дайте отдохнуть. В сентябре приеду, всё устрою. Только, конечно, не на Рабфак. Там коммунисты и комсомол. Поэтому не попал и Илюшка.

Илюшка — настоящий благородный брат. Думаю, что он заменит мне потерянную сестру.

Твой сын Сергей».

Есенин, VI, 223, 724–727, с исправлениями, внесенными в текст по сохранившейся части автографа письма, написанного на бланках «Редактор газеты “Бакинский рабочий”» (факсимиле см.: В семье родной, 63).

С.А. Толстая-Есенина вспоминает:

«Он <Есенин> много рассказывал мне о нем <об отце> как о умном и кротком и способном человеке. От его рассказов у меня пробуждалась прямо нежность какая-то к старику, и я хотела его видеть. С <ергея> это очень радовало. Из Мардакян <так!> он писал отцу. Это письмо я отдала Е<катерине>. Копия у меня».

ГМТ, ф. 48, без шифра.

В собраниях сочинений Есенина письмо публиковалось именно по этой копии.

См. также: 16 мая 1925; 16 июня 1925, третья запись; конец июня — 7 (?) июля 1925, третья запись; 2 июля 1925, четвертая запись, 22 июля 1925, первая запись; после 24 сент. — 2 нояб. 1925, шестая запись.

И.И. Садовников отправляет поэту из Владимира свое стихотворение «Есенину».

Событие отмечается и датируется по письму автора стихотворения (см.: 12 сент. 1925, четвертая запись):

«Есенин, 20-го августа я послал Вам в заказном письме по адресу: Баку, редакция газеты “Бакинский рабочий” — два своих стихотворения, а именно: “Есенину” и “Панихида по Лешему”...»

Письма, 290.

См. также: июль 1925.

Август, 21. В газете «Бакинский рабочий» (№ 189) печатаются стихотворения Есенина «Гори, звезда моя, не падай...» и «Жизнь — обман с чарующей тоскою...».

См. также: 17 авг. 1925; 18 авг. 1925, первая запись; до 21 окт. 1925; 5 нояб. 1925, вторая запись; 29 нояб. 1925, вторая запись.

Отклик см.: 13 дек. 1925, третья запись.

Некий знакомый Есенина Володя В. (или Д.; фамилия не установлена) пишет поэту из Москвы:

«Дорогой Сережа! Заходил к тебе несколько раз и не заставал, как и ты меня. Последний раз заходил к тебе с поэтом Аренсом, славный поэт, и очень сожалею, что тебя не застал. Как ты там живешь, пишешь ли, Сергей?»

ГЛМ, ф. 4, оп. 1, ед. хр. 162.

Вечерний выпуск ленинградской «Красной газеты» (№ 204; подпись: «Д.») печатает рецензию на альманах литературной группы «Твори» — «Взлет» (Л., «Прибой», 1925) с упоминанием Есенина:

«Поэты — сплошь в литературе новички. Отсюда художественный разноречивый альманах. На стихах останавливаться совсем не приходится: поэты-крестьяне под влиянием Есенина и Доронина, поэты индустрии — повторяют давно приевшиеся зады Кириллова и Герасимова».

Август, 22. Газета «Вятская правда» (№ 190; рубрика «Библиография») публикует рецензию К.Алтайского на книгу Есенина «Избранные стихи» (издание «Огонька»):

«Есенин — один из самых талантливых, один из самых популярных поэтов. Его стихи читают, разучивают, декламируют с эстрады.

К сожалению, до сих пор нет полного сборника его стихов.

Его последние сборники «Стихи», «Страна березового ситца» <так!> и др.<угие> не являются полными сборниками, — в них только последние стихи поэта.

Издательство «Огонек» хорошо сделало, издав «Избранные стихи» Есенина в количестве 50000 экземпляров.

В «Избранных стихах» Есенин представлен более полно, чем в остальных сборниках. Наряду с ранними стихами («Голубень», «Песня о собаке» <так!>, «Я последний поэт деревни») в сборнике помещена часть последних стихов Есенина («Письмо от матери», «Русь советская»).

Прекрасный подбор стихов, хорошее издание и низкая цена — 15 коп. — делают книжечку доступной самой широкой публике».

См. также: после 2 марта 1925, третья запись; до 14 июня 1925, 14 июня 1925, первая запись; после 14 июня 1925; 16 ... 30 июня 1925; 30 июня 1925, третья запись; 27 июля 1925; 28 июля 1925, третья запись; 25 сент. 1925, вторая запись; 1 окт. 1925, вторая запись.

Август, до 23. В Ленинграде выходит журнал «Звезда» (№ 3) с материалами, где упоминается Есенин:

— информация о журнале:

«Выходит 1 раз в 2 месяца <...>. В журнале принимают участие: художественная литература: <...> С.Есенин...»;

— анонс следующего номера (№ 4), где предполагалась публикация стихотворений поэта.

Стихи не были напечатаны.

Граница события отмечается по информации о выходе номера журнала и его поступлении в продажу (газ. «Ленинградская правда», 1925, 23 авг., № 191).

Август, 23. Новониколаевская газета «Советская Сибирь» (№ 191; подпись: «Б. Ж.») помещает материал «Летняя пора («Красная новь», кн. 6, июль–август, 1925)» с упоминанием Есенина:

«По-прежнему царит над стихами С.Есенин, давший на этот раз прекрасное стихотворение “Синий май”, в котором типично есенинская тихая грусть и примиренность вновь сменила шум и звон кабацкого разгула».

О публикациях стихотворения см.: 19 мая 1925, первая запись; 16 ... 18 июля 1925.

Другие отклики см.: сент. (?) 1925, первая запись; 2 окт. 1925.

Нью-йоркская газета «Русский голос» (№ 3568; воскресное приложение) печатает статью Д.Бурлюка «Молодые побеги (Из новой литературы в СССР)», где заходит речь о Есенине.

Автор, в целом положительно оценивая творчество ученика И.Садофьева — Б. Соловьева, пишет:

«Правда, Соловьёв еще не вполне овладел формой. Он, как молодой и начинающий, еще бросается из стороны в сторону. От Садофьева к Есенину, от Маяковского опять к Садофьеву».

Газета «Парижский вестник» (№ 93) дает неподписанную информацию:

«Осенью выйдет в свет полное собрание сочинений поэта Есенина. Отдельно выходит поэма “Пугачев”».

Об издательских договорах поэта на отдельное издание «Пугачева» и на Собрание стихотворений см.: 7 апреля 1924, вторая запись и 30 июня 1925, первая запись (соответственно).

Первое из изданий в свет не вышло. Анонсы второго см.: 7 июля 1925, четвертая запись; 8 сент. 1925, третья запись; 10 ... 24 сент. 1925; 1 окт. 1925, третья запись; 3 окт. 1925, четвертая запись; 21 окт. 1925, вторая запись.

Август, 24. Есенин посылает в Москву брату Илье телеграмму (не сохранилась).

Требует выслать в Баку деньги, которые тот должен был получить в Госиздате РСФСР (см.: 12 авг. 1925). Сообщает о своем предстоящем возвращении в Москву.

Есенин, VII (3), 54.

И.В.Евдокимов пишет Есенину из Москвы:

«Уважаемый Сергей Александрович!

В начале сентября мы наметили сдать в набор все три тома “Собрания сочинений С. Есенина”, но перед нами стоят непреодолимые затруднения. Принесена рукопись в хаотическом состоянии и таковой остается до настоящего времени. Это одно. Вывод надо сделать такой: рукопись надо классифицировать, сиречь — привести в порядок. Так как за несколько тысяч верст от Москвы делать этого нельзя, то необходимо Ваше официальное сообщение, кому Вы это дело поручаете. Второе — необходимы Ваши соображения по самому изданию: считаете ли Вы нужным порядок расположения хронологический, тематический или формальный. Третье — представлено только 9000 стихов. По договору нужно еще 1000 стихов. В представленном материале находится поэма “Пугачев”, принадлежащая Госиздату по прежним договорам. В общий подсчет идти она не может. Четвертое — считаете ли Вы нужным в собрании сочинений вступительную статью и биографические данные и кому Вы эту работу поручаете нам заказать. Пятое — согласно наши <м> личны <м> переговор <ам> необходимо письменное сообщение Ваше об аннулировании договора на книгу “Рябиновый костер” <см.: 20 июня 1925, вторая запись>, поглощаемую договором на “Собрание сочинений”.

Необходимо самое срочное уведомление отдела по адресу: Москва, Рождественка, уг. Софийки, д. 4/8, Госиздат, Литературный отдел (комната № 41), по всем намеченным вопросам.

Ваш И. Евдокимов».

Письма, 288–289.

См.: 30 июня 1925, первая запись; 3 июля 1925, вторая запись; 7 июля 1925, первая запись; 19 июля 1925, первая запись; 21 июля 1925, вторая запись; 3 авг. 1925, первая запись; 12 авг. 1925, 11 или 12 сент. 1925; 12 сент. 1925, первая запись; 22 сент. 1925, вторая запись; 10 окт. 1925; 15 окт. 1925, первая запись; после 20 окт. 1925; окт. — до 26 нояб. 1925; конец нояб. 1925, первая запись; 9–11 часов утра 23 дек. 1925.

Парижская газета «Звено» (№ 134) публикует материалы, в которых говорится о Есенине:

— статью С.И.Португейса «Есенин, Маркс и советская критика» (подпись: «Ст.»).

Это отклик на статью А.К.Воронского «На разные темы» в № 5 альманаха «Наши дни» (см.: 24 февр. 1925).

Публицист пишет:

«Сергей Есенин решил, наконец, остепениться, т. е. приняться за изучение “Капитала”. Об этом он счел нужным поведать миру в “Стансах”, напечатанных в газете “Заря Востока” <см.: 26 окт. 1924, первая запись; о цензурном искажении в строке “Я не чета каким-то там болванам”, где последнее слово поэту не принадлежало, см.: Есенин, II, 433>. Выдержки из этого стихотворения мы находим в № 5 альманаха “Наши дни” <протитированы, так же, как и в “Наших днях”, 2-я, 3-я, 6-я, 7-я и три последних строфы>. Чего, казалось бы, лучше? А вот подите же: советская критика всё еще недовольна. В той же книге “Наших дней” А.Воронский подвергает приведенное стихотворение самой беспощадной критике. Дескать, “очень хорошо, что Сергей Есенин, хотя и с большим запозданием, решил стать певцом и гражданином «великих штатов СССР» и «тихо» засел за Маркса: поучиться у Маркса многим и многим из наших поэтов в самом деле давно пора”. Однако “«Стансы» режут слух как гвоздем по стеклу: они небрежны, написаны с какой-то нарочной, подчеркнутой неряшливостью, словно поэт сознательно хотел показать: и так сойдет. Но хуже всего даже не эти «фунты изюма», не «писнуть», даже не скучная, сырая рифмовка стиха, — хуже всего, что «Стансам» не веришь, они не убеждают. В них не вложено никакого серьезного, искреннего чувства, и клятвы поэта звучат сиром и фальшиво”. Далее г. Воронский высказывает ужасное предположение, что в стихотворении “верно пока одно: жалобы поэта на скуку от Маркса”. Бедный Есенин!

Но вот что показательное. Несколько вялый энтузиазм поэта заставляет г. Воронского в той же статье подойти вплотную к вопросу о взаимоотношениях между правящей партией и литературой. Оказывается, что не приходится ждать пользы “от литературного цуканья, когда от художника требуют марксизма и коммунизма целостного, законченного и завершенного, именно на все 100%”. Более того, “это — прямая опасность для литературы. Внешне, на виду у нас может казаться всё благополучно; будет всё по форме — и Маркс, и Ленин, и индустриальная <так!> мощь: а на деле — расхождение показного творчества с внутренними потенциями художника, с его эмоциями и мыслями”.

Само собой разумеется, без палки нельзя, но бить нужно остороженько, по Домострою: “наша публицистика и критика обязаны толкать и подталкивать поэтов и прозаиков, которые отстают, плетутся в хвосте, ковыляют, вязнут в трясине прошлого или не глядят себе под ноги, считая землю грешной и вредоносной эмпирией. Но прикладом, но литературной матерщиной, но лихими наскоками и кавалерийскими рейдами, но подсви-

ствиванием и улюлюканием ничего путного не достигнешь. Художнику нужно дать возможность идти своими тропами; пусть он идёт к нам окольными, кривыми путями, медленно, спотыкаясь, оступаясь, но идет, не изменяя себе". В том, что все обязаны идти к "ним" — у критика, конечно, сомнений нет. Весь вопрос только в аллоре».

Благодаря этой статье извлечения из «Стансов» достигли читателей русского зарубежья. После того как они, по словам И.А.Бунина, «случайно попались» ему «на глаза», писатель дал произведению отрицательную оценку, имея в виду, прежде всего, шестую и седьмую его строфы (см.: 12 окт. 1925, первая запись).

См. также: 25 мая ... 2 июня 1925;

— очередную из «Литературных бесед» Г.В.Адамовича, посвященную стихам пролетарских поэтов:

«Демагогически-верхарновские стихи пролетарских поэтов — самая слабая часть их «багажа». Это самые лубочные, самые плоские и фальшивые их стихи, художественно наиболее нелепые. И наоборот: в последнее время всё чаще встречаются у советских стихи «крестьянские», деревенские, внушенные русской природой и простым, подлинным бытом России. Эти стихи отражают много влияний: Блок, Есенин, очень часто Кольцов и Никитин. Но сквозь влияния чувствуется иногда живой голос, и иногда очень малого недостает, чтобы стихи Крайского или Панфилова стали «настоящими» стихами».

В письме из Мёдона (пригород Парижа) В.Ф.Ходасевич сообщает редактору «Современных записок» М.В.Вишняку о решении не печатать свой материал о Есенине, обещанный журналу.

Ходасевич В. Собр. соч. В 4 т. М.: Согласие, 1997, т. 4, с. 489.

См. также: до 14 авг. 1925, вторая запись.

Август, 25. Газета «Вечерняя Москва» (№ 192; раздел «Хроника литературы и искусства») извещает о предстоящем выходе в Берлине нового журнала «Russische Rundschau»:

«Содержание первой книги: рассказы М.Горького, И.Эренбурга, Вл. Лидина, И.Бабеля, М.Зошенко, Л.Леонова и Л.Сейфуллиной. — Стихи: А.Блока, Б.Пастернака, С.Есенина и В.Маяковского. Статьи: Е.Замятина (о литературе), П.Маркова (о театре), проф. Э.Бёме (о русской литературе в Германии) и С.Либермана (о русской поэзии)».

Журнал выйдет в октябре 1925 г. Стихов Есенина в нем нет (сообщено Дагмар Кассек).

Ленинградский журнал «Жизнь искусства» (№ 34) публикует начало статьи Г.Адонца «О поэзии Есенина».

Резко отрицательно оценивая «неизлечимую», по его мнению, лирику Есенина, критик пишет:

«Современность требует от своих поэтов яркой, определенной идеологии. Узкие рамки личных переживаний не могут теперь претендовать на какую-либо значимость. А Есенин за эти рамки не выходит и, вероятно, не может выйти. Его кажущееся буйство, его творческое "хулиганство", как он любит выражаться, в сущности не что иное, как самая монотонная, сладенькая лирика, расцвеченная нарочито грубыми словечками и преднамеренно резкими, отталкивающими образами».

В подтверждение критик обращается прежде всего к «Не ругайтесь! Такое дело!..», усмотрев в нем «мотивы полнейшего отчаяния, полнейшей оторванности от жизни».

Прочитывая строки «Будь же холоден ты, живущий, // Как осеннее золото лип...», — критик возмущается:

«Холоден?! Живущий в наши кипучие дни? О лирическая цепочка, как ты крепка!.. И хочется выписать одну строчку из стихотворения <...>: Скучно мне с тобой, Сергей Есенин! Да, невесело!..»

Сославшись на строки из «По-осеннему кычет сова...» («Без меня будут юноши петь...»), Г. Алонц предрекает:

«“Юноши”-то, т. е. современная молодежь, конечно, не запоют вместе с меланхолическим Есениным; но вот насчет “старцев” — другое дело... Для них, вероятно, в его стихах кое-что будет приятно, прозвучит так родственно, знакомо... “Не жалею, не зову, не плачу. Всё пройдет, как с белых яблонь дым”. Этот мотивчик интересующие Есенина “старцы”, по всей вероятности, подхватят весьма охотно хрипылыми, дрожащими, подходящими к подобной лирике голосами».

Вырезка — Тетр. ГЛМ,

См. Приложение.

О продолжении статьи см.: 1 сент. 1925, первая запись.

Август, 26. О.К.Толстая пишет дочери из Москвы.

Отвечает на ее «первое большое письмо» (см.: 29 июля — 26 авг. 1925, первая запись; 13 авг. 1925):

«Спасибо тебе, моя родная девочка, что написала так подробно обо всем и, кажется, правдиво, без прикрас влюбленной женщины. Дай-то Бог, чтоб Сергей действительно старался, боролся. Главное, чтоб он *сознал* необходимость бросить пить, всю гибельность этого яда».

Сообщает о получении телеграммы от Есенина (см.: 24 авг. 1925, первая запись). Беспокоится в связи с его предстоящим возвращением в Москву:

«Боюсь я этого для него очень, опять здешняя компания собьет его с пути. Будем с Илюшей <И.И.Есениным> выпроваживать его поскорей...»

Письма, 359.

Август, 27. Приехав из Мардакян в Баку, Есенин, вступив в конфликт с милиционером, препровождается в 5-й район (т. е. отделение) милиции и помещается в общую камеру. Подвергается побоям со стороны представителей правоохранительных органов.

События и их дата устанавливаются по сопоставлению содержания писем С.Ф.Файнштейна и П.И.Чагина к С.А.Толстой (см.: 28 авг. 1925, вторая запись; 28–29 авг. 1925; 29 авг. 1925, первая запись) и письма С.А.Толстой В.Ф.Населкину (см.: 29 авг. 1925, вторая запись).

Причину задержания Есенина называет в своих воспоминаниях Е.А.Гурвич (1965):

«Это было незадолго до отъезда Есенина из Баку. Поэт повздорил на улице с милиционером. Тот его толкнул, а Есенин в ответ дал ему пощечину. На свисток милиционера появился другой, и повели поэта в пятый район милиции. Есенин сник, опустил голову и покорно последовал за милиционерами, а там до выяснения дела его заперли в общую камеру».

Юсов-2012, 517 (публ. Н.Г.Юсова и Г.И.Шипулиной).

В тот момент, по словам Е.А.Гурвича, он предпринял ряд действий, чтобы помочь поэту освободиться из-под стражи:

«Узнав про это, я помчался в район милиции <...>. Моя просьба выпустить поэта ни к чему не привела. Начальник района милиции боялся начальника гормилиции — требовательного Шекинского».

Это была правда. Шекинский был строг и пунктуален. Я разыскал Шекинского, но ничего у него не добился.

— Поэт — не поэт, — сказал он, — но он нарушил порядок, да еще милиционера ударил, и должен за это отвечать.

Единственное, что он сделал, — велел выпустить поэта из общей камеры, где пьяницы и хулиганы успели избить его <ср., однако, со словами П.И.Чагина о выговоре за побои вовсе не сокамерникам Есенина, а “милицейскому начальству”>: 29 авг. 1925, первая запись».

Юсов-2012, 517 (публ. Н.Г.Юсова и Г.И.Шипулиной).

См. также: 28 авг. 1925, вторая запись; 28–29 авг. 1925; 29 авг. 1925, первая запись.

Август, 28. В московских «Известиях ЦИК СССР и ВЦИК» (№ 195; раздел «Критика и библиография») — рецензия И.Машбиц-Верова на книги библиотечки «Огонька» с упоминанием Есенина:

«... Удачная идея, хорошее издание, хорошее оформление, портреты, состав авторов, тираж, но дороговатое издание <...> тут и Бабель, и Сосновский, и Радек, и Безыменский, и Есенин, и Лелевич, и Горький».

С.Ф.Файнштейн сообщает С.А.Толстой в Мардакяны:

«Я был более чем уверен, что Сергея вчера <27 авг.> выпустили. Ночью <...> Муран <...> сообщил, что Сергея привезли <в милицию> обратно. Я звонил час к П.И.<Чагину>, но его нигде не нашел. То же сегодня утром. Сейчас я звонил Шекинскому и потребовал (имею ли я право???) прекратить издевательство. Он обещал поговорить с Конушкиным <председатель Бакинского горсовета>, и я позвоню ему через пятнадцать минут. <...> Буду звонить по всем телефонам, — либо сам сяду, либо Сергея выпустят».

Письма, 359.

См.: 27 авг. 1925.

Есенина выпускают из-под стражи, и он приходит на квартиру И.И.Болдовкина.

См. 27 авг. 1925 и след. запись.

Август, 28–29. После пребывания на квартире И.И.Болдовкина Есенин вновь оказывается в 5-м районе (отделении) милиции.

Проводит там ночь и почти весь следующий день.

События устанавливаются по письму П.И.Чагина к С.А.Толстой (29 авг. 1925):

«...вчера <...> во дворе при выходе <из квартиры И.И.Болдовкина> он <Есенин> походя забрал какую-то собачонку, объявил ее владелице, что пойдет с этой собачонкой гулять, хозяйка подняла визг, сбежалась парапетская публика, милиция, и Сергей снова <...> в 5-м районе».

Ср. также с письмом С.А.Толстой к В.Ф.Наседкину (29 авг. 1925):

«Сiju со своим драгоценным с Божьей помощью четырнадцать часов в 5-м районе милиции города Баку. Они изволили <...> ударить из Мардакян и в результате две ночи подряд провели в этом прекрасном месте. <...> Утром пришла его выручать и просидела с ним весь день. Здесь всякие люди погибаются и не хотят его пускать. Он весь, весь побитый и пораненный. Страшно милый и страшно грустный».

Письма, 360–361.

См. предыд. записи.

Позднее С.А.Толстая начнет свои воспоминания об этом эпизоде с таких слов:

«Пьяным он <Есенин>, грубый и жестокий с людьми, не терял, а только усиливал свою огромную нежность к животным. В пивных, на улицах — всюду он обращал внимание на кошек и собак. Однажды в Баку, без меня, он увлекся какой-то собачонкой и хотел идти с ней гулять (он был пьян), хозяйка собаки стала ее отнимать, С<ергей> не отдавал, поднялся скандал, и в результате он попал в милицию».

ГМТ, ф. 48, без шифра.

Август, до 29. В советском торгпредстве в Берлине проходит закрытый вечер Э. Каминской с чтением стихов современных поэтов, в т. ч. Есенина.

Событие и его граница устанавливаются по газетному отчету, где, в частности, оценивается репертуар актрисы:

«...Есенин, из которого исполнительница выбрала наислабейшее — “Москву кабацкую” и “Исповедь хулигана”, впрочем, словечки Есенина оказались отсюда убранными. Плохие стихи — как их ни читай — всё будет плохо».

Офросимов Ю. «Званный вечер с торгпредами» (Вечер новой поэзии). — Газ. «Руль», Берлин, 1925, 29 авг., № 1441.

Были прочитаны также стихи В.Маяковского, Н.Тихонова, Е.Полонской, Н.Гумилёва, А.Блока, А.Ахматовой, В.Ходасевича, Р.Ивнева, А.Кусикова, А.Мариенгофа, В.Шершеневича, Н.Эрдмана.

Август, 29. П.И.Чагин пишет С.А.Толстой в Мардакяны:

«Только что звонили из 5-го района по просьбе Сергея — очевидно, приходит в себя, просит принести ему переодеться и что-нибудь покушать. Просьба обращена к Вам.

Попутно рапортуя последнюю сводку с боевого есенинского фронта <подробнее см.: 28-29 авг. 1925>. Сергей снова в тихом пристанище — в 5-м районе. Телефонными звонками сейчас же милицейское начальство было предупреждено с выговором за первые побои о недопустимости повторения чего-либо в том же роде. Я предложил держать его до полного вытрезвления, в случае буйства связать, но не трогать. Так оно, видимо, и было сделано. Для наблюдения за этим делом послал специально человека».

Письма, 360.

См.: 27 авг. 1925; 28 авг. 1925, вторая и третья записи.

По получении письма от П.И.Чагина С.А.Толстая приходит в милицию за Есениным и, ожидая его освобождения, пишет В.Ф.Наседкину.

Рассказывает о причинах своего появления в милиции (подробнее см.: 28–29 авг. 1925). По окончании рассказа восклицает:

«Васенька, я хочу домой! Скажите им, чтобы они нас <с Сергеем> выпустили!»

Описывает Мардакяны и их жизнь с Есениным там (подробнее см.: 28 июля — 26 авг. 1925, первая запись).

Пишет о самочувствии Есенина и о своих ощущениях от начала совместной жизни с ним:

«Как Сергей себя чувствует душой и телом, очень мне трудно сказать. Выглядит он, кажется, немножко лучше. А вообще он кволенький, и у меня за него сердце болит, болит. Куда поедем отсюда, еще окончательно не решили, но на днях уедем — надоело. Я хочу туда, где будет хорошо ему, а мне всюду хорошо с ним. Я всё дальше иду по той дороге, на которую ступила на Ваших глазах. Мне очень хорошо и очень серьезно».

Письма, 360–361.

По освобождении Есенина из 5-го района милиции он вместе с С.А.Толстой уезжает в Мардакяны.

Время события устанавливается по содержанию письма П.И.Чагина Есенину (см.: 30 авг. 1925, первая запись).

Калужская газета «Коммуна» (№ 195; рубрика «Книжная полка»; подпись: «Н. В.») публикует рецензию на книгу пятую журнала «Красная новь» с упоминанием Есенина:

«Стихи представлены В.Казиним, по-прежнему прощающимся с днями кабацкой удали С.Есениным <...> и давшим удивительно цельный по теплоте переживаний “От-вет” В.Наседкиным...».

См.: до 15 июня 1925, первая запись; 3 июля 1925, пятая запись.

Нью-йоркская газета «Русский голос» (№ 3574) дает анонс следующего номера газеты, отмечая предстоящую публикацию в нем стихотворения Есенина.

См. 30 авг. 1925, вторая запись.

Август, 30. П.И. Чагин пишет Есенину из Баку в Мардакяны:

«Дружище Сергей,

ты восстановил против себя милицейскую публику (среди нее есть, между прочим, партийцы) дьявольски <см. предыд. записи>. Этим объясняется, что при всей моей нажимистости два дня ничего не удавалось мне сделать. А обещали мне вчера устроить теб-бя в больницу, но, видимо, из садистических побуждений милиция старалась тебя дол-ше подержать в своих руках.

Удержись хоть на этот раз. Пошади Софью Андревну. <...> Загляни. Что забился в нору? Только — крепись. Нахулиганено достаточно. *Будя!*».

Письма, 289; курсив автора.

Нью-йоркская газета «Русский голос» (№ 3568, воскресное приложение) перепечатывает стихотворение Есенина «Я иду долиной. На затылке кепи...»

См. также: 18 июля 1925, первая запись; 4 авг. 1925, первая запись; 6 авг. 1925, первая запись; 9 авг. 1925, вторая запись; вторая половина сент. 1925; 26 сент. 1925, вторая запись.

Нью-йоркская газета «Новое русское слово» (№ 4599; рубрика «Литература и искусство»; раздел «Поэзия») под заголовком «Стихотворения Сергея Есенина» помещает его стихотворение «Несказанное, синее, нежное...».

См. также: янв. (?) 1925, первая запись; 5 апр. 1925, первая запись; 7 апр. 1925, вторая запись; 26 апр. 1925, вторая запись; 10 мая 1925, вторая запись; 19 июля 1925, вторая и шестая записи.

Август, до 31. Е.К. Николаева сообщает Андрею Белому и К.Н. Васильевой о браке Есенина с С.А. Толстой.

Граница события и его содержание устанавливаются по письму Е.К. Николаевой к С.А. Толстой от 31 авг. 1925 г.:

«Твой брак произвел огромное, ошеломляющее впечатление в широких слоях населения: от “публики” просто до Андрея Белого. Когда я рассказала об этом ему и Клавдии Николаевне <Васильевой>, они очень изумились. Борис Николаевич открыл свои удивительные глаза, которые он открывает вполне только по большим праздникам, и несколько раз потом возвращался к этому. Ему кажется это удивительным, но, “может быть, Софья Андреевна окажется той твердой линией, которая сможет выпрямить жизнь Сергея Александровича”. Его Борис Николаевич очень любит и ценит. И он и Клавдия Николаевна знали его первую жену (жену Мейерхольда <З.Н. Райх>) и считают, что в ином отношении, но в каком-то смысле ты — продолжение этой линии, что в тебе есть твердость, которая трудно поддается определению, но что она-то может помочь Есенину».

Письма, 362.

Август, 31. Есенин телеграфирует И.В.Евдокимову:

«Приезжаю».

Есенин, VI, 223, 727–729.

Е.К.Николаева пишет С.А.Толстой из Москвы.

Это ответ на несохранившееся письмо, в котором С.А.Толстая, очевидно, поделилась с подругой событиями первого месяца совместной жизни с Есениным.

Из письма Е.К.Николаевой:

«Моя дорогая! Ведь о твоём замужестве узнала я еще на вокзале от тебя <см.: 15 июня 1925, шестая запись>, но тогда это было в будущем. <...>

Я рада, если тебе хорошо! Рада, что “просто и счастливо”, если для Есенина это будет последней прочной любовью».

Сообщает о впечатлении, произведенном на А.Белого и К.Н.Васильеву известием о браке Есенина и Толстой (см.: до 31 авг. 1925).

Письмо заканчивается словами:

«Есенина люби и целуй! Я его очень любила и люблю».

Письма, 362.

Август. Есенин пишет стихотворения «Над окошком месяц. Под окошком ветер...», «Листья падают, листья падают...»

Есенин, I, 230, 235–236, 630–631, 633.

О публикациях см.: 2 сент. 1925; 30 сент. 1925, первая запись; до 21 окт. 1925, 25 окт. 1925, первая запись.

Пражский журнал «Воля России» (№ VII–VIII; за июль-август) публикует материалы с упоминанием Есенина:

— отрывки из книги Н.Мельниковой-Папоушковой «Блок» (рубрика «Россия»):

«Эта линия русского мышления и поэзии <скифство>, кроме Блока, запоет громко голосами Есенина, Клюева и Орешина»;

— информацию о содержании № 27 журнала «Наш огонек» (раздел «Книжный указатель»):

«Авторы: Стихи: Сергей Есенин, Михаил Голодный, С.Аничкова...»

Месяц выхода издания — по информации журн. «Книжный указатель» (1925, сент., № 8).

См.: 4 июля 1925, седьмая запись.

Август (?). В Ростове-на-Дону выходит журнал «Лав» (№ 2/3; за июль-август) со статьей И.Т.Филиппова «Лицом к Советской стране: (О переломе в творчестве Есенина)».

Критик, в частности, пишет:

«Обратив <...> внимание на советскую действительность, Есенин уже успел дать ряд очень ценных картин и образов. Он пишет мощную балладу о двадцати шести расстрелянных в Закаспии бакинских коммунистах, которые, вставая из могил по ночам, видят возрожденный руками пролетариата Азербайджан, и в этом — оправдание своей борьбы и гибели. Пишет прекрасное стихотворение о беспризорных детях “Русь бесприютная” <...>

Наконец, в своих недавних стихах Есенин дает ряд метко наблюденных и четко выраженных типичнейших штрихов лица современной деревни. <...>

Прекрасны также его строки о “новой эре”, которая “не фунт изюму”, и, наконец, совсем по-новому вычерчиваемый образ Ленина <...>.

После всего приведенного можно считать правильным заключение Есенина, что он — “самый яростный попутчик”. <...>

Правда, он часто издевается над собой за свою отсталость, завидует тем, “кто жизнь провел в бою, кто защищал великую идею”, что проглядел революцию, что он одолеть никак не мог пяти страниц из “Капитала”. Но всё это дело поправимое, коли он всерьез собирается быть настоящим сыном СССР, сесть за Маркса, “чтоб разгадать премудрость скучных строк” и, наконец, “задрав штаны, бежать за комсомолом”.

В общем, в своей автохарактеристике как человека, одной ногой остающегося пока в прошлом, он прав. Но не в этом дело. Важен перелом, “лиха беда — начало”.

См. Приложение.

Август ... Сентябрь, начало (?). В издательстве «Космос» (Харьков или Киев) выходит книга стихотворных пародий «Парнас дыбом: Про козлов, собак и веверлеев. Андрей Белый, К.Д. Бальмонт, Вл. Маяковский, С. Есенин, А. Ахматова, О. Мандельштам, Вас. Каменский, Саша Чёрный, А. Ремизов, Демьян Бедный».

Время выпуска сборника отмечается предположительно с учетом того, что он значится в перечне книг, поступивших в редакцию журнала «Современные записки» (Париж) для отзыва, который помещен в его XXV-м номере, в свою очередь, вышедшем в свет до 20 сент. 1925 (см.).

Текст пародии, подписанной «Сергей Есенин» и датированной: «1919 г.» (автор А.М.Финкель):

Рязанские лошины,
 Коломенская грусть.
 Одна теперь в долине
 Живу я и томлюсь.
 Козел мой златорогий
 Гулять умчался в лес.
 И свечкой четверговой
 Горел край небес.
 Рычали гневно тучи,
 Мотали головой,
 Уступы тьмы гремучей
 Глотали тучий вой.
 Я проклиная Китеж
 И тьму его дорог.
 Восстал бездонный вытяж,
 Разорван козий бог.
 Стучали волчьи зубы
 В тарелки языков.
 Опять распят, погублен
 Козлиный Саваоф.
 О лебедь жгучих рожек
 И ножек серый гусь.
 Рязанские дорожки,
 Коломенская грусть.

О раскрытии авторства участвовавших в книге пародистов см.: Паперная Э., Финкель А. Как создавался «Парнас дыбом» (ВЛ, 1966, № 7, с. 234–241).

Сентябрь, 1. Ленинградский журнал «Жизнь искусства» (№ 35) дает окончание статьи Г. Адонца «О поэзии Есенина».

Не принимая последних революционных стихов поэта, автор делает вывод:

«Есенин — весь в прошлом и чужд современности».

О поэме «Песнь о великом походе» критик пишет:

«Описывая октябрьский переворот и последующую эпоху гражданских войн, Есенин скользит по важнейшим революционным событиям чрезвычайно легко, с налету, частушечным дурашливо-юмористическим приемом... <...>

Тут — кровавая борьба пролетариата с вековыми врагами, смерть, решительный бой, а Есенин вспоминает про “баночку”...

Картины Великой Русской Революции Есенин не дал, даже отрывочной, эскизной... Нарочито скороморешский тон, не крепкий, не пролетарский, а какой-то низкопробно-эстрадный подход к темам...»

Вырезка — Тетр. ГЛМ,

Начало статьи см.: 25 авг. 1925, вторая запись.

Нью-йоркская газета «Русский голос» (№ 3577) печатает статью А. Ветлугина «День за днем. Кружковщина в литературе», в которой говорится о Есенине:

«О состоянии современной русской молодой литературы я знаю не больше любого другого внимательного зарубежного читателя.

Плюс несколько писем от друзей, плюс несколько бесед с прибывшими “оттуда”.

Но я не могу отделаться от мысли, что там, в России, несколько преувеличивают значение и роль замкнутой литературной касты, кружка, группы...

Мне передавали (сам я этого не слышал), что большой русский поэт <В. Маяковский> в публичном докладе, прочитанном за границей <см.: 14 авг. 1925, третья запись>, более чем отрицательно и пренебрежительно отзывался о другом русском поэте <Есенине>, чье имя на волах не вытащить из истории русской поэзии и роста русского творческого сознания.

Поэт, читавший доклад, видите ли, принадлежит к другой группе. Слово с окончанием на “изм”, обозначающее его литературную, так сказать, породу, начинается другими буквами, чем слово, оканчивающееся на тот же “изм” и обозначающее породу другого поэта...

В оправдание поэта, читавшего доклад, необходимо сказать, что находишься он в Москве, а его “враг” в Нью-Йорке, враг отозвался бы о нем столь же пренебрежительно.

<...> Полутора года лет еще не исполнилось русской литературе.

И молодость всегда друг друга шапками закидывает.

Флобер и Мопассан рассыпаются в похвалах друг другу, хотя меж Флобером и Мопассаном дистанция такого же огромного размера (в приемах творчества и мышления), как меж Есениным и Маяковским».

См. также: 14 авг. 1925, третья запись; 10 сент. 1925, шестая запись.

Журнал «Город и деревня» (№ 16/17) публикует рецензию В. Красильникова на книги Есенина «Березовый ситец», «О России и революции» и «Русь советская».

Ее текст практически полностью совпадает с текстом, посвященным этим книгам в другой рецензии критика, опубликованной в журнале «Книгоноша» (№ 26; см.: 31 июля 1925, вторая запись) — лишь название одного произведения («Мой путь») здесь заменено другим («Письмо к женщине»).

О сб. «Березовый ситец» см.: 1 апр. 1925, третья запись; 15 апр. 1925; 1 мая 1925, восьмая запись; 15 мая 1925, пятая запись; 21 ... 30 мая 1925; 22 мая 1925, первая запись; 1 июня 1925, третья запись;

1 ... 15 июня 1925; 5 июня 1925, первая и вторая записи; 10 июня 1925; 11 июня 1925; 12 июня 1925, первая — третья и пятая записи; с 12 на 13 июня 1925, вторая запись; до 15 июня 1925, вторая запись; 20 июня 1925, первая запись; 27 июня 1925, первая запись; 30 июня 1925, восьмая запись; 2 июля 1925, первая запись; до 7 июля 1925; 14 июля 1925, вторая запись; 26 июля 1925, седьмая запись; 31 июля 1925, вторая запись; 2 авг. 1925, третья запись; 11 авг. 1925, вторая запись; 10 ... 24 сент. 1925; 18 окт. 1925, первая запись; окт. (?) 1925, первая запись.

О сб. «О России и революции» см.: 11–12 дек. 1924; до 20 янв. 1925, четвертая запись; конец апр. ... до 4 мая 1925; 1 ... 15 мая 1925; 4 мая 1925, вторая запись; 2 (?) июня 1925; 31 июля 1925, вторая запись.

О сб. «Русь советская» см.: до 25 дек. 1924; 25 дек. 1924, первая запись; 21 янв. 1925, вторая запись; до 4 марта 1925; 28 июля 1925, четвертая запись; 31 июля 1925, вторая запись; 3 сент. 1925, вторая запись; 12 сент. 1925, седьмая запись; 27 сент. 1925, вторая запись; окт. (?) 1925, вторая запись.

См. Приложение.

Вечерний выпуск ленинградской «Красной газеты» (№ 213; рубрика «О книгах») помещает рецензию К. Дмитриева на журнал «Звезда» (1925, № 3), где говорится о Есенине:

«Интересны отдельные места в стихах Б. Соловьёва. Нехорошо только, что автор становится однообразным, повторяет уже знакомые тексты и интонации, близкие то к Есенину, то к Асееву».

См. также: 23 авг. 1925, вторая запись.

Сентябрь, 1 и 25. Журнал «Город и деревня» (№ 16/17 и 18) называет Есенина в числе авторов издания.

См. также: 5 марта 1925, четвертая запись; 20 марта 1925, вторая запись; 5 и 17 апр. 1925; 1 и 31 мая 1925; 25 июня 1925, вторая запись; 10 и 25 июля 1925; 15 авг. 1925, вторая запись; 5 окт. 1925, вторая запись; 7 и 30 нояб. 1925.

Сентябрь, 1 или 2. Есенин и П.И. Чагин фотографируются вместе с сотрудниками газеты «Бакинский рабочий».

Есенин, VII (3), [189] (№ 95), 259, с широкой датировкой: «1925. Баку».

Месяц события определяется здесь по косвенным признакам: на этом групповом снимке вид Есенина (его прическа и одежда) практически такой же, что и на отдельной его фотографии (САЕ, вкл. л. между с. 216 и 217), датированной в этой публикации — «сентябрь 1925 г.».

Числа отмечаются в соответствии с тем, что в этом месяце Есенин находился в Баку лишь в указанных дни (о его отъезде в Москву см.: 3 сент. 1925, первая запись).

На обороте фотокопии этого снимка (ГЛМ) — запись со слов М.А. Чагиной:

«2-й ряд — 1. (?); 2. — Яковлев; 3. — (?); 4. — Вихарт; 5. — П.И. Чагин; 6. — С.А. Есенин; 7. — В.Л. Фришберг; 8. — (?); 9. — Кваснин; 10. — Джавадьян <правильно Джавадян>; 11. — Муран. 3-й ряд — 1. Семен Файнштейн».

Есенин, VII (3), 260.

Сентябрь, 2. Газета «Бакинский рабочий» (№ 199) публикует стихотворения Есенина «Над окошком месяц. Под окошком ветер...» и «Листья падают, листья падают...» под общим заголовком «Новые стихи Сергея Есенина».

См.: авг. 1925, первая запись; 30 сент. 1925, первая запись; до 21 окт. 1925; 25 окт. 1925, первая запись.

Сентябрь, до 3. Сравнивая творимую им поэзию с водой кастальского источника, Есенин в то же время образно характеризует свое нелегкое душевное и телесное состояние.

Событие и его граница устанавливаются по воспоминаниям П.И. Чагина:

«Как-то в сентябре 1925 года, на даче, перед отъездом Есенина в Москву, я увидел его грустно склонившим свою золотую голову над желобом, через который текла в водоем, сверкая на южном солнце, чистая прозрачная вода.

— Смотри, до чего же ржавый желоб! — воскликнул он. И, приблизившись вплотную ко мне, добавил: — Вот такой же проржавевший желоб и я. А ведь через меня течет вода даже почище этой родниковой. Как бы сказал Пушкин — кастальская! Да, да, а всё-таки мы оба с этим желобом — ржавые».

Восп., 2, 163.

Сентябрь, 3. Есенин вместе с С.А. Толстой выезжает из Баку в Москву.

Событие, его дата и время отправления (11 часов утра) отмечаются по железнодорожному билету на поезд по маршруту Баку — Москва, сохраненному С.А. Толстой.

В.В. Базанов — ЕИС, 337–338.

Парижская газета «Последние новости» (№ 1644; рубрика «Новости литературы»); подпись: «И.») дает подборку материалов «Хроника советской литературы», среди которых — отклик на сборник Есенина «Русь советская»:

«Вышла книга стихов С.Есенина “Русь Московская” <так!>. Возвратясь к деревенским темам после стихов о загранице и о “Москве кабацкой”, Есенин по-новому видит деревенскую Русь и уже не прежними стихами поет о ней.

Его угнетает новая деревня с “агитками Демьяна”, с непонятным и иногда враждебным комсомолом. Деревенская политучеба противна ему. О “Капитале” он говорит:

Ни при какой погоде
Я этих книг, конечно, не читал.

Попадаются строчки, показывающие, что поэт уже не чувствует былой органической связи с “крестьянской родиной”:

Вот так страна! Какого ж я рожна
Орал в стихах, что я с народом дружен.
Моя поэзия здесь больше не нужна,
Да и, пожалуй, сам я тоже здесь не нужен».

Является пересказом рецензии на сб. «Русь советская», помещенной в ленинградской «Красной газете», с той же ошибкой в названии книги — «Русь московская» (см.: 28 июля 1925, четвертая запись).

О перепечатках материала см.: 12 сент. 1925, сельмая запись; 27 сент. 1925, вторая запись.

См. также: до 25 дек. 1924; 25 дек. 1924, первая запись; 21 янв. 1925, вторая запись; до 4 марта 1925; 31 июля 1925, вторая запись; 1 сент. 1925, третья запись; окт. (?) 1925, вторая запись.

Нью-йоркская газета «Новое русское слово» (№ 4603) помещает анонимную заметку «Сумасшедшие поэты», где заходит речь о Есенине:

«...о пьянстве и наркомании среди поэтов Советской России, о факте попытки (?) самоожжения поэтами Голаковым <Галановым?> и Ганиным; о поощрении пьянства

правительством путем продажи водки в непомерных количествах, “да еще при усиленном влиянии немецкого рынка, поставляющего кокаин в невероятных количествах”, вследствие чего “российский быт пополняется такими кровавыми фактами, как самосжигание молодых людей, только потому считающих себя поэтами, что они имеют счастливую возможность пьянствовать вместе с Есениным”».

Ср., однако: 30 марта 1925, четвертая запись.

Белградская газета «Новое время» (№ 1302) печатает краткий обзор К.Я.Шумлевича «Парижский вестник» (подпись: Ренэ Санс), с уоминанием Есенина:

«В литературной хронике <газеты “Парижский вестник”> рекламируются Серафимович, Сейфуллина, Демьян Бедный, Есенин. “Какие имена”!»

Сентябрь, 3 и 5. Московская газета «Известия ЦИК СССР и ВЦИК Советов» (№ 200 и 202) анонсирует выход № 7 журнала «Красная новь» со стихами Есенина.

См. также: 10 ... 24 сент. 1925; 15 сент. 1925, вторая запись; 16 ... 23 сент. 1925; 24 сент. 1925, третья запись; 25 сент. 1925, третья запись; 30 сент. 1925, вторая запись; 15 окт. 1925, третья запись; 1 нояб. 1925, шестая запись.

Сентябрь, 4. Нью-йоркская газета «Новое русское слово» (№ 4604) в материале «Русская жизнь в Праге. “Своими путями”» информирует о выходе «на этой неделе» № 6/7 журнала «Своими путями», «посвященного литературе современной России»:

«В журнале помещены произведения таких современных русских писателей, как С.Есенин, Всеволод Иванов, Мих. Зощенко и др.»

См. след. запись.

Сентябрь, после 4. В Праге выходит журнал «Своими путями» (№ 6/7; за май–июнь) с материалами Есенина и о Есенине.

Граница события определяется в соответствии с предыд. записью.

В номере публикуются:

— стихотворение Есенина «Русь советская» с посвящением: «А.Сахарову».

Отмечен источник перепечатки — журнал «Красная новь» (см.: до 23 сент. 1924). Под текстом — портрет Есенина работы С.Залшулина без обозначения фамилии автора (воспроизведение см.: Летопись, 3 (2), 415).

О других перепечатках произведения см.: 24 сент. 1924, первая запись; после 10 окт. ... нояб. 1924; до 25 дек. 1924; 17 янв. 1925, третья запись; до 20 янв. 1925, третья запись; февр. (?) 1925, третья запись; до 14 июня 1925; 27 сент. 1925, пятая запись; конец сент. ... до 16 окт. 1925, первая запись; 17 окт. 1925, третья запись;

— статья Александра Туринцева «Поэзия современной России»:

«Еще недавно было в моде разносить всех поэтов по рубрикам-школам: символисты, акмеисты, имажинисты, футуристы. И число школ всё множилось. Ибо в действительности происходило так: рождался поэт (просто поэт, не заявляющий, что он — такой-то школы) и вокруг него (большого!), как вокруг планеты — спутники. Поэт — сам по себе — поэт,

а со спутниками — школа. Создавался свой канон и нередко в него, как в капкан (*noblesse-oblige* <положение обязывает, *фр.*>) попадал и сам поэт — пиши по-школьному. Теперь вопрос о школах в прежнем его значении теряет свою остроту... С другой стороны, очень заметны поэты, стоящие особняком, которых невозможно (Пастернак) или трудно (Тихонов) причислить к какой-либо школе...

Не беря формального критерия, а условно и грубо проводя разделительные линии (главным образом, по реальным комплексам) в современной поэтической мешанине мы выделили бы: “старых” — предреволюционных поэтов (с примкнувшими к ним позже), группирующихся в Цехе Поэтов и вокруг альманахов “Русский современник”, “Россия” и отчасти “Круг” (Мандельштам, Ахматова, Г.Иванов, В.Рождественский, В.Нарбут, Радлова, Антокольский, Пяст, Кузмин, София Парнок и др.); таких же “старых”, но желающих обозначить собою новый левый фронт искусства, футуристов (Маяковский, Асеев, Третьяков, Кручёных, Каменский, Катаев и др.); самую обширную группу — пролетарских поэтов из “Кузницы”, “Октябрь”, “На посту” и др. (Безыменский, Жаров и др.); и, наконец, совершенно отдельно оставили бы Б.Пастернака, Н.Тихонова и С.Есенина — трех, на мой взгляд, наиболее интересных и больших современных поэтов. <...>

На молодняк <А.Безыменский, В.Казин, Александровский, Голодный> в СССР (справедливо, конечно) возлагаются все надежды. Они должны дать нового, здорового человека в его простой и сочной жизни. “Встает передовая Молодняка волна — И свежих дней кривая Ему поручена” (Н.Тихонов). Шумная, беспардонная компания, прущая в литературу и жизнь, заставляет, однако, многих с пугливостью смотреть на эти “грозовые входы”. Выросшие на старой ниве их уже не понимают, но пока сторонятся со смешанной долей удивления, некоего почтения и испуга. Тот же Есенин, в недавнем прошлом своем так пугавший эмигрантских критиков и принимаемый ими за представителя “молодняка”, — среди этого настоящего молодняка чувствует себя “иностранцем”, там, в своей деревне, где:

С горы идет крестьянский комсомол,
И, под гармонику наяривая рьяно,
Поют агитки Бедного Демьяна,
Веселым криком оглашая дол.

(Русь Советская>)

<...> Отмечая отдельно трех — Пастернака, Есенина, Тихонова, не думаю подойти к ним с одним ранжиром. Они такие разные. По-разному — большие, по-разному — свежие, но порознь и вместе характерные для современности, больше других уже сказавшие (пусть не для всех), и каждый — Поэт! <...>

В противоположность Пастернаку с его устойчивостью поэтического стержня и определенностью эмоционального колорита, другой из взятых мною — Есенин — очень неровен по силе поэтического напряжения и временами порывисто истеричен в преодолении проблем, встающих при укладке его мировоззрения.

О раннем, кротком Есенине, молящемся на “алы зори” и “причащаемся у ручья”, которому “кто-то тайный тихим светом напоил глаза <так!>”, писали (и хвалили!) уже многие. Но ошибочно было, хотя бы на основании только первых его стихов готовить ему место в ряду идиллических “деревенских” поэтов. В раннем Есенине, как и во всяком поэте в зачатке, в зернах были уже все этапы, коими можно отметить последующую душевную его параболу. Уже в “Радунице”, “Голубени” заметно касание его темам и настроениям, впоследствии с такой остротой развернутым. Основная гениальность поэзии Есенина — широкое, но элегическое приятие всего земного (“в радости убогой”) под знаком тленности его — выдержана с первых его стихов —

Всё встречаю, всё приемлю,
Рад и счастлив душу вынуть,
Я пришел на эту землю,
Чтоб скорей ее покинуть, —

или —

Всё приявшему с улыбкой
Ничего от вас не надо, —

и др.

Она перебивается взрывом бунта, подспудно всё же прорываясь (“Не жалею, не зову, не плачу” в “Песнях Забудыги”), и наконец закрепляется в настоящий период, становясь еще кротче, отрешеннее и светлее (“Мы теперь уходим понемногу в ту страну, где тишь и благодать”, “На Родине”, “Русь советская”). Другая излюбленная струна его лиры — Родина, Русь (в оправе сельской). Влюбленность в нее, кровная ею зачарованность вначале, — “Если крикнет рать святая: Кинь ты Русь, живи в раю, Я скажу: не надо рая, Дайте Родину мою” или

О Русь, малиновое поле
И синь, упавшая в реку,
Люблю до радости и боли,
Твою озерную тоску.
Холодной скорби не измерить,
Ты на туманном берегу,
Но не любить тебя, не верить
Я научиться не могу, —

страстная тоска и тревога за судьбы ее в “Инонии” и выпрямленная в рост, наперекор всему, большая твердая любовь к ней теперь (хотя бы, напр<имер>, в “Руси советской”) — незамирающие вариации на этой струне. Вероятно, этот же “порок” и вызвал у А.Воронского (Кр<асная> Новь, № 11, 1924 г.) фразу по меньшей мере юмористическую в устах литературного критика: “Есенин, чрезвычайно одаренный поэт... но этот поэт творит вещи сплошь и рядом вредные”.

Есенин — хулиган, скандалист, Есенин — бунтарь, Соловей-разбойник, по-русски сочетается в одно с Есениным тихим и религиозным опять-таки от начала.

Я одну мечту, скрывая, нежу,
Что я сердцем чист,
Но и я кого-нибудь зарежу
Под осенний свист.

И первое действие драмы — его городской период, столкновение “Москвы кабацкой” с антимашиным лиризмом, с проклятиями по адресу городской культуры — рано или поздно должно было начаться. Пройдя через нарочитую циническую распоясанность, через “Песни забудыги”, “Исповедь хулигана”, через богоборчество (во имя Бога!) — коллизия эта разрешается в утомленную элегию (возможно, не окончательную — до нового бунта). И теперь говорит он о себе:

Как дерево роняет тихо листья,
Так я роняю грустные слова.

Недостаток места не позволяет мне подробно остановиться на интереснейшем и ярком его этапе: на экстатически религиозном приятии революции, несущей “новый Наза-

рет”, на его борьбе, во имя новой “Звезды востока” со старым, с детства излюбленным “полевым” и кротким Христом. А ведь с последним воедино спаяна вся его прежняя, опозтизированная, крестьянская Русь и — сказав:

Я иным Тебя, Господи, сделаю,
Чтобы зрел мой цветочный дуг! <так!> —

неминуемо — “Проклинаю я дыхание Китежа И все лошины его дорог”, но сейчас же, сейчас же — “обещаю вам град Инонию, где живет Божество живых”. Нет, сколько бы ни извинялся Есенин (в предисловии к последнему собранию своих стихов) за “самый шекотливый этап свой” — религиозность, сколько бы ни просил читателя относиться “ко всем его Иисусам, Божьим Матерям и Миколам, как к сказочному в поэзии” <см.: 1 янв. 1924, первая запись>, для нас ясно: весь религиозный строй души его к кушему позитивизму сведен быть не может. И после того, как одержимое требование преобразования, жажда обрести немедленно же обетованную Инонию чуда не произвели, — отчаяния, богоотступничества — нет. По-прежнему взыскует он нездешних “неведомых пределов”. Неизменна его религиозная устремленность, порыв к Божеству, меняется лишь внутреннее освещение, обновляется содержание. Собственно бунт Есенина — символический изначальный Прометеев бунт. Он неизбежно вспыхнул бы в нем во всякое время, но на нем — печать современности: дисгармоничная эра революции в сплаве с дисгармонией личной придает схватке двух миров в драме Есенина значение общей изживаемой реальности.

Настоящий уклон Есенина к пушкинскому стиху, к спокойной классической форме определяется духовным переводом стрелки. Но сейчас уже его простота, не идиллическая лирика раннего Есенина для хрестоматий, а зрелая, широкая — как результат Sturm und Drang`а <бури и натиска — нем.>. Вступая на эту дорогу, Есенин теряет многие, специфически ему присущие краски (смачность, овеществленность образов, своеобразие и яркость словарного материала). Он как бы обезличивается традиционным каноническим стилем. Но, судя по его последним опытам, надо полагать, сумеет силой большего смыслового значения слов, хоральной полнотворностью эмоций оправдать некоторую обыденность вновь избранного пути».

Сентябрь, 6. По окончании трапезы в ресторане поезда «Баку — Москва» Есенину выставляется счет:

«Счет вагон-ресторан поезда Москва—

Баку № 6775 от 6 сент. 1925.

1/1 Портвейн 4-50

1/2 Орианда <так!> 1-50

3 яйца 30

Герб<овый> сб<ор> 06

Число 6/9 Итого: 6-31 <так!>».

ГЛМ, ф. 4, оп. 1, ед. хр. 339 (Рнв 243/8, л. 14).

«Орианда» (или «Ореанда»?) — возможно, марка минеральной воды.

По возвращении Есенина из вагона-ресторана в свое купе возникает инцидент между ним и дипломатическим курьером А.М.Рога.

В результате на поэта будет заведено уголовное дело. Начало этому «Делу» полагается актом № 5, составленным транспортным дежурным Тюленевым, комендантом охраны поезда «Баку — Москва» Кричевским, дипломатическим курьером НКИДа А.Рога, проводником вагона № 2244 Ульяновым и пассажиром, членом Моссовета Ю.Левитом:

«Мы, нижеподписавшиеся, составили настоящий акт 6/IX-25 г. в том, что при следовании п. № 2к на перегоне ст. Тула и Серпухов пассажир спального вагона № 2225 Сергей Есенин, граж<данин> Константиновского <так!> Кузьминской волости Рязан<ского> уезда, проживающий в гор. Москве, проходя из ресторана по смежному вагону № 2244, в котором ехал дипломатический курьер А.М.Рога, в которое купе хотел несколько раз вернуться. На просьбу граж<данина> Рога держать себя прилично, на что ответил Сергей Есенин площадной бранью, а также угрожал оскорбить т. Рога действием, что могут подтвердить ехавшие пассажиры спального вагона № 2244».

Есенин, VII (2), 464–465.

См.: 8 сент. 1925, вторая запись; 17 сент. 1925, вторая запись; 3 окт. 1925, третья запись; 15 окт. 1925, вторая запись; 17 окт. 1925, первая запись; 19 окт. 1925, первая запись; 21 окт. 1925, пятая запись; 27 окт. 1925, восьмая запись; 28 окт. 1925, третья запись; 29 окт. 1925, первая и вторая записи; 11 нояб. 1925, вторая запись; 12 нояб. 1925, первая и вторая записи; около 20 нояб. 1925.

Есенин и С.А.Толстая возвращаются в Москву.

Событие отмечается и датируется по календарной записи С.А.Толстой от того же числа:

«Приехали из Баку. Сёстры».

НН, 1995, № 34, с. 64.

В начале 1926 г. И.В.Евдокимов напишет:

«Скоро он <Есенин> появился в Москве. После жена Софья Андреевна рассказывала, что письмо <см.: 24 авг. 1925, вторая запись> его встревожило и явилось поводом уехать из наскучившего ему Баку, отменив назначенную поездку в Тифлис и Абас-Туман».

Восп.-95, 466.

Журнал «Красная нива» (№ 37) публикует стихотворение Есенина «Я помню, любимая, помню...» под заголовком «Я помню».

Название «Я помню...», по словам П.И.Чагина, дано редакцией журнала. В Собр. ст. Есенин это стихотворение не включил (см.: Есенин, IV, 436).

См. также: 17–24 июля 1925, первая запись; 4 авг. 1925, первая запись; 11 окт. 1925, четвертая запись.

См. Приложение.

В журнале «Огонек» (№ 37) — рекламное объявление о подписке с перечнем «Писатели, поэты и художники, печатающиеся в “Огоньке”», где значится имя Есенина.

См. также: 28 июня 1925, третья запись; 5, 12, 19 и 26 июля 1925; 9, 23 и 30 авг. 1925.

Нью-йоркская газета «Русский голос» (№ 3582; воскресное приложение) перепечатывает статью Г.Лелевича «Язык литературных фактов (О резолюции ЦК о художественной литературе в СССР)» с упоминанием Есенина.

Об источнике перепечатки см.: 9 авг. 1925, третья запись.

Сентябрь, после 6. Есенин посылает П.И.Чагину телеграмму:

«Баку. Бакинский рабочий. Чагину.

Передай издательству Бакраба относительно тысячи экземпляров Персмотивы.

Пятьсот Тифлис как я с ними говорил Сергей. Соня.

Кларе привет. Взятое высылаем».

Есенин, VI, 224, 729–731.

См. также: после 2 марта 1925, вторая запись; 22 апр. 1925, первая запись; до 26 мая 1925; 26 мая 1925; после 26 мая 1925; 29 мая ... 6 июня, или 10 июня ... 9 июля, или 16 ... 25 июля 1925; конец июня — 7 (?) июля 1925, первая запись; 1 ... 22 июля 1925; 3 (?) июля 1925; 4 июля 1925, вторая запись; 20 июля 1925, первая запись; до 24 июля 1925, первая запись; 31 июля 1925, вторая запись; 24 сент. 1925, четвертая запись; 17 нояб. 1925, вторая и третья записи; 20 нояб. 1925; 21 нояб. 1925, первая запись; нояб. (?) 1925, четвертая запись.

Сентябрь, 7. Есенин получает врачебные консультации.

Событие устанавливается и датируется по календарной записи С.А.Толстой от того же числа:

«Сёстры. Доктора».

НН, 1995, № 34, с. 64.

А.А.Есенина вспомнит:

«Не таким вернулся Сергей с Кавказа, каким он вернулся весной <в марте 1925 г.>. Тогда он приехал бодрым, помолодевшим, отдохнувшим, несмотря на то, что много работал. Трудно перечислить всё, что им было написано за несколько месяцев пребывания там. Но работа не утомила его, а, наоборот, прибавила энергии. Теперь он вернулся таким же, каким и уехал: усталым, нервным».

Восп., 1, 118.

С.Ф.Файнштейн отправляет Есенину и С.А.Толстой из Баку адресованное им письмо, сопроводив его запиской:

«Письмо из Москвы посылаю в Москву.

Сердечный привет дочери Андрея и сыну Александра.

All best wishes! <Наилучшие пожелания! — *англ.*> / Сеня».

ГМТ, ф. 48, без шифра.

К чьему письму была приложена эта записка, не установлено.

Сентябрь, 7 (?) – 15. Близкие Есенина хлопочут о его помещении в санаторий.

Событие и его верхняя граница устанавливаются по воспоминаниям В.Ф.Наседкина (см. ниже). Нижняя граница отмечается в соответствии с предыд. записью.

В.Ф.Наседкин напишет (1927):

«Новое местожительство <у С.А.Толстой>, видимо, начинало тяготить Есенина. Примерно в первой половине сентября он попросил Галю <Г.А.Бениславскую> найти ему квартиру. Квартира была найдена, и задаток оставлен. Но в тот же день задаток был взят обратно — повлиять на Есенина в некоторых случаях было очень легко.

Приблизительно в то же время такая же история получилась с санаторием Мосздрави.

От долгого пьянства нервы Есенина были расшатаны окончательно. Нужно было лечиться по-настоящему. Галя уговорила его отдохнуть в одном подмосковном санатории. Дня четыре она и Екатерина <Е.А.Есенина> хлопотали в Мосздраве. Наконец путевка получена, санаторий осмотрен; всё хорошо.

Но в последний момент Есенин ехать не захотел.

На его поездке в санаторий из близких настаивали не все».

Материалы, 226.

См.: 17 сент. 1925; 25 окт. 1925, вторая запись.

Сентябрь, 7–18. Есенин задумывает цикл стихотворений о русской зиме.

Верхняя граница события отмечается с учетом даты написания первого из этих стихотворений — «Эх вы, сани! А кони, кони!..» (см.: 19 сент. 1925, первая запись).

С.А.Толстая-Есенина вспомнит:

«Осенью 1925 г., вскоре после возвращения в Москву из Баку, Есенин несколько раз говорил о том, что он хочет написать цикл стихов о русской зиме. <...> В течение трех месяцев, почти до самой своей смерти, Есенин не оставлял этой темы и написал двенадцать стихотворений, в которых отразилась русская зимняя природа:

“Эх вы, сани! А кони, кони!..”, “Снежная замять дробится и колется...”, “Слышишь — мчатся сани, слышишь — сани мчатся...”, “Голубая кофта. Синие глаза...”, “Снежная замять крутит бойко...”, “Вечером синим, вечером лунным...”, “Плачет метель, как цыганская скрипка...”, “Ах, метель такая, просто чёрт возьми!..”, “Снежная равнина, белая луна...”, “Свищет ветер, серебряный ветер...”, “Мелколесье. Степь и дали...” и “Клен ты мой опавший, клен заледенелый...”. И в “Черном человеке”, и даже в одном из предсмертных стихотворений “Какая ночь! Я не могу...”, написанном в ноябре 1925 г. в клинике, отразились впечатления от сада в снегу, который Есенин видел из окна своей комнаты:

...Что липы тщетно маят нас,
В сугробы ноги погружая».

Восп., 2, 261–262.

Сентябрь, 7 ... 22, или 24 ... 30. Есенин надписывает фотографию 1919 г., где он снят вместе с друзьями-имажинистами, Г.Светлому:

«Есенин был такой: <сопровождено указанием на изображение>. А теперь? Теперь... Георгий, помни».

Есенин, VII (1), 291.

Адресат надписи и время, когда она была сделана («сентябрь 1925 г.») установлены А.А.Козловским (Есенин, VII (1), 495). Рамки события уточняются здесь в соответствии со сведениями о сентябрьском пребывании Есенина в Москве.

Надпись дается по копии, снятой А.А.Козловским с оригинала, местонахождение которого ныне неизвестно. Нет сведений и о том, на какой именно фотографии группы имажинистов (эти снимки 1919 г. см.: Летопись, 2, 642–644) она была выполнена.

Сентябрь, 7 ... 22, или Сентябрь, 24 ... Октябрь, 9. Есенин встречается с Б.Л.Пастернаком и В.И.Качаловым на квартире Б.Пильняка.

Событие отмечается по воспоминаниям В.И.Качалова (см. ниже), а его возможные рамки — с учетом сроков одновременного пребывания всех участников встречи в столице (см., в частности, 10–11 окт. 1925), а также условий жизни Есенина в Москве с 12 по 18 окт. 1925 г. (см. об этом: 12–15 окт. 1925; 16 окт. 1925, первая запись; 17 и 18 окт. 1925). Принято, кроме того, во внимание, что Б.Пильняк отсутствовал в Москве с 19 октября по середину ноября 1925 г. См. в связи с этим фрагмент из письма Б.Пильняка Вс.В.Иванову (19 окт. 1925), написанного в день отъезда из Москвы: «... в четверг вечером узнал о том, что в понедельник <т. е. как раз 19 окт.> должен уезжать...» (Пильняк Б. Письма: В 2 т. Т. II: 1923–1937) / Сост., подгот. текста, предисл. и примеч. К.Б.Андроникашвили-Пильняк и Д.Кассек. М.: ИМЛИ РАН, 2010, с. 247–248; указано К.Б.Андроникашвили-Пильняк).

Из воспоминаний В.И.Качалова:

«Осенью у Пильняка <с Есениным> сидим. Спорит, и очень убедительно, с Пастернаком о том, как писать стихи так, чтобы себя не обижать, себя не терять и в то же время быть понятным».

Восп., 2, 256.

См. также: 12 ... 14 или 15 (?) марта 1925; после 12 ... после 14 или 15 (?) марта 1925; 13 ... 16 или 20 ... 25 (?) марта 1925; 7 апр. 1925, вторая запись; 13 апр. 1925, вторая запись; 15 мая 1925, первая запись; 18 ... 23 (?) мая 1925, первая запись; 20 мая 1925, первая запись; 7 ... 15 июня 1925; 4–9 или 17–24 июля 1925; 25 нояб. 1925, третья запись.

Сентябрь, 8. Есенин пишет стихотворение «Сыпь, тальянка, звонко, сыпь, тальянка, смело!...»

Есенин, I, 241, 635.

См. также: 9 окт. 1925, первая запись; до 21 окт. 1925.

А.М.Рога подает рапорт об инциденте, произошедшем между ним и Есениным в вагоне поезда «Баку – Москва».

Этот рапорт был подан заведующему отделом виз и дипкурьеров НКВД, после чего вместе с актом № 5 <см.: 6 сент. 1925, вторая запись> был препровожден московскому губернскому прокурору для «привлечения гр. ЕСЕНИНА к надлежащей ответственности» за подписью управделами НКВД С.Дмитриевского и юрисконсульта Б.Александрова.

Есенин, VII (2), 465.

См. Приложение.

См.: 17 сент. 1925, вторая запись; 3 окт. 1925, третья запись; 15 окт. 1925, вторая запись; 17 окт. 1925, первая запись; 19 окт. 1925, первая запись; 21 окт. 1925, пятая запись; 27 окт. 1925, восьмая запись; 28 окт. 1925, третья запись; 29 окт. 1925, первая и вторая записи; 11 нояб. 1925, вторая запись; 12 нояб. 1925, первая и вторая записи; около 20 нояб. 1925.

Ленинградский журнал «Жизнь искусства (№ 36) дает анонимную информацию:

«С.Есенин подписал с Госиздатом договор на издание собрания сочинений».

Об издательском договоре поэта см.: 30 июня 1925, первая запись.

Анонсы издания см.: 7 июля 1925, четвертая запись; 23 авг. 1925, третья запись; 10 ... 24 сент. 1925; 1 окт. 1925, третья запись; 3 окт. 1925, четвертая запись; 21 окт. 1925, вторая запись.

Сентябрь, 9. Газета «Вятская правда» (№ 205; раздел «Библиография»; подпись: «К. Ал-ий») публикует рецензию К.Алтайского на книгу Б.Гусмана «Поэты. Пять характеристик» (издательство «Огонек»). В материале заходит речь о Есенине:

«Наиболее выдающимися, талантливыми и сильными поэтами Советской России, несомненно, являются эти пять, взятые Гусманом для характеристики: Демьян Бедный, А.Безыменский, С.Есенин, В.Казин и В.Маяковский.

У нас пока еще нет достаточно ясных, популярных, просто написанных характеристик этих поэтов.

Поэтому попытку Б.Гусмана заполнить этот пробел можно только приветствовать. Наиболее хорошо и подробно написаны характеристики В.Казина и Демьяна Бедного. Значительно бледнее — В.Маяковского и неполно Есенина».

О выходе книги см.: до 16 авг. — до 11 сент. 1925, вторая запись.

Сентябрь, 10. На квартире Г.А.Бениславской Есенин пытается написать доверенность на имя сестры:

«Я, находящийся в трезвом уме и твердой памяти, говорю! Все деньги, причитающиеся мне, Есенину, за пои <слово не дописано> только Екатерине Есениной»;

«10/25. Доверяю моей сестре Екате... <слово не дописано >».

Есенин, VII (2), 221, 364.

Текст не завершен и адресатом своевременно не получен.

К материалу приложена записка Е.А.Есениной:

«Две доверенности, написанные от 10/IX 25 г. и 3/VII 25 г. <см.: 3 июля 1925, третья запись>, переданы мне Галиной Артуровной Бениславской. Число “10/IX 25” помечено ее рукой».

См. также: Есенин, VII (2), 362, 364–365.

Г.А.Бениславской спустя два с лишним месяца запишет в своем дневнике:

«Трезвый он не заходит, забывает. Напьется — сейчас же 58–36 <5-83-61: квартирный телефон>, с ночевкой. В чем дело? Или у пьяного прорывается и ему хочется видеть меня, а трезвому не хватает смелости? Или оттого, что Толстая противна, у пьяного нет сил ехать к ней, а ночевать где-нибудь надо? Верней всего, даже не задумывался над этим. Не хочется к Толстой, ну а сюда так просто, как домой; привык, что я не ругаю пьяного и т. д. Была бы комната, поехал бы туда».

Материалы, 116.

См. также: 16 нояб. 1925, первая запись.

О.К.Толстая пишет дочери:

«Соня милая, дорогая моя девочка, как тебе не жаль меня? Неужели ты думаешь, что мне легче переносить неведение, нежели знать всю правду?

Уж один твой приезд, неожиданный, сразу подсказал мне, что что-то случилось, хотя я и старалась успокаивать себя, что ты просто боялась отпустить его одного и что “держат в секрете” надо было ради его “друзей”. Никакой насморк или головная боль (кстати, ты ею никогда до сих пор не болела) никогда не удержали бы тебя дома, если бы ты хотела меня видеть. А ты не хочешь, потому что *радостного* тебе мне сказать нечего.

Как я просила тебя свести С. А. к доктору! Сколько раз настаивала на своей просьбе! И под всякими предложениями вы откладывали. И вот вы до сих пор не женаты, *отчасти* из-за этого. Но хорошо, если всё только во временной задержке. А если он окажется настолько болен, что и совсем жениться нельзя? Ты можешь себе представить, как я мучусь от неизвестности. Что сказал доктор? *Только* ли туберкулез легких? Или и горла? Или еще что-нибудь ужасное? Соня, умоляю тебя, не скрывай от меня. Надо всё обсудить и решить, что делать. *Может быть, и тебе надо немедленно лечиться?* Всё, всё лучше, нежели эта неизвестность!

Если же дело всё в законных докторских требованиях (из-за туберкулеза), то опять-таки надо обсудить, т. к. с нашими связями мы, может быть, могли бы добиться разрешения на брак.

Только скажи мне искренно, по душе, хочешь ли этого, счастлива ли по-прежнему или уже раскаиваешься? Не бойся говорить правду, моя бедная, бедная девочка.

Конечно, очень неприятно давать прописывать паспорт С. А., из которого весь дом узнает, что вы до сих пор не женаты. Но сделать это надо обязательно, иначе они могут нам сделать неприятности. А дальше, судя по тому — будете ли жениться или нет, надо выхлопотать бумагу — ордер из КУБУ. Ответь мне, Соня, хотя бы кратко, что сказал доктор, *что найдено? И здорова ли ты?* Ради Бога, умоляю тебя. Я не живу эти дни! Соня милая, ответь».

Письма, 362–363.

См. также: 15 сент. 1925, первая запись.

М. Горький пишет из Сорренто Ромену Роллану о молодых литераторах Советской России, в т. ч. о Есенине:

«Литературная молодежь в России очень интересна и много обещает, но, действительно, — жить ей дьявольски трудно и морально, и материально. Свобода слова — уродливо ограничена, гонорары — нищенские, книги продаются плохо, новый читатель еще не вырос количественно, прежнего, вдумчивого читателя уже почти нет — вымер, эмигрировал <...>».

Получил сведения, что один из лучших поэтов Сергей Есенин умирает от туберкулеза гортани. Сгорел в десять лет, не успев создать ничего крупного, но имея на это все данные».

Письма, 363.

См. также: 30 сент. 1925, четвертая запись.

Д. К. Богомильский пишет Есенину:

«Уважаемый товарищ.

Посылая Вам последние, выпущенные нами издания, пользуемся случаем просить Вас прислать нам Ваши последние произведения для помещения в ближайшем Альманахе “Круг”. <...>

С товарищеским приветом / Зав. издательством Артели Писателей “Круг” / Д. Богомильский».

Письма, 289–290.

Стихи Есенина в этом альманахе в 1925–1926 гг. не публиковались.

Калужская газета «Коммуна» (№ 205; рубрика «Книжная полка») помещает рецензию Влад. Королева на альманах «Красная новь» № 1 с упоминанием Есенина:

«Есенин и В. Маяковский не дали ничего интересного».

Имеется в виду, в частности, стихотворение Есенина «Не вернусь я в отчий дом...».

О его публикациях см.: 17 мая 1925, первая запись; 20 июля 1925, вторая запись.

Другие отклики см.: 30 сент. ... 12 окт. 1925; 29 нояб. 1925, вторая запись; около 20 (?) дек. 1925.

В Нью-Йорке (Central Opera House) проходит публичное выступление В. В. Маяковского, в котором он дает оценку последним стихам Есенина.

Событие фиксируется по газетному объявлению, где приведена программа вечера (газ. «Русский голос», Нью-Йорк, 1925, 10 сент., № 3586).

Из отклика:

«В четверг вечером <10 сент. 1925> в огромном помещении “Сентрал Опера Хауз” состоялось второе выступление поэта пролетарской России Владимира Владимировича Маяковского.

Как и в первый раз, зал был набит как поклонниками таланта поэта, так и теми, которые вообще интересуются современной русской литературой.

На этот раз “вступление” Маяковского к чтению стихов носило политически-литературный и полемический характер...

Поэт коснулся критиков его первого выступления. Упомянул он и об упреке, сделанном по его адресу в “Русском Голосе” в связи с отзывом о творчестве крестьянского поэта Есенина <см.: 14 авг. 1925, третья запись>.

Маяковский считает Есенина безусловно талантливым, но консервативным. Есенин оплакивал гибель старой кулацкой “деревенщины” в то время, когда борющийся пролетариат Советской России вынужден был с этой “деревенщиной” бороться, так как кулаки

прятали хлеб и не давали его голодавшему городу. Но талантливость Есенина только усиливает необходимость борьбы с есенинским движением в Советской России, — заявляет Маяковский.

Маяковский, однако, отдает должное последним работам Есенина, начавшего сознавать необходимость “засесть за Маркса”».

[Б. п.] Второе выступление поэта Владимира Маяковского. — Газ. «Русский голос», Нью-Йорк, 1925, 12 сент., № 3588.

См. также: 1 сент. 1925, вторая запись.

Сентябрь, 10 ... 24. Выходит журнал «Печать и революция» (№ 5/6) с материалами, в которых упоминается Есенин.

Рамки события устанавливаются по информации «Бюллетеня торгового и периодического секторов Государственного издательства» (1925, № 16/17, 15 окт.) о выходе издания в период с 10 по 24 сент. 1925.

Журнал печатает:

— информацию отдела художественной литературы Государственного издательства:

«Отдел осуществляет в настоящее время ряд изданий собраний сочинений современных писателей: *Д.Бедного*, *С.Есенина*, *В.Маяковского*, *Л.Сейфуллиной* (4 тома), куда войдут последние еще ненапечатанные произведения автора, и *А.Серафимовича* (10 т.)» (курсив в журнале).

Об издательском договоре Есенина на указанное издание см.: 30 июня 1925, первая запись.

Его анонсы см.: 7 июля 1925, четвертая запись; 23 авг. 1925, третья запись; 8 сент. 1925, третья запись; 1 окт. 1925, третья запись; 3 окт. 1925, четвертая запись; 21 окт. 1925, вторая запись;

— список книг, полученных редакцией для отзыва, в том числе: «С.Есенин — Березовый ситец. Стихотвор<ения>».

См.: 1 апр. 1925, третья запись; 15 апр. 1925; 1 мая 1925, восьмая запись; 15 мая 1925, пятая запись; 21 ... 30 мая 1925; 22 мая 1925, первая запись; 1 июня 1925, третья запись; 1 ... 15 июня 1925; 5 июня 1925, первая и вторая записи; 10 июня 1925; 11 июня 1925; 12 июня 1925, первая — третья и пятая записи; с 12 на 13 июня 1925, вторая запись; до 15 июня 1925, вторая запись; 20 июня 1925, первая запись; 27 июня 1925, первая запись; 30 июня 1925, восьмая запись; 2 июля 1925, первая запись; до 7 июля 1925; 14 июля 1925, вторая запись; 26 июля 1925, седьмая запись; 31 июля 1925, вторая запись; 2 авг. 1925, третья запись; 11 авг. 1925, вторая запись; 1 сент. 1925, третья запись; 18 окт. 1925, первая запись; окт. (?) 1925, первая запись;

— информацию о выходе журнала «Красная новь» (№ 7) со стихами Есенина.

См. также: 3 и 5 сент. 1925; 15 сент. 1925, вторая запись; 16 ... 23 сент. 1925; 24 сент. 1925, третья запись; 25 сент. 1925, третья запись; 30 сент. 1925, вторая запись; 15 окт. 1925, третья запись; 1 нояб. 1925, шестая запись.

Сентябрь, 11. Издательство «Круг» обращается с письмом к Есенину: «Глубокоуважаемый Сергей Александрович.

Издательство “Круг”, извещая Вас о распродаже издания Ваших стихов 1920–1924 гг., просит подготовить материалы для нового издания, а также желательно получить для издательства Ваши последние произведения».

Письма, 290.

См.: до 12 апр. 1925, третья запись; 12 апр. 1925, первая запись; 14 мая 1925, вторая запись; 21 ... 30 мая 1925; после 28 мая 1925; 25 июня 1925, третья запись; 2 июля 1925, вторая запись; 2 (?) июля 1925; 16 ... 23 сент. 1925; 18 окт. 1925, первая запись; окт. (?) 1925, вторая запись; первая половина дек. 1925, четвертая запись.

Газета «Правда» (№ 207; рубрика «Библиография»; подпись: «С. А.») помещает рецензию на книгу Ив. Доронина «Лесное комсомолье» (ГИЗ, 1925) с упоминанием имени Есенина:

«Судя по “Лесной комсомолки” <так!>, мы имеем в Доронине хоть еще не во всём зрелого, но подлинного поэта, которого смело можно включить в ряд наших так называемых “крестьянских поэтов” (С.Есенин, П.Орешин, С.Клычков и др.), причем в этом ряде Доронин является для нас наиболее близким по содержанию и, пожалуй, наиболее “крестьянским”».

В Берлине (помещение галереи «Sturm», Potsdamerstraße, 134a) проходит вечер новой русской поэзии (докладчик — А.Б.Мариенгоф), где звучат стихи Есенина в исполнении А.Б.Никритиной.

Событие, место его проведения и дата устанавливаются по газетному отчету, где отмечается, что А.Б.Мариенгоф говорил о задачах имажинизма, а А.Б.Никритина читала наряду с произведениями Есенина стихи В.Маяковского, А.Мариенгофа, В.Шершеневича и В.Казина:

«Чтение г-жи Никритиной отличается напряженностью, страстностью, часто — силой, и произведения, требующие этих качеств, были прекрасно переданы артисткой».

Энди. Вечер новой русской поэзии. — Газ. «Руль», Берлин, 1925, 17 сент., № 1457.

Сентябрь, 11 или 12. Есенин посещает Госиздат РСФСР, где обсуждает с И.В.Евдокимовым и Д.А.Фурмановым проблемы подготовки своего «Собрания стихотворений».

Устанавливается по содержанию записи Д.А.Фурманова (см. ниже). Датируется неоднозначно, поскольку не исключено, что автором записи были зафиксированы в ней события предшествовавшего дня. Побывать же в издательстве ранее этого дня, т. е. до 11 сентября, Есенину вряд ли удалось (см. в связи с этим: 7 сент. 1925, первая запись; 10 сент. 1925, первая запись).

Из воспоминаний И.В.Евдокимова (январь-февраль 1926):

«По возвращении <из Баку> он <Есенин> несколько раз был вместе с женой <С.А.Толстой> в отделе <Госиздата>, и мы втроем, усевшись тут же за стол, работали над расписанием стихотворений.

— Я, понимаешь, Евдокимыч, хочу так, — заговорил он, появившись в первый же раз после приезда, — я обдумал... В первом томе — лирика, во втором — мелкие поэмы, в третьем — крупные. А? Так будет неплохо. Тебе нравится?

— Как ты хочешь, — отвечал я, — это твое дело. Мы тебе не будем подсказывать никакого другого способа, лишь бы можно было скорее приступить к работе.

Остановились на распределении по родам и видам поэзии. Есенин унес из отдела свою непричесанную грудку стихотворений, еще более растрепавшуюся, так как за время его отсутствия она неоднократно была читаема в отделе разными лицами».

Восп.-95, 466.

См.: 30 июня 1925, первая запись; 3 июля 1925, вторая запись; 7 июля 1925, первая запись; 19 июля 1925, первая запись; 21 июля 1925, вторая запись; 3 авг. 1925, первая запись; 12 авг. 1925; 24 авг. 1925, вторая запись; 12 сент. 1925, первая запись; 22 сент. 1925, вторая запись; 10 окт. 1925; 15 окт. 1925, первая запись; после 20 окт. 1925; окт. — до 26 нояб. 1925; конец нояб. 1925, первая запись; 9–11 часов утра 23 дек. 1925.

Сентябрь, 12. Политический редактор Госиздата РСФСР Д.А.Фурманов делает памятную запись о беседе с Есениным при их встрече в издательстве.

Эта запись с авторской датой «12. IX. 25» (см.: Хроника, 2, 360) известна лишь фрагментарно:

«Сереза издает “полное собрание” в 3-х тт. <...> Сереза болтал, соглашался, просил даже, чтобы предисловие к собранию дал И.В.Евдокимов <ср.: 19 июля 1925, первая запись>. Но он не критик. Вопрос я кое-как отвел безболезненно, хотя И. В. кой-сколько и пообиделся. Пойдет предисловием статья Воронского, а перед нею Сереза поместит свой материал, автобиографический, всё, что вспомнит, — и я ему подробно указал, что нам надо: по линии человеческого жия, литературного роста, политических влияний и политического состояния.

— О, — говорил на это Сереза, — прежде я, верно, только бунтовал, а теперь... за границей... среди этой сволочи, белогвардейцев, вскочил на стол и запел... Интернационал!.

Первый абзац питаты дается по статье: Куприяновский П.В. Автор «Чапаева» о Сергее Есенине (сб. «С.А.Есенин. Творческая индивидуальность. Художественный мир», Рязань, 1982, с. 41); второй взят по: Хроника, 2, 204.

Оригинал документа не выявлен.

См.: 30 июня 1925, первая запись; 3 июля 1925, вторая запись; 7 июля 1925, первая запись; 21 июля 1925, вторая запись; 3 авг. 1925, первая запись; 12 авг. 1925; 24 авг. 1925, вторая запись; 11 или 12 сент. 1925; 22 сент. 1925, вторая запись; 10 окт. 1925; 15 окт. 1925, первая запись; после 20 окт. 1925; окт. — до 26 нояб. 1925; конец нояб. 1925, первая запись; 9–11 часов утра 23 дек. 1925.

Есенин вместе с С.А.Толстой и А.А.Есениной совершает прогулку на извозчике от Остоженки до Театральной площади.

Событие и его дата устанавливаются по воспоминаниям А.А.Есениной и датировке четырех посвященных ей стихотворений (см.: 13 сент. 1925, первая запись).

А.А.Есенина позже вспомнит:

«В один из сентябрьских дней Сергей предложил Соне <С.А.Толстой> и мне покататься на извозчике. День был теплый, тихий.

Лишь только мы отъехали от дома, как мое внимание привлекли кошки. Уж очень много их попадалось на глаза.

Столько кошек мне как-то не приходилось встречать раньше, и я сказала об этом Сергею. Сначала он только улыбнулся и продолжал спокойно сидеть, погруженный в какие-то размышления, но потом вдруг громко рассмеялся. Мое открытие ему показалось забавным, и он тотчас же превратил его в игру, предложив считать всех кошек, попадавшихся нам на пути.

Путь от Остоженки до Театральной площади довольно длинный, особенно когда едешь на извозчике. И мы принялись считать. Это занятие нас всех развеселило, а Сергей увлекся им, пожалуй, больше, чем я. Завидев кошку, он вскакивал с сиденья и, указывая рукой на нее, восклицал: “Вон, вон еще одна!..”. <...>

А на следующий день Сергей написал и посвятил мне стихи: “Ах, как много на свете кошек, нам с тобой их не счесть никогда...” и “Я красивых таких не видел...”».

Восп., 1, 119, 120.

См. также: 13 сент. 1925, первая запись; 26 сент. 1925, первая и вторая записи; 27 сент. 1925, вторая запись; 11 окт. 1925, первая запись; 1 нояб. 1925, четвертая запись; 24 нояб. 1925, вторая запись.

Затем они обедают в ресторане в районе Театральной площади.

А.А.Есенина напишет:

«Когда мы доехали до Театральной площади, Сергей предложил зайти пообедать. И вот я первый раз в ресторане. Швейцары, ковры, зеркала, сверкающие люстры — всё это поразило и ошеломило меня. Я увидела себя в огромном зеркале и оторопела: показалась такой маленькой, неуклюжей, одета по-деревенски и покрыта красивым, но деревенским платком. Но со мной Соня и Сергей. Они ведут себя просто и свободно. И, уцепившись за них, я шагаю к столику у колонны. Видя мое смущение, Сергей всё время улыбался, и, чтобы окончательно смутить меня, он проговорил: “Смотри, какая ты красивая, как все на тебя смотрят...”»

Я огляделась по сторонам и убедилась, что он прав. Все смотрели на наш столик. Тогда я не поняла, что смотрели-то на него, а не на меня, и так смутилась, что уж и не помню, как мы вышли из ресторана».

Восп., 1, 119–120.

И.И.Садовников пишет Есенину из Владимира.

Напомнив, что в августе отправил в Баку на имя поэта свое стихотворение «Есенину» (см.: 20 авг. 1925, вторая запись), продолжает:

«...просил Вас хотя бы самой краткой запиской ответить мне, — подтвердить их получение. Ответа не получил. Пробую писать Вам по московскому адресу. Так как мне было бы печально оставаться в неведении (получил Есенин или не получил?), то я еще раз пытаюсь настойчиво просить Вас ответить мне. Марку на ответ не прилагаю, — уверенный, что Всероссийский народный поэт в семи копейках шибко не нуждается.

Есенин, я прошу немногого — только уверенности, что стихи мои Вами получены, — всё остальное я охотно и вполне терпимо оставляю “на свободной совести” поэта великого, “совестливого” народа!..»

Письма, 290.

Текст стихотворения см.: июль 1925.

Журнал «Эхо» (№ 9) публикует рекламные объявления Государственного издательства РСФСР с упоминанием имени поэта:

— «К осеннему сезону выйдут <...> Избранные произведения С.Есенина».

См. также: 16 ... 23 сент. 1925; до 25 сент. 1925.

Книга поэта с таким названием не выходила;

— «Писатели-современники под редакцией В.Голубкова.

Из Предисловия. Предлагаемый сборник имеет целью помочь преподавателю в школьной проработке современных писателей. В сборник вошли беллетристы: Л.Сейфулина, В.Иванов, Б.Пильняк, А.Яковлев, А.Бибик, Н. Ляшко, А.Новиков-Прибой, А.Неверов, А.Серафимович, Ю.Либединский и поэты: Н.Клюев, П.Орешин, С.Есенин, Демьян Бедный, В.Маяковский, В.Александровский, М.Герасимов, В.Казин, В.Кириллов, С.Обрадович, А.Гастев и А.Безыменский».

Второе из этих объявлений заметно запоздало (см.: конец мая 1925, вторая запись).

Журнал «Книгоноша» (№ 30) печатает рецензию В.Красильникова на сборник В.Александровского «Ветер. Стихи и поэмы» (М.: Госиздат, 1925), в которой заходит речь о Есенине:

«Формальный анализ сборника “Ветер” подтверждает, что, пережив ряд поэтических влияний (например, темы Блока в стихотворении “Две России”, ритм Есенина — “Синь” и “Поэма о Пахоме”), Александровский нащупал в стихе самого себя».

Рижская газета «Сегодня» (№ 204; рубрика «Литературная хроника») дает неподписанную заметку «Новые стихи Есенина».

Это перепечатка материала о книге Есенина «Русь советская» из парижских «Последних новостей» (текст см.: 3 сент. 1925, вторая запись).

О другой перепечатке того же материала см.: 27 сент. 1925, вторая запись.

См. также: до 25 дек. 1924; 25 дек. 1924, первая запись; 21 янв. 1925, вторая запись; до 4 марта 1925; 31 июля 1925, вторая запись; 9 авг. 1925, третья запись; 1 сент. 1925, третья запись; окт.(?) 1925, вторая запись.

Сентябрь, 13. Есенин пишет четыре стихотворения, посвященные «сестре Шуре»: «Я красивых таких не видел...»; «Ах, как много на свете кошек...»; «Ты запой мне ту песню, что прежде...»; «В этом мире я только прохожий...»

В РГАЛИ — датированный («13.IX.1925») список этих четырех стихотворений с пометой:

«Запись С.А.Толстой под диктовку Есенина с его собственноручной правкой».

См.: Есенин, I, 242–247, 636–638.

См. также: 12 сент. 1925, вторая запись; 26 сент. 1925, первая и вторая записи; 27 сент. 1925, вторая запись; 11 окт. 1925, первая запись; 1 нояб. 1925, четвертая запись; 24 нояб. 1925.

«Эти четыре стихотворения представлялись автору единым циклом. Именно так они были опубликованы в “Красной ниве” <см.: 11 окт. 1925, первая запись> — заголовок имел, правда, нейтральный характер — “Стихи Сергея Есенина”, но посвящение “сестре Шуре” было единым для всех четырех стихотворений. Единым циклом предполагалось их напечатать в “Бакинском рабочем” <см.: 26 сент. 1925, первая и вторая записи>. Однако последовательность стихотворений менялась. В диктовке Есенина второе стихотворение “Ах, как много на свете кошек...” шло последним; в “Красной ниве” поменялись местами третье и четвертое стихотворения. В наб. экз. внешние признаки цикла сохранены не были: все стихи получили одинаковые, но каждое свое отдельное посвящение».

А.А.Козловский — Есенин, I, 636.

В списке С.А.Толстой — авторская правка стихотворения «Я красивых таких не видел...». Вместо окончательного текста:

Запоешь ты, а мне любимо,
Исцеляй меня детским сном, —

вначале было:

Запоешь ты, а я всё слышу,
Будто кто-то дрожащей рукой...

Есенин, I, 364.

Образ песни является сквозным в двух стихотворениях: «Я красивых таких не видел...» и «Ты запой мне ту песню, что прежде...», где поет не только «сестра Шура», но и «мать за куделью» (Есенин, I, 242), «Напевала нам старая мать» и «подпевает» лирический герой: «Я сумею тебе подпевать» (Есенин, I, 245).

С.Виноградская напишет (1926):

«...больше всего он <Есенин> любил русские песни. За ними он проводил целые вечера, а иногда и дни. Он заставлял петь всех, пришедших к нему. Песней можно было его удержать дома, когда он, простуженный, собирался в дождь и слякоть выходить на улицу, песней можно было прогнать его плохое настроение, и песней же можно было привести его в какое угодно настроение. Он знал песню, как теперь редко кто знает, и любил ее — грустную, задорную, старинную, современную. Он понимал песню, чувствовал ее как-то по-особенному, по-своему. Большой радостью бывало для него подбить свою мать на песни; споет она, а он говорит: “Вот это песня! Сёстры так не умеют, это старая песня”».

Как жил Есенин, 6.

В.Ф.Наседкин вспомнит (1927):

«Редкий день он <Есенин> не приставал к своим сёстрам спеть что-нибудь. Те пели, а он слушал, иногда подпевал, лежа на кровати.

Но, слушая и подпевая, Есенин как бы проверял песню. Он взвешивал каждое распеваемое слово. Только этим можно объяснить такие случаи, когда он вдруг обрывал певца, говоря: “Так плохо”, и, подумав, тут же предлагал другой вариант.

Поэт Екатерина:

На берегу сидит девица,
Она шелками шьет платок.

Работа чудная такая,
А шелку ей недостает.

Так ли поется песня, или вторая строчка искажена, но Есенин уже поправляет:
— Лучше: «она платок шелками шьет».

Не хуже своих дочерей пела песни Татьяна Федоровна — мать поэта. Ее пение отличалось большей задушевностью и простотой.

С каким глубоким волнением слушал ее всякий раз Есенин!

Любимой песней его, а также и его деда, была: «Прощай, жизнь, радость моя <следует текст>».

Изумительная по музыкальности и по глубине лиризма, эта песня сразу переносила слушателя в далекую и всё еще такую родную и милую деревенскую обстановку.

Еще чаще с сестрами и один пел такую песню:

Это дело было
Летнею порою.
В саду канарейка
Громко распевала...»

Материалы, 215–216.

Журнал «Огонек» (№ 38) публикует стихотворения Есенина «Каждый труд благослови, удача!..» и «Видно, так заведено навеки...»

См. также: 12 июля 1925, первая запись; 14 июля 1925, первая запись; 31 июля 1925, первая запись; 16 ... 23 сент. 1925; 30 сент. 1925, третья запись; 16 окт. 1925, вторая запись; 7 нояб. 1925, вторая запись; 27 нояб. 1925, пятая запись.

Нью-йоркская газета «Русский голос» (№ 3589; воскресное приложение; рубрика «Стихи») перепечатывает стихотворение Есенина «Спит ковыль. Равнина дорогая...»

См. также: 6 июля 1925, первая запись; 20 июля 1925, третья запись; 26 июля 1925, четвертая запись; 2 авг. 1925, вторая запись; 3 окт. 1925, пятая запись.

Сентябрь, 14. Нью-йоркская газета «Русский голос» (№ 3590) помещает статью А.Ветлугина «День за днем. Америка ему не понравилась...», в которой говорится о Есенине:

«История эта не нова. Перечитайте, что писали об Америке люди таких различных сознаний и эпох, как Короленко, Горький, Есенин. Чепуха совершенно невероятная. <...>

Есенинские статьи (да простит нам друг и поэт) были образцом такого великолепного невежества, по сравнению с которым писания рижских корреспондентов о башкирских беспорядках являются образцом Карлейлевского анализа исторических событий».

Речь идет о «Железном Миргороде» (см.: 22 авг. 1923, первая запись; 16 сент. 1923, первая запись).

Сентябрь, 15. О.К.Толстая в письме к С.А.Толстой дает эмоциональную оценку поведения Есенина и дочери в ситуации, сложившейся в их совместной жизни.

Это письмо О.К.Толстая, не застав дочь дома, оставляет на квартире в Померанцевом переулке во «вторник, днем» (письмо начинается с этих слов). Из его содержания явствует, что оно написано еще до

регистрации брака Есенина с С.А.Толстой (см.: 18 сент. 1925, первая запись). Ближайшим вторником, предшествующим этой дате, было 15 сентября.

О.К.Толстая пишет:

«Сонечка, вот уже три дня прошло, что я была дома, а ты даже не подумала мне позвонить ни разу. Как тебе не стыдно. Правда, что тебе нет ничего радостного мне сообщить, но хоть бы ты перемолвилась словом. Вчера я повидала Мих<аила> Геор<гиевича>, кот<орый> очень охотно берется помочь в нашем горе, но для этого нужно *желание больного*, сознание им своей болезни. Я вчера весь остаток дня провела в поисках тебя, но нигде не нашла (была и у Тат<ариновых>). Сегодня Мих<аил> Геор<гиевич> опять звонил (уже два раза), спрашивал — сговорилась ли я с тобой. Но утром у нас телефон не действовал (да я бы и не решилась звонить раньше 11 час., зная, что ты поздно встаешь), а когда позвонила, то тебя уже не было. Звонила позднее, но опять наткнулась на пьяного С. А. Вчера поздно вечером я шла домой, когда встретила одну нашу жилицу, кот<орая> сказала мне, что видела, как к нам *пронесли* совершенно пьяного господина и спрашивала — кто же это у нас поселился? Ты можешь себе представить, как мне это было легко слышать*. Хоть Батя <В.К.Чертков> и Дедушка <Л.Н.Толстой> и говорят, что нам посылаются испытания для нашего блага, для души, но всё же мне очень, очень горько, что это испытание выпадает мне *от тебя*. Тетя Саша <А.Л.Толстая> говорила по твоему поводу с Батей и ужасалась твоему безумию. Да, это настоящее *безумие*, Соня, быть во власти пьяного, невоспитанного человека! Боже мой, для чего, ради чего ты берешь на себя такое бремя? И какое унижение: ты стараешься ему нравиться и даже начинаешь *краситься*! Ты надеялась его спасти, вырвать из его дурной компании, поселив его у нас. Я была слаба, согласившись на это. А теперь он, *не стесняясь*, напивается у нас или возвращается уже *совершенно* пьяным!

Мих<аил> Геор<гиевич> очень, очень озабочен положением вещей. Он говорит, что ты *не можешь* никогда ручаться, что ты не заболеешь чем-нибудь, раз, что выходишь или вышла за пьющего, да еще до бесчувствия, запойного**. Соня, ради Бога, умоляю тебя, воздержись от решительного шага и, наоборот, при первой же возможности, *отвези* его, хотя бы пьяного, в *лечебницу*. Как тебе не противно иметь дело с таким! Ты, не имевшая жалости ни к кому, даже к больному мужу <С.М.Сухотину>, вдруг начинаешь служить почти первому встречному — пьяному, только потому, что влюблена в него *чуждено*!

<Часть текста утрачена> вот что значит с малых отступлений докатиться до пропасти. Соня, помни, что пьяный человек не ответствен<ен> за свои поступки, но он принесет тебе не только горе, но и позор, может вовлечь тебя в большие неприятности. <Ты> от меня всё скры<ываешь[?]; далее часть текста утрачена>. Отправь его куда-нибудь, *даже не прописывай*. Неужели я не стою того, чтоб ты хоть от *позора и стыда* меня охранила, если уж не можешь радости дать? Ах, Соня, Соня, что ты делаешь с собой и со мной! <окончание письма не сохранилось>».

ГМТ, ф. 48, без шифра (курсив автора). На конверте письма — надпись рукой О.К.Толстой: «С.А.Толстой (вспомни дедушку!)».

См. также: 10 сент. 1925, вторая запись.

Газета «Вечерняя Москва» (№ 210) в «Хронике литературы и искусства» сообщает, что «на днях выходит седьмая книга “Красной нови”», называя Есенина среди авторов издания.

* Кажется, и И.Л.<Толстой> видел его в этом состоянии.

** Не говоря о том, что он может кончить полным сума<с>шествием.

См. также: 3 и 5 сент. 1925; 10 ... 24 сент. 1925; 16 ... 23 сент. 1925; 24 сент. 1925, третья запись; 25 сент. 1925, третья запись; 30 сент. 1925, вторая запись; 15 окт. 1925, третья запись; 1 нояб. 1925, шестая запись.

Журнал «Прожектор» (№ 17) публикует статью А.К.Воронского «Советская литература и белая эмиграция», в которой упоминается имя Есенина.

Основным содержанием статьи А.К.Воронского является полемика со статьей Ф.Степуна «Мысли о России», опубликованной в «Современных записках» (Париж, 1925, кн. 23). Критик считает показательным, что Ф.Степун признаёт молодую советскую литературу, но считает неверным его утверждение о художественном провале Пролеткульта. Критикуя суждения эмигрантского критика о беспартийных писателях, А.К.Воронский, в частности, пишет:

«Писатели, о которых идет речь, очень пестры и крайне разнообразны по своему эмоциональному и художественному существу. Изображая коммунистов, они нередко допускают непростительные оплошности и промахи. Впрочем, этим грешат и писатели-коммунисты. Но при всём том в одном отношении выбор, сделанный молодой советской литературой этого крыла, взятой в целом, является решающим: в великой исторической тяжбе между двумя мирами эти писатели — на стороне Республики Советов. Следует только, хотя бы поверхностно, просмотреть с этой точки зрения стихи Есенина, Маяковского, Пастернака, Тихонова, Асеева, Веры Инбер, прозу Вс. Иванова, Бабеля, Сейфуллиной, Пильняка, Леонова, Федина, Зощенко, дабы убедиться, насколько облыжно оговаривает их Степун. Шуйца и десница наших советских писателей хорошо известны, но по интересующему нас вопросу у них есть поучительный и совсем в итоге недвусмысленный материал. Как общее правило, названные писатели при всех своих ошибках, при всей неясности своего отношения к конечному идеалу коммунистов не мыслят строительства новой России без руководства коммунистов. Коммунисты защищают от наглых черных посягательств честь, достоинство и самостоятельность страны, они знают, чего хотят, умеют настоять на своем. Наоборот, наша эмиграция “вся в прошлом”; она разбита не только физически, но и морально: она внутренне опустошена, ей нечем жить. Она продажна, готова торговать Россией оптом и в розницу.

Советские писатели недаром вышли из революции, и недаром их творчество связано с ней. Они волей-неволей основательно зачерпнули ее плебейского источника, даже те, у которых сохранилось немало всяких сомнительных пережитков. У них другое, чем у Степунов, обличье, иная среда, они росли и воспитывались в иных условиях, а у некоторых из них и другая кровь. Революция — прекрасная мясорубка. Даже тогда, когда в их произведениях звучат и чужие нам, коммунистам, мотивы, они всё же с нами, а не со Степунами. Есенин — плохой революционер. Его кабацкие и полукабацкие стихи упадочны, прежняя литературная богема наложила на него, по-видимому, невытравимый отпечаток. Но даже в этих стихах есть такая эмоциональная насыщенность и напряженность, такая здоровая и жадная жажда жизни, такая прочная языческая тяга к земле, к полям, ко ржи, к березе, к черемухе, о каких эмигрантским мастерам слова даже и мечтать не приходится. Наша деревня для белой эмиграции является скопищем хамов, троглодитов, обманутых и опьяненных дикой ненавистью людей, а у Есенина — там до сих пор деды, матери, сёстры, братья, друзья по детству. Там всё свое, родное, близкое, кровное, понятное и дорогое. Степун говорит, что главное достоинство молодой советской литературы в том, что она ощущает *вес эпохи*. Несомненно. Не в пример эмигрантским писателям, наши художники *вес эпохи* чувствуют, но они чувствуют его потому, что у них другая “закваска”, чем у Буниных и Мережковских, открывших “хама” в трудовом человеке.

Большевистская Россия, утверждает публицист из “Записок”, изображается в произведениях молодых писателей хаосом, анекдотом, безумием, в Республике Советов нет никакого разумного строительства. В этих утверждениях отдельные крупинки правды старательно перемешаны с мерами неправды и праздных выдумок».

Об отклике Ф. Степуна на эту статью см.: до 17 дек. 1925.

Парижский журнал «*Mercure de France*» (т. CLXXXII; № 654) печатает статью Жана Шюзевиля (Jean Chuzeville) «Русская поэзия с 1890 г. до наших дней» («*La poésie russe de 1890 à nos jours*»), где заходит речь о Есенине:

«Поэтическая продукция в России в последние годы обильна как никогда. Но называть произведения как-то затруднительно. Некоторые имена упорно повторяются: Маяковский, Есенин и множество суб-Есениных и суб-Маяковских. <...>

У Есенина больше настоящего лиризма <чем у Маяковского>. Мир, который он воспеваает, также более специфически русский. У него ощущаешь дух некоторых мистических сект, в особенности хлыстов, или божьих людей. Эта секта возвещает, как известно, новые воплощения Спасителя. Есенин говорит нам о Боге, который “пухнет как незримая тёлка” <“Вспух незримой короной Бог” — “Инония”>. Он также восклицает, очевидно кощунствуя: “Господи, причудись!”. Он глумится над традиционным Богом во имя своего нового Христа. Эти причуды, конечно, отмечены печатью худшей литературщины. Но когда этот бывший крестьянин ограничивается возвращением к земле и простым пением, ему случается обрести звуки чистой эмоции <цитируются строфы 2, 3, 5 из стихотворения “Запели тесные дроги...” в переводе автора статьи>».

Перевод Мишеля Никё.

Отклик см.: 28 сент. 1925.

См. Приложение.

Парижский журнал «*La revue de Paris*» (32-й г. изд.; т. 5) публикует статью Жозефа Кесселя (Joseph Kessel) «Новая русская литература» («*La nouvelle littérature russe*»), в которой говорится:

«Понадобился бы целый каталог, чтобы перечислить всех поэтов, выступавших в те годы <1918–1921>. <...> Вот краткий список тех, кто выделился: Маяковский, Пастернак, Есенин, Марина Цветаева, Асеев, Мандельштам, Казин, Куников.

Среди них надо запомнить три имени — Пастернак, Маяковский, Есенин.

Первый, Пастернак, сильно отличается от остальных поэтов того времени. У него нет раздробленных строк, нет поиска нелепых и диссонирующих слов. Его манера — прилежная, сокровенная, его оригинальность — мощная. Она состоит в великолепно отделанной инструментовке, в смелом смешении редких слов с грубейшими, никогда не шокирующими. Очень трудные для восприятия с первого чтения, его стихотворения полны удивительным внутренним богатством и глубокими перекличками. Это алмазы, — непрозрачные, но без примесей. Его двумя главными сборниками являются “Сестра моя жизнь” и “Темы и вариации”. Их влияние, незаметное в эпоху, когда всё бурлило в безумном горниле, всё возрастает, и по мере того, как в России жизнь устанавливается на прочных основаниях, у Пастернака всё больше и больше последователей.

Но в эпоху, которую мы рассматриваем, львом поэзии был Маяковский. Он отвечал потребностям данного момента. Те, кто его видел во время его пребывания в Париже, меня без труда поймут. А для тех, кто его не видел, не покажется, надеюсь, излишне откровенным, ес-

ли я отошлю их к повести <...> под названием “Я жгу Москву”, в которой Поль Моран изображает Маяковского с той ледяной жестокостью, которая и составляет обаяние поэта*.

Маяковский — дюжий детина: плечи боксера, мощный голос, резкие жесты. Всё в нем дышит желанием жить силачом, размахивая кулаками. Его стихи похожи на него. Резкие и дерзкие, они вмещают и силу, и слабость цинизма. Красный Октябрь со своим потоком насилия и разгула прекрасно подошел к природе этого футуриста. Он стал одним из лучших певцов новой эры, одним из тех, кто писал свои стихи на стенах домов. Теперь он занимается стихотворной рекламой. Он не пренебрегает никакой крайностью, вкладывая в это несколько механистическое увлечение.

Но сквозь все эти крайности, которые часто дают его произведениям налет искусственной и театральной грубости, идет мощный поток. Он сумел пустить через медное горло, в котором, правда, иногда слышны нотки ярмарочного фигляра, голос тех разнузданных циничных дней, гордившихся своей новизной. Его стихи надуты чрезмерной гордостью, но она сопровождается размахом, благодаря которому ему прощаются грубейшие шутки, каламбуры, непристойности, которые неприятно сопровождают этот воодушевленный парад.

Сергей Есенин интереснее Маяковского. Тот методически яростно продолжает свою карьеру разрушителя. Есенин же живет в лоне революции, как в теплой берлоге. То прошлое, которое он ругает, — Есенин любит. Крестьянский сын, выросший на спинах лошадей, узнавший всю бесконечную грусть и непобедимую нежность русской деревни, он обладает песенным даром. Ничего нет более простого, волнующего, чистого, эгегического, чем его удачные стихотворения. Даже от его порывов грубости, бунта веет нежностью, исходящей от полей, где он рос. Наверное, именно у него поэтический дар находится в самом чистом, самородном состоянии. Он это чувствует, он об этом говорит:

Русь моя! Деревянная Русь!
Я один твой певец и глашагай.
Звериних стихов моих грусть
Я кормил резедой и мятой.

Процитированные стихи взяты из выполненного Марией Милославской и Францем Элленсом перевода “Исповеди хулигана” — главного произведения Сергея Есенина. Этот перевод удачно и верно соответствует оригиналу, и я не могу удержаться от удовольствия процитировать несколько отрывков. <Следует полный текст перевода стихотворения Есенина “Закружилась листва золотая...”>

Но эта нежность обманчива. В недрах души поэта дремлет страшное буйство, которое свойственно эпохе. Он кричит об этом с гордостью:

Плюйся, ветер, охাপками листьев,
Я такой же, как ты, хулиган...
Только сам я разбойник и хам
И по крови степной конокрад...
Мне бы в ночь в голубой степи
Где-нибудь с кистенем стоять...
Но не бойся, безумный ветер,
Плюй спокойно листвой по лугам.
Не сотрёт меня кличка “поэт”,
Я и в песнях, как ты, хулиган.

* См. перевод и комментарий рассказа Поля Морана (1888–1976) «Я жгу Москву» (1925) в кн.: Золотонос М.Н. Слово и тело. М.: Ладомир, 1999, с. 161–359 (примеч. Мишеля Никё).

Не подвластны ли этому дикому инстинкту безудержной свободы все современные русские писатели? Как они жаждут его и как они страдают от него! Есенин стал первой его жертвой. Его судьба — трагическая. Певец русской деревни, признанный коммунистами, он стремился к роскоши, к жизни без денежных ограничений. Судьба послала ему этот роковой подарок в образе любви к знаменитой танцовщице. Он поехал с ней в Америку, в Европу. Но перед лицом цивилизации, которой он хотел безумно наслаждаться, этот крестьянин одурел, не сумев этого сделать.

Тогда он стал пить, колотить свою любовницу. И теперь, в Москве, Есенин, талант которого постепенно тонет в алкоголе, предает анафеме города в тусклых стихотворениях, в которых редкими и слабыми бликами просвечивает его былое дарование.

Пусть меня извинят, что я ограничиваюсь лишь этими поэтами, но их действительно слишком много. Я только добавлю, что в Москве существует официальный Институт поэзии под названием “Высший Институт художественного слова”, где в секреты ритма посвящают триста учеников. Им руководил старый поэт-символист Валерий Брюсов. Когда прошел первый экзамен, Валерий Брюсов сказал одному писателю, который передал мне его слова: “Этот экзамен погрузил меня в благоговение и в ужас. Все мои ученики сочинили безупречные стихотворения”».

Перевод Мишеля Никё.

См. Приложение.

Об одновременной публикации этой статьи в другом издании см. след. запись.

Отклик см.: 5 окт. 1925, первая запись.

Сентябрь, 15–17. Парижская газета «Comœdia» (№ 4651–4653; рубрика «L'étranger devant les jeunes» [букв. «Заграница перед молодыми»]) помещает статью Жозефа Кесселя, где идет речь о Есенине.

Здесь она предварена (в № 4651) редакционным вступлением: «В очередном (prochain) номере “La Revue de Paris” <см. предыд. запись> публикуется интересный и хорошо документированный обзор новой русской литературы, написанный нашим известным коллегой г. Жаком <так!> Кесселем. Мы рады опубликовать эти страницы, которые несомненно понравятся нашим читателям» (перевод Мишеля Никё).

Вырезка из № 4652 — Тетр. ГЛМ. Название газеты и дата выпуска, искаженные в поместе на этой вырезке, а также ее номер уточнены Мишелем Никё.

Сентябрь, вторая половина. В Праге выходит двухнедельник «Reflektor» (№ 18) со стихотворением Есенина «Я иду долиной. На затылке кепи...» в переводе на чешский язык Йозефа Горы (Josef Hora).

Время выхода номера из печати указывается в соответствии с периодичностью выпуска журнала (имеющего подзаголовок: «Čtrnáctideník») и с учетом того, что он начал издаваться с января 1925 г. Перевод выполнен по тексту стихотворения, опубликованному в «Красной ниве» (см.: 9 авг. 1925, вторая запись). Художественное оформление его публикации в «Рефлекторе» полностью аналогично оформлению, сопровождающему есенинский текст в «Красной ниве» (см. Приложение).

См. также: 18 июля 1925, первая запись; 4 авг. 1925, первая запись; 6 авг. 1925, первая запись; 9 авг. 1925, вторая запись; 30 авг. 1925, вторая запись; 26 сент. 1925, третья запись.

Сентябрь, 16. Газета «Вечерняя Москва» (№ 211) печатает статью М.Ройзмана «Украинская поэзия», в которой упоминается Есенин.

Автор статьи, останавливаясь на творчестве П.Г.Тычины, отмечает:

«Он очень хорошо владеет звукописью, прекрасно передает описания природы, вводит в свою поэзию целый ряд философских мыслей, очень близких Сквороде, понимает рево-

люционную эпоху и селянство того времени. Четкая композиция пьес, разнообразная рифма — всё это делает его определенно значимым поэтом. Вот его стихотворение, где, слыша голоса поэтов, славящих революцию, он жалуется, что им некому ответить на Украине:

Есенин, Белый, Блок и Клюев,
Россия, Русь, о, Русь моя!
...Стоит сто раз распятый Киев,
И двести раз распятый я,
Там песня: солнце! гром: Мессия!
Туман, долины, топь и выть...
Родит Украина Моисея, —
Не может далее так быть.
Не может быть, я слышу, знаю.
Когда вокруг восстаний бред,
Я в степи нервами бросаю:
Восстань, поэт!
Там чернозем взвился виденьем
И лик скривил в кровавый смех...
Любить свой край не преступленье, —
Коль то для всех».

Стихотворение написано в 1919 г. (см.: Летопись, 2, 324). Перевод Юрия Полетики.

Секретарь редакции журнала «Огонек» обращается с письмом к Есенину: «Глубокоуважаемый Сергей Александрович.

С нашим последним письмом к Вам <неизвестно> произошло досадное недоразумение, за которое глубоко перед Вами извиняемся; в настоящее время переиздание Вашей книги не является необходимостью, и пока она вторым изданием не выйдет: дело в том, что на складах издательства осталось еще большое количество Вашей книжки. Ошибочная справка объясняется перемещением склада, а поспешность, с какой мы отправили Вам письмо, свидетельствует о благожелательном отношении к Вашим прекрасным стихам».

Письма, 291.

Сентябрь, 16 ... 23. Выходит журнал «Красная новь» (№ 7; за сентябрь) со стихотворениями Есенина «Каждый труд благослови, удача...» и «Видно, так заведено навеки...»

Нижняя граница события устанавливается по информации газ. «Вечерняя Москва» (1925, 15 сент., № 210) о том, что журнал «выходит на днях», а его верхняя граница — по сообщению газ. «Известия ЦИК СССР и ВЦИК Советов» (1925, 24 сент., № 219) о выходе журнала из печати.

Анонсы и информацию см.: 3 и 5 сент. 1925; 10 ... 24 сент. 1925; 15 сент. 1925, вторая запись; 24 сент. 1925, третья запись; 25 сент. 1925, третья запись; 30 сент. 1925, вторая запись; 15 окт. 1925, третья запись; 1 нояб. 1925, шестая запись.

См. также: 12 июля 1925, первая запись; 14 июля 1925, первая запись; 31 июля 1925, первая запись; 13 сент. 1925, вторая запись; 30 сент. 1925, третья запись; 16 окт. 1925, вторая запись; 7 нояб. 1925, вторая запись; 27 нояб. 1925, пятая запись.

В номере публикуются материалы с упоминанием имени поэта:

— «Литературные заметки» А. Лежнева.

Пolemизируя со статьей И. Евдокимова «От Шкулёва до наших дней» (о № 3 альманаха «Перевал»), критик отмечает:

«Жарову А. надо внимательно почитать Пушкина, Есенина, Казина, Доронина, Полетаева, он научится у них той прекрасной простоте, которая струится “в их стихах, как ручей”»;

— объявление издательства артели писателей «Круг»:

«Издания, вышедшие в 1925 г. <...> А.К.Воронский. Литературные типы. Сборник статей. <...> Содержание <...> Есенин. <...>.

С.Есенин. Стихи (1920–1924 г.)».

О книге А.К.Воронского см.: конец мая — до 16 июня 1925, вторая запись; 24 июня 1925, третья запись; 19 июля 1925, первая запись.

О втором тираже (или втором издании) книги Есенина см.: до 12 апр. 1925, третья запись; 12 апр. 1925, первая запись; 14 мая 1925, вторая запись; 21 ... 30 мая 1925; после 28 мая 1925; 25 июня 1925, третья запись; 2 июля 1925, вторая запись; 2 (?) июля 1925; 11 сент. 1925, первая запись; 18 окт. 1925, первая запись; окт. (?) 1925, вторая запись; первая половина дек. 1925, четвертая запись;

— объявление Госиздата:

«К осеннему сезону выйдут: <...> Избранные произведения С.Есенина».

См. также: 12 сент. 1925, пятая запись; до 25 сент. 1925.

Книга поэта с таким названием не выходила.

Сентябрь, 17. На имя Есенина оформляется путевка № 7821 в санаторий.

Событие и его дата фиксируются по воспоминаниям К.С.Есенина:

«<...> хранится у меня путевка за № 7821, выданная Есенину С.А., направляемому на лечение “в санаторию Артема <бывш. санаторий “Надеждино”> на срок один месяц с 18 сентября по 12 октября”.

Выдана путевка 17 сентября. Бланки “Уведомления о прибытии” и “Уведомления о выбытии” не тронуты, не надорваны. Путевка лежала неиспользованной. Вложена путевка в специальный служебный пакет, на котором написано: Ст. Фирсановка, Октябрьской ж. д. (31-я вер<ста> от Москвы). Санатория “Артема Сергеева”. Заведующему врачу».

ЕиС, 377. Местонахождение документа ныне неизвестно.

См. также: 7–15 сент. 1925; 25 окт. 1925, вторая запись.

В дорожно-транспортном отделе ОГПУ при Курском вокзале на имя Есенина выписывается повестка № 32:

«ДТООГПУ ст. Москва М.-Курской ж. д. вызывает Вас в качестве обвиняемого для дачи показаний по делу № 7665 к 12 часам 20 сентября 1925 г. к тов. Бутко по адресу: Курский вокзал, помещение ОДПТО, ком. № 5. Уклонение от явки карается по ст. 104а У. К.».

ГМЗЕ, ОНФ № 954/16.

Дело было заведено в связи с инцидентом в поезде «Баку – Москва» (см.: 6 сент. 1925, вторая запись). Повестка содержит также незаполненный отрывной талон --- расписку в том, что она вручена адресату. Но по получении подписи Есенина этот талон должен был быть изъят лицом, доставившим повестку. То, что он остался при документе, означает, что сам Есенин этой бумаги не получал и, соответственно, на допрос, назначенный на 20 сентября, не явился.

См. Приложение.

См. также: 8 сент. 1925, вторая запись; 3 окт. 1925, третья запись; 15 окт. 1925, вторая запись; 17 окт. 1925, первая запись; 19 окт. 1925, первая запись; 21 окт. 1925, пятая запись; 27 окт. 1925, восьмая запись; 28 окт. 1925, третья запись; 29 окт. 1925, первая и вторая записи; 11 нояб. 1925, вторая запись; 12 нояб. 1925, первая и вторая записи; около 20 нояб. 1925.

Сентябрь, 18. Регистрируется брак Есенина с С.А.Толстой (адрес места регистрации — Арбат, М. Успенский пер., д. 3).

Событие и его дата отмечаются по свидетельству о браке:

«Означенный <так в подлиннике> в сем документе гр. Толстая вступил <так в подлиннике> в 2-й гражданский брак с граж. Есениным С.А. б/ш <смысл сокращения неясен> носить фамилию Есенины».

Брак зарегистрирован в Отделе при Совете Рабочих Депутатов Хамовнического района г. Москвы 18 /IX 1925 г. под № 2544.

Заведующий <подпись>

Делопроизводитель <подпись>».

Текст дается по факсимиле документа, хранящегося в ГМТ. Курсивом обозначены места, вписанные в штамп от руки.

См. Приложение.

В тот же день С.А.Толстая записывает в календаре:

«Женитьба».

ИИ, 1995, № 34, с. 64.

Из воспоминаний Н.Н.Никитина (дек. 1960):

«Последней его женой была С.А.Толстая, ныне тоже покойная. И хоть бесцельно теперь гадать, каким бы руслом пошла их жизнь, но, когда думаешь о близких людях, трудно не высказать предположений. В жизни случается всякое. Кто знает, если бы Есенин остался жив, если бы он еще пережил несколько лет, если бы перешагнул через эти критические житейские перевалы, быть может, его судьба сложилась бы по-иному? Хотя, откровенно говоря, мне трудно себе представить есенинскую судьбу обычной судьбой. <...>

Я понимаю, что привлекло Есенина, уже уставшего от своей мятежной и бесшабашной жизни, к Софье Андреевне. Это были действительно уже иные дни, иной период его биографии. В этот период он стремился к *иной жизни*. В 1924 году были написаны “Песнь о великом походе”, “Поэма о 36” (о “клокочущем пятом годе”). В том же году появилась баллада о двадцати шести комиссарах, стихотворение о Ленине: “Еще закон не отвердел...” Тогда же (1925 г.) было опубликовано большое “программное” стихотворение “Мой путь”. Это был взгляд в будущее и в то же время оглядка на прошлое.

Ну что же?
Молодость прошла!
Пора приняться мне
За дело,
Чтоб озорливая душа
Уже по-зрелому запела.

И пусть иная жизнь села
Меня наполнит
Новой силой...

Но в этом же самом 1925 году Есениным была написана поэма “Черный человек” (трагическое содержание ее известно)».

Восп. 2, 127–128: курсив автора.

Е.А.Есенина вспомнит:

«Хозяйство Сони было плохо налажено. Непочиненные носки, недостаток чистых носовых платков его тоже бесили. Соня не знала, как важны эти мелочи для Сергея, а Сергей считал неудобным ее переделывать и учить. Здоровому человеку всё это легко можно было уладить. Соня беспрекословно исполняла все его желания, но он не высказывал никаких желаний».

В семье родной, 249.

См. также: 23 или 24 июня 1925, вторая запись; Письма, 383.

Есенин вместе с родными играет в «буриме».

Собираясь вместе у С.А.Толстой-Есениной, поэт, его сестры, В.Ф.Наседкин и Илья Есенин иногда играли «в незатейливые игры»: в карты, в слова, в буриме, в «чепуху».

С.А.Толстая-Есенина напишет:

«В эту игру играли Шура, Катя <А.А. и Е.А.Есенины>, <В.Ф.> Наседкин, Сергей <Есенин> и я. В день нашей “свадьбы”, т. е. регистрации. С<офья> Е<сенина>».

Есенин, VII (2), 99.

На другом листке ее же рукой написано:

«Сергей, Наседкин, Катя, Шура и я играли в буриме (в день нашей регистрации). С<офья> Е<сенина>».

Есенин, VII (2), 100.

А.А.Есенина позже вспомнит:

«У Софьи Андреевны <...> было как-то тихо и чуждо. Вечера мы проводили одни, без посторонних людей, только свои: Сергей, Катя, Соня, я и Илья. Чаше других знакомых к нам заходил Наседкин и коротал с нами вечера. В то время он ухаживал за Катей, к нему хорошо относился Сергей, и Наседкин был у нас своим человеком. Даже 18 сентября, в день регистрации брака Сони и Сергея, у нас не было никого посторонних. Были всё те же — Илья и Василий Федорович.

В этот вечер за ужином немного выпили вина, а затем играли в какие-то незатейливые игры. Одной из этих игр была “буриме”. Игра эта заключалась в следующем: давались рифмующиеся попарно четыре или восемь слов. Нужно было составить стихотворение, окончанием каждой строки которого должно было быть одно из данных слов.

После первой попытки мы установили, что игра нам не удалась, и, посмеявшись, мы прекратили ее. Софья Андреевна со свойственной ей манерой всё собирать часть этой игры сохранила в своем архиве».

Восп., I, 118–119.

	«а	
шкап		стул
кап-кап		сутул

Я не наседка и не сутул.
Мне слишком низко взлетать на стул.
Взлечу я лучше на самый шкаф,
Чтоб Вам оттуда сделать кап-кап.

	б	
картошка		картина
Антошка		скотина

[Чудная картина]
[Где растёт картошка]
[Всякая скотина]

Чудная картина
[Поле и]
Греча и картошка.
Только ты скотина,
Вась, а не Антошка.

	в	
градусник		лошадь
парусник		[площадь]
плоше		

	г	
найденши		камень
клонишь		потянем

	д	
вздых		стои
издох		Бостон
	е	
кущый		мерин
Буцай		Ленин».

Есенин. VII (2), 98–99.

Петитом набраны слова, написанные всеми другими участниками игры (кроме Есенина).

М.Х.Данилов пишет Есенину из Баку:

«Милый Сережа!

Шлю теплый привет из Баку тебе и Софье Андреевн.

Пишу наудалую, так как не уверен в том, что ты — в Москве сейчас.

Жду от тебя известий о книжке и о деньгах, которые мне почему-то не шлют до сих пор.

Напиши, что с рукописью, каковы условия, удастся ли что-нибудь сделать?

Я, вероятно, вскоре попаду в Москву и нагряну к тебе на Остоженку.

Как госиздатовские истории? <...>

Назначили в Баку некоего Ходакова, которого за мошеннические проделки отовсюду выперли со скандалами, и теперь пришлось заявить протест и начать расследование. Госиздат остается Госиздатом даже в таких вопросах.

Как здоровье, самочувствие? Пиши обо всем, а особенно о книжке. Обязательно напиши предисловие. Я этого очень хочу.

Ну пока, Сережа, до свидания и, надеюсь, скорого.

Крепко целую тебя. Привет Софье Андреевн».

Письма, 291–292.

Речь идет о книге М.Данилова «Стезя», об издании которой в Москве тот просил похлопотать Есенина ранее (см.: 9 нояб. 1924, вторая запись; после 9 нояб. ... до 13 дек. 1924; 25 нояб. 1924; 6 или 7 марта 1925). Книга в свет не выходила.

П.Коломиец отправляет в Госиздат РСФСР из Конотопа письмо на имя Есенина:

«Дорогой Сергей Александрович!

Разрешите выслать Вам для просмотра рукопись книги, о которой я в нынешнем моем состоянии не могу сделать заключения. Да хоть и смог бы — всё равно: Ваши мысли о ней крайне нужны, и не для одного меня.

Просьба моя, видимо, стереотипна с десятками других просьб, обращенных к Вам. И всё же я решаюсь настаивать на ней.

— Украина литературная почти мертва.

— Волею обстоятельств я в дебрях далеких и непролазных.

Если не Вы — кто ж еще?

Ваш Павел Коломиец».

Вдовин, 401–402, с пропусками. Дается по оригиналу: ГЛМ, ф. 4, оп. 1, ед. хр. 125.

Ответ Есенина не выявлен.

Парижская газета «Дни» (№ 804) помещает статью В.Ф.Ходасевича «Там или здесь?», где заходит речь о Есенине:

«Если посмотрим на писателей, которых в России печатают и которые в значительной степени составляют тамошнюю литературу, то увидим, что большинство из них рождены не советской эпохой. Таковы — Прившин, Сергеев-Ценский, Клюев, Есенин, Пастернак, Мандельштам, Замятин, Алексей Толстой. Каждый из них как художник продолжает свою

линию, не при большевиках начатую и определившуюся. И для них всё главное решается способностями, возрастом и т. д., а не территорией. Только от того, что они стоят на земле СССР, никто из них, тривиально выражаясь, выше своей головы не прыгнул и не прыгнет. И падений особенных незаметно (я говорю о чистом искусстве, не о политике)».

Сентябрь, после 18. Домашняя игра «в чепуху» с участием Есенина.

Суть игры — в том, что в левой колонке играющие писали вопросы, а в правой (не зная, о ком или о чем идет речь) — ответы.

Есенин, VII (2), 190–192.

Есенин демонстрирует жене вспомогательную методику своей подготовительной работы к творческому процессу в «имажинистский» период.

С.А.Толстая-Есенина отметит:

«Эти кусочки <тексты на них см. ниже> с разными словами Сергей нарезал, чтобы объяснить мне, как он во времена Мариенгофа делал и придумывал целую теорию, как писать стихи».

Руки	туман
Ноч<ь>	огонь
Степь	снег
Голос	розовый
жует	красный
плачет	солома
розовый	день
Зубы	чёрт
Бумага	синий
гниёт	Горит
Солнце	скалится
кости	дерево
лист	Голова
Заря	трава
Вода	стучит
Кусает	капает.

Есенин, VII (2), 104–105.

И.В.Грузинов вспомнит (1926):

«Насколько мне известно, Есенин прибегал иногда к способу писания стихов посредством примитивной стихомашинки. У него была небольшая сумка, куда он складывал слова, написанные на отдельных бумажках, он тряс эту сумку, чтобы смешать бумажки, затем вынимал несколько бумажек. Комбинация из слов, полученных таким путем, давала первый толчок к работе над стихом».

Восп., I, 360, 361.

См. также воспоминания С.М.Городецкого и И.И.Старцева (Восп.-95, 90 и 273 соответственно) и выдержки из статей С.А.Клычкова «Лысая гора» и «Утверждение простоты» (Летопись, 4, 109, 326–327).

Сентябрь, 19. Есенин пишет первое из стихотворений цикла о русской зиме — «Эх вы, сани! А кони, кони!..»

Есенин, I, 277–278, 659.

Черновой автограф свидетельствует о большой работе Есенина над стихотворением.

Здесь оно начиналось со слов Эх, дура! В третьей строке вместо «В залихватском стенном разгоне» (Есенин, I, 277) было: *По метели в раздольной погоне* (I, 376). Поэт слишком детализирует рисуемую

картину: *Эй, ямщик, не жалей своей мочи, не удерживай мочи. И над бешеным конским* (Есенин, I, 377), а не «над всем, что было Колокольчик хохочет до слёз» (I, 277). В окончательном тексте картина более обобщенная, но используются и конкретные детали. Кроме того, Есенин три раза (после 12-й, 16-й и 24-й строк) начинает и зачеркивает строки и даже целые строфы. В 12-й строке вместо «Про веселую юность мою» было: *Про погибшую*. После нее зачеркнуто: *На такой вот безгласной равнине*. В автографе есть и не зачеркнутая, но не вошедшая в Собр. ст. строфа — между первой и второй. После 24-й строки поэт намечает новую концовку стихотворения: *И теперь вот чужие кони... И теперь под чуждой дугой* — новый вариант образа дуги, возникшего еще в первой строке автографа (Есенин, I, 377–378).

О публикациях стихотворения см.: начало нояб. 1925; 13 дек. 1925, четвертая запись.

Фотографируется в фотоателье М.Сахарова и П.Орлова.

Есенин, VII (3), [195] (№ 102), 265–266.

Месяц события определяется по первой публикации снимка в САЕ (вкл. л. между с. 224 и 225, где имеется помета: «сентябрь 1925 г.»). Число устанавливается в соответствии с календарной записью С.А.Толстой-Есениной (19 сент. 1925):

«Фотография».

НН, 1995, № 34, с. 64.

Один из этих снимков, увеличенный с оригинального негатива, будет выставлен в день похорон поэта (31 дек. 1925) у его гроба в Доме Печати (Есенин, VII (3), 265).

Посещает вместе с женой кафе.

Фиксируется по ее календарной записи от того же числа:

«В кафе».

НН, 1995, № 34, с. 64.

Нью-йоркская газета «Рассвет» (№ 401) помещает за подписью Я.Футурист стихотворный фельетон «Лекция и Маяковский», в котором упоминается Есенин:

Вчера
Я слушал
Маяковского,
Поэта
По заказу сделанного.
Слушал заразу —
Диву давался —
Откель он взялся? —
Хотя быть может
Что выть
На Руси уж всяк
Научился так? —
Знамо — голодные,
Подколотные,
Освирепелые,
Оголтелые,
Без хлеба семь лет —
Где уж там петь?

* * *

Во имя Ленина
Есенина
Пьяницей
Ругал

Во всю горланицу
Орал
Об Ильиче
Декламировал
Аплодировал
Зал
До упаду — стаду!

Сентябрь, 19 ... 30 (?). Есенин фотографируется.

Время событие определяется ориентировочно, учитывая месяц («сентябрь 1925 г.»), указанный при публикации снимка (САЕ, вкл. между с. 216 и 217), и дату, когда была сделана другая подобная фотография поэта (см.: 19 сент. 1925, вторая запись).

Есенин, VII (3), № 101, [194], 265.

См. также: до 24 дек. 1925, вторая запись.

Сентябрь, до 20. В Париже выходит журнал «Современные записки» (кн. XXV) с рецензией М.Цетлина на журнал «Красная новь» (за январь–май 1925 г.), где оценивается поэма Есенина «Анна Снегина».

Граница события определяется по упоминанию этого номера журнала в газ. «Сегодня» (Рига; 1925, 20 сент., № 211; рубрика «Новые книги»).

Автор пишет:

«Политика, увы, заползает в такую чуждую ей область, как стихи. И вот Есенин в своей поэме “Анна Снегина” тщится отразить и революцию и отношение к ней крестьянства. Написана его поэма стихом, близким к стиху Некрасовского “Мороз Красный Нос”, только с небольшими эллипсисами и с более свободной рифмовкой. Есенин добросовестно исполняет задания дружественной критики: стать новым Некрасовым. Стих его, как всегда, певуч и легок. Но всё же “Анна Снегина” — не поэма, а маленький лирический пустячок, растянутый на сотни строк. И самое сильное место поэмы — это поэтическая формула, которой Есенин отвечает на вопрос крестьянской сходки:

Скажи, кто такое Ленин?
Я тихо ответил:
Он — вы.

Воистину, лучшей формулы для безнадежно желанной “смычки с крестьянством” нельзя найти».

О публикациях текста поэмы и откликов на нее см. также: 20 марта 1925, вторая запись; 1 мая 1925, пятая и шестая записи; 3 мая 1925; 21 ... 30 мая 1925; 1 июня 1925, вторая и третья записи; до 17 июня 1925; 18 июня 1925, третья запись; 20 июня ... 3 июля 1925; 21 и 23 июня 1925; 28 июня 1925, вторая запись; 30 июня 1925, девятая запись; 1 июля 1925, пятая запись; 8 июля 1925; 12 июля 1925, четвертая запись; 19 июля 1925, четвертая и пятая записи; 22 июля 1925, четвертая запись; 26 июля 1925, восьмая и девятая записи; 30 сент. ... 12 окт. 1925; 12 окт. 1925, вторая запись; 15 дек. 1925, третья запись.

Сентябрь, 20. Есенин пишет второе стихотворение цикла о русской зиме — «Снежная зямь дробится и колется...»

Есенин, I, 279–280, 378–379, 660.

В черновике по сравнению с публикациями в «Новом мире» (см.: начало нояб. 1925) и в Собр. ст. больше обобщенных образов: *Снежная равнина*, а не «родная околица»; *душа*, *Словно от горечи, словно от мук*; *Что лучше родимой избы* (а не «тебя» — матери) *не видал*; *Жизнь открываю* — вместо: «Вот и опять у лежанки я греюсь»; *в майском саду* — вместо: «в нашем».

О публикациях стихотворения см.: начало нояб. 1925; 13 дек. 1925, четвертая запись.

Встречается с А.К.Воронским.

Событие отмечается по календарной записи С.А.Толстой-Есениной от того же числа:

«К Воронскому».

НН, 1995, № 34, с. 64.

Возможно, именно этот визит вспомнится (в 1951–1953 г.) Г.А.Воронской, дочери редактора, которой тогда было 11 лет:

«Как-то Есенин был у нас в гостях с женой С.А.Толстой. Мы пили чай. Есенин начал шутить:

— Вот вырастете вы, Галя, большой и красивой, я в вас влюблюсь и буду писать вам стихи. Ваш папа будет гнать меня из дома, потому что поэтов, да еще влюбленных, никто не жалует. А вы меня впустите в дом или тоже выгоните?

С детской прямолинейностью я считала необходимым ответить на вопрос, тем более что меня спрашивал взрослый. Однако пообещать Есенину, что я его впущу в дом, я всё-таки не решилась. Бог его знает, что будет, когда я вырасту, а обещать вперед — дело опасное. Однако, представив себе Есенина, стучащегося в закрытую дверь, я разжалобилась и попыталась отговориться шуткой, но он настойчиво стал требовать ответа. Тогда — подумав немного, я ответила:

— Ну, так и быть, уж впущу в дом...

Есенин очень смеялся над моим “так и быть”».

Воронская, 16.

А.А.Есенина приходит в Померанцев пер. и, не застав брата дома, оставляет записку:

«Сергей и Соня. Была у вас, а вы и не подумали оставить денег, ушли, и ладно. Ну, пока. Шура. 20/IX».

На ней есть помета О.К.Толстой:

«Соня, я дала Шура 20 р. Марфиных (отдай ей, а также Катя брала у нее 10 р.), а на столе я потом нашла 15 р., кот<орые> и взяла себе, за твой долг. Мама».

Есенин, VI, 731.

См. Приложение.

Минская газета «Звезда» (№ 216) публикует стихотворение С.Пилитовича «Ответ» с упоминанием Есенина.

Автор стихотворения рекомендует «кудлатому Сёмке», комсомольцу, «не хныкать и лаять в наши года»:

Мы только в разгаре весеннем
 (Доказывать это мне ли?)
 С нас хватит
 Плакальщика Есенина,
 Щеголяющего в советской шинели.
 Не нужно, не нужно грустить нам,
 Ветер грусти давно утих —
 Давай нам крепкий и вкусный
 Комсомольский стих!..

Перевод с белорусского П.И.Радечко.

Сентябрь, 21. Есенин с женой смотрят фильм «Сын Маэстро».

Событие отмечается по календарной записи С.А.Толстой-Есениной от того же числа:

«“Сын Маэстро”. Дж<еки> Куг<ан>».

Календарь ГМТ (публикуется впервые).

Под таким названием шел в Советской России американский фильм «Daddy» («Папочка», 1923; режиссер Э.Мейсон Хоппер, с участием девятилетнего мальчика-киноактера Джеки Кугана).

Скорее всего, супруги смотрели этот фильм в кинотеатре по адресу: Новая Басманная ул., 20 — единственном кинотеатре Москвы, где, согласно анонсам, опубликованным в периодике, шел в те дни «Сын Маэстро» (см.: газ. «Вечерняя Москва», 1925, 22 сент., № 216 и 23 сент., № 217).

Сведения о создателях и участниках этого фильма (по периодике Москвы и Ленинграда) и о месте его тогдашней демонстрации в Москве выявлены Н.М.Солобай.

Сентябрь, 21 или 22. Есенин пишет записку А.А.Есениной:

«Милый Шурёнок.

Я обиделся, что ты ушла. Позвони мне, родная.

Твой Сергей.

Люблю, люблю».

Есенин, VI, 224.

См. также: 20 сент. 1925, третья запись.

См. Приложение.

Сентябрь, 22. Есенин начинает работать над третьим стихотворением цикла о русской зиме — «Синий туман. Снеговое раздолье...»

В ГЛМ (ф. 4, оп. 1, ед. хр. 15) три источника его текста: черновой автограф ст. 1–8 и двух не вошедших в окончательную редакцию строф (с датой рукой С.А.Толстой-Есениной: «22-IX-25»); машинописная копия этой рукописи с авторской правкой и черновиком окончания стихотворения (дата «24-IX-25» ее же рукой); ее же список полного текста стихотворения, без даты, с авторской правкой.

С.А.Толстая-Есенина напишет в 1940 г.:

«Над этим стихотворением Есенин работал, с перерывами, в течение трех дней».

Цит. по: Хроника, 2, 361.

Перерывы были вызваны тем, что в те дни Есенин ненадолго выезжал в Константиново (см.: 23 сент. 1925, первая запись; 24 сент. 1925, первая запись).

Черновой автограф ст. 1–9 и двух впоследствии отброшенных строф (ГЛМ):

- 2 I «Тонкий лимонный свет лун<ы>
II *как в тексте.*
- 3 I Ах как приятно с хорошей болью
II *как в тексте.*
- 5–8 I Снег у крыльца как песок зыбучий.
Ах вот в так<ой же>
II Снег у крыльца как песок зыбучий.
Вот при такой же луне над прудом
Шапку кошачью
III Снег у крыльца как песок зыбучий.
Вот при такой же луне над прудом,
Шапку из кошки на лоб нахлобучив,
Тайно покинул я отчий дом.
IV *как в тексте.*

После ст. 8 две незаконченные строфы, не вошедшие в окончательный текст:

- I Счастье искал я везде и всюду
II Много скитался я в разных странах,
Счастье казалось живет везде
И улыбался над
III Много скитался я, много бродяжил,
Счастье, казалось, живет везде,
И улыбался с собаками даже
Не согревавшей душу звезде.

- I Был я и нищим и был знаменитым
 II Был я безвестным и был известным
 III Был я бесславным и был известным
 Только желанный удел не нашел.
 Взглядам веселым и взорам честным

9 Слова вернулся я к отчему крову».

Есенин, I, 379–380.

См. Приложение.

Вместе с женой Есенин посещает Госиздат РСФСР.

Событие устанавливается по ее календарной записи от того же числа:

«В ГИЗ».

НН, 1995, № 34, с. 64.

И.В.Евдокимов вспомнит:

«Недели через полторы <ср.: 11 или 12 сент. 1925 > стихи вернулись в более налаженном виде, но увы — и в таком обличье посылать их в типографию не представлялось возможным: рукопись была не пронумерована, без оглавления, на одном листе соединилось по несколько стихотворений без начала и конца, кое-где было по несколько дат, зачеркнутых и перечеркнутых и опять восстановленных, не соблюдена строчичность, тексты не сверены после машинистки и т. д.

Нетрудно было рассердиться на другого, но на этого обаятельного человека, серьезно и детски синевшего глазами над тобой, было свыше человеческих сил рассердиться.

— Теперь, кажется, совсем хорошо,— торопливо суетился он у стола, — тут вот — лирика, тут — поэмы. Я еще подбавлю. Соня переписывает.

Тогда и условились еще раз-два просмотреть рукопись вместе со мной в отделе».

Восп.-95, 466–467.

См.: 30 июня 1925, первая запись; 3 июля 1925, вторая запись; 7 июля 1925, первая запись; 19 июля 1925, первая запись; 21 июля 1925, вторая запись; 3 авг. 1925, первая запись; 12 авг. 1925; 24 авг. 1925, вторая запись; 11 или 12 сент. 1925; 12 сент. 1925, первая запись; 10 окт. 1925; 15 окт. 1925, первая запись; после 20 окт. 1925; окт. — до 26 нояб. 1925; конец нояб. 1925, первая запись; 9–11 часов утра 23 дек. 1925.

Супруги приходят в редакцию журнала «Красная новь», а затем вместе с В.В.Казиним отправляются в ресторан при Большой Московской гостинице.

События отмечаются по календарным записям С.А.Толстой-Есениной того же дня:

«В Кр<асную> Новь. В Б<ольшой> Моск<овский> с Каз<иным>».

НН, 1995, № 34, с. 64.

Вместе с женой и сестрой Есенин идет на кинофильм «Михаэль». Перед сеансом они случайно встречаются с Н.Н.Захаровым-Мэнским, а по окончании заходят в казино.

События фиксируются по календарным записям С.А.Толстой-Есениной того же дня:

«“Михаэль” с Катей. Казино».

НН, 1995, № 34, с. 64.

В тот вечер немецкий фильм «Михаэль» (режиссер Карл Теодор Дрейер, 1924; в главных ролях Вальтер Слезак и Беньямин Кристенсен) шел, как выявлено Н.М.Солобай, в кинотеатрах «Ша-Нуар» (Страстная пл.) и «Мраморное кино» (пл. Революции, уг. Тверской, 1/2). В каком из них проходил киносеанс, где побывали Есенин и его спутницы, не установлено.

Н.Н.Захаров-Мэнский вспомнит (1927):

«В последний раз я видел его <Есенина> в кафе “Капулер”. Он шел в кино с С.А.Толстой и сестрой Катей. Если не ошибаюсь, они шли на “Михаэля” — превосходную инсценировку романа Банга. Это снова был прежний Сережа, тихий и милый, грустный немного, и эти полчаса, проведенные с ним в последний раз, останутся навсегда для меня дорогим воспоминанием».

Восп.-95, 182.

Одноименный роман датского писателя Германа Банга вышел в 1904 г. (рус. пер.: 1911).

В письме М.М.Шкапской к С.А.Толстой-Есениной из Ленинграда заходит речь о Есенине:

«Сонюшка, роденькая моя,

приехала я из своих болот и сразу получила все новости о Вас <...>. Я до сих пор не знала о Вашем замужестве. Что ж, деточка, в женщине всегда есть жажда мученичества. Знаю, что будет Вам трудно, но ведь Вы и не принадлежите к числу тех, кто выбирает себе легкие дороги в жизни. Как же только Борис Андреевич <Пильняк>? Милая, напишите мне хоть немного, а то Бог весть, когда я попаду в Москву, а я очень утратила ниточки, так было крепко связавшие меня с Вами.

Я не писала, потому что очень опустошена у меня душа. К чему я это делаю — я не знаю, но при огромной жажде любви и авантюры — не меньшей, Сонюшка, чем у Вас, — я только и делаю, что и жизнь, и авантюру от себя отталкиваю, когда они врываются в мою жизнь. Но обо всё этом трудно писать, — а Вы мне хоть несколько слов пришлите, дорогая.

Всем сердцем с Вами, целую, всегда люблю. Будьте счастливы, дорогая, если сумеете, — к этому нужны большие способности.

Ваша всегда МШ.

Привет С. А.».

НН, 2002, № 63/64, с. 144.

См. также: 26 марта 1925, вторая запись; 20 апр. 1925.

В Ленинграде выходит журнал «Резец» (№ 39), где в разделе «Что читать» отмечается:

«С.Есенин. Стихи

С.Есенин. Русь советская».

Дата события определяется с учетом того, что журнал выходил по понедельникам, а № 39 — это четвертый номер, выпущенный в сентябре. Четвертым понедельником в этом месяце 1925 г. было 22-е число.

Сентябрь, 23. Есенин (с кем-то из близких) выезжает в Константиново.

Событие отмечается по двум сохранившимся плацкартам Московско-Казанской железной дороги № 034518 и 034519 к железнодорожным билетам № 1800 и 1801 соответственно, выданным в Москве 23 сент. 1925 на поезд 10 (вагон 9, места 17 и 18) до ст. Дивово.

Первая из них находится в ГМЗЕ. Факсимильно воспроизведена в кн. «Есенинские раритеты: Каталог из фондового собрания / Гос. музей-заповедник С.А.Есенина» (М.; [Рязань], 2011, с. 89), с описанием легенды экспоната на основе сведений К.С.Есенина (см. о них: ЕИС, 378): «Билет был обнаружен в гостинице “Англетер” среди вещей С.А.Есенина после трагической гибели поэта 28 декабря 1925 года».

Вторая плацкарта недавно (10 сент. 2012) выявлена среди материалов архива С.А.Толстой-Есениной: ГЛМ, ф. 4, оп. 1, ед. хр. 339 (Рнв 243/8, л. 7). На обороте документа — ее рукой: «Ж. д. билет Сергея». Однако плацкарта самого поэта так и осталась при нем (см. выше), так что не исключено, что единственный источник пометы С.А.Толстой-Есениной — это информация, полученная ею от Е.А.Есениной. Очень вероятно, что сестра поэта (скорее всего, сопровождавшая его в той поездке) спустя несколько лет

передаст в Музей Есенина при Всероссийском союзе писателей собственную плацкарту, за давностью времени посчитав ее принадлежавшей брату. Однако нельзя всё же исключить и того, что с Есениным мог тогда выехать в Константиново другой его родственник — И.И.Есенин.

См. Приложение.

С.А.Толстая-Есенина перепечатывает черновой набросок стихотворения Есенина «Синий туман. Снеговое раздолье...»

Об этой машинописи см.: 22 сент. 1925, первая запись. Время ее исполнения определяется сроками начала и окончания работы поэта над произведением.

Сентябрь, 24. Есенин возвращается в Москву.

Событие устанавливается, исходя из содержания предыл. и след. записей.

Правит машинопись С.А.Толстой-Есениной, выполненную с исходного черновика стихотворения «Синий туман. Снеговое раздолье...», и дописывает его до конца.

Об этом источнике текста см.: 22 сент. 1925, первая запись.

Зачеркнув в машинописи две строфы после ст. 8, перепечатанные с первоначального наброска стихотворения (см. там же), Есенин продолжает от руки:

9–10 I Снова вернулся я к отчему крову

II Снова вернулся я в дом родимый

III Снова вернулся я в край родимый,

Пес мой любимый меня забыл

После ст. 12 строфа, не вошедшая в окончательный текст:

Тихо всплывает веселое детство,

Я ль не крестьянин и я ль не богат,

Есть у меня родовое наследство —

Старая кошка и пара щенят.

13–16 Эту я кошку себе на шапку,

Этих щенят я себе на мех.

Вспомнил я дедушку, вспомнил я бабуку,

Вспомнил кладбищенский рыхлый снег.

21 Вот почему я чуть-чуть не заплакал

Есенин, I, 379–381.

См. Приложение.

Газета «Известия ЦИК СССР и ВЦИК Советов» (№ 218) печатает материалы, в которых говорится о Есенине:

— статью Г.Лелевича «В преддверии “литературного сезона”»:

«Значительно менее отрадны итоги литературного сезона <1924–1925 гг.> в области попутнической поэзии. “Русь советская” Есенина да стихи конструктивистов, — вот почти всё, заслуживающее внимания в этой области.»

О перепечатках см.: до 16 окт. 1925; 11 нояб. 1925, вторая запись;

— информацию о выходе журнала «Красная новь» (№ 7) со стихами Есенина.

См.: 3 и 5 сент. 1925; 10 ... 24 сент. 1925; 15 сент. 1925, вторая запись; 16 ... 23 сент. 1925; 25 сент. 1925, третья запись; 30 сент. 1925, вторая запись; 15 окт. 1925, третья запись; 1 нояб. 1925, шестая запись.

Газета «На вахте» (№ 218; рубрика «О книгах») помещает анонимную рецензию на сборник Есенина «Персидские мотивы»:

«Лирические стихи Есенина читать бы вообще не следовало, — ничего в них ни интересного, ни поучительного никогда не бывает. Содержание вечно одно и то же, мотив вечно один и тот же, и герои этих песен; “девушка в белом” и “собаки-почтальоны” вечно одни и те же с “вечной любовью”. Но среди этого чуждого и непонятого нашему времени хлама иногда вырывается поэт из неестественного тупика и нападает на оригинальные мысли и песни. В предлагаемой книжечке стихов имеется небольшая поэма “Мой путь”. Как и всё прочее, есенинское, — бессодержательная, шаблонная поэмка, но прочесть ее всё же стоит, потому что в ней есть такие истинно-поэтические нотки, которые способны затронуть сокровенные чувства гражданина.

Года далекие,
Теперь вы как в тумане.
И помню, дед мне
С грустью говорил:
“Пустое дело...
Ну, а если тянет —
Пиши про рожь,
Но больше про кобыл”.

Очевидно, дед у Есенина был уж не так глуп и советовал ему хорошие темы для поэзии; про рожь, про кобыл, а, следовательно, и про весь быт деревни. Увы! Не пошли слова деда впрок его даровитому внуку. Писать его очень тянет, и он пишет персидскую любовную чепуху, о черных глазах и о белых девушках, вечно на один и тот же мотив:

Шаганэ ты моя, Шаганэ!

Прочтите эту книжечку, тоже своего рода поучительная история и для рабкоров и для всей пишущей братии».

Вырезка — Тетр. ГЛМ, где отмечена яркой карандашной пометой.

См. также: после 2 марта 1925, вторая запись; 22 апр. 1925, первая запись; до 26 мая 1925; 26 мая 1925; после 26 мая 1925; 29 мая ... 6 июня, или 10 июня ... 9 июля, или 16 ... 25 июля 1925; конец июня — 7 (?) июля 1925, первая запись; 1 ... 22 июля 1925; 3 (?) июля 1925; 4 июля 1925, вторая запись; 20 июля 1925, первая запись; до 24 июля 1925, первая запись; 31 июля 1925, вторая запись; после 6 сент. 1925, первая запись; 17 нояб. 1925, вторая и третья записи; 20 нояб. 1925; 21 нояб. 1925, первая запись; нояб. (?) 1925, четвертая запись.

Парижская газета «Последние новости» (№ 1662; раздел «Хроника сов<етской> литературы»; подпись: «В. П.») помещает информацию о выходе в России книги Есенина «Песнь о великом походе».

См.: 1–6 авг. 1924, третья запись; 2 сент. 1924, первая запись; 15 марта 1925, третья запись; 28 марта 1925, первая запись; 1 апр. 1925, третья запись; 1 ... 15 апр. 1925; 5 апр. 1925, третья запись; 12 апр. 1925, вторая запись; 15 апр. 1925; 16 апр. 1925; 22 апр. 1925, вторая запись; до 3 мая 1925; 13 мая 1925; 24 мая 1925, седьмая запись; после 24 сент. ... 2 нояб. 1925, или 9 ... 25 нояб. 1925; первая половина дек. 1925, пятая запись.

См. также: Есенин, III, 604.

Сентябрь, 24 или **после 24**. Есенин правит переписанный С.А.Толстой-Есениной полный текст стихотворения «Синий туман. Снеговое раздолье...»

Есенин, I, 663.

См. также: 22 сент. 1925, первая запись; 23 сент. 1925, вторая запись; 24 сент. 1925, вторая запись. О публикации стихотворения см.: первая половина дек. 1925, первая запись.

Сентябрь, после 24 – Ноябрь, 2. Соревнуясь с В.П.Катаевым и Э.Г.Багрицким, Есенин пишет шуточное стихотворение «Пил я водку, пил я виски...»

Рамки этого и других событий, произошедших в этот промежуток времени, отмечаются в соответствии с тем, что тогда Есенин из Москвы не выезжал (ср.: 24 сент. 1925, первая запись; 2 нояб. 1925, вторая запись).

Экспромт (текст см.: Есенин, IV, 265) написан в шуточном соревновании между тремя поэтами: Есениным, В.Катаевым, Э.Багрицким. В книге «Алмазный мой венец» (1978) В.Катаев упомянет о том, как Есенин произнес его заключительные строки:

«При последних словах он встал со слезами на голубых глазах, показал рукой на склоненную голову Пушкина и поклонился ему низким русским поклоном».

Текст сонета Э.Багрицкого неизвестен. Стихотворение В.Катаева:

Разговор с Пушкиным

Когда закат пивною жижей вспенен
И денег нету больше ни шиша,
Мой милый друг, полна моя душа
Любви к тебе, пленительный Есенин.

Сонет, как жизнь, суров и неизменен,
Нельзя прожить, сонетов не пиша.
И наша жизнь тепла и хороша,
И груз души, как бремя звезд — бесценен.

Нам не поверили в пивной в кредит,
Но этот вздор нам вовсе не вредит.
Доверье... Пиво... Жалкие игрушки.

Сам Пушкин нас благословляет днесь:
Сергей и Валентин и Эдуард — вы здесь?
— Мы здесь! — Привет. Я с вами вечно.
Пушкин.

Есенин, IV, 469.

Я.Гаскаков пишет Есенину:

«Сереза.

Устрой, пожалуйста, что-нибудь такое, чтобы выйти из этого положения поскорее. Потому что можно обалдеть в эту слякоть без копыя. Если можешь, приходи сам или пришли с кем-нибудь из твоих малых учеников, или как сам знаешь: не мне тебя учить. / Ян.

P. S. Скрипку не продам, хоть бы сам сатана мне наступил на грудь (!)».

Письма, 293.

Возможно, откликаясь на просьбу Я.Гаскакова, Есенин обращается к В.Ф.Наседкину:

«Васёк! Одолжи Яну трешницу. Я иду получать деньги, кот<орые> будут только около 4 часов.

Приходи вечером.

Будем говорить.

Есть о чем.

Твой Сергей».

В семье родной, 93.

Сбрасывает свой бюст работы С.Т.Конёнкова (глина) с балкона квартиры в Померанцевом пер., что приводит к уничтожению скульптуры.

Событие устанавливается по воспоминаниям А.А.Берзинь:

«Еще по осени <1925 г.> Сергей с балкона сбросил свой бюст работы Конёнкова, уверяя, что Сереже (так он называл свой бюст) очень жарко и душно. Он вынес бюст на балкон, поставил на балюстраду и, увидев, что внизу никого нет, столкнул бюст на улицу».

Берзинь А. Последние дни Есенина / Публ. Р.Э.Киршон. — Альм. «Кубань», 1970, № 7, с. 94.

Несколько иначе описывается этот эпизод М.В.Бабенчиковым (1926):

«Осенью 1925 г. эту голову <имеется в виду упомянутый бюст> Есенин выбросил с 4-го этажа своей квартиры, сказав: “Она мне надоела”».

ИМЛИ, ф. 32, оп. 3, ед. хр. 5, л. 11.

См. также: 30 июня 1925, четвертая запись.

Встречается с В.П.Козловым.

Событие и его время устанавливаются по воспоминаниям В.П.Козлова:

«<По возвращении поэта с Кавказа> стал я Есенину надоедать частенько по телефону. В один из вечеров мы условились, что я приеду к нему.

Заехал я к Есенину часов в семь с половиной вечера. Дома у него в то время находился Василий Наседкин — сидели, пили чай. Есенин познакомил меня с Софьей Андреевной и ушел в спальную комнату одеваться. Оказалось, что они собирались в кино.

Минут через десять Есенин пришел и сел за стол, предложив мне стакан чаю. Я отказался. Тогда он спросил меня:

— Как, стихи привез?

— Да, — ответил я.

Я отдал ему папку стихов, он встал, открыл письменный стол, положил стихи, сказал:

— Я их просмотрю, товарищ Козлов, вы не беспокойтесь.

Он меня спросил, не могу ли я поддержать их компанию. Я изъявил согласие.

Все вместе вышли на улицу. Было скользко. Я взял Сергея под руку. Софья Андреевна с Наседкиным шли сзади нас.

Он мне сказал:

— Если помнишь стихи, прочти, я послушаю.

Я был рад, но предупредил, что читаю неважно. Он ответил:

— Лишь бы были хорошо написаны.

Я начал читать.

Есенин долго молчал, потом медленно произнес:

— А знаешь, мне очень нравится деревня. Ты не торопись, товарищ Козлов, я помогу, ведь я старше тебя на десять лет... Не торопись выпускать книгу, я просмотрю и помогу, — добавил он».

Вдовин, 444–445.

С.А.Толстая-Есенина вспомнит:

«...некто Козлов, смазливый, развязный малый, рабфаковец, писал ужасные стихи. К. задавал вопросы вроде того, как С. относится к своей “Руси советской” и др<угим> такого рода вещам и будет ли он продолжать эту линию. С. отвечал вежливо, смущенно и уклончиво, что, конечно, он от этих вещей не отказывается, а что там, видно будет. Большинство такого рода “интервью” проходили так. К. процитировал 2 строчки из <пропуск в рукописи> и указал, что здесь неправильное построение, что так по-русски сказать нельзя. С. очень вежливо “посадил” его. И после ухода К. он очень радовался и смеялся тому, как он его уничтожил. Вот у этого К. тоже было стихотворение, посвященное Е., кот<орое> вызывало всегда и у Е., и у нас всех громкий хохот. Я редко видел, чтобы Е. над чем-нибудь так смеялся, как над этими стихами. Долгое время у нас бы-

ло привычкой занимать гостей стихами К. Если Е. хотел повеселиться — он сейчас же просил достать тетрадь К. и принимался читать вслух и смеяться изо всех сил».

Есенин, VI, 710.

См. также: 16 июня 1925, шестая и седьмая записи; 26 или 27 июня ... 9 июля, или 16 ... 24 июля 1925.

Видится с матерью на квартире Пышкиных (есенинских земляков) и просит у нее прощения.

Событие фиксируется по воспоминаниям Т.Ф.Есениной в изложении С.А.Толстой-Есениной (дневниковая запись последней от 30 дек. 1932):

«С матерью говорили о Сергее. <...> Вспомнила, как он ее выгнал от меня <см.: конец июня — 7 (?) июля 1925, третья запись>, а осенью у Пышкиных бросился, плакал и кричал: “Прости меня, мать!”»

НН, 1995, № 34, с. 68.

См. также: 7 ... 27 (?) марта 1925; 16 мая 1925; 20 авг. 1925, первая запись.

Сентябрь, после 24 ... Ноябрь, 2, или Ноябрь, 7 ... 25. Есенин пишет А.А.Берзину.

Предполагаемое время события определяется с учетом сроков одновременного пребывания Есенина, его сестры Екатерины и брата Ильи (упомянутых в записке) в Москве осенью 1925 года до того, как поэт окажется на стационарном лечении.

Из записки:

«Милая Анна Абрамовна!

Сегодня утром я сказал Екатерине, чтоб она взяла деньги из “Красная Новь”. <...>

Она получила деньги, купила себе платье, ночью ей еще шила портниха и ни копейки мне не привезла и сама не показывается.

Всему этому конец!!!... Но главное в том, что, надеясь и будучи уверен в своих деньгах, я зашел обедать в ресторан. Денег за расплату не хватает.

Позвоните Марку <М.Н.Мейчику> и возьмите у него 50 руб. до среды на свое или мое имя. Пошлите Илюшку.

Люб<ящий> С. Есенин».

Есенин, VI, 218–219 (с ориентировочной датой: «до 25 июля 1925 г.»).

Однозначный выбор в пользу того или иного из интервалов времени события, указанных выше, сделать не удастся, так как Есенин печатался (и, следовательно, получал гонорары) в журнале «Красная новь» в течение всего 1925 г.

Из воспоминаний Е.А.Есениной (1940-е гг.):

«Сергей зорко следил за каждым моим движением и часто до слёз доводил меня своей придирчивостью. “Боже мой, Боже мой, — говорил он, — и когда же ты, дура, будешь умной. Нет, я не могу больше, я напишу отцу, пусть хоть он тебя поучит уму-разуму”. <...> Я хорошо знала, что писать он не будет, а его тон и словарь брани были так похожи на брань матери с ним, что мне иногда хотелось сказать ему: “Здравствуйте, мамаша, Татьяна Федоровна!”

Но таким тоном он бранился, когда не было большой вины, например, лишняя трата последних денег на перчатки, пудру или порчу туфель и платья. Когда он был сердит понастоящему, он не бранился, взгляд его становился тяжелым, глаза из синих делались оловянными, и казалось, он сверлит твою душу до самых сокровенных мест».

В семье родной, 237.

Сентябрь, после 24 ... Ноябрь, 2, или Ноябрь, 9 ... 25. Есенин встречается с В.И.Болдовкиным, читает ему новые стихи и надписывает свои книги.

Содержание события устанавливается по воспоминаниям В.И. Болдовкина, а его предположительные рамки определяются временем тогдашнего пребывания Есенина в Москве с учетом сведений из его писем П.И.Чагину от 8 нояб. 1925 г. («... скажи ему <отцу>, чтобы он погрозил хоть мизинцем Ваське — за то, что он не приходит»; Есенин, VI, 227) и 27 нояб. 1925 г. («Васька ко мне заходит только один раз. Он лежит в больнице с ногой»; Есенин, VI, 228). Принято также во внимание, что 26 нояб. 1925 (см.) поэт ляжет в клинику.

Об этой встрече с Есениным мемуарист напишет:

«Перед октябрьскими праздниками <скорее, всё же, либо задолго до, либо вскоре после них; см. выше> я зашел как-то к нему. С ногой у меня было плохо, старая рана не давала покоя. Долго сидели мы с ним и перебирали в воспоминаниях прошедшие дни. <...> Он мне читал новые его стихи, читал и “Черного человека”.

— Но я его не выпускаю, буду еще много-много над ним работать.

При уходе <правильнее: “Перед моим уходом”> он мне подарил несколько своих изданий...»

Болдовкин-2003, 96–97.

Это были книги (их теперешнее местонахождение неизвестно):

— «Персидские мотивы» с надписью:

«Милому Васе Болдовкину в знак дружбы. С. Есенин».

Есенин, VII (1), 284, 493–494.

См. также: после 2 марта 1925, вторая запись; 22 апр. 1925, первая запись; до 26 мая 1925; 26 мая 1925; после 26 мая 1925; после 28 мая 1925, вторая запись; 1 ... 22 июля 1925; 3 июля 1925, первая запись; 4 июля 1925, вторая запись; 20 июля 1925, первая запись; 31 июля 1925, вторая запись; после 6 сент. 1925, первая запись; 24 сент. 1925, третья запись; 17 нояб. 1925, вторая запись; 20 нояб. 1925; 21 нояб. 1925, первая запись; нояб. (?) 1925, четвертая запись;

— «Избранное» [М., 1922] с надписью:

«Милому Васе Болдовкину с любовью».

Есенин, VII (1), 285, 494.

См. также: 11 сент. 1922; окт. ... дек. 1922; после 10 марта ... до 8 апр. 1923; 26 марта 1923; до 21 авг. 1923, вторая запись;

— «Песнь о великом походе».

См.: 1–6 авг. 1924, третья запись; 2 сент. 1924, первая запись; 15 марта 1925, третья запись; 28 марта 1925, первая запись; конец марта — до 16 апр. 1925, первая запись; 1 апр. 1925, третья запись; 5 апр. 1925, третья запись; 12 апр. 1925, вторая запись; 15 апр. 1925; 16 апр. 1925; 22 апр. 1925, вторая запись; до 3 мая 1925; 13 мая 1925; 24 мая 1925, седьмая запись; 24 сент. 1925, пятая запись; первая половина дек. 1925, пятая запись.

Сентябрь, до 25. Выходит журнал «Октябрь» (№ 9; за сентябрь) с анонсом о выходе книги Есенина.

Граница события устанавливается по информации о выходе номера (газ. «Известия ЦИК СССР и ВЦИК Советов», 1925, 25 сент., № 219).

Из журнального анонса:

«... в ближайшее время выйдут <...> Избранные произведения С.Есенина».

См. также: 12 сент. 1925, пятая запись; 16 ... 23 сент. 1925.

Книга поэта с таким названием не выходила.

Сентябрь, 25. Журнал «Город и деревня» (№ 18) публикует под названием «Номах (отрывок из пьесы)» часть главы «Экспресс № 5» драмати-

ческой поэмы «Страна Негодяев» (строки 1–90, 111–161, 178–185, 191–195, 202–217).

См. Приложение.

См. также: 15 июня 1925, третья запись; 16 июня 1925, вторая запись.

Калужская газета «Коммуна» (№ 218; рубрика «Книжная полка»; подпись: «Е.») помещает рецензию «Библиотека “Огонек”. Книжки 1–65» с упоминанием «Избранных стихов» Есенина:

«Кое-что из Есенина, причем взяты не лучшие вещи».

См. также: после 2 марта 1925, третья запись; до 14 июня 1925; 14 июня 1925, первая запись; после 14 июня 1925; 16 ... 30 июня 1925; 30 июня 1925, третья запись; 27 июля 1925; 28 июля 1925, третья запись; 22 авг. 1925; 1 окт. 1925, вторая запись.

Газета «Правда» (№ 219) дает рекламное объявление Госиздата о выходе из печати журнала «Красная новь» (№ 7) со стихотворениями Есенина.

См.: 3 и 5 сент. 1925; 10 ... 24 сент. 1925; 15 сент. 1925, вторая запись; 16 ... 23 сент. 1925; 24 сент. 1925, третья запись; 30 сент. 1925, вторая запись; 15 окт. 1925, третья запись; 1 нояб. 1925, шестая запись.

М.Я.Презент пишет Есенину:

«Уважаемый товарищ,

прошу Вас зайти в Московскую редакцию Ленгиза для оформления продления срока представления рукописей по договорам № 1069/1230 (“Ржаные кони”) и № 1267/1428 (“Новые стихи”).

Зав. Моск. редакцией Ленгиза / М.Я.Презент».

Письма, 292.

Эти книги не выйдут (Есенин, VII (3), 100).

Сентябрь, 25 ... 30. Есенин пишет стихотворение «Не жалею вязи дней прошедших...», остающееся незавершенным.

Есенин, IV, 277, 477–478.

Время этого и следующего событий отмечается по свидетельствам мемуаристов, а его нижняя граница определяется ориентировочно с учетом даты возвращения поэта из Константинова (см.: 24 сент. 1925, первая запись).

А.Ф.Кулёмкин вспомнит:

«Сентябрь 1925 года. Шли мимо от Кудринской к Арбату, и “на огонек” зашли ко мне Сергей Есенин, Петр Орешин, Василий Наседкин и Иван Приблудный. Читали стихи, читали возбужденно и вразнобой <...>. Я показал Сергею Александровичу свой альбом и он без особой просьбы написал четверостишие...»

Восп.-65, 428.

Местонахождение альбома с автографом Есенина в настоящее время неизвестно.

Приезжает к А.Р.Изрядновой, чтобы сжечь свои рукописи.

А.Р.Изряднова позже напишет:

«В сентябре 1925 года пришел с большим белым свертком в 8 часов утра, не здороваясь, обращается с вопросом:

— У тебя есть печь?

— Печь, что ли, что хочешь?

— Нет, мне надо сжечь.

Стала уговаривать его, чтобы не жег, жалеть будет после, потому что и раньше бывали такие случаи: придет, порвет свои карточки, рукописи, а потом ругает меня — зачем давала. В этот раз никакие уговоры не действовали, волнуется, говорит: “Неужели даже ты не сделаешь для меня то, что я хочу?”

Повела его в кухню, затопила плиту. И вот он в своем сером костюме, в шляпе стоит около плиты с кочергой в руке и тщательно смотрит, как бы чего не осталось несожженным. Когда всё сжег, успокоился, стал чай пить и мирно разговаривать. На мой вопрос, почему рано пришел, говорит, что встал давно, уже много работал.

Восп., 1, 145–146.

Сентябрь, 26. В редакцию газеты «Бакинский рабочий» поступают четыре стихотворения Есенина «Я красивых таких не видел...»; «Ах, как много на свете кошек...»; «Ты запой мне ту песню, что прежде...»; «В этом мире я только прохожий...»

Событие и его дата устанавливаются по сведениям из писем С.Ф.Файнштейна (см. след. запись) и В.А.Мануйлова (см.: 27 сент. 1925, вторая запись).

С.Ф.Файнштейн пишет из Баку С.А.Толстой-Есениной:

«Многоуважаемая София Андреевна!

Сердечнейше поздравляю <с регистрацией брака>. Противно человеческому естеству было бы, если бы толика счастья, отпущенная всем, миновала такого прекрасного человека, как Вы. (Ах, ах! Простите, расчувствовался).

Стихи получены <см. предыд. запись>. Пойдут так, как вы просили, “Сестре Шуре” — все вместе. <...>

В Москве буду к 1 ноября.

Целую Сергея врасос. Клянусь Аллахом, что и Вы, и все доктора преувеличиваете (ют?) с легкими. Лечить надо, беречься надо, а паникерствовать никаких оснований нет.

Крепчайше жму руку».

ГЛМ, ф. 4, оп. 1, ед. хр. 438, л. 2–3.

Стихи Есенина «Сестре Шуре» в «Бакинском рабочем» так и не появятся. Об их первой публикации см.: 11 окт. 1925, первая запись.

Газета «Парижский вестник» (№ 123) перепечатывает стихотворение Есенина «Я иду долиной. На затылке кепи...»

См. также: 18 июля 1925, первая запись; 4 авг. 1925, первая запись; 6 авг. 1925, первая запись; 9 авг. 1925, вторая запись; 30 авг. 1925, вторая запись; вторая половина сент. 1925.

Нью-йоркская газета «Русский голос» (№ 3602) помещает статью А.Ветлугина «День за днем. На отмели времени», в которой говорится о Есенине:

«Тема настоящей проповеди — Что останется от нынешнего периода Бури и Натиска в русской литературе. От всех “измов” и прочих суффиксов.

Останется мастерство... Лиризм... <...> Клюев не останется <далее — сходная оценка Б.Пастернака и П.Орешина>.

Есенин... Над этим цинично-восторженно печальным ликом остановится в раздумье отлив... заберет безжалостно “Исповедь хулигана”, камня на камне не оставит на деревенских одах, сурово, быть может слишком сурово, отнесется к попыткам революционной стилизации в “Пугачеве”, не усмотрит ни тени мастерства в “Инонии”. Прикрикнет на подогнанные образы. Досадливо отмахнется от направленчества. Но потом, пропустив сквозь железное сито всё остальное, написанное и напетое Есениным, — оставит на мели времен тот Лиризм (с “Л” большим), который во всей современной русской поэзии составляет монополию поэта, на одно не умирающее вечное стихотворение которого приходится 250 плохих и никчемных.

Если бы Есенин написал бы только одно стихотворение в своей жизни — “Увядаюм золота <так!> охваченный, я не буду больше молодым” — и тогда ему было бы обеспечено почетное место в Мировой Поэзии, потому что при всех попытках “великоруссизации”, “рязанизации”, — Есенин — единственный русский поэт, ритмы которого созвучны мировой душе, который иногда (быть может, слишком редко!) умеет подняться над преходящими историческими течениями, злободневными процессами... Лиризм Есенина родился до мешочничества, и он не умрет со смертью мешочничества».

И.К.Дитерихс пишет О.К.Толстой из Ташкента:

«Теперь тебе приходится считаться с другой парой так несчастливо сочетавшихся... <...>

Когда я в редакции “Бакинский рабочий” спросил секретаря — когда бывает в редакции С.А.Е<сенин> — он с раздражением ответил: “Да разве можно что-нибудь определенное сказать о таком безалабернейшем человеке, каким является Е<сенин>?!” Следующее за этим в смысле характеристики я узнал уже от знакомых, живших на даче в Мардакянах, после чего у меня пропала всякая охота с ним знакомиться. Не терплю я патологических типов, которыми, увы, полно наше отечество... Казалось бы, нарвавшись на одного больного мужа <С.М.Сухотина>, надо было бы искать другого здорового прежде всего, но нет, — опять потянуло Соню к выродку... <...> В душе у меня одно возмущение, и, если б мне довелось встретиться с Соней — я наговорил бы ей много горьких слов. И ко всем моральным тяжелым переживаниям присоединятся еще материальные затруднения, т. к. ясно, что Е<сенин> нетрудоспособен и содержать жену не сможет. Недостаёт еще, чтобы Соня от него — больного — ребенка имела...»

ГМТ, ф. 46, без шифра.

Это письмо, очевидно, является откликом на письмо сестры, ныне неизвестное.

См. также: 17 авг. 1925, вторая запись.

Сентябрь, до 27. Е.Б.Юкель полагает на музыку стихи Есенина из цикла «Персидские мотивы».

Из письма В.А.Мануйлова Есенину (27 сент. 1925):

«Есть в Баку Лена Юкель. Она переложила на персидские напевы “Глупое сердце, не бойся...”, “Гелии” и еще несколько других Ваших персидских мотивов. Ее песенки звучат еще лучше уже известных Вам, жаль, что Вы не можете их послушать хотя бы по радио, а написать на ноты азиатские мелодии невозможно».

Письма, 293.

Сентябрь, 27. Рижская газета «Сегодня» (№ 217; подпись: «Лоло») печатает материал Л.Г.Мунштейна «Красная азбука (высочайше утвержденная наркомпросом т. Луначарским)» со строфой о Есенине:

Е

Есенин — гений наших дней
 Женился зря на Айседоре, —
 Делил с ней радости и горе
 И хулиганил вместе с ней,
 Конец — один. Поставим точку.
 Забыты прежние грехи.
 Он пишет новые стихи
 И хулиганит в одиночку.

Нью-йоркская газета «Новое русское слово» (№ 4627; раздел «Литература и искусство. Хроника сов<етской> литературы») помещает анонимные материалы, в которых говорится о Есенине:

— перепечатку заметки из парижских «Последних новостей» либо из рижской газеты «Сегодня» о книге «Русь советская».

См.: 3 сент. 1925, вторая запись; 12 сент. 1925, седьмая запись.

В примечаниях отмечено:

«Прекрасное стихотворение поэта “Русь советская”, вышедшее в этом сборнике, было напечатано в “Новом русском слове” еще месяца четыре тому назад».

См. также: до 25 дек. 1924; 25 дек. 1924, первая запись; 21 янв. 1925, вторая запись; до 4 марта 1925; 28 июля 1925, четвертая запись; 31 июля 1925, вторая запись; 1 сент. 1925, третья запись; окт.(?) 1925, вторая запись;

— информацию:

«В Петербурге вышел альманах “Взлет” литературной группы “Твори”. Авторы его (большинство впервые появляется в печати) вышли из среды рабочих и крестьян. Сборник полон исключительно подражательными произведениями. Поэты подражают Есенину, Кириллову, Герасимову. Прозаики — Горькому. В рецензии об альманахе говорится, что авторы “еще не вполне освоились с пером, но придет время, и они, конечно, станут в уровень с признанными мастерами слова”».

В.А. Мануйлов пишет Есенину из Баку:

«Дорогой Сергей Александрович!

Очень досадую на то, что я не застал Вас в Баку, приехав сюда через несколько дней после Вашего отъезда. У меня было к Вам поручение от моих ростовских друзей, которое исполняю хотя бы письменно.

Группа литераторов Ростова, при участии москвичей (Казин, Тренёв, Серафимович) и ленинградцев (Рождественский, м. б., Клюев), в конце октября издают первый № краевого литературного журнала “Жатва”. Обложку рисует Сарьян. Большая просьба к Вам — дать в первый же №-р свое имя в качестве сотрудника и 2–3 стихотворения. К сожалению, на первых порах материальное положение редакции таково, что гонорар, предложенный Вам, очень невелик — всего по одному рублю за строку...

Если Вы поддержите новое литературное начинание и решите стихи в журнал дать, пошлите их, пожалуйста, прямо на адрес: Ростов-Дон, Старопочтовая, 125, Михаилу Матвеевичу Казимову. Это секретарь редакции. Очень интересный поэт, только теперь начинающий появляться в печати.

Вчера в редакции “Бакинского рабочего” Сеня Файнштейн при мне получил письмо Софьи Андреевны с Вашими стихами <см.: 26 сент. 1925, вторая запись>. Джавадян собирает их тиснуть в пятницу, 2 октября на 4-х колонках. Сеня сегодня выезжает в Крым и будет в Москве в первых числах ноября.

Не знаю, получила ли Софья Андреевна мою открытку из Новочеркасска. Мне очень жаль, что перед отъездом из Москвы я не успел забежать к ней, как это было условлено, проститься... <...>

На всякий случай мой адрес: Баку, Лютеранский пер., 5...

Не забывайте ветреного и горячего Баку!

Крепко любящий Вас Витя».

Письма, 292-293.

См. также: до 27 сент. 1925.

Издание журнала не состоится.

А.Ф.Кони пишет С.А.Толстой-Есениной из Ленинграда:

«Многоуважаемая и дорогая Софья Андреевна, — пишу Вам наудачу, ибо не знаю фамилии Вашего супруга (быть может, Вы соединили обе фамилии вместе?) и, вероятно, Вашего нового адреса. Но Бог даст — письмо дойдет. Хочу поздравить Вас с именинами и пожелать Вам всего, всего хорошего. Пусть не иссякают Ваша бодрость и отзывчивая чуткость, твердость взглядов и теплота Вашего сердца».

Письма, 364.

Ответ см.: 8 окт. 1925.

Нью-йоркская газета «Русский голос» (№ 3603; воскресное приложение) перепечатывает стихотворение Есенина «Русь советская».

Об исходной публикации произведения см.: до 23 сент. 1924.

См. также: 24 сент. 1924, первая запись; после 10 окт. ... нояб. 1924; до 25 дек. 1924; 17 янв. 1925, третья запись; до 20 янв. 1925, третья запись; февр. (?) 1925, третья запись; 30 апр. 1925, первая запись; до 14 июня 1925; июль ... дек. (?) 1925, первая запись; конец сент. ... до 16 окт. 1925, первая запись; 17 окт. 1925, третья запись; конец нояб. 1925, вторая запись.

Сентябрь, 28. В парижской газете «Звено» (№ 139) — очередная «Литературная беседа» Г.В.Адамовича с откликом на статью Ж.Шюзевиля о русской литературе, в котором упоминается Есенин:

«К сожалению, в последней части статьи Шюз<e>виля <см.: 15 сент. 1925, четвертая запись> есть промахи. Называя имена Есенина, Маяковского, Цветаевой, Пастернака, Георгия Иванова, даже Липскерова, даже Эренбурга, он забывает о Ходасевиче. Это пропуск труднообъяснимый».

Сентябрь, 29. Ленинградский журнал «Жизнь искусства» (№ 39) печатает статью А.Кручёных «Новейшие поэты. 2. Яков Шведов», где заходит речь о Есенине:

«Шведов еще в плену у старой формы, у старых слов, и не всегда он преодолевает их оковы. Порой он как будто забывает обо всей своеобразной радости труда, и тогда машина рисуется ему в страшном, мифическом образе “чудища обла, озорна, стозевна и лайй”. <...> через каждые два стиха в третий рабочих заедает, ломает и давит машина <...>. И неудивительно, что поэту хочется из этой обстановки сбежать:

... Тянуло в деревню, —
в этот синий-пресиний свод...

В этих строках не узнать заводского рабочего Шведова, зато, как живой, смотрит из них со всей своей кисленькой тоской... Есенин. От него — этот ужас перед работой

(“грубость жнуших”, “режут лебедей” — из есенинской “Песни о хлебе”). От него и такие образы, как:

Ветер — жулик рвет одежду с лип.

(а у Есенина:

Плюйся, ветер, охапками листьев,
Я такой же, как ты, хулиган!)

Но даже Есенин, в многократных заимствованиях повинный, не успел переписать из Виктора Гофмана:

И близость чьих-то длинных-длинных,
Красиво загнутых ресниц.

Шведов восполнил этот пробел <...>

Вообще Есенин явно разлагающе повлиял на Шведова. Недаром одно из своих малоудачных стихотворений Шведов уснастил эпитафией из Есенина: “Ты еще жива, моя старушка! <так!>”. В этом стихотворении живо чувствуется есенинский ужас перед работой:

Страшно, мать! У домны злой, кипящей,
Недобитыми кричат лебедок тормоза.

(У Есенина: “Как под горло режут лебедей”.) И вспоминается нечто, наверняка написанное каким-нибудь залежавшимся в эмиграции поэтом:

Не убивайте лебедей (лебедок тож),
Их оперенье так красиво!..

Письмо Шведова во многом является перепевом есенинского “Письма к матери” <«Письма матери»>. И в целом ряде строк Шведова слышится, что ему жаль “оставлять смолистый край”, менять деревню на город. Это чрезвычайно близко роднит его с Есениным.

Ох, любимый, любимый Сережа! —

не попусту восклицает Шведов в стихотворении, посвященном Есенину <см.: конец авг. ... до 15 сент. 1924>. И хотя Шведов сознаёт, что Есенин —

... последний поэт деревни,
Но не новой, ушедшей, той, —

преодолеть пагубное влияние Есенина Шведову удастся всё-таки редко. Знает он, что придут новые поэты и —

В ритм под трактор, жнейке, машине
Зазвонит голосистый стих.

Но у него самого нередко стих звенит “в ритм под Есенина”».

Сентябрь, 30. Журнал «Прожектор» (№ 18) публикует стихотворения Есенина «Руки милой — пара лебедей...», «Отчего луна так светит туск-

ло...» (под заголовком «Персидский мотив») и «Листья падают, листья падают...»

См. также: 10 авг. 1925; 14 авг. 1925, первая запись; авг. 1925, первая запись; 2 сент. 1925; 24 окт. 1925, вторая запись; 25 окт. 1925, первая запись.

Газета «Ленинградская правда» (№ 223) сообщает о выходе № 7 журнала «Красная новь» со стихами Есенина.

См.: 3 и 5 сент. 1925; 10 ... 24 сент. 1925; 15 сент. 1925, вторая запись; 16 ... 23 сент. 1925; 24 сент. 1925, третья запись; 25 сент. 1925, третья запись; 15 окт. 1925, третья запись; 1 нояб. 1925, шестая запись.

Журнал «Книгоноша» (№ 31/32) помещает рецензию С.Ф.Буданцева на два номера «Красной нови» (№ 6 и 7) со стихотворениями Есенина «Заря окликает другую...», «Каждый труд благослови, удача!...» и «Видно, так заведено навеки...»

В ней, в частности, говорится:

«Стихи в обеих рецензируемых книгах не поднимаются над тем угрожающе-средним уровнем, который установлен для стихов безразлично-терпимыми редакциями».

См. также: 19 мая 1925, первая запись; 16 ... 18 июня 1925; 12 июля 1925, первая запись; 14 июля 1925, первая запись; после 16 ... после 18 июля 1925; 31 июля 1925, первая запись; 23 авг. 1925, первая запись; 13 сент. 1925, вторая запись; 16 ... 23 сент. 1925; сент. (?) 1925, первая запись; 2 окт. 1925; 16 окт. 1925, вторая запись; 7 нояб. 1925, вторая запись; 27 нояб. 1925, пятая запись; 8 дек. 1925, вторая запись.

Во время беседы М.Горького в Сорренто с посетившими его советскими моряками писатель высказывается о Есенине.

Событие и его дата отмечаются по: ЛЖТГ-3, 426.

Из репортажа о беседе:

«— А<лексей> М<аксимович>, а кого из поэтов вы считаете более значительным, как Маяковский?»

— Что ж, о Маяковском не станем говорить. Он был интересен в свое время, а теперь только повторяется, — и Горький сокрушенно махнул рукой. — Вот Казин, это очень значительный поэт, главное, он растет. Еще Есенин прекрасный поэт, только бедняга болен — горловая чахотка. Тут ничего не поделаешь...»

Курнос В. У Горького с моряками: (От нашего итальянского корреспондента). — Газ. «Ленинградская правда», 1925, 20 окт., № 240, с пометой: «Неаполь, 1 октября 1925 года».

См. также: 10 сент. 1925, третья запись. Но ср., однако: 13 июля 1925.

О перепечатках материала В.Курносова см.: 20 окт. 1925, четвертая запись; 21 окт. 1925, четвертая запись; 22 окт. 1925, вторая запись; 23 окт. 1925; 27 окт. 1925, третья запись; нояб. (?) 1925, первая запись.

См. Приложение.

Сентябрь, 30 ... Октябрь, 12. В Ленинграде выходит журнал «Звезда» (№ 4) с материалами, в которых говорится о Есенине.

Нижняя граница события определяется по информации «Красной газеты» (1925, 29 сент., № 237) о том, что номер журнала должен выйти в конце сентября 1925 г., а его верхняя граница — по информации журн. «Жизнь искусства» (1925, 13 окт., № 41) о том, что номер поступил в продажу.

Журнал публикует:

— рецензию на второй альманах ЛАПП «Стройка» (подпись: «Г. Г.»): «Поэтов и поэзии в “Стройке” много <...>».

По-прежнему абстрактен, по-прежнему дает смесь Есенина с Асеевым Б.Соловьёв;

— рецензию на альманах «Красная новь» № 1 (подпись «Е. Р.»):

«Пестрый альманах. Чего, чего в нем только нет! Бабель рядом <с> Андреем Соболевым и Пантелеймоном Романовым, Библик и Четвериков, Маяковский и Есенин, В.Инбер, Л.Новицкая и целый ряд других известных и неизвестных имен <...>».

Есенин вытаскивает позапрошлогоднее стихотворение, повествующее лирически о том, как он, “вечно странствующий странник”, вернется умирать на родину, где “в синий вечер над прудом прослезится конопляник”. Невольно вспоминается:

В зеленый вечер под окном
На рукаве своем повешусь, —

и тысячи других вариантов этого мотива у Есенина, очень мало отличающихся один от другого».

О публикациях стихотворения «Не вернусь я в отчий дом...» см.: 17 мая 1925, первая запись; 20 июля 1925, вторая запись.

Отклики см.: 10 сент. 1925, пятая запись; 29 нояб. 1925, вторая запись; около 20 (?) дек. 1925.

— рецензию на № 3, 4, 5 и 6 журнала «Красная новь» (подпись: «В.»):

«На протяжении этих 4-х книжек даны две поэмы: “Анна Снегина” Есенина и “Лисья шуба и любовь” Казина. Ни одну из них нельзя признать удачной. <...>»

“Анна Снегина” — история о двух друг в друга невпопад влюбляющихся существах. Социальной значимостью выведенные герои не обладают. Любовная канитель эта тянется на фоне бунтующей деревни... <...> Есенин совсем не видит важности происходящего. В его поэме революция — нечто случайное, привходящее. <...> Формально Есенин здесь находится под значительным влиянием Некрасова. Но, к сожалению, некрасовские строчки в меньшинстве. <...> Упадок словесного мастерства — очевидный».

Скорее всего, этот анонимный текст принадлежит В.Друзину: имеется его дословное совпадение с рецензией критика в «Красной газете» (см.: 30 июля 1925, девятая запись). См. об этом: Н.И.Шубникова-Гусева — Есенин, III, 650.

О сопоставлении поэм Есенина и В.Казина другим критиком см.: 19 июля 1925, четвертая запись.

О публикациях текста поэмы и откликов на нее см. также: 20 марта 1925, вторая запись; 1 мая 1925, пятая и шестая записи; 3 мая 1925; 21 ... 30 мая 1925; 1 июня 1925, вторая и третья записи; до 17 июня 1925; 18 июня 1925, третья запись; 20 июня ... 3 июля 1925; 21 и 23 июня 1925; 28 июня 1925, вторая запись; 30 июня 1925, девятая запись; 1 июля 1925, пятая запись; 8 июля 1925; 12 июля 1925, четвертая запись; 19 июля 1925, четвертая и пятая записи; 22 июля 1925, четвертая запись; 26 июля 1925, восьмая и девятая записи; до 20 сент. 1925; 12 окт. 1925, вторая запись; 15 дек. 1925, третья запись.

Сентябрь, конец ... Октябрь, начало. Выходит журнал «Синяя блуза» (№ 17; за сентябрь) с подборкой «Частушки», в подразделе которой «Литературные» есть куплет о Есенине.

Время события устанавливается с учетом сроков выхода № 16 (до 15 сент. 1925 — газ. «Известия ЦИК СССР и ВЦИК Советов», 1925, 15 сент., № 210) и № 18 (до 15 окт. 1925 — газ. «Известия ЦИК СССР и ВЦИК Советов», 1925, 15 окт., № 236).

Текст куплета см.: 20 марта 1925, третья запись.

Сентябрь, конец — Октябрь, до 16. Госиздат РСФСР (М.-Л.) выпускает книгу Л.Войтоловского «Крестьянин и рабочий в русской художественной литературе XIX и XX вв. Литературно-общественная хрестоматия для школ и самообразования» (в двух частях). Во втором разделе второй части («За власть Советов») помещены произведения Есенина «Русь Советская» и «На родине» <<«Возвращение на родину»>».

Кн. летопись, 1925, № 19, окт., поз. 17051.

Об исходной публикации «Руси советской» см.: до 23 сент. 1924.

См. также: 24 сент. 1924, первая запись; после 10 окт. ... нояб. 1924; до 25 дек. 1924; 17 янв. 1925, третья запись; до 20 янв. 1925, третья запись; февр. (?), третья запись; 30 апр. 1925, первая запись; до 14 июня 1925; июль ... дек. (?) 1925, первая запись; 27 сент. 1925, пятая запись; 17 окт. 1925, третья запись; конец нояб. 1925, вторая запись.

В издательстве «Правда» (серия «Библиотека “Прожектор”»); № 8) выходит книга А.К.Воронского «Об искусстве», где говорится о влиянии творчества Есенина на комсомольских поэтов.

Кн. летопись, 1925, № 19, окт., поз. 17415.

Автор пишет:

«Особо следует остановиться на том, что происходит в кругу нашего комсомольского литературного молодняка. Что здесь не всё благополучно, об этом свидетельствуют такие факты, как самоубийство комсомольского поэта тов. Н.Кузнецова.

Наша комсомольская молодежь еще недавно бодро рифмовала “знамя-пламя”, “таран-барабан”, в рассказах осовечивался не только мир, но и вселенная. Преобладали явно агитационные мотивы, не выходявшие из рамок обычного штампа. Впрочем, попадались и свежие, оригинальные, свои вещи. Сейчас молодежь переживает кризис. Она с каждым днем всё больше и больше уходит от заученных, затверженных мотивов. Она находится в процессе искания своего художественного ядра... <...> Очень характерно, что комсомольские поэты всё чаще обращаются к классикам, а из современных — к Есенину и Казину; и тот и другой привлекают настроенностью, интимностью и лиричностью.

К такому перелому наша молодежь должна была подойти уже по одному тому, что почти всякий поэт и писатель проходит предварительно годы ученичества, подражания, и многие неплохие художники до конца жизни не освобождаются от влияния предшествовавших мастеров слова».

В ленинградском отделении Госиздата РСФСР выходит сборник «Современные писатели в школе» под редакцией А.Ефремина, И.Кубикова и С.Обрадовича, в предисловии к которому упоминается имя Есенина.

Кн. летопись, 1925, № 19, окт., поз. 17089.

Из предисловия:

«Задача настоящего сборника — дать пособие преподавателям-словесникам при прохождении в школе современной литературы. <...>

В предполагаемом втором выпуске сборника намечены к разбору и толкованию творчество С.Есенина, А.Безыменского, А.Гастева, С.Обрадовича, В.Маяковского, С.Семёнова, А.Яковлева, Всеволода Иванова, Л.Леонова и других писателей, представляющих интерес по своей художественной и идейной значительности».

Сентябрь (?). В Ростове-на-Дону выходит журнал «Лава» (№ 4; за сентябрь) с материалами, в которых заходит речь о Есенине:

— статьёй Ю.Юзовского «Ростовские поэты и писатели (к 2-ой годовщине РАППа)»:

«Георг. Бороздин

Не будучи членом РАППа, Бороздин тяготеет к нему. Если Кац несколько холоден, отвлечен, если он на каждую вещь напяливает оболочку общезначимого символа, то Бороздин, наоборот, срывает с явления присущую ему оболочку и пронзает насквозь лич-

ным своим настроением, очень лиричным, очень трогательным, очень волнующим, не всегда, правда, так сказать, “доброкачественным”. Этой беспокойной искренностью своего стиха он напоминает “перевальцев”, но, главным образом, конечно, Есенина. Его тянет к себе романтика казачьей вольницы, только для него “степной звон” поет о былой казачьей удали, о Стеньке Разине, о Булавине. Сегодняшний день не враждебен ему (он гордо восклицает: “Эскадроны лихого Буденного за Московию бьются теперь!”), но он не врос в него, не сжился с ним, город для него несколько страшен, между городом и степью мечется его неуравновешенный характер и порождает настроение неразрешенности и неудовлетворенности.

Я брожу — не я, а моя тень,
Город тесный мой стопы ловит,
Но среди людей, — как будто в поле тень,
Вот и молчу и только хмурю брови.

Сергей Городецкий правильно отметил есенинский характер творчества Бороздина, но неправильно, по-моему, посчитал его случайным, мимолетным. Несомненно, путь развития Бороздина это в той или другой степени есенинский путь. Есенин далеко не случаен в нашу эпоху, наоборот, он очень типичен и характерен для эпохи, если рассматривать ее, конечно, в диалектическом разрезе, полную сложнейших явлений и промежуточных моментов. От раннего ядерного кулацкого Есенина остается едва приметный след. Он меняет вехи, с большим трудом, с большим надрывом, с большой затратой душевной энергии, с глубоким внутренним кризисом.

Отражение этого кризиса — “Москва кабацкая”, “Русь советская” — начало перелома. Есенин не мог пойти по иному пути, богема не смогла его победить. У него были слишком крепкие черноземные, социальные корни для того, чтобы он мог пойти в иную сторону»;

— рецензией А. Тишкова на журнал «Красная новь» (кн. 6) с откликом на стихотворение «Синий май. Заревая теплынь...» (раздел «Библиография»):

«Стихи в этой книжке не отличаются особенными достоинствами: по-прежнему, “под тальянку веселого мая” тоскует Есенин, “всё как есть без конца принимая”».

См.: до 11 (?) мая 1925; до 11 или 11 мая 1925; не позднее 15 или 16 мая 1925; 19 мая 1925, первая запись; 16 ... 18 июля 1925; после 16 ... после 18 июля 1925.

Другие отклики см.: 23 авг. 1925, первая запись; 30 сент. 1925, третья запись; 2 окт. 1925; 8 дек. 1925, вторая запись.

В Ленинграде выходит журнал «Вестник знания» (№ 17/18; за сентябрь) со статьей В.П. Лебедева «Революционный образ в современной поэзии (о сдвиге творческой психики)», в которой говорится о Есенине:

«Молитвенно-минорную настроенность можно встретить теперь разве у Есенина, да и то в форме какого-то покаянного, поэтического катцен-яммера <похмелья — нем.>...

... Но угасла та нежная дрема,
Всё истлело в дыму голубом.
Мир тебе, полевая солома,
Мир тебе, деревянный дом...

Поэты революции мыслят иными образами... Они берут повседневную жизнь с ее неприглядной простотой, суровой обыденностью <...>.

Современный революционный поэтический образец возникает, как уже было сказано, не в кабинетном уединении, не в пьяной дымке ресторанный угара (как, частью, у Есенина и всецело у пресловутого Игоря Северянина). Революционный поэт берет свой образ из шума и толчеи жизни, оттого этот образ всегда силен и актуален».

Выходит журнал «Комсомолия» (№ 6; за сентябрь) с рецензией С. Берковича на сборник «Современные рабоче-крестьянские поэты. В образцах и автобиографиях с портретами» (Иваново-Вознесенск, 1925), где упоминается Есенин:

Рецензент, в частности, пишет:

«...стихи действительно современных рабоче-крестьянских поэтов подобраны таким образом, что почти совершенно не характеризуют их творчества, например, <стихи> Есенина, Полетаева».

См.: до 11 июня 1925; 19 июля 1925, четвертая запись.

Выходит журнал «Советское искусство» (№ 6; за сентябрь) с обзором клубных сборников, изданных в предыдущие годы к годовщине Октября, в т. ч. с участием Есенина:

«Секция самодеятельного театра художественной части Ленинградского политпросвета издала сборник стихотворений “Октябрь”, где поместила произведения: Александровского, Герасимова, Жарова, Обрадовича, Брюсова, Садофьева, Гастева, Есенина и др.

В этой брошюре клубные работники найдут богатый материал как для декламации, простой и хоровой, так и для литературно-драматического монтажа, формы, которые начинают прививаться в рабочих клубах».

Имеется в виду издание «Октябрь: Сборник стихотворений», выпущенное книжным сектором Ленинградского губернского отдела народного образования в декабре 1924 г. (см.: Кн. летопись, 1924, № 23, дек., поз. 13161). В сборнике содержатся отрывки из поэмы Есенина «Товарищ» (строки 21–52, 85–88).

Октябрь, 1. Газета «Нижегородская коммуна» (№ 224; рубрика «Библиография») публикует рецензию К. В. Урлина на сборник Есенина «Избранные стихи»:

«Стихотворения “Корова”, “В хате”, “Песня о собаке”, “Русь” и др. являются по своей яркой образности несравненными по изображению деревни. Для него <Есенина> деревня — кумир, он не приемлет города. Деревня в союзе с городом, с промышленностью для него не существует, но он уже чувствует, что

На тропу голубого поля
Скоро выйдет железный гость,
Злак овсяный, зарю пролитый,
Соберет его черная горсть.

Что делать поэту Есенину — поэту деревни, когда вопреки его желаниям в деревню проникают машины, когда по ее тихим полям загудел паровоз? И он чувствует <следуют две начальные строфы стихотворения “Я последний поэт деревни”>.

После восьми лет он пришел в деревню. Но здесь его никто не узнаёт. Он не узнаёт деревни. Она стала советской, она находится в союзе с городом, она не понимает Есенина, и он (не то горестно, не то радостно) восклицает:

Вот так страна!
 Какого ж я рожна
 Орал в стихах, что я с народом дружен?
 Моя поэзия здесь больше не нужна,
 Да и, пожалуй, сам я тоже здесь не нужен.

Он вынужден мириться с этим, он заявляет:

Приемлю всё,
 Как есть, всё принимаю,
 Готов идти по выбитым следам,
 Отдам всю душу октябрю и маю...

Жаль, что в сборнике нет последних стихотворений Есенина, где он решает засесть за Маркса и после долгих скитаний приближается, наконец, к правильному пути».

См. также: после 2 марта 1925, третья запись; до 14 июня 1925; 14 июня 1925, первая запись; после 14 июня 1925; 16 ... 30 июня 1925; 30 июня 1925, третья запись; 27 июля 1925; 28 июля 1925, третья запись; 22 авг. 1925; 25 сент. 1925, вторая запись.

Свердловский журнал «Эхо театра» (№ 1 сезона 1925–1926 г.; рубрика «Хроника») сообщает:

«С.Есенин подписал с Госиздатом договор на издание собрания сочинений».

Об издательском договоре поэта см.: 30 июня 1925, первая запись.

Анонсы издания см.: 7 июля 1925, четвертая запись; 23 авг. 1925, третья запись; 8 сент. 1925, третья запись; 10 ... 24 сент. 1925; 3 окт. 1925, четвертая запись; 21 окт. 1925, вторая запись.

Октябрь, 1 и 2. Газета «Комсомольская правда» (№ 109 и 110) сообщает о выходе из печати и поступлении в продажу № 18 журнала «Прожектор» со стихами Есенина.

Аналогичная информация — в газ «Правда» (1925, 2 окт., № 225).

См.: 30 сент. 1925, первая запись.

Октябрь, 1 ... 9. Есенин встречается с И.В.Евдокимовым в Госиздате РСФСР.

Событие устанавливается по сведениям И.В.Евдокимова (см. ниже), а его границы определяются с учетом передачи мемуаристом слов Есенина о его предстоящей поездке в деревню вместе с А.К.Воронским (о ее дате см.: 10–11 окт. 1925).

И.В.Евдокимов пишет:

«Как-то в октябре он <Есенин> горько и жалобно кричал на диванчике <в коридоре Госиздата>:

— Евдокимыч, я не хочу за границу! Меня хотят отправить лечиться к немцам! А мне противно! Я не хочу! На кой черт! Ну их к ... немцев! Тыфу! Скучно там, скучно! Был я за границей — тошнит меня от заграницы! Я не могу без России! Я сдохну там! Я буду волноваться! Мне надо в деревню, в Рязанскую губернию, под Москву куда-нибудь, в санаторий. Ну их к ... ! Этот немецкий порядок аккурат-вокурат мне противен!

— А ты не езд, — отвечал я, хотя в душе думал противоположное.

— Не поеду! — решительно махнул рукой пьяный поэт. — Я давно решил.

На глазах у него были слёзы.

— Меня уговаривают все — и сестра, и Берзина, и Воронский. Они не понимают — мне будет там хуже. Я околею там по России. Ах, Евдокимыч, если бы ты знал, как я

люблю Россию! Был я в Америке, в Париже, в Италии — скука, скука, скука! Я люблю Москву. Москва очень хороша ночью, когда луна... Днем не люблю Москву. В деревню я хочу на месяц, на два, на три! Вот тут мы с Воронским поедем дня на четыре в одно место... Это хорошо! За границей мне ничего не написать, ни одной строчки!»

Восп.-95, 470.

Октябрь, 2. Газета «Ленинградская правда» (№ 225; рубрика «Библиография»); подпись: «С.» помещает рецензию на журнал «Красная новь» (№ 6) с оценкой стихотворения Есенина «Синий май. Заревая теплынь...»:

«В стихотворном отделе обращает на себя внимание вещь *Есенина*. Его перепевы себя, бесконечные вариации на одну и ту же тему — начинают уже приедаться. При этом ранее эта тема звучала гораздо свежей и заразительней. Спасение Есенина как поэта — в подходе к новой тематике, в органическом усвоении советской действительности, отношении к которой у него пока еще поверхностно. Сейчас же его новые стихи ощущаются как определенный провал».

См.: до 11 (?) мая 1925; до 11 или 11 мая 1925; не позднее 15 или 16 мая 1925; 19 мая 1925, первая запись; 16 ... 18 июля 1925; после 16 ... после 18 июля 1925.

Другие отклики см.: 23 авг. 1925, первая запись; 30 сент. 1925, третья запись; сент. (?) 1925, первая запись; 8 дек. 1925, вторая запись.

Октябрь, 3. Есенин пишет стихотворения «Слышишь — мчатся сани, слышишь — сани мчатся...» и «Голубая кофта. Синие глаза...»

Есенин, I, 281, 660-661.

С.А.Толстая-Есенина напишет:

«В начале октября 1925 года, в последний год своей жизни, Сергей Есенин увлекался созданием коротких стихотворений. 3 октября были написаны “Голубая кофта. Синие глаза...” и “Слышишь — мчатся сани...”»

Восп., 2, 258.

См. также: с 4 на 5 окт. 1925; 20 окт. 1925, вторая запись; до 3 дек. 1925.

Г.А.Воронская вспомнит (в 1951-1953 гг.) слова отца:

«Про стихотворение “Голубая кофта. Синие глаза...” Александр Константинович сказал: “Здесь настолько обнажена душа, что дальше уже невозможно”».

Воронская, 15.

Посещает А.Л.Миклашевскую.

Последняя вспомнит:

«Третьего октября 1924 года <1925: ошибка памяти или описка, так как в этот день 1924 г. Есенин был на Кавказе> меня разбудили в восемь часов утра. Пришел Есенин. Мы уже встречались очень редко, но тревога за него была еще сильнее. Он стоял бледный, похудевший.

— Сегодня день моего рождения. <...> пришел к вам... поздравить... Меня посылают в Италию. Поедмте со мной. Я поеду, если вы поедете.

Вид у него был измученный, больной. Голос — хриплый.

Мы шли по улице, и у нас был нелепый вид. У него на затылке цилиндр (очевидно, опять надел ради дня рождения), на одной руке — лайковая перчатка, и я — с непокрытой головой, в накинутом на халат пальто, в туфлях на босу ногу. Но он перехитрил меня, довел до цветочного магазина, купил огромную корзину хризантем и отвез домой.

— Извините за шум. — И ушел неизвестно куда».

Восп., 2, 90.

Заведующий первым отделом губпрокуратуры Р. Герчиков отправляет материалы заведенного на Есенина «Дела» помощнику прокурора Краснопресненского района с указанием «возбудить уголовное преследование по признакам преступления», предусмотренным 2 частью 176 статьи Уголовного кодекса:

«Вместе с тем сообщается, что желательным было бы, чтобы вы поддерживали на суде обвинение по делу».

Есенин, VII (2), 465.

Ст. 176 Уголовного кодекса квалифицировала хулиганство как «озорные, бесцельные, сопряженные с явным проявлением неуважения к отдельным гражданам или обществу в целом действия» и определяла наказание по данному составу преступления «принудительными работами или лишением свободы на срок до одного года».

См.: 6 сент. 1925, вторая запись; 8 сент. 1925, вторая запись; 17 сент. 1925, вторая запись; 15 окт. 1925, вторая запись; 17 окт. 1925, первая запись; 19 окт. 1925, первая запись; 21 окт. 1925, пятая запись; 27 окт. 1925, восьмая запись; 28 окт. 1925, третья запись; 29 окт. 1925, первая и вторая записи; 11 нояб. 1925, вторая запись; 12 нояб. 1925, первая и вторая записи; около 20 нояб. 1925.

Вечерний выпуск ленинградской «Красной газеты» (№ 241) публикует материалы, в которых говорится о Есенине:

— в рубрике «О книгах» — рецензию В. Друзина на журнал «Октябрь» (№ 7).

Рассматривая поэму Ив. Доронина «Красный пахарь», рецензент отмечает:

«Доронин еще в большей степени, чем Есенин, приспособляет стих “под гармошку” и “под баладайки”»;

— информацию «В московском ГИЗе»:

«Госиздатом будут выпущены полные собрания сочинений: Л.Н. Толстого — в 96 томах, Маяковского — в 4 томах, Серафимовича — в 10 томах и Сергея Есенина».

Об издательском договоре Есенина на указанное издание см.: 30 июня 1925, первая запись.

Его анонсы см.: 7 июля 1925, четвертая запись; 23 авг. 1925, третья запись; 8 сент. 1925, третья запись; 10 ... 24 сент. 1925; 1 окт. 1925, третья запись; 21 окт. 1925, вторая запись.

Рижский журнал «Наш Огонек» (№ 40) перепечатывает стихотворение Есенина «Спит ковыль. Равнина дорогая...»

См. также: 6 июля 1925, первая запись; 20 июля 1925, третья запись; 26 июля 1925, четвертая запись; 2 авг. 1925, вторая запись; 13 сент. 1925, третья запись.

Октябрь, 4. Есенину пишет из Ярославля один из его почитателей — А.Н.Лбовский:

«Сердечно приветствую и поздравляю с юбилейным днем 30-летия рождения Вас, дорогой Сергей Александрович! Я Вас не видел с 1920 г., когда мы с Вами познакомились в Москве, в Союзе Поэтов, на Тверской. Я слышал много о Вас, о Ваших путешествиях, всё время читаю Ваши стихи, многими из них восхищаюсь, читая многие — плачу (“Москва кабацкая”), но я рад, что в Вас кипит жизнь. Живите, творите и не ищите истины там, где ее нет, — не мучьте себя, радуйтесь, творите, храните сердце в чистоте.

Я, как ученик великого индусского поэта Р. Тагора, не могу не пожелать Вам *Радости жизни, которая живет там, где великая ясность ума и чистота сердца.*

* * *

В Ярославском отделении Всероссийского Союза Поэтов есть много Ваших поклонников. Имя Ваше у нас пользуется большой популярностью. Мы были бы очень рады, если бы Вы приехали к нам и выступили у нас. Я устрою Ваш вечер. Напишите мне, дорогой поэт, по адресу <...>.

Письма, 293–294.

Газета «Ленинградская правда» (№ 227) публикует статью Г. Лелевича «Пролетарская поэзия и деревня», в которой заходит речь о Есенине.

Рассматривая творчество поэтов И. Логинова, Я. Шведова, Б. Ковынева, И. Доронина, А. Жарова, автор отмечает:

«Однако не менее бесспорно, что, применяя есенинские образы, пролетарские поэты не могут коренным образом не вытраивать из них остатков мистицизма и чертовщины, столь частых в крестьянской поэзии (ср. Есенина, Клюева, Орешина, Клычкова и др.)».

Октябрь, с 4 на 5. Есенин диктует С.А. Толстой-Есениной стихотворения: «Снежная зямь крутит бойко...», «Вечером синим, вечером лунным...», «Не криви улыбку, руки теребя...», «Сочинитель бедный, это ты ли...», «Плачет метель, как цыганская скрипка...», «Ах, метель такая, просто черт возьми!..», «Снежная равнина, белая луна...»

С.А. Толстая-Есенина позже вспоминает:

«В ночь с 4 на 5 октября он <Есенин> продиктовал мне подряд семь шести- и восьми-строчных стихотворений. На другой день по этой моей записи Есенин сделал небольшие поправки.

При жизни автора были напечатаны «Сочинитель бедный, это ты ли...» и «Вечером синим, вечером лунным...» Подготавливая собрание своих стихотворений, Есенин включил в него стихотворения: «Снежная зямь крутит бойко...» и «Не криви улыбку, руки теребя...» Первый том собрания, в который вошли эти вещи, появился, когда поэта уже не было в живых. Остальные стихи этого цикла автор печатать не хотел, так как они его не удовлетворяли».

Восп., 2, 258.

См.: 3 окт. 1925, первая запись; 20 окт. 1925; до 3 дек. 1925.

См. также: Есенин, IV, 230–232, 315, 439–441.

Октябрь, 5. Парижская газета «Звено» (№ 140) публикует очередную «Литературную беседу» Г. Адамовича, в первой части которой заходит речь о Есенине:

«Статья Кесселя о новейшей русской литературе появилась в «Revue de Paris» <см.: 15 сент. 1925, пятая запись>.

Кессель — автор очень хорошей книги «Экипаж», один из виднейших молодых французских писателей.

От него мы могли ждать гораздо большего, чем то, что он в своей статье дал. Я уже слышал мнение, что если очерк Кесселя полон погрешностей, то виной тому, вероятно, «сильная индивидуальность» автора: он якобы поддался личным пристрастиям, дал оценку и обзор чересчур «субъективный». Это совершенно неверное мнение. Наоборот, очерк Кесселя есть математически точный «средний вывод» из всех восторженных статей о современной русской литературе, с неизбежным укоризненным противопоставлением того, что «там», тому, что «здесь», за рубежом.

Кессель начинает с извинений: ошибки и пропуски в его работе неизбежны. Охотно соглашаемся и извиняем. Тут же он указывает, что вся живая русская литература находится сейчас в России. Те, кто здесь, — люди, хоть и даровитые, но конечные. Это утверждение сразу выдает качество и природу “источников осведомления” Кесселя. Мысль сама по себе старая, неверная в самой своей предпосылке разделения русской литературы надвое. Истинному положению вещей она противоречит. Но, однако, если Кессель хочет говорить только о тех писателях, которые живут в России, — это дело его. Их во Франции меньше знают, и отчасти этим его односторонность оправдывается.

В России, по Кесселю, талантам нет числа. Творчество бьет ключом, искусство цветет и блещет. Новые дали, новые горизонты, новые темы, новые приемы. Кессель перечисляет имена “наиболее заметных” русских поэтов: Маяковский, Пастернак, Есенин, Цветаева, Асеев, Мандельштам, Казин, Кусиков.

Причудливый список! Если даже считать, что значительность поэта измеряется тем, отразилась ли в его творчестве революция или нет, — мерило, конечно, чудовищно грубое и неприемлемое! — то ведь никак уж нельзя признать обязательным сочувствие революции, созвучие ей, положительность отношения к ней. Кессель не называет, будто их и нет, ни Сологуба, ни Ахматовой, двух прекраснейших русских поэтов. <...>

Кесселю же нравится то, что крепко сбито в однородную, одноцветную, компактную массу. Ему больше всего нравятся Пастернак и Есенин. Маяковский нравится меньше. Кессель не знает “ничего более простого, более волнующего и чистого”, чем некоторые стихи Есенина. Мне искренно жаль его».

Журнал «Город и деревня» (№ 19) называет Есенина в числе авторов издания.

См. также: 5 марта 1925, четвертая запись; 20 марта 1925; 5 и 17 апр. 1925; 1 и 31 мая 1925; 25 июня 1925, вторая запись; 10 и 25 июля 1925; 15 авг. 1925; 1 и 25 сент. 1925; 7 и 30 нояб. 1925.

Октябрь, 6. Ленинградский журнал «Жизнь искусства» (№ 40) печатает статью Г.Адонца «Н.Тихонов», где упоминается Есенин.

Остановливаясь на стихотворении Н.Тихонова о матери, автор отмечает:

«<это> и любимая тема Есенина. <...> У Н.Тихонова — порвано бесповоротно, отрезано навсегда. Прошлое вспоминается, но не притягивает. Есенин в таком настроении покаивается, как блудный сын, просится, так сказать, к мамаше на коленочки... Тут ничего подобного нет... Цельно, крепко».

Октябрь, 7. Вс. Иванов пишет из Батума М.Горькому в Сорренто:

«... Сережа Есенин пьет немилосердно. Изо дня в день. Ко всему у него чахотка, и бог знает, что с ним будет месяца через три-четыре».

Вс. Иванов — А.М.Горькому, 7 окт. 1925. — Иванов Вс. Тайное тайных / Изд. подгот. Е.А.Папкина. М.: Наука, 2012, с. 323.

Газета «Известия ЦИК СССР и ВЦИК Советов» (№ 229) помещает информацию о выходе журнала «Красная нива» (№ 42) со стихами Есенина.

См.: 11 окт. 1925, первая запись.

Октябрь, с 7 на 8. Есенин пишет «Сказку о пастушонке Пете, его коммиссарстве и коровьем царстве».

Есенин, II, 166–173: 453–456.

В перечне датированных автографов и авторизованных списков произведений Есенина, выполненном С.А.Толстой-Есениной (ГЛМ), дата «Сказки...» — 7/8 октября <1925 г.> (Есенин, II, 453).

Варианты текста черного автографа (частное собрание, Москва) см.: Есенин, VII (2), 20–25.

Факсимиле ст. 9–12 этого автографа см.: Вдовин, 532.

К.С.Есенин (со слов матери) связывает написание «Сказки...» с посещением поэтом своих детей на квартире В.Э.Мейерхольда и З.Н.Райх:

«Есенин сел с нами за прямоугольный детский столик, говорил он, обращаясь по большей части к Тане. После первых слов, что давно забыты, он начал расспрашивать о том, в какие игры играем, что за книжки читаем. Увидев на столе какие-то детские тоненькие книжицы, почти всерьез рассердился:

— А мои стихи читаете? <...>

Потом, когда появились обращенные к детям стихи “Сказка о пастушонке Пете”, помню слова матери о том, что рождение их связано именно с этим посещением отца, который приревновал своих детей к каким-то чужим, не понравившимся ему стихам. Да, наверно, это было так».

Восп., 2, 275.

«Из содержания “Сказки...” явствует, что среди не нравившихся Есенину детских стихов поэтов-современников было сочинение В.В.Маяковского “Сказка о Пете, толстом ребенке, и о Симе, который тонкий” (выпущена отдельной книжкой в мае 1925 года): сон пастушонка Пети о его комиссарстве имеет явные полемические отсылки к “Сказке...” В.В.Маяковского. На это обратит внимание Л.Л.Бельская: “Через полгода после Маяковского сказку на современную тему для детей младшего возраста написал С.Есенин, дав аналогичное зарифмованное заглавие с упоминанием жапра и имени одного из героев своего предшественника: «Сказка о пастушонке Пете, его комиссарстве и коровьем царстве». Вряд ли это было случайным совпадением — скорее походило на творческое соревнование и полемику” (журн. “Русская речь”, М., 1993, № 4, с. 18)».

С.И.Субботин — Есенин, II, 456.

О публикациях произведения см.: 1 нояб. 1925, третья запись; 5 дек. 1925, первая запись; 6 дек. 1925, шестая запись.

См. Приложение.

Октябрь, до 8. Композитор М.Ф.Гнесин завершает работу над симфонией на темы русских революционных песен с заключительным хором на слова Есенина из «Небесного барабанщика» («Если это солнце в заговоре с ними...»).

Событие устанавливается по газетной информации (газ. «Правда», 1925, 8 окт., № 230; раздел «Музыка»). См.: 11 окт. 1925, вторая запись; 16 окт. 1925, третья запись; 26 окт. 1925; 10 нояб. 1925, первая запись.

Октябрь, 8. В письме С.А. Толстой-Есениной к А.Ф.Кони заходит речь о Есенине:

«Глубокоуважаемый и дорогой Анатолий Федорович!

Вы очень, очень тронули меня тем, что вспомнили день моих именин <...>.

Когда же мы с Вами увидимся? Я несколько раз собиралась с мужем в СПб, да так до сих пор не можем собраться <...>.

В Москву я вернулась совсем недавно. Летом мы жили на Кавказе, недалеко от Баку, в очень красивом, очень интересном и очень жарком месте. Я с большой тоской поехала обратно в Москву — здесь холод, слякоть, и люди, и суета. Пришлось сюда ехать, так как мой муж связан с Москвой делами. На предстоящую зиму у нас разные планы, но пока ничего еще окончательно не решено. Очень надеюсь, что попадем всё-таки в СПб, и мне удастся как следует поговорить с Вами, а в письме очень трудно. А в двух словах так — мне очень хорошо жить на свете, потому что я очень люблю своего мужа и потому что он замечательный человек. И оттого, что я люблю, и оттого, что он такой, — у меня очень хорошо на душе, и я знаю, что становлюсь лучше и мягче душой.

Вы спрашиваете мою новую фамилию и адрес? Есенина, а адрес тот же <...>.

Дай Вам Бог здоровье.

Не забывайте меня — мне очень дорого Ваше отношение.

Софья Толстая (бывшая)».

Письма, 364

Это ответ на письмо А.Ф.Кони (см.: 27 сент. 1925, третья запись).

Октябрь, 8 или после 8. Есенин приносит в Госиздат для включения в свое собрание «Сказку о пастушонке Пете...»

Событие устанавливается по воспоминаниям И.В.Евдокимова:

«Последний раз он принес большое стихотворение “Сказка о пастушонке Пете, его комиссарстве и коровьем царстве”. Был он под сильным хмельком. Мы все скопились в одно место. Есенин громко и жарко читал, размахивая листками.

— Это мое первое детское стихотворение, — окончив, сказал он <см., однако: до 12 июля 1916; 3 марта 1918, вторая запись>.

Все улыбались и хвалили стихи. А когда он ушел, многие сразу запомнили и твердили отдельные строфы».

Восп.-95, 468–469.

См.: с 7 на 8 окт. 1925; след. запись; 1 нояб. 1925, третья запись; 5 дек. 1925, первая запись; 6 дек. 1925, шестая запись.

На квартире А.К.Воронского Есенин читает «Сказку о пастушонке...» его одиннадцатилетней дочери Галине.

Она вспомнит (в 1951–1953 гг.):

«...я тогда многого еще не понимала, но ритм стихов <Есенина>, лиричность, подлинная поэтическая взволнованность, блестящее умение читать свои произведения действовали и на меня. Есенин, очевидно, заметил это и, шутя, как-то спросил меня, нравятся ли мне его стихи. Я ответила, что очень нравятся. Тогда он сказал:

— Теперь я прочту стихи специально для Галочки: “Сказку о пастушонке Пете”. Ты знаешь эти стихи?

Я этого стихотворения не знала. Есенин взял стул, сел около меня и прочитал эту детскую сказочку. После лирических стихов сказка мне понравилась меньше, но я покрывила душой и сказала, что мне очень нравится. Есенин рассмеялся и отошел к взрослым. <...>

В этот же вечер по просьбе присутствующих Есенин пел “Есть одна хорошая песня у соловушки”, вернее, он не пел, а говорил речитативом. Читая стихотворение, Есенин немного раскачивался, сквозь сильные, охрипшие слова иногда прорывались чистые звонкие ноты, они напоминали о золотистой ржи, о голубом небе, а потом опять начинались хриплые звуки».

Воронская, 14–15.

Октябрь, 9. Газета «Бакинский рабочий» (№ 230) печатает стихотворение Есенина «Сыпь, тальянка, звонко, сыпь, тальянка, смело!...»

См. также: 8 сент. 1925, первая запись; до 21 окт. 1925.

Газета «Вечерняя Москва» (№ 231) со значительным опозданием информирует:

«Сергей Есенин возвратился из Баку. В изд<ательстве> “Современная Россия” готовится к печати книга его новых стихотворений “Рябиновый костёр”».

Вырезка — Тетр. ГЛМ.

«Рябиновый костер» — рабочее название книги Есенина «Персидские мотивы», вышедшей в «Современной России» еще весной 1925 г. (см.: 22 апр. 1925, первая запись; после 26 мая 1925).

О замысле другой книги того же названия, предполагавшейся к изданию в Госиздате РСФСР, см.: Есенин, VII (3), 98-99. См. об этом также: 20 июня 1925, вторая запись.

Октябрь, 10. В литературном отделе Госиздата РСФСР составляется письмо в библиотеку им. Ленина:

«Литературный отдел Госиздата просит разрешить С.А.Есенину работать в Особом отделении библиотеки им. Ленина для отбора им в периодических изданиях своих произведений, необходимых для “Собрания сочинений” С.Есенина, выходящих в Госиздате.

Зав. литературным отделом. / Секретарь».

Письма, 365.

См.: 30 июня 1925, первая запись; 3 июля 1925, вторая запись; 7 июля 1925, первая запись; 19 июля 1925, первая запись; 21 июля 1925, вторая запись; 3 авг. 1925, первая запись; 12 авг. 1925; 24 авг. 1925, вторая запись; 11 или 12 сент. 1925; 12 сент. 1925, первая запись; 22 сент. 1925, вторая запись; 15 окт. 1925, первая запись; после 20 окт. 1925; окт. — до 26 нояб. 1925; конец нояб. 1925, первая запись; 9-11 часов утра 23 дек. 1925.

Октябрь, 10-11. Есенин вместе с А.К.Воронским приезжает в подмосковное село Братовщина, где находится два дня.

События устанавливаются по календарным записям С.А.Толстой:

— от 10 окт. 1925:

«В Братовщину с Воронским»;

— от 11 окт. 1925:

«Братовщина».

НН, 1995, № 34, с. 64.

Сведения о цели и содержании этой поездки не выявлены.

См. также: 1 ... 9 окт. 1925.

Октябрь, 11. Журнал «Красная нива» (№ 42) публикует четыре стихотворения Есенина — «Я красивых таких не видел...»; «Ах, как много на свете кошек...»; «Ты запой мне ту песню, что прежде...»; «В этом мире я только прохожий...» под заголовком «Стихи Сергея Есенина» и с посвящением «Сестре Шуре».

См. Приложение.

О перепечатках см.: 1 нояб. 1925, четвертая запись; 24 нояб. 1925.

См. также: 12 сент. 1925, первая запись; 13 сент. 1925, первая запись; 26 сент. 1925, первая и вторая записи; 27 сент. 1925, вторая запись.

Симфония М.Ф.Гнесина с заключительным хором на слова Есенина звучит в Театре Революции.

Газ. «Правда», 1925, 11 окт., № 233.

Это первый концерт цикла из шести симфонических концертов, организованных Ассоциацией современной музыки.

См.: до 8 окт. 1925; 16 окт. 1925, третья запись; 26 окт. 1925; 10 нояб. 1925, первая запись.

Нью-йоркская газета «Новое русское слово» (№ 4641; рубрика «Литература и искусство») помещает материал П.Пильского «Литературный разговор», в котором говорится о Есенине:

«В новой русской литературе идет глубокое перерождение. Ясно чувствуются большие внутренние муки, конвульсии, зубовный скрежет. Рвущаяся и разрушающаяся революционная стихия прошла по душам своей страшной и безжалостной стопой, расшвыряла, прогнойла, разворотила, избуянула одни сердца, смяла другие, растоптала третьи.

Литература сбита со своих путей.

Она стоит в обломках, окутанная темным туманом, в уродстве форм, в огромной и небывалой тревоге, неся все признаки иступленности, рассеянности, тайной злобы и невыраженного, неотстоявшегося брожения.

Она криклива, но и это крик не победы, а сокровенного перепуга. Она — озорлива. А озорство всегда или избыток сил, или бедный героизм отчаяния. И вызовы не страшат, позы не утверждают, угрозы не действуют, гордый тон не потрясает, не эпатирует словесная грубость и плохо скрыта нарочитость подделки под новую народность. И у всех них, — у Пильняка, у Зоценки, у Никитина, Иванова и отдельных авторов, как и у целых литературных групп, отметились общие черты. Без изучения их нельзя понять авторов. <...>

Машущая своими неистовыми крыльями, рвущая жизнь всероссийская мельница представляется каким-то безостановочным водоворотом, где бесследно пропадают дни, люди, течения, задачи, направления литературы. Вчера не похоже на сегодня, умирающее и сметаемое напором завтрашнего дня. Всё время меняется картина литературных группировок. Схемы возникают и гибнут. Эти опыты писательской классификации случайны и очень субъективны. Одну из них — едва ли не первую во времени, — дал Алексей Н. Толстой <в его схеме Есенин не упомянут>. Другой опыт схематизации приналежит Троцкому. <...>

Схема Троцкого основана на признаках революционизма. Шаткая, путанная, вся в исключениях, в подразделениях, она в своих главных чертах может быть сведена к трем коренным группам.

А. Литературные попутчики революции

Николай Клюев. — С.Есенин. — Вс. Иванов. — Ник. Никитин. — Б.Пильняк.

Б. Футуризм

Маяковский. — Хлебников. Кручёных и др.

В. Пролетарское искусство

а) “Кузница” Безыменский —

б) “Леф” Казин —

в) “Круг” Дем. Бедный

Но всё это — случайно. Эти группы переливаются, соприкасаются, утрачивают грани. Вероятно, было бы проще свести современное русское писательство в группы, связанные и объединенные индивидуальными признаками. В таком случае можно было бы установить, что тут есть.

А) Старики:

Серафимович. — Вересаев. — Шишков.

Б) Стоящие на перепутьи:

Белый. — Новиков. — Толстой. — Лидин. — Евг. Замятин. — Эрсбург.

В) Ново-народники:

Н.Никитин. — Всев. Иванов. — Яковлев. — Пильняк и др.

Г) Наследники вчерашнего психологизма:

И.Бабель. — Еф. Зозуля.

Д) Иронисты и юмористы:

Л.Леонов. — Мих. Зошенко.

Отдельные группы

“Имажинисты” — “Леф” — “Напостовцы” — Нейтральные (“Русский современник”) и др.

Это — новое литературное направление — интересно. Без сомнения, оно идет своими собственными путями, тая в себе все надрывы и боли российского сегодняшнего дня. И не надо скрывать: эти книги, эти писания станут впоследствии единственным материалом для изучения психологии современного человека в России.

Эти литераторы выросли из ее посевов, и они несут на себе все фамильные черты этой наследственности.

Искажается российская жизнь — искажается и литература. Потрясенности — и там и тут, и над обеими повисла тьма. Дороги спутались. Кошмар дел стал кошмаром художественных восприятий, и унылость видений предстала унылостью строк.

Безумие пришло и в книгу. Грубость проникла и в язык. Распад дел явился распадом образов.

А вместе с исчезновением интеллигенции, ее душевной благодати, тонких ароматов ее вкусов, ее преданий и учителей литературного слова это отразило настроения и склад нового пришельца.

Как всегда, и здесь, в эти минуты, литература осталась зеркалом жизни. Не будем винить авторов: плоть от ее плоти и кость от ее кости, они стали ее выражением, отражением, наблюдатели ее уродливого роста, изобразители ее кривоколенного ствола, ее уродства, зла, борьбы и лишений.

Такова общая картина, общий характер, общее лицо современной литературы. Ее познание может раскрыться только изучением:

- 1) Новой писательской манеры, литературных признаков, пришедших в книги за эти спутанные несущиеся и смятенные годы.
- 2) Каждой отдельной литературной индивидуальности».

Нью-йоркская газета «Русский голос» (№ 3617; воскресное приложение) под названием «Я помню» перепечатывает стихотворение Есенина «Я помню, любимая, помню...»

Об источнике перепечатки см.: 6 сент. 1925, четвертая запись.

См. также: 17–24 июля 1925, первая запись; 4 авг. 1925, первая запись.

Октябрь, 12. Парижская газета «Возрождение» (№ 132) публикует статью И.А.Бунина «Инония и Китеж (К 50-летию со дня смерти гр. А.К.Толстого)» с критикой «Стансов» и «Инонии» Есенина:

«Вот я развернул книгу и читаю:

Глаза словно щели, растянутый рот,
Лицо на лицо не похоже
И выдались скулы углами вперед —
И ахнул от ужаса русский народ:
Ай рожа, ай страшная рожа!

Что это такое? Это из баллады Толстого о Змее-Тугарине, это рожа певца, нахально появившегося на пиру киевского князя Владимира, рожа той “обдорской” Руси, которую он пророчит, которая должна, по его слову, заменить Русь киевскую. <...>

И пророчество это, как известно, исполнилось. <...> Но <...> далеко той, прежней роже, что бахвалилась на пиру в Киеве, до рожи нынешней, что бахвалится на кровавом пиру в Москве, где “бесценными сокровищами” объявлены уже не честь, не стыд, не свобода, а как раз наоборот — бесчестье, бесстыдство, коганский кнут, где “рожа” именуется уже солью земли, воплощением, идеалом “новой” России, ее будто бы единственно-настоящим ликом, — в противовес России прежней, России Толстых, — и именуется <...>, например, так:

Я не чета каким-то там болванам*,
 Пускай бываю иногда я пьяным,
 Зато в глазах моих прозрений дивных свет...
 Я вижу всё и ясно понимаю,
 Что эра новая не фунт изюму вам,
 Что имя Ленина шумит, как ветер, по краю...

Эти хвастливые вирши, — прибавьте к ним заборную орфографию, — случайно попавшие мне на глаза недавно <см.: 24 авг. 1925, третья запись> и принадлежащие некоему “крестьянину” Есенину, далеко не случайны. Сколько пишется теперь подобных! И какая символическая фигура этот советский хулиган, и сколь многим теперешним “болванам”, возвещающим России “новую эру”, он именно чета, и сколь он прав, что тут действительно стоит роковой вопрос: под знаком старой или так называемой новой “эры” быть России и обязательно ли подлинный русский человек есть “обдор”, азиат, дикарь или нет? Теперь всё больше входит в моду отвечать на этот вопрос, что да, обязательно. И московские “рожи”, не довольствуясь тем, что они и от рождения рожи, из кожи вон лезут, чтобы стать рожами сугубыми, архирожами. Посмотрите на всех этих Есениных, Бабелей, Сейфуллиных, Пильняков, Соболей, Ивановых, Эренбургов: ни одна из этих “рож” словечка в простоте не скажет... <...>

Теперь новое искусство сменилось “новейшим”. Вот “поэты-пролетарии”: <...> Вот “футуристы”: <...> Вот какие-то “супрематисты” <...> Вот “имажинист” <...>.

И вот, наконец, опять “крестьянин” Есенин, чадо будто бы самой подлинной Руси, вирши которого, по уверениям некоторых критиков <А.С.Яшенко; см.: до 31 марта 1921>, совсем будто бы “хлыстовские” и вместе с тем “скифские” (вероятно, потому, что в них опять действуют ноги, ничуть, впрочем, не свидетельствующие о новой эре, а только напоминающие очень старую поговорку о свинье, посаженной за стол):

Кометой вытяну язык,
 До Египта раскорячу ноги...
 Богу вышиплю бороду,
 Молюсь ему матерщиною...**
 Проклинаю дыхание *Китежа*,
 Обещаю вам *Инонию*...

Иногда говорят: стоит ли обращать внимание на эту “рожу”, на это “миссианство”, столь небогатое в своей изобретательности, знакомое России и прежде по базарным от-

* Цензурное искажение в публикации цитируемого стихотворения («Стансы»). У автора — “Демьянам” (подробнее см.: Есенин, II, 433) — *Сост.*

** Волно воспроизведенная строка, не принадлежащая Есенину (восходит к стихотворению А.Мариенгофа «Кровью плюем зорно...»). — *Сост.*

хожим местам? Увы, приходится. И тем более приходится, что ведь, повторяю, некоторые пресерьезно доказывают, что именно из этих мест и воссияет свет, Инония.

Инония эта уже не совсем нова. Обещали ее и старшие братья Есениных, их прешественники <...> Ведь блоковские стишки:

Эх, эх, без креста,
Тра-та-та! —

есть тоже “инония”, и ведь это именно с Есениными, с “рожами”, во главе их заставил Блок танцевать по пути в Инонию своего “Христосика в белом венчике из роз”. <...>

При всей своей ничтожности современный советский стихотворец, говорю еще раз, очень показателен: он не одинок, и целые идеологии строятся теперь на пафосе, родственном его “пафосу”, так как он, плут, отлично знает, что говорит, когда говорит, что в его налитых самогоном глазах “прозраний дивных свет”. При всей своей нарочитости и зараженности литературщиной, он кровное дитя своего времени и духа его. При всей своей разновидности, он может быть взят за одну скобку, как кость от кости того “киргиза”, — как знаменательно, что и Ленин был “рожа”, монгол! — который ныне есть хозяин дня. Он и буйнит, и хвастается, и молится истинно по-киргизски: “Господи, отелись!” И стоя среди российского солончака, имитируя Пушкина, играя заигранным словечком Герцена, некоторые бахвалятся: “Да, скифы мы с раскосыми глазами!”

Скифы! К чему такой высокий стиль? Чем тут бахвалиться? Разве этот скиф не “рожа”, не тот же киргиз, кривоногий Иван, что еще в былинные дни гонялся за конем сраженного Святогора? Правильно тут только одно: есть два непримиримых мира: Толстые, сыны “святой Руси”, Святогоры, богомольцы града Китежа — и “рожи”, комсомольцы Есенины, те, коих былины называли когда-то Иванами. <...>

...откуда это, будто наиболее подлинный образ русского народа есть кривоногий и раскосый Иван с его Инонией, — иначе говоря, с простым, старым, как мир, дикарством, — а не Святогор? “Я мужик, а поемусь я Русь!” — кричит Иван. Да, но есть мужик и мужик, как сказал толстовский Поток-Богатырь. И след ли Иванам бахвалиться рядом с такими мужиками, как Ломоносов, Кольцов, с такими русскими, как Толстые? <...>

Что есть у какого-нибудь Есенина, Ивана Непомнящего? Только дикарская страсть к хвастовству да умение плевать. И плевать ему легко: это истинный Иван Непомнящий. В степи, где нет культуры, нет сложного и прочного быта, а есть только бродячая кибитка, время и бытие точно проваливаются куда-то, и памяти, воспоминаний почти нет. Другое дело Толстые. Как замечательны слова Толстого о той боли, с которой он старался “вспомнить” что-то после обморока! О, Толстым есть что вспомнить! А воспоминание, — употребляю это слово, конечно, не в будничном смысле, — живущее в крови, тайно связующее нас с десятками и сотнями поколений наших отцов, живших, а не только существовавших, воспоминание это, религиозно звучащее во всём нашем существе, и есть поэзия, священнейшее наследие наше, и оно-то и делает поэтов, сновидцев, священнослужителей слова, приобщающих нас к великой церкви живых и умерших. <...>

“Я обещаю вам Инонию!” — Но ничего ты, братец, обещать не можешь, ибо у тебя за душой гроша ломаного нет, и поди-ка ты лучше проспись и не дыши на меня своей миссианской самогонкой! А главное, всё-то ты врешь, холоп, в угоду своему новому барину!»

В парижской газете «Звено» (№ 141) печатается рецензия К.В.Мочульского на журнал «Красная новь» (№ 4) с упоминанием Есенина:

«В поэм<е> Сергея Есенина “Анна Снежина” <так!> — тургеневский “усадебный” сюжет рассказан языком франтика-контрощика. Элегия воспоминаний, цветущей сирени

и “разросшегося сада” оснащена заборными словечками. Еще нелепее и пошлее “Летающий пролетарий” Маяковского».

О публикациях текста поэмы и оглнков на нее см. также: 20 марта 1925, вторая запись; 1 мая 1925, пятая и шестая записи; 3 мая 1925; 21 ... 30 мая 1925; 1 июня 1925, вторая и третья записи; до 17 июня 1925; 18 июня 1925, третья запись; 20 июня ... 3 июля 1925; 21 и 23 июня 1925; 28 июня 1925, вторая запись; 30 июня 1925, девятая запись; 1 июля 1925, пятая запись; 8 июля 1925; 12 июля 1925, четвертая запись; 19 июля 1925, четвертая и пятая записи; 22 июля 1925, четвертая запись; 26 июля 1925, восьмая и девятая записи; до 20 сент. 1925; 30 сент. ... 12 окт. 1925; 15 дек. 1925, третья запись.

Октябрь, 12–15. Все эти дни Есенин проводит дома.

События устанавливаются по одинаковым записям С.А.Толстой-Есениной на каждом из листов календаря от 12, 13, 14 и 15 окт. 1925:

«Дома».

На листке 15 окт. к слову «Дома» добавлено:

«Доктор».

НН, 1995, № 34, с. 64.

Октябрь, 12–15 (?). Есенин составляет два перечня журналов и газет со своими произведениями (1915–1918):

— «Журнал ленинградский “Голос жизни”, 1915, с апреля по июнь.

Газета московская “Голос трудового крестьянства”. 1918, с апреля по июнь.

“Ежемесячный журнал” Миролюбова. 1915 и <19>16”.

Есенин, I, 395–396; Есенин, VII (2), 156.

При установлении рамок этого и следующих событий, помещенных под данной датой, принято во внимание содержание и дата письма Госиздата в Румянцевскую библиотеку (см.: 10 окт. 1925), а также местонахождение Есенина в последующие дни (см.: 10–11 окт. 1925; предыд. запись).

«Готовя это издание, Есенин решил разыскать свои ранние стихотворения, которые публиковались в периодике и не входили в его книги. Поэт составил два перечня <...> с названиями газет и журналов, которые следовало просмотреть. Эта работа была поручена И.И.Есенину.

Непосредственно за комментируемым перечнем двоюродный брат поэта переписал из ГЖ <“Голоса жизни”> (1915, № 17, 22 апр., с. 13) четыре опубликованных там стихотворения: “Гусляр” (“Тёмна ноченька, не спится...”), “В хате” (“Пахнет рыхлыми драчёнами...”), “Богомолки” (“По дороге идут богомолки...”) и “Рыбак” (“Под венком лесной ромашки...”). Поэт отметил в этом списке первое и последнее стихотворения, одновременно зачеркнув их заголовки <и поменяв местами>. Переписанные затем вновь С. А. Толстой-Есениной, они были вложены в наб. экз. без заглавий. Из Еж. ж. И.И.Есенин снял рукописные копии еще трех стихотворений: “За горами, за желтыми долами...”, “Опять раскинулся узорно...” и “День ушел, убавилась черта...” <...>

Других выписок И.И.Есенина из периодических изданий, перечисленных здесь поэтом, не обнаружено. А между тем в наб. экз. <после “Тёмна ноченька, не спится...”> Есениным было включено стихотворение “Хороша была Танюша...”, опубликованное только в Еж. ж. <1915, № 11, ноябрь> и не включено ни одного стихотворения, напечатанного в 1918 г. в Г. тр. кр., но не вошедшего ни в один сборник поэта (напр., “Наша вера не погасла...” или “Снег, словно мед незрелый...”).

А.Н.Захаров, Т.К.Савченко — Есенин, VII (2), 156–157;

— «Русская мысль 1915, летние: [август,] август, или сент<ябрь>, или июль.

Голос жизни. 1915 (весенние №).

Ежемесячный журнал Миролюбова. 1915, <19>16, <19>17.

Скифы 2 №

Голос трудового крестьянства.

Весь мир. 1915.

1910. Рязанский вестник».

Есенин, I, 395: VII (2), 158–159.

На оборотной стороне л. 1 рукой С.А.Толстой-Есениной написано:

«Для составления Полного Собрания в Госиздате вспоминал, где у него печатались вещи, и старался найти их в Рум<яшцевской> Библиотеке», но не нашел».

См.: 10 окт. 1925.

Из «Русской мысли» 1915 г. в Собр. ст. вошло только два стихотворения, которые в 1916 г. были напечатаны в «Радунице». В журнале «Весь мир» летом 1915 г. Есенин не печатался. Неизвестны публикации поэта и в «Рязанском вестнике» 1910 г. Два сборника «Скифы», очевидно, были более доступны Есенину, и в Собр. ст. вошло несколько стихотворений, впервые напечатанных в них...»

А.Н.Захаров, Т.К.Савченко — Есенин, VII (2), 159.

Делает пометы («нужно») над списками стихотворений «За горами, за желтыми долами...» и «Опять раскинулся узорно...», выполненными рукой И.И.Есенина.

Есенин, VII (2), 155.

В соответствии с пометами эти стихотворения, переписанные С.А.Толстой-Есениной, будут включены в Собр. ст.

После текста поэмы «Небесный барабанщик» (вырезка из книги «О России и революции») помечает: «(поставить после Инонии)».

Есенин, VII (2), 156.

См. также: после 20 окт. 1925, девятая запись.

Диктует С.А.Толстой-Есениной еще один список журналов и газет со своими произведениями:

«Русская мысль. 1915. Июль. Ав<густ>. Сент <ябрь>.

Голос жизни. 1915. Весен<ние> №№, с марта по сентябрь.

Ежемесяч<ный> журнал. 1915, <19>16, <19>17.

Скифы 2 №№

Голос тр<удового> кр<естьянства>. 1918. Май – Август.

Весь мир. 1915, лето».

Пояснение С.А.Толстой-Есениной:

«Записано под диктовку Сергея для работы в Румянцевском музее для нахождения стихов для ГИЗа. С<офья> Е<сенина>».

Есенин, VII (2), 159.

Октябрь, 13. Есенин посылает брата в редакцию журнала «Красная новь» к В.В.Казину с запиской:

«Голубь Вася! Устрой немного денег Илье <Есенину>. А то до получки сию без сантима.

Привет тебе и поцелуй. / Твой С. Есенин».

Есенин, VI, 225, 732.

Октябрь, 14. Пишет стихотворение «Свищет ветер, серебряный ветер...»

Есенин, I, 289–290, 663.

В черновике после 12-й строки зачеркнута строфа:

Знаю я. Все так, которые смело
Жили, кипели, бросались в пламя,
Те, кому жизнь не совсем надоела,
Те даже крохи собирают на память.

Есенин, I, 382.

См. также: 1 нояб. 1925, вторая запись; 29 нояб. 1925, третья запись.

Посылает Е.А.Есенину в книжный магазин Госиздата РСФСР № 5, которым заведует В.И.Вольпин, с запиской на его имя:

«Дорогой Валентин Иванович!

Будьте добры, дайте на мой счет сестре моей несколько книг.

Зайду, расплачусь. Соня кланяется. Звоните. Чай и мёд к Вашим услугам, а хозяева — вплоть до кинематографа. 4-91-53.

Ваш С. Есенин».

Есенин, VI, 225, 732–733.

Сведения о месте работы и должности В.И.Вольпина установлены по перечню служащих Госиздата РСФСР (ГАРФ, ф. Р395, оп. 8, ед. хр. 210, л. 118).

Октябрь, 15. Заведующий литературно-художественным отделом Госиздата РСФСР Н.И.Николаев обращается к Есенину:

«Уважаемый Сергей Александрович!

Литературно-художественный отдел Госиздата напоминает Вам, что истекает срок представления *всего* материала для Вашего собрания сочинений. Отдел просит Вас сдать этот материал в течение *трёх* дней».

Письма, 294.

См. Приложение.

См.: 30 июня 1925, первая запись; 3 июля 1925, вторая запись; 7 июля 1925, первая запись; 19 июля 1925, первая запись; 21 июля 1925, вторая запись; 3 авг. 1925, первая запись; 12 авг. 1925; 24 авг. 1925, вторая запись; 11 или 12 сент. 1925; 12 сент. 1925, первая запись; 22 сент. 1925, вторая запись; 10 окт. 1925; после 20 окт. 1925; окт. — до 26 нояб. 1925; конец нояб. 1925, первая запись; 9–11 часов утра 23 дек. 1925.

В нарсуд Лубянского участка уходит письмо за подписью помощника губпрокурора, извещающее, что «по настоящему делу обвинение <Есенин> на суде будет поддерживаться представителем прокуратуры».

Есенин, VII (2), 465.

См.: 6 сент. 1925, вторая запись; 8 сент. 1925, вторая запись; 17 сент. 1925, вторая запись; 3 окт. 1925, третья запись; 17 окт. 1925, первая запись; 19 окт. 1925, первая запись; 21 окт. 1925, пятая запись; 27 окт. 1925, восьмая запись; 28 окт. 1925, третья запись; 29 окт. 1925, первая и вторая записи; 11 нояб. 1925, вторая запись; 12 нояб. 1925, первая и вторая записи; около 20 нояб. 1925.

«Бюллетень торгового и периодического секторов Государственного издательства» (№16/17) среди новых изданий, поступивших в продажу с

10 сентября по 10 октября 1925 года, называет № 7 (за сентябрь) журнала «Красная новь» со стихотворениями Есенина.

См.: 3 и 5 сент. 1925; 10 ... 24 сент. 1925; 15 сент. 1925, вторая запись; 16 ... 23 сент. 1925; 24 сент. 1925, третья запись; 25 сент. 1925, третья запись; 30 сент. 1925, вторая запись; 1 нояб. 1925, шестая запись.

Октябрь, середина (?). Есенин делает три наброска «Нечто о себе» для последней автобиографии 1925 г. «О себе»:

«1

Родился 1895 г. 21 сентября в селе Константинове Рязанской губ<ернии> Рязанского уезда.

Детство такое же, как у всех сельских ребяташек.

До 12–13 лет жил с дедом и бабкой. Дед был зажиточный.

2

Читать начал с 5 лет под руководством дяди. Стихи с 8 лет. Учился много, но ничего не кончил.

3

В Университете Шанявского в 1913–14 г. столкнулся с поэтами. Узнал Клюева, Клычкова, Орешина и Наседкина. Печататься начал в “Русской мысли” и “Голосе жизни”».

Есенин, VII (1), 22, 415.

См. также: 12 сент. 1925, первая запись.

См. Приложение.

Октябрь, до 16. Луганский журнал «Забой» (№ 19) перепечатывает статью Г. Лелевича «В преддверии литературного сезона».

Граница события отмечается на основе того, что журнал «Забой» выходил раз в две недели, а 19-й его номер был первым из октябрьских номеров.

О первой публикации см.: 24 сент. 1925, третья запись.

См. также: 11 нояб. 1925, вторая запись.

Октябрь, до 16 — 31. В Госиздате РСФСР выходит хрестоматия для трудовой школы I и II ступени «Зеленый шум. Первый год» (составители Е.Е. Соловьёва, В.Я. Волынская и др.; издание пятое, исправленное и дополненное) со стихотворением Есенина «Воробушки» <<«Поет зима, аукает...»>».

Кн. летопись, 1925, № 20, окт., поз. 17837.

О предыд. изданиях см.: 21 дек. 1923; конец июня — до 15 июля 1924, первая запись; до 16 — до 31 окт. 1924, вторая запись; конец нояб. ... до 15 дек. 1924, первая запись.

В издательстве «Работник просвещения» выходит вторым изданием пособие М.А. Рыбниковой «Книга о языке. Очерки по изучению русского языка и стилистические упражнения», в котором значительное внимание уделяется творчеству Есенина.

Кн. летопись, 1925, № 20, окт., поз. 17888.

О Есенине идет речь:

— в 1-м разделе «Эпитет» (подраздел «Задачи») 2-й части «Элементы поэтической речи»:

«Задача № 7, заключается в том, что ученики должны вставить пропущенные *эпитеты* в стихотворные тексты, написанные учителем на доске.

<...> Есенин: Видели ли вы <приводится отрывок из “Сорокоуста”>»;

— в 3-м разделе «Сравнения и метафоры» (подраздел 5 «История одной метафоры») той же 2-й части:

«Тяготение Есенина в “Пугачеве” к метафоре типа: “колокол луны скатился ниже”.

Соответствие данной формы метафоры поэтике имажинизма. Тот же прием у Маяковского (“черствая булка вчерашней ласки”); то же в нашей ходовой речи и у символистов. Конкретизация отвлеченного у поэтов XIX в., у символистов и у Маяковского (“пучину гордого познания”, “костер волнения”, “глупая вобла воображения”). Имажинисты заполняют эту форму сопоставлением конкретного с конкретным (“разбив белый кувшин головы его”).

Взяв “Пугачева” Есенина, мы найдем там обильные примеры интересующего нас случая примененной метафоры: два существительных: определение в именительном, определяемое в родительном падеже.

Не удалось им на осиновый шест
Водрузить *головы моей парус*.

Слушай, отче, Расскажи мне нежно,
Как живет здесь мудрый наш мужик?
Так же ль он в полях своих прилежно
Цедит молоко соломенное ржи?
Так же ль здесь, *сломав зари застенки,*
Гонится овес на водопой рысцей,
И на грядках, от капусты пенных,
Челноки ныряют огурцов.

Но что я вижу?
Колокол луны скатился ниже,
Он, словно яблоко увянувшее, мал.
Благовест лучей его стал глух.

Опуская союзы, Есенин преобразует сравнения в метафоры. “Челноки ныряют огурцов” вместо “огурцы ныряют, как челноки”. Не “луна, как колокол” (и отсюда “благовест лучей”), а просто: “колокол луны»; также и “головы моей парус”. Ниже еще такие же образы:

Идет отомстить Екатерине,
Подымая руку, как желтый кол,
За то, что она с сообщниками своими,
Разбив белый кувшин
Головы его,
Взошла на престол.
Ежедневно молясь на *зари желтый гроб*.
Кандалы я сосал голубыми руками.
Даже роши —
И те повстанцами
Подымают *хоругви рябин*.

Кроме этого излюбленного Есениным оборота, словесного жеста двух существительных, стоит очень близкий ему оборот сравнения в творительном падеже; в “Пугачеве” их очень много.

Завтра ж к утру будет ясная погода,
Сивым табуном проскачет хмарь.
 А жизнь — это лес большой,
 Где заря *красным всадником* мчится.
 Нужно, нужно остаться,
 Чтоб вскипела месть
Золотою пургой акаций,
 Чтобы пролились ножи
Железными струями люто!
 Оренбургская заря *красношерстной верблюдицей*
 Рассветное роняла ко мне молоко.
 Сумрак *голодной волчицей*
 Выбежал кровь зари лакать.

Поэт-имажинист (а в “Пугачеве” имажинизм по преимуществу, а не просто поэзия), Есенин выполняет одно из основных положений школы, давая образы не только обильные и разительные, но также и по форме своей необычайно краткие, как бы с выжатым из них глаголом. <...>

Подведем кое-какие итоги.

Данный оборот, как таковой, не нов, но поэты XX века его культивировали с особенной любовью. Блок и Белый желали этим приемом выразить невыразимое, сказать несказанное: *кадило мечтаний, рога отдалений*. Маяковский берет, в сущности, тот же прием (“черствая булка вчерашней ласки”, “глупая вобла воображения”), но снижает стиль площадным характером образов: черствая булка, глупая вобла, тина сердца, бык дней (“Дней бык пег, медленна лет арба”).

Однако вместе с символистами Маяковский любит этим сочетанием понятий сделать образным то, что отвлеченно: мысль, ласка, время, душа (“души моей незабудки”).

Есенин, поскольку в “Пугачеве” его можно брать представителем имажинизма, находит возможным давать бесчисленные сравнения конкретного с конкретным. И в этом особая новизна и смелость “Пугачева”.

Не удалось им на осиноый шест
 Водрузить *головы моей парус*.

Так варьируется этот прием у различных поэтов и школ XX века».

Курсив автора;

– в подразделе 6 «Старые и новые образы» как пример возвращения старой метафоры, оживленной новым образом, автор приводит пример из Есенина:

И течет заря над лесом
 С горла неба перерезанного.

Далее М.А.Рыбникова пишет:

«Читаешь у Есенина:

Колокол луны скатился ниже,
 Он, словно яблоко увянувшее, мал.
 Благовест лучей его стал глух.

Читаешь и думаешь: как хорошо “благовест лучей” — это совсем ново.
А потом вспоминаешь Тютчева.

Еще минута, — и во всей
Неизмеримости эфирной
Раздастся благовест всемирный
Победных солнечных лучей...

А потом, оказывается, и у Маяковского почти то же; так говорит ему солнце:

Устанет то —
И хочет ночь
Прилечь,
Тупая сонница, —
Вдруг — я
Во всю светаю мочь —
И снова день трезвонится.

Поэт Александровский “Звон солнца” ставит названием своего сборника стихов.
Опять у Есенина:

Ковригой хлебною под сводом
Надломлена твоя луна!

Не отголосок ли это народной загадки: “Над бабушкиной избушкой висит хлеба краюшка”?»

См. Приложение.

В ленинградском отделении Госиздата РСФСР выходит третьим изданием книга Г.Е.Горбачева «Очерки современной русской литературы», где заходит речь о Есенине.

Кн. летопись, 1925, № 20, окт., поз. 17463.

Суждения критика о поэте см. в записи о втором издании книги: после 15 февр. ... июнь 1925.

Октябрь, 16. Есенин пишет А.А.Берзинь:

«Дорогая Анна Абрамовна!

Положение хуже, чем у свиньи, которую откармливают на убой.

Черт с ними, что деньги от всего того, что я не беру их, накапливаются, дело в том, что у меня ни монеточки, даже в кино нет на билет, а Шурке на трамвай.

Дорогая! Ты всегда была моим ангелом-хранителем. Устрой что-нибудь из тех мест, где это возможно. Половина жизни за 100 руб. И целая поэма о гнусности денег.

Твой С. Есенин.

P.S. Не употребляй спиртн<ых> напитков. Страшный вред здоровью и благополучию.

Я всегда это знал, потому и проповедую. / С. Е.».

Есенин, VI, 225, 733.

Рижский журнал «Наш Огонек» (№ 42) перепечатывает стихотворение Есенина «Каждый труд благослови, удача!...»

См. также: 12 июля 1925, первая запись; 31 июля 1925, первая запись; 13 сент. 1925, вторая запись; 16 ... 23 сент. 1925; 30 сент. 1925, третья запись.

Газета «Известия ЦИК СССР и ВЦИК Советов» (№ 237), сообщая о завершении работы М.Ф.Гнесина над «Эскизом симфонического монумента», пишет:

«Это большое произведение в виде симфонии с заключительным хором на текст С.Есенина. Музыка выдержана в монументальных импонирующих тонах».

См.: до 8 окт. 1925; 11 окт. 1925, вторая запись; 26 окт. 1925; 10 нояб. 1925, первая запись.

Октябрь, 17. Составляется письмо начальнику 48-го отделения милиции за подписью народного судьи Лубянского участка В.Липкина и секретаря суда В.Гольдберга.

Письмо удостоверяет, что:

«Нарсуд Лубянского уч-ка Сокольнического р-на, препровождая при сем переписку о привлечении к ответственности гр. ЕСЕНИНА по ст. 176 ч. 2 УК, предлагает произвести дознание в порядке ст. 96 п. 4 УПК опросом гр.гр. РОГА, ЛЕВИ<Т>А и ЕСЕНИНА, приложив к дознанию справку о судимости гр. Есенина. По исполнению дознание направить в соответствии ст. 105 УПК».

Есенин, VII (2), 466.

См.: 6 сент. 1925, вторая запись; 8 сент. 1925, вторая запись; 17 сент. 1925, вторая запись; 3 окт. 1925, третья запись; 15 окт. 1925, вторая запись; 19 окт. 1925, первая запись; 21 окт. 1925, пятая запись; 27 окт. 1925, восьмая запись; 28 окт. 1925, третья запись; 29 окт. 1925, первая и вторая записи; 11 нояб. 1925, вторая запись; 12 нояб. 1925, первая и вторая записи; около 20 нояб. 1925.

Есенин пишет доверенность на имя Е.А.Есениной:

«Доверяю моей сестре Екатерине Александровне Есениной заключать всякие договоры, которые касаются моих произведений».

Есенин, VII (2), 221.

Е.А.Есенина позднее пояснит:

«Доверенность от 17/Х 25 г. написана на рукописи молодого поэта Яна Снегина, который и передал мне настоящую после смерти С.Есенина. Е.Есенина».

Хроника, 2, 363.

Из пояснительной записки «следует, что Е.А.Есенина никаких договоров по доверенности поэта при жизни его заключать не могла» (В.Г.Белоусов, там же).

Газета «Парижский вестник» (№ 140) под заглавием «Русь советская: стихотворение Сергея Есенина» перепечатывает произведение поэта.

Об исходной публикации см.: до 23 сент. 1924.

См. также: 24 сент. 1924, первая запись; после 10 окт. ... нояб. 1924; до 25 дек. 1924; 17 янв. 1925, третья запись; до 20 янв. 1925, третья запись; февр. (?) 1925, третья запись; 30 апр. 1925, первая запись; до 14 июня 1925; июль ... дек. (?) 1925, первая запись; 27 сент. 1925, пятая запись; конец сент. ... до 16 окт. 1925, первая запись; конец нояб. 1925, вторая запись.

Нью-йоркская газета «Новое русское слово» (№ 4647) помещает отклик Л. Камышникова на выступление В. В. Маяковского в Филадельфии «Поэзо-глупость», где заходит речь о Есенине:

«Настоящее искусство редко рождается в пригородах. Талантливый Есенин — дитя деревни, настоящий черноземный человек. Блок и Брюсов настоящие горожане, и поэзия у них настоящая городская».

Дежурный участковый надзиратель 45-го отделения милиции выписывает на имя Есенина вторичную повестку:

«С получением сего прошу внести штраф в сумме 15 р. не позднее 9 ч. утра 17/X, так как бумага очень срочная (2<-й> срок кончился).

ГМЗЕ. ОНФ 954/1а.

Ни причина, по которой Есенин должен был быть оштрафован, ни первичная повестка об этом штрафе неизвестны.

Октябрь, 17 и 18. Характеризуя состояние Есенина в эти дни, С. А. Толстая-Есенина делает на листках календаря с указанными числами два похожих рисунка, напоминающих верхнюю часть бутылки с открытым горлышком.

На листке 17 окт. — ее позднейшее пояснение:

«Это значит “пил”, но я боялась что-ниб<удь> записывать».

НН, 1995, № 34, с. 64.

Судя по всему, именно в один из этих дней между супругами происходит инцидент, упомянутый в дневниковой записи Н. С. Ашукина (30 окт. 1925):

«Правление Союза <писателей> опасается приглашать на банкет (по случаю открытия Дома Герцена) Есенина <см., однако: 27 окт. 1925>. А не пригласить нельзя. За последнее время алкоголь делает его почти безумным. Передают, что недавно он разбил всё лицо Софье Андр<еевне> Толстой».

НЛО, 1998, № 33, с. 256.

См. также воспоминания А. А. Берзинь (в кн.: Есенин глазами женщин: антология / Сост., предисл. и коммент. П. Е. Фокина, СПб.: Амфора, 2006, с. 390–391).

Октябрь, 18. Есенин надписывает С. Б. Фрумену две свои книги — «Безрезовый ситец» и «Стихи (1920–24)».

Дата обеих надписей обозначена одинаково — «Москва. 18/X 25».

На первой книге:

На стуле я —

Не на подоконнике.

Милый и хороший Сеня,

Всё, что есть хорошего в гармонике,

С тихой ласкою к тебе

С. Есенин.

Есенин, VII (1), 273, 491.

См.: 1 апр. 1925, третья запись; 15 апр. 1925; 1 мая 1925, восьмая запись; 15 мая 1925, пятая запись; 21 ... 30 мая 1925; 22 мая 1925, первая запись; после 28 мая 1925; 1 июня 1925, третья запись; 1 ... 15 июня 1925; 5 июня 1925, первая и вторая записи; 10 июня 1925; 11 июня 1925; 12 июня 1925, первая — третья и пятая записи; с 12 на 13 июня 1925, вторая запись; до 15 июня 1925, вторая запись; 20 июня 1925, первая запись; 27 июня 1925, первая запись; 30 июня 1925, восьмая запись; 2 июля 1925, первая за-

пись; до 7 июля 1925; 14 июля 1925, вторая запись; 26 июля 1925, седьмая запись; 31 июля 1925, вторая запись; 2 авг. 1925, третья запись; 11 авг. 1925, вторая запись; 1 сент. 1925, третья запись; 10 ... 24 сент. 1925; окт. (?) 1925, первая запись;

На второй книге:

«Народ хороший / ничего не скажешь / ты хороший / С. Есенин».

Есенин, VII (1), 274, 491.

См.: до 12 апр. 1925, третья запись; 12 апр. 1925, первая запись; 14 мая 1925, вторая запись; 21 ... 30 мая 1925; 25 июня 1925, третья запись; 2 июля 1925, вторая запись; 2 (?) июля 1925; 11 сент. 1925, первая запись; 16 ... 23 сент. 1925; окт. (?) 1925, вторая запись; первая половина дек. 1925, четвертая запись.

Из Константинова Есенину пишет отец — А.Н.Есенин:

«Милый и дорогой Сережа,

до нас часто доходят слухи очень плачевные — ты никак не можешь бросить свою пагубную для тебя привычку. <...> Твои года еще очень молодые. Тебе нужно пожить еще много на свете. У тебя есть и ум, и знаменитый талант, и ты можешь прожить во всём удовольствии. На всё у тебя хватит. Через чего ты сам себя убиваешь, чего у тебя не хватает, да я знаю многих, которые пили эту смертельную чашу. Они пили от неудачи в жизни, от семейных неприятностей и многих других неудач. Да, я слышал от тебя, что ты в вине отдыхаешь от своей работы. Дорогой Сережа! Очень уж отдых-то этот пагубный и неприятный. Можно найти другой способ дать отдохнуть твоим мозгам от твоей работы. Теперь, кажется, много различных sports — тебе можно развлекаться на них, для тебя будет много полезной для здоровья. <...>

Если бы ты сам себя видел в пьяном виде и посмотрел бы на себя, что ты творишь и что с тобой делается, то ты заплакал бы сам на себя, поэтому прошу тебя, ради Бога, брось ты этот дурной напиток. Если бы ты не пил, то наверняка ты бы не жил так, как живешь всё это время. У тебя была бы роскошная квартира и имел бы не менее двух прислуг, жил бы настоящим барином, и нам бы около тебя жилось бы гораздо лучше и покойней, а то сам ты мучаешься, убиваешь свою жизнь, и нам приходится страдать через этот несчастный напиток. <...>

Ну, дорогой мой, пока до свидания, и опять в конце письма прошу тебя, брось ты, пожалуйста, пить эту гадость, будь нормальным и здоровым человеком. Не дай погибнуть своему таланту.

Ну, прощай! Надеюсь, что ты бросишь. Остаюсь любящий тебя твой папаша А.Есенин и мать Т.Есенина. / 18/X-25. / Жду утешительного ответа».

Письма, 294-296.

Е.А.Есенина напишет (1940-е гг.):

«Матери не хотелось верить и думать о страшной болезни Сергея.

Мало ли что в жизни бывает. Ему только 29 лет. Сколько людей наших сбивалось с дороги, в опорках, без порток домой являлись из города, а теперь люди, да еще люди-то какие стали. Бог милостив, всяко бывает, и всё проходит.

Она везде, где возможно, заказала моление о Сергее. Сбегала за 8 верст в монастырь за советом и сама усердно молилась. Отец наш редко молился, всегда шутил над молящимися не в меру, но теперь, как стон, часто вырывалось у него “Боже, милостив буди мне грешному”».

В семье родной, 243.

Нью-Йоркская газета «Русский голос» (№ 3624; подпись: «Имажинист») печатает статью «Об имажинистах (Из заметок о новой литературе)», в которой говорится о Есенине:

«Автор этих заметок, имажинист, не мог спокойно отнестись к беспочвенным выводам некоторых критиков и поэтов по адресу имажинистов.

Так, один тончайший футурист в письме к другому именитому футуристу называет нас “имажинистская сволочь”.

В номере консервативной газеты “Звено”, издающейся под редакцией П.Н.Милюкова в Париже, нахожу статью об имажинистах <см.: 8 июня 1925, вторая запись>. Автор статьи старается доказать, что имажинизм ничтожное направление и что крупные поэты не могут вместиться в якобы узкие рамки имажинизма. Доказательством своей справедливости он берет уход С.Есенина и А.Кусикова от имажинизма.

Автор статейки ругает Вадима Шершеневича, основателя имажинизма и яркого, тончайшего выразителя его.

Смешно, когда критик называет Шершеневича жалким бездарным поэтом.

Ведь если сравнить стихи Шершеневича со стихами Кусикова, становится ясно, что первый истинный имажинист. Кусиков уходит от имажинизма, быть может, потому, что никогда органически не был с ним связан, постепенно выявляя склонность к лирическому эпосу, подобно своему даровитому собрату Сергею Есенину».

Октябрь, 18 (?). В обществе Г.А.Бениславской и А.Г.Назаровой Есенин высказывается о своих отношениях с Госиздатом.

А.Г.Назарова вспомнит:

«В начале ноября — конце октября <приписка Г.А.Бениславской на полях рукописи: “15 сентября или октября”> я ночевала у Гали. Было рождение Сони Виноградской; день рождения С.Виноградской отмечался 18 октября. — *Сост.*>, пришел к ней Есенин> и зашел к Гале в комнату. <...> Он был немного пьян. Начал рассказывать, какое хорошее стихотворение написал Клычков <его стихи вместе с есенинскими были напечатаны в журн. “Красная новь”, 1925, № 8, вышедшем в октябре: см.>, “но я напишу еще лучше, обязательно напишу”. Был возбужден, говорил, что завтра получает деньги из Госиздата, и вдруг, с грустью: “Вот, продался я им. Всю жизнь работал и за 15 (!) лет работы получил 10 тыс.”».

Материалы, 137.

Октябрь, 19. К Есенину в Померанцев пер. приходит участковый надзиратель, но не застаёт поэта дома.

Надзиратель составляет справку:

«...гр-на Есенина С.А. дома не оказалось, почему вручена повестка с просьбой о явке в 48 отд. мил<иции> по прибытии его на квартиру».

Есенин, VII (2), 466.

См.: 6 сент. 1925, вторая запись; 8 сент. 1925, вторая запись; 17 сент. 1925, вторая запись; 3 окт. 1925, третья запись; 15 окт. 1925, вторая запись; 17 окт. 1925, первая запись; 21 окт. 1925, пятая запись; 27 окт. 1925, восьмая запись; 28 окт. 1925, третья запись; 29 окт. 1925, первая и вторая записи; 11 нояб. 1925, вторая запись; 12 нояб. 1925, первая и вторая записи; около 20 нояб. 1925.

В Центральном доме работников просвещения (Леонтьевский пер., 4) — доклад Е.Ф.Никитиной «Современная русская литература», где, в частности, идет речь о творчестве Есенина.

Есенин, VII (2), 611.

Октябрь, 20. Есенину выдается членский билет № 81 Всероссийского союза писателей.

Хроника, 2, 211.
См. Приложение.

Есенин записывает для поэтессы Е.С.Герцог по ее просьбе стихотворение «Сочинитель бедный, это ты ли...»

Есенин, VII (1), 275, 491.

Беловой автограф — ИМЛИ, ф. 32, оп. 1, ед. хр. 41, л. 1, на отдельном листе, вклеенном в альбом, с надписью «т. Герцог» и датой: «20/X 25» также рукой Есенина.

См.: с 4 на 5 окт. 1925; до 3 дек. 1925.
См. Приложение.

Газета «Ленинградская правда» (№ 240) публикует материал В.Курносова «У Горького с моряками: (От нашего итальянского корреспондента)», где излагаются высказывания писателя, в т. ч. о болезни Есенина.

Текст см.: 30 сент. 1925, четвертая запись.

О перепечатках материала см.: след. запись; 21 окт. 1925, четвертая запись; 22 окт. 1925, вторая запись; 23 окт. 1925; 27 окт. 1925, третья запись; нояб. (?) 1925, первая запись.

В вечернем выпуске ленинградской «Красной газеты» (№ 255) — перепечатка беседы М.Горького с советскими моряками в Сорренто (в изложении В.Курносова), в которой упоминается Есенин.

Об исходной публикации см. предыд. запись.

О других перепечатках см.: 21 окт. 1925, четвертая запись; 22 окт. 1925, вторая запись; 23 окт. 1925; 27 окт. 1925, третья запись; нояб. (?) 1925, первая запись.

Октябрь, 20 ... 30. Примирение Есенина с А.Б.Мариенгофом.

Событие устанавливается и датируется по воспоминаниям В.Ф.Наседкина:

«После долгой размолвки, примерно за месяц до клиники <см.: 26 нояб. 1925, первая запись>, Есенин первым помирился с Мариенгофом, зайдя к нему на квартиру.

Дня через два после примирения Есенин сказал мне:

— Я помирился с Мариенгофом. Был у него... Он не плохой.

Последние два слова он произнес так, как будто прощал что-то».

Материалы, 236.

См. также: 29 нояб. 1925, четвертая запись.

Октябрь, после 20. Есенин вместе с С.А.Толстой-Есениной и И.В.Евдокимовым продолжает работать над «Собранием стихотворений».

Датировка всех событий, помещенных под этой датой, основывается на упоминании И.В.Евдокимовым в его воспоминаниях (см. ниже) «неловкого репортера», публично оповестившего — со слов М.Горького — о неизлечимой болезни Есенина (см. об этом: 30 сент. 1925, четвертая запись; 20 окт. 1925, третья и четвертая записи).

И.В.Евдокимов напишет (1926):

«Поэт пил, скандалил. Краснея потухавшими глазами, он мельком заходил ко мне, раздражённо бормотал о каких-то и от кого-то обидах, собирався куда-то уезжать, а потом внезапно поднимался, сулил зайти — и не заходил. При таком же его состоянии работа над изданием была немыслима.

Вдруг как-то позвонила жена: и на второй, на третий день он пришел вместе с ней. Мы уселись за стол. Я выложил стихотворения. Есенин исхудал, побледнел, руки у него тряслись, на лице его, словно от непосильной работы, была глубочайшая усталость, он капризничал, покрикивал на жену, был груб с нею... И тотчас, наклоняясь к ней, с трогательной лаской спрашивал:

— Ты как думаешь, Соня, это стихотворение сюда лучше?

А потом сразу сердчал:

— Что же ты переписала? Где же тот-то, понимаешь, недавно-то я написал? Ах, ты!..

И так мешались грубость и ласка всё время.

В отделе было душно и жарко. На лбу у него был пот, влажные руки он вытирал о пиджак.

— Сережа, ты разденься, — подсказал я, — тебе будет удобнее.

А в душе думалось — вот он выйдет сейчас потный на улицу, простынет — и чахотка доделает свое дело. В эти осенние месяцы я много раз слышал рассказы о чахотке у поэта, об этом даже писал какой-то неловкий репортер одной из московских <точнее, ленинградских> газет, сообщая о своем свидании в Италии с Максимом Горьким, который будто бы сказал:

— У Есенина горловая чахотка. Тут уж ничего сделать нельзя.

Общее настроение отражалось и на мне.

Он скинул пальто и кашне и, будто всегда делал так, подал их жене, а та, словно всегда раздевала его, взяла и спокойно положила на соседний свободный стол. Не скрою, я испытал неловкость.

Есенин торопливо, умело и знакомо шабаршился в рукописи, видимо, помня каждое стихотворение, где оно лежало, и складывал их грудкой. Листки расплзались, он сердился, хватал их... Сделали первый том. Начали определять даты написания вещей. Тут между супругами возник разлад. И разлад этот происходил по ряду стихотворений. Есенин останавливал глаза на переписанном Софьей Андреевной произведении и ворчал:

— Соня, почему ты тут написала 14-й год, а надо 13-й?

— Ты так сказал.

— Ах, ты всё перепутала! А вот тут надо десятый. Это одно из моих ранних... Нет! Не-е-т!

Есенин задумывался.

— Нет, ты права! Да, да, тут правильно.

Но в общем у меня получилось совершенно определенное впечатление, что поэт сам сомневался во многих датах. Зачеркнули ряд совершенно сомнительных. Долго обсуждали — оставлять даты или отказаться от них вовсе. Не остановились ни на чём. Проработали часа полтора-два. И сделали два тома. Есенин перескакивал от одного тома к другому, переделывал по нескольку раз, быстро вытаскивая листки из грудки и перекладывая их, снова нумеровали, снова ставили даты, писали шмуцтитела и уничтожали их. Я записывал в каждом томе, чего недоставало и что хотел поэт донести потом: он диктовал».

Восп.-95, 467–468.

См. также статью С.И.Субботина «Авторские датировки в “Собрании стихотворений” Сергея Есенина (1926): Невостребованные документальные материалы» (журн. «De visu». М., 1993, № 11, с. 58–61) и соображения А.А.Козловского (Есенин, I, 417).

«С самого начала работы над собранием сочинений Есенин положил в его основу Грж. — наиболее полное к тому времени собрание его произведений. В этот сборник входило 75 <74> лирических стихотворений от “Радуницы” до стихов 1922 года и 15 “маленьких поэм”. Приступив в 1925 г. к подготовке Собр. ст., Есенин счёл необходимым дополнить это издание не только стихами, появившимися после выпуска Грж., т. е. после 1922 года, но и рядом ранних стихотворений, которые не входили в Грж. и практически не перепечатывались после появления в свет.

В этой связи он обратился прежде всего к своему первому сборнику “Радунца” (1916). Этот сборник состоял из 33 стихотворений. 18 из них входили в Грж. и поэтому изначально были в Собр. ст. Из оставшихся 15-ти Есенин отобрал еще 12, остальные 3 так и оставил вне Собр. ст. Тексты этих 12-ти отобранных стихотворений он выправил, причем дважды. Первоначально правка велась, очевидно, по экземпляру Р₁₆, с которого затем были сняты машинописные копии. (Местонахождение данного экземпляра Р₆ неизвестно, но то, что экземпляр сборника, выправленный тогда автором, существовал и что именно с него снимались машинописные копии, доказывает тот, что последовательность стихов в листах машинописи та же, что и в сборнике, а тексты машинописи разнятся с текстами сборника). Затем машинопись была вновь просмотрена Есениным и в некоторые стихи внесены дополнительные исправления. Первый ее экземпляр, куда С.А.Толстая-Есенина перенесла авторскую правку, был вложен в наб. экз., а машинописный отпуск (второй экз.), по которому работал автор, остался в его архиве (ныне — в ГЛМ).

Всего в этой рукописи пять листов, которые включают тексты следующих стихотворений: л. 1 — “Занграй, сыграй, тальяночка, малиновы меха...”, “Подражанье песне”, “Выткался на озере алый свет зари...”; л. 2 — “Матушка в купальницу по лесу ходила...”, “Зашумели над затоном тростники...”, “Троицко утро, утренний канон...”; л. 3 — “Туча кружево в роще связала...”, “Дымом половодье...”; л. 4 — “Сыплет черёмуха снегом...”, “На плетнях висят баранки...”; л. 5 — “Калики”, “Задымился вечер, дремлет кот на бруссе...”. На обороте последнего листа помета С.А.Толстой-Есениной: “Эти стихи были переписаны мною, когда Сергей готовил рукопись своего полного собрания для Госиздата. Правки сделаны его рукой. С. Есенина”.

А.А. Козловский — Есенин, I, 392–394.

См.: 30 июня 1925, первая запись; 3 июля 1925, вторая запись; 7 июля 1925, первая запись; 19 июля 1925, первая запись; 21 июля 1925, вторая запись; 3 авг. 1925, первая запись; 12 авг. 1925; 24 авг. 1925, вторая запись; 11 или 12 сент. 1925; 12 сент. 1925, первая запись; 22 сент. 1925, вторая запись; 10 окт. 1925; 15 окт. 1925, первая запись; окт. — до 26 нояб. 1925; конец нояб. 1925, первая запись; 9–11 часов утра 23дек. 1925.

Делает пометы на машинописи, которая будет вложена в наборный экземпляр:

«Начало»; «1912».

Есенин, VII (2), 154.

Пометы сделаны перед совокупностью машинописных текстов стихотворений «Занграй, сыграй, тальяночка, малиновы меха...», «Подражанье песне» («Ты пошла коня из горстей в поводу...») и «Выткался на озере алый свет зари...» одновременно и отражают один из этапов составления первого тома, когда предполагалось открыть его этими произведениями. Лист со стихами является составной частью первого тома наб. экз.

Меняет композицию начала первого тома Собрания.

Помета «Начало» была им зачеркнута и в рукопись перед этими стихами включено еще восемь стихотворений, помеченных разными датами: 1910, 1911 и 1916.

См. также: Собр. ст., I, 3–17; Есенин, I, 15–25.

«Два первых стихотворения из числа включенных на этом этапе (“Вот уж вечер. Роса...” и “Там, где капустные грядки...”) продиктованы автором С.А.Толстой-Есениной и в ее списках вошли в наб. экз. <с ее пометами: “Самое первое. 1910 г.” и “Второе. 1910 г.”>».

А.А. Козловский — Есенин, I, 394.

В 1940 г. С.А.Толстая-Есенина напишет:

«По словам Есенина, это его первые стихи. Считая их слабыми, он не хотел включать их в “Собрание”. Согласился напечатать стихи только благодаря просьбе своих близких. Текст был продиктован им. Дата поставлена по его указанию».

Восп., 2, 260.

«Очевидно, тогда же было переписано С.А.Толстой-Есениной третье стихотворение — “Поет зима — аукает...” <опубликованное в журн. “Мирок” (М., 1914, № 2, февр.), — с ее пометой: “1910 г. Третье”>. Остальные были найдены в журналах 1915–1916 гг.».

А.А. Козловский — Есенин, I, 394.

См. также: Есенин, I, 437–447.

Вкладывает в наборный экземпляр вырезки 73-х стихотворений из издания З.И.Гржебина (1922).

«Следующая часть рукописи — вырезки из Грж. Это довольно значительная часть текстов: от стихотворения “Край любимый! Сердцу снятся...” по “Сторона ль ты моя, сторона...”. Одно стихотворение (“Пропавший месяц”) вставлено среди этих вырезок в виде рукописного списка, выполненного С.А.Толстой-Есениной. Готовя эту часть тома, поэт удалил циклические заголовки, изменившиеся в Грж. (“Радунница”, “Голубень”, “Преображение”, “Трерядница”, “Песни забудлыги”), но не изменил последовательности в расположении стихотворений. В результате разделы и циклы утратили свои внешние границы, однако сохранились в виде своеобразных “циклических кругов” (если так можно определить группировку и расположение стихотворений в соответствии с их образно-стилистической связью между собой). Это дало возможность сохранить целостность в развитии лирических тем, их определенную последовательность.

Тот же композиционный прием — устранение циклических заголовков при сохранении определенной последовательности стихотворений — был применен Есениным при формировании последующих частей тома. Автор сохранил заголовок только одного цикла — “Персидские мотивы”. Остальные заголовки были опущены.

А.А.Козловский — Есенин, I, 396–397.

См. также: Есенин, I, 459–579.

Формирует следующую часть первого тома, в основном состоящую из стихотворений двух циклов книги «Москва кабацкая».

Перегруппировывает стихи, составлявшие в этой книге одноименный цикл, расположив их следующим образом:

«Не ругайтесь! Такое дело!...», «Не жалею, не зову, не плачу...», «Я обманывать себя не стапу...», «Да! Теперь решено. Без возврата...», «Снова пьют здесь, дерутся и плачут...», «Сыпь, гармоника! Скука... Скука...», «Пой же, пой. На проклятой гитаре...», «Эта улица мне знакома...» [Пять стихотворений вкладываются в наб. экз. в виде вырезок из М. каб., а три наиболее скандальных — в машинописных списках, поскольку в книге некоторые из них были искажены цензурой.

Название цикла «Любовь хулигана» опускается, но последовательность стихов, входивших в него, сохраняется — они вложены в наб. экз. в виде вырезок из М. каб.

Между этими блоками стихотворений вставляются еще пять текстов: четыре — в машинописных списках («Годы молодые с забубённой славой...», «Письмо матери», «Я усталым таким еще не был...», «Этой грусти теперь не рассыпать...»), а одно («Мне осталась одна забава...») — в виде вырезки из Гост. (1924, № 1 [3]).

Следующую часть тома Есенин составляет из 22-х стихотворений: от «Мы теперь уходим понемногу...» до «Жизнь — обман с чарующей тоскою...»

«В композиции и в текстах этой части тома <и предыдущей — между двумя циклами> можно выявить следы одного из неизданных сборников — “Рябинового костра”, над которым Есенин работал с осени 1924 г. Этот сборник поэт задумал во время пребывания в Баку <см.: до 20 окт. 1924, вторая запись>.

<...> Сборник не вышел, но рукопись его была подготовлена. Видимо, начала ее готовить Г.А.Бениславская зимой 1924/25 гг., когда поэт был на Кавказе. По возвращении в Москву Есенин просмотрел рукопись, внес в нее поправки. Из этой рукописи перешли в наб. экз. тексты стихотворений “Письмо матери”, “Я усталым таким еще не был...”, “Этой грусти теперь не рассыпать...”, “Низкий дом с голубыми ставнями...”, “Сукин сын”, “Пушкину”, “Отговорила роща золотая...” <...>

Несмотря на внимательное отношение поэта, одна опшибка, допущенная при составлении, всё же осталась. Стихотворение “Заря окликает другую...” оказалось включенным в рукопись дважды. Первый раз оно было поставлено после “Песни” (“Есть одна хорошая песня у соловушки...”), второй раз — перед “Не вернусь я в отчий дом...” Не заметил этой опшибки и издательский редактор И.В.Евдокимов. Рукопись ушла в типографию, из-за чего стихотворение было набрано дважды. Корректор отметил это в гранках (они поступили после смерти поэта). Тогда в наб. экз. появилась помета: “Выкинуть. Второй раз. *И.Евдокимов*”. Эта помета была сделана явно post factum, после возвращения рукописи из типографии. <...>

Несмотря на подобные погрешности, есть все основания говорить о высокой степени авторизации наб. экз. Это касается не только его состава и построения, но и текстов произведений.

Все тексты наб. экз. были прочитаны автором. С большим вниманием он отнесся, естественно, к рукописным и машинописным текстам, менее скрупулезно вычитывал тексты, представленные в виде вырезок из собственных сборников или из газет и журналов. <...>

Авторские изменения (смысловые и стилистические поправки, уточнения пунктуации, устранения опечаток и т. п.) имеются на многих листах наб. экз.

А. А. Козловский — Есенин, I, 397, 398, 399–400.

Дважды переформирует заключительную часть первого тома.

Об этом свидетельствуют две пагинации этих страниц наб. экз. Первая пагинация предыдущей части тома заканчивалась на цифре «22». А следующие за ней пять стихотворений («Сыпь, тальянка, звонко, сыпь, тальянка, смело!...») и четыре стихотворения, посвященные «Сестре Шуре») пронумерованы поэтом числами 33–37 (111–115). И эта нумерация продолжается до конца тома (38–63).

А что же было между 22-й и 33-й страницами? В мае 1925 г. вышла книга Есенина «Персидские мотивы», одноименный цикл которой содержал только десять стихотворений. Видимо, именно их поэт первоначально вставил после стихотворения «Жизнь — обман с чарующей тоскою...», страница которого в рукописи шла под № 22.

Одиннадцатым же могло стать тогда «Море голосов воробьиных...», о котором в 1940 г. С. А. Толстая-Есенина напишет:

«Осенью 1925 г., подготавливая свое “Собрание”, он вернулся к этому стихотворению, хотел включить его в цикл “Персидских мотивов”, начал его перерабатывать, но не закончил и потому не включил в “Собрание”».

Восп., 2, 261.

См. также: Есенин, IV, 228–229, 314, 437–439.

Вкратце история цикла «Персидские мотивы» такова. Вначале Есенин предполагал, что это будет «целая книга в 20 стихотворений» (Летопись, 4, 504). С октября 1924 по январь 1925 г. поэт написал шесть стихотворений, в марте–апреле — еще четыре. Эти 10 стихотворений составили цикл в одноименной книге «Персидские мотивы» (см.: после 26 мая 1925). Окончательный состав цикла (15 стихотворений), его место в Собр. ст. (после «В этом мире я только прохожий...») и последовательность текстов Есенин определил, когда завершал работу над наб. экз.

Первые два стихотворения («Улеглась моя бывшая рана...») и «Я спросил сегодня у менялы...») отсутствуют в наб. экз., шесть представлены машинописными списками («Шаганэ ты моя, Шаганэ!...», «Ты сказала, что Саади...», «Быть поэтом — это значит то же...», «Руки милой — пара лебедей...», «Отчего луна так светит тускло...», «Глупое сердце, не бейся...»), шесть других — вырезками из З. Вост. («Никогда я не был на Босфоре...») и «Свет вечерний шафранного края...») и Бак. раб. («Воздух прозрачный и синий...», «Золото холодное луны...», «В Хороссане есть такие двери...», «Голубая родина Фирдуси...») и одно («Голубая да веселая страна...») — рукописным списком, выполненным И. В. Евдокимовым. Сохранился и автограф последнего текста с пометой Есенина: «Конец персидских мотивов» (см. Приложение).

После «Персидских мотивов» Есенин включает в первый том 12 стихотворений, написанных с 19 сентября по 27 октября 1925 г.

В наб. экз. почти все они (от «Ах вы, сани! А кони, кони!...» до «Цветы мне говорят — прощай...») представлены списками рукой С. А. Толстой-Есениной, кроме одного («Мелколесье. Степь и дали...»), выполненного И. В. Евдокимовым.

Поэма «Небесный барабанщик» (в виде вырезки из книги «О России и революции») помещается во втором томе наборного экземпляра «Собрания стихотворений» Есенина после текста «Инонии».

Есенин, VII (2), 156.

См. также: 12–15 (?) окт. 1925, третья запись.

Октябрь, до 21. Выходит из печати журнал «Красная новь» (№ 8; за октябрь) со стихотворениями Есенина «Сыпь, тальянка, звонко, сыпь, тальянка, смело...»; «Над окошком месяц. Под окошком ветер...»; «Быть по-

этом — это значит то же...»; «Глупое сердце, не бойся...»; «Гори, звезда моя, не падай...»; «Жизнь — обман с чарующей тоскою...»

Граница события устанавливается по информации газ. «Известия ЦИК СССР и ВЦИК Советов» (см.: 21 окт. 1925, третья запись).

В стихотворении «Жизнь — обман с чарующей тоскою...» 23-я строка читается: «Те, кого люблю я...» вместо: «Те, кого любил я...», как в других публикациях. Это разночтение не было отмечено в: Есенин, I.

Информацию о выходе номера журнала см. также: 22 окт. 1925, первая запись; 1 нояб. 1925, пятая запись.

Отклики см.: 26 нояб. 1925, третья запись; до 9 дек. 1925; 13 дек. 1925, третья запись.

См. также: 7 авг. 1925; 17 авг. 1925, первая запись; 21 авг. 1925, первая запись; авг. 1925, первая запись; 2 сент. 1925; 8 сент. 1925, первая запись; 9 окт. 1925, первая запись; 5 нояб. 1925, вторая запись; 29 нояб. 1925, вторая запись.

Октябрь, 21. Есенин пишет И.М.Касаткину:

«Милый дядя Ваня.

Посылаю тебе нигде не печатанные стихи. Одно отделано — “Неуютная <жидкая лунность...>”, два совершенно новых.

Если ты свободен сегодня, то заходи вечером. Посидим, побалакаем. Будет Леонов. Приходи с женой. Соня оч<ень> просит».

Есенин, VI, 226.

Факсимиле записки см.: Есенин 6 (1980), 197.

Неназванные стихотворения, о которых идет речь — это «Эх, вы, сани! А кони, кони!..» и «Снежная замать дробится и колется...», вскоре опубликованные в журнале «Новый мир» (см.: начало нояб. 1925).

Стихотворение «Неуютная жидкая лунность...» выйдет в свет в том же издании уже посмертно (см.: Есенин, IV, 434).

См. Приложение.

Газета «Вечерняя Москва» (№ 241) упоминает Есенина в неподписанной «Хронике литературы и искусства»:

«Дополнительно к собранию стихов Сергея Есенина ГИЗ выпускает 4-й том, где будут помещены лучшие поэмы».

Об издательском договоре поэта см.: 30 июня 1925, первая запись.

Анонсы издания см.: 7 июля 1925, четвертая запись; 23 авг. 1925, третья запись; 8 сент. 1925, третья запись; 10 ... 24 сент. 1925; 1 окт. 1925, третья запись; 3 окт. 1925, четвертая запись.

Газета «Известия ЦИК СССР и ВЦИК Советов» (№ 242) сообщает о выходе из печати и рассылке журнала «Красная новь» (№ 8) со стихами Есенина.

См.: до 21 окт. 1925; 22 окт. 1925, первая запись; 1 нояб. 1925, пятая запись.

Отклики см.: 26 нояб. 1925, третья запись; до 9 дек. 1925; 13 дек. 1925, третья запись.

Газета «Вятская правда» (№ 241) перепечатывает материал В.Курносова «У Горького с моряками», в котором заходит речь о Есенине.

Об исходной публикации см.: 20 окт. 1925, третья запись.

О других перепечатках см.: 20 окт. 1925, четвертая запись; 22 окт. 1925, вторая запись; 27 окт. 1925, третья запись; нояб. (?) 1925, первая запись.

По запросу следственных органов в регистрационно-дактилоскопическом и справочном бюро Московского уголовного розыска о Есенине составляется справка № 2671/Д.

Кроме фамилии, имени, отчества поэта, адреса его проживания и места рождения, в документе значится: «Сведений о судимости нет.

Разыскивается Нар. Суд. Кр.-Пресненск. р. от 26/XI 23 г. вх. № 1598 и от 2/VI 24 года за № 723/с р. вх. 2525 / 24 г.

Просьба доставить в требуем^{ое} Учрежд^{ение} и уведомить о месте жительства. 21/X».

ИМЛИ, ф. 32, оп. 2, ед. хр. 30, л. 11.

См. Приложение.

См. также: 6 сент. 1925, вторая запись; 8 сент. 1925, вторая запись; 17 сент. 1925, вторая запись; 3 окт. 1925, третья запись; 15 окт. 1925, вторая запись; 17 окт. 1925, первая запись; 19 окт. 1925, первая запись; 27 окт. 1925, восьмая запись; 28 окт. 1925, третья запись; 29 окт. 1925, первая и вторая записи; 11 нояб. 1925, вторая запись; 12 нояб. 1925, первая и вторая записи; около 20 нояб. 1925.

Октябрь, 21–22. Есенин пишет стихотворение «Мелколесье. Степь и дали...»

Есенин, I, 291–292, 382–383, 663–664.

См. также: 6 дек. 1925, четвертая запись, первая половина дек. 1925, третья запись.

Октябрь, 22. Газета «Правда» (№ 270) сообщает о выходе и поступлении в продажу журнала «Красная новь» (№ 8):

«Содержание <...> стихи С.Есенина».

См.: до 21 окт. 1925; 21 окт. 1925, третья запись; 1 нояб. 1925, пятая запись.

Отклики см.: 26 нояб. 1925, третья запись; до 9 дек. 1925; 13 дек. 1925, третья запись.

Газета «Известия Свердловского областного исполнительного комитета Советов рабочих, крестьянских, красноармейских и казачьих депутатов» (№ 49) перепечатывает материал В.Курносова «У Горького с моряками», в котором упоминается Есенин.

Об исходной публикации см.: 20 окт. 1925, третья запись.

О других перепечатках см.: 20 окт. 1925, четвертая запись; 21 окт. 1925, четвертая запись; 23 окт. 1925; 27 окт. 1925, третья запись; нояб. (?) 1925, первая запись.

Октябрь, после 22. Есенин характеризует стихотворение Н.А.Клюева «Гитарная».

Событие отмечается по воспоминаниям И.В.Грузинова (см. ниже), а его граница — по дате выхода клюевского стихотворения в свет («Красная газ.», веч. вып., 1925, 22 окт., № 257).

И.В.Грузинов напишет:

«Осенью 1925 года Есенин, будучи у меня, прочел “Гитарную” Клюева, напечатанную в ленинградской “Красной газете”.

— Плохо! Никуда! — вскричал он и бросил газету под ноги».

Восп., I, 378.

Октябрь, 23. Новониколаевская газета «Советская Сибирь» (№ 243) перепечатывает материал В.Курносова «У Горького с моряками», где упоминается Есенин.

Об исходной публикации см.: 20 окт. 1925, третья запись.

О других перепечатках см.: 20 окт. 1925, четвертая запись; 21 окт. 1925, четвертая запись; 22 окт. 1925, вторая запись; 27 окт. 1925, вторая запись; нояб. (?) 1925, первая запись.

Октябрь, 24. В Центральном доме работников просвещения объявляется литературный вечер с участием Есенина.

Сводная афиша, информируя о мероприятиях массовой работы с 18 по 31 октября 1925 г., в частности, сообщает:

«Суббота

О СОВРЕМЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

24 <октября>

8 ч. веч.

Г.А.Шенгели

Со своими произведениями выступают:

С.Есенин, Б.Пильняк, В.Казин, В.Кириллов, В.Александровский, В.Инбер, А.Ильина, И.Рукавишников, С.Клычков и другие.

Вход по билетам. Об аудитории, где состоится вечер, будет объявлено особо».

Есенин, VII (2), 563.

Отчеты о вечере не выявлены; выступал ли на нем поэт, не установлено.

Минская газета «Савецкая Беларусь» (№ 243) под заголовком «Персидский мотив» публикует стихотворение Есенина «Отчего луна так светит тускло...» в переводе Владимира Дубовки на белорусский язык.

См.: 14 авг. 1925, первая запись; 30 сент. 1925, первая запись; 25 окт. 1925, первая запись.

С.Интернациональный (псевдоним) пишет Есенину из Костромы:

«Сережа!

Посылая тебе это письмо, я думаю, что оно не обременит тебя чтением, а также не отнимет у тебя много времени на то, чтоб дать на него ответ.

Пишет тебе Степка Интернациональный, сын одного крестьянина-шахтера.

Еще в 1922 году во мне зародилась мысль начать писать стихи, рассказы и т. д. Но та обстановка и те условия, при которых мне приходилось жить, а также Красная Армия, в которой мне пришлось добровольно пробыть с 1918 по 1924 год, не позволяли мне развить своего таланта. Но я всё же, хотя с трудом, но писал рассказы, стихи и статьи в газеты, журналы, которые с охотою помещались.

В этом году я прибыл в Москву по командировке Курского Губкома РКПб в ГИЖ, но меня там по состоянию здоровья не приняли. Да куда здоровью хорошему быть, когда я три раза ранен, да в 1920–22 годах пришлось перенести голод, получая в сутки 3/4 фунта овсяного хлеба.

Да и вообще жизнь на протяжении 20 лет ни разу не улыбнулась мне.

В 1919 году отец был убит на фронте, а семейство белые банды порубали, так что остался я один.

В 1924 году по демобилизации из армии я работал в газете «Курская правда».

12 октября с/г. меня ЦК РКП командировал в г. Кострому в редакцию газеты ответственным работником, но здесь устроился не основательно. Вчера редактор мне заявил, что он меня не может содержать ввиду непредусмотренности в смете, в то время как в газете работает поп, написавший книгу о 200-летию дома Романовых и бывший слуга двора его величества. Разве не возьмет здесь горе и не подумаешь, чего он не попался мне в 1920 году, да хотя бы в 22 году и то несдобровал бы. Где же коммунистическая совесть и честь, когда товарищам, которые добровольно шли в бой проливать кровь, не оказывают помощи, а попа, который веками ездил на шеях наших делов и отцов, устраивают работать, при отсутствии знаний, благодаря которым поп смог бы дать пользу советской власти.

Теперь сижу вот и думаю, куда бы это порхнуть? Уже 13 губерний изъездил, да и зима на дворе, другое дело летом.

Вот тебе и партподдержка? За что же мы в бой шли?!

Да, Сереж! Дело скверное, надежда на своих пролетарских ребят. Возможно, хоть они окажут помощь, если не материальную, то советом. Совет подчас тоже дороже денег бывает!

Когда я был в Москве, то я несколько раз собирался к тебе, но не знал, где ты живешь, да и теперь пишу, не зная, попадет ли тебе в руки?!

Я всё же надеюсь, что дашь мне совет, как быть в сложившемся факте и положении, а также куда отдать свои произведения в печать и как?

Пиши ответ, не откладывая в долгий ящик. Ведь его написать не так трудно, как кажется, но вообрази, как ценен он товарищу, который его ждет.

Пиши по адресу: г. Кострома, Советская ул., 1-й Дом Советов, ком. № 51. Ст. Интернациональному.

В ожидании ответа остаюсь!

Ст. Интернациональный».

Письма, 296–297.

Сведения об ответе Есенина на письмо не выявлены.

Октябрь, до 25. В Ленинградском отделении Госиздата РСФСР выходит сборник «Октябрь в избе-читальне» (составитель Н.Волотова) с фрагментами «Песни о великом походе» Есенина (ст. 213–231, 236–247, 232–235, 248–267, 272–427, 448–472 (+4 строки после 472), 473–528 (+4 строки после 528), 529–560 (+4 строки после 560), 569–572.

Граница события устанавливается по информации в газ. «Ленинградская правда» о выпуске этой книги (см.: 25 окт. 1925, третья запись).

Фрагменты из «Песни о великом походе» даны в ней по тексту журнала «Звезда» (1924, № 5), где была напечатана первая редакция произведения (см.: до 15 нояб. 1924).

Подстрочное примечание составителя:

«“Песня” вполне поддается сценической хоровой передаче.

Веселые песенные строфы лучше всего петь на один из народных напевов; основные героические строфы должны произноситься то мощным хором, то отдельными мужскими и иногда женскими голосами.

При разработке “Песни” можно допустить движения целых групп и отдельных фигур, но костюмы и гримы будут неуместны и только помешают воспринять содержание “Песни”».

См. Приложение.

Октябрь, 25. Нью-йоркская газета «Русский голос» (№ 3631; воскресное приложение) под заглавием «Персидский мотив» перепечатывает стихотворения Есенина «Руки милой — пара лебедей...», «Отчего луна так светит тускло...», «Листья падают, листья падают...»

Об источнике перепечатки см.: 30 сент. 1925, первая запись.

О публикациях см.: 10 авг. 1925; 14 авг. 1925, первая запись; 2 сент. 1925; до 21 окт. 1925; 24 окт. 1925, вторая запись.

Х.Г.Раковский пишет председателю ОГПУ СССР Ф.Э.Дзержинскому о лечении Есенина:

«Себеж. 25. X. 1925

Дорогой Феликс Эдмундович!

Прошу Вас оказать нам содействие — Воронскому и мне — чтобы спасти жизнь известного поэта Есенина — несомненно, самого талантливого в нашем Союзе.

Он находится в очень развитой стадии туберкулеза (захвачены и оба легкие, температура по вечерам и пр.). Найти куда его послать на лечение, нетрудно. Ему уже предоставлено было место в Надеждинском санаториуме <см.: 17 сент. 1925> под Москвой, но несчастье в том, что он, вследствие своего хулиганского характера и пьянства, не поддается никакому врачебному воздействию.

Мы решили, что единственное еще остается средство заставить его лечиться — это Вы. Пригласите его к себе, проберите хорошо и отправьте вместе с ним в санаториум товарища из ГПУ, который не давал бы ему пьянствовать... Жаль парня, жаль его таланта, молодости. Он много еще мог дать, не только благодаря своим необыкновенным дарованиям, но и потому, что, будучи сам крестьянином, хорошо знает крестьянскую среду. Зная, что Вас нет в самой Москве, решил написать, но удалось это сделать только с дороги — из Себежа.

Желаю Вам здоровья.

Крепко жму руку.

Х.Раковский».

Бень Е. Штрихи к трагедии поэта. — Газ. «Куранты», 1993, 30 апр., № 82, с. 15.

См. также: Юшкин Ю. Письмо наркому. — Газ. «Правда», 2004, 2–3 марта, № 23 (с факсимиле фрагмента).

На письме — резолюция Ф.Э.Дзержинского, адресованная его секретарю, помощнику управляющего делами ОГПУ В.Л.Герсону:

«М. б., Вы могли бы заняться?»

Рядом — помета В.Л.Герсона (см.: после 25 окт. 1925).

Дочь А.К.Воронского свидетельствует:

«...после смерти Есенина в литературных, а еще больше в нелитературных кругах приходилось слышать, что к Есенину будто бы “не сумели подойти”, недостаточно окружили его вниманием и заботой. Отец все эти разговоры опровергал. Есенину прощали все его пьяные дебоши, хулиганские скандалы, чего не простили бы другому поэту. Отец рассказывал мне, что за поступками и стихами Есенина пристально следили многие члены правительства, мрачные ноты в его творчестве всех волновали и тревожили.

Во время особенно длительной полосы скандалов и пьянства был даже проект придраться к какой-нибудь его выходке, арестовать и заставить лечиться насильно, так как сам Есенин лечиться категорически отказывался. План этот был отвергнут: побоялись, что это может тяжело повлиять на впечатлительного Есенина. У Есенина в те годы было всё: талант, слава, всеобщая любовь и признание. Стихи его знала вся страна, но были еще какие-то внутренние, темные силы, они шли своей страшной дорогой, и не было возможности их остановить».

Воронская, 15–16.

Газета «Ленинградская правда» (№ 245) помещает информацию «Ленгиз к 8-ой годовщине Великой Октябрьской социалистической революции», где упоминается книга с публикацией произведения Есенина:

«“Октябрь в избе-читальне”. Сост. Н.Волотова. Содержание <...> Есенин “Песнь о великом походе”».

См.: до 25 окт. 1925.

Октябрь, после 25. По поручению Ф.Э.Дзержинского В.Л.Герсон неоднократно звонит Есенину, но не застаёт того дома.

Событие и его граница устанавливаются по помете В.Л.Герсона на письме Х.Раковского Ф.Э.Дзержинскому:

«Звонил неоднократно — найти Есенина не мог».

См. также: 25 окт. 1925, вторая запись.

Октябрь, 26. Парижская газета «Звено» (№ 143; рубрика «Хроника литературы и искусства. Советская Россия») публикует анонимную информацию с упоминанием Есенина:

«Композитор Гнесин закончил, по заказу Музгиза Госиздата, “Эскиз симфонического монумента” — в виде симфонии с заключительным хором на текст С.Есенина».

См.: до 8 окт. 1925; 11 окт. 1925, вторая запись; 16 окт. 1925, третья запись; 10 нояб. 1925, первая запись.

Октябрь, 27. Есенин пишет стихотворение «Цветы мне говорят — прощай...».

Есенин, I, 293–294, 664.

В беловом автографе (ГЛМ) дата проставлена С.А.Толстой-Есениной: «27/X 1925. М<оск>ва». Написано на основе маленькой поэмы «Цветы», созданной в конце 1924 г. (см.: до 14 дек. 1924, первая запись; 4 янв. 1925, вторая запись).

Вторая строка автографа: «Головками кивая нежно» — вместо: *Головками склоняясь ниже* (как это будет в окончательном тексте). В поэме было: *Головками кивая низко*.

15 и 16 строки автографа стихотворения:

Возлюбленной и дорогой
Живой прекрасней песню сложит.

Есенин, I, 383.

А в печатном тексте будет:

Оставленной и дорогой
Пришедший лучше песню сложит.

Есенин, I, 293.

См. также: 6 дек. 1925, четвертая запись.

С.А.Толстая-Есенина помечает в календаре:

«Исследов<ание>. “Белая моль”».

НН, 1995, № 34, с. 65.

Вероятнее всего, в этот день Есенин проходил процедуры, связанные с предварительным врачебным обследованием перед назначенным на след. день консилиумом (см.).

Американский фильм «Белая моль» (1920; режиссер Гарри Миллард, в главных ролях — Пирл Уайт, Ричард Трэверс) шел в тот день в нескольких кинотеатрах Москвы (установлено Н.М.Солобай). Неясно, были ли Есенин и его жена на просмотре этого фильма вместе.

Газета «Красная звезда» (№ 246) помещает (под заголовком «Красные моряки у Горького») материал В.Курносова, содержащий характеристику Есенина, данную писателем.

Об исходной публикации см.: 20 окт. 1925, третья запись.

О других перепечатках см.: 20 окт. 1925, четвертая запись; 21 окт. 1925, четвертая запись; 22 окт. 1925, вторая запись; 23 окт. 1925; нояб. (?) 1925, первая запись.

Правление Всероссийского союза писателей отправляет Есенину официальное приглашение на торжественное открытие Дома Герцена:

«ВСЕРОССИЙСКИЙ СОЮЗ ПИСАТЕЛЕЙ

Правление Всероссийского Союза писателей приглашает Вас 1 ноября 1925 г. в 12 ч. дня на торжественное открытие Дома Герцена (Тверской бульвар, 25)».

ГЛМ, ф. 4, оп. 1, ед. хр. 339 (Рив 243/11, л. 1–2).

Дата события определяется по почтовому штемпелю («27.10.25») на конверте, куда было вложено приглашение, с адресом: «С.А.Есенину / ул. Кропоткина / Померанцев пер. 3 / кв. 8 / Здесь» (там же, л. 3).

В тот день писательский клуб открывался для работы после длительного ремонта.

Сведения о том, побывал ли Есенин 1 ноября в Доме Герцена, не выявлены.

Газета «Известия ЦИК СССР и ВЦИК Советов» (№ 246) дает рецензию С.Родова на сборник «Из искры — пламя: Рабочий чтец-декламатор» (составитель С.Обрадович). В материале упоминается Есенин:

«В отделе “Деревня” очень мало представлен Ив. Доронин и совсем нет ничего из С.Есенина».

О выходе сборника см.: конец июня — до 23 июля 1925, первая запись.

Ленинградский журнал «Жизнь искусства» (№ 43) печатает статью В.Перцова «По литературным водоразделам», в которой заходит речь о Есенине:

«К 1921 г. в имажинистском блоке с Шершеневичем и Сергеем Есениным Мариенгоф принял позу эстета и романтика, занятого культом своей личности».

Швейцарская газета «Neue Zürcher Zeitung» в разделе «Kleine Chronik» под заголовком «Neueste Literatur Russland» («Новейшая русская литература») помещает изложение статьи Жозефа Кесселя с упоминанием о Есенине.

Вырезка — Тетр. ГЛМ.

О статье Ж.Кесселя см.: 15 сент. 1925, пятая запись.

См. Приложение.

В 48-м отделении милиции отдается письменное распоряжение о первичных следственных действиях относительно Есенина:

«Подлежурному. Вечером явиться на квартиру к гр-ну Есенину и опросить в качестве подозреваемого, отобрать подписку. 27/Х <подпись неразборчива>».

ИМЛИ, ф. 32, оп. 2, ед. хр. 30, л. 15.

См. Приложение.

См. также: 6 сент. 1925, вторая запись; 8 сент. 1925, вторая запись; 17 сент. 1925, вторая запись; 3 окт. 1925, третья запись; 15 окт. 1925, вторая запись; 17 окт. 1925, первая запись; 19 окт. 1925, первая запись; 21 окт. 1925, пятая запись; 28 окт. 1925, третья запись; 29 окт. 1925, первая и вторая записи; 11 нояб. 1925, вторая запись; 12 нояб. 1925, первая и вторая записи; около 20 нояб. 1925.

Октябрь, 28. Есенина освидетельствует консилиум врачей Кремлевской больницы.

Событие фиксируется по упоминанию о нем в письме И.Вардина В.С.Липкину (см.: 12 нояб. 1925, вторая запись), а его дата — по помете С.А.Толстой-Есениной на календарном листке 28 окт. 1925:

«Консилиум».

НН, 1995, № 34, с. 64.

Впрочем, в воспоминаниях И.В.Евдокимова вскользь отмечается:

«...ползли слухи, что <...> у поэта идет горлом кровь, дни его сочтены, лечиться он не хочет, *сбежал с консилиума* и пр.».

Восп.-95, 472 (курсив наш. — *Сост.*).

Насколько достоверны эти сведения, не установлено.

Есенин с женой навещают семью Л.М.Леонова.

Событие и его дата устанавливаются по календарной записи С.А.Толстой-Есениной того же дня:

«К Леоновым».

НН, 1995, № 34, с. 64.

Есенин получает повестку из 48-го отделения милиции.

Повестка предписывает:

«...лично явиться в 48 отд<ение> милиции по адресу: Милютинский пер., д. 16, к дежурному по отдел<ению> для допроса по делу № 200. Явка обязательна».

Есенин, VII (2), 466.

См.: 6 сент. 1925, вторая запись; 8 сент. 1925, вторая запись; 17 сент. 1925, вторая запись; 3 окт. 1925, третья запись; 15 окт. 1925, вторая запись; 17 окт. 1925, первая запись; 19 окт. 1925, первая запись; 21 окт. 1925, пятая запись; 27 окт. 1925, восьмая запись; 29 окт. 1925, первая и вторая записи; 11 нояб. 1925, вторая запись; 12 нояб. 1925, первая и вторая записи; около 20 нояб. 1925.

Утренний выпуск ленинградской «Красной газеты» (№ 247) публикует материал Г.Устинова «Сказ об одном спеце», где заходит речь о Есенине:

«Сию в кабинете заведующего губземуправления <руководителя замещает Н.Н.Богданов, школьный товарищ автора статьи>.

Сидим, говорим о Москве, о дискуссии, о партнагрузке, о докладах, о литературной работе, о поэтах <...> о Есенине и Маяковском».

Октябрь, до 29. В беседе с П.Н.Лукницким А.А.Ахматова высказывается о Есенине:

Событие и его граница устанавливаются по дневниковой записи П.Н.Лукницкого (29 окт. 1925):

«На днях мы говорили о С. Есенине. АА находит, что помимо того, что он очень подражателен — он просто пишет плохие стихи. Плохие — именно как стихи — вне зависимости от того, кого они напоминают».

Лукницкий-91, 218.

Октябрь, 29. Есенин является в 48-е отделение милиции, где составляется протокол:

«Форма № 97

Протокол допроса 17

1925 г. октябрь мес. 29 дня мною, *учнадзир<ателем> 48-го отделения Шуваловым* (фамилия допрашивающего) допрошенный гражданин, назвавшийся при задержании *в качестве обвиняемого* показал — *Я, Есенин Сергей Александрович*, гр. Рязанской губ. Рязанского уезда Кузьминской вол., дер. Константинова имею 30 лет от роду, проживаю в гор. Москва по *Померанцеву пер.* улице дом 3, кв. 8 в районе 45-го отд. милиции, прописан, не прописан, если не прописан, то почему *прописан*, не судился, по профессии *поэт*, до Октябрьской революции занимался *учился*, в настоящее время занимаюсь *поэт, сотрудничая в советской прессе*, во время войны служил *в не служил*, теперь (подробное отношение к воинской повинности) *на учете ВУС 45 отд. мил.*; партийность *беспарт<ийный>*, семейное положение — *женат, двое детей*; кто были родители *хлеборо-*

бы, образование *среднее*, в какой школе учился и сколько лет в *учительской семинарии*, национальность *великоросс*, по существу дела могу сообщить:

6-го сентября по заявлению дип. курьера Рога я на проезде из Баку (Серпухов — Москва) будто бы оскорбил его площадной бранью. В этот день я был пьян. Сей гражданин пустил по моему адресу ряд колкостей и сделал мне замечание на то, что я пьян. Я ему ответил теми же колкостями.

Гр. Левита я не видел совершенно и считаю, что его показания относятся не ко мне. Агент из Г.П.У. видел меня. Просил меня не ходить в ресторан. Я дал слово и не ходил. В Бога я не верю и никаких “Ради Бога” не произношу лет приблизительно с 14.

В купе я ни к кому не заходил, имея свое. Об остальном ничего не могу сказать. Со мной ехала моя трезвая жена. С ней могли и говорить. Гр. Левит никаких попыток к освидетельствованию моего состояния не проявлял. Это может и показать представитель Азербайджана, ехавший с промыслов на съезд профсоюзов. Фамилию его я выясню и сообщу дополнительно к 4 ноября нач. 48 отд. милиции.

Сергей Есенин / 29/X 25

Участковый надзиратель 48-го Отд. милиции С.Шувалов».

Слова, вписанные в воспроизведенный выше типографский бланк протокола допроса, выделены курсивом. Есенин, VII (2), 263–264.

Дает подписку:

«Я, нижеподписавшийся гр-н Есенин, даю настоящую подписку Нач-ку 48 Отд. мил. в том, что я обязуюсь проживать по указанному адресу, в случае же перемены поставить в известность Нач-ка 48 Отд. мил., а также обязуюсь явиться по первому требованию судебных органов, куда мне будет указано.

С. Шувалов / С. Есенин».

Есенин, VII (2), 265.

См.: 6 сент. 1925, вторая запись; 8 сент. 1925, вторая запись; 17 сент. 1925, вторая запись; 3 окт. 1925, третья запись; 15 окт. 1925, вторая запись; 17 окт. 1925, первая запись; 19 окт. 1925, первая запись; 21 окт. 1925, пятая запись; 27 окт. 1925, восьмая запись; 28 окт. 1925, третья запись; 11 нояб. 1925, вторая запись; 12 нояб. 1925, первая и вторая записи; около 20 нояб. 1925.

Октябрь, 30. Две песни на стихи Есенина — «Березка» и «Осень» — и музыку А.Н.Александрова исполняются на вечере культурного сближения с Чехословакией, организованном Ассоциацией современной музыки (зал Государственной академии художественных наук, ул. Пречистенка, д. 26).

Журн. «Современная музыка» (М., 1925, № 11, с. 28, без подписи).

См.: 3 окт. 1924, пятая запись; 13 окт. 1924; до 11 янв. 1925; март (?) 1925, первая запись; 28 апр. 1925, первая запись; нояб. (?) 1925, вторая запись.

Октябрь, до 31. Есенин делает памятную запись на листке календаря жены от 31 октября:

«Должен быть / на вечере / муз. лит. / Бюро».

Есенин, VII (2), 192–193.

Какое мероприятие собирался посетить поэт, не установлено. Скорее всего, на нем он так и не побывает (см. след. записи).

Октябрь, 31. Утром (в 5 ч. 40 мин.) уходит из жизни М.В.Фрунзе.

[Б. п.] Основные даты жизни и деятельности М.В.Фрунзе. — В кн.: «М.В.Фрунзе: Военная и политическая деятельность», М.: Воениздат, 1984, с. 271.

Это событие будет воспринято Есениным с сильным эмоциональным напряжением (см. след. записи, а также: 1 нояб. 1925, первая запись).

Есенин вместе с С.А.Толстой приходит к дому, где живут его дети (Новинский бульвар, д. 9, кв. 45) и видится с А.И.Викторовой — матерью З.Н.Райх.

Событие устанавливается и датируется по календарной записи С.А.Толстой от того же числа: «К детям».

НН, 1995, № 34, с. 65

Спустя много лет Т.С.Есенина напишет, скорее всего, об этом эпизоде, отнеся его, впрочем, к «ранней осени» 1925 года (что повлекло за собой чисто умозрительное предположение о его дате):

«...было еще совсем тепло и мы бегали на воздухе, он появился в нашем дворе, подозвал меня и спросил, кто дома. Я помчалась в полуподвал, где находилась кухня, и вывела оттуда бабушку, вытиравшую фартуком руки, — кроме нее, никого не было.

Есенин был не один, с ним была девушка с толстой темной косой.

— Познакомьтесь, моя жена, — сказал он Анне Ивановне с некоторым вызовом.

— Да ну, — заулыбалась бабушка, — очень приятно...

Отец тут же ушел, он был в состоянии, когда ему было совершенно не до нас. Может, он пришел в тот самый день, когда зарегистрировал свой брак с Софьей Андреевной Толстой?»

Восп., 2, 272.

О действительной причине тогдашнего состояния Есенина см., однако: след. запись; 1 нояб. 1925, первая запись.

Встречается с А.К.Воронским, и они вместе (?) идут прощаться с ушедшим из жизни М.В.Фрунзе.

События устанавливаются и датируются по календарным записям С.А.Толстой от того же числа:

«К Воронскому. К Фрунзе».

НН, 1995, № 34, с. 65.

Не исключено, что и сама С.А.Толстая была вместе с мужем весь этот день.

См. также: 1 нояб. 1925, первая запись.

Октябрь, конец. Есенин пишет завещание на имя Е.А.Есениной.

Событие устанавливается и датируется по сведениям из заявления Е.А.Есениной министру социального обеспечения СССР (16 сент. 1947) с просьбой назначить пенсию по инвалидности:

«Я единственная из наследников, предъявившая суду <в 1926 г.> завещание Есенина, написанное на мое имя за два месяца до смерти».

Есенин, VII (3), 54.

О содержании этого документа сведений нет.

Есенин вместе с В.П.Катаевым, придя на квартиру Н.Н.Асеева, беседует с его женой К.М.Синяковой. Затем между пришедшими возникает инцидент.

Событие и его время устанавливаются по воспоминаниям Н.Н.Асеева (1926):

«Однажды в последних числах октября 1925 г. мне пришлось вернуться домой довольно поздно. Живу я на девятом этаже, ход ко мне по неосвещенной черной лестнице. Добравшись к себе, вижу, что дома что-то неладно. Здоровье жены, долго перед тем лечившейся, которое за последнее время пошло на поправку, явно ухудшилось. Она рассказала мне.

Днем, в мое отсутствие, забрались ко мне наверх двое посетителей: С.А.Есенин и один беллетрист <В.П.Катаев>. Пришел Есенин ко мне первый раз в жизни. Сели ждать меня. Есенин забыл о знакомстве с женой в “Стойле Пегаса”. Сидел теперь тихий, даже немного застенчивый, по словам жены. Говорили о стихах. Есенин очень долго доказывал, что он мастер первоклассный, что технику он знает не хуже меня и Маяковского, но что теперь требуются стихи попроще, посантиментальнее. Говорил, что хочет свести знакомство поближе, говорил о своей семье, о женитьбе, был очень искренен и прост. Сыграли они с женой и беллетристом пятнадцать партий в дурачки. И всё оставался Есенин, так что под конец стал подозревать их в заговоре против него. И затосковал. Говорил, что ему ни в чем не везет. Ни в картах, ни в стихах. Что он несчастлив, что я (про меня) умею устроить, очевидно, свою личную жизнь, как хочу, а он живет, как того другие хотят.

Сидел он, ожидая меня, часа четыре. И переговорив всё, о чем можно придумать при малом знакомстве с человеком, попросил разрешения сбегать за бутылкой вина.

Вино было белое, некрепкое. И только Есенин выпил — начался кавардак. Поводом послужил носовой платок. У Есенина не оказалось, он попросил одолжить ему. Жена предложила ему свой маленький шелковый платок. Есенин поглядел на него с возмущением, положил в боковой карман и начал сморкаться в скатерть. Тогда “за честь скатерти” нашел нужным вступить пришедший с ним беллетрист. Он сказал ему:

— Сережа! Я тебя привел в этот дом, а ты так позорно ведешь себя перед хозяйкой. Я должен дать тебе пощечину.

Есенин принял это как программу-минимум. Он снял пиджак и встал в позу боксера. Но беллетрист был сильнее его и менее охмелел. Он сшиб Есенина с ног, и они клубком покатались по комнате. Злополучная скатерть, задетая ими, слетела на пол со всей посудой. Испуганная женщина, не зная, чем это кончится, так как дрались они с ожесточением, подняла крик и, полунадорвавшись, заставила всё-таки их прекратить катанье по полу.

Есенин даже успокаивал ее, говоря:

— Это ничего! Это мы боксом дрались честно!

Жена была испугана и возмущена; она потребовала, чтобы они сейчас же ушли. Они и ушли, сказав, что будут дожидаться на лестнице).

САЕ, 189–190.

Продолжение эпизода известно со слов Есенина в изложении и с комментарием того же Н.Н.Асеева: «Есенин рассказал мне <через некоторое время>, как ему представилось посещение моего девятого этажа.

— У тебя там ремонт! — говорил он с непонятной убежденностью. — У тебя в квартире ремонт!

— Да какой же ремонт может быть зимою?

— Нет, ты не знаешь! У тебя напротив ремонт, — повторял он. — И маляры. Они подговорены. Их Н. <т. е. В.П.Катаев> подговорил меня побить.

— Что ты несешь околесицу? Ведь ты же не пьян сейчас. Нет у меня никаких маляров, лестница черная, квартиры туда выходят, кроме моей, все кухнями, всегда заперты. Какой ремонт и где ты маляров увидал?

Он мотал убежденно головою.

— Ты не знаешь. Как мы вышли от тебя — жена твоя осердилась, ну, а нам же нужно было закончить: мы же ведь честно дрались — боксом. Вот мы и зашли туда, где был ремонт. Я бы его побил, но он подговорил маляров, они на меня навалились, всё пальто в краску испортили, новое пальто, заграничное.

Говорил он о пальто ужасно грустно.

— Пальто всё испортили. Вот ногу разбили — ходить не мог.

Он засучил штанину и показал действительно ужасный шрам на ноге через всю икру.

— Да кто же это тебя так, Есенин?

— Маляры! Один стамеску подставил, я об нее и разодрал ногу. И пальто пропало. Теперь не отчистишь.

Так я и не мог добиться, каким образом фантазия переплелась у него с действительным шрамом и, очевидно, действительно испорченным пальто».

САЕ, 191–192.

Октябрь, конец ... Ноябрь, до 16. Выходит «Первый сборник стихов Московского цеха поэтов» «Стык» (с предисловием А.В.Луначарского и С.М.Городецкого), где возникает имя Есенина.

Кн. летопись, 1925, № 21, нояб., поз. 19264.

Оно упоминается:

— в предисловии С.М.Городецкого к сборнику:

«В М<осковском> Ц<ехе> П<оэтов> есть два молодых зерна, две группы, которые выросли от скрещения цехового опыта с переживаниями революции. Это группа крестьянских поэтов и группа конструктивистов. Первая в лице своих лучших представителей через Клюева, Есенина, Клычкова и Ширяевца к Приблудному целиком вышла из символизма, переняв все его отравы. Линия перелома от идеалистического символизма к материалистическому наметилась уже в творчестве покойного Ширяевца. Общественно-значительно она проходит сейчас в последних работах Есенина. Третье поколение поэтов-крестьян — Акулышин, Наседкин и Иван Приблудный, голос которого всё крепнет, — уже целиком в революции»;

— в заголовке стихотворения И.Приблудного — «С.Есенину».

Его текст см.: до 16 — до 31 окт. 1924, первая запись.

Октябрь, конец (?), или Ноябрь, 1 ... 2, или 7 ... 18. В редакции журнала «Красная новь» происходит инцидент между Есениным и Б.Пастернаком.

При ориентировочном определении времени эпизода, кроме учета сроков тогдашнего нахождения Есенина в Москве, приняты во внимание одна из дневниковых записей П.Н.Лукницкого (см. ниже) в сочетании с информацией из письма К.А.Федина И.С.Соколову-Микитову (19 нояб. 1925):

«Я был в Москве 5 дней по делам Ленгиза и по своим делам».

Цит. по: «Свела нас Россия»: Переписка К.А.Федина и И.С.Соколова-Микитова. 1922–1974, М.: Товарищество науч. изд. КМК, 2008, с. 101 (сообщено Е.А.Папковой).

П.Н.Лукницкий запишет в дневнике (25 нояб. 1925):

«АА заговорила о Федине, который ездил в Москву <о времени возвращения писателя в Ленинград см. выше>. <...> Рассказала, что С.Есенин подрался с Пастернаком и оба ходят подвязанные...».

Лукницкий-91, 277.

Контекст, в котором упомянуты здесь имена Есенина и Б.Пастернака, дает основания полагать, что новость о драке между ними привез в Ленинград именно К.Федин.

В.П.Катаев, оказавшийся, по его словам, свидетелем этой стычки, опишет ситуацию (в 1977 г.) в беллетризованной форме:

«И вот я уже стою в тесной редакционной комнате “Красной нови” в Кривоколенном переулке и смотрю на стычку королевича и мулата <Есенина и Б.Пастернака>. Королевич во хмелю, мулат трезв и взбешен. А сын водопроводчика <В.Казин> их разнимает и уговаривает: ну что вы, товарищи...»

Испуганная секретарша, спасая свои бумаги и прижимая их к груди, не знала, куда ей бежать: прямо на улицу или укрыться в крошечной каморке кабинета редактора Воронского, который сидел, согнувшись над своим шведским бюро, черный, маленький, носатый, в очках, сам похожий на ворону, и делал вид, что ничего не замечает, хотя “выясняли отношения” два знаменитых поэта страны.

Королевич совсем по-деревенски одной рукой держал интеллигентного мулата за грудки, а другой пытался дать ему в ухо, в то время как мулат — походящему выражению тех лет, похожий одновременно и на араба и на его лошадь, — с пылающим лицом, в развевающемся пиджаке с оторванными пуговицами, с интеллигентной неумелостью ловчился ткнуть королевича кулаком в скулу, что ему никак не удавалось.

Что между ними произошло?

Так я до сих пор и не знаю. <...> По-видимому, я попал как раз на взрыв взаимной ненависти).

Катаев В. Алмазный мой венец: Повести. М.: АСТ-ПРЕСС, 1994, с. 261.

Впрочем, через шестьдесят с лишним лет М.М.Скуратов засвидетельствует иную линию поведения А.К.Воронского в этом эпизоде:

«На вечере в ЦДЛ, в декабре 1984 г., поэт Михаил Маркелович Скуратов (“перевалец”) рассказал, что Воронский, увидев драку <Есенина и Б.Пастернака>, бросился их разнимать, хотя очень уступал им и в росте, и в силе».

Воронская, 208 (примечание).

Тот же эпизод в 1962 г. будет представлен Е.В.Муратовой (которая в 1925 г. служила машинисткой редакции журнала «Красная новь») в сильно смягченном виде:

«Вспоминаю ссору Есенина с Пастернаком. Есенин без всякого повода стал задирать, бранить Бориса Леонидовича (он его невзлюбил) и всячески вызывать на ссору. Он даже замахнулся на него и хотел ударить. Пастернак вел себя великолепно. Он схватил его руку, успокоил его и потом незаметно ушел. Борис Леонидович любил и жалел Есенина».

Муратова Е.В. Встречи (воспоминания). — В кн.: Андреева И. Неуловимое создание. М.: Совпадение, 2000, с. 137.

Сам Б.Пастернак впоследствии не раз будет возвращаться к этому случаю, очевидно, оставившему глубокий след в его сознании на долгие годы:

— в письме к М.И.Цветаевой (4 янв. 1926):

«Из нас <с Есениным> сделали соперников в том смысле, что ему зачем-то тыкали мною, хотя не было ни раза, чтобы я не отклонял этой несурзапы. Я доходил до самоуничуженья в стараньи разрушить это сопоставленья, дикое, ненужное и обидное для обеих сторон. Там кусок горячей жизни, бездонная почвенность, популярность, признанность всеми редакциями и издательствами и пр., здесь — мирное прозябанье, готовое расписаться в своей посредственности, постоянная спорность, узкий круг, другие, несравнимые загадки и задачи, конфузьящая обстановка отказов и двусмысленностей. И только раз, когда я вдруг из его же уст услышал всё то обидное, что я сам наговаривал на себя в устраненье фальшивых видимостей из жизни, т. е. когда, точнее, я услышал свои же слова, ему сказанные когда-то, и лишившиеся, в его употребленьи, всей большой правды, их наполнявшей, я тут же на месте, за это и *только* за это, дал ему пощечину. Это было дано за плоскость и пустоту, сказавшиеся в той области, где естественно было ждать от большого человека глубины и задушевности. Он, между прочим, думал *кольнуть* меня тем, что Маяковский больше меня, это меня-то, который в постоянную радость себе вменяет это собственное признание. Сейчас горько и немыслимо об этом говорить. Но я пересматриваю и вижу, что иначе я ни чувствовать, ни поступать тогда не мог, и, вспоминая ту сцену, ненавижу и презираю ее виновника, как тогда».

Цветаева—Пастернак, 130;

— в письме к ней же (4 апр. 1926):

«Как твой Есенин? Долгое, подробное признание со страшным концом о том, как я был с ним связан, сделаю тебе при встрече. Это была символическая драма. Теперь не до нее, да и это в глаза надо смотреть, когда рассказывать. <...> Третьяков сказал — “на том свете сочтетесь”. Нет. Я его больше не увижу никогда. Те светлы у нас будут разные».

Цветаева–Пастернак, 163–164;

— в письме к ней же (3 окт. 1927):

«Я прочел <на квартире Н.С.Тихонова в Ленинграде> III-ю часть Шмидта <т. е. поэмы “Лейтенант Шмидт”>. Среди присутствовавших оказался тот самый мальчик <В.И.Эрлих>, которому Есенин кровью написал свое известное “До свиданья, друг мой, до свиданья”. Действие, которое это чтение на него произвело, ни он, ни я не могли, конечно, оценить иначе, чем в том духе, что глухая тяжба покойного со мной разрешилась наконец, в эти несколько ночных и напряженнейших минут. Бесследно растворено и становится преданьем то, что однажды довело меня до озверенья».

Цветаева–Пастернак, 394–395;

— в письме к ней же (31 марта 1928):

«В моих столкновеньях с Есениным больше был виноват я сам, нежели он. Я сам на это напрашивался и подавал повод. <...> Вот он мне и возвращал истины, бывшие в первоисточнике моими же словами. А говорил я точь-в-точь, что ты сейчас, потому что оскорбленный этим новым душевным обличьем, смысла которого не понимал, я и не щадил себя в нем, и уничтожал, и ненавидел».

Цветаева–Пастернак, 482;

— в автобиографическом очерке «Люди и положения» (1956–1957):

«...Есенин в период недовольства имажинизмом просил меня помирить и свести его с Маяковским, полагая, что я наиболее подхожу для этой цели.

Хотя с Маяковским мы были на “вы”, а с Есениным на “ты”, мои встречи с последним были еще реже. Их можно пересчитать по пальцам, и они всегда кончались неистовствами. То, обливаясь слезами, мы клялись друг другу в верности, то завязывали драки до крови, и нас силою разнимали и растаскивали посторонние».

Пастернак Б. Воздушные пути: Проза разных лет. М.: Сов. писатель, 1982, с. 457.

Итоговое общее суждение Б.Пастернака о Есенине содержится в том же очерке:

«Со времени Кольцова земля русская не производила ничего более коренного, естественного, уместного и родового, чем Сергей Есенин, подарив его времени с бесподобною свободой и не отяжелив подарка стопудовой народнической старательностью. Вместе с тем Есенин был живым, бьющимся комком той артистичности, которую вслед за Пушкиным мы зовем высшим моцартовским началом, моцартовской стихией».

Есенин к жизни своей отнесся как к сказке. Он Иван-царевичем на сером волке перелетел океан и, как жар-птицу, поймал за хвост Айседору Дункан. Он и стихи свои писал сказочными способами, то, как из карт, раскладывая пасьянсы из слов, то записывая их кровью сердца. Самое драгоценное в нем — образ родной природы, лесной, среднерусской, рязанской, переданной с ошеломляющей свежестью, как она далась ему в детстве».

Пастернак Б. Воздушные пути: Проза разных лет. М.: Сов. писатель, 1982, с. 455–456.

Октябрь. Есенин пишет автобиографию под заголовком «О себе» для первого тома «Собрания стихотворений»:

«Родился в 1895 году, 21 сентября, в Рязанской губернии, Рязанского уезда, Кузьминской волости, в селе Константинове.

С двух лет был отдан на воспитание довольно зажиточному деду по матери, у которого было трое взрослых неженатых сыновей, с которыми

протекло почти всё мое детство. Дядья мои были ребята озорные и отчаянные. Трех с половиной лет они посадили меня на лошадь без седла и сразу пустили в галоп. Я помню, что очумел и очень крепко держался за холку. Потом меня учили плавать. Один дядя (дядя Саша) брал меня в лодку, отъезжал от берега, снимал с меня белье и, как щенка, бросал в воду. Я неумело и испуганно плескал руками, и, пока не захлебывался, он всё кричал: “Эх! Стерва! Ну куда ты годишься?” “Стерва” у него было слово ласкательное. После, лет восьми, другому дяде я часто заменял охотничью собаку, плавал по озерам за подстреленными утками. Очень хорошо лазил по деревьям. Среди мальчишек всегда был коноводом и большим драчуном и ходил всегда в царапинах. За озорство меня ругала только одна бабка, а дедушка иногда сам подзадоривал на кулачную и часто говорил бабке: “Ты у меня, дура, его не трожь, он так будет крепче!” Бабушка любила меня изо всей мочи, и нежности ее не было границ. По субботам меня мыли, стригли ногти и гарным маслом гофрили голову, потому что ни один гребень не брал кудрявых волос. Но и масло мало помогало. Всегда я орал благим матом и даже теперь какое-то неприятное чувство имею к субботе.

Так протекло мое детство. Когда же я подрос, из меня очень захотели сделать сельского учителя и потому отдали в церковно-учительскую школу, окончив которую, я должен был поступить в Московский учительский институт. К счастью, этого не случилось.

Стихи я начал писать рано, лет девяти, но сознательное творчество отношу к 16–17 годам. Некоторые стихи этих лет помещены в “Радуницу”.

Восемнадцати лет я был удивлен, разослав свои стихи по журналам, тем, что их не печатают, и поехал в Петербург. Там меня приняли весьма радушно. Первый, кого я увидел, был Блок, второй — Городецкий. Когда я смотрел на Блока, с меня капал пот, потому что в первый раз видел живого поэта. Городецкий меня свел с Клюевым, о котором я раньше не слышал ни слова. С Клюевым у нас завязалась, при всей нашей внутренней распри, большая дружба.

В эти же годы я поступил в Университет Шанявского, где пробыл всего 1 ½ года, и снова уехал в деревню.

В Университете я познакомился с поэтами Семёновским, Наседкиным, Колоколовым и Филипченко.

Из поэтов-современников нравились мне больше всего Блок, Белый и Клюев. Белый дал мне много в смысле формы, а Блок и Клюев научили меня лиричности.

В 1919 году я с рядом товарищей опубликовал манифест имажинизма. Имажинизм был формальной школой, которую мы хотели утвердить. Но эта школа не имела под собой почвы и умерла сама собой, оставив правду за органическим образом.

От многих моих религиозных стихов и поэм я бы с удовольствием отказался, но они имеют большое значение как путь поэта до революции.

С восьми лет бабка таскала меня по разным монастырям, из-за нее у нас вечно ютились всякие странники и странницы. Распевались разные духовные стихи. Дед, напротив, был не дурак выпить. С его стороны устраивались вечные невенчаные свадьбы.

После, когда я ушел из деревни, мне долго пришлось разбираться в своем укладе.

В годы революции был всецело на стороне Октября, но принимал всё по-своему, с крестьянским уклоном.

В смысле формального развития теперь меня тянет всё больше к Пушкину.

Что касается остальных автобиографических сведений, они в моих стихах.

Октябрь 1925».

Есенин, VII (1), 18–20.

При печатании автобиографии в первом томе Собр. ст. был опущен абзац: «В Университете я познакомился с поэтами Семёновским, Наседкиным, Колоколовым и Филипченко», — который в списке С.А.Толстой-Есениной, подписанном поэтом, не вычеркнут.

Со слов Есенина С.А.Толстая-Есенина записывает его экспромт «Так всегда. За пьяною пирушкой...»

Есенин, IV, 266.

Дата — по примечанию рукой С.А.Толстой-Есениной:

«Записано мною за Сергеем, когда он на рассвете проснулся и в полубреду стал читать стихи. Он не знал, что я записываю. X 1925. С. Е.».

Есенин, IV, 470.

В списке С.А.Толстой-Есениной (Есенин, IV, 322) — два варианта:

«Под пьяную пирушку» — «За пьяною пирушкой»; «приподнимаю рюмку» -- «приподнимаю кружку».

За Есениным записываются (С.А.Толстой-Есениной) три варианта стихотворения «Синий день. День такой синий...»:

I. «Ты ведь видишь, что ночь хорошая...»

II. «Сани. Сани. Конский бег...»

III. «Ты ведь видишь, что небо серое...»

Есенин, IV, 278–281.

Дата — по свидетельству С.А.Толстой-Есениной (см. ниже).

В списке после стихотворения III указано:

«Написано в тот же раз, что и I и II. С. Е.».

На странице, где помещено стихотворение II, ее же рукой помечено:

«Все эти стихи записаны мною за Сергеем в туманный октябрьский рассвет. Он проснулся, сел на кровати и стал читать стихи. Не видел, что я пишу. После я сказала, он просил их уничтожить. С. Е.».

Есенин, IV, 478.

Есенин с женой приобретают канцелярские товары в магазине издательства «Современная Россия».

Событие и его время отмечаются по недатированной записи С.А.Толстой-Есениной:

«Эту тетрадь <речь идет о тетради, где сделана данная запись> мы купили осенью <19>25-го года в магазине “Современной России”. Нам очень нужны были канцелярские принадлежности, и мы долго собирались обзавестись ими, но или не успевали или забывали. Он неск<олько> раз говорил мне, что любит, чтобы у него под руками было всегда много отточенных карандашей и нарезанной бумаги. В этот раз мы купили много всяких вещей. Он покупал, к<а>к всегда — помногу, самое хорошее и дорогое, никогда не руководствуясь ценой, т. е. не пугаясь ее, а наоборот — он брал то, что было дороже. И в этот раз, к<а>к это часто бывало, он выбирал нервно, торопливо, к<а>к-то дергаясь и дергая меня. Мы долго не могли выбрать для меня хорошей почтовой бумаги. Наконец нашли хорошую и дорогую. Когда он ездил вскоре после этого в СПб, он почему-то взял ее с собой и там всю ее раздал детям Сахарова. Я знала его таким, но тут даже удивилась, п<отому> ч<то> знала, что он эту бумагу любил и ценил. Вместе с остальным он купил по своей инициативе две мал<енькие> записные книжки — для себя и для меня, одинаковые. И последнее — взял эту тетрадь. “Зачем?” “Это мне нужно”».

ГМТ, ф. 48, без шифра.

О записной книжке, купленной Есениным для жены, см. также: 17–20 дек. 1925.

Есенин сообщает о предназначении купленной им тетради.

С.А.Толстая-Есенина продолжает:

«Когда вышли из магазина, то сказал, что будет наклеивать в нее стихи, ему посвященные. Никогда до этого он не говорил об этих стихах, кроме отдельных вещей, хваля или критикуя, а по большей части — смеясь смущенно. Это был первый и последний раз, когда он к<а>к-то приоткрыл мне, что такой отклик на него людей ему к<а>к-то нужен».

И добавляет:

«Теперь я собираю эти стихи».

ГМТ, ф. 48, без шифра.

Покупает себе новое пальто.

Из воспоминаний А.А.Есениной:

«Однажды Сергей встретил меня с довольной улыбкой и сразу же потащил в коридор к вешалке.

— Пойди посмотри, какое я пальто купил, — говорил он, натягивая пальто на себя.

Я осмотрела Сергея со всех сторон, и пальто мне не понравилось. Я привыкла видеть брата в пальто свободного покроя, а это было двубортное, с хлястиком на спине. Пальто такого фасона только входило в моду, но именно фасон-то мне и не нравился.

— Ну и пальто! Ты же в нем похож на милиционера, — не задумываясь, высказала я свое удивление.

— Вот дурная! Ты же ничего не понимаешь, — с досадой ответил он.

Разочарованный, Сергей вернулся в комнату и о пальто не сказал больше ни слова». Восп., 1, 120.

Покупает обувь А.А.Есениной.

Событие устанавливается по ее воспоминаниям:

«Это было уже в октябре <1925 г.>. Всё чаще и чаще шли дожди. В такую пору я однажды явилась к Сергею в сандалиях. У него были Сахаров и Наседкин. Я почувствовала себя неудобно и тихонько уселась на диване, стараясь убрать под него ноги. Но мое необычное поведение не ускользнуло от внимания Сергея, и он, приглядевшись ко мне, понял, почему я притихла.

— Подожди, подожди. Почему ты ходишь в сандалиях? Ведь уже холодно!

Пришлось сознаться, что ботинки, которые мне купили весной, стали малы.

— Так чего ж ты молчала? Надо купить другие.

И, словно обрадовавшись появившейся причине выбраться из дома, он предложил пойти всем вместе и купить мне ботинки.

Возражений не было, мы отправились в магазин “Скорород” в Столешниковом переулке. Из магазина я вышла уже в новых “румынках” на среднем каблуке. Довольная такой обновкой, я шла, не чуя под собой ног».

Восп., I, 120.

Тогда же Есенин, В.Ф.Наседкин, Е.А.Есенина, А.А.Есенина, А.М.Сахаров, С.А.Толстая фотографируются в фотоателье М.Сахарова и П.Орлова.

Есенин, VII (3), [191] (№ 98), 262 (один из вариантов снимка).

А.А.Есенина продолжает (см. предыд. запись):

«Настроение было у всех хорошее, никому не хотелось возвращаться сразу домой, и мы решили немножко погулять. Спускаясь вниз по Столешникову переулку, все подшучивали надо мной, расхваливали мои ботинки.

Катя с Сахаровым разыгрывали влюбленных. Так с шутками и смехом мы дошли до фотоателье, и тут кто-то предложил зайти сфотографироваться. В таком настроении мы и сфотографировались. Сахаров обнимает Катю, а мы с Сергеем играем в “сороку”. Было сделано несколько снимков...»

Восп., I, 120–121.

Здесь описывается вариант снимка, не включенный в Есенин, VII (3). Состав фотографируемых на нем тот же, но расположение иное — в частности, Есенин, нагнувшись, держит кисть левой руки сестры Шуры на ладони левой руки, а вытянутыми пальцами правой руки водит по ней, т. е. брат с сестрой играют в «сороку».

См.: СЕФ, илл. № [40]. Воспроизведено также в кн.: Сергей Есенин: Воспоминания родных / Сост. Т.Флор, Н.Есенина, С.Митрофанова, М.: Моск. рабочий, 1985, во вкл. блоке ил. между с. 32 и 33.

См. Приложение.

Кроме этого, делается снимок одного Есенина.

А.А.Есенина заканчивает:

«...на одном из <снимков> Сергей в шляпе и в том пальто, о котором речь шла выше <см.>. Эти снимки оказались последними в жизни Сергея».

Восп., I, 121.

См. Приложение.

Есенин знакомится с текущей литературой.

В.Ф.Наседкин вспомнит в 1927 г.:

«Октябрьский вечер. На столе журналы, бумаги. После обеда Есенин просматривает вырезки. Напротив с “Вечеркой” в руках я, Софья Андреевна сидит на диване. Светло, спокойно, тихо. Именно тихо. Есенин в такие вечера был тих.

Через бюро вырезок Есенин знал всё, что писалось о нем в газетах».

Восп., 2, 308.

Разговаривает с И.В.Евдокимовым:

— о литературе:

«В другой раз он приходил трезвый и принес несколько стихотворений в первый том “Собрания”. Разговор коснулся литературы. Улыбаясь и лучась глазами, Есенин говорил:

— Люблю Гоголя и Пушкина больше всего. Нам бы так писать!

Кто-то, не помню, из бывших при этом писателей сказал:

— Ты в последнее время совсем пишешь под Пушкина.

Есенин не ответил. А кто-то другой добавил:

— Пушкинские темы, рифмы, а выходит по-своему, по-есенински... Выходит здорово, захватывает прозрачностью и свежестью!

Тогда же разговор перекинулся на “попутчиков” и “напостовцев”. Писатели тут были одни “попутчики”. Есенин внимательно слушал разговор, принявший довольно жестокий характер в оценках отдельных писателей, он больше молчал, будто высматривая что-то за льющемся потоком зрящих фраз. Только один раз он невесело, морщась, сказал:

— Ну-у их! Лелевич писал обо мне, а мне смешно! Мне предложили его статью в “Собрание”, а я не могу, не могу согласиться. Лучше не надо никакой статьи!».

Восп.-95, 470.

— о сестре А.А.Есениной:

«Несколько раз он на этом же диванчике рассказывал мне о младшей своей сестре Шуре, всегда с неизменной любовью и словно бы с каким-то удивлением. В разное время он меня раз пять знакомил с ней, держа у ней на плече руку и заглядывая сверху в глаза. Смеялась крохотная девочка, смеялся я».

Восп.-95, 470.

Октябрь ... Ноябрь, 2 или Ноябрь, 7 ... 25. Есенин дарит В.П.Яблонскому свою фотографию с надписью:

«Милому Яблонскому / С. Есенин».

Есенин, VII (1), 295, 497.

Нижняя граница события определяется по времени фотосъемки (см.: окт. 1925, девятая запись), а его верхняя граница – временем, когда поэт лежит в клинику (см. 26 нояб. 1925, первая запись). Учитывается также, что с 3 по 6 нояб. 1925 (см.) поэт находился в Ленинграде.

Воспроизведение фотографии с автографом см.: Терновский В., Терновский А. Что сохранили память и перо. – Журн. «В мире книг», 1970, № 9, с. 41.

Публикаторы отмечают:

«На оборотной стороне первой страницы <книги Есенина “Стихи (1920–24)” с автографом автора В.П.Яблонскому; см. о нем: 2 июля 1925, вторая запись> приклеен портрет Есенина. Это известная уже по публикациям фотография. Но внизу ее надпись, сделанная красными чернилами <следует текст надписи>» (там же).

Октябрь (?). Белорусский журнал «Чырвоны сьцяг» («Красное знамя»; № 5/6; рубрика «Критика и библиография») публикует рецензию Д.С.Снежко (подпись: «Зьм. С.») на книгу Есенина «Березовый ситец»:

«В этой книге Есенин собрал всю лирику первого периода своего творчества. В этой тетради лучшее лирическое, но в нем Есенин — потерянный жизнью, безвольный, с печалью в своих стихах. Эту печаль он принес из деревни и с нею потерялся в городе.

— Звериных стихов моих грусть
Я кормил резедой и мятой.

Классовая борьба, гражданские войны — всё это прошло как-то мимо Есенина, не затронувши его лирики. Он потерял свои концы в деревне, а в городе его встретил “кабак”.

— Всё встречаю, всё приемлю,
Рад и счастлив душу вынуть.
Я пришел на эту землю,
Чтоб скорей её покинуть, —

вот что пел Есенин в то время, когда шла борьба, когда гремел последний бой труда с капиталом. Тогда Есенин “молился”, пел очень лирические красивые псалмы — стихи, и все стихи его имели “молитвенное” настроение. “Ивы — кроткие монашки”, “схимник-ветер”, “с золотой тучки глядит Саваоф”, “дождь молитвой стучит по стеклу”, “стая на крыше служит вечерню” и т. д. и т. д., и сам он:

— И часто я в вечерней мгле
Под звон надломленной осоки
Молюсь дымящейся земле
О невозвратных и далеких.

А потом — “Я молюсь на алы зори”, и сам он — “захожий богомолец”.

Заблудился в одном образе — “молитва” да под грустно молитвенное настроение и начал писать молитвенные стихи. А потом захватил его вихрь “хулиганства”, босячества, и он из кабака уже кричит:

— Не молиться тебе, а даяться
Научил ты меня, Господь.

Эти слова — результат его босячества.

— Плойся, ветер, охалками листьев,
Я такой же, как ты, хулиган.

“Хулиган” новый, с грустью, с мистикой, такой, что иногда сам себе говорит:

— Скучно мне с тобой, Сергей Есенин,
подымаь глаза.

Лирическое босячество — “беспокойная дерзкая сила” пролилась, “когда простыла этих дней кипяtkовая вязь”, а иначе —

не был бы я поэтом,
то наверно был мошенник и вор!

Есенин “березового ситца” — не наш Есенин. Он нам не нужен.

— Не жалею, не зову, не плачу,
Всё пройдет, как с белых яблонь дым...

Всё прошло. Есенин обратился к нам, обратился уже другим, Есениным — “Страны Советской”, Есениным — “26-ти”.

Вот почему только госиздательству понадобилось издать, да ещё в очень красивой книге, молитвенные псалмы мистического поэта-босяка?»

Перевод П.И.Радечко.

Об установлении авторства Д.С.Снежко см.: Радечко П. Как Снежко критиковал Есенина. — Журн. «Наш современник», 2008, № 12, с. 267–269.

См.: 1 апр. 1925, третья запись; 15 апр. 1925; 1 мая 1925, восьмая запись; 15 мая 1925, пятая запись; 21 ... 30 мая 1925; 22 мая 1925, первая запись; 1 июня 1925, третья запись; 1 ... 15 июня 1925; 5 июня 1925, первая и вторая записи; 10 июня 1925; 11 июня 1925; 12 июня 1925, первая – третья и пятая записи; с 12 на 13 июня 1925, вторая запись; до 15 июня 1925, вторая запись; 20 июня 1925, первая запись; 27 июня 1925, первая запись; 30 июня 1925, восьмая запись; 2 июля 1925, первая запись; до 7 июля 1925; 14 июля 1925, вторая запись; 26 июля 1925, седьмая запись; 31 июля 1925, вторая запись; 2 авг. 1925, третья запись; 11 авг. 1925, вторая запись; 1 сент. 1925, третья запись; 10 ... 24 сент. 1925; 18 окт. 1925, первая запись.

Журнал «Комсомолия» (№ 7; за октябрь) публикует материалы, в которых говорится о Есенине:

— статью А.Цинговатова «Есенин на переломе»:

«I.

Сергей Есенин — один из крупнейших поэтов-лириков наших дней, пока единственный поэт с неисчерпаемым запасом лирической энергии.

“Есенин — чрезвычайно одаренный поэт, — говорит критик из «Красной Нови» Вронский, — такой, каких у нас в России можно счесть по пальцам одной руки”.

Критик из “Октября” Лелевич называет Есенина “одним из талантливейших современных поэтов”.

Тем знаменательнее тот перелом, который совершается на наших глазах в поэзии Есенина.

1924 год — переломный год в истории есенинского творчества.

Перелом этот заключается в том, что после нескольких лет психоидеологической сумятицы и суматохи, бродяжничества и одурманивания себя ядами деревенского доморощенного озорства и городского хулиганствующего имажинизма, Есенин “остепенился”, заявил о своем “возвращении на родину”, принял, “признал” Русь Советскую, после-октябрьскую, повернул в темах к революционно-советской действительности, а в стихе и манере — к прекрасной ясности пушкинского реализма.

Признаниями советской действительности в 1924 году никого не удивить — и всё же есенинское “признание” имеет свое социальное значение: ведь Есенин — поэт того поколения крестьянской середняцкой молодежи, которое врасплох было захвачено революцией, было выбито из колеи, колебалось между зелеными и красными, между махновщиной и большевизмом, металось между кулачеством и беднотой, выявляя свою неустойчивую, двуликую природу, а теперь, вступив в зрелый возраст и увидав, что “бушующий разлив” страны вправлен в “бетонное” советское русло — поуспокоилось, поодумалось, стало на путь попутчества и сотрудничества, с рвением окончательно прозревшего:

Теперь в советской стороне
Я самый яростный попутчик.

Мы будем иметь в виду произведения Есенина, печатавшиеся в течение 1924 года в журналах “Красная новь”, “Октябрь” и др. и затем вошедшие в два сборника его стихов:

1) “Русь Советская”, изд. “Бакинский рабочий”, Баку, 1925 г.

2) “Стихи” (1920–24), изд. “Круг”, М.-Л., 1925.

Да и странно было бы, если бы такой вышедший из недр народных поэт, как Есенин, инстинктивно “рванувшийся” в свое время к Октябрю, не полюбил теперь тех великолепных просторов, которые открылись для Руси Советской именно благодаря весеннему разливу Октября:

Я более всего весну люблю,
Люблю разлив
Стремительным потоком,
Где каждой шепке,
Словно кораблю,
Такой простор,
Что не окинешь оком.
Но ту весну, которую люблю,
Я революцией великой
Называю!

Далее Есенин пытается осознать себя, как социальную личность, и убеждается в своем промежуточном положении в обществе, в промежуточном положении между двумя поколениями — отцов и детей:

Мы многое еще не сознаем,
 Питомцы Ленинской победы,
 И песни новые
 По-старому поем...
 .....
 Друзья! Друзья!
 Какой раскол в стране,
 Какая грусть в кипении веселом!

Затем следуют откровенные признания в собственной отсталости, сетования на пусто проведенную молодость, зависть к идейным, активным борцам, желание как-то примкнуть к передовой молодежи:

Я человек не новый!
 Что скрывать?
 Остался в прошлом я одной ногою,
 Стремясь догнать стальную рать,
 Скольжу и падаю другою...

Такое промежуточное положение совсем не удовлетворяет поэта:

Я тем завидую,
 Кто жизнь провел в бою,
 Кто защищал великую идею;
 А я, сгубивший молодость свою,
 Воспоминаний даже не имею <...>

Индивидуалист — отщепенец Есенин одумался, покаялся, понял, что “пустыней и отколом” не проживешь — его потянуло к обществу, к социальности, но остатки прежней непутовой повадки, повадки “камаринского мужика” еще сказываются хотя бы в том, что примкнуть к передовому крестьянскому молодняку ему хочется не просто “по-людски”, а непременно “задрав штаны”.

II.

Есенинский перелом лучше всего обозначился в двух превосходных его стихотворениях, которые, конечно, войдут в хрестоматию: “Возвращение на родину” и “Русь Советская”.

Оба стихотворения — в сущности — на одну тему: после 8-летнего перерыва поэт побывал у себя на родине, в рязанской глуши, и испытал незабываемые впечатления от этой побывки.

Я посетил родимые места,
 Ту сельшину, где жил мальчишкой,
 Где каланчой, с березовою вышкой
 Взметнулась колокольня *без креста*.

Это подчеркнутое нами “без креста” полагает непроходимую границу между новой деревней и старой.

Старая деревня встретила поэта в образе 90-летнего деда, который, осторожно осведомившись, не коммунист ли внук, стал хныкать и горько жаловаться:

— Да, время!.. Ты не коммунист?
 — Нет.
 — А сёстры стали комсомолки...
 Такая гадость, просто удавись!
 Вчера иконы выбросили с полки...
 На церкви комиссар снял крест.
 Теперь и богу негде помолиться,
 Уж я хожу украдкой нынче в лес.
 Молюсь осинам...

Поэт входит в родную избу —

На стенке календарный Ленин,
 Здесь жизнь сестер...
 Сестер, а не моя!
 Но всё ж готов упасть я на колени,
 Увидев вас, любимые края.
 .....
 Ну, говори, сестра!
 И вот сестра разводит,
 Раскрыв, как библию, пузатый “Капитал”,
 О Марксе... Энгельсе...
 Ни при какой погоде
 Я этих книг, конечно, не читал.
 И мне смешно, как шустрая девчонка
 Меня во всём за шиворот берет...

Таковы ошеломляющие впечатления от встречи с новой деревней: деревенская церковь — без креста, наиболее отсталые прежде слои населения — женщины — опередили в отношении политграмоты своего старшего брата...

Новая деревня, в лице “шустрой девчонки” в красном платочке, “за шиворот берет” побывавшего в Европах и Америках, известного всей России поэта.

Есть над чем призадуматься!

В стихотворении “Русь Советская” выдвинуты на первый план те чувства одиночества, отчужденности, даже ненужности, которые охватили поэта, когда он пожил и осмотрелся в родной, но уже чужой для него *новой* деревне —

Я никому здесь не знаком,
 А те, что помнили, давно забыли...
 А жизнь кипит... Вокруг меня снуют
 И старые, и молодые лица...

Поэт обижен тем равнодушием, с которым встретила его новая деревня —

Но голос мысли сердцу говорит:
 Опомнись! Чем же ты обижен?
 Ведь это только новый свет горит
 Другого поколения у хижин.

“Голос мысли” — одно, а “сердца горестные заметы” — другое. Они неотступны:

Язык сограждан стал мне, как чужой.
 В своей стране я словно иностранец...

Далее поэт дает две беглых, но ярких зарисовки из нового быта, советского <...>.

Только тут во всей остроте понял Есенин, как далеко шагнуло вперед поколение крестьянской молодежи! За 8 лет здесь народилась новая поросль, буйно зацвела новая жизнь, зазвенели новые напевы. Поэт озадачен этим “открытием”:

Вот так страна!
Какого ж я рожна
Орал в стихах, что я с народом дружен!
Моя поэзия здесь больше не нужна,
Да и, пожалуй, сам я тоже здесь не нужен.

Но этот припадок личной обиды и досады — недолог у поэта. Есенин быстро осваивается, примиряется с тем фактом, что молодежь его опередила — и лира его звучит уже примиренно, грустно-светло: поэт по-пушкински — без зависти и горечи — приветствует “племя младое, незнакомое”, готовый посторониться, уступая ему место.

Цветите, юные, и здоровейте телом!
У вас иная жизнь, у вас другой напев...

Этими словами писатель хочет сказать, что крестьянская молодежь, так далеко шагнувшая вперед, сумеет выдвинуть своих *ново*-крестьянских поэтов, которые гораздо ближе подойдут к новой, советской деревне, чем сделал это он — “немолодой, нестарый” Есенин».

См. Приложение.

О сб. «Русь советская» см.: до 25 дек. 1924; 25 дек. 1924, первая запись; 21 янв. 1925, вторая запись; до 4 марта 1925; 28 июля 1925, четвертая запись; 31 июля 1925, вторая запись; 1 сент. 1925, третья запись; 3 сент. 1925, вторая запись; 12 сент. 1925, седьмая запись; 27 сент. 1925, вторая запись.

О сб. «Стихи (1920–24)» см.: до 12 апр. 1925, третья запись; 12 апр. 1925, первая запись; 14 мая 1925, вторая запись; 21 ... 30 мая 1925; после 28 мая 1925; 25 июня 1925, третья запись; 2 июля 1925, вторая запись; 2 (?) июля 1925; 11 сент. 1925, первая запись; 16 ... 23 сент. 1925; 18 окт. 1925, первая запись: первая половина дек. 1925, четвертая запись.

Отклик на статью см.: 15 дек. 1925, вторая запись;

— материал Я.Городского (рубрика «Письма из провинции») «Растем понемногу».

Характеризуя членов литературной группы «Октябрь» (г. Николаев), автор отмечает:

«Я.Цейтлин — также обещающий поэт, комсомолец. Он еще под сильным влиянием то Есенина, то Светлова, но его строки не лишены значительности»;

— рецензию С.Берковича на «Книгу для чтения по истории новейшей русской литературы. Рабоче-крестьянское творчество за 30 лет» (Л., 1925).

В материале фамилия поэта искажена: Евсенин.

См.: 19 янв. 1925, первая запись; 5 мая 1925, четвертая запись; 25 мая ... 2 июня 1925; май (?) 1925; до 2 июня 1925.

Журнал «Советское искусство» (№ 7; за октябрь; рубрика «Восьмой октябрь») помещает статью Г.Лелевича «Русская литература за восемь лет революции», в которой говорится о Есенине.

В разделе статьи «Годы гражданской войны» автор пишет:

«Тогда же действовали некоторые промежуточные художники, по-своему “привывшие” <так!> революции и давшие ряд значительных произведений. Таковы крестьянские стихи и поэмы Есенина, Орешина. Таковы энергичные марши и агит-плакаты Маяковского. Среди продукции этих своеобразных ранних “попутчиков” встречаются такие выдающиеся вещи, как “Инония” Есенина, “Мистерия-Буфф” и “150 000 000” Маяковского».

Журнал «Воля России» (№ 9/10; за сентябрь-октябрь) публикует материалы, в которых заходит речь о Есенине:

— очерк М. Цветаевой «Герой труда (Записи о Валерии Брюсове)».

Приводится дневниковая запись дочери автора Али (А.С.Эфрон) о вечере в Московской консерватории и о появлении на нем Есенина, выпущенного из ЧК (см.: 25 окт. 1920, шестая запись; Летопись, 2, 410-411);

— статью А.В.Пешехонова «Родина и эмиграция?» (V. «Отрыв от Родины»):

«Теперь, лучше присмотревшись, я убедился, что в среде эмиграции все время шло и идет движение, — молекулярное движение, но могущее в конце концов и всю ее вывести из неподвижности, <...> опасность отрыва ее от России — от живой России — становится всё больше и больше. <...>

Можно, конечно, разное относиться к этому отрыву... У Сергея Есенина есть стихотворение — “Русь советская”, — посвященное как раз этому предмету. Я знаю, что вообще-то в эмиграции очень недолголюбивают “российского скандального пииту”, как он сам себя называет, и склонны его целиком со всеми скандалами ставить на счет советской России. Но названное стихотворение многим нравится, и ради него одного они готовы признать в Есенине “поэта Божиею милостью”. Приведу несколько отрывков из него, так как не уверен, что все читатели его знают. Речь идет — напоминаю — о Руси советской... <приводятся обширные цитаты>.

В этом стихотворении, по моему мнению, прекрасно изображен тот отрыв, о котором я говорю в настоящем очерке. Мне кажется даже, что в этих поэтических образах он будет яснее и понятнее моим читателям, чем в моих прозаических рассуждениях. Многим эмигрантам, как я сказал, даже очень нравится это стихотворение: как будто это про них написано... Но особенно живой отклик в них находит, конечно, последний аккорд, в котором прорывается национальный мотив, столь сильный в настроениях эмиграции.

К отрыву от теперешней и будущей России, как я сказал, по-разному можно относиться. Можно признать этот факт и, хотя бы с нетерпимой болью, примириться с ним. Возможно, что некоторые эмигранты предпочтут в конце концов этот именно исход и вместе с поэтом скажут: а я пойду один к неведомым пределам и буду воспевать шестую часть земли названьем кратким “Русь”...

Но ведь для этого их голос мысли должен раньше сердца сказать:

Опомнись. Чем же ты обижен?
Ведь это только новый свет горит
Другого поколения у хижин...

Поймут ли они это? И найдут ли в себе силы “принять всё” и от души сказать: цветите, юные!/? Найдут ли они силы, чтобы полюбить эту новую чуждую им Русь? Иначе ведь в душе у них останется лишь звук пустой, — Русь, которой уже нет на свете...

Во всяком случае, этот исход возможен лишь для тех, кто способен “душой бунтующей навеки присмиреть”, возможен, быть может, для “отцов” лишь. Для тех же, кто на это не способен и кто хочет в себе Русь сохранить, нет, по моему мнению, другого исхода, как идти вместе с “детьми”...»;

— заметку «Что читает эмиграция?» (подпись: «В. А.»):

«В Праге в течение 3-х лет функционирует Русская Народная Библиотека-Читальня “Земгора”. <...>

В распоряжении библиотеки в настоящее время имеется цифровой материал, обнимающий собой почти два года ее существования. <...> в библиотеке авторы некоторых

произведений имеются нередко в двух, а временами и в трех экземплярах, в то время как другие авторы (преимущественно беллетристы советской России) имеются в очень ограниченном количестве, что, конечно, отражается на общей картине <...>

Авторы	Сколько в библиотеке имеется отдельных книг, принадлежащих этому автору	Сколько раз выдавался	Средний оборот каждой отдельной книги
Есенин	10	136	13».

Всего в таблице представлено 43 русских и иностранных авторов, фамилии которых расположены по мере уменьшения числа выдач книг: от Л.Толстого (2771 при наличии 126 книг) до Л.Леонова (55 и 4 соответственно).

Октябрь — Ноябрь, до 26. Есенин работает над третьим томом «Собрания стихотворений» и завершает работу над изданием в целом.

С самого начала работы над собранием своих сочинений Есенин относил в третий том «крупные поэмы» (см.: 7 ...12 сент. 1925), начиная с «Пугачева» (см. также: 17 окт. 1924; 29 окт. 1924, первая запись).

Об одном из эпизодов этой работы вспомнит И.В.Евдокимов:

«Остановились над поэмой “Страна негодяев”. Есенин перелистал ее, быстро зачеркнул заглавие и красным карандашом написал: “Номах”.

— Это что? — спросил я.

— Понимаешь, надо переменить заглавие. Номах это Махно. И Чекистов, ты говорил, я согласен с тобой, выдуманная фамилия. Я переменю. И вообще я в корректуре кое-что исправлю.

— А мне жалко названия “Страна негодяев”, — сказал я. — Номах очень искусственно. Впоследствии он опять восстановил название “Страна негодяев”».

Восп.-95, 468.

«Наборный экземпляр тома представлен четырьмя печатными вырезками: Пугачов. М.: Имажинисты, 1922; Песнь о великом походе. М.: Гос. изд-во, 1925; “Поэма о 36” из сборника ОРП; “Анна Снегина” из газеты Бак. раб., 1925, 1 и 3 мая, а также рукописным списком поэмы “Черный человек”, выполненным С.А.Толстой-Есениной, и машинописным списком “Страны Негодяев”. <...>

По сравнению с “третьим отделом” планируемого Есениным издания 1924 г. <см. о нем: 29 окт. 1924, первая запись>, наб. экз. третьего тома Собр. ст. дополнен двумя поэмами: “Анной Снегиной”, написанной в 1925 г., и “Черным человеком” — окончательная редакция поэмы относится к тому же году. <...>

Воспоминания И.В.Евдокимова и анализ помет в наб. экз. третьего тома Собр. ст. показывают, что поэт особенно тщательно готовил к печати текст поэмы “Страна Негодяев”. Желая видеть эту поэму опубликованной в своем Собрании, Есенин пошел на явные уступки и произвел правку, которая привела к утрате рифм (речь идет об изменении ст. 75 и купюре ст. 81 — см. коммент. к поэме <Есенин, III, 544>). Но, несмотря на это, первоначально для публикации в третьем томе было принято четыре поэмы (список поэмы “Черный человек” был представлен позже). Последовательность поэм устанавливается по напечатанному на машинке оглавлению третьего тома с порядковыми номерами:

1. Пугачев
2. Анна Снегина
3. Песнь о великом походе
4. Поэма о 36
5. Алфавитный указатель
6. Библиография”.

Этому порядку соответствует первоначальная пагинация страниц с вырезками названных в оглавлении произведений, сделанная черными чернилами.

До конца ноября (срок сдачи рукописи в набор) появился рукописный список поэмы “Черный человек”, выполненный С.А.Толстой-Есениной. Поэт отвел ему центральное место — после “Анны Снегиной”, в середине тома. Соответственно изменилась пагинация страниц. Для “Пугачева” и “Анны

Снегиной” пагинация осталась прежней — 1–48. Текст списка поэмы “Черный человек” (состоит из шести листов) получил нумерацию 49–54 (ранее 49-й была первая страница “Песни о великом походе”). Далее — в “Песни о великом походе” и “Поэме о 36” — следует двойная нумерация. Второй вариант пагинации наб. экз. третьего тома, начиная с поэмы “Черный человек”, проставлен синим карандашом. Этим же синим карандашом вычеркнута предшествующая нумерация страниц.

Оглавление подтверждает состав и последовательность пяти поэм, которую принял автор. Название “Черный человек” не только вписано черными чернилами в оглавление рукой С.А.Толстой-Есениной под номером “3”, но и нумерация поэм и других разделов оглавления, следующих за “Черным человеком”, исправлена этими же чернилами. 4-й номер получает “Песнь о великом походе”, 5-й — “Поэма о 36”, 6-й и 7-й — Алфавитный указатель и Библиография.

Эта же последовательность воспроизведена в гранкахх.

Н.И.Шубникова-Гусева — Есенин, III, 443–446.

Однако, как показывают современные исследования, Есенин не успел завершить формирование издания. Кроме того, вмешивалась цензура, и поэтому редакция ставила автору условия по композиции и тексту третьего тома. После смерти поэта этот том будет переформирован композиционно (подробнее см.: Есенин, III, 446–450).

Тем не менее, основная работа по подготовке Собр. ст. была выполнена самим Есениным, что засвидетельствует И.В.Евдокимов (1926):

«Первое “Собрание стихотворений” Есенина, таким образом, сделано им самим. От временного невнимания к нему, вызванного болезненным состоянием поэта, он постепенно перешел буквально к страстному интересу, постоянно говорил о нём и даже мечтал с трепетом времен “Радунницы” — первой книги поэта.

— Понимаешь, Евдокимыч, — как-то тревожно похрипывал он, — будет три толстых книжки. Ты только каждое стихотворение пусти с новой страницы, как вот Демьяна Бедного печатаете. Не люблю я, когда стихи печатают, как прозу.

И он быстро перебирал пальцами, будто листал будущие тома своих стихотворений».

Восп.-95, 469.

После смерти Есенина работу над трехтомником завершит С.А.Толстая-Есенина, что будет подчеркнуто И.В.Евдокимовым в одном из писем к ней (17 мая 1927):

«...Вы принимали участие в литературной работе над 3 томами “Собрания” сочинений С.А.Есенина, читали корректуру в окончательном виде и как бы за него подписывали тома к печати...»

Письма, 449.

См.: 30 июня 1925, первая запись; 3 июля 1925, вторая запись; 7 июля 1925, первая запись; 19 июля 1925, первая запись; 21 июля 1925, вторая запись; 3 авг. 1925, первая запись; 12 авг. 1925; 24 авг. 1925, вторая запись; 11 или 12 сент. 1925; 12 сент. 1925, первая запись; 22 сент. 1925, вторая запись; 10 окт. 1925; 15 окт. 1925, первая запись; после 20 окт. 1925; конец нояб. 1925, первая запись; 9–11 часов утра 23 дек. 1925.

Ноябрь, 1. Находясь под сильным негативным впечатлением от преждевременной смерти М.В.Фрунзе, после посещения пивной Есенин приходит в Госиздат РСФСР. Инцидент с Л.Ф.Файнштейном и его завершение.

События устанавливаются и датируются по календарной помете С.А.Толстой-Есениной на листке 31 окт.: «Пивная (1го)» (НН, 1995, № 34, с. 65) и воспоминаниям И.В.Евдокимова (1926):

«На второй день смерти наркомвоенмора М.В.Фрунзе <см.: 31 окт. 1925, первая запись> тут же <в Госиздате> разыгралась такая сцена. Есенин пришел пьяный до последней степени: он шатался и даже придерживался за стены. Возбужденный, дрожащим, захлебывающимся голосом, таща и дергая полу своего пальто, Есенин кричал на весь коридор:

— Это он, Фрунзе*, дал мне пальто! Мне жалко, жалко его! Я плачу. Т-теперь... значат на его место ж-жи-да.

В это время, должно быть, на крик, вышли из нашего отдела два молодых еврей-канцеляриста. С одним из них (Л.Ф.Ф.<айнштейном>) он знаком был по Баку. Этот бакинский юноша поздоровался с ним, правда, несколько фамильярно. Есенин приветливо подал ему руку. Юноша дальше совершил новую неосторожность. Опершись на плечо Есенина, сидевшего со мной на диванчике, он спросил:

— Сергей, ты отдал дома тысячу, которую вчера получил у нас? А? Отдал?

Юноша по молодости лет сунулся не в свое дело. Есенин криво ухмыльнулся и как-то беспомощно пробормотал:

— Да, да! Я отдал!

А потом стал внимательно, щурясь, глядеть на него и совершенно неожиданно в величайшем раздражении закричал:

— Ты, Лёвка, ж-жид! Пош-шел вон! Убирайся!

Юноша побелел, повертелся и ушел. Другой еврей продолжал в сторонке курить.

Есенин злобно шипел:

— Ж-жидовская морда! Что ему от меня надо? Ж-жид пархатый! Мы тут, Евдокимыч, разговариваем с тобой о своем деле, а он... он стоит! Кто его звал?

И опять начал говорить о Фрунзе.

— Мне жалко, жалко! Я знал его. Замечательный был человек!

Через две-три минуты мы зашли в отдел. Скоро Есенин собрался уходить. Вдруг он подошел к "Лёвке", работавшему за столом, обнял его, поцеловал и радушно сказал:

— Лёвушка, ты приходи к нам сегодня!

Юноша бывал у Есенина, и они условились о встрече».

Восп.-95, 471.

Журнал «Красная нива» (№ 45) печатает стихотворение Есенина «Свищет ветер, серебряный ветер...»

См. также: 14 окт. 1925, первая запись; 29 нояб. 1925, третья запись.

Тифлисская газета «Заря Востока» (№ 1018) публикует «Сказку о пастушке Пете, его комиссарстве и коровьем царстве» <«Сказку о пастушонке Пете, его комиссарстве и коровьем царстве»>.

См. также: с 7 на 8 окт. 1925; 5 дек. 1925, первая запись; 6 дек. 1925, шестая запись.

Нью-йоркская газета «Русский голос» (№ 3638; воскресное приложение) под заглавием «Стихи Сергея Есенина» с посвящением «Сестре Шу-ре» перепечатывает стихотворения поэта: 1. «Я красивых таких не видел...». 2. «Ах, как много на свете кошек...». 3. «В этом мире я только прохожий...». 4. «Ты запой мне ту песню...»

Об источнике перепечатки см.: 11 окт. 1925, первая запись.

См. также: 13 сент. 1925, первая запись; 24 нояб. 1925.

* Где-то на юге Есенина обокрали <см.: 28 ... 30 марта 1925>. В Баку какое-то общество имени Фрунзе поднесло Есенину пальто <ср., однако: 19 апр. 1925, первая запись>» (Примеч. автора. — *Сост.*)

«Бюллетень торгового и периодического секторов Государственного издательства» (№ 18) дает информацию с упоминанием Есенина:

— в разделе «Издания»:

— «Ж. “Печать и революция”. Находится в печати книга 7. Содержание: <...> В.Красильников. Сергей Есенин»;

— «Ж. “Красная новь”. Книга восьмая. Содержание <...> Стихи: С.Есенина».

См.: до 21 окт. 1925; 21 окт. 1925, третья запись; 22 окт. 1925, первая запись.

Отклики см.: 26 нояб. 1925, третья запись; до 9 дек. 1925; 13 дек. 1925, третья запись;

— в «Проспекте № 1»:

«История литературы. Критика. <...> Львов-Рогачевский В. Имажинизм и его образности (Есенин, Кусиков, Мариенгоф, Шершеневич). Стр. 68. Ц. 20 к.».

Нью-йоркская газета «Новое русское слово» (№ 4662; рубрика «Российская литературная хроника») помещает информацию, в которой упоминается Есенин:

«Вышел из печати сентябрьский номер <№ 7> “Красной нови”. В литературном отделе произведения Соколова-Микитова: “Пыль”, С.Клычкова: “Серый барин”, Л.Сейфуллиной: “Встреча”, А.Толстого: “Гиперболоид инженера Гарина” и стихи Есенина, Н.Тихонова и др.».

См.: 3 и 5 сент. 1925; 10 ... 24 сент. 1925; 15 сент. 1925, вторая запись; 16 ... 23 сент. 1925; 24 сент. 1925, третья запись; 25 сент. 1925, третья запись; 30 сент. 1925, вторая запись; 15 окт. 1925, третья запись.

Газета «Новая шанхайская жизнь» (№ 1; рубрика «Последние новости СССР») публикует неподписанную заметку «Русский журнал в Берлине», в которой упомянут Есенин:

«Первый выход журнала, посвященного русскому литературному искусству, появился в Берлине под редакцией проф. Бёме и Либермана. Первое издание содержит переводы Горького, Блока, Леонова, Сейфуллин<ой>, Бабеля, Есенина, Маяковского, Лидина, Эренбурга, Маркова и других».

Имеется в виду журнал «Russische Rundschau». Об отсутствии в нем стихов Есенина см.: 25 авг. 1925, первая запись.

Ноябрь, до 2. Л.М.Леонов последний раз встречается с Есениным.

Событие и его граница устанавливаются на основании бесед Л.Леонова с А.Лысовым (см. ниже). Эти беседы происходили в последние годы жизни писателя, начиная с конца 1980-х гг., поэтому память на даты подводила Леонова. Однако обстоятельства его последней встречи с Есениным и ее место и время (у Г.А.Бениславской, перед отъездом в Ленинград) врезались в память. Эту встречу можно датировать «до 2 нояб. 1925 г.», так как в этот день Есенин выедет в Ленинград, а Г.А.Бениславская останется в Москве. Перед последним же отъездом Есенина в Ленинград эта встреча произойти не могла, так как в конце декабря 1925 г. Г.А.Бениславской в Москве не было. С 19 ноября она находилась на лечении в больнице (см.: Шубникова-Гусева-2008, 340).

Биограф Л.М.Леонова отметит:

«О последней прижизненной встрече с Есениным, “незадолго до его гибели”, Леонов не любил рассказывать. Но оставить на месте этого эпизода фигуру умолчания также не мог, так как в этой сцене уже проступали “контуры предстоящей трагедии”, и была та скорбная “ипостась” поэта, о которой сам Есенин с болью писал в “Черном человеке” и в исповедальной своей лирике. <...>

Я не думаю, что Леонов одобрил бы “распубликование” этого отрывка из частной беседы. И потому, что бережно относился к Есенину, и вообще не хотел лишний раз бытовым свидетельством бросать тень на высшие мотивы есенинского ухода из жизни. Меня же взволновал тогда жесткий символизм этой сцены, и, решаясь на публикацию событийной ее части, я воспроизвожу ее в объективированном виде почти прямой леоновской речи. Как воспоминание о воспоминании.

Последняя встреча Леонова и Есенина состоялась на квартире Галины Бениславской. Это была женщина, “которая единственно по-настоящему любила поэта. Высокая, со сросшимися трагическими бровями, какие бывают у самоубийц”. Леонова ждали, дверь открыла Бениславская. Есенин был в соседней комнате с Иваном Вольновым. Но тут же вышел к ним, едва слышал голоса. В его руках была надломленная гитара. Уловив из разговора, что речь идет о его самочувствии, надсадно выкрикнул: “А вы, вы, как меня чувствуете!” Затем рванул струны гитары и, орудуя грифом, как кнутовищем, стал стегать пространство рядом с собой. Было жутко: будто он хлестал вокруг себя пучком оголенных нервов, в слепой сосредоточенности ожидая, то ли болью, то ли звуком отзовутся мелькающие струны...

В этом более символическом, чем биографическом эпизоде мне почему-то всегда слышался отзвук сюжета, тревожившего Леонова, о библейском царе, заставившем хлестать плетью море за то, что оно поглотило и не возвращает назад царских сокровищ. Это, конечно, только ощущение. Но в воспоминаниях о предсмертных днях Есенина есть рассказ Устиновой о том, что поэт назвал себя “Божьей дудкой” и прокомментировал, что так именуется тот, кто, получив сокровища, тратит их безоглядно, не ведая размеров дарованного, и не восполняет запаса ничем. Разве не слышна в этой горькой самооценке поэта русская версия “шагреновой кожи”...»

Лысов А. Леонид Леонов о Сергее Есенине: (Из бесед писателя). — Журн. «Лит. учеба», М., 1996, кн. 3, с. 102.

Ноябрь, 2. Есенин звонит Г.А.Бениславской.

Г.А.Бениславская зафиксировала этот разговор с поэтом:

«— Галя, приезжайте на Николаевский вокзал.

— Зачем?

— Я уезжаю.

— Уезжаете? Куда?

— Ну это... Приезжайте. Соня приедет.

— Знаете, я не люблю таких проводов.

— Мне нужно многое сказать вам.

— Можно было заехать ко мне.

— Ах... Ну, тогда всего вам хорошего.

— Вы сердитесь? Не сердитесь, когда-нибудь вы поймете.

— Ничего. Вы поймете тоже. Всего хорошего.

— Всего хорошего.

2/X1-25. 8 ч. вечера».

Материалы, 92.

Вечерним поездом с Николаевского вокзала Есенин выезжает из Москвы.

См. предыд. запись.

С.А.Толстая-Есенина записывает в календаре:

«С<ергей> уехал в С^ПБ».

НН, 1995, № 34, с. 65.

Ноябрь, 3. Приехав в Ленинград, Есенин останавливается у И.И.Уварова.

Место тогдашнего проживания поэта в Ленинграде отмечается по воспоминаниям И.И.Старцева: «Осенью 1925 года он был в Ленинграде. Остановился в квартире Уварова, проживавшего в одном доме с Сахаровым на углу Французской набережной».

САЕ, 89.

Журнал «Жизнь искусства» (№ 44) публикует статью А. Кручёных «Василий Казин», в которой заходит речь о Есенине:

«Что же! Ведь это всякому, даже не читавшему Есенина, давно приелось в стихах второстепенных поэтов <...>: “Ну чем не цыганские романсики? Чем не расхлябанный Есенин?”».

Ноябрь, начало. Выходит журнал «Новый мир» (№ 11; за ноябрь) со стихотворениями Есенина «Эх вы, сани! А кони, кони!..» и «Снежная зима дробится и колется...» под общим заголовком «Новые стихи».

Время события определяется по информации газ. «Известия ЦИК СССР и ВЦИК Советов» (1925, 29 и 31 окт., № 248 и 250) о том, что номер журнала «выйдет в ближайшие дни».

В этой публикации первого стихотворения (как и в его черновом автографе) между первой и второй строфой окончательного текста имеется еще одна строфа, которая отсутствует в тексте наб. экз.:

Снеговая, пустая дорога,
Только скрип, только снег да поля.
Ах, как выткало небо много
Рассыпающегося миткаля.

Есенин, I, 376.

Комментируя это обстоятельство, А.А.Козловский приводит ряд аргументов в пользу того, что в источник текста, вложенный в наб. экз., эта строфа не попала случайно (Есенин, I, 658–659).

См. также: 19 сент. 1925, первая запись; 20 сент. 1925, первая запись.

Ноябрь, 3–6. Есенин находится в Ленинграде.

Рамки события устанавливаются по календарным записям С.А.Толстой-Есениной (см.: 2 нояб. 1925, вторая запись; 7 нояб. 1925, первая запись).

Из воспоминаний И.И.Старцева (1926):

«Всё время <в Ленинграде> пил, дебоширил и однажды ночью — после того как его уложили спать — исчез. Встревоженный Уваров пошел его разыскивать к Сахарову и, не обнаружив, вышел на набережную к Неве. Навстречу ему шел, покачиваясь, Есенин без шапки, в одном костюме. Стояла промозглая осенняя погода. Есенин дрожал от холода. На испуганный окрик Уварова:

— Что с тобой, Сережа? Куда ты ходил?

Есенин ответил:

— Хотел утопиться в Неве.

И тут же добавил:

— Какая холодная погода!»

САЕ, 89–90.

Навещает супругов Устиновых в гостинице «Интернационал» (бывш. «Англетер»). Читает поэму «Черный человек» и стихи. Исполняет частушки.

Г.Ф.Устинов вспомнит:

«В ноябре Есенин был в Ленинграде. Долго, целый вечер, просидел у меня в “Англетер<е>”, трезвый и необыкновенно смирный. Он мне показался тем Есениным, которого я знал в 1919 году. Есенин читал свои новые стихотворения, в том числе “Черного человека”. Эта поэма была еще не отработана, некоторые места он мычал про себя, как бы стараясь только сохранить ритм, и говорил, что над этой поэмой работает больше двух лет. Сколько он работал в действительности, трудно сказать: Есенин отличался большой

фантазией. Летом, например, он говорил мне, что работает над большим романом, который вчерне уже закончен. Первая часть романа, по его словам, была уже отделана совсем, и он собирался сдать ее в “Красную Новь”. Но, как потом оказалось, никакого романа Есенин не писал <...>.

Этим же летом он жаловался на то, что он “кончился”, что он может писать только стихотворения не больше 8 строчек, да и те уже не такие, как раньше...

И тут же с усмешкой прибавлял:

— Ничего, пусть я мало пишу: я всё-таки теперь самый модный поэт!

Прощаясь со мной в ноябре, Есенин обещал приехать через месяц.

САЕ, 160–161.

См. также: окт. (?) – дек. (?) 1922; янв. (?) – февр. 1923; март – июль 1923; апр. 1923, третья запись; после 22 авг. 1923, четвертая запись; 14 февр. – 9 марта 1924, вторая запись; 3–6 нояб. 1925, третья запись; 7 ... 11 (?) нояб. 1925, первая запись; 12–13 нояб. 1925; 13–14 нояб. 1925; 14 нояб. 1925, первая и вторая записи.

3 января 1926 г. Е.А.Устинова напишет:

«В ноябре месяце 1925 г. вошел к нам в номер гостиницы “Англетер”, в Ленинграде, поэт Сергей Александрович Есенин. От бывшего здоровья, удали осталась только насмешливая улыбка, а волосы, те прекрасные, золотые волосы, совсем посерели, перестали виться, глаза тусклые, полны грусти, красноватые больные веки и хриплый, еле слышный голос.

— Сереженька, что с тобой?

— Болен я, тетя <Есенин звал автора воспоминаний “тетей”>, вот думаю лечиться скоро в Москве у лучших профессоров.

Он был такой исстрадавшийся, растерянный, беспокойный, всё время что-нибудь перебирал руками. Пришел не один — с поэтом Н.П.Савкиным. Читал свои последние произведения.

В этот его приезд мы виделись два раза. В день отъезда он пел хриловатым приглушенным голосом вместе с Савкиным рязанские частушки <песню “антоновцев”>:

Что-то солнышко не светит,
Над головушкой туман,
Али пуля в сердце метит,
Али близок трибунал.

Эх, доля-неволя,
Глухая тюрьма!
Долина, осина —
Могила темна».

САЕ, 232–233. О песне “антоновцев” см.: Летопись, 4, 522–523; 6 дек. 1925, пятая запись.

Приходит к поэту И.Садофьеву, встречается у него с Н.Н.Никитиным и читает тому поэму «Черный человек».

Н.Н.Никитин вспомнит:

«...он <Есенин> ждал меня у Садофьева. Когда я пришел, гости отужинали, шел какой-то “свой” спор, и Есенин не принимал в нем участия. Что-то очень одинокое сказывалось в той позе, с какой он сидел за столом, как крутил бахрому скатерти. Я подсел к нему. Он улыбнулся.

— Я только что, совсем недавно кончил “Черного человека”... Послушай:

Друг мой, друг мой,
Я очень и очень болен. <...>

Уже этим началом он сжал мне душу, точно в кулак. Почему-то сразу вспомнился “Реквием” Моцарта. Я не могу сейчас воспроизвести весь наш разговор точно. Помню, что Есенин шутил, и был доволен, что “проверил” поэму еще на одном слушателе».

Восп., 2, 136–137.

См. также: окт. (?) – дек. (?) 1922; янв. (?) – февр. 1923; март – июль 1923; апр. 1923, третья запись; после 22 авг. 1923, четвертая запись; 14 февр. — 9 марта 1924, вторая запись; 3–6 нояб. 1925, вторая запись; 7 ... 11 (?) нояб. 1925, первая запись; 12–13 нояб. 1925; 13–14 нояб. 1925; 14 нояб. 1925, первая и вторая записи.

Видится с Н.А.Клюевым.

Из воспоминаний В.С.Чернявского (1926):

«В первой половине ноября Клюев, встретившись со мной на улице, рассказал, что Сергей в Ленинграде и приходил к нему, что на него “смотреть страшно, одна шкура от человека осталась... а найти — как его найдешь? Не сегодня завтра уезжает, скоро обещает вернуться”».

Восп., 1, 235.

Намеревается встретиться с В.И.Эрлихом.

В.И.Эрлих напишет:

«Захожу как-то в Союз писателей на Фонтанке. Кто-то сообщает:

— Есенин в Питере. Ищет вас. Потерял адрес.

По привычке еду на Гагаринскую.

Он действительно был, искал, не нашел, уехал».

Восп., 2, 347–348.

Отвечает на вопрос «Новой вечерней газеты» «Каково ваше материальное положение?»

Время события отмечается, исходя из того, что этот ответ, появившийся на страницах ленинградской газеты, скорее всего, был получен от Есенина, когда тот находился в Ленинграде.

Текст ответа см.: 18 нояб. 1925, первая запись.

Ноябрь, 5. К.И.Чуковский разговаривает с Ю.Н.Тыняновым о Есенине.

Событие и его дата устанавливаются по дневниковой записи К.И.Чуковского (5 нояб. 1925):

«В Питер приехал Есенин, окончательно раздеребуженный. Я говорю Тынянову, что в Есенине есть бальмонтовское словотечение, графоманская талантливость, которая не сегодня-завтра начнет иссыхать.

Он: — Да, это Бальмонт перед Мексикой».

Чуковский К.И. Дневник (1901–1929) / Подг. текста и коммент. Е.Ц.Чуковской. — М.: Совр. писатель, 1997, 2-е изд., с. 352.

Рижская газета «Сегодня» (№ 249) перепечатывает стихотворение Есенина «Гори, звезда моя, не падай...» с редакционным предисловием:

«В только что вышедшей в Москве октябрьской книге журнала “Красная новь” находим несколько прекрасных стихотворений Сергея Есенина. Приводим одно из них».

См. также: 17 авг. 1925; 21 авг. 1925, первая запись; до 21 окт. 1925; 29 нояб. 1925, вторая запись.

Ноябрь, 6. Есенин покидает Ленинград.

Дата устанавливается по календарной записи С.А.Толстой-Есениной о возвращении поэта в Москву (см.: 7 нояб. 1925, первая запись).

Вечерний выпуск ленинградской «Красной газеты» (№ 270) публикует статью Г.Устинова «Литература Октября: За 8 лет», в которой заходит речь о Есенине:

«Едва ли где-нибудь в другой стране, кроме Советской, было такое оживление в литературе, как у нас. Октябрь всколыхнул массы, поднял глубинный пласт дремавшей черноземной почвы и поднял из народной среды целый ряд крупнейших писателей и поэтов <...>

Не бедна наша страна и “чистыми художниками”, которых у нас теперь, с легкой руки тов. Троцкого, принято называть “попутчиками”.

В поэзии первым по громадному лирическому таланту стоит Сергей Есенин, переведенный уже на многие европейские и восточные языки».

Ноябрь, 7. Вернувшись в Москву вместе с Н.П.Савкиным, Есенин едет к тому на квартиру. Посещает Г.И.Светлого, В.Ф.Наседкина.

События отмечаются по календарным записям С.А.Толстой-Есениной от того же числа:

«С<ергей> приехал из СПб. Утр<ом> у Савк<ина>. К Светл<ому>. К Наседк<ину>». НН, 1995, № 34, с. 65, с неточным раскрытием сокращений.

О том, что в день отъезда Есенина в Москву его спутником в Ленинграде был Н.П.Савкин, см.: 3–6 нояб. 1925, вторая запись.

Рижский журнал «Наш Огонек» (№ 45) перепечатывает стихотворение Есенина «Видно, так заведено навеки...»

См. также: 14 июля 1925, первая запись; 31 июля 1925, первая запись; 13 сент. 1925, вторая запись; 16 ... 23 сент. 1925; 30 сент. 1925, третья запись; 27 нояб. 1925, пятая запись.

Журнал «Жизнь искусства» (№ 45; за 7–10 ноября) публикует статью В.Перцова «От известного к неизвестному», в которой упоминается Есенин:

«Профессионалы литературного цеха, если даже они искренне захвачены революционной эпохой, органически не способны на переворот:

Мы многое еще не создаем,
Питомцы ленинской победы,
И песни новые
По-старому поем,
Как нас учили бабушки и деды.

(Есенин)».

Ноябрь, 7 и 30. Журнал «Город и деревня» (№ 21 и 22/23) называет Есенина в числе авторов издания.

См. также: 5 марта 1925, четвертая запись; 20 марта 1925; 5 и 17 апр. 1925; 1 и 31 мая 1925; 25 июня 1925, вторая запись; 10 и 25 июля 1925; 15 авг. 1925, вторая запись; 1 и 25 сент. 1925; 5 окт. 1925, вторая запись.

Ноябрь, 7 ... 11 (?). Есенин встречается и беседует с Н.Н.Асеевым.

Событие и его рамки устанавливаются по воспоминаниям Н.Н.Асеева (1926) с учетом того, что 12–14 нояб. (см.) Есенин уже непосредственно занимался подготовкой поэмы «Черный человек» к печати:

«Через неделю <после инцидента на квартире мемуариста; см.: конец окт. 1925, вторая запись> я встретил его в ГИЗе. <...> Есенин еще более потускнел в обличье; он имел вид усталый и несчастный. Улыбнулся мне, собрав складку на лбу, виновато и нежно сказал:

— Я должен к тебе приехать извиниться. Я так опозорил себя перед твоей женой. Я приеду, скажу ей, что мне очень плохо последнее время! Когда можно приехать?

Я ответил ему, что лучше бы не приезжать извиняться, так как дело ведь кончится опять скандалом.

Он посмотрел на меня серьезно, сжал зубы и сказал:

— Ты не думай! У меня воля есть. Я приеду трезвый. Со своей женой! И не буду ничего пить. Ты мне не давай. Хорошо? Или вот что: пить мне все равно нужно. Так ты давай мне воду. Ладно? А ругаться я не буду. Вот хочешь, просижу с тобой весь день и ни разу не выругаюсь?

В хриплом полудшепоте его были ноты упрямства, прерываемого отчаянием. Особенно ему понравилась мысль приехать с женой. Мне было его странно жалко. Особенно его я не любил. Но я знал, что передо мной хороший поэт, пропадающий зря, ни за грош, плющимый и разбиваемый неизвестно чем.

Я согласился и на его предполагаемый приезд, и на “испытание” водой.

Мы пошли с ним в сопровождении его адъютанта. Теперь это был здоровенный человек с сумрачным лицом, с поджатыми губами и темными обиженными глазами. Есенин потянул в пивную здесь же, на углу Рождественки.

— Вот увидишь, — говорил он, — какая у меня воля! Будем сидеть, читать стихи и я ни разу не выругаюсь. Вот поглядишь.

Разу проши в отдельный угол <...> он стал оглядываться подозрительно и жутко. И, наклонясь через стол ко мне, зашептал о том, что за ним следят, что ему одному нельзя оставаться ни минуты, ну да он-де тоже не промах — и, ударя себя по карману, начал уверять, что у него всегда с собой “собачка”, что он живым в руки не дастся и т. д.

Нужно сказать, что в пивной мы часов за пять сидения выпили втроем несколько бутылок пива, и Есенин не был хмелен. Он был горячечно возбужден своими видениями, был весь пропитан смутной боязнью чего-то и эту боязнь пытался заглушить наигранным удалством и молодечеством.

Третий сидевший с нами собеседник почти всё время молчал. При попытке заговорить Есенин его грубо обрывал. Когда Есенин начал читать стихи, он уснул его за папиросами, причем приказал идти “подальше, на Петровку”. Затем уснул говорить с кем-то по телефону, повелительно покрикивал. Тот всё исполнял беспрекословно.

Есенин читал мне “Черного человека”. И опять этот тон подозрительности, оглядки, боязни преследования. Говоря о самой поэме, он упирал на то, что работал над ней два года, а напечатать нигде не может, что редактора от нее отказываются, а между тем это лучшее, что он когда-нибудь сделал.

Мне поэма действительно понравилась, и я стал спрашивать, почему он не работает над вещами, подобными этой, а предпочитает коротенькие романсного типа вещи, слишком легковесные для его дарования, потящие, как мне казалось, его поэтический почерк, создающие ему двусмысленную славу “бесшабашного лирика”.

Он примолк, задумался над вопросом и, видимо, примерял его к своим давним мыслям. Потом оживился, начал говорить, что он и сам видит, какая цена его “романсам”, но что нужно, необходимо писать именно такие стихи, легкие, упрощенные, сразу воспринимающиеся.

— Ты думаешь, легко всю эту ерунду писать? — повторил он несколько раз.

Он именно так и сказал, помню отчетливо.

— А вот настоящая вещь — не нравится! — продолжал он о “Черном человеке”. — Никто тебя знать не будет, если не писать лирики; на фунт помолу нужен пуд навозу — вот что нужно. А без славы ничего не будет! Хоть ты пополам разорвись — тебя не услышат. Так вот Пастернаком и проживешь!

Я, похвалив его поэму, указал тут же, что по основному тону, по технической свежести, по интонациям она ближе к нам, в особенности к Маяковскому.

Он привстал, оживился еще более, разблестелся глазами, тронул рукой волосы. Заговорил о своем хорошем чувстве к нам, хотел повстречаться с Маяковским. О том, что он технически вовсе не отстал, что мастерство ему дороже всего на свете, но что мастерство это нужно популяризировать, уже подготовив почву известностью, что читатель примет тогда и технические особенности, если ему будет импонировать вознесенное до гениальности имя.

Вообще в этом разговоре он оказался очень организованным, знающим и деловито-обостренным хозяином своей профессии, учитывающим все возможности и препятствия на своем пути. Нужно отметить, что за всю эту пятчасовую беседу Есенин действительно ни разу не выругался, хотя стесняться было некого. И в моменты очень болезненно им переживаемые (разговор о преследованиях, о непринятии поэмы редакциями) он только скрипел зубами, мыча от сдерживаемого бешенства.

Разговор наш и в этот раз, к сожалению, закончился тяжелой сценой. Но это уже произошло вне пивной, после того как Есенин выдержал “зарок”. Меня лично эта сцена не коснулась. Она произошла между ним и его спутником <речь идет об И.И.Есенине>».

САЕ, 190–191, 193–195.

См. также: окт. (?) – дек. (?) 1922; янв. (?) – февр. 1923; март – июль 1923; апр. 1923, третья запись; после 22 авг. 1923, четвертая запись; 14 февр. – 9 марта 1924, вторая запись; 3–6 нояб. 1925, вторая и третья записи; 12–13 нояб. 1925; 13–14 нояб. 1925; 14 нояб. 1925, первая и вторая записи.

Е.А.Есенина становится свидетельницей тяжелого душевного состояния брата.

Время события отмечается ориентировочно.

Е.А.Есенина вспомнит:

«Один раз Сергей вернулся домой в состоянии худшем, чем обыкновенно. Соня увела его спать, мы с Илей сидели каждый за своей книгой. Через несколько минут Соня вернулась и послала к Сергею Илью. “Иди к нему, — сказала она Илье, — он не хочет, чтобы я была с ним”.

Илья вернулся быстрее, чем Соня. “Выгнал”, — уныло сказал Илья.

Когда я вошла к Сергею, он лежал с закрытыми глазами и, не открывая глаз, спросил: “Кто?” Я ответила и тихо села на маленькую скамеечку у его ног.

— Екатерина, ты веришь в Бога? — спросил Сергей.

— Верю, — ответила я.

Сергей метался в кровати, стонал и вдруг сел, отбросив одеяло. Перед кроватью висело распятое. Подняв руки, Сергей стал молиться: “Господи, ты видишь, как я страдаю, как тяжело мне...”»

В семье родной, 248.

См. также: В семье родной, 267; Письма, 380.

Ноябрь, 8. Есенин пишет П.И.Чагину:

«Дорогой Петер! Ты свинья. Свинья потому, что уехал, не простившись и не отозвавшись — ни одной строчкой.

Или рука твоя уж так крепко приросла к редакторскому столу, что и оторвать ее трудно?

Как ты живешь — знаю. Не знаю только того, что ты думаешь. Это меня интересует больше, чем твои пятничные прогулки по морям несоленым. Черкни хоть строчку и скажи, чтоб мне высылали Бакраб <газету “Бакинский рабочий”>.

Сегодня приехал Жорж <Г.Б.Якулов>. При встрече <...> запыем нашу грусть за твою забывчивость наст<оющим> martel <...>.

Привет Кларе и Розочке <жене и дочери>. Отцу пожми лапу и скажи ему, чтоб он погрозил хоть мизинцем Ваське <В.И.Болдовкину> — за то, что он не приходит.

Твой С. Есенин».

Есенин, VI, 227.

См. Приложение.

Есенин — в мастерской Г.Б.Якулова.

Событие отмечается по календарной записи С.А.Толстой-Есениной от того же числа:

«С<ергей> у Якул<ова>».

НН, 1995, № 34, с. 65.

Нью-йоркская газета «Новое русское слово» (№ 4669; рубрика «Литература и искусство») помещает анонимную рецензию «Пугачовщина» на одноименный спектакль по пьесе К.Тренёва.

Кратко характеризуя развитие темы Е.Пугачева в русской литературе, рецензент отмечает:

«Последнее поэтическое слово было сказано в поэме Есенина “Пугачев”».

Здесь Емельян — поэт, романтик, влюбленный в революционную мечту и скорбно разочаровывающийся.

В нем больше самого Есенина, чем исторического Пугачева.

“Юность. Юность! Как майская ночь отзвенела ты черемухой”... — печально говорит Емельян и в час гибели слушает, как “бежит колокольчик” за водой, чувствует, как “тянет мягкой гарью”, а на приказ: “Ташите его за бороду!” — шепчет: “Дорогие мои, хорошие”...»

Ноябрь, 8–10. Приехавший в Москву С.Ф.Файнштейн, остановившийся у Есениных, оказывается очевидцем их нелегких внутрисемейных отношений.

Верхняя граница событий отмечается по календарной записи С.А.Толстой-Есениной (10 нояб. 1925): «Уехал Сеня Файнштейн» (НН, 1995, № 34, с. 65). Их нижняя граница определяется в соответствии с этой датой с учетом слов С.Ф.Файнштейна, что тогда он провел в Померанцевом пер. «2 ночи» (см.: 12 дек. 1925).

С.Ф.Файнштейн вспомнит об этих «вечерах с буйным Сергеем» в письме к С.А.Толстой-Есениной (16 авг. 1926) в связи с выходом в свет сборника «Сергей Александрович Есенин: Воспоминания» (см.: Субботин-96, 28).

Ноябрь, 9. Есенин ночует у Г.Б.Якулова.

Событие отмечается по календарной записи С.А.Толстой-Есениной от того же числа:

«К Якул<ову> ночев<ать>».

НН, 1995, № 34, с. 65.

В.А. Мануйлов пишет Есенину из Баку:

«Дорогой Сергей Александрович!

Месяц тому назад <см.: 27 сент. 1925, третья запись> я просил Вас дать несколько стихотворений для ростовского журнала “Жатва” — пока никакого ответа нет, тем не менее обращаюсь к Вам с вторичной просьбой уже несколько по иному поводу. “Жатва”, еще не родившись, переродилась в бакинский “Норд” — с иными задачами. Там был журнал, сожительствующий с краеведением, экономикой и пр. “Норд” — затея ветренная, сиречь поэтическая. Просто стихи для стихов.

Дали уже материал из знакомых Ваших: Тихонов, Рождественский, Кс. Колобова, некий Виктор Мануйлов и проч. — все из литературной молодежи, может быть, вам еще неведомые — но ребята добрые и веселые.

Ни на какие Гизы не рассчитываем, т. к. идеологию в рамки не вгоняем — поэтому печатаем на свой счет — с деньгами дрянь: всё идет на внешний вид издания — гонораров никому предложить не можем (это не доходная “Жатва”, кстати, не сжатая).

Ежели у Вас есть свободные стихи и охота порадовать молодежь своим добровольным и сердечным участием — дайте нам для “Норда” что-либо “Есенинское”. <...>

Привет Софье Андреевне».

Письма, 298–299.

Сборник «Норд» выйдет в Баку (1926) без стихов Есенина.

Есенину пишет из г. Гдова читательница Е. Полозова:

«М. Г.,

почему я пишу? Что я имею Вам сказать, я, рядовая учительница из захолустного городка?

Читаю Ваши стихи, люблю их, но нет у меня слов, не сумею ничего сказать о них, да Вам это и не нужно. Когда читаешь произведения других поэтов, — не думаешь о них самих, об авторах, ищешь скорее созвучного с своими переживаниями. Ваши же стихи крепко связаны для меня с Вами, живым, реальным человеком, радующимся и страдающим... И ждешь их, как письма от близкого человека. И больно становится, — грустные нотки Ваших стихов звучат непрестанно, сердце сжимается. Жизнь не должна хлестать Вашу светлую, прекрасную душу так жестоко. Если вообще жизнь дорого берет за каждый радостный миг, то к лучшим-то она должна быть справедливей.

Простите за эти ненужные строки. Но отчего же мне не сказать Вам, мой милый, дорогой поэт, что я люблю Вас, что хочу, чтобы счастье всегда улыбалось Вам, чтобы ясное солнышко осветило и согрело Вас!

Искренно преданная Вам

Екатерина Полозова».

Письма, 297–298.

Парижская газета «Звено» (№ 145) публикует очередную из «Литературных бесед» Г.Адамовича, посвященную Б.Пастернаку, где заходит речь о Есенине:

«Борис Пастернак — прежде всего поэт. Поэт он на редкость неровный, но на редкость же даровитый и своеобразный. Его стихи почти всегда кажутся черновиками; со многим в них невозможно согласиться. Но в том, что эти стихи, со всеми их срывами, условностями, промахами и слабостями, есть все-таки самая настоящая прекрасная поэзия, — сомневаться нельзя. Это не Есенин. Имя Пастернака — одно из тех немногих современных имен, которые почти стоят на уровне высокой европейской поэзии в ее целом».

Ноябрь, 10. Журнал «Рабочий и театр» (№ 45; рубрика «Хроника»; раздел «Музыка») дает неподписанную информацию с упоминанием Есенина:

«Композитор М.Ф.Гнесин закончил эскиз симфонического произведения с заключительным хором на слова С.Есенина. Произведение это называется “Симфоническим монументом” и является музыкальным отражением революционной эпохи. Автор продолжает работу над “Монументом”, приурочивая его опубликование к предстоящим декабрьским революционным торжествам».

См.: до 8 окт. 1925; 11 окт. 1925, вторая запись; 16 окт. 1925, третья запись; 26 окт. 1925.

Нью-йоркская газета «Рассвет» (№ 445) помещает фельетон Л.Г.Мунштейна (подпись: «Лоло») «“Моцарт и Сальери” по-советски», где упоминается Есенин:

«Сальери — Зиновьев.
Моцарт — видимо, Троцкий.

З и н о в ь е в:

<...> Товарищ Луначарский
Мне говорил: “Когда приходит сплин, —
Откупори бутылку самогона
Иль перечти шедевры Наркомпроса
И буйного Есенина стишки”!

Т р о ц к и й (задумчиво):

Есенин?.. Говорят, лупил он Айседору
До полусмерти. Я не верю вздору:
Ведь “гений и злодейство несовместны”.

З и н о в ь е в:

Ах, Троцкий, ты не можешь без цитат
Из буржуазных авторов! Стыдитесь!..»

Ноябрь, 11. Утром Есенин видится с В.Ф.Наседкиным у него на квартире.

Событие отмечается по календарной записи С.А.Толстой-Есениной от того же числа:

«Утр<ом> у Наседк<ина>».

НН, 1995, № 34, с. 65.

Встречается с А.В.Луначарским и просит его содействия в разрешении ситуации, сложившейся после инцидента в поезде Баку — Москва.

Событие устанавливается по воспоминаниям А.В.Луначарского (см. ниже). Датируется на основе календарной записи С.А.Толстой-Есениной от того же числа: «К Луначарск<ому>» (НН, 1995, № 34, с. 65).

Выступая на диспуте в Коммунистической академии с докладом «Упадочное настроение среди молодежи» (13 февр. 1927), А.В.Луначарский скажет:

«Есенин был человеком с очень нежной душой, чрезвычайно подвижной, очень легко откликающейся на всякие прикосновения внешней среды, и, как это у художника и должно быть, кроме этой необыкновенной нежности и впечатлительности душевной, он имел талант чрезвычайно точно и свежо, по-своему, эти свои, столь быстро возникавшие и изменявшиеся настроения передавать. <...> И как такой чувствительный манометр того, что происходит вокруг, он был достаточно замечателен, хотя сфера влиявших на него

явлений была сравнительно узка. Как мастер слова, он уже, несомненно, представлял собой выдающееся явление. <...>

...перехожу к <последнему> периоду жизни и творчества Есенина. Есенин стал ощущать, что у него не только трясутся руки, болит голова, не только чувствовал, что он стареет, и что не только всё ему надоело, перестало доставлять радость, но что меркнет и его талант, меркнет, как потухающая лампа, в которой нет керосина. И тогда он испугался и — взмолился к окружающим. Он бывал у многих наших товарищей, он был и у меня. Он просил, чтобы его выручили <...>. Как сейчас вижу перед собой Есенина с его прекрасным лицом, с испуганными синими глазами <...>.

Незадолго до своей смерти он пришел ко мне, рассказал, как он обругал в пьяном виде курьера из Наркоминдела и говорил: “Что поделаешь, знаю, что он милый человек. Я считаю, что я сам неплохой человек, но когда я пьян, я ничего не понимаю, я не помню, что говорил. А уже был судебный процесс, ославили меня на всю Россию антисемитом <см.: 10 дек. 1923, вторая запись; 13 дек. 1923, вторая запись>. Теперь опять в суд зовут. А я просто не могу еще оторваться от этой подлой водки”. И лицо у него было искаженное, бледное и бесконечно искреннее.

Сб. «Упадочное настроение среди молодежи: Есенинщина», М.: изд. Комакадемии, 1927, с. 31–32, 35–36.

См.: 6 сент. 1925, вторая запись; 8 сент. 1925, вторая запись; 17 сент. 1925, вторая запись; 3 окт. 1925, третья запись; 15 окт. 1925, вторая запись; 17 окт. 1925, первая запись; 19 окт. 1925, первая запись; 21 окт. 1925, пятая запись; 27 окт. 1925, восьмая запись; 28 окт. 1925, третья запись; 29 окт. 1925, первая и вторая записи; 12 нояб. 1925, первая и вторая записи; около 20 нояб. 1925.

Газета «Новая шанхайская жизнь» (№ 8) перепечатывает статью Г. Лелевича «В преддверии литературного сезона» с упоминанием имени Есенина.

Об исходной публикации см.: 24 сент. 1925, третья запись.

См. также: до 16 окт. 1925.

Ноябрь, 12. А.В.Луначарский пишет судье В.С.Липкину:

«Народному Судье т. Липкину

Дорогой товарищ.

На В<ашем> рассмотрении имеется дело о “хулиганском поведении” в нетрезвом виде известного поэта Есенина.

Есенин в этом смысле больной человек. Он пьет, а пьяный перестает быть вменяемым.

Конечно, его близкие люди позаботятся о том, чтобы происшествия, подобные данному, прекратились.

Но мне кажется, что устраивать из-за ругани в пьяном виде, в котором он очень раскаивается, скандальный процесс крупному советскому писателю не стоит. Я просил бы Вас поэтому дело, если это возможно, прекратить.

Нарком А. Луначарский».

Письма, 365.

См.: 6 сент. 1925, вторая запись; 8 сент. 1925, вторая запись; 17 сент. 1925, вторая запись; 3 окт. 1925, третья запись; 15 окт. 1925, вторая запись; 17 окт. 1925, первая запись; 19 окт. 1925, первая запись; 21 окт. 1925, пятая запись; 27 окт. 1925, восьмая запись; 28 окт. 1925, третья запись; 29 окт. 1925, первая и вторая записи; 11 нояб. 1925, вторая запись; 12 нояб. 1925, вторая запись; около 20 нояб. 1925.

См. Приложение.

И.Вардин обращается с письмом к судье В.С.Липкину, присоединяясь к просьбе А.В.Луначарского прекратить дело, возбужденное по заявлению А.М.Рога:

«Народному судье т. Липкину.

Ув<ажаемый> товарищ! В дополнение к сказанному т. А.В.Луначарским сообщая Вам, что поэт Есенин в настоящее время находится под наблюдением Кремлевской больницы. На днях его освидетельствовал консилиум больницы <см.: 28 окт. 1925, первая запись>.

В ближайшие дни Есенин будет помещен в одну из лечебниц <см.: 26 нояб. 1925, первая запись>.

Присоединяясь целиком к мнению А.В.Луначарского, со своей стороны подчеркиваю, что антисоветские круги, прежде всего эмиграция, в полной мере использует суд над Есениным в своих политических целях.

С коммунистическим приветом / Ил. Вардин. / 12/XI—1925».

Письма, 366.

См.: 6 сент. 1925, вторая запись; 8 сент. 1925, вторая запись; 17 сент. 1925, вторая запись; 3 окт. 1925, третья запись; 15 окт. 1925, вторая запись; 17 окт. 1925, первая запись; 19 окт. 1925, первая запись; 21 окт. 1925, пятая запись; 27 окт. 1925, восьмая запись; 28 окт. 1925, третья запись; 29 окт. 1925, первая и вторая записи; 11 нояб. 1925, вторая запись; 12 нояб. 1925, первая запись; около 20 нояб. 1925.

См. Приложение.

Дело будет прекращено уже после смерти Есенина — 12 янв. 1926 г. (Есенин, VII (2), 468).

Гостем супругов Есениных становится И.И.Уваров, приехавший из Ленинграда.

Отмечается по календарной записи С.А.Толстой-Есениной от того же числа: «Приех<ат> Увар<ов>» (НН, 1995, № 34, с. 65).

Есенин вместе с женой и В.Ф.Наседкиным смотрят кинофильм «Крест и маузер» производства «Госкино».

Отмечается по календарной записи С.А.Толстой-Есениной от того же числа: «С Наседк<иним> “Крест и маузер”» (НН, 1995, № 34, с. 65).

Режиссер картины — В.Гардин, сценарист — Л.Никулин; в главных ролях — Н.Кутузов, Н.Рогожин, Нина Ли. В те дни фильм шел в кинотеатрах «АРС», «1-е Госкино», «2-е Госкино» (выявлено Н.М.Солобай). В каком именно из этих кинотеатров побывал тогда Есенин и его спутники, неизвестно.

П.И.Чагин пишет Есенину из Баку:

«Дружище Сергей,

пребываю в одиночестве и некотором обалдении. Что от тебя ни слуху ни духу?

На меня не сердись, присылку стихов возобнови, начну опять печатать. Сейчас целиком влез в работу. Мотаюсь зверски. Через месяц-полтора попаду в Москву.

Пиши. Привет Софье Андревне и всем, кто этого заслуживает.

Жму лапу».

Письма, 299.

В.И.Эрлих пишет Есенину из Ленинграда:

«Хорош! Трое суток пробыть в Питере <см.: 3–6 нояб. 1925> и не зайти, не известить! Адрес забыл, знаю. Но ведь тот же Садофьев мог сказать! Но ведь в каждой приличной лавке имеется адресная книга! Эх! А ко мне до сих пор шляются поэты всех возрастов и национальностей с требованием показать тебя. Вчера выгнал последнего и вывесил на двери аншлаг: Есенин в Москве и принимает от 11-ти до 1 ч.

Видел Анну Ивановну <Сахарову> и узнал, что выглядишь ты неплохо и пишешь стихи. Что еще надо поэту! Только пиши, родной, время от времени письма тоже. Ась?

Я здоров. Вновь неженат. Вышла пара книжек, которые несут мне деньги и уважение, выходит книжка стихов, которая, по всей вероятности, не принесет мне ни того, ни дру-

гого. Питер надоел до озверения. 1-го выкатываюсь на несколько недель в Царское на покой и на стихи.

Будь здоров, милый, и песни хоть рюмочку. Целую тебя. Софье Андреевне — ручку». Письма, 299–300.

Имеются в виду детские книжки Эрлиха «О ленивом Ваньке и его шенке: (Сказка в стихах)» и «В деревне» (обе помечены уже 1926-м годом) и книга стихов «Ноябрь», сверстанная еще в 1924 г. (верстка — в РГАЛИ), но так и не увидевшая свет.

Газета «Вечерняя Москва» (№ 258; рубрика «Хроника литературы и искусства») помещает информацию с упоминанием Есенина:

«В издательстве “Пролетарий” готовится к печати литературно-художественный альманах “Пролетарий” под ред. <акцией> Вяч. Полонского. В альманахе участвуют: Н.Асеев, Б.Пастернак, Вл. Лидин, А.Новиков-Прибой, А.Безыменский, Б.Пильняк, С.Есенин и мн. <огие> др. <угие>».

Воспроизведение этой заметки см. также в журн. «Жизнь искусства» (Л., 1925, № 47).

Альманах «Пролетарий» (кн. 1) вскоре выйдет в свет в Харькове, но без стихов Есенина.

Ноябрь, 12–13. Есенин работает над поэмой «Черный человек».

Рамки событий устанавливаются по датировочной помете С.А.Толстой-Есениной на последнем листе белого автографа («Записано и закончено 12 и 13 ноября 1925 г. Москва») и по календарным записям С.А.Толстой-Есениной:

«12 ноября. “Черн<ый> челов<ек>”.

13 ноября. Конч<ил> “Черн<ого> чел<овека>”.

НН, 1995, № 34, с. 65.

В 1940 г. С.А.Толстая-Есенина напишет:

«В ноябре 1925 г. редакция журнала “Новый мир” обратилась к Есенину с просьбой дать новую большую вещь. Новых произведений не было, и Есенин решил напечатать “Черного человека”. Он работал над поэмой в течение двух вечеров 12 и 13 ноября. Рукопись испещрена многочисленными поправками. Лица, слышавшие поэму в его чтении, находили, что записанный текст короче и менее трагичен, чем тот, который Есенин читал раньше.

Говоря об этой вещи, он не раз упоминал о влиянии на нее пушкинского “Моцарта и Сальери”».

Восп., 2, 263.

В.Ф.Наседкин вспомнит:

«Осенью Есенин закончил “Черного человека” и сдавал последние стихи в Госиздат для собрания сочинений. <...>

Над “Черным человеком” Есенин работал два года. Эта жуткая лирическая исповедь требовала от него колоссального напряжения.

То, что вошло в собрание сочинений, — это один из вариантов. Я слышал от него другой вариант, кажется, сильнее изданного. К сожалению, как и последние три зимних стихотворения, этот вариант “Черного человека”, по-видимому, записан не был. И вообще, сочиняя стихи, Есенин чаще заносил на бумагу уже совсем готовое, вполне сложившееся, иногда под давлением необходимости сдавать в журналы».

Восп., 2, 308, 309.

С.А.Толстая-Есенина в беседе с Ю.Л.Прокушевым скажет:

«Как это ни странно, но мне приходилось, к сожалению, слышать и даже у кого-то читать, что “Черный человек” писался чуть ли не в состоянии опьянения, в каком-то бреде. <...> Взгляните еще раз на этот черновой автограф. Как жаль, что он не сохранился полностью. Ведь “Черному человеку” Сергей отдал так много сил».

Прокушев Ю. Они знали Есенина. Из встреч с современниками поэта // День поэзии 1975, М.: Сов. писатель, 1975, с. 200.

Сохранившийся черновой автограф является одной из редакций заключительной части текста, строки 101–126, 143–158, начиная со слов «Приподняв свой цилиндр / И откинув небрежно сюртук...», без заглавия, подписи и даты. Существовал ли полный черновой автограф поэмы, записанный в ноябре 1925 г., неизвестно. Можно предположить, что при окончательной отделке созданного два года назад произведения Есенин особое внимание уделил переработке его заключительной части.

В словесном автографе с авторской правкой текст поэмы разделен на две части: после десятой строфы проставлена отбивка звездочками, которая затем зачеркнута вместе с одиннадцатой строфой, не вошедшей в окончательный текст: «Друг мой, друг мой, / Я знаю, что это бред <...>». В процессе написания сделаны мелкие поправки и существенно переработаны строки:

Вся [деревня на] равнина покрыта
Сыпучей и мягкой известкой
И как всадники съехались
Яблони в нашем саду.

Есенин зачеркнул слова «съехались» и «яблони» и вписал «деревья» и «съехались»:

И деревья, как всадники,
Съехались в нашем саду.

Автограф выполнен четким и ровным почерком, в нем имеются пометы «галочками» против шестой и после семнадцатой строф, которыми автор указал намеченные им дальнейшие изменения текста, зафиксированные в списках С.А.Толстой-Есениной.

См. подробнее: Шубникова-Гусева, 496–500.

См. Приложение.

С.А.Толстая-Есенина делает по указанию мужа списки текста поэмы «Черный человек».

Всего сохранилось шесть списков, последовательность исполнения которых установлена по имеющимся в них изменениям текста. Первый список имеет помету С.А.Толстой-Есениной: «Переписано с первоначального черновика. Исправления (вставка и слитие строк) сделаны по приказанию Сергея. С. Е.». Второй также помечен С.А.Толстой-Есениной: «Было проверено С.А.Есениным». Три следующих списка сделаны для печати.

Подробнее см.: Шубникова-Гусева, 500–504.

См. Приложение.

См. также: окт. (?) – дек. (?) 1922; янв. (?) – февр. 1923; март – июль 1923; апр. 1923, третья запись; после 22 авг. 1923, четвертая запись; 14 февр. – 9 марта 1924, вторая запись; 3–6 нояб. 1925, вторая и третья записи; 7 ... 11 (?) нояб. 1925, первая запись; 13–14 нояб. 1925; 14 нояб. 1925, первая и вторая записи.

Ноябрь, 13–14. Есенин завершает подготовку рукописи «Черного человека» к печати.

Дата определяется по помете С.А.Толстой-Есениной в шестом списке поэмы «13 и 14 ноября 1925 г.» (частный музей «Сергей Александрович Есенин» П.Н.Пропалова в Вязьме). В этом списке впервые появляются интонационные знаки препинания, воспроизведенные при публикации поэмы в журнале «Новый мир»: многоточия в строках 26-й и 87-й: «Черный человек / Черный, черный...» и «Ночь морозная...», а также восклицательные знаки в 120-й и 144-й: «Ах, люблю я поэтов, / Забавный народ!», «Ты — прескверный гость!» и тире в 144-й и в заключительной, 158-й строке: «И — разбитое зеркало...».

Подробнее см.: Новое о Есенине, 3, 495–496.

См. также: окт. (?) – дек. (?) 1922; янв. (?) – февр. 1923; март – июль 1923; апр. 1923, третья запись; после 22 авг. 1923, четвертая запись; 14 февр. – 9 марта 1924, вторая запись; 3–6 нояб. 1925, вторая и третья записи; 7 ... 11 (?) нояб. 1925, первая запись; 12–13 нояб. 1925; 14 нояб. 1925, первая и вторая записи.

Ноябрь, 14. Есенин посещает издательство «Современная Россия» и редакцию журнала «Журналист» и сдает в печать поэму «Черный человек».

События устанавливаются по календарным записям С.А.Толстой-Есениной от того же числа:

«14 ноября. Сдан “Черн<ый> чел<овек>”»;

«В “Совр<емennую> Росс<ию>”. “Журналист”».

НН, 1995, № 34, с. 65.

Читает завершённую поэму «Черный человек» С.А.Толстой-Есениной.

Событие и его дата фиксируются по ее позднейшей дневниковой записи (14 нояб. 1932):

«Семь лет тому назад в этот вечер (14) он <Есенин> кончил “Черного человека”, пришел ко мне на диван, прочел его мне...»

НН, 1995, № 34, с. 68.

«14 ноября 1925» — так датирована поэма в вышедшем в свет третьем томе подготовленного Есениным Собрания стихотворений.

См. также: окт. (?) – дек. (?) 1922; янв. (?) – февр. 1923; март – июль 1923; апр. 1923, третья запись; после 22 авг. 1923, четвертая запись; 14 февр. – 9 марта 1924, вторая запись; 3–6 нояб. 1925, вторая и третья записи; 7 ... 11 (?) нояб. 1925, первая запись; 12–13 нояб. 1925; 13–14 нояб. 1925.

Вместе с женой Есенин смотрит американский кинофильм «Грозный час». Затем отправляется в мастерскую Г.Б.Якулова.

События устанавливаются по календарным записям С.А.Толстой-Есениной от того же числа:

«Кино “Грозный Час”. У Якул<ова>».

Календарь GMT. В публикации (НН, 1995, № 34, с. 65) — ошибка в названии кинокартины («Трудный час»).

Кинокартина «Грозный час» (в оригинале — «Flowing Gold», 1924) была снята режиссером Жозефом Де Грассе по мотивам одноименного романа Рекса Бича (1922); в главных ролях — Анна Нильсон и Милтон Силс. 14 ноября ее показ прошел в нескольких московских кинотеатрах — «Горн», «Кино-Колосс», «Мраморное кино» (выявлено Н.М.Солобай). В каком из них побывал тогда Есенин, не установлено.

Ноябрь, 15. Есенин встречается с П.А.Радимовым, И.И.Уваровым, А.М.Сахаровым, В.Ф.Наседкиным. Навещает И.М.Касаткина. Посещает ресторан «Прага».

События отмечаются по календарным записям С.А.Толстой-Есениной от того же числа:

«Р<а>д<имов>. Увар<ов>. Сахар<ов>. Наседк<ин>. У Касаткина. В Праге».

НН, 1995, № 34, с. 65.

Газета «Комсомольская правда» (№ 146) публикует статью М.Рудермана «По литературной провинции: Обзор областных “литературных гнезд”», где заходит речь о Есенине:

«Творчество русской секции <“ГАРТа”> неоднородно: есть товарищи, пишушие под Есенина и Казина, есть и такие, которые еще не вышли из-под ига Пастернака и Асеева и всюю увлекаются техницизмом (Волосович, Мадиевский). <...>

Более отрадную жизнь представляет литературная жизнь Ростова. В Ростовской ассоциации пролетарских писателей есть и несомненно способный народ. <...> Способный эпигон Есенина Г.Бороздин знакомит читателя со строительством новой деревни и крестьянским бытом. Отголоски настроений богемы постепенно исчезают в его творчестве, сменяясь крепкими черноземными мотивами».

«ГАРТ» (укр. букв. «закалка») — Союз украинских пролетарских писателей (1923—1925), членами которого были, в частности, писавшие на родном языке поэты В.Сосюра, П.Тычина, М.Хвильовой. Сведения об упомянутых М.Рудерманом членах русской секции этой организации не выявлены.

Ноябрь, 15 (?) ... 25. Последняя встреча Есенина с А.В.Луначарским.

Устанавливается по воспоминаниям Н.А.Луначарской-Розенель (см. ниже); датируется ориентировочно с учетом сведений о предыдущих событиях (см.: 11 нояб. 1925, вторая запись; 12 нояб. 1925, первая запись; 12–14 нояб. 1925) и дня госпитализации Есенина (см.: 26 нояб. 1925, первая запись).

Мемуарист пишет:

«Перед отъездом за границу осенью 1925 года Луначарский встретился с Есениным в последний раз в мастерской художника Георгия Богдановича Якулова. Есенин был в состоянии мрачной, пьяной, безнадежной тоски и произвел на Анатолия Васильевича гнетущее впечатление».

Луначарская-Розенель Н.А. Память сердца: Воспоминания, М.: Искусство, 1962, с. 52.

Ноябрь, до 16. В дневнике Г.А.Бениславской появляется запись о Есенине.

Граница события устанавливается с учетом даты следующей ее записи — 16/XI (Материалы, 115). Г.А.Бениславская пишет:

«Прошло, по-моему, много, много лет. Опять пишу, но по-другому. Не для того, чтобы поделиться, а для того, чтобы себе на память записать. Чтобы никогда не забыть. Я себя знаю, хорошее я помню лучше, чем плохое, но это плохое надо оставить, это я не хочу забыть. Думаю, что это и не забывается. Это — последняя глава первой части. Авось на этом моя романтика кончится. Пора уж.

Сергей — хам. При всём его богатстве — хам. Под внешней вылощенной манерностью, под внешним благородством живет хам. А ведь с него больше спрашивается, нежели с какого-либо простого смертного. Если бы он ушел просто, без этого хамства, то не была бы разбита во мне вера в него. А теперь — чем он для меня отличается от Приблудного? — такое же ничтожество, так же атрофировано элементарное чувство порядочности: вообще он это искусно скрывает, но тут в гневе у него прорвалось. И что бы мне Катя ни говорила, что он болен, что это нарочно, — всё это ерунда. Я даже нарочно такой не смогу быть. Обозлился на то, что я изменяла? Но разве не он всегда говорил, что это его не касается? Ах, это было всё испытание?! Занятно! Выбросить с шестого этажа и испытывать, разобьюсь ли?! Перемудрил! — Конечно, разбилась! А дурак бы заранее, не испытывая, знал, что разобьюсь. Меня подчинить нельзя. Не таковская! Или равной буду, или голову себе сломаю, но не подчинюсь. Сергей понимал себя, и только. Не посмотрел, а как же я должна реагировать — истории с Ритой, когда он приводил ее сюда и при мне всё это происходило, потом, когда я чинила после них кровать (после Крыма). Всегдашнее — “я, как женщина, ему не нравлюсь” и т. п. И после всего этого я должна быть верной ему? Зачем? Чего ради беречь себя? Так, чтобы это льстило ему? Я очень рада встрече с Л. Это единственный, кто дал мне почувствовать радость, и не только физически, радость быть любимой. Ведь Покровский — это только самообман. Мне нужен был самообман, я внушала себе, и всему, что я должна была скрывать от Сергея, я могла давать волю с Покровским. И только Л. был настоящим. Мне и сейчас дорого то безрассудство. Но это всё равно. Пускай бы Сергей обозлился, за это я согласна платить. Мог уйти. Но уйти так, считая столы и стулья — “это тоже мое, но пусть пока остается”, — нельзя такие вещи делать и...

Теперь спокойнее: всё предыдущее верно. Почему случилось — знаю. Что свое дело сделали и зима (Л.), и клевета, и даже клевета сделала больше, чем то, что было на самом деле, — факт. Сергею трудно было не взбеситься, и не в силах был он оборвать это красиво; конечно, то грубое, что в нем где-то было, всё это всплыло при усиленных стараниях Наседкина, и Сахарова, и Анны Абрамовны. Всё это, конечно, было болезненно, и должно было обозлить его. Но как же он не вспомнил двух вещей — первое: всё то, как он оскорблял меня, начиная с того дня, как он не мог ехать за город со мной (“болел был”) и потом поехал в Петровский парк с Миклашевской, и весь цикл оскорблений и унижений меня. Лейтмотив, появившийся, правда, позднее — “как женщина не нравлюсь”. Дура я была бы после этого покорно склоняться со своей верностью, и всё же до Л., даже “изменяя”, вернее, уходя от Сергея физически, я была ему верна, я всегда избегала людей, чем-либо интересных мне (избегала подсознательно). Я знала, что такой, как Покровский, ничего не может отнять во мне из того, что отдано Сергею, и Покровскому я ничего не отдавала, там я брала только ту теплоту и ласку, которые мне нужны были как воздух. Единственная измена — Л. Этой зимой я поняла, что если Сергея я люблю больше всего, больше, чем себя самоё, то всё же к Л. у меня не только страсть. Боже мой, ведь Сергей должен был верить мне и хоть немного дорожить мной, я знаю — другой такой, любившей Сергея не для себя самой, другой он не найдет; и Сергей не верил, швырялся мной. И если я не смогла отдать Сергею всё совсем, если я себя как женщину не смогла бросить ему под ноги, не смогла сломать свою гордость до конца — то разве ж можно было требовать это от меня, ничего не давая мне?»

Материалы, 113–115.

Ноябрь, до 16 ... 30. В Госиздате РСФСР выходит второе издание книги В.Е.Евгеньева-Максимова «Очерк истории новейшей русской литературы: Этюды и характеристики», где заходит речь о Есенине.

Кн. летопись, 1925, № 22, нояб., поз. 19391.

О первом издании книги см.: конец февр. ... до 16 марта 1925.

Ноябрь, 16. Есенин встречается с П.А.Радимовым, И.И.Уваровым, А.М.Сахаровым. Вечером навещает Б.Пильняка и заходит в Дом Герцена.

События отмечаются по календарным записям С.А.Толстой-Есениной от того же числа:

«Р<а>дим<ов>. Увар<ов>. Сахар<ов>. Веч<ером> С<ергей> — у П<ильня>ка и С. Пис.».

Календарь GMT.

В журнальной публикации (НН, 1995, № 34, с. 65) словосокращение «С. Пис.» раскрыто без оговорок как «Ст. Писахова». Однако вряд ли это соответствует действительности, так как в источнике стоит не «Ст.», а «С.». Более вероятно, что «С. Пис.» означает здесь «С<оюз> Пис<ателей>» (или Дом Герцена), при котором был ресторан, нередко посещаемый Есениным (см., напр.: 22 нояб. 1925, первая запись, с. 22 на 23 дек. 1925 и др.).

Г.А.Бениславская записывает в дневнике:

«Никак не могу разобраться, может, на бумаге легче будет. В чем дело? Отчего такая дикая тоска и такая безвыходная апатия ко всему? Потому ли, что я безумно устала, бесконечно устала? Или что нет со мной Сергея? Или потому, что потеряла того, прежнего Сергея, которого любила и в которого верила, для которого ничего было не жаль? Первое — устала, и нет сил начинать жить заново. Именно — начинать. Если начну — тогда уже не страшно. Я себя знаю. Чего захочу — добьюсь. Но вдобавок не знаю, чего захочу.

Ведь с главным капиталом — с моей беззаветностью, с моим бескорытием — я оказалась банкротом. Я думала, что может дать радость. Оказалось, лишь сожаление о напрасно растраченных силах и сознание, что это никому не нужно было, раз на это так наплевали, тем более что не знаю, стоил ли Сергей того богатства, которое я так безрассудно затратила. Ведь с тем зарядом, который был во мне, я без всяких усилий получала от жизни больше, чем хотела. Сколько же я могла получить и одновременно с этим дать другим, если бы не отдала почти до последней капли всё для Сергея. Ведь всё мне давалось легко, без тяжелых и упорных раздумий о том, как бы добиться. А Сергеем вряд ли нужна была я. Я думала, ему, правда, нужен настоящий друг, человек, а не собутыльник. Человек, который для себя ничего не должен требовать от Сергея (в материальном плане, конечно). Думала, что Сергей умеет ценить и дорожить этим. И никогда не предполагала, что благодаря этому Сергей перестанет считать себя со мной и ноги на стол положить. Думала, для него есть вещи ценнее ночлега, вина и гонорара. А теперь усумнилась. <Следующий за этим фрагмент текста см.: 10 сент. 1925, первая запись>. А о том, чтобы считаться со мной, — он просто не задумывался. А я сейчас никак не могу переварить такие штуки. Ведь, в конце концов, я не хуже его. Вернее, даже лучше. И если раньше я думала, что даю ему то ценное, что есть во мне, и поэтому была кроткой и снисходительной, то сейчас я дорожу своим спокойствием больше, чем его. То, что было, было не потому, что он известный поэт, талант и т. п. Главное было в нем как в личности — я думала, — что он хороший (в моем понимании этого слова). Но жизнь показала, что ни одного “за” нет и, наоборот, тысячи “против” этого. Иногда я думаю, что он мещанин и карьерист, причем удача у него так тесно переплелась с неудачей, что сразу не разберешь, насколько он неудачлив. Строил себе красивую фигуру (по Пушкину), и всё вышло так убийственно некрасиво — хулиганство и озорство вылились в безобразные, скотские скандалы, за которыми следует трусливое ходатайство о заступничестве к Луначарскому <см.: 11 нояб. 1925, первая запись> (а два года назад <четыре года назад, в период имажинизма> Сергей ему не подал руки); белая горячка <см.: 5 дек. 1925, третья запись> и т. п.

Поехал в мировое путешествие с Дункан — теперь его знают там и пишут во франц<узских> и немец<ких> газетах о том, что спутник танцовщицы теперь медленно спивается в Москве.

Наконец, погнался за именем Толстой — все его жалеют и презирают: не любит, а женился — ради чего же, напрашивается у всех вопрос; и для меня эта женитьба открыла глаза: если она гонится за именем, быть может, того не подозревая, то они ведь квиты. Если бы в ней чувствовалась одаренность, то это можно иначе толковать. Но даже она сама говорит, что, будь она не Толстая, ее никто не заметил бы даже. Сергей говорит, что он жалеет ее. Но почему жалеет? Только из-за фамилии. Не пожалел же он меня. Не пожалел Вольпин, Риту и других, о которых я не знаю. Он сам себя обрекает на несчастья и неудачи. Ведь есть кроме него люди, и они понимают механизм его добывания славы и известности. А как много он выиграл бы, если бы эту славу завоевывал бы только талантом, а не этими способами. Ведь он такая же б... как француженки, отдающиеся молочнику, дворнику и пр<очим>. Спать с женщиной, противной ему физически, из-за фамилии и квартиры — это не фунт изюму. Я на это никогда не смогла бы пойти. Я не знаю, быть может, это вино вытравило в нем всякий намек на чувство порядочности. Хотя, судя по Кате, эта расчетливость в нем органична. Ну, да всяк сам свою судьбу заслуживает. Так же, как и я своей дуростью и глупым самопожертвованием заслужила. И я не знаю, отчего у меня злость на него — оттого, что я обманулась в нем, идеализировала, его игру в благородство приняла за чистую монету, и за эту фальшивую монету я отдала всё самое во мне хорошее и ценное? И поэтому я сейчас не могу успокоиться; мне хочется до конца

вывести Сергея на чистую воду, со всей его трусостью, и после этого отпустить его с миром или же (есть внутри где-то такая малюсенькая “надежочка”) чтоб он смог доказать мне обратное, убедить, что мое прежнее мнение о нем было верно».

Материалы, 115–117, 120.

В парижской газете «Звено» (№ 146) — «Литературные беседы» Г.Адамовича, вторая часть которых целиком посвящена Есенину:

«Вместе со стихами Тихонова почти в каждом советском журнале находишь стихи Есенина. Это два излюбленных советских соловья.

Об Есенине мне приходилось говорить в “Звене” несколько раз <см.: 11 авг. 1924; 26 янв. 1925, пятая запись; 28 сент. 1925; 5 окт. 1925, первая запись>. Но я хочу теперь подчеркнуть следующее.

Многочисленные поклонники Есенина теперь наперебой восхищаются его новоявленной “простотой”. После имажинистических изощрений Есенин принялся писать, как Кольцов. И о чем писать! О родных полях, о березках, о нивах, о своей нежности к ним.

Простота — вещь хорошая. Лучшее ее свойство в том, что она исключает возможность художественного обмана. Пока Есенин был имажинистом и сочинял стихи неуклюжие, невразумительные и бессмысленные, дело было не так очевидно. Теперь он не пишет больше о “соломенном молоке ржи”, о “кровавой пятерне заката” — он называет вещи их общепринятыми именами. Это надо приветствовать, за это надо благодарить всегда, безоговорочно. Но Есенин, в новой своей манере, вывел сам себя на чистую воду. Это слабый поэт, с коротким голосом, с короткой памятью, сплошь и рядом принимающий мимолетное пустое умиление за “вдохновение”. Это теперешняя простота — кислая, плаксивая, вялая.

Словно жаль кому-то и кого-то
Словно кто-то к родине отвык...

Это очень похоже на очень дурного юношеского Блока, на самые серые стихи какого-нибудь восьмидесятнического журнала.

Говорят: “Есенин имеет право быть таким, после всего, что он русской поэзии дал”.

Но ничего русской поэзии Есенин не дал. Нельзя же считать вкладом в нее “Исповедь хулигана” или стихотворного “Пугачева”. То, что пишет Есенин сейчас, чуть-чуть лучше былых его произведений, но только потому, что в новых его стихах меньше мишуры. Безотносительно же — это до крайности скудная поэзия, жалкая и беспомощная.

В русской поэзии был недавно героический период: Брюсов, Анненский, Гиппиус, Сологуб и еще несколько поэтов. Называйте этот период декадентским или эстетическим — как угодно. Но это был период высокого подъема. Подлинно, в эти годы в искусстве мелькнули берега какой-то новой Америки. Нельзя безнаказанно забыть всё это, ликвидировать и опять шамкать:

Словно жаль кому-то и кого-то».

Ноябрь, до 17 или 17. Есенин делает в календаре жены памятную запись:

«позировать / в 2 часа».

Есенин, VII (2), 194.

Кому и где должен был позировать поэт 17 нояб. 1925 г., не установлено.

Ноябрь, 17. Есенин встречается с П.А.Радимовым и И.М.Касаткиным.
См. две след. записи.

Дарит П.А.Радимову книгу «Персидские мотивы» с надписью:
«Милому Паше / Радимову / земляк друг / поэт С. Есенин».

Есенин, VII (1), 277, 491–492.

См. также: после 2 марта 1925, вторая запись; 22 апреля 1925, первая запись; до 26 мая 1925; 26 мая 1925; после 26 мая 1925; 29 мая ... 6 июня, или 10 июня ... 9 июля, или 16 ... 25 июля 1925; конец июня — 7 (?) июля 1925, первая запись; 1 ... 22 июля 1925; 3 (?) июля 1925; 4 июля 1925, вторая запись; 20 июля 1925, первая запись; до 24 июля 1925, первая запись; 31 июля 1925, вторая запись; после 6 сент. 1925, первая запись; 24 сент. 1925, четвертая запись; 17 нояб. 1925, третья запись; 20 нояб. 1925; 21 нояб. 1925, первая запись; нояб. (?) 1925, четвертая запись.

Надписывает И.М.Касаткину другой экземпляр той же книги:
«Другу навеки, / Учителю дней / юных, товарищу / в жизни Ив. Касаткину / любящий С. Есенин».

Есенин, VII (1), 276, 491.

И.М.Касаткин расскажет про обстоятельства получения этого инскрипта в письме И.Вольнову (16 янв. 1926):

«Почти накануне отъезда <ошибка памяти> он <Есенин> был с женою у меня в гостях, мы выпили, он мило плясал, помахивая платочком, и на последней своей книжке написал мне: <следует текст дарственной надписи>».

Миокин М. Есенин и Вольнов: (По неопубл. материалам). — Газ. «Орловский комсомолец», 1957, 13 июля, № 137.

См. Приложение.

См. также предыд. запись.

Ноябрь, до 18. Набрасывает варианты афиши своего выступления в Политехническом музее:

«Политехнический музей

Число №

СЕРГЕЙ ЕСЕНИН

ВЕЧЕР СТИХОВ

Отделение первое

АННА СНЕГИНА

ПЕРСИДСКИЕ МОТИВЫ

Отделение второе

НОВЫЕ СТИХИ».

«Автограф выполнен на бланке редакции газеты “Бакинский рабочий” карандашом. Первый лист представляет собой основной текст. Обрат сторона и лл. 2 и 2 об. исписаны: “Политехнический музей”, “С.Есенин”, “Есенин”, различными цифрами и буквами “400”, “200”, “700 р.” и др. Вероятно, это подсчет возможных доходов от вечера или затрат. <...> Вечер, планировавшийся Есениным, не состоялся».

Есенин, VII (2), 563, 611–612.

На другом бланке «Редакция газ. “Бакинский рабочий”» Есенин делает ряд помет, очевидно, связанных с тем же проектом, среди которых — помета «18 числа» (Есенин, VII (2), 193).

Ноябрь, 18. Ленинградская «Новая вечерняя газета» (№ 208; рубрика «Как живет писателям») публикует ответ Есенина на вопрос «Каково ваше материальное положение?»»

«Комиссия по улучшению правового и материального положения писателей разослала анкету с 50 вопросами, касающимися условий, в которых протекает работа писателя.

Каково ваше материальное положение?

С этим вопросом обратился наш сотрудник к целому ряду известных писателей.

Были получены следующие ответы:

Сергей Есенин (поэт).

“Хотелось бы, чтобы писатели пользовались хотя бы льготами, предоставляемыми советским служащим.

Следует удешевить писателям плату за квартиру. Помещение желательно пошире, а то поэт приучается видеть мир только в одно окно”».

Есенин, V, 233, 526.

О времени получения газетой этого ответа см.: 3–6 нояб. 1925, шестая запись.

Льготы для советских служащих определялись тогда постановлениями Совета Народных Комиссаров. Так, например, для инженерно-технических работников постановление СНК от 25 августа 1921 г. предусматривало «максимально возможное повышение уровня денежной и натуральной оплаты на основе прожиточного минимума... надлежащие жилищные условия... с правом на дополнительную комнату для домашних занятий...» (Систематическое собрание законов РСФСР, действующих на 1-е января 1928 г. 7 ноября 1917 г. — 31 декабря 1927 г. Т. I. М., 1928, с. 891).

Вслед за ответом Есенина газета поместила ответы Ю. Либединского, В. Вересаева, А.л. Вознесенского, И. Бабеля, Демьяна Бедного.

В. Вересаев, в частности, высказывает пожелание:

«Хотелось бы, чтобы писателей уравнили в правах с рабочими и служащими и работу их признали бы не менее полезной, чем достижения рабочего производительного труда. То, что профессия писателя приравнена к вольной профессии, создает многие неудобства, хотя бы в смысле квартирной платы и т. д.».

Ответ И. Бабеля:

«Обычно распространено мнение: какой бы высокий гонорар ни получали писатели, но если не халтурить, то жить нельзя. Если писать очень долго, очень медленно, когда действительно есть что сказать, — то производительность невелика. Но странная вещь! Многие из писателей, начавших халтурить, потеряли, так сказать, свой удельный вес, их новые произведения отличаются легковесностью. Известно, что иногда фунт хорошего товара дороже, чем пуд товара среднего качества. Я не халтурую, поэтому, может быть, я зарабатываю больше, чем другие. Я бы крикнул клич: “Товарищи-писатели, не халтурьте, вы теряете время и заработок!”».

Реплика Демьяна Бедного:

«До сих пор ни на одну анкету не отвечал. А вообще говоря — жаловаться мне не на что».

Есенин, V, 527.

Ноябрь, 19. Есенин открывает счет № 6356 в центральном отделении Московского городского банка и вносит на этот счет 600 рублей.

Есенин, VI, 740.

Эта сумма фиксируется в «Расчетной книжке по бесчековому текущему счету», выписанной на его имя (ИМЛИ, ф. 32, оп. 2, ед. хр. 22). В своих записках из клиники поэт будет называть этот документ «банк-книжкой» (см., напр.: 7 ... 13 дек. 1925).

См. также: 25 нояб. 1925, первая запись; 27 нояб. 1925, третья запись; 14 дек. 1925, вторая запись; после 14 часов 21 дек. 1925, первая запись.

См. Приложение.

Ноябрь, 20. Есенин делает дарственную надпись Вс. Иванову на книге «Персидские мотивы»:

«Другу Всеволоду С любовью по гроб Сергей».

Есенин, VII (1), 278, 492.

См. также: после 2 марта 1925, вторая запись; 22 апр. 1925, первая запись; до 26 мая 1925; 26 мая 1925; после 26 мая 1925; 29 мая ... 6 июня, или 10 июня ... 9 июля, или 16 ... 25 июля 1925; конец июня — 7 (?) июля 1925, первая запись; 1 ... 22 июля 1925; 3 (?) июля 1925; 4 июля 1925, вторая запись; 20 июля 1925, первая запись; до 24 июля 1925, первая запись; 31 июля 1925, вторая запись; после 6 сент. 1925, первая запись; 24 сент. 1925, четвертая запись; 17 нояб. 1925, вторая и третья записи; 21 нояб. 1925, первая запись; нояб. (?) 1925, четвертая запись.

Ноябрь, около 20. Дает согласие лечь на стационарное лечение.

В.Ф.Наседкин вспомнит:

«Есенин около 20 ноября ночевал у своих сестер в Замоскворечье <Б. Строченовский пер., д. 26, квартира Пышкиных>.

— Тебе скоро суд, Сергей, — сказала Екатерина утром протрезвевшему брату.

Есенин заметался, как в агонии.

— Выход есть, — продолжала сестра, — ложись в больницу. Больных не судят. А ты, кстати, поправишься.

Есенин печально молчал. Через несколько минут он, словно сдаваясь, промолвил:

— Хорошо, да... я лягу.

А через минуту еще он принимал решение веселей:

— Правда. Ложусь. Я сразу покончу со всеми делами».

Материалы, 237–238.

См.: 6 сент. 1925, вторая запись; 8 сент. 1925, вторая запись; 17 сент. 1925, вторая запись; 3 окт. 1925, третья запись; 15 окт. 1925, вторая запись; 17 окт. 1925, первая запись; 19 окт. 1925, первая запись; 21 окт. 1925, пятая запись; 27 окт. 1925, восьмая запись; 28 окт. 1925, третья запись; 29 окт. 1925, первая и вторая записи; 11 нояб. 1925, вторая запись; 12 нояб. 1925, первая и вторая записи.

Ноябрь, 21. Делает надпись на экземпляре книги «Персидские мотивы», принадлежащей А. Е. Кручёных:

«Милому Кручёных. С. Есенин. Ни ты, ни я — искусство (поэзия) живет и помимо нас. С. Е.».

Есенин, VII (1), 279, 492.

См. также: после 2 марта 1925, вторая запись; 22 апр. 1925, первая запись; до 26 мая 1925; 26 мая 1925; после 26 мая 1925; 29 мая ... 6 июня, или 10 июня ... 9 июля, или 16 ... 25 июля 1925; конец июня — 7 (?) июля 1925, первая запись; 1 ... 22 июля 1925; 3 (?) июля 1925; 4 июля 1925, вторая запись; 20 июля 1925, первая запись; до 24 июля 1925, первая запись; 31 июля 1925, вторая запись; после 6 сент. 1925, первая запись; 24 сент. 1925, четвертая запись; 17 нояб. 1925, вторая и третья записи; 20 нояб. 1925; нояб. (?) 1925, четвертая запись.

По просьбе А.Е.Кручёных пишет:

«Кручёных перекрутил (перевернул) литературу. Я говорю это с гордостью. С. Есенин. 21/XI-25 г.».

Есенин, VII (2), 122–123.

А.Е.Кручёных в это время добивался согласия на выпуск одной из своих книг в издательстве «Современная Россия», членом правления которого был Есенин.

Для обоснования того, что между ним и Есениным «не было никаких личных недоразумений, стычек или чего-нибудь подобного», А.Е.Кручёных приводит эту записку в своей книге «Гибель Есенина» (М., 1926).

См. также: Хроника, 2, 366.

И.В.Грузинов вспомнит в 1926 г.:

«Есенин и я направляемся ко мне на квартиру. Кручёных следует за нами. Является Александровский. Есенин в хорошем настроении. Достает бутылку портвейна. Начинает подшучивать над Кручёных:

— Кручёных перекрутил, перевернул литературу.

— Напишите это и подпишитесь! — засуетился Кручёных. Стал оглядываться по сторонам, ища бумаги, обшарил карманы, полез в портфель и быстро вынул необходимые канцелярские принадлежности. Услужливо положил бумагу на книгу, чтобы удобнее было писать.

Кручёных во что бы то ни стало хотел получить письменное согласие на печатание книги, направленной против Есенина.

Есенин начал возмущаться:

— При чем тут согласие, что за вздор? При чем тут подписка? Что это — подписка о невыезде, что ли?

Кручёных продолжал просить. Есенин, саркастически ухмыляясь, написал под диктовку Кручёных эту фразу».

САЕ, 139–140.

Газета «Вечерняя Москва» (№ 266; рубрика «Фельетон о литературе») помещает заметку В.Шкловского «Что нас носит?», где говорится о Есенине:

«... в последнее время началось причисление литературы. Ее вытягивают в одну линию. Так она существовать не может. Современный писатель не ученик русских классиков. Классики от классиков не происходят.

“Пушкин, за что ты меня погубил”, — так плакал в 4 часа ночи поэт.

Я не прошу к Пушкину ни на руки, ни под ручку. Убежден, что он был великим человеком, что он умел противопоставить себя своему времени. Умел шутить. Шутя написал — “Евгения Онегина”.

Сейчас его памятник — бронзовая пробка в горле бульвара. Он губит людей, которые хотят писать, как классики.

Губит Есенина, который котенком лезет на его постамент».

Вырезка — Тетр. ГЛМ.

В Ульяновске (Дом работников просвещения) — очередной вечер литературной группы «Стрежень», где звучат стихи «в духе Есенина».

Из отклика:

«Три лирических стихотворения, в духе Есенина, прочел Горбунов, вызвав в аудитории прения: можно ли употреблять архаизмы».

Аш. На вечере «Стрежня». — Газ. «Пролетарский путь», Ульяновск, 1925, 25 нояб., № 270.

Ноябрь, 22. Публичное выступление Есенина в Доме Герцена на литературно-музыкальном вечере.

Дата события устанавливается по объявлению под заголовком «Литературно-музыкальный вечер» в газ. «Правда» (1925, 22 нояб., № 267, рубрика «Театр и музыка»), выявленному Н.М.Солобай:

«22 ноября в 9 час. вечера в “Доме Герцена” (Тверской б-р, 25) состоится первый литературно-музыкальный воскресник. В первом воскреснике примут участие писатели и артисты Вера Дулова, Ольга Дегтярева, артист МХАТ-2 А.Дикий, Владимир <так; на самом деле Андрей> Соболев, Павел Антокольский».

Участие Есенина в этом «воскреснике» устанавливается по дневниковой записи актрисы и певицы Е.Г. Дуловой от 23 нояб. 1925:

«Есенин — это солнце, радость и трогательная грусть!

Вечер вчерашний — это самое светлое и чудесное в моей театральной жизни. <...>
Как Есенин поет свои частушки!

(Из дневников юности)».

Подробнее этот вечер описан в главе «Сергей Есенин» рукописной книги Е.Г. Дуловой «По правде говоря» (1972), где она характеризует творческий путь своей старшей сестры — В.Г. Дуловой:

«В середине ноября к нам пришел А.М. Соболев, просил Веру принять участие в благотворительном концерте в пользу какого-то неимущего музыканта в доме Герцена. Пообещал, что будут выступать первоклассные артисты, кто-нибудь из поэтов.

Верочка согласилась. 27 <так; описка в оригинале> ноября Андрей Михайлович сам приехал за инструментом. Мы с мамой отправились на трамвае.

Концерт и вправду был интересный. Великолепно читал А. Дикий рассказы Горбунова и Зошенко — “В бане” и “Аристократку”. Сочно, ярко!

Он иногда подчеркивал текст жестами, но какими! смешными, остроумными. Он имел большой успех.

Олечка <Дегтярева> из студии Вахтангова, видная женщина, читала, вернее, декламировала Есенина. Всё было с преувеличенным пафосом. Несколько ходульно. Особенно, когда она читала об идущих каторжниках:

И идут по той дороге
Люди в кандалах.
Все они разбойники <так!> иль воры,
Как велел им рок, —

трагически произносила она.

Пела артистка театра Сатиры Милютинна популярные тогда песни про “Багдадского вора” (фильм “Багдадский вор” с Дугласом Фербенксом имел огромный успех), “Весну в Париже” и т. п. Она была некрасива, но выразительна и даже владела ріано в лирических местах.

Верочка играла превосходно.

После нее вышел конференсье, объявил:

— Сейчас выступит Сергей Есенин.

Это было совершенно неожиданно. Зал загудел, задрожал от рукоплесканий.

Мы видели впервые нашего любимого поэта.

Ни один портрет не передавал его очарования...

Он вышел, улыбнулся подкупающе ласково и нежно. Поразила одухотворенная красота его бледного с чуть желтинкой лица. Синие, с черными ресницами глаза, удивительно очерченные темные брови, напоминавшие крыло ласточки, они были у него такие выразительные!

Голос его был мягкий, и вовсе не тенор [как утверждают “иные мемуаристы”, вроде Розенель-Луначарской, в ее насквозь лживой книге “Памяти сердца”].

— Из “Персидских мотивов”, — сказал он после того, как зал немного успокоился.
И начал:

Шаганэ ты моя, Шаганэ!
Оттого что я с севера, что ли,
Я готов рассказать тебе поле,
Про волнистую рожь при луне.
Шаганэ, ты моя, Шаганэ.

Прелестные искренние строки были наполнены в исполнении поэта такой проникновенной нежностью, что от волнения и восторга сдавило горло.

Поэт стоял вполоборота налево, он как бы обращался к любимой, что стояла, казалось, здесь, рядом с ним:

Оттого что я с севера, что ли,
 Что луна там огромней в сто раз,
 Как бы ни был красив Шираз,
 Он не лучше рязанских раздолий.
 Оттого что я с севера, что ли?

Какими разными были у него эти “что ли?”

В первом случае — раздумье, с оттенком удивления.

Во втором — он как бы утверждал вопросом, что он — с Севера.

В третий раз — в вопросе был подтекст: “чуждой я что ли?”

И в конце вместе с нежностью нарастали страстность и боль в строфах:

Дорогая, шути, улыбайся,
 Не буди только память во мне
 Про волнистую рожь при луне.
 Шаганэ ты моя... Шаганэ!

Последняя повторяющаяся строфа была с люфт-паузой в конце. Она была как бы прощанием с любимой.

Но далее последовали:

Ты сказала, что Саади
 Целовал лишь только в грудь.
 Положди ты, ради Бога <так!>,
 Обучусь когда-нибудь!

Ты пропела: “За Ефратом
 Розы лучше смертных дев”.

Всё интимно, нежно, сдержанно, как-то плавно-восточно.

Неожиданно:

И не мучь меня заветом,
 У меня завета нет!
 Коль родился я поэтом,
 То... целуюсь, как поэт!

Стремительно и задорно.

Концы стихотворений покрывали аплодисменты.

Еще одно нежнейшее:

В Хороссане есть такие двери,
 Где осыпан розами порог.

В Хороссане есть такие двери,
 Но открыть те двери — я не мог.

(Он читал его как гимн безответной любви.)

У меня в руках немало <так!> силы,
 В волосах есть золото и медь.

Голос пери нежный и красивый.
 У меня в руках немало <так!> силы,
 Но ту дверь <так!> не смог я отпереть.

Чувство достоинства, гордости сменялось не просто словами прощания. А звучало в подтексте как “Я люблю тебя” (в первый раз).

До свиданья, пери, до свиданья,
 Пусть не смог я двери отпереть,
 Ты дала красивое страданье,
 Про тебя на Родине мне петь.
 До свиданья, пери, до свиданья.

(Последнее “до свиданья” было наполнено болью прощания навеки.)

Он произнес его совсем тихо.

Поэт в те мгновения владел умами и сердцами...

Он растрогал, взволновал, возвысил духом... Влюбил в себя всю аудиторию.

А после прочел еще два стремительных, русских:

Эх вы, сани! А кони! кони!
 Видно, черт их на землю принес.

Так начинал первое стихотворение, оба прочел с русской удалью, но с драматическими концовками.

Зал обрушился восторгом, кричал: “Черного человека”, “Черного человека”!

Оно еще не было напечатано, но его знали по спискам.

Время было позднее.

Концерт следовало кончить.

Андрей Михайлович подошел к нам и пригласил нас с мамой на ужин в ресторане. Мама отказалась, сказав, что “муж будет сильно беспокоиться”.

Тогда Андрей Михайлович стал просить маму оставить нас, говоря: “Не беспокойтесь! Мария Андреевна, я беру их под свое покровительство, сам провожу до дома”.

Мы спустились в ресторан “Дома литераторов”. В первом зале сидела шумная компания мужчин, сгруппировавшаяся вокруг Есенина. Во втором зале был накрыт большой стол. С нами вместе за него сели: Сергей Городецкий с женой и юной дочерью Рогнедой, какая-то очень хорошенькая особа, ей говорили комплименты, сравнивая ее с натурами Боттичелли. Милютина с мужем. Еще какие-то литераторы.

Андрей Михайлович сидел подле нас, угощал, выбирал вино полегче.

Мы видели наискосок от себя, в соседнем зале, Есенина, конечно, всё наше внимание было там.

За столом у нас было очень оживленно... Есенина звали к нам, но он показал на свое окружение и пропел частушку с отказом.

Все зааплодировали, раздались возгласы:

— Еще! Еще!

Он спел несколько. Запомнились две.

То не ветер
 В реке тряс
 Вешнюю орясину.
 То пролетпозтов
 В ряд
 Раскидал Герасимов.

Еще дерзкая:

Любит женщин
С тонкой талией,
Насчет девушек
Не прост,
Он родился бы султаном.
Ах, зачем он... наркомпрос.

Все грохнули.

Надо сказать, что Анатолий Васильевич Луначарский постоянно был мишенью сатирических куплетов, острословия за свои человеческие слабости. Но он не протестовал, не обижался.

Городецкий позвал его <Есенина>:

— Сережа, иди к нам. Посмотри, сколько хорошеньких девушек.

Поэт улыбнулся и показал на прихлебателей.

— Девушки, — обратился он <Городецкий> к нам, — я думаю, Сергея Александровича надо наградить. Предложим ему поцеловать на выбор одну из вас. Не возражаете?!

Все заулыбались.

— Сергей Александрович, — обратился он официальным тоном. — Вам предоставляется право в награду за Ваши частушки поцеловать самую хорошенькую девушку.

Поэт подошел к нашему столу, девица (или дама) “à la Боттичелли” поправила прическу.

Есенин окинул всех взглядом и... подойдя к нам, сказал: “Прибавь, и самую молоденькую”, — наклонился к Верочке и нежно ее поцеловал, чуть дотронувшись до ее губ, а затем поцеловал и руку.

Верочка покраснела, как помидор. Была счастлива.

Сидевшая рядом, с другой стороны Нага Городецкая (Рогнеда) прошептала:

— Можно я буду дружить с тобой?..

Городецкий стал записывать что-то на клочке бумаги. Оказалось — частушки в ответ Есенину.

Кто-то сел за рояль. Милютин стал отвечать поэту:

Говорят, что
Сыро здесь,
Сырости не видано,
Это холод ходит здесь
От рассказов Лидина.
(По поводу книги “Морской сквозняк”).

Был когда-то
Петимэтр, увлекался танцами,
А теперь в круглый метр
Пузико Буданцева.

Я под мостиком сию
Берег речки около,
И читаю я стихи
Александра Блокова.
(на Ахматову).

(Я привожу те, что остались в памяти. Частушки Городецкого долго хранились в архиве Верочки).

В соседнем зале стало шумно.

Кричали: “Черного человека”.

Есенин встал, он был очень бледен, он стал читать его с ожесточением, отчаянием. Видно, что ему было очень тяжело.

На словах: “Черный человек, ты прескверный гость”, — он кинул стул в воображаемое видение, затем замолчал, весь сник, сказал упавшим голосом: “Не могу больше”.

Его все обступили, совали стаканы с минеральной водой.

Он сидел, стиснув зубы.

Обвел всех глазами. “Простите”... произнес он только одно слово.

Городецкий, желая нарушить гнетущее состояние, охватившее всех, сказал:

— Ты устал, Сергей. Сейчас все разойдемся. Вот девушки все хотят с тобой проститься. Чокнуться напоследок.

Мы стали подходить к нему по очереди со своими рюмочками чокаться. Он грустно всем улыбался.

А толстяк (какой-то литератор), постоянно следовавший за ним <А.М.Сахаров>, чокался тоже с нами, громко чокал ручки и приговаривал: “Весьма благодарен, весьма!”

Мы пошли с Андреем Михайловичем домой. Выпал небольшой снежок. Стоял легкий морозец.

Мы шли, расстроенные “Черным человеком”.

Андрей Михайлович говорил печально: “Как он губит свой талант этой богемой, вином”.

— Что это за люди, что были возле него? Они ужасно много пили, но не были очень пьяны.

Андрей Михайлович махнул рукой.

— Пьют как лошади. Это люди “возле литературы”. Якобы его “почитатели”, а на самом деле погубители...»

Газ. «В мире Есенина», Ташкент, 1992, № 4 (публ. С.И.Зинина, с искажениями, неточностями и купюрами; здесь выправлено по автографу воспоминаний Е.Г.Дуловой: РГБ, ф. 218, карт. 1373, ед. хр. 2, л. 123–136).

В 1926 г. об этом вечере напишет С.М.Городецкий:

«...ужин в том же Доме Герцена, уже раскрашенном и убранном подвале, в октябре, вероятно, или даже в ноябре. Мы пришли компанией. Есенин уже был там. Он вскоре присоединился к нам, сел рядом. Вспоминали старину. Он был тихий, милый и грустный. Затеял пение частушек, пел с Сахаровым свои нам, потом мои в ответ пела Вера Духовская <по Е.Г.Дуловой — Е.Милютину; см. выше>. Голос был у него уже хриплый, лицо стертное, и сквозь этот его облик, как сквозь туман годов, виделся мне ранний, весенний Сергунька. Потом он, как-то исказившись, стал читать “Черного человека”. Сквозь мастерство чтения пробивалась какая-то тяжелая внутренняя спазма. Закончить он не мог — забыл. По его волнению я видел, что здесь опять что-то для него важное. Вызов отчаянья был в нем».

Городецкий С. Жизнь неукротимая: Статьи. Очерки. Воспоминания, М.: Современник, 1984, с. 49.

Ноябрь, 23. С.А.Толстая-Есенина пишет Волошиным письмо, в котором заходит речь о Есенине:

«Милые, дорогие, всегда любимые,

простите, простите, простите!!! Знаю, что виновата, что не писала, но только никогда не забывала и любила. Марусенька, душечка, спасибо за письмо и что не сердитесь. Дорогие мои, понимаете, я очень влюбилась, а потом замуж вышла, и так меня это завертело, что я от всего мира оторвалась и только в одну точку смотрю. Это не значит, что я внутренне отрываюсь от друзей, — это только внешнее и, вероятно, временное. Слухи, что я

к вам собиралась, — верные. Непременно хотела заехать осенью видеть, целовать и любить вас и показать вам моего мужа. Ужасно мечтала его подружить с Марусей и всё ему про нее рассказывала. У них есть что-то ужасно похожее. А потом я знаю, что Маруся его поняла бы так, как надо, потому что он до невероятного русский. Макс слишком умный и европейский и ругал бы моего Сергея за то, что он пьет и скандалит, а Маруся увидела бы, что он страдает, и жалела бы его. Ну вот — это всё мечты. Ничего не вышло. Мы только полтора месяца пробыли на Кавказе (под Баку в изумительно красивом месте) и срочно вернулись в Москву, потому что вызвал Госиздат — у Сергея выходит полное собрание. Лето у меня получилось неуклюжее и куное, потому что без Коктебеля, очень уж я привыкла. А может быть, лучше, потому что вы к себе напустили столько людей новых противных, во главе с вашими обожаемыми Габричевскими и Шервинскими, что я только изобразилась бы насквозь и вы меня совсем бы не любили. Ну простите, простите!

О Максиминой болезни я узнала только осенью *post factum*. Максинька, миленький, толстенький, уютненький, где Вы простудились? Макс, Вы меня еще любите? Вы ни одного слова не приписали, как прежде это делали.

Вся моя комната завешана Вашими акварелями, и я, и все их очень любим. Отчего Вы не можете писать стихов? Я так жду, и так давно нового Вашего. Мой муж всё время пишет. Макс, что, Сергей Есенин хороший поэт, как, по-Вашему? Мне ужасно интересно, что Вы про него думаете и что из последних вещей знаете. Он очень много написал за последнее время, и я очень хочу, чтобы он помолчал тоже.

Маруся, милая, Вы хотите про меня знать? Очень трудно в письме. Жизнь моя, и я внутренне, и всё меня окружающее — совсем другое. Вы бы не узнали меня. Знаете, я немножко на вас стала похожа, как Вы с Максом. Все мои интересы, внимание, заботы на него направлены, только чтобы ему хорошо было, трясусь над ним, плачу и беспокоюсь. Он очень, очень болен. Он пьет, у него ужасные нервы и сильный активный процесс в обоих легких. И я никак не могу уложить его лечиться — то дела мешают, то он сам не хочет.

Он на глазах у меня тает, и я ужасно мучаюсь. А так всё очень, очень хорошо, потому что между нами очень большая любовь и близость и он чудесный. Я совсем отошла от своего прежнего круга, почти никого не видаю и, как Душечка, с головой в литературной жизни и видаю главным образом литературную публику. Внутренне чувствую себя очень, очень серьезной, взрослой, или тихой, или грустной. Иногда думаю, что моя жизнь нечто вроде весьма увесистого креста, который я добровольно <и> сознательно с самого начала взвалила себе на плечи, а иногда думаю, что я самая счастливая женщина и думаю — за что? Маруся, дайте Вашу руку, пожмите мою и согласимся в одном — поэты как мужья — нукудышные, а любить их можно до ужаса и нянчиться с ними чудесно, и сами они удивительные. Посылаю “для сведения” два последних стихотворения <точнее — три: “Эх вы, сани! А кони, кони!..”, “Голубая кофта. Синие глаза...”, “Свищет ветер, серебряный ветер...”>. Простите за глупое, глупое письмо. Не забывайте и любите меня немножко, мои очень, очень дорогие.

Целую. Соня Есенина».

Письма, 366–367.

17 февраля 1926 г. С.А.Толстая-Есенина сообщит Волошиным:

«Месяца три тому назад написала вам довольно большое письмо и случайно не послала его. Если хотите, пришлю его теперь, чтобы вы знали, как я жила...»

ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 1185, л. 26 об.

Письмо так и осталось в архиве автора.

С докладом «О поэзии Сергея Есенина» на заседании вятского отделения литературной группы «Перевал» выступает И.С.Герасимов.

Авг. О Сергее Есенине (доклад И.С.Герасимова на сходке "Перевала"). — Газ. «Вятская правда», 1925, 26 нояб., № 271.

Докладчик, в частности, отмечает:

«По линии социальных группировок Есенина нужно отнести к группе так называемых “новокрестьянских поэтов”. И хотя он говорит:

Небо как колокол,
Месяц — язык;
Мать моя родина,
Я большевик, —

было бы неверно трактовать Есенина как большого революционера, как большевика. Нельзя верить и такому заявлению в автобиографии Есенина, как: “В РКП я никогда не состоял, потому что чувствую себя гораздо левее”.

Под этими заявлениями нет никакого фундамента. Больше заслуживает доверия другое его лирическое прочувствованное заявление:

Я человек не новый!
Что скрывать?
Остался в прошлом я одной ногою,
Стремясь догнать стальную рать,
Скольжу и падаю другою.

Есенин — попутчик. Он не поэт революции, но более или менее органически с ней связан. <...>

После скандалов Есенин увидел, что мужик живет по-новому, что деревня изменилась, что деревня переросла Есенина. Он слышит в деревне такие речи:

“С Советской властью жить нам по нутрю...
Теперь бы ситцу... Да гвоздей немного...”

И Есенина берет сомнение:

Вот так страна!
Какого ж я рожна
Орал в стихах, что я с народом дружен?
Моя поэзия здесь больше не нужна...

Есенин не стар, но он человек другого поколения. *Социальная значимость Есенина для нас невелика.* Он талантливейший попутчик, у которого могут поучиться мастерству наши молодые писательские выводки. Но знаменем для них Есенин служить не может. У него нет стержня. Марксизм стоит за искусство идейное, утилитарное. Пока Есенин не найдет стержня, он не даст больших вещей, а будет прибавляться пустячками вроде “Персидских мотивов”».

Там же (курсив в источнике).

Вырезка — Тетр. ГЛМ,

Ноябрь, 23 ... 25. Последняя встреча Есенина с С.М.Городецким.

Событие и его границы устанавливаются по воспоминаниям С.М.Городецкого (1926):

«И еще одна встреча <после 22 нояб. 1925 (см.)>, последняя, на углу Советской площади и Тверской. Он был с Толстой, под руку. Познакомил. Вид у него был скверный.

“Тебе отдохнуть надо”. — “Вот еду в санаторию <очевидно, имелась в виду клиника; см.: 26 нояб. 1925, первая запись>. Иду в Госиздат деньги получать”. Мы поцеловались, а следующий поцелуй он уже не мог вернуть мне».

Восп., 1, 186.

Ноябрь, 24. Газета «Новая шанхайская жизнь» (№ 19) перепечатывает подборку «Стихи Сергея Есенина», куда входят произведения: I. «Я красивых таких не видел...» II. «Ах, как много на свете кошек...» III. «В этом мире я только прохожий...» IV. «Ты запой мне ту песню, что прежде...»

Об источнике перепечатки см.: 11 окт. 1925, первая запись.

См. также: 13 сент. 1925, первая запись; 1 нояб. 1925, четвертая запись.

Ноябрь, до 25. Выходит журнал «Красное студенчество» (№ 6/7; за октябрь — ноябрь), где в неподписанном материале рубрики «Почтовый ящик» упоминается Есенин:

«Ив. Трусов-Заревой (Москва), В. Рудман (Владивосток), С. Толстов (Москва), А-а (Москва), И. Поступь (Ленинград), П. Яцынова (Смоленск), В. Тихонов (Москва), Л. Аверьянова (Ленинград). — Данные у вас несомненно есть, но слишком уж проглядывает подражательность. Кто — Маяковскому, кто — Есенину, а кто — даже Гумилеву (т. И. Поступь). Старайтесь найти себя. Присылайте».

Граница события устанавливается по информации газ. «Известия ЦИК СССР и ВЦИК Советов» (1925, 26 нояб., № 270) о том, что рассылка номера закончена 25 ноября.

Ноябрь, 25. Есенин снимает со своего банковского счёта 100 рублей.

Устанавливается по записи в т. н. «банк-книжке» (см. о ней: 19 нояб. 1925).

См. также: 27 нояб. 1925, третья запись; 14 дек. 1925, вторая запись; после 14 часов 21 дек. 1925, первая запись.

Заведующий школой № 36, в которой учится А.А.Есенина, направляет Есенину извещение об оплате за ее обучение:

«Извещение

Гражданину Есенину

Школа № 36 предлагает Вам согласно постановления Президиума Моссовета от 25 сентября 1925 г. внести в кассу школы плату за учение Вашей сестры <А.А.Есениной> в сумме 8 руб. и целевой сбор 2 руб. в месяц.

Плата согласно вышеупомянутого постановления должна вноситься ежемесячно, начиная с сентября месяца не позднее 15-го числа каждого месяца».

Письма, 300.

В беседе с П.Н.Лукницким А.А.Ахматова высказывается о Есенине.

Событие устанавливается и датируется по дневниковой записи П.Н.Лукницкого (25 нояб. 1925):

«Разговор перешел к теме об С.Есенине. АА бесконечно возмущалась его поведением, его хамством. Когда я стал объяснять его поступки, АА решительно сказала мне, что есть вещи, которых не только оправдывать, но и понимать и объяснять нельзя. Что поведение Есенина не требует никаких объяснений, и что АА не понимает его и не желает понимать. В самых резких, в самых непреклонных тонах АА говорила. Сказала, что это

вовсе не “врожденное” (как пытался я объяснить) хамство. Она отлично помнит, как С.Есенин был у них в Царском Селе, сидел на кончике стула, робко читал стихи и говорил “мерси-ти”...»

Лукницкий-91, 218.

В.И.Качалов читает стихи Есенина Н.С.Ашукину, Ю.В.Соболеву и А.Э.Риттер-Шахалову.

Событие устанавливается и датируется по дневниковой записи Н.С.Ашукина (26 нояб. 1925):

«Вчера ужинал в Союзе писателей вместе с Юрием <Соболевым, критиком и театроведом> и актером Шахаловым. К нам подсел Качалов. Читал “Двенадцать” Блока и стихи Есенина».

НЛО, 1998, № 33, с. 259.

См. также: 12 ... 14 или 15 (?) марта 1925; после 12 ... после 14 или 15 (?) марта 1925; 13 ... 16 или 20 ... 25 (?) марта 1925; 7 апр. 1925, вторая запись; 13 апр. 1925, вторая запись; 15 мая 1925, первая запись; 18 ... 23 (?) мая 1925, первая запись; 20 мая 1925, первая запись; 7 ... 15 июня 1925; 4–9 или 17–24 июля 1925; 7 сент. ... 18 окт. 1925.

Кинешемская газета «Приволжская правда» (№ 245) печатает статью С.Щулепникова «Революция и литература», в которой заходит речь о Есенине.

Характеризуя народническую литературу XX века, автор отмечает:

«Некоторые писатели, вполне сочувственно встретившие Октябрьскую революцию, поняли ее весьма своеобразно — “как святой разбой”».

Блок не остался одинок. Клюев, Орешин, Каменский так именно ее (революцию) и приняли.

Пока <был> романтический период революции, этой ошибки не замечали. Но когда больно ударила по России всеобщая разруха, когда настали будни революции, то и романтизм, и буржуазный идеализм потерпели жесточайшее крушение. Поэтому идеалисты писатели сразу ушли в свою раковину, и тот же Клюев горько плакался, говоря:

По мне пролеткульт не заплачет.

<...> Сермяжной культуре пришел конец, прошло расслоение везде, коснулось оно и литературы, где первый же год революции выдвинул: В.Кириллова <и др.>. Порвали с народничеством и Орешин, и выдающийся поэт современности — Сергей Есенин.

Или с революцией, или против ее, середины быть не могло».

См. также: 20 дек. 1925, четвертая запись.

Газета «Правда» (№ 269) в объявлении о подписке на журнал «Прожектор» на 1926 год называет Есенина автором издания в 1923–1925 годах.

См. также: 27 нояб. 1925, четвертая запись; 4 дек. 1925, третья запись.

Ноябрь, до 26. Есенин возвращается к замыслу создания журнала. Набрасывает план предполагаемого номера:

«1. Статью.

2. Статью.

Конч<аловский> о живописи

Репродукции

Ес<енин>
Нас<едкин>
Груз<инов>.
Рецензии».

Есенин, VII (2), 159–160.

Время события определяется с учетом свидетельств В.Ф.Наседкина и И.В.Грузинова (см. ниже).
В.Ф.Наседкин позже вспоминает:

«...в конце осени <1925 г.> Есенин опять гадал о своем журнале. С карандашами в руках вместе с Софьей Андреевной мы несколько вечеров высчитывали стоимость бумаги, типографских работ и других расходов...»

Восп.-95, с. 496.

Обстоятельства появления наброска опишет И.В.Грузинов:

«1925 г. <...>

Осень. Есенин и С.А.Толстая у меня.

Даю ему новый карандаш. <...>

На клочке бумаги он набрасывает проект первого номера журнала <следует есенинский текст с искажениями>.

— Я непременно напишу статью для журнала. Непременно. Я знаю твою линию в искусстве. Мы не совпадаем. Я напишу иначе. Твоя статья будет дополнять мою — и обратно <...>.

Для первого номера журнала предполагалось собрать следующий материал: статья Д.Кончаловского о современной живописи; репродукции с картин П.Кончаловского, А.Куприна, В.Новожилова; стихи Есенина, Грузинова, Наседкина.

Проект журнала составлялся спешно. В ближайшее время решили собраться еще раз, чтобы составить подробный план журнала и приступить к работе по его изданию».

Восп., 1, 379.

Проект выпуска журнала не был осуществлен.

Пишет И.В.Грузинову:

«Милый Ваня! Христов сидня! Злюка бракадабрская! Отдашь ты мне статью или не отдашь?»

Критик ты расейский! Стихотворец ты московский, отдай, ради Бога, отдай, чтоб не задержать до сезона. Обнимаю.

Твой Сергей».

Есенин, VI, 224.

Речь идет о неизвестной статье И.В.Грузинова для альманаха или журнала, планировавшегося Есениным в то время к изданию (см. предыд. запись).

Рассказывает И.В.Грузинову о характере своей поэтической работы.

Из воспоминаний И.В.Грузинова:

«1925 г. Осень. Ноябрь. Встречаю Есенина в Столешниковом переулке:

— Вечно ты шатаешься, Сергей! Когда же ты пишешь?

— Всегда.

Цитирую:

Осужден я на каторге чувств...

Вертеть жернова поэм, —

заканчивает Есенин, цитируя себя. <...>

1925 г. Ноябрь. В полдень приходит ко мне Есенин. Есенин возбужден. В шубе с бобровым воротником и в бобровой шапке. Непрерывно говорил. Был оживлен чрезвычайно.

— Знаешь ли ты, упрямый. Я ломаю себя. Когда истощаются средства, то, знаешь ли, как можно писать стихи? Дай бумаги!

Разрезали бумагу на мелкие квадратики. Начали играть в примитивную стихомашину.

— Глагол — пустяк, глагол подразумевается, глагол будет найден после. Пиши существительные, я буду писать прилагательные, — заметил Есенин.

Стали наугад соединять его прилагательные с моими существительными. Игра была неудачной. Я намеренно, в шутку, подбирал существительные, ничего не имеющие общего с есенинским поэтическим словарем. Я действовал как человек, бросающий под вертящийся мельничный жернов вместо зерен булыжник.

Насколько мне известно, Есенин прибегал иногда к способу писания стихов посредством примитивной стихомашинки. <...>

Этим способом писания стихов поэт хотел расширить рамки необходимого, хотел убежать из тюрьмы своего мозга, хотел многое предоставить стечению обстоятельств, игре случая. Этот способ писания стихов напоминает игру в счастье, гаданье по билетикам, которые вынимает сидящий в клетке уличный попугай.

Разумеется, к искусственному способу писания стихов Есенин относился несерьезно; это была только забава, и притом на короткий срок. <...>

Есенин заговорил о форме стиха: о концевых созвучиях.

— Стихия и Россия нельзя рифмовать. А между тем наши предшественники, например Блок, почти всё время так рифмовали. Сочетание разнородных согласных их не корбило, у них не так тонок слух, их удовлетворяли одинаково звучащие гласные. У нас концевые созвучия должны быть иные, согласные должны быть или одинаковы, или близки друг к другу по звучанию. Вот у меня: проси я — Россия.

Дальше Есенин предложил обсудить следующий вопрос.

Какую из рифмуемых строчек следует ставить первой — короткую ли с окончанием на гласный или удлиненную согласными звуками?

Я дал примеры: тренькать — деревенька, голубым — на дыбы, скорее — канареек, перестать — уста, Руси — колесить.

Есенин утверждал, что строчку с кратким окончанием следует ставить второй, так, по его мнению, лучше звучит. Я не совсем соглашался с Есениным: такая расстановка рифмуемых строк, может быть, в большинстве случаев звучит лучше, но бывает и обратно; по-видимому, здесь нужно учитывать другие элементы стиха. В доказательство своего мнения я привел примеры из народных песен и отрывки из современных поэтов, а также отрывки из стихов Есенина».

САЕ, 142–144.

Просит И.В.Грузинова написать о нем некролог.

Из воспоминаний И.В.Грузинова:

«1925 г. Ноябрь. В кресле, против меня, Есенин.

Есенин возбужден. Глаза сверкают. Его возбуждение невольно передается и мне. Действует как гипноз. Мною овладевает нервное веселье. Вскинув правую руку, как деревенский оратор:

— Напиши обо мне некролог.

— Некролог?

— Некролог. Я скроюсь. Преданные мне люди устроят мои похороны. В газетах и журналах появятся статьи. Потом я явлюсь. Я скроюсь на неделю, на две, чтобы журналы успели напечатать обо мне статьи. А потом я явлюсь.

Вскрикивает:

— Посмотрим, как они напишут обо мне! Увидим, кто друг, кто враг!»

САЕ, 147.

Ср. с воспоминаниями В.Т.Кириллова:

«В ноябре месяце я встретил Есенина в столовой Союза Писателей на Тверском бульваре. Есенин с каким-то ожесточением пил стаканами водку. Он скоро захмелел и потерял сознание. Я и поэт Р. отнесли его на руках в одну из комнат и уложили на диван. На следующий день я опять встретил его в этой же столовой. У Есенина был мрачный и болезненный вид, но был он совершенно трезвый. Он увлек меня в один мало освещенный и безлюдный уголок столовой и тихим охрипшим голосом стал говорить о себе.

— Я устал, я очень устал, я конченный человек.

— Ты отдохни, перестань пить и всё пройдет.

— Милый мой, я душой устал, понимаешь, душой... У меня в душе пусто...»

САЕ, 178.

Читает свои стихи, в т. ч. «Синий туман, снеговое раздолье...» и «Быть поэтом — это значит то же...» на вечере поэзии в Доме печати.

Точная дата этого события не установлена.

Из воспоминаний И.В.Грузинова:

«В “Доме печати” был вечер современной поэзии. Меня просили пригласить на вечер Есенина. Я пригласил и потом жалел, что сделал это: я убедился, что читать ему было чрезвычайно трудно. Поэтов на вечере было много — в программе и сверх программы. Есенину долго пришлось ждать очереди в соседней комнатке. Его выступление отложили к концу. Опасались, что публика, выслушав Есенина в начале вечера, не захочет слушать других поэтов и разойдется. Есенин читал новые, тогда еще не опубликованные стихи из цикла “Персидские мотивы” и ряд других стихотворений. Голос у него был хриплый. Читал он с большим напряжением. Градом с него лил пот. Начал читать — “Синий туман. Снеговое раздолье”. Вдруг остановился — никак не мог прочесть заключительные восемь строк этого вешего стихотворения:

Все успокоились, все там будем,
Как в этой жизни радей не радей, —
Вот почему так тянусь я к людям,
Вот почему так люблю людей.

Вот отчего я чуть-чуть не заплакал
И, улыбаясь, душой погас, —
Эту избу на крыльце с собакой
Словно я вижу в последний раз.

Его охватило волнение. Он не мог произнести ни слова. Его душили слёзы. Прервал чтение. Через несколько мгновений овладел собой. С трудом дочитал до конца последние строки».

САЕ, 146.

Из воспоминаний Е.З.Балабановича:

«Осенью 1925 г. в Доме печати на Никитском бульваре (где теперь Дом журналиста) был большой вечер поэзии. Небольшой зал Дома печати был переполнен любителями поэзии — знали, что должен выступать Есенин. Я совершенно не помню, кто выступал в первом отделении. Как и другие, я с нетерпением ожидал выступления Есенина.

В перерыве после первого отделения я неожиданно увидел в фойе поэта. Кто-то подошел к нему, пытался завести разговор. Есенин отвечал нехотя, односложно. Потом он, оставшись один, сел на первый попавшийся стул чуть ли не в центре фойе. Меня поразило лицо поэта. Это был преждевременно постаревший, очень усталый человек. На лице резко обозначились морщины, и самое лицо было серым, одутловатым. Есенин казался глубоко ушедшим в себя. Он точно не видел окружающих. Мимо поэта ходила публика, но Есенин ни на кого не обращал внимания и к нему никто не смел подойти.

Кончался перерыв. Публика снова наполнила зал. Скоро поэт появился на эстраде, встреченный общими аплодисментами. Я сидел слева, недалеко от эстрады. Есенин сделал несколько шагов и остановился совсем недалеко от того места, где я сидел. Сразу без особенных предисловий сказал, что будет читать свои последние стихи. Хорошо помню, что он читал стихотворения из цикла "Персидские мотивы".

Читал Есенин замечательно, вдохновенно, с удивительной искренностью. Мне особенно запомнилось стихотворение, начинавшееся строфой:

Быть поэтом – это значит то же,
Если правды жизни не нарушить,
Рубцевать себя по нежной коже,
Кровью чувств ласкать чужие души...

Поразила поэтическая интонация стихотворения, чувство огромной душевной боли, сила самоотдачи. Невольно думалось: что же дальше, можно ли так тратить свои душевные силы? И насколько может хватить внутренних сил поэта?»

ЦАГМ, ф. Центр личных коллекций, 8, оп. 1, ед. хр. 32, л. 3 – 3 об.

Записывает американский адрес С.Т.Конёнкова:
«Нью-Йорк 37 West 10 street N. <Y> С.Конёнков».

Есенин, VII (2), 187.

С.А.Толстая-Есенина делает на оборотной стороне конверта пояснительную помету:

«Сергей достал этот адрес Конёнкова и хотел писать ему».

Хроника, 2, 283.

Приходит к А.Л.Миклашевской.

Последняя вспомнит:

«В последний раз я видела Есенина в ноябре 1925 года, перед тем как он лег в больницу.

Был болен мой сын. Я сидела возле его кровати. Поставила ему градусник и читала вслух.

Вошел Есенин и, когда увидел меня возле моего сына, прошел тихонько и зашептал:

— Я не буду мешать...

Сел в кресло и долго молча сидел. Потом встал, подошел к нам.

— Вот всё, что мне нужно, — сказал шепотом и пошел.

В дверях остановился:

— Я ложусь в больницу, приходите ко мне.

Я ни разу не пришла. Думала, там будет Толстая...»

Восп., 2, 91.

Выходит журнал «Печать и революция» (кн. 7) со статьей В.Красильникова «Сергей Есенин».

Граница события определяется по информации газ. «Правда» и «Известия ЦИК СССР и ВЦИК Советов» (1925, 26 нояб., № 270) о том, что номер «вышел из печати и на днях будет разослан подписчикам».

Автор пишет:

«Говорят, что я скоро стану
Знаменитый русский поэт —

слова С.Есенина в 1919 году, а с “Исповеди хулигана” звание “лучшего поэта России” стало обозначением его литературного положения. Такое обозначение имеет под собой некоторое основание. Из современных поэтов Есенина и Б.Пастернака можно считать мэтрами определенных школ, существующих, правда, неорганизованно, но привлечших к своим темам и ритмам многочисленных последователей. Все, кому приходится иметь дело с мастерскими, где выковывается поэтическое произведение, — т. е. с собраниями поэтических групп, — прекрасно знакомы с критикой стиха в этих лабораториях рифмованного слова. Критика здесь безусловная и с места в карьер — важно установить, в какой степени стихотворение наесенино или напастерначено — и всё. (О влиянии Маяковского не говорят — его ломаная строчка отпугивает всех начинающих. Гораздо реже указывается и на подражание Н.Асееву.) Особенно Есениным запахла мастерские стиха после его явления из Америки в 1923 году.

Но, конечно, не в мастерских дело. Дело в том, что Есенин весь целиком — тематика и приемы — отразился на творчестве вполне сформировавшегося поэта “Кузницы” В.Александровского, вызвал напевность Ивана Приблудного, Д.Алтаузена (группа “Перевал”) и многих других молодых печатающихся поэтов. Как пример есенинства приведу факт совпадения текстов Есенина и Александровского.

Александровский:

Только синь, только синь в памяти.
Синь снегов и осиновых рощ.

Или факты одинаковых воспоминаний детства:

Александровский:

- 1) И на улице я надо всеми
Был действительно коновод.
- 2) Не умел и не знал я, как плакать,
И, когда вся деревня спит,
Первым лез я в горячую драку,
Первый был до бесчувствия бит.
- 3) Молча кровавые пятна
Вытирал я дерюгой в сенях.

Есенин:

Синий свет! Свет такой синий.
В эту синь даже умереть не жаль.

Есенин:

- 1) Средь мальчишек всегда герой.
- 2) Часто, часто с разбитым носом
Приходил я к себе домой.
- 3) Я цедил сквозь кровавый рот.

Структура образа Александровского также часто от Есенина: Александровский — *утро — молоко, руки площадей, глаза — на полях васильки*; Есенин — *наши будни он наполнит молоком, руки шоссе, как васильки во ржи глаза*. В результате этого следования за Есениным у пролетарского поэта обреченное жизнеощущение и тематика.

Александровский:

- 1) Ведь каждый день я выхожу на плаху
И слышу улюлюканье и брань.
- 2) О, проклятый, проклятый жребий!
Так и хочется головой о гранит!
...Ведь правда же странно, что солнце на небе
Кому-то о счастье твердит.

Есенин:

- 1) От Москвы по парижскую рвань
Мое имя наводит ужас,
Как заборная громкая брань.
- 2) Я такой же, как вы, пропащий!
Мне теперь не вернуться назад.

Настоящая работа о Есенине, обусловленная фактом есенинства, имеет специальные задачи. Русский читатель знает меткую классификацию современных поэтов и писателей, данную Тropicim. Но так как в литературе, как и вообще в искусстве, та или иная идеология выявляется в результате определенного сочетания (так называемые приемы) определенных элементов определенного материала — в стихе словаря, рифмы, ритма и т. д. — важно определения марксистской критики дополнить или подтвердить анализом текстов. Эту задачу на тексте Есенина данная статья и разрешает.

II.

<...> Сергей Есенин — из разряда уцепившихся поэтов. Из проблем нашей литературной современности облюбовал он проблему “задремавшей Руси”, т. е. “забоченившиеся избы, русскую печь и петуха”, и свою проблему сам совершенно правильно оценил, как непроходимую “озерную тоску”. С этой тоской он возится около десяти лет, перепевая ее на всякие лады, но почти всегда одним и тем же ритмом. Если “Москва кабацкая” — как будто попытка перебраться с деревенской шеи на “изогнутые московские” плечи, то московский кабак и ночлежка, как декорации последних есенинских представлений, — только плохая конструкция деревенской избы — Есенин в городе, кроме четырех стен кабака, ничего не увидел.

Есенинская точка, есенинский подход к современности — это подход с деревенских задворков и от кабацких четырех стен. Вопросами жизненного тыла занимается его слово, и только о качестве оформления этого тыла можно писать статьи. Не сторожевые пикеты, не первая линия окопов, а арьергард с полковой кухней и обозом.

III.

“Русь моя, жизнь моя! Вместе ль нам маяться?” (Блок)

и

“Если крикнет рать святая:
«Кинь ты Русь, живи в раю»,
Я скажу: «Не надо рая,
Дайте родину мою»” (Есенин).

В чем же дело, что дало возможность предреволюционному Блоку и Есенину так одинаково остро сказать о своей, пахнувшей славянофильством, связи с родной Россией? Ответ может быть единственный: один и тот же мотив и как следствие — один и тот же литературный прием. <...>

Себя и Россию, а также и все другие сюжетные схемы Есенин всегда преподносит под одним и тем же, различающимся только по степени окраски, лирическим соусом — соусом относительности, тленности. Есенин хорошо затвердил истину: “все мы, все мы в этом мире тленны” и любит глядеть на себя и окружающее, как на “прелестный плен”. При этом оказывается — его душа — “нездешних нив жилища”, “от земли ему ничего не надо”.

К сожалению, “скучные песни земли” часто заедают “звуки небес” в душе поэта, и память о них — только смутное ощущение. Классифицировав его, как ощущение “того берега”, Есенин употребляет это определение в различных вариантах — “всё же песнь отщепеня за гибель пропоют мне на том берегу”, “ты на туманном берегу”, “не долетает голос в его далекий брег” и т. д. О песнях с того берега вместе с неопределенностью земного существования говорят и такие эпитеты, как нездешний, незримый, невозвратный, тайный, неразгаданный, случайный...

Окружая тему о России противопоставлением тленности и вечности — лирическое окружение, — Есенин достигает своей цели — стихотворение делается волнующим читателя организмом. Но, во-первых, философия тлена не нова, а, во-вторых, внесение ее в

стих и самое оформление тоже не ново; здесь продолжается путь мистического понимания действительности — путь русского символизма. <...>

Итак, Есенин, подходя к проблемам современности с жизненного арьергарда, в своей теме о России и лирическом мотиве, согревающим эту тему, двигается по налаженному пути. Он усвоил традиции русской литературы вообще и символизма в частности, и сознательно их культивирует.

IV.

Я последний поэт деревни.

С. Есенин

Звание поэта деревни вручено С.Есенину не только самим собой (себя он определил раньше, чем критики). <...>

В области пейзажа Есенин неутомим; он ввел в законное стиховое употребление много неизвестных деревенских провинциализмов, и часто они так остро поставлены (напр., на рифме), что неосведомленному читателю просто хочется считать их словообразованиями поэта. <...>

Избрав русский пейзаж необходимой иллюстрацией своих тем, С.Есенин иллюстрациями и ограничился. Только в этом смысле он деревенский поэт. Если про декорации русской избы в его стихах еще найдешь 2–3 фразы (хаты — в ризах образа, или печь — верблюд кирпичный), то о хозяине избы, о мужике, он не удосужился сказать ни одного слова. Напрасно читатель будет искать картин деревенского быта в стихах крестьянского поэта. Кроме летнего молебна и рекрутских проводов, ничего у него нет, да и данные две темы он развивает в обычном пейзажном плане. <...>

Наиболее сильным доказательством своеобычности Есенина, как деревенского поэта, является тот факт, что при загроможденности его стиха пейзажем деревенский трудовой “струмент”, т. е. соха, плуг, ни разу им не упоминается, даже как часть пейзажа. Как анекдот я нашел только одни вилы, но и они использованы в плане не орудия, а оружия.

<...> есенинские стихи о детстве — яркое доказательство интеллигентности той семьи, где вырос “хулиган” русской поэзии (факты биографии Есенина мне неизвестны, и я исхожу из текстов). Если семья “хулигана” непосредственно сама еще связана с деревней, то сын ее определенно так с ней не связан — он прогулялся по пыльной улочке, понаблюдая за крестьянскими гулянками из родительского окошка и на всю жизнь остался наблюдателем — захожим богомольцем (захожий богомолец — плотный термин: зашел на часок, чтобы потом опять зайти и опять заходить). Эта захожесть и есть причина выпирающих пейзажей в есенинских стихах — пейзажей потому, что только с ними имеет дело путешественник, особенно если он колесит по русским проселочным дорогам.

Но из одних пейзажей лирических стихов не образует. Есенинские же стихи воспринимаются всегда, как настоянные на лиризме. Необходимый вопрос — через какие приемы они достигают своего обыкновенно сильного эффекта?

Формальный анализ текстов Есенина развернет перед читателем довольно длинный свиток наиболее отличительных приемов его стиля и будет доказывать, что последний поэт деревни для выражения своей тематики нашел единственную адекватную ей форму. Стихи захожего богомольца — редкий пример полного слияния формы с содержанием; поэтому для того, чтобы оголить главную пружину их лиризма, сейчас совершенно достаточно будет сказать несколько слов об одной характерной черте есенинской деревни.

Есенинская деревня всегда деревня в кризисе; пробил 12-й час, и наступил решительный момент схватки деревни с городом. Вопрос жизни — кто победит, “кто о ком панихиду будет петь и победой своей будет хвастаться”. Поэт вместе с деревней попал в “городской хохочущий сброд”, он слышит рожок с каменных рук шоссе и уверен — до отхода поезда, т. е. до уничтожения старой деревни, осталось пять минут. Поэтому, как на вокзалах перед третьим звонком мелькают чемоданы, прощальные поцелуи и слёзы, так и Есенин стихийно загромозждает свои стихи всем, что встречает на торопливом российском пути — комли, еланки, кулижки, засевки. В то же время он прощается, плачет, убеждает, опять прощается и опять плачет. Часто роль убеждающего и провожающего не удовлетворяет поэта, и от плача и обороны он переходит к нападению: так в поэме “Сорокоуст” он очень жалеет, что ему не удалось вовремя (в детстве) “утопить врага (город), как ведро в колодце”; в стихотворении “Волчья гибель” он грозит врагу “смертельным прыжком”, и вообще “аллилуйя” родимой стране — трагедия личной жизни поэта.

<...> Оплавав деревню, как дорогую покойницу, плакальщик в 24-м году принужден признать, что покойница не умирала и что она, нисколько не задумываясь над своей гибелью, строит новую жизнь — “мужики, собравшись у волости, как в церковь, корявыми немывтыми речами свою обслуживают жись”. И, конечно, такие самоличные признания поэта — самые лучшие доказательства надуманности деревенского кризиса — победа стальной конницы над красногривым крестьянским жеребенком придет не в результате боя, атаки галопом, а через медленный процесс замены старого быта новым. <...>

V.

<...> Есенин, занятый мыслями о нездешнем, глухой и слепой к окружающему, и Есенин, остригающий голубую твердь, как символ этого нездешнего, обязательные полюсы, середины нет. Гипербола — основа творчества Есенина; он знает только или всё, или ничего — или мертвенно наблюдать жизнь (стать ивняком при воде), или перевернуть всё вверх ногами; Есенин нежный; и Есенин хулиган. <...>

Есенин хулиган — это следствие громов революций — политических и литературных (имажинистов). Октябрьская революция заставила всякого советского поэта почувствовать себя забродившим элементом, частью той страны, которая проводит новые жизненные борозды, и высказать по этому поводу свое мнение.

Как вообще опоздала вся русская интеллигенция с предложением своего труда на пользу Советов, так и Есенин предьявил свой ответственный октябрьский мандат только в 1919 году. Собственно говоря, вообще на революцию он отозвался раньше. Он о феврале удосужился написать с точки зрения младенца Иисуса и решил, что к общему удовольствию всё уже сделано, — и поэтому можно “петь богу с ветрами тропарь”. Но такое предложение прозвучало, конечно, в полной пустоте. Свое конкретное предложение Есенин высказал в поэме “Инония”, и заключалось оно в следующем:

1) Октябрьская революция — сушая пустяковина. Вольно возиться ей с земным ничтожеством — с людьми, городами и полями.

2) Необходима революция неба (если только небо существует) или солнечной системы — пора растряссти и всколыхнуть миры.

3) Начать революцию следует немедленно. Задача сегодняшнего дня — свержение всех окопавшихся на небе и на земле, как-то: вылизать на иконах лики угодников и святых, снять штаны с Христа, крепко схватить за “белую гриву” Саваофа и пр., и пр.

4) Рук с угодниками не жалеть, веруя — в награду получишь град Инонию, где “живет божество живых” и где Есенин, пророк новой Библии, будет казать “главу свою влакозвездную” совершенно бесплатно.

<...> Очень скоро, однако, с Есениным случилась такая метаморфоза. Не вяло человечество его Новой Библии, занялось мирскими делами, не помышляя о небесной революции. Увидел такое положение вещей пророк С.Есенин и захотел всё сделанное им переделать.

<...> И в 24-м, заглянув к своим тополям, Есенин увидел: на дому ходит комсомол, а сёстры в родительском ссутулившемся доме читают “Капитал”; и понял Есенин: не вернуть ему своей прежней нежности, прежде всего потому, что он сам чересчур расшаллся в дергании гривы бога Саваофа, а потом — и это главное — никому теперь его нежность не нужна. Старый хозяин деревни — старый быт ссутулился, одряхлел, и вот последние слова возвратившегося блудного сына <...>

VI.

<...> Звукопись есенинских стихов по-пушкински подспудна, играет роль незаметно го аккомпаниатора к сильному номеру лирического соло. (“Только синь сосет глаза”, или — “Веки выглодала даль”). Наконец, самые, так сказать, конструктивные (по результатам олиричивания стихов) их приемы — внесение в строки междометий — о, ах, увы, гой и др. — и повторение слов внутри строф (о повторении целых строф разговор особый в разборе композиции) — приемы кардинальные для Есенина и всегда очень удачно им употребляемые <...> конечно, не оригинальные авторские приемы. <...> и дело Есенина только в их (так объявляется в театральных афишах) возобновлении.

На всех приемах лирического стиха поэта (вопросы о структуре образа и композиции временно остаются в стороне) очень остро сказался факт безусловного примата литературных влияний над крестьянскими. <...>

Словарь Есенина — редкое по выдержанности литературное явление; каждое слово твердо осело на своем месте, и текст без него не мыслится. Происходит это потому, что поэт не знает пустого, не бьющего в цель, слова — он вводит его в стихи только после неоднократной примерки и непременно заставляет играть определенную роль — слово должно или вызывать у читателя локальные представления (*colleur local*) или лирически его настроить. <...>

VII.

Можно быть заранее уверенным, что раз на словаре и приемах стихов так четко отразился литературно-начетнический подход Есенина к деревне, то и тема захожего богомольца должна была сказаться также глубоко вплотную. И действительно — она ощущается в мельчайшем факте, отдельном слове каждого произведения. <...>

VIII.

Захожий богомолец — поэт, конечно, не крестьянский. Для такого звания мало заниматься плачем по умирающей деревне, надо писать о живой деревне и от деревни, надо найти свои слова для передачи всего, что крестьянская масса говорит коряво и многомиллионно. Но мужицкого быта Есенин не знает, и поэтому его поэзия не свои слова, а литературное начетническое эпитонство. <...> Поэзия Есенина — поэзия оторвавшегося от крестьянских масс интеллигента. На книгах его стихов очень легко наблюдать постепенный процесс отрыва. Об этом, например, убедительно говорит деформация его мистики — тяжелой мистики христианства с тропарями и псалмами (книга “Голубень”) в нежную дымку суетности всего земного. Литературные традиции символизма плюс буйный имажинизм поглотили крестьянские корни в поэзии Есенина и организовали сильную (лирически) поэзию деклассированного индивидуалиста. И индивидуалистом Есенин был всегда, даже его ранняя мистика была от книги, а не от быта».

Отклик см.: 22 дек. 1925.

См. Приложение.

Ноябрь, 26. Есенин ложится на лечение в психиатрическую клинику 1-го Московского государственного университета (Божениновский пер., д. 9).

Событие устанавливается по календарным записям С.А.Толстой-Есениной от того же дня:

«С<ергей> лег в кл<инику>. В 4 ч. у него».

НН, 1995, № 34, с. 65.

Из воспоминаний А.А.Есениной:

«26 ноября Сергей лег в клинику для нервных больных, помещавшуюся на Б. Пироговской улице, в Божениновском переулке. Клиника эта скорее походила на санаторий: внизу в вестибюле стояли цветы, всюду чистота, на натертых паркетных полах лежали широкие ковровые дорожки. Отношение врачей к Сергею было очень хорошим. Ему отвели отдельную хорошую светлую комнату на втором этаже, перед окном которой стояли в зимнем уборе большие деревья. Кроме того, ему разрешили ходить в своей пижаме, получать из дома обеды. Иногда обеды ему носила Катя <Е.А.Есенина>, но в основном это была моя обязанность.

С первых же дней пребывания в клинике Сергей начал работать. Без работы, без стихов он не мог жить».

Восп., 1, 121.

Е.А.Есенина вспомнит:

«В больнице Сергея поместили в хорошей комнате. Он повеселел — никто его не достанет теперь. Много читал, писал чудесные стихи, играл с азартом в бильярд и строил планы на будущее. <...> Эти планы на будущее Сергей твердо решил выполнить».

В семье родной, 249.

Составляет записку о вещах:

«Обязательно сделать:

- 1) [Выст] Отдать в чистку 2 однобортных костюма, желтый и серый.
- 2) Отдать в починку смокинг с прожженной дырой.
- 3) Привести в порядок чемодан с бельем, разложив всё отдельно.
- 4) Заказать трусики и шелковую синюю или черную рубашку.
- 5) Заказать башмаки по моей колодке — фасон старых.

4 рубашки
2 пиджамо
? носки
? кальсоны
? платки
? фуфайки
12 воротников».

На обороте первого листа записки — помета С.А.Толстой-Есениной:

«Мне для памяти написал, когда лег в клинику».

Есенин, VII (2), 195.

См. Приложение.

Вечерний выпуск ленинградской «Красной газеты» (№ 286) публикует рецензию М.Г.Майзеля на № 8 журнала «Красная новь» со стихотворениями Есенина:

«Стихотворный раздел представлен пятью авторами (среди них Есенин, Клычков и др.), которые дали ряд ординарных стихотворений. В таком окружении нетрудно выделиться “рыдалистым” строкам Есенина, который, монополизировав грусть и печаль всей современной русской литературы, достигает в этой тоскующей лирике больших успехов».

Информацию о выходе номера журнала см.: до 21 окт. 1925; 21 окт. 1925, третья запись; 22 окт. 1925, первая запись; 1 нояб. 1925, пятая запись.

Другие отклики см.: до 9 дек. 1925; 13 дек. 1925, третья запись.

В.П.Яблонский пишет Есенину:

«Дорогой Сережа, моя любовь к Тебе была всегда бескорыстной, и я всегда старался избегать назойливости в моем отношении к Тебе. Это письмо, это обращение к Тебе прими, как голос почти незнакомого Тебе человека, которого Ты видел несколько всего раз и о котором почти ничего не знаешь. Такое положение мое одинаково делает мой поступок и уместным, и неуместным. Неуместным — потому, что Ты можешь его и не читать, уместным — потому, что я был бы нечестен с собой, если бы не написал того, что я думаю, чем болею.

Я знаю Тебя 9 лет. И 9 лет я неизменно люблю Тебя. Имя Есенина было для меня всегда родным великозвонным именем, насыщенным ароматом истинных призваний. Целомудрие стихов Твоих творчески вдохновляло меня, и я не боялся, я даже любил подражать Тебе. Я подчинил Тебе себя. И вот теперь, именно потому, что я потерял грань различия между твоими и своими восчувствованиями, я взял себе право послать Тебе свой укор. Я укоряю Тебя не за то, что я слышу о Тебе вокруг и за что ругают Тебя многие. Мне нет дела до Твоих страстей и слабостей. Бог с Тобой. Делай, что хочешь, если тебе это нравится. Я укоряю Тебя за то, что вокруг имени Твоего уже носится тяжелый запах блёва. Этого я не прошу Тебе никогда! Водянистые строки Твоих перепевных стихов — это то, чего Тебе не простит никто из любящих Тебя, это — вилка, пущенная в тебя Иванов Касаткиным, это — многое, о чем Ты даже не знаешь, и о чем уже даже не говорят, махнув рукой. Я упрекаю Тебя в самом больном. И я делаю это сознательно. Мне нечего терять в Твоем отношении ко мне. Я никогда и не искал ответной на мою любовь Твоей дружбы. Но если бы я и терял Тебя, я бы не поколебался бы и упрекнул бы Тебя. Я знаю, почти дословно знаю, как Ты будешь реагировать, читая это письмо. Мне это не важно. Мне важно сказать Тебе то, чего, может быть, не скажут Тебе другие. И сказать Тебе это потому, что я любил Тебя всегда так, как только я могу любить. Ты был для меня величайшим из всего, сейчас творящего, и Ты хочешь перестать быть таковым. Как хочешь. Это, конечно, Твое дело. Твое право — избрать то, что Тебе дает больше радости. Любовь к Тебе, творящему, или урон себя в измененность и бездарие. Ничего третьего Ты избрать не сможешь, не дано Тебе. Я бы молчал, если бы Ты сказал уже свое последнее слово, но ведь оно еще за Тобой, а ты уже на грани импотенции, Тебе уже еле повинуется хрипчатый голос Твой. Вот. Всё.

Прости, дорогой мой, я больше наверно уже не буду так откровенен, да вряд ли это и нужно.

Любящий Тебя.
Виктор Яблонский».

ГЛМ, ф. 4, оп. 1, ед. хр. 160 (публикуется впервые).

На письме — помета С.А.Толстой-Есениной:

«Получено в начале ноября <следует: “декабря”> 25 г., когда С. А. был в клинике. Мною письмо задержано, и он никогда его не читал. Софья Есенина».

Об авторе письма см.: Есенин, VI, 609.

Ноябрь, 26 ... Декабрь, 9. В Ульяновске выходит журнал «Стрежень» (№ 1; за ноябрь) с материалами, касающимися Есенина.

Нижняя граница события определяется по информации газ. «Пролетарский путь» (Ульяновск, 1925, 25 нояб., № 270) о том, что номер журнала выйдет «на этой неделе», а его верхняя граница — по дате публикации рецензии на номер журнала в этой же газете (1925, 10 дек., № 283).

Журнал печатает:

— статью В.А.Никонова «Поэт большого сердца», посвященную Есенину:

«Есенин — по-прежнему вызывает у читателя воспоминания о “прежней удали” забияки и сорванца, о скандалах в стихах и в пивных. Да, по-прежнему. Но Есенин уже не тот. Не тот кудрявый подпасок из Рязанской <губернии> (род. в 1895 г. 21 сентября), 10 лет назад впервые узнавший дорогу в редакции. Не стилизатор былин и песен, в пестром галстуке, цилиндре и лакированных башмаках. И не тот избалованный поэт-хулиган, завсегдатай кабаков, накупивший героических лет. Он просто человек, человек глубокого и сильного чувства.

Вероятно, повлиял нэп. Суровая диалектика революции, жестоко на поворотах выбивая из колеи, заставляет мучительно задуматься и многое понять. Вернее, это срок личного роста, когда прорезаются зубы мудрости.

С силой, — не прорываясь контрабандой, а широким строем прозвучала в строчках поэта любовь:

В первый раз я запел про любовь,
В первый раз отрекаюсь скандалить...
...Я б навеки забыл кабаки
И стихи бы писать забросил,
Только б тонко касаться руки
И волос твоих цветом в осень.

С 22-го у Есенина вновь годы странствий: Западная Европа, Америка, потом Кавказ, Персия, полусказочный Хорасан — “голубая родина Фирдуси”.

Но от всего —

Только ближе к родному краю
Мне б хотелось теперь повернуть...

И вот:

До свиданья, пэри, до свиданья.

И вот: — “Письмо матери” <чит. вслед за первой строкой почти целиком (кроме пятой и двух последних строф) с короткими репликами>.

Эти мотивы растут в одной из сильнейших вещей, поэме <так!> “Москва кабацкая”.

Я усталым таким еще не был...
В эту серую морозь и слизь
Мне приснилось рязанское небо
И моя непутевая жизнь.

Они доходят до надлома:

Я устал себя мучить бесцельно
И, с улыбкою странной лица,
Полюбил я носить в легком теле
Тихий свет и покой мертвеца.

Конечно, это жуткий провал, но за ним успокоенное созерцание.

...Мир тебе, полевая солома,
Мир тебе, деревянный дом...

Чтобы дальше, сквозь тоску и усталость подъема, впивать, не отрываясь, полноту и красочность существования. Гость из деревни, кого приютила чахлая интеллигенция, от-

равленная подышающей буржуазией — Есенин, последний романтик, снова и с новой силой возвращается к основной своей теме: “А жизнь-то проходит”. Как же ценно, что не нутье, гнусь, а бодрость — да, бодрость, наполняет эти строки о неизбежности <приводится текст стихотворения “Не жалею, не зову, не плачу...”>.

Это близко, это родственно нам. Есенин нужен и важен нам этой мудростью своей и своей глубиной. Кто еще из поэтов так ощутил всю ценность жизни:

И на этой на земле угрюмой
Счастлив тем, что я дышал и жил.

У него иные радости, наполняющие жизнь, чем у нас, но любовь к бытию, воля к жизни — это наше, наше.

Каждый труд благослови удача,
Рыбаку — чтоб с рыбой невода.
Пахарю чтоб плуг его и кляча
Добывали хлеба на года.

Отсюда, от этих элементов, взращенных на трудовой, здоровой, еще сильной почве крестьянства, осмысливание Есениным величайших сдвигов современности. Еще пять лет назад “смешной дуралей-жеребенок”, гонящийся за паровозом, был ему милей последнего. В “Письме деду” не только сознание, но и чувство пишущего уже на стороне стальной конницы. <...>

Так подступает он к “Руси советской”.

Теперь в советской стороне
Я самый яростный попутчик.

Спотыкаясь, — но дает яркие образы; многие герои (у Родова, Лелевича, даже у Бзыменского) игрушечные деревянные солдатики перед есенинским ротным (“Песнь о великом походе”). Это живой человек. Нас залило наводнением стихотворных олеографий эпохи гражданской войны, а многие ли вызывают горечь и гнев, как “Баллада о 26 расстрелянных бакинских комиссарах”.

Пой, поэт, песню, пой!
Ситец неба такой голубой.
Море тоже рокочет песнь
26 их было — 26.

Сознаваясь, когда деревенская сестра говорит о Марксе, Энгельсе, что:

Ни при какой погоде
Я этих книг, конечно, не читал, —

уговаривает себя сестра за “Капитал”, чтобы разгадать премудрость скучных строк. Не ругаемся за исход, да и не в этом дело — революционизация налицо.

Разумеется, Есенин остается лишь наблюдателем, пусть сочувствующим. Нам ценно и это. Освобождаясь от озорничества, безысходного пессимизма, подчеркнутой антиобщественности, Есенин, углубляя лиричность, расширяя круг тем и увязывая свое творчество с основным ощущением нашей современности, Есенин может стать нашим крупнейшим поэтом».

См. Приложение.

Отклик см.: 10 дек. 1925, вторая запись.

См. также: Есенин, III, 605;

— в рубрике «Книжная полка» — фельетон «Прогулка по сумасшедшему дому» (подпись: «Вензель»):

«— Не бойтесь, — сказал врач. — Здесь тихие.

Дверь открыли. Длинноволосые джентльмены ожесточенно спорили, с напускной ученостью принимая важные позы:

— Когда душа станет миром, она будет вне мира.

— Мы не решались бы заставить атом поклониться богу, если бы это не было в его природе.

Заметив нас, они поспешили расшаркаться.

— Символ символов — Вечная женственность, мистическая плоть рожденного в вечности слова. Символ — иероглиф таинственный, ибо многозначачий, многосмысленный.

— Акмеист. Как адамысты, мы немного лесные звери.

Подскользнул третий, надменно и выспренно представился, декламируя и вороша шевелюру:

— Я гений! Я крылат! Я покорию литературу! Я прогремел на всю Россию! Я непосредственно сумею познать неясное земле!

— Называет себя Эго-футуристом, — успел шепнуть доктор, — мания величия.

Поэты продолжали спор:

<...>

Миновали имажинизм — наискосок — подхихикивавший в шелку:

— Заметьте: какие мы счастливые. У нас нет логики мыслей. А вы знаете? — $2 \times 2 = 5!$

Едет на кобыле
Новый к миру Спас! —

вывернулся Экспрессионист <...>».

Из примечаний редакции:

«Из слов “обитателей Дома” ни одного не выдуманно автором. Все взяты из манифестов соответствующих литературных групп. <...>

Редакция считает нужным, однако, указать, что многие из названных групп (символисты, имажинисты, Леф, ВАПП) имеют и огромные положительные заслуги»;

— в рубрике «Ульяновск литературный» — информацию:

«Вечера “Стрежня” (за осенний сезон) в зале Рабпроса собрали недурную и, видимо, постоянную аудиторию, чел<овек> в 200. Преобладает молодежь. <...> На ближайшее время намечены “Поэты-конструктивисты” и “С.Есенин”».

См. также: 21 нояб. 1925, четвертая запись.

Ноябрь, 27. Есенин пишет П.И. Чагину:

«Дорогой Петр! Пишу тебе из больницы, опять лег. Зачем — не знаю, но, вероятно, и никто не знает.

Видишь ли, нужно лечить нервы, а здесь фельдфебель на фельдфебеле. Их теория в том, что стены лечат лучше всего без всяких лекарств.

С удовольствием вспоминаю Вартапетова и Мезерницкого и говорю, что глухой Бетховен лучше слышащего плохого Рубинштейна и пьяный Эдгар По прекрасней трезвого Марка Криницкого. Всё это нужно мне, может быть, только для того, чтоб избавиться кой от каких скандалов. Из-

бавлюсь, улажу, пошлю всех в кем и, вероятно, махну за границу. Там и мертвые львы красивей, чем наши живые медицинские собаки.

Не понимаю, почему Павлу Первому не пришло в голову заняться врачебным делом. Он бы смог. Он бы вылечил. Ведь его теория очень схожа с проблемами совр<еменных> психиатров. Карьера не талант и не знание. У кары лечиться — себя злить и еще пуще надрывать. Вот почему мы, вероятно, с тобой в декабре увидимся снова где-нибудь за пирушкой.

Посылаю тебе “Черного человека”. Прочти и подумай, за что мы боремся, ложась в постели?..

Ну как Роза и Клара?

Как мать с отцом?

Передай им самое большое приветствие.

Васька ко мне заходил только один раз. Он лежит в больнице с ногой. Что там, не знаю, и что за больница, тоже не знаю. Говорят, где-то там, где вы раньше жили. Вот и всё.

Целую.

Твой С. Есенин».

Есенин, VI, 228–229, 734–737.

См. Приложение.

Вместе с письмом Есенин высылает П.И. Чагину рукопись поэмы «Черный человек».

Известно восемь рукописных источников поэмы, в т. ч. шесть ее списков, выполненных С.А. Толстой-Есениной. Один из них и был послан Есениным с письмом.

См. также: Есенин, III, 683.

С банковского счёта Есенина снимается 200 рублей.

ИМЛИ, ф. 32, оп. 2, ед. хр. 22.

Сам поэт сделать этого не мог, так как находился в тот день в больнице. Кому именно он поручил эту операцию, не установлено.

См. также: 19 нояб. 1925; 25 нояб. 1925, первая запись; 14 дек. 1925, вторая запись; после 14 часов 21 дек. 1925, первая запись.

Газета «Комсомольская правда» (№ 156) в объявлении о подписке на журнал «Прожектор» называет Есенина в ряду авторов журнала за 1923–1925 годы.

См. также: 25 нояб. 1925, шестая запись; 4 дек. 1925, третья запись.

Харбинская газета «Рупор» (№ 1445) под заглавием «Стихотворение» перепечатывает произведение Есенина «Видно, так заведено навеки...»

См. также: 14 июля 1925, первая запись; 31 июля 1925, первая запись; 13 сент. 1925, вторая запись; 16 ... 23 сент. 1925; 30 сент. 1925, третья запись; 7 нояб. 1925, вторая запись.

Вс. Иванов пишет К.А. Федину в Ленинград:

«Москва такая же, как в прошлом году, — только прибавилось очередей за спиртом. Литераторы по-прежнему сплетничают и, завидуя бог весть кому, — жалуется, что нет

литературы. Есенин по-прежнему пьет и разводится, а Пильняк становится всё степеннее и степеннее...»

Неизвестный Всеволод Иванов: Материалы биографии и творчества. М.: ИМЛИ РАН, 2010, с. 698.

Ноябрь, 27–30. Есенин ежедневно встречается с С.А.Толстой-Есениной в клинике.

ИИ, 1995, № 34, с. 65.

29 ноября Есенина посещают также Е.А. и А.А.Есенины и В.Ф.Наседкин (там же).

Ноябрь, 28. Есенин пишет стихотворение «Клен ты мой опавший, клен заледенелый...».

Есенин, IV, 233, 441–442.

См. Приложение.

Ноябрь, 29. В большой аудитории Политехнического музея объявляется вечер «Поэзия наших дней»:

«Воскресенье, 29 ноября

Большая аудитория

ПОЛИТЕХНИЧЕСКОГО МУЗЕЯ

Всероссийский союз поэтов

ПОЭЗИЯ НАШИХ ДНЕЙ

Вступительное слово — проф. Г.А.Шенгели

Участвуют поэты:

СИМВОЛИСТЫ

Андрей Белый, Ю.Верховский, Э.Левонтин,

И.Новиков, И.Рукавишников, Г.Чулков

АКМЕИСТЫ

М.Зенкевич, Н.Минаев, П.Скосырев

ИМАЖИНИСТЫ

А.Мариенгоф, М.Ройзман, В.Шершеневич.

ФУТУРИСТЫ

К.Большаков, А.Кручёных

ЛЕФ

Н.Асеев, В.Каменский

НЕОКЛАССИКИ

В.Буягина, М.Гальперин, В.Гиляровский,

Г.Дешкин, Н.Захаров-Мэнский, О.Леонидов,

Н.Ливкин, Е.Сокол

КОНСТРУКТИВИСТЫ

Б.Агапов, И.Аксёнов, В.Инбер, И.Сельвинский,

Д.Туманный

НЕОРОМАНТИКИ

Н.Адуев, П.Антокольский, Арго

МОСКОВСКИЙ ПАРНАС

Б.Лапин, Н.Церукавский, В.Монина

НИЧЕВОКИ

Р.Рок

ДР. ГРУППЫ И ВНЕ ГРУПП

Р.Акульшин, Д.Алтаузен, Э.Багрицкий, Н.Бенар, И.Грузинов, Р.Валаев, С.Городецкий, С.Есенин, В.Звягинцева, Б.Земенков, В.Казин, В.Кириллов, С.Клычков, Грицко Коляда, Н.Кугушева, Н.Манухина, С.Мар, Т.Мачтет, М.Малишевский, А.Наль, В.Наседкин, Л.Никольская, М.Нетропов, А.Оленин, Н.Савкин, М.Светлов, Н.Хориков, А.Чичерин, Г.Шенгели, Г.Шебуев и др.

ВИЗИОНИСТЫ

Адалис, Н.Берендгоф, Б.Зубакин, В.Пяст

Билеты от 50 коп. до 2 руб. 90 коп. продаются: Петровка, 5 (с 11 до 5 час.) и в Политехническом музее ежедневно с 12 до 5 час. дня».

Есенин, VII (2), 564–565.

Имя Есенина обозначено в афише, но поэт не мог выступить на этом вечере (см.: 26 нояб. 1925, первая запись). Его неучастие разочаровало многих поклонников и поклонниц его поэзии, пришедших тогда в Политехнический музей (см.: 30 нояб. 1925, первая запись).

Нью-Йоркская газета «Новое русское слово» (№ 4690) помещает материалы Есенина и о Есенине:

— в рубрике «Поэзия» — стихотворение поэта «Гори, звезда моя, не падай...»

В редакционной информации отмечено:

«В только что вышедшей в Москве октябрьской книге журнала “Красная новь” находим несколько прекрасных стихотворений Сергея Есенина. Приводим одно из них».

См.: до 21 окт. 1925; 26 нояб. 1925, третья запись; 13 дек. 1925, третья запись.

См. также: 17 авг. 1925, первая запись; 21 авг. 1925, первая запись; до 21 окт. 1925; 5 нояб. 1925, вторая запись;

— в рубрике «Литература и искусство» — неподписанную информацию «Российская литературная хроника»:

«Вышел альманах “Красной нови”. Сотрудники приблизительно те же, что и в самом журнале. Маяковский напечатал свою новую вещь о пребывании в Париже. <...>

Есенин дал хорошее стихотворение «Не вернусь я в отчий дом...» о том, как он, “вечно странствующий странник”, вернется умирать на родину и “в синий вечер над прудом прослезится конопляник”».

О публикациях произведения см.: 17 мая 1925, первая запись; 20 июля 1925, вторая запись.

Отклики см.: 10 сент. 1925, пятая запись; 30 сент. ... 12 окт. 1925; около 20 (?) дек. 1925.

Нью-Йоркская газета «Русский голос» (№ 3666; воскресное приложение) под заглавием «Стихи Сергея Есенина» перепечатывает стихотворение поэта «Свишет ветер, серебряный ветер...»

Об источнике перепечатки см.: 1 нояб. 1925, вторая запись.

Есенина навещают А.Б.Мариенгоф и А.Б.Никритина.

Событие и его дата устанавливаются в соответствии с воспоминаниями А.А.Есениной (см. ниже) с учетом календарной записи С.А.Толстой-Есениной, согласно которой А.А.Есенина побывала у брата в клинике в воскресенье 29 ноября 1925 г. (см. об этом: 27–30 нояб. 1925).

А.А.Есенина вспоминает:

«В один из воскресных дней зашли навещать Сергея Анатолий Мариенгоф и его жена Никритина, артистка Камерного театра. Я впервые видела их, так как долгое время Сергей с Мариенгофом были в ссоре и лишь незадолго до того они помирились <см.: 20 ... 30 окт. 1925>. Сергей не ждал их прихода и был смущен и немного нервничал. Раз-

говор у них как-то не вязался, и Сергей вдруг стал жаловаться на больничные порядки, говорил, что он хочет работать, а в такой обстановке работать очень трудно.

Условия в клинике действительно были для него тяжелы. Здесь всю ночь не гасили свет в комнатах и двери палат всегда были распахнуты настежь. Особенно тяжелы для Сергея были дни посещений, так как его комната была рядом с входной дверью в отделение, и все навещающие больных проходили мимо его комнаты и заглядывали к нему».

Восп.-95, 47.

А.Б.Никритина напишет:

«<У Есенина> засела в голове страшная мысль о самоубийстве. Она была у него навязчивая, потому что когда Есенин очутился в нервном отделении у Ганнушкина и мы к нему пришли, он только и рассказывал, что там всегда раскрыты двери, что им не дают ни ножичка, ни веревочки, чтоб чего над собой не сделали».

ЕиС, 386.

Ноябрь, 30. Есенин пишет стихотворение «Какая ночь! Я не могу...»

Есенин, IV, 234–235, 442.

Одна из почитательниц творчества поэта — Н.Шмаринова обращается к нему:

«Есенин.

Когда я шла вчера на вечер поэзии наших дней, то мое решение пойти туда держалось на трех китах; и, пожалуй, самым большим из них было желание услышать и увидеть настоящего, живого поэта — Вас. Вы, как и А.Белый, Городецкий и К°, не пришли и этим сорвали весь вечер.

Так как публика чем дальше, тем требовательнее орала при выступлении каждого нового поэта: “Не надо! Долой!! Даешь Сергея Есенина! Е-се-ни-на!!!!”

Нас утешали тем, что вы живы и невредимы, сидите дома...

По-моему, вы, Есенин, поступили свински, так надув нас. Собственно говоря, я это только и хотела сказать.

Пишу вам в первый раз и, вероятно, и в последний, потому что, к сожалению, уверена, что дальше мусорной корзинки вашего секретаря письмо не попадет. Так ведь?»

Письма, 301.

См. также: 29 нояб. 1925, первая запись.

Газета «Вечерняя Москва» (№ 273; рубрика «Хроника литературы и искусства») помещает информацию:

«В середине декабря выйдет № 10 журнала “Красная новь”. Содержание <...> стихи С.Есенина».

См.: первая половина дек. 1925, третья запись.

Ноябрь, 30 — Декабрь, до 21. Есенин работает над циклом «Стихи о которой».

Рамки события отмечаются по: 30 нояб. 1925, первая запись; утро 21 дек. 1925, первая запись.

«По предположению С.А.Толстой-Есениной, в цикл “Стихи о которой” должны были войти: “Какая ночь! Я не могу...”, “Не гляди на меня с упреком...”, “Ты меня не любишь, не жалеешь...”, “Может, поздно, может, слишком рано...”, а также “неотделанное” стихотворение “Кто я? Что я? Только лишь мечтатель...” и еще два стихотворения — “Есенин читал их вслух, продолжал работать над ними и

увез их в Ленинград" (Комментарий — ГЛМ). Дальнейшая судьба этих двух стихотворений остается неизвестной».

С.П.Кошечкини и Н.Г.Юсов — Есенин, IV, 444.

См. также: 30 нояб. 1925, первая запись; 1 дек. 1925, первая запись; 4 дек. 1925, вторая запись; 13 дек. 1925, первая запись; 14 ... 21 дек. 1925.

Ноябрь, конец. Госиздат посылает в набор все три тома «Собрания стихотворений» Есенина.

Устанавливается по воспоминаниям И.В.Евдокимова (1926):

«Планирующие органы Госиздата наметили сдачу в производство "Собрания стихотворений" в ноябре, с тем чтобы, начиная с января, выпустить его по одному тому в месяц. В конце ноября все три тома были сданы в набор. В каждое свое посещение Есенин неизменно начинал разговор о своих стихах, спрашивал о корректурах, нетерпеливо ожидал их. Портрет, напечатанный в первом томе, он принес сам и хотел непременно поместить его. Выбрал он и формат книжек и не хотел никакого иного».

Восп.-95, 468.

См.: 30 июня 1925, первая запись; 3 июля 1925, вторая запись; 7 июля 1925, первая запись; 19 июля 1925, первая запись; 21 июля 1925, вторая запись; 3 авг. 1925, первая запись; 12 авг. 1925; 24 авг. 1925, вторая запись; 11 или 12 сент. 1925; 12 сент. 1925, первая запись; 22 сент. 1925, вторая запись; 10 окт. 1925; 15 окт. 1925, первая запись; после 20 окт. 1925; окт. — до 26 нояб. 1925; 9–11 часов утра 23 дек. 1925.

В книгоиздательстве «Современные проблемы» выходят первый и второй сборники серии «Художественные страницы по истории общественных классов» (под ред. Л.П.Гроссмана; на титульном листе — 1926) со стихотворениями Есенина.

Время события определяется в соответствии с одновременным поступлением обоих сборников в Российскую центральную книжную палату в первой половине декабря 1925 г. (Кн. летопись, 1925, № 23/24, дек., поз. 21253–21254) с учетом рецензии на второй из них (см.: 1 дек. 1925, четвертая запись).

В первом сборнике — «Поэтическое творчество и его социальная значимость» (составитель Е. Петрова) — стихотворения Есенина «Хорошо под осеннюю свежесть...», «По-осеннему кычет сова...», «О Русь, взмахни крылами...» и «Русь советская», во втором — «Черты нового быта в современной деревне» (составитель Н.Столяр) — стихотворение «Возвращение на родину».

Из предисловия Л.П.Гроссмана к первому сборнику:

«Выпуски предлагаемой серии "Художественные страницы по истории общественных классов" ставят своей задачей дать молодым читателям образцовые произведения русской и мировой литературы, тесно связанные с нашей современностью. <...>

Наряду с Пушкиным, Лермонтовым, Некрасовым, Салтыковым, Толстым и Тургеневым здесь даются страницы Горького и Вересаева, Серафимовича и Неверова, Демьяна Бедного и Есенина».

См. также: до 23 сент. 1924; 24 сент. 1924, первая запись; после 10 окт. ... нояб. 1924; до 25 дек. 1924; 17 янв. 1925, третья запись; до 20 янв. 1925, третья запись; февр. (?) 1925, третья запись; 30 апр. 1925, первая запись; до 14 июня 1925; июль ... дек. (?) 1925, первая запись; 27 сент. 1925, пятая запись; конец сент. ... до 16 окт. 1925, первая запись; 17 окт. 1925, третья запись.

Из предисловия Л.П.Гроссмана ко второму сборнику:

«Настоящий выпуск посвящен художественным произведениям, изображающим сложный процесс перестройки быта и ломки нравов современной деревни. <...>

Из произведений, посвященных этой теме, мы выделяем для настоящего сборника несколько рассказов Сейфуллиной, Неверова, Яковлева, Дорохова, Волкова, Низового и ряд стихотворений Демьяна Бедного, Есенина и Дорогойченко, в которых переживаемый великий перелом народной жизни уже получил свое живое и выпуклое отражение.

Ноябрь. Лондонский журнал «Slavonic Review» (vol. IV; № 11) помещает статью «Современная русская поэзия» («Modern Russian Poetry») Дж. Патрика (G.Z.Patrick), в которой заходит речь о Есенине.

Большакова А.Ю. Есенин в англоязычном литературоведении. — Есенин и мировая культура, 122. А.Ю.Большакова пишет:

«Практически единственная прижизненная <англоязычная> публикация, где имя Есенина введено в должный литературный контекст, — это обзорная статья Джорджа Патрика, опубликованная в лондонском журнале “Славоник ревью” в ноябре 1925 г. и посвященная двум направлениям в русской поэзии после 1917 г.: крестьянскому и пролетарскому. <...> Дж. Патрик в довольно-таки сочувственных тонах описывает процессы обновления, происшедшие в послереволюционной России и отраженные в поэтическом зеркале. Именно задаче двойного отражения (история через поэзию и поэзия через критику) и подчинена вся статья исследователя, особо оговаривающего в своем введении к ней:

“Не будет преувеличением сказать, что через революцию 1917 г. Россия перешла из старой эры в новую. <...> Для понимания нового духа и манифестаций новой эры в России необходимо обратиться к так называемым крестьянским и пролетарским поэтам, чье творчество отражает идеалы и стремления, особенности и характер нового века”.

<...> Разделение текста статьи на две части — о “крестьянской” и “пролетарской” поэзии — обосновывается тем, что если представители первой воспринимают революционные перемены явно в религиозном духе, то второй — в резко бунтарском, не пассивно-примирительном, а деятельном.

Для иллюстрации столь четких выводов автору и потребовалась “затемненная” в <его> переводе цитата из Есенина <речь идет о заключительной строфе маленькой поэмы “Певущий зов”>, которой предшествует следующее суждение общего порядка:

“И все же можно подумать, что крестьянские поэты не воспевают коммунистическое государство и Революцию всем своим сердцем и умом, как это делают поэты пролетарские. Действительно, в крестьянских песнях звучит неподдельный энтузиазм, но в них нет пустых фраз, радикальных жестов или ожесточенности против своих односельчан, принадлежащих другим социальным классам. В крестьянской поэзии отсутствует жажда разгорающейся битвы, разрушения и гражданской войны. Скорее, в ней звучит желание забыть ужасы Революции”.

<...> «О стиле крестьянской поэзии Дж. Патрик пишет как об> “очень красочном и насыщенном прекрасной гармонией русского фольклора”, а также “символическими образами”, метафорами и мелодикой: в развитие традиций Кольцова, Некрасова, Блока, Белого и Бальмонта».

Есенин и мировая культура, 122–124.

Ноябрь (?). Выходит журнал «Кирпич» (№ 7; за сентябрь–ноябрь) с перепечаткой материала В.Курносова (под заголовком «Красные моряки у М.Горького»), где заходит речь о Есенине.

См. Приложение.

О тексте материала см.: 30 сент. 1925, четвертая запись; о его исходной публикации — 20 окт. 1925, третья запись.

О других перепечатках см.: 20 окт. 1925, четвертая запись; 21 окт. 1925, четвертая запись; 22 окт. 1925, вторая запись; 23 окт. 1925; 27 окт. 1925, третья запись.

В журнале «Комсомолия» (№ 8; за ноябрь) — материалы, в которых говорится о Есенине:

— обзор А.Зонина «Итоги литературного года»:

«2. Попутническая литература

<...> Поэтами революции продолжают оставаться В.Маяковский, написавший ряд стихотворений о Париже, и Асеев, недавно написавший поэму “Ленинград”.

Наконец, Сергей Есенин продолжает продвигаться к революционно-крестьянскому творчеству, написав поэмы “Советская Русь” <так!> и ряд звучнейших, в смысле формы единственных в современной литературе, стихотворений»:

— в рубрике «Письма из провинции» — рецензия Л.Софронова «Молодая кузница» (об одноименной группе комсомольских поэтов и писателей):

«Поэт Кудрейко-Зеленяк — лирик. Его увлечение Есениным положило свой отпечаток на его форму. От Есенина он унаследовал некоторую неопрятность в ней, нередкие ритмические срывы. В последнее время, правда, эти недостатки изжиты им, и форма его начинает приобретать большую гибкость»;

— статья И.Машбиц-Ворова «Корни и “корни”. О поэзии Михаила Светлова»:

«Формально Светлов сравнительно очень скоро образует свое собственное, самобытное лицо. Влияние Есенина (некоторые мотивы), а также Маяковского (главным образом рифмоды и составные рифмы) быстро исчезает».

Журнал «Современная музыка» (№ 11) помещает материалы с упоминанием Есенина:

— неподписанную информацию о вечере культурного сближения с Чехословакией, где исполнены две песни А.Н.Александрова на стихи Есенина.

О событии см.: 30 окт. 1925;

— информацию АО «Международная книга»:

«Музыкальный отдел. Склад произведений современной русской музыки. <...>

А.П.Александров.

Оп. 24. Четыре песни для голоса и ф<орте>п<иано>

№ 1. Осень (С.Есенин)

№ 2. Березка (С.Есенин) печ<аается>».

См. также: 3 окт. 1924, пятая запись; 13 окт. 1924; до 11 янв. 1925; март (?) 1925, первая запись; 28 апр. 1925, первая запись; 30 окт. 1925.

В белорусском журнале «Чырвоны сыцяг» («Красное знамя»; № 7; рубрика «Критика и библиография»; подпись: «З. Б.») публикуется рецензия Д.С.Снежка на книги Есенина «Страна Советская» и «Персидские мотивы»:

«“Страна Советская” — это другой Есенин, Есенин “певец и гражданин”, Есенин, вернувшийся после продолжительного путешествия. Есенин “Страны Советской” — это уже не Есенин узко-личных, мрачных мотивов, кабацко-хулиганских настроений, который говорил, что

Провоняю я перцем <так!> и луком,
Хулиганом <так!> пойду по Руси.

Это не Есенин молитвенных настроений “Березового ситца” — это Есенин, который начал искать свое место в строительстве новой жизни.

Хочу я быть певцом и гражданином...
Приемлю всё.

Как всё есть <так!> принимаю.
 Готов идти по выбитым следам...
 Отдам всю душу Октябрю и Маю
 (“Русь Советская”).

Есенин “Страны Советской” очень жалеет, что во времена Октябрьской Революции, во времена гражданских боев он таскался по кабакам, а не был среди бойцов за лучшее будущее и еще теперь Есенин говорит, что:

Остался в прошлом я одной ногою;
 Стремясь догнать стальную рать,
 Скольжу и падаю другою...»
 (“Русь уходящая”)

Прошедшее — это его “Москва кабацкая”.

Есть границы в жизни человека, переступивши которые не очень скоро вернешься назад, а если и вернешься, так уже не тем... Так и с Есениным. Он вернулся, но одна нога в прошлом, другая еще скользит по современности. И ничего нет удивительного в том, что Есенин — певец крестьянских изб, кленов, деревни и полей, заявляет в “Стансах”:

Я полон дум об индустриальной моши,
 Я слышу голос человеческих сил.

Говорит это он искренне, но только говорит, труда мало. Он принимает всё — “как есть всё принимаю...” И в это время его думы не только там, в деревне, но и здесь “на бакинских промыслах”, ибо здесь та самая жизнь, которую он охватил в слове “всё”. Он ее увидел — она его захватила, ибо он хочет быть

... настоящим,
 А не сводным сыном
 В великих штатах СССР
 (“Стансы”).

И снова он только хочет, ибо переступить в новое совсем он не в силах.

Есенин хрупкая, мягкая натура, — натура очень глубокая, больная — вот почему и его объяснение своего ухода и разгула — понятно. У Есенина “больная душа”...

Но эта пакость —
 Хладная планета!
 Ее и солнцем-Лениным
 Пока не растопить!
 Вот потому
 С больной душой поэта
 Пошел скандалить я,
 Озорничать и пить!
 (“Ответ”).

Пошел. Куда? Известно — в кабак, в “корабельный трюм”, который он сам называет так:

Тот трюм был —
 Русским кабаком
 И я склонился над стаканом,

Чтоб не страдая ни о ком,
 Себя сгубить
 В угаре пьяном.

Но Есенин “избежал паденья с кручи...”

Теперь в советской стороне
 Я самый яростный попутчик...

Избежал, не упал и не вернулся, всё как-то ищет места.

И его “Страна Советская” — песня “Нового” Есенина. Есенин дает нам Русь... “Русь Советскую”, где

Воскресные сельчане
 У волости, как в церковь собрались,
 Корявыми немытыми руками <так!>
 Они свою обслуживают <так!> “жись” — ,

“Русь беспризорную”, Русь, — которая проводит ночи в котлах, Русь — в которой

... Троцкий
 Ленин и Бухарин,

“Русь уходящую”, о которой он говорит:

Не троньте!
 Будет запах смрада!
 Они в самих себе умрут,
 Истлеют падью листопада.

Люди этой “Уходящей Руси”, — обломки старого.

А потом “Возвращение на родину”, “Стансы”, “На Кавказе”, “Письма к женщине, матери, деду”, — всё это и искренние, крепкие, глубокие стихи “больного” человека. “Баллада о 26” — одно из лучших произведений Есенина. Оно еще больше подчеркивает переход Есенина к новому, жизненному.

“Персидские мотивы” — это лирика Есенина, ими Есенин лечит себя после перелома, здесь Есенин — певец “Тегеранских чайхан”, “Шираза”, “Персиянок, Хоросана” и т. д.

Есть красивые, крепкие места, есть рисунки быта далекой Персии.

Мы в России девушек весенних
 На цепи не держим, как собак.
 Поцелуям учимся без денег,
 Без кинжальных хитростей и драк.

И ему немного как-то дивно становится,

Что персияне
 Держат женщин и дев под чадрой.

В “Персидских мотивах” — есть живописные переливы стихов. Это делает их более лирическими и прекрасными... но со стороны внутреннего содержания — как-то пусто. Или это поэт отдыхает после смены “своих лир”... или покатился в “лирические настроенческие мотивы”. Нет, не такое творчество нам нужно, тов. Есенин!

“Мой путь” — это автобиография Есенина в стихах. Детство и деревня, столица, Россия, царизм, хулиганство и снова “Родина”:

И пусть иная жизнь села
 Меня наполнит
 Новой силой!..

Вот это и наше пожелание, пожелание честное. Есенин “Страны Советской” — наш Есенин. Он уже очень часто вместо кабака нюхает “премудрость мудрых <так!> строк” Маркса, и мы вправе ждать от него новых лучших песен. А ждать их от Есенина можно.

“Рябиновый костер” — это рябиновые песни Есенина. Здесь и “отцвела липа”, и “отзвенел рассвет”, и “прошлого не жаль”, “рыданье”, и “отзвучавшие годы”... Всё это Есенин... узко-личный, который...

Восхищаться уж я не умею,
 И пропасть не хотел бы в глуши,
 Но наверно навеки имею
 Нежность грустную русской души.

Есенин — русская душа... Душа мягкая... Душа больная».

Перевод с белорусского П.И.Радечко.

Об установлении имени автора рецензии см.: Радечко П. Как Снежко критиковал Есенина. — Журн. «Наш современник», 2008, № 12, с. 267–269.

О сб. «Страна советская» см.: до 20 янв. 1925, третья запись; до 24 янв. 1925; 24 янв. 1925, вторая запись; 18 февр. 1925, третья запись; 19 февр. 1925, первая запись; 20 февр. 1925, первая запись; 21 февр. 1925, вторая и третья записи; 25 февр. 1925, вторая запись; 15 марта 1925, первая и пятая записи; с 10 на 11 или 11 апр. 1925; 18 апр. 1925, первая запись.

О сб. «Персидские мотивы» см.: после 2 марта 1925, вторая запись; 22 апр. 1925, первая запись; до 26 мая 1925; 26 мая 1925; после 26 мая 1925; 29 мая ... 6 июня, или 10 июня ... 9 июля, или 16 ... 25 июля 1925; конец июня – 7 (?) июля 1925, первая запись; 1 ... 22 июля 1925; 3 (?) июля 1925; 4 июля 1925, вторая запись; 20 июля 1925, первая запись; до 24 июля 1925, первая запись; 31 июля 1925, вторая запись; после 6 сент. 1925, первая запись; 24 сент. 1925, четвертая запись; 17 нояб. 1925, вторая и третья записи; 20 нояб. 1925; 21 нояб. 1925, первая запись.

Пражский журнал «Воля России» (№ 11; за ноябрь) публикует материалы, в которых говорится о Есенине:

— продолжение воспоминаний М.Цветаевой «Герой труда (Записи о Валерии Брюсове)»:

Из главки IV «Бальмонт и Брюсов»:

«Неспособность ни Бальмонта, ни Брюсова на русскую песню. Для того, чтобы поэт сложил народную песню, нужно, чтобы народ влился в поэта. Народная песня: не отказ, а органическое совпадение, сращение, созвучие данного “я” с народным. (В современности, утверждаю, не Есенин, а Блок)».

Из главки V «Последние слова»:

«Служение Брюсов<a> коммунистической идее не подневольное: полюбовное. Брюсову в СССР, как студенту на картине Репина — “какой простор!” (Ширь — его узостям, теснотам его — простор). Просто: своя своих познаша.

И не Маяковский, с его бульжными, явно российскими грóбами, не Есенин, если не “последний поэт деревни”, то — не последний ее певец, и уж, конечно, не Борис Пастернак, новатор, но в ц<a>рстве Духа, — останутся показательными для новой, насильственной на Руси, бездушной коммунистической души, которой так страшился Блок. Все вышепоименованные выше (а может быть — шире, а может быть — глубже) коммунистической идеи, Брюсов один ей — бровь в бровь, кровь в кровь.

(Говорю о коммунистической идее, не о большевизме. Большевиков у нас в поэзии достаточно, те же — не знаю их политических убеждений — Маяковский и Есенин. <...>);

— материал П.Милославского «Как живут и работают (О материальном положении русских писателей)»:

«За последнее время, в широких кругах эмиграции всё больше и больше пробуждается интерес к современной русской литературе. Время огульного отрицания и неприятия всего, что исходит из советской России, проходит. За шумихой политической злобы, заставляющей отрицать, не изучая, понемногу намечается подлинный интерес к проявлениям духовной жизни в России, и всего сильнее этот интерес сказывается в отношении литературы. И если мы и были недавними свидетелями упорного нежелания, со стороны отдельных кругов эмиграции, просмотреть ту или иную книгу, изданную в Сов. России, только потому, что на обложке значится “Ленинград”, а орфография — новая, то теперь имена Сейфуллиной, Леонова, Есенина, Тихонова, Всева, Иванова и др. — почти не сходят со страниц критико-библиографических отделов эмигрантской печати».

Луганский журнал «Забой» (№ 21/22) публикует статью А.Селивановского «Перед 2-м съездом “Забоя”. На творческих путях», в которой говорится о Есенине:

«Мы помним стихи Есенина о его возвращении в деревню после долгих лет разлуки. Деревня изменилась, там комсомол, там “агитки Бедного Демьяна”.

А вот в № 15–16 “Забоя” стихи поэта-шахтера Павла Беспощадного “О Севере”. В основном та же тема, те же изобразительные средства. <...>

Первое впечатление <от поэзии “Забоя”> таково: здесь господствует Есенин. И действительно: только один Пушкин из всей старой русской поэзии чувствуется в стихах П.Есельсона, И.Смирнова и еще кое-кого. На остальных прочное клеймо наложил Сергей Есенин. Частично тот же П.Есельсон, Ник. Таежный, первоначально исключительно самобытный (вследствие своей литературной малограмотности), Фома Еремин, даже отчасти Павел Беспощадный — все они в Есенине, в его мягкой расплывчатости образов, в его нежности, в его музыкальности».

Декабрь, 1. Есенин пишет стихотворение «Не гляди на меня с упреком...»

Есенин, IV, 236–237, 442–443.

Встречается с С.А.Толстой-Есениной в клинике.

Отмечается по ее календарной записи того же дня:

«У Сергея». Трудный день».

НН, 1995, № 34, с. 65.

Газета «Известия ЦИК СССР и ВЦИК Советов» (№ 274) в объявлении о подписке на журнал «Красная нива» на 1926 год называет Есенина в ряду авторов издания.

Газета «Вечерняя Москва» (№ 274) публикует неподписанную рецензию на серийное издание «Художественные страницы по истории общественных классов» (под редакцией Л.П.Гроссмана; второй выпуск), куда входят стихи Есенина.

См.: конец нояб. 1925, вторая запись.

Декабрь, 2. При очередной встрече Есенина с женой в клинике поднимается вопрос о разводе.

Отмечается по календарной записи С.А.Толстой-Есениной того же дня:

«1-ый разговор о расхождении».

НН, 1995, № 34, с. 65. Карандашное пояснение «о расхождении» добавлено к исходной записи, выполненной черными чернилами, позже (Календарь ГМТ).

Газета «Известия ЦИК СССР и ВЦИК Советов» (№ 275) анонсирует выход журнала «Красная нива» (№ 50) со стихами Есенина.

См.: 6 дек. 1925, первая запись.

Декабрь, до 3. Выходит журнал «Красная новь» (№ 9; за ноябрь) со стихотворениями Есенина «Голубая кофта. Синие глаза...», «Слышишь — мчатся сани, слышишь — сани мчатся...» и «Сочинитель бедный, это ты ли...»

Граница события устанавливается по объявлению «Новые книги, поступившие в редакцию для отзыва» (газ. «Известия ЦИК СССР и ВЦИК Советов», 1925, 3 дек., № 276).

См. также: Есенин I, 281, 282, 286; 660–663; 3 окт. 1925, первая запись; с 4 на 5 окт. 1925; 20 окт. 1925, вторая запись.

См. Приложение.

Декабрь, 3. К Есенину в клинику приходит П.А.Радимов.

Событие устанавливается по календарной записи С.А.Толстой-Есениной от того же дня:

«Р<a>димов у С<ергея>».

НН, 1995, № 34, с. 65.

Декабрь, 4. Встреча Есенина с женой в клинике.

Отмечается по ее календарной записи от того же дня:

«У С<ергея>».

НН, 1995, № 34, с. 65.

Есенин пишет стихотворение «Ты меня не любишь, не жалеешь...»

Есенин, IV, 238–239, 443.

В черновом автографе (IV, 319) значимыми являются два из имеющихся вариантов: «Наша жизнь не вешена судьбою» — «Этот пыл не называй судьбою»; «Только не любивших не мани» — «Только негоревших не мани».

Газета «Правда» (№ 277) в объявлении о подписке на журнал «Прожектор» на 1926 год называет Есенина автором издания в 1923–1925 годах.

См. также: 25 нояб. 1925, шестая запись; 27 нояб. 1925, четвертая запись.

Декабрь, около 5. С.А.Толстая-Есенина письмом (неизвестно) сообщает С.Ф.Файнштейну о помещении Есенина в клинику.

Представление о содержании этого письма можно составить по ответу С.Ф.Файнштейна (см.: 12 дек. 1925).

Декабрь, 5. Журнал «Пионер» (№ 23) печатает «Сказку о пастушке Пете, его комиссарстве и коровьем царстве» <<Сказку о пастушонке Пете, его комиссарстве и коровьем царстве»> Есенина с иллюстрацией художника К.Ротова.

См. также: с 7 на 8 окт. 1925; 1 нояб. 1925, третья запись; 6 дек. 1925, шестая запись.

См. Приложение.

Газета «Известия ЦИК СССР и ВЦИК Советов» (№ 278) в объявлении о подписке на журнал «Новый мир» на 1926 год называет Есенина в числе авторов издания.

Заведена «История болезни» Есенина.

ИМЛИ, ф. 32, оп. 2, ед. хр. 37.

«Есенин лег в клинику I-го МГУ 26 ноября 1925 г. с жалобой на кашель и кровохарканье, которыми, по его словам, страдал с тех пор, как сильно простудился при поездке в горы во время пребывания в Батуме <...>».

В истории болезни, заведенной 5 декабря, в графе «другие заболевания» значится: «Delirium Tremens, Hallucinations <Белая горячка. Галлюцинации> с XI. 1925». В документе содержатся также записанные со слов Есенина указания на перенесенные им инфекции (корь, скарлатина, дифтерия, в 16 лет — сыпной тиф), его режим питания (достаточное, домашнее и столовое; нерегулярная горячая пища 2 раза в день), курение (с 15-ти лет, по 25 папирос в день), алкоголь (употребление с 24-х лет; подчеркнуто слово «много»), занятия спортом (до 27-ми лет — бокс).

Материалы, 408.

Кроме того, среди перенесенных поэтом болезней в анамнезе указывается аппендицит, операция по поводу которого была сделана ему в 1916 г. (подробнее см.: Летопись, I, 362–363).

Факсимиле документа см.: McVay G. Esenin: A Life. Ann Arbor, 1976.

См. Приложение.

При встрече Есенина с женой в клинике между ними вновь возникает конфликт.

Отмечается по ее календарной записи от того же дня:

«У С<ергея>. Мир и опять».

Субботин-96, 28. В первой публикации (ошибочно) — диаметрально противоположное по смыслу: «Мир опять» (НН, 1995, № 34, с. 65).

Декабрь, после 5. С.А.Толстая-Есенина пишет записку Есенину:

«Сергей, ты можешь быть совсем спокоен. Моя надежда исчезла.

Я не приду к тебе.

Мне без тебя очень плохо, но тебе без меня лучше».

Субботин-96, 28.

Граница события отмечается в соответствии с предыд. записью.

Декабрь, 6. Есенин встречается в клинике с Е.А.Есениной и В.Ф.Наседкиным.

Событие отмечается по календарной записи С.А.Толстой-Есениной от того же дня:
 «У С<ергея> Катя и Нас<едкин>».
 НН, 1995, № 34, с. 65.

Пишет И.В.Евдокимову:

«Милый Евдокимыч!

Привет тебе и тысячу пожеланий за все твои благодеяния ко мне.

Дорогой мой! Так как жизнь моя немного перестроилась, то я прошу тебя, пожалуйста, больше никому денег моих не выдавать, ни Илье, ни Соне, кроме моей сестры Екатерины.

Было бы хорошо, если б ты устроил эту тысячу между 7–10 дек<абря>, как ты говорил.

Живу ничего. Лечусь вовсю. Скучно только дьявольски, но терплю, потому что чувствую, что лечиться надо. Иначе мне не спеть, как в твоём “Сиверко”: “Пил бы да ел бы, спал бы да гулял бы”. На днях пришлю тебе лирику “Стихи о которой”.

Если не лень, черкни пару слов с Екатериной. Я ведь теперь не знаю, чем пахнет жизнь.

Жму руку.

Твой С. Есенин».

Есенин, VI, 229, 737–739.

При публикации текста этого письма (1926) И.В.Евдокимов отметит:

«Письмо было доставлено мне Е.А.Есениной только в конце апреля 1926 года. “Стихи о которой” переданы не были, почему и не вошли в первый том “Собрания”, как того хотел поэт. Написано оно на листке из блокнота карандашом».

Восп.-95, 476.

См. также: 14 дек. 1925, третья запись; 9–11 часов утра 23 дек. 1925.

Пишет доверенность И.И.Есенину на получение 1000 рублей в Госиздате.

Есенин, VII (2), 366–367.

Из воспоминаний И.В.Евдокимова:

«...еще в начале осени <1925 г.> я договорился с поэтом, чтобы он сам вообще не ходил за деньгами, не отвлекался от работы... Есенин, смеясь, согласился и поручил получать деньги брату Илье, который и ходил за ними с тех пор».

Восп.-95, 473.

Журнал «Красная нива» (№ 50) публикует стихотворения Есенина «Темнолесье, степь и дали...» <«Мелколесье. Степь и дали...»>, «Цветы мне говорят — прощай...» и «Вечером синим, вечером лунным...»

См.: с 4 на 5 окт. 1925; 21–22 окт. 1925; 27 окт. 1925, первая запись; 2 дек. 1925.

В письме П.М.Денисовой-Соколовой к Е.А.Есениной заходит речь о поэте:

«... мы виделись только раз у Вас на Брюсовском пер. в марте прошлого года <точнее, года уходящего; см.: 2 ... 4, или 6 ... 9, или 11 ... 13, или 20 ... 25 марта 1925>, вспом-

ните, жена Константина Соколова (художника), а Вы и Василий Наседкин, его-то, конечно, помните, пели песню, которую я до сих пор забыть не могу, а именно:

Что-то солнышко не светит.
Над головушкой туман.
Ай, пуля в сердце метит.
Ай, близко трибунал и т. д.

Так вот, милая Катюша, я Вас буду бесконечно просить прислать мне всю эту песню, мелодию-то я прекрасно помню, а вот слова-то, слова-то и не запомнила. Мне же это крайне нужно. Вот и всё, что я хочу. Надеюсь, что Вы меня обрадуете и пришлете. Кроме Вас, ее ведь никто не знает, а я страшно люблю мелодию и вечно напеваю только начало... дальше... Но дальше это получу от Вас, правда, Катюша?

Пожалуйста, передайте мой сердечный привет Сергею Александровичу и от меня и от Кости и поцелуйте Вашу маленькую сестричку».

Письма, 368.

Речь идет о песне тамбовских крестьян-повстанцев, текст которой сохранился в записи рукой Есенина (см. факсимиле: Материалы, 263):

Чтой-то солнышко не светит.
Над долиною туман.
Аль уж пуля в сердце метит.
Аль уж близок трибунал.

— Ах доля! Неволя!

Глухая тюрьма.
Долина. Осина.
Могила темна.

На заре каркнет ворона.
Коммунист, взводи курок!
В час последний похорона
Укокошат под шумок.
— Ах, доля... — и т. д.

См. также: Есенин, IV, 417, 420–421; 3–6 нояб. 1925, вторая запись.

Нью-йоркская газета «Русский голос» (№ 3673; воскресное приложение) перепечатывает стихотворение Есенина «Сказка о пастушке Пете, его комиссарстве и коровьем царстве» <«Сказка о пастушонке Пете, его комиссарстве и коровьем царстве»>.

См. также: с 7 на 8 окт. 1925; 1 нояб. 1925, третья запись; 5 дек. 1925, первая запись.

Декабрь, 7. По поручению Есенина в Ленинград посылается телеграмма В.И.Эрлиху с просьбой подыскать комнату:

«Ленинград, улица Некрасова, 29, кв. 8, Эрлиху. Немедленно найди две-три комнаты, 20 числах переезжаю жить Ленинград телеграфируй — Есенин».

Есенин, VI, 230, 739.

См. также: 16 дек. 1925, вторая запись.

Е.А.Есенина позже вспомнит слова Есенина:

«Еду в Ленинград. Попрошу дать мне журнал. Буду редактором. Отберу для своего журнала молодых талантливых поэтов и писателей. Журнал буду издавать по типу “Современника”. К этому времени напишу поэму “Цветы”, куплю квартиру, женюсь на молодой, чистой девушке и буду жить. Знаете, надо идти в ногу со временем. Хуже нет ждать да догонять».

В семье родной, 249.

Декабрь, 7 ... 13. Есенин пишет Е.А.Есениной:

«Екатерина! Почему там получил Илюшка только сто? <см.: 6 дек. 1925, третья запись>. Что за чертовщина?

Деньги с Гиза немедленно все в банк до сантима, иначе я послезавтра выйду и пошлю вас всех куда подальше.

Не нервничайте меня хотя бы в этом.

Потом узнай у Сони, почему мы одни всё время платили за квартиру, за газ и электричество».

Жду банк-книжку, варенья, папирос, спичек и еще чего-нибудь.

Сергей».

Есенин, VI, 230.

Факсимиле записки см.: В семье родной, 72.

См. также: 19 нояб. 1925; 25 нояб. 1925, первая запись; 27 нояб. 1925, третья запись; 14 дек. 1925, третья запись; после 14 часов 21 дек. 1925, первая запись.

Декабрь, 8. Ленинградский журнал «Жизнь искусства» (№ 49) печатает статью Б.Арватова «Крестьянские писатели», в которой говорится и о Есенине:

«Среди современных литературных группировок имеются две-три организации крестьянских писателей, которые пробуют выработать в литературе особое крестьянское направление.

Спрашивается, насколько такие пробы социально закономерны и жизненны? <...>

Всё крестьянское искусство есть плод интеллигентски-городского воображения, принимающего пережиток варварства и отсталости за экзотический стиль. Рабочий класс может и должен отбирать из этих пережитков то индивидуальное и яркое, что способно войти в некоторых порциях в новую культуру и только <...>.

Ремизов, Бунин, Замятин и другие крестьянствующие так же далеки от “крестьянского стиля”, как Клюев, Орешин или Клычков, эти выходцы из деревни, попавшие в оборот буржуазной профессии и вносящие элементы старины в продукцию города. Есенин и Клюев — это символисты, имажинисты и еще что угодно, так же как ряд современных писателей из крестьян — это реалисты, фольклористы и пр., т. е. художники, объективно оторванные от деревни и служащие орудием воздействия городской культуры на крестьянство».

Калужская газета «Коммуна» (№ 279; рубрика «Книжная полка») публикует рецензию Н.Воронцова на книгу 6 журнала «Красная новь», в которой упоминается о публикации Есенина в рецензируемом издании.

Другие отклики см.: 23 авг. 1925, первая запись; 30 сент. 1925, третья запись; 2 окт. 1925; 8 дек. 1925, вторая запись, сентябрь 1925 (?).

Декабрь, до 9. В Новониколаевске выходит журнал «Сибирские огни» (№ 4/5; за август–октябрь) с информацией:

«Вышла из печати восьмая книга “Красной нови” за октябрь месяц 1925 г.

Содержание номера: <...> Стихи: Сергея Есенина».

Граница события — по информации о выходе номера в газ. «Советская Сибирь» (1925, 9 дек., № 282).

См.: до 21 окт. 1925; 21 окт. 1925, третья запись; 22 окт. 1925, первая запись; 1 нояб. 1925, пятая запись. См. также: 26 нояб. 1925, третья запись; 13 дек. 1925, третья запись.

Декабрь, 9. Есенин пишет записку С.А.Толстой:

«Соня! Пожалуйста, пришли мне книжку Б. / С.Есенин».

Есенин, VI, 230, 740.

По свидетельству С.А.Толстой-Есениной, «последние книги, которые читал Есенин в своей жизни, были два тома стихотворений Блока» (ГЛМ). Однако в данном случае речь может идти о банк-книжке, упомянутой в записке Есенина его сестре Екатерине (см.: 7 ... 13 дек. 1925).

См. также: 19 нояб. 1925; 25 нояб. 1925, первая запись; 27 нояб. 1925, третья запись; 14 дек. 1925, третья запись; после 14 часов 21 дек. 1925, первая запись.

А.Н. и Т.Ф.Есенины пишут Есенину, Е.А. и А.А.Есениным:

«Милые и дорогие дети!

Шлем вам привет и желаем всего хорошего. Катя! передай, пожалуйста, Сергею, что денег мы и по сие время никаких не получаем, и попроси его, чтобы он прислал нам хотя сколько-нибудь. Денег у нас нет ни гроша, и жить совершенно нечем, нужно платить сельхозналог, но нечем. Дома пока всё по-хорошему — к празднику ждем вас всех. Больше писать нечего, может, и написал бы что, но сильно что-то нездоровится, еле-еле движусь.

Затем до свидания, остаемся известные Вам Любящие вас ваши родители А. и Т. Есенины».

Письма, 302.

Самарская газета «Коммуна» (№ 2094; рубрика «Литературная Самара») публикует материалы, в которых заходит речь о Есенине:

— стихотворение Н.Жоголева «Сергею Есенину»:

Твоего не знаю голоса
И тебя я не встречал
Не твои ль куделью волосы
Ветер по ветру метал?

Не твои ли голубиные
Смотрят очи в синь озер?
И не ты ли холудиною <так!>
Загоняешь стадо зорь?

Не твои ли непропетые
Пел мне песни листопад?
Не тобою ли задетые
Струны вечера дрожат?

Не твоя ль звенит дороженька,
В голубой манит простор...

Брат ты мой — родной Серезенька,
Голубиный вижу взор.

Ведь и я, как ты — прокапанный —
Предрассветной грустью рос,
Ведь и я, — зипун заплатанный, —
В поле выветренном рос.

И полынною дорогою, —
С бугорка на бугорок, —
Как и ты, — я шел с тревогою
На заветный огонек.

Ты дошел, а я с телегою
Пережитых горьких лет,
Тарахтя клячонкой пегою, —
Чуть нащупываю след.

Ты дошел. А я — стреноженный
Всё не смел прорезать пут.
А теперь, тобой встревоженный, —
Я найду ль заветный путь?

Месяц светит так таинственно.
Тихо шенчет листопад...
У меня зарок единственный —
Повидать тебя, мой брат.

И хоть я не знаю голоса,
Пусть тебя я не встречал, —
Золотые твои волосы
Ветер пышно разметал;

— очерк «Бродячие поэты» Ксении Львовой.

Из диалога побывавшего в Москве поэта Афанасьева с членами самарского литературного объединения «Слово»:

«А как Есенин? — скороговоркой спросил наш поэт-энтузиаст Шестаков, положив набок свою лисью мордочку. Сухо вжал губы и забегал глазами.

— Есенин... Мне с ним говорить не пришлось, у нас... костюмы разные <...>».

Декабрь, 10. Самарская газета «Коммуна» (№ 2095; рубрика «Хроника художественной литературы») информирует, что Есенин закончил сказку в стихах «О пастушке Пете, его комиссарстве и коровьем царстве» <«Сказку о пастушонке Пете, его комиссарстве и коровьем царстве»>.

Ульяновская газета «Пролетарский путь» (№ 283; подпись: «АШ») публикует рецензию на № 1 литературного журнала «Стрежень» с упоминанием имени Есенина:

«Хорошее впечатление производит статья Никонова о поэте Есенине. Никонов дает на двух страничках то, что, пожалуй, другой не даст в целой книге. Перед нами выпукло, ярко выплывает образ этого молодого и, пожалуй, гениального поэта современности».

См.: 26 нояб. ... 9 дек. 1925.

Декабрь, около 10. Есенина тяготит пребывание в клинике.

А.А.Есенина вспомнит:

«Лечение в клинике было рассчитано на два месяца, но уже через две недели <после 26 нояб.> Сергей сам себе наметил, что не пробудет здесь более месяца. Здесь же он принял окончательное решение не возвращаться к Софье Андреевне и уехать из Москвы в Ленинград».

Восп., 1, 122.

Декабрь, 11. Есенин ненадолго выходит из клиники и оказывается дома.

Событие отмечается по календарной записи С.А.Толстой-Есениной от того же дня:

«С<ергей> у нас».

НН, 1995, № 34, с. 65.

Декабрь, 12. В ответе С.Ф.Файнштейна С.А.Толстой-Есениной на ее несохранившееся письмо говорится:

«...Клянусь Аллахом, если бы не безусловное доверие к Вашим словам, то я сказал бы, что Вы фантазируете насчет Сергея и клиники. Неужели, Софья Андреевна, сей сон воплотился в жизнь? <...> Как вспомню 2 ночи у Вас и вечера с буйным Сергеем, не могу поверить. <...> Ваша политика, т. е. любовь к Сергею, победила. Валяйте дальше в том же духе, и живой и здоровый Сергей будет Вам лучшей наградой и памятником, если Вы в нем нуждаетесь».

ГМТ, ф. 48, без шифра. См. также: Субботин-96, 27–28.

Декабрь, 13. Есенин пишет стихотворение «Может, поздно, может, слишком рано...»

Есенин, IV, 240–241, 443–444.

Пишет ответное письмо Я.Е.Цейтлину:

«Дорогой товарищ Цейтлин. Спасибо Вам за письмо <см.: 25 июля 1925, вторая запись>. Жаль только то, что оно застало меня оч<ень> поздно. Я получил его только вчера, 12/ХII 25 г. По-видимому, оно провалялось у кого-нибудь в кармане из прожекторцев, ибо поношено и вскрыто. Я очень рад и счастлив тем, что мои стихи находят отклик среди николаевцев. Книги я постараюсь Вам прислать, как только выйду из санатории, в которой поправляю свое расшатанное здоровье».

Есенин поддерживает молодого поэта и дает ему советы:

«Дарование у Вас безусловное, теплое и подкупающее простотой. Только не упускайте чувств, но и строго следите за расстановкой слов.

Не берите и не пользуйтесь избитых выражений. <...> Избегайте шатких, зыблемых слов и больше всего следите за правильностью ударений».

Есенин, VI, 231, 740–744.

См. также: 16 дек. 1925, третья запись.

См. Приложение.

С.С.Виноградская вспомнит:

«Это был комсомолец, приславший ему <Есенину> по адресу “Прожектора” письмо со стихами. Есенин тогда находился в санатории, и письмо было доставлено ему с большим опозданием. Он обратил внимание на стихи комсомольца и решил ему ответить. Зная свою безалаберность и забывчивость, он теребил свою сестру достать ему бумагу, перо и написал ему подробное, обстоятельное письмо. <...> Восторженное, полное дикой радости ученика ответное письмо комсомольца, где он писал, что комсомольцы-поэты города Николаева знают своего учителя Есенина, пришло уже после смерти».

Как жил Есенин, 22.

Газета «Ленинградская правда» (№ 286) печатает рецензию Б.Соловьёва на № 8 журнала «Красная новь», в которой о последних стихах Есенина говорится:

«Медленно, но верно опускается Есенин (чего стоит его “Жизнь обмана <так!> с чарующей тоскою”... по сравнению с прежними крепкими и свежими вешами».

Информацию о выходе номера журнала см.: до 21 окт. 1925; 21 окт. 1925, третья запись; 22 окт. 1925, первая запись; 1 нояб. 1925, пятая запись.

Отклики см.: 26 нояб. 1925, третья запись; до 9 дек. 1925.

Нью-йоркская газета «Русский голос» (№ 3680; воскресное приложение) под заглавием «Новые стихи Сергея Есенина» перепечатывает стихотворения поэта «Эх вы, сани! А кони, кони!...», «Снежная замять дробится и колется...»

Об источнике перепечатки см.: начало нояб. 1925.

При встрече С.А.Толстой-Есениной с И.М.Касаткиным обсуждается вопрос о публикации новых стихов Есенина.

Событие отмечается по календарной записи С.А.Толстой-Есениной от того же числа: «У меня Касаткин» (НН, 1995, № 34, с. 65), а его содержание восстанавливается по факту, что эти стихи уже через три дня будут сданы в набор в журнале «Новый мир» (см.: 17 дек. 1925, первая запись

Декабрь, 14. Есенину на некоторое время позволяют выйти из клиники.

Событие и его дата фиксируются по календарной записи С.А.Толстой-Есениной от того же числа: «С<ергей> у нас».

НН, 1995, № 34, с. 65.

Согласно этому датируются и три последующие записи.

Есенин снимает со своего банковского счета 200 рублей.

ИМЛИ, ф. 32, оп. 2, ед. хр. 22; Есенин, VI, 739.

См. также: 19 нояб. 1925; 25 нояб. 1925, первая запись; 27 нояб. 1925, третья запись; после 14 часов 21 дек. 1925, первая запись.

Посещает Госиздат РСФСР.

Из воспоминаний И.В.Евдокимова:

«Около половины декабря Есенин пришел в сопровождении нового, незнакомого человека. Я знал, что он находится в психиатрической клинике, куда, как рассказывала тогда же жена Софья Андреевна, он захотел сам. Должно быть, видя мое удивление, Есенин с обычной своей милейшей улыбкой сказал:

— А я из клиники вышел на несколько часов, потом опять обратно. Вот и доктор со мной. Мне, понимаешь, Евдокимыч, там нравится. Я пришел поговорить с тобой об одном деле.

<...> Доктор остался сидеть на диванчике, а мы вошли в комнату и сели к моему столу. Как будто бы Есенин был немного пьян. Он наклонился ко мне и почему-то, мне показалось, стесняясь, сказал:

— Понимаешь, Евдокимыч, я не хочу никому давать моих денег — ни жене, ни сестре, никому...

— Ну, и не давай, — говорю я. — Что тебя это беспокоит?

— Ты не давай никому, к черту! На кой черт я буду давать!

Обычно ежемесячные выплаты по тысяче рублей приходилось выдавать по доверенностям Есенина <...>. В целях сохранения денег, когда приходил за ними поэт в нетрезвом состоянии, мы считали своим долгом денег ему не выдавать. Под благовидным предлогом я быстро сходил в нижний этаж, в финансовый сектор, предупредив наших товарищей по работе в кассе деньги Есенину не выдавать или брал из кассы уже выписанный ордер. В случаях настойчивости поэта затягивали выдачу до 3 часов дня, затем выдавали ему чек в банк, когда там в этот день уже прекращались операции. В последнем случае была надежда, что поэт наутро протрезвится и деньги не пойдут прахом. <...> Есенин <...> поручил получать деньги брату Илье <...>. Иногда этот порядок нарушался: приходили с его доверенностями жена, знакомые. Почти всегда эти выдачи выражались в несколько десятков рублей, а по растерянному виду получателей было ясно, что где-то за стенами бушевал поэт и требовал денег или занемогал и деньги были нужны на докторов и на лекарства.

— Вот, Евдокимыч, — продолжал Есенин, — кто бы ни пришел с моей запиской, ты не давай. Я навывадал их, не знаю и кому. Я к тебе скоро зайду. Мы это оформим.

В это время доктор заглянул в дверь. Есенин заторопился и, приветливо улыбаясь ему, сказал:

— Я сейчас, сейчас!

Потом повернулся ко мне и с серьезным видом сказал:

— Мне долго нельзя. Мне пора домой. Я на три часа вышел.

Провожая его до дверей, я спросил:

— Ты долго там думаешь отдохнуть? Смотри, как ты уже окреп! Посвежел!

— Не-е-т, — вдруг раздраженно бросил Есенин, — мне надоело, над-д-д-оело! Я скоро совсем выйду!

И остановился в раскрытых дверях.

— Ты получил от Катьки <Е.А.Есениной> письмо к тебе? Я послал из клиники. Там и стихи в "Собрание".

— Нет.

— Она принесет тебе... Я ей скажу. Я ей скажу. Когда мне корректуру дашь?

— Скоро. Все тома уже сданы в набор.

Есенин, улыбаясь, толкнул шире дверь — и вышел».

Восп.-95, 473-474.

См. также: 9-11 часов утра 23 дек. 1925.

Оказавшись дома, Есенин просматривает сделанные женой списки стихотворений, написанных им в клинике, и исправляет замеченную неточность.

Речь идет о рукописных копиях стихотворений «Какая ночь! Я не могу...», «Не гляди на меня с упрёком...», «Ты меня не любишь, не жалеешь...» и «Может, поздно, может, слишком рано...» (ИМЛИ, ф. 32, оп. 1, ед. хр. 44; зеленые чернила), ставших источником их публикации в журнале «Новый мир» (см.: 17 дек. 1925, первая запись).

При копировании С.А.Толстая-Есенина ошиблась в ст. 15 стихотворения «Какая ночь! Я не могу...», написав «Что тщетно липы манят нас» вместо «Что липы тщетно манят нас». Есенин карандашом сделал в этой строке соответствующий знак перестановки (см. л. 1 вышеуказанной единицы хранения).

См. Приложение.

Декабрь, 14 ... 21. Есенин пишет стихотворение «Кто я? Что я? Только лишь мечтатель...»

Рамки события определяются с учетом того, что стихотворение, по мнению С.А.Толстой-Есениной, предназначалось для цикла «Стихи о которой», складывавшегося во время пребывания поэта на лечении (см.: 30 нояб. 1925, первая запись).

Его черновой автограф (ИРЛИ, ф. 817, оп. 1, ед. хр. 13, л. 1–2) выполнен на листках размером 192x165 мм из того же блокнота, что и черновики всех пяти предыдущих стихотворений, написанных Есениным в клинике (РГАЛИ, ф. 190, оп. 1, ед. хр. 44, л. 1–8).

Сохранился также список стихотворения «Кто я? Что я? Только лишь мечтатель...» рукой С.А.Толстой-Есениной с ее пометами: по окончании текста — «Дек. 1925», а на обороте листа с ним — «С рукописи С. Е.» (ГЛМ, ф. 4, оп. 1, ед. хр. 68, л. 6).

Декабрь, 15. «Бюллетень торгового и периодического секторов Государственного издательства» (№ 20) печатает информацию с упоминанием Есенина:

«Новые издания. Поступили в продажу с 10 ноября по 10 декабря 1925.

Лит.-худ. журналы:

Красная новь. № 9 (ноябрь)

Содержание. Стихи <...> С.Есенина.

См.: до 3 дек. 1925.

Газета «Ленинградская правда» (№ 287) публикует рецензию А.Кириллова «Болезнь роста» на № 7 журнала «Комсомолия» с оценкой статьи А.Цинговатова «Есенин на переломе»:

«Статья <...> крайне неубедительна <см.: окт. (?) 1925, первая запись>. Правда, цитаты подобраны хорошо. Но в изложении статьи отсутствует четкость и конечность мысли».

В разделе «Литературное обозрение» газеты «Нижегородская коммуна» (№ 287) публикуется статья Я.Галицкого «Сергей Есенин без имажинизма (Есенин раньше и теперь)».

Критик обращает внимание на эволюцию Есенина, его путь от имажинизма с его культом образов до «Анны Снегиной»:

«В нем бродят необъятные силы. Его “Июния”, “Пугачев” — одни из сильнейших поэм в русской литературе. В сборнике “Москва кабацкая” наряду с образами и картинами поэтическими, высокохудожественными нет-нет и мелькнут такие слова и фраза, которые и манерную барышню повергнут в обморочное состояние.

Вроде: “Не хотите ли пососать у мерина?”

Таков Есенин первых годов революции, когда в нем кипела могучая стихия творчества, сделался хаос им самим еще неосознанного таланта. <...> Ему нужно было из-

ливаться. И он изливался. Как ревет зверь, как лепечет ребенок, как звенит колокольчик. <...>

Есенин щедро расточал свой богатый дар. Но вот одно из последних произведений поэта — поэма “Анна Снегина”. Читая ее, испытываешь чувство, словно сидишь летом, в жаркой, палящий полдень в прохладном саду под тенью ветвистого, душистого дерева. Безоблачна синева неба. Двигаются солнечные узоры. Пенье, гимн природе раздается кругом.

Так ясно, так покойно, светло.

Жизнь, жизнь, так и дышит, так и веет от стихов “Снегиной”. <...> Такой брызжущий каскад веселья, такой гудящий водопад радости мы встречали лишь у одного русского поэта — Пушкина».

Вырезка — Тетр. ГЛМ.

О публикациях текста поэмы и откликов на нее см. также: 20 марта 1925, вторая запись; 1 мая 1925, пятая и шестая записи; 3 мая 1925; 21 ... 30 мая 1925; 1 июня 1925, вторая и третья записи; до 17 июня 1925; 18 июня 1925, третья запись; 20 июня ... 3 июля 1925; 21 и 23 июня 1925; 28 июня 1925, вторая запись; 30 июня 1925, девятая запись; 1 июля 1925, пятая запись; 8 июля 1925; 12 июля 1925, четвертая запись; 19 июля 1925, четвертая и пятая записи; 22 июля 1925, четвертая запись; 26 июля 1925, восьмая и девятая записи; до 20 сент. 1925; 30 сент. ... 12 окт. 1925; 12 окт. 1925, вторая запись.

Декабрь, первая половина. В Госиздате РСФСР готовится к выходу в свет альманах «Красная новь» (№ 2) со стихотворением Есенина «Синий туман. Снеговое раздолье...»

О выходе издания см.: Хроника, 2, 370; Кн. летопись, 1926, № 1, 7 янв., поз. 231.

См. также: 22 сент. 1925, четвертая запись; 23 сент. 1925, вторая запись; 24 сент. 1925, вторая запись; 24 или после 24 сент. 1925.

В издательстве «Круг» готовится к выпуску из печати книга А. Лежнева «Вопросы литературы и критики» со статьями «Сергей Есенин: I. Пугачев; II. Лирика последних лет» и «О “Перевале”» (где также упоминается имя поэта).

О выходе книги см.: Кн. летопись, 1926, № 4, 29 янв., поз. 1494.

Первая часть статьи критика о Есенине была ранее опубликована в 1922 г. (см.: до 21 апр. 1922), а вторая — в 1925 г. в составе «Литературного обзора» (см.: февр. 1925, первая запись). Об исходной публикации статьи «О “Перевале”» см.: 10 ... 22 апр. 1925.

Готовится к выпуску журнал «Красная новь» (№ 10).

Время события отмечается с учетом анонса этого номера (см.: 30 нояб. 1925, третья запись).

В его составе:

— стихотворения Есенина «Мелколесье. Степь и дали...» и «Цветы мне говорят — прощай...»

В первом из них отсутствуют строки 13–16 (см. об этом: Есенин, I, 383):

Наплевать мне на известность
И на то, что я поэт.
Эту чахленькую местность
Не видал я много лет.

См. также: 21–22 окт. 1925; 27 окт. 1925, первая запись; 6 дек. 1925, третья запись.

См. Приложение;

— обзор литературной жизни Советской России 1925 года «О том, чего у нас нет» А.К.Воронского, где заходит речь о Есенине:

«...Без особого труда можно отметить ряд художественных произведений выдающегося качества, появившихся почти за истекший сезон: рассказы Бабеля, “Роковые яйца” и “Белая гвардия” Булгакова <...>, поэмы Сергея Есенина, Казина, Маяковского, Светлова, Тихонова <...>. В стихах и в поэмах, которые печатаются за последнее время, нет ни большого эмоционального напряжения, ни глубокой подкупающей лирики. <...> Поэты переживают сумерки. Осекая Маяковский <...>. Заметно сузилось творчество Сергея Есенина. Стихи хорошие, но мы их уже читали у Есенина раньше. Стали чаще попадаться небрежные, недоделанные строки. Он пишет только о себе, да и здесь вращается в кругу очень однообразных чувств и мыслей. Метель, сани, кони, гармошка, черемуха, погребальная тоска и грусть. Словно пустыня образовалась вокруг поэта: нет ни людей, ни сложной общественной жизни и даже любимая лапотная есенинская Русь сейчас не в поле его зрения»;

— объявления:

«Вышел из печати “Альманах Красной Нови” (№ 2). Содержание: <...> Глеб Алексеев. Горькое яблоко. Рассказ. <...> Стихи: С.Есенина, Дм. Семёновского, Г.Шенгели, О.Мочаловой»;

«Издательство артели писателей “Круг”. Только что вышли новые издания: Лежнев А. Вопросы литературы и критики. 208 стр. Ц. 1 р. 50 к. Содержание: <...> С.Есенин: 1) Пугачев; 2) Лирика последних лет».

В Праге готовится к выпуску журнал «Воля России» (№ 12; за декабрь) с рецензией М.Слонима на сборник Есенина «Стихи (1920–24)» (подпись: «М. Сл.»):

«Небольшая книжка стихов С.Есенина, выпущенная издательством “Круг”, чрезвычайно ярко обрисовывает тот путь, который прошел поэт, начиная с “Исповеди Хулигана” по сей день.

В 1920 г. Есенин — рьяный имажинист, нанизывающий образ за образом, скандалящий в литературе, шеголяющий нарочито грубыми сравнениями (“измызганные ляжки дорог”, “окровавленный веник зари”, “голова, как керосиновая лампа на плечах” и т. д.). Но поэтическое озорство его не обладает убежденностью, постоянное противоречие раздирает этого русого парня, притворяющегося, будто хулиганство — его стихия. Напрасно он говорит о себе — “только сам я разбойник и хам И по крови степной конокрад”, напрасно хотел бы он “где-нибудь с кистенем стоять”. На самом деле не освободиться ему от песенного плена и от мира природы, тишины и идиллии. Не город, в который он приходит, нахлобучив цилиндр на буйную головушку, а деревня, дороги, проселки манят его. И, конечно, воспоминанья об утраченной свежести, о стране березового ситца, о заросшем пруде и хриплом звоне ольхи больше всего волнуют его. Он “нежно болен воспоминаньем детства”, и не для него кличка “строгий мастер”, которой хочет он наградить себя. Он думает, что навсегда покинул родные поля, прослыл шарлатаном и скандалистом, и есть у него одна судьба — кабак.

Низкий дом без меня ссутулился.
Старый пес мой давно издох.
На московских изогнутых улицах
Умереть, знать, судил мне бог.

Но его неудержимо тянет к себе и этот дом, и эта родина, которой изменил он. В простых скупых лирических строках говорит он о своей тоске и о своем метании. И после скандалов и озорства он обращается к Пушкину — и пред его бронзовой статуей стоит, как пред причастьем. Отравленный “горькою отравой”, кабаками и хулиганской позой, усталый от непутевой жизни — пытается возвратиться он в дом, в “простоту, чистоту и пустоту”. В чудесном “Письме матери” говорит он о том, что вернется — но не таким, каким ушел:

Я вернусь, когда раскинет ветви
По-весеннему наш белый сад.
Только ты меня уж на рассвете
Не буди, как восемь лет назад.
Не буди того, что отмечалось,
Не волнуй того, что не сбылось.
Слишком раннюю утрату и усталость
Испытать мне в жизни привелось.
И молиться не учи меня. Не надо.
К старому возврата больше нет.

И когда он возвращается на родину, оказывается, что изменился не только он — но и всё вокруг — и сестра, “раскрыв, как библию, пузатый «Капитал»”, начинает говорить “о Марксе, Энгельсе; ни при какой погоде я этих книг, конечно, не читал”.

Вокруг кипит новая жизнь, он не заметил ее течения за годы кабацкой гульбы и озорства, он в своей стране словно иностранец.

Вот так страна!
Какого ж я рожна
Орал в стихах, что я с народом дружен?
Моя поэзия здесь больше не нужна.
Да и, пожалуй, сам я тоже здесь не нужен.

Но отщепенство не вызывает теперь в поэте чувства злобы — и в последних строфах своей замечательной поэмы “Русь советская” Есенин пытается достичь какого-то примирения с жизнью, приятия действительности:

Цветите, юные! И здоровейте телом.
У вас иная жизнь. У вас другой напев.
А я пойду один к неведомым пределам,
Душой бунтующей навеки присмирив.

Во всяком случае, Есенин возвратился из “мира” в “дом” и вновь отдался той лирической стихии, которая и является его подлинной природой. Есенин, как поэт, продолжает жить и развиваться, и маленькая книжка его стихов, подводящая итог его жизненным и литературным исканиям за последние годы, ясно показывает, что, несмотря на срывы, — Есенин один из лучших представителей современной русской поэзии».

См.: до 12 апр. 1925, третья запись; 12 апр. 1925, первая запись; 14 мая 1925, вторая запись; 21 ... 30 мая 1925; после 28 мая 1925; 25 июня 1925, третья запись; 2 июля 1925, вторая запись; 2 (?) июля 1925; 3 сент. 1925, четвертая запись; 11 сент. 1925, первая запись; 16 ... 23 сент. 1925; 18 окт. 1925, первая запись; окт. (?) 1925, вторая запись.

В Риме готовится к печати журнал «Russia» (5-й г. изд.; № 1; выйдет 30 января 1926 г.) со статьей Этторе Ло Гатто «Последняя маленькая поэма Есенина» (подпись: «E. L. G.»):

«Московский Госиздат опубликовал новую маленькую поэму Есенина под названием “Песнь о великом походе”, в которой воспета как деятельность Петра Великого, так и освободительная борьба Красной армии против Каледина, Врангеля, Деникина, Юденича, Корнилова и Колчака. Протест русского мужика против Петра проиллюстрирован комическим эпизодом с деревенским дьяком (что-то вроде общинного секретаря), которого Петр собственноручно пришиб <букв. — задушил>. Но под гранитом Петербурга покоятся трупы рабочих, которые возвели на болоте великолепный град Петра. Перед смертью Петру чудятся эти мертвые рабочие, которые просуществуют двести лет, чтобы спасти Петербург в 1919–1920 годах. И единство мужичьих масс (и на Востоке, и в Средневековье) в том, что <они живут для того,> “Чтоб владеть землей / Да весь век пахать. / Чтоб шумела рожь / И овес звенел. / Чтобы каждый калачи / С пирогами ел”.

Этой крестьянской революции, возглавляемой людьми “в куртках кожаных”, Есенин посвящает свой народный эпос. Реминисценции былин, народных песен, “Слова о полку Игореве” связывают поэзию с традицией. Аллюзии на речи Зиновьева, предостережения Троцкого, Ленина и других придают ей злободневность. Есенин видел в борьбе против белых генералов борьбу бедности и страдания против деспотизма и высокомерия. “Походы” красных — это освободительная война крестьян и рабочих. Поэма написана в примитивном стиле, пронизана особым пафосом устного крестьянского эпоса и напоминает героические песни о великих событиях, которые слагали бродячие певцы на основе уже существующих мотивов. Есенин освободился от образности и стал красноречиво прост в своей манере письма. Поэт говорит языком народа и в своем вдохновении, почерпнутом из народного творчества, выражает его душу. Но в своей примитивности он еще более утонченный стилист, чем в своих начальных имажинистских опытах.

Перевод С.С.Субботиной.

Примечание Э.Ло Гатто к этому материалу гласит:

«Журнал был уже готов, когда пришло известие о самоубийстве Есенина».

См. также: 1–6 авг. 1924, третья запись; 2 сент. 1924, первая запись; 15 марта 1925, третья запись; 28 марта 1925, первая запись; 1 апр. 1925, третья запись; 1 ... 15 апр. 1925; 5 апр. 1925, третья запись; 12 апр. 1925, вторая запись; 15 апр. 1925; 16 апр. 1925; 22 апр. 1925, вторая запись; до 3 мая 1925; 13 мая 1925; 24 мая 1925, седьмая запись; 24 сент. 1925, пятая запись; после 24 сент. ... 2 нояб. 1925, или 9 ... 25 нояб. 1925.

В Праге готовится к выпуску журнал «Cesta» (№ 51/52) со стихотворением Есенина «Ночь и поле, и крик петухов...» в переводе Марии Марчановой (Marie Marčanová) на чешский язык.

Время события отмечается с учетом того, что журнал «Cesta» выходил еженедельно, так что № 51/52 безусловно являлся самым последним (декабрьским) номером годового издания.

Перевод имеет заголовок «V polích» («В полях»), в оригинале отсутствующий.

См. Приложение.

Декабрь, первая половина (?). Стихотворения Есенина «Слышишь — мчатся сани, слышишь — сани мчатся...», «Голубая кофта. Синие глаза...», «Снежная замять крутит бойко...», «Вечером синим, вечером лунным...» и «Сочинитель бедный, это ты ли...» готовятся к сдаче в печать для журнала «Огонек».

Событие устанавливается по сохранившемуся списку этих стихотворений рукой С.А.Толстой-Есениной, вложенному в папку с надписью самого автора — «Сергей Есенин». Этот список станет исходным источником набора первых четырех стихотворений в журнале «Огонек» (они появятся в его третьем номере за 1926 г.; подробнее см.: Есенин, I, 661).

Обращает на себя внимание редакционная помета на папке: «Петит срочно!», сопровождаемая датой «5/1», прежде не публиковавшейся (ГЛМ, ф. 4, оп. 1, ед. хр. 29, л. 1). Эта дата (в сочетании с ее местоположением рядом с автографом «Сергей Есенин») позволяет с высокой степенью вероятности заключить, что данный материал был подготовлен для «Огонька» (а, быть может, даже и передан в редакцию журнала) еще при жизни поэта.

В ленинградском издательстве «Сеятель» Е.В.Высоцкого готовится к выпуску книга Н.П.Анциферова «Теория и практика литературных экскурсий», во второй главе которой («Экскурсии с литературными иллюстрациями») заходит речь о Есенине:

«Наши поэты обращали внимание на изображение чувств и дум нашего крестьянина, а не на реальную обстановку его житья-бытья. Много можно найти материала для изображения разнообразных положений, вытекающих из этой бытовой обстановки, но не четко очерченных образов, которые наиболее связаны со зрительными впечатлениями, полученными от экскурсии. Как на более или менее подходящий пример укажу на стихотворение Сергея Есенина:

О красном вечере задумалась дорога
 <следует текст стихотворения без предпоследней строфы>.

Здесь дан, несмотря на большую и своеобразную конкретность образов, обобщенный ландшафт деревни. Проходят образы дороги, избы, двора, хлева... Но не в их ошутимости, видимо, цель поэта, а в общем чувстве подчеркнутости ласковой тишины. Это тот момент, который может оказаться в противоречии с впечатлениями, вынесенными группой из экскурсии. Вот почему подобного рода отрывки нужно применять с большой осторожностью».

О выходе книги см.: Кн. летопись, 1926, № 13, 2 апр., поз. 5896.

Декабрь, 15 или 16. Стихотворения Есенина, написанные в клинике, поступают в редакцию журнала «Новый мир».

Время определяется в соответствии с датировкой связанных с этим событий (см.: 13 дек. 1925, пятая запись; 14 дек. 1925, первая и четвертая записи; 17 дек. 1925, первая запись).

Декабрь, 16. Есенин дает своему лечащему врачу А.Я.Аронсону сто рублей и получает от него расписку:

«Получено от С.А.Есенина на личные расходы сто (100) рб. / Ординатор А.Аронсон. / 16/XII 25 г.».

ГЛМ, ф. 4, оп. 1, ед. хр. 339 (Рнв 243/4, л. 1); публикуется впервые.

См. также: 22 дек. 1925, после 16 часов, первая запись.

В.И.Эрлих телеграфирует Есенину из Ленинграда:

«Приезжай ко мне устрою — Эрлих».

Письма, 302.

См.: 7 дек. 1925.

Письмо Есенина к Я.Е.Цейтлину уходит к адресату.

Дата события — по почтовому штемпелю на конверте: «16.12.25» (Хроника, 2, 369). Адрес написан рукой С.А.Толстой-Есениной (ИМЛИ, ф. 32, оп. 2, ед. хр. 16).

См.: 13 дек. 1925, вторая запись.

См. Приложение.

В ленинградском издательстве «Прибой» выходит второй том «Книги для чтения по истории новейшей русской литературы: Писатели партийные. Писатели — “в тупике”. Писатели — “попутчики”. Писатели — нейтральные» (сост., примеч. и вводные статьи В.Львова-Рогачевского), где не раз упоминается Есенин.

Инвентаризационный каталог, 87.

Это:

— материал «Писатели нашей революционной эпохи (вместо предисловия)» — в ряду «новокрестьянских беллетристов и поэтов».

Датирован: 12 авг. 1925;

— фрагмент книги Л.Д.Троцкого «Литература и революция» — «Литературные попутчики революции» (отдел III «Попутчики», глава первая «Партийные публицисты о попутчиках»);

«Борис Пильняк, Всеволод Иванов, Николай Тихонов и “серапионовы братья”, Есенин с группой имажинистов, отчасти Клюев были бы невозможны — все вместе и каждый в отдельности — без революции»;

— материал И.Майского, взятый из его статьи «О культуре, литературе и коммунистической партии» <см.: до 30 марта 1925>;

— письмо группы писателей в ЦК РКП(б) <см.: 9 мая 1924>.

Декабрь, до 17. В Париже выходит журнал «Современные записки (кн. XXVI) с материалами, в которых говорится о Есенине и цитируются его стихи.

Граница события фиксируется по дате отклика на произведение И.А.Бунина, вошедшее в этот номер (Кульман Н. «Цикады» Бунина. — Газ. «Возрождение», Париж, 1925, 17 дек., № 198).

В журнале помещены:

— «Литературные заметки (Тонкий и чуткий г-н Воронский)»
Ф.А.Степуна:

«Не видят и не изображают советские писатели “гигантского строительства”. Скучают, всё больше скучают они в нэповской тюрьме. Один за другим (об этом пишет и сам г. Воронский) делают они странные признания. То Пильняк вздохнет о “самом прекрасном 20-м годе”, то Асеев уныло обмолвится:

Как я стану твоим поэтом,
Коммунизма племя,
Если крашено *рыжим* цветом,
А не красным время...

то Есенин вслед за яркой картиной:

С горы идет крестьянский комсомол
И, под гармонику наяривая рьяно,
Поют агитки Бедного Демьяна,
Веселым криком оглашая дол... —

с грустью признается:

Вот так страна!
Какого ж я рожна

Орал в стихах, что я с народом дружен?
 Моя поэзия здесь больше не нужна.
 Да и, пожалуй, сам я тоже здесь не нужен!»

Далее следует:

«До конца своих дней он <А.К.Воронский>, вероятно, будет считать, что у Есенина и вообще в советской литературе есть та “эмоциональная насыщенность и напряженность, та здоровая и жадная жажда жизни, та прочная, языческая тяга к земле, к полям, к ржи, к березе, к черемухе”, о которых эмигрантским писателям, а в том числе и Бунину, даже и мечтать не приходится. Поистине надо быть окончательно слепым марксистом, чтобы не видеть, что каждое слово приведенной цитаты в гораздо большей степени характеризует Бунина, чем Есенина; что Бунин гораздо органичнее и глубже связан не только с Россией, но даже и с русской деревней, чем внезапно сорвавшийся со своих родных корней и этим срывом во многих отношениях сильно изуродованный, не лишенный истерии и выверта Есенин. Тот очевидный факт, что Бунин связан с прошлой, дворянской, а Есенин с будущей, крестьянской Россией, этого утверждения отнюдь не колеблет. Во всяком случае, громадное наследство, которое Бунинская Россия передает Есенинской, — несомненный факт; то же, что Есенинская приумножит это наследство, пока только надежда».

Курсив автора.

Ф.А.Степун откликается здесь на одну из статей А.К.Воронского (см.: 15 сент. 1925, третья запись); — статья М.В.Вишняка «На родине и на чужбине (Пятилетние итоги)», первая часть которой имеет эпиграф из Есенина (автор не указан):

... Разберемся во всем, что видели,
 Что случилось, что стало в стране...

Из статьи:

«... Словно тройка коней оголтелая
 Прокатилась на <так!> всю страну.
 Напылили кругом. Накопытили.
 И пропали под дьявольский свист.

Увы, конечно же, еще не пропали... Только *крестьянскому* поэту могло такое почувдаться. Предстоит еще долгий, тяжелый путь — расплата за недозволенную роскошь терпеть РКП, как власть, целых восемь лет. Но психологический перелом уже наметился».

Цитируется стихотворение Есенина «Несказанное, синее, нежное...»

Курсив автора;

— статья В.Ходасевича «Пролетарские поэты» (раздел «Культура и жизнь»).

Анализируя составленную С.Родовым антологию пролетарской литературы, в которую вошли произведения 29 писателей (см.: 17 марта 1925, четвертая запись), автор замечает:

«... но почему же нет Клюева, Клычкова, Есенина, даже Скитальца, даже М.Горького? <...>

Остается предположить, что, напр<имер>, Горький, Клюев, Есенин, Клычков — потому не пролетарские писатели, что они — писатели в самом деле. Это и будет самое правильное»;

— в разделе «Критика и библиография» — рецензия Ф.А.Степуна на книгу А.Лютера (Arthur Luther) «История русской литературы» («Geschichte der russischen Literatur», Leipzig: Bibliographisches Institut, 1924):

«Неправильным представляется, на мой критический слух, также полное умолчание о таких талантливых поэтессах, как Марина Цветаева, Мариэтта Шагинян, наряду с по-

робной характеристикой творчества Л.Столицы. И уже совсем нельзя согласиться с совершенно мимолетным упоминанием такого прекрасного и зрелого поэта, как В.Ходасевич, в книге, подробно и любовно останавливающейся не только на творчестве талантливого Есенина, но и малозначительного Кусикова.

Но всё это, конечно, только случайные недостатки, объясняющиеся прежде всего теми ненормальными условиями, в которых писалась А.Люгером его книга, представляющая собою не только лучшее руководство для немцев, изучающих русскую литературу, но и весьма ценное пособие для всех русских, занимающихся отечественной литературой и не имеющих в своем распоряжении ни своих, ни общественных библиотек».

Декабрь, 17. В журнале «Новый мир» сдаются в набор (для первого номера 1926 г.) стихотворения Есенина «Какая ночь! Я не могу...», «Не гляди на меня с упреком...», «Ты меня не любишь, не жалеешь...» и «Может, поздно, может, слишком рано...»

Событие усганавливается по редакционным пометам на сохранившейся наборной рукописи стихотворений, выполненной С.А.Толстой-Есениной (ИМЛИ, ф. 32, оп. 1, ед. хр. 44):

- «Корпус обыкно<венный> / на шпа<дерах> / № 1 / Нов<ый> мир 17/ХII» (л. 1);
  - «Оплачено “Кр<асной> Нивою” / Нов<ый> мир № 1 / корпус обыкно<венный>» (л. 5).
- См. также: 13 дек. 1925, пятая запись; 14 дек. 1925, первая и четвертая записи; 15 или 16 дек. 1925. См. Приложение.

В связи с трагическим уходом Есенина из жизни, очевидно, было решено открыть первый номер «Нового мира» его поэмой «Черный человек». Стихи же, о которых идет речь, будут опубликованы в следующем номере журнала.

См. о них также: 30 нояб. 1925; 1 дек. 1925, первая запись; 4 дек. 1925, первая запись; 13 дек. 1925, первая запись.

Е.Г.Сокол пишет стихотворение «Эх, гульбище пьяное!...», в котором есть строки, обращенные к Есенину.

См.: с 22 на 23 дек. 1925, вторая запись.

См. Приложение.

Декабрь, 17–20. Есенин пишет стихотворения «с зимним пейзажем».

С.А.Толстая-Есенина вспомнит в 1940 г.:

«Были еще стихотворения с зимним пейзажем, написанные 17–20 декабря 1925 г. в последние дни пребывания Есенина в клинике. Они не дошли до нас полностью, т. к., продолжая работать над ними, Есенин оставил автографы у себя и увез их в Ленинград. Куда они исчезли после его смерти, нам неизвестно. В памяти слышавших эти стихи от Есенина сохранились отдельные строки:

Буря вост, буря злится,
Из-за туч луна, как птица,
Проскользнуть крылом стремится,
Освещая рыхлый снег (?)

.....
.....
Страшно хочется подраться
С пьяным тополем в саду.

.....

.....
 ...дверь откроешь (?) на крыльцо,
 .....
 Буря жесткой горстью снега
 Саданет тебе в лицо.
 .....
 .....
 Ну, да разве мне расстаться
 С этой негой и теплом.
 .....
 С недопитой рюмкой рома
 Побеседуем вдвоем.

Дальше поэт вспоминает свою жизнь.

В последней строфе березки на поляне танцуют вальс. Этой строфой начиналось другое “зимнее” стихотворение, написанное перед тем, которое мы цитируем. Этим стихотворением Есенин, по его словам, пожертвовал для того, чтобы воспользоваться строфой как концом для нового стихотворения».

Восп., 2, 262–263.

В записной книжке, подаренной поэтом С.А.Толстой-Есениной, зафиксировано более подробное изложение содержания и отдельных строк стихотворения, сделанное ею в 1926 г. вскоре после смерти Есенина. Запись сопровождается датировочной пометой: «17–20 декабря 1925. / Клиника». В ней имеются различия с текстом, записанным С.А.Толстой-Есениной в 1940 г. в Комментарий.

Из записной книжки С.А.Толстой-Есениной:

«В начале картина бурной зимней погоды.

“Ёлки-палки....”

Деревья в саду дерутся.

“Страшно хочется...

Но только попробуешь выйти, и буря”

Успокоенный и примиренный остается / в комнате “с недопитой...”

Рассказывает свою жизнь. В первоначальном варианте были две строфы, кот<орые> потом были уничтожены. Там были “Тальянка” и еще что-то — “сани” (?).

Конец про березки в вальсе был придлан из другого стихотв<орения>, кот<орое> таким образом начиналось. Вторым стихотв<орением> *пожертвовал для первого*».

Н.И.Шубникова-Гусева — Есенин, VII (2), 43 (курсив С.А.Толстой-Есениной).

Декабрь, 18. С.А.Толстая-Есенина приходит в больницу к Есенину, но тот отказывается ее видеть.

Событие датируется по ее календарной записи от того же числа:

«К С<ергею>».

НН, 1995, № 34, с. 65. См. также: Субботин-96, 28.

По возвращении домой, помышляя о самоубийстве, она обращает свое письмо матери и брату Илье (Люлиньке):

«Мама моя, милая, любимая, это я пишу тебе и Люлиньке, Вам, мои дорогие... <...> Я очень боюсь себя, я не знаю, что я сделаю, но я боюсь, боюсь. <...> Я давно думаю о смерти. <...> Я думала сделать это, ничего вам не объясняя, пусть бы вы думали, что это минута ненормальности, но знаю, что вас замучают вопросы, сомненья, догадки и вы будете больше мучаться, чем если я скажу вам всю правду. Да, мама, я ухожу... <...>

...я встретила Сергея <Есенина>. И я поняла, что это очень большое и роковое. Это не было ни чувственностью, ни страстью. Как любовник он мне совсем не был нужен. Я просто полюбила его всего. Остальное пришло потом. Я знала, что иду на крест, и шла сознательно, потому что ничего в жизни не было жаль. Я хотела жить только для него. И незаметно построила и для себя. Я всю себя отдала ему. Я совсем оглохла и ослепла, и есть только он один. Теперь я ему больше не нужна, и у меня ничего не остается. И самое страшное, что у меня нет сил искать.

Если вы любите меня и если после смерти моей моя просьба вам дорога, то я прошу вас ни в мыслях, ни в словах никогда Сергея не осуждать и ни в чем не винить. Что от того, что он пил и пьяным мучил меня. Он любил меня, и любовь его всё покрывала. И я была счастлива, безумно счастлива. Умирая, благодарю его за всё и всё ему прощаю. И он дал мне счастье любить его. А носить в себе такую любовь, какую он, душа его, родили во мне — это бесконечное счастье. Он ушел от меня, и я убиваю себя. И не только от того, что я не могу жить без него, а от того, что я просто не могу больше жить. <...> Ждать другой любви, мужа, семьи я тоже не могу и не хочу. Я слишком любила Сергея, и я ничего не смогу больше дать. Я совсем опустошена. <...> Если бы не ты и не Илья, я бы ушла отсюда совсем, совсем спокойно. И я прошу, молю вас — не горюйте по мне очень. Мне там будет легче, если вы не будете звать меня своим отчаяньем.

Цит. по: Субботин-96, 29–31 (с восстановлением по оригиналу тех частей текста, которые случайно выпали из него при публикации).

Факсимиле фрагментов письма — там же, с. 31.

Начинает работу XIV съезд ВКП(б), на котором С.М.Кирову поручен контроль над Ленинградской партийной организацией. Среди высших партийных деятелей, принимающих участие в работе съезда, немало близких знакомых Есенина.

В Самаре на торжественном заседании литературного объединения «Слово» поэт Н.Жоголев читает свое стихотворение «Сергею Есенину».

Газ. «Коммуна», Самара, 1925, 24 дек., № 2107.

Текст стихотворения см.: 9 дек. 1925, третья запись.

Декабрь, 18 (?). Есенин пишет записку С.А.Толстой-Есениной: «Соня. Переведи комнату на себя. Ведь я уезжаю и потому нецелесообразно платить лишние деньги, тем более повышено. / С.».

Есенин, VI, 232, 745.

Декабрь, 18 ... 20 (?). С.А.Толстая-Есенина сообщает С.Ф.Файнштейну (письмо неизвестно), что Есенин от нее уходит.

Характер этого сообщения частично раскрывается по ответному письму С.Ф.Файнштейна (25 дек. 1925):

«Уважаемая София Андреевна!

Крайне трудно из моего вовсе не прекрасного далека уразуметь, как и почему случилось то, о чем Вы пишете. I am very very sorry <Я очень-очень виноват (англ.)>, что послал Вам такое бестактное письмо с поучениями <см.: 12 дек. 1925>, в то время как дело приняло оборот, категорически мной исключавшийся.

Но из письма Вашего, полного недоговоренностей, очень мало доходит до моего сознания. Как и <у> все<х> женщин, удар этот пал целиком на Ваше чувство, — рассудок и разум в восприятии всего происшедшего *никакого* участия не приняли.

“Что, почему, как, — и знаю, и не знаю”, — читаю я в письме Вашем. Но того, что Вы знаете, я не нашел, как не нашел, впрочем, того, чего Вы не знаете.

Вы помните, я всегда поражался Вашему долготерпению, — лучше ничего не придумую, — по отношению к Сергею. “Но ведь я люблю его”, — отвечали Вы мне в таких случаях. С тех пор я как-то привык считать, что любовь Ваша, как и жертвы, приносимые на алтарь ее, суть две вещи, друг от друга неотделимые.

Но в нынешнем письме жертвы нет, а есть только любовь, голая, отчаявшаяся». Субботин-96, 29.

Декабрь, 19. Есенин на время выходит из клиники.

Событие устанавливается и датируется по календарной записи С.А.Толстой-Есениной от того же числа:

«С<ергей> у нас».

НН, 1995, № 34, с. 65.

Возможно, именно к этому дню относятся воспоминания М.Д.Ройзмана (1972):

«На дворе уже стоял морозный декабрь 1925 года. <...>

Клинику на Большой Пироговской возглавлял выдающийся психиатр П.Б.Ганнушкин. Он был создателем концепции малой психиатрии и основоположником внебольничной психиатрической помощи. В его клинике впервые был открыт невропсихиатрический санаторий, где и находился Есенин.

Я приехал в клинику в тот час, когда прием посетителей закончился, и ассистент Ганнушкина доктор А.Я.Аронсон объяснил, что у Есенина уже было несколько посетителей, он волновался, устал, и больше никого к нему пускать нельзя. Я попросил доктора передать Сергею записку. Аронсон обещал это сделать и посоветовал приехать в клинику через три дня, чуть раньше приема посетителей, чтобы первым прийти к Есенину.

Через два дня я зашел в “Мышиную нору” <кафе, находившееся на углу Кузнецкого моста> и глазам своим не поверил: за столиком сидел Сергей, ел сосиски с тушеной капустой и запивал пивом. Разумеется, я поинтересовался, как он попал сюда.

— Сбежал! — признался он, сдувая пену с кружки пива. — Разве это жизнь? Всё время в глазах мельтешат сумасшедшие. Того и гляди, сам рехнешься.

Я спросил, как же он мог уйти из санатория. Оказалось, просто: оделся, пошел гулять в сад, а как только вышла из подъезда первая группа посетителей, пошел с ними, шагнул в ворота и очутился на улице. <...>

Наверно, с полчаса мы вспоминали курьезные случаи прошлого, потом из часов выскочила кукушка и прокуковала время. Сергей сказал, что ему нужно идти. Я проводил его до дверей <...>.

Ко мне пришел домой врач А.Я.Аронсон. Он был взволнован, озабочен, говорил, осторожно подбирая слова. За эти дни он обошел все места, где, по мнению родственников, друзей и знакомых Есенина, мог он находиться. <...>

Чтобы помочь доктору Аронсону поговорить с Есениным, я позвонил по телефону всем имажинистам и знакомым Сергея, но за последние дни никто его не видел. Оставался Мариенгоф, у которого телефона дома не было. Я знал, что он с женой навещал Сергея, когда тот находился в невропсихиатрическом санатории. Я пошел в Богословский переулок. <...> Анатолий повел меня в свою комнату, и я увидел, что в уголке за небольшим круглым столом сидит Есенин. <...>

Я подошел к нему и спросил:

— Ты опять собираешься в Константиново?

— Нет, подальше! — Он обнял меня и поцеловал. — Я тебе напишу письмо или пришлю телеграмму, — добавил он. <...>

Я поговорил с Анатолием <...>, попрощался с Есениным. Анатолий пошел меня провожать. Я спросил, был ли у него доктор Аронсон, он ответил, что заходил.

— Воспользуйся подходящей минутой, Толя, потолкуй с Сережей!

— Он и слышать не хочет о санатории, — ответил Мариенгоф.

— Ему же дадут изолированную комнату.

— Всё равно флигель сумасшедших отовсюду виден!..»

Восп., 1, 405–407.

См. также: около 10 дек. 1925.

Регистрируется брак Е.А.Есениной и В.Ф.Наседкина.

А.А.Есенина вспомнит:

«19 декабря Катя и Наседкин зарегистрировали свой брак в загсе и сразу же сообщили об этом Сергею. Сергей был очень доволен этим сообщением, он уважал Василия Федоровича и сам всегда советовал сестре выйти за него замуж.

И тогда же ими всеми вместе было принято решение, что и Наседкин поедет в Ленинград и будет жить вместе с нами. Там же, в Ленинграде, было решено отпраздновать и их свадьбу».

Восп., 1, 122.

Декабрь, 20. В клинику к Есенину приходит А.А.Берзинь. До и после встречи с поэтом она беседует с его лечащим врачом.

События и их время устанавливаются по воспоминаниям А.А.Берзинь (см. ниже) с учетом ее последующего замечания, что Есенин вышел из клиники на следующий день после их встречи.

Мемуарист напишет (конец 1950-х гг.):

«Дежурил врач Александр Яковлевич Аронсон, мой хороший знакомый. Он просил, прежде чем подняться к Сергею, зайти к нему.

Я так и сделала. Александр Яковлевич спросил меня:

— Нет ли режущих и колющих предметов в свертке, веревок или шнурков?

— Почему вы об этом спрашиваете? — удивилась я.

— Потому, что Сергей Александрович очень плох, и если бы он был не Есенин, то мы его держать в клинике не стали бы, так как его болезнь давно и подробно изучена и для нас не представляет интереса.

— Впрочем, — сказал он, — идите, он ждет вас.

Поднимаясь по лестнице на второй этаж, я увидела на площадке второго этажа Сережу. Он был чисто вымыт, в сером костюме, в белом шелковом пуловере, с пушистыми волосами.

— Где же ты пропала? — встретил он меня упреком. — Я давно тебя жду.

Мы вошли в его комнату. (Это была первая комната направо.) Я стала накрывать на стол и расставлять всякие вкусные вещи. Дверь в его комнату стояла настежь раскрытая, ее придерживал чурбачок, плотно забитый в пол.

— Почему дверь не закрывается, Сережа?

— Здесь везде двери открыты. Только я никуда не хожу, я их всех боюсь. Сегодня в женском отделении одна бегала с лезвием от безопасной бритвы, и я испугался.

Он стал подробно излагать, как он не хочет ни с кем общаться, потому что тут много больных, и опасно больных. Предупреждал, чтобы я была осторожна, так как на этой же площадке расположены женские палаты, а там лежит и та, что бегала с бритвой.

Потом Сергей стал читать стихи, которые он написал уже здесь, в больнице. Мы много говорили о том, чтобы уехать от Москвы в какой-нибудь хвойный лес. Сергей меня уговаривал, чтобы я тоже бросила на некоторое время Москву, что мне тоже надо отдохнуть. Я была рада его хорошему настроению. Он ни разу не упрекнул меня за то, что его устроили в эту клинику.

Уходя, я еще раз попросила Сережу полежать подольше и окончательно вылечиться. Он торжественно обещал. Проводил меня вниз до вестибюля.

Александр Яковлевич отправил его спать, а меня опять пригласил к себе:

— Ну, как вы его находите?

— Просто прелестным, он давно таким не был. Вы напрасно меня пугаете, Александр Яковлевич.

Он грустно покачал головой:

— Зачем же мне вас пугать, я просто предупреждаю вас, чтобы вы не обольщались несбыточными надеждами.

— Я не понимаю, что вы хотите сказать?

— То, что Сергей Александрович неизлечимо болен и нет никакой надежды на то, что он поправится.

— Вы с ума сошли, — вырвалось у меня невольно. — Если у вас все такие безнадежные больные, то вам просто нечего будет делать.

— Я говорю всё это, понимая, как это серьезно, — начал опять Александр Яковлевич, — не надейтесь ни на что...

— Вы хотите сказать, что Сергей Александрович недолговечен?

— Да, — кратко ответил он.

— А если мы насильно заставим его лечиться?

— Это тоже не достигнет цели...

— Что же, он не проживет и пяти лет?

— Нет.

— И трех лет не проживет?

— Конечно, нет.

— А год?

— И года не проживет!

— Как же это? Я не понимаю...

— Вы успокойтесь, идите домой, а завтра поговорим еще раз.

Но как можно успокоиться, когда ассистент Ганнушкина, человек, который так хорошо относился ко мне, к Сергею Александровичу, сказал, что Есенин обречен...»

Берзинь А. Последние дни Есенина / Публ. Р.Э.Киришон. — Альм. «Кубань», 1970, № 7, с. 94–95.

Есенина навещает в клинике В.Ф.Наседкин.

В.Ф.Наседкин вспомнит (1927):

«Последний раз у Есенина в клинике я был 20 декабря. Пришли с Екатериной, после пяти вечера. Накануне мы посетили ЗАГС <см.: 19 дек. 1925, вторая запись>, о чем Екатерина уведомила брата в тот же день.

Есенин встретил меня теплей обычного.

— Свадьбу отпразднуем в Ленинграде, у меня на квартире. Я Эрлиху послал телеграмму <см.: 7 дек. 1925>.

Повидав брата, Екатерина скоро ушла. Я оставался до половины десятого».

Материалы, 238.

Н.В.Есенина (Наседкина) в своих воспоминаниях поправит отца:

«Как дочь, я вынуждена сказать здесь, что мой отец в своих воспоминаниях “Последний год Есенина” допустил одну неточность в описании визита к Есенину в клинику 20 декабря 1925 года. Он утверждал, что “пришли с Екатериной после пяти вечера”. Это не так! Но надо понять и его. Безусловно, ему было неловко перед людьми за то, что от него в первый же день сбежала молодая жена и он оказался в таком глупом положении».

В семье родной, 95.

Подробнее см.: с 23 на 24 дек. 1925.

Из воспоминаний В.Ф.Наседкина:

«За двадцать пять дней <с 26 нояб. 1925 г.> отдыха (срок лечения предполагался двухмесячный) Есенин внешне окреп, пополнел, голос посвежел. Но голубые глаза его по-прежнему бегали нервно, не отставая от скачущих мыслей.

В клинике, несмотря на старания врача А.Я.Аронсона, Есенин не был спокоен. Оставшиеся за стенами лечебного заведения то и дело тормозили его. Ему представляли к уплате на значительную сумму дутые, по его мнению, счета. В это же время он порывал с С.Толстой. Одна старая знакомая несколько раз заходила к нему с поручением от З.Райх, прося средств на содержание его дочери Тани. Грозили новым судом, денег в Госиздате оставалось мало, тяжело обременяли постоянные заботы о сестрах, о родителях. Срок лечения ему казался слишком длительным».

Материалы, 238, 240.

М.Д.Ройзман вспомнит:

«Потом писали, что в санатории Есенин поправился и чувствовал себя хорошо. Не верю! Нужно быть нечутким, чтобы не видеть того трагического надлома, который сквозил в каждом жесте Сергея. Нет, санаторий не принес ему большой пользы! И это подтвердилось через несколько дней».

Восп., 1, 406.

Есенин читает В.Ф.Наседкину три новых стихотворения о зиме.

В.Ф.Наседкин позже вспомнит:

«За вечер дважды читал мне три новых стихотворения. Одно, если не изменяет память, начинавшееся со строк:

Буря воеет, буря злится

.....

Из-за туч луна, как птица,

Проскользнуть крылом стремится...

поразило меня своей редкой силой выразительности и образности. Под свежим впечатлением оно показалось мне лучшим из всего написанного им за этот год.

На другой день Есенин покинул клинику».

Восп., 2, 312.

См.: 7–18 сент. 1925; 19 сент. 1925, первая запись; 20 сент. 1925, первая запись; 22 сент. 1925, четвертая запись и др.

Несколько стихотворений «с зимним пейзажем» было и среди коротких миниатюр, написанных Есениным 3 окт. 1925, а также продиктованных С.А.Толстой-Есениной в ночь с 4 на 5 окт. 1925 (см.).

Газета «Приволжская правда» (Кинешма; № 272; серия статей «Революция и литература») помещает статью С.Щулепникова «“Имажинисты”», в которой упоминается Есенин:

«Стало избитым местом положение, что или уже один имажинист Серг. Есенин, или же в куче имажинистов Есенин попал по недоразумению.

Он крупнейший современный наш поэт. Он пришел в литературу из Рязанской деревушки, влюбленный в деревню, в мать божью, Николу Милостивого! Город изломал его мирозерцание. Город и деревня повели борьбу. Революция побеждает на каждом шагу. Она спела отходную старому быту, самоедски-мещанскому.

У Есенина это чувствуется особенно остро (“Сорокоуст”). Он дал картину поезда, бешено мчащегося по степи “на лапах чугуновых” — и за ним <...> “Мчался степной жеребенок”. Но... город победил!»

Вырезка — Тетр. ГЛМ.

См. также: 25 нояб. 1925, пятая запись.

Декабрь, около 20 (?). В Ленинграде выходит «Красный журнал для всех» (№ 12; за декабрь) с рецензией М.Майзеля «Наши альманахи» на альманах «Красная новь» № 1. В материале упоминается Есенин:

«Тусклым бисером в изобилии пересыпаны стихами страницы прозы. Ни привычная меланхолия Есенина <в стихотворении “Не вернусь я в отчий дом...”>, ни мало оригинальные стихи Маяковского не служат к украшению отливающего всеми цветами “Альманаха”».

О публикациях стихотворения см.: 17 мая 1925, первая запись; 20 июля 1925, вторая запись.

Отклики см.: 10 сент. 1925, пятая запись; 30 сент. ... 12 окт. 1925; 29 нояб. 1925, вторая запись.

Декабрь, 21, утро. Есенин покидает клинику 1-го Московского государственного университета.

Фиксируется по календарной записи С.А.Толстой-Есениной от того же числа:

«С<ергей> вышел из кл<иники>».

НН, 1995, № 34, с. 65.

До 14 часов. Находится дома, потом уходит.

Отмечается по календарной записи С.А.Толстой-Есениной от того же числа:

«В 2 ч<аса дня> ушел из дому, вернулся в 1 ч<ас> ночи».

НН, 1995, № 34, с. 65.

А.А.Есенина вспомнит:

«Под предлогом каких-то дел 21 декабря Сергей ушел из клиники. Случай, когда по делам Сергея выпускали из клиники, были и раньше <см.: 14 дек. 1925, первая запись; 19 дек. 1925, первая запись>, но выпускали его с врачом, и он в тот же день возвращался в клинику обратно».

Восп., 1, 122.

После 14 часов. Заходит в Московский городской банк и снимает со своего счета 99 рублей, оставив всего 1 рубль.

Есенин, VI, 740.

См. также: 19 нояб. 1925; 25 нояб. 1925, первая запись; 27 нояб. 1925, третья запись; 14 дек. 1925, вторая запись.

Приходит в Госиздат.

Пишет заявление:

«Лит. Отдел Госиздата

Прошу гонорар за собрание моих стих<отворений>, начиная с декабря <19>25 г., выдавать мне лично. Настоящим все доверенности, выданные мною разным лицам до 1-го (первого) декабря, считать недействительными.

С. Есенин 21/ХІІ–25 г.».

Есенин, VII (2), 222.

И.В.Евдокимов вспомнит:

«21 декабря он пришел снова совершенно пьяный, злой, крикливый, и опять заговорил о том же <о выдаче его гонорара другим лицам>.

Я предложил ему подать заявление, и он под мою диктовку, кляня носом, трудно написал <следует текст заявления>.

Я не мог удержаться от смеха, когда Есенин, написав цифру 1, вдруг остановился, придвинулся ближе к бумаге и тщательно вписал в скобках “первого”. Он тоже засмеялся, вертя в руках ручку, не державшуюся в нужном положении».

Восп.-95, 474.

Заходит домой к И.М.Касаткину.

Из дневника Н.С.Ашукина (запись от 22 декабря 1925 г.):

«Вчера в редакции “Красной нивы” очень разволновался И.М.Касаткин: пришел Клычков и сообщил ему: “Есенин убежал из санатория и сидит у тебя”. Сам он был в “сильных градусах”, но сказал, что Есенин пьян. Касаткин позвонил домой и успокоился, узнав, что Есенин ушел».

НЛО, 1998, № 33, с. 260.

С.Борисов (С.Б.Шерн) вспомнит:

«Перед Рождеством, днем в редакции мне “Дядя Ваня” <И.М.Касаткин> сообщил, что Есенин вышел из больницы.

— Напился... Прямо беда с ним».

Материалы, 150.

Вечер. Идет в ресторан Дома Герцена.

С.Д.Фомин вспомнит:

«21 декабря 1925 г., в 11 час. вечера в “Доме Герцена” я читал свои стихи. Неожиданно вошел расстроенный чем-то, удрученный Есенин. Сел у входа, послушал минут пять, несколько раз пытался что-то сказать. Но пришел один из его товарищей и увез его с собой».

Памяти Есенина, 135.

Об этом же вечере в 1926 г. напишет С.Борисов (С.Б.Шерн):

«А вечером, когда я сидел на заседании правления Союза писателей, из клуба пришел кто-то и сказал:

— Есенин пьяный, требует вина, что делать?

Меня попросили сойти вниз и уговорить его уехать домой.

В клубе, внизу, я нашел Есенина. Он сидел за столом, уронив на руки взлохмаченную голову. Когда я подошел, он поднял на меня голову, и более жуткого, истерзанного, измученного человеческого лица я не видел... Глаза были совершенно красные, веки опухшие, щеки совершенно втянулись, кожа была грязно-желтого цвета. Безумным блуж-

дающим взором посмотрел он на меня и, вероятно, что-то вспоминая, узнал меня... Рот его был полуоткрыт, словно в гримасе, и на правую сторону лица набежали морщинки...

Он привстал и, закачавшись, снова упал на стул.

— Скажи, чтобы мне дали вина... Какого черта ...

Я попросил подать нарзану.

— Освежись, Сергей, потом выпьем.

Пришлось пуститься на хитрость. Я подозвал буфетчика — тушить огни и объявить, что клуб закрыт. Представление о времени Сергей потерял.

— Видишь, закрыто уже — поедем домой.

— Нет... веди меня к телефону — хочу вина.

Я оттягивал время и уговаривал его пить нарзан. Он выпил и постепенно свежел. Добрая, мягкая улыбка пробежала по его лицу.

— Хитрый.

Прошло с полчаса — везде были потушены огни, только над нашим столиком горела лампочка, и когда Сергей немного отрезвел, я уговорил его ехать домой. Он долго не соглашался. Я с помощью швейцара одел его. И <мы> вышли на морозную тихую улицу. Я вел его бульваром и всё уговаривал идти домой — предлагал поехать к себе, к “Дяде Ване”.

— Ты друг мне или не друг? Так почему ты не хочешь поехать со мной пить вино?... Все вы сволочи... Нет у меня друзей... Ты думаешь что — я гениальный русский поэт и другого такого не будет... А остальные все сволочи... Не уговаривай — у меня нет дома... Вот сумасшедший дом, куда меня хотели запрятать, — это мой дом.

А потом тихо, грустно, после небольшой паузы добавил:

— Как мне тяжело... Как мне тяжело... Хочешь, я прочту тебе последние стихи?

Мы подошли к памятнику Тимирязеву.

— Это не Пушкин? Пойдем к Александру...

К памятнику Пушкина мы не пошли, и Есенин остановился.

Какая ночь! Я не могу.
Не спится мне. Такая лунность.
Еще как будто берегу
В душе утраченную юность.

Это начало стихотворения. Оно опубликовано после его смерти во второй книжке “Нового мира”. Я читал это стихотворение раньше. Есенин написал его в больнице <см.: 30 нояб. 1925> и передал Касаткину <см.: 17 дек. 1925, первая запись>.

Когда он прочел это стихотворение, он сказал:

— Это прощание с С<оней>.

После этого мы простились. Он взял извозчика и поехал домой, в Померанцев переулок. Но домой он, кажется, не сразу попал, а дорогой надебоширил и побывал в милиции.

Материалы, 150–152.

И.И.Старцев вспомнит:

«В конце декабря, за несколько дней до своей смерти он <Есенин> жаловался на подавленное настроение и с ужасом рассказывал о девушке, повесившейся на своей косе в психиатрической клинике, где он пробыл почти месяц и почти сбежал оттуда».

САЕ, 91.

Декабрь, с 21 на 22. Есенин в 1 час ночи возвращается домой.

НН, 1995, № 34, с. 65 (календарная запись С.А.Толстой-Есениной).

Декабрь, 21—23. Есенин готовится к отъезду в Ленинград.

Г.Ф.Устинов вспомнит:

«Вообще переехать в Ленинград с некоторых пор у него стало заветным намерением. <...> А ко всему этому — затяжной квартирный кризис в Москве, постоянно кочующий образ жизни, нет даже места, где бы прислониться написать стихотворение. Впрочем, с женьбой Есенина на С.А.Толстой квартирный кризис в той или иной мере устраивался. Но тут было очень много самых разнообразных неудобств.

Есенину казалось, что ему мешали работать, раздражали, следили за каждым его шагом, не давая побыть одному. Месяц лечения изгнал похмельное состояние, нервы окрепли, вот только отпраздновать отъезд, проститься с приятелями и — да здравствует новая жизнь!

Выйдя из клиники, Есенин стал готовиться к отъезду в Ленинград.

Он забрал с собою всё свое имущество, рукописи, книжки, записки. Он ехал в Ленинград не умирать, а работать».

Восп.-95, 487–488.

В.Ф.Наседкин вспомнит:

«Впереди новая жизнь. Об этом он <Есенин> говорит больше всего. В Ленинграде он, возможно, женится, только на простой и чистой девушке. Через Ионова устроит свой двухнедельный журнал, будет редактировать, будет работать. А по весне, пожалуй, следует съездить за границу к М.Горькому».

Материалы, 240.

См. также: 7 дек. 1925.

Прощается с друзьями.

А.А.Есенина вспомнит:

«Два дня Сергей ходил по редакциям и издательствам — по делам и проститься с друзьями. Вечерами же был в Доме Герцена».

Восп., 1, 122.

А.К.Воронский напишет:

«Перед последним отъездом в Ленинград я спрашивал его по телефону, зачем он едет туда, но внятного ответа не получил. Правда, он был нетрезв».

Восп.-95, 366.

Посещает М.П.Мурашёва. Делает надпись к рисунку в его альбоме:

«Это мы с тобой / С. Е.».

Есенин, VII (2), 196.

Вспоминая одну из своих последних встреч с М.П.Мурашёвым, Ю.Л.Прокушев напишет:

«...когда Михаил Павлович был уже тяжело болен, он показал мне рисунок: у обрыва две березки; одна побольше, другая поменьше; стоят они тихо, о чем-то задумавшись. <...>

За несколько дней до отъезда в Ленинград, в декабре 1925 года, Сергей Есенин зашел к Мурашёву. Был он чем-то удручен. Чтобы как-то отвлечь его от невеселых дум, последний достал из шкафа свои старые альбомы и книги с автографами.

— Я знал, — вспоминает Михаил Павлович, — Есенин любил рассматривать мои альбомы, при этом он всегда оживленно вспоминал свой приезд в Питер, Блока, наши встречи. В этот раз, перелистывая знакомые страницы, он подолгу молчал. Я, не желая ему мешать, по старой своей привычке, стал рисовать большим пером и чернилами. Сам не зная, почему-то нарисовал я обрыв, две березки. Когда Есенин увидел этот рисунок, он взял карандаш и написал: “Это мы с тобой”. Немного помолчал после этого и попросил неожиданно проводить его».

Прокушев Ю. Десять автографов поэта. — Сб. «День поэзии, 1965», М.: Сов. писатель, 1965, с. 243.

Из воспоминаний М.П.Мурашёва:

«Последняя встреча с Сергеем Александровичем Есениным состоялась у меня за несколько дней до его отъезда в Ленинград в 1925 году.

Придя ко мне, Есенин был грустен и чем-то удручен.

— Что с тобой? — спросил я его.

— Плохо пишется, — ответил Сергей.

Я не стал его допрашивать больше о настроении, а предложил чаю или по стаканчику легкого вина — рислинга.

Когда я назвал слово “рислинг”, Сергей лукаво улыбнулся и сказал:

— Это слово напомнило мне Питер... Альбомы далеко? Дай-ка я их перелистаю.

Я подал ему альбомы.

— Михаил, какое прекрасное начало поэмы “Возмездие” Александра Александровича Блока! Она ведь автобиографична.

Сергей передал мне альбом, а сам пошел к книжному шкафу, спрашивая: “На какой полке книги с автографами?”

— На третьей от верха.

Сергей долго стоял у книг, перебирая их, ища что-то.

— Твоя “Радунница” тоже там, книги стоят хронологически, по годам, — заметил я и принялся в альбоме рисовать, как рисуют в минуту ожидания. Рисовал большим пером, чернилами. На рисунке получился обрыв, на котором росли две березки, справа — река.

Сергей вернулся от шкафа и проговорил:

— А ну, покажи, что натворил?

— Березки как будто, — передавая ему альбом, сказал я. Сергей взял из подставки карандаш и на рисунке написал:

“Это мы с тобой. / С. Е.”

Затем вдруг Сергей заторопился уходить, проговорив:

— Проводи меня.

И мы пошли. Это была моя последняя встреча с поэтом».

Восп., 1, 197.

Рисунок М.П.Мурашёва с надписью Есенина воспроизведен в журн. «Смена» (М., 1965, № 19, с. 18).

Приходит к А.Р.Изрядновой.

А.Р.Изряднова отметит в воспоминаниях:

«...Видела его <Есенина> незадолго до смерти. Сказал, что пришел проститься. На мой вопрос: “Что? Почему?” — говорит: “Смываюсь, уезжаю, чувствую себя плохо, на-верное, умру”. Просил не баловать, беречь сына».

Восп., 1, 146.

Декабрь, 22. С 1 до 16 часов. Есенин находится дома. Потом уходит.

О событиях и их времени см. календарные записи С.А.Толстой:

— «В 2 ч. <дня> ушел из дому, вернулся в 1 ч. ночи» (21 дек.);

— «С<ергей> в 4 ч.<дня> ушел из дому» (22 дек.).

НН, 1995, № 34, с. 65.

Е.А.Есенина вспомнит:

«22-го <декабря> я видела его в последний раз. Он был здоров и тверд».

В семье родной, 249.

После 16 часов. Несколько раз приходит в издательство «Современная Россия».

И.В.Грузинов вспомнит:

«За день до отъезда в Ленинград Есенин несколько раз приходил в издательство “Современная Россия”, но никого не заставлял. Вслед за Есениным приходил врач Аронсон, работающий в психиатрической клинике, из которой Есенин только что выписался. Врач почему-то разыскивал его, оставил номер телефона и просил передать Есенину, чтобы тот непременно ему позвонил».

Восп., 1, 363–364.

Не исключено, что А.Я.Аронсон хотел вернуть Есенину деньги, которые тот выдал ему «на личные нужды» (см.: 16 дек. 1925, первая запись).

Приходит в клуб Дома Герцена, откуда затем его уводят.

Е.Г.Сокол вспомнит:

«Есенин нервничал, как нервничал всегда, когда много пил, — а он единственный из нас в этот день пил много, пил еще днем, там же в клубе.

Днем он шумел, затевал скандал, со многими ссорился, назвал одного из писателей “продажной душой”, других — иными, не менее резкими словами.

Его тогда усмирили с трудом и увели из клуба.

Кто уводил его, не знаю: днем я в клубе не был».

Памяти Есенина, 61.

23 часа. Есенин возвращается в Дом Герцена.

И.В.Грузинов напишет:

«Вечером того же дня <22 дек.> Сахаров и я при входе в клуб Союза писателей встретили Есенина. Он был вместе с Клычковым. Клычков быстро ушел».

Восп., 1, 364.

Декабрь, 22. Газета «Вечерняя Москва» (№ 292; подпись: «Ю. С.») публикует рецензию на книгу 7 журнала «Печать и революция», где пишет о посвященной Есенину статье В.Красильникова:

«В.Красильников <...> дает характеристику Сергея Есенина на основе формального анализа его творчества, приходя к несколько неожиданному выводу, что Есенин, который провозглашал себя “последним поэтом деревни”, на самом деле поэт не крестьянский. Говоря есенинскими же словами, он “только захожий богомолец”. Он не пишет о живой деревне, мужицкого быта не знает, и его поэзия — “литературное начетническое эпигонство”. Это поэзия оторвавшегося от крестьянских масс интеллигента».

См.: до 26 нояб. 1925, восьмая запись.

Декабрь, с 22 на 23. Находясь в Доме Герцена весь вечер и в ночные часы, Есенин встречается:

— с С.Б.Борисовым (Шерном).

Из воспоминаний последнего:

«В день перед отъездом в Ленинград встретил Есенина ночью в клубе Союза писателей. Вид у него был жуткий — растерзанный, лицо желтое, дряблое и глаза красные, как у альбиноса. А в клубе имелось распоряжение — не подавать С<ерегею> вино. После долгих разговоров пришлось уступить. Он мог уйти в какой-либо притон.

Дрожащими руками он наливал в стакан вино и говорил о том, что уедет, бросит пить и начнет работать. Говорил тихо, проникновенно и прочел новое стихотворение.

А потом как-то спросил:

— Умру — жалеть будете?

Этот вопрос всерьез даже нельзя было всерьез <так в тексте> принимать — он только что говорил о жизни. <...>

Это была последняя встреча с Есениным».

Материалы, 152:

— с писателями и поэтами С.А.Поляковым, К.А.Свирским, Е.Г.Соколом и другими.

Вспоминает умершего А.Ширяевца. Читает свои стихи, в том числе поэму «Черный человек».

Е.Г.Сокол напишет в марте 1926 г.:

«Это было в ночь с 22 на 23 декабря 1925 г. — в последнюю ночь, проведенную Есениным в Москве.

В клубе Дома Герцена сошлись мы часов около одиннадцати <вечера> — Есенин, С.А.Поляков, К.А.Свирский (сын) и я. <...>

Часов в одиннадцать, выспавшись, Есенин появился опять и опять пил вино, расплескивал его из бокала сильно дрожавшей рукой.

Помнил он всё, что делал днем.

И как будто оправдываясь, как будто извиняясь, говорил С.А.Полякову, бывшему в тот день дежурным старшиной по клубу:

— Ведь я же не виноват. Ведь они же меня нарочно на скандал вызывают, травят, ножку всегда подставить стараются. Завидуют они мне, и из зависти всё это.

Пил, волновался заметней.

— Меня выводить из клуба? Меня назвать хулиганом? Да ведь они все — мразь и подметки моей, ногтя моего не стоят, а тоже мнят о себе... Сволочи!.. Я писатель. Я большой поэт, а они кто? Что они написали? Что своего создали? Строчками моими живут! Кровью моей живут, и меня же осуждают.

Пил и расплескивал вино. Чокался громко, чуть не опрокидывая другие бокалы.

Говорил об этом, — об обидах своих, — долго и много — словно с болью, с надрывом.

Но то не были пьяные жалобы. Чувствовалось в каждом слове давно наболевшее, давно рвавшееся быть высказанным, подолгу сдерживаемое в себе самом и наконец прорывавшееся скандалом.

И прав был Есенин.

Завидовали ему многие, ругали многие, смаковали каждый его скандал, каждый его срыв, каждое его несчастье.

Наружно вежливы, даже ласковы бывали с ним. За спиной клеветали.

Есенин умел это чувствовать внутренним каким-то чутьем, умел прекрасно отличать друзей от “друзей”, но бывал с ними любезен и вежлив, пока не срывался, пока не заделало его что-нибудь уж очень сильно.

Тогда он учинял скандал. Тогда он крепко ругался, высказывал правду в глаза, — и долго после не мог успокоиться.

Так было и в этот раз.

О ком шла речь, — говорить не стоит сейчас.

А через пять дней гроб Есенина несли и похоронами руководили “ближайшие друзья” поэта.

Так было написано в газетах...

И это звучало дико для тех, кто знал близко Есенина и его друзей.

В ту ночь Сергей нервничал вообще больше, чем обычно, но иногда вдруг весь закипал, иногда вдруг его передергивало, и слова вырывались криком.

Это — когда вдруг вспоминал о Шириевце.

— Ведь разве так делают? Разве можно так относиться к умершему поэту? И к большому, к истинному поэту! Вы посмотрели бы, что сделали с могилой Шириевца. Нет ее! По ней ходят, топчут ее. На ней решетки даже нет. Я поехал туда и плакал там навзрыд, как маленький плакал. Ведь все там лежать будем, — около Неверова и Шириевца! Ведь скоро, может быть, будем, — а там даже и решетки нет. Значит, подох — и черт с тобой! Значит, так-то и наши могилы будут? Я даже звонил после в ГПУ, чтобы оно обратило внимание на это безобразие. Мне обещали.

Просил несколько раз С.А.Полякова:

— И скажите вы, Сергей Александрович, им, — комиссии ширьевской, — скажите Львову-Рогачевскому и Клычкову, что горло им перегрызу за ширьевскую могилу. Я завтра еду в Ленинград. Я сам их не увижу. А вы скажите.

Поляков пытался успокоить Есенина:

— Сергей Александрович, да ведь денег, наверное, нет у комиссии.

Есенин нервничал еще больше.

— Как денег нет? В Госиздате лежат ширьевские три тысячи, которые комиссия в любой момент может получить. Я говорил им. Я говорил Клычкову.

Потом спокойнее:

— Да, наконец, я дам денег. Своих денег дам. Слава богу, я теперь не нуждаюсь. Меня государство обеспечило. Мне Госиздат хорошо заплатил за собрание моих сочинений. Скажите вы им, что я дам денег, только чтоб ширьевская могила была, как могила, а не как черт знает что. Ведь все там лежать будем.

Разговор переходил на другие темы, в нем принимали участие даже и посторонние нам, — какие-то молодые поэты, сидевшие за соседним столиком и всё время подходившие к нашему, — то познакомиться с Есениным, то со всякими вопросами к нему, то с просьбами, чтобы он читал стихи.

Иногда мы с С.А.Поляковым отклонялись от общей темы и говорили между собой о чем-то своем.

Есенин тогда разговаривал с К.А.Свирским или с компанией молодых поэтов.

Говорили о многом, причем менял темы разговора именно Есенин. — Видимо, ему трудно было сосредоточиться на чем-нибудь одном. — Но к рассказу о могиле Шириевца он возвращался несколько раз, и, возвращаясь, нервничал до крика, передергивался мучительно.

Есенин читал свои стихи.

Прочитал всего “Черного человека”. Прочитал прекрасно, как редко удавалось читать даже ему.

Это было подлинное вдохновение».

Памяти Есенина, 61–65.

Е.Г.Сокол читает Есенину свои стихи.

Е.Г.Сокол вспомнит:

«— Евгений, читай теперь ты. <Есенин обратился неожиданно к Е.Г.Соколу>. Ты говорил, что у тебя есть стихи, посвященные мне. Читай!»

Я говорил ему о своих стихах дня два назад, встретившись с ним в автобусе. Тогда же я ему не смог их прочитать <...>. Я прочитал стихи, написанные 17-го декабря <см. со-

ответствующую запись> там же в клубе Дома Герцена, куда Сахаров притащил каких-то гармонистов.

Стихи эти начинаются так:

Эх, гульбище пьяное,
Сверканный пляс монист.
Улыбки обезьяньи
Немого гармониста.

Там есть место:

Эх, если бы Есенина
В разгул занесло...

И кончаются они строфой:

Всё минет, всё сгинет,
Всё в памяти истлеет
И медленно остынет,
Качаясь в петле.

Есенин слушал очень внимательно. Он нервничал, дергался. Потом оперся подбородком на руки и уставился на меня пристально. И вдруг закричал, когда я кончил читать. — А, вот как Сокол пишет. Значит, ему больно, если он так пишет. <...>

И долго еще говорил Есенин о том, что стихи имеет право писать только тот, кому больно, кто умеет чувствовать боль...»

Памяти Есенина, 65–66.

Декабрь, 23. 4 часа ночи — 6 часов утра. Есенин вместе с Е.Г.Соколом возвращается домой и беседует с ним.

Время событий устанавливается по окончанию календарной записи С.А.Толстой на листке 22 дек.:

«Вернулся в 4 ч. н<очи> с Евг. Соколом».

НН, 1995, № 34, с. 65.

Е.Г.Сокол вспомнит:

«Есенин не хотел отпустить меня, настоял, чтобы я поехал вместе с ним и зашел к нему. (Мы оба жили по улице Кропоткина почти в соседних переулках).

— Поговорить хочется. О прошлом... о будущем.

Дорогой, пока тащила нас неподвижная извозчичья кляча, говорил почти только один Есенин. <...>

Когда приехали на улицу Кропоткина, я хотел попрощаться.

Я не хотел заходить к Есенину, ссылаясь на то, что поздно, что жену его неудобно беспокоить, говорил, что зайду завтра проводить его. Он уговаривал как-то тревожно, испуганно как будто.

— Жена ни при чём. Она отдельно. Вообще мы с ней теперь совсем отдельно.

Что-то говорил о разводе. Тянул насильно. <...> Когда мы сидели у него, разговор как-то не клеился, перебрасывался с одного на другое. Иногда подолгу молчали. <...>

Уходить я пытался несколько раз, но каждый раз Сергей вскакивал, не пускал, тревожился.

— Не уходи. Если устал, то спи. Ложись вот на диван и спи. <...>

Теперь я понимаю, почему он не отпускал меня, почему так волновался.

Одному ему до утра оставаться не хотелось. Боялся. Страх одиночества в нем был настолько силен, что когда я уходил часов около шести утра, он разбудил сестру и уговорил ее посидеть с ним».

Памяти Есенина, 61–67, 70–72.

Е.Г.Сокол пишет Есенину записку:

«Дорогой Сергей!

Очень прошу тебя выступить на вечере, устраиваемом нашими курсами <Всероссийского Союза поэтов> 25 декабря. Податель моей записки — один из главных организаторов вечера, наш курсант, т. Головачёв, лично тебе всё расскажет.

Твой Евг. Сокол».

Письма, 302.

9 часов утра. Есенин уходит из дома.

Время события устанавливается по календарной записи С.А.Толстой от того же числа:

«В 9 ч<асов> у<тра> ушел».

НН, 1995, № 34, с. 65.

9–11 часов утра. Есенин приходит в Госиздат, чтобы получить гонорар. Встречается с И.В.Евдокимовым и А.И.Тарасовым-Родионовым.

И.В.Евдокимов вспомнит:

«В десять часов утра 23 декабря я пришел на службу. Секретарь отдела сказал:

— Здесь с девяти часов Есенин. Пьяный. Он уезжает в Ленинград. Пришел за деньгами. Дождался вас.

Столь необычно раннее появление Есенина, он всегда появлялся во второй половине дня, уже встревоживало. <...>

Не скрою: мне было нехорошо. Я не любил визитов Есенина в таком состоянии, тяготился ими, всегда стремился выпроваживать его из отдела. Когда он умер, я корил себя, мне было жалко, что я это делал, но, к несчастью, это было непоправимо.

В тревоге и ожидании я сел на диванчик. Скоро в глубине длинного госиздатского коридора показался Есенин. Пальто было нараспашку, бобровая шапка высоко сдвинута на лоб, на шее густой черного шелка шарф с красными маками на концах, веселые глаза, улыбка, качающаяся грациозная походка... Он был полупьян. Поздоровались. И сразу Есенин, сядя рядом и закуривая, заговорил:

— Евдокимыч, я вышел из клиники <см.: 21 дек. 1925, первая запись>. Еду в Ленинград. Совсем, совсем еду туда. Надоело мне тут. Мешают мне. Я развелся с Соней... с Софьей Андреевной. Поздно, поздно, Евдокимыч! Надо было раньше. А Катяка <Е.А.Есенина> вышла замуж за Наседкина <см.: 19 дек. 1925, вторая запись>. Ты как смотришь на это?

И Есенин близко наклонился ко мне.

— Что же, — ответил я, — это твое личное дело. Тебе лучше знать. Я не знаю...

— Да, да, — схватил он меня за руку. — Это мое дело. К черту! И лечиться я не хочу! Они меня там лечат, а мне наплевать, наплевать! Скучно! Скучно мне, Евдокимыч!

Веселое, приподнятое и бесшабашное настроение прошло у Есенина. Не уверен твердо, боюсь, что последующие события обострили во мне это впечатление, но мне кажется, он тогда печально и безнадежно как-то взгляделся в меня. Я отнесся легко к этой фразе, приписывая ее случайному душевному состоянию, и даже отшутился.

— Не тебе одному скучно. Всем скучно.

— Скучно, скучно мне! — продолжал восклицать Есенин, недовольно мотая головой и глядя в пол. — Да, да, — вдруг опять он заговорил, — ты получил письмо?

— Нет.

— Ах! Я же ей, Катьке, дал снести: там стихи в “Собрание”. Что же она не несет! Я ей скажу... Она принесет. Евдокимыч, я еду в Ленинград: мне надо денег.

— Деньги выписаны, Сережа, — сказал я. Есенин лукаво и недоверчиво улыбнулся, чуточку выждал, хитро взглянул на меня и растерянно, вполголоса, выговорил:

— Я спрашивал. В кассе говорят — нет ордера. Ты забыл спустить в кассу?

И опять улыбка, ожидающая и недоверчивая. Я тоже усмехнулся на его недоверие. <...>

— Видно, много тебя, Сережа, обманывали, — серьезно говорю я, — и ты перестал верить, когда тебя не обманывают?

— Нет, нет, я тебе верю, — заторопился с ответом Есенин. — Значит... мне выдадут?

— Конечно. Но ты очень рано пришел. Деньги же выдают в два часа дня. Ты бы куда-нибудь сходил.

Поэт задумался и спохватился, сдвигая на глаза шапку:

— Верно. Мне надо сходить к Воронскому проститься. Люблю Воронского. И он меня любит. Я пойду в “Красную новь”. Там мне тоже надо получить деньги. Раньше, понимаешь, Евдокимыч, у тебя нельзя получить?

— Я с удовольствием бы, Сережа, но это от меня не зависит. Раз денег нет в кассе, что же делать.

— Ну, хорошо. Я подожду.

Была в Есенине редкая в литературных кругах уступчивость в денежных делах. Современный писатель чаще всего неотвязно настойчив в получении гонорара, криклив, жалок. Тяжелое материальное положение извиняет эту писательскую черту, но в Есенине эта покорливость обстоятельствам была обаятельной. Он соглашался ждать, а те, которые ему отказали, вдруг сами, по своему почину, начинали волноваться, устраивать, бегать, просить, убеждать, даже лгать, лишь бы выдать ему деньги. Думаю, что черта эта у Есенина была органической, а не правильным психологическим расчетом. Поступил так и я на этот раз. Попытка оказалась неудачной: в кассе были гроши.

Поэт дождал меня на диванчике и нетерпеливо спросил:

— Ну, что, можно?

Я развел руками и сел рядом.

— Ты мне корректуры вышли в Ленинград, — погрузившись, сказал Есенин. — Ты говорил, стихи в наборе?

— Да. Сдали в ноябре. Уже идет набор: не сегодня-завтра будут гранки. А куда тебе всылать? Ты где там остановишься?

Есенин немного подумал.

— Я тебе напишу. Как устроюсь, так и напишу. Я тебе буду писать часто. Да, я тебе вышло точный адрес. Остановлюсь я... у Сейфуллиной... у Правдухина... у Клюева. Люблю Клюева. У меня там много народу. Ты мне поскорее высылай корректуру.

— Как только придут из типографии, в тот же день и направлю тебе. Ты внимательно погляди на даты. Помнишь, ты в некоторых сомневался?

— Я... я всё сделаю. Вот Катька не принесла тебе письма, я там послал семь новых стихотворений: “Стихи о которой” <см.: 6 дек. 1925, вторая запись>. Не поздно их будет в первый том, в самый конец?

— Нет, но надо скорее. Пока гранки, вставить можно. Ты будешь читать корректуру, вместе с ней и вышли эти стихи.

— Хорошо. Я пришло. Стихи, кажется, неплохие. Я в клинике написал.

— А как твоя поэма “Пармен Крямин”?

При распределении стихотворений по томам для издания Есенин обещал доставить поэму “Пармен Крямин”, в которой, по его тогдашним предположениям, должно было быть 500 строк. Я о ней и напомнил теперь.

— Я ее вышлю, только дам другое заглавие. Пармен, пожалуй, нехорошо. В Ленинграде я допишу ее. Она не готова. Тут мне мешают. Напишу четыре строчки, кто-нибудь придет... В Ленинград я совсем, навсегда...

— Даты не забудь.

— Нет, нет! И даты — все проставлю. Раз “Собрание”, надо по-настоящему сделать. Я помню все стихи. Мне надо остаться одному. Я припомню. А денег ты никому, кроме меня, не давай...

— Будем высылать тебе в Ленинград. <...>

— Я поеду совсем, совсем, навсегда в Ленинград, — твердил он дальше, — буду писать. Я еще напишу, напишу! Есть дураки... говорят... кончился Есенин! А я напишу... напишу-у! Лечить меня, кормить... и так далее! К черту!

— А ты гляди, Сережа, как набрался сил, — взглянув на него, сказал я, — клиника здорово тебе помогла. Посидел бы еще с месяц, окреп бы совсем для работы. Лицо у тебя стало свежее, спокойное. <...>

В это время вышел из отдела Тарасов-Родионов. Меня кто-то вызвал по телефону. Я ушел в комнату. Пока я разговаривал по телефону, я слышал, Есенин что-то кричал с Тарасовым-Родионовым. Потом они ушли. Я сел за свою обычную работу».

Восп.-95, 474-478.

См.: 30 июня 1925, первая запись; 3 июля 1925, вторая запись; 7 июля 1925, первая запись; 19 июля 1925, первая запись; 21 июля 1925, вторая запись; 3 авг. 1925, первая запись; 12 авг. 1925; 24 авг. 1925, вторая запись; 11 или 12 сент. 1925; 12 сент. 1925, первая запись; 22 сент. 1925, вторая запись; 10 окт. 1925; 15 окт. 1925, первая запись; после 20 окт. 1925; окт. — до 26 нояб. 1925; конец нояб. 1925, первая запись.

А.И.Тарасов-Родионов напишет (10 янв. 1926):

«Это было за два дня до праздников. В среду, 23 декабря, стоял серый пасмурный день оттепели. Я сидел, занимаясь своей редакционной работой, в отделе художественной литературы Госиздата. Была половина одиннадцатого, когда из соседней комнаты я услышал хрипловатый голосок Есенина, разговаривавшего с нашим Евдокимовым о получении из кассы тысячи рублей в счет гонорара за издаваемое Госиздатом полное собрание его сочинений. Этот день у нас был платажный, и Есенин уже получил на руки ордер в кассу, но выплаты денег приходилось ему ждать до 1-2 часов дня. Слышно было, как Есенин досадовал на это вынужденное ожидание, упирая на то, что ему надо очень спешить: он едет сегодня в Ленинград. Эта новость меня заинтересовала, и я стал прислушиваться внимательней. Да, Есенин давал Евдокимову некоторые указания редакционного характера, в частности относительно печатаемой биографии, и давал это таким тоном, каким говорят обычно люди, спешно и надолго уезжающие. В заключение он стал просить Евдокимова, чтобы тот обязательно написал ему в Ленинград письмо. Он несколько раз настойчиво повторил эту просьбу, как бы не веря в чересчур спокойный басок Евдокимова: “Напишу, Сережа, непременно напишу”.

Заинтересованный его отъездом, я вышел и увидел Есенина уже выходящим в коридор. Его шуба была распахнута, а темная бобровая шапка мягко оттеняла белую и сухую, как бы слегка напудренную худобу его лица. Его розовые наивно мигающие глаза смотрели по-прежнему с каким-то хитровато-ласковым изумлением. На шее его был повязан красивый шелковый шарфик, весь кубовый, с белыми крапинками и малиновой подкладкой. Во всяком случае, он выглядел франтовито, но был слегка выпивши. Мы поздоровались очень приветливо и, как обычно, расцеловались и присели на диванчик в коридоре.

Есенин сразу же стал жаловаться на вынужденное ожидание денег, тогда как ему надо поскорее спешить на поезд, раз он сегодня уже уезжает в Ленинград, после того, как он окончательно разошелся с женой своей, Софьей Андреевной. Я вернулся к Евдокимову и спросил, нельзя ли ускорить выплату денег, но уверившись, что это невозможно, вернулся обратно в коридор и сообщил об этом Есенину. Его окружали некоторые из моих сослужащих по отделу.

— Ну что ж, придется, стало быть, ждать, посидим где-нибудь пока, — сказал Есенин тоскливо, но примирительно. — Пойдем, кацо, посидим где-нибудь пока, — сказал он, обращаясь ко мне. — Мне так хочется о многом с тобою поговорить.

Уходить со службы в неурочное время было неудобным, и я предложил ему посидеть со мной в той комнате, где я работаю.

— Нет, нет, здесь неудобно, — протянул он, болезненно скривившись и отмахнув рукой, — пойдем, кацо, вниз на угол, в пивнушку, там и посидим. Это здесь рядом».

Материалы, 241–242.

В беседах с И.В.Евдокимовым и А.И.Тарасовым-Родионовым Есенин высказывается об автобиографии:

И.В.Евдокимов вспомнит:

«— Надо бы биографию в первый том, — обеспокоенно сказал Есенин. — Выкинь ты к черту, что я там сам написал! Ложь всё, ложь всё! Если можно, выкинь! Ты скажи заведующему Николаеву. Напиши ты, Евдокимыч, мою биографию!

— Как же написать — ведь я совершенно не знаю, как ты жил. Ты теперь уезжаешь в Ленинград. Тут надо бы о многом расспросить тебя, а где же теперь?

Есенин сумрачно задумался — и вдруг, оживляясь и злобясь на что-то, закричал, мне казалось, с похвальбой и презрением:

— Обо мне напишут, напи-и-шут! Много напи-ишут! А мою автобиографию к черту! Я не хочу! Ложь, ложь там всё! Любил, целовал, пьянствовал... не то... не то... не то!.. Скучно мне, Евдокимыч, скучно!

— Тебя, кажется, хорошо знает Касаткин? — спросил я. — Вот бы кому написать.

Настроение Есенина было чрезвычайно неустойчивое: от мрачности он быстро переходил в самое благодушное состояние.

— Да, Касаткин, — весь заулыбался он нежнейшим вниманием к этому имени. — Да, да. Люблю его. Ты не знаешь, какой это парень... дядя Ваня... Мы с ним давно-о... давно-о! Давнишний мой друг! Черт с ней, с биографией. Обо мне напишут, напи-и-шут!»

Восп.-95, 477–478.

О том же через несколько часов Есенин скажет в разговоре с А.И.Тарасовым-Родионовым:

«— <...> Все хотят, чтобы мы были прилизанными, причесанными паиньками. Заставили меня написать свою автобиографию. Но разве в ней можно было написать эту правду? Нет, в ней пришлось мне врать. К черту эту автобиографию. Давай лучше уничтожим ее. Скажи Евдокимову, чтобы он ее уничтожил. Ведь в ней всё ложь, всё ложь».

Материалы, 246.

Восклицание Есенина, что о нем «напишут, напи-и-шут», после его гибели становится известным в литературных кругах и начинает обрастать умозрительными толкованиями. Вот один из примеров, сохранившийся в письме Б.Л.Пастернака М.И.Цветаевой (23 февр. 1926):

«На днях узнал версию, кажушуюся мне вздорной и неправдоподобной. Надо будет переспросить Казина, на которого ссылался рассказывавший. Будто бы Е<сенин> перед отъездом говорил К<азину>: “Вот увидишь, как обо мне запишут”. С этим хотят поставить в связь домысел о том, будто бы Е<сенин> хотел устроить *покушение на самоубийство*, в чем, между прочим, ищут объяснение факта, что кисть правой руки была у него на

горле и зашмежена петлей! Так как я не думаю, чтобы к этой версии Вы отнеслись иначе, чем я, то я ничего и не делал для установленья ее источников и уточненья ее самой. Положенье же кисти в этом случае прибавляет лишнюю жутко-волевою черту ко всему облику катастрофы».

Цветасва—Пастернак, 136—137. Курсив автора.

11 часов утра. Есенин вместе с А.И.Тарасовым-Родионовым уходит в пивную.

Из воспоминаний А.И.Тарасова-Родионова:

«Он <Есенин> подождал, пока я оделся, и мы вышли на улицу. Было мокро. Напротив Госиздата ожидал извозчик, которому Есенин велел еще подождать. И, перейдя с угла на угол, мы спустились в полуподвал пивной на углу Софийки и Рождественки, наискось от Госиздата. В пивной было сумрачно и пусто. <...>

— Скучно, кацо, — сказал он уныло, и его глаза лениво потускнели, а рот безвольно застыл.

— Скучно? — ухмыльнулся я. — А как же искусство? Значит, и оно тебя не удовлетворяет?

— Нет! — рванулся он и мотнул своей прозрачной шеей, как индюшонок. — Нет! — прохрипел он с какою-то вымученной злобой. — Не-е-ет. Я работаю и буду работать, и у меня еще хватит сил показать себя. Я много пишу и еще много надо писать. Да, надо много писать, и я умею писать. Я не выдохся. Я еще постою. И это зря орет всякая бездарная шваль, что Есенин — с кулацкими настроениями, что Есенин чуть ли не эмигрант. Это я-то эмигрант, кацо, который швырнул в рожу всем этим белогвардейцам, что:

Они, как отрубь в решете
Средь непонятных им событий
.....
Кто бросит камень в этот пруд?
Не троньте! Будет запах смрада.
Они в самих себе умрут,
Истлеют падью листопада.

Должно быть, меня считают за пустого дурака, который не осознаёт своего таланта и не понимает, что только благодаря Советской власти он расцвел <Я за Советскую власть, без Советов я ничто (*притисано на полях*)>. Ну, скажи на милость, что бы представлял я из себя, если бы не случилось Октябрьской революции? Поэта блядей и сутенеров, бардачного подпевалу? Не усмехайся, кацо, я знаю, что ты думаешь. Но чем же я виноват, что я живу в такой перепалке? Эх, если бы мне немножко попозже родиться б.

— Сережка. Не тужи этим вопросом. Неужели в тебе нет волевого упрямства осознать всё по-новому и дать новые по своему содержанию песни? Как это ни трудно, но ведь ты же — Есенин!

— Ах, кацо! ты не понимаешь!.. должно быть, я опоздал родиться. Но только... Только иногда бывает, ты понимаешь, — и он болезненно скривился, — когда нет настроения писать. Напишешь четыре строчки, и вдруг остановишься... Я устал... я сильно устал, — сознался он каким-то упавшим и задушевым голосом. <...> — Я не могу здесь работать. Меня всё раз-др-раж-жает... — сказал он, весь искривившись мучительной гримасой, как будто проглотив что-то кислое и отвратительное. — Нет, кацо, я не могу здесь работать. Вот получу сейчас деньги, тысячу рублей, и уеду в Ленинград навсегда. И там вот начну

работать. Ты понимаешь, я хочу работать. Я буду работать, — почти прокричал он с упорным раздражением. <...>

— К кому же ты едешь в Ленинград?

— Ни к кому.

— Где же ты остановишься?

— Сам не знаю. Возьму номер в гостинице и буду жить. Буду жить, ты понимаешь, спокойно, там нет этих дрызг и склок. И я буду писать.

— Ну, милый мой, это, конечно, правда. Питер — красивый и тихий город, но город большой. Этой шатии и там сколько угодно. Она облепит тебя и завертит, лишь только узнает о твоём приезде.

— О, нет, я прикажу швейцару никого не пускать.

— Эх, друг, — усмехнулся я, — видно, плохо ты себя знаешь. От себя, милый друг, никуда не убежишь. Я на твоём бы месте и при твоём настроении махнул бы куда-нибудь в глухую деревушку, законопатился бы там в какую-нибудь избушку, как крот, и писал бы.

— В деревню?! О, нет, только не в деревню, — и в глазах его метнулись искорки страха. — В деревне, кацо, мне всё бы напоминало то, что мне омерзительно опротивело. О, если бы (ты) только знал, какая это дикая и тупая, чисто звериная гадость, эти крестьяне. Из-за медного семишника они готовы глотку перервать друг другу. О, как я их ненавижу, эти тупые и жадные жестокие морды. Как прав Ленин, когда он всю эту жадную мужичью мразь согнул в бараний рог. Как я люблю за это Ленина и преклоняюсь перед ним.

— Ну, братец мой, Ленин не особенно-то был сторонником того, чтобы гнуть крестьян в бараний рог. И вообще, ты зря перегибаешь палку.

— Ну, коль не Ленин, то Троцкий. Я очень люблю Троцкого, хотя он кое-что пишет очень неверно. Но я его, кацо, уверяю тебя, очень люблю. [А вот Каменева, понимаешь ты, не люблю. Подумаешь — вождь. А ты знаешь, когда Михаил отрекся от престола, он ему благодарственную телеграмму закатил за это самое из Иркутска]. Ты думаешь, что (если) я беспартийный, то я ничего не вижу и не знаю. [Телеграмма-то эта, где он мелким бесом семенит перед Михаилом], она, друг милый, у меня.

— А ты мне её покажешь?

— Зачем? Чтобы ты поднял бучу и впутал меня? Нет, не покажу.

— Нет, я бучи поднимать не буду и тебя не впутаю. Мне хочется только лично прочесть её, и больше ничего.

— Даешь слово?

— Даю слово.

— Хорошо, тогда я тебе её дам.

— Но когда же ты мне её дашь, раз ты сегодня уезжаешь? Она с тобой или в твоих вещах?

— О, нет, я не так глуп, чтобы хранить её у себя. Она спрятана у одного надежного моего друга, и о ней никто не знает, только он да я. А теперь ты вот знаешь. А я возьму у него... Или нет, я скажу ему, и он передаст её тебе.

— Даешь слово?

— Ну, честное же слово, кацо. Я не обманываю тебя.

— Идет, жду.

Пиво было выпито, и он хотел позвать официанта, чтобы тот подал еще. Но я разубедил его. <...> я отказался наотрез и напомнил, что касса, наверное, открылась. Ведь мы просидели около двух часов. Мы встали и вышли. <...>

В Госиздате я спустился в гардеробную раздеться, а он пошел прямо к кассе».

Материалы, 242, 249–250, 251–252.

13 часов. Есенин возвращается в издательство.

И.В.Евдокимов вспомнит:

«В течение дня Есенин несколько раз заглядывал в комнату, повторял о своем ленинградском адресе и уходил. Потом около часу дня пришел в отдел двоюродный его брат Илья и сказал:

— Денег не выдают.

Я спустился по лестнице в кассу. В прихожей финсектора поэт сидел на лавочке у окна среди шоферов и ожидавшей денег публики. Есенин пьяно моргал и что-то шептал губами. Его разглядывали. Он поднял глаза, заметил меня, замахал рукой, трудно поднялся, и мы встретились.

— Евдокимыч, денег не привезли! Я с утра сижу. Мне надоело!.. Понимаешь, надо-о-е-л-ло!

В голосе его было раздражение. Сделать, однако, я ничего не мог: банк обещал выдать деньги только около двух-трех часов дня.

Изредка я навевался в кассу: Есенин неотлучно сидел на лавочке».

Восп.-95, 479.

Об этом же времени напишет в 1926 г. и В.Т.Кириллов:

«В день отъезда Есенина в Ленинград, 23 декабря, я встретил его в Государственном издательстве у кассы. Денег еще не выдавали, и большая группа ожидающих, главным образом литераторов, толпилась в коридоре. Среди них я увидел Есенина. Я заметил, что он чрезвычайно возбужден, глаза лихорадочно блестят, движения резкие и неестественные. Я намеренно не подходил к нему, зная, что говорить с ним будет и трудно, и неприятно. Но Есенин сам увидел меня. Подошел, поздоровался и, обращаясь к стоящему рядом со мной поэту Герасимову, как-то странно и загадочно произнес:

— Ну, Миша, прощай! Я уезжаю. Но вот здесь остается Кириллов... Я ему верю!»
САЕ, 178–179.

После 15 часов. Уходит из издательства.

И.В.Евдокимов вспомнит:

«Наконец в четвертом часу дня деньги привезли, но в незначительном количестве, выдавали по мелочам. Единственный раз мне почему-то хотелось выдать Есенину деньги, а не чек, но пришлось выписывать опять чек. У кассы стояла очередь. Я спустился к кассе, отыскивая Есенина. Он держал в руках чек, застегивался и серьезно говорил:

— Евдокимыч, денег нет. Вот дали бумажку. Ну, ладно! Билет у меня есть. Я уеду. Завтра Илья получит в банке и переведет мне. Спасибо. Я обойдусь.

Около него стоял застенчивый огромный Илья, тревожно не сводивший с него глаз. Этот замечательный парень, наблюдал я всегда, относился к поэту с редчайшей привязанностью и любовью. Достаточно было мельком поглядеть на его большие глаза, грустно устремленные на поэта, чтобы это почувствовать. И я всегда это чувствовал. Он любил его крепко. <...>

В очереди у кассы в толпе были писатели: Пильняк, Герасимов, Кириллов.

— Ну, прощайте! — пошатался Есенин с серьезным и сосредоточенным видом.

Он обнял попеременно Пильняка, Герасимова, меня, расцеловались... Я шутливо толкнул его в спину “для пути”.

— Жди письма, — сказал, уходя, Есенин и, свесив голову на грудь, заковылял к выходу пьяными нетвердыми шагами.

Было грустно, не по себе, на душе было нехорошо. Конечно, никто не предполагал, что уже никогда не услышит этого с хрипотцой голоса, не увидит пошатающейся дорогой фигуры, носившей в себе редчайший дар и необъяснимое личное очарование».

Восп.-95, 479.

По воспоминаниям А.А.Берзинь, Есенин взял в тот день в долг у ее отца, встреченного в Госиздате, 40 рублей полученного по поручению А.А.Берзинь гонорара (см.: альм. «Кубань», 1970, № 7, с. 95).

А.Б.Никритина передает слова А.Мариенгофа:

«День был серого цвета. Я сидел на скамейке бульвара против Камерного театра.

— Сережа!

Есенин не сразу услышал. Шляпа, побуревшая от мокрого снега, была надвинута на самые брови.

— Сережа!

— Здорово! Небось, Мартышона <жену> поджидаете? — Сел рядом, сдвинул шляпу на затылок и неожиданно спросил: “Толя, ты любишь слово покой?”

— Слово — люблю, а сам покой не особенно.

— Хо-рошее слово! От него и комнаты называются покоями, от него и покойник. Хо-орошее слово!

И, рассеянно поцеловав меня в губы, сказал:

— Прощай, милый!

— Куда торопишься, Сережа?

— Пойду с ним попрошаюсь.

— С кем это?

— С Пушкиным.

— А чего с ним прощаться? Он, небось, никуда не уезжает.

— Может, я далеко уеду.

Это был мой последний разговор.

Есенин уехал в Ленинград...»

ЕиС, 386.

Из письма И.Е.Вольнова к И.М.Касаткину от 10 янв. 1926:

«Я виделся с ним <Есениным> 23 декабря, в день его отъезда в Ленинград. Это было в пивной, на Софийке, напротив Госиздата. И он, и я забрели туда случайно, в разное время. Он был пьяный. Я уговаривал его поехать со мной в деревню. Он меня — в Ленинград. Мы были с ним часа 2–3 в пивной. И, знаешь, он больше всего говорил о тебе, о твоей хорошей искренности, о том, что он душевно привязан к тебе за то, что тебе органически противна поза, ложь <...>.

И вот узнал о смерти. <...> И весь до мелочи, до гримас встал наш разговор с ним — последний. И чувствую, что лучшая любовь его в последние его земные дни, быть может, даже в последние минуты была к тебе. И захотелось написать тебе, именно — только тебе, чтобы разделить с тобой скорбь.

У него было состояние замученного».

Письма, 380.

17 часов. Есенин возвращается в Померанцев пер., собирает свои вещи, дает В.Ф.Наседкину полученный в Госиздате чек на 750 рублей и съезжает с квартиры Толстых.

Отмечается по календарной записи С.А.Толстой-Есениной от того же числа:

«Вернулся в 5 ч<асов> д<ня> и уехал».

НН, 1995, № 34, с. 65.

В.Ф.Наседкин вспомнит:

«23 декабря, зайдя к С.Толстой, часов в шесть слышу звонок. Открываю дверь: не приветливо, по-пьяному взглянув на меня, входит Есенин и, не поздоровавшись, идет в комнату.

Говорит несуразности Шуре и остальным. Почти невменяем.

Вещи готовы. Всё есенинское до мелочей уложено в чемоданы. Перед выходом (ни с кем не прощаясь) Есенин дает мне госиздатовский чек на 750 рублей — он не успел сегодня заглянуть в банк и едет почти без денег. Попросил выслать завтра же».

В семье родной, 279.

А.А.Есенина много позднее напишет:

«23 декабря под вечер мы сидели втроем у Софьи Андреевны: она, Наседкин и я. Часов в семь вечера пришел Сергей с Ильей. Сергей был злой. Ни с кем не здороваясь и не раздеваясь, он сразу же прошел в другую комнату, где были его вещи, и стал торопливо всё складывать как попало в чемодан. Уложенные вещи Илья, с помощью извозчиков, вынес из квартиры. Сказав всем сквозь зубы “до свидания”, Сергей вышел из квартиры, захлопнув за собой дверь.

Мы с Софьей Андреевной сразу же выбежали на балкон. Был теплый, тихий вечер. Большими хлопьями, лениво кружась, падал пушистый снег. Сквозь него было видно, как у парадного подъезда Илья и два извозчика устанавливали на санки чемоданы. Снизу отчетливо доносились голоса отъезжающих... После того как были размещены на санках чемоданы, Сергей сел на вторые санки. У меня вдруг к горлу подступили спазмы. Не знаю, как теперь мне объяснить тогдашнее мое состояние, но я почему-то вдруг крикнула:

— Сергей, прощай!

Подняв голову, он вдруг улыбнулся мне своей светлой, милой улыбкой, помахал рукой, и санки скрылись за углом дома. Мне стало как-то невыносимо тяжело в опустевшей квартире».

Восп., 1, 122—123.

Из письма О.К.Толстой к Р.А.Кузнецовой (11 янв. 1926):

«23-го вечером мне звонит Соня и говорит: “Он уехал”. — “Кто?” — спрашиваю. “Да Сергей”. И тут в первый раз она мне откровенно рассказала про него и то, что она пережила за эти дни. <...> Одним словом, творилось что-то ужасное. И, наконец, сорвался, захватил все свои сундуки и заявил, что уезжает в Петербург. Так как это было уже в третий раз, что “он уезжал”, то никто не придал этому особо значения. При этом был совершенно пьян <...>. И в первый раз в голосе Сони я почувствовала усталость, досаду, оскорбление. “Надеюсь, что он больше не вернется”, — на что Соня сказала: “Тебе легко говорить, а ведь я люблю его”. Я возразила: “Но ведь ты же видишь, что с ним жить невозможно, что это совсем больной человек и даже опасный”. Я посоветовала Соне поехать отдохнуть, встряхнуться, ну хотя бы в Ясную Поляну, но она сказала, что если поедет куда, то только в Петербург к своей подруге, но боится, чтоб он не вообразил, что она бегает за ним. Удерживало ее еще полное отсутствие денег, он не оставил ни копейки, да и до этого она задолжала прислуге и за три месяца квартиры (он абсолютно не давал ей денег, кроме как на траты на еду и вино, а получал больше тысячи рублей в месяц)».

Письма, 381.

Вечер. Есенин приходит к детям.

Т.С.Есенина вспомнит:

«В декабре он пришел к нам через два дня после своего ухода из клиники, в тот самый вечер, когда поезд вот-вот должен был увезти его в Ленинград. Спустя неделю, спустя месяцы и даже годы родные и знакомые несчетное число раз расспрашивали меня, как он тогда выглядел и что говорил, потому и кажется, что это было вчера.

В тот вечер все куда-то ушли, с нами оставалась одна Ольга Георгиевна. В квартире был полумрак, в глубине детской горела лишь настольная лампа, Ольга Георгиевна лечила брату синим светом следы диатеза на руках. В комнате был еще десятилетний сын одного из работников театра, Коля Буторин, он часто приходил к нам из общежития — поиграть. Я сидела в “карете” из опрокинутых стульев и изображала барыню. Коля, угрожая пистолетом, “грабил” меня. Среди наших игрушек был самый настоящий наган. Через тридцать лет я встретила Колю Буторина в Ташкенте, и мы снова с ним всё припомнили.

На звонок побежал открывать Коля и вернулся испуганный:

— Пришел какой-то дядька, во-от в такой шапке.

Вошедший уже стоял в дверях детской, за его спиной. Коля видел Есенина раньше и был в том возрасте, когда это имя уже что-то ему говорило. Но он не узнал его. Взрослый человек — наша бонна — тоже его не узнала при тусклом свете, в громоздкой зимней одежде. К тому же все мы давно его не видели. Но главное было в том, что болезнь сильно изменила его лицо. Ольга Георгиевна поднялась навстречу, как взъерошенная клушка:

— Что вам здесь нужно? Кто вы такой? — Есенин прищурился. С этой женщиной он не мог говорить серьезно и не сказал: “Как же это вы меня не узнали?”

— Я пришел к своей дочери.

— Здесь нет никакой вашей дочери!

Наконец я его узнала по смеющимся глазам и сама засмеялась. Тогда и Ольга Георгиевна вгляделась в него, успокоилась и вернулась к своему занятию.

Он объяснил, что уезжает в Ленинград, что поехал уже было на вокзал, но вспомнил, что ему надо проститься со своими детьми.

— Мне надо с тобой поговорить, — сказал он и сел, не раздеваясь, прямо на пол, на низенькую ступеньку в дверях. Я прислонилась к противоположному косяку. Мне стало страшно, и я почти не помню, что он говорил, к тому же его слова казались какими-то лишними, например, он спросил: “Знаешь ли ты, кто я тебе?”

Я думала об одном — он уезжает и поднимется сейчас, чтобы попрощаться, а я убегу туда — в темную дверь кабинета.

И вот я бросилась в темноту. Он быстро меня догнал, схватил, но тут же отпустил и очень осторожно поцеловал руку. Потом пошел проститься с Костей».

Восп., 2, 272–273.

К.С.Есенин позже вспомнит:

«Последний приход отца <...> состоялся за несколько дней до рокового 28 декабря. Этот день описан многими. Отец заходил к Анне Романовне Изрядновой, еще куда-то. Уезжал в Ленинград всерьез. Наверное, ехал жить и работать, а не умирать. Зачем иначе ему было возиться с огромнейшим, тяжеленным сундуком, набитым всем его скарбом. Это деталь, по-моему, существенная.

Отчетливо помню его лицо, его жесты, его поведение в тот вечер. В них не было надрыва, грусти. В них была какая-то деловитость... Пришел проститься с детьми. У меня тогда был детский диатез. Когда он вошел, я сидел, подставив руки под лампочку, горевшую синим светом, которую держала няня.

Отец недолго пробыл в комнате и, как всегда, уединился с Татьяной».

Восп., 2, 277.

Заезжает в студию Г.Б.Якулова проститься с художником и его женой.

Из воспоминаний В.А.Левшина (1971), будущего математика и писателя, ставшего сторонним свидетелем этого эпизода:

«Я жил тогда временно в квартире 35 <дома 10 по Б. Садовой ул.>, в том самом подъезде, где помещаются студии. В конце декабря 1925 года поздно вечером слышу громкие

голоса на лестнице. Выхожу на площадку: сверху спускаются несколько человек, среди них — <Н.Ю.>Шифф и Есенин. Он — в тяжелой распахнутой шубе, в бобровой шапке. Явно навеселе: возбужденно разговаривает, размахивает руками, подолгу останавливается на ступеньках. Его уговаривают поторопиться (“На поезд опоздаешь!”).

А через несколько дней его уже хоронили...»

Левшин В. Садовая, 302-бис. — В кн.: «Воспоминания о Михаиле Булгакове», М.: Сов. писатель, 1988, с. 171.

Ночным поездом с Николаевского вокзала Есенин отбывает в Ленинград. Его провожает И.И.Есенин.

Точное время отъезда поэта неизвестно. Вечером 23 дек. 1925 назначаются дополнительные предпраздничные поезда:

«23-го декабря со ст. Москва Октябрьской ж. д., кроме обычных поездов, отойдут на Ленинград три добавочных поезда: № 8 — 19 ч. 30 м. (в этом поезде едет 700 экскурсантов и лишь один вагон предоставлен пассажирам); № 8бис — в 20 ч. (также едет большая группа экскурсантов) и № 6 бис, отправляющийся в 22 часа, предназначенный исключительно для пассажиров».

Газ. «Вечерняя Москва», 1925, 22 дек., № 292.

И.И.Старцев вспомнит:

«В день его <Есенина> отъезда в Ленинград, 23 декабря на вокзале случайно оказался его попутчиком Сахаров. Но, очевидно, уже так складывались обстоятельства: ехали они в разных вагонах; по приезде в Ленинград Сахаров не мог его разыскать в толпе на перроне и уехал один домой в надежде, что Есенин заедет и остановится у него, как это всегда бывало раньше. Но на этот раз Есенин прямо с вокзала отправился к Эрлиху, а от него — в гостиницу “Англетер”...»

САЕ, 91.

Вероятнее всего, Есенин выехал в Ленинград последним из указанных выше поездов — поездом № 6 бис; ср. со сведениями В.А.Левшина из предыд. записи о времени его встречи с Есениным («поздно вечером»).

Декабрь, с 23 на 24. Вернувшись с вокзала, И.И.Есенин передает В.Ф.Наседкину записку от Есенина:

«Вася! Да!

Жду телеграммой на Эрлиха.

Люблю, целую и всё.

Не будь зятем.

Дай Илюшке 50 рублей».

В семье родной, 94.

В.Ф.Наседкин вспомнит:

«Поздно вечером Илья, провожавший брата на вокзал, передал мне маленький мятый листок, исписанный рукой Есенина...»

Восп.-95, 499.

Н.В.Есенина отметит:

«Необходимо пояснить фразу в записке “Не будь зятем”.

Для регистрации брака мои родители до ЗАГСа <см.: 19 дек. 1925> ехали на лошади, запряженной в сани. Извозчик, по договоренности, должен был молодых дожидаться и отвезти домой. Уже по пути домой молодая жена вдруг попросила извозчика остановиться, выпрыгнула из саней и исчезла в неизвестном направлении.

На следующий день <см.: 20 дек. 1925> мой отец пошел навестить Есенина в клинику и там рассказал ему о случившемся. Сергей Александрович был возмущен, но друга успокоил. Он сказал, что сестра еще молода, наверное, испугалась и что она, конечно, у родителей в деревне. Посоветовал ему за ней съездить и привезти ее в Москву, что мой отец потом и сделал.

Сам же он так рассердился на сестру за ее легкомысленный поступок, что написал другу очень горькие для него слова, не надеясь, что у них всё окончится мирно.

После того, как Есенин уехал в Ленинград, мой отец отправился в Константиново, где его как дорогого зятя приняли Александр Никитич и Татьяна Федоровна. Проблем никаких не было. Моя мама встретила мужа спокойно, и они вместе уехали в Москву.

С тех пор мои родители никогда больше не расставались вплоть до самого ареста папы. Мама ждала его восемнадцать лет, пока не получила свидетельство о его смерти». В семье родной, 94–95.

Декабрь, до 24. Есенин делает наброски неизвестного прозаического и стихотворного (?) произведений, черновики рвет:

«...что я вспомнил <о> той, которая от меня очень далече и потому, что [любви то... к ней] я встретил ее в мае. [Я закрываю глаза и начинаю вспоминать.] Я закрываю глаза ... вспоминаю. Ах, что было! что было!

Совсем ... ут
покрыты инеем
на душе у меня
[бы ... ой] май потому

Фрагменты неизвестного произведения даются по копиям, сделанным с клочков бумаги рукой Е.Н.Чеботаревской и С.А.Толстой-Есениной (ГЛМ).

Датируются предположительно с учетом местонахождения источника текста в архиве С.А.Толстой-Есениной и ее комментария к нему. Здесь же ею изложены предположения о происхождении и содержании этих клочков бумаги:

«Копия обрывков последнего стихотворения Сергея Есенина, увезенного им в Ленинград и, по-видимому, найденного З.Н.Райх в его сундуке, когда она получила его вещи. Обрывки наклеены ею (?) на лист бумаги. Принадлежит Косте Есенину. Копия сделана мною в авг. 1940 г. С. Есенина».

Однако первый фрагмент текста — не стихотворный, а, несомненно, прозаический; да и о втором нельзя с уверенностью сказать, что это стихи.

Местонахождение источника копий Е.Н.Чеботаревской и С.А.Толстой-Есениной ныне неизвестно. См.: Есенин, VII (2), 103–104.

Ведется подготовка к выпуску очередного номера журнала «Пионер» (№ 24), на обложку которого (в рубрике «Наши авторы») помещается фотопортрет Есенина.

Номер выйдет в сент 28 дек. 1925 г., в день гибели поэта.

Об этом снимке см.: 19 (?) ... 30 сент. 1925.

Декабрь, до 24 (?). В Варшаве выходит журнал «Skamander» (t. 5; № XLII) со стихотворениями Есенина «То не тучи бродят за овином...»,

«Я покинул родимый дом...», «Отвори мне, страж заоблачный...» в переводе Владислава Броневского на польский язык.

В содержании этого тома журнала (раздел «Драматургия») значится:

«Сергей Есенин, перевод Владислава Броневского. Пугачев (драматическая поэма), глава 7 <так!>, последняя — “Конец Пугачева”, № 37».

См. Приложение.

В Риге выходит третий том собрания сочинений Я. Райниса «Жизнь и труды» с его переводом третьей части поэмы Есенина «Преображение» на латышский язык.

Мекш Э., Прейс К. Ян Райнис — переводчик Есенина. — «Сергей Есенин: Проблемы творчества. Сб. статей» / Сост. П.Ф.Юшин. М.: Современник, 1978, с. 344.

О первой публикации перевода см.: авг. 1921, четвертая запись. См. также: до 13 нояб. 1921, четвертая запись.

В г. Пардубице (Чехия) выпускается книга Йозефа Гостовского «Трагизм в жизни и творчестве русских писателей и другие статьи о русской литературе» (Josef Hostovský, «Tragika v životě a díle ruských spisovatelů a jiné články o ruské literatuře», Pardubice: Vlastimil Vokolek, 1925), в которой заходит речь о Есенине.

В одной из глав «Поэты революционной России» автор рассматривает поэзию советской России, отмечая среди поэтов тех, «для которых революция была опытом общечеловеческим»: Вяч. Иванов, Ф.Сологуб, А.Ахматова, Н.Клюев, пролетарские поэты.

«Среди самых молодых футуристов выделяются две очень оригинальные фигуры: кавказец Александр Кусиков и деревенский Сергей Есенин. <...>

Кусиков прозрачен, ему не хватает философской глубины, которая больше всего характеризует творчество “пророка” Есенина: “Он сын беднейших деревень на Руси. В детстве его окружали бедная изба, деревянный стол с самоваром, лавка у печи и замазанные глиной стены” <цитата из книги Ф.Кубки “Поэты революционной России”; см.: Летопись, 4, 257>».

Далее (близко к оригинальному тексту) излагаются суждения из той же книги Ф.Кубки:

«Из Рязанской губернии, где весна бывает огненно красивой красными нарядами женщин и волчьими маками, из нищеты деревень пришел он в Москву за славой поэта в круг имажинистов. Он полон Библии. Он видит, что Христос покинул Русь, что его дух убит. Его место занимает власть материи, мистерия материи, Инония. Есенин, нищий и убогий, — мечтает о рае на земле, рае материальном, блаженности материальной. Он довершает свой материализм в революционной поэзии. Он творец евангелия материи. Христос принесет спасение человечества на том свете, в царстве мертвых, Есенин провозглашает царство живых. Его “Инония” — это царство живых. Граду Китежу — раю мистиков, Радонежу — святости как цели — он противопоставляет царство земное: “Нет иного бога, кроме материи, и Есенин ее пророк, «Инония» Есенина — это поэтизированный Маркс, транспонированный в библейскую речь, и она является противоположностью, полюсом «Христос воскрес» Белого» <Ф.Кубка; ср.: Летопись, 4, 258>. — Формально Есенин безупречный художник, крупнейший из имажинистов, крупнейший художник русской революционной поэзии».

Перевод А.В.Аmeliной.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Содержание приложения

С.А.Есенин. Фото. 1925.	625
С.А.Есенин. Поэма «Анна Снегина». Фрагменты черного автографа. Январь 1925.	626
Участники Первого всесоюзного совещания пролетарских писателей и поэтов. Фото. 6 января 1925.	631
Демьян Бедный. Фото.	631
Ю.Н.Либединский. Фото. 1925 (?).	631
И.В.Грузинов. Письмо С.А.Есенину. Автограф. 13 января 1925.	632
Ф.Раскольников. Письмо С.А.Есенину. Автограф. 17 января 1925.	632
С.А.Есенин. Книга «Страна Советская» (Тифлис, 1925). Обложка.	633
С.А.Есенин. Письмо к Г.А.Бениславской. Автограф. 20 января 1925.	634
С.А.Есенин. Телеграмма к Г.А.Бениславской. 23 января 1925.	635
Журнал «Skamander» (Варшава, 1925, № 37). Обложка и страница с публикацией заключительной главы драматической поэмы С.А.Есенина «Пугачев» в переводе Владислава Броневского на польский язык.	636
Владислав Броневский. Фото.	636
Журнал «Skamander» (Варшава, 1925, № 37). Страницы со статьей Леонарда Подгорского-Околува «О рифмовке».	637
Журнал «Mercure de France» (Париж, 1925, т. CLXXVII, № 639). Содержание и страницы с фрагментом обзора Жана Шюзевиля «Русская художественная литература».	638
Н.К.Вержбицкий. Письмо к Г.А.Бениславской. Автограф. 3 февраля 1925.	641
Журнал «Красная нива» (М., 1925, № 7). Обложка и страница со стихотво- рением С.А.Есенина «На Кавказе».	643

Журнал «Товарищ Терентий» (Свердловск, 1925, № 3). Обложка и страница с отрывком из поэмы С.А.Есенина «Пугачев» — «Бегство калмыков».	644
Журнал «Прожектор» (М., 1925, № 4). Обложка и страницы со статьей А.К.Воронского «О “Перевале” и перевальцах», где говорится о С.А.Есенине.	646
Газета «Právo lidu» (Прага, 12 февраля 1925, № 36). Фрагмент поэмы С.А.Есенина «Преображение» (ч. 4: «Стихи, ветер...») в переводе Франтишека Коварны на чешский язык.	649
Книга «Еуропа-Almanach» (Потсдам, 1925). Обложка и содержание.	649
Книга «Еуропа-Almanach» (Потсдам, 1925). Страницы с автобиографией С.А.Есенина (1922) и с его стихотворением «Осень» <«О красном вечере задумалась дорога...»> в переводах на немецкий язык (переводчик стихотворения — Вольфганг Грёгер).	650
Журнал «Красная нива» (1925, № 9). Обложка и страница с публикацией «Персидских мотивов» С.А.Есенина: «Никогда я не был на Босфоре...» и «Свет шафранный вечернего края...» <«Свет вечерний шафранного края...»>.	653
С.А.Есенин. Поэма «Анна Снегина». Страницы машинописи с авторской правкой.	654
С.А.Есенин и Л.М.Леонов в редакции журнала «Прожектор». Фото В.Савельева, Март 1925.	658
Журнал «Новый мир» (1925, № 3). Обложка и страница со стихотворением С.А.Есенина «Снова выплыли годы из мрака...» <«Сукин сын»>. ..	659
Журнал «Город и деревня» (1925, № 3/4). Обложка и страницы с публикацией поэмы С.А.Есенина «Мой путь» (строки 1–123).	660
С.А.Есенин. Стихотворение «Голубая родина Фирдуси...». Автограф.	661
С.А.Есенин с матерью Т.Ф.Есениной. Фото В.Усова. 1925.	661
Журнал «Товарищ Терентий» (Свердловск, 1925, № 4/5). Страница с фрагментом статьи Е.Ф.Бобинской (Бабинской) «Младшая пролетарская поэзия», где упоминается С.А.Есенин.	662
С.А.Толстая. Календарная запись о первой встрече с С.А.Есениным. Автограф. 10 марта 1925.	662
С.А.Есенин. Письмо П.И.Чагину. Автограф. 6 или 7 марта 1925.	662
В.И.Качалов с собакой Джимом. Фото. 1927.	663
«Красный журнал для всех» (Ленинград, 1925, № 2). Страница с рецензией Б.Соловьева на сборник В.Александровского «Шаги: Поэмы и стихи» (М., 1924) с упоминанием С. А. Есенина.	664

Журнал «Прожектор» (1925, № 5). Фрагменты статьи А.К.Воронского «Литературные заметки».	665
С.А.Есенин. «Страна советская». Оглавление книги с пометами Е.Чаренца. .	666
Богумил Матезиус. Фото.	666
Газета «Národní osvobození» (Прага, 15 марта 1925, № 73). Страница со стихотворением С.А.Есенина «Сохнет стаявшая глина...» в переводе Богумила Матезиуса на чешский язык.	666
Журнал «Жизнь искусства» (1925, № 11). Страница с очерком И.А.Аксёнова «Автобиографические опыты Айседоры Дункан» с упоминанием С.А.Есенина.	667
С.А.Есенин. Экспромт «Никогда я не забуду ночи...» Автограф. 19 марта 1925.	667
Журнал «Город и деревня» (1925, № 5). Страницы с публикациями отрывка из поэмы С.А.Есенина «Анна Снегина» и окончания его поэмы «Мой путь».	668
С.А.Есенин. Записка к Г.А.Бениславской. Автограф. 21 марта 1925.	668
С.А.Есенин. Дарственная надпись А.Л.Миклашевской на книге «Москва кабацкая» (Л., 1924). 24 марта 1925.	668
Журнал «Красный библиотекарь» (1925, № 2). Обложка и иллюстрация «Перекрестный каталог» к статье Л.Б.Хавкиной «Техника предметного и перекрестного каталога». Один из каталожных разделителей — «ЕСЕНИН».	669
Письмо Н.Н.Накорякову. Автограф В.Ф.Наседкина, подпись С.А.Есенина, резолюция Н.Н.Накорякова, помета под текстом рукой И.В.Евдокимова. 27 марта 1925.	670
С.А.Есенин. Книга «Песнь о великом походе» (М., 1925). Обложка и страницы с иллюстрациями художника И.Француза.	671
Журнал «Маховик» (Златоуст, 1925, № 3). Титульный лист и страница с публикацией стихотворения С.А.Есенина «Письмо к деду» <<«Письмо деду»>.	674
Сборник «Рабочий чтец-декламатор» (Л., 1925). Обложка и страницы с поэмой С.А.Есенина «Товариш».	675
Сборник «Рабочий чтец-декламатор» (Л., 1925). Страница с отрывком из поэмы С.А.Есенина «Пантократор».	677
С.А.Есенин. Дарственная надпись С.Ф.Файнштейну на листе с машинописным текстом стихотворения «Собаке Качалова». 6 апреля 1925.	677

С.А.Есенин. Стихотворение «Голубая да веселая страна...» Автограф. 8 апреля 1925.	678
С.А.Есенин. Письмо к Г.А.Бениславской. Автограф. 8 апреля 1925.	680
Журнал «Забой» (Артёмовск, 1925, № 7). Обложка и начало рецензии А.Селивановского на книги С.А.Есенина «Москва кабацкая» и «Русь советская».	683
Журнал «Забой» (Артёмовск, 1925, № 7). Окончание рецензии А.Селивановского на книги С.А.Есенина «Москва кабацкая» и «Русь советская».	684
Журнал «Красная новь» (М., 1925, № 3). Страница с фрагментом статьи А.Лежнева «О группе пролетарских писателей “Перевал”».	684
Журнал «Октябрь» (М., 1925, № 2). Титульный лист и страницы с рецензией И.М.Машбиц-Верова на книгу С.А.Есенина «Стихи (1920–24)».	685
Журнал «Воля России» (Прага, 1925, № 3). Обложка и страницы с рецен- зией С.П.Постникова на журнал «Красная новь» (книги IV, V, VI, VII– VIII), в которой идет речь о С.А.Есенине.	687
Журнал «Russia» (Рим, 1925, № 1). Обложка и ее оборот.	688
Журнал «Russia» (Рим, 1925, № 1). Страницы с поэмой С.А.Есенина «Русь советская» на итальянском языке (переводчик Этторе Ло Гатто).	689
С.А.Есенин. Книга «О России и революции» (М., 1925). Обложка.	690
С.А.Есенин. Pamфлет «Дама с лорнетом». Фрагменты автографа.	691
С.А.Есенин. Письмо к Г.А.Бениславской. Фрагменты автографа. 11–12 мая 1925.	692
С.А.Есенин. Стихотворение «Заря окликает другую...» (газета «Бакин- ский рабочий», 1925, 12 мая, № 104).	693
Журнал «Querschnitt» (Берлин, 1925, 5-й г. изд., тетр. 5). Страница с фрагментом поэмы Есенина «Преображение» (ч. 3: «Ей, россияне!...») в переводе Йозефа Кальмера на немецкий язык.	694
С.А.Есенин. Записка В.И.Качалову. Автограф. 15 мая 1925.	695
В.И.Качалов в роли царя Федора в спектакле Московского художествен- ного театра «Царь Федор Иоаннович» по одноименной трагедии А.К.Толстого. Фото. 1922.	695
Журнал «Красная новь» (М., 1925, № 4). Обложка и страницы с поэмой С.А.Есенина «Анна Снегина». Фрагменты.	696
С.А.Есенин. Стихотворение «Неуютная жидкая лунность...». Автограф. 24 мая 1925.	697

С.А.Есенин. Телеграмма к Г.А.Бениславской. Автограф.	697
С.А.Есенин. Книга «Березовый ситец» (М., 1925). Обложка.	698
С.А.Есенин. Книга «Персидские мотивы» (М., 1925). Обложка.	698
И.С.Ежов и Е.И.Шамурин. «Русская поэзия XX века: Антология русской лирики от символизма до наших дней» (М., 1925). Титульный лист и страницы с материалами о С.А.Есенине.	699
Литературное приложение «Nedělní čtení» к газете «Československá republika» (Прага, 1925, 24 мая, № 141). Страница со стихотворением С.А.Есенина «Возвращение на родину» (под заголовком «Doma») на чешском языке (перевод за подписью: Vladimír-lenský).	700
С.А.Есенин. Поэма «Анна Снегина». Страницы публикации в журнале «Красная новь» (1925, № 4) с дарственной надписью поэта С.А.Толстой и с авторской правкой.	701
С.А.Есенин с сестрой Екатериной. Фото. 1925. Москва, Пречистенский бульвар.	702
Журнал «Причал» (Казань, 1925, № 7). Обложка и страница со стихотворением С.А.Есенина «Письмо к матери» <«Письмо матери»>.	703
С.А.Есенин. Книга «Избранные стихи» (М., 1925). Обложка.	704
Журнал «Огонек» (1925, № 25). Страницы с информацией о выходе «Избранных стихов» С.А.Есенина в серии «Библиотека “Огонек”».	705
Книга «Современные рабоче-крестьянские поэты в образцах и автобиографиях с портретами» (Иваново-Вознесенск, 1925) с автобиографией С.А.Есенина и его стихотворениями. Обложка.	706
И.В.Евдокимов. Фото.	706
С.А.Есенин. Письмо к Е.А.Есениной. Автограф. 16 июня 1925.	706
А.Жаров. Книга «Сердце горит» (М., 1925). Обложка и титульный лист с дарственной надписью автора С.А.Есенину. 19 июня 1925.	707
С.А.Есенин. Дарственная надпись Ю.А.Ушеренко на книге «Березовый ситец». 20 июня 1925.	708
С.А.Толстая. Календарные записи. Автограф. 21 июня 1925.	708
Илья Есенин. Фото из семейного архива.	709
С.А.Есенин и А.М.Сахаров с цыганками. Фото. 21 июня 1925.	710
Журнал «Город и деревня» (1925, № 11/12). Обложка и страница со стихотворением С.А.Есенина «Неуютная жидкая лунность...».	711
Договор С.А.Есенина с Государственным издательством РСФСР на издание «Собрания стихотворений» поэта с его распиской. 30 июня 1925. ...	712

Журнал «Жизнь искусства» (1925, № 26). Обложка и страницы со статьей Н.Чужака «Пугачев на сцене: К 150-летию со дня казни». Фрагменты. 714	
С.А.Есенин. Дарственная надпись-экспромт С.А.Толстой на книге «Персидские мотивы».	715
М.Горький. Фото.	716
С.А.Есенин. Письмо М.Горькому. Фрагмент автографа. 3 июля 1925.	717
Справка, выданная С.А.Есенину Центральной комиссией по улучшению быта ученых. 2 июля 1925.	718
С.А.Есенин. Письмо П.И.Чагину. Автограф. 6 июля 1925.	718
Журнал «Красная новь» (1925, № 6). Обложка и страница со стихотворе- нием С.А.Есенина «Синий май. Заревая теплынь...»	719
С.А.Есенин. Стихотворение «Я иду долиной. На затылке кепи...». Автограф. 17 июля 1925.	720
Г.А.Бениславская и А.Г.Назарова. Фото. 1925.	721
С.С.Виноградская. Фото.	721
С.А.Есенин. Дарственная надпись С.А.Толстой на книге «Избранные стихи».	722
С.А.Есенин. Стихотворение «Тихий ветер. Вечер сине-хмурый...». Автограф.	723
И.Садовников. Стихотворение «Есенину». Автограф. Июль 1925.	724
Журнал «Gruda» (Любляна, 1925, № IV). Страница с фрагментом поэмы С.А.Есенина «Сорокоуст» (ч. 3: «Видели ли вы...») в переводе Н.Ф.Преображенского на словенский язык.	725
Журнал «Host» (Брно, г. IV/1924–1925, № 8). Обложка и страницы с по- эмой С.А.Есенина «Русь советская» в переводе Йозефа Горы на чешский язык.	726
Йозеф Гора. Фото.	727
Журнал «Host» (Брно, г. IV/1924–1925, № 9/10). Обложка и страница с фрагментом «Исповеди хулигана» С.А.Есенина в переводе Ярослава Выплела на чешский язык.	728
С.А.Есенин. Стихотворение «Руки милой – пара лебедей...». Фрагмент автографа.	729
С.А.Есенин. Вариант стихотворения «Море голосов воробьиных...» под заголовком «Персидские мотивы». Фрагмент автографа.	730
С.А.Толстая. Письмо к О.К.Толстой. Фрагменты автографа. 13 августа 1925.	731

Журнал «Красная нива» (М., 1925. № 33). Обложка и страница со стихотворением С.А.Есенина «Я иду долиной. На затылке кепи...».	732
Журнал «Reflektor» (Прага, 1925, № 18). Обложка и страница со стихотворением С.А.Есенина «Я иду долиной. На затылке кепи...» в переводе Йозефа Горы на чешский язык.	733
С.А.Есенин. Стихотворение «Отчего луна так светит тускло...».	
Автограф.	734
С.А.Есенин. Письмо П.И.Чагину. Автограф. 18 августа 1925.	736
Б. Гусман. Книга «Поэты. Пять характеристик» (М., 1925). Обложка и страницы со статьей «Сергей Есенин».	737
Журнал «Жизнь искусства» (М.-Л., 1925, № 34). Страницы со статьей Г.Адонца «О поэзии Есенина».	738
Журнал «Город и деревня» (М., 1925, № 16/17). Обложка и страницы с рецензией В.Красильникова на книги Есенина «Березовый ситец», «О России и революции» и «Русь Советская».	739
Журнал «Лава» (Ростов-на-Дону, 1925, № 2/3). Обложка и страницы со статьей Ин. Филиппова «Лицом к Советской стране (О переломе в творчестве Есенина)».	740
Журнал «Красная нива» (1925, № 37). Обложка номера со стихотворением С.А.Есенина «Я помню...» <«Я помню, любимая, помню...»>.	742
Д.А.Фурманов. Фото. 1925.	742
Журнал «Красная нива» (1925, № 37). Страница со стихотворением С.А.Есенина «Я помню...» <«Я помню, любимая, помню...»>.	743
Журнал «Mercure de France» (Париж, 1925, т. CLXXXII, № 654). Содержание и страницы со статьей Жана Шюзевиля «Русская поэзия с 1890 г. до наших дней», где говорится о С.А.Есенине.	744
Журнал «La revue de Paris» (Париж, 1925, 32-й г. изд., т. 5). Страницы статьи Жозефа Кесселя «Новая русская литература», где идет речь о Есенине.	746
Жозеф Кессель. Фото.	746
Обложка уголовного дела № 10, заведенного на С.А.Есенина в народном суде Сокольнического района г. Москвы.	747
А.М.Рога. Рапорт о поведении С.А.Есенина в поезде. 8 сентября 1925.	747
Повестка № 32 на имя С.А.Есенина, выписанная в дорожно-транспортном отделе ОГПУ при Курском вокзале. 17 сентября 1925.	747
С.А.Есенин и С.А.Толстая-Есенина. Мемориальные вещи.	748

Запись о регистрации брака С.А.Толстой с С.А.Есениным. 18 сентября 1925.	749
А.А.Есенина. Записка С.А.Есенину и С.А.Толстой-Есениной с пометами О.К.Толстой. Автографы. 20 сентября 1925.	750
С.А.Есенин. Ответная записка сестре. Автограф.	750
Плакарты к железнодорожным билетам № 1800 и 1801 на проезд С.А.Есе- нина и Е.А.Есениной (?) от Москвы до ст. Дивово. 23 сентября 1925.	751
С.А.Есенин. Стихотворение «Синий туман. Снеговое раздолье...». Чер- новой автограф начала стихотворения. 22 сентября 1925.	752
С.А.Есенин. Стихотворение «Синий туман. Снеговое раздолье...». Ма- шинопись с авторской правкой и автографом окончания стихотво- рения. 24 сентября 1925.	753
Журнал «Город и деревня» (№ 18). Обложка и страницы с фрагментом драматической поэмы «Страна Негодяев» С.А.Есенина под заглавием «Номах (отрывок из пьесы)».	754
Журнал «Кирпич» (1925, № 7). Страница с материалом В.Курносова «Красные моряки у М.Горького», где упоминается С.А.Есенин.	755
С.А.Есенин. «Сказка о пастушонке Пете...» Фрагменты чернового авто- графа. 7/8 октября 1925.	756
Журнал «Красная нива» (1925, № 42). Обложка и страница со стихотво- рениями С.А.Есенина «Я красивых таких не видел...»; «Ах, как много на свете кошек...»; «Ты запой мне ту песню, что прежде...»; «В этом мире я только прохожий...»	758
Письмо С.А.Есенину заведующего литературно-художественным отде- лом Госиздата РСФСР Н.И.Николаева. 15 октября 1925.	759
С.А.Есенин. Автобиография «Нечто о себе». Черновой автограф.	759
М.А.Рыбникова. «Книга о языке. Очерки по изучению русского языка и стилистические упражнения» (М., 1925, 2-е изд.). Титульный лист и страницы с анализом творчества С.А.Есенина. Фрагменты.	760
Вторичная милицейская повестка С.А.Есенину с требованием о срочной уплате штрафа. 17 октября 1925.	761
С.А.Есенин. Членский билет № 81 Всероссийского союза писателей.	761
С.А.Есенин. Стихотворение «Сочинитель бедный, это ты ли...». Авто- граф из альбома Е.С.Герцог. 20 октября 1925.	762
С.А.Есенин. Стихотворение «Голубая да веселая страна...». Автограф с пометой «Конец персид. мотивов».	763

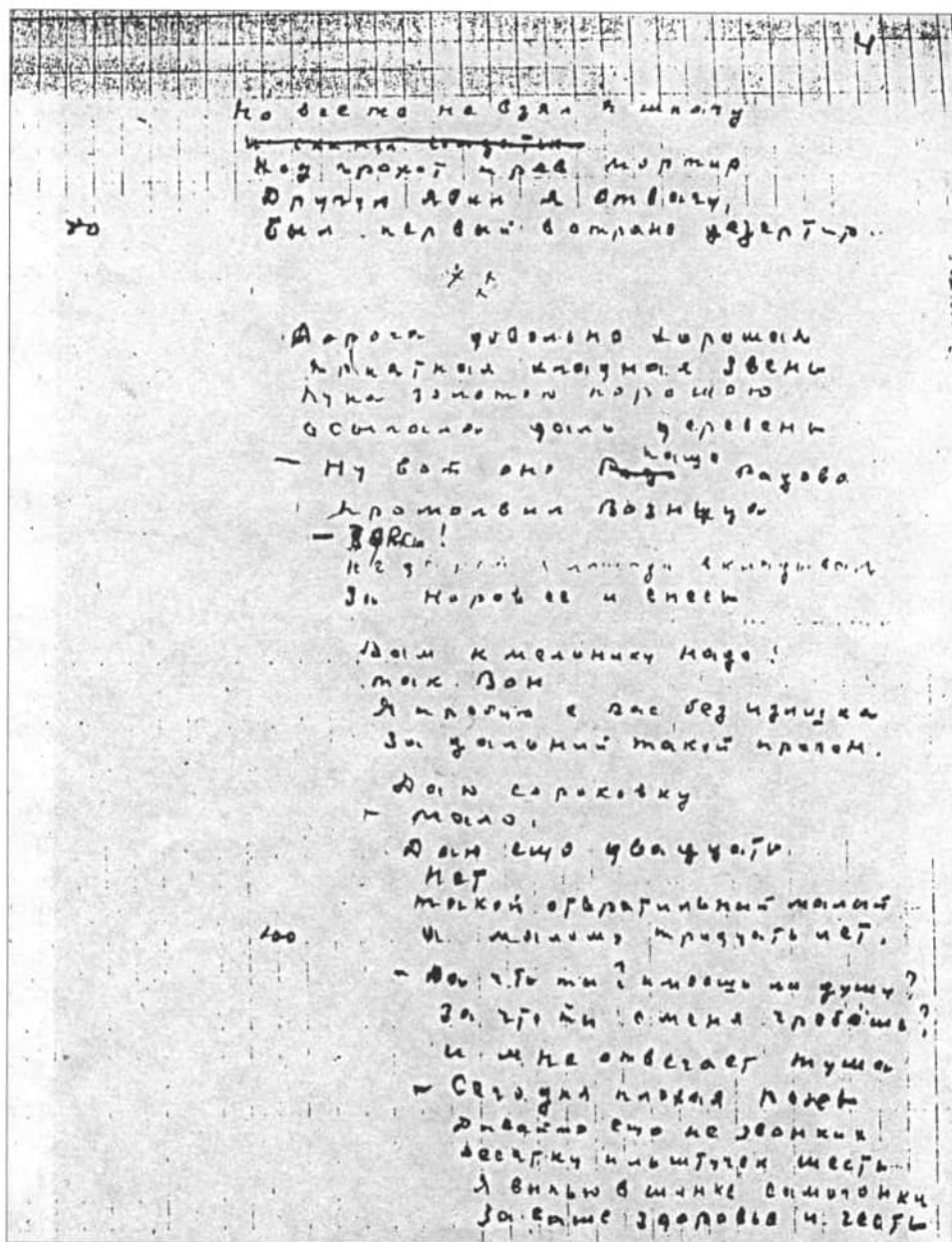
С.А.Есенин. Письмо И.М.Касаткину и конверт от этого письма. Автографы. 21 октября 1925. Адрес – рукой неустановленного лица.	764
Справка о С.А.Есенине, составленная в регистрационно-дактилоскопическом и справочном бюро Московского уголовного розыска. 21 октября 1925.	764
С.А.Есенин. Из «Песни о великом походе». Фрагменты публикации в сборнике «Октябрь в избе-читальне» (Л., 1925; составитель Н.Волотова).	765
Милицейское распоряжение поддежурному о допросе С.А.Есенина в качестве подозреваемого в хулиганстве. 27 октября 1925.	766
Газета «Neue Zürcher Zeitung» (Цюрих, 1925, 27 октября). Страница с изложением статьи Жозефа Кесселя «Новая русская литература» из журнала «La revue de Paris», где упоминается С.А.Есенин. Вырезка из Тетр. ГЛМ.	766
С.А.Есенин. Фото на паспорту с логотипом «Фото М.Сахаровъ и П.Орловъ» (Москва, Кузнецкий пер., д. 4). Октябрь 1925.	767
С.А.Есенин с сестрами Е.А. и А.А.Есениными, С.А.Толстой, В.Наседкиным и А.Сахаровым. Фото. Октябрь 1925.	768
Журнал «Комсомолия» (1925, № 7). Страницы со статьей А.Цинговатова «Есенин на переломе».	769
С.А.Есенин. Письмо П.И.Чагину. Автограф. 8 ноября 1925.	770
А.В.Луначарский. Письмо судье В.С.Липкину с просьбой о прекращении дела против С.А.Есенина.	771
И.В.Вардин. Письмо судье В.С.Липкину с просьбой о прекращении дела против С.А.Есенина. 12 ноября 1925.	771
С.А.Есенин. Поэма «Черный человек». Черновой автограф. Фрагменты.	772
С.А.Есенин. Поэма «Черный человек». Беловой автограф. Фрагменты.	774
С.А.Есенин. Поэма «Черный человек». Список, выполненный С.А.Толстой-Есениной. Фрагменты.	778
С.А.Есенин. Дарственная надпись И.М.Касаткину на книге «Персидские мотивы» (М., 1925). 17 ноября 1925.	779
Расчетная книжка Московского городского банка на имя С.А.Есенина. 1925.	780
Журнал «Печать и революция» (1925, кн. 7). Титульный лист и страница с началом статьи В.Красильникова «Сергей Есенин».	781

С.А.Есенин. Памятные записки о вещах, сделанные перед госпитализацией. Автограф.	782
Правое крыло клиники 1-го МГУ. Два правых окна на втором этаже — есенинская палата. Современное фото.	782
Журнал «Стрежень» (Ульяновск; № 1). Страницы с посвященной С.А.Есенину статьей В.Никонова «Поэт большого сердца».	783
С.А.Есенин. Письмо П.И.Чагину. Автограф. 27 ноября 1925.	784
С.А.Есенин. Стихотворение «Клен ты мой опавший, клен заледенелый...». Автограф. 28 ноября 1925.	785
Журнал «Красная новь» (1925, № 9). Обложка и страницы со стихотворениями Есенина «Голубая кофта. Синие глаза...», «Слышишь — мчатся сани, слышишь — сани мчатся...» и «Сочинитель бедный, это ты ли...»	786
Журнал «Пионер» (1925, № 23). Страницы с публикацией «Сказки о пастушонке Пете, его комиссарстве и коровьем царстве» С.А.Есенина.	788
История болезни С.А.Есенина, заведенная в поликлинике внутренних болезней и общеклинической амбулатории 1-го МГУ. 5 декабря 1925.	790
С.А.Есенин. Письмо Я.Цейтлину. Автограф. 13 декабря 1925.	791
Конверт письма С.А.Есенина Я.Цейтлину. Автограф С.А.Толстой-Есениной.	791
С.А.Есенин. Стихотворения «Какая ночь! Я не могу...», «Не гляди на меня с упреком...», «Ты меня не любишь, не жалеешь...», «Может поздно, может слишком рано...». Списки рукой С.А.Толстой-Есениной. Наборный экземпляр для публикации в журнале «Новый мир».	792
Е.Сокол. Стихотворение «Эх, гульбище пьяное...», посвященное С.А.Есенину. Гранки с редакционными пометами и с авторской датой: 17 декабря 1925.	794
Журнал «Cesta» (Прага, 1925, № 51/52). Страница со стихотворением С.А.Есенина «Ночь и поле, и крик петухов...» в переводе Марии Марчановой на чешский язык.	795
Журнал «Skamander» (Варшава, 1925, № 42). Обложка и страницы со стихотворениями С.А.Есенина «То не тучи бродят за овином...», «Я покинул родимый дом...», «Отвори мне, страж заоблачный...» в переводе Владислава Броневского на польский язык.	796
С.А.Есенин. Рисунок неизвестного художника.	798

С.А.Есенин. Фото. 1925.

С.А.Есенин. Поэма «Анна Снегина».
 Фрагменты чернового автографа. Январь 1925.

5
 Мать и Ко. Меньшике,
 Ешман свечки свои акоси
 от рабости старый мейник
 Не мамой акадаги дечи слови.

Зупуска! Достили?

Сарури!

Узедити ози прогроз
 до стайе ти скривостируне
~~на агри самовар и лирал~~
 на агри самовар и лирал

2 /
 обьятила мейника приа
 от ач зривої и лодови
 но восте 4 проше минути
 приаго дучей и маеть

9 /
 А мигеле продрокуть тлудко
 особенно так в каму
~~м~~ та восте 4 проше минути
 как дучей чинна в ачу

— от куда? на достили?

— на заг, ~~та восте 4 проше минути~~ та восте 4 проше минути

— на ~~та восте 4 проше минути~~ та восте 4 проше минути
 Сам логон зриве и атог
 4 коид хог в мочку обваден

А ~~та восте 4 проше минути~~ та восте 4 проше минути
 сама так коу лорик и дучей
 лодучмай восте только
 Гетверти
 тага лодвоним ми лог
 Сөөдг. икоктена

Тако ли та восте 4 проше минути
~~та восте 4 проше минути~~ та восте 4 проше минути
 и дучей старому с мучої восте
 и дучей а ко. свой самовар

10
 8
 Вам скромный инок мнелышник
 а кинте подыти... вот...
 пиетель... извешная шижка
 без пригоди уи кман не придеи
 и молоник как будто с пободи
 лукаво приутии глаз
 — ну ладно прощай зо ободом
 другою стрелку про записе

98
 3
 я шол по дороге в кричу
 и ласель ашибай ~~уфа~~
~~книто~~ не пробилос мне в ~~ушну~~
 маго не смугило маме
 струкина зааки сладко
 и в мочали ~~ио~~ колнич туман
~~моларь~~ ги в краткой сондайки
 завооки хорошо роман.

На вам и ключи.
 три лага
 не знен я ~~днелоник~~ кричи
~~равнава~~ ~~сидел~~ ~~сидел~~ лагада
 сиремь обрзделом тичи
 не слышно собозайе лаид
 дворь не зено видро омаежь
 у катрго кай знична
 а в хайто ухаити ра лод

119

Таму, на крайноце укрома
 Зарплати мучицкии Золото
 токути о нових Золотах
 Оубеих миской и роти

- Зорова гучба!

- Зохотник!

Зуроро, Зуроро!

- Соидись.

- Косичоика ти беззаботник

прокору крестянкуи мись

~~ти сабавоу вилеу~~
~~ти сабавоу вилеу~~ ~~вильноу?~~

С тинягрини ~~ти сабавоу~~ Золотом

негаром едри-Гвом в динно

Зоситин ти Гом Кулоком

но есе мись тоба не порозим

~~ти сабавоу вилеу~~ ~~ти сабавоу вилеу~~

барвоишоу славой неотом
~~и сабавоу вилеу~~ ~~и сабавоу вилеу~~

2/ скоти оюичу ли крестяном

без вилеу пошнн гасноу

1/ Бывол ты кнам Золотом полним
~~и сабавоу вилеу~~ ~~и сабавоу вилеу~~ на испоз

~~Мне пришла в голову~~

известно как известно.
 Сопричиливо ты мне
 Я в тебе бы ~~написал~~
 по желанию с твоей обличной
 и т. д. на свой сон вил
 и т. д. я разрешившая садом
 и т. д. заговаривает сердце
 как мим том вонючим владом
 возгорбившийся летом
 когда ты у той вон ки
 мне бы...

16 лет
 ушко в воню как ушко
 скажула мне поклово нет
 далекие мимы
 мимы в воню со мне ушко
 мы все в эти годы мимы
 но знаешь мимы и нас

Р. Есенин

1925

Батум

Всесоюзное совещание пролетарских писателей и поэтов.

Участники Первого всесоюзного совещания пролетарских писателей и поэтов.
Фото. 6 января 1925.

Демьян Бедный. Фото

Ю.Н.Либединский. Фото. 1925 (?)

Ах ты? Серена!
 А тебе упрямая и не
 тебе упрям. — Не
 пишешь мне ни слова
 ни. Вторую упрям
 за то, что не счита
 внае дайте под во
 или стихами: мне
 правды приваю уга
 сине в их бедский по
 таме: добрым терпим
 всем: нет даи.
 Вторую: ты еще напи
 шу. Прийтиго и не уга.
 13 января 1925
 И. В. Грузинов

И.В.Грузинов. Письмо С.А.Есенину. Автограф. 13 января 1925.

17 января 1925 г.
 Дорогой
 Сергей Александрович!
 Ваши последние стихи: "Будь
 у колыбели", "Мне о советской поэзии",
 "Письма к женщине" приваю
 мне в восторг. Приваю
 прощающим в вас здоровен
 пераши. Жду от вас много
 неслыханных стихов
 для помещению их в "Книжки
 Коби". Крепко жму Вашу руку
 с товарищеским приваю
 Ф. Фастовский

Ф.Раскольников. Письмо С.А.Есенину. Автограф. 17 января 1925.

С.А.Есенин. Книга «Страна Советская» (Тифлис, 1925).
Обложка.

№ 37

STYCZEŃ 1925

Cena zł. 2.—

Журнал «Skamander» (Варшава, 1925, № 37). Обложка и страница с публикацией заключительной главы драматической поэмы С.А.Есенина «Пугачев» в переводе Владислава Броневского на польский язык.

Владислав Броневский. Фото.

PUGACZOW

Fragment dramatyjnego cząsta VII i ostatnia, p. 1. „Kondes Paganow»

PUGACZOW

Wycie szeloni! Wycie szeloni! Wycie szeloni!
 Kto was powodził, że jut zadnesz konie?
 Uciek oty, aby turcy z przegrubem jednem.
 Rozwieszonym igroczom tygryś ciemnowe.
 Trębaś przakłoty hajki, szkodli i tchore padły.
 Kto was takimi głupstwami mazył.
 Taj mury jennom murle kradu szkodli!
 I do Golejow wpaść na smę o turcia.
 Tak, ja wiem, szelny w kłódka, że szkodzisz nam kłódka.
 Less nad kłódka spowozem ten szkodzisz i rzedził
 Dzwonił szkodzisz po wzdole Kaspidził
 Nasse hajki szkodzisz jak hajki do Asji.

O, Asji, Asji, hajki kłódka!
 Pajka szel i wpaść, szelna we szkodzisz.
 Tam tak wiesz po szelna hajki kłódka szelny.
 Puzkrypko hajki jak Kłódka z kłódka.
 Ale szelna kłódka, jak hajki i hajki
 Szelna tam hajki szkodzisz szelny?
 Czy nie szelna szelna tak szkodzisz kłódka
 Wszelna szelna szelna i szelna, że szelna w szelna?
 Ja szelna szelna, szelna szelna
 Szelna szelna szelna szelna szelna szelna,
 Szelna szelna szelna szelna szelna szelna —
 Szelna szelna szelna szelna, jak szelna szelna.
 Szelna szelna szelna, szelna i szelna szelna
 Szelna szelna, szelna szelna szelna szelna?

jów i gatunków rymu oraz sposobów stroficznego ich rozmieszczenia. Obok rymów klasycznych używano niekiedy (w niektórych pieśniach skandynewskich) t. zw. pół-rymów, t. j. współwzględności słów, zgodnie brzmących tylko w części przedakcentowej, jak np.: si-o-ma - sło-wik, jad-ło - jak-i, i. p. Obok asonanzów spotykają się zrzadka i dysonanzs (jednakowe spółgłoski, różne samogłoski), np. w r-z-a-k - w-o-s-k, z-da-ła - do-ła.

W ostatnich wreszcie czasach ciężej bardzo próby podjęli w tym kierunku imaginistcy rosyjscy. A. Marienhof pracuje nad ukośnieniem i zastosowaniem rymów różnoakcentowych w rodzaju: unika - muzyka, poeta - ta¹⁾. A. Kusikow doszedł do cięzkawych wyników, rymując w niektórych utworach odwrotności słów (u nas niezmiernie trudne ze względu na stały akcent; dla przykładu podajemy: r-ó-g - g-ór, g-li-na - na-g-il, w-i-ęc i-ę-c - i-ę-d-z-w-i-ę).

II

Widzieliśmy więc, w ogólnych zarysach, jak powoli doskonaliło się rymowanie; obok tego jednak stopniowego rozwoju w poezjach pewnych epok i ludów miało miejsce zjawisko zgłoś odmienne: rozwój wierszy bezrymowych czyli t. zw. białych. Wiersze te, oparte na tych samych zasadach rytmicznych co i wiersze rymowane, różniły się od nich jedynie brakiem rymów. Nie miały więc one nic, przynajmniej mało co, wspólnego z dawnymi wierszami metrycznymi i powstały bądź jako niefortunne próby wykazania poezji klasycznej, bądź też jako chęć wyzbycia się z pod rzekomego „jarzma” rymów. Tego rodzaju wiersze rozpowszechniły się głównie we Włoszech oraz w Anglii, gdzie m. in. powstał t. zw. pięciomiarowy jamb dramatyczny, szeroko stosowany w angielskiej poezji dramatycznej, przeniesiony następnie do poezji niemieckiej i rosyjskiej. U nas wiersze „białe”, zapoczątkowane przez Kochanowskiego („Odprowadź postę”) i Opalińskiego („Satyra”), nie zdołały się zaklimatyzować i zarżnięto u postów późniejszych jak dzisiejszych należą do rzadkości.

Oprócz swych zwolenników miały też rym i swych przeciwników. Pomiędzy tymi i innymi niejednokrotnie dochodziło do śaciekłych sporów. Tak np. w Niemczech przeciw rymowi występowali Bodmer, Klopstock i inni, na rymem — Lessing i Goethe. We Francji podobne zjawisko miało miejsce w w. XVIII, a także XIX, kiedy to symbolicy rozpoczęli walkę z przedstawiicielami parnasu i ich „bogactwem rymem”. Zresztą spór ten, w tej czy innej formie, nie ustaje po dziś dzień i trwać będzie dopóty, dopóki nie zostanie wyczerpująco

¹⁾ Wpływ rymów Marienhofa dostrzegł m. in. w rymowniku S. Jesienina. Ostatnio M. Kazanin użył tego rodzaju rymu w pewnym utworze swej nowej książki („Pierwszy”, Petersburg, 1923).

29

się nie stanowi jeszcze o wartości jego utworów. Jest to zaledwie jeden ze szczegółów, składających się na całość, której na imię „poeta”. Przecodne również byłoby miśnienie, iż można poprzestać na podnieśniu chociażby do idealnych wytworów poziomu rymowania; wysiłek powytarczy niezbędny jest jedynie celem opanowania danej dziedziny twórczości poetyckiej. Pozostałe dziedziny, jako to: rytmika, strofika, eufonia, zasada słowotwórczości, obrazowanie, kompozycja i t. d., każda z osobna wymagają specjalnych wysiłków. I dopiero opanowanie do ostatecznych granic wszystkich szczegółów pozwoli nam wreszcie znaleźć do całości jakiś idealny „słoty środek”.

I wtedy, być może, nastanie Królestwo Poezji.

Leonard Podhorski - Okołów

Oto ważniejsze dane statystyczne:

Słownik	Procent rymów				
	z spółgłoską oparcia	z spółgłoską oparcia	z spółgłoską oparcia	z spółgłoską oparcia	
Słownik („Godzina poezji“)	41 ¹⁾	1,1	7,5	3,6	5
Tuwain („Poezji tom 4“)	50,7	3,9	7,5	1	13
Wierzyński („Wienka Niedzwiedzia“)	40	5,7	6,1	2,2	24,5
Dla porównania podajemy poniżej niektóre dane, dotyczące rymowania innych polskich oraz rosyjskich poetów ²⁾ :					
Pawlikowska („Niebieskie migdały“)	46,8	3	4	7 ³⁾	12
Podhorski-Okołów („Droga do Emausa“)	33 ⁴⁾	1,2	12,5	2,2	—
Brusow („Mg“)	20	?	?	?	?
Jesienin („Pugaczow“)	11,7	2,5	?	3,5	9,2
Kusikow („W nikuda“)	22	?	?	?	10,8

Z powyższego widać, iż naogół nie możemy się poszczycić wysokim poziomem rymowania (specjalnie w zakresie rymów gramatycznych), i to właśnie powinno nas skłonić do podjęcia pracy na tem, nieustannie u nas zaniedbanem, polu.

Wysiłek winien być, naszym zdaniem, skierowany głównie ku: sprowadzeniu do minimum procentu rymów gramatycznych, osiągnięciu maksymalnego procentu rymów ze spółgłoską oparcia, zwiększeniu ilości rymów żeńskich (i odpowiedniemu ich opanowaniu), zwiększeniu ilości rymów rzadkich, unikaniu rymów banalnych.

Rzecz prosta, iż poziom rymowania danego poety sam przez

¹⁾ W „Pudrę na Wschód” mamy też tylko 22% rymów gramatycznych.
²⁾ Wykół całkowicie przypadkowy.
³⁾ T omyślenie, iż dane rymy nie były obliczane.
⁴⁾ W „Białost” mamy też 11,5% rymów gramatycznych i 17,7% rymów ze spółgłoską oparcia.

38

Журнал «Скамандер»
(Варшава, 1925, № 37).

Страницы со статьей
Леонарда Подгорского-Околува
«О рифмовке».

N° 639 36e Année. Tome CLXXVII 1er Février 1925

MERCURE

DE

FRANCE

Paraît le 1er et le 15 du mois

DIRECTEUR ALFRED VALLETTE

H. DE ZIEGLER.....	<i>La Vie et l'Œuvre de Carl Spitteler..</i>	577
GÉNÉRAL J. ROUQUEROL.....	<i>Le Projet de Revision du Code de Justice militaire.....</i>	597
GUY-CHARLES CROS.....	<i>Podmes.....</i>	618
CLAUDE CAHUN.....	<i>Héroïnes.....</i>	622
MARCEL COULON.....	<i>A travers Raoul Ponchon.....</i>	644
JAMES-H. LEUBA.....	<i>Extase mystique et Révélation.....</i>	671
LÉON BOCQUET.....	<i>Les Débuts de Louis Pergaud.....</i>	687
VICTOR-G. CADRE.....	<i>Après la Reconnaissance des Soviets..</i>	708
ALBERT ERLANDE.....	<i>Le Crime et son Excuse, roman (fin)..</i>	719

REVUE DE LA QUINZAINE. ¹— JEAN DE GOURMONT : Littérature, 757 | ANDRÉ FONTAINAS : Les Poèmes, 752 | JOHN CHARPENTIER : Les Romans, 757 | GEORGES BOHN : Le Mouvement scientifique, 763 | MARCEL COULON : Questions juridiques, 768 | CAMILLE VALLAUX : Géographie, 773 | A. VAN GENNEP : Ethnographie, 777 | CHARLES MERRI : Voyages, 782 | CHARLES-HENRY HIRSCH : Les Revues, 787 | R. DE BURY : Les Journaux, 795 | JEAN MARNOLD : Musique, 802 | GUSTAVE KAHN : Art, 808 | AUGUSTE MARGUILLIER : Musées et Collections, 812 | HENRY-D. DAYRAY : Notes et documents littéraires, 819 | MARCEL PROVENCE : Notes et documents artistiques, 823 | HENRY-D. DAYRAY : Lettres anglaises, 827 | JEAN CRUZEVILLE : Lettres russes, 833 | DIVERS : Ouvrages sur la Guerre de 1914, 830 | MAURICE BOISSARD : Gazette d'hier et d'aujourd'hui, 845 | MERCURE : Publications récentes, 848 | Echos, 850 ; Table des Sommaires du Tome CLXXVII, 863.

Reproduction et traduction interdites

PRIX DU NUMÉRO

France..... 3 fr. 50 | Étranger..... 4 fr.

XXVI, AVE DE CONDÉ, XXVI

PARIS-VIe

Журнал «Mercure de France» (Париж, 1925, т. CLXXVII, № 639).
Содержание и страницы с фрагментом обзора Жана Шюзевиля
«Русская художественная литература».

philhellène ardent. M. Venizelos a préfacé ce volume consacré à l'un des Anglais qui défendirent avec le plus de désintéressement la cause de l'Hellas moderne. La vie et la personnalité de ce champion d'une cause difficile sont bien curieuses à étudier, et elles révèlent certains aspects de l'âme anglaise qui restent déconcertants pour les hommes de race et de culture latines.

HENRY-D. DAVRAY.

LETTRES RUSSES

S. Perakv : *La Vie et l'Œuvre de F.-M. Dostoïevsky* (Payot). — Dostoïevsky : *Les Frères Karamazov*, trad. par Henri Mongault et Marc Laval (Bossard). — A. Tchekhov : *Ma Femme*, trad. par Denis Roche (Plon). — J. Bounine : *Le Calice de la Vie*, trad. par Maurice (Bossard). — Zénaïde Hippis : *Le Pantin du Diable*, trad. par P. de Chèvremont (Bossard). — Dmitri Mérejkovsky : *La Naissance des Dieux*, trad. par Dumesnil de Gramont (Calm-ou-Lévy). — Théodore Tloutcheff : *Poésies choisies*, trad. par A. Fontaines et M. Zetlin (Au Sans Pareil). — Alexandre Koussikoff : *Le Sablier*, poème trad. par Y. Sidersky (Au Sans Pareil).

L'attention du public est de nouveau tournée vers la Russie. A consulter la liste des ouvrages traduits du russe parus au cours de cette année, on serait tenté de voir là une liaison de cause à effet. Il n'en est rien cependant. La curiosité qui s'attache aux auteurs russes en général, et plus particulièrement aux romanciers, est toute désintéressée et d'ordre littéraire ou psychologique, mais non politique. De temps à autre, il nous est signalé de Russie l'apparition d'un nouvel astre au firmament bolchevique, mais c'est tout au plus si l'on nous invite à y aller voir. Les poètes sont nombreux, à ce que l'on assure, dans ce pays fortuné où leurs œuvres se tirent par « millions » d'exemplaires ; cependant nous attendons toujours les échantillons. Il faut croire que la littérature, comme le caviar, se consomme sur place, ou que la nouvelle Russie n'a décidément rien à exporter. J'ai sous les yeux l'ouvrage qu'un éminent slavisant italien, M. Ettore Lo Gatto, a consacré aux poètes russes de la génération actuelle. C'est une étude fort bien faite et qui comprend les tout derniers noms, autrement dit ceux des poètes ayant adhéré de près ou de loin au mouvement révolutionnaire. Les conclusions de M. Lo Gatto, critique avisé, des mieux informés et par dessus tout impartial, ne sont guère encourageantes. Pour un Essenine doué d'une certaine fraîcheur un peu rude, qui par instants fait de ce

barbare un poète populaire, ce ne sont partout que bizarreries, contorsions, violences froides et livresques où la banalité le dispute au ridicule.

Mais l'autre Russie, que nous connaissons bien puisque elle-même ne laisse pas de se faire connaître par de belles et fortes œuvres, cette Russie nous l'aimons et il nous plaît de lui rester fidèles. En premier lieu Dostoïevsky, sur lequel vient de paraître, succédant aux remarquables essais de MM. André Gide et Léon Chestov, une copieuse étude-biographie éditée par la maison Payot. *La Vie et l'Œuvre de F. Dostoïevsky* ressemble des documents déjà connus. On sait que l'auteur des *Karamazov* n'a guère fait que se confesser toute sa vie, ouvertement ou secrètement. S. Persky, par d'habiles recoupements à l'aide de la correspondance, du *Journal d'un écrivain* ou des souvenirs empruntés aux contemporains, a suivi pas à pas la carrière de Fédor Mikhaïlovitch, marqué les étapes des succès qu'il obtint, de l'influence qu'il exerça de son vivant et après sa mort, sans omettre les rapports de Dostoïevsky avec la Russie actuelle. Le chapitre final est consacré aux idées religieuses de Dostoïevsky, c'est-à-dire aux idées-mères qui ont présidé, sinon à l'élaboration de son génie, du moins à la conscience qu'il en eut et à la mission qu'il s'était assignée.

L'idée chrétienne, fondement de l'ordre social européen, ne s'est nulle part mieux affirmée que dans les *Frères Karamazov*, l'œuvre de Dostoïevsky la plus synthétique et sans doute son chef-d'œuvre. Ce fut aussi son œuvre préférée, celle qui fit l'objet de sa constante sollicitude, où il a mis le plus de lui-même — sans excepter *la Maison des Morts* qui n'a traité qu'à un épisode de sa vie. Il est honteux de l'avouer : la France ne possédait pas jusqu'à cette année de traduction complète des *Frères Karamazov*. Grâce à la maison Bossard, toujours soucieuse de donner des textes intégraux, fidèlement reproduits et en bon français, il est enfin remédié à cette lacune. On trouvera dans la nouvelle version l'histoire des écoliers Ilioucha et Krasotkine et un père Zossime qui cessera de paraître un personnage accessoire, alors qu'il fut inventé par Dostoïevsky pour constituer la figure centrale du roman. D'ailleurs le sujet est si vaste qu'il m'est tout juste permis d'insister sur ce point essentiel : qu'il existe désormais une authentique translation des *Frères Kara-*

З. С. Ф. С. Р.

РЕДАКЦИЯ И ГЛАВНАЯ КОНТОРА ЕЖЕДНЕВНОЙ ГАЗЕТЫ

ЗАРЯ ВОСТОКА

Орган Закавказского Крестьянского Комитета Р. К. П. и Закавказского Центрального Исполнительного Комитета Советов Рабочих, Крестьянских, Красноармейских и Матросских Депутатов.

Тираж: Печать: Рязань, 2.

Телефон: 0405, 9 10, 1-4, 16-73.

№

3 / II 1925 г.

Дорогая Зина,

Не ищите в этом обращении ди-
миммерности. Тут только хорошее по-
вадится к вам и вам.

Мы с Сергеем очень хотим к по-
следнее время, а его можно попросить
и часть этой любви переписать на вас,
с вашего позволения.

Надпись и основательное отделе-
ние по этому поводу отключено до
следующего раза. А пока хочу ввести
вас в круг наших закавказских дел.

Я в Тифлисе, Сергей в Батуме. Я так
устраиваю в редакцию, что в любой мо-
мент могу уехать. Сергей — вообще все
время удерживает вот я и думаю: через

Н.К.Вержбицкий. Письмо к Г.А.Бениславской.
Автограф. 3 февраля 1925.

месяц - постопа, когда на Землеверде
начинает таять и благоухает
воздух, - вместе с морем и колесом
иной 2-3 месяца попут, подожать, попу-
тасат где-нибудь под Сухумом, под За-
раем. Кому в эту авантюру любит Оре-
нту и вас. Но это будет очень дешево
и сердито. Установив твоей речью
и придем отсюда вернувшись и му-
редем.

Скажите, что вы по поводу этого при-
ключения думаете, а в следующем письме
я расскажу эту историю более под-
робно.

Меня, как видите, интересует:

Теперь: если в вашей власти - вы-
действовать на Вардана, то вы бы вы-
яснили отнесся к моему рассказу "Рус-
ское море", который я ему послал.

История - интересна мне как-нибудь
в словацком журнале: что говорится
в словесных журналах, как там те-
перь живут и отдают - и посылать туда
свои вещи.

Очень хотело бы знать как вы живете
сами и что вас сейчас радует и печалит.

Душевное приветствие
Колл Вардануки.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

КРАСНАЯ НИВА

АНТИТЕАТРУНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ЖУРНАЛ
НА РЕДАКЦИИ А. Б. ЛУНАЧАРСКОГО и Ю. М. СТЕКЛОВ

№ 7 Москва, 15-го февраля 1925 г. № 7

Навсегоды. За составлением статей газеты.

№ 7

КРАСНАЯ НИВА

НА КАВКАЗЕ

Надрезы ружейной окалины
Тыщи и атомическую струю
И больше всего людей твоих, Кавказ,
Видно, догнали, глумились.

Тысяч. Тысяч в чужбинном доме
Сидят, стоня, гонимой окаянкой
Но вой, кричащий, крик мой
Те шлет, Грузин, закаляюки,

И Лезгинцы, как убиты,
Наша истосковалась при Ашуре,
Как мы на жемчужный Кавказ,
Давал, спору, казнить, казнь.

За тучей, и ночью в своем доме,
Кавказе, казнили при Ашуре,
Но, как жемчужный Кавказ,
Наша казнь, Грузин, закаляюки.

И Гребенцов, как убиты,
Ваша казнь, Грузин, закаляюки,
И Лезгинцы, как убиты,
Наша казнь, Грузин, закаляюки.

А жемчужный Кавказ,
Кавказ, не казнили при Ашуре,
Но, как жемчужный Кавказ,
Наша казнь, Грузин, закаляюки.

Моя же казнь! И казнь моя
О жемчужный Кавказ,
Но, как жемчужный Кавказ,
Наша казнь, Грузин, закаляюки.

Она казнь, Грузин,
И не казнь, Грузин, закаляюки,
Моя же казнь, Грузин, закаляюки,
Да казнь, Грузин, закаляюки.

И в те дни, да жемчужный Кавказ,
Кавказ, не казнили при Ашуре,
Но, как жемчужный Кавказ,
Наша казнь, Грузин, закаляюки.

Моя же казнь, Грузин, закаляюки,
И не казнь, Грузин, закаляюки,
Моя же казнь, Грузин, закаляюки,
Да казнь, Грузин, закаляюки.

И Кавказ, закаляюки,
Кавказ, не казнили при Ашуре,
Но, как жемчужный Кавказ,
Наша казнь, Грузин, закаляюки.

Другие же казнили при Ашуре,
Она же казнь, Грузин, закаляюки,
И не казнь, Грузин, закаляюки,
Да казнь, Грузин, закаляюки.

Против, Кавказ, не казнили при Ашуре,
Ты же казнь, Грузин, закаляюки,
Она же казнь, Грузин, закаляюки,
Да казнь, Грузин, закаляюки.

Чужие же казнили при Ашуре,
Она же казнь, Грузин, закаляюки,
И не казнь, Грузин, закаляюки,
Да казнь, Грузин, закаляюки.

И жемчужный Кавказ,
Кавказ, не казнили при Ашуре,
Но, как жемчужный Кавказ,
Наша казнь, Грузин, закаляюки.

И не казнь, Грузин, закаляюки,
Моя же казнь, Грузин, закаляюки,
Да казнь, Грузин, закаляюки.

СЕРГЕЙ ЕСЕНИН

Тифлис, октябрь, 1904.

Журнал «Красная нива» (М., 1925, № 7).

Обложка и страница со стихотворением С.А.Есенина «На Кавказе».

Журнал «Товарищ Терентий» (Свердловск, 1925, № 3).
Обложка и страница с отрывком из поэмы С.А.Есенина «Пугачев» — «Бегство калмыков».

журналист Валентин

Бегство калмыков.

Из поэмы „Дугачин“.

Первый глас.

Послушайте, послушайте, послушайте,
Как из степей голубой степи,
Нынче ночью на заре недвоякой
Тридцать тысяч калмыцких кибиток
От Самары проболело в Иргис.
От российской царственной Москвы,
Оттого, что как курочкой из шпалы
На явках дугач,
Потонулась она в свою Монголию
Сладом деревянных черепках.

Второй глас.

Только мы, только мы лишь ведшим
Семью страшную как вихлоступший нас шквал,
Оттого-то плет нам каждую неделю
Привалы свои Москва,
Оттого-то куда бы не шло ты
Вашине, или под землерыцкой меч,
Прятают рошмаки шестками,
Копашине головы с плет.

Киргичинья.

Внимание, внимание, внимание!
Не будьте ж трусоваты, как овцы.
Сядь шурт, на страшное дело нас сманивать,
Траубенберг и Тамбовцев.

Кавказ.

К мурту! К мурту предатели!...

Тамбовцев.

Сив-пр-но-о!.....
Сотни павших отрядов
Потонулись в полях
Ныне ночью, как дичье зверей,
Калмыки свои сплюном ора,
Павшие Российской империи
И угнали с собой весь шурт,
Потонули в долу и в высь
Чуган выплескивал на берег дичь,
Кто любит свое отечество,
Тот должен опустить мурты!
Нет, мы не можем, кт же может, мы не можем
Допустить сей ущерб стране,
Россия дичилась мурта и ноши,
Россия дичилась дичиной ношей
Ты бросилась ты в потопно
На эту монгольскую явину,
Пона она несли алашники
Китая не предатели!...

Киргичинья.

Стой, атаман, довольно
Об ветер явни мечтаты
За Россию пак, почему, больше
Оттого, что нам Россия мать,
Но мы вичуть, мы вичуть не испугались,
Что кто-то пенял на наши ноши
И вылезли нам на выстыл высь,
В которого можно, нам в шурт, стрелить,
Он ушел этот скудный монголец,
Дай же сог ему дичий шурт,
Дорошо, что от наших ошлиц
Он без боли сумел повернуть.

Траубенберг.

Что это значит?

Киргичинья.

Это значит то,
Что, если-б
Наше войско было на колесках,
Мы впрягли бы в них своих коней
И гуном с ослончювыми носов
Потонулись в золото степей!
Наше-б ноши дичью выгнута шен
Сладки черные лепешки
По водам реки
Повосли нас буйно хорошия
В новый край, чтоб новой жизнью жить!

Кавказ.

Замучили! Загрызли, прожоссти!

Тамбовцев.

Кавказ! Вы цоловани, прости!

Вы иллалсы!.

Сергей Есенин.

Киргичинья.

Мы иллалсы, мы иллалсы. Иллалсы
Вить отчего степных гролей,
Заманить оти иллалсы степи
От иллалсы разбойных птиц.
Но слышите, слышите, слышите,
Раине оти пути не выт...
Наших иллалсы степей, слышите
Не вылет, где прирвать голодом!

Траубенберг.

Это иллалсы!..

Смазать его! Смазать!

Киргичинья.

Иллалсы, как иллалсы!
Приветствую тебя, иллалсы степной,
Что ты молги и слышишь слышишь уста,
Пусть пулями раскину пушкосты!....

(Стрелок Траубенберг падает мертвым. Копытные разбегаются. Кавкази хватают лошадей Тамбовцев под уездом и спускают его на землю)

Глас.

Смерть! Смерть тирину!

Тамбовцев.

О, господи. Ну, что и слышал!

Первый глас.

Мурты, алаши, три года
Три года, там порочу болы
Ни прохода не давал, ни прохода!

Второй глас.

Отпущай похлебен мезелины,
Отпущай, отпущай и отпущай!

Третий глас.

Чорта с ним иллалсы!

Киргичинья.

Пусть алаши, пусть слышите Москва—
На расприра ее мы иллалсы.
Это только лишь первый расказ,
Это только лишь первый выстрел!
Пусть помнит Екатерина,
Что если Россия трут—
То черныя дугачиша и тину
Пуши мечут стальную шурт!
Пусть носити лад степной,
Что казан—но велья на прогон.
Иллалсы мечом травной
Он бичу *позадаром сринт!

Раббор.

дут провалам, будут сырые, будут влегкие раздумья, но будут и значительные приобретения и поступательное движение „вперед и выше“.

Перевальцы поэтически искренни и честны. Они ищут себя, ищут своих художественных троп, боятся натасканного, наследного, шаблонного, истертого, искусственно подогретого, захватанного, чуждого себе. Тут, разумеется, придется преодолеть много всяких затруднений, порой очень неожиданных. Одно из них заключается в том, что смутными и неопределенными остаются до сих пор перспективы развития нашей советской красной молодежи. Она находится в процессе формирования. Коммунистическая выучка еще не прошла „от сердца до виска“. Тов. Бухарин правильно писал в статье „Елчменнада“: „Наша молодежь... стоит на перевале, на рубеже. Они—новые люди, с новыми психологическими и физиологическими чертами, нужными для эпохи. Но

функциональная роль этой молодежи нам, вернее, ее исторической роли, будет зависеть от всей судьбы нашей революции“. На советской земле происходит борьба двух основных тенденций: буржуазно-капиталистической и социалистической. Поскольку исход этой борьбы еще далеко не решен, нерешенными остаются и вопросы творческого художественного самосопределения нашего писательского поколения. Только высшие органы упрощения нам чиновники могут открывать глаза на это.

Я отнюдь не хочу сказать, что художественный молодой, вообще, и „Перевал“, в частности, заражен буржуазно-капиталистическим духом новоязства, инвентарского покура. Этого нет и, надеюсь, не будет. Но процесс художественного нахождения себя и органического сочетания идеологии коммунизма со своим поэтическим существом, несомненно, тормозится борьбой „двух душ“ в республике советов. Это тормозение сказывается, например, иногда в неправильной оценке НЭПа. Многим из нашей молодежи кажется, что новая экономическая позиция врагу; в НЭПе же видит ничего творческого. Такая недооценка усугубляется отрицательным материальным положением молодых писателей и ведет к разным подчас сомнительным настроениям. Чукаем тут делу не поможешь. Тут нужна длительная, упорная, осторожная, чуткая и гибкая товарищеская работа более старшего коммунистического поколения, нужны конкретные, издательские возможности. У нас же пока больше кричу, чем дела. Наша писательская молодежь фактически брошена на произвол судьбы, живет и развивается очень одиноко. Если прибавить сюда подгнившие являющиеся литературных талантов, то станет совсем ясным, что поэтическое самосопределение в наше время—совсем не легкое дело.

Другое препятствие лежит в том, что у нас нет сколько-нибудь сложившейся художественной среды, и в первую очередь, на которой стоит сейчас наша советская послереволюционная литература. Вопросы, как и о чем писать до сих пор не только не решены, но даже и не поставлены как-то охотнее. Если для более зрелых современ-

ных художников литературные шатания „себя и оваямо“—обычное явление, то тем более это надо сказать о нашей молодежи. До сих пор у нас не сложилась сколько-нибудь удовлетворительная общественная художественная среда. Писательский труд, в сущности, не охраняется, на работу писателя смотрят, как на нечто приятное, как на белое и досужее препровождение времени. Тем более нет с о ей родной, пролетарской художественной среды; ибо настоящих есть только карикатура на эту среду,—нет своих традиций, навыков, своего психологического опыта, либо это только слабо намечается. Наши пролетарские кружки находятся в состоянии перманентных склоков и споров. Они делают „высокую“ политику. Вопросы художественного порядка отгласнут на заседании; ценят кружковщину; газеты, пресса занимаются литературой случайно. Все это отнюдь не содействует художественному росту и самоопределению писателя.

Тем не менее перевальцы кое-каких существующих результатов уже достигли. У основного ядра перевальцев есть свое лицо. Каждый старается сказать на свой лад и образце; складываются художественные индивидуальности. Мы ясно различаем крепкое (иногда слишком крепкое), бурное, выходящее за пределы советской красной революционной, стихийной, распушенной, первая 18-го года, решительной в боях с „кадетней“ и не менее решительной в драках, в „пьянстве, в буре, в отпистках магазинов,—звучимые, тихие деревенские песни Дружинина, шумную поэзию Мих. Гололобова, спелую, спелую усмешку М. Светлова, тоску по кукурузе революара (гражданская война) и сосредоточенность Яноши, сибирские мотивы Суартова и Алаузина, вневременные тайги, проселочный романтизм, вальдыши и следовой широк, деревенский реализм Акулынина с прекрасным знанием сельского быта, народной песни, частушки, заговоры,—стихи Наседкина, который от экзотики востока возвращает нас к родным полям, разблудную сосредоточенность рассказов Костерина, деревенские сказки Сергеевой, свежесть и упрямость Платонова, упорность стихов Зарудина и т. д.

Группа „Перевал“, кажется, единственная, которая не пишет широковетвистыми, пространными, упорно повторяющимися декларацией о литературной политике. По подобию писателей, по духу, по характеру своей организации „Перевал“ не приспосабливается к „захвату власти“ в литературе. „Захват“ осуществляется в меру количественного и качественного роста и развертывания художественных сил,—пусть „е власти“ самой верной.

В силу этих и иных причин перевальцы решительно нет никакой надобности в походе против так называемых попутчиков. Сохраняя свое групповое литературное лицо, „Перевал“ старается установить дружеские, добрососедские отношения с беспартийными писателями.

Перевальцы ценят Бабеля, Ильяшова, Алексеева, Сейфуллину, Есенина, Тихонова и других. На собраниях их групп среди можно слышать и видеть таинственных попутчиков. Оттого, что перевальцы не приспосабливаются к достоянному родовскому хору, не стоят на точке зрения „тащить и не пущать“ и не смотрят на попутчиков как на лишнее сословие и как на объект управления в решительной дружественной слободности, их там же клещет попутчиками, не подлого-сими и т. п. На самом же деле перевальцы повинны в том, что они в основном кампеланы оригинальную линию по отношению к писат-

А. Кожина.

Д. Акхмедов.

П. Дружинин.

А. Костерин.

Н. Зрудин.

№ 4 (50)

ПРОЖЕКТОР.

81

телям попутнического толка и тем самым содействуют установлению нормальной литературной атмосферы.

Из существующих молодых литературных организаций «Перевал», на наш взгляд, по типу является наиболее свежей и общедоступной организацией. Не даром ряд провинциальных групп, наиболее артельных в художественном отношении тянется к «Перевалу». Конечно, в «Перевале» многое дано пока лишь только в намеке, но ведь иначе и не может быть в группе, в которой средний возраст колеблется между 19-ью и 25 годами, а наши неустоявшиеся дни, особенно в литературе.

В. Носовский.

Во всяком случае, художественные достижения перевальцев уже теперь вполне серьезны. Их стихи, проза — не стилизация, ученическая работа, а нечто реальное, свидетельствующее о культурных сдвигах рабочих и крестьян. Два литературно-художественных сборника, выпущенных «Перевалом», имеют ряд на/внов. Есть не выношенное, малечатанное слишком поспешно, нет строгой руины в подборе материала, нет твердой редакторской правки рукописей, сборники слишком зароможены стидами,—но за всем тем они ничуть не хуже того, что выпускает МАПП, руководителем которого претендуют на захват власти в литературе. Есть по крайней мере интересные и хорошие вещи, а главное, видно-вдумчивое отношение к действительности и к слову.

Е. Звяев.

Большинство перевальской молодежи еще не вышло из стадии подражательства: на их творчестве сказывается влияние Блока, Есенина, Маяковского, Казима, но в форму своего стиля «Перевал» вправляет свои настроения. Тот, кто пожелал бы по стихам и прозе узнать, чем волнуется живет и дышит наша учащая комсомольская молодежь, нашел бы у перевальцев ценное и поучительное. Пишется, может быть, иногда не так, как нужно бы с точки зрения стройного и проработанного коммунистического мировоззрения, но правдиво.

Группа не заражена духом кружковой нетерпимости и спеси, она не прокламирует и не считает себя собою земан. В наше время это—хорошие качества, ибо мы задыхаемся в современном кружковом полнотиканстве, в скопленных и раскопанных, в блоках, которые на другой же день показывают свою полную афермерность. Всем этим мы отнюдь не хотим сказать, что в «Перевале» все на месте. Самоубийство Н. Кузнецова вскрывает наличие среди некоторых перевальцев сумрачных и тяжелых настроений. В целом они для «Перевала» не типичны, но пройти мимо них тоже нельзя. У части перевальцев есть расшатанность и расхлябанность нервов, отсутствие прочной жизненной доминанты, недостаток боевого революционного напряжения и т. д.

Питаются такие настроения отчасти тяжелым материальным положением, в котором живет писательский мо-

Д. Петровский.

лодия. Беднежье, своеобразные квартирные условия, хождения по редакции в поисках авансов и грошевых гонораров—это и подобное создает благоприятную атмосферу для особой комсомольской писательской богемы.

Другая причина лежит в линии революционно-романтических чувств. Пафос бурных годов гражданской войны уступает место трезвой, кропотливой, обчной, культурнической работе «революционных будней», и, если на этом переходе на новые рельсы остудились в свое время многие из более ардего поколения «Кузнецов» (теперь это, кажется, называется), то молодым комсомольским писателям здесь грозит еще больше опасностей, тиньков и искривлений. Закрывать глаза на это нельзя. «Перевалу» надлежит вести упорную и тактичную борьбу с подобными настроениями, надобно подтягивать тех, кто выпадает в умную безволежность и бесхребетную созерцательность, кто слишком зарывается и уходит в себя. Во всем должна быть мера. Найти себя—первейшая обязанность художника. Но это ни в какой мере не означает, что художник должен отдаться безволежному течению своих дум и чувств, плавать без руля и ветрил. Наша эпоха в особенности требует от художника усмленной напряженнейшей работы над собой по переплавке, по отшлифовке себя. Сбросить старые вериги, дать простор всему лучшему в ваших дни, тому, что необходимо для борьбы и побед, не поддаться слишком

Е. Сергеев.

временному, случайному, всему, что тянет нас назад, чтобы шаг был упругим и взгляд твердым—этого требует наше время настойчиво и внятно.

И потому нужно учиться, учиться и учиться. Нашему писательскому молодяку недостает культурной выучки. Некоторые надеются на свое «нутро». «Нутро»—дело хорошее, но одно оно писателя никогда не вывалоно. Писательство, по-моему «нутра», есть труд, очень тяжелый и упорный. Произведение писателя не спадает на землю в виде мякни небесной, оно требует мастерской, сложных инструментов и умения обращаться с ними.

Наконец, оно требует нево освоенной целовой установки, целеустремленности. Нельзя засушивать себя в сухих схемках, но также нельзя палить в современном бурном океане без компаса.

Я знаю, что перевальцы не боятся бурь. Наоборот,—их страстное желание—

— Пусть сильнее грянет буря.

Но когда грянет она—она еще, еще и еще грянет и не раз и не два,—тогда нужно иметь твердую руку, верный глаз, отягченное сердце и холодный, гибкий ум.

М. Гельштейн.

А. Ляев.

DESEDA.
ROEJ JESENIN:
Stích.
Větro tichá,
neděkei sklo vod
z, nabes radňni silém
súcha dít.
Sivo opuchá moudrosti,
vácem klasi pole,
Nad mraky jako kráva
vzpřimila ocas zář.
Vidm tš z okénka
Stvořteli brády,
jako řizu nad zemí
nověsti lni nebasa.
Nyní
stane jako hodka
s vrby, nebasa
svou klánu tlaphou
sáhá mí na včasy.
Prof. Fr. Kovárn.
POEZIE.
Díaxni jsou nejmodrějšiní ze všech lidí. Ti
ak zloři kdosi psáno, ak soudí podľa Pypka
li obecni pastoušky, teut tomu tak. Neboť P

Газета «Právo lidu»
(Прага, 12 февраля 1925, № 36).
Фрагмент поэмы С.А.Есенина
«Преображение»
(ч. 4: «Стихи, ветер...»)
в переводе Франтишека Коварны
на чешский язык.

Книга «Europa-Almanach»
(Потсдам, 1925).
Обложка и содержание.

EUROPA
ALMANACH
MALEREI
LITERATUR
MUSIK
ARCHITEKTUR
PLASTIK
BUHNE
FILM
MODE
AUSSERDEM NICHT UNWICHTIGE
NEBENBEMERKUNGEN
HERAUSGEBER
CARL EINSTEIN
PAUL WESTHEIM
GUSTAV KIEPENHEUER VERLAG
POTSDAM

Jean Cocteau / Gedicht	141
K. Malewitsch / Suprematismus	142
André Lhote / Vos lignes sont Kalligramme	143
Jean und Claire Oull / Peinture d'Amour	144/147
Mario Mattioli / Gedicht	150
Rudolf Grunmann / Klype	151
Osdy / Zur modernen Skulptur	155
Sergej Jassenski / Mein Leben	158
Sergej Jassenski / Markt	159
Erik Satie / Futuristisches Leben	161
Le Corbusier / Architekturmusik	163
Uta / Der Große Polsterer von München	169
Hans Henry Johann / Heinrich von Kleist	174
Pierre Reverdy / Von Lyriern und Realisation unserer Zeit	181
Oskar Loewke / Das Fließbild	187
Fülligste Kunstschöpfung / Swane	188
Oskar Schlemmer / Der Theatralische Kosmos	189
Gundolf / Kunst, Wissenschaft und die Unvollständigkeit von Margen 192	192
Reine Cocteau / La Bible du Surréalisme	206
Joseph Delteil / La mode qui vient à Mmes. Beata Delanoy	207
Carl Einstein / Die Diva und der Kellner	211
Siger Vitras / Polen	212
Frans Hellens / Kunst und Literatur in Belgien	215
Jeanne Stern / Jeanne	220
Johannes Urzidil / Vor der Landkarte	224
Carl Einstein / Brodskan, Handbuch des Kunstwesens	225
Alfred Kubo / Gespräch mit Mailöl	227
Carl Gustav Hempel / Der Pflanzentanz	230
Gedanken im Feld	234
Carl Einstein / Uffulo	238
Jean de Sponde / Ich	238
André Ghis / Zusammenfassung	239
R. Albery / Neue Gedanken in Uffulo	241
Fritz Landberger / Katholikentag	242
Isakoff Bill / Die Kunst unserer Zeit und die Musik	243
Maria Laurencia / Bräutigam	245
Ernst Neumann / Die Philosophie	247
Anneli / Das Meer	250
Max Moris / Gedicht	252
Ernst Toller / Deutschland	255

SERGEJ JESSENIN / MEIN LEBEN

Nathan Altmann/Rußland

Ich bin ein Bauernsohn. Im September 1895 wurde ich im Kosminer Bezirk des Gouvernements Rjasan geboren.

Da mein Vater arm und unsere Familie zahlreich war, wurde ich mit zwei Jahren zu dem recht wohlhabenden Großvater mütterlicherseits in Erziehung gegeben; dort waren drei erwachsene Söhne, mit denen ich fast meine ganze Kindheit verlebte. Meine Onkel waren mutwillige und tollkühne Burschen. Als ich dreieinhalb Jahre alt war, setzten sie mich aufs ungesattelte Pferd und trieben es ohne weiteres in Galopp. Ich erinnere mich, daß ich — wieder zur Besinnung gekommen — die Mähne sehr fest gepackt hielt.

Dann lehrten sie mich schwimmen. Einer der Onkel (Sascha) nahm mich mit ins Boot, stieß vom Ufer ab, zog mir die Wäsche aus und warf mich wie einen jungen Hund ins Wasser. Ich plätscherte erschreckt und ungeschickt mit den Armen herum. Und während ich zu ersticken glaubte, schrie er anhaltend: „He, du Aas! Wozu bist du denn eigentlich nützel!“ „Aas“ war bei ihm ein Kosewort. Später, als ich ungefähr acht Jahre war, ersetzte ich einem andern Onkel häufig den Jagdhund und schwamm in den Seen den erschossenen Hasen nach. Sehr gut hatte ich gelernt, auf die Bäume zu klettern. Keiner von den Knaben konnte es mit mir aufnehmen. Für viele, denen die Krähen in der Mittagshitze nach dem Pflügen den Schlaf störten, holte ich die Nester für einen Zehner das Stück aus den Birken. Einmal stürzte ich dabei ab, aber so glücklich, daß ich mir nur Schürfungen an Gesicht und Bauch holte und den Krug mit Milch zerbrach, den ich dem Großvater zur Mahd bringen sollte.

Unter den Knaben war ich berüchtigt als Rädelsführer und großer Raufbold und war ständig voller Schrämmen. Wegen meiner Händel tadelte mich nur die Großmutter, während mich der Groß-

Книга «Europa-Almanach» (Потсдам, 1925). Страницы с автобиографией С.А.Есенина и с его стихотворением «Осень» <«О красном вечере задумалась дорога...»> в переводах на немецкий язык (переводчик стихотворения – Вольфганг Грёпер).

H E R B S T

*Der Weg schaut grübelnd in des Abends Helle,
Die Gräser deckt ein leichter Nebel zu,
Die Hütte kaut mit grauem Mund — der Schwelle —
Das duftige Brot der abendlichen Ruh.*

*Herbstliche Kühle, weich mit Dunst verschlungen,
Stiehlt sich zur Scheune über Feld und Au;
Versunken schau'n zwei flachhaarige Jungen
Aufs Spiel der Dohlen durch der Scheiben Blau.*

*Die grüne Asche auf dem rosigen Herde
Glimmt fahl am Rauchfang, wo noch Kohlen sind,
Und jemand fehlt, verschluckt von Nacht und Erde,
Von jemand flüstert schmallippig der Wind.*

*Zwei Fersen stören nicht mehr auf die Ruhe
Von Gras und Laub, die goldner Rost betaut.
Den Schnabel eines aufgeblähten Uhus
Küßt ein gezogener, dünner Klagelaut.*

*Im Stall herrscht Stille und ein Schlummerweben;
Der weiße Weg hüpf't um den Graben nackt . . .
Das Gerstenstroh seufzt zärtlich und ergeben
Am Maul der Kühe, nickend mit im Takt.*

Sergej Jessenin

Uebersetzen von Wolfgang E. Groeger

vater oft selbst in eine Boxerei hineinhetzte: „Du Dummerchen, laß ihn mal. Das macht ihn kräftiger!“

Großmutter liebte mich über die Maßen, und ihre zärtliche Fürsorge kannte keine Grenzen. Sonnabends wurde ich gewaschen, bekam die Nägel geschnitten und das Haar mit Oel geglättet, denn durch meine dichten Locken ging kein Kamm. Aber auch das Oel half nur wenig. Ich heulte immer zum Steinerweichen, und selbst jetzt noch ist mir für den Sonnabend ein irgendwie unbehagliches Gefühl zurückgeblieben.

Sonntags wurde ich zum Mittagsgottesdienst geschickt. Zur Kontrolle bekam ich vier Kopeken mit: zwei für die Oblate und zwei zur Auslösung des Priesterteils. Ich kaufte die Oblate, und statt dies vom Geistlichen tun zu lassen, machte ich selbst drei Zeichen darauf; für die zwei anderen Kopeken aber spielte ich auf dem Kirchhof mit den Kameraden „Knöchelchen“.

So verfloß meine Kindheit. Als ich das Alter hatte, wollte man sehr gern aus mir einen Dorfschulmeister machen, und ich wurde in das kirchliche pädagogische Internat gegeben, nach dessen Absolvierung mit sechzehn Jahren ich in das Moskauer Lehrerinstitut eintreten sollte. Zum Glück wurde nichts daraus. Methodik und Didaktik waren mir derart zuwider geworden, daß ich nicht einmal mehr davon hören mochte.

Gedichte begann ich früh zu schreiben, ungefähr mit neun Jahren, aber bewußt schöpferische Leistungen setzten erst im sechzehnten bis siebzehnten Jahre ein. Einige Gedichte aus dieser Zeit waren in der „Raduniza“ veröffentlicht.

Als Achtzehnjähriger war ich erstaunt, daß man meine Gedichte, die ich an Zeitschriften schickte, nicht drucken wollte, und eines Tages sah ich mich in Petersburg. Dort wurde ich sehr freundlich aufgenommen. Der erste, den ich kennen lernte, war Block, der zweite Gorodezkij. Als ich Block erblickte, trat mir der Schweiß aus den Poren, weil ich zum erstenmal einen lebenden Dichter sah. Gorodezkij machte mich mit Kljujeff bekannt, von dem ich bis dahin nicht ein Wort gehört hatte. Mit Kljujeff verbindet mich, bei allem inneren Zwist, eine starke Freundschaft, die auch jetzt, obwohl wir uns seit sechs Jahren nicht gesehen haben, fortbesteht.

Zur Zeit lebt er in Wyterga, schreibt mir, daß er Brot mit Häcksel isst, leeres, heißes Wasser dazu trinkt und um einen ehrenhaften Tod zu Gott betet.

Während der Kriegs- und Revolutionsjahre stieß mich das Schicksal überall herum. Rußland habe ich kreuz und quer bereist: vom Nördlichen Eismeer bis zum Schwarzen und Kaspischen Meer, vom äußersten Westen bis China, Persien und Indien.

Als die beste Zeit meines Lebens betrachte ich das Jahr 1919. Wir verbrachten den Winter in einem Zimmer mit einer Temperatur von nur fünf Grad. Kein einziges Scheit Holz besaßen wir.

Der russischen kommunistischen Partei habe ich niemals angehört, da ich mich viel weiter links fühle.

Mein Lieblingsdichter ist Gogol.

Die von mir veröffentlichten Gedichtbände sind: „Die Dienende“, „Himmelsbläue“, „Verklärung“, „Ländliches Gebetbuch“, „Trenjadniza“, „Die Beichte eines Hooligans“ und „Pugatschoff“.

Gegenwärtig arbeite ich an einem großen Werk mit dem Titel: „Das Land der Taugenichtse“.

In der Zeit, als wir in Rußland kein Papier hatten, schrieb ich mit Kussikoff und Marienhof meine Gedichte an die Wände des „Strastnyjklosters“, oder ich sprach sie einfach irgendwo auf dem Boulevard. Die wärmsten Verehrer unserer Dichtungen waren Prostituierte und Banditen. Mit ihnen sind wir sehr befreundet. Die Kommunisten lieben uns irrtümlicherweise nicht. Dies allen meinen Lesern mit ergebenem Gruß und einem leichten Hinweis auf das Plakat: „Es wird gebeten, nicht zu schießen!“

Berlin, Mai 1922.

204

КРАСНАЯ НИВА

№ 9

КРАСНАЯ НИВА

Персидские мотивы.

I.

Никогда я не был на Босфоре,
Ты жила на спящей сине,
И в твоих глазах ушла море,
Полыхавшее голубым огнем.

Не хотела в Багдад и с ибрагимом,
Не хотела и пойти туда и хну.
Налюбовшись своим красками станом
На молодых дай мне отключку.

Или была, сколько ни проси и,
Дале тебе вонюха дала лет,
Что в дальнем жилище—России—
И известней, привязанный поэт.

У меня в душе звенит тальмина,
При луже собачьей слезу дай.
Рады ты не хочешь, персидская,
Узнать дальней, счастливый край?

И под прижал же от скуки—
Ты меня, истражила, жила,
И зина твоих любимых руки
Обнажила, словно дым красил.

Я давно иду в судьбе прощаю,
И хоть прошлой жизни не кланю,
Раскисла моя ты-буду талого
Пряч твою несолоду страну.

Заглуши в душе тоску тальмина,
Надо изгнать всех смехов чад,
Чтобы и о дальней сепарацию
Не задыхал, не думал, не смущал.

И хотя я не был на Босфоре—
Я тебе праздную о зина,
Все равно: глаза твои, над море,
Голубым комплимент огни.

II.

Свет шафранный вечернего края,
Также розы бегут по полям,
Слой как песок, мои дорожки,
Ту, которую над Хамы.

Также розы бегут по полям,
Лунным светом Шария осаждаю,
Кружит звезд ночной шариковой рой
Мне не нравится, что персидские
Держат ланцет и две под чадрой.
Лунным светом Шария осаждаю.

Как они от тепла застыли,
Вспрысывая твоему меду,
Ник, чтобы их больше любила,
Не вылают лансом выгореть,
Вспрысывая твоему меду.

Дорогая, с чадрой не хрускает—
Будучи эту вылаюду чертоту.

Вид и так коротка наша жизнь,
Мало счастья дамо любоваться.
Будучи эту вылаюду чертоту.

Дале все выписано в роже
Облетает твою благодать,
Посему и прекрасные зина
Перед жаром густо закрывает,
Коль дала их привязать-мать.

Также розы бегут по полям,
Сердцу и шила страсти другая,
И слово тебе сам, дорожка,
То, что средю не над Хамы,
Также розы бегут по полям.

СЕРГЕЙ ЕСЕНИН

Подготовка всех статей, редактирование

ЦЕНА в Москве, провинции и на станции жел. дор.—25 копеек.

КРАСНАЯ НИВА

№ 9.

Третий год издания. 1 Марта 1925 г. Москва.

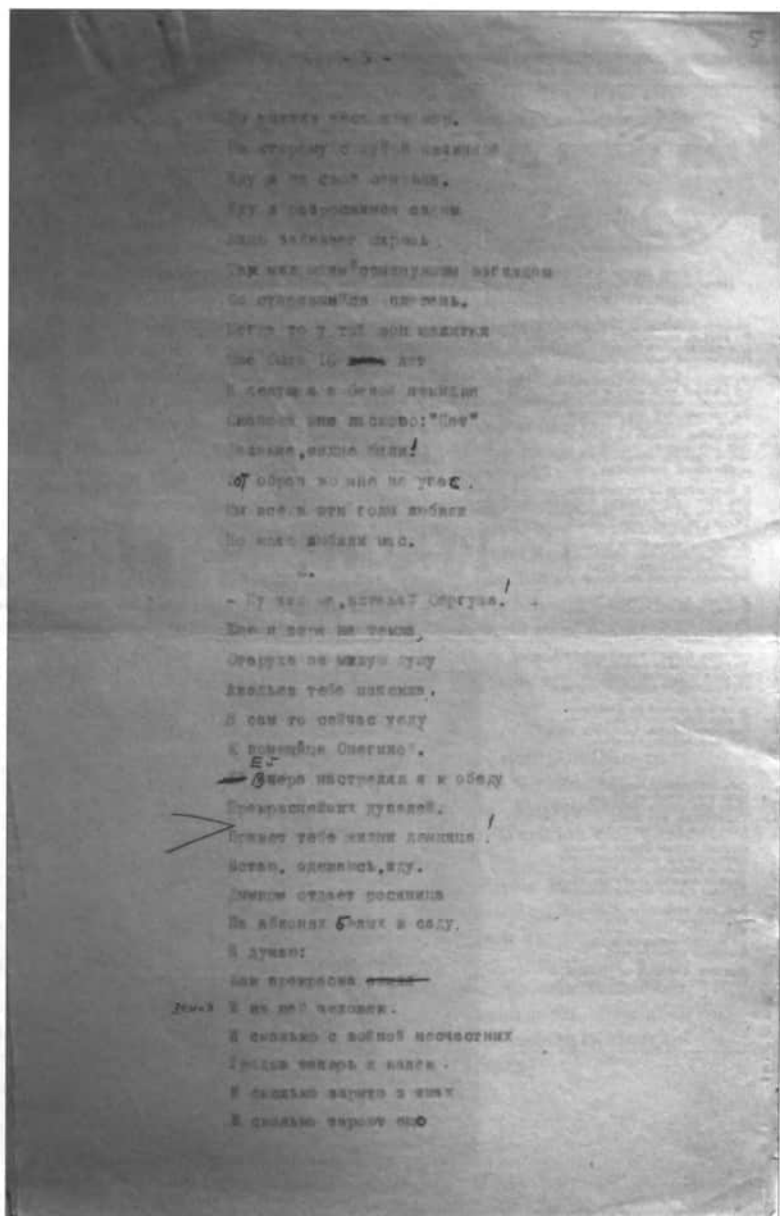
№ 9.

№ 9. «Красная Нива»

Митинг в Стрелки Бухари в день прощания с Н. Н. Гумилевым на 1-ой Всероссийской съездовой сессии.

Журнал «Красная нива» (1925, № 9). Обложка и страница с публикацией «Персидских мотивов» С.А.Есенина: «Никогда я не был на Босфоре...» и «Свет шафранный вечернего края...» <<«Свет вечерний шафранного края...»>.

С.А.Есенин. Поэма «Анна Снегина».
Страницы машинописи с авторской правкой.

- 7 -

При воле ^{на} Уместно и на роде
 Убил голубом старшину.
 Таких теперь тысячи стало
 Творить на свободе слуха.
 Пропала ~~Е~~ ^А Досея, провала...
 Погибла кормилица Гусь!
 > Я вспоминаю рассказы вояжи,
 И жалею свою владу и трость,
 Пошел мужчинам поклониться
 Как старший влиятельный и гость.
 Иду голубом дорожкой,
 И вижу, навстречу мне,
 Неотся мой мальчик на дровах
 По-ряхлой еще цепане.
 -Сергуча! За минуе душу!
 Постой, я тебе расскажу.
 Семейо, дай поправить пошу
 Потом и тебе оглашу,
 чего ж ты мне утром ни слова ?
 И Спигиним так в брак.
 Приехал ко мне мой последний
 Сдай молодой чулак.
 /Сиди ко мне очень желанный
 Я вижу их десятъ лету/
 А дочь их замужняя Лина
 Спросила:
 -Е тот ли пост ?
 -Ну - ле говорю: он оный .
 -Вондиз ?
 -Ну конечно блондин .
 -С мудренными волосами ?
 -Желанный твой Господин .
 -Когда он пришел ?
 -Вчера .
 -А ввечерю кто он, ~~кто он~~
 он Сиди ~~кто он~~ ?
 Когда то в меня из-баги.

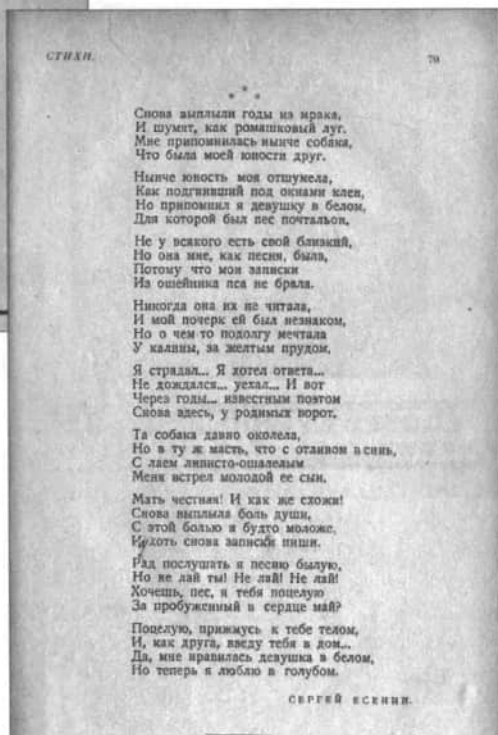
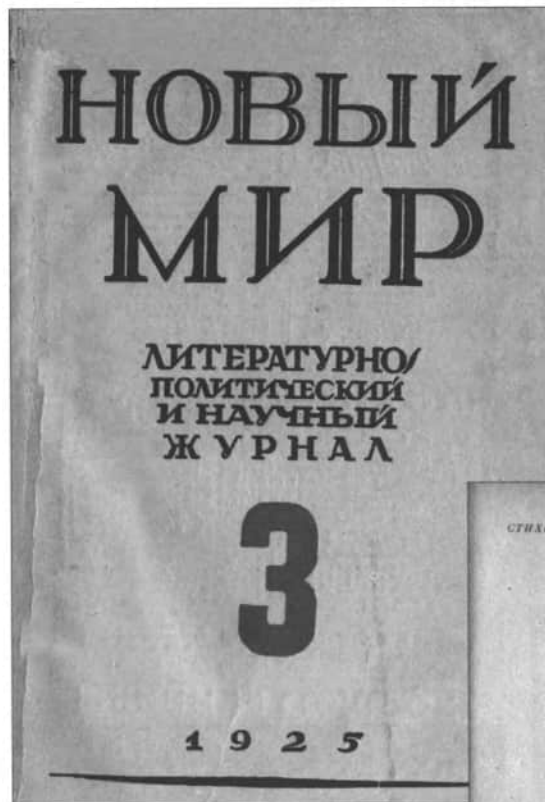

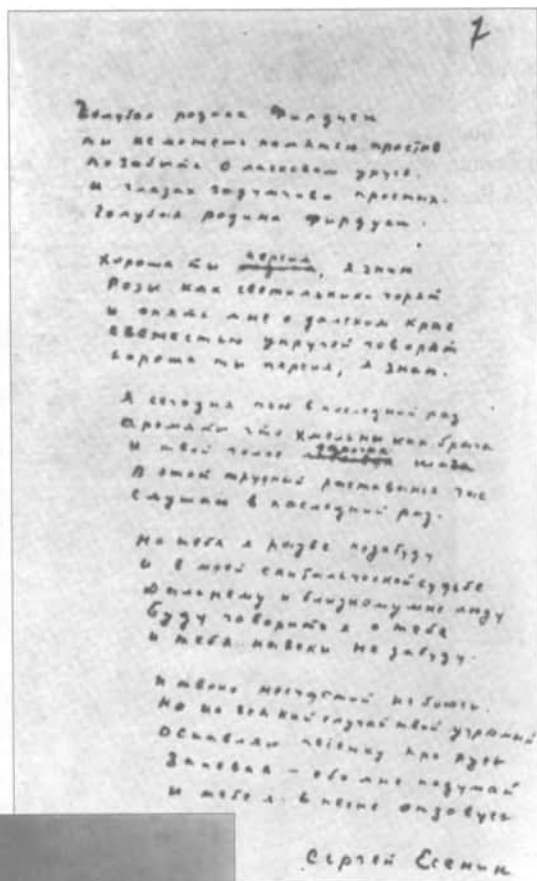
С.А.Есенин и Л.М.Леонов в редакции журнала «Прожектор».
Фото В.Савельева. Март 1925.

Журнал «Новый мир» (1925, № 3).
 Обложка и страница со стихотворением С.А.Есенина
 «Снова выплыли годы из мрака...» <«Сукин сын»>

С.А.Есенин. Стихотворение
«Голубая родина Фирдуси...».
Автограф.

С.А.Есенин с матерью Т.Ф.Есениной.
Фото В.Усова. 1925.

В.И.Качалов с собакой Джимом.
Фото. 1927.

В. Александровский. Шаги. Поэмы и стихи. 100 стр. Изд-во „Московский Рабочий“, 1924. Ц. 60 в.

Александровский саником хорошо помнит свое прошлое, саником больно оно в нем отозвалось. Он помнит, как его

„Приучил... пить водку
Материничать с детских лет“.

он помнит, как —
„Лущевали отповскую задницу
За невыплаченный оброк“.

Поэтому, рассказывает поэт о себе —
„С ранних лет...
Не влюбил я ложеную сволочь.
В накрахмаленных воротничках“.

Ярким противоречием с жизнью этой „сволочи“ вставала другая жизнь, жизнь обделенного, у которого „хлеба не было по-трое суток“. Эта жизнь должна была взрастить ненависть, жажду бунтарства, жажду другой, более счастливой жизни. Энергия, неумевшая найти выход, пока не наступила революция, толкала в кабак —

„С малолетства трагической музыка
Напевала мне пыльный сон“;

на хулиганство —
„Ругать, драки, ауны и не мешкая...
Рвали доски от старых ворот“.

Поэт с радостью принял Октябрьскую революцию, с радостью принял ее испытания.

В жизни шагнул я бесстрашно и крепко,
Я услышал: пади или беги...
Навалили мне ношу на плечи
Но не мог я упасть на пути,
Эта тяжесть меня не увечит,
Этот груз только силу растит.

Прошли годы гражданской войны, в революционный пафос Александровского позволяет ему бросить в лицо всем сомневающимся, всем нелюбимым и завбодущим, шопотом говорящим о „конце Революции“, позволяет ему бросить гордо и презрительно —

„Ерунда,
Никогда мы не сарейфим,
Пустяки,
Не собьемся с пути!“

Потому что поэт знает — жива революция и уже „Нет России болотисто-темной“.

Но все-таки дореволюционные годы, искормившие в поэте пафос разрушения помешали поэту проникнуться другим пафосом, которыми жива Революция во второй период своего существования, которым жив сегодняшний день — пафосом строительства. Его нет в Александровском, и поэтому так случайно и поверхностно отражен новый быт в его произведениях. И поэтому чувствуется,

что Александровский как будто отстал от современной жизни года на два, на три.

Как поэт Александровский очень несамостоятелен. Беспощадная удаль стихов „Москвы-Кабачкой“ Сергея Есенина захлестнула его почти целиком. Особенно это относится к его последним стихотворениям.

Но влияние Есенина ощутимо не только в технике стихотворения Александровского, но, что уже много хуже, отчасти и в их идеологии.

Несомненно от Есенина любовь к скандалам —

И теперь иногда среди блеска
Среди шума роскошных зал
Мысль кричит необузданно резка,
Сердце просится на скандал.

От Есенина обнаруживающаяся нередко склонность к анархизму.

Мне ведь было тесно и узко:
Там предел, здесь какой-то закон.

Положительный результат влияния Есенина — большая эмоциональная насыщенность, которую проникнуто большинство стихов Александровского, благодаря чему они не проходят мимо сознания, но всегда как то задержат — будоражат.

Вообще же юность Александровского крайне неровная. Наряду с живыми действительными образами (напр. в „Поэме о Пахоме“) — образы или штампованные или целиком книжные, символически-аллегорические, которые непосредственно при всем желании читателей никак нельзя ощутить и время которых давно отошло.

Наряду с плахиными вымученными строками, падают такие свежие, с таким чувством простора и воли, которое редкий поэт сможет передать.

(Например, из поэмы о Пахоме —
„Дни, пропахшие сеном и медом,
Дни, поющие скрипом телег,
Мы с тобой поднимались с восходом,
И лучами звенел наш смех“).

Лирические вещи удаются Александровскому гораздо лучше, чем иные (маршевые, политические и т. д.).

Все же, несмотря на все недостатки, его книжка является одной из лучших сборников стихов, вышедших за последнее время, так как сам он один из тех немногих поэтов эпохи гражданской войны, которые не умерли, как поэты и в то же время почувствовали сквозь гримасы изла, что

„Никогда, никогда не солются
День и ночь в одну колею,
Никогда не умрет Революция,
Не законит работу свою!“
(Александровский „В Голод“).

Б. Соловьев

Ответственный редактор: Мих. Коваленко.

Адрес редакции: Ленинград, проспект 25 Октября, № 1.

«Красный журнал для всех» (Ленинград, 1925, № 2).

Страница с рецензией Б.Соловьева на сборник В.Александровского «Шаги: Поэмы и стихи» (М., 1924) с упоминанием С. А. Есенина.

Публицистико-художественный отдел.
Сергей Есенин.

Из поэмы „Анна Снегина“.

(Отрывок).

Найди мне мою душу не/ца,
За чей то крадой каторге
Прелая и моя близкое тело
И трупом на брата леж.

И неваж, что я агруша,—
И тылу же кутаны да вальт.
И тупо простылись с пушмане,
Ручки злых в стеллах ковалт.

И бросил мою наставку,
Кружил себе „жанду“ и вот
С твоем-то подполковной
И встретил революционный год.

Собором выметнулась охватова
И в револю-скарином огне
Тогда над страшно выжигалась
Курганкой на белом снеге.

Неваж... до войны, до победы
И тут же оспариваю рать.
Простыли в жароком
Отбавля на фронте уверать.

Но все же во валах я ипалугу.
Под грохот и рев мортир
Другие вала я отбавугу—
Имя первый в стране выметреть.

Но вот же в Круши!
Три года
Но пред я занесомых чрпм,
Грешная пинца
Грешная обривала тпм.

Но слышно собачьего лап,
Звек выжлого, жидко створчт.
У выжлого лап тпма,
А в лапх узавты да вич.

Гдеду на крыльце у Пирва!
Горький, жидкий слезам.

Талмуг от новых выжогам.
О неваж на снит в ровам.

— Запросто, дружок!
— Я, охотник!
— Запросто, запросто!
— Слыхал!
— Послушай-на ты, беззаботник.
Про вину протрельскую жал.

Что живого в Питере слышно?
С километра, чай, ведь слышно.
Недаром, одрот тыло/дмшмо,
Носитая ты был кулавин.

Но все-ж им тебя не порочим.
Ты свободен, мужицкий, вали.
Валмывались славо на очень,
И сердце свое не предавал.

Вывал ты в валх зорким в рываме,
Соба выжигал на везом.
Сылава
Отбавугу ли кроствавин
Вел выжугу паваж гоним!

Кричат ласк:
Что овалко не троват.
Еще же выжты, мол, вич.
За что же тогда на фронте
Мы губили себе и другит?

И выжмий с улабной утравой
Скотрыл жев в лапх в в галам.
А ж отгачивай душой
На жев нечего свавать.

Дрочалл, выжачивае ступени,
Но воню
Тпд воню глывам:
— Слыхал, что тпало Личко?
И тпало ствлет:
— Он—ны.

Журнал «Город и деревня» (1925, № 5).
Страницы с публикациями отрывка
из поэмы С.А.Есенина «Анна Снегина»
и окончания его поэмы «Мой путь».

Город и Деревня.

Сергей Есенин.

Мой путь.

(Окончание. См. журнал № 3—4)

Еще прошли года,
В годах такое было,
О чем в слове,
Всего не рассказать:
На смену царизму
С выжвостанной силой
Рабочая предстала рать.

Устал выжвостал
По чужим предлам,
Вернулся я
В родимый дом.
Выжвостал
В выжвостанной силе
Стоит берега над прудом.

Уж и берега!
Чужды... А гудит...
Талых гудит
У жонки не выжвост.
С тпалой обривавинной солжнм
Лжм
Воню выжвостал нм
В тпалых рожк.

Им не увалт мина
И им прожидой.
Но вот прожидой
Баба не выжвостал.
Какой-то тон
Невыжвостал дрожи
И чувствую во все спит.

Устал она!
Ужли не увалта?
Ну и пушай
Пушай себе прождт...
И без мени ея
Горочи не мало,
Недаром лег
Стривалчвски тпх рот.

По вечерам,
Наввину неже вичи,
Чтобы не выжвост
Холода очей,
Хожу омитреть и
Смешанные степи
И слушать
Как звонит ручей.

Ну что же—
Молодость прошла.
Пора привалить мн
За дело.
Что-б обривала душа
Уже во прелому завал.

И ступь нева живн села
Мени выжвостал
Новой силой,
Как рывале
К славо привал
Годная русская вожава.

Милое Гая: Ян Лис
Близко как друг
Но я Вас несклько
Но тпалы как
женщине
С. Есенин

21/III 25

Милой Личко Личкович
со всем нежмим выжвостал
Какой-то выжвостал в
этом кнмсе

С. Есенин

24/III 25

Москва

С.А.Есенин. Записка к Г.А.Бениславской.
Автограф. 21 марта 1925.

С.А.Есенин. Дарственная надпись
А.Л.Миклашевской на книге
«Москва кабацкая» (Л., 1924).
24 марта 1925.

КРАСНЫЙ БИБЛИОТЕКАРЬ

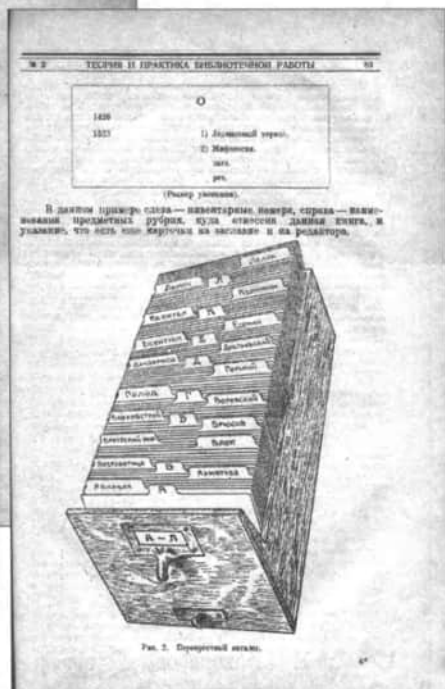
ЖУРНАЛ
БИБЛИОТЕЧНОЙ ТЕОРИИ
и ПРАКТИКИ

ОРГАН БИБЛИОТЕЧНОГО ОТДЕЛА ГЛАВПОЛИТПРОСВЕТА

Под редакцией М. А. СМУШКОВОЙ

№ 2
ФЕВРАЛЬ
1925 г.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА 1925

Журнал «Красный библиотекарь» (1925, № 2).

Обложка и иллюстрация «Перекрестный каталог» к статье Л.Б.Хавкиной «Техника предметного и перекрестного каталога». Один из каталожных разделителей — «ЕСЕНИН».

Эй, вы, встречные,
Попаречные!
Тараканы, сверчки
Зачем-то!
Не шорох, а дрожь
Подобной!
Русь немощная,
Русь немая,
Вы послушайте
Новый взъездный сказ,
Новый волшебный сказ
Про ночь у нас,
Первый сказ о том,
Что давно было,
А второй — про то,
Что сейчас измыло.
Для тебя и, Русь,
Эти сказки спел,
Потому что был
И праздник и скорь,
Вып жавств слезать
Эти причины,
Не боюсь ничей
Зуботычины.

Ой, во городе,
Да во Ипатьеве
При Петра было
При императоре,
Говорил слова
Непугай дьяк!

«Уж и как у нас, ребята,
Стал быт, царь дурак,
Царь дурак-батарок,
Солов жигот в жулах,
Странит Петер-град
На немощной лад,
Видно, долает ему

Большо нечего,
Пришавк ли Русь
Онемечивать,
Врет он кизильм
Брады, усю,
Мож не плаватьсь
Тут над Русью!

Не тронуть тут нас
Над судьбиною!
Неповсуним! он
Бьет дубиною.

Услышал ты слова
Молодой стрельцы,
Хвать смутьяничка
За тугой косы,
«Ты царь, воляк,
Не кокурся, брат,
Я скажу тебе
Прямо в Петер-град,
Привел я дьяк
Кайса, сукин кот!
Кайса, сукин кот,
Что смущал народ!»

По Тверской-Якской,
Под дугою зборак,
С колокольцами
Ехал бедный дьяк,
Он жетернич, доню,
О подрашнык хор,
Принявал наш дьяк
Но царю во двор,
Выгодна тут дьяк
С хваста красавца,
Мож — дубиною
Подозвал стрельца,
«Ты смужик, дьяк,
Пришел, стравец!
Аль с Мясныи нашей
Поганной гонец!»
«Не гонец я, царь,
Не родня с Москвою,
В жегу твою — есть
Сюга карный твой,
Я привез к тебе
Бутыр-дьяк,
У него, дьяк, в жисть
Не боят боя,
В кабале на зесь
На честной народ
Он лозорил, царь,
Твой вышней реди,
«Ну, — сказал тут Петр, —

вылезал-весь, ахилл!
Можны дьяком
Подкалится, как роса,
У Петра с плеча
Сорываю жулик,
И навек задран
Ляптя сверху дьяк,
У Петра был двор,
На дворе был жол,
На жолу — мочало,
Это только, ребята,
Начало.

Ой, сурик наш царь,
Александр Петр,
«Плодыи из жид,
Дорогой Ледорот,
Возговорил наш царь
Александр Петр:
«Плодыи из жид,
Дорогой Ледорот,
Мастер слышим ты:
В Амстердаме был,
Русский царь тебе,
Как братик, слушка.

С.А.Есенин. Книга «Песнь о великом походе» (М., 1925).
Обложка и страницы с иллюстрациями художника И.Француза.

Сборник «Рабочий чтец-декламатор» (Л., 1925).
Обложка и страницы с поэмой С.А.Есенина «Товарищ».

СЕРГЕЙ ЕСЕНИН

ТОВАРИЩ

Он был сыном простого рабочего
И нищета о нем очень короткая.
Только и было в нем, что волосы, как ночь,
Да глаза голубые, крохотные.

Отца его с утра до вечера
Гулял спиной, чтоб прозвонить вранью,
Но ему даться было ничего,
И были у него товарищи: Христос да конка.

Конка была старая, глухая,
Ни машины, ни отъез не слышала,
А Христос сидел на руках у матери
И смотрел с иконы на голубой под крышечку.

Жена Мартина, и никто о нем не ведал,
Грустно стучали дни, словно дождь по железу,
И только иногда за осенним обоями —
Учел его отец распевать Марсельезу.

«Вырастешь, — говорил он, — поймаешь...
Разгадаешь, отчего им так нищда,
И глаза врозька его шерошатый шок
Над чертовой горбушкой пасущей нищды.

По вот под тоскою
Ослом —
Два ветра кружатся
Красной:
То с вешнего похлынуло
Вид
Вакхантуска Российской
Народ...

214

СЕРГЕЙ ЕСЕНИН

Ревут вены,
Поет гроза!
На слезной иголке
Горят глаза.

Да комком комка,
За трупом труп,
Ложится страх
Своей вранчей зуб.

Все влает и влает!
Все крик и крик!
В бездонный рот
Бежит родник...

И вот кому-то пробил
Последний грустный час...
Но верите, он не робел
Пред силой вранчей гая!

Душа его, как вранжа,
Бестрашна и крепка,
И таяется к надлежу
Воскрешая рука.

Он не даром прожил,
Не даром мал дуети;
Но не на нас полагаи
Угасши мечты...

Нечаянно, нечаянно с родного крыльца
Донесся до Мартина последний крик отца.

С потемнели глазами, с нутриной силой губ
Ушел он из комнаты, обнял солодный труп.

Но вот прощались брови, протер рукой глаза,
Вбежал обратно в лезу и стал под обраде.

«Исус, Исус, ты слышишь? Ты видишь? Я один!
Тыб даюет и каюет товарищ твой Мартин...

215

СЕРГЕЙ ЕСЕНИН

Отца лежат убитым, но он не вил, как труп.
И слышу, он зовет нас, о, верный мой Исус!

Зовет он нас на пошоры, где бьются русский люд,
Видит стоять за волю, за равенство, за труд!

И лезвою прожил
Речей возмущенных душ,
Сопяи Исус на землю
С несолебитому ру.

Исус рука с рукою,
А ночь черна, черна...
И шлохится белю
Сидя тишина.

Мечты цветут надлежной
Прю мечтой, воздамой рое.
Обоим несут жезлы
Февральский ветерок.

По виду... игни свернуло...
Давала медной труп...
И был грабительный кулак
Малюной Исусе.

Ступайте:

Больше нет воскресенья,
Тыся его вранжи погребенья:
Он лежит
На Марсовом поле.

А там, где осталась Мать,
Где ему не бывать
Болье,
Сидит у окошка
Старая конка,
Ловит ливной душ.

216

СЕРГЕЙ ЕСЕНИН

Полдет Мартин он пошу:
Сопяи вы мюн, сопяи,
В плечу вы,
В плечу!

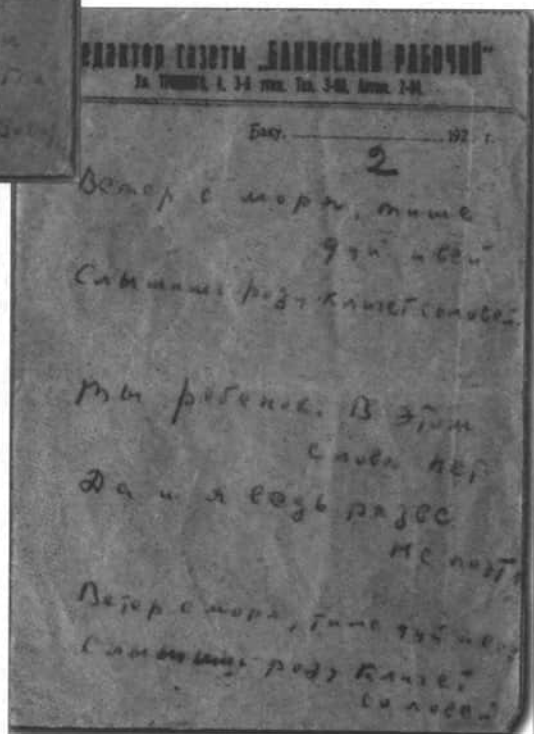
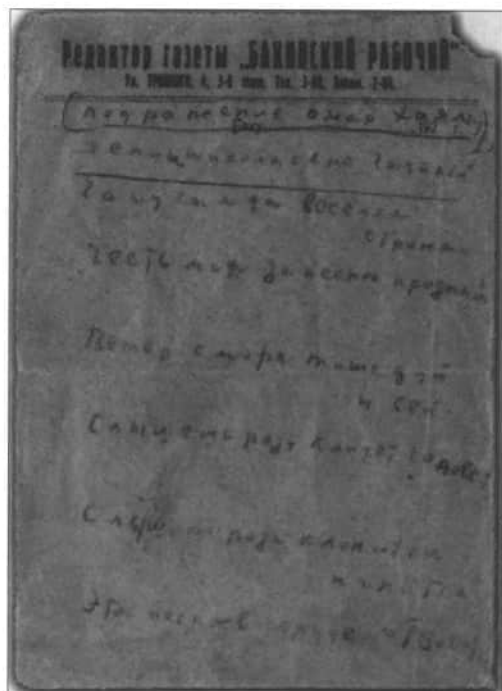
Гудит его все гудит, гудит,
Кто-то давит его, кто-то дунит,
Палит огнем.

Но спякойю донит
За окош,
То высклуж, то высклужу
Слова
Желонно
Слова:

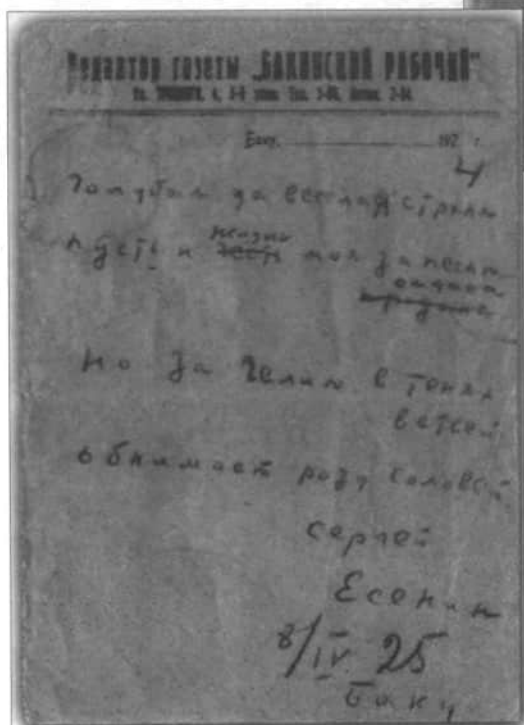
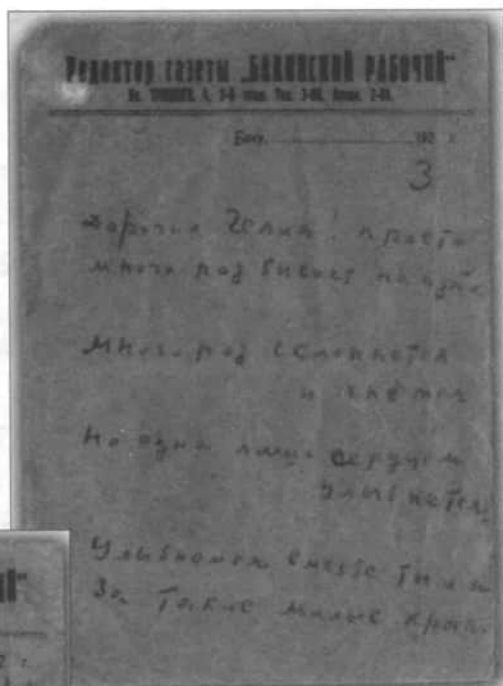
«Пр-ре-е-ету-убилка!»...

217

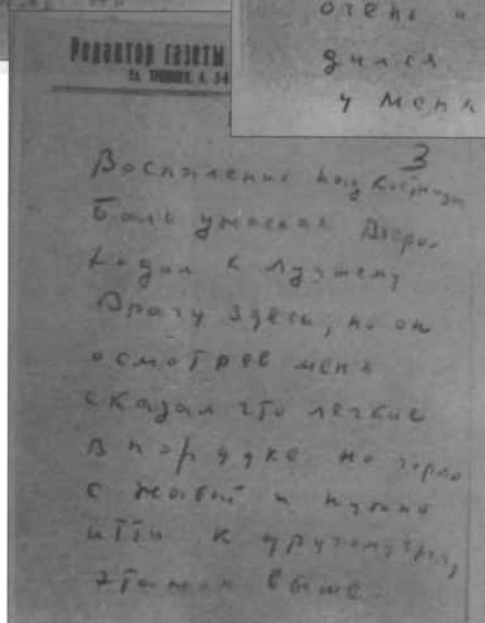
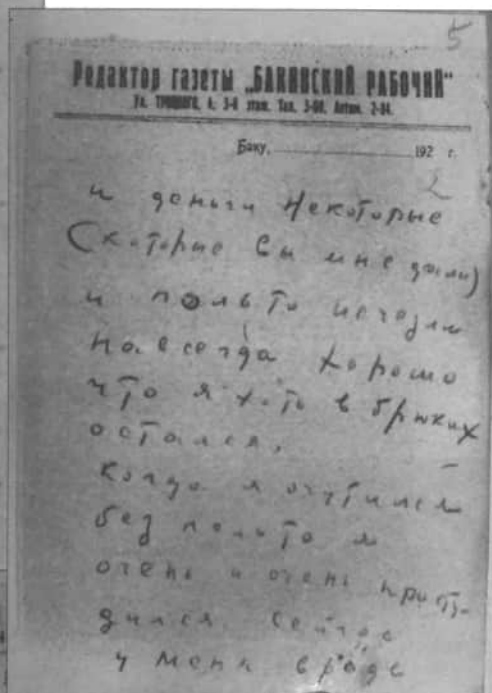
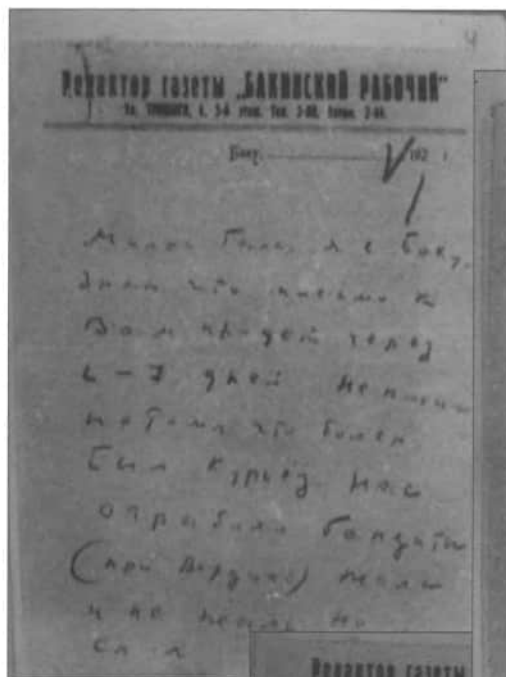

С.А.Есенин. Стихотворение «Голубая да веселая страна...»
Автограф. 8 апреля 1925.

С.А.Есенин. Письмо к Г.А.Бениславской.
 Автограф. 8 апреля 1925.

Редактор газеты „БАКИНСКИЙ РАБОЧИЙ“

7а. ТИШИНА, к. 2-4 этаж. Тел. 3-01. Адрес. 2-04.

Баку, _____ 192 г.

Вниматель же мне
Здесь очень большое
Заниматься вступил
Как брати. пишу
У него - итмашени
из мителенор
Только вот в том
дело: Сер. Гр. Сохин
Куда бы послать
не внайти, здесь
неудачно

Редактор газеты „БАКИНСКИЙ РАБОЧИЙ“

7а. ТИШИНА, к. 2-4 этаж. Тел. 3-01. Адрес. 2-04.

Баку, _____ 192 г.

5
(последним, 2и. объявлен-
ная АЗ-нефть)
Здесь дело не
будет потом пойдут
Как получите это
письмо присылайте
немагнитно 200.
Для Вас у меня
чуть есть такая
зловещая с тобой
что я дождусь

Редактор газеты

7а. ТИШИНА, к. 2-4

Баку, _____ 192 г.

6
летом с тещерой
один раз в неделю
За паспорт нужно
идти за докумен-
тами
Вероят, я далека
от Вас и угрожаю
Вас мне т/р. даю
(хочу и забыть
эт. дело - не надо)
Проще Вас

Редактор газеты „БАКИНСКИЙ РАБОЧИЙ“

№ 1190007, к. 3-й этаж, Тел. 3-00, Адрес: 2-01.

Баку, _____ 192 г.

7
 не отнесется к мне
 как к твоему в Батуме
 а к твоему (помните
 к вбейки (майора)
 Вырастет большой
 кой мет
 помните - вы это
 я еду у вас
 я могу проехать
 дома в Шираз
 в дом кривду

№ 1190007, к. 3-й этаж, Тел. 3-00, Адрес: 2-01.

Баку, _____ 192 г.

9
 Дарина, получив
 это письмо. Минте 200
 позвоните твоему
 это я ее помню
 шурку при его получении
 она знает что она
 делает
 Катя, но нахоты
 ни партия
 у меня еще была
 сестра (чужая)

Редактор газеты „БАКИНСКИЙ РАБОЧИЙ“

№ 1190007, к. 3-й этаж, Тел. 3-00, Адрес: 2-01.

Баку, _____ 192 г.

8
 обязательно Там
 все родились все
 лучшие порсидские
 лирики. и не дурно
 музыкальные творят.
 Если он не поет
 Знают он не
 из Шираза, Если
 он не поет. Значит
 он не из Шираза

Баку, _____ 192 г.

10
 Ольга, лучше их
 в 1000 руб., купите
 на курят. Они ее
 не знают. Не знают
 и не знают.
 Зоя, больше я
 Вам не напишу.
 разговор будет
 после в Германии...
 чаша рожки твоей
 2/2 25 с Есатик

З А Б О Я

И чуждым людям пролетариата
И с дьяволом дьяволы играть.
И делятся, судят, мучают — стало же вышло с твоей,
поэтической, собою — ты же и моя была беззащитность.
И для дьявола, и для бога,
Ты же — вы — дьяволы.
И доброты и злобы.
Тягучий, самообразно-оглаженный язык. Частые повторения
слова и тех же образов. Незамысловитая для слова работа ритма,
как шепот сердца у выжидателя Нуржана Есенина посылает?

Мы не любили, но ты любили больше нас, Ахлея же
Снова была к тебе и восторг и прелесть.

И лютая — грусть и ярость. Снова чувств — философический,
ритмический, берется против отравления дьяволом.
И усталость и печаль и нежность.

И для грусти и для нежности

И для нежности и для грусти

А ритм — и вразнобой, и ритмический ритм в шагах
на ритме, в равновесии себя. После вышло лет разлива и
нежность и нежность, и нежность и нежность.

И для нежности и для грусти

И для грусти и для нежности

И для нежности и для грусти

И для грусти и для нежности

И для нежности и для грусти

И для грусти и для нежности

И для нежности и для грусти

И для грусти и для нежности

И для нежности и для грусти

И для грусти и для нежности

И для нежности и для грусти

И для грусти и для нежности

И для нежности и для грусти

И для грусти и для нежности

И для нежности и для грусти

И для грусти и для нежности

И для нежности и для грусти

И для грусти и для нежности

И для нежности и для грусти

И для грусти и для нежности

И для нежности и для грусти

И для грусти и для нежности

И для нежности и для грусти

И для грусти и для нежности

И для нежности и для грусти

И для грусти и для нежности

И для нежности и для грусти

И для грусти и для нежности

И для нежности и для грусти

И для грусти и для нежности

И для нежности и для грусти

И для грусти и для нежности

И для нежности и для грусти

И для грусти и для нежности

И для нежности и для грусти

И для грусти и для нежности

И для нежности и для грусти

И для грусти и для нежности

И для нежности и для грусти

И для грусти и для нежности

И для нежности и для грусти

И для грусти и для нежности

И для нежности и для грусти

И для грусти и для нежности

И для нежности и для грусти

И для грусти и для нежности

И для нежности и для грусти

И для грусти и для нежности

И для нежности и для грусти

И для грусти и для нежности

И для нежности и для грусти

И для грусти и для нежности

И для нежности и для грусти

И для грусти и для нежности

И для нежности и для грусти

И для грусти и для нежности

И для нежности и для грусти

И для грусти и для нежности

И для нежности и для грусти

И для грусти и для нежности

И для нежности и для грусти

И для грусти и для нежности

И для нежности и для грусти

и пролетариата и пролетариата его поэзия. Смысл пролетариата
и его стиль. Есенин пролетариат и пролетариат.

Откуда это слово "Лисья скалка" — отрывок стилю
пролетариата А. Пушкина?

— И слово, как восток пролетариата,
И слово в восток пролетариата.

И слово в восток пролетариата,
И слово в восток пролетариата.

И слово в восток пролетариата,
И слово в восток пролетариата.

И слово в восток пролетариата,
И слово в восток пролетариата.

И слово в восток пролетариата,
И слово в восток пролетариата.

И слово в восток пролетариата,
И слово в восток пролетариата.

И слово в восток пролетариата,
И слово в восток пролетариата.

И слово в восток пролетариата,
И слово в восток пролетариата.

И слово в восток пролетариата,
И слово в восток пролетариата.

И слово в восток пролетариата,
И слово в восток пролетариата.

И слово в восток пролетариата,
И слово в восток пролетариата.

И слово в восток пролетариата,
И слово в восток пролетариата.

И слово в восток пролетариата,
И слово в восток пролетариата.

И слово в восток пролетариата,
И слово в восток пролетариата.

И слово в восток пролетариата,
И слово в восток пролетариата.

И слово в восток пролетариата,
И слово в восток пролетариата.

И слово в восток пролетариата,
И слово в восток пролетариата.

И слово в восток пролетариата,
И слово в восток пролетариата.

И слово в восток пролетариата,
И слово в восток пролетариата.

И слово в восток пролетариата,
И слово в восток пролетариата.

И слово в восток пролетариата,
И слово в восток пролетариата.

И слово в восток пролетариата,
И слово в восток пролетариата.

И слово в восток пролетариата,
И слово в восток пролетариата.

И слово в восток пролетариата,
И слово в восток пролетариата.

И слово в восток пролетариата,
И слово в восток пролетариата.

И слово в восток пролетариата,
И слово в восток пролетариата.

И слово в восток пролетариата,
И слово в восток пролетариата.

И слово в восток пролетариата,
И слово в восток пролетариата.

И слово в восток пролетариата,
И слово в восток пролетариата.

И слово в восток пролетариата,
И слово в восток пролетариата.

И слово в восток пролетариата,
И слово в восток пролетариата.

И слово в восток пролетариата,
И слово в восток пролетариата.

И слово в восток пролетариата,
И слово в восток пролетариата.

И слово в восток пролетариата,
И слово в восток пролетариата.

И слово в восток пролетариата,
И слово в восток пролетариата.

И слово в восток пролетариата,
И слово в восток пролетариата.

И слово в восток пролетариата,
И слово в восток пролетариата.

И слово в восток пролетариата,
И слово в восток пролетариата.

И слово в восток пролетариата,
И слово в восток пролетариата.

И слово в восток пролетариата,
И слово в восток пролетариата.

И слово в восток пролетариата,
И слово в восток пролетариата.

И слово в восток пролетариата,
И слово в восток пролетариата.

И слово в восток пролетариата,
И слово в восток пролетариата.

И слово в восток пролетариата,
И слово в восток пролетариата.

И слово в восток пролетариата,
И слово в восток пролетариата.

И слово в восток пролетариата,
И слово в восток пролетариата.

И слово в восток пролетариата,
И слово в восток пролетариата.

И слово в восток пролетариата,
И слово в восток пролетариата.

И слово в восток пролетариата,
И слово в восток пролетариата.

И слово в восток пролетариата,
И слово в восток пролетариата.

И слово в восток пролетариата,
И слово в восток пролетариата.

И слово в восток пролетариата,
И слово в восток пролетариата.

И слово в восток пролетариата,
И слово в восток пролетариата.

И слово в восток пролетариата,
И слово в восток пролетариата.

И слово в восток пролетариата,
И слово в восток пролетариата.

И слово в восток пролетариата,
И слово в восток пролетариата.

И слово в восток пролетариата,
И слово в восток пролетариата.

И слово в восток пролетариата,
И слово в восток пролетариата.

И слово в восток пролетариата,
И слово в восток пролетариата.

Журнал «Забой» (Артёмовск,
1925, № 7). Окончание рецензии
А. Селивановского на книгу
С. А. Есенина «Москва кабацкая»
и «Русь советская».

О ГРУППЕ ПРОЛЕТАРСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ «ПЕРЕВАЛ»

265

И рука шло — сль земля
Трещи рыжий аполон.
И ноги. Паря вихрь ног:
Их позыла бы бог.
Дави еще крутые алы,
Чем быль стихи проливить.

Талантливый и совсем еще молодой Кованев стоит в самом начале своего поэтического пути. У него грусть, образный стих и, несмотря на крайнюю молодость, ясно уже обозначенная индивидуальность. Он — под облаком — и формально и идеологически — явление Есенина (вообще, Есенин наряду с Тютюновым, является тем поэтом, который оказал особенно сильное влияние на «Перевал», но висит в сознании много светлее. Его революционность гораздо ярче и определеннее; во имя грядущего готов он

Горы есть
И собою лет стелет на кареуа.

Но так же, как и Есенин, он — в груди о деревне, он не может справиться с городом, его тонет в лугах, к великим закваскам, к еловому шуму:

Я пишу алы, зброшенный в мига-то,
И пишу край, зброшенный в лугах,
Где в гайки алы милого алы
Прометей в первом стиха.
Я помню лес в старту берлогу,
Что диконо мекет и жлет,
Еловый шум, берлогу у мурга
И на ороше милой берлогу.
Я с детства смого алы сердце прачу
Об эти дивные в лесу
Мои прованность собака,
Моя, как лес мекзату, току.

Но, его грусть разна, определеннее, ярче, чем у Есенина. Волчий хоролов — не случайный образ. Кованеву естественно звучит голос «четвероногой правды», который зовет его от городов, от людей — к одиночеству на лесу:

Волчий вой как вса-так милой
Моя родной четвероногой реч

И он отвечает:

Я чувствую тварь,
Что я и вершь дельный клана,
В мой груди корчатся зверь,
Четвероногой правды человека.

«Волчий вой» и «четвероногий правды» знаменуют собой алогич этого столь несовершенного и несооснованного романтического протеста против города, культуры, общества, протеста, заположающего, по крайней мере, лет на сто. Из него давно уже выветрилось всякое положительное содержание, и очень жаль, что поэт с таким прекрасным талантом, как Кованев, мог, хотя бы и на короткое время, стать жертвой таких крайних — и вредящих — в своей

Журнал «Красная новь»
(М., 1925, № 3).

Страница с фрагментом статьи
А. Лежнева «О группе пролетарских
писателей «Перевал»».

Пролетарияты етди стран чарваклары

ОКТАБРЬ

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-БЫТОВОЙ ЖУРНАЛ

ВСЕОБЩЕОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ АССОЦИАЦИИ ПРОЛЕТАРСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ

ПОД РЕДАКЦИЕЙ

А. Блокенского, В. Барановского, А. Фомина,
Г. Лавочкина, Юр. Лебединского и Семёна
Родова

№ 2 (6)

Февраль 1925

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

142

О К Т Я Б Р Ъ

СЕРГЕЙ ЕСЕНИН. Стихи (1920—24 г.). Изд-во «Круг», Тираж 3000 экз., стр. 86.
Москва. Князьская. Ленинград 1924 г. Тираж 3000 экз., стр. 43.

Есенин пришел в русскую литературу простоволосым деревенским парнем с выскоклыми глазами и исковой печальной душой.

По свидетельству Шкловского, он являлся тогда на высокоинтеллектуальные вечера господ Гиппиусов в простых мужицких валенках, как с живым свидетельством своего крестьянского нутра. Господня Гиппиус, конечно, морщилась; но Есенин настойчиво продолжал апатировать квалифицированную поэтическую публику.

В те дни Есенин пел о деревне—и только о ней. И за всеми святыми старцами, Салафами и Иоаннами чувствовалась в его песнях здоровая, окрещенная любовью и экспромтом, в тополях, в рощах, в воюющих, и воблаках... (Воронский)—словом, к Руси!

Если крикнет рать святая:
— Кинь ты Русь, живи в раю!
Я скажу: не надо раю,
Дайте родную мою.

Но, как видно, Есенина скоро привлекала и городская культура. Привлекла,—привлекло его в этой культуре преимущественно все блестящее, шумное: богемы, кабаки, цыганар, лажонные баншики!

А теперь он ходит в цилиндре
И декорированных баншиках... (20).
А когда ночью светит месяц,
Когда светит... черт знает как!
И иду, головою смесью,
Перезумев в знакомый кабак... (35).

— Это уже пишет себе Есенин поздний—Есенин 1920—24 гг.

Есенин вообще—один из наиболее искренних поэтов. Стихи его—его художественная автобиография. Мы знаем, поэтому почему его сборники с 1920 по 24-й год рассматривать, как фазы его жизненного развития, его мироощущения.

Первая фаза описана в «Испове-

ди хулигана». Это—начало, начало увлечения богемой.

В этот период Есенин спорит с ветром в хулиганстве, уверяет, что не буди он поетом, что, впрочем, был бы мошенник и вор, считает самым подходящим для себя занятием «в ночь, в голубой степи гласнобуду с кисточкой стоить... и т. д.

Однако скоро оказывается, что все это—только «страшные слова». Хулиганство фактически делает безобидные вещи, как, например: Я парочку иду несчастливым ланца,
С головой, как нерослиной ланца,
на плечах (25).
Буду громою сморкаться в руку
И во всем дурака валять... и т. п. (23).

Очевидно, что подлинного хулиганства здесь мало. Здесь просто: Задрожат пружины вращенья
Деревянского озорника (26).

Здесь просто теперь уже не принятое, но недавно сравнительно, приблизительно до 1915 г., бывшее в очень большой моде, своеобразное, богемно-поэтическое самозванство хулиганством, пьянством, развратом и так далее.

Все старые поэты, пережившие декаданс, символизм, сморщившись прочли через этот период. И если даже считать, что Маяковский с некоторым основанием называл себя «чужаком» и поэтом «провазничавшим носом», то не надо забывать, что «счастлив монка и нежнейший радларь Прекрасной Дамы»—поэт Александр Блок—тоже не раз рекомендовал себя словами в роде: «Я слез поворочный и продажный с крутами синими у глаз».

Есенин, таким образом, только с некоторым опозданием (в 1920—24 годах) продолжал моду декаданса.

Но, по существу, хулиганство Есенину чуждо. Основная стихия его творчества—и жилая и даярия. Вот почему, вопреки созвучной тенденции поэты, его «хулиганские вояжеры»—хотел и я, гелудини, а особенно запонимается, художественно-убедительным нежно-

Журнал «Октябрь» (М., 1925, № 2). Титульный лист и страницы с рецензией И.М.Машбиц-Ворова на книгу С.А.Есенина «Стихи (1920—24)».

RIVISTA DI LETTERATURA - ARTE - STORIA

DIRETTA DA ETTORE LO GATTO

ANNO IV.

1925

ROMA - ANONIMA ROMANA EDITORIALE - ROMA

SCRITTORI RUSSI CONTEMPORANEI

J. BABEL
(novelliere)

L. SEGULLINA
(novelliera)

BORIS PILJAKIN
(novelliere)

IL'IK ERENBURG
(novelliere)

V. MAKHOVSKIJ
(poeta)

D. ERENKO
(poeta)

K. TICHONOV
(poeta)

B. PASTERNAK
(poeta)

Журнал «Russia» (Рим, 1925, № 1).
Обложка и ее оборот.

LA RUSSIA SOVIETISTA

L'oregno è passato. Poeti di noi sono marcati.
 All'appello dell'antichità nessuno risale.
 Io sono ritornato al posto abbandonato
 Dove non sono stato otto anni.

Chi debbo chiamare? Con chi posso confidare la gioia vi-
 va, l'esser rinato viva?
 Qui parlavo il molito — un'isola di poli,
 Con l'antico sta sta, non gli occhi chiusi.

Le non tutto sono qui e nessuno.
 E quelli, che ricordavano, mi hanno da molto tempo dimen-
 E lì, dove una volta c'era la casa parata, d'ora
 Giace adesso la camera, e una strada di polvere di strada.

E la vita bella,
 Insieme a me vanno e vengono
 Vati vecchi e giovani.
 Ma non c'è nessuno e nel paese bruciat il soffitto,
 E negli occhi di nessuno sono i villaggi.

È nella mia vita passato ormai di pensieri.
 Che c'è nella Patria?
 Possibile che questi siano dei sogni?
 Io qui sono quasi per tutti un pellegrino cupo.
 Dio sa di che lontano paese.

È questo sono io,
 Io, cittadino del villaggio
 Che soltanto per questo sarà famoso,
 Perché qui un giorno una donna ha partorito
 Una splendida poeta russa.

Ma la voce del pensiero parla al cuore:
 « Ritorna tu te. Di che cosa sei afflitto? »
 Questa è soltanto la nostra casa che arde
 Di un'altra generazione presso la rapina.

Tu hai cominciato già ad apprendere un poio,
 Altri giovani saranno altri canti.
 E noi, forse, saremo più invecchiati.
 Non il solo villaggio, ma tutta la terra è la loro madre.

È gli anni. D'ora হবে এখনে এসে
 Nella giacca incavata vede un rumore nuovo.
 La lingua dei miei consuetudini s'è diventata come estranea.
 Nel mio paese sono come uno straniero.

È ora, lo vede:
 I consuetudini di dimenzione
 Presso le statue di sono ridotti come la chiesa.
 Con dei disastri sogni e non lavoro.
 Dimenzione la loro e vita a.

È gli anni. D'ora হবে এখনে এসে
 Il momento ha spronato i campi grigi.
 E le gambe nude, come i vitalisti sotto il portone
 I pioggi si sono bruciati nel fuoco.

Un soldato russo sopra nel mio momento.
 Correggendo le frange nei ritardi,
 Raccontando una volta adesso di Stalini,
 E siamo i russi hanno ripreso Perekop.

« Gli abbiamo dato così e così,
 A questo burlano... il quale... in Olanda... »
 E gli occhi incropano gli oroscopi dei lunghi canti,
 E la donna sospira nella mente sennò.

Già del nostro vengono i consuetudini,
 E al nostro di un'armata, suonando con loro.
 Chiamano le canzoni di propaganda di Dmitri Shostakovich (1)
 Facendo risuonare dell'allegro grido la valle.

Che paese!
 Che diavolo allora
 Ho diventato nei versi, che sono venuti del popolo?
 La mia poesia qui non serve più
 E, forse, neppure di me hanno bisogno più.

È allora!
 Adesso, c'è il mio nativo!
 Di quel che ho fatto per te in una canzone.
 Sia pure che non mi sentivo oggi.
 Io ho cantato allora, quando il mio paese era malato.

Accetto tutto.
 Accetto tutto come è.
 Sono pronto a seguire le tracce gli bastano.
 Darsi tutta l'anima all'Onore e al Regio.
 Solo non darò la cura loro.

(1) Poeta contemporaneo, la cui poesia sono pubblicate separatamente nei giornali del governo sovietista (N. 4 D.).

Non le darò a mani estranee,
 Ma alla madre, né all'amico, né alla moglie.
 Soltanto a me sono ho confidato i miei sogni
 E soltanto a me ha cantato i canti dolci.

Florite giovani. È diventato più sani di corpo,
 La vostra vita è diversa. Avete un altro casa,
 Ed le andò solo verso i limiti ignoti
 Per sempre calmano nell'antico rivoluzione.

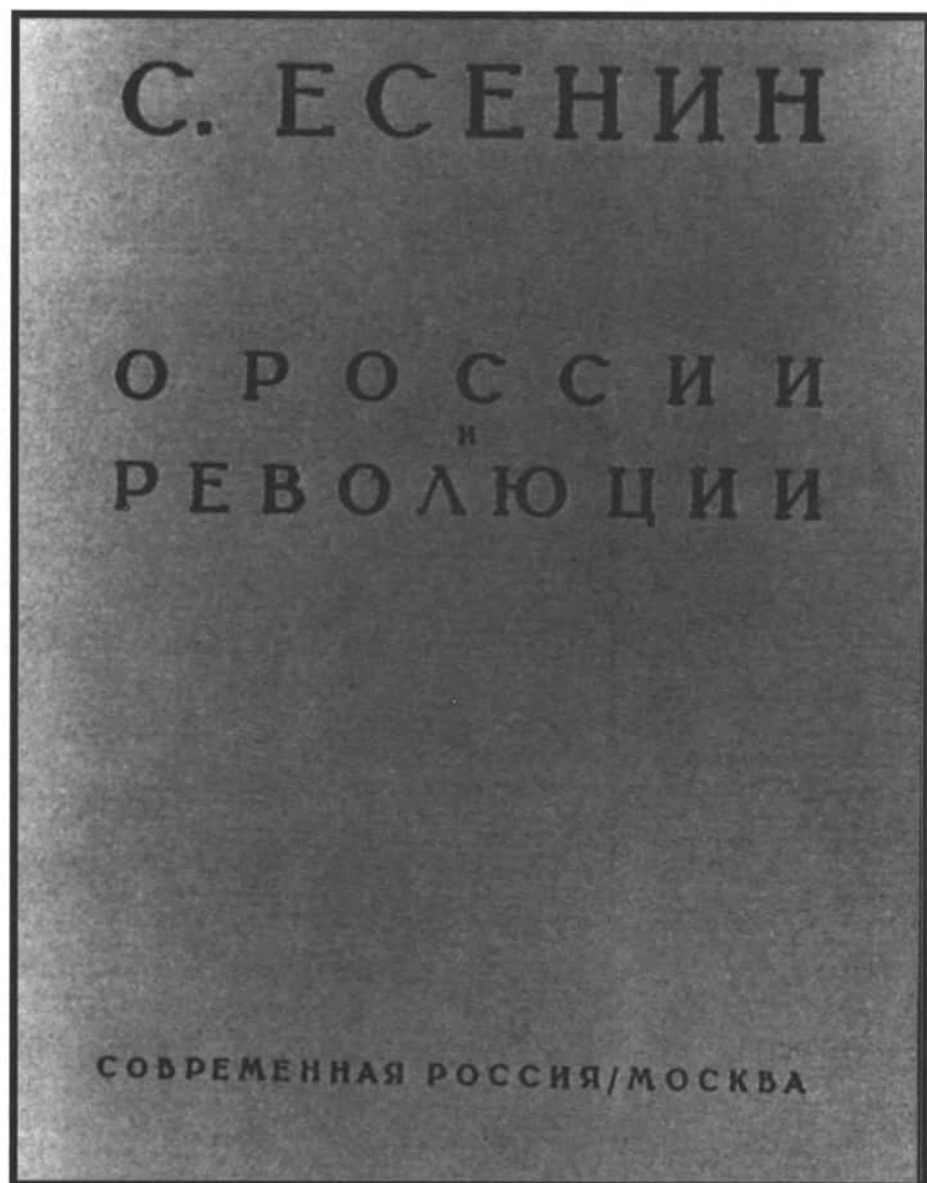
Ma anche allora,
 Quando un tutto il pianeta
 Conosce l'unità delle razze, sconferirà la messaggera e la
 vita.

Io cantavo con tutto l'anima ch'è nel poeta
 La nostra parte della terra
 Del nome breve « Russia ».

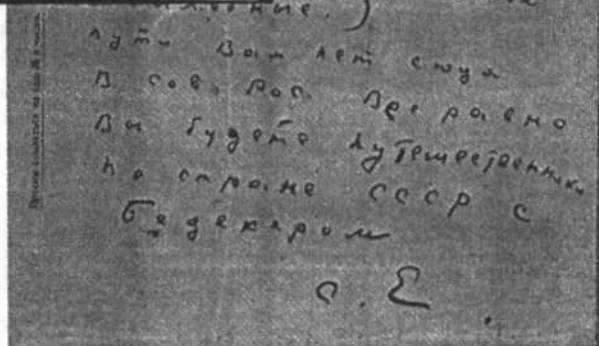
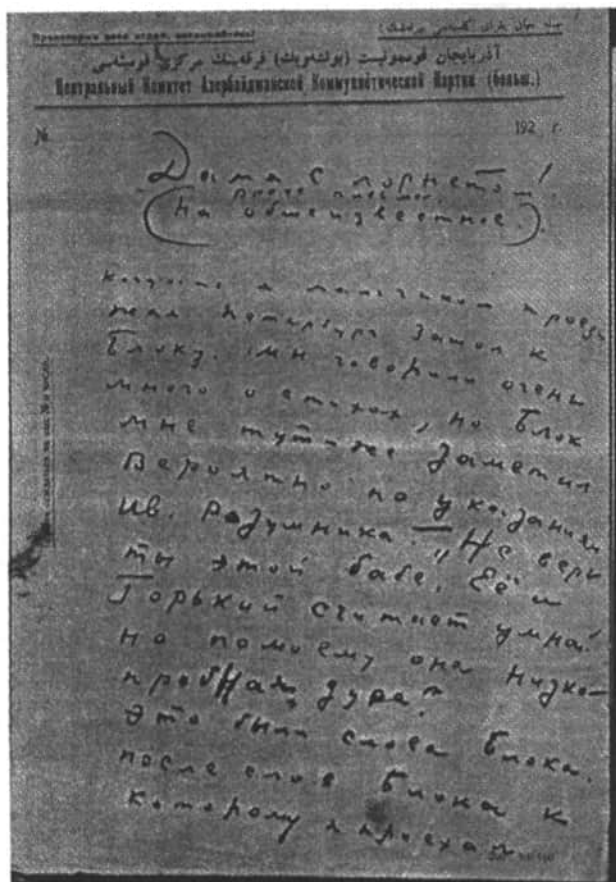
SERGIO ESEININ
 (trad. di Emma La Cierva)

Журнал «Russia» (Рим, 1925, № 1).

Страницы с поэмой С.А.Есенина «Русь советская» на итальянском языке
 (переводчик Этторе Ло Гатто).

С.А.Есенин.
Книга «О России и революции» (М., 1925).
Обложка.

С.А.Есенин.
Памфлет «Дама с лорнетом».
Фрагменты автографа.

РАБОЧНИЙ ГАЗ. «БАНИНСКИЙ РАБОЧИЙ»
 24, Трудовая, 4, 5-6 этаж. Телефонные 1-25, 12-27. Адрес: 2-64.

Баку, 11 мая 1925 г.

Милая Г.А. Бениславская! Встретил сегодня
 некоего садовника, так как мне в
 моменте только только пришла
 мысль. Через 5 лет вы
 будете в это место
 Банинского сада, а тогда
 я буду там. И тогда в саду
 будет с вами. А вы тогда
 будете все и будете
 работать там на своем
 участке до старости. Тогда
 с вами будет все
 и будет все.

Я люблю вас.

Кудряков

25 мая 1925 г.

Хорошее время
 была сегодня
 утром бодрый.

РАБОЧНИЙ ГАЗ. «БАНИНСКИЙ РАБОЧИЙ»
 24, Трудовая, 4, 5-6 этаж. Телефонные 1-25, 12-27. Адрес: 2-64.

Баку, 12 мая 1925 г.

Милая Г.А. Бениславская! Встретил сегодня
 некоего садовника, так как мне в
 моменте только только пришла
 мысль. Через 5 лет вы
 будете в это место
 Банинского сада, а тогда
 я буду там. И тогда в саду
 будет с вами. А вы тогда
 будете все и будете
 работать там на своем
 участке до старости. Тогда
 с вами будет все
 и будет все.

Я люблю вас.

Кудряков

25 мая 1925 г.

Хорошее время
 была сегодня
 утром бодрый.

С.Е.

С.А.Есенин. Письмо к Г.А.Бениславской.
 Фрагменты автографа. 11–12 мая 1925.

№ 104 (1426), Встречи, 12 мая 1925 года.

Заря окликает другую,
Дымятся овсяная плеть...
Я вспоминаю тебя, дорогую,
Моя одрихлевшая мать!

Как прежде хода на пригорю,
Постыль овой сплыва в руке,
Ты смотришь на лунный опораз,
Плывущий по сонной реке.

И думаешь горько, я знаю,
С тревогой и грустью большой,
Что сын твой по отлему краю
Совсем на болзает душой.

Потом ты идешь до погоста
И, в камень уставясь в упор,

Вздыхаешь так нежно и просто
За братьев моих и сестер.

Пусть мы росли покевны,
А сестры росли, как май,
Ты все же глаза живые
Печально не подымай.

Довольно скорбеть! Довольно!
И время тебе подсмотреть,
Что яблоне тоже больно
Терять своих листьев медь.

Ведь, радость бывает редко,
Как вешняя звенья по утру,
И мне—чем сгивать на ветках,
Уж лучше скореть на ветру.

СЕРГЕЙ ЕСЕНИН.

С.А.Есенин. Стихотворение «Заря окликает другую...»
(газета «Бакинский рабочий», 1925, 12 мая, № 104).

W. Fid

Holzschnitt

VERKLÄRUNG

VON

SERGEJ JESSENIN

*He, Russen,
Jäger des Weltalls,
mit dem Fischnetz des Frühbrots
ausschöpfend den Himmel —
Stoßt in die Hörner.*

*Unter dem Sturmflug
stößt die Erde.
Felsen bewegt die
goldfördernde Pflugscar.*

*Ein neuer Sämann
streift durch die Felder,
und neuer Saatkorn
wirft er in die Furchen.*

*Ein strahlender Gast fährt
zu euch in büßlicher Kutsche,
Über den Wolken
trabt seine Stute.*

*Zaumzeug der Stute:
des Himmels Blau.
Glocken am Zaumzeug:
Gestirne.*

(Deutsch von JOSEF KALMER.)

Баку 15 мая 1925г.
 Качалову
 Друзья Василий Иванович!
 Я здесь. Здесь и надрываю,
 кроме "Краски Нови"
 стих "Алену".
 В Воскресенье выйдю
 из Гольлицы (тогда легким)
 отец Хотелось бы увидеть
 Вас за 57 летним
 армянским А?
 Жму Ваши ручки
 с Есенин

С.А.Есенин.

Записка В.И.Качалову. Автограф.
 15 мая 1925.

В.И.Качалов
 в роли царя Федора
 в спектакле Московского
 художественного театра
 «Царь Федор Иоаннович»
 по одноименной трагедии
 А.К.Толстого. Фото. 1922.

КРАСНАЯ НОВЬ

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И НАУЧНО-ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЙ

ЖУРНАЛ

1925

КНИГА
ЧЕТВЕРТАЯ
МАЙ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

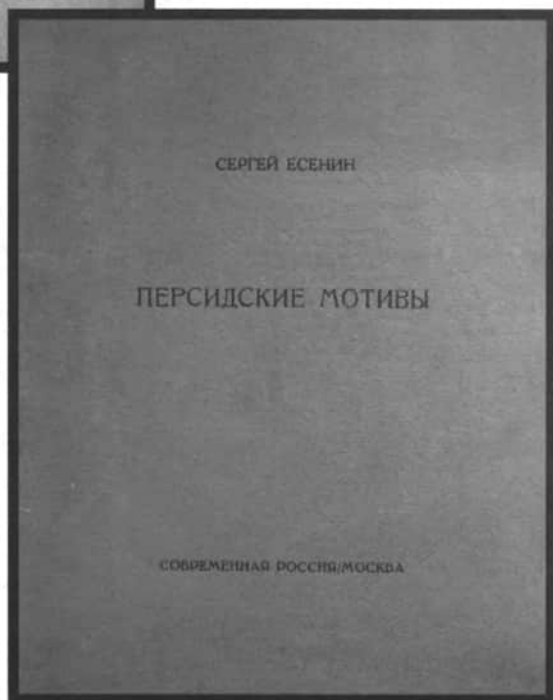

Журнал «Красная новь» (М., 1925, № 4).
Обложка и страницы с поэмой С.А.Есенина «Анна Снегина».
Фрагменты.

С.А.Есенин.
Книга «Березовый ситец»
(М., 1925).
Обложка.

С.А.Есенин.
Книга «Персидские мотивы»
(М., 1925).
Обложка.

СТИХИ

49

Минус сине
С. Есенин
1 июня 28
Москва

Анна Снегина.

Поэма.

Сергей Есенин.

I.

— Село значит наше — Радово,
Дворов почитай — два ста.
Тому, кто его оглаживал,
Приятственны наши места.
Богаты им лесом и водою,
Есть пастбища, есть поля,
И по всему угодию
Рассажены тополя.
Мы в важные осень — не лезем,
Но все же нам счастье дано.
Дворы у нас крыты железом,
У каждого сада и гужо.
По праздникам мясо и квас.
Недаром когда-то исправник
Любил погостить у нас.
Оброк платили мы к сроку,
Но грозный судья старшина,
Всегда прибавлял к оброку
По мере муки и пшена.
И чтоб избежать налести,
Наличек нам был без тжот.
Раз — власти, на то они власти,
А мы лишь простой народ.
Но люди — все грешные души.
У многих глаза что клыки,
С соседней деревни Крукуши
Косылись на нас мужик.
Житые у них было плохое,
Почти все деревня искала

16

108

СТИХИ

Есть что-то прекрасное в лете,
А с летом прекрасное в нас.

* * *

Мой мельник,
Ох, этот мельник,
С ума меня сводит он.
Устроил волынку, белельник,
И бегает как почтальон.
Сегодня опять с запяской,
Как будто бы кто-то влюблен.
«Прядите,
Вы самый ближний.
С приветом
Оглоблин, Пров.
Иду.
Прихожу в Крукушу,
Оглоблин стоит у ворот
И спяну в песенки и в душу
Костит общинальный народ.
— Эй, вы!
Тараканье отродье!
Все к Снегиной...
Р-раз и квас.
Давеш мол твою угодию
Без всякого выкупа с нас.
И тут же, меня завидя,
Снежка сварливую пруть,
Сказал в неподдельной обиде:
— Крестьян еще нужно варить.
— Зачем ты позвал меня, Провиш
— Конечно ни жить, ни косить,
Сейчас я достану лошадь.
И к Снегиной вместе,
Простить...
И вот запрятли нам клычу,
В оглоблях москастая шкель,
Тяжких отдалт с придачей
Чтоб только самим не иметь.
Мы ехали мелном шагом,
И путь нас смешил в злел.
В подьездах по всем оврагам
Телегу мы сами везли.
Приехали.

С.А.Есенин. Поэма «Анна Снегина».

Страницы публикации в журнале «Красная новь» (1925, № 4)
с дарственной надписью поэта С.А.Толстой и с авторской правкой.

С.А.Есенин с сестрой Екатериной.
Фото. 1925. Москва, Пречистенский бульвар.

Пролетарии— всех стран, объединитесь!

ПРИЧАЛ

Двухнедельный литературно-общественный журнал

№ 7.

Казань, 4 июня 1925 года.

№ 7.

Иллюстрация к стихотворению С.А.Есенина

№ 7 ПРИЧАЛ

СТИХИ

Письмо к матери

Сергей Есенин.

Ты жива еще, моя старушка?
Жив и я. Приемт тебе, приемт!
Пусть струится над твоей набушкой
Тот вечерний несказанный свет.

Пишут мне, что ты, тан тревогу,
Загрустила шибко обо мне,
Что ты часто ходишь на дорогу
В старомодном ветхом шушуне.

И тебе в вечернем синем мраке
Часто видится одно и то же,
Будто кто-то мне в кабацкой драке
Слаанул под сердце финский нож.

Ничего, родна! Успокойся.
Это только тягостная бредь,
Не такой уж горький и пропойца,
Чтоб тебя не видя умереть.

Я по-прежнему такой же нежный
И мечтаю только лишь о том,
Чтоб скорее от тоски мятежной
Воротиться в нивенский наш дом.

Я вернусь, когда расклинет ветви
По-весеннему наш белый сад.
Только ты меня уж на рассвете
Не буди, как восемь лет назад.

Не буди того, что отмечалось,
Не волнуй того, что не сбылось,—
Слишком раннюю утрату и усталость
Испытать мне в жизни привелось.

И молитесь не учи меня. Не надо!
К старому возврата больше нет.
Ты одна мне помощь и отрада,
Ты одна мне несказанный свет.

Так забудь же про свою тревогу,
Не грусти так шибко обо мне,
Не ходи так часто на дорогу
В старомодном ветхом шушуне.

Журнал «Причал» (Казань, 1925, № 7).

Обложка и страница со стихотворением С.А.Есенина «Письмо к матери»
<<Письмо матери>>.

С.А.Есенин.
Книга «Избранные стихи» (М., 1925).
Обложка.

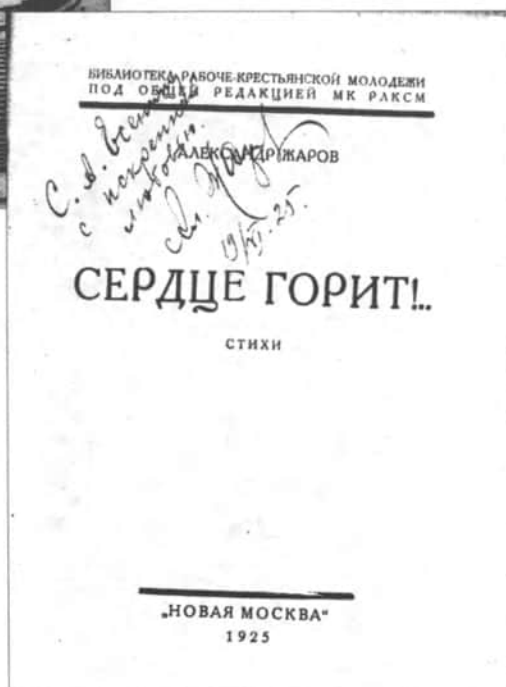
Книга «Современные рабоче-крестьянские поэты в образцах и автобиографиях с портретами» (Иваново-Вознесенск, 1925) с автобиографией С.А.Есенина и его стихотворениями. Обложка.

И.В.Евдокимов. Фото.

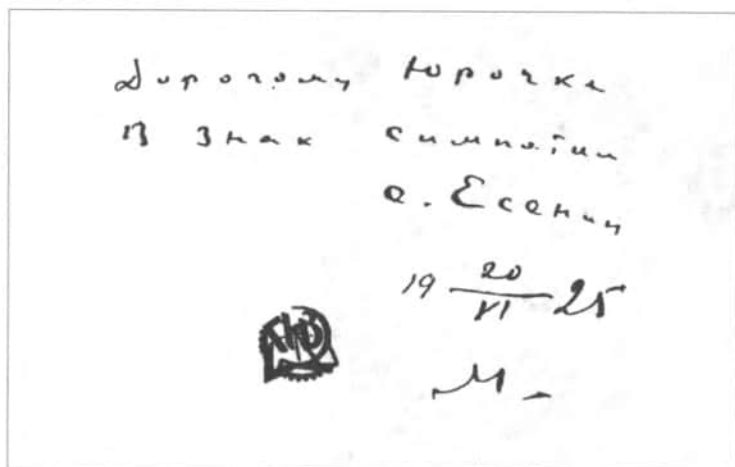
Дорогая Есенин! Собираю
 из разных твоих альбомов и
 журналов всего пережитого твою
 жизнь. А теперь на Ялте
 встречаю с ней в Крым
 перед отъездом должен с тобой
 познакомиться. Мне нужно
 собрать все свои вещи и
 отправить тебе на почту через
 известную по Захарьевскому.
 Собрание я продаю. Продаю
 еще 2 книги. Ботаника
 свои сочинения и испорченные
 предметы купишь Москве.
 Прощай Шуре и твоим чадам
 твои Сергей
 11/6 25 Москва

С.А.Есенин.
 Письмо к Е.А.Есениной.
 Автограф. 16 июня 1925.

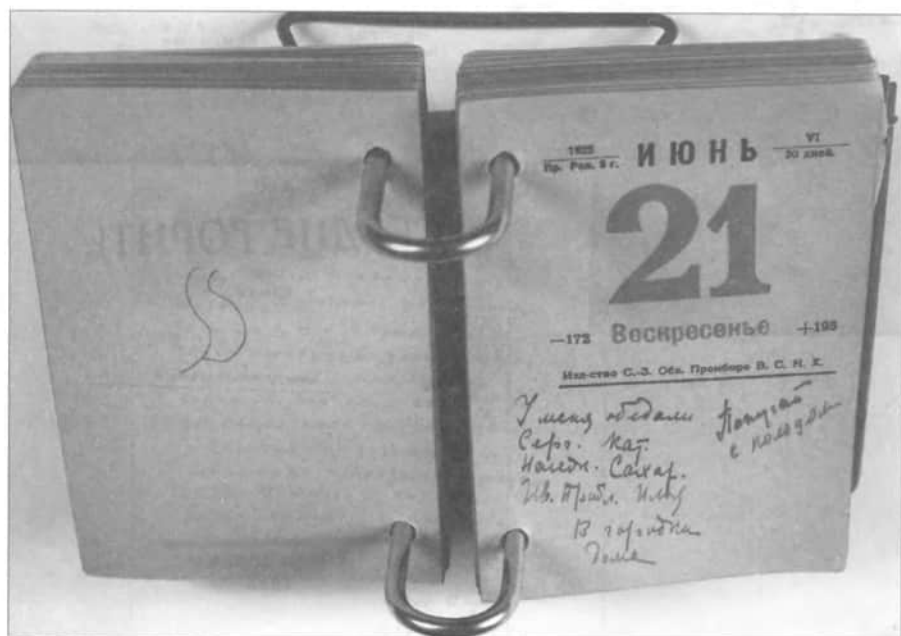

А.Жаров. Книга «Сердце горит» (М., 1925).

Обложка и титульный лист с дарственной надписью автора С.А.Есенину. 19 июня 1925.

С.А.Есенин. Дарственная надпись Ю.А.Ушеренко на книге «Березовый ситец». 20 июня 1925.

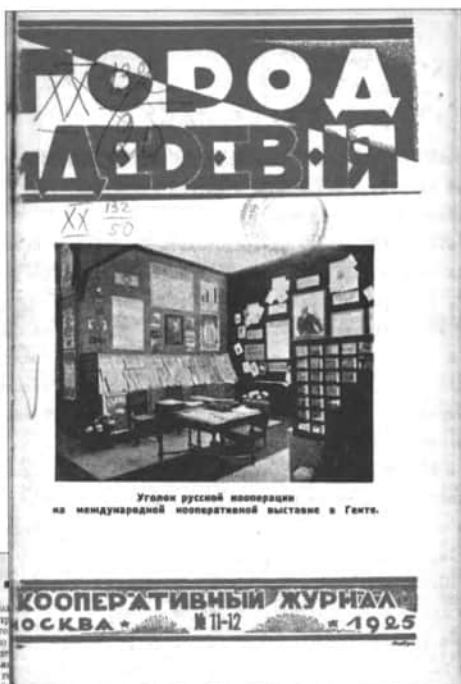
С.А.Толстая.
Календарные записи. Автограф. 21 июня 1925.

Илья Есенин. Фото из семейного архива.

С.А.Есенин и А.М.Сахаров с цыганками.
Фото. 21 июня 1925.

Город и деревня.

За окном вид
городской тесноты
Шумно тесно
закрыто окошко
Думает пред
болно из уютной
лей шпаль, или те
закрыты, отъез-1925

СЕРГЕЙ ЕСЕНИН

Неуютная жидкая лунность
И тоска бессонничная равнин,—
Вот что вкачал я в резвую кобылку,
Что любви прожливая не оди.

По дорогам усюветив вербы
И тележная осека колес...
На за что не хотел я теперь бы,
Что-б мне слушать ее привольсь.

Разнодуши в стал и лачуган
И чуждой огор, мне не вло.
Даже аби на всезнаю вылогу
Я за бедность волей разлюбил.

Мне теперь по душе кино...
И в чихотном свете луны

Через камешек в стальное
Вяжу нитью в рошней споры.

Палева России! Довольно,
Волочиться сосей по полям!
Нашту твою вядеть болмо
И березан в тшолоки

Я не знаю, что будет со мною...
Может, я кокую механь не гомусь.
Но и все-же долчу я стальное
Вядеть бедную вымру. Русь.

И всякая моторному лаво,
Б смене вялет, в соине бури в грозо,
На за что и теперь не мешало
Слушать несую тележных колес.

Журнал «Город и деревня» (1925, № 11/12).

Обложка и страница со стихотворением С.А.Есенина «Неуютная жидкая лунность...».

КУ

Копия 2 экз. в архив
 с. Соснин, 1925 г.
 170 и т.д.

ДОГОВОР № 7804

Москва, 30 июня 1925 года Государственное Издательство /Госиздат/ с одной стороны и С.А.ЕСЕНИН с другой заключили между собой настоящий договор в изложенном ниже:

1. С.А.ЕСЕНИН обязуется представить Госиздату в совершенно-готовом для печати виде к 30 июня 1925 года рукопись "Собрания стихотворений", размером в десять тысяч /10.000/ печатных знаков, передав Госиздату исключительное право на издание и переводание вышеназванного труда в течение двух /2/ лет со дня получения его Госиздатом в совершенно-готовом для печати виде и предоставив Госиздату право отбора и формирования "собрания стихотворений" из всего написанного поэтом до момента заключения настоящего договора.

2. В случае, если труд автора будет признан Редакцией Госиздата подлежащим исправлению или переделке, автор обязуется сделать безвозмездно требуемые изменения в срок - по указанию Редакции Госиздата.

3. Тираж первого договорного издания определяется в количестве не более 10.000 экземпляров, при чем выпуск из печати Госиздатом этого тиража допускается частями и в разное время.

4. За приобретенное по сему договору право издания Госиздат уплачивает гонорар в размере один рубль за стихотворную строку.

5. За каждую 1.000 экземпляров, выпущенных свыше тиража, указанного в с. 2 настоящего договора, в первом издании и за каждую 1.000 экз. последующих изданий Госиздат уплачивает С.А.ЕСЕНИНУ вознаграждение в размере 50% того гонорара, который приходится на каждую 1.000 максимального количества экземпляров первого договорного издания.

6. Авторский гонорар уплачивается наудача в начале месяца 1925 года по марту 1926 год /исключительно/ равными долями по 1.000 рублей в месяц. Окончательный расчет производится по выходе "Собрания сочинений" из печати.

7. В течение двух лет с 30 июня 1925 года по 30-е июня 1927 года Государственному Издательству принадлежит право включения в "собрание сочинений" всех вновь написанных и напечатанных в журналах и газетах стихотворений С.А.ЕСЕНИНА с оплатой по рублю за строку. Только в случае отказа Государственного Издательства воспользоваться новыми стихами С.А.ЕСЕНИНА в указанный двухлетний договорный срок, С.А. ЕСЕНИН с

Договор С.А.Есенина с Государственным издательством РСФСР на издание «Собрания стихотворений» поэта с его распиской. 30 июня 1925.

ведома Государственного Издательства имеет право издавать свои произведения отдельной книжкой в другом издательстве.

8. С.А.ЕСЕНИН обязуется не задерживать своей корректуры. В случае неаккуратного доставления ее Госиздат вправе взыскать с него все причиненные Госиздату вследствие этой задержки убытки.

9. Госиздат выдает автору бесплатно 25 экземпляров книги по выходе ее из печати первым изданием и 13 экземпляров за каждые 5000 тысяч повторных изданий.

10. С.А.ЕСЕНИН обязуется во время действия настоящего договора не выпускать в продажу ни сам, ни через другое лицо, особое издание вышеуказанного труда, хотя бы и в именованном виде или под другим названием. В противном случае Госиздат вправе взыскать с него в виде неустойки полную сумму номинальной стоимости всего тиража такого издания.

11. Если в течение двух лет со дня принятия рукописи от С.А.ЕСЕНИНА Госиздат не издает ее, настоящий договор расторгается, при чем все деньги, полученные по сему договору от Госиздата обратному возврату не подлежат, а представленная рукопись подлежит возврату.

12. Адрес С.А.ЕСЕНИНА следующий: Москва, Остоженка, Троцкий пер. д. № 3, кв. 8.

При изменении адреса С.А.ЕСЕНИН обязан немедленно сообщить Госиздату свой новый адрес.

13. Все споры по настоящему договору разрешаются судебными учреждениями гор. Москвы.

14. Подлинный договор иметь Госиздату, а копию с него С.А.ЕСЕНИНУ.

Зав.Лит.-Художествен.Отд. *Н. Николаев*

Автор *Сергей Есенин*

Секретарь

Издательству или ожидаемого издания. В. Д. Д. Д.

Копия № 144-78 Копия

М.Горький.
Фото.

Директор Алексей Максимович!
 Алина Вас с последним письмом
 в Берлине Думал о Вас
 часто и много.
 В стихах а особенно лирических
 можно сказать много очень много
 Алина не искусство и не
 творчество.
 Я всё так же всё Вы
 как слышит Володекуму.
 скажу Вам много России
 Вся Советская Россия
 Всегда думает о Вас,
 где Вы, а как Вас
 Задумает. Оно как от нас
 дурно.
 Алина Вам все стихи
 которые были с 1910
 последнее время.

С.А.Есенин. Письмо М.Горькому.
Фрагмент автографа. 3 июля 1925.

СЛУЖЕБНАЯ ЗАПИСКА

Центральная Комиссия по улучшению быта Ученых
при СОВНАРКОМЕ.
(ЦЕКУБУ).

2/VI
дня 1925 г.

Справка

С. А. Есенин зарегистрирован
в Цекубу по списку Фабричной
подстанции г. Москва по 3^ю кв.

Зав. Мес. Чугин

Справка, выданная С.А.Есенину
Центральной комиссией
по улучшению быта ученых.
2 июля 1925.

Дорогой Петр Иванович!
Вашу с уюлотом и раду
по дороге фото дня
когда снова проедем
у врань Савраба.
Как мы все? Завидно
тебе за те заслужки
которые бы помогли
вытиснить бы на море
а на землю.
Нужда такно! свидитея
нашим.
привет всей семье
и моему семье. Овним
ома и нет.
Свой вояну он или
нет?
Соба кландетя.
Лесей руки.
Челчу. Сергей
2/VI 25 числа

С.А.Есенин. Письмо П.И.Чугину.
Автограф. 6 июля 1925.

КРАСНАЯ НОВЬ

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И НАУЧНО-ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ

1925

КНИГА
ШЕСТАЯ
И ЮЛЬ
АВГУСТ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

112

СТИХИ

Синий май. Заревая теплынь.
Не прозвонит колода у калитки.
Липовым запахом веет полей.
Спит черешуха в белой нарядке.

В деревянные крыльца окна
Висеет с рамами в тонкие шторы
Висит изобильная луна
На полу кружатся узоры.

Наша горница хоть и мала,
Но чиста. Я с собой на досуге...
В этот вечер вся жизнь мне мила,
Как приятная память о друге.

Сад полыхнет, как петличный пожар,
И луна, напрягая все силы,
Хочет так, чтобы каждый дровам
От немцаго слова «милый».

Только я в эту иветь, в эту гладь,
Под тальнику висклого мая,
Ничего не могу шептать,
Все, как есть без конца принимаю.

Принимаю и дали, и близь,
В чем есть грусть, в чем есть боль и отрада...
Мир тебе, отшумевшая жизнь!
Мир тебе, голубая прохлада!

С. Есенин.

Журнал «Красная новь» (1925, № 6).

Обложка и страница со стихотворением С.А.Есенина «Синий май. Заревая теплынь...»

Г.А.Бениславская и А.Г.Назарова.
Фото. 1925.

С.С.Виноградская.
Фото.

СЕРГЕЙ ЕСЕНИН

Милосердие

Сергей

автор на б.к.у

2,01.11.25

ИЗБРАННЫЕ СТИХИ 1925

ИЗДАТЕЛЬСТВО „ОГОНЕК“
Москва—1925

С.А.Есенин.
Дарственная надпись С.А.Толстой
на книге «Избранные стихи».

Тихий ветер вечер сине-хмурый
 А ~~сидит~~ ^{идет} широко-глазый
 В ~~пер~~ ^{пер} так же так точно курь
 Как у нас в соловьиной Рязани
 Там же могол, там же губы пошире
 Губы неугомонны и с друтого края
 Ма с тобой любви в этом мире
 Одинаково совсем дорожишь
 Ноги теплые, ни в вьюга ни в вьюгу
 Не могу не прославлять не пою
 Так же девушки здесь ~~обитали~~
 До смерти допечены ~~до краёв~~
 Да любви! она воде всем знакомы
 Это любовь знают даже кошки
 Только я с отгизной ~~бы~~ без дома
 От неё сбирало скривило крошки
 Стаётся не; но хорватить не буду
 Есть воде разные сердца курь
 Для меня разселись поветра
 Мою губе губовенные бурь
 С ними а все радости приеждо
 И для них лишь товори ~~буря~~
 Оттого знаю люди и неба, земля
 Ни она пронахна ~~летухами~~
 С. Е.

С.А.Есенин.

Стихотворение «Тихий ветер. Вечер сине-хмурый...».

Автограф.

Str. 118. „Zadušnice“. — Sem vedno te ljubil. Št. IV.

Sergěj Jesénin-Dr. N. Preobraženski:

Iz cikla „Zadušnice“.

Sorokoúst.

Ste videli vi
lítih šap trd korak
ko v meglo zavít vodeno
priteče čez stepe vlak,
z nosnico hrza jekleno?

In za njim
kot na dirke dan
besno skaka skozi veliko travo
mladi, rdečegrivi šrebček, ves podivjan,
tenke noge si vrže čez glavo? ...

Mili, mili bedaček ti moj,
no kam vendar, kam neki te goni?
Mar ne veš? Živi konji zgubili so boj,
in jekleni so zmagali konji.

Mar v resnici ne veš, da v planjavi brez sijaja
ne vrne onega časa tvoj beg,
ko je še par lepih stepnih Rusinjev prodájal,
in konja kupil si — Pečeneg?

A drugače je usoda na dražbi prepleskala
naš od škrtanja vzdramljeni tok,
in za tisoče kil konjske kože in mesa
kupuje zdaj novi se vlak.

H. Heine-I. Albrecht:

Sem vedno te ljubil.

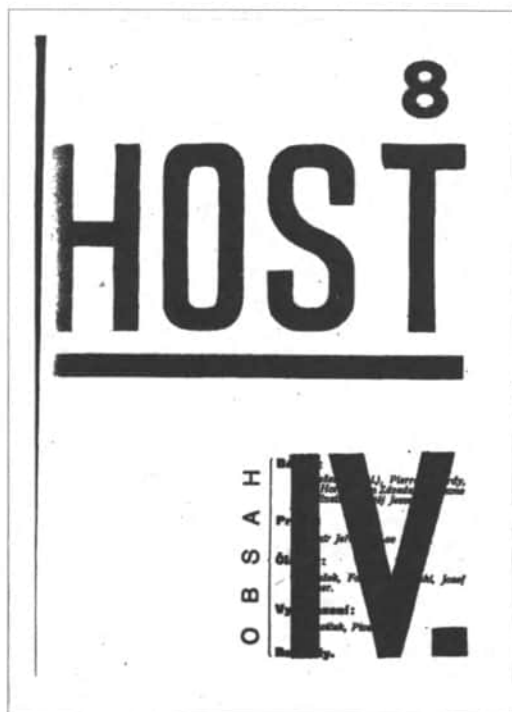
Sem vedno te ljubil in ljubim te še —
pa da se ves svet strmoglaví,
iz teh razvalin plapolali bi le
plameni moje ljubavi!

* Pečenegi — pastirski roparski narod, menda predhodniki poznejših Madžarov, ki so nadlegovali Rusijo v X. in XI. stoletju.

Журнал «Gruda» (Люблина, 1925, № IV).

Страница с фрагментом поэмы С.А.Есенина «Сорокоуст»
(ч. 3: «Видели ли вы...») в переводе Н.Ф.Преображенского на словенский язык.

Sovětská Rus

Sergij Jesenin

Dráhcín přelstí jít. Náš stálo tak málo.
Tak změně přelstěný už nepřivítá hled.
Nevrátil jsem se v kraj ten odboj,
v němž jsem už nebyl sám let.

Koho mám volat? S kým se poškít jen
o samotnou zmlou, že jsem zůstal živ?
Vždyť práše dřevěná i ocelový můj ten,
a jediným měřem svým tu stojí na podiv.

A někdo nemá mě sde jít.
I ti, co směl, napamatují se.
Tam, otcevať kdo stálo nikdy chyt,
teď běží popal jen, sloj sprachu a alchím.

A život kypí.
Kolem mne se stoují
i směřá i mladá podoba.
Však před kým klobouk sejmouti tu není
a níhž vrak má domů nastřavit.

A hlávu moji táhnuv dmyj rojen.
Domova, já to ty?
Cí jsou to počme any?
Pro všechny směl jsem poulník, černý smojem,
bůh sám tv, z jaká dánsá komňny.

Vždyť jsem to já!
Já, občan této vsi,
o mě nic věc se lístě nadort,
než že sde křtyl šena srodila
ruského skandálního básníka.

Als hlas duše k srdci hovoří:
Vpamatuj se! Proč trvali ses tak?
Po starém vždy kvít nový sňožní
mladého pokolení v chalupech.

Vždyť už jsi našel odkvěs
a jímá mláděť jímá plněň pje.
A on, prostím tě, to umí sáberněji,
ne ves už jen, ovět celý jich je máť.

Ach domove! Jak směřem jsem se stal.
Vpředě tráť suchým ríl se ruměnom.
Nodská hlásť od díná přepodě,
jakobyh v samí své byt odspomen.

He, co tu sňm!
Brášeňní vumitěns
předě třásem, jak v útránu sešit se
a v šoll nastřytá a nebežná
o starostech svých baví se.

Журнал «Host» (Брно, г. IV/1924–1925, № 8). Обложка и страницы с поэмой С.А.Есенина «Русь советская» в переводе Йозефа Горы на чешский язык.

1

Руки милой пара лебедей
 В золоте волос моих играют
 Все на этом свете из людей
 Песнь любви поют и повторяют
 Если когда-то - далеко
 и теперь пою протоме снова
 потому и дышит глубоко
 Нежность слов Пропитанное слово.

Если душу вылюбить до дна
 сердце станет глиной золотой
 только тебеланская луна
 не согреет песни теплотой.

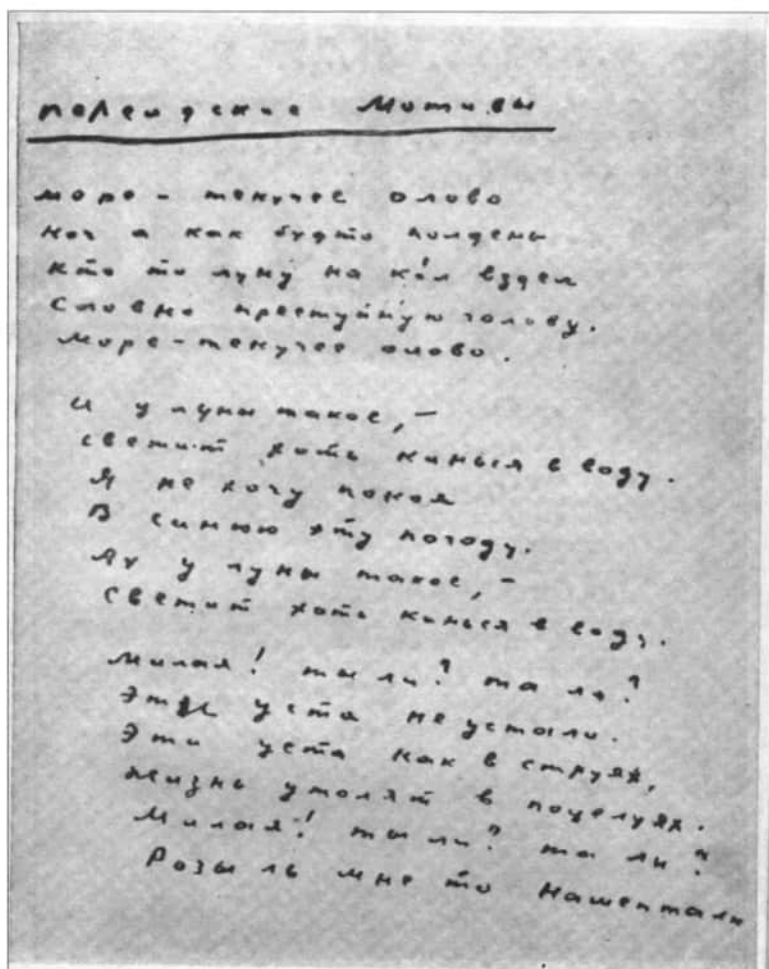
Я не знаю как мне жить прожито
 возгореть ли в ласках милый шик
 или поустареть трепетно тумить
 о прошедшей весенней отбаве.

У всего свой порядок есть
 это приятно уму, что для глаза
 Если пере сломает плоху прени
 Значит он бобек Не из Шира

С.А.Есенин.

Стихотворение «Руки милой – пара лебедей...».

Фрагмент автографа.

С.А.Есенин.

Вариант стихотворения «Море голосов воробьиных...»
 под заголовком «Персидские мотивы». Фрагмент автографа.

Редактор газеты „БАКИНСКИЙ РАБОЧИЙ“

Милотинская, 4, 3-й этаж. Тел. 3-08.

Баку, 13 августа 1925 г.

Мама моя, дорогая, милая,
 уже дошло мне советно, что
 я до сих пор не написал тебе.
 Прости, родная, мадам. Все
 же знаю, почему ты так выходишь.
 Все же тебе тяжело отсюда
 отсюда и виллорану. Ты же
 любишь, мамочку, виллорану
 полюбишь и себя благодарно.
 Ты же раче и божишь. Я же
 ты же, твои родители, ма. Я
 даю и под, а до, хорошо. Правда,
 дорогая, мне очень хорошо. Се
 не сяду к тот „горюхо“. Ви
 совсем ослабленно. Я тебе обещаю
 правду писать - я же правду
 мне трудно иногда очень. Но
 у меня нет того друга и отчая
 ния, какое было во всех вас в
 Москве, когда мы уезжали и ка
 нии я себе и божишь.

Редактор газеты „БАКИНСКИЙ РАБОЧИЙ“

Милотинская, 4, 3-й этаж. Тел. 3-08.

Баку, 1925 г.

наговору. И не уж верно кричу.
 ты же. Знаю, что он пошлится.
 А когда он не жет, то я так
 отчаянна, что дух переживает.
 Ты скажишь, что я влюбленная
 дура, но я говорю по себе речу не
 сердце, что не вурегала я в
 другу какой-то милости, прощай
 и доброй. Мне иногда плакать
 тебе, когда я ем, рю на него.
 рю от себя редком наивной
 и трагической. И поэтому,
 когда он после трех недель
 виллорану кладет голову мне
 на руки и говорит, что он будет
 пошлится, то я даже сердитую
 не могу, а шарю его болажку
 голову и плечу, плечу. Ну, ну
 и в себе же не жет и речу.
 Так уж и слов, тришлось. Я же
 много речу речу и речу.

С.А.Толстая. Письмо к О.К.Толстой.
 Фрагменты автографа. 13 августа 1925.

REFLEKTOR

ROČNÍK I.

VYHÁZÍ ŠTŮRNÁCTIDENNĚ

ČÍSLO 18.

Ze slavnosti krasohudebních ročníků v Příkopu
Výpravčího (šestý zleva), krasohudec Václav, Duška, kněz, lidstvo „Jitka“ a krasohudec kněz
a představa kněze krasohudebního ročníků

Dobře křídla, Cožka v létě štěstí,
v letadle zrakem zvedne řadu věcí.
Dobře od se odlety, že štěstí,
Dobře štěstí toho štěstí v „Příkopu“.

Šest letostrojů štěstí, Vědět se má štěstí,
že štěstí štěstí štěstí štěstí štěstí,
že štěstí štěstí, štěstí štěstí štěstí štěstí,
že štěstí štěstí štěstí štěstí štěstí.

Šest se štěstí, pod štěstí štěstí štěstí
šest štěstí štěstí štěstí štěstí štěstí
Co štěstí štěstí, v štěstí štěstí štěstí
— štěstí štěstí, štěstí štěstí štěstí štěstí.

Šest štěstí štěstí, štěstí štěstí štěstí štěstí,
šest štěstí štěstí štěstí štěstí štěstí,
šest štěstí štěstí štěstí štěstí štěstí,
šest štěstí štěstí štěstí štěstí štěstí.

Šest štěstí štěstí štěstí štěstí štěstí,
šest štěstí štěstí štěstí štěstí štěstí,
šest štěstí štěstí štěstí štěstí štěstí,
šest štěstí štěstí štěstí štěstí štěstí.

Šest štěstí štěstí štěstí štěstí štěstí,
šest štěstí štěstí štěstí štěstí štěstí,
šest štěstí štěstí štěstí štěstí štěstí,
šest štěstí štěstí štěstí štěstí štěstí.

Šest štěstí štěstí štěstí štěstí štěstí,
šest štěstí štěstí štěstí štěstí štěstí,
šest štěstí štěstí štěstí štěstí štěstí,
šest štěstí štěstí štěstí štěstí štěstí.

Šest štěstí štěstí štěstí štěstí štěstí,
šest štěstí štěstí štěstí štěstí štěstí,
šest štěstí štěstí štěstí štěstí štěstí,
šest štěstí štěstí štěstí štěstí štěstí.

Šest štěstí štěstí štěstí štěstí štěstí,
šest štěstí štěstí štěstí štěstí štěstí.

Журнал «Reflektor» (Прага, 1925, № 18). Обложка и страница со стихотворением С.А.Есенина «Я иду долиной. На затылке кепи...» в переводе Йозефа Горы на чешский язык.

Редактор газеты „БАКІНСКИЙ РАБОЧИЙ“

Милетянская, 4, 3-й этаж. Тел. 3-08.

11

Баку,

1925 г.

говорила; - Русский не дождется,
сердцу лески а леске пизды и т.д.
Оттого луча как тускло светит
Оттого летоильно поbledнела.

Слишком много виденое измени
слез ~~у~~ и луж, кто ледом и,
кто не жотет

Но и всё же совет благодарен
на долю среневие ноги.

Софко: Е.

Без фамилии
правно
С.Е.

Редактор газеты „БАКИНСКИЙ РАБОЧИЙ“

Милютинская, 4, 3-й этаж. Тел. 3-08.

Баку, 18/VIII 1925 г.

Дорогой Петр Иванович,
 послала 2 стихотв.
 Скажи Орришбергу чтоб
 он дал Кларе Фриховне
 денег для меня.

Бои знаешь; жена, дети
 и человек не дерево.
 Для через 2 придет
 мое подкрепление из Москвы
 и тогда я рыскаю
 оставит в локое. Привет
 ему
 уалчо С. Есенин

С.А.Есенин. Письмо П.И. Чагину.
 Автограф. 18 августа 1925.

БОРИС ГУСМАН

ПОЭТЫ

ПЯТЬ ХАРАКТЕРИСТИК

Демьян Бедный (справа) и автор характеристики — Борис Гусман.

БИБЛИОТЕКА «ОГОНЕК»
№ 63
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ОГОНЕК»
КОСПОЛИГРАФА В МОСКВА

Где-то в келье личьих прелех,
Одной лишь думой мыслят:
Счастлива, кто жизнь свою украсит
Трудом вечного бытия.
С улыбкой радостного счастья
Иду в дружин берез,
Вкусая беспамятного ярчестья,
Мелькаю на ветви и стога.

Прожди мимо голодной нищеты русской деревни, он прина-
длежит только ее радости, ее светлой ботворцы.

Родился и с писемки, и в травном аламке,
Зори чисти вышине в радути символы.

И в последнее время, обогащенный высоким мастерством,
сложного, но прозрачного контрпунктир образом, метафор
и сравнений, Сергей Есенин остается все тем же деревен-
ским гусельщиком и песенником:

Буду пить, буду пить, буду пить.
Не обиду ни кому, ни зайца.
Если можно р чем скорбеть,
Значит, можно чьму улыбаться.
Все мне близко радости воспом,
И разбойный нам бабок счастье.
Срезает мудрый саживши — осен-
Гордыши мной жидкой твист.
В сад зарю лишь одна степь,
Словечки рощи отысканной нгу.
Все помнать, ничто не звать
Привык и этот мир поэт.
Он красше цвельствит ворон,
Слушать сердцем осенний хруст,
Глубже, глубже серны стелю,
Сильч черемутой, солнца — хруст.

20

СЕРГЕЙ ЕСЕНИН.

Сергей Есенин вырос изво «линей России» (А. Паст),
пользобие ее «сия», которая «досет глаза», ее коза, ее «из-
нешнее сложны», у которых «дочно халкут тополя», ее
через, где «длжны облоками и мном крошкИ Спас», ее
лучь, где «тудит на коротодом весельи пла», ее земля, ее
«трещины просторы» и «дильяну юзю».

Есенин родился и вырос в деревне. Он видел, но мог
не видеть, как наалась деревня в нищете, в грязи и в го-
лоде. Но он отвернулся от «людского горя».

Позабил алмазы горы,
Сквозь их вырубает туча,
И живлю на е и в зоре,
Привыкнуло у речки.

Он узнал и том радости «земного бытия», которые он
визил в крестьянской жизни, в конках сива, на полове, в
алдых ворих над жальтими полями и во всей красоте визил,
раскватушебис перед ним в цветения своего обдыя и
шадроты.

Иду, в траве визюет мой поест,
В лопи визюет шип зоры,
Срывает снег на поест,
Плетт мне дельи визюет.

19

Когда визиря пронеслась над есенинкой деревней ре-
волюция, он не оттолкнул ее. Конечно, пройдя мимо тех
муз, которые переживала деревня, он не мог и понять бла-
годетельной сивы революции, ее благотворного влияния на
деревню, но его близина и революция ее бодривила сила, но
веселая ночь.

Революцию Сергей Есенин встретил «научник визюет».
В ней, рожденной (по Сергею Есенину) в «музыкаль алмак»,
почувствовал полове «утро», поный «слет на горам», «крас-
ного коня», который дохнул вывизити мир «на колесо нгу».

Сойди, свель с зем, красней визю.
Вергись в визид оголоби.
Мам горамы стало милово
Под этой веткой кровель.
Привей, привей нам визю визю
Твое глузое ужелье
И водочелью-ошелью
Холодное свелью.
Мы радути тебе дуго,
Поларный зрут на сруго,
О визюи визю визю
На колесо нгу!

Но, конечно, он не мог не почувствовать, что эта «волна
изнал» лежит в стороне от того мира, в котором он жил,
что над тем миром уже беремы «падут листвои пронцальну»
обедню», что идет уже «желдеый гост», который сметет
«последние листвои», «соберет их в свою черную горсть».

На визюи, круже алмаки,
Этим визюем при визю на визю.

говорит он с грустью, ибо визюет под коньками «красного
копа» любимая им его деревня, и он, Сергей Есенин, зоо-

21

Б. Гусман. Книга «Поэты. Пять характеристик»
(М., 1925). Обложка и страницы со статьей «Сергей Есенин».

Сергей Есенин. Стихи в прозе. 1. Березовый ситец. Госиздат, 1925 г. Стр. 100, цена 1 руб. Тираж 4 000 экземпляров. 2. О России и революции. Мезд. «Советская Россия», 1925 г. Стр. 94. Цена 1 рубль. Тираж 5 000 экземпляров. 3. Русь Советская. Новорост. Издательство «Ванитный рабочий», 1925 г. Стр. 80. Цена 20 коп. Тираж 4 000 экземпляров.

Сборник «Березовый ситец» и «О России и революции» составлены ранее печатавшихся вещей Есенина, вошедших в книги: Радугина, Гусьбен, Преображение. Третья часть «Русь Советская». В «Березовый ситец» материал подобран очень удачно и дает исчерпывающее представление о творчестве Есенина-стихника и его истинным уклоном к деревенским темам, развернувшимся в нем на фоне тихой грусти, раздумий о смысле, как о «душевной тоске» (особенно замечательна по глубине чувства стихотворение «Не жалко, не зовут, не платят») или через приемы буффонады, часто художника настроенного импровизация (в романе «Пангопаратор»). Второй сборник «О России и революции» составлен, по-видимому, исходя из поэтому крайне односторонней. В нем не хватает многих революционных проэм — и что еще важнее — проэм посвященных Октябрьской революции. Так, почему-то опущены «Песня о великом походе», «Баллада о 20», «Марш-песенка» в то время, как в книгу втиснут лишний материал, к основной теме собрания не имеющий никакого отношения (таковы стихотворения «Корона» и «О товарищах веселых»). Интересно отметить новеллы в печати: стихи «Заван», вагнеровского автором, видимо, еще в 1923—19 году (заметьте сильное влияние Блока) и только в этом сборнике увидевшего свет.

Наибольший интерес для читателя представляет последний сборник поэта — «Русь Советская», так как в него входят новые стихи 1924—1925 годов. Печать новых стихов Есенина является прежде всего в социальности и револю-

Город и Деревня

ционности тем — в них вторичный, лирико-индивидуалистический разговор о походе, бойлах на «Континент» («Песня о великом походе»), о героической смерти в Якут двадцати шести отважных советских работников («Паллада о 20», о побеге на Шанхай-область тридцати шести подпольщиков («Поэма о 30»). Ноги еще не вставли для новых революционных тем оригинальной, достаточно смелой и крепкой формой — поэма о 30 написана ритмом «лирикой о 20» П. Асеева, а «Песня о великом походе» заочная в размере «танца» — и в этом направлении ему придется много и упорно работать, отбросив на вторую планку некоторую часть приемов старой лирики, нередко бывшей на эффект «скандальн» («Песнь злупыган» «Июния» и др.). На пути перемены и изданий стоит и сам поэт — он тоже говорит что-то автоматическая «нововель» и «лирикой о 20».

Кроме прозы, посвященной революции, в сборнике «Русь Советская» помещены стихи о новом крестьянском быте, таковы — «Русь Советская», «Русь, уходящая в частую «Песню матери». В этих автор, еще в 1919 году отнесшийся скептически по деревне, которую считал «железный язык» — город, привлекся привлекать слово «шанью». Деревня не умаря, она стронет новый советский быт, она удивляет своею жизнью.

Вот почему и воспринятое сальдиро У. Валлетта, как в первом, собрание Корьями «новельные ритмы» Они свои обославляют, даже.

Социальности отвечает поэт и коммунистическое новое положение с иной жизнью и другим языком».

Иными же язык прекрасна, особенно «Березовый ситец» Госиздата. Наравны они хорошо — оплетают вет.

В. Красильникова

Журнал «Город и деревня» (М., 1925, № 16/17). Обложка и страницы с рецензией В.Красильникова на книги Есенина «Березовый ситец», «О России и революции» и «Русь Советская».

Журнал «Красная нива» (1925, № 37).
 Обложка номера со стихотворением
 С.А.Есенина «Я помню...»
 <«Я помню, любимая, помню...»>.

Д.А.Фурманов.
 Фото. 1925.

С Т И Х И

Я ПОМНЮ...

Я помню, любимая, помню
Связь твоих волос.
Не радостно и не легко мне
Помнить тебя привалом.
Я помню осенние ночи,
Береговой шорох твоей,
Пусть дни тогда были короты,
Луна нам светила длинной.
Я помню, ты мне говорила:
— Пройдут голубые года
И ты позабудешь, мой милый,
С другою меня навсегда.
Сегодня цветущая липа
Напомнил чувством олит,
Как некогда тогда и смысал
Цветы на курчавую прядь.
И сердце, остыв не готовясь
И грустно другую любил,—
Как-будто любимую повесть,
С другой вспоминает тебя.

СЕРГЕЙ ЕСЕНИН.

Вечер на Каме.

Не поймешь—
Мм плывем киль стоим.
Словно замер твой мир валевый.
Отдыхают уругие воды твои
В глубоко потонувших артоках.

В этом зеркале теплых вод
Отразился чуть ровный воздух.
И глядит берега,
И глядит парком—
И в вечернее небо,
И в воду.

Только ярче, все ярче—
Пона
Не замрут за бортом—мален.
Липы по ним отменяю,
Что чьи-то рука
Нас ведет этой тишиной реки.

Только месяца острая бровь
Над холмом и вину—
На посту.
Там в колбье на дюжих берегах
Мы плывем, словно легкая Сагури.

Уплывают, мерцают, огни,
А в ватонах—
Другую настрочу...
Не дыши!
Тышины не спугни
В этот поздний
Весенний вечер.

АНТОН ПРИШЕЛЕН.

Земле.

За медовым липовым цветеньем,
В волотом шуршащем спелой реки,
На сдвигать, не сдвигать сердцебиенья
И земной, пользойной мажорды жить.

Отыщешь молодость в синихах,
Потянуто в тишь родных полей.
Неужели живить моя земля,
Как трава, под колесом журавлей?

— «Ты умишь,—пылает дума алая,—
А в полях шептаться будет роса...
Не одно ль и том—земля и плоть людская,
О которых в песнях ты поешь?...»

Но, бродягой тихо промавая
По валдоркам к старенькой избе,
И смолчу о горьких невздах
И о годах, скользящих в борьбе.

Вот она—и в дреме жизни не дремлет:
Лети, жизнь, пахари и ровнь...
До последних выдохом лети про землю:
Больше счастья в мире не найдем!

СЕМЕН ФОМИН.

Ночное.

Под шепот журавлиный вертеж
Чуть крадется кудрястый кот-мурлыка,
И голосит девица у окон,
И весело от девичьего крика.

И слушаю: седой бранится дед...
Он тянется наверх, к теплу, к полатам.
Хохочут девки старому в ответ,
Да шлепают ладошами по плетью.

Горячий дед! Однако не на сердит:
Зовет меня погреться на полкати.
Сам в шипуне закутанный ворчит:
— «Ну и шипун, заплата на заплате!»

Ах, сладко спать под старинский снап
Пусть уряют дохлятые собаки,
Пусть девки не свивают ясных глаз,—
Им дремоты не равняют во яраке.

МИХАИЛ СКУРАТОВ.

Пчелы.

Деду Мирону на семьдесят ступиндо. Старый осанист,
Лыс, борода по живот, краешек дубовым урос.
Ни лихоманка с прострелом, ни раны чирны не лизни,
Все оттого—чревова, милом болонии целит.
Склякко он пилк поравал, а на пельники рай, да и только!
Виз посредние ошат, иблонн клонит плетни.
Цвет евой расцветит черемуха, духом томительным принит.
Пчелы с утра загудут, в луг на цветы полетат.
После несут медотворстерству луку, тилуюку медом,
Пону и обивку салут, рой—круговной севей.
Снова летат вперседы, не выкат себе передимши,
Дорог им ведерной дель, что ни зингута, то клад.
«Ну и работница!»—дед тут промолвит и кисти укажет
Ване-вучицу:—«учишь, мушпа—диграве любой,
Ей не садится на мсте и верет мажорды мило,
Сытнуу вантуку найдет в дальней округе она,
Мелочью конит добро для себя, для тебя и для дела.
Хочешь, конигру манну медом прогущивши? А?»
Вити не отжидает,—исю, и жидат кудри шамели:
Мед-то, он липкий, его надо с умнейше жидать.
Дед же поидет промае уале, поридок он высмотреть дол-
жен,
Пчелы кругом головы, ровню как пули, сияют,
Старого милок не тронут и если вакал при ветре
В бороду выважет ему, дед, расцогнати перцы.
Вышит же на волос, да под ветер и прустит: «Грудиса,—
Склякет:—«ты мелкая тварь, а человеку нушка!»

В. РАДЧКОВ.

Журнал «Красная нива» (1925, № 37).

Страница со стихотворением С.А.Есенина «Я помню...»

<<Я помню, любимая, помню...>>.

LA POÉSIE RUSSE DE 1840 À NOS JOURS

877

De nouveau je suis malade de nostalgie
À cause de la brise qui vient des champs d'avoine ;
Et lorsque montent les rumeurs blanches,
Me sentis fait malgré moi le signe de la croix.

O Russie, champ couleur de framboise
Et d'azur mêlé à l'azur du fleuve ;
Fais-moi jusqu'à la joie et la peine
Te leurre et te rassure.

... Et je ne renouvellerai pas les chaînes,
Je ne quitterai pas ce long sommeil,
Tant que les steppes natales feront bruir
Des paroles de prières parmi l'écho.

La poésie de Klouïev s'apparente au naturalisme d'Esadine, mais n'apporte rien de nouveau. Malgré leurs prétentions à l'originalité, on ne voit pas non plus en quoi les Guérassimov, Cherchéniévitch, poètes prolétaires ou imagistes, se distinguent des plus mauvais imagistes d'Allemagne, de Tchéco-Slovaquie ou même de France. Fort au-dessus de ces poètes chaotiques et qui semblent bien avoir donné à l'époque l'espace de poésie qu'elle mérite, il faut citer M. Ilia Ehrenbourg, auteur de quelques émouvantes prières à un dieu pas essentiellement différent du Dieu d'Israël, Constantin Lipskerov, réfugié dans l'orientalisme et les roses de Sakdi, enfin quelques autres poètes de l'art pur chez qui l'on constate l'influence heureuse de Goumïlev : MM. Pasternak, Adamovitch, G. Ivanov et O. Mandelstamm.

On est en droit notamment d'attendre beaucoup de M. Mandelstamm. Il possède le métier, il a le goût de la composition et sait construire. Surtout, il est poète. Sa façon d'être libérée de la *nostalgia des Scythes* nous fait presser un retour à ces éléments de classicisme sans lesquels — Pouchkine en est l'exemple et le garant — la poésie ne serait qu'un vagissement poétal :

Le vol des oiseaux me fait souvenir
Des silènes de dorure et de herbarie.

888 MÉRCVRES DE FRANCE—15-IX-1925

O vieux monde,.....

Le Russe est un apôtre. Joyeux et désolé,
Puisse-t-on de son sang sentir,
Elle te regarde, ô monde, elle te regarde,
Plaine de laies et pleine d'amour !

(A. SOU.)

Le poème des *Scythes* portait en épigraphe ces mots de Vladimir Soloviev : « Pamngolism ! bien que le nom soit sauvage, il flatte l'ouïe ».

Les menaces de Constantin Malakovsky ne sont pas moins précises :

Compagnons !
Sur les barricades !
Barricades de sang et d'âmes
Celui-là seul est un combattant sincère
Qui s'enfonce sous les poins de la retraite.
.....
Hélas, hélas le bras d'un second dilige,
Nous balayerons les lits du monde.

Malakovsky est le poète des jours de bataille et des mouvements de foules. Un accent rude et pressé fait illusion chez ce barbare qui se donne volontiers des allures de poète épique.

Il y a plus de vrai lyrisme chez Esadine. Le monde qu'il chante est aussi plus spécifiquement russe. On retrouve chez lui l'esprit de certains sectes mystiques, notamment des flagellants ou hommes de Dieu. Cette secte annonce, comme on sait, de nouvelles réincarnations du Sauveur. Esadine nous parle d'un Dieu « qui se gonfle comme une graine invisible ». Il dit encore, avec une intention de blasphème évidente : « Et toi, Dieu, vêts ». Il fait du Dieu traditionnel au nom de son nouveau Christ. Ces extravagances, bien entendu, ne laissent pas d'être attachées de littérature, et de la pire. Mais lorsque cet ex-paysan veut bien se contenter de faire retour à la terre et de chanter simplement, il lui arrive de rencontrer des accents de pure émotion : -

Обложка уголовного дела № 10,
заведенного на С.А.Есенина в
народном суде Сокольнического
района г. Москвы.

№ 10 Н. Ю. 1925 г.

НАРОДНЫЙ СУД
Сокольнический района
уезда

гор. Москвы
Моск. губ.

по Судьям участку.

**Уголовное
ДЕЛО**

Росс. Сергей Александрович
Есенина

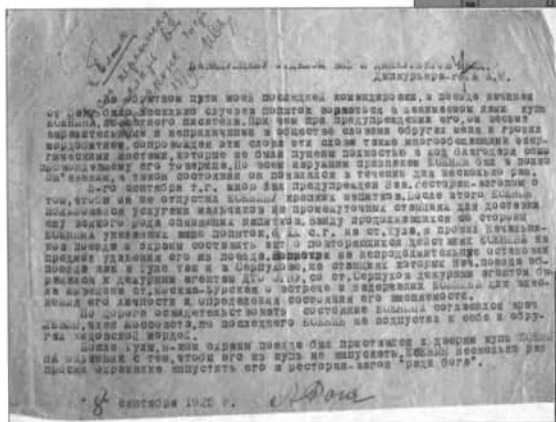
но 17-го ст.

Назначено: _____

Начато: _____ 1925 г.
Окончено: _____ 1925 г.

Лист _____ № 10

А.М.Рога. Рапорт о поведении
С.А.Есенина в поезде.
8 сентября 1925.

1925 г.

Повестка № 32

Имя Сергей Александрович
Есенин

проживающий по адресу Сокольнический район, ул. Курская, д. 10

по делу Убийство

дату повестки по делу № 10 от 17 с. 1925 г.

по адресу Сокольнический район, ул. Курская, д. 10

Указание по делу выдано по ст. 106а У. К.

Должность и подпись С.А.Есенин

1925 г.

Расписка.

Повестку № _____ на имя _____ М. Курский акт. акт.

№ _____ от _____ 1925 г. принята.

Подпись _____ 1925 г.

Повестка № 32 на имя С.А.Есенина, выписанная
в дорожно-транспортном отделе ОГПУ
при Курском вокзале. 17 сентября 1925.

С.А.Есенин и С.А.Толстая-Есенина.
Мемориальные вещи.

28

звучащий в сем документе
 гр. Толстой вступил в
 Гражданский брак с гр. Есениным
Сергеем
Сергеевичем
 Брак зарегистрирован в
 Метрикан. Отд. в Канцелярии
 Рабочих Деп. в
 Нижегородском районе
 19 септ. 1925 г.
 под № 1658

Заведующий Петров
 Дел. прозвонитель Петров

29

звучащий в сем документе
 гр. Толстой вступил в
 Гражданский брак с гр. Есениным
Сергеем
Сергеевичем
 Брак зарегистрирован в
 Отделе при Совете
 Рабочих Депутатов Канониче-
 ского района в Москве
 18 септ. 1925 года
 № 2574

Заведующий Петров
 Дел. прозвонитель Петров

15

Запись о регистрации брака С.А.Толстой с С.А.Есениным.
 18 сентября 1925.

Сергей и Соно
 Была у вас, а вы и
 не подумали оставить
 денег у меня ~~и~~ ^{ладно}
~~Ну пока шуре~~
 Соно, я даю Шуре
 20 р. Марф ищет (от-
 дам ей, а также Кофу
 Брада у нас 10 р) ~~не~~

А.А.Есенина.
 Записка С.А.Есенину
 и С.А.Толстой-Есениной
 с пометами О.К.Толстой.
 Автографы.
 20 сентября 1925.

С.А.Есенин.
 Ответная записка сестре.
 Автограф.

Милый Шурёнок! я
 обиделся что ты ушла
 позвони мне скорее.
 твоя сестра
 Люба

МОСКОВСКО-КАЗАНСКАЯ ЖЕЛ. ДОР.
Платформа № 034518 А

От ст. МОСКВА ПАССАЖ.

До ст. *Дивово*

К билету № *1302* п. № *10*

от *23* чис. мес. 1925 г.

В вагоне № *9* место № *11*

ВЗЫСКАНО:

ЗА МЕСТО _____ Р. _____ К.

ЗА СКОРОСТЬ _____ Р. _____ К.

ВСЕГО _____ Р. *26* К.

ДЛЯ ДЕТЕЙ.

ДЛЯ ВЗРОСЛЫХ.

ЖЕСТКИЙ ВАГОН

БЕСПЛАТНАЯ.

Во всех поездах, кроме скорых, Волжская СИДЕТЬ.

Во всех поездах, кроме скорых, Волжская ЛЕЖАТЬ.

Волжская СИДЕТЬ.

Волжская ЛЕЖАТЬ.

Лух, кроме скорых, СИДЕТЬ.

МОСКОВСКО-КАЗАНСКАЯ ЖЕЛ. ДОР.
Платформа № 034519 А

От ст. МОСКВА ПАССАЖ.

До ст. *Дивово*

К билету № *1302* п. № *10*

от *23* чис. мес. 1925 г.

В вагоне № *9* место № *11*

ВЗЫСКАНО:

ЗА МЕСТО _____ Р. _____ К.

ЗА СКОРОСТЬ _____ Р. _____ К.

ВСЕГО _____ Р. *26* К.

ДЛЯ ДЕТЕЙ.

ДЛЯ ВЗРОСЛЫХ.

ЖЕСТКИЙ ВАГОН

БЕСПЛАТНАЯ.

Во всех поездах, кроме скорых, СИДЕТЬ.

Скорый поезд Волжская ЛЕЖАТЬ.

Скорый поезд Волжская СИДЕТЬ.

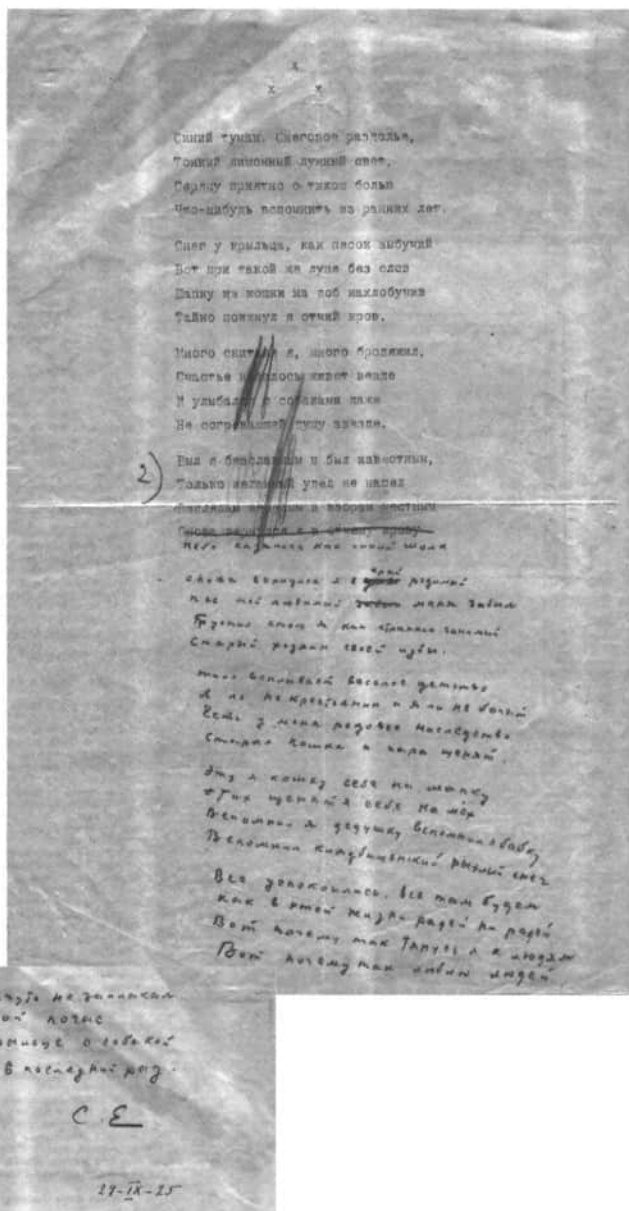
Во всех поездах, кроме скорых, Волжская ЛЕЖАТЬ.

Во всех поездах, кроме скорых, Волжская СИДЕТЬ.

Платкарты к железнодорожным билетам № 1800 и 1801 на проезд С.А.Есенина и Е.А.Есениной (?) от Москвы до ст. Дивово. 23 сентября 1925.

С.А.Есенин. Стихотворение «Синий туман. Снеговое раздолье...».
 Машинопись с авторской правкой и автографом окончания стихотворения.
 24 сентября 1925.

ГОРОД И ДЕРЕВНЯ

Хлебный завод НСПО. Занес хлеба в пекарню

КООПЕРАТИВНЫЙ ЖУРНАЛ
МОСКВА № 18

№ 81

ГОРОД И ДЕРЕВНЯ

39

НОМАХ

(Отрывок из пьесы¹⁾)

С. Есенина

Экспресс № 5.

Селье вагон. В вагоне страшно шумно. Блуд конюшары и рабочие. Видут коню-

Рассветы

Чем больше глежу я на свежую ширь,
Тем душно все упроще.

Чорт возьми!

Да ведь наша Сибирь
Богаче чем желтая Калифорния.

С этими зависами руки
Нам не страшна никакая
Мировая блокада.

Только работай! Только трудись.

И в республике будет

Что кому надо.

Можно да престануть,

Что в месен одки

Открыла пять золотосымах миль.

В Америке это было бы священной

На бирже столах бы рет.

Маклера бы скукала акция

Выдавша 1 пуд за 6 пудов.

Я работал в калифорнийских приисках

Где один калифорнийский туз

За 1 миллион без всякого риска

12 1/2 положил в картуз.

А дело все было под шумот,

Просто биржевой трюк,

Но негодя, денешка владная.

Остался почти без бровей—

О! Эти американцы...

Они неуязвимые моль.

Сегодня он в оборванцах,

А завтра золотой король.

Там было и здесь...

Самый простой прощальны,

Из калифорнийских мест,

Жил, по колониальному приходу

И картуз в богачи пролет.

Я воню все штуки эти.

Мы жили в ночлежках с ями.

Он звал меня мистер Разветы

— А е что мистер Джек.

— Послушай, скажи, Please, **)

Блуд конюшары и рабочие. Видут коню-

Чтобы без киски в кисс

Мы вальдальс с тобою в ямах.

У меня в животе лугунка

Завелась от голодных дум.

И хочу хороше кушать

И носить хороший костюм.

Есть одна у меня затея,

И если ты не болван,

То без всяких словес, не потев

Согласись на этот план.

Нам нечего охоты стараться

Чтоб расхолодать жизненный сок.

И живо двух-трех иервасов

У которых золотой носок.

Они нам отпустят бакара

(т.-е. иервасы эти)

И мы будем королями мира...

Ты знала мистер Разветы!

— Открой мне секрет, Джек!

— Скажи и ему в ответ.

А он нас связов трубочный дым

Пробульман:

— Секретов нет!

Мы просто козлем два ружья

Зарядим золотым носком

И будем туда стрелять

Куда нам укажет Том!

(А Том этот был рудомон

Мощенник какки полскал).

И вот мы оламжи тайгом

В Калифорние.

Нас вела рать...

И по приходу плахиному

Под браукекис в висок

Мы в четыре горы громадины

Золотой страляла носок.

Как будто в сломов леминжи

Чтоб достать доробую носк.

И гроном гремела в чаша

Ручей одичала злость.

Наш предводитель живо

Шлет телеграмму потов:

¹⁾ Номы — имя фантаст. Рассветы и Чарльз — конюшары. Прочие действия
1921/22

²⁾ Please — пожалуйста.

Журнал «Город и деревня» (№ 18). Обложка и страницы с фрагментом драматической поэмы «Страна Негодяев» С.А.Есенина под заглавием «Номы (отрывок из пьесы)».

2

~~Ванька-Ванюша~~ ~~и с~~ ~~баранки~~ ~~и~~ ~~баранки~~ ~~и~~ ~~баранки~~
~~по~~ ~~длинной~~ ~~поселке~~
~~по~~ ~~длинной~~ ~~поселке~~
~~по~~ ~~длинной~~ ~~поселке~~

~~Мурманск~~
~~Мурманск~~ ~~и~~ ~~Кольский~~ ~~полуостров~~
~~и~~ ~~Кольский~~ ~~полуостров~~
~~и~~ ~~Кольский~~ ~~полуостров~~
~~и~~ ~~Кольский~~ ~~полуостров~~
~~и~~ ~~Кольский~~ ~~полуостров~~
~~и~~ ~~Кольский~~ ~~полуостров~~
~~и~~ ~~Кольский~~ ~~полуостров~~

~~Мурманск~~ ~~и~~ ~~Кольский~~ ~~полуостров~~
~~и~~ ~~Кольский~~ ~~полуостров~~
~~и~~ ~~Кольский~~ ~~полуостров~~
~~и~~ ~~Кольский~~ ~~полуостров~~
~~и~~ ~~Кольский~~ ~~полуостров~~
~~и~~ ~~Кольский~~ ~~полуостров~~
~~и~~ ~~Кольский~~ ~~полуостров~~

- Иные люди все знают
 Это ребята из деревни
 на истринском шоссе
 на истринском шоссе
 по аэро, по аэро!
 ДИ СОВЬ АИ СКОТМУ
 Акция на своем
 Лили-Хорошему
 в карю, в карю
 в карю и тиме
 Кунет, тем карю
 Хуно и урдом
 в, в, в, в, в, в, в, в
 - Иные люди все знают
 ДИ СОВЬ

Кра ит кашарачи
 Кра ит кашарачи
 в кашарачи оза
 в кашарачи оза

С.А.Есенин. «Сказка о пастушонке Пете...»
 Фрагменты чернового автографа. 7/8 октября 1925.

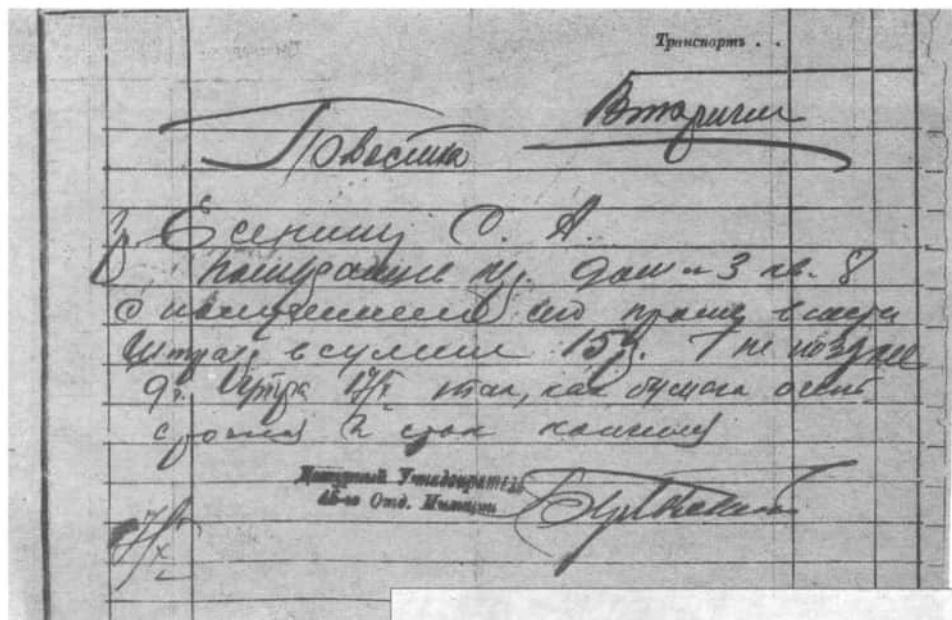

Журнал «Красная нива» (1925, № 42). Обложка и страница со стихотворениями С.А.Есенина «Я красивых таких не видел...»; «Ах, как много на свете кошек...»; «Ты запой мне ту песню, что прежде...»; «В этом мире я только прохожий...»

Вторичная милицейская повестка
С.А.Есенину с требованием
о срочной уплате штрафа.
17 октября 1925.

ВСЕРОССИЙСКИЙ
СОЮЗ ПИСАТЕЛЕЙ
МОСКОВСКИЙ ОТДЕЛ

ЧЛЕНСКИЙ БИЛЕТ

№ 81

Пред'авитель сего *Есенин*
Сергей Александрович
состоит членом Всероссийского Союза
Писателей.

Москва, .. 20

Октябрь 1925 г.

С.А.Есенин.

Членский билет № 81

Всероссийского союза писателей.

м. Герцог
 20/10 25

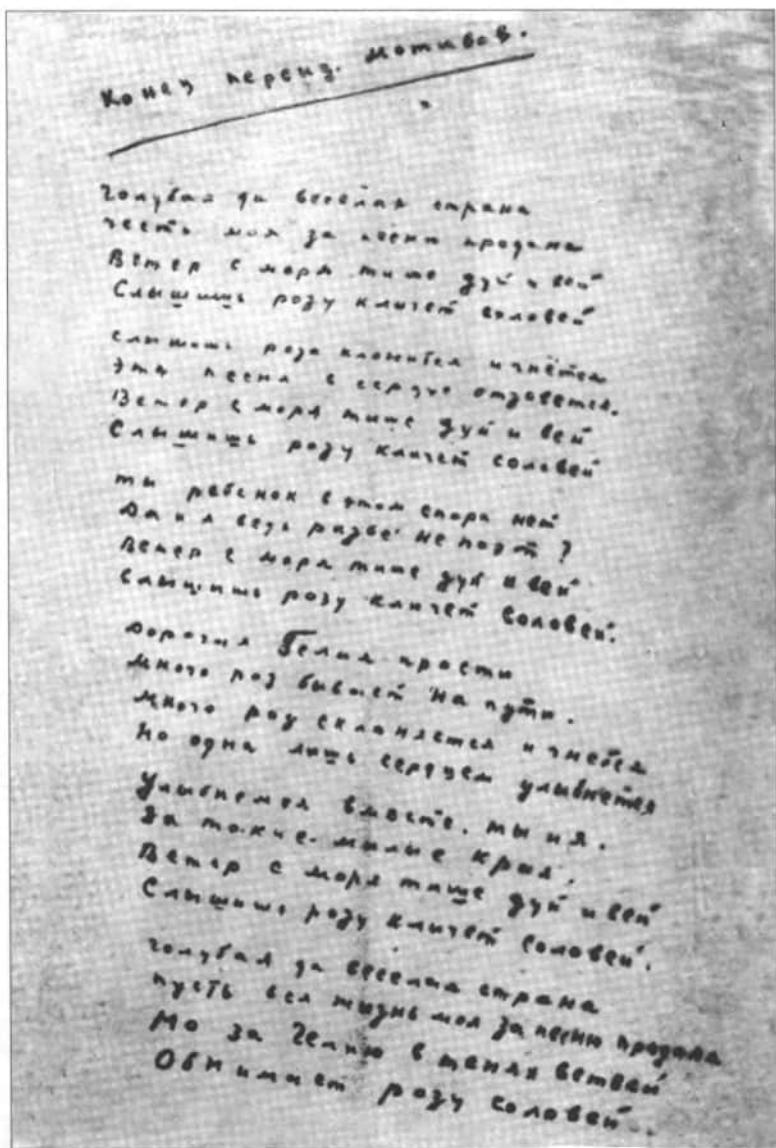
Сочинитель бедный это ты ли,
 Сочиняешь песни о лунах,
 Эт фавна глаза мои остыли
 На любви на Кармау и вине.

Ах, луна слезою героз раму,
 Свет такой дити выколи глаза.
 Ставил я на кикову даму
 А сырал Бубнового туза.

Сергей Есенин.

С.А.Есенин.

Стихотворение «Сочинитель бедный, это ты ли...».
 Автограф из альбома Е.С.Герцог. 20 октября 1925.

С.А.Есенин.

Стихотворение «Голубая да веселая страна...».
 Автограф с пометой «Конец персид. мотивов».

С.А.Есенин. Письмо
И.М.Касаткину и конверт
от этого письма.
Автографы. 21 октября 1925.
Адрес — рукой
неустановленного лица.

Мамы! Мама! Вина
Дорогой мой...
Спаси...
Мечты...
Любовь...
Если ты свободен...
То приходи вечером...
Косишь...
Лесной...
Сони от...
... с Есенин
21/10/25 М.

КАСАТКИНУ
Ивану Михайловичу
Прозвук (Померанцев)
Зкв8. Т. 4-91-53.
от С. Есенин

Справка № 26419

Фамилия: Есенин
Имя и отчество: Сергей Александрович
Возраст:
Происхождение: ...

1. Видим о судимости: Нет
2. ...
3. ...
4. ...
5. ...
6. ...
7. ...
8. ...
9. ...
10. ...

Исполнено

Директор Московского Уг. Розыска
1925 г. № ...

Справка выдана ...

Справка о С.А.Есенине,
составленная в регистрационно-
дактилоскопическом и справочном бюро
Московского уголовного розыска.
21 октября 1925.

С.А.Есенин.
Фото на паспарту с логотипом «Фото М.Сахаровъ и П.Орловъ»
(Москва, Кузнецкий пер., д. 4). Октябрь 1925.

С.А.Есенин с сестрами Е.А. и А.А.Есениными,
С.А.Толстой, В.Наседкиным и А.Сахаровым.
Фото. Октябрь 1925.

Афоризм! Небо! ты свинья
 свинья потому что у тебя непристойности
 и не отрезавшись — на одной строчке,
 или пучки волос уже так
 крепко приросли к редакторскому
 Стелу что и оторвать ее трудно.
 как бы тебе — знай
 Не знаешь только того что ты
 думаешь, это меня интересует,
 больше чем твои латинские
 прокулки по морям не солонца,
 зеркала кой-то строчку, и
 скажи что мне бесило
 Бок раб.
 Сегодня кричал жорж
 При встрече полными
 тебе и за все мою
 грусть за твою забывчивость
 Наст. Мартен а тыпей
 там себе фиме знаешь

присел кларе и Розале,
 отъ пошел лонгу и скажи
 ему что в он погрязи
 кой-то мушкетер Рооске —
 за то что он по кричал

твой С. Есенин

8/11 25

С.А.Есенин.

Письмо П.И.Чагину. Автограф. 8 ноября 1925.

ГОСУДАРСТВЕННАЯ АДМИНИСТРАЦИЯ СОВЕТСКОГО СОЮЗА
 ГОСУДАРСТВЕННЫЙ КОМИТЕТ ПО ПРОСВЕЩЕНИЮ
 АНАТОЛИЙ ВАСИЛЬЕВИЧ ЛУНАЧАРСКИЙ
 Москва, 1-й д. 28-29

Народному Суде
 г. Москва

Дорогой товарищ,
 На В. Луначарском суде
 дело в отношении обвиняемого
 С.А. Есенина. Судебная коллегия
 постановила вынести решение
 по делу Есенина.
 Есенин в этом суде обвиняется
 только за то, что он не явился на суд.

et hoc in nomine
 Domini in hunc modum
 adhibetur per nos in
 iudicio adhibetur domini - etc
 Amen.
 Не имея суда, мы предлагаем
 и-е процесс в интересах
 и суда отныне прекращается
 и судьям не следует
 продолжать процесс
 и судьям не следует
 и процесс в интересах
 и суда отныне прекращается
 и судьям не следует

А.В.Луначарский.
 Письмо судье В.С.Липкину
 с просьбой о прекращении дела
 против С.А.Есенина.

Народному суду
 г. Москва

Здравствуй! Вспоминаю к сказан.
 ному т. В.В. Луначарским свидет. В.В.
 что подт. Есенин в настоящее время
 находится под наблюдением Кремлевской
 больницы. Но дня его свидания, в том
 числе и больницы.

В ближайшие дни Есенин будет
 помещен в одну из лечебниц.

Приседившись к столу к имени
 В.В. Луначарского, со своей стороны
 подтверждаю, что антимосковские круги
 прежде всего эмиграция, в полной мере
 используют вид на Есенина в своих
 политических целях.

с коммунист. приветом
 И.В. Вардин

12/11 1925.

И.В.Вардин.
 Письмо судье В.С.Липкину с просьбой
 о прекращении дела против
 С.А.Есенина. 12 ноября 1925.

- Горный человек!
 Ты не смеешь этого!
 Ты ведь не насмучив
 не вешь водолазовой.
 Это мне до жизни
 скандального поэта,
 пожалуйста. Фрунзим
 читай и рассказывай.

Горный человек
 глядит на меня в упор
 и глаза покрываются
 голубой слезой.
 Словно хотел сказать мне
 что я мулик и вор
 так безстыдно и ничто
 обокрашивший кого то.

~~Архив
 Я знаю, что это бред
 бред, бред, бред
 бред, бред, бред~~

С.А.Есенин. Поэма «Черный человек».
Беловой автограф. Фрагменты.

5

~~Но лишь только в декабре~~
~~Брызнет с небес голубой свет~~
~~И не угаснет синее~~
~~Дружебное туманное гудитие.~~

Но корозная,
 тих какой перекрестка.
 Я один у бышка.
 Ни тоста ни урча не могу.
 Вся ^{равнина} ~~деревянная~~ покрыва
 Сыплет и мягкой извоткой
 деревьев
 и как вадники ~~своя~~
~~своими~~ с нами саду.

где то платят
 почка и ввеща ишица.
 деревянные вадники
 суют конитливы стук.
 Вот опять это горни
 на кресло мое садится

приподнял свой цилиндр
и откинул небрежно стартук,

- Слушай, слушай!

Трипит он смотря мне в лицо
Сам все ближе
и ближе клонится.

- И не видел чтоб кто-нибудь
из полицейских
так неуклюже и глухо
страдал бессонницей.

- Ах! попутал ошибся.

Ведь никак луна.

Что же куплено еще

на поёмному времён лирику?

Может с голыми ланками

тайно придет, она -

и ты будешь читать

свою дохлую томную лирику

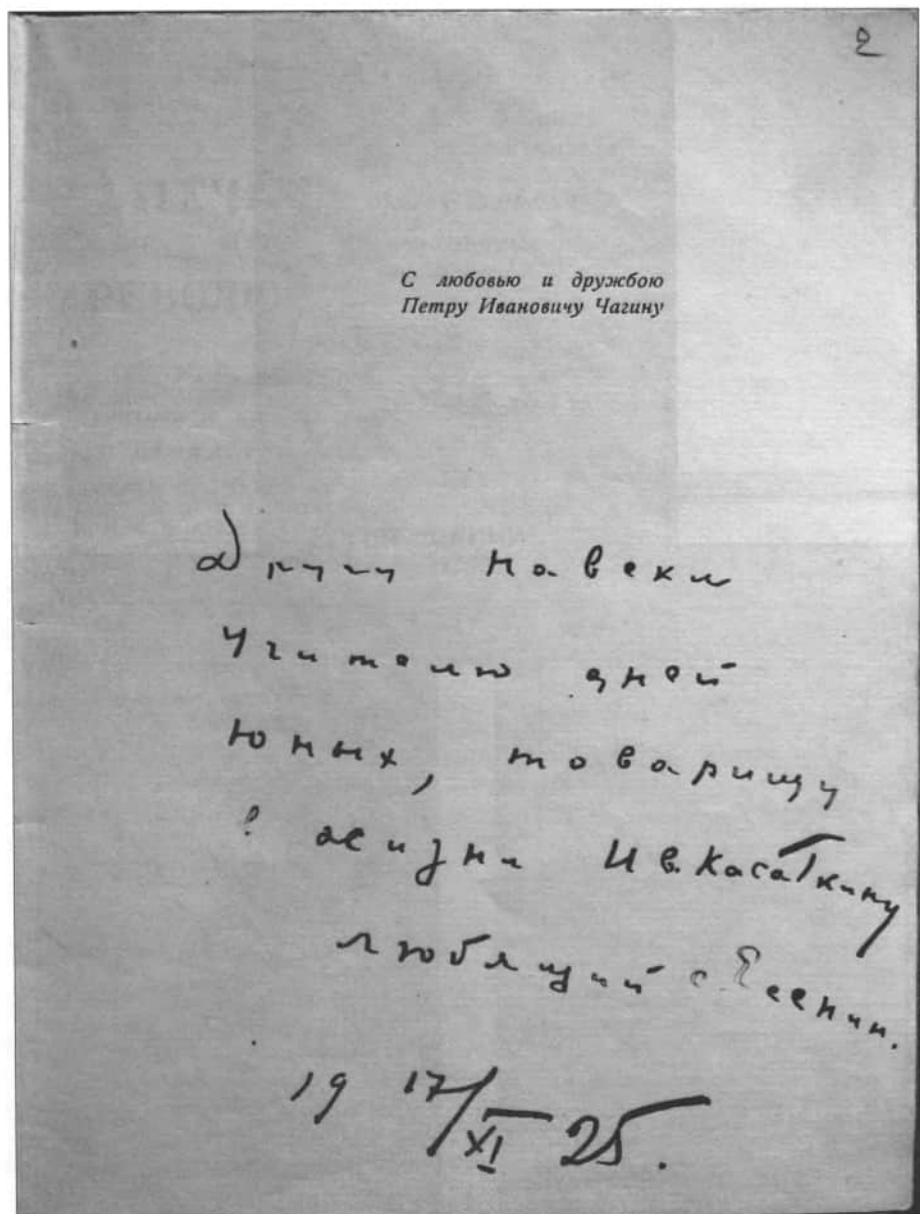
4

- Ах люблю я поэтов,
Зобовский карлу.
В них всегда находила
историю сердцу знакомую
Как прыщавой курянке
Алины Волошиной урод
Зоворит о мирах
Колодой истеклой истомой.

Не знаю не помню,
В одном селе,
может в Колузе,
А может в Рязани,
два ^{Юношья} ~~материки~~,
В простой крестьянской семье,
Мелтоволосой,
С голубыми глазами...

Y
- Горный человек!
ти прескверный гость.
эта слава давно
кро тебя разносится

С.А.Есенин. Дарственная надпись И.М.Касаткину
на книге «Персидские мотивы» (М., 1925). 17 ноября 1925.

Московский Городской Банк.
 Центральное Городское Отд. Отделение.

Расчетная книжка
 по БЕСЧЕКОВОМУ ТЕКУЩЕМУ СЧЕТУ

*Сергей Александрович
 Есенин*

Счет № *6506*

— 1 —

К. Г. Р. А. № 1000
 1925 г. № 100

		СУММА
		Рубли К.
19/11	Мамы	300 -
19/11	Алексей Есенин	200 -
19/11	Сестры	100 -
25/11	Сестры	500 -
27/11	Сестры	200 -
27/11	Сестры	500 -
27/11	Сестры	300 -

— 2 —

		СУММА
		Рубли К.
19/11	Перевод	300 -
19/11	Пл.	200 -
19/11	Оплата	100 -
19/11	Бухгалтерская	99 -
19/11	Оплата	1 -

Управляющий
 Кассир

Расчетная книжка Московского городского банка
 на имя С.А.Есенина. 1925.

4 рубашки
 2 пижамы
 2 носки
 ? Ко. носки
 ? плайки
 ? фляжечки
 12 вортильков

С.А.Есенин. Памятные записки о вещах, сделанные перед госпитализацией. Автограф.

- ~~...~~
 обязательно сделать
- 1) Обработать в госпиталь 2 однобортовые костюма магли и серби.
  - 2) отдать в починку Слюкинъ с протезной дырой.
  - 3) привести в порядок галюганъ с бельем разложить все отрубить.
  - 4) заказать трусики и шокосую шланги или торную рубашку.
  - 5) заказать башмаки по мери Колодки фасон шланги

Правое крыло клиники 1-го МГУ.
 Два правых окна на втором этаже — есенинская палата. Современное фото.

27 ноября 24
 миссия
 Верный перр! Ант, перр из Белин-уи
 оиде лед. Золот неждан, но вертайн
 и нийто неждан.
 Анди, ии нуно неибь перр
 и зрсея промодель на прелуде-
 бие ии тиря с пои сто
 спели ледой лучше бегу без
 фалеи чекорсв.
 С чубовичевея вспоминаю
 Вартакселю и моралнуку.
 и човарю
 что злучой бемисей
 Лучше слышачато анокто
 рубинителю и ледной.
 Эпол до Аутеласней.
 лредичо Мурки Краичуки.

2
 200 ойо нуно лне лемей зито
 молко зля мого зубеятея
 нис ой како спандиов. иубивиси
 зтой мю, лонни беге в кем и
 Вертайно лнеу да граничу.
 там и леравие лем краивей
 тем мошк пелье медицинские
 собаки.
 не лемичам човелу лаву
 лераву не криши в толову
 злалтея краивейны делам.
 ой бои мого. Ои би бемиси
 безе сто лорна огене галом
 с правленими севр. Анкивалос
 карьеров не молдай и ки
 злалние, в лавей лелити
 себя злалю и рого леме
 моралнелти. Вей лелому

3
 ми, вероятно стелю в гудиде
 уеудител, а лова зде анбуду
 зл личукии
 лемичам мого зиднио телован
 лрейи и лодушии за что ми
 брешис лемаси в лелати?
 ну мие леза и келра?
 кля лелю с ошом?
 леревой ии самое большое
 лредвстелюе
 лелелю ко мие зиднио молки
 иди риз. Ои лелю в бичинче
 с лотой. что мошк не злалн
 и что зл бичинчу леме неждан
 лоборлей зде бо пал зде лие
 ранше лемичи. Вей и бей.
 члчу
 пелю С. Бемини

С.А.Есенин. Письмо П.И.Чагину.
Автограф. 27 ноября 1925.

Клен ты мой опавший, клен заледенелый
 Это слышишь как шумят под ильмом берой?
 Или это увидел? Или это услышал?
 словно за деревню погулять ты вышел.

и как пьяный стором выйдя на дорогу
 Утокну в сугробе, приморозил козу

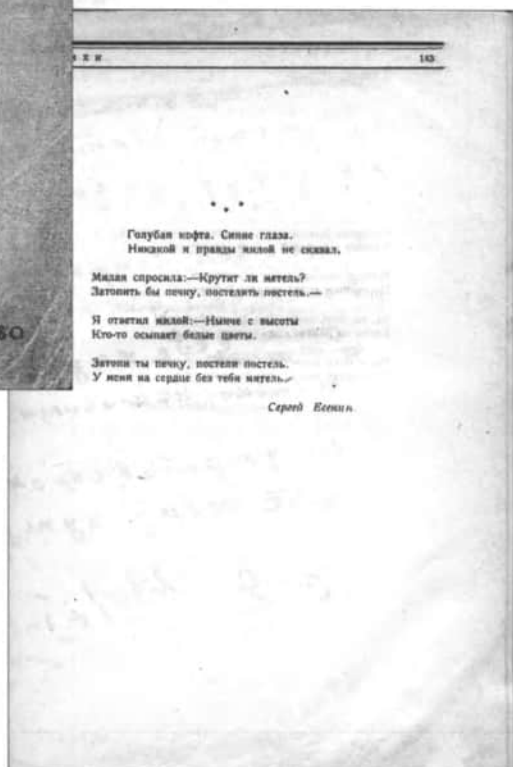
~~А ты не слышишь как шумят под ильмом берой?~~
~~Или это увидел? Или это услышал?~~
~~словно за деревню погулять ты вышел.~~

А и сам я ините той то сгал не стоюки
 Не дойду до дома с дружеской попойки

там бок встретил вербу там сосну прищипы
 раслевал чм лесни под ильмем о мое
 сам себе казался я таким же клёном
 только неопавшим а всюю зеленым

и утративскромность, очутивши в доску
 как жену тумул обнимал березку.

С Е 28 / XI 25

Голубая кофта. Синие глаза.
 Нижной и вранды нилой не скривал.

Милая спросила:—Крутит ли автель?
 Затопить бы печку, постелить постель.—

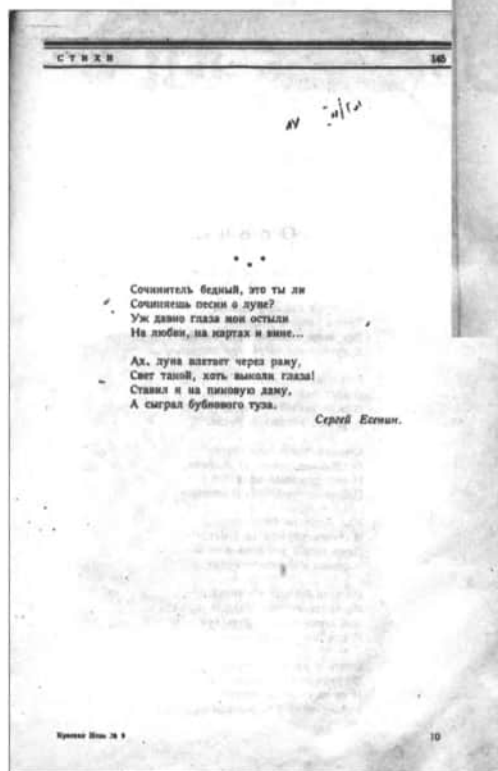
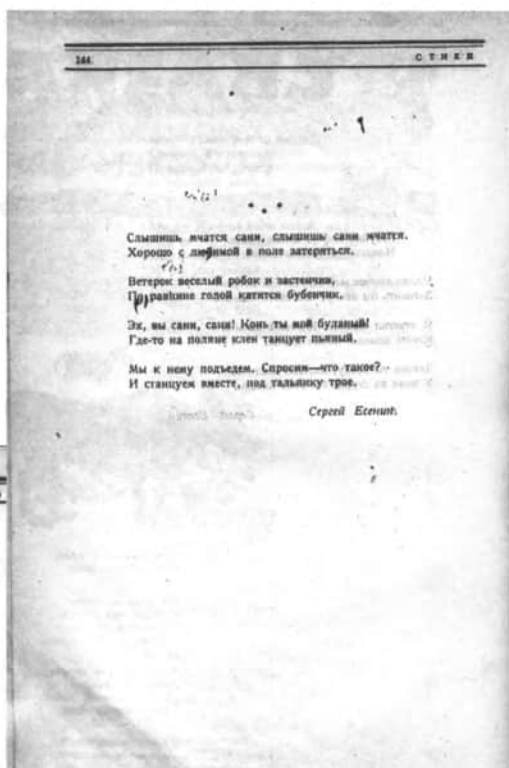
И ответил милый:—Ничего с высоты
 Кто-то осыпает белые цветы.

Зачем ты печку, постели постель.
 У меня на сердце без тебя иголки.

Сергей Есенин.

Журнал «Красная новь» (1925, № 9).

Обложка и страницы со стихотворениями Есенина «Голубая кофта. Синие глаза...», «Слышишь – мчатся сани, слышишь – сани мчатся...» и «Сочинитель бедный, это ты ли...»

19 ПИОНЕР № 23

СКАЗКА О Пастушонке Пете, его комиссарстве и КОРОВЬЕМ ЦАРСТВЕ

СОЧИНЯЛ СЕРГЕЙ ЕСЕНИН РИСОВАЛ К. РОТОВ

Пастушонку Петя
Трудно жить на свете,
Тонкой хворостинкой
Управляет скотиной.

Им бы лишь мечталось,
Да травка выдалась,
Трудно жить на свете
Пастушонку Петю.

ПИОНЕР № 23

13

Все колоски в поле,
Как любимая шель.

Но беда на свете
Каждый час готова:
Завелась Петя —
В ровик выйдет корова.

А шумит, как выгладит,
Размалет ручищей,
Да как в спину втыкает
Прямо козловатцем.

Тяжко хворостинкой
Управляет скотиной.

Вот приходит осень
С цыпью лавиной голяк,
Что шумит, как воевиль
Чертежку воевиль.

Мокрый аист с осины
И дорожные везок
Так и клещет в спину,
В спину и в загривок.

Елки да, кусты да —
Только впадет до ежики
Сапоги промокли,
Одеялка — тоже.

Несому открыться.
Весь, как есть, пропащий
Вспугивала птица
Улетает в чащу.

И дровишки полсутки
То душой, то телом.
Рассказать бы угрю,
Утка улетела.

Рассказать дубравам —
У дубравам опад.

Рассказать коровам —
Им бы только лопать.

Трудно хворостинкой
Управляет скотиной.

Милсуд Петя с жаром:
«То ли дело в мире —
Или он комиссаром
На своей квартире».

Знал бы все он сроки,
Был бы всех речистей,
Сбирал оброк,
Да дороги читал.

«То ли дело в мире
Или он комиссаром
На своей квартире»

Журнал «Пионер» (1925, № 23). Страницы с публикацией
«Сказки о пастушонке Пете, его комиссарстве и коровьем царстве» С.А.Есенина.

А по вязкой грязи,
По осенней тряске
Ездил в каждом разе
В волостной коляске.

И принесла Пете
Странный сон на свете.
.....

Все доступно в мире:
Пети комиссаром,
На своей квартире
С толстым самоваром.

Чай пьет на террасе,
Едет в трамвае,
Лучше нет на свете
Жизни, чем у Пети.

Но всегда недаром
Служат комиссаром:
Нужно знать все сроки,
Чтоб собирать оброк.

Чай, конечно, сладок,
А с вареньем — дивиденд.
Но бюрократия
Может, да не вклядит.

Нужно знать законы.
Ну, а где же Пете.
Он еще пикове
Держит в волосвете.

А вокруг совета,¹⁾
В дождь и непогоду,
С самого рассвета
Улыбца народу.

Наш народ весь голый;
Что ни день, то с треском;
То построй им школу,
То давай им хлеба.

Кто им наморо-чал,
Кто им наудачил.
Отчего-то ошыл.
Стыл им нужен трактор.

Ну, а где же Пете.
Он ведь пас слотину.
Понимал на свете
Только хворостину.

Вздан раз Петрушу
За живот, за душу —
Бросил в коляску,
Да как дал таску.

Тут проснулся Петька,
Сладко жить на свете.

Встава. А день, что надо:
Солнечный, заснеженный;
Легкая прохлада.
Освежает чащи.

Петька с кротким словом
Говорит коровам:
«Не хочу я даром
Бить в комиссаром».

А над ним береза,
Веткой утиралась,
Говорит слезою слезам,
Тихо улыбаясь:

«Тяжело на свете
Бить для всех примером».
Будь ты лучше, Петька,
Раньше пионером».

Малышам в остротку,
В юморный день осенний,
Написала ту сказку
Я — Сергей Есенин.

ИСТОРИЯ БОЛЕЗНИ

ФИО: *Есенин С.А.*
 Дата рождения: *30.12.1895*
 Адрес: *ул. Садовая-Кавказская, д. 10*

ОСНОВНАЯ ЖАЛОБА: *Почти непрерывная головная боль, тошнота, головокружение, слабость, потеря аппетита.*

УСЛОВИЯ ТРУДА И СЕМЬИ: *Работа в типографии, 8 часов в день.*

РАБОТА: *Ведущий наборщик.*

Семейная история: *Женат, 2 детей.*

Питание: *Нормальное.*

Алкоголь: *Не употребляет.*

Табак: *Не курит.*

Пребывание на воздухе: *Среднее.*

Спортивные занятия: *Нет.*

Наследственность: *Нет.*

Дети: *2 сына.*

Перенесенные инфекции: *Корь, скарлатина, дифтерия.*

Другие заболевания: *Нет.*

ИССЛЕДОВАНИЯ ПО ОРГАНАМ

СУБЪЕКТИВНЫЕ ДАННЫЕ	ДАнные ОБЪЕКТИВНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ
Органы пищеварения	
Аппетит: <i>слабый</i>	Язык: <i>чистый</i>
Диспепсия: <i>отсутствует</i>	Желудок: <i>нормальный</i>
Боли: <i>в эпигастрии</i>	Кишечник: <i>нормальный</i>
Стул: <i>нормальный</i>	Печень: <i>нормальная</i>
	Жел. пузырь: <i>нормальный</i>
Органы дыхания	
Кашель: <i>отсутствует</i>	Горло: <i>нормальное</i>
Резкий запах: <i>нет</i>	Параназальные пазухи: <i>нормальные</i>
Мокрота: <i>отсутствует</i>	Аускультация: <i>нормальная</i>
Задыхание: <i>нет</i>	Артриты: <i>отсутствуют</i>
Геморрагическая сыпь: <i>нет</i>	Сердечно-сосудистая система
Средних размеров: <i>нормальный</i>	Сердце: <i>нормальное</i>
Систолическое давление: <i>110/70</i>	Сосуды: <i>нормальные</i>
Диастолическое: <i>70</i>	Селезенка: <i>нормальная</i>
Боли: <i>отсутствуют</i>	Почки: <i>нормальные</i>
	Мочевыводящая система
Мочеиспускание: <i>нормальное</i>	Почки: <i>нормальные</i>
Половая жизнь: <i>нормальная</i>	Мочевой пузырь: <i>нормальный</i>
	Моча: <i>нормальная</i>
	Нервная система
Сон: <i>нормальный</i>	Рефлексы: <i>нормальные</i>
Головокружение: <i>частое</i>	Дрожания: <i>отсутствуют</i>
Самочувствие: <i>слабое</i>	Общий вид: <i>слабый</i>
Рост: <i>175 см</i>	Вес: <i>65 кг</i>
Живот: <i>нормальный</i>	Секундарная гипертензия: <i>отсутствует</i>
	Сек. гипертензия: <i>отсутствует</i>
	Мускулатура: <i>нормальная</i>

ДАнные ЛАБОРАТОРНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Лаборатория: *№ 125-79*

ДАнные РЕНТГЕНОСКОПИИ

Кривая верха и дуга асимметричны, носовая - симметрична. Височные кости: верхняя дуга - нормальная, нижняя - расширена. Зубы: нормальные. Суставы: нормальные. Сердце: нормальное. Легкие: нормальные. Печень: нормальная. Мочевой пузырь: нормальный. Мозг: нормальный.

Дата	Последующие наблюдения	Примечание

История болезни С.А.Есенина, заведенная в поликлинике внутренних болезней и общеклинической амбулатории 1-го МГУ. 5 декабря 1925.

Какая ночь! Я не могу,
 Не гляди на меня с упреком...
 Ты меня не любишь, не жалеешь...
 Может поздно, может слишком рано...
 В душе беспредельно одиноко.
 Ты же, одинокий мой,
 Не забудь себя никогда,
 Пусть тебе будет трудно жить,
 Но нас ты будешь и окружать.
 Пусть совершенные черты
 Не исчезают никогда,
 Пусть фантазия не перестанет,
 Как и раньше ты не отступай.
 Любви твоей ласка и тепло,
 Вот что мне так нужно,
 Пусть любовь, как и прежде,
 В сердце моем живет.
 Не дай мне, о счастье твое,
 Так и быть вдали от тебя,
 Не дай мне так же уйти,
 Не дай мне так же уйти.
 Ты обещала мне любовь,
 Ты не даешь, а я жду,
 Ты не даешь, а я жду,
 Ты не даешь, а я жду.
 Ты не даешь, а я жду,
 Ты не даешь, а я жду,
 Ты не даешь, а я жду.
 Ты не даешь, а я жду,
 Ты не даешь, а я жду,
 Ты не даешь, а я жду.

Какая ночь! Я не могу,
 Не гляди на меня с упреком...
 Ты меня не любишь, не жалеешь...
 Может поздно, может слишком рано...
 В душе беспредельно одиноко.
 Ты же, одинокий мой,
 Не забудь себя никогда,
 Пусть тебе будет трудно жить,
 Но нас ты будешь и окружать.
 Пусть совершенные черты
 Не исчезают никогда,
 Пусть фантазия не перестанет,
 Как и раньше ты не отступай.
 Любви твоей ласка и тепло,
 Вот что мне так нужно,
 Пусть любовь, как и прежде,
 В сердце моем живет.
 Не дай мне, о счастье твое,
 Так и быть вдали от тебя,
 Не дай мне так же уйти,
 Не дай мне так же уйти.
 Ты обещала мне любовь,
 Ты не даешь, а я жду,
 Ты не даешь, а я жду,
 Ты не даешь, а я жду.
 Ты не даешь, а я жду,
 Ты не даешь, а я жду,
 Ты не даешь, а я жду.
 Ты не даешь, а я жду,
 Ты не даешь, а я жду,
 Ты не даешь, а я жду.

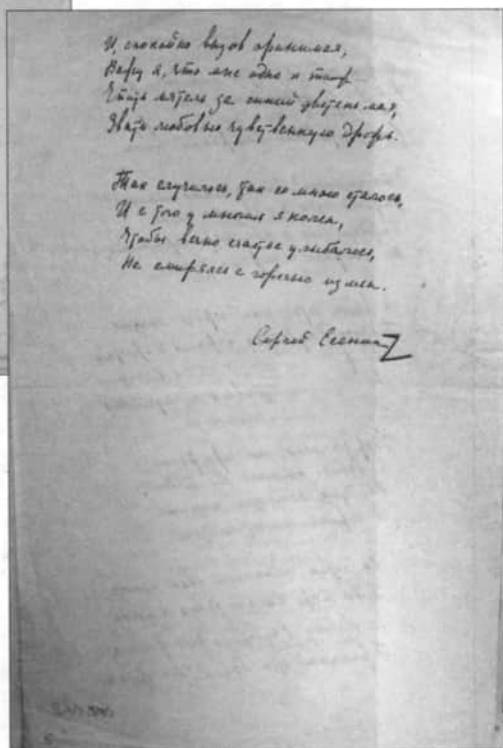
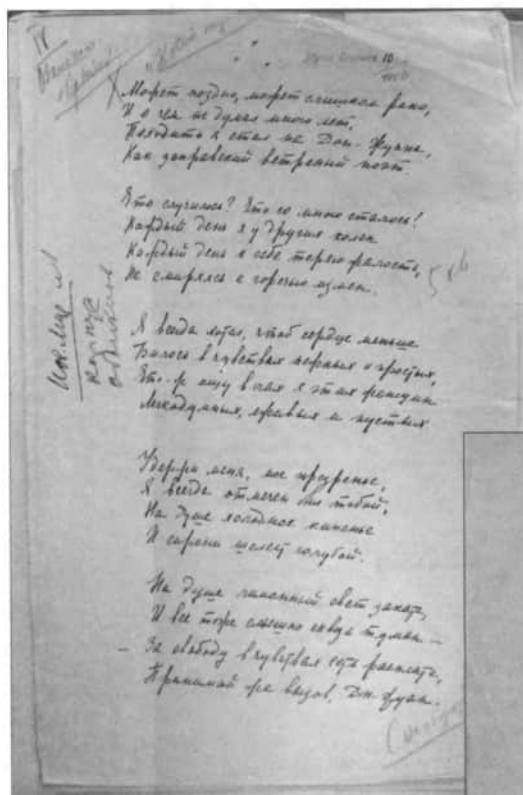
Какая ночь! Я не могу,
 Не гляди на меня с упреком...
 Ты меня не любишь, не жалеешь...
 Может поздно, может слишком рано...
 В душе беспредельно одиноко.
 Ты же, одинокий мой,
 Не забудь себя никогда,
 Пусть тебе будет трудно жить,
 Но нас ты будешь и окружать.
 Пусть совершенные черты
 Не исчезают никогда,
 Пусть фантазия не перестанет,
 Как и раньше ты не отступай.
 Любви твоей ласка и тепло,
 Вот что мне так нужно,
 Пусть любовь, как и прежде,
 В сердце моем живет.
 Не дай мне, о счастье твое,
 Так и быть вдали от тебя,
 Не дай мне так же уйти,
 Не дай мне так же уйти.
 Ты обещала мне любовь,
 Ты не даешь, а я жду,
 Ты не даешь, а я жду,
 Ты не даешь, а я жду.
 Ты не даешь, а я жду,
 Ты не даешь, а я жду,
 Ты не даешь, а я жду.
 Ты не даешь, а я жду,
 Ты не даешь, а я жду,
 Ты не даешь, а я жду.

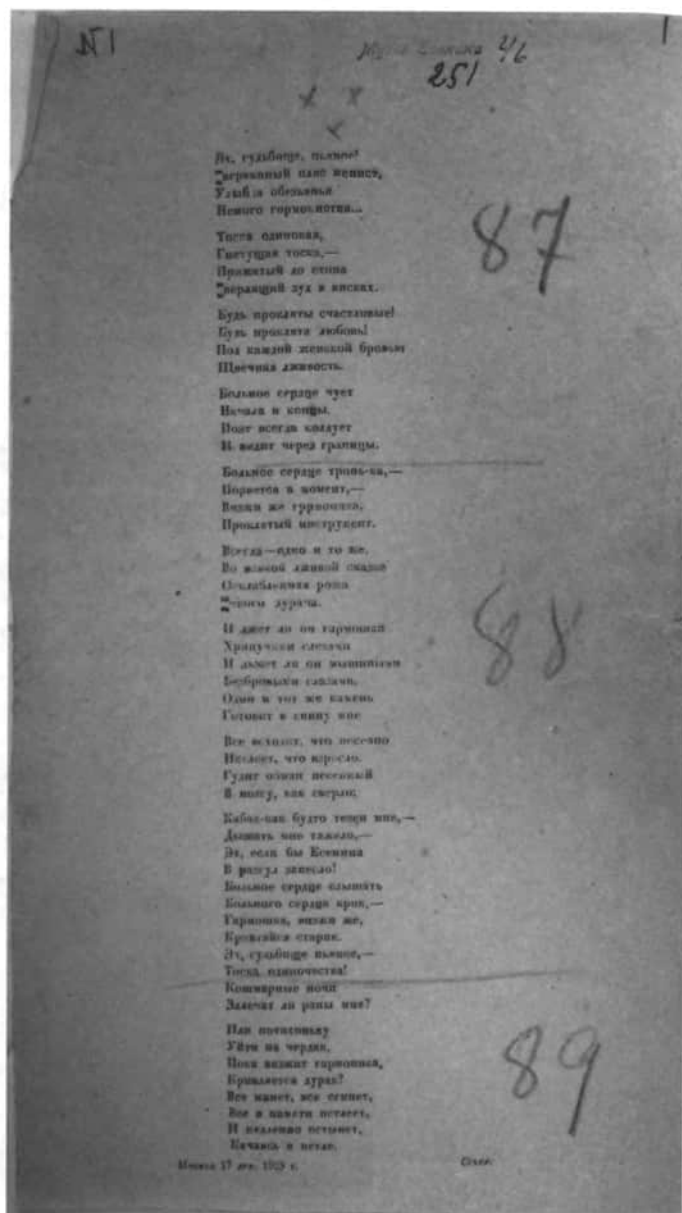
Какая ночь! Я не могу,
 Не гляди на меня с упреком...
 Ты меня не любишь, не жалеешь...
 Может поздно, может слишком рано...
 В душе беспредельно одиноко.
 Ты же, одинокий мой,
 Не забудь себя никогда,
 Пусть тебе будет трудно жить,
 Но нас ты будешь и окружать.
 Пусть совершенные черты
 Не исчезают никогда,
 Пусть фантазия не перестанет,
 Как и раньше ты не отступай.
 Любви твоей ласка и тепло,
 Вот что мне так нужно,
 Пусть любовь, как и прежде,
 В сердце моем живет.
 Не дай мне, о счастье твое,
 Так и быть вдали от тебя,
 Не дай мне так же уйти,
 Не дай мне так же уйти.
 Ты обещала мне любовь,
 Ты не даешь, а я жду,
 Ты не даешь, а я жду,
 Ты не даешь, а я жду.
 Ты не даешь, а я жду,
 Ты не даешь, а я жду,
 Ты не даешь, а я жду.
 Ты не даешь, а я жду,
 Ты не даешь, а я жду,
 Ты не даешь, а я жду.

С.А.Есенин. Стихотворения «Какая ночь! Я не могу...», «Не гляди на меня с упреком...», «Ты меня не любишь, не жалеешь...», «Может поздно, может слишком рано...».

Списки рукой С.А.Толстой-Есениной.

Наборный экземпляр для публикации в журнале «Новый мир».

Е.Сокол. Стихотворение «Эх, гульбище пьяное...», посвященное С.А.Есенину.
Гранки с редакционными пометами и с авторской датой: 17 декабря 1925.

H. VII. č. 51-52.

803

Anna Achmatova:
NEDOVŘENÉ DVEŘE.

Lípy voní z dveří.
Oči páli víčka.
Zapomenut leží
hříšek, rukavička.

Od lampy kruh hlutý...
Naslouchám... cos šumí...
Proč jsi šel pryč, krutý?
kdo jen chápat umí...

Radostné a jasné
jítro zítřka rdí se.
Žití je přec krásné.
Srdce, umoudři se!

Ty jsi stíchlo zcela,
biješ slabě, hluše.
Čtouc já vždy se chvěla:
Nesmrtelná duše...

(Přel. D. Šetek.)

Já nešla zavřít dveří třás,
ní svíci rozžehnout;
znavena, ani nevš jak,
já nešla ulehnout.

Já hleděla, jak zvolna dus'
v soumraku chvojí den;
svým zvukem zpil mne jakýs hlas,
jea tvému podoben.

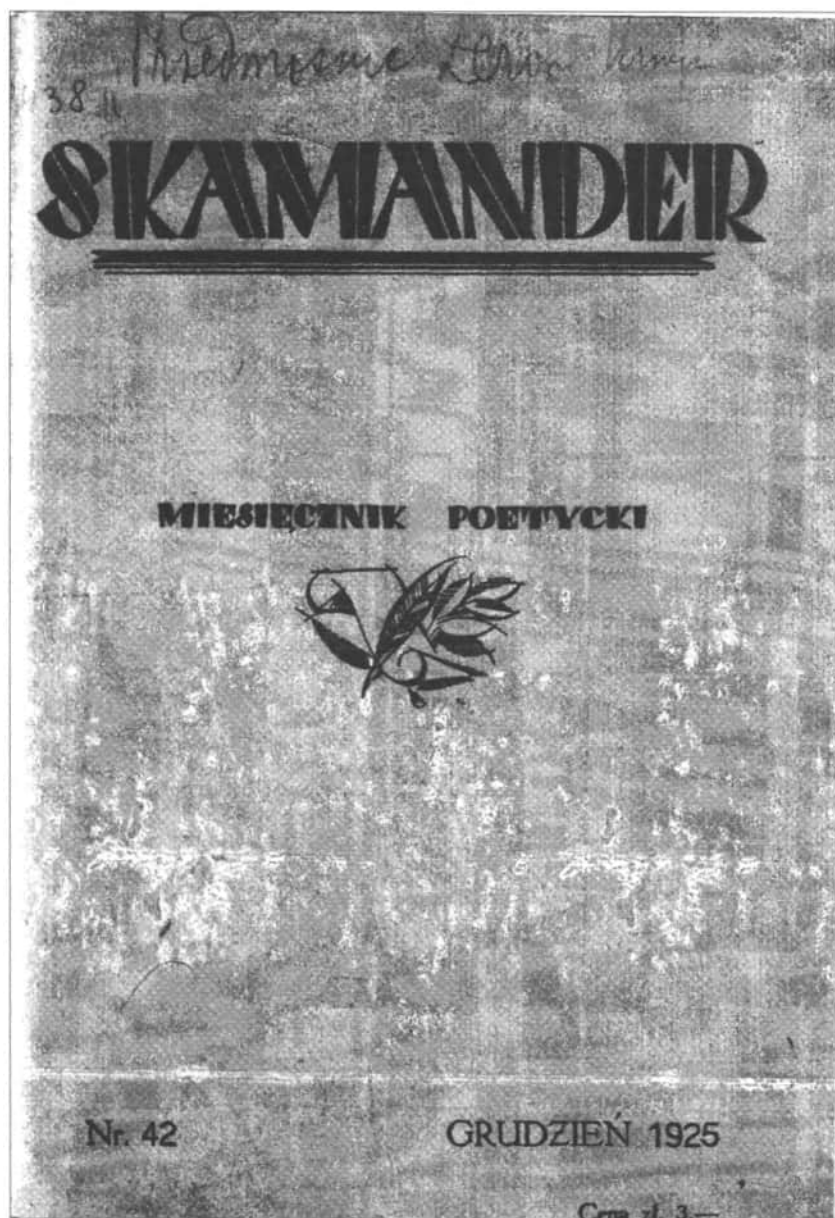
Vše ztraceno je, vím to, vím,
že život — přival béd!
Ó, přesvědčením byto mým,
že ty zas přijdeš zpět.

(Přel. Otto Babler.)

Sergěj Jesenin:
V POLÍCH.

V polích je ticho, a kohout jen zpívá,
ze zlatých obláček měsíc se dívá.
Barevné máhy se k pahorkům vinou,
vidím, jak mávají peruti sinou.
Zvolna se vynořil z dolin a stromů
pod akalou štít máho rodného domu.
Z ranního deště a koňského potu
od černé země tak zavonělo tu!
Všecko je tak, jako v minulém čase,
faka i stádo, jež nad ní se pase.
Jenom ty jívý nad pahorkem rudým
šatem už mávají vetchým a chudým.
Ve světě zmizel či umřel kdos v kraji,
nikdo už nespívá na vršku v háji.
Rodný krb dumā a ve sny se noří,
o těch, kdož zašli kdes ve tmách a v hoří.
V koutku, kde posvátné ikony visí,
měsíc si stříbrnou kašičku mísí.
Klid jenom přeruší v hluboké tísni
pod peci tenoučné písknutí myší.

(Přel. M. Marčanová.)

Журнал «Skamander» (Варшава, 1925, № 42). Обложка и страницы со стихотворениями С.А.Есенина «То не тучи бродят за вином...», «Я покинул родимый дом...», «Отвори мне, страж заоблачный...» в переводе Владислава Броневского на польский язык.

To nie chmury, nie mgły nad dolina
dokoła.
Matka Boska uczyniła dla syna
kolacz.
Słodkościami nasyciła żyto,
masłem.
I upiekła, i złożyła cicho
w jasną.
Bawili się nim małe, aż usnął
rosnącym.
Wypadł z rąsaczk posłane kolacz
na siano.
I potoczył się ten kolacz za wrota
zbożem.
Zamącały łry błękitną duszę
bożą.
Matka Boska rady synaczkowi
dawała:
Nie płacz, nie płacz, moje łabędziatko,
mój mały.
Na tej ziemi wszyscy ludzie w troskach
i w smutku.
Trzeba im choć jedną dać zabawkę
małutką.
Straszno im, gdy ciemną nocą
w mgłę są,
Dalam imię, temu kołaczowi:
miesiąc.

352

Porzuciłem mój dom rodzinny
i błękitną Ruś porzuciłem.
Trzy gwiazdeczki zapala brzoźna,
żeby smutkiem matce świeciły.

Złota żabka się księżycę wyłonił
i na cichej rozpostarł się wodzie.
Mama ojcu okwitał ją jaskini
słwa włosy rozlały się w brodzie.

Ja nieprędko, nieprędko powrócę.
Długo śpiewać wichurom po drodze,
Wiernie strażę błękitnej Rusi
stary klon mój na jednej nodze.

Jest w nim radość, jeśli scalać
kropki deszczu z listy zielonych.
To dlatego, że moja głowa
do staro podobna kłonu.

353

Otwórzcie mi, stróżo anieli,
błękitne podwoje dale
O północy anioł w hali
z moim wiernym koniem aniki.

Koń mój Bogo niepotrzebny!
Koń mój — sła ma i noc!
Słyszę: gryzie łącuch srebrny,
ryż łalanie w głuszą noc.

Widzę: pędzi wśród zamieci,
łazę gwieńcie grubo saron,
jak z miesiąca z niegło łeci
szereż bolana w kłęby chmur.

Sergiusz Jesienin
przetłumaczył
Władysław Broniewski

354

С. Есенин
(1925 г.)

С.А.Есенин.
Рисунок неизвестного художника.

Список условных сокращений

- Бак. раб., Бакраб — газ. «Бакинский рабочий», Баку, 1906–1995, 1997.
- Болдовкин-2003 — *В.Болдовкин*. Он всем нам родной / Публ. и коммент. Г.И.Шипулиной и Н.Г.Юсова // Слово. М., 2003. № 2. С. 84–99.
- В семье родной — *Наталья Есенина*. В семье родной: Новые материалы о Сергее Есенине. М.: Сов. писатель, 2001.
- Вдовин — *В.А.Вдовин*. Факты — вещь упрямая: Труды о С.А.Есенине. М.: [Новый индекс], 2007.
- Вержбицкий — *Николай Вержбицкий*. Встречи с Есениным: Воспоминания. Тбилиси: Заря Востока, 1961.
- ВЛ — журн. «Вопросы литературы», М., с 1958.
- Воронская — *Воронская Г.А.* Воспоминания. М.: Протей, 2002.
- Восп., 1, 2 — сб. «С.А.Есенин в воспоминаниях современников», т. 1–2 / Вступ. ст., сост. и коммент. А.А.Козловского, М.: Худож. литература, 1986.
- Восп.-65 — сб. «Воспоминания о Сергее Есенине» / Под общ. ред. Ю.Л.Прокушева. Сост. и примеч. А.А.Есениной, Е.А.Есениной, К.Л.Зелинского, А.А.Козловского, С.П.Кошечкина, Ю.Л.Прокушева. М.: Моск. рабочий, 1965.
- Восп.-95 — сб. «Сергей Есенин в стихах и жизни: Воспоминания современников» / Сост. и общ. ред. Н.И.Шубниковой-Гусевой, подгот. текстов и коммент. С.П.Кошечкина и др. М.: Республика, 1995.
- Г₁₈ — *Сергей Есенин*. Голубень. СПб.: Револуц. социализм, 1918.
- Г. тр. кр. — газ. «Голос трудового крестьянства», М., 1917–1919.
- Гост. — журн. «Гостиница для путешествующих в прекрасном», М., 1922–1924.
- Грж. — *Есенин Сергей Александрович*. Собрание стихов и поэм. Том первый. Берлин — Пб. — М.: изд. З.И.Гржебина, 1922.
- Дроздов-2007 — *В.А.Дроздов*. Есенин и роспуск имажинистской группы // Есенинская энциклопедия: Концепция. Проблемы. Перспективы: Материалы Междунар. науч. конф. М.; Константиново; Рязань: Пресса, 2007. С. 420–435.
- ЕИС — сб. «Есенин и современность» / Ред. В.Г.Базанов. М.: Современник, 1975.
- Есенин, I–VII (1–3) — *Сергей Есенин*. Полное собрание сочинений в семи томах [девяти книгах] / Институт мировой литературы им. А. М. Горького РАН / Гл. ред. Ю.Л.Прокушев; Ред. коллегия: Л.Д.Громова, Н.В.Есенина, С.П.Есенина, С.П.Кошечкин, Ф.Ф.Кузнецов, Г.И.Ломидзе, Л.А.Озеров, Н.Н.Скатов, В.В.Сорокин. — М.: Наука — Голос, 1995–2000 [т. I–VII (2)]; М.: Наука, 2001 [т. VII (3)].
- Есенин и мировая культура — сб. «Есенин и мировая культура: Материалы Междунар. науч. конф., посвященной 112-летию со дня рождения С.А.Есенина», М.; Константиново; Рязань: Пресса, 2008.
- З. Вост. — газ. «Заря Востока», Тифлис–Тбилиси, 1922–1991.

Инвентаризационный каталог — Инвентаризационный каталог изданий Госиздата, «Прибоя» и «Военного вестника» 1923–1928 на 1 января 1929 г. / (Торговый сектор: Отдел учета). М.: Л.: Гос. изд-во, 1929.

Как жил Есенин — сб. «Как жил Есенин: Мемуарная проза» / Сост., послесл. и коммент. А.Л.Казакова. Челябинск, Южно-Уральское кн. изд-во, 1992.

Календарь ГМТ — «Малый передвижной календарь на 1925 год», принадлежавший С.А.Толстой-Есениной, с ее пометами (ГМТ).

Катанян — В.Катанян. Маяковский: Хроника жизни и деятельности. Изд. 5-е, доп. М.: Сов. писатель, 1985.

Кн. летопись — «Книжная летопись» (Пг.-Л.).

Комментарий — Комментарий к Собранию сочинений С.А.Есенина. Составители С.А.Толстая-Есенина и Е.Н.Чеботаревская. 1940–1941 (ГЛМ).

Кр. нива — журн. «Красная нива», М., 1923–1931.

Кр. новь — журн. «Красная новь», М., 1921–1942.

Летопись, 1 — Летопись жизни и творчества С.А.Есенина. В 5 т. Т. 1: 1895–1916 / Гл. ред. Ю.Л.Прокушев. М.: ИМЛИ РАН, 2003.

Летопись, 2 — Летопись жизни и творчества С.А.Есенина. В 5 т. Т. 2: 1917–1920 / Гл. ред. А.Н.Захаров. М.: ИМЛИ РАН, 2005.

Летопись, 3 (2) — Летопись жизни и творчества С.А.Есенина. В 5 т. Т. 3: 1921–1923. Кн. 2: 10 мая 1922 — 2 авг. 1923 / Гл. ред. А.Н.Захаров. М.: ИМЛИ РАН, 2008.

Летопись, 4 — Летопись жизни и творчества С.А.Есенина. В 5 т. Т. 4: 3 авг. 1923–1924 / Гл. ред. Н.И.Шубникова-Гусева. М.: ИМЛИ РАН, 2010.

ЛЖТГ-3 — Летопись жизни и творчества А.М.Горького. В 4 вып. / ИМЛИ им. А.М.Горького АН СССР. М.: Изд-во АН СССР, 1959. Вып. 3: 1917–1929.

ЛН — неперіодич. сб. «Литературное наследство», М., с 1931.

ЛР — газ. «Литературная Россия», М., с 1963.

Лукницкий-91 — Лукницкий П.Н. Асуміана: Встречи с Анной Ахматовой. [В 2 т.]. Париж: YMCA-PRESS, 1991, т. 1.

М. каб. — Есенин. Москва кабацкая. Л.: [Б. и.], 1924.

Материалы — сб. «С.А.Есенин: Материалы к биографии» / Отв. ред. Н.Б.Волкова; сост., подгот. текстов, коммент. Н.И.Гусевой, С.И.Субботина, С.В.Шумихина. М.: Историч. наследие, 1992 (фактически — 1993).

Мой век — сб. «Мой век, мои друзья и подруги: Воспоминания Мариенгофа, Шершеневича, Грузинова» / Сост., указатель имен С.В.Шумихина и К.С.Юрьева, вст. ст., коммент. С.В.Шумихина. М.: Моск. рабочий, 1990.

Наб. экз. — наборная рукопись первого, второго и третьего томов «Собрания стихотворений» Есенина, подготовленная им в 1925 г. (ГЛМ).

НКВД — Народный комиссариат иностранных дел СССР.

НЛО — журн. «Новое литературное обозрение», М., с 1993.

НМ — журн. «Новый мир», М., с 1925.

Новое о Есенине, 3 — «Столетие Сергея Есенина: Международный симпозиум: Есенинский сб. Вып. III» / ИМЛИ им. А.М.Горького РАН / Отв. ред. Ю.Л.Прокушев; Ред.-сост. А.Н.Захаров, Ю.Л.Прокушев. — М.: Наследие, 1997. — (Новое о Есенине. 3).

ОГПУ (ГПУ) — Объединенное государственное политическое управление при Совете народных комиссаров СССР.

ОриР — Сергей Есенин. О России и революции. М.: Современ. Россия, 1925.

Памяти Есенина — сб. «Памяти Есенина». М.: Всероссийский союз поэтов, 1926.

Переписка — Андрей Белый и Иванов-Разумник: Переписка / Публ., вступ. ст. и коммент. А.В.Лаврова и Джона Малмстада. СПб.: Atheneum; Феникс, 1998.

Перс. мот., Персмотивы — *Сергей Есенин*. Персидские мотивы. М.: Соврем. Россия, [1925].

Письма — сб. «Сергей Есенин в стихах и жизни: Письма. Документы» / Общ. ред. Н.И.Шубниковой-Гусевой; сост. С.П.Митрофановой-Есениной и Т.П.Флор-Есениной; коммент. С.П.Митрофановой-Есениной, С.И.Субботина и др.; подгот. текстов и указатель имен С.И.Субботина. М.: Республика, 1995.

Повицкий — *Лев Повицкий*. О Сергее Есенине и не только... / Сост. И.Л.Повицкий. М.: Апарт, 2006.

P₁₆ — *Сергей Есенин*. Радуница. Пг.: изд. М.В.Аверьянова, 1916.

P₂₀ — *Сергей Есенин*. Радуница. [М.]: Имажинисты, 1920 [факт. 1921].

PЗЕ, 1, 2 — сб. «Русское зарубежье о Есенине: Воспоминания, очерки, эссе, статьи» / Вступ. ст., сост. и коммент. Н.И.Шубниковой-Гусевой. М.: ИНКОН, 1993, т. 1 и 2.

PЛ — журн. «Русская литература» (Л. — СПб., с 1958).

Ройзман — *М.Ройзман*. Всё, что помню о Есенине. М.: Сов. Россия, 1973.

САЕ — сб. «Сергей Александрович Есенин: Воспоминания» / Под ред. Ив.Евдокимова. М.; Л.: ГИЗ, 1926.

Сергей Есенин в Грузии — сб. «Сергей Есенин в Грузии: “Товарищи по чувствам, по перу...”» / Сост. и ред. Г. Бебутов. Тбилиси: Мерани, 1986.

СЕФ — Сергей Есенин: [Фотоальбом]. М.: Издание Екатерины Есениной, 1928.

Собр. ст. — *Сергей Есенин*. Собрание стихотворений, тт. 1–3. М.; Л.: Госиздат, 1926; т. 4: Стихи и проза. М.; Л.: Госиздат, 1927.

Ст₂₄ — *С.Есенин*. Стихи (1920–24). М.; Л.: Круг, 1924.

Стр. сов. — *С.Есенин*. Страна советская. Тифлис: Сов. Кавказ, 1925.

Субботин-96 — *С.Субботин*. «Не тебя я люблю, дорогая...» // Терра инкогнита. М., 1996. № 2/3. С. 26–31.

Субботин-2011 — *С.И.Субботин*. Новое о Есенине: Дмитрий Шепеленко рассказывает... // Сергей Есенин: Диалог с XXI веком: Сб. науч. трудов по материалам Междунар. науч. симпозиума, посвященного 115-й годовщине со дня рождения С.А.Есенина. М.; Константиново; Рязань: [б. и.], 2011. С. 484–492.

Субботин-2012 — *С.И.Субботин*. Есенин в Баку: К хронологии событий апреля-мая 1925 г. // Биография и творчество Сергея Есенина в энциклопедическом формате: Сб. науч. трудов по материалам Междунар. науч. конф., посвященной 116-летию со дня рождения С.А.Есенина. М.; Константиново; Рязань: [б. и.], 2012. С. 123–137.

T₂₁ — *Сергей Есенин*. Трерядница. [М.:] Имажинисты, 1921.

Тетр. ГЛМ — тетради Есенина с газетными, журнальными и книжными вырезками отзывов о нем и о его творчестве (ГЛМ).

Хроника, 2 — *В.Белюсов*. Сергей Есенин: Лит. хроника. М.: Сов. Россия, 1970. Ч. 2.

Цветаева–Пастернак — *Марина Цветаева — Борис Пастернак*. Души начинают видеть: Письма 1922–1936 гг. / Подгот. Е.Б. Коркина и И.Д. Шевеленко. М.: Вагриус, 2004.

Шипулина-90 — *Г.Шипулина*. Сергей Есенин в бакинской прессе 20-х годов // «Радунца»: Информац. сб.» / Добровольное о-во любителей книги РСФСР; Есенинское о-во «Радунца» при Моск. гор. отделении ВООПиК. М., 1990. № 2. С. 44–52.

Шипулина-2005 — *Г.Шипулина*. Я — северный ваш друг и брат // Лит. Азербайджан, Баку, 2005. № 11. С. 112–125.

Шубникова-Гусева — *Н.И.Шубникова-Гусева*. Поэмы Есенина: От «Пророка» до «Черного человека»: Творческая история, судьба, контекст и интерпретация. М.: ИМЛИ РАН: Наследие, 2001.

Шубникова-Гусева-2008 — *Н.И.Шубникова-Гусева*. Сергей Есенин и Галина Бениславская. СПб.: Росток, 2008.

Эрлих — *В.Эрлих*. Право на песнь. Л.: Изд-во писателей в Ленинграде, 1930.

Юсов-94 — *Н.Г.Юсов*. Прижизненные издания С.А.Есенина: библиогр. справочник. М.: Златоцвет, 1994.

Юсов-96 — *Н.Г.Юсов*. «С добротой и щедротами духа...»: Дарственные надписи Сергея Есенина / Науч. ред. и автор послесл. С.П.Кошечкин, Челябинск: Лит.-изд. артель «Алексей Казаков со товарищи»; Челябинское полиграфич. объединение «Книга», 1996.

Юсов-2012 — *Н.Г.Юсов*. Известный и неизвестный Есенин. М.: Новый индекс, 2012.

РАН — Архив Российской Академии наук (Москва).

ГАРФ — Государственный архив Российской Федерации (Москва).

ГЛМ — Государственный литературный музей Российской Федерации. Отдел рукописных фондов (Москва).

ГМЗЕ — Государственный музей-заповедник С.А.Есенина (с. Константиново Рязанской обл.).

ГМТ — Государственный музей Л.Н.Толстого (Москва).

ИМЛИ — Институт мировой литературы им. А.М.Горького Российской академии наук. Отдел рукописей (Москва).

ИРЛИ — Институт русской литературы (Пушкинский Дом) Российской академии наук. Рукописный отдел (Санкт-Петербург).

Музей МХТ — Музей Московского Художественного театра им. А.П.Чехова.

РГАЛИ — Российский государственный архив литературы и искусства (Москва).

РГАСПИ — Российский государственный архив социально-политической истории (Москва).

РГБ — Российская государственная библиотека. Отдел рукописей (Москва).

ЦА ФСБ РФ — Центральный архив Федеральной службы безопасности Российской Федерации (Москва).

ЦАГМ — Центральный архив города Москвы.

Указатель произведений и книг С.А.Есенина

- Автобиография (1922) *см.* Сергей Есенин (1922)
- Автобиография (1924) 375
- Автобиография (1925) *см.* О себе
- Анна Снегина 5, 13, 20, 21, 42, 46, 50, 54, 55, 62, 67, 78, 88, 101, 103, 106, 107, 114, 115, 120, 121, 129, 130, 144, 147, 218, 220, 237, 239, 249, 262, 263, 287, 294, 295, 300, 301, 308–309, 314, 315, 321, 333, 336, 337, 345, 348, 358–362, 429, 447, 462 («Анна Снежина»), 504, 505, 527, 575, 576, 615–619, 626–630, 654–657, 668, 696, 701
- «Ах, как много на свете кошек...» 413, 415, 441, 458, 506, 538, 622, 758
- «Ах, метель такая, просто чёрт возьми!...» 407, 454
- Базар *см.* «На плетнях висят баранки...»
- Баллада о двадцати шести 42, 135, 139, 367, 368, 377, 396, 424, 498, 552, 562
- Баллада о 26, Баллада о 26 расстрелянных бакинских комиссарах *см.* Баллада о двадцати шести
- Береза, Березка *см.* «Зеленая прическа...»
- Березовый ситец, *книга* 10, 13, 169, 189, 219, 233, 239, 240, 252, 262, 266, 268, 275, 278–280, 282, 287, 298, 308, 311, 314, 322, 331, 338, 356–357, 367, 368, 371, 378, 388, 398, 411, 471, 497–498, 560, 619, 621, 698, 739
- Богомолки *см.* «По дороге идут богомолки...»
- <<Буря воеет, буря злится...>> 583–584
- «Быть поэтом — это значит то же...» 373, 374, 478, 479, 543
- «В том краю, где желтая крапива...» 182, 213, 240, 257, 283
- В хате 213, 240, 258, 283, 381, 450, 463
- «В Хороссане есть такие двери...» 117–118, 171–173, 184, 249, 478, 532–533
- «В этом мире я только прохожий...» 415, 441, 458, 478, 506, 538, 622, 758
- Весна 24, 43, 45, 70, 139, 174–175
- «Вечер черные брови насопил...» 188
- «Вечером синим, вечером лунным...» 407, 454, 567, 579
- «Видели ли вы...» *см.* Сорокоуст
- «Видно, так заведено навеки...» 301, 338, 367, 416, 422, 446, 512, 554
- «Вижу сон. Дорога черная...» 324, 330, 347
- Возвращение на родину 42, 46, 56, 57, 63, 85, 87, 94, 98–99, 135, 136, 139, 167, 192, 207, 208, 211, 222, 232, 236, 244, 257–260, 319, 349, 403, 447, 500–501, 558, 562, 619, 700
- «Воздух прозрачный и синий...» 36, 185, 187, 216, 223, 249, 478
- Волчья гибель *см.* «Мир таинственный, мир мой древний...»
- «Вот за это веселие мути...» *см.* «Мне осталась одна забава...»
- «Вот оно, глупое счастье...» 240, 283
- «Вот уж вечер. Роса...» 476
- «Всё живое особой метой...» 14, 37, 94, 231, 240, 256–258, 283, 320
- «Выпкался на озере алый свет зари...» 476
- Г₁₈ *см.* Голубень, *книга*
- «Где ты, где ты, отчий дом...» 213, 240
- Гелии *см.* «Голубая да веселая страна...»
- «Глупое сердце, не бейся...» 374, 442, 478, 479

- Годы молодые см. «Годы молодые с забубенной славой...»
- «Годы молодые с забубенной славой...» 94, 96, 136, 231, 280, 477
- «Гой ты, Русь, моя родная...» 14, 37, 109, 188, 213, 240, 256
- «Голубая да веселая страна...» 11, 36, 178, 180, 181, 209, 223, 376, 377, 442, 478, 618, 622, 678, 763
- «Голубая кофта. Синие глаза...» 407, 452, 536, 565, 579, 624, 786
- «Голубая родина Фирдуси...» 36, 117, 118, 171–172, 184, 249, 478, 616, 661
- Голубень 37, 213, 240, 283, 388
- Голубень, *книга* 37, 251, 253, 258, 367, 368, 385, 402, 548, 799
- «Гори, звезда моя. не падай...» 385, 387, 479, 511, 556
- Грж. см. *Собрание стихов и поэм. Т. 1 (1922)*
- «Грубым дается радость...» 92
- Гуляй-поле см. Ленин (Отрывок из поэмы «Гуляй-поле»)
- Гусляр см. «Тёмна ноченька, не спит-ся...»
- «Да! Теперь решено. Без возврата...» 8, 14, 96, 102, 188, 477
- Дама с лорнетом 181, 213–215, 618, 691
- 26-ть см. Баллада о двадцати шести
- Две поэмы, *книга (не выходила)* 32, 33, 76
- «День ушел, убавилась черта...» 463
- Джим см. Собака Качалова
- «Дождик мокрыми метлами чистит...» см. Хулиган
- «Дорогая, сядем рядом...» 207, 374
- «Душа грустит о небесах...» 213, 240, 258
- «Дымом половодье...» 476
- «Есть одна хорошая песня у соловушки...» см. Песня
- «Еще закон не отвердел...» см. Ленин (Отрывок из поэмы «Гуляй-поле»)
- Железный Миргород 242, 416
- Жеребенок см. Сорокоуст
- «Жизнь — обман с чарующей тоскою...» 385, 387, 477–479, 573
- «За горами, за желтыми долами...» 463, 464
- «За темной прядью перелесиц...» 14, 37, 153, 213, 240, 256–258
- «Заглушила засуха засевок...» 258
- «Задымился вечер, дремлет кот на бруссе...» 476
- «Заиграй, сыграй, тальяночка, малиновы меха...» 476
- «Закружилась листва золотая...» 213, 240, 283, 420
- «Заметался пожар голубой...» 37
- «Запели тесаные дроги...» 213, 240, 257, 258, 283, 419
- «Заря окликает другую...» 213, 228, 233, 286, 446, 477, 618, 693
- «Зашумели над затоном тростники...» 476
- «Звени, звени, златая Русь...» см. «О верю, верю, счастье есть!...»
- «Зеленая прическа...» 27, 123, 153, 209, 240, 258, 487, 560
- «Земля моя златая!...» см. Иорданская голубица
- «Золото — текучее луны...» см. «Золото холодное луны...»
- «Золото холодное луны...» 185, 187, 216, 223, 233, 249, 286, 369, 478
- Избранное, *книга (1922)* 252, 256, 258, 439
- Избранное, *книга (1946)* 36
- Избранные произведения, *книга (не выходила)* 62, 63, 414, 423, 439
- Избранные стихи, *книга* 13, 107, 227, 252, 283–286, 294, 311, 362, 363, 388, 440, 450, 619, 620, 704, 705, 722
- Инония 38, 63, 78, 174, 212, 235, 253, 368, 403–404, 419, 442, 460, 461, 464, 478, 502, 547, 575, 611
- Инония (Inonion), *книги (не выходили)* 252, 253
- Иорданская голубица 63, 153, 213
- Исповедь хулигана 7, 37, 39, 40, 93, 96–98, 113, 131, 206–208, 225, 240, 318, 358, 360, 368, 370, 374,

- 394, 403, 420, 442, 526, 544, 577,
620, 728
- Исповедь хулигана, *книга* 90, 167, 252,
258, 286
- Исус младенец, *книга* 251, 253, 258
- К матери *см.* Письмо матери
- К Пушкину *см.* Пушкину
- «Каждый труд благослови, удача!...»
337, 340, 367, 416, 422, 446, 470, 552
- «Какая ночь! Я не могу...» 407, 557,
575, 583, 592, 624, 792
- Калики 476
- Капитан Земли 34, 35, 245
- «Клен ты мой опавший, клен заледене-
лый...» 188, 407, 555, 624, 785
- Ключи Марии, *книга* 251
- Кобыльи корабли 213, 370
- Корова 188, 213, 240, 258, 283, 367, 450
- «Край любимый! Сердцу снятся...»
153, 213, 240, 256, 283, 359, 477
- «Край ты мой заброшенный...» 213,
240, 256, 283
- «Кто я? Что я? Только лишь мечта-
тель...» 557, 575
- Ленин (Отрывок из поэмы «Гуляй-
поле») 19, 30, 35, 43, 48, 49, 80, 139,
207, 424
- Ленин *см.* Капитан Земли
- Лисица 283
- «Листья падают, листья падают...»
396, 399, 446, 482
- Любовь хулигана, *цикл* 63, 93, 96, 185,
192, 207, 240, 267, 477
- М. каб. *см.* Москва кабацкая, *книга*
- Марфа Посадница 37, 91, 257, 320, 367
- «Матушка в купальницу по лесу ходи-
ла...» 37, 213, 476
- Махно *см.* Страна Негодяев
- «Мелколесье. Степь и дали...» 407,
478, 480, 567, 576
- Метель 20, 24, 40, 43, 45, 48, 135, 139,
219, 255
- Микола 40
- «Мир таинственный, мир мой древ-
ний...» 97, 138, 191, 231, 245, 258,
259, 547
- «Мне грустно на тебя смотреть...» 93
- «Мне осталась одна забава...» 188, 239,
477
- «Может, поздно, может слишком ра-
но...» 557, 572, 575, 583, 624, 792,
793
- Мой путь 42, 45, 79, 101, 106, 115, 147,
202, 247, 249, 368, 398, 424, 435,
562, 616, 617, 660, 668
- «Море голосов воробьиных...» 375,
376, 478, 620, 730
- Москва кабацкая, *книга* 23, 68, 72–74,
92–94, 131, 132, 151, 152, 206–208,
211, 231, 252, 253, 258, 267, 286,
317–319, 323, 328, 385, 449, 477,
561, 575, 617, 618, 683, 800
- Москва кабацкая, *цикл* 8, 56, 63, 85, 96,
99, 102, 113, 120, 121, 134–136, 138,
158, 170, 189, 192, 232, 235, 236,
240, 245, 260, 262, 302, 363, 394,
400, 403, 453, 545, 551
- Мреть, *цикл* 240, 268
- «Мы теперь уходим понемногу...» 56,
63, 85, 93–95, 136, 153, 188, 244,
403, 477
- На Кавказе 42, 68, 139, 151, 167, 175,
189, 193, 278, 562, 615, 643
- «На плетнях висят баранки...» 213, 476
- На родине *см.* Возвращение на родину
- «Над окошком месяц. Под окошком ве-
тер...» 396, 399, 478
- «Наша вера не погасла...» 463
- «Не бродить, не мять в кустах багря-
ных...» 153, 240, 257, 258
- «Не вернусь я в отчий дом...» 226, 233,
235, 346, 410, 447, 477, 556, 590
- «Не гляди на меня с упреком...» 557,
564, 575, 583, 624, 792
- «Не жалею вязи дней прошедших...»
440
- «Не жалею, не зову, не плачу...» 73,
85, 94, 113, 126, 127, 132, 231, 240,
258, 283, 383, 392, 403, 442, 477,
498, 552
- «Не криви улыбку, руки теребя...» 454
- «Не напрасно дули ветры...» 153, 213,
240

- «Не ругайтесь! Такое дело...» 391, 477
 Небесный барабанщик 213, 456, 464, 478
 «Небо, как колокол...» *см.* Иорданская голубица
 «Небо ли такое белое...» 176, 331
 «Несказанное, синее, нежное...» 58, 173, 177, 205, 225, 345, 395, 582
 «Неуютная жидкая лунность...» 242, 245, 306, 479, 618, 619, 697, 711
 Нечто о себе 466, 622, 759
 «Нивы сжаты, роши голы...» 27, 153, 209, 213, 240, 257, 283, 487, 560
 «Низкий дом с голубыми ставнями...» 58, 249, 477
 «Низкий дом с расписными ставнями...» *см.* «Низкий дом с голубыми ставнями...»
 «Никогда я не был на Босфоре...» 33–35, 101, 158, 243, 249, 478, 616, 653
 «Никогда я не забуду ночи...» 145–146, 617, 667
 Новые стихи, *книга (не выходила)* 65, 440
 Номах *см.* Страна Негодяев
 «Ночь и поле, и крик петухов...» 7, 240, 579, 624, 795
 «Ну, целуй меня, целуй...» 199, 223, 226, 233, 237, 286, 328, 369
 «Ну и что же зима бесснежная...» *см.* «Несказанное, синее, нежное...»
 «О верю, верю, счастье есть!...» 194, 240
 «О край дождей и непогоды...» 14, 153, 213, 240, 256, 257
 «О красном вечере задумалась дорога...» 8–9, 94, 153, 213, 240, 257, 258, 580, 616, 650, 651
 О Ленине *см.* Ленин (Отрывок из поэмы «Гуляй-поле»)
 О пастушке Пете, его комиссарстве и коровьем царстве *см.* Сказка о пастушонке Пете, его комиссарстве и коровьем царстве
 <О резолюции ЦК РКП(б) о художественной литературе> 330–331
 О России и революции, *книга* 13, 44, 75, 213, 219, 222, 252, 267, 348, 367, 368, 398, 399, 464, 478, 504, 618, 621, 690, 739, 800
 «О Русь, взмахни крылами...» 37, 91, 213, 258, 377, 558
 О себе 466, 492–494, 602, 616
 «О товарищах веселых...» 213, 240, 367
 Октоих 318
 «Опять раскинулся узорно...» 463, 464
 ОРиР *см.* О России и революции, *книга*
 Осень 240, 257, 258, 318
 Осень (с. 8, 94) *см.* «О красном вечере задумалась дорога...»
 Осень (с. 27, 209, 487, 560) *см.* «Нивы сжаты, роши голы...»
 Ответ 43, 46, 139, 283, 561
 <Ответ редакции «Новой вечерней газеты»> 511, 528
 «Отвори мне, страж заоблачный...» 611, 624, 696
 «Отговорила роща золотая...» 153, 211, 249, 477
 Отчарь 38, 63, 213
 «Отчего луна так светит тускло...» 379, 380, 445–446, 478, 481, 482, 621, 734
 Памяти Ширяевца *см.* «Мы теперь уходим понемногу...»
 Пантократор 14, 173, 213, 240, 256, 257, 268, 367, 383, 617, 677
 Пармен Крямин, *поэма (замысел)* 601
 Пастух *см.* «Я пастух, мой палаты...»
 «Пахнет рыхлыми драчёнами...» *см.* В хате
 Певущий зов 38, 559
 1 мая 54, 220, 223, 245
 Перс. мот. *см.* Персидские мотивы, *книга*
 Персидский мотив *см.* «Отчего луна так светит тускло...»
 Персидские мотивы, *книга* 10, 13, 36, 106, 107, 185, 200, 221, 247, 249, 252, 253, 315, 322, 326, 327, 346, 348, 350, 367, 368, 405, 434, 439, 458, 478, 527, 529, 560, 562, 563, 619, 620, 623, 698, 715, 779, 801

- Персидские мотивы, *цикл* 5, 13, 19, 21, 23, 34, 35, 40, 88, 101, 120, 129, 132, 136, 173, 175, 185, 187, 194, 205, 217, 218, 222, 227, 228, 243, 249, 267, 365, 374–376, 380, 442, 477, 478, 527, 531, 537, 542, 543, 616, 620, 622, 653, 730, 763
- Персидские стихи *см.* Персидские мотивы, *цикл*
- Персмотивы *см.* Персидские мотивы, *книга*
- Песни забулдыги, *цикл* 63, 403, 477
- «Песни, песни, о чем вы кричите...» 39, 153, 213, 240, 283
- Песнь о великом походе 12, 19, 25–27, 32, 33, 35, 51, 76, 87, 100, 113, 122, 186, 222, 228, 232, 246, 281, 314, 367, 368, 398, 424, 482, 483, 504, 505, 579, 623, 765
- Песнь о великом походе, *книга* 13, 138, 157, 169, 174, 186, 189, 194, 201, 220, 228, 244, 385, 398, 435, 439, 504, 617, 671–673
- Песнь о собаке 95, 188, 240, 283, 388, 450
- Песнь о советском походе *см.* Песнь о великом походе
- Песнь о хлебе 95, 213, 240, 258, 278, 445
- Песня («Есть одна хорошая песня у соловушки...») 11, 181, 188, 199, 223, 226, 233, 235, 241, 276, 280, 281, 286, 343, 352–355, 457, 477
- Песня о собаке *см.* Песнь о собаке
- «Пил я водку, пил я виски...» 436
- Письмо деду 43, 48, 90, 137, 138, 159, 161, 552, 562, 617, 674
- Письмо к деду *см.* Письмо деду
- Письмо к женщине 33, 35, 42, 80, 135, 139, 364, 398, 562
- Письмо к матери *см.* Письмо матери
- Письмо к матери (с. 364, 562) *см.* Письмо от матери
- Письмо к сестре 199, 225, 233, 339
- Письмо матери 56, 85, 94, 95, 116, 136, 187, 188, 232, 237, 257, 268, 445, 477, 551, 578, 619, 703
- Письмо от матери 33, 43, 46, 135, 139, 283, 364, 368, 388, 562
- «Плачет метель, как цыганская скрипка...» 407, 454
- «По дороге идут богомолки...» 463
- «По селу тропинкой кривенькой...» 283
- «Под венком лесной ромашки...» 463
- Подражание Омар Хаяму *см.* «Голубая да веселая страна...»
- Подражанье песне 476
- «Поет зима – акает...» 466 («Воробушки»), 476
- «Пойду в скуфейке, светлый иннок...» *см.* «Пойду в скуфье смиренным иноком...»
- «Пойду в скуфье смиренным иноком...» 258
- «Пой же, пой. На проклятой гитаре...» 477
- «По-осеннему кычет сова...» 213, 240, 283, 392, 558
- После скандалов, *цикл* 63, 99, 193, 207, 240
- Поэма о 36 32, 33, 46, 54, 75, 76, 213, 368, 424, 504, 505
- Поэтам Грузии 42, 139
- Предисловие (1924) 404
- Преображение 8, 9, 66, 169–170, 228, 611, 616, 618, 649, 694
- Преображение, *книга* 27, 37–39, 68, 163, 251, 256, 258, 367
- Пропавший месяц 477
- «Проплясал, проплакал дождь весенний...» 37, 240, 317
- «Прощай, Баку! Тебя я не увижу...» 242–245
- Прощание с Мариенгофом 145
- Пугачев 9, 48, 49, 57, 70, 163, 191, 225, 252, 257, 312, 313, 319, 359, 389, 442, 467, 468, 504, 515, 526, 575–577, 611, 615, 616, 636, 644–645
- Пугачев, *книга* 54, 78, 167, 252, 253, 258, 389, 504
- «Пускай ты выпита другим...» 258
- «Пускай я порою от спирта вымок...» 203–204, 223

- Пушкину 63, 193, 207, 477
 Р₁₆, Р₂₀ см. Радуница, книга
 Радовцы, повесть см. Анна Снегина
 Радуница, книга 37, 163, 247, 251–253, 258, 262, 317, 354, 367, 370, 385, 402, 464, 475, 476, 493, 505, 594, 801
 «Разбуди меня завтра рано...» 69, 213, 240
 Ржаные кони, книга (не выходила) 440
 «Руки милой — пара лебедей...» 375, 376, 445, 478, 482, 620, 729
 Русь 213, 240, 257, 268, 283, 450
 Русь беспризорная см. Русь бесприютная
 Русь бесприютная 42, 45, 53–54, 70, 83, 139, 150, 172–173, 396, 562
 Русь московская см. Русь советская, книга
 Русь советская 7, 9, 35, 42, 44, 56, 63, 70, 85, 87, 94, 98–100, 113, 135–137, 139, 170, 186, 189, 193, 207, 208, 211, 212, 222, 230, 232, 240, 257, 283, 314, 319, 363, 368, 370, 372, 376, 388, 401–403, 434, 437, 443, 444, 447–449, 470, 500, 501, 503, 552, 558, 560–562, 578, 581–582, 618, 620, 689,
 Русь советская, книга 43, 44, 46–48, 112, 135, 252, 253, 315, 363–364, 367, 368, 398–400, 414, 433, 443, 499, 502, 618, 621, 683, 739
 Русь уходящая 33, 35, 42, 46, 139, 167, 210, 283, 368, 500, 512, 561, 562
 Рыбак см. «Под венком лесной ромашки...»
 Рябинный костер см. Рябиновый костер, цикл
 Рябиновый костер, книга (не выходила) 276, 298, 300, 389, 457, 458, 477
 Рябиновый костер, проект загл. кн. «Персидские мотивы» 200, 221, 227, 458
 Рябиновый костер, цикл 249, 368, 563
 «Сани. Сани. Конский бег...» 494
 Сборник стихов см. Собрание стихов и поэм. Т. 1 (1922)
 «Свет вечерний шафранного края...» 33–36, 101, 158, 243, 249, 478, 616, 653
 «Свет шафранный вечернего края...» см. «Свет вечерний шафранного края...»
 «Свишет ветер, серебряный ветер...» 407, 465, 506, 536, 556
 Сельский часослов 259
 Сельский часослов, книга 37, 251, 258
 Сергей Есенин (1922) 9, 14, 37, 94, 95, 256, 262, 278, 537, 616, 650–652
 «Синий день. День такой синий...» 494
 «Синий май. Заревая теплынь...» 226, 233, 237, 341, 342, 389, 449, 452, 620, 719
 «Синий туман. Снеговое раздолье...» 431–432, 434, 435, 542, 576, 622, 752, 753
 Сказка о пастушке Пете, его комиссарстве и коровьем царстве см. Сказка о пастушонке Пете, его комиссарстве и коровьем царстве
 Сказка о пастушонке Пете, его комиссарстве и коровьем царстве 455–457, 506, 566, 568, 571, 622, 624, 756, 788
 «Слышишь — мчатся сани, слышишь — сани мчатся...» 407, 452, 565, 579, 624, 786, 787
 «Снег, словно мед ноздреватый...» 463
 «Снежная зямь дробится и колется...» 407, 429, 479, 509, 573
 «Снежная зямь крутит бойко...» 407, 454, 579
 «Снежная равнина, белая луна...» 407, 454
 «Снова выплыли годы из мрака...» см. Сукин сын
 «Снова пьют здесь, дерутся и плачут...» 477
 Собаке Качалова 127, 128, 176, 177, 188, 229, 237, 617, 677
 Собр. ст. см. Собрание стихотворений. Т. 1–3 (1926), т. 4 (1927)

- Собрание сочинений *см.* Собрание стихотворений. Т. 1–3 (1926), т. 4 (1927)
- Собрание стихов и поэм. Т. 1 (1922) 70, 252, 379, 475–477, 799
- Собрание стихотворений. Т. 1–3 (1926), т. 4 (1927) 5, 13, 23, 34, 36, 145, 171, 185, 188, 196, 284, 287, 288, 294, 309–311, 321, 325, 326, 333, 344, 347, 353, 375, 378, 386, 389, 405, 408, 411–413, 428, 429, 432, 451, 453, 454, 457, 458, 463–465, 474–476, 478, 479, 492, 494, 496, 497, 504, 505, 520, 522, 536, 558, 567, 574, 591, 597, 600–602, 619
- Советская Русь *см.* Русь советская
- «Сойди, явись нам, красный конь...» *см.* Пантократор
- Сорокоуст 14, 37, 39, 93, 97, 110–111, 113, 138, 191, 208, 234, 256, 257, 259, 370, 467, 547, 590, 620, 725
- «Сохнет стаявшая глина...» 7, 140, 258, 617, 666
- «Сочинитель бедный, это ты ли...» 454, 474, 565, 579, 622, 624, 762, 786, 787
- «Спит ковыль. Равнина дорогая...» 329, 330, 347, 356, 371, 416, 453
- Ст₂₄ *см.* Стихи (1920–24), *книга*
- Стансы 13, 26, 43, 54, 81, 84–86, 90, 91, 101, 138, 139, 167, 185, 390, 391, 460, 461, 561, 562
- Стихи, *книга см.* Стихи (1920–24), *книга*
- Стихи и поэмы *см.* Собрание стихов и поэм. Т. 1 (1922)
- Стихи о которой, *цикл* 557, 567, 575, 600
- Стихи скандалиста, *книга* 252, 358
- Стихи (1920–24), *книга* 19, 33, 46, 47, 54 («книжка “Круга”»), 92, 94, 95, 113, 115–117, 125, 133, 146, 152, 186, 206, 208, 229, 240, 250, 252, 258, 268, 306, 317, 319, 322, 324, 379, 385, 388, 423, 433, 471, 497, 499, 502, 577, 618, 685, 801
- «Сторона ль ты моя, сторона...» 477
- Стр. сов. *см.* Страна советская, *книга*
- Страна березового ситца *см.* Березовый ситец, *книга*
- Страна Негодяев 42, 139, 207, 225 («Страна Бандитов»), 287, 439, 440, 504, 622, 754
- Страна советская, *книга* 10, 13, 14, 42–44, 48, 50, 77, 79–82, 87, 119, 135, 139, 167, 184, 196, 252, 253, 385, 498, 560–563, 615, 617, 633, 666, 801
- Сукин сын 112, 159, 249, 477, 616, 659
- «Сыплет черемуха снегом...» 153, 213, 476
- «Сыпь, гармоника! Скука... Скука...» 167, 477
- «Сыпь, тальянка, звонко, сыпь, тальянка, смело!...» 408, 457, 478
- Т₂₁ *см.* Трерядница, *книга*
- Табун 213, 240
- «Так всегда. За пьяною пирушкой...» 494
- «Там, где капустные грядки...» 476
- «Тёмна ноченька, не спится...» 463
- «Темнолесье, степь и дали...» *см.* «Мелколесье, степь и дали...»
- «Теперь любовь моя не та...» 240
- «Тихий ветер. Вечер сине-хмурый...» 365, 620, 723
- «Тихо в чаще можжевеля по обрыву...» *см.* Осень
- «То не тучи бродят за овином...» 258, 610, 624, 796
- Товарищ 37, 38, 91, 173, 190, 253, 258, 268, 315, 450, 617, 675
- «Топи да болота...» 153, 213, 240, 257, 278
- «Тот ураган прошел...» *см.* Русь советская
- Трерядница, *книга* 163, 252, 258, 318, 367, 801
- Тридцать шесть, *книга (не выходила)* 75, 76
- Триптих, *книга* 23, 78, 252, 258
- «Троицыно утро, утренний канон...» 476
- «Туча кружево в роше связала...» 213, 476

- «Тучи как озёра...» см. Отчарь
«Тучи с ожерёба...» 165, 213
«Ты ведь видишь, что небо серое...»
494
«Ты ведь видишь, что ночь хорошая...»
494
«Ты запой мне ту песню, что прежде...» 415, 441, 458, 506, 538, 622,
758
«Ты меня не любишь, не жалеешь...»
557, 565, 575, 583, 624, 792
«Ты поила коня из горстей в поводу...»
см. Подражание песне
«Ты сказала, что Саади...» 19, 23, 132,
249, 478, 532
«Ты такая ж простая, как все...» 37
«Улеглась моя былая рана...» 132, 194,
249, 478
Ус 38, 91
«Устал я жить в родном краю...» 167,
190, 213, 240, 283
«Хороша была Танюша, краше не было
в селе...» 463
«Хорошо под осеннюю свежесть...»
213, 240, 283, 558
Хулиган 213, 240, 257, 258
Цветы 23, 484, 569
«Цветы мне говорят — прощай...» 23,
478, 484, 567, 576
«Черная, потом пропахшая выть!...»
188, 213, 240, 256–257, 283
Черный человек 5, 407, 424, 439, 504,
505, 507, 509, 510, 512–514, 520–
522, 533, 535, 554, 583, 596, 597,
623, 772–778
«Шаганэ ты моя, Шаганэ!...» 19, 125,
126, 132, 188, 215, 217, 249, 478,
531–532
Ширяевцу см. «Мы теперь уходим по-
немногу...»
«Эта улица мне знакома...» 477
«Этой грусти теперь не рассыпать...»
58, 187, 188, 249, 477
«Эх, вы, сани! А кони, кони!...» 406,
407, 427–428, 478, 479, 509, 536, 573
«Я иду долиной. На затылке кепи...» 7,
343, 372, 373, 376, 395, 421, 441,
620, 621, 720, 732, 733
«Я красивых таких не видел...» 413,
415, 441, 458, 506, 538, 622, 758
«Я обманывать себя не стану...» 132,
208, 258, 477
«Я пастух, мои палаты...» 213, 240,
278, 381
«Я по первому снегу бреду...» 153,
214, 240
«Я покинул родимый дом...» 214, 240,
611, 624, 796
«Я помню, любимая, помню...» 343,
372, 405, 460, 621, 742, 743
«Я последний поэт деревни...» 14, 69,
214, 240, 256–258, 278, 283, 318,
359, 388, 450
«Я снова здесь, в семье родной...» 188,
214, 240
«Я спросил сегодня у менялы...» 36,
132, 175, 194, 249, 478
«Я усталым таким еще не был...» 136,
192, 207, 477, 551
Яр 63

Указатель имен

- А-а, авт. письма в журн.
«Красное студенчество» 538
А. Андр. 59
А.-В. 168
Аверьянов М.В. 251, 258, 801
Аверьянова Л.И. 538
Агапитова А.В. 237, 273, 329
Агапов Б.Н. 555
Агрба В.А. 71
Адалис (Ефрон А.Е.) 209, 556
Адамович Г.В. 8, 50, 74, 123, 391, 444, 454, 516, 526
Адресат (псевд.) 123
Адонц Г.Г. 312, 391, 392, 398, 455, 621, 738
Адуев (Рабинович) Н.А. 147, 555
Азадовский М.К. 295, 349
Айседора *см.* Дункан А.
Аксельрод И.В. 227, 350
Аксёнов И.А. 22, 141, 153, 158, 161, 179, 555, 617, 667
Акульшин Р.М. 90, 130, 276, 352, 490, 556
Алданов (Ландау) М.А. 53
Александр Сергеевич *см.* Есенин-Вольпин А.С.
Александров А.Н. 27, 166, 209, 210, 487, 560
Александров Б. 408
Александрова Н.Г. 209, 210
Александровский В.Д. 76, 100, 121, 134, 143, 176, 182, 234, 263, 402, 414, 450, 469, 481, 530, 544, 616, 664
Алексеев Г.В. 577
Алексинский Г.А. 84
Ал-ий К. *см.* Алтайский (Королёв) К.Н.
Алипанов Е.И. 114, 377
Алтайский (Королёв) К.Н. 68, 356, 388, 408
Алтаузен Д.М. 90, 130, 544, 556
Альтман Н.И. 9, 94, 95
Амелина А.В. 7, 16, 102, 244, 611
Амшинский М. 168
Анатолий *см.* Мариенгоф А.Б.
Ангарский (Клёстов) Н.С. 256
Андреев В.Я. 367
Андреев Л.В. 367
Андреев Л.Н. 143, 208
Андреев Я.С. 367
Андреева И. (Бабёнышева И.П.) 491
Андрей Михайлович *см.* Соболев А.М. (Ю.М.)
Андроникашвили-Пильняк К.Б. 125, 407
Аникина О.Л. 16
Аничкова (Таубе-Аничкова) С.И. 396
Анна Абрамовна *см.* Берзинь А.А.
Анненский И.Ф. 323, 338, 526
Антокольский П.Г. 402, 530, 555
Антон Крайний *см.* Гиппиус З.Н.
Анциферов Н.П. 580
Арватов Б.И. 569
Арго (Гольденберг А.М.) 147, 555
Аренс Л.Е. 388
Аронсон А.Я. 580, 586–589, 595
Артамонов М.Д. 123, 259
Арцыбашев М.П. 53, 153, 162
Асеев Н.Н. 50, 62, 193, 302, 303, 323, 368, 377, 399, 402, 418, 419, 446, 455, 488, 489, 512–514, 520, 522, 544, 555, 560
Астахов В.И. 264
Астрейко А.П. 9
Атюнин И.Г. 271
Афанасьев, стихотворец (Самара) 571
Афанасьев П.О. 381
Ахматова А. (Горенко А.А.) 20, 45, 48, 53, 59, 62, 89, 123, 242, 323, 343, 394, 397, 402, 455, 486, 490 («АА»), 534, 538, 611, 800
Аш. АШ (псевд.) 530, 571

- Ашукин Н.С. 61, 147, 250, 251, 471, 539, 591
- Б. Ж. 228, 388
- Бабель И.Э. 90, 140, 146, 178, 205, 228–230, 279–282, 302, 306, 351, 367, 374, 391, 393, 418, 447, 459, 461, 507, 528, 577
- Бабенчиков М.В. 437
- Багрицкий (Дзюбан) Э.Г. 436, 556
- Базанов В.В. 400
- Базанов В.Г. 799
- Байрон Д.-Г. 72, 73, 226, 354
- Балабанович Е.З. 15, 542, 543
- Балуашвили В.И. 6
- Бальмонт К.Д. 45, 154, 174, 208, 285, 374, 397, 511, 559, 563
- Банг Г. 433
- Бахметьев В.М. 24
- Бачило А.Н. 9
- Бебутов Г.В. 6, 79, 801
- Бедкер К. 215
- Бедный Д. (Придворов Е.А.) 24, 25, 30, 32, 37, 52, 56, 60, 64, 69, 74, 102, 123, 126, 137, 140, 143, 167, 201, 232, 263, 306, 331, 349, 363, 381, 397, 400–402, 408, 411, 414, 459, 461, 505, 528, 558, 559, 564, 581, 615, 631
- Безымянский А.И. 24, 28, 37, 51, 52, 60, 122, 123, 126, 201 («Безымянский»), 222, 263, 335, 381, 384, 393, 402, 408, 414, 448, 459, 520, 552
- Беккер М.И. 108, 164, 374
- Белоусов В.Г. 5, 6, 23, 36, 178, 250, 470, 801
- Белоусов И.А. 45, 60
- Белый А. (Бугаев Б.Н.) 20, 31, 48, 59, 78, 80, 125, 154, 208, 221, 253, 317, 343, 395–397, 422, 459, 468, 493, 555, 557, 559, 611
- Белый (Снежко) Д.С. 10, 497, 498, 560, 563
- Бельская Л.Л. 456
- Беляев В.М. 166
- Бёме Э. 391, 507
- Бенар Н.В. 556
- Бенедиктов (Берхин) М.У. 154
- Бениславская Г.А. 5, 7, 10, 12, 19, 21, 29, 32–35, 42–47, 50, 51, 54, 55, 58, 60, 62, 63, 66, 67, 75, 76, 81, 88, 89, 100, 102–104, 106, 107, 114, 115, 117–119, 123, 124, 127, 128, 142, 145, 148, 149, 151, 154, 156–158, 160, 165, 169, 176, 178, 180, 181, 185, 186, 195, 197–200, 202, 204, 209, 213, 218, 219, 221–224, 226, 227, 234, 245, 247, 249–251, 255, 263, 270, 271, 273–276, 282, 283, 285, 287–291, 298, 300, 301, 303, 304, 320, 326, 328, 340–342, 347, 353, 406, 408, 409, 473, 477, 507, 508, 523–526, 615, 617–620, 634, 635, 641, 668, 680, 692, 697, 721, 802
- Бенуа А.Н. 62
- Бень Е.М. 483
- Березняк Л. 107
- Березов Р. см. Акульшин Р.М.
- Берендгоф Н.С. 556
- Берзинь (Берзина) А.А. 33, 45, 115, 154, 155, 182, 197, 250, 279, 311, 312, 332, 335, 341, 344, 350, 351, 355, 371, 437, 438, 451, 469, 471, 524, 587–588, 606
- Берзинь О.М. 250
- Беркович С. 450, 502
- Берлин И.С. 44, 46, 107, 213, 222, 247, 283, 347, 350, 351
- Бернштейн С.И. 123, 343
- Беспощадный П. (Иванов П.Г.) 564
- Бетховен Л. ван 553
- Бехер Й. 9, 94
- Бибик А.П. 414, 447
- Библиофил (псевд.) 112
- Бич Р. 522
- Благов А.Н. 64
- Благов И.Т. 252
- Благой Д.Д. 164
- Блинов В. 271
- Блок А.А. 9, 21, 28, 41, 52, 61, 64, 72, 73, 80, 84, 90, 94, 95, 113, 126, 140, 143, 154, 158, 165, 176, 179, 206, 208, 214, 221, 226, 230, 231, 238, 251, 255, 256, 262, 268, 290, 296, 338, 365, 374, 381, 391, 394, 396, 414, 422, 462, 468, 471, 493, 507, 526, 534, 539, 541, 545, 559, 563, 570, 593, 594
- Блок Л.Д. 255, 256
- Блюменфельд В. 377
- Блюмкин Я.Г. (Я.-С.Г.) 149, 153

- Бляхин П.А. 327
 Бобилевич Г. 9
 Бобинская (Бабинская) Е.Ф. 121, 122, 616, 662
 Бобров С.П. 50
 Богаевский Г.В. 126
 Богданов Н.Н. 486
 Богомилский Д.К. 44, 124, 155, 182, 227, 280, 282, 287, 322–325, 350, 410
 Богомолец А.А. 126
 Богомолов Н.А. 16, 380
 Богословский Н.В. 113, 152, 186, 219
 Бодлер Ш. 92, 207
 Божнев (Гершун) Б.Б. 107, 149
 Болдовкин В.И. 7, 240–250, 254, 257, 264, 267, 270–272, 295, 298, 304–306, 309, 330, 439, 515, 799
 Болдовкин И.И. 330, 393
 Болдовкина, мать П.И. Чагина и В.И. Болдовкина 367
 Большаков К.А. 555
 Большакова А.Ю. 559
 Борисов (Гурович) Б.С. 329
 Борисов (Шерн) С.Б. 147, 250, 251, 352, 591–592, 595–596
 Бороздин Г.И. 448, 449, 522
 Боттичелли С. 533, 534
 Бочарова И.А. 120
 Брежнев С. 143
 Брехт Б. 9, 94
 Бродянский Б.Л. 24
 Броневский В. 9, 57, 611, 615, 624, 636, 796
 Брюсов В.Я. 9, 57, 64, 140, 143, 153, 154, 166, 179, 182, 221, 242, 323, 338, 421, 450, 471, 503, 526, 563
 Брюсова И.М. 64
 Брянчанинов Н.В. 152
 Бубнова М.Н. 16
 Бугославский, член лит. кружка «Смычка» (Азербайджанский ун-т) 183
 Буданцев С.Ф. 222, 446, 534
 Буденный С.М. 56, 137
 Булавин К.Ф. 449
 Булашевич Б. 77
 Булгаков М.А. 205, 577, 609
 Бунин И.А. 53, 172, 391, 418, 460–462, 569, 581, 582
 Бунцельман А.Я. 57
 Бурвассер (псевд.) 326
 Буренин В.П. 165
 Бурлюк Д.Д. 28, 159, 187, 389
 Бутко, следователь 423
 Буторин Н.Н. 608
 Бутягина В.А. 555
 Бух, член лит. кружка при газ. «Бакинский рабочий» 170
 Бухарин Н.И. 83, 338, 562
 Бычкова А. 105
 Бядуля З. (Плавник С.Е.) 10
 Бялик Х.-Н. 143
 В. см. Друзин В.П.
 В. А. 503
 В. В. 210
 В. Л. 52
 В. П. 435
 В. Р. 328
 В. Фид. 228
 Валаев Р.Г. 556
 Валайтис С.О.(И.) 24
 Ваня см. Кукушкин И.И.
 Вардин (Мгеладзе) И.В. 24, 26, 27, 42, 44, 58, 61, 62, 65, 66, 76, 83, 88, 103, 119, 120, 149, 158, 188, 189, 273, 485, 518–519, 623, 771
 Варейкис И.М. 76, 83, 327
 Варенцова Е.М. 16
 Вартапетов Е.Л. 553
 Варглинский П.А. 384
 Васильева К.Н. 395, 396
 Васька см. Болдовкин В.И.
 Вдовин В.А. 6, 238, 292, 293, 305, 308, 309, 327, 366, 385, 426, 437, 456, 799
 Вензель (псевд.) 553
 Вересаев (Смилович) В.В. 52, 179, 459, 528, 558
 Вержбицкая С.Н. 40, 41, 119, 149, 157, 185, 186
 Вержбицкий Н.К. 7, 10, 20, 22–25, 28, 37, 40–43, 49, 50, 60, 61, 78, 81, 88, 89, 103, 114, 115, 118–120, 128, 149, 150, 156, 157, 185, 186, 218, 219, 265, 351, 353, 373, 375, 615, 641–642, 799
 Вермель Ф.М. 317
 Верхарн Э. 143, 165

- Верховский Ю.Н. 555
 Веселый А. (Кочуров Н.И.) 83, 90, 203
 Вестфаль О. 70
 Вестхайм П. 8, 94
 Ветлугин А. (Рындзюн В.И.) 225, 398, 416, 441
 Викторова А.И. 488
 Виленский В.Д. 166
 Виленский-Сибиряков В. *см.*
     Виленский В.Д.
 Виноградская И.Н. 328
 Виноградская С.С. 7, 264, 290, 301, 341, 350, 415, 473, 573, 620, 721
 Вирав (Виравян) Н.А. 43, 48, 119, 135
 Виссон Л. 6
 Вихарт, сопр. ред. газ. «Бакинский рабочий» 399
 Вишняк М.В. 380, 391, 582
 Владимир, киевский князь 460
 Владиславлев (Гульбинский) И.В. 194
 Вознесенский (Бродский) А.С. 528
 Войтоловский Л.Н. 331, 447
 Волжский А. (Зозуля А.П.) 164
 Волин Б.М. (Фрадкин И.Е.) 58, 65
 Волков М.И. 559
 Волкова Н.Б. 6, 800
 Володька, сын жилицы в квартире
     О.К. и С.А. Толстых 378
 Володя В. (или Д.), знакомый Есенина 387
 Волосович, стихотворец 522
 Волотова (Семенова) Н.Г. 482, 483, 623, 765
 Волошин (Кириенко-Волошин) М.А. 204, 535, 536
 Волошины *см.* Волошин (Кириенко-Волошин) М.А. и Заболоцкая М.С.
 Вольнов (Владимиров) И.Е. 508, 527, 606
 Вольпин В.И. 253, 465
 Вольпин Н.Д. 7, 128, 283, 324, 354, 525
 Вольнская В.Я. 466
 Воронова О.Е. 6, 16
 Воронская Г.А. 130, 430, 452, 457, 483, 491, 799
 Воронский А.К. 7, 12, 13, 19, 26, 27, 30, 42, 54, 58, 61, 83, 84, 90, 103, 105, 115, 129, 130, 136, 138, 160, 163, 168, 181, 188, 192, 195–199, 203, 218, 233, 247, 249, 256, 260, 295, 306, 324, 330, 331, 335, 342, 344, 347, 350–352, 371, 390, 403, 413, 418, 423, 430, 448, 451, 452, 457, 458, 483, 488, 491, 499, 577, 581, 582, 593, 600, 616, 617, 646, 665
 Воронцов Кл.П. 143, 272, 336
 Воронцов Конст.П. 16
 Воронцов Н. 569
 Врангель П.Н. 579
 Всеволодский-Гернгросс В.Н. 320
 Выппел Я. 7, 370, 620, 728
 Высокая, член лит. кружка при газ. «Бакинский рабочий» 171
 Высоцкий Е.В. 580
 Вьюгин Ю. 152, 168
 Вяземский П.А. 314
 Вятч (Вятч-Бережных) А.Т. 67
 Г-Б *см.* Гиммельфарб Б.В.
 Г. Г. 446
 Г. С. 266
 Габричевский А.Г. 536
 Гаврилов Ф.Т. 64
 Галанов В.М. 161, 400
 Галицкий Я. (Гольденберг Я.М.) 575
 Галкин, владелец дачи 316
 Галушкин А.Ю. 238
 Гальперин М.П. 555
 Галя *см.* Бениславская Г.А.
 Ганин А.А. 5, 105, 161, 400
 Ганнушкин П.Б. 557, 586, 588
 Гаприндашвили В.И. 82, 146
 Гардин (Благонравов) В.Р. 519
 Гарин (Герасимов) Э.П. 255
 Гаскаков Я. (Васильченков И.) 339, 436
 Гастев А.К. 64, 100 («Гостев»), 257, 263, 414, 448, 450
 Гафиз (Хафиз Ширази) 376
 Гедике А.Ф. 166
 Гейман З.В. 267
 Гейне Г. 364, 375
 Гелия Николаевна *см.* Чагина Р.П.
 Генкрих М. 7
 Герасимов И.С. 537
 Герасимов М.П. 100, 123, 257, 263, 270, 388, 414, 443, 450, 533, 605
 Гervаси А. 71

- Герсон В.Л. 483, 484
 Герцен А.И. 462
 Герцог Е.С. 474, 622, 762
 Герчиков Р.Ю. 453
 Гиляровский В.А. 555
 Гиммельфарб Б.В. 36, 37, 145
 Гиппиус В.В. 256
 Гиппиус З.Н. 53, 82, 154, 181, 214, 526
 Гисенькин З.И. 123, 139, 174, 236, 358
 Глаголев Арк. 348
 Гладков Ф.В. 24
 Гливенко В. 49, 63
 Глубоковский Б.А. 161
 Гнесин М.Ф. 456, 458, 470, 484, 517
 Гоголь Н.В. 53, 201, 496
 Голаков, неуст. лицо 400
 Головачёв, учащийся лит. курсов 599
 Головин С.С. 161
 Голодный М. (Эпштейн М.С.) 40, 90, 101, 121, 122, 157, 183, 222, 267, 396, 402
 Голос громкий. Cornus (псевд.) 350
 Голубев Г. 122
 Голубева Л.Г. 16
 Голубков В.В. 14, 234, 256, 263, 331, 414
 Гольдберг В. 470
 Гольцев В.В. 279
 Голянд И.Е. 123
 Гора Й. 7, 370, 421, 620, 621, 726, 727, 733
 Горбачев Г.Е. 62, 71, 238, 241, 280, 296, 302, 303, 365, 469
 Горбов Д.А. 182, 194
 Горбунов И.Ф. 531
 Горбунов К.Я. 530
 Горецкий М.И. 53
 Горностаев Н.П. 331
 Городецкая Р.С. 533, 534
 Городецкий С.М. 173, 185, 224, 233, 314, 427, 449, 490, 493, 533–535, 537, 538, 556, 557
 Городской (Блюмкин) Я.З. 372, 502
 Горшков В.В. 67
 Горький М. (Пешков А.М.) 29, 61, 64, 119, 143, 152, 179, 201, 210, 214, 230, 284, 295, 306, 324–326, 338, 357, 391, 393, 410, 416, 443, 446, 455, 474, 475, 479, 480, 484, 507, 558, 559, 582, 593, 620, 622, 716, 717, 755, 800
 Гостовский Й. 611
 Гофман В.В. 445
 Грандова Н.Д. 283
 Грачёв, секретарь И.М.Варейкиса 327
 Грёгер В. 9, 94, 95, 616, 650
 Гржебин З.И. 70, 252, 379, 475–477, 799
 Григорьев (Григорьев-Патрашкин) С.Т. 230, 256
 Григорьева Л.Г. 8, 16, 62
 Грин Я. 45
 Громова Л.Д. 799
 Гроссман Л.П. 113, 114, 377, 558, 565
 Груздев И.А. 231
 Грузинов И.В. 7, 10, 29, 56, 75, 76, 159, 253, 291, 292, 328, 350, 351, 372, 377, 427, 480, 530, 540–542, 556, 595, 615, 632, 800
 Г-ский М. 49
 Гумилёв Н.С. 140, 232, 303, 319, 394, 538
 Гурвич Е.А. 162, 170, 171, 183, 194, 203, 204, 223, 392
 Гусев, член лит. кружка при газ. «Бакинский рабочий» 171
 Гусева Н.И. см. Шубникова-Гусева Н.И.
 Гусман Б.Е. 381, 408, 621, 737
 Гутман Д.Г. 66
 -гь (псевд.) 375
 Д. 388
 Д. И. см. Иванов Д.
 Дальний М. 77
 Данилов М.Х. 120, 223, 225, 426
 Д'Аннунцио Г. 29
 Дворяшин В.И. 161
 Де Грассе Ж. 522
 Дегтярева О. 530, 531
 Дед см. Титов Ф.А.
 Дед Григорий см. Карасев Г.В.
 Деев-Хомяковский (Деев) Г.Д. 67
 Демидова О.Р. 380
 Демьян см. Бедный Д. (Придворов Е.А.)
 Деникин А.И. 228, 579
 Денисова-Соколова П.М. 87, 88, 102, 567, 568
 Дешкин Г.Ф. 555
 Джабар (Джаббар) Карягдыоглу 196

- Джавадян, сотр. ред. газ. «Бакинский рабочий» 399, 443
- Дзержинский Ф.Э. 482–484
- Дидаев П. 170, 171
- Дикий А.Д. 530, 531
- Диккенс Ч. 172
- Дитерихс И.К. 373, 385, 386, 442
- Дмитриев К. 399
- Дмитриевский С. 408
- Доможиров А.И. 278
- Донкан И. см. Дункан А.
- Дорогойченко (Дорогойченков) А.Я. 559
- Доронин И.И. 25, 100, 111, 122, 255, 279, 374, 388, 412, 422, 453, 454, 485
- Дорохов П.Н. 559
- Досекин Е. см. Горбачев Г.Е.
- Достоевский Ф.М. 53, 172, 178, 201
- Драйвер М. 381
- Дрейер К.-Т. 432
- Дрожжин С.Д. 60, 67, 114, 123, 143
- Дроздов В.А. 6, 145, 799
- Дружинин П.Д. 90, 153, 345
- Друзин В.П. 157, 185, 230, 266, 267, 302, 314, 447, 453
- Друцкая В.Ф. 144
- Дубовка В.Н. 9, 481
- Дулоров М.С. 213, 261
- Дузз (Дуже) Э. 29
- Дулова В.Г. 530, 531, 534
- Дулова Е.Г. 531, 535
- Дулова М.А. 533
- Дударь А. (Дайлидович А.А.) 9
- Дункан А. 19, 22, 24, 25, 28–30, 47, 68, 104, 141, 142, 158, 161, 175, 202, 211, 220, 227, 254, 277, 375, 443, 492, 517, 525, 617, 667
- Дуров В.Л. 41
- Духовская В.И. 535
- Дядя Ваня см. Касаткин И.М.
- Е. 440
- Е. Р. 446
- Евгеньев-Максимов (Максимов) В.Е. 15, 91, 197, 208, 241, 348, 524
- Евдокимов И.В. 7, 13, 145, 276, 277, 279, 288, 290, 294, 300, 311, 326, 332, 344, 347, 353, 371, 378, 389, 390, 396, 405, 412, 413, 422, 432, 451, 457, 474, 477, 478, 486, 496, 504–506, 558, 567, 573, 574, 591, 599–602, 605, 617, 619, 670, 706, 801
- Ежов И.С. 160, 257, 259, 619, 699
- Екатерина см. Есенина Е.А.
- Ел<ена> Ив<ановна>, жилища в квартире О.К. и С.А.Толстых 378
- Енукидзе А.С. 369
- Еремин Ф. 564
- Ерошин А.Ф. 234, 267 («Александр»), 270, 271, 387
- Ерошин Ф. 387 («дядя Федор»)
- Есельсон П. 564
- Есенин А.Н. 123, 164, 234, 291, 300, 316, 348, 386, 387, 472, 570, 610
- Есенин И.И. 292, 300, 308, 311, 316, 320, 321, 326, 344, 352, 372, 377–379, 386, 387, 389, 392, 424, 425, 434, 438, 463, 464, 513, 514, 567, 569, 574, 605, 607, 609, 619, 709
- Есенин К.С. 141, 423, 433, 456, 608, 610
- Есенин-Вольпин А.С. 283
- Есенина А.А. 7, 46, 54, 55, 74, 75, 89, 103, 104, 115, 154, 166, 181, 197–200, 219, 234, 255, 275, 282, 289, 291, 300, 301, 304, 337, 338, 387, 405, 406, 413, 415, 416, 425, 430–432, 458, 469, 478, 495–497, 506, 538, 549, 555, 568, 570, 572, 587, 590, 593, 607, 622, 623, 750, 768, 799
- Есенина Е.А. 7, 10, 32, 33, 44–46, 51, 54, 55, 62, 66, 89, 100, 101, 103, 104, 107, 115, 119, 124, 125, 143, 148, 154, 164, 165, 181, 186, 197–200, 205, 219, 223, 224, 227, 234, 249, 255, 264, 270, 271, 275, 282, 283, 285, 288–290, 291, 295, 297, 300, 302, 309, 316, 320, 321, 325, 326, 332, 343, 348, 386, 387, 405, 406, 408, 409, 415, 416, 424, 425, 430, 433, 438, 451, 465, 470, 472, 488, 496, 514, 523, 525, 529, 549, 555, 566–570, 573, 574, 587–589, 594, 599, 600, 609, 610, 619, 622, 623, 702, 706, 751, 768, 799, 801
- Есенина Н.В. 16, 165, 496, 589, 609, 799
- Есенина О.А. 181
- Есенина С.П. 6, 15, 16, 496, 799, 801

- Есенина Т.С. 7, 263, 264, 488, 589, 607, 608
 Есенина Т.Ф. 114, 115, 119, 122, 123, 164, 178, 195, 234, 271–274, 282, 291, 316, 386, 387, 415, 416, 438, 456, 472, 570, 610, 616, 661
 Ефремин (Фрейман) А.В. 448
 Жаров А.А. 122, 183, 298, 364, 402, 422, 450, 454, 619, 707
 Желобовский И.А. 163
 Женья Б., неуст. лицо 187
 Жид А. 9, 94
 Жиц Ф.А. 133
 Жоголев Н.Ф. 570, 585
 Жоржик см. Назаров Г.С.
 З. Б. см. Белый (Снежко) Д.С.
 Заболоцкая М.С. 204, 535, 536
 Заволокин П.Я. 278, 345
 Зайцев, сотр. аппарата НКВД 238
 Зайцев П.Н. 125
 Залка М. (Франклъ Б.) 25
 Залшупин С.А. 401
 Замойский (Зевалкин) П.И. 67
 Замятин Е.И. 53, 391, 426, 459, 569
 Занковская Л.В. 341
 Зарудин Н.Н. 90, 153, 346
 Заугольников Е. 161
 Захаров А.Н. 6, 15, 463, 464, 800
 Захаров-Мэнский (Захаров) Н.Н. 179, 432, 555
 Звягинцева В.К. 556
 Зелинский К.Л. 5, 210, 218, 349, 799
 Земенков Б.С. 556
 Земсков В.Ф. 250
 Зенкевич М.А. 555
 Зинин С.И. 535
 Зиновьев Г.Е. (Радомысльский О.-Г.А.) 517, 579
 Зозуля Е.Д. 126, 205, 459
 Золотоносов М.Н. 420
 Зонин А.И. (Бриль Э.И.) 247, 560
 Зорин М. 285
 Зорин Ф. 118, 352
 Зося см. Вержбицкая С.Н.
 Зошенко М.М. 229, 230, 391, 401, 418, 459, 460, 531
 Зубакин Б.М. 556
 Зъм. С. см. Белый (Снежко) Д.И.
 И. 296, 400
 Иванов, член лит. кружка при газ. «Бакинский рабочий» 170
 Иванов Вс.В. 37, 62, 90, 104, 121, 124, 126, 128, 140, 143, 146, 156, 201, 208, 227, 228, 249, 263, 280–282, 311, 331, 350, 401, 407, 414, 418, 448, 455, 459, 461, 529, 554, 555, 564, 581
 Иванов Вяч.И. 611
 Иванов Г.В. 402, 444
 Иванов Д. 27
 Иванов-Разумник (Иванов Р.В.) 125, 214, 240, 253, 256, 317
 Иванова Г.П. 88
 Ивнев Р. (Ковалев М.А.) 55, 144, 145, 159, 277, 278, 385, 394
 Иетим Гурджи (Иетим-Гурджи; псевд.) 373
 Изряднова А.Р. 440, 441, 594, 608
 Иконников В.И. 155, 182
 Илов А. 337
 Ильина (Ильина-Сеферянц) А.И. 481
 Ильич см. Ленин (Ульянов) В.И.
 Илья, Илюша см. Есенин И.И.
 Имажинист (псевд.) 472
 Инал-ипа К.П. 71
 Инбер В.М. 101, 176, 228, 260, 267, 418, 447, 481, 555
 Ингулов (Рейзер) С.Б. 24, 356, 371, 378
 Интернациональный С. (псевд.) 481, 482
 Иогансон Б.В. 16
 Ионов (Бернштейн) И.И. 32, 33, 63, 76, 115, 118, 119, 124, 253, 282, 593
 К. М. см. Мочульский К.В.
 Каганерова К.Е. 249
 Казаков А.Л. 800, 802
 Казанский В.И. 350
 Казин В.В. 51, 52, 61, 76, 90, 118, 121, 123, 153, 159, 165, 166, 176, 249, 257, 263, 293, 338, 345, 350, 356, 364, 381, 394, 402, 408, 412, 414, 419, 422, 432, 443, 446–448, 455, 459, 464, 481, 490, 509, 522, 556, 577, 602
 Казмищев М.М. 443

- Калачинский М.И. 9
 Каледин А.М. 579
 Калинина Н.А. 16
 Калц А. 370
 Кальмер Й. 9, 228, 618, 694
 Каменев (Розенфельд) Л.Б. 604
 Каменский В.В. 41, 84, 166, 312, 314, 397, 402, 539, 555
 Каминская Э.М. 123, 393, 394
 Камышников Л. 471
 Канатчиков С.И. 24, 83
 Кандинский В.В. 9, 94
 Капустин А. 171
 Карасев Г.В. 311, 312
 Карохин Л.Ф. 16
 Карпов П.И. 37, 99
 Карташов С. 297, 298
 Касаткин И.М. 104, 121, 126, 249, 352, 479, 522, 527, 550, 573, 591, 592, 602, 606, 623, 764, 779
 Каспаров, участник диспута «Революция и литература» (Баку) 273
 Кассе Д. 16, 391, 407
 Катаев В.П. 402, 436, 488–491
 Катанян В.А. 311, 800
 Като, племянница А.А.Берзинь 332, 350, 351
 Катъка, Катя см. Есенина Е.А.
 Кауричев Н.С. 90
 Кац Г.М. 448
 Качалов (Шверубович) В.И. 7, 15, 126–129, 146, 176, 177, 187, 188, 224, 229, 230, 236–239, 273, 328, 329, 407, 539, 616–618, 663, 677, 695
 Качурин, метранпаж (Баку) 243, 244
 Кашина Л.И. 153, 240
 Каширина Т.В. 279, 282
 К-в Н. см. Колоколов Н.И.
 Квакин А.В. 265
 Кваснин, сотр. ред. газ. «Бакинский рабочий» 399
 Керженцев (Лебедев) П.М. 166
 Керзон Дж.-Н. 328
 Кессель Ж. 8, 419, 421, 454, 455, 485, 621, 623, 746, 766
 Кин Э. 72
 Кипенхойер Г. 8, 9, 94
 Кириллов А. 575
 Кириллов В.Т. 104, 257, 263, 269, 388, 414, 443, 481, 539, 542, 556, 605
 Киров (Костриков) С.М. 196, 218, 585
 Киршон В.М. 24, 250
 Киршон Р.Э. см. Корнблум Р.Э.
 Клавдий см. Воронцов Кл.П.
 Клара, Клара Эриховна см. Чагина К.Э.
 Кларцев М. 106
 Клейнборт Л.М. (Н.) 256
 Кл-овъ Ал. 84
 Клопотовский В.В. 30
 Клычков С.А. 37, 59, 61, 67, 91, 99 («Кличков»), 114, 123, 210, 249, 259, 276, 286, 350, 351, 384, 412, 427, 454, 466, 473, 481, 490, 507, 549, 556, 569, 582, 591, 595, 597
 Клычкова Н.В. 210
 Ключев Н.А. 26, 37, 45, 59, 61, 64, 68, 84, 91, 99, 109, 110, 114, 116, 123, 164, 175, 176, 178, 179, 189, 197, 212, 214, 230, 231, 234, 240, 256–259, 262, 263, 269, 270, 317, 370, 383, 384, 396, 414, 422, 426, 441, 443, 454, 459, 466, 480, 490, 493, 511, 539, 569, 581, 582, 600, 611
 Ключарев В.П. 124, 126, 350–352
 Кобцова О.В. 41, 50
 Ковалев, член лит. кружка при газ. «Бакинский рабочий» 171, 203
 Коварна Ф. 8, 66, 170, 616, 649
 Ковынев Б.К. 184, 260, 454
 Коган П.С. 33, 142–143, 163, 234, 256, 257, 290, 334
 Кожевников А.М. 266
 Козлов, зав. типографией Азполиграфтреста (Баку) 204
 Козлов В.П. 291–293, 307, 308, 437, 438
 Козловская Я.М. 340, 350
 Козловский А.А. 36, 171, 180, 185, 407, 415, 475–478, 509, 799
 Козловский Евг. 14, 130
 Кокто Ж. 9, 94
 Колобов И. 161
 Колобова К.М. 217, 516
 Колоколов Н.И. 278, 493, 494
 Коломиец П. 426
 Колчак А.В. 579
 Кольцов А.В. 68, 91, 100, 108, 114, 255, 258, 383, 391, 462, 492, 526, 559

- Кольцов М. (Фридлянд М.Е.) 88, 118, 156, 227
 Коля *см.* Вержбицкий Н.К.
 Коляда Г. 556
 Конёнков С.Т. 152, 210, 311, 312, 437, 543
 Кони А.Ф. 323, 444, 456, 457
 Конушкин И. 393
 Кончаловский Д.П. 540
 Кончаловский П.П. 539, 540
 Копорский С. 99
 Коркина Е.Б. 801
 Корн Р. *см.* Корнблум Р.Э.
 Корнблум Р.Э. 155, 250, 437, 588
 Корниенко Н.В. 16
 Корнилов Л.Г. 228, 579
 Королев В.Л. 228, 386, 410
 Короленко В.Г. 64, 416
 Коростелёв О.А. 16, 74
 Костерин А.Е. 90
 Кошечкин С.П. 5, 36, 71, 558, 799, 802
 Кошут Л. 95
 Крайский (Кузьмин) А.П. 391
 Крапива (Атрахович) К.К. 53
 Красильников В.А. 176, 367, 377, 398, 414, 507, 543, 595, 621, 623, 739, 781
 Краснощекова Е.А. 280
 Криницкий М. (Самыгин М.В.) 553
 Кристенсен Б. 432
 Кричевский, комендант охраны поезда «Баку–Москва» 404
 Кротков М.А. 161
 Круглов, докладчик о творчестве Есенина (Витебск) 77
 Кручёных А.Е. 229, 367, 372, 402, 444, 459, 509, 529, 530, 555
 Крылов И.А. 375
 Кубиков И. (Дементьев И.Н.) 448
 Кубишова Г. 7, 16
 Кубка Ф. 611
 Куган Дж. 430, 431
 Кугушева Н.П. 556
 Кудрейко (Кудрейко-Зеленяк) А.А. 560
 Кудринский А.В. 234
 Кудрявцев А. 161
 Кудрявцева Т.В. 16
 Кузмин М.А. 343, 402
 Кузнецов Н.А. 122, 448
 Кузнецов Ф.Ф. 799
 Кузнецова Р.А. 607
 Кузько П.А. 117, 201
 Кукольник Н.В. 79
 Кукушкин И.И. 33, 34, 42
 Кукушкина Т.А. 16
 Кулёвкин А.Ф. 440
 Кульман Н.К. 581
 Куняев С.С. 104, 220
 Куняев С.Ю. 104, 161, 220
 Куприн А.В. 540
 Куприн А.И. 59, 143
 Куприяновский П.В. 413
 Курносое В. 446, 474, 479, 480, 484, 559, 622, 755
 Кусиков (Кусикян) А.Б. 9, 57, 70, 100, 125, 149, 153, 222, 258, 274, 394, 419, 455, 473, 507, 583, 611
 Кутейникова А.А. 16
 Кутузов Н.Н. 519
 Л., любовник Г.А.Бениславской 523, 524
 Л. С. 300
 Лавров А.В. 801
 Ладыженский В.Н. 172
 Лазовский П.П. 303
 Лапин Б.М. 555
 Лаффит С. 5
 Лашевич М.М. 249
 Лбовский А.Н. 453
 Лебедев-Полянский В. *см.* Лебедев-Полянский (Лебедев) П.И.
 Лебедев В.П. 449
 Лебедев-Полянский (Лебедев) П.И. 12, 26, 37, 83, 160, 188, 258, 331
 Лебединский *см.* Либединский Ю.Н.
 Лев Осипович, Лёва *см.* Повицкий Л.И.
 Левидов М. (Левит М.Ю.) 177
 Левин К.Н. 105
 Левит Ю.В. 404, 470, 487
 Левитан И., книготорговец 70
 Левонтин Э.Е. 555
 Левшин В.А. 608, 609
 Леже Ф. 9, 94
 Лежнев А. (Горелик А.З.) 56, 92, 135, 144, 153, 184, 229, 286, 331, 335, 422, 576, 577, 618, 684
 Ле Корбюзье (Жаннере-Гри Ш.-Э.) 9, 94
 Лелевич Г. (Калмансон Л.Г.) 19, 24, 58, 65, 83, 162, 260, 331, 376, 393,

- 405, 434, 454, 466, 497, 499, 502, 518, 552
- Леля, официантка 270
- Ленин (Ульянов) В.И. 19, 26, 30–32, 34, 35, 43, 48, 49, 54, 64, 67, 85–87, 110, 122, 135, 138, 139, 179, 189, 192, 193, 202, 207, 259, 266, 312, 349, 361, 373, 390, 397, 424, 426, 428, 429, 461, 462, 501, 561, 562, 579, 604
- Леонидзе Г.Н. 82, 146
- Леонидов (Шиманский) О.Л. 555
- Леонов Б. 262
- Леонов Л.М. 90, 105, 106, 138, 140, 143, 202, 205, 229, 230, 238, 260, 306, 367, 374, 391, 418, 448, 460, 479, 486, 504, 507, 508, 564, 616, 658
- Лери *см.* Клопотовский В.В.
- Лермонтов М.Ю. 193, 201, 354
- Левшин В.А. 608, 609
- Ли Н., киноактриса 519
- Ли Пу (Ли Бо) 265, 375
- Либединский Ю.Н. 24, 34, 37, 52, 253, 254, 332, 350–352, 414, 528, 615, 631
- Либерман С.П. 391, 507
- Ливкин Н.Н. 555
- Лившиц Е.И. 50
- Лившиц М.И. 50, 282, 289, 523, 525
- Лидин (Гомберг) В.Г. 125, 205, 391, 459, 507, 520, 534
- Лидтке Г. 343
- Лилина З.И. 381
- Липкин В.С. 470, 485, 518, 519, 623, 771
- Липковский В. 14, 43, 79
- Липскеров К.А. 444
- Лифшиц М.О. 41, 81, 119, 149
- Л-н 208
- Ло Гатто Э. 9, 59, 211, 230, 578, 579, 618, 689
- Логинов И.С. 454
- Лоло *см.* Мунштейн Л.Г.
- Ломан А.П. 36, 250
- Ломидзе Г.И. 799
- Ломоносов М.В. 462
- Лопатухин Э.Б. 42
- Лордкипидзе, неуст. лицо 124
- ЛУКА (псевд.) 67
- Лукин, поэт (Самара) 337
- Лукницкий П.Н. 89, 486, 490, 538, 800
- Луначарская-Розенель Н.А. 309, 523, 531
- Луначарский А.В. 24, 25, 49, 56, 83, 119, 158, 166, 173, 179, 285, 314, 442, 490, 517–519, 523, 525, 534, 623, 771
- Лунц Л.Н. 230
- Львов-Рогачевский (Рогачевский) В.Л. 14, 15, 37, 40, 55, 75, 223, 233, 234, 246, 256, 257, 261, 262, 266, 507, 581, 597
- Львова К. 571
- Лысов (Лысовас) А.Г. 106, 507, 508
- Любич Э. 343
- Люлинька *см.* Толстой И.А.
- Лютер А. 582, 583
- Ляшко (Лященко) Н.Н. 37, 179, 364, 414
- М. Бр. 268
- М. Сл. *см.* Слоним М.Л.
- Магидов (Магиденко) Р. 27, 174
- Мадиевский, стихотворец 522
- Майзель М.Г. 549, 590
- Майский И.М. (Ляховецкий Я.) 160, 378, 581
- Макаров А.А. 182
- Маквей Г. 6, 16, 105, 334, 566
- Маковский Б. 235
- Макс *см.* Волошин (Кириенко-Волошин) М.А.
- Малахов С.А. 183, 194
- Малевич К.С. 9, 94
- Малишевский М.П. 556
- Мальмстад Д. 801
- Мандельштам О.Э. 20, 29, 48, 58, 59, 71, 72, 95, 96, 205, 323, 343, 397, 402, 419, 426, 455
- Мансуров П.А. 104, 105
- Мануйлов В.А. 7, 88, 217, 280–282, 441–444, 516
- Манухина Н.Л. 556
- Мар С. (Чалхушьян С.Г.) 556
- Мариенгоф А.Б. 38–40, 50, 55, 57, 70, 82, 84, 145, 211, 213, 230, 240, 256, 258, 260, 274, 283, 293, 385, 394, 412, 427, 461, 474, 485, 507, 555, 586, 587, 606, 800
- Мария Андреевна *см.* Дулова М.А.
- Марк *см.* Мейчик М.Н.
- Марков П.А. 391, 507
- Маркон Е. 268

- Маркс А.Ф. 320
 Маркс К. 26, 54, 57, 81, 85–87, 110, 113, 138, 189, 191, 192, 225, 232, 320, 349, 384, 390, 397, 411, 451, 501, 552, 563, 578, 611
 Мартишон *см.* Никритина А.Б.
 Марусенька, Маруся *см.* Заболоцкая М.С.
 Марфа (Марфуша), домработница в семье О.К. и С.А.Толстых 304, 430
 Марцинский И. 348
 Марчанова М. 7, 579, 624, 795
 Марченко (Муравьева) А.М. 6
 Матезиус Б. 7, 8, 14, 61, 102, 140, 617, 666
 Матисс А. 9, 94
 Мать *см.* Есенина Т.Ф.
 Махов И.А. 347
 Мачтег Т.Г. 556
 Машбиц-Веров И.М. 206, 393, 560, 618, 685
 Маширов-Самобытник (Маширов) А.И. 24
 Машкин А.П. 165, 176
 Машкова А.Г. 7, 16
 Маяковский В.В. 8, 9, 20, 28, 48, 50, 52, 53, 59, 61, 64, 71, 72, 82–84, 90, 93–95, 102, 114, 133, 143, 147, 153, 154, 166, 174, 175, 179, 180, 194, 201, 202, 206–208, 222, 224, 226, 229, 238, 241, 260, 263, 267, 269, 274, 293, 302, 303, 306, 311, 318, 322, 323, 328, 331, 335, 343, 345, 359, 362, 367, 374, 376, 377, 380, 381, 386, 389, 391, 394, 397, 398, 402, 408, 410–412, 414, 418–420, 428, 444, 446–448, 453, 455, 456, 459, 463, 467–469, 471, 486, 489, 491, 492, 502, 507, 514, 538, 544, 556, 560, 563, 564, 577, 590, 800
 Мезерницкий И.Г. (или Н.Г.) 553
 Мейерхольд В.Э. 66, 130, 166, 223, 254, 263, 328, 395, 456
 Мейсон Хоппер Э. 431
 Мейчик М.Н. 311, 312, 346, 350, 351 («Марк»), 438
 Мекш Э.Б. 35, 328, 611
 Мельникова-Папоушкова Н.Ф. 396
 Мережковский Д.С. 53, 140, 151, 214, 215, 418
 Мериме П. 343
 Меромский А. 321
 Микаэлян К.С. 139
 Миклашевская А.Л. 130, 151, 152, 289, 343, 452, 524, 543, 617, 668
 Микола Кафтан (псевд.) 307
 Миллард Г. 484
 Милославская М.М. 420
 Милославский П. 564
 Милюков П.Н. 107, 473
 Милютина Е.Я. 531, 533–535
 Минаев Н.Н. 555
 Миних (Миних-Маслов) А.В. 28, 205
 Минокин М.В. 527
 Миролюбов В.С. 463
 Мисникевич Т.В. 16
 Митин М. 183
 Митрофанова С., Митрофанова-Есенина С.П. *см.* Есенина С.П.
 Михаил Александрович, вел. князь 604
 Михаил Георгиевич, врач 417
 Михайлов Б. 224, 237
 Михайлов И. 82
 Михаленко Н.В. 228
 Моница В.А. 555
 Мопассан Ги де 398
 Моран П. 420
 Мордвинкин В.Ю. 117
 Морейн И.С. 187
 Морозов И.И. 45
 Московская Д.С. 16
 Моцарт В.-А. 511
 Мочалова О.А. 577
 Мочульский К.В. 74, 274, 462
 Мошанский П.Д. 385
 Мроз Е.И. 216
 Мунштейн Л.Г. 442, 517
 Муравьева Т.Н. 311
 Муран К.М. 162, 170, 171, 223, 225–228, 250, 257, 270, 274, 393, 399
 Муратова Е.В. 491
 Мурашёв М.П. 593, 594
 Мухтаров, владелец дачи 385
 Мясковский Н.Я. 166
 Н. Б. *см.* Богословский Н.В.
 Н. В. 394
 Н. Т. 223

- Н. Ф. см. Фатов Н.Н.
 Надежда Дмитриевна см. Грандова Н.Д.
 Надсон С.Я. 208, 335, 336
 Назаров Г.С. 37, 40, 41, 49–50, 119, 149, 150, 157, 186
 Назарова А.Г. 7, 10, 222, 255, 298, 473, 620, 721
 Назарова Г.С. 16
 Назарова Л.С. 15, 16
 Накоряков Н.Н. 128, 129, 156, 236, 617, 670
 Наль А. (Раппопорт-Орочко А.М.) 556
 Наполеон Бонапарт 72
 Нарбут В.И. 24, 83, 179, 185, 402
 Наседкин В.Ф. 7, 52, 89, 90, 100–104, 107, 114, 115, 119, 121, 123, 124, 128–130, 153, 154, 156, 168, 181, 197–199, 215, 223, 247, 249, 250, 264, 267, 269–272, 274–276, 280–282, 284, 285, 287, 288, 290–292, 294, 295, 300–303, 309, 320, 334, 337, 340, 343, 352, 366, 386, 392–394, 406, 415, 424, 425, 436, 437, 440, 466, 474, 490, 493–496, 512, 517, 519, 520, 522, 524, 529, 540, 555, 556, 566–568, 587–589, 593, 599, 606, 607, 609, 610, 617, 623, 670, 768
 Наталья см. Есенина Н.В.
 Наташа см. Сухотина Н.С.
 Наумов Е.И. 5
 Неверов (Скобелев) А.С. 37, 60, 64, 143, 163, 164, 179, 414, 558, 559, 597
 Невяровский А.А. 155, 182
 Негри П. 343
 Некрасов В. 255
 Некрасов Н.А. 55, 95, 116, 131, 177, 201, 315, 361, 429, 447, 558, 559
 Немирович-Данченко Вас. И. 53
 Непряхин Ф.С. 203
 Нерваль Ж. де 377
 Нетропов (Портен) М.Э. 556
 Неустроев Д.В. 344, 347
 Нечаев Е.Е. 45, 64, 179
 Нигритина А. см. Никритина А.Б.
 Низовой П. (Тупиков П.Г.) 559
 Н-ий Н. 241
 Никё М. 7–9, 16, 22, 59, 84, 419–421
 Никитин Г. 161
 Никитин И.С. 100, 114, 391, Никитин Н.Н. 201, 202, 424, 459, 510
 Никитина Е.Ф. 473
 Никифоров Г.К. 34
 Никифорова Т.Г. 6, 11, 16, 124, 269, 308
 Николаев (Безчетвертных) Н.И. 299, 310, 311, 344, 347, 371, 465, 602, 622, 759
 Николаева Е.К. 288, 395, 396
 Никольская Л. 556
 Никоцов В.А. 551, 571, 624, 783
 Никритина А.Б. 63, 412, 557, 606
 Никулин (Ольконицкий) Л.В. 519
 Нильсон А. 522
 Новиков И.А. 53, 555
 Новиков-Прибой (Новиков) А.С. 414, 459, 520
 Новицкая Л. 447
 Новожилов В.М. 540
 Новокшионов И.М. 266
 Новский (Рубановский) И.М. 25
 Новус (псевд.) 308
 Новый К. 8, 62
 Обрадович С.А. 144, 153, 182, 263, 315, 414, 448, 450, 485
 Овсянко-Куликовский Д.Н. 31
 Оги Т. 370
 Огнев С. 369
 Озеров (Гольдберг) Л.А. 799
 Оксёнов И.А. 19, 49, 242, 245, 280
 Окунев, литератор 182
 Оленин А.Б. 556
 Олечка, дочь жилицы в квартире О.К. и С.А.Толстых 378
 Ольга см. Есенина О.А.
 Ольга Георгиевна, няня Т.С. и К.С.Есениных 608
 Ольга Константиновна см. Толстая О.К.
 Оля, прислуга Г.А. Бениславской 55, 275, 287
 Омар Хаям (Хайям) 180
 Опалов Л. см. Подоксик Д.
 Орг А. 70
 Орешин П.В. 26, 37, 40, 45, 59, 61, 64, 67, 84, 91, 99, 100, 104, 109, 110, 121, 123, 164, 179, 208, 234, 257, 259, 262, 263, 286, 332, 350, 351, 384, 396, 412, 414, 440, 441, 454, 466, 502, 539, 569
 Орлов В.Н. 365

- Орлов П. 428, 496, 623, 767
 Осинский Н. (Оболенский В.В.) 19, 31, 64, 76, 210, 364, 375
 Осоргин (Ильин) М.А. 119, 120
 Осэ К. 370
 Отев (псевд.) 262
 Отец *см.* Есенин А.Н.
 Отпущенников, сотр. аппарата НКВД 238
 Оттенберг А.Н. 209
 Офросимов Ю.В. 394

 Павел I 554
 Павликовская М. 9, 57
 Павлова М.М. 16
 Павлович Вен. (псевд.?) 29
 Панкратова В.И. 16
 Пантелеев, член лит. кружка при газ. «Бакинский рабочий» 203
 Панфилов Е.А. 278, 391
 Паоло *см.* Яшвили П.Д.
 Паперная Э.С. 397
 Папкова Е.А. 455, 490
 Парнис А.Е. 16
 Парнок (Парнох) С.Я. 205, 402
 Пастернак Б.Л. 8, 29, 50, 52, 58, 71, 95, 96, 140, 205, 319, 323, 338, 377, 391, 402, 407, 418, 419, 426, 441, 444, 455, 490–492, 514, 516, 520, 522, 544, 563, 602, 603, 801
 Патрик Дж.-З. 559
 Паунд Э. 9, 94
 Пачули В.П. 71
 Переверзев О.К. 16
 Перцов В. 485, 512
 Петр I 35, 579
 Петрарка Ф. 225
 Петрова Е.И. 558
 Петровский Д.В. 58, 90
 Пешехонов А.В. 503
 Пешич М. 5
 Пешкова Е.П. 325
 Пикассо П. 9, 94
 Пилитович С. 430
 Пиль Г. 326, 327
 Пильняк Б. (Вогау Б.А.) 19, 20, 48, 59, 104, 115, 119, 124–126, 129, 140, 146, 149, 154, 155, 157, 160, 200, 202, 205, 208, 209, 221, 238, 263, 331, 407, 414, 418, 433, 459, 461, 481, 520, 524, 555, 581, 605
 Пильский П.М. 350, 459
 Пиотровский В. 9
 Пир (Пирвердиев?), журналист (Баку) 162
 Писахов С.Г. 524
 Плотников И.П. 55, 385
 По Э.-А. 80, 553
 Поваров А. 112
 Повицкий И.Л. 801
 Повицкий Л.И. 7, 20, 21, 23, 29, 34, 35, 42, 50, 52, 54, 55, 74, 217, 801
 Погорельская Е.И. 16
 Подгорский-Околув Л. 9, 57, 615, 637
 Подоксик Д. 174, 186, 187, 261, 271, 285
 Подъячев С.П. 123, 164, 364
 Покровский С.П. 148, 289, 523, 524
 Полетаев Н.Г. 100, 422, 450
 Полетика Ю.П. 422
 Поливанов Л.И. 60
 Полищев (псевд.) 183
 Полканова М.Ф. 16
 Полозова Е. 516
 Полонская Е.Г. 394
 Полонский (Гусин) В.П. 166, 520
 Полоцкий С.А. 151, 212, 213, 250
 Поляков С.А. 64, 596, 597
 Полянский В. *см.* Лебедев-Полянский (Лебедев) П.И.
 Пономарев К. 6
 Попов П., пролет. поэт 123
 Португейс С.И. 390
 Поршаков П.С. 285
 Постников С.П. 53, 211, 212, 618, 687
 Поступь И. 538
 Потапенко И.Н. 325
 Потеряхин А.Н. 161
 Потехин Н. 205
 Потоловский И. 153
 Правдухин В.П. 249, 284, 600
 Праскунин М.В. 259
 Президент М.Я. 440
 Прейс К. 611
 Преображенский Н.Ф. 370, 620, 725
 Приблудный И. (Овчаренко Я.П.) 40, 51, 52, 76, 145, 147, 152, 280–282, 300, 334, 340, 440, 490, 523, 544

- Приходченко Е.С. 173, 224, 314
 Пришвин М.М. 53, 91, 205, 426
 Прокушев Ю.Л. 5, 6, 124, 262, 520, 521, 593, 799, 800
 Пропалов П.Н. 521
 Пугачев Е.И. 48, 70, 131, 191, 312–314, 515, 620, 714
 Пунин Н.Н. 62
 Пушкин А.С. 14, 31, 32, 49, 51, 52, 55, 56, 57, 63, 64, 74, 94, 95, 98, 116, 123, 130, 136, 160, 170, 180, 193, 198, 201, 202, 207, 234, 257, 268, 269, 290, 336, 348, 354, 384, 400, 422, 436, 462, 477, 492, 494, 496, 525, 530, 558, 564, 576, 578, 592, 606
 Пуша Я. 53
 Пишибышевский С. 207
 Пышкины, семья 438
 Пяст (Пестовский) В.А. 166, 209, 402, 556
- Р. Б. см. Гурвич Е.А.
 Рабинович, член лит. кружка при газ. «Бакинский рабочий» 170
 Рабле Ф. 225
 Радванский Ф. 256
 Радек (Собельсон) К.Б. 393
 Радечко П.И. 9, 10, 53, 430, 498, 563
 Радимов П.А. 64, 114, 121, 156, 159, 179, 182, 259, 522, 524, 527, 565
 Радлова А.Д. 402
 Раевская О.И. 308
 Разгуляев А.И. 122, 234, 386 («сын»), 387 («он»)
 Разин С.Т. 110, 449
 Райнис (Плиекшанс) Я. 611
 Райх З.Н. 128, 130, 263, 395, 456, 488, 589, 610
 Раковский (Станчев) Х.Г. 482–484
 Раскольников (Ильин) Ф.Ф. 24, 34, 35, 44, 61, 83, 103, 615, 632
 Рахилло И.С. 130
 Рахманинов С.В. 152
 Рашковская А.Н. 322
 Ремизов А.М. 53, 283, 397, 569
 Ренэ Санс см. Шумлевич К.Я.
 Репин И.Е. 563
 Решетников М. 315
- Рита см. Лившиц М.И.
 Риттер-Шахалов А.Э. 539
 Ричиотти В. (Турутович Л.И.) 212
 Робакидзе Г.Т. 82, 146
 Рога А.М. 15, 404, 405, 408, 470, 487, 518, 621, 747
 Рогожин Н.А. 519
 Родов С.А. 12, 24, 27, 58, 65, 83, 142, 162, 485, 552
 Рождественский В.А. 76, 123, 402, 443, 516
 Роза, Розочка, см. Чагина Р.П.
 Розанов И.Н. 95
 Розанов С.С. 163
 Ройзман М.Д. 55, 130, 144, 145, 265, 421, 555, 586, 589, 801
 Рок Р. (Геринг Р.Ю.) 555
 Роллан Р. 410
 Романов П.С. 300, 447
 Романовы, царская династия 481
 Ромм А.И. 317
 Российский Плутарх (псевд.) 320
 Ротов К.П. 566
 Рубинштейн А.Г. 553
 Рудерман М.И. 522, 523
 Рудман В. 538
 Рукавишников И.С. 481, 555
 Рыбникова М.А. 221, 233, 466, 468, 622, 760
 Рыженко И.Г. 149, 156
 Рыков А.И. 149
 Рябов И. 364
- С. 452
 С. А. 412
 Саади 19, 23, 132, 195, 249, 376
 Саакян Р.С. 139
 Савельев В.И. 105, 138, 616, 658
 Савельев (Говберг) С.А. 203
 Савельевы В. и Г. 203
 Савин М.К. 67
 Савкин Н.П. 76, 159, 298, 302, 328, 342, 350–352, 510, 512, 556
 Савченко Т.К. 6, 15, 139, 463, 464
 Садовников И.И. 369, 387, 414, 620, 724
 Садофьев И.И. 30, 72, 212, 231, 389, 450, 510, 519
 Сакулин П.Н. 178, 290
 Салтыков (Салтыков-Щедрин) М.Е. 558

- Сандрар Б. (Заузер Ф.-Л.) 9, 94
 Санников Г.А. 179
 Сарьян М.С. 443
 Сахаров А.А. 33
 Сахаров А.М. 33, 42, 44, 236, 246, 250, 252, 253, 270, 272, 274, 276, 280, 282, 283, 285, 291–293, 296, 300, 301, 304, 305, 320, 321, 340, 341, 350–352, 354, 355, 372, 401, 495, 496, 508, 509, 522, 524, 535, 595, 598, 609, 619, 623, 710, 768
 Сахаров Г.А. 33
 Сахаров М. 428, 496, 623, 767
 Сахарова А.И. 354, 519
 Сахно Т. 161
 Сашка (с. 387) см. Ерошин А.Ф.
 Сверчков Н. 381
 Светлов (Шейнкман) М.А. 90, 157, 168, 226, 502, 556, 560, 577
 Светлый Г. (Павлюченко Г.И.) 407, 512
 Свирский А.И. (Вигдорос Ш.-Д.) 64, 179, 262
 Свирский К.А. 596, 597
 Себекин М.И. 167
 Северянин И. (Лотарёв И.В.) 158, 165, 174, 185, 450
 Седых А. (Цвибак Я.М.) 140
 Сейфуллина Л.Н. 37, 90, 140, 163, 202, 205, 249, 260, 263, 300, 331, 367, 391, 401, 411, 414, 418, 461, 507, 559, 564, 600
 Селивановский А.П. 140, 189, 618, 683, 684
 Сельвинский И.Л. (К.Л.) 349, 555
 Селянин С.А. 363
 Семёнов С.А. 238, 448
 Семёновский Д.Н. 210, 493, 494, 577
 Серафимович (Попов) А.С. 37, 64, 179, 401, 411, 414, 443, 453, 459, 558
 Сергеев, согр. газ. «Правда» (М.) 182, 183
 Сергеев И.Д. 203
 Сергеев-Ценский (Сергеев) С.Н. 53, 143, 426
 Сергеева Е. 90
 Серегина С.А. 16
 Сестра см. Есенина Е.А.
 Сибинович М. 5
 Сибиряков И.С. 114, 377
 Силс М. 522
 Синьорелли О.И. 105
 Синякова К.М. 488, 489
 Сиповский В.В. 256
 Скалдин А.Д. 381
 Скатов Н.Н. 799
 Скиталец (Петров С.Г.) 582
 Скородода Г.С. 421
 Скороходов М.В. 6, 15, 16
 Скосырев П.Г. 555
 Скуратов М.М. 90, 491
 Слезак В. 432
 Слоним М.Л. 100, 577
 Смирнов И. 564
 Смирнов О.С. 152
 Смирнов-Сокольский Н.П. 328
 Смоктуновская М.И. 16
 Снегин Я. 470
 Снежко Д.С. см. Белый (Снежко) Д.С.
 Собко В.Д. 44
 Соболев Ю.В. 60, 539, 595
 Соболев А.М. (Ю.М.) 345, 447, 461, 530, 531, 533, 535
 Сокол (Соколов) Е.Г. 555, 583, 595–599, 624, 794
 Соколов А.А. 26, 27
 Соколов Б.М. 61
 Соколов К.А. 87, 88, 102, 568
 Соколов С.Н. 143, 335, 336
 Соколов-Микитов И.С. 490, 507
 Солобай Н.М. 16, 20, 195, 203, 273, 293, 327, 343, 431, 432, 484, 519, 522, 530
 Соловьев Б.И. 134, 231, 389, 399, 446, 573, 616, 664
 Соловьев Вл.С. 259
 Соловьева Е.Е. 466
 Сологуб Ф. (Тетерников Ф.К.) 53, 62, 140, 208, 323, 343, 455, 526, 611
 Сольский В. 265
 Сольц А.А. 172
 Сомов К.А. 214
 Соня см. Виноградская С.С.
 Соня, Софья Андреевна см. Толстая (Толстая-Есенина) С.А.
 Сорин В.Г. 61
 Сорокин В.В. 799
 Сосновский Л.С. 26, 393
 Сосюра В.Н. 354, 523
 Софронов Л. 560
 Софья Александровна см. Тюрберт С.А.
 Спасская К.П. 234

- Сперанский В.Д. 163
 Спирина А.Л. 130
 Ст. см. Португейс С.И.
 Станиславский (Алексеев) К.С. 239, 328
 Старк Л.Н. 213
 Старцев И.И. 270, 427, 508, 509, 592, 609
 Стеклов Ю.М. (Нахамкис О.М.) 147
 Степун (Степпун) Ф.А. 418, 419, 581, 582
 Столиця Л.Н. 583
 Столляр Н.А. 290, 558
 Стор (Стороженко) Н.П. 23
 Страдный (Смирнов) С.А. 179
 Субботин В.Е. 215
 Субботин С.И. 6, 7, 11, 15, 16, 58, 74, 117, 119, 124, 125, 161, 178, 180, 181, 195, 198, 199, 204, 209, 213, 217, 223, 226, 228, 233, 247, 286, 288, 377, 380, 456, 475, 515, 566, 572, 584–586, 800, 801
 Субботина С.С. 16, 212, 579
 Суриков И.З. 108, 114
 Суханов М.Д. 114
 Суханов П. 345
 Сухарева А.И. 197
 Сухотин А.М. 269, 298, 332
 Сухотин П.С. 250, 251, 254, 298
 Сухотин С.М. 269, 302, 339, 340, 417, 442
 Сухотина Н.С. 378
- Табидзе Н.А. 82, 146
 Табидзе Т.Т. 146
 Табидзе Т.Ю. 78, 81, 82, 126, 146
 Тагор Р. 376, 453
 Таежный Н. 564
 Тальян Ш.Н. 20, 21, 23, 52
 Тан (Богораз В.Г. [Н.М.]) 82
 Таня, Татьяна см. Есенина Т.С.
 Тарабукин Н.М. 256
 Тарасенко М.С. 23, 42, 50, 62, 63
 Тарасов А.Г. 30
 Тарасов П.П. 162, 243
 Тарасов-Родионов А.И. 7, 306, 599, 601–604
 Тарвель Ж. 22
 Татариновы, семья 330, 417
 Татлин В.Е. 9, 94
 Терновский А.В. 497
 Терновский В.Н. 497
- Терьян В.С. 210
 Тетруева Ю.А. 45, 75, 77–79
 Тимирязев К.А. 592
 Тиньяков А.И. 185
 Тисленко Я.М. 37, 143, 179
 Титов А.Ф. 272, 273, 285, 287, 290–292, 295, 492, 493
 Титов Ф.А. 291, 387, 466, 492–494
 Титова Н.Е. 466, 493, 494
 Титова У.А. 16
 Тихонов А.Н. 210
 Тихонов В. 538
 Тихонов Н.С. 50, 62, 76, 90, 144, 153, 184, 208, 210, 212, 241, 338, 343, 394, 402, 418, 455, 492, 507, 516, 526, 564, 577, 581
 Тициан см. Табидзе Т.Ю.
 Тишков А. 449
 Толлер Э. 9, 94
 Толстая А.Л. 417
 Толстая О.К. 202, 280, 304, 340, 355, 356, 363, 369, 372, 373, 378, 380, 386, 392, 409, 416, 417, 430, 442, 584, 585, 607, 620, 622, 731, 750
 Толстая (Толстая-Есенина) С.А. 5–7, 10, 11, 15, 21, 36, 123, 124, 128, 130, 145–147, 152, 154–157, 160, 181, 184, 187, 195, 200, 202, 204, 209, 217, 221, 223, 246, 250, 253, 254, 262, 267, 269, 275, 277, 278, 280–285, 287, 288, 290, 291, 293–298, 300–309, 311, 312, 315, 316, 320–327, 329, 330, 332–335, 337–343, 346–348, 350, 351, 353, 355, 362, 363, 365, 366, 369, 372, 373, 375, 376, 378–380, 385–387, 392–396, 400, 405–407, 409, 412, 413, 415–417, 423–428, 430–435, 437, 438, 441, 442, 444, 452, 454, 456–458, 463, 464, 471, 474–479, 484–488, 494–496, 504, 505, 508, 509, 511–517, 519–522, 524, 525, 535–537, 540, 543, 549, 550, 554, 555–557, 564–567, 569, 570, 572–575, 579, 580, 583–586, 589, 590, 592–594, 598, 599, 602, 606, 607, 610, 616, 619–624, 662, 701, 708, 715, 722, 731, 748–750, 768, 778, 791–793, 800
 Толстов С. 538
 Толстой А.К. 460–462, 618, 695

- Толстой А.Н. 20, 48, 52, 59, 66, 205, 302, 312, 364, 375, 426, 459, 507
 Толстой И.А. 584, 585
 Толстой И.Л. 417
 Толстой Л.Н. 10, 53, 117, 124, 160, 178, 201, 253, 254, 277, 291, 329, 352, 353, 417, 453, 461, 462, 504, 558
 Том. (псевд.) 77
 Топорков, член лит. кружка при газ. «Бакинский рабочий» 203
 Тренев К.А. 312–314, 443, 515
 Третьяков С.М. 50, 402, 492
 Третьякова О.В. 246, 248
 Трофимов В.И. 216
 Троцкий (Бронштейн) Л.Д. 30, 58, 109, 110, 163, 164, 234, 256, 329–331, 459, 512, 517, 545, 562, 579, 581, 604
 Трусов-Заревой И. 538
 Трэверс Р. 484
 Туманный Д. (Панов Н.Н.) 555
 Тургенев И.С. 53, 558
 Тургенева А.А. 125
 Туринцев А.А. 401
 Турчинский Л.М. 16
 Тынянов Ю.Н. 229, 511
 Тычина П.Г. 421, 523
 Тюленев, транспортный дежурный милиционер 404
 Тюрберг С.А. 378
 Тютчев Ф.И. 469
 Уайт П. 484
 Уваров И.И. 508, 509, 519, 522, 524
 Ульянов, проводник вагона поезда «Баку–Москва» 404
 Урлин К.В. 450
 Усов В. 114, 178, 616, 661
 Устинов Г.Ф. 486, 509, 510, 512, 593
 Устинова Е.А. 508–510
 Ушеренко Ю.А. 298, 619, 708
 Уэллс (Уэльс) Г. 205
 Ф. Р. см. Радванский Ф.
 Файнштейн Л.Ф. 307, 505, 506
 Файнштейн С.Ф. 176, 217, 347, 392, 393, 399, 406, 441, 443, 515, 566, 572, 585, 617, 677
 Фатов Н.Н. 164, 176, 210, 223, 246, 261
 Федин К.А. 260, 418, 490, 554
 Федор Ап.(?), неуст. лицо 154
 Федюхин А.А. 16
 Фербенкс Д. 531
 Филиппов И.Т. 396, 621, 740
 Филипченко И.Г. 123, 493, 494
 Философов Д.В. 214
 Финкель А.М. 397
 Фирдоуси (Фирдуси) А. 36, 117, 118, 171, 184, 249, 478, 551, 616, 661
 Флеровский И.П. 115
 Флобер Г. 205, 398
 Флор (Флор-Есенина) Т.П. 6, 496, 801
 Фокин П.Е. 471
 Фомин С.Д. 130, 233, 259, 285, 591
 Форреггер (Фореггер фон Грейфентурн) Н.М. 166
 Фотинский А.В. 215
 Фрайман, сотр. аппарата НКВД 238
 Франс А. (Тибо Ф.-А.) 214
 Франциск Ассизский 40
 Француз И.А. 157, 617, 671
 Френкель Л.Д. 75
 Фришберг В.Л. 204, 386, 399
 Фрумен С.Б. 471
 Фрунзе М.В. 83, 188, 195, 196, 199, 488, 505, 506
 Фурманов Д.А. 7, 24, 412, 413, 621, 742
 Футурист Я. (псевд.), фельетонист газ. «Рассвет» (Нью-Йорк) 428
 Хавкина Л.Б. 154, 617, 669
 Хахмигери М.Д. 70, 71
 Хвильовой М. (Фитилёв Н.Г.) 523
 Херасков М.М. 268
 Хесин, зам. зав. типографией Азполиграфтреста (Баку) 204
 Хитров Е.М. 335
 Хлебников В.В. 459
 Хлысталов Э.А. 6
 Холаков, служащий Азгосиздата 426
 Ходасевич В.Ф. 53, 62, 143, 166, 185, 209, 343, 379, 380, 391, 394, 426, 444, 582, 583
 Хориков Н.П. 556
 Хосроев А. 34
 Хургин, управляющий житловаршеством (Москва) 356

- Царькова Т.С. 16
 Цветаева М.И. 62, 323, 338, 419, 444, 455, 491, 492, 503, 563, 582, 602, 603, 801
 Цветнов В.И. 297
 Цейтлин Я.Е. 353, 354, 502, 572, 573, 580, 624, 791
 Ценин С.А. 68
 Ценский *см.* Сергеев-Ценский (Сергеев) С.Н.
 Церукавский Н.В. 555
 Цеткин К. 31, 160
 Цетлин М.О. 429
 Цинговатов А.Я. 314, 499, 575, 623, 769
- Чагин (Болдовкин) П.И. 7, 34–36, 43, 54, 61, 81, 87, 89, 100–102, 117, 119, 120, 149, 160, 178, 180, 195, 196, 198, 200, 203, 204, 215–218, 224, 227, 243–245, 249, 295, 298, 304, 305, 312, 327, 330, 334, 347, 348, 355, 365–367, 375–377, 379, 386, 392–395, 399, 400, 405, 439, 514, 515, 519, 553, 554, 616, 620, 621, 623, 624, 662, 718, 736, 770, 784
 Чагина М.А. 218, 399
 Чагина К.Э. 366, 367, 376, 386, 405, 515, 554
 Чагина Р.П. 120, 178, 180, 376, 377, 515, 554
 Чанба С.Я. 70, 71
 Чапек К. 59
 Чапыгин А.П. 212, 364
 Чаренц (Согомонян) Е.А. 139, 617, 666
 Чеботаревская Е.Н. 379, 610, 800
 Чекрыгин Н.Н. 161
 Чекрыгин П.Н. 161
 Чернявский В.С. 198, 224, 296–297, 511
 Чертков В.К. 378, 417
 Черткова А.К. 369, 378
 Чертковы *см.* Чертков В.К. и Черткова А.К.
 Четвериков Б.Д. 447
 Чехов А.П. 53, 143, 201, 205, 208
 Чёрный С. (Гликберг А.М.) 397
 Чихачёв П.В. 265, 266
 Чичерин А.В. 556
 Чужак Н. (Насимович Н.Ф.) 312, 313, 620, 714
- Чуковская Е.Ц. 511
 Чуковский К.И. (Корнейчуков Н.В.) 511
 Чулков Г.И. 555
- Шагал М.З. 9, 94
 Шагинян (Шагинянец) М.С. 582
 Шаляпин Ф.И. 152, 277
 Шаляпина (?), племянница Ф.И.Шаляпина 277, 278
 Шамурин Е.И. 160, 257, 619, 699
 Шанявский А.Л. 466, 493
 Шаповаленко Н.Н. 66
 Шаров (Ефимов) Е.Е. 45
 Шахалов А.Э. *см.* Риттер-Шахалов А.Э.
 Шварц А.И. 343
 Шведов Я.З. 183, 369, 386, 444, 445, 454
 Шебуев Г.Н. 556
 Шевеленко И.А. 801
 Шевченко Т.Г. 91
 Шекинский, нач. Бакинского гор. отдела милиции 392, 393
 Шенгели Г.А. 58, 130, 179, 481, 555, 556, 577
 Шепеленко Д.И. 115, 117, 801
 Шервинский С.В. 536
 Шершеневич В.Г. 38–41, 55, 66, 70, 84, 144, 145, 174, 177, 230, 231, 258, 274, 293, 318, 394, 412, 473, 485, 507, 555, 800
 Шестаков, стихотворец (Самара) 571
 Шёстрём В. 293
 Шипов А. *см.* Розанов И.Н.
 Шигулина Г.И. 163, 171, 183, 194, 203, 223, 230, 240, 243, 392, 799, 802
 Ширяевец (Абрамов) А.В. 37, 56, 59–61, 63, 64, 85, 91, 94, 95, 99, 110, 136, 143, 153, 202, 233, 244, 259, 262, 342, 490, 596, 597
 Шифф Н.Ю. 608, 609
 Шишков В.Я. 53, 459
 Шкапская М.М. 124, 125, 146, 147, 155, 157, 160, 200, 209, 246, 433
 Шкловский В.Б. 62, 100, 207, 214, 215, 285, 350, 351, 530
 Шкулёв Ф.С. 45, 60, 64, 67, 422
 Шмаринова Н. 557
 Шмелев И.С. 53
 Шмерельсон Г.Б. 212, 213
 Шокальский Е. 7, 9, 16, 57

- Шубникова-Гусева Н.И. 6, 7, 9, 15, 16, 21, 29, 42, 46, 47, 55, 60, 74, 88, 89, 124, 127, 128, 165, 209, 222, 256, 283, 285, 287, 289, 298, 320, 328, 341, 380, 447, 505, 507, 521, 584, 799–802
- Шувалов, участковый надзиратель 48-го отд. милиции 486, 487
- Шумихин С.В. 6, 800
- Шумлевич К.Я. 401
- Шумяцкая Л.И. 305
- Шумяцкий Б.З. 304–306
- Шумяцкий Б.Л. 241, 305
- Шура, Шурка *см.* Есенина А.А.
- Шюзевиль Ж. 8, 59, 419, 444, 615, 621, 638, 744
- Щеголев П.Е. 66
- Щербиновская О.С. 125, 146
- Щулепников С. 539, 590
- Эдуард VII 202
- Эйнштейн К. 8, 9, 94
- Эйхенбаум Б.М. 62, 242
- Элленс Ф. (Эрменгем Ф. ван) 9, 94, 420
- Энгельс Ф. 57, 192, 232, 349, 501, 552, 578
- Энди (псевд.) 412
- Эрдман Б.Р. 144
- Эрдман Н.Р. 76, 144, 145, 223, 254, 394
- Эренбург И.Г. 20, 41, 48, 59, 61, 84, 100, 358, 391, 444, 459, 461, 507
- Эркин Е.Д. 90, 153
- Эрлих В.И. 7, 32, 33, 45, 46, 54, 75, 76, 151, 160, 212, 213, 218, 246, 311, 312, 320, 321, 324, 329, 332–335, 341–343, 355, 492, 511, 519, 520, 568, 580, 588, 609, 802
- Эрмансон Е.К. 224, 237
- Эрзя (Нефёдов С.Д.) 216
- Эфрон А.С. 503
- Ю. С. *см.* Соболев Ю.В.
- Юденич Н.Н. 228, 579
- Юзовский Ю. (И.И.) 448
- Юкель Е.Б. 217, 442
- Юрин М.П. 348
- Юрьев К.С. 800
- Юсов Н.Г. 6, 7, 15, 35, 52, 146, 163, 171, 176, 186, 194, 203, 204, 213, 218, 240, 249, 250, 279, 284, 291, 315, 328, 392, 558, 799, 802
- Юшин П.Ф. 5, 611
- Юшкин Ю.Б. 6, 78, 106, 252, 253, 483
- Я.Футурист *см.* Футурист Я.
- Яблоновский (Потресов) С.В. 149
- Яблоновский (Яблоновский-Снадзский) А.А. 60
- Яблонский В.П. 322, 350, 351, 497, 550
- Яковлев, неуст. лицо 298
- Яковлев, сотр. ред. газ. «Бакинский рабочий» 399
- Яковлев (Трифонов-Яковлев) А.С. 52, 414, 448, 459, 559
- Яковлева В.Н. 238
- Якубовский Г.В. 24, 83, 176
- Якулов (Якулян) Г.Б. 42, 76, 144, 159, 166, 257, 309, 321, 515, 522, 523, 608
- Яна *см.* Козловская Я.М.
- Ярославский А.Б. 268
- Ярославский Е. (Губельман М.И.) 61
- Ясный А. (Яновский А.М.) 90, 157, 168
- Яцынова П. 538
- Яшвили П.Д. 78, 82, 146, 241
- Ященко А.С. 461
- Анаcreon 315, 316
- Astico (псевд.) 29
- Ave (псевд.) 537
- В. М. *см.* Матезиус Б.
- Bullen А.Н. 316
- Е. L. G. *см.* Ло Гатто Э.
- К. N. *см.* Новый К.
- Kierpenheuer G. *см.* Кипенхойер Г.
- Lawrence, издатель 315, 316
- Lenský V. 244, 619, 700
- Lo Gatto *см.* Ло Гатто Э.
- McVay G. *см.* Маквей Г.
- Olli (мисс Olli) *см.* Кобцова О.В.
- Piscis (псевд.) 369
- Stanley T. 315, 316
- Vladimír-lenský *см.* Lenský V.
- Vokolek V. 611
- Weguelin J.R. 315, 316.

Содержание

Предисловие.....	5

Летопись

Январь – 23 декабря 1925.....	19

Приложение

Содержание приложения.....	615
Материалы приложения.....	625
Список условных сокращений.....	799
Указатель произведений и книг С.А.Есенина.....	803
Указатель имен.....	811

Научное издание

*Утверждено к печати Ученым советом
Института мировой литературы им. А.М.Горького*

Л 52

Летопись жизни и творчества С.А.Есенина. В пяти томах. Т. 5. Книга 1.
Январь – 23 декабря 1925.

Главный редактор Н.И.Шубникова-Гусева. Составление Н.И.Шубниковой-Гусевой при участии С.И.Субботина и Н.Г.Юсова. Составление разделов А.Н.Захарова, Т.К.Савченко, М.В.Скороходова, Н.М.Солобай. Составление указателей Л.Г.Голубевой, С.А.Сергиной и С.И.Субботина. Научная и общая редакция С.И.Субботина. Ответственный за выпуск М.В.Скороходов. — М.: ИМЛИ РАН, 2013. — 832 с.

ББК 83.3 (Рос-Рус)

Летопись жизни и творчества С.А.Есенина

В пяти томах

Том пятый

Книга 1

Январь – 23 декабря 1925

Редактор *Т.С.Шеханова*

Корректор *М.В.Скороходов*

Изготовление оригинал-макета

Л.В.Владимирской

Подписано к печати 20.10.2013.

Формат 70x100¹/₁₆. Бумага офсетная.

Гарнитура Таймс. Усл.печ.л. 67,08.

Печать офсетная. Печ. 52 л. Тираж 800 экз.

ИМЛИ РАН,

121069, Москва, ул. Поварская, д. 25-а.

Тел.: (495) 690-05-61, 691-23-01

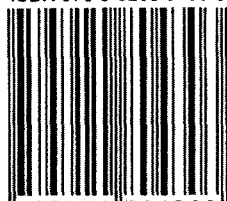
Отпечатано в полном соответствии
с качеством предоставленных диапозитивов

в ППП «Типография «Наука»

121099, Москва, Шубинский пер., 6

Заказ № 4677

ISBN 978-5-9208-0430-3

9 785920 804303

